

Российская ассоциация политической науки (РАПН)
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОИСК

**Материалы
Всероссийской конференции РАПН
с международным участием**

*Москва, 1–2 декабря 2023 г.
РУДН им Патриса Лумумбы, МГИМО МИД России*

Под редакцией
О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой

Москва
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
2023

При поддержке: Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Московского государственного института международных отношений
(Университета) МИД России,
научных журналов: «Политические исследования (Полис)», «Сравнительная политика»,
«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология»,
«Власть», «Политическая наука», «Политическая экспертиза. Политэкс»

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Сопредседатели:

О.В. Гаман-Голутвина, В.М. Филиппов

Заместители председателя:

М.М. Мчедлова, Н.С. Кирабаев, Л.Н. Тимофеева

Члены Организационного комитета:

*Е.А. Антюхова, Е.Я. Арапова, П.А. Докукин, О.Н. Дятлова, Л.Е. Ильичева, Д.Б. Казаринова,
А.П. Клемешев, П.С. Копылова, А.И. Никитин, С.В. Патрушев, И.А. Помигуев,
Г.Т. Сардарян, А.В. Соколов, В.А. Цвык, М.А. Черняк, В.Л. Шаповалов,
М.Н. Шестакова (ответственный секретарь)*

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ:

Председатель – *М.М. Мчедлова*

Заместитель председателя – *О.В. Попова*

Члены Программного комитета:

*Е.В. Бродовская, А.В. Глухова, Н.Н. Козлова, А.Е. Коньков, К.С. Кондратенко,
М.М. Лебедева, В.Г. Ледаев, О.Ю. Малинова, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова,
Л.И. Никовская, О.Г. Овчарова, В.Ф. Пеньков, В.Л. Римский, Т.Б. Рябова,
И.С. Семененко, Л.В. Сморгун, А.И. Соловьев, С.В. Чугров,
Л.А. Фадеева, О.Ф. Шабров, Е.Б. Шестопал*

Составитель сборника – *В.В. Ташиева*

П50 **Политическая наука в меняющемся мире : новые практики и теоретический поиск** : материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, РУДН, МГИМО МИД России, 1–2 декабря 2023 г. / под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, М. М. Мчедловой, Л. Н. Тимофеевой. – Москва : РУДН, 2023. – 705 с.

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской конференции РАПН с международным участием «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск». Для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России и мира.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	16
<i>Абгаджавва Д.А., Стребков А.И.</i> Риски симуляции политического единства.....	18
<i>Абдулай М.А.</i> Сотрудничество России и стран Африки в области борьбы с терроризмом.....	19
<i>Абдуллаев Ш.И.</i> Политические аспекты процесса интеграции мусульман-иммигрантов в Европе (на примере Италии)	20
<i>Аванесова Е.Г.</i> Проблема соотношения христианства и национализма.....	21
<i>Авджу Х.</i> «Мягкая сила» как основа современных турецко-российских отношений.....	23
<i>Авзалова Э.И.</i> Условия и формы политического участия в сети интернет.....	24
<i>Агабекян Р.К.</i> Дискурсивные поля в популярных политических Телеграм-каналах в период СВО.....	26
<i>Агаева А.Н.</i> Политическая коммуникация как необходимость в процессе социализации человека.....	27
<i>Акопова Т.С.</i> Цифровизация избирательного процесса: новые возможности.....	28
<i>Аксенова Г.В.</i> Особенности государственного служения В.Н. Хитрово (1834-1903)	29
<i>Алейников А.В., Мальцева Д.А.</i> Рефлексивное управление «новыми» рисками: трансформация публичной политики и социальной солидарности.....	30
<i>Алексеев Д.О.</i> Роль высшего руководства КНР во внешней политике в отношении Тайваня в 2002-2022 гг.	32
<i>Алексеева Л.В.</i> Формирование политической грамотности на уроках обществознания в школе.....	33
<i>Алексенко Д.А., Азизова Л.Т.</i> Анализ контента социальных сетей высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в ходе электорального цикла 2023 года.....	34
<i>Алешин А.А.</i> Потенциал тектологии А.А. Богданова в исследовании международных отношений.....	35
<i>Андрианов В.В.</i> Деглобализация мировой энергетики: политические вызовы и задачи для России.....	36
<i>Аничкина А.В.</i> Цифровизация как тенденция развития современного общества: определение и основные направления.....	38
<i>Антипов А.А.</i> Взаимосвязь цифрового суверенитета и национальной безопасности и их перспектива.....	39
<i>Апанович М.Ю.</i> Измерение роли социальных норм в миграции и выборе образовательной траектории... ..	40
<i>Ариас Самбрано С.В.</i> Латинской Америке нужны пространства для развития собственных философских и политических концепций.....	42
<i>Арсентьева И.И.</i> Региональное измерение китайской инициативы в сфере глобальной безопасности (на примере Латинской Америки и Карибского бассейна).....	43
<i>Артеев С.П.</i> Российская парадипломатия в условиях международно-политического кризиса.....	44
<i>Арутюнов А.Г.</i> Крещены как фактор региональной и межрегиональной политики субъектов России.....	45
<i>Аствацатуров А.А.</i> Факторы электорального раскола современной Польши.....	47
<i>Аствацатурова М.А.</i> Понимающая, объясняющая и оптимизирующая этнополитика в меняющемся мире: новые необходимые практики.....	48
<i>Ахунзянова Ф.Т.</i> К вопросу о проблемах онлайн-диалога между властью и обществом.....	51
<i>Ачкасов В.А.</i> Право на самоопределение и проблема соотношения между границами государства и границами наций.....	52
<i>Бабаджанян П.А., Исаева Е.А.</i> Причины уклонения студентов от групповой учебной деятельности.....	53
<i>Банина Я.В.</i> Из глубины веков: взгляд аль-Фараби на проблему экономического неравенства.....	54
<i>Баранов А.В.</i> Сложносоставной конфликт в Донбассе: факторы и динамика.....	55
<i>Баранов Н.А.</i> Ценностные основания российского суверенитета в деглобализирующемся мире.....	57
<i>Баскакова Т.В.</i> Отражение проблемы политической социализации школьников в образовательной государственной политике.....	58
<i>Баимаков И.С.</i> Неотрадиционализм как новый концепт политической науки.....	59
<i>Беденкова А.С.</i> Метавселенная как новое публичное пространство развития взаимодействия государства и граждан.....	61
<i>Белолова Е.Е.</i> Работа с понятиями как основа формирования политических знаний учащихся.....	62
<i>Белоконов С.Ю., Алексеенко Д.А.</i> Политико-экономическое измерение влияния ведущих государств на африканский континент: подходы и финансово-экономические модели.....	63
<i>Белоус В.Г.</i> Гражданин как пользователь: юзер или программист? (о некоторых социально-политических последствиях цифровизации)	65
<i>Берёзкина Е.Ю.</i> Самопрезентация итальянских правопопулистских политических партий: от национализма к умеренному евроскептицизму.....	66
<i>Берлов А.А.</i> Фактор внутрипартийной дисциплины при голосованиях по кандидатуре главы правительства РФ в 1990-годах	67
<i>Беспалов С.В.</i> Основные характеристики взаимодействия органов государственного управления и предпринимательского сообщества в России: диахронный анализ.....	68

<i>Богачева С.Д., Алексеенко Д.А.</i> Анализ контента социальных сетей кандидатов на пост мэра Москвы в ходе электорального цикла 2023 года.....	69
<i>Богин С.В.</i> Влияние троцкизма на философско-политическое пространство США.....	70
<i>Боговик В.Д.</i> Система административных структур глобального управления миграцией.....	71
<i>Болгов Р.В.</i> Эффекты электронного участия: предварительные результаты библиометрического анализа.....	73
<i>Большаков А.Г., Храмова Е.В.</i> Новая редакция российской парадипломатии: регионы и города государства-цивилизации в реализации внешней политики (на примере Республики Татарстан).....	75
<i>Борейко А.В.</i> Тектология А.А. Богданова и мир-системный анализ в ТМО.....	76
<i>Бориско О.А.</i> Приоритетные направления молодежной политики в оценках молодежи и экспертов (на материалах Краснодарского края)	77
<i>Борисов Н.А.</i> Конституционные реформы как основание трансформации режимов личной власти: случаи постсоветских государств.....	79
<i>Борисова Н.В.</i> Обеспечение территориальной целостности Хорватии: факторы успеха институциональных решений для ограничения сепаратизма.....	80
<i>Боршитолец К.П.</i> Актуальные новации в международной деятельности городов и внутригосударственных регионов.....	81
<i>Боронин А.Р.</i> «Служение» как аксиологическое основание российской государственности.....	83
<i>Боюн А.Б.</i> К вопросу об операционализации публичной дипломатии.....	84
<i>Брайнес А.А.</i> Ценностно-мировоззренческое самоопределение российской молодежи: образовательные и воспитательные аспекты.....	85
<i>Брега А.В.</i> Сети и будущее: методологические возможности интеграции сетевого и форсайт подходов... ..	86
<i>Брега Г.В.</i> Совместное влияние СМИ и социальных сетей на политические взгляды и предпочтения.....	88
<i>Бугаев Ф.Н.</i> Внутреннее измерение публичной дипломатии: политический оксюморон или «новая нормальность»?	90
<i>Бугайчук Т.В.</i> Государственная политика идентичности: новые реалии.....	92
<i>Будко Д.А.</i> Государство и цифровизация: риски, вызовы и новые практики (на примере Российской Федерации)	93
<i>Бужин О.А.</i> Русская идентичность в контексте российского государства-цивилизации.....	94
<i>Бурлинова Н.В.</i> Соотношение понятий «мягкая сила» и «публичная дипломатия» в российском общественно-политическом и экспертном дискурсе.....	95
<i>Буров А.С.</i> Реализация российской национальной политики как инструмент защиты государственного суверенитета.....	96
<i>Бурчалкина А.М.</i> Цифровой суверенитет как основа безопасности государства в Российской Федерации.....	98
<i>Бутенко В.</i> Управление миграцией: теоретическое осмысление и европейский контекст.....	99
<i>Быстрых Э.Н.</i> Национальная безопасность и цифровой суверенитет. Есть связь?	100
<i>Бычкова Г.Е.</i> Влияние информационной войны и СМИ на конфликт в Донбассе.....	101
<i>Вайсберг А.С., Сунгуров А.Ю.</i> Цифровые государственные сервисы Санкт-Петербурга и их восприятие гражданами активистами.....	102
<i>Ватиль В.Н.</i> Манипулирование исторической памятью как угроза гуманитарной безопасности Республики Беларусь.....	104
<i>Веретевская А.В.</i> О структуре политической идентичности современного государства.....	106
<i>Возмитель И.А.</i> «Мягкая сила» как актуальный инструмент внешней политики России в 2023 году.....	107
<i>Волостнов И.К.</i> Подходы к пониманию понятия национализма в политической науке.....	08
<i>Воржецов А.Г.</i> Россия как пограничная цивилизация.....	109
<i>Воронин В.Е.</i> Министерство внутренних дел в системе высших органов исполнительной власти Российской Империи пореформенного периода (вторая половина XIX в.)	110
<i>Воронин Т.В., Чигаева И.И.</i> Мировой порядок XXI века: вызовы и возможности.....	111
<i>Востриков Г.В.</i> Социальные сети и политический активизм: влияние дигитализации на коммуникацию в политике.....	113
<i>Габайдулин Р.В.</i> Госпаблики как инструмент коммуникации власти и граждан.....	114
<i>Габдуллина А.А.</i> Манипуляции в политике: методы и эффективность.....	115
<i>Габриелян О.А., Гаспарян М.В.</i> Образ героя в современном российском медиапространстве: состояние и перспективы исследования.....	116
<i>Гаврилова М.В.</i> Отечественные словари языка политики: современное состояние политической лексикографии.....	117
<i>Гадалин Д.Ю.</i> Спортивная дипломатия России: перспективы усиления взаимодействия с БРИКС.....	119
<i>Гайнутдинова Л.А.</i> Гражданское общество новой России: методология и подходы.....	120
<i>Гаман-Голутвина О.В.</i> Многообразие регионализмов как маркер полиаспектности процессов регионализации.....	121

<i>Гандалоева М.Т.</i> Пандемия как фактор усиления роли социальных медиа в электоральном процессе.....	123
<i>Гаспарян Л.С.</i> Визуальные образы в современной политической практике.....	124
<i>Герчик Ю.В.</i> Роль национальных и зарубежных СМИ в формировании образа РФ в условиях информационной войны.....	126
<i>Гладков А.К.</i> Социальное воображаемое и развитие политического знания в средневековой Западной Европе.....	127
<i>Глинчикова А.Г.</i> Возможен ли «новый космополитизм»? Хабермас vs Деррида.....	128
<i>Глухова А.В.</i> Популисты между демократией и автократией.....	129
<i>Глушкова С.И.</i> Права человека в меняющемся мире: основные тенденции и направления развития.....	131
<i>Гнедаш А.А.</i> Формирование политического контента кандидатами на пост главы субъекта РФ в ходе предвыборных кампаний в регионах России в 2022 г.: анализ репрезентаций пола и власти.....	132
<i>Головин Ю.А.</i> Политические сети: сущность и типология.....	134
<i>Головина А.А.</i> Проблемы социальной политики в программах политических партий РФ (на материалах предвыборной программы ЛДПР)	135
<i>Голомазова Ж.М.</i> Роль критического мышления в формировании политической культуры школьников... ..	137
<i>Гончаров М.Д.</i> Определение модели взаимодействия региональных органов власти и этнических общественных организаций в Республике Хакасия.....	138
<i>Горин Д.Г.</i> Кризис универсализма и темпоральные основания власти после постмодерна.....	139
<i>Горлов К.Н.</i> Взаимодействие общества и власти в процессе формирования образа будущего города Мичуринска-наукограда РФ.....	140
<i>Горохов А.А.</i> Ценностные основания российской государственной политики: исторический аспект.....	142
<i>Горайнова А.М.</i> Отношения «центр-регион» в Германии.....	143
<i>Граховац Н.</i> Влияние изменения геополитической ситуации на создание многополярного мира и политическая социализация школьников.....	145
<i>Гребенко Е.Д.</i> Уклонение студенчества от учебной активности.....	146
<i>Гребенникова Е.И.</i> Стратегии развития экономик аравийских монархий: пример Султаната Оман.....	147
<i>Григорьевский В.В.</i> Киберполитика как предметное поле политической науки в условиях глобальной цифровизации.....	148
<i>Гришин Н.В., Попова О.В.</i> Государственная политика идентичности в исследованиях современных российских ученых.....	150
<i>Гуменюк М.С.</i> Проект «умный город» как способ формирования института электронного участия граждан: риски и барьеры внедрения.....	151
<i>Гуреев Д.В.</i> Роль многополярного мира в справедливой глобализации международных отношений.....	153
<i>Гусаров А.С.</i> Значение экспертов в построении государственной научно-технической политики РФ.....	154
<i>Гусев К.А.</i> Конституционализм как предпосылка формирования гражданского общества: специфика отечественной либеральной традиции.....	155
<i>Гуторов В.А.</i> Глобальная справедливость: новая утопия или политическая реальность?	157
<i>Давыдова М.А.</i> Протестная мобилизация граждан в социальных медиа в процессе электоральной кампании 2023 г.	158
<i>Давыдова М.А.</i> Влияние продвижения Китаем своих экономических интересов на политическую динамику стран Центральной Азии.....	159
<i>Данилова Е.А.</i> Формирование стратегии государственного позиционирования России в условиях нового миропорядка.....	160
<i>Двойненко М.О.</i> Дискурсивный конструкт месседжа в агитационно-пропагандистских материалах.....	162
<i>Девочкина А.С.</i> Государственная молодежная политика в системе рекрутирования политических лидеров (на материалах исследования)	163
<i>Дегтярёв А.А.</i> О месте корпоративного лоббирования в системе отраслевого лоббизма.....	165
<i>Денисов А.Е.</i> СМИ и гражданское общество: между «закреплением» и влиянием (на примере крышенской газеты «Туганайлар»)	167
<i>Дергачева В.Е.</i> Роль гражданского общества в формировании «монументальной» политики США относительно вьетнамской войны.....	168
<i>Дергунова Н.В.</i> Региональная идентичность как фактор формирования поведенческих установок школьной молодежи.....	169
<i>Дерендяева А.Д.</i> Новая тюркская идентичность: ключевые символические стратегии и практики конструирования.....	171
<i>Дибас О.А.</i> Место и роль Донбасса в современных геополитических условиях.....	172
<i>Дмитриева В.Д.</i> Европейские университеты и церковь: где готовят католическую элиту?	174
<i>Долженкова Е., Мохорова А.Ю.</i> От секьюритизации русскоязычного населения до нарушения прав человека – социально-политическая ситуация в Латвии.....	175

<i>Домбровская А.Ю.</i> Когнитивная карта интеграционного контента в социально-медийных сегментах ЛДНР в 2022–2023 годах.....	176
<i>Дубов К.М.</i> Политический нигилизм: проблемы концептуализации понятия.....	178
<i>Дубровин В.Ю., Краснова М.Р.</i> Имидж женщин политиков в период предвыборной кампании в США и Великобритании.....	179
<i>Дука А.В.</i> Суверенность элит vs суверенитет государства.....	181
<i>Дунамалян Н.А.</i> Особенности политики памяти в современной Армении в контексте поствоенных реалий.....	182
<i>Дутов Т.С.</i> Динамика движения за самоопределение Каталонии в постфранкистский период.....	183
<i>Дьякова Л.В.</i> Государство и общество в современной Латинской Америке: подходы иberoамериканских политологов.....	184
<i>Евгеньева Т.В.</i> Традиционные ценности российской культуры и их репрезентация в сознании современной молодежи.....	186
<i>Евдокимов Н.А.</i> Трансформация партийной повестки на региональных выборах 2023 года.....	187
<i>Евстифеев Р.В.</i> Концепт «страна-цивилизация» в политическом дискурсе: историко-эволюционный аспект.....	188
<i>Евтушенко А.В., Фоминых А.Е.</i> От побратимства городов к «парадипломатии макрорегионов»: поиск новых форм российско-китайского сотрудничества.....	189
<i>Егупов А.В.</i> Профессиональное развитие гражданских служащих Краснодарского края в условиях цифровизации.....	191
<i>Жаде З.А.</i> 100-летие государственности региона как инструмент политики идентичности: опыт Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.....	192
<i>Жуйкова Е.И.</i> Малые страны – нетипичные участники международных отношений. Опыт Венгрии.....	194
<i>Завершинский К.Ф.</i> Стратегические нарративы в теории и практике современного политического позиционирования.....	195
<i>Завирюхин Д.В.</i> Образ желаемой России: целеполагание элиты и интересы общества.....	196
<i>Зазнаев О.И.</i> Парламентаризм в современном мире: системные неполадки или «перереформирование»?.....	198
<i>Зайцев А.В.</i> К вопросу о ведущих трендах цифровой трансформации российской публичной сферы: от офлайн коммуникаций к онлайн-диалогу власти и общества.....	199
<i>Зайцев С.Ю.</i> Место транснациональных корпораций в условиях меняющегося миропорядка.....	201
<i>Закутняя В.В.</i> Роль мессенджера Telegram в политической коммуникации.....	202
<i>Зарипова А.Р., Закиров А.Р.</i> Институционализация региональных практик делиберации в Бельгии.....	203
<i>Засыпкина А.Н.</i> Особенности политической коммуникации президента Сальвадора Найиба Букеле.....	205
<i>Захаров А.А.</i> Концепция Ханны Арендт homo politicus как механизм консолидации общества.....	206
<i>Захарова Е.А.</i> Роль семьи в восприятии традиционных ценностей российскими студентами.....	207
<i>Зверев А.Л.</i> Личностные характеристики глав российских регионов в изменяющихся условиях современных политических реалий.....	209
<i>Зверева М.В.</i> Факторы электорального поведения жителей Республики Марий Эл на выборах в 2022 году.....	210
<i>Зверева М.С.</i> Управление кризисной ситуацией в учениях французских утопических социалистов XIX века.....	211
<i>Зенков А.Р.</i> Самореализация и развитие молодежи в контексте вызовов политической социализации.....	213
<i>Зиновьев А.О.</i> Биологизм или кантианство в интерпретации публичной сферы.....	214
<i>Знаменский Д.Ю.</i> Современная государственная научно-техническая политика в зеркале посланий президента РФ Федеральному Собранию.....	215
<i>Золотарев Ф.Е.</i> Преодолевая шок: международные связи Санкт-Петербурга в 2021 и 2022 годах.....	216
<i>Зотов В.С.</i> Необходимость совершенствования политико-правовой регламентации международной деятельности регионов Российской Федерации.....	218
<i>Зубов В.В.</i> Консерватизм как базовая ценность российского общества в контексте негативного опыта Германии.....	219
<i>Зуляр Ю.А.</i> Роль и функции регионального центра в российском политическом процессе.....	220
<i>Зюзина Е.Б.</i> Сетевое политическое участие в современной России: основные инструменты, проблемы и перспективы.....	221
<i>Ибрагимов Ф.Э.</i> Особенности и перспективы развития взаимоотношений Исламской Республики Иран с Германией и Францией.....	223
<i>Ивашкин К.А.</i> Геополитические интересы России в арктическом регионе. Действия РФ в арктическом совете: один против всех.....	225
<i>Игнатьева О.А.</i> Роль сетевых сообществ в трансверсальной политике социализации молодежи.....	226
<i>Игонин Д.И.</i> Экспертные оценки миграционной политики в Республике Татарстан.....	227

<i>Ильинова Н.А.</i> Брендинг регионов как ресурс национальной идентичности.....	229
<i>Ильичева Л.Е., Ильичев М.В.</i> Проблемы формирования новой модели муниципального управления в современной России.....	230
<i>Ильичева М.В., Паршина Е.В.</i> Образ будущего страны как политическая цель, консолидирующая российское общество.....	232
<i>Иохим А.Н.</i> Цифровой суверенитет как фактор укрепления российской национальной идентичности.....	233
<i>Исаев Б.А.</i> Исторические условия, идеологические и социальные основы зарождения политических партий в России.....	234
<i>Исаева Е.А.</i> Территориальное общественное самоуправление: нормативно закрепленные инструменты поддержки.....	236
<i>Казак О.Г.</i> Проблематика Закарпатья в дискурсе венгерского ультраправого движения «Наше отечество».....	238
<i>Казаков А.А.</i> Влияние медийных предпочтений на отношение молодежи к СВО.....	239
<i>Казаринова А.М.</i> Промышленный суверенитет и стратегические коммуникации государства и бизнеса: кейс проекта «Ресурсы Роста».....	240
<i>Казаринова Д.Б.</i> Понятие гражданственности в конкурентном предметном поле.....	242
<i>Калачева Е.С.</i> Спичрайтинг в системе политической коммуникации президентов США в контексте национальной политической культуры.....	243
<i>Калашиникова С.К., Погодина М.Я.</i> Концепция политической идентичности: сравнительный анализ дискурса российской власти в 2013 и 2023 годах.....	245
<i>Калямина Д.А.</i> Делиберативная демократия в сетевом контексте.....	246
<i>Каминченко Д.И., Комаров И.Д., Горбунова М.Л.</i> Содержательные компоненты биополитики в условиях цифрового общества.....	247
<i>Камкин А.К.</i> Трансформация политической идентичности у европейских правых: от статической к динамической идентичности.....	249
<i>Кандыба Р.А.</i> Длительность представительства партий в Государственной Думе.....	250
<i>Каневский П.С.</i> Продвижение интересов российских бизнес-групп за рубежом в условиях международных рисков.....	252
<i>Кашин Е.А.</i> Формирование нового политического проекта России в нестабильных геополитических условиях.....	253
<i>Кечик У.А.</i> Стабильность государства: появление новых и переосмысление классических факторов влияния.....	254
<i>Кирдяшкин И.В.</i> «Преодоление» закрытости современной политической социализации: познавательные ассамблежи.....	256
<i>Киреева И.В.</i> Региональная идентичность в исследованиях брендинга территорий.....	257
<i>Киричук Д.А.</i> Формирование единого ценностно-смыслового пространства в условиях цифровизации: вызовы и перспективы.....	258
<i>Киселева Д.А., Сунгуров А.Ю.</i> Разнообразное гражданское общество в России.....	260
<i>Киященко Д.А.</i> Значение Черноморского региона в контексте экономической стабильности и стратегической безопасности Российской Федерации.....	261
<i>Клемешев А.П., Ворожеина Я.А., Михайлов А.А., Ростовцев Н.Г.</i> OSINT как инструмент прикладного политологического исследования.....	262
<i>Клещенко Л.Л.</i> Возрастные стереотипы в электоральном дискурсе (на примере Бразилии и Чили).....	264
<i>Коваленко В.Д.</i> Современный православный консерватизм и политика: систематизация подходов к осмыслению и проблема определения в современной науке.....	265
<i>Коваленко В.И.</i> Ценностные измерения категориального аппарата отечественной политологии.....	266
<i>Козинцев А.С.</i> Исламский компонент политической легитимности в режимах соревновательного авторитаризма: случай Египта.....	267
<i>Козлов Н.А.</i> К вопросу идентификации и операционализации политических связей российских банков... ..	268
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Национальные стратегии действий в интересах женщин 2017–2022 / 2023–2030 как механизм реализации гендерной политики в современной России.....	270
<i>Козьякова Н.С.</i> Формирование политической повестки дня в европейских коалиционных правительствах: электоральные итоги.....	271
<i>Колозов Д.П.</i> Ценностная консолидация российской молодежи: опыт анализа публичного дискурса и технологий.....	273
<i>Колчин П.А.</i> Формирование общероссийской гражданской идентичности в контексте СВО в 2022–2023 гг.	274
<i>Кольхалов М.И.</i> Международные связи городов в условиях трансформации мировой политики.....	275
<i>Кольба А. И.</i> Общественные пространства как объекты оспаривания и площадки взаимодействия в городском конфликте.....	276

<i>Кондратенко К.С.</i> Трансверсальность как условие убеждающей рациональной коммуникации в сетевой политической социализации российской молодежи.....	278
<i>Коньков А.Е.</i> Соотношение и размежевание публичной дипломатии и мягкой силы в латентной сфере современной политики.....	279
<i>Копейкина П.С.</i> Политическое представительство национальных меньшинств в России.....	281
<i>Копылова П.С.</i> Специфика эпистемических сообществ как акторов политического процесса.....	282
<i>Коргунок Ю.Г.</i> Проект «актуальная политическая повестка России в межпартийной дискуссии».....	283
<i>Короткова А.В.</i> «Устойчивая система» А. Богданова и «живая культура» К. Лоренца.....	284
<i>Корюшкин А.И.</i> «Новая политическая наука» в США: история и современность.....	286
<i>Коряковцева О.А.</i> Формирование гражданской позиции личности: роль власти.....	287
<i>Косыгина К.Е.</i> Местные сообщества в развитии крупных и малых городов: особенности, барьеры, механизмы.....	288
<i>Кочетков А.П.</i> Основные подходы к внутренней и внешней политике России в условиях новой политической реальности.....	289
<i>Кошкин А.В.</i> Методология политической экономии как инструмент исследования в политической науке.....	291
<i>Крайнов С.К.</i> Цифровой суверенитет: дорога российских приложений.....	292
<i>Красавин Д.В.</i> Теория секьюритизации в объяснении особенностей санкционных режимов: на примере санкций в отношении космической программы Ирана.....	293
<i>Краснопёров А.Ю.</i> Информационная открытость официальных интернет-ресурсов органов муниципальной власти РФ.....	294
<i>Кречуняк Г.А.</i> Теории суверенитета с точки зрения практики их применения.....	296
<i>Кротков В.О.</i> Цифровой суверенитет – актуальное состояние.....	297
<i>Крымова К.М.</i> Глубокая медиатизация: вызовы для политического процесса.....	299
<i>Кудряшова И.В.</i> Имперские фронтиры в национальном государстве.....	300
<i>Кузина С.И.</i> Электоральная демократия как политическая идеология и практика в современной России.....	301
<i>Кузнецов Д.А.</i> Парадипломатия в Латинской Америке: кейс Mercociudades.....	303
<i>Кузнецова Е.В.</i> Развитие народной дипломатии ДНР в современных условиях.....	304
<i>Кузьменко Н.П.</i> Политическое образование российской молодежи в новой геополитической реальности: содержание, технологии и перспективы.....	306
<i>Кузьмина А.М.</i> Цифровые медиакоммуникации в формировании гражданской идентичности.....	307
<i>Куква Е.С.</i> Брендинг северокавказских регионов: конструируя между прошлым и будущим.....	308
<i>Кулдашев Т.Б.</i> Усиление роли общественных объединений в улучшении деловой среды и организации научно-технических коммуникаций между Россией и Таджикистаном.....	309
<i>Курило И.Д.</i> Адаптация российской системы ценностей к вызовам деглобализирующегося мира: сохранение суверенитета и национальной идентичности.....	311
<i>Курочкин А.В.</i> Гражданское участие как фактор эффективности системы политического управления в условиях цифровой трансформации.....	312
<i>Курюкин А.Н.</i> Индустрия 4.0: технологическая утопия, источник возможностей или генератор неравенств.....	313
<i>Лагузова М.А.</i> К вопросу о реализации концепции социального государства в современной России.....	315
<i>Латин А.В.</i> Ценностные ориентации граждан в ракурсе регионального образа будущего.....	316
<i>Лапкин В.В.</i> Политические пространства и территории как их режимные сегменты (идентитарный аспект).....	318
<i>Латишаков Г.С.</i> Региональная идентичность Окинавы в контексте исторической политики Японии.....	319
<i>Лебедева М.М.</i> Тенденции в развитии международной деятельности субнациональных территорий в XXI веке.....	320
<i>Лебедева М.М., Зиновьева Е.С.</i> Методы нейронауки при изучении международных переговоров.....	321
<i>Левченко Д.О.</i> Гражданская солидарность: теоретические подходы и объяснительная модель исследования.....	322
<i>Легостаев И.А.</i> Историческая память в современной России: формирование и стратегическое значение.....	324
<i>Ледеев В.Г.</i> Концептуальный анализ власти: современные тенденции.....	325
<i>Леонтьева О.В.</i> Идентичность населения малых стран в условиях глобальных и региональных вызовов (на примере Приднестровья).....	326
<i>Лесюк М.И.</i> Миропорядок и уроки истории.....	327
<i>Линде А.Н.</i> Понятие «коммунитас» в подходах М. Бубера, Н.А. Бердяева, В. Тёрнера как альтернативы структурной социально-политической организации общества.....	329
<i>Литвин Л.А.</i> Баланс сил в международных отношениях и его значение для геополитического пространства Донбасса.....	330
<i>Лифанов И.С.</i> Проблемы политической самоидентификации в реалиях информационного общества.....	332

<i>Лиханова Т.Ю.</i> Трансформационные процессы в сфере культуры: ценностный аспект.....	333
<i>Лукьянова Г.В.</i> Особенности формирования политической повестки дня в мессенджере Telegram.....	334
<i>Лю Ц.</i> Теоретический подход к исследованию глобального управления: взгляд из китайской школы ТМО «Теория отношений»	335
<i>Мажников В.И.</i> Незавершенность русской революции в свете теории модернизации.....	337
<i>Максименко А.А., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Вахрушева А.В.</i> Кто ближе к народу? Сетевой дискурс мэра vs сетевой дискурс губернатора.....	338
<i>Макушина Л.В.</i> Кадровая политика как инструмент достижения технологического суверенитета страны.....	340
<i>Малешевич А.В.</i> Радикальный центризм и смещение идеологического центра вправо.....	341
<i>Малинова О.Ю.</i> Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису: анализ дискурсов российских СМИ.....	342
<i>Мальшиева Е.М.</i> Трансформация традиционных политических практик в современной антироссийской информационной войне.....	343
<i>Мальшиева Г.А.</i> О суверенитете России в цифровую эпоху.....	344
<i>Мальшиева О.П.</i> Сетевое моделирование информационного потенциала социально-политических акторов.....	346
<i>Мальцева Д.А., Федотов Д.А.</i> Трансформация коммуникаций российской молодежи поколения Z под воздействием интенсивного внедрения игровых технологий.....	347
<i>Марача В.Г.</i> Консервация неопатримониализма или переход к обновленной мобилизационной системе? (два сценария будущего развития России)	349
<i>Маркосян А.А.</i> Армения на перепутье: геополитический клубок Закавказья.....	350
<i>Мартынов М.Е., Хайруллин Д.Р.</i> Региональные СМИ как инструмент формирования образа мэра (на примере мэра г. Казани И.Р. Метшина)	352
<i>Мартынов Д.С., Лукьянова Г.В.</i> Кросс-сетевой подход к исследованию цифрового империализма.....	353
<i>Маслова К.В.</i> Тренд на цифровизацию культурной дипломатии: возможности для России.....	354
<i>Матафонова Ю.А.</i> Трансформация регионального коммуникативного пространства в условиях новых вызовов (на примере кейса Забайкальского края)	356
<i>Матвеева Е.В., Алагоз А.В.</i> Медиаграмотность как медиаресурс оценки аккаунтов региональных политиков (на материалах регионального исследования)	357
<i>Матюнков Е.С.</i> Особенности исследования роли системы образования в формировании национальной идентичности: крымский кейс.....	359
<i>Матюхова Е.И.</i> Интеграция мигрантов в Германии в контексте многоуровневого управления: возможности гражданского общества.....	360
<i>Мафуанг С.</i> Реализм после специальной военной операции на Украине.....	361
<i>Махмутова Е.В.</i> Влияние политической самоидентификации школьников на характер их политических предпочтений и политическое поведение.....	363
<i>Мелоян А.О.</i> Пути разрешения палестино-израильского конфликта: позиция палестинской молодежи	364
<i>Милокост Л.С.</i> Президентство М. Саакашвили: проблемы грузино-российских отношений.....	366
<i>Милькова А.А.</i> Особенности стратегического планирования Китая в современной Европе.....	367
<i>Миляева О.С.</i> Политическая цифровизация в эпоху доминирования интернета: опыт Германии.....	369
<i>Мирзаджанов Т.Э.</i> Институциональная эрозия, медиа реформа и партийные нарративы как средства подчинения СМИ популистскому дискурсу: результаты правления «права и справедливости» в Польше.....	370
<i>Мирошниченко И.В.</i> Комплекс нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий: основные характеристики и эмпирические модели.....	372
<i>Митрахович С.П.</i> Price Cap на российские углеводороды и международная энергетическая безопасность.....	373
<i>Митрофанова А.В.</i> Социальная деятельность православных НКО в условиях кризиса социального государства.....	374
<i>Михайленок О.М.</i> Сетевая теория: альтернативное понимание социального и политического.....	376
<i>Михайловская О.Г.</i> Современные парадоксы геополитики в постмодернистской парадигме.....	377
<i>Мищенко Я.А.</i> Особенности политической культуры Франции.....	379
<i>Моисеева Д.Э.</i> Применение организационной теории Александра Богданова для объяснения процессов (дез)интеграции европейского союза.....	380
<i>Морозова Е.В.</i> «Чёрное зеркало» политики идентичности.....	381
<i>Морозова О.С.</i> Выборы после пандемии: изменение избирательных стандартов.....	383
<i>Морозова С.С., Смирнова Ю.Г.</i> Цифровая эволюция и повышение качества жизни граждан: теоретические основы и актуальные тенденции.....	384
<i>Мурашов Р. Ю.</i> Государственная политика пространственного развития: современный взгляд на стратегическое планирование развития регионов Сибири.....	385

<i>Мусина Р.И.</i> Проблема формирования образа героя-современника у российской молодежи.....	387
<i>Мухамбеткалиева Г.М.</i> Принципы целей устойчивого развития как инструмент современной городской политики.....	388
<i>Мухортов Д.С.</i> Идеальные и реальные представления студенческой молодежи об институте семьи и брака.....	389
<i>Мчедлова М.М.</i> Политические смыслы цивилизационной парадигмы.....	391
<i>Назаренко А.В.</i> Сеть отношений и политическое: источник, способ, среда.....	392
<i>Назаретян Д.Г.</i> Территориальные автономии в унитарных государствах на постсоветском пространстве: сравнение статуса и роли полномочий.....	393
<i>Назарова М.С.</i> Конструирование имиджа города с помощью технологии фрейминга.....	395
<i>Настягин И.М.</i> К вопросу о дефиниции и сущности политического конфликта.....	396
<i>Науменко А.С.</i> Продвижение внешнеполитических и внешнеэкономических интересов России в АТР....	398
<i>Небоженко А.В.</i> Наследие Громыко: опыт стратегической защиты принципа государственного суверенитета в условиях глобализации.....	399
<i>Неверов К.А.</i> Устойчивое развитие и управляемость в стабильных политических системах.....	400
<i>Недяк И.Л.</i> Ресурсы стратегий институциональных трансформаций в социальных установках россиян: опора на собственные силы или активное использование опыта других стран.....	401
<i>Некlessа А.И.</i> Эволюция антропокосмоса. Методологические, исторические и прогностические аспекты.....	403
<i>Нечаев Д.Н., Леонова О.В.</i> Политические экстерналии: к вопросу о парадигмальной теории отрицательных эффектов демократического участия граждан России.....	404
<i>Нечаева В.С.</i> Феномен парадипломатии на примере Иркутской области.....	405
<i>Никипорец-Такигава Г.Ю.</i> Регионоведение среди политических наук: вопросы институционализации и идентичности.....	406
<i>Никифоров А. А.</i> Институционализация контроля и автономии в перспективе современной дискуссии об этнофедерализме.....	408
<i>Никифоров А.А.</i> Цифровая трансформация и восприятие рисков в контексте теории переходных политических режимов.....	409
<i>Никовская Л.И., Якимец В.Н.</i> Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне.....	410
<i>Николаева М.В, Шестакова А.А.</i> Практики актуализации новых субъектов публичной политики.....	411
<i>Никоненко С.А.</i> Альтернативные сценарии развития России после СВО.....	412
<i>Нуртдинова Р.Н.</i> Этнический фактор голосования на местном уровне.....	414
<i>Овчарова О.Г.</i> Цифровизация избирательного процесса в современной России: возрастной и гендерный аспекты.....	415
<i>Оганезова С.В.</i> Кризисное управление государственной информационной политикой в период проведения СВО.....	416
<i>Окара А.Н.</i> Трансформация социально-политической субъектности в условиях «новой современности».....	417
<i>Окуджава Х.З.</i> Цифровая коммуникация власти и общества: опыт Московской области.....	419
<i>Олейников И.В.</i> Парадипломатия сибирского города в эпоху деглобализации: динамика побратимских связей г. Иркутска (2020–2023)	421
<i>Олимзода С.Ш.</i> Роль конфессионального фактора в формировании общероссийской идентичности мусульман России.....	422
<i>Онопко О.В.</i> Болгария в геополитической картине мира украинской внешнеполитической экспертизы: геополитические представления и рекомендации к двухсторонним отношениям.....	423
<i>Орлова И.В., Павельева Т.Ю.</i> Актуализация праксеологии как методологии политической науки в реалиях современного мира.....	424
<i>Орфаниди Э.В.</i> Возможности консолидации городских сообществ в рамках общественных структур при органах власти.....	426
<i>Павлова Т.В.</i> Стратегии институциональных изменений: ценностные основания и потенциальные акторы.....	426
<i>Пак О.А.</i> Концепция справедливости и «благополучия» в творчестве Томаса Скидмора.....	429
<i>Палитай И.С.</i> Поколенческие особенности молодежи как фактор формирования ее политических ценностей.....	430
<i>Панин В.Н.</i> Межгосударственное сотрудничество в современной системе международных отношений... ..	432
<i>Панов П.В.</i> Институциональные реформы, направленные на управление политико-территориальной гетерогенностью с точки зрения институционального изоформизма.....	433
<i>Панфилов Г.О.</i> Институциональные модели электронного участия в субъектах РФ в условиях централизации.....	435
<i>Парма Р.В.</i> Выявление механизмов конверсии общественного активизма в онлайн- и офлайн-средах.....	436

<i>Пастушенко Е.В.</i> Идеология партии «Братья Италии»: история и современность.....	437
<i>Патрушев С.В.</i> Пространство, власть, господство, политика, идеология: контуры предметного поля институциональной политологии России.....	438
<i>Пахомова Л.А.</i> Символическое пространство лунной программы России и его влияние на общественное сознание (на примере запуска «Луны-25»)	440
<i>Пацула И.И.</i> Донбасс и Черноморский регион как центр геополитического столкновения России с коллективным Западом.....	441
<i>Пашковский Е. А.</i> Внешнеполитические приоритеты парламентских партий Польши накануне выборов в Сейм 2023 года.....	442
<i>Пеньков В.Ф.</i> Социокультурные факторы трансформации моделей политического поведения в современной России.....	444
<i>Перевезенцев С.В.</i> Основные принципы методологии «русского хранительства»	445
<i>Переверзнева Э.</i> Секьюритизация России в политическом дискурсе Польши (2015–2023 гг.)	447
<i>Перов А.С.</i> Особенности электоральных процессов в Донецкой Народной Республике.....	448
<i>Петров И.И.</i> Паттерны трансформации партийных систем стран ЕС на данных 1990–2023 годов.....	449
<i>Петросян Ф.А.</i> Секторальное сотрудничество в Арктике: новые форматы взаимодействия.....	450
<i>Петросяну Д.В.</i> Трансформации классических университетов в цифровом меняющемся мире.....	451
<i>Пищева Т.Н.</i> Образ страны в массовом сознании в 2023: осознаваемые и бессознательные аспекты восприятия.....	453
<i>Погосова М.С.</i> Электронное правительство как инструмент взаимодействия государства и общества.....	454
<i>Подшибякина Т.А.</i> Когнитивные аспекты восприятия рисков: проблема исследования в ментальных моделях.....	455
<i>Полунин К.А.</i> Современный мир: новые форматы изменений. Активизация роли БРИКС на международной арене. Итоги 15-го саммита в ЮАР.....	456
<i>Полькина А.Н.</i> Международные инициативы Испании в регулировании миграции в кризисных условиях.....	458
<i>Помигуев И.А.</i> Сплоченность и поляризация в дискурсе парламентариев.....	459
<i>Попадьева Т.И.</i> «Балканизация» научного дискурса: от метафоры до конфликта идентичностей.....	460
<i>Попова О.В.</i> Особенности государственной политики идентичности в условиях новых геополитических вызовов: оценки экспертов.....	461
<i>Посохова Д.Д.</i> Подходы к восприятию бюрократии в России с позиции современного общества.....	463
<i>Постол В.И.</i> Плебисцитарный президентализм и российская практика.....	464
<i>Потапкин А.С.</i> Об учете интересов корпоративного сектора при принятии решении о реализации региональных проектов (на примере GR-деятельности пик в ходе программы реновации в Москве).....	465
<i>Поцелуев С.П.</i> Поколенческий диалект исторической памяти: к уточнению концепта.....	467
<i>Пригорян Н.</i> Политическое как <i>vellum</i> , <i>agora</i> , <i>consensus</i> : компаративный анализ.....	468
<i>Прокопенко Л.Я.</i> Женщины ЮАР на руководящих постах международных организаций.....	469
<i>Пронякина Е.Д.</i> Проблема управления трудовой миграцией в политической повестке современной России.....	471
<i>Прохоренко И.Л.</i> Колониальный дискурс и споры об империях прошлого и настоящего на постсоветском пространстве.....	472
<i>Прохоров А.Р.</i> Кризис механизмов международных институтов.....	473
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Динамика власти в городах Сибири 1991–2021 гг. (опыт применения теории ассамблежей М. Деланды)	475
<i>Пустошинская О.С.</i> Города как действующие субъекты управления рисками.....	476
<i>Радченко А.И.</i> Эволюция политических институтов в России 2000-х гг.	477
<i>Ракитянский Н.М.</i> Догматические основания феномена политической субъектности.....	478
<i>Расторгуев С.В.</i> Пространственный контекст политики и политологии.....	479
<i>Рахматуллин Ш.Д.</i> Роль международных неправительственных организаций в секторе образования на африканском континенте.....	480
<i>Ребрикова А.Г.</i> Феномен женского политического лидерства: перспективы исследования.....	481
<i>Римский В.Л.</i> Господство государственной бюрократии как общественная проблема.....	483
<i>Римский В.Л.</i> Проблемы развития справедливого социального государства в России.....	484
<i>Рогач Н.Н.</i> Будущее России в представлениях её граждан: опыт политико-психологических исследований.....	486
<i>Рогожина К.А.</i> Противостояние России и США в Центральной Азии: новая «горячая точка» на геополитической карте мира.....	487
<i>Рожнева С.С.</i> Модели электорального поведения на выборах высшего должностного лица субъекта в регионах России в 2023 г.	488

<i>Розина В.А.</i> Рост доверия к Telegram как фактор изменения политических коммуникаций: риски и возможности.....	490
<i>Романова А.П.</i> Политики идентичности на постсоветском прикаспийском пространстве (по результатам социологических исследований)	491
<i>Романовский А.А.</i> Губернаторский корпус в регионах ЦФО (тенденции ротации и особенности рекрутирования)	492
<i>Ромашкина А.Б.</i> Субъектность государства в цифровом коммуникационном пространстве: возможности управления дискурсом и формирования смыслов.....	494
<i>Ростовцев Н.Г.</i> Российский эксклав на Балтике в международном политическом дискурсе.....	495
<i>Руденко М.В.</i> Государственные образования на постукраинском пространстве.....	496
<i>Русия Н.Т., Штиро Л.А.</i> Гражданская солидарность: городские и сельские практики (на материалах юга России)	498
<i>Русских М.С.</i> Этнические и этнополитические конфликты: попытка консенсусного подхода.....	499
<i>Рустамова Л.Р.</i> Реконфигурация участия РФ в европейских организациях местного самоуправления под влиянием политической конъюнктуры.....	501
<i>Рыбалко М.Л.</i> Прогнозирование в современных политологических исследованиях.....	502
<i>Рыбин И.О.</i> Социальные сети как платформа общественной мобилизации.....	503
<i>Рыхтик М.И.</i> Биологический фактор образа будущего: история и современность.....	504
<i>Рыхтик М.И.</i> Ценности в современном политическом процессе.....	506
<i>Рябинин Е.В.</i> Цифровая трансформация как инструмент ограничения индивидуальной свободы.....	507
<i>Рябов О.В.</i> Символическая нацификация как прием символической политики (на материале кинематографа холодной войны)	509
<i>Рябова Т.Б.</i> «Старые белые мужчины»: к вопросу о взаимовлиянии (возрастного и гендерного) дискурсов возраста и пола в политической риторике стран Запада.....	510
<i>Рябченко Н.А.</i> Политические коммуникации, основанные на данных: концептуальная рамка исследования.....	511
<i>Савенков Р.В.</i> Публичное оспаривание в региональных парламентах Центрально-Черноземного региона: темы, технологии, результаты.....	512
<i>Савина М.И.</i> Теория чрезвычайной ситуации и проблемы ее применения в условиях глобализации	514
<i>Сагитова Л.В.</i> Дискурс архаизации в контексте процессов социальной трансформации: от цивилизационной парадигмы – к теориям среднего уровня.....	515
<i>Саймонс Г.</i> Преодоление рисков и кризисов в условиях глобальной геополитической трансформации: роль геосоциализации во внешней политике субгосударственных акторов и политике безопасности в эпоху кинетических войн Запада.....	516
<i>Самаркина И.В.</i> Гражданская идентичность молодежи новых субъектов РФ: осмысление результатов эмпирического исследования в дискурсе инклюзивной идентичности.....	518
<i>Саркисян О.Л.</i> Карабахский фактор в контексте процесса нациестроительства в Армении.....	519
<i>Сафин Т.Р.</i> Расширение Европейского Союза на Восток: причины и перспективы.....	521
<i>Сафонова О.Д., Галдава Л.А.</i> Социально-политические эффекты влияния цифровых трансформаций на развитие человеческого капитала в современной России.....	522
<i>Сащенко Н.П.</i> Состояние российской идентичности: инерционная фаза в политическом управлении.....	524
<i>Светлакова М.А.</i> Политический протест как форма политического участия.....	525
<i>Сгибнева А.А.</i> Мягкая сила как политическое действие: праксеологический подход.....	526
<i>Севастьянов С.В.</i> Смена риторики американской и европейской стратегий по сдерживанию Китая: от полного разделения (decoupling) к снижению рисков (derisking)	528
<i>Селезнева А.В.</i> Политические ценности российской молодежи: структура, содержание, динамика.....	530
<i>Семенов И.С.</i> Идеи, идеологии, идентичности: от дискурсов к дискурсивной силе.....	531
<i>Семенов И.А.</i> Оборонный стратегический обзор Австралии 2023 года как новый виток американо-австралийского сотрудничества в Тихоокеанском регионе.....	532
<i>Сергеев А.С.</i> Западноевропейский популизм как фактор политических изменений.....	533
<i>Сергеев С.А., Сергеева З.Х.</i> Региональные элиты Татарстана в начале 2020-х гг.	534
<i>Сергеева Э.А.</i> Идеологическое измерение информационных влияний в современной России.....	536
<i>Серебряков К.Д.</i> Политико-административные элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сетевом измерении: общие структурные характеристики.....	538
<i>Сересова У.И.</i> Туристская политика в России: поворот в сторону внутреннего туризма в эпоху турбулентности.....	539
<i>Сигачёв М., Артеев С.</i> Политический археофутуризм и этнический фактор.....	540
<i>Сидоров В.В.</i> Этническая партия как вмешивающаяся переменная во влиянии формы правления на этнические конфликты.....	541

<i>Сизоненко А.Ю.</i> Стратегии и технологии PR-деятельности в предвыборных кампаниях регионального уровня (на примере выборов депутатов законодательного собрания Краснодарского края в 2022 году)...	543
<i>Симонова И.А., Кривощёва М.С.</i> «Инфраструктура мечты»: дефициты в сфере практической реализации государственной политики поддержки активных матерей.....	544
<i>Скитин Н.С.</i> «Экологическая Россия»: от «русской правды» до «глобальной хартии зеленых».....	545
<i>Скорородова О.С.</i> Эвристический потенциал исследования региональных партийных систем в современной России (опыт электоральных кампаний 2022-2023 гг.)	547
<i>Слатинов В.Б.</i> Губернаторы «новой волны» как новая политическая реальность для российских регионов: практики, эффекты, проблемы.....	548
<i>Слепнев М.С.</i> Специфика современной информационной войны.....	549
<i>Слобожникова В.С.</i> На круги своя!? (осмысление взаимоотношений политики и религии в эпоху просвещения)	552
<i>Смаль С.В.</i> Показатели эффективности цифровых сервисов в социальной политики (на примере платформы ЕГГИССО)	553
<i>Сморгунов Л.В.</i> Трансверсальная политика социализации в сетевом взаимодействии.....	555
<i>Смутькина Н.В.</i> Особенности политических представлений россиян о развитии своей страны.....	556
<i>Соколов А.В.</i> Проблемы реализации экосистемного подхода в цифровой среде в современной российской политике.....	557
<i>Соколов А.В., Васильева Д.А.</i> Политическая онлайн-дискуссия как проявление низовой гражданской активности.....	558
<i>Соколов В.Д.</i> Либеральный и реалистический подход администрации Байдена во внешней политике.....	560
<i>Соколов Н.Н.</i> Влияние информационных технологий на принятие политических решений в глобальных условиях.....	561
<i>Солдатенко И. С.</i> Защита исторической правды и цифровой суверенитет.....	562
<i>Солина Е.А.</i> Цифровой суверенитет и цифровое доверие: соотношение феноменов.....	563
<i>Соловьев А.И.</i> Политическое проектирование в эпоху перемен.....	565
<i>Сонина Е.О.</i> Ключевые факторы функционирования идеологического дискурса на современном этапе...	566
<i>Сорокопудова О.Е.</i> Аксиологические концепты «согласие» и «служение» в идейно-политическом дискурсе России XIX в.	568
<i>Сосунов Д.В.</i> Образ будущего России в оценках экспертов и студенческой молодёжи Воронежской области.....	569
<i>Спасов А.А.</i> Внешняя политика России на Балканах: новые вызовы и угрозы.....	570
<i>Стенько А.А.</i> Механизмы системы госуправления США, направленные на задействование религиозной сферы во внешнеполитических целях.....	572
<i>Стецко Е.В.</i> От социального капитала к человекоцентричности: эволюция подходов управления развитием цифровых сервисов через формирование потребностей.....	573
<i>Стрежнева М.В.</i> К вопросу об изучении эмоций в мировой политике: аффекционал по Александру Богданову и аффективная нейронаука.....	575
<i>Стрелец И.Э.</i> Государственная поддержка семей с детьми и студенчество: аксиологические, информационные и практические аспекты.....	576
<i>Субботина А.А.</i> «Финансируя» устойчивое развитие: форматы участия крупного бизнеса в привлечении средств для реализации программ развития территории.....	578
<i>Сулейман А.А.</i> Перспективы независимости Тайваня.....	579
<i>Суслов Е.В.</i> Вишеградская Четверка и совет государств Балтийского моря в условиях вызовов дезинтеграции.....	580
<i>Сухонина Н.А., Георгиев Я.Д.</i> Освещение роли России в урегулировании конфликта в Южной Осетии российскими интернет-СМИ в 2023 году.....	582
<i>Сытник С.И.</i> Интеграция Южной Америки на примере БРИКС.....	583
<i>Сычев В.В.</i> Борьба за формирование институционального доверия в российском политическом пространстве в условиях «геополитической турбулентности»	584
<i>Табаринцева-Романова К.М.</i> Защита культурного наследия как инструмент публичной дипломатии (на примере деятельности Фонда защиты культуры)	586
<i>Талиб М.Н.М.</i> Роль ООН в йеменском кризисе с 2014 по 2021 года.....	587
<i>Тарасов И.Н.</i> Тенденции этнополитического развития Польши в сравнительной перспективе.....	588
<i>Тарусин П.В.</i> Перспективы использования искусственного интеллекта в принятии государственных решений.....	590
<i>Тетерюк А.С.</i> Макро- и микрополитические уровни взаимодействия в корпоративной политической активности транснациональных компаний.....	591
<i>Тимакова О.А.</i> Стратегия НАТО по сдерживанию Китая.....	592
<i>Тимофеева Л.Н.</i> Дискурс о новой субъектности России.....	594

<i>Тупайлов Е.А.</i> Газовая дипломатия России в условиях международной нестабильности.....	595
<i>Титова Л.Г.</i> Цивилизационно-ценностные основания российской государственности.....	597
<i>Томеян А.В.</i> Внешняя политика Республики Армения: хаос в христианском государстве.....	598
<i>Томин Л.В.</i> Трансверсальность: исследование процессов субъективации и динамики активистских групп.....	599
<i>Трубина Е.А.</i> Отказ Германии от ядерной энергетики.....	600
<i>Трубицина Д.И.</i> Новый экономический союз – Россия, Северная Корея, Китай.....	601
<i>Трунов М.А.</i> Роль межрегионального сотрудничества в развитии цифрового суверенитета России	603
<i>Трухина Л.Д.</i> Взаимоотношения Китая и Казахстана в торгово-экономической сфере.....	604
<i>Тулегенова Д.Д.</i> Ценность свободы в сознании современной российской молодежи.....	606
<i>Туманов А.И.</i> Социальное значение кинофикации малых городов России.....	607
<i>Тумуров Ж.Т.</i> Эффективность применения информационных коммуникаций в органах государственной власти Забайкальского края в современных политических реалиях.....	608
<i>Тураев А.В.</i> Субъектность политической философии в дисциплинарном поле политологии.....	610
<i>Туркин И.А.</i> «Кто виноват?»: США и ответственность за развал СССР в политическом дискурсе современной России.....	611
<i>Удовенко И.П.</i> Социальная политика и экосистема государственного управления	612
<i>Ульянов П.В.</i> Проблема сохранения исторического наследия как одна из тем предвыборной кампании...	614
<i>Усачев С.В.</i> Предмет биополитики в политико-философском дискурсе латиноамериканских исследователей.....	615
<i>Усенко Р.С.</i> Место неоинституционального подхода и концепции организационных полей в исследовании лоббистской активности деловых ассоциаций в России.....	616
<i>Усманова З.Р.</i> Траектории будущего развития России в представлениях студенческой молодежи.....	618
<i>Утекова З.Д.</i> Россия и Казахстан: политико-психологический анализ взаимного восприятия.....	619
<i>Уханова Ю.В., Жданова А.Э.</i> Онлайн-коммуникации городского сообщества и власти.....	620
<i>Фадеева Л.А.</i> Трансформация объектов секьюритизации идентичности в научном и политическом дискурсе.....	623
<i>Федоренко К.А.</i> Гражданственность российских школьников: состояние и формы актуализации.....	624
<i>Федоров В.И.</i> Youtube как инструмент формирования общественного мнения о ДЭГ в 2023 г.	625
<i>Филатова О.Г.</i> Исследование социальной эффективности городских цифровых сервисов Санкт-Петербурга.....	627
<i>Филиппов Д.В., Костромин В.В., Кашин Н.А.</i> Избирательные системы в городах РФ: эффекты и применение.....	629
<i>Филиппова Л.Е.</i> Динамика политизации российского социума: перспективы и ограничения.....	630
<i>Фролов А.А.</i> Социальное уклонение в среде современного российского студенчества.....	631
<i>Фролова А.А.</i> Политико-философские взгляды Ж.-Ж. Руссо в риторике якобинского террора.....	632
<i>Фролова Ю.Н.</i> Многомодельный подход к анализу сепаратизма в Европе: кейс Дании.....	634
<i>Хайнауцкая Т.И.</i> Влияние эколого-политических дискурсов на формирование экологической идентичности.....	635
<i>Харитонов О.Г.</i> Центр-периферийный раскол современной Турции.....	636
<i>Хаткевич А.А.</i> Научная дипломатия как инструмент внешней политики: теоретические основания.....	637
<i>Царицына П.М.</i> Основные этапы политической ментализации правящих элит Франции.....	639
<i>Церович М.</i> Семейные ценности и пророссийские настроения сербской молодёжи как фактор сотрудничества Сербии и России.....	640
<i>Чаньшев А.А.</i> Элитистский социальный проект Ницше.....	641
<i>Челан А.И.</i> Политическая повестка популярных Telegram-каналов: акторы, новостной контент, дискурсивные тематики.....	642
<i>Черемная Т.С.</i> Система ценностей России в деглобализирующемся мире.....	644
<i>Черкашин К.В.</i> Пропорциональность электоральной поддержки на разных территориальных уровнях (на примере голосований в Донбассе и на Украине)	645
<i>Чернавский А.С., Зырянова И.Н.</i> Возможности нейросетевых генеративных моделей в области генерации fake контента (на примере Google Bard)	647
<i>Черникова В.В.</i> Региональные институты гражданского общества в электоральных процессах: новые практики – новые риски.....	648
<i>Чернышов Ю.Г.</i> Разделенные регионы в поисках новых идентичностей: пример Алтайского края и Республики Алтай.....	650
<i>Чжао Л.</i> Угрозы и политика безопасности данных в КНР.....	651
<i>Чирикова А.Е.</i> Может ли губернатор изменить ситуацию в регионе к лучшему: социологическая хроника.....	652

<i>Чубак Р.М.</i> Деловые ассоциации как объект макрополитического анализа и субъект микрополитической активности (на примере деятельности Национального союза производителей молока)	654
<i>Чугунов А.В.</i> Рейтинги цифровизации как инструмент государственного управления.....	655
<i>Чумиков А.Н.</i> Антитеррористические информационные кампании в контексте политической конъюнктуры.....	656
<i>Шабров О.Ф.</i> Глобальный контекст современного политического управления.....	658
<i>Шабров О.Ф.</i> Новые реалии сквозь призму привычных категорий.....	659
<i>Шадже А.Ю.</i> Возможности бренда в укреплении многоуровневой идентичности.....	661
<i>Шакарян Я.Э.</i> Цифровизация системы выявления семейного неблагополучия: повышение эффективности государственного управления или ювенальный механизм тотального контроля.....	662
<i>Шамигура К.А.</i> Общественные советы при региональных органах охраны культурного наследия как институты-медиаторы между обществом и властью.....	664
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Трансформация конфликтности в среде учащейся молодежи регионов РФ в современных геополитических условиях.....	665
<i>Шаяхметов А.М.</i> Антикризисные стратегии глав российских регионов в условиях перманентных кризисов.....	666
<i>Швая А.Ю.</i> Институционализация православных практик представителей региональной политической элиты (на примере Санкт-Петербурга)	668
<i>Швецова А.В.</i> Зайки и лужайки: государственная политика поддержки материнства глазами матерей.....	669
<i>Шевченко А.В.</i> Концепция стратегического соседства: семантико-когнитивный подход.....	670
<i>Шестакова М.Н.</i> Инвестиционные рейтинги как индикатор эффективности региональной власти.....	671
<i>Шестопал Е.Б.</i> Трансформация ценностных и идентификационных матриц российского общества в условиях новой политической реальности.....	673
<i>Шиханова М.А.</i> Космос – новое направление публичной дипломатии.....	674
<i>Шлапеко Е.А., Кондратьева С.В., Артеев С.П.</i> Мягкая сила и общественная дипломатия.....	676
<i>Шлапеко Е.А., Проконьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В.</i> Местные администрации в социальных медиа: от рекомендованного к обязательному.....	677
<i>Шлыкова Д.Н.</i> Политизация социально-экономических размежеваний в современной России и проблемы солидарности.....	678
<i>Шпагин С.А.</i> Региональные парламентские выборы 2023 г. и партийные системы российских регионов..	679
<i>Шпак М.А.</i> Медиадискурс как фактор конструирования идентичностей в политическом пространстве Евросоюза.....	680
<i>Шрамко Я. В.</i> Вопрос идентичности жителей Калининградской области в контексте специальной военной операции.....	682
<i>Шушлебин А.И.</i> Массовый политический протест как фактор государственного переворота.....	683
<i>Щеглов М.Ю.</i> Особенности публичного дискурса губернаторов Санкт-Петербурга (2003–2021).....	685
<i>Щенина О.Г.</i> Потенциал сетевого подхода для политической науки.....	686
<i>Щербинина Н.Г.</i> Коммуникативное значение российских политических традиций сознания.....	688
<i>Энхболд Ц.</i> К вопросу формирования и развития современной партийной системы Монголии	689
<i>Юрченко В.М.</i> Международное сотрудничество: поиск эффективных путей развития как альтернатива антироссийским санкциям коллективного запада.....	690
<i>Юрченко И.В.</i> О возможностях изменения традиционных теоретических рамок в политологическом исследовании.....	691
<i>Юрченко Н.Н.</i> Политико-административные практики в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов в контексте реализации государственной национальной политики в Краснодарском крае.....	692
<i>Ягодка Н.Н.</i> Роль некоммерческих организаций в нравственно-патриотическом воспитании молодежи в России.....	694
<i>Яковлева А.Ф., Болдин В.А.</i> Гуманитарная политика в полицентричном мире: теоретико-методологические перспективы.....	695
<i>Янь И.</i> Эволюция идентичности и нарратива Китая в арктических делах в современном контексте.....	696
<i>Ярошенко А.С.</i> Функциональная модель партийной структуры «Единой России»	698
<i>Яруллина А.Р.</i> Механизмы представительства этнических меньшинств (кейсы: Канада и Швейцария).....	699
<i>Яхшиян О.Ю., Омельченко Н.А., Суворова В.А.</i> Концепт российской идентичности в федеральных документах стратегического планирования.....	700
<i>Ячменник К.В.</i> Лидерство в консолидации локальных сообществ.....	701
<i>Naung S.Y.</i> Considering Federalism In A Multiethnic Country: The Case Of Myanmar.....	703
<i>Wang Y.</i> Kazakhstan's «Soft Balance» Strategy With Russia: Performance And Limitations	704

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация политической науки проводит в 2023 г. Ежегодную всероссийскую научную конференцию с международным участием «**Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск**». Конференция отвечает современным вызовам, стоящим перед гуманитарным сообществом России: предложить теоретические параметры концептуализации новых мировых конфигураций.

Цель конференции – поиск и определение востребованных форм политической науки для интерпретации происходящих мировых изменений. Уход доминирования линейных теоретических парадигм, политических и идеологических проектов, дискуссии о параметрах новой теории и новые политические реалии коррелируют с множественностью путей политического развития. Изменение традиционных теоретических рамок ставит вопрос о правомерности традиционных политических практик, легитимности институтов, целей и субъектов политического процесса. Осмысление нового статуса России требует академической заинтересованности и вовлеченности политологического сообщества; важнейшей задачей также является общественная консолидация.

Политологические дискуссии об узловых точках пересечения современной мировой политики и познавательных схемах, актуализация ценностного и цивилизационного подходов как определяющих равноположенность путей политического развития сегодня концентрируются на ряде вопросов, связанных как с теоретическими потребностями, так и с новыми политическими императивами. Цивилизационный подход к интерпретации политической реальности делает акцент на соотношении универсальности и партикулярности социального и политического развития, подчеркивая специфику социальных, ценностных и политических нюансов. Именно такой разворот позволяет поставить методологически новый вопрос о новых формах суверенитета, предложить новые политические конструкции Мирового порядка, в котором статус России как субъекта исторического творчества и самостоятельной государства-цивилизации является правомерным. Не случайной является тематическая палитра основных тематических заеданий конференции, включающая в себя поиски онтологии современности, определение познавательных ориентиров, утверждение новой аксиологической детерминированности.

Неслучайно конференция направлена на выявление нового политического целеполагания в контексте многообразия путей политического развития, что требует консолидированных усилий академического сообщества как для выработки теоретических подходов, так и для формирования мировоззренческих ориентиров, в том числе, в пространстве высшей школы.

Ежегодная конференция РАПН организована в нескольких форматах – заседания по основным тематическим направлениям конференции, заседания исследовательских комитетов, круглые столы и специальные заседания. Основные тематические направления и заседания исследовательских комитетов представлены ниже. Тематика Круглых столов и специальных заседаний представлена в Программе конференции.

1. ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

ОТ-1. Современный мир: новые форматы изменений.

ОТ-2. Новая политическая реальность: между антиутопией и новыми возможностями.

ОТ-3. Политическая наука сегодня: время для теории.

ОТ-4. Альтернативы преодоления нынешнего кризиса: возможности научного моделирования.

ОТ-5. Новое политическое целеполагание и многообразие путей политического развития: культура, ценности, религия.

ОТ-6. Россия в деглобализирующемся мире: суверенитет, субъектность, система ценностей.

ОТ-7. Политическая наука для общественной консолидации.

ОТ-8. Государство и гражданин в условиях цифровизации: стратегии взаимодействия, риски, возможности.

ОТ-9. Политические коммуникации в изменяющемся мире.

ОТ-10. «Новое» общество риска: практики и факторы управления угрозами.

ОТ-11. Международная деятельность городов и внутригосударственных регионов в период современной турбулентности.

2. ЗАСЕДАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМИТЕТОВ РАПН

ИК-1 по гендерной политологии.

ИК-2 по институциональным исследованиям.

ИК-3 по изучению мировой политики.

ИК-4 по политической психологии.

ИК-5 по политической социологии.

ИК-6 по политической элитологии.

ИК-7 по политологии права и правам человека.

ИК-8 по сравнительной политологии.

ИК-9 по гражданскому обществу, конфликтам и публичной политике.

ИК-11 по изучению идей и идеологий в публичной сфере.

ИК-12 по политической регионалистике.

ИК-13 «Информационные технологии в политике».

ИК-14 по политическому управлению.

ИК-15 по геополитике и безопасности.

ИК-16 по политической коммуникативистике. Политические коммуникации России в условиях изменения глобального информационного пространства: проблемы внутренней и внешней политики.

ИК-17 по сравнительному изучению партийных и избирательных систем.

ИК-18 по политической идентичности (в формате Круглого стола «Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы»).

ИК-19 по политической концептологии.

ИК-20 по государству, бизнесу и гражданскому обществу (в формате СЗ «Государство, бизнес, общество: проблемы и взаимодействие в современных реалиях»).

ИК-21 по политическому анализу.

ИК-22 по публичной дипломатии.

ИК-23 по международному межрегиональному сотрудничеству.

ИК-24 по политической урбанистике.

На конференцию поступило более 600 заявок. Экспертным советом была проведена экспертиза заявок и отобраны для участия, представленные в настоящем издании политологи и их материалы. Надеемся на плодотворное участие в конференции, обмен интересными идеями и обсуждение перспективных инноваций и планов.

Гаман-Голутвина О.В.

Мчедлова М.М.

Тимофеева Л.Н.

РИСКИ СИМУЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА¹

Для уяснения того, что есть политическое единство необходимо различать это единство, с одной стороны, как единство противоположностей в условиях антагонизма, а с другой стороны, как единство действий и сознания вне борьбы и конфликта, в состоянии мира. В первом случае единство есть продукт борьбы или конфликта, есть различные формы компромисса, есть модус вивенди конфликта, т.е. условия, делающие возможными хотя бы временные мирные отношения между двумя противными сторонами. В подобных условиях единство есть не что иное, как его симуляция, искусственно представляемая и насаждаемая, ибо антагонизм не порождает единство вне принуждения, вне политики. А все политически насаждаемое, в противовес наличествующему конфликту, есть видимость его разрешения или урегулирования. Симулятивность укрепления единства есть риск обмануться и вместо желаемого единства получить такой накал борьбы, который никак не мог бы быть результатом весомых затрат на формирование единства в политической сфере. Поэтому политическое единство в условиях антагонизма и конфликта может быть ничем иным как лишь представленным единством, сочиненным представлением о единстве, к действительности не имеющим никакого отношения. Это понимание, вытекающее из объективности конфликта, выступает против иллюзий достичь единства там, где сама природа социальных отношений не уготована к этому. В силу чего искусственное насаждение единства уготовливает риски этой симуляции в накоплении напряжения и конфликта, к которому государство должно быть готово созданием условий действительного, а не насаждаемого мира культивирование политического единства.

Единство действий есть кооперация, которая сыграла в развитии общества революционную роль, добавив производительности и тем прибавив скорости в историческом развитии. Политическое единство снизило накал борьбы, предложило вместо антагонизма и борьбы мирные способы сосуществования, искусственным, а значит политическим, принуждением к миру. Формирование единства действий и сознания стало прерогативой государства, ибо без политического единства государство превращается в поле битвы идеологической многополярности, с идеологической и действующей оппозицией.

Единство сознания есть идеология, объединяющая осколки сознания индивидов в единое целое. А сознание и действие, представленное в единстве, есть воля. Поэтому, когда начинают говорить о единстве чего-либо с чем-либо или кого-либо с кем-либо, то подразумевают либо единство действий, либо – сознания. Политическое единство архиважная задача государства, которое стремится, как у Макиавелли, «растворить» каждого гражданина в самом себе. На практике это «растворение» осуществляется патриотизм и этатизм. Именно патриотизм и этатизм представляют полную и невозвратную связь государства с гражданином, при которой доверие гражданина государству непоколебимо. Подобная связь лишь укрепляет позиции государства, делает граждан некритичными к политике государства, они, и что очень важно, становятся его продолжением в индивидуальных связях и отношениях. В связи с этим государство инкорпорирует в самое себя функцию как формирования этого единства, так и контроля за его состоянием.

Функция государства по воспитанию патриотизма и этатизма делегируется государственным и негосударственным воспитательным и образовательным учреждениям. Однако конституирование плюрализма идеологий и отсутствие государственной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

идеологии, как показала предшествующая практика, постоянно порождает противоречия и конфликты между приверженцами государственной идеологии и теми кто ее не приемлет. Выход из данного конфликта возможен в результате конституирования государственной идеологии и придания ей идеологического приоритета. В противном случае вместо политического единства мы получим его симуляцию и риски не действительного, а лишь представляемого единства, как в ситуации антагонизма и борьбы, а не мира. Потому необходимо возродить государственную идеологию не формально, а реально, как комплекс правовых отношений, придать ей институциональный характер, ввести институт государственных комиссаров, или наделить функциями комиссаров представителей президента в субъектах федерации, осуществляющих не только контроль, но и помощь на местах в деле формирования в гражданах государственного пиетета.

Абдулай М.А.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН АФРИКИ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Увеличение геополитического влияния Российской Федерации на международной арене обуславливает все более активное участие государства в различных сферах международного сотрудничества. Проблема сотрудничества России и Африки в области борьбы с терроризмом поднимается такими российскими исследователями как И.Э. Магадеева, Г.М. Сидоровой, Л.Л. Фитуни, В.Г. Шубина и другими авторами, которые видят в данной сфере значительный потенциал для развития внешнеполитического курса российского государства. Актуальным направлением международных отношений на сегодняшний день остается борьба с терроризмом, объединяющая все государства мира в общем деле противодействия данной угрозе. Территория Африки остается достаточно нестабильным в политическом отношении пространством, где присутствует несколько очагов террористической активности. В последние годы Российская Федерация прилагает значительные усилия по расширению своего военного присутствия и усилению геополитического влияния в Африке. На основе апробированных внешнеполитических практик сотрудничества России и Африки выстраивается новая модель взаимодействия в сфере безопасности. Наряду с торгово-экономическим и политическим сотрудничеством России и государств Африки присутствуют явные дипломатические усилия по восстановлению военно-технического взаимодействия.

Россия заинтересована в сохранении политической стабильности государств Африки и отражению террористической угрозы, так как только в рамках сбалансированной и упорядоченной системы политического взаимодействия возможно претворение в жизнь новых проектов в различных сферах международного сотрудничества. Распространение на территории государств Африки подпольных сетей террористических организаций создает угрозу для стабильности экономического развития стран, что формирует условия для политической заинтересованности в урегулировании внутренних военных конфликтов со стороны внешних акторов. Россия на сегодняшний день участвует в спонсировании отдельных миротворческих операций под эгидой ООН, что отвечает национальным интересам государства по обеспечению безопасности торгово-экономических отношений между Россией и Африкой. Также в круг экономических интересов России в регионе входит инвестиционное участие в добыче полезных ископаемых и других проектах, требующих достижения военной безопасности и отражения угроз со стороны террористических организаций. Россия является одним из основных международно-политических игроков, оказывающих непосредственное политическое и военное противодействие организованным террористическим группировкам в разных регионах планеты.

Активно поддерживая миротворческие усилия ООН и Африканского союза в деле отражения террористической угрозы, Россия ищет формы обеспечения политической стабильности государств Африки за счет расширения собственного военного присутствия в регионе. На текущий момент в международно-политическом дискурсе артикулируются идеи открытия военных баз Российской Федерации на территории отдельных государств Африки. Некоторые миротворческие инициативы, разработанные в рамках отдельных континентальных объединений, получают военно-дипломатическую поддержку со стороны Российской Федерации. Усиливается сотрудничество между правоохранительными органами и органами безопасности России и Африки.

Имеются достаточные основания для вывода о стремлении Российской Федерации к восстановлению существовавших в советский период каналов военно-политического сотрудничества с Африкой, в рамках которых борьба с терроризмом может стать центральной проблемой, вокруг которой будут сосредоточены усилия двух сторон международного взаимодействия. Данные тенденции отвечает общему стремлению дипломатии Российской Федерации к диверсификации внешнеполитических контактов, восстановлению ранее утраченных контактов и усилению геополитического влияния государства на международной арене. Указанные задачи текущего внешнеполитического курса являются результатом структурных сдвигов в мировой политической обстановке.

Абдуллаев Ш.И.
(МГИМО МИД России, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ МУСУЛЬМАН-ИММИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ)

Со времен миграционного кризиса 2015–2016 гг. в Европейском союзе так и не удалось разработать общий подход к регулированию проблем иммиграции, который бы получил поддержку большинства населения стран ЕС. Италия – одна из тех стран, которые в наибольшей степени недовольны той миграционной политикой, которую ведет ЕС, и социальная система которой подвергается сильному миграционному давлению.

Если с экономической точки зрения приток молодых дешевых рабочих рук в страну должен был быть только на руку Италии, то с точки зрения социально-демографической и культурной такого рода трансформация общества представляет определенный вызов для государства. Несмотря на то, что Италия занимает только 5-е место среди европейских стран по количеству проживающих в них иностранных граждан, практически во всех исследованиях, рассматривающих отношение местного населения к мигрантам, итальянцы уверенно поддерживают самые жесткие антииммиграционные взгляды (Canfanelli F. *Italiani e intolleranza: nel mirino Islam e immigrati*, 2018).

В действительности подобное неприязненное отношение жителей Апеннин касается, прежде всего, определённой категории иностранцев – мусульман-мигрантов. Отчасти это связано с доминированием в итальянском публичном пространстве представления о том, что современные миграционные потоки в Европу – это растущий приток мусульман родом из бедных стран Ближнего Востока и Африки, которые во всех отношениях представляют угрозу для безопасности европейских государств. Хотя в самой Италии только около 35% проживающих в стране иностранцев – мусульмане, которые, в свою очередь, составляют больше половины всего местного мусульманского сообщества, что делает невозможным оторванное от миграционных движений исследование ислама в Италии, а также это неизбежно сдвигает фокус работы на те проблемы, с которыми сталкиваются последователи ислама не только по причине отличных от большинства населения страны религиозных воззрений и культурных особенностей, но и в связи со своим непростым социально-экономическим и правовым положением в новом государстве.

Происходящие в итальянском обществе этнополитические процессы, в том числе процесс интеграции мигрантов-мусульман в новой среде, предпочтительнее всего рассматривать в рамках теории *неомодернизма*, позволяющего объединить универсалистский взгляд на этнополитическое развитие с идеями локальных особенностей этнических и национальных культур. С теорией неомодернизма хорошо сочетаются некоторые идеи и концепции, рассматриваемые зачастую в рамках *культурологического подхода*: например, идея *европейского ислама* (в нашем случае итальянского), а также концепции *мультикультурализма*, *интеркультурализма* и др.

Глобально проблема интеграции мигрантов заключается в том, что итальянское правительство, как и практически все правительства остальных европейских стран, ориентируется на государствоцентричную парадигму управления культурным разнообразием, рассматривая решение проблемы ассимиляции мигрантов как необходимый для принятия пакет государственных мер (е.g. ужесточение правил въезда и пребывания в стране; усиление контрольно-силовых структур и т.д.). Однако данный подход к решению вопроса упускает из виду тот факт, что аккультурация и социализация мигрантов в принимающем сообществе – это скорее прерогатива гражданского общества. Очевидна невозможность интеграции мигрантов в дезинтегрированное принимающее сообщество, в котором гражданские формы взаимодействия ослабевают и/или уступают место консолидации на основе религиозных или этнических связей. Таким образом, первым условием успешной интеграции мигрантов является преодоление существующей тенденции деконсолидации гражданских обществ в Европе. Показательно, что парламентские выборы 2022 г. в Италии поставили своего рода антирекорд в виде самой низкой явки на выборы (63,9%) с 1946 г.

Определённые проблемы адаптации мигрантов исламского вероисповедания напрямую связаны с различиями в культурно-ценностных основаниях между христианскими принимающими сообществами и мусульманскими сообществами, откуда прибывают иммигранты. В случае с Италией какого-либо значимого опыта межконфессионального диалога христиан и мусульман в истории страны не было, а исламская община там сформировалась достаточно недавно (первые заметные мусульманские сообщества в Италии – с конца 80-х гг.). Создание в рамках общего «европейского ислама» его итальянской версии могло бы уладить ряд культурных противоречий, существующих между итальянцами и мусульманами-мигрантами и/или итальянскими мусульманами. Особой поддержки со стороны итальянской политики заслуживают те молодые мусульмане, которые родились и выросли в Италии и которые стремятся переосмыслить роль исламской общины в жизни стране – осуществить переход от закрытой и обособленной группы к интегрированному и активному меньшинству, признаваемому итальянским обществом и государством.

Аванесова Е.Г.
(НИ ТГУ, Томск)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА И НАЦИОНАЛИЗМА

Тема национализма, его разнообразных проявлений и удивительной жизнестойкости в современном мире продолжает сохранять свою актуальность как в теоретических научных дискуссиях, так и в политической повестке дня многих современных государств. Речь идет не только о гражданском национализме, но и об этническом, который в определенных условиях становится инструментом политической борьбы с целью упрочения национального самосознания, сохранения культурных и национальных традиций. Цель благородная, но способы её достижения часто носят разрушительный характер.

Наличная действительность порождает вопрос о будущем национализма, и ответ на него тесно связан с пониманием природы данного явления. В теории представлены различные подходы к объяснению сущности национализма, в которых есть существенные отличия в понимании времени и причин его «рождения», определяемых либо самим фактом существования отличных друг от друга наций, либо трансформациями, происходящими в сфере политики, и приводящими к актуализации национального фактора.¹

История показывает, что национализм распространен по всему миру, не чужд он и странам с доминирующей христианской культурой. Религия является сферой конституирования абсолютных ценностей, она задает обществу определенную систему смыслов, норм и образцов поведения, влияя на все сферы его жизнедеятельности, способствует формированию определенного типа политической культуры. Несмотря на свойственный христианству универсализм, оно не только не отвергает национальное как таковое, но и отдает должное национальному самосознанию. Но порождает ли христианство национализм? В христианской исследовательской литературе встречаются две противоположные точки зрения по вопросу соотношения христианства и национализма: от радикальной – они несовместимы – до более взвешенной – «национализм многим обязан религии, особенно христианству».²

Представление о несовместимости христианства и национализма основывается на исключительно негативном понимании смысла последнего, итогом чего становится декларирование идеи о том, что *подлинное христианское сообщество не может его породить*. История христианства – это история формирования одного народа – народа Божия, настоящее отечество которого – небесное. Более того, создание Церкви, в которой «нет ни эллина, ни иудея», есть возвращение к утраченному после строительства вавилонской башни единству человечества. Именно в Церкви этот раскол и разъединение должны были быть преодолены. Но греховная привязка человека к земным ценностям, к которым относится и нация, не позволила достигнуть настоящего единства во Христе, что в полной мере отразилось не только на государствах, которые сталкиваются с проблемой сложного межнационального взаимодействия, но и затронуло саму Церковь.

Но есть и другая точка зрения, состоящая в том, что в национализме есть «положительное начало, благословляемое религией».³ *Подлинное христианское общество порождает здоровый национализм*, который отдает должное национальному самосознанию, как хранителю «исторических традиций и культуры народа».⁴ Национальность и порождаемый ею национализм, понимаемый как действенная любовь к своему народу и уважение к другим, есть дар Божий, данный всем народам после их разделения, и норма для христианского сообщества. Отклонениями от этой нормы являются абсолютизация национального, что несет большие проблемы как для своего народа, так и для народов ближних, и извращение национального самосознания. Идея верховенства нации, как писал Н. Бердяев, становится «эмоциональным источником войны». А причина этого – дехристианизация общества и отрыв от религиозных корней, влекущие ложное выстраивание иерархии ценностей, когда нация занимает место Бога.

Таким образом, христианская исследовательская традиция характеризуется поливариативностью мнений относительно совместимости христианства и национализма, и базируется она на различном понимании того, что есть национализм, то есть по сути дела обусловлена теоретическими спорами о его природе. Но несмотря на разницу мнений, общее в них тоже есть: абсолютизация национального в политике государства ведет к радикальным формам национализма, зарождение и функционирование которого

¹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 216-217.

² Гастингс Э. Национализм как христианский феномен // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalizm-kak-hristianskiy-fenomen> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Клепинин Н.А. Мысли о религиозном смысле национализма // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I-VI). М.: Информ-Прогресс, 1992. С.705.

⁴ Карелин Р., архимандрит. Христианство и модернизм // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Rafail_Karelin/hristianstvo-i-modernizm/3_4 (дата обращения: 12.09.2023).

невозможно понять вне связи с теми процессами, которые происходят в религиозной сфере жизнедеятельности общества.

Авджу Х.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Политологический анализ турецко-российских отношений дает нам представление о практике реализации не только «жесткой силы» на внешнеполитической арене, но и инструментов «мягкой силы», особенно на современном этапе.

Идеологически сегодня Турция расширяет границы термина «мягкая сила», переосмыслив османскую историю как образец «гибкой власти»: «Наряду с «жесткой» теперь есть «мягкая сила» ... или, если быть точным, «гибкая сила». ... Термин «гибкая сила» может быть новым современным термином. ... На протяжении всей нашей истории мы верили, что ручка сильнее меча, а двери, которые меч не может открыть, можно открыть ручкой. Исторически наши места, разбросанные по трем континентам».¹ Создание так называемого тюркского мира – новой подсистемы международных отношений под своей эгидой, заставляет Анкару формировать лояльность к себе российских элит, от которых зависят устойчивость двусторонних отношений и реализация взаимовыгодных политических и экономических проектов.

В рамках идеологии «хаба» Турция приобретает не только региональную силу, но и привлекает мировое сообщество к пониманию своей важной роли, основанной на приобретенных компетенциях манипулирования «мягкой силой», в том числе и в России. Обозначается новый круг взаимовыгодных направлений, имеющих стратегически важные для Турции возможности поддержки со стороны России ее стремлений вступить в БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Турция стала важнейшим экономическим партнером России по реализации энергетических проектов: АЭС «Аккую», газопроводы «Турецкий поток» и «Голубой поток».

В условиях СВО Турция играет важную роль в обеспечении вопросов безопасности в регионе Черного моря и соблюдении международных соглашений по проливам. Президент России Владимир Путин и Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган регулярно общаются между собой, проводят телефонные разговоры, что приводит к положительным результатам по укреплению торгово-экономического сотрудничества, развитию культурных и туристических связей. В настоящее время политический диалог между двумя странами развивается не только на уровне лидеров, но, несмотря на усложнение международной обстановки, круг публично-дипломатических и бизнес-интересов все более расширяется.

Кроме того, Россия принимала активное участие в спасательной операции по ликвидации последствий разрушительного землетрясения на юго-востоке Турции в феврале 2023 года. Министерством по чрезвычайным ситуациям России в зону землетрясения были направлены 4 самолета Ил-76 и летающая мобильная госпитальная база Ан-148, более 200 специалистов по поисково-спасательным работам и медицине, а также 36 тонн гуманитарной помощи, включая зимние палатки.

По мнению ведущего российского эксперта В. Аваткова, «турецко-российские отношения можно считать развитыми в сфере экономики, развивающимися в сфере безопасности, однако ключевой для двух сторон сферой взаимодействия, от которой

¹ Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/sub.en.mfa?ad9093da-8e71-4678-a1b6-05f297baadc4> (дата обращения: 30.08.2023)

зависят все выше названные, следует считать гуманитарную. Именно от нее зависит долгосрочность и перспективность сотрудничества Москвы и Анкары. Именно из-за этно-территориального фактора между двумя империями и были все ключевые конфликты, подогреваемые внешними силами. Человеческое измерение приобретает все большую роль в международных отношениях, от ценностных, этнических и – шире – гуманитарных вопросов зависит будущее российско-турецких отношений».¹

Институциональной основой реализации «мягкой силы» Турции в РФ является дипломатическая сеть, состоящая из посольства в Москве, трех Генеральных консульств в Казани, Новороссийске, Санкт-Петербурге и Почетного консульства в Екатеринбурге. Эти официальные дипломатические представительства организуют мероприятия в области публичной дипломатии: выставки, конференции, семинары и различные культурные мероприятия. Турция активно сотрудничает с университетами и научными организациями России, проводит программы обмена студентами и учеными, реализует совместные научно-исследовательские проекты и соглашения о научном сотрудничестве.

Авзалова Э.И.
(КФУ, Казань)

УСЛОВИЯ И ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В эпоху информационных технологий ресурсы сети Интернет становятся реальными инструментами политики и создают новые возможности для участия граждан в политическом процессе: преодолеваются временные, географические и культурные ограничения, усиливается групповая интеграция вне зависимости от места проживания, что позволяет мгновенно реагировать на возникающие политические проблемы. Формы политического участия в сети Интернет могут быть типологизированы в зависимости от степени вовлеченности граждан в политический процесс, соответствия нормам права, которые регулируют участие людей в политике, институционализированности политического участия в Сети.

Для успешности развития сетевой гражданской активности должны существовать особые условия. Исследователи выделяют разные обстоятельства, ограничивающие возможность интернет-участия граждан в политическом процессе. Так, зарубежные исследователи отмечают, что на опыт интернет-участия могут отрицательно сказаться потеря имиджа политиков, органов государственной власти в случае неудачи², проблемы, связанные с отсутствием согласованности между целями разных организаций, а также личные интересы работников данных структур³.

Важная роль в процессе целенаправленного внедрения интернет-коммуникаций в деятельность органов государственной власти, согласно исследователям, принадлежит политическим лидерам. В условиях, когда внедрение интернет-коммуникаций в политику способствует преобразованию традиционных институтов власти, роль политического лидера, способного взять на себя ответственность за трансформации в этой области, возрастает. «Для этого необходимо сильное, преданное этой идее и компетентное в этих вопросах руководство (лидерство) на политическом уровне»⁴. Без поддержки на самом высоком уровне проекты внедрения интернет-коммуникаций в деятельность органов

¹ *Аватков В.А.* Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений // Дис. на соиск.уч.ст.докт.полит.наук по специальности 23.00.04. М., Дипакадемия при МИД РФ. 2020.

² *Heeks R.* E-government for development. Success and failure in e-government projects. URL: <http://www.egov4dev.org/success/evaluation/impact.shtml>, проверено: 20.09.2023.

³ *Gil-Garcia J.R.* E-government success factors / J. R. Gil-Garcia, T. A. Pardo // *Government Information Quarterly*. 2005. Vol.37. № 22. Pp. 192.

⁴ *Donald G. Lenihan,* Realigning Governance: From E-Government to E-Democracy. URL: <http://kta.on.ca/pdf/cg6.pdf>, проверено: 20.09.2023.

государственной власти, как и всякая политическая инновация, могут столкнуться с риском потери прежнего импульса, и сами реформы могут увязнуть в возникших противоречиях. Например, внедрение проектов «электронного правительства» в ряде стран ассоциируется с теми руководителями, кто активно воплощал эту идею в жизнь. Для США – это Джордж Буш (начало было положено с запуском портала «Первое правительство» при президентстве Билла Клинтона), для Сингапура – вице-премьер и министр внутренних дел Тео Чи Хин.

Успешное развитие сетевой гражданской активности, как свидетельствует опыт зарубежных стран, невозможно без надлежащего нормативно-правового обеспечения данной сферы. Наиболее важные направления законодательного регулирования в этой сфере должны включать в себя защиту и обеспечение нераспространения персональных данных граждан и свободу доступа к информации о деятельности органов государственной власти и должностных лиц.

Важным условием, определяющим возможность интернет-участия в политике, является сущность политической системы и особенности политического режима государства. В авторитарных системах заложенный в интернет-коммуникациях потенциал не реализуется, исключается реальное участие граждан в политическом процессе. О роли политического режима в использовании интернет-коммуникаций в политическом процессе можно судить исходя из примера Китая: «авторитарная власть сталкивается с большими трудностями, пытаясь контролировать доступ своих граждан к Всемирной сети», но применение административных и технических средств позволяет достаточно успешно справляться с демократизирующим влиянием Интернета¹.

Подводя итог, можно отметить, что политические интернет-коммуникации государства и общества становятся определяющими условиями развития сетевой гражданской активности и политического участия. Рост политической активности граждан в сети Интернет, возникновение новых форм интернет-участия в политике, расширение возможностей влияния на процессы принятия политико-управленческих решений обуславливают необходимость дальнейших исследований в этой области.

Литература

1. *Быков И.А.* «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политэкс: Политическая экспертиза: Альманах. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 69-79.
2. *Donald G. Lenihan*, *Realigning Governance: From E-Government to E-Democracy*. URL: <http://kta.on.ca/pdf/cg6.pdf>, проверено: 20.09.2023.
3. *Heeks R.* E-government for development. Success and failure in e-government projects. URL: <http://www.egov4dev.org/success/evaluation/impact.shtml>, проверено: 20.09.2023.
4. *Gil-Garcia J.R.* E-government success factors / J. R. Gil-Garcia, T. A. Pardo // *Government Information Quarterly*. 2005. Vol.37. № 22. Pp. 187-216.

¹ Цит. по: *Быков И.А.* «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политэкс: Политическая экспертиза: Альманах. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 69.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПОЛЯ В ПОПУЛЯРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ В ПЕРИОД СВО

В новых геополитических условиях в России возросла популярность мессенджера Телеграм. Это удобный инструмент коммуникации с обществом, который власть активно использует с начала ведения специальной военной операции. Пользователи подписываются на политические Телеграм-каналы, в которых совпадает их точка зрения на события с мнением автора. Каждый канал имеет свои «крючки» для удержания интереса аудитории. Интерпретация социально-политических процессов зависит от целей автора Телеграм-канала и его личного медийного статуса.

В исследовании был использован метод кейс-стади для отбора политических каналов. Методы Data Science помогли извлечь и обработать данные отобранных Телеграм-каналов. Методология Data Mining позволила сформировать датасеты. При помощи частотного анализа были выявлены закономерности в данных и определены дискурсивные поля. Методы лингвистического анализа, анализ контента и визуальный анализ позволили интерпретировать полученные данные и обосновать их значение.

Эмпирическую базу исследования составили открытые данные сервиса «МедиаЛогия», а также аналитические данные с сервиса «TGStat». В рамках исследования были рассмотрены ежемесячные рейтинги компании «МедиаЛогия» – «Топ-30 политических каналов Телеграм по просмотрам» и «Топ-20 политических каналов Телеграм по просмотрам». В основу исследования легли посты в открытых каналах отобранных лидеров мнений: Ксении Собчак («Кровавая барыня»), Рамзана Кадырова («Kadyrov_95») и Вячеслава Володина («Вячеслав Володин»). Для контент-анализа Телеграм-каналов была использована статистика с каталога «TGStat».

Сегодня каждый канал в Телеграм-пространстве участвует в конструировании политической повестки за счет того, что владелец канала и пользователи создают и публикуют контент или же репостят и комментируют посты из других каналов, тем самым образуя дискурсивные поля в онлайн-среде. При этом политические каналы имеют разные цели и задачи, поэтому условно их можно поделить на две большие группы: каналы, которые на фоне специальной военной операции занимаются самопиаром, и функциональные каналы, которые обзеревают новости и события, тем самым формируя политическую повестку дня и определенное общественное мнение, направленное на борьбу с возрастающим социальным напряжением.

При непосредственном изучении постов достаточно сложно определить дискурсивные поля, формирующиеся в Телеграм-канале. Необходимость выявления дискурсивных полей заключается в том, что они способны влиять на поведение пользователей, которые в него вовлечены, распространяя и укореняя определённые идеи и ценности.

Популярные российские политические каналы сегодня выстраивают свой контент вокруг одной главной темы – специальная военная операция, но интерпретируют и транслируют ее по-разному. На это влияет политическая позиция автора канала, его должностной и медийный статусы, а также цели, которые он преследует (повышение охватов, узнаваемости, увеличение продаж рекламы, влияние на формирование общественного мнения, распространение определенных идей и ценностей, устранение политических и экономических конкурентов и др.). Каждый канал ориентирован на определенную аудиторию: «Кровавая барыня» интересен тем пользователям, которые не хотят занимать конкретную позицию, но стремятся остаться в контексте сегодняшнего дня; «Kadyrov_95» ориентирован на тех пользователей, которые поддерживают СВО и следят за ходом операции с военной точки зрения; подписчики канала «Вячеслав Володин» являются

сторонниками выбранного российской властью курса и нуждаются в официальных государственных комментариях по социально-политическим вопросам. Исходя из выбранной цели формируется контент. Ксения Собчак, являясь журналистом, занимается обзором актуальных и популярных проблем в социально-политическом пространстве. Рамзан Кадыров, который имеет звание генерал-полковника, транслирует события через призму военного дела. Вячеслав Володин, находящийся на государственной должности, транслирует официальное мнение Кремля по вопросам внешней и внутренней политики.

Подводя итог, нужно отметить, что основная стратегия ведения каналов в Телеграм-пространстве – целенаправленное формирование управляемых дискурсивных полей, в рамках которых осуществляется манипулирование при помощи влияния доминирующих точек зрения, мнений и идеологий. Это позволяет политическим акторам управлять общественным мнением по вопросам социальной-политической значимости. Частотный анализ показал, что каналы лидеров мнений имеют разные цели при конструировании политической повестки. Технологии трансляции информации в Телеграм-канале зависят от медийного образа автора и его политической позиции. Однако, на сегодняшний день контент политических субъектов публичной сферы выстраивается вокруг конкретной тематики, на фоне которой освещаются уже другие инфоповоды.

Агаева А.Н.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК НЕОБХОДИМОСТЬ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Коммуникация между участниками политической системы становится все более важным процессом в обществе. Причина в том, что благодаря коммуникации строится структура властных отношений. Политическая коммуникация подразумевает под собой процесс, в ходе которого оказывается влияние на сознание, поведение и убеждения человека. Итогом такой коммуникации может стать какое-либо действие объекта. В условиях сильного технологического развития политическая коммуникация имеет все большее влияние на общественное мнение и на процесс социализации индивида, на его выборку потребностей, желаний и целей.

Важно понимать, что при наличии большого потока информации, человеку становится тяжело определять подлинность и оценивать значимость тех или иных слов и действий, которые совершают политики, государственные деятели, представители власти, то есть любые участники политического процесса. А в ходе социализации, человек интегрируется в социальную систему, познавая нормы и правила общества. Однако этот же индивид приносит с собой и изменения в структуру общества.

Что важно, на этапе социализации человек начинает проявлять политическую активность, поэтому заинтересованным коммуникаторам необходимо строить правильную стратегию, которая будет сопровождать и участвовать в процессе социализации. Любая коммуникация строит дальнейшую политическую деятельность страны, взаимоотношения внутренние и международные, и в целом саму власть.

Вспомним Онтологическую концепцию власти американского философа Ханны Арент. В своих работах философ готовит о том, что под коммуникацией понимается не только речевое взаимодействие или способность убеждения посредством речи, символов и знаков, но и возможность осуществления самой власти.

Для того, чтобы сформировать удачную политическую деятельность, очень важно сформировать грамотную коммуникационную стратегию с использованием необходимых инструментов. А в современном информационном обществе, вместе с увеличением эффективности инструментов распространения информации, увеличивается их роль и

значение как источников власти. Для реализации коммуникационной стратегии необходимо использовать современные инструменты, такие как новые медиа и СМИ.

Однако в нынешних реалиях политики недостаточно используют те же социальные сети, и поэтому, их влияние на людей ограничено, особенно в период социализации. Так как этот период приходится на возраст, в который человек вовлечен в использование социальных сетей, мессенджеров, прочтение СМИ. В данный период активно поглощается и впитывается информация.

Нужно понимать, что для любого современного государства главным инструментом реализации поставленных целей является информация. С помощью информации удастся воздействовать на определенное количество людей и сподвигнуть их к выполнению конкретных задач. А грамотное использование информации, правильно подобранные каналы, играют большое значение в коммуникации, которая максимально необходима человеку в период социализации. Каждый гражданин заинтересован в том, чтобы получать доступную и понятную информацию о политических активностях своего государства.

*Акопова Т.С.
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Цифровые технологии в избирательном процессе – это данность, обеспечивающая расширение возможностей для всех субъектов, принимающих участие в избирательной кампании.

Цифровые технологии на выборах используются достаточно широко в мировой практике, но только в Российской Федерации применяемые в избирательной кампании инструменты четко нормативно регламентируются, имеют собственные протоколы и обеспечены высокой степенью защиты.

Безопасность в цифровых технологиях в политике имеет особое значение, так как формирует доверие участников избирательного процесса к институту выборов. Безопасность обеспечивается внешними и внутренними факторами и базируется на четкой архитектуре цифровых инструментов, таких как дистанционное электронное голосование (ДЭГ), мобильный избиратель, комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ).

Избирательный цикл 2023–2024 в России существенно расширил возможности применения цифровых технологий на выборах, которые характеризуются понятной инфраструктурой.

Расширение возможностей для избирателей фиксируется в увеличении численности граждан, использующих систему мобильного избирателя и дистанционного электронного голосования. В текущем 2023 году к системе ДЭГ присоединились 18 регионов России. За четыре года своего существования система ДЭГ была апробирована в общей сложности в 30 регионах РФ. Фактически треть субъектов Российской Федерации могут использовать систему ДЭГ на Президентских выборах 2024 года. Большим преимуществом ДЭГ является не только расширение географии применения, но и новые опции в подсчете результатов, а именно, возможность получения результата голосования по часовым поясам, появившаяся в 2023 году. ДЭГ дает альтернативную традиционному голосованию возможность проголосовать удобно и безопасно более 25 млн избирателям. ДЭГ привлекает не только молодежь, как предполагалось изначально, в системе ДЭГ голосуют люди почтенного возраста (80+), все чаще предпочитая этот вид волеизъявления голосованию вне помещения. ДЭГ увеличивает явку на выборы в среднем по России на 6 процентов. Тем не менее, вопросы доверия цифровым технологиям остаются в зоне риска. В этом направлении предстоит еще большая просветительская работа и расширение системы общественного контроля. Поэтому важной составляющей цифровых технологий на выборах являются

инструменты контроля. Контроль в избирательном процессе осуществляется через институт наблюдения. Механизмы наблюдения за ДЭГ четко определены, совершенствуются за счет профессионализации наблюдателей, по сути, осуществляющих экспертное наблюдение в различных форматах, в том числе, без посещения избирательного участка. В настоящее время Общественная палата Российской Федерации разработала «золотой стандарт» наблюдения, в том числе за ДЭГ.

Применения цифровых технологий на выборах позволяет сделать избирательный процесс удобным, безопасно осуществить волеизъявление граждан, расширить способы их участия. Инфраструктура и архитектура цифровых технологий постоянно совершенствуется, предлагая нам новые возможности.

Аксенова Г.В.
(МПГУ, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ В.Н. ХИТРОВО (1834-1903)

Василий Николаевич Хитрово (1834-1903) – представитель старейшего дворянского рода, государственный деятель последней трети XIX – начала XX в., экономист и финансист, специалист в области генеалогии, известный русский ученый-историк, наследник дела епископа Порфирия (Успенского) и архимандрита Антонина (Капустина), основатель, член Совета и Секретарь Императорского Православного Палестинского Общества, по оценке русского консула в Дамаске, дипломата и востоковеда А.П. Беляева – «достойный и честнейший труженик во имя высокой идеи». Делом его жизни которого стало гуманитарное международное дело и решение вопросов защиты интересов граждан России на Ближнем Востоке.

В.Н. Хитрово родился в Санкт-Петербурге 6/18 июля 1834 г. в семье боевого офицера, надворного советника, с 1848 по 1854 гг. обучался в Императорском Александровском лицее, по окончании которого был определен в Государственный контроль, а затем в Морское министерство. С апреля 1863 по 1883 гг. он служил в Министерстве финансов: он стоял у истоков отечественной кооперации, был в числе отцов-основателей Комитета ссудно-сберегательных и промышленных товариществ, выдвинув идею сбережения народных средств. Его труды были отмечены в 1879 г. Большой золотой медалью Императорского Московского общества сельского хозяйства, а также избранием в члены Императорского Русского Географического (1869) и Русского Археологического (1880) обществ.

В 1871 г. В.Н. Хитрово впервые посетил Палестину. Именно с этого визита и сам В.Н. Хитрово, и исследователи истории Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО) связывают его инициативу, направленную на создание организации, способной защитить права русских паломников и интересы Православия на Ближнем Востоке, а также на создание школ и средне специальных учебных заведений для православных арабов, в которых готовили учителей.

Святую Землю В.Н. Хитрово посетил еще шесть раз: в октябре-ноябре 1880 г., 1884-1885, в 1888, осенью 1889, в 1893 и 1897 гг. Если целью второй поездки стала необходимость «собрать материал для доклада о Православии в Святой земле и мобилизации общественного мнения в пользу создания Палестинского Общества», то третья и четвертая были обусловлены необходимостью подготовки строительства и собственно строительством храма во имя святой Марии Магдалины и Сергиевского подворья. Основным делом в ходе четвертой и последующих поездок было решение вопроса о русских школах, боготворительных и богоугодных заведениях, открываемых ИППО в Иерусалиме, Галилее и Бейруте, Хомсе и Дамаске.

Много своего времени и внимания В.Н. Хитрово уделял научной и издательской деятельности ИППО. По его инициативе в 1881 г. был основан «Православный Палестинский сборник», с 1886 г. стал выходить журнал «Сообщения Православного Палестинского Общества», с 1883 г. ежегодно, до 1911 г., публиковались Отчеты и вышли 52 выпуска «Чтений о Святой Земле».

Своими сочинениями и изданиями В.Н. Хитрово сыграл значительную роль в осмыслении задач научных исследований Святой Земли, проведении археологических раскопок, Иерусалимского вопроса, в публикации огромного наследия церковного ученого епископа Порфирия (Успенского). Он – автор таких научно-публицистических трудов как «К Животворящему Гробу Господню», «Задачи научных исследований Святой Земли», «Доклад Секретаря ИППО В.Н. Хитрово в Совете Общества о положении Русских подворий в Иерусалиме», «Палестина и Синай». Как ученый-экономист и практик он написал работы по финансовому управлению и организации ссудно-сберегательных касс: «Сберегательные кассы в Великобритании», «Доклад о ссудно-сберегательных товариществах», «Сельские ссудо-сберегательные товарищества»

Огромное значение имеют его труды, касающиеся методов и методологии исторического и историко-биографического исследований, приоритетных научных интересов: «Родословная книга рода Хитрово», написанные им биографии ученого А.С. Норова, архимандрита Антонина (Капустина), директора Русского общества пароходства и торговли Н.Ф. ван дер Флита.

Фигура В.Н. Хитрово является одной из ключевых в духовной, научной, экономической, политической и международной жизни России последней трети XIX – начала XX в.

Современное состояние научного знания, связанного с изучением жизни и деятельности В.Н. Хитрово, говорит о том, что интерес к его фигуре связан прежде всего с деятельностью ИППО. За последние четверть века опубликован объемный комплекс официальных документов, составленных В.Н. Хитрово, творческое и эпистолярное наследие, характеризующие именно эту сферу его 20-летней деятельности, которая ведет свой хронологический отсчет с 1880-1882 гг. (напр., «Россия в Святой земле. Документы и материалы». В 3 тт.).

*Алейников А.В., Мальцева Д.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ «НОВЫМИ» РИСКАМИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ¹

В условиях формирования нового типа публичного управления в современной России на основе использования цифровых технологий и алгоритмов происходит трансформация «общества риска». Это определяет и существенно влияет на специфику адаптации, приспособления к новым условиям существования, принципиально иным опасностям, связанными и с использованием цифровых технологий и алгоритмов, что актуализирует разработку теоретико-методологического инструментария в предметной области исследований роли риск-рефлексий в условиях растущей неопределенности.

Подобные исследования призваны объяснить выбор стратегий реагирования на угрозы из триад «замри – беги – сражайся» или «выход – голос – верность» в «VUCA-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/> в части тезисов, написанных А.В. Алейниковым и при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 123091200053-0 «Динамика трансформации цифрового публичного управления в современной России: политические стратегии и риски в условиях эскалации глобального конфликта», который реализуется в ИНИОН РАН в части тезисов, написанных Д.А. Мальцевой.

среде» (volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность).

Отдельным вызовом для политической науки является анализ «структурирования работы с рисками как двустороннего процесса» [1], что дает возможность минимизации последствий иерархичных рисков для тех слоев общества, чьи возможности для этого ограничены [2].

На связь результатов переживания последствий угроз и ответственности за социальные и политические действия внутри пространства риска обратил внимание, в частности, Джеффри Александер, утверждающий, что члены сообщества, которых «заставили пережить какое-либо ужасающее событие не только устанавливают на сознательном уровне наличие и источник человеческих страданий, но и принимают на себя существенную ответственность за них. отрицая реальность страданий других, такие группы не только преуменьшают свою ответственность за их страдания, но часто и перекладывают ответственность за свои собственные страдания на этих других» [3].

Рассматривая феномен травмы, Александер сформулировал основные подходы к созданию «господствующего нарратива» рисков, который используется нами для аналитики репрезентаций их рефлексий.

1. «природа боли» – как конкретная угроза повлияла на общество в целом и на определенные социальные группы?
2. «природа жертвы» – на какую группу/группы определенных индивидов был направлен «главный удар» угрозы?
3. «связь жертвы с более широкой аудиторией» – видит ли связь репрезентации угроз социум в целом между собой и «группой-жертвой», сможет ли символически присоединиться к ее переживанию?
4. «распределение ответственности» – для создания убедительного нарратива риска важно установить личность «злодея», который, собственно, и виновен в возникновении опасности. поскольку, как пишет исследователь, это всегда вопрос конструирования символов и социального конструирования, соотнесение реальных рисков с символическими системами их восприятия производят травматические ожидания, которые начинают жить своей собственной жизнью, массово вовлекаясь в политический процесс [3]. Основная проблема заключается в степени, в которой общество пытается контролировать неконтролируемое.

В концепции П. Штомпки средством как снижения неопределенности, так и нейтрализации риска является доверие.

По мере расширения социальных контактов и количества потенциальных партнеров увеличивается «риск, что они предпримут действия, которые не всегда окажутся выгодными для нас, а, напротив, могут принести нам вред» [4]. При этом доверие или недоверие влияют на наши действия и восприятие окружающей действительности и формируют некие установки в отношении других людей и рисков.

Литература

1. *Slovic P.* The Perception of Risk. London; 2000.
2. *Tierney K.* Toward a critical sociology of risk// Sociological Forum. 1999. № 14 (2).
3. *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М., 2013.
4. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества: М., 2005.

РОЛЬ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА КНР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ТАЙВАНЯ В 2002-2022 гг.

Летом 2022 года произошло обострение отношений между КНР и Тайванем, вызванное визитом Спикера Палаты Представителей США Нэнси Пелоси. Эти события уже получили название четвертого китайско-тайваньского кризиса, и многие эксперты по всему миру ведут дебаты о его причинах. На наш взгляд, более вероятно, что кризис произошёл не из-за официальной политической позиции КНР, а из-за персонализированной политики её руководителя – Президента Си Цзиньпина. Этот тезис строится на том, что Си Цзиньпин за 10 лет нахождения на посту главы КНР сильно персонализировал политику страны, и в этой связи жёсткая реакция на визит Пелоси на Тайвань вызвана в большей степени реакцией самого Си Цзиньпина и его группы элит.

Рассмотрение выдвинутого тезиса проведено с опорой на теорию политических элит Гарольда Лассуэлла. Учёный разграничивает такие понятия как «politics» и «policy». По мнению Лассуэлла под «politics» следует понимать борьбу за власть, а под «policy» результат этой борьбы. В КНР высшим органом, принимающим решения, является Постоянный Комитет (ПК) Политбюро ЦК КПК, включавший в разное время от 5 до 9 человек (в настоящее время – 7). Выборы членов ПК Политбюро проходят на закрытом заседании, где происходит борьба за власть – «politics». После избрания члены ПК участвуют в решении тех или иных государственных вопросов, что выливается в «policy». Заседания ПК носят закрытый характер, поэтому попытка отследить позицию политиков можно с помощью дискурс-анализа транскрипта их речей. Проводя дискурс-анализ речей политиков этого уровня, можно выявить схожесть и возможные различия их высказываний по ключевым политическим проблемам с общепринятой официальной позицией КНР и меняющимся личным мнением главы государства.

Данное исследование опирается также на теорию «Социального конструктивизма» Александра Вендта. С её помощью можно более точно разграничивать личные мотивы акторов по отношению к объектам, а также отслеживать их изменения, если таковые имеются.

Методология исследования включает в себя два основных метода: *process tracing* и критический дискурс анализ. *Process tracing* хорошо подходит для тестирования гипотез исследования, с его помощью можно рассмотреть как можно больше альтернативных исходов. С помощью критического дискурс анализа можно разделить сложную структуру предложения со своей лексикой и социальный контекст высказывания. Для социального конструктивиста дискурс важен, потому что он передает нормы и идентичности, которые формируют внешнюю политику, непосредственно через логику целесообразности или через формирование интересов, которые, в свою очередь, формируют внешнюю политику.

Для подтверждения или опровержения выдвигаемого нами тезиса, были сформулированы две гипотезы:

Первая гипотеза: Си Цзиньпин персонализировал власть в государственном аппарате за время своего руководства страной с 2012 по 2022 годы, чем объясняется его столь жесткая реакция на визит Пелоси, следствием которой стало обострение политического кризиса.

Вторая гипотеза является альтернативой первой: Си Цзиньпин не обладал чрезмерной персонализированной властью в государственном устройстве КНР, и недавний тайваньский кризис стал лишь следствием реакции Президента Китая на внешние, неподконтрольные ему факторы.

Таким образом, цель исследования – определить изменения политической риторики в отношении Тайваня в официальных выступлениях членов ПК Политбюро ЦК КПК в период с 2002 по 2022 гг., и на этом основании попытаться ответить на исследовательский вопрос: являются ли изменения в политике КНР в отношении Тайваня результатом личной политики Президента страны Си Цзиньпина, или они в большей степени вызваны влиянием внешних сил?

Алексеева Л.В.
(МАОУ «Лицей-интернат №7», Казань)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В ШКОЛЕ

Политическая грамотность и политическая социализация: как же они связаны? Политическая грамотность лежит в основе политической социализации. Понятие «политическая грамотность» неоднозначно. По мнению ряда исследователей, под политической грамотностью следует понимать «уровень обществоведческих знаний, умений и навыков политической деятельности, нравственных и гражданских качеств личности, позволяющий ей сознательно участвовать в политической жизни общества». Однако, политическая грамотность – это не только знания в сфере политики, но и умение ими пользоваться, то есть результатом освоения политической грамотности становится усвоение политических норм и ценностей общества, необходимых индивиду для адаптации в политической системе, сложившейся в обществе. Кроме того, часть исследователей считают политическую грамотность частью функциональной грамотности, поскольку политологические знания, полученные на уроках в школе необходимы для личностного развития и формирования активной гражданской позиции.

Особую роль в этом процессе играют уроки обществознания, на которых формируется образ политики, осваиваются основные политологические понятия, формируется критическое мышление школьников.

В настоящее время в школах осуществляется переход на обновленный Федеральный государственный образовательный стандарт, составной частью которого стала Федеральная образовательная программа, включающая в себя Федеральные образовательные программы по всем предметам, в том числе и по обществознанию.

Среди целей изучения учебного предмета «Обществознание» названы следующие: воспитание общероссийской идентичности, патриотизма, гражданственности, социальной ответственности, правового самосознания, приверженности базовым ценностям нашего народа; развитие личности на исключительно важном этапе её социализации – в подростковом возрасте, становление её духовно-нравственной, политической и правовой культуры; освоение учащимися знаний об основных сферах человеческой деятельности, социальных институтах, нормах, регулирующих общественные отношения, необходимые для взаимодействия с социальной средой и выполнения типичных социальных ролей человека и гражданина; создание условий для освоения обучающимися способов успешного взаимодействия с различными политическими ...и другими социальными институтами.

Среди планируемых результатов называются личностные результаты в части гражданского и патриотического воспитания.

Знакомство с политикой начинается еще на ступени основного общего образования в 6 классе с темы «Политическая жизнь общества», со знакомства с такими понятиями, как «государство», «государственная власть», «символика государства»; в 7 классе учащиеся при изучении тем «Права и свободы человека и гражданина Российской Федерации. Гарантии и защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Конституционные обязанности гражданина Российской Федерации» начинает освоение социальной роли гражданина, что является составной частью процесса политической социализации. И уже в 9 классе знания о политике у учащихся начинают заметно расширяться. Большая часть учебного времени здесь посвящена изучению политико-правовой сфере общества: рассматриваются такие понятия, как «Политика», «политическая власть», «признаки государства», «внутренняя и внешняя политика», «форма государства», «монархия», «республика», «унитарное и федеративное государственно-территориальное устройство», «политический режим», «демократия», «демократические ценности», «правовое государство», «гражданское общество», «выборы», «референдум», «политические партии», «Общественно-политические организации». Кроме того, теоретические знания конкретизируются на материалах Конституции РФ.

На ступени среднего общего образования продолжается формирование политической грамотности: в 11 классе на базовом уровне представлен блок «Политическая сфера», а на углубленном уровне блок «Введение в политологию».

Выше обращалось внимание на то, что на уроках обществознания учащиеся должны овладеть навыками критического мышления, как части политической грамотности. Эта цель, на наш взгляд, лучшим образом может быть достигнута при применении интерактивных образовательных технологий, которые в свою очередь способствуют достижению как предметных, так и метапредметных результатов на всех ступенях образования.

И в заключении необходимо отметить, что в полном объеме основы политической грамотности в школе можно сформировать, используя и ресурсы внеклассной воспитательной работы.

Алексенко Д.А., Азизова Л.Т.
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

АНАЛИЗ КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ХОДЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2023 ГОДА

Следуя современным трендам, политические деятели активно стремятся увеличить свою присутствие в социальных сетях. Они привлекают политических технологов, специалистов по социальным медиа, копирайтеров и выделяют значительные средства из бюджета на расходы, связанные с онлайн-продвижением. Важным аспектом этой стратегии является то, что ведение аккаунтов на различных платформах обходится дешевле, чем традиционные методы, такие как печать брошюр, размещение на билбордах и др. Поэтому управление социальными медиа-профилями становится неотъемлемой частью современных политических технологий для продвижения политических деятелей и формирования их имиджа. Интернет-технологии имеют огромное влияние на современное общество. Они проникли во все сферы нашей жизни, включая политические процессы. В последние десятилетия интернет стал неотъемлемой частью предвыборных кампаний, предоставляя политическим кандидатам и их командам мощный инструмент для коммуникации с избирателями.

Несмотря на то, что цифровые коммуникации сегодня активно используются в сфере российского государственного управления, на региональном уровне, можно утверждать, что потенциал и возможности социальных сетей, используются неэффективно. В России социальные сети в политической сфере служат преимущественно современным и технологичным аналогом доски объявлений, используемой в основном только для информирования аудитории и/или создания имиджа. И хотя активность руководителей

субъектов федерации в социальных сетях и популярность их аккаунтов в значительной степени различается, в целом большинство из них пытаются применить новые технологии для реализации устаревших моделей коммуникации. К открытой двухсторонней коммуникации с аудиторией и решению реальных проблем пользователей они пока не готовы. Отсюда вытекает проблема эффективности ведения социальных сетей политических акторов.

В исследовании применялись принципы и подходы, отражённые в работах Белоконова С. Ю., Васильева М.С., Титова В.В., Несмашного А. О., Сотникова С. А. и других исследователей интернет-активности политических акторов.

Целью исследования являлось отражение динамики публикации тем высшими должностными лицами регионов, в которых проходят прямые выборы главы субъекта Федерации.

Для достижения цели был составлен массив данных, определены основные темы и типы контента при помощи аналитической системы «Popsters». Были выбраны 10 самых популярных постов губернаторов по критерию «просмотры» в период с 1 мая по 10 сентября 2023 года. Затем был разработан систематический и структурированный подход к категоризации содержимого. Процесс категоризации включал разбор каждого текста, определение основной идеи или темы, такие как здравоохранение, армия, транспорт и т.д. Основные шаги категоризации включали в себя прочтение текстов для понимания содержания, выделение ключевой информации, создание категорий, а также применение этих категорий для классификации текстов и выявления общих тем.

Далее, в рамках методологии количественного контент анализа, был осуществлен процесс тэгирования данных. Этот процесс состоял в выделении определенных тегов или меток для каждой текстовой единицы, которые характеризовали определенные типы контента (новостные, деятельность, личный контент, взаимодействие с избирателями). Это позволило осуществить дальнейший анализ данных и выявить наиболее часто публикуемые темы в социальных сетях высших должностных лиц и количество их просмотров. На основе проведенного анализа были сделаны выводы о стратегиях коммуникации политических деятелей в социальных сетях, их влиянии на общественное мнение и другие аспекты политической деятельности.

Алешин А.А.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ПОТЕНЦИАЛ ТЕКТОЛОГИИ А.А. БОГДАНОВА В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современные общественные науки имеют дело со сложной и многоуровневой реальностью. Онтологически они включают в себя такие проблемы как дихотомия материального и идеального в общественных процессах, агент-структурные отношения, системный холизм или индивидуально-поведенческий редукционизм, место исследователя в процессе научного поиска и другие. В политической науке и науке о международных отношениях это приводит к фрагментации теории, образованию парадигм, радикально противоречащих друг другу.

В условиях теоретической фрагментации в науке о международных отношениях исследователи сталкиваются с трудностями объяснения и прогнозирования международно-политических процессов. В то же время сами эти процессы демонстрируют динамичность и изменчивость.

В этой связи представляется, что существенным потенциалом обладает применение системной теории в международных отношениях. Развитие специально-научных системных теорий в политической науке, основывающихся на достижениях общей теории

систем и кибернетики, пережило значительный всплеск в 1940–1980-х гг. Однако постмодернистский теоретико-методологический поворот и укрепление позиций социального конструктивизма показали ограниченную применимость системной теории в общественных науках вследствие онтологической неоднозначности объектов исследования, эпистемологической неопределенности в субъект-объектных отношениях, сложности математической формализации методов общественных наук.

Кроме того, системная теория обладает рядом противоречий. Прежде всего, ведется дискуссия о том, являются ли системы (в том числе социальные) объективными, или же они представляют собой лишь исследовательский инструментарий. Отметим ограниченность возможностей системной теории для изучения внутрисистемных социальных процессов, выявления внутренних законов развития и распада. Также ей свойственна абстрактная трактовка внешней для социальной системы среды, в которой акцентируется обмен системы информацией и ресурсами с внешним миром без должного анализа сути последнего. Кроме того, большинство системных теорий основываются на принципе холизма, что ограничивает изучение динамики систем, в развитии которых наблюдается не только прогресс, но и регресс и распад.

Тектология А.А. Богданова преодолевает некоторые из этих противоречий. Она позволяет рассматривать социальные системы в динамике и на различных уровнях. При этом становится возможным игнорирование проблем детерминизма/индетерминизма и объективности социальных систем. Тектология показывает свою эффективность в исследовании как внутрисистемных процессов, выявления внутренних законов развития и распада, так и внешней системы среды. Важно и то, что в тектологической трактовке исследуются не только холистские, но и дезорганизующиеся и распадающиеся системы. По Богданову, совокупность элементов, находящаяся в процессе распада, но по тем или иным причинам все еще сохраняющая связи, является системой. Это особенно важно для изучения динамичных социальных явлений и процессов.

Тектология предоставляет обширный исследовательский инструментарий для исследования международных отношений, позволяет выделить наиболее общие закономерности развития этой части социального пространства, становится основой для долгосрочного прогнозирования международно-политических процессов. Для социальных наук важна ее опора на качественные методы.

Отметим, что тектология позволяет объяснить почему происходят изменения в организации той или иной международно-политической системы, прослеживая ее место в динамике в системе международных отношений и шире – во взаимодействии с природой и обществом. Это в полной мере соответствует современным достижениям естественных, социальных и гуманитарных наук. При этом при анализе того, как происходят эти изменения именно в социальной среде, необходимо обращаться к специально-научным теориям, к теориям международных отношений.

В докладе будут приведены основные понятия и положения тектологии, проиллюстрированные примерами из международных отношений.

Андрианов В.В.

(Финансовый университета при Правительстве РФ, Москва)

ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ

Одной из ключевых сфер мировой экономики является топливно-энергетический комплекс, служащий фундаментом для развития промышленных отраслей и других сфер жизнедеятельности. В связи с этим политические и экономические процессы,

происходящие в области энергетики, могут выступать в роли как драйвера, так и сдерживающего фактора общей глобализации.

С середины 1970-х годов в мире начала выстраиваться система глобальной энергетической безопасности, отвечающая интересам, в первую очередь, коллективного Запада. Она включала в себя комплекс связанных механизмов.

Политический механизм предполагал установление более тесных политических связей государств Запада с рядом нефтедобывающих стран и втягивание их в орбиту влияния США. В частности, США были вынуждены искать компромисс с ближневосточными монархиями, чтобы избежать повторения нефтяных шоков 1970-х годов. Официальный Вашингтон взял на себя роль гаранта военно-политической безопасности Саудовской Аравии и Ближнего Востока в целом в обмен на гарантии бесперебойных поставок энергетических ресурсов.

Финансовый механизм включал в себя развитие биржевой торговли на Нью-Йоркской товарной бирже, а затем, с середины 1980-х годов, и на Лондонской международной нефтяной бирже. Были также созданы так называемые маркерные сорта нефти, стоимость которых определялась в результате торгов на основных фондовых площадках, в то время как стоимость всех прочих сортов (включая российскую смесь Urals) оказывалась привязана к котировкам данных маркеров.

Технологический механизм. Важнейшим элементом обеспечения энергетической безопасности коллективного Запада стало формирование технологической зависимости ведущих нефтегазодобывающих стран от западных технологий. Проникновение американских и европейских компаний на национальные рынки развивающихся стран всесторонне поддерживалось при помощи государственных рычагов и имело своей целью не только получение экономической прибыли, но и решение политических задач.

Стандарты. В качестве еще одного элемента системы международной энергетической безопасности, выстроенной в интересах исключительно коллективного Запада, можно выделить международные технические стандарты в нефтяной отрасли. Ведущую роль в продвижении таких стандартов играют организации, функционирующие в западных странах, и в первую очередь – Американский нефтяной институт (American Petroleum Institute, API). Внедрение стандартов API ведет к усилению технологической зависимости стран-производителей нефти от ведущих технологически развитых держав.

Правовые механизмы. Система соглашений и контрактов, действующих в нефтегазовой промышленности, опирается на западную систему права и арбитража, что приводит к возникновению дополнительных рисков для России. Наиболее показательными примерами здесь являются многочисленные апелляции бывших акционеров ЮКОСа к зарубежным судебным инстанциям, а также действие механизма соглашений о разделе продукции (СРП).

Нарратив. Западные информационные агентства и СМИ получили глобальный контроль над информационной повесткой в области энергетики. Это позволяет разворачивать масштабные антироссийские информационные кампании, обвинять РФ в разрушении системы глобальной энергетической безопасности, винить российскую сторону в диверсиях, совершенный западными спецслужбами (подрыв двух ниток газопровода «Северный поток-2»).

Однако в последние годы ярко проявилась противоположная тенденция, связанная с деглобализацией мировой энергетики, обусловленная как экономическими, так и в первую очередь политическими факторами.

Развязывание коллективным Западом санкционной войны против России и ряда других стран-производителей углеводородного сырья ведет, с одной стороны, к тяжелым экономическим последствиям и для стран производителей и, даже в большей мере, – для стран-потребителей энергоресурсов (в первую очередь для Европы), а с другой стороны, становится причиной фрагментации глобальных рынков энергоносителей. Направления потоков сырья оказываются в зависимости от политических предпочтений тех или иных

государств, формируются новые альянсы и союзы, основанные как на общности внешнеполитических ориентиров, так и на тесной кооперации в энергетической сфере.

В то же время разрушаются перечисленные инструменты глобализации энергетических рынков. В этой связи перед Россией стоит важнейшая политическая задача: на основе широкого партнерства с дружественными странами и с использованием возможностей различных интеграционных объединений (в первую очередь БРИКС) сформировать основы для создания новой системы глобальной энергетической безопасности. Данная система должна отвечать целям устойчивого развития и базироваться на принципах равноправия, справедливости и соблюдения интересов как производителей, так и потребителей энергетических ресурсов.

Аничкина А.В.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ¹

Цифровизация является одним из наиболее значимых трендов современного общества, который охватывает все сферы жизни человека и оказывает значительное влияние на экономику, политику, образование, здравоохранение и другие области. Это процесс внедрения цифровых технологий, автоматизации процессов и перехода к электронным формам взаимодействия.

Основными направлениями цифровизации являются:

Информационные технологии. Разработка и внедрение новых информационных технологий, таких как искусственный интеллект (AI), машинное обучение, большие данные (Big Data), интернет вещей (IoT), облачные технологии и блокчейн, является приоритетным направлением для многих стран. Эти технологии позволяют оптимизировать процессы, повысить эффективность и снизить затраты на производство товаров и услуг.

Цифровая экономика. Развитие электронной коммерции, финтех-индустрии, электронной коммерции и других областей, связанных с использованием цифровых технологий в экономике, становится все более актуальным. Цифровые инновации позволяют создавать новые рынки, улучшать эффективность бизнес-процессов и повышать конкурентоспособность компаний.

Образование и наука. Цифровизация образования позволяет улучшить качество обучения и сделать его более доступным для всех слоев населения. Внедрение цифровых технологий в научные исследования способствует ускорению процесса получения новых знаний и их применения на практике.

Здравоохранение. Использование цифровых технологий в медицине позволяет повысить качество медицинских услуг, снизить затраты на лечение и предотвратить распространение заболеваний. Телемедицина, электронные медицинские карты, системы мониторинга здоровья и другие цифровые решения становятся неотъемлемой частью современной системы здравоохранения.

Промышленность и производство. Цифровизация производства позволяет оптимизировать производственные процессы, улучшить контроль качества продукции и снизить издержки на ее изготовление. Применение цифровых двойников (Digital Twins), аддитивных технологий и интернета вещей способствует созданию новых производственных возможностей и повышению конкурентоспособности предприятий.

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке РНФ 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Экология и природопользование. Использование цифровых технологий при мониторинге состояния окружающей среды и прогнозировании климатических изменений позволяет своевременно предотвращать и ликвидировать последствия природных и техногенных катастроф, а также принимать обоснованные решения в области экологической политики.

Безусловно, тренд на цифровизацию оказывает влияние и на взаимодействие государства и гражданина. Можно выделить несколько основных направлений, необходимых в современных условиях:

Создание электронных государственных услуг: Государство должно предоставлять гражданам возможность получать услуги в электронном виде, чтобы упростить процесс и сократить время ожидания.

Развитие дистанционного взаимодействия: Государство должно активно развивать дистанционные формы взаимодействия с гражданами, такие как электронные обращения, онлайн-консультации и т.д.

Защита персональных данных: Государство должно обеспечивать защиту персональных данных граждан, хранящихся в электронных системах, и контролировать их использование.

Обучение и информирование граждан: Государство должно проводить обучение и информирование граждан о возможностях и преимуществах использования цифровых технологий в повседневной жизни.

Поддержка малого и среднего бизнеса: Государство должно оказывать поддержку малому и среднему бизнесу в переходе на цифровые технологии, предоставлять налоговые льготы и субсидии на внедрение новых технологий.

Развитие инфраструктуры: Государство должно инвестировать в развитие инфраструктуры, такой как широкополосный доступ в интернет, чтобы обеспечить доступность цифровых технологий для всех граждан.

Сотрудничество с международными партнерами: Государство должно сотрудничать с международными партнерами для обмена опытом и знаниями в области цифровизации, а также для привлечения инвестиций в эту сферу.

В целом, цифровизация открывает новые возможности для развития общества, экономики и государства, а также способствует повышению уровня жизни населения. Например, в области образования она позволяет улучшить качество обучения, сделать его более доступным и гибким. В здравоохранении цифровизация помогает повысить эффективность диагностики и лечения, а также снизить затраты на медицинские услуги. В экономике цифровые технологии способствуют созданию новых рынков и улучшению бизнес-процессов. Кроме того, цифровизация может помочь в решении экологических проблем, например, путем мониторинга состояния окружающей среды и прогнозирования климатических изменений. Однако, для успешного внедрения цифровых технологий необходимо учитывать социальные, экономические и экологические аспекты, а также обеспечить защиту персональных данных и информационной безопасности.

Антипов А.А.
(КФУ, Казань)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ПЕРСПЕКТИВА

Цифровой суверенитет – это понятие, которое относится к возможности государства контролировать свои цифровые данные, информационные системы и технологии. Оно представляет, что государство должно иметь полный доступ и контроль над своей цифровой инфраструктурой, чтобы обеспечивать безопасность, независимость и защиту

своих граждан. Цифровой суверенитет в наше время стал более актуальным явлением, когда информационные технологии проникают во все сферы жизни и экономики. Государства осознают, что зависимость от иностранных поставщиков цифровых услуг и технологий может повлиять на появление угрозы для национальной безопасности и экономического развития.

Один из главных аспектов цифрового суверенитета является разработка и использование собственных технологических решений, которые не будут зависеть от иностранных компаний или правительств. В это может входить разработка собственных программных продуктов, облачных сервисов и других технологий. Цифровой суверенитет и национальная безопасность государства связаны между собой. Цифровая инфраструктура и данные становятся все более важными для функционирования государства и его экономики, поэтому контроль над ними является неотъемлемой частью национальной безопасности.

Цифровой суверенитет дает возможность государству иметь полный доступ и контроль над своими цифровыми данными и информационными системами, что способствует защите национальной безопасности. Государство может разрабатывать и использовать собственные технологические решения, что уменьшает риски для вмешательства или контроля со стороны других стран. Цифровой суверенитет предполагает защиту цифровых данных граждан от несанкционированных доступов. Государства должны иметь законодательные и технические меры, чтобы обеспечивать конфиденциальность, целостность и доступность данных.

В случае происшествий, приводящих к неблагоприятным событиям, таких как кибератаки, утечки данных или злоупотребление информацией, государство может стать уязвимым и начать подвергаться угрозам со стороны других государств, преступных группировок или даже отдельных хакеров. Потеря контроля над цифровой инфраструктурой может привести к очень серьезным последствиям, включая нарушение национальной безопасности, экономических потерь и ущерб для граждан.

Цифровой суверенитет стал важной темой для большого количества стран, особенно для тех, которые стремятся развивать свою цифровую экономику и обеспечить безопасность своих граждан. Всё это требует инвестиций в научно-технический потенциал, развитие кадров и создание благоприятной экосистемы для развития цифровых технологий.

Так, цифровой суверенитет может играть не последнюю роль в обеспечении национальной безопасности государства и позволять контролировать свои цифровые данные, информационные системы и технологии, также обеспечить защиту своих граждан от угроз и рисков в цифровой сфере.

Апанович М.Ю.
(МГИМО МИД России, Москва)

ИЗМЕРЕНИЕ РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В МИГРАЦИИ И ВЫБОРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ¹

Этапы развития общества сопровождались изменением ценностных ориентиров и созданием систем или принципов социального поведения. Но до сих пор исследования общества в рамках социальной науки и психологии являются актуальными. Эксперты пытаются измерить ту долю трансформации и изменения в подходах, которая происходит по хронологии. Что есть социальная норма? Вопрос того, как она формируется и

¹ В рамках реализации проекта Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (исследовательская программа «Человеческий потенциал и глобальная социальная политика»; исследовательский проект: «Изменение роли социальных норм и гендерных стереотипов в выборе образования»).

модифицируется лежит в основе современных исследований и дискуссий. Исходя из этого, ключевой идеей данного круглого стола является поиск и рассмотрение трансформаций современных норм и их влияния на процессы миграции, в частности образовательной миграции, а также изменение в целом приоритетов в выборе образовательной траектории. К участию в круглом столе приглашаются заинтересованные лица, занимающиеся исследованиями проблематики в области социологии, экономики, демографии, юриспруденции, психологии.

Среди особенностей современного миграционного процесса можно выделить аспект феминизации. Все большее число женщин активно вовлекается в миграционный процесс, что мотивируется целым рядом экзогенных и эндогенных факторов. Эти факторы меняются от периода к периоду. Наиболее «мощными» мотивами могут быть экономические, политические, личностные и психологические. Однако комплексно рассмотреть эти две группы факторов миграции достаточно сложно. Поэтому представляется важным поиск некоего «агрегированного» фактора, который включал бы в себя как одну группу детерминант, так и другую. По мнению авторов, такими факторами являются поколенческие детерминанты.

С точки зрения поколенческих теорий каждое поколение формируется в определенных внешних условиях (политические события, экономические потрясения, социальные катаклизмы). Кроме того, на процесс формирования представителей того или иного поколения оказывают влияние различные психологические и поведенческие аспекты. Таким образом, взаимосвязь поколенческой теории, с одной стороны, и миграционных моделей, с другой, позволит выявить общие и особенные черты в миграционном поведении представителей разных поколений российских женщин, прошедших свое отрочество и юность в советский и постсоветский периоды, осветить новые аспекты поколенческой теории поведения. Это также позволит разработать новые рекомендации по управлению миграционными потоками. Теоретическая база исследования составляет исследования поколенческих особенностей (К. Мангейм и пр.), социальные теории поколений (Штраус и Хоув), а также исследования в области миграции (Рязанцев, Воробьева и пр.). Методы и подходы к исследованию обусловлены целью, т.е. выявлением преемственности (или ее отсутствия) в моделях миграционного поведения женщин, относящихся к разным поколениям, и базируются на статистических переписных данных Росстата, а затем Росстата. Количественные результаты проведенного исследования доказывают, что модель миграционного поведения поколения 3 (по данным переписной статистики 1979 года) не полностью повторяется в дочернем поколении 5 (по данным переписной статистики 2010 года). Индивидуальные особенности поколения определяют изменения в миграционном поведении его представителей. Важно также отметить, что поколение, считающееся «дочерним», находится в активном репродуктивном и трудоспособном возрасте. Поэтому государствам необходимо продолжать усиливать меры по поддержке этой категории. Во-первых, это стимулирование демографических установок, что является основной целью мероприятий, реализуемых в настоящее время в рамках национального проекта «Демография». Вторая – создание благоприятных условий для реализации потенциала женской рабочей силы с целью предотвращения побуждений к миграции (особенно иммиграции). К элементам системы, формирующим такую среду, можно отнести меры, направленные на предотвращение дискриминации на рабочем месте по признаку пола женщины и совершенствование механизмов поддержки женщин, которые не работают, но хотят получить или сменить профессию. В частности, важно разработать инструменты поддержки в сельской местности, позволяющие женщинам более рационально управлять своими миграционными потоками.

ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НУЖНЫ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОБСТВЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Цель следующего текста – упомянуть новые направления политологических знаний, которые может предложить Латинская Америка и выразить протест против однородности знаний. Возможно, читатель подумает, что эти слова уже сказаны великими философами, политологами, экономистами и другими. Однако ключевой особенностью является то, что эти выводы делаются на основе комбинации латиноамериканского происхождения и опыта, полученного в процессе проживания в России с 2017 г.

Однажды, профессор РУДН начала свою лекцию с ключевых вопросов: почему в XXI веке так мало участия молодежи в философии и политике? Нам нужны философы или политологи? Какова роль различных континентов в производстве знания? Это был вопрос над которым я много размышляла и рассматривала его как личное исследование. С детства я ставила под сомнение образовательную систему, так как думала, что это наложенная модель, не что-то собственное и исходное для нашего народа. Затем я училась в университете в Эквадоре; там я встретила преподавателей, которые способствовали моему углублению в размышления, логику и анализ, но постоянно подавляли желание обратиться к философии и политике из-за двух особых обстоятельств.

Первая причина заключается в том, что в эпоху информации общество хочет мгновенных ответов и не допускает философских размышлений, тем более, когда в политической философии вопросы уже имеют слишком много ответов от разных авторов. Они преподаются в университетах всего мира, но это были ответы из других времен и контекстов. Вторая часть и то, что приводит к основному тезису: Латинская Америка имеет свою философию и политологические знания и может найти те же или совершенно иные ответы из своего мировоззрения. Однако этот континент, пережил процесс колонизации и теперь теоретически независим и суверенен, но остаются следы психологической и образовательной колонизации. Знания о политологии всегда приходят в виде импорта из Запада, из совершенно чужого контекста. Как сказал уругвайский писатель Галеано: «Теперь Америка для мира – это всего лишь Соединенные Штаты: мы, максимум, обитаем в Субамерике, второсортной Америке, в туманном определении. Это Латинская Америка».¹

Мало университетов в мире выделяют философию наших народов и предков. Так что мой ответ на вопрос профессора породил другой вопрос: готов ли мир слушать новых философов XXI века и признавать другие направления знаний? Существует ли возможность понимать слова как демократия, справедливость или государство с другой этнологии, а не только европейской? Существует ли новая политико-философская парадигма, требующая деколонизации наших представлений и позволяющая одним и тем же философским вопросам давать разные ответы в зависимости от происхождения и контекста?

В мире мало известно о достижениях латиноамериканской цивилизации. Часть индейской культуры, теперь известная как течение индигенизма, относится к «широкой группе речей и знаний о политике, социальных науках и других, заботящихся о статусе «индейца» в латиноамериканских обществах»². В рамках своей социально-политической философии оно определяет человека как часть природы и подчеркивает, что государство должно защищать природу за пределами риторики, рассматривая ее как субъекта прав. «Конституция Республики Эквадор признает и гарантирует два конституционных права

¹ Галеано Э. Открытые вены Латинской Америки-Мадрид, 2010.

² Тарика Э. Индигенизм - Оксфорд, 2017.

природы: 1) полное уважение её существования; 2) восстановление. В то время как верховный закон устанавливает обязанности государства и граждан, ориентированные на уважение природы»¹. В этом году в Эквадоре прошел национальный референдум по эксплуатации нефти в Амазонии. Эта страна одна из первых в мире, которая демократически защитила природные ресурсы перед их эксплуатацией.

Связь этого аргумента с Россией заключается в том, что эта страна доказала свою идентичность, политические модели и индивидуальное философское самооткрытие сквозь время, несмотря на различия с преобладающими мнениями. Этот пример может стать плодородной почвой для поддержки латиноамериканской философии и начала ее пути к деколонизации знаний.

Латинская Америка имеет мировоззрение, включающее природу, разрабатывает новую категорию политического мышления, отношения человека к окружающей среде. Это древнее малоизвестное знание, которое не возникло из экологической вины, порожденной промышленной революцией. Оно использует понятия, ранее созданные, такие как демократия, справедливость и суверенитет, но с иной логикой мышления, которые могут породить новые направления знаний и реальные решения глобальных проблем.

*Арсентьева И.И.
(ИФиП УрО РАН, Екатеринбург)*

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА)

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) привлекают все большее внимание Китая по мере роста его значимости в системе мировой политики и международных отношений. КНР стремительно расширяет свое присутствие в регионе, что проявляется прежде всего в экономической сфере: в настоящее время это главный торговый партнер Южной Америки и второй региона в целом. 22 страны ЛАК являются участниками инициативы «Пояс и путь», в рамках которой китайские компании возводят и модернизируют инфраструктуру – морские порты, автомобильные и железные дороги, мосты, электросети и т.д. Укрепляются гуманитарные связи, а во время пандемии COVID-19 Пекин широко использовал так называемую масочную дипломатию. Многие эксперты полагают, что подобная активность в латиноамериканском направлении с большой долей вероятности обернется открытым конфликтом с Вашингтоном, который по инерции продолжает считать ЛАК своим «задним двором» и воспринимает китайское присутствие как угрозу национальным интересам и безопасности. Так, например, в Стратегии национальной обороны США, обнародованной в 2022 г., Китай назван основным конкурентом на ближайшие десятилетия.

Есть и другая точка зрения, согласно которой действия Пекина в регионе, хотя и укладываются в общую логику внешнеполитического курса по установлению Pax Sinica, не имеют своей целью бросить прямой вызов Вашингтону. В то же время очевидно, что задачи, которые изначально ставил перед собой Китай, – доступ к природным ресурсам ЛАК, выход на новые рынки сбыта экспортной продукции, дипломатическая изоляция Тайваня, дополняются сегодня более обширными, стратегическими, интересами. Это нашло отражение и в Инициативе в сфере глобальной безопасности (Global Security Initiative, GSI), впервые озвученной главой КНР на Беооском Азиатском форуме в апреле 2022 г. В своем выступлении Си Цзиньпин призвал отказаться от менталитета холодной войны и стремления к собственной безопасности за счет безопасности других, поскольку

¹ Конституция Эквадора – Монтекристи, 2008.

гегемонизм и политика силы ставят под угрозу мир во всем мире. В феврале 2023 г. опубликован полный текст Инициативы, которая направлена, согласно заявлениям китайского руководства, на устранение первопричин международных конфликтов, совершенствование управления глобальной безопасностью, поощрение совместных международных усилий по обеспечению большей стабильности и определенности в нестабильную меняющуюся эпоху, содействие устойчивому миру и развитию в глобальном масштабе.

Инициатива демонстрирует, что Пекин уделяет все большее внимание сфере безопасности как одному из столпов взаимодействия с разными регионами мира, в том числе с ЛАК. При этом данный регион, в отличие от других глобально ориентированных документов Китая, выделен отдельным пунктом. В нем заявляется о поддержке Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) в деле обеспечения мира, безопасности и надлежащего урегулирования региональных конфликтов (несмотря на то что в настоящее время СЕЛАК не имеет институциональных механизмов для решения подобных вопросов). При этом в тексте не упоминается Организация американских государств, позиционируемая как ключевая структура Западного полушария в данной сфере. По мнению некоторых аналитиков, это свидетельствует о стремлении Пекина создать в регионе новые механизмы обеспечения безопасности, а не действовать в рамках уже существующих.

Как заявил руководитель испанской Обсерватории политики Китая Хулио Риос, Китай пришел в ЛАК надолго, его уход – роскошь, которую регион не может себе позволить. Происходит существенный рост не только экономической, но и политической зависимости стран ЛАК. Одна из их ключевых внешнеполитических задач заключается в лавировании между Вашингтоном и Пекином с тем, чтобы избежать втягивания в геополитическое противостояние двух держав. Однако в будущем это будет становиться все более проблематичным, поскольку в отношениях США и КНР достаточно велика вероятность реализации так называемой ловушки Фукидида, что доказывают, в частности, приоритеты GSI.

Артеев С.П.
(МГИМО МИД России, Москва)

РОССИЙСКАЯ ПАРАДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Начало 2020-х гг. в международной среде характеризуется глобальной конфронтацией. Можно выделить несколько базовых разломов, способных привести человечество к Третьей мировой войне. Первую строчку более полутора лет удерживает Украинский кризис. Второе-третье места делят ситуация на Корейском полуострове и «маятник» вокруг Иранской ядерной программы. Не следует недооценивать и американо-китайские торговые войны вкупе с тайваньским вопросом. В то же время разговоры о конце глобализации стали общим местом научного дискурса. Так или иначе, но фиксируется тренд на разделение – мир становится всё более разобщенным. В результате сложилась ситуация, в которой пострадали практически все сферы международного взаимодействия. И транснациональные связи внутригосударственных регионов не стали исключением. Кейс российской парадипломатии является наиболее репрезентативным в этом вопросе.

Украинский кризис оказал на российскую парадипломатию двойное влияние. С одной стороны, начиная с 2014 г. – присоединения Крыма к РФ и провозглашения ЛНР и ДНР на востоке Украины – западный вектор внешних связей субъектов РФ стал ощутимо стагнировать и фактически сошел на нет после начала Специальной военной операции РФ на Украине 24 февраля 2022 г. Огромное разнообразие парадипломатической активности,

создававшееся около 30 лет, было деинсталлировано в результате самой масштабной со времен Холодной войны конфронтации в Европе. С другой стороны, продвигаемый с 2014 г. «Поворот на Восток» во внешнеполитической программе РФ стал приобретать видимое парадипломатическое измерение. При этом федеральный центр, в отличие от ситуации по западному вектору внешних связей российских регионов в предыдущие десятилетия, оказывает более активное содействие. Тем не менее, пока о существенных успехах говорить рано. И вероятно, что это связано с фактором милитаризации региональной политической повестки на фоне СВО.

Военно-политическая нагрузка, которую приобрели регионы в 2022–2023 гг. стала значимым фактором международных связей субъектов РФ. Региональные органы власти теперь выполняют ранее не свойственные им функции, связанные с СВО – от формирования добровольческих батальонов и снабжения мобилизованных обмундированием до организации похорон погибших. Это существенная финансовая нагрузка на фоне санкций-контрсанкций и возникших экономических проблем ставит российскую парадипломатию перед двумя основными вызовами. Во-первых, ресурсная недостаточность делает российские регионы менее привлекательными партнерами для субнациональных регионов и государств Азии и других не-западных ареалов, особенно в вопросах инвестиций и научно-технологических проектов. Во-вторых, неизбежное в будущем налаживание взаимодействия с Западом, что зафиксировано в официальных актуальных документах внешнеполитического планирования РФ (Концепция внешней политики РФ 2023 г.), в том или ином формате по парадипломатическому треку теперь выглядит куда более проблематичным.

Таким образом, наблюдаемая военно-политическая нагрузка субъектов РФ с точки зрения развития парадипломатии является риском, независимо от направления и сферы внешних связей регионов.

Арутюнов А.Г.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

КРЯШЕНЫ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТОВ РОССИИ

Кряшены как сформировавшаяся этническая группа главным образом известны в Республике Татарстан, однако проживают они и в других регионах Российской Федерации. После распада Советского Союза происходит активизация мероприятий, направленных на демонстрацию этнических особенностей этого народа, что в свою очередь вызвало волну недовольства и критики со стороны националистически настроенных групп, а также некоторых представителей интеллигенции и элитно-политических и просто политических групп в основном в Республике Татарстан. Таким образом, последующая политика официальных органов власти Республики Татарстан была направлена с одной стороны на нормализацию отношений казанских татар и кряшен, с другой стороны на нормализацию отношений православных тюркоговорящих и исламских тюркоговорящих, а также уже на последнем этапе на развитие кряшенской культуры, в частности театра, создание песенных и танцевальных ансамблей [1, с. 179], кряшенских приходов и других церковных институций (здесь стоит отметить продуктивную работу РПЦ МП), газет, культурных фестивалей и т.д. Отметим здесь, что большинство этих функций долгое время выполняли институты и организации гражданского общества, которые уже даже с появлением государственной (региональной) поддержки остаются основной движущей силой этнических культурных процессов.

В последние годы фиксируется возросшая институционализация форм этнической активности кряшен в первую очередь по линии сообщества в Республике Татарстан и

диаспоры в Москве. В Татарстане стоит прежде всего назвать этнографическое культурно-просветительское объединение кряшен [3, с. 69] (также юридически зарегистрированная общественная организация), которое существует именно в такой форме, а не в формате национально-культурной автономии. В качестве значимого института стоит также отметить журнал «Кряшенское историческое обозрение», издаваемый с 2015 года, создающий базу для исследования кряшенского вопроса. Интересную роль играют необычные форматы типа кряшенского театра или даже этнолагеря «Айбагыр» [2, с. 89]. Наконец стоит отметить, что глава (президент, раис, глава) Республики Татарстан ввёл положительную практику поздравления кряшен с праздником «Питрау», главным этническим и религиозным праздником кряшен (праздник фактически является широким отмечанием дня святых первоверховных апостолов Петра и Павла из православного календаря). В последнее время уровень конфликтности вокруг кряшенского этноса в Татарстане снижается, хотя ранее фиксировались порча надгробных памятников с крестами, а также попытки поджогов церквей (часовен) кряшенских приходов. Конфликты могут возникать и на совершенно неожиданной почве, так, к примеру, предложение о канонизации Николая Ивановича Ильминского, выдающегося ориенталиста, тюрколога и исламоведа, а также миссионера и педагога со стороны объединения кряшенских приходов, вызвало жёсткое противление со стороны татарской и исламской интеллигенции. Другим примером неожиданного конфликта можно назвать реакцию на фильм «Микулай» 2023 года, когда кряшенская среда восприняла его как необоснованную и чрезмерно преувеличенную сатиру на себя, а радикально настроенная татарская среда была возмущена тем, что фильм снят на русском языке и с привлечением русских актёров. Предметом споров стало и то, что фильм снимал режиссёр татарин с привлечением средств Республики Татарстан.

Московская диаспора кряшен также весьма активна, в основном это выражается в проведении культурных мероприятий. Однако и тут возникла почва для конфликта, а именно противостояния татарской и кряшенской интеллигенции в вопросе привлечения к проведению мероприятий в Представительстве РТ в Москве (в том числе религиозных, в частности православного молебна). На современном этапе конфликтная среда вокруг кряшенской диаспоры Москвы снижена.

В других регионах кряшены ориентируются на свой духовный и этнический центр в Татарстане, большую роль в этом играет кряшенское благочиние Татарстанской митрополии РПЦ. В Москве наблюдаются процессы кооперации кряшен и нагайбаков (также тюркоязычный и православный народ, регион проживания нагайбаков в основном находится на Южном Урале (Республика Башкортостан, Оренбургская и Челябинская области). Кооперации с чувашами не наблюдается, хотя изначально на этапе широкой миссионерской деятельности в Российской Империи чувашаи и кряшены испытывали общее культурное влияние одного и того же круга миссионеров.

В среде татарстанской радикально настроенной интеллигенции иногда выдвигается критика по отношению к кряшенам, сходная с критикой западных башкир, просто башкир, ногайцев и сибирских татар, заключающаяся в размывании общетатарской идентичности, что приводит к потенциальному вовлечению кряшен в оппозицию к казанским татарам и возможному сближению с другими выше обозначенными этническими группами. Исследование кряшен требует дальнейшего развития и создания объективных и неполитизированных оценок вопросов истории, религии, языка и культуры кряшен, причём исследовать его необходимо не как кейс внутри Республики Татарстан, а как полноценный феномен с учётом диаспор в регионах России.

Литература

1. *Еникеева А.Р.* Этнопедагогические особенности развития обрядово-праздничной культуры предкамских кряшен (по результатам деятельности фольклорных ансамблей села Алан-Полян Рыбно-Слободского района Республики Татарстан) //

Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4. С. 179-184.

2. Сахарова А.А. Роль этнолагеря "Айбагыр" в сохранении культурного наследия кряшен // Кряшенское историческое обозрение. 2022. № 2. С. 89-93.
3. Шарафиев Э.И. Материально-технический аспект этнокультурной деятельности общественных организаций кряшен в 1990-е-2000-е гг. // Кряшенское историческое обозрение. 2022. № 1. С. 63-73.

Аствацатуров А.А.
(МГИМО МИД России, Москва)

ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РАСКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

За последние три десятилетия Восточная Европа прошла путь от авторитаризма к представительной демократии: Польша не стала исключением. Этот путь сопровождался хаотическим переходом власти от одной нестабильной коалиции к другой, однако уже к 2005 году формируется стабильный базис, состоящий из двух основных партий: «Гражданская платформа» и «Право и Солидарность». По классификации А. Сиароффа Польшу можно назвать системой с двумя доминирующими партиями, основным критерием которой является суммарный результат двух партий от 80 до 95% в парламенте страны.¹

Таблица

Общий результат ПиС и ГП на президентских и парламентских выборах с 2005 г., %

Год	Доля мест		Доля голосов в первом туре выборов президента
	Сейм	Сенат	
2005	63	83	66
2007	82	99	---
2010	---	---	78
2011	79	94	---
2015	81	95	69
2019	80	91	---
2020	---	---	74

Целью работы является определение электоральных расколов польского общества и факторов их существования. Гипотеза представляет собой следующее положение: на основе классической теории размежеваний Липсета и Роккана партийная система Польши основана в контексте различий предпочтений среди электората по линиям «центр – периферия» и «сельское хозяйство – промышленность», «государство – религия», в соответствии с добавленной позже Рокканом классификацией следует отметить влияние раскола глобализации и постматериалистических ценностей.

На зарождение и изменение партийной системы могут повлиять различные факторы. Например, изменения в экономической или социальной сфере способны привести к росту или упадку благосостояния тех или иных социальных групп; спровоцировать развитие диспропорции в экономической составляющей регионов страны. Ценностные изменения сначала в рамках противоречий между светской и церковной властью, а после в рамках

¹ *Siaroff A.* 2003, Two-and-a-Half-Party Systems and the Comparative Role of the 'Half', Party Politics, vol. 9, No 3, p. 267—290, <https://doi.org/10.1177/1354068803009003001>.

перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, приводит к более высокой популярности секулярных ценностей.

Согласно А. Лейпхарту расколы имеют связь с эффективным числом партий – показателем, который производит оценку партий с учётом их веса в политической системе страны. Б.И. Макаренко и Е.Ю. Мелешкиной просчитаны показатели, характерные для польской партийной системы: социально-экономический фактор – 1 балл; государство-религия – 0,5 балла; постматериалистические ценности – 0,5 балла

По мнению исследователя Мирославы Грабовской, для польского общества коммунистический режим стал катализатором формирования социальных и политических разногласий, формируемых ценностными установками избирателей.

Основными партиями современной Польши являются консервативная «Право и Солидарность» и либеральная «Гражданская платформа». По мнению польских политологов, нынешних сторонников «ПиС можно описать в форме стереотипического образа «мохерового берета» – возрастное население, проживающее в маленьких городах, имеющее среднее образование и невысокий уровень дохода, особенно религиозное. «ГП» поддерживают более молодые жители крупных городов, имеющие высшее образование и более высокий материальный статус.¹ Более развитые крупные города и так называемые «новые земли» (вошедшие в 1945 году) являются электоральной базой «ГП», а менее промышленно развитые, более аграрные центр и юго-восток отдают свои голоса в пользу «ПиС».²

Развитию современной польской партийной системы способствовало множество факторов, характерных для размежеваний «центр – периферия», «сельское хозяйство – промышленность», «государство – церковь» и ценностей «выживания» и «самовыражения». Причинами первых стало неравномерное экономическое развитие страны, где аграрный юго-восток значительно отстаёт от более развитых «новых земель» и крупных городов», и отношение жителей к необходимости дальнейшей интеграции в рамках ЕС и принятия ценностей, характерных для политической культуры стран Западной Европы и роли Польши как лидера среди стран Восточной Европы. Раскол «государство – церковь» объясняется ролью католической церкви в польском обществе, значительно возросшей в ходе борьбы с коммунистическим режимом в 70-е и 80-е годы XX века, для жителей малых городов и деревень более характерна поддержка консервативных партий, что соответствует их взглядам.

Подводя итог, следует отметить, что сложившиеся в стране «тяга к двухпартийности» по М. Дюверже отражает собой те противоречия, которые сложились в Польше и оказывают значительное влияние на современную партийную систему страны.

*Аствацатурова М.А.
(ПУ, Ятигорск)*

ПОНИМАЮЩАЯ, ОБЪЯСНЯЮЩАЯ И ОПТИМИЗИРУЮЩАЯ ЭТНОПОЛИТИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: НОВЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ ПРАКТИКИ

Современный политический процесс в его региональном, страновом и международном выражении характеризуется высоким уровнем напряженности и распространением этой напряженности за счет мировых информационно-коммуникационных систем. В политические реалии и коллизии вовлечены в массовом порядке не только политические элиты, политический класс, но и многие социальные

¹ Воротников В.В. (общ. ред.). 2021, Польша в современном мире, М., МГИМО-Университет. 273 с.

² Путинцев И.С. «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы // Балтийский регион. 2023. Т. 15. №. 1. С. 18-33.

акторы, которые не стремятся участвовать в политике. Информация о политических эксцессах – политическая информация – приобрела не только всеобщий, но и всепроникающий характер, что сделало практически все человечество и каждого человека участником политических событий.

Особым сегментом современного турбулентного мира является сегмент межэтнических отношений и этнических конфликтов, которые отражают этноидентификационные – культурные, территориальные, языковые, статусные, ментальные – потребности народов и этнических сообществ. В этой связи новое значение приобретает этнополитика как сфера соединения этнических и политических интересов, что подтверждается рядом обстоятельств, в частности:

- межэтнические отношения в повседневности постмодерна сохраняют свои рискованные и конфликтные свойства, которые детерминированы стойкими историко-культурными, ментально-психологическими, социально-экономическими, политико-управленческими обстоятельствами;
- гибридные войны, геополитические конфликты и эксцессы современности практически повсеместно имеют в своем многопрофильном составе этнический фактор, который выступает в качестве отягощающего фактора отношений государств, наций, народов;
- необоснованные усилия государственных структур и транснациональных политических корпораций по искусственной нейтрализации и канализации этноидентификационных приоритетов народов, этнических сообществ, которые приводят к интенсификации застарелых и к институированию новых этнических конфликтов;
- постоянно практикуемые управленческие технологии по бюрократическому «вмонтированию» национального (этнического) вопроса в общенациональный (гражданский) вопрос, которые являются не способами решения национальных (этнических) проблем, а способом их камуфлирования.

Как показала первая четверть 21 века, перемены современности – новый меняющийся мир отмечен старыми межэтническими противоречиями и конфликтами, которые, приобретают новые количественные и качественные свойства. Проблемы Абхазии, Косово, Каталонии, Нагорного Карабаха, Страны Басков, Приднестровья, Тайваня, Южной Осетии, а также конфликтные состояния российско-украинских, российско-грузинских, российско-японских, польско-украинских, палестино-израильских, пакистанско-индийских отношений, а также иные взаимные претензии стран и народов друг к другу демонстрируют универсальность этнического фактора. Этнический фактор как фактор политики, а не только культуры, характера, менталитета, мощно воздействует на ход суверенизации стран, регионов, территорий. Этнический фактор на современном этапе стал значимым фактором дестабилизации мировой геополитической архитектуры, которая приобрела не только аморфный, но и опасно дискретный вид.

«Разбегание» участников прежних межгосударственных союзов и разрушение прежних государственных альянсов и договоренностей имеют многие общеизвестные и вовсе неизвестные причины. Дестабилизация современного миропорядка привела в движение группы этнополитических интересов, и в то же время эти группы обуславливают данную дестабилизацию по горизонтали и по вертикали. Подчеркнем, как и ранее, что этнические интересы, межэтнические противоречия и этнополитические конфликты:

- во-первых, имеют собственные причины и обусловленности как имманентные социальные конфликты с выраженными рациональными и эмоциональными компонентами;
- во-вторых, отличаются многосоставной – блоковой природой и многопрофильными алгоритмами, которые становятся все более разнообразными и разнонаправленными;

- в-третьих, имеют стойкую тенденцию к глобализации путем вовлечения в свою орбиту новых участников и интересантов мирового уровня в лице крупнейших игроков, которые сами часто выступают субъектами этнических конфликтов (Израиль, Индия, Китай, Россия и др.);
- в-четвертых, своим современным состоянием подтверждают несостоятельность и исчерпаемость прежних антиконфликтных стратегий и тактик, медиативных практик, которые находятся в банке экспертов, политиков, управленцев, а также и общественных активистов, народных миротворцев и миростроителей.

В этих условиях важнейшим сегментом мировой политики остается этнополитика, значение которой очевидно на фоне многочисленных этноконфликтных прецедентов современности, получивших новые катализаторы в общем напряженном геополитическом пространстве.

Меняющийся мир настоятельно требует новой не только *понимающей, объясняющей, но и оптимизирующей этнополитики*, обогащенной новыми теоретическими посылами и новыми практико-ориентированными компетенциями.

Понимающая, объясняющая и оптимизирующая этнополитика должна базироваться на таких основах, как:

- уход от сложившихся экспертных стереотипов и исследовательских эвфемизмов о месте и роли этничности в современном мире;
- сочетание в полипарадигмальном ключе возможностей многих теоретических подходов (примордиализма, инструментализма, конструктивизма, функционализма, неинституционализма и др.) к осмыслению этноидентификационных интересов и потребностей индивидов и групп;
- обновление методологических принципов и инструментария экспертирования, мониторингов, сценарирования и прогнозирования состояния современных этнических конфликтов и межэтнических противоречий;
- признание правящими элитами, государственными и политическими лидерами собственной и самостоятельной значимости этнического фактора как фактора политики;
- дифференциация этнополитических статусов и геополитических перспектив разных этнических и национальных сообществ – наций, коренных народов, коренных малочисленных народов, национальных меньшинств, диаспор, ирредент и др.;
- обеспечение максимально публичного формата разработке и воплощению принимаемых политических решений в сфере национальных, федеративных, межэтнических отношений;
- поиск новых реалистичных форм и методов национально-государственного, национально-территориального, национально-культурного самоопределения с учётом состояния, самочувствия и ожиданий этнических сообществ;
- оптимизация формирования новых этнополитических фронтиров в общем процессе образования нового миропорядка.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОНЛАЙН-ДИАЛОГА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ¹

Диалог власти и общества (социально-политический диалог) – это не просто абстрактный теоретический конструкт, а принцип, на котором выстраиваются многие современные государства (прежде всего демократии), включая свойственные им политические институты. Принципиальной задачей данного диалога является нахождение конгруэнтных и взаимоприемлемых форм коммуникаций. Сегодня одной из таких форм становится онлайн-взаимодействие.

Очевидно, что большая часть людей является активными пользователями цифрового пространства. Исследователи приводят такие цифры: к январю 2022 года число пользователей мобильных устройств во всем мире составило 67,1% от численности населения планеты, пользователей Интернета – 62,5%, пользователей социальных медиа – 58,4%.² Все это, действительно, создает серьезные предпосылки для существенного развития диалога власти и общества. Кроме того, цифровое взаимодействие обеспечивает комфортные условия для согласования их мнений и позиций, а также способствует совершенствованию административных процедур государственного управления.

Но одного понимания важности ситуации мало. Усиливающиеся меры регулирования гражданской активности в Интернете, специфика развития гражданского общества, а также новые условия пандемии коронавирусной инфекции и их последствия устанавливают дополнительные правила на взаимодействие государства с обществом в онлайн- и офлайн-пространствах.

Современное гражданское общество довольно слабо структурировано и представляет собой совокупность различных институциональных (НКО, общественные движения и объединения и т.д.) и неинституциональных форм. Проблема в том, что если организованные формы реализуют взаимодействие с государством через конкретные действия, то так называемый «низовой» активизм как неинституциональная форма гражданской активности зачастую сводится к ряду онлайн-действий, малопродуктивного, а порой и манипулятивно-деструктивного характера, которые, в свою очередь, создают отрицательную повестку в глобальной сети, повышают социальную напряженность. В регионах ситуация усугубляется минимальной инициативностью государственных структур, слабым информированием и долгим, несмотря на цифровые технологии, реагированием. Также одной из значимых проблем, препятствующих выстраиванию оптимальной системы социально-политического онлайн-диалога, является недооценка властью политической обратной связи, необходимости учета социальных запросов, более точного изучения актуального проблемного поля.

Отсюда вытекает понимание того, что для успешного взаимодействия государства с гражданами необходимы: 1) повышение цифровой грамотности с обеих сторон; 2) установление системного характера законодательного регулирования данного взаимодействия; 3) расширение онлайн-форматов коммуникации между государственными структурами и гражданами, в том числе через социальные медиа; 4) разработка адекватных онлайн-механизмов вовлечения граждан в процессы управления.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZEW-2023-007.

² *Гаджиев Х.А.* Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. № 2. 2022. С. 90

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГРАНИЦАМИ ГОСУДАРСТВА И ГРАНИЦАМИ НАЦИЙ¹

Символом суверенности нации издавна считается национальное государство. В свою очередь, наличие границ нации является необходимым требованием национализма, так как связано с признанием существования других наций и признанием одной нации всеми другими.

Однако, национальные государства – это территориальные организации, пространственные вместилища, которые определены границами, отмечающими ту черту, на которой заканчивается их власть. Нации же, напротив, – это межпоколенческие сообщества, привязанные прочными субъективными узами к каким-то конкретным местам. Практически неизбежная разница между национальными и государственными границами не просто затрудняет осуществление прав на национальное самоопределение, она поднимает серьезные вопросы о самом существовании этих прав в качестве эталона, с помощью которого можно было бы исправить произвольные территориальные и демографические разделения в современном мире.²

Важно подчеркнуть, что право на политическое самоопределение, включая право на сецессию, на практике, как правило, отдается нациям в культурно-этническом понимании (этнонациям) и отождествляется с их правом на суверенную государственность и территорию. Однако если право на самоопределение относится к группе людей с предполагаемой общей этнокультурной идентичностью, то сецессия, напротив, относится именно к территории, на которой практически всегда проживают люди с иной идентичностью.

Таким образом, естественных границ нации, к которым апеллируют националисты, не существует – ни в топографическом/природном смысле, как их определяли еще французские революционеры, ни в языковом, как считали и считают восточноевропейские националисты и потому соответствия между границами государств и границами наций практически нигде не существует. Государственные границы устанавливались, как правило, силой и удерживаются вполне осознанной готовностью членов нации защищать их от «других», в том числе с помощью вооруженной силы. Именно поэтому само понятие «этнические/национальные границы» очень часто оспаривается, особенно если оно приобретает политическое измерение. Кроме того, как отмечает У. Бек, «культурная глобализация перечеркивает отождествление национального государства с национально-государственным сообществом»³, поскольку индивиды все чаще начинают идентифицировать себя и с общемировым, и с региональным, и с локальным, в том числе этническим сообществами. Следует также отметить, что сегодня и управление границами, и определение гражданства, и регулирование миграционных потоков, как и соблюдение норм международного права по защите национальных меньшинств уже не является исключительно внутренней заботой государств. В силу этого «проблема границ» не имеет очевидного демократического решения.

¹ Доклад подготовлен при грантовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00360 «Этнофедерализм как форма национального самоопределения: сравнительный анализ».

² См.: Як Б. Национализм и моральная философия сообщества. М., 2017, с. 393, 394

³ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001, с. 89.

ПРИЧИНЫ УКЛОНЕНИЯ СТУДЕНТОВ ОТ ГРУППОВОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Групповая коммуникация является одним из наиболее важных процессов, происходящих в любой организации и в обществе в целом. Особенно эффективная групповая работа важна в образовательной среде. Так, групповая учебная деятельность способствует продуктивному взаимодействию студентов. Умение работать в коллективе становится одним из главных требований не только к современному работнику. Развитие студенческого группового взаимодействия должно раскрыть потенциал нового поколения в процессах совместного принятия решений как политических, так и социальных проблемах. Цель работы в группе – сформировать у студентов навыки работы в команде, общественной коммуникации, коллективного взаимодействия, которые потенциально понадобятся молодым людям в будущем.

В настоящее время в политической жизни все больше распространяется феномен «социального уклонения», как стратегии поведения, направленной на осознанное избегание выполнения обязательств и (или) нежелание вступления во взаимодействие с другими индивидами. Она наблюдается и в образовательной сфере, где у молодых людей присутствует тенденция уклоняться от групповой работы для того, чтобы уменьшать дискомфорт и беспокойство по отношению к другим субъектам. Формирование студенческих групп по выполнению определённого задания могут протекать по-разному. Например, студенты могут сами делиться на группы, обычно предпочитая объединяться со своими лучшими друзьями, что лишь отчасти способствует развитию навыков коммуникации. При таком формировании группы есть риск, что студенты в будущем будут способны работать только в удобных для себя условиях, не овладев навыками коммуникации в малознакомой и не комфортной групповой среде.

Другой пример, когда, преподаватель единолично решает на какие группы делить студентов, зачастую, следуя принципу «баланса сил», для того чтобы группы получались равнозначными по уровню. Однако, стоит отметить, что использование преподавательского регулирования имеет свои недостатки. Так, образовательная сфера столкнулась с проблемой уклонения студентов от групповой работы в некомфортных для себя условиях. Причин у этого феномена довольно много.

Во-первых, необходимо рассмотреть уклонение от групповых заданий у студентов, которые успешно осваивают образовательную программу. Так, студенты, активно занимающиеся учебной и научной деятельностью, часто выражают недовольство, когда необходимо делать групповое задание, так как опасаются, что их оценка пострадает из-за отсутствия усилий у другого учащегося, и им придется выполнять двойную работу ради высокого балла. То есть студентам «отличникам» не импонирует групповая работа, потому что на них накладывается дополнительная нагрузка по отслеживанию и редактированию подготовленного группового материала для того, чтобы получить более высокий балл. Именно эти причины служат поводом для уклонения от работы в группах у студентов, которые успешно осваивают образовательную программу. Зачастую, они предпочитают говорить преподавателям, что единолично сделают задание, либо объединяются в группу сильных (ведущих) студентов (2-3 человека).

Во-вторых, необходимо рассмотреть данную проблему со стороны студентов, у которых низкая текущая успеваемость. Так, если один из участников группы начинает без

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2023-0006 «Стратегии и тактики социального уклонения как формы коммуникативного поведения современного студенчества».

согласования раздавать указания что и как делать остальным членам, то создать коллектив или команду не получится, так как в группе скорее всего могут возникнуть конфликты и неблагоприятный микроклимат, и, соответственно, желание работать вместе исчезнет, а студенты начнут уклоняться от работы друг с другом. Более того, групповая работа, так или иначе накладывает дополнительную ответственность на учащегося, так как не выполнением задания студент подставляет всю группу.

Таким образом, в условиях формирования социального заказа образовательным учреждениям на изменение содержания обучения, формирование навыков командной работы, студенты всё чаще уклоняются от групповой работы. Причинами уклонения от коллективных заданий, зачастую, зависят от статуса студента в группе. При этом со временем данная стратегия поведения может перенестись и на другие сферы. Так, студент, уклонявшийся от работы в группах, в будущем, вероятно, будет избегать участия в различных формах общественно-политической активности.

Значимость данной проблемы можно снизить, если образовательные учреждения будут изучать, разрабатывать и использовать соответствующие приемы успешного коммуникативного общения и контроля, например, разрешение конфликтов, давать обратную связь по неудачной групповой работе, разбирая ошибки, развивать и тиражировать успешные практики работы студентов.

Банина Я.В.

(Студенческое научное общество СПбГУ, Санкт-Петербург)

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ: ВЗГЛЯД АЛЬ-ФАРАБИ НА ПРОБЛЕМУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Экономическое неравенство на протяжении веков являлось одной из основных проблем, возникающих в обществе. Перераспределение богатств между людьми, как правило, нередко вызывало вопросы и приводило к расслоению. Несмотря на активное развитие механизмов управления государством в экономической сфере, на сегодняшний день до сих пор не удалось искоренить проблему экономического неравенства окончательно. Несмотря на то, что некоторым странам удалось достичь высоких показателей в этом направлении, есть и те государства, где уровень экономического неравенства все еще крайне высок. К их числу относятся, в первую очередь, страны африканского континента.

Находясь в поиске решения проблемы неравенства в обществе, в том числе в экономической области, необходимо обращать внимание на работы мыслителей прошлого, принадлежащих различным философским и культурным традициям. В частности, стоит уделить внимание Абу Насру Аль-Фараби и его взгляду на проблему экономического неравенства.

Первоначально следует отметить, что период, в который жил известный арабский философ, ознаменовался становлением и усиленным развитием феодальных отношений. Наиболее крупными земельными собственниками являлись разного рода религиозные учреждения, например мечети и медресе, а также вакфы, представляющие собой неотчуждаемое имущество, переданное, как правило, на благотворительные цели. Многие землевладельцы стремились передать свое имущество под контроль вакфов, поскольку владения религиозных, и, в том числе, религиозно-благотворительных организаций, не отчуждалось. Это привело к тому, что вакфы очень разрослись, появилось множество людей, живших за счет их имущества. Этих людей объединяла общая забота о сохранении их коллективной собственности. По этой причине руководители вакфов искали защиты у военачальников наемной гвардии и поддерживали тех ее лидеров, которые им покровительствовали. Таким образом, союз между военной и религиозной элитами

становился все прочнее, а зажиточные горожане оказывались все менее защищенными от произвола военного сословия. Представляется, что такой союз сыграл неотъемлемую роль в процессе формирования и закрепления экономического неравенства в Аббасидском халифате того времени.

В своих трактатах Аль-Фараби через призму классификации невежественных городов обличает многие пороки современного ему правящего класса, в том числе останавливает свое внимание и на проблеме экономического неравенства. Наиболее удачная для понимания интерпретация классификации невежественных городов была изложена А.М. Джахидом¹. В своей работе он описывает каждый из городов как слой общества одного целостного государства. Так, например, город необходимости он трактует как «людей труда», к которым относится, например, крестьянство. Он отмечает, что эти люди находятся под гнетом феодалов, владельцев земли, городской знати. Жители города необходимости не имеют достаточных условий для жизни, а потому вынуждены заниматься кражами, дабы не умереть голодной смертью. В городе обмена люди вследствие своего стремления к зажиточности и богатству эксплуатируют жителей города необходимости. По мнению А.М. Джахида, жители города низости и несчастья у Аль-Фараби отождествляются с вредными элементами общества, феодалами и членами их семей. В честолюбивом городе находит свое отражение феодальная аристократия, а с властолюбивым городом ассоциируется военное сословие. Безнравственный, переменчивый и заблудший города также нашли свое место в этой интерпретации: А.М. Джахид посчитал правильным соотнести их с духовенством².

Итак, можно четко проследить описанное Аль-Фараби экономическое неравенство, метафорично представленное им в виде функционирования невежественных городов. Пока жители города необходимости нескончаемо трудятся ради обеспечения себе жизни как таковой, жители города обмена занимаются эксплуатацией более низших слоев населения, в том числе присваивая себе большую часть ресурсов и богатств, оставляя подчиненных без средств к существованию.

Решение проблемы неравенства Аль-Фараби видит через реализацию модели идеального государства (добродетельного города). Основной характеристикой добродетельного города у Аль-Фараби является стремление его жителей к счастью, которое достигается путем совершения добродетельных поступков. Правителем такого города, естественно, должен быть самый добродетельный из всех, и именно на него возлагается ответственность за всех граждан и их нравы. Таким образом, в работах Аль-Фараби можно четко проследить тенденцию решения насущных общественных проблем, в том числе проблемы экономического неравенства, через реализацию этических идеалов, выраженных в построении идеально функционирующей модели в государстве.

Баранов А.В.
(КубГУ, Краснодар)

СЛОЖНОСОСТАВНОЙ КОНФЛИКТ В ДОНБАССЕ: ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА

Конфликт в Донбассе относится к сложносоставным. Он образован диффузией конфликтов, специфика их взаимодействия определяется структурой политических возможностей участников. Состав акторов конфликта, их ресурсные базы, «повестка дня» противостояния не могут быть сведены к одному из аспектов – цивилизационному, этническому, конфессиональному, международному, экономико-социальному.

¹ Джахид А.М. Абу Наср Аль-Фараби о государстве / А. М. Джахид ; отв. ред. А.М. Богоутдинов. – Душанбе : Издательство «ДОНИШ», 1966. – 116 с.

² Там же. С. 54-57.

Цель работы – определить факторы и этапы развития сложносоставного конфликта в Донбассе.

Исследование выполнено на основе конструктивистской парадигмы этничности, концепции социокультурных размежеваний, концепции сложносоставного конфликта.

Конфликт в Донбассе первоначально имел наиболее активное экономическое и политико-идеологическое измерения; он развивался в логике борьбы бизнес- и административных элит за раздел рынка, образовавшегося вследствие крушения советской экономики. В то же время постоянно проявлялось противостояние украинской национально-государственной, региональных и этнических идентичностей. По опросам Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова, Киевского международного института социологии и др., сообщество Донбасса проявляло поддержку союза с Россией, федеративного устройства Украины, равноправия языков. Конфликт имел внутрорегиональный и центр-региональный аспекты с точки зрения состава акторов и повестки дня их конкуренции. Но с начала 2014 г. происходит быстрая интернационализация конфликта, он преобразуется в соперничество мировых акторов (США, ЕС, РФ) и региональных игроков (Турции, Польши и др.) на пространстве Украины.

Радикальная этнизация конфликта в Донбассе производна от политико-идеологических размежеваний общества. Получив преобладающие этнические формы, конфликт обладает собственной логикой развития. Его эскалация идет по пути «обрастания» этнического ядра взаимосвязанными линиями конфликтности: конфессиональной, языковой, территориальной. В итоге формируется цивилизационный конфликт, который качественно более глубок по причинам и проявлениям, нежели первоначальный политический. В случае Донбасса речь идёт о борьбе между западной и российской цивилизацией за ближнюю и важную периферию ядра, за «приливно-отливные земли». То есть, конфликт обрёл с начала 2014 г. геополитический характер и масштаб.

Факторы конфликта в Донбассе можно подразделить на долгосрочные и краткосрочные. Среди долгосрочных – социально-экономическая дифференциация регионов Украины, слабая социальная и политическая интеграция общества, наличие к 2013 г. региональных политических режимов, контролируемых олигархическим бизнесом, геополитическая конкуренция Запада и России на Украине, противоречивые языковые, этнические и конфессиональные ориентации сообществ Востока и Запада страны. Краткосрочные причины проявлялись в намерении США и Евросоюза сорвать присоединение Украины к Таможенному союзу, возглавляемому Россией; в противоречии между пророссийскими ориентациями населения Донбасса и корыстными интересами региональных элит.

Периодизация развития конфликта в Донбассе дана по критериям преобладающих линий размежеваний, стратегиям участников на различных этапах противостояния:

- 2004–2009 гг. – борьба общеукраинских и региональных бизнес- и административных элит за раздел рынка, постепенная радикализация требований сторон конфликта;
- 2010–2013 гг. – попытки замораживания конфликта, сорванные стремлением прозападных политических партий унифицировать Украину и искоренить этнополитическую специфику южных и восточных регионов страны;
- февраль – март 2014 г. – конфликт приобретает вооружённую форму, пророссийские партия и движения выдвигают ирредентистские лозунги;
- апрель 2014 – февраль 2015 гг. – эскалация вооружённого конфликта, провозглашение независимости ДНР и ЛНР, провал попыток Украины ликвидировать восстание в Донбассе;
- март 2015 – начало 2022 гг. – переход вооружённого конфликта в формы позиционного противостояния, закрепление раскола Донбасса на народные республики и подконтрольные Украине местности;

- с февраля 2022 г. по настоящее время – интернационализация конфликта и эскалация противостояния, воссоединение ДНР и ЛНР с Россией.

Зародившись как внутригосударственный центр-региональный, конфликт в Донбассе прошёл этнизацию и радикализацию позиций сторон в начале 2014 г. Конфликт подвергся интернационализации по инициативе стран Запада и Украины. В настоящее время конфликт далёк от разрешения и в военном, и по политическом аспектах. Перспективой его позитивного регулирования станет полная победа России и денацификация, демилитаризация Украины.

Баранов Н.А.

(СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ДЕГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Акцент на ценностных различиях с западным миром лежит в основе современного противостояния России и евроатлантических стран. Причем противостояние, основанное на различных подходах к формированию единого экономического, социального и культурного пространства, постепенно стало переходить в политическую сферу и приобретать конфликтные формы, особенно после государственного переворота на Украине и вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Попытка стать частью Запада, предпринятая в постсоветский период российской политической элитой, не увенчалась успехом. Лидеры западного мира не видели в России равноправного партнера и представляли ее как авторитарного субъекта международных отношений с усиливающимися неоимперскими амбициями. Большую роль в формировании негативного отношения к Российской Федерации сыграла русофобия со стороны западных стран – демонизация России на основе исторических, религиозных, идеологических и геополитических корней ненависти, существующих на протяжении многих столетий и актуализирующихся в определенные исторические периоды.

Ценностная матрица не является раз и навсегда заданной, а постоянно дополняется какими-то новеллами, связанными с интернализацией тех или иных ценностей, которые усваиваются обществом и становятся общезначимыми. Цивилизационное богатство современного мира оставляет надежду на появление конкурентоспособных субъектов, обогащающих мир новыми точками роста и успешного решения глобальных вызовов и угроз. И Россия здесь является одной из таких точек роста, которая реализуется не благодаря чьей-то помощи и поддержке, а вопреки западным стереотипам и доминированию на основе создаваемых правил.

Процессы глобализации, пик которых пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х годов, способствовали экономическому подъему развивающихся стран и деиндустриализации промышленно развитых государств. Развернувшиеся в этот период дискуссии относительно понятия «суверенитет» оказались замаскированной уловкой ведущих стран мира, прежде всего США, призывающих государства передать существенную часть своего суверенитета на надгосударственный уровень или международным организациям, для более эффективного решения проблем безопасности и социально-экономического развития. В основе такой политики лежат идеи и ценности западного мира, главным образом неолиберальные, которые навязываются остальным цивилизациям в качестве безальтернативных без учета их культурных традиций и цивилизационных особенностей.

Однако в последние годы наблюдаются процессы деглобализации, инициатором которых стали США. Первыми значимыми шагами в этом направлении стал отказ

американского президента Д. Трампа подписать торговое соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и соглашение о свободной торговле между США и ЕС - Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. Развернувшаяся в конце 2010-х годов экономическая война между США и Китаем поставила под сомнение эффективность деятельности ВТО как глобального института, направленного на создание условий для свободных торговых потоков, либерализации международной торговли. Меняется отношение к доллару как к политически нейтральной мировой резервной валюте. После блокировки российских активов доллар постепенно стал утрачивать статус международного признанного актива.

В сложившихся условиях высокую актуальность приобретает тема государственной состоятельности государства, его способности адекватно отвечать на угрозы и вызовы современности. Для Российской Федерации суверенитет является жизненно необходимым условием ее выживания в складывающемся мировом порядке, сохранения национально-государственной идентичности и успешного социального развития. Причем суверенитет достигается не только военно-экономическими методами, но и сплочением общества, объединением людей вокруг национальной идеи на основе исторически присущих традиционных национальных ценностей. Так, в Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 года акцентируется внимание на укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранении культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации.

Важнейший атрибут государственности – это возможность самостоятельно решать назревшие проблемы и отвечать на геополитические вызовы, входить в межгосударственные союзы, расторгать невыгодные соглашения, объединяться с другими субъектами в собственных интересах, что не представляется возможным в однополярном мире.

В сложившихся геополитических условиях Россия способствует становлению полицентричного мира, придерживается приоритета политики суверенитета и укрепления российской государственности. Эта политика включает социально-экономическую, идеологическую, политическую составляющие, деятельность по сплочению российского общества и является достаточно эффективной, о чем свидетельствует ее поддержка населением страны.

Баскакова Т.В.
(ОГБОУ «Лицей №9», Белгород)

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Большую роль в обеспечении стабильности общества, в том числе и современного российского, играет политическая социализация школьников. В ее осуществлении немаловажную роль играет такой социальный институт, как школа. По мнению Д.И. Менделеева, «школа составляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государства, смотря по основным предметам и по принципам, вложенным в систему школьного образования»¹ Для того, чтобы стать подлинным гражданином своего Отечества, человеку необходимо усвоить и систематически поддерживать политические нормы, образцы и стандарты поведения, традиции, принятые в обществе. Политическая социализация – это сложный и многогранный процесс, требующий большого внимания,

¹ Менделеев Д.И. Заметки о народном просвещении». Электронный ресурс: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/nauchnaya_literatura/415373/fulltext.htm?ysclid=lmkzhyiw2q497740900. Дата обращения: 14.09.2023

особенно по отношению к школьникам. Чтобы данный процесс проходил успешно, необходимо чтобы граждане страны усвоили нормы и правила политического поведения в этой стране – то есть, они должны стать мотивацией для индивидов и отражать внутреннее состояние личности. От того, как выстроены составные части политической социализации, во многом зависит политическое поведение личности. Построить правовое государство, сформировать гражданское общество и укрепить национальный консенсус в Российской Федерации, можно только тогда, когда у граждан будут сформированы высокие политические идеалы. В Российской Федерации обсуждаются вопросы политической социализации молодежи. И это неслучайно: ведь от того, как будет проходить политическая социализация молодого поколения зависит будущее нашего государства. На государственном уровне принимаются решения, связанные с гражданским воспитанием молодежи. Все это делается для того, чтобы способствовать передаче традиционных российских ценностей и традиций; к числу которых можно отнести преданность целям Отечества, уважение прав человека, сохранение мира и стабильности в российском обществе. В процессе социализации происходит освоение социального и культурного опыта, а это влияет на усвоение поведения граждан в том числе политического и неслучайно, в новых федеральных государственных стандартах, которые вступили в силу 1 сентября 2022 года, это нашло отражение. В новом документе большое внимание уделено тесной взаимосвязи и единству учебно-воспитательной работы, что поможет достичь личностных результатов освоения программы. Сделан акцент на основные направления воспитания, среди которых гражданско-патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, экологическое воспитание, определены ценности научного познания. Важно подчеркнуть, что каждый пункт конкретизирован и поэтому становится понятно содержание того, что хотел сказать законодатель. Например, большое внимание обращено к патриотическому воспитанию. «Гражданский» блок, согласно ФГОС, «должен способствовать привитию у школьников неприятия к любым формам экстремизма», «дискриминации, готовности к тому, чтобы проявлять гуманитарную активность», «пониманию роли различных социальных институтов в жизни человека»¹. С 1 сентября 2021 года во всех школах Российской Федерации начали действовать Программы воспитания, которые строятся в тесной взаимосвязи учебной и воспитательной работы образовательной организации по основным направлениям воспитания с ФГОС, мы видим, что современный национальный воспитательный идеал — это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации. Данный документ стал основой политики государства в отношении подрастающего поколения и законодательно определил деятельность государства, школы, как основного социализирующего института, в отношении школьников.

Башмаков И.С.
(КубГУ, Краснодар)

НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК НОВЫЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политические процессы, происходящие в современном мире, требуют осмысления в том числе на основе новых теоретических подходов, ранее не широко применявшихся в политической науке. Это справедливо в отношении такого нового для российской политологии концепта как неотрадиционализм, до сих пор использовавшегося в

¹ Челпанов М. Новые стандарты ФГОС для школ. Третье поколение в 2022 году. Электронный ресурс: <https://school.kontur.ru/publications/2253>. Дата обращения: 02.09.2023

российской науке в основном в рамках социокультурных, социально-философских, антропологических исследований. Сам термин неотрадиционализм возник в западной науке сперва (с 30-х годов XX века) как наименование архитектурного стиля, затем (в 60-х - 80-х годах XX века) понятие используется в социальных исследованиях для обозначения процесса возрождающихся в современном мире культурных традиций, присущих доиндустриальному обществу (Э. Роджерс), либо для описания феномена сохранения элементов традиционной культуры, несмотря на широкую модернизацию и вестернизацию (Р.М. Кисинг). Важным для теории неотрадиционализма в тот период исследований стало внимание к так называемым «изобретенным традициям», то есть намеренно созданным для использования в социально-политической практике (Т. Рейнджер).

В отечественных социальных науках начиная с 90-х годов возникает интерес к схожему с неотрадиционализмом явлению архаического синдрома (И.В. Следзевский), прежде всего в связи с необходимостью осмысления происходивших в постсоветском обществе изменений, связанных с иррационализацией массового сознания после распада Советского союза, мировоззренческим кризисом и поиском новых идентичностей, часто базировавшихся на доиндустриальном культурном наследии, возрождением российского консерватизма. С 2000-х годов в российской антропологии, социальной культурологии и философии постепенно увеличивается интерес к термину и явлению неотрадиционализма (Ч.К. Ламжаа, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, С.А. Мадюкова, В.В. Бочаров, В.А. Попов). Так, Ю.В. Попков определяет этнокультурный неотрадиционализм как духовно-практическое движение, актуализирующее потенциал традиционной культуры этноса на всех ее уровнях – от культурного ландшафта и хозяйственно-бытовой культуры до политико-правовой и духовной культуры¹. В работах отечественных исследователей подчеркивается, что неотрадиционализм – это сочетание инноваций и традиций, необходимое для адаптации жизни этносов и общества в целом к современным реалиям глобализирующегося и быстро изменяющегося мира.

Справедливости ради отметим, что явление неотрадиционализма как фактора политических процессов рассматривалось в ряде политологических работ (В.В. Тян, М.В. Серeda, С.В. Букалова, К.Г. Меркулова и др.), но их число пока невелико, помимо эмпирических исследований необходима теоретическая концептуализация термина неотрадиционализма в рамках политической науки. Очевидно, что политический неотрадиционализм как одно из проявлений социально-культурного неотрадиционализма может иметь несколько политических измерений и задач – от сознательного и целенаправленного использования в политических процессах инструментов «изобретенных традиций» в целях легитимации власти, социальной консолидации, а также мобилизации общественной активности, до стихийного неотрадиционализма «снизу», возникающего в недрах общественных масс, либо более структурированного гражданского общества с целью обретения новой коллективной идентичности на основе прошлых, в том числе политических традиций. Очевидно, что в свете современных геополитических реалий разделения западных и незападных стран, обретения последними новой политической идентичности, под названием «страны глобального Юга» или «страны мирового большинства», часто противопоставляющих себя Западу на основе особой культурной или цивилизационной идентичности, а также отличной от западной политической практики, изучение явления неотрадиционализма обретает особую актуальность.

¹ Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях: монография / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. С. 117

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК НОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО РАЗВИТИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН

Современный этап становления цифрового общества характеризуется экспоненциальным развитием и масштабной имплементацией цифровых технологий, что детерминирует процессы цифровой трансформации политики и государственного управления. Цифровые изменения оказывают ощутимое влияние на работу общественно-политических институтов, модифицируя характер взаимодействия государства, граждан и бизнеса в области решения политических задач и принятия государственных решений. Процессы цифровизации и цифровой трансформации во многом способствовали упрощению и углублению взаимодействия акторов, создавая новые формы активности граждан и расширяя горизонты их вовлечения.

Современное цифровое общество обладает интегральным симбиотическим интеллектом и должно регулироваться политическими институтами с культурой активного и конструктивного взаимодействия в цифровой среде (Василенко, 2022). Граждане и бизнес требуют открытого и прозрачного сотрудничества с государством в соответствии с парадигмой совместного публичного управления. С развитием Web 3.0 и последующим технологическим переходом к Web 4.0, в котором онлайн и офлайн будут симбиотически связаны, новым пространством для взаимодействия граждан и государства может стать метавселенная.

Рост популярности инновации был отмечен в 2019 г. Карантинные ограничения, ускорившие масштабный переход в онлайн-пространство, а также развитие технологического потенциала способствовали раскрытию возможностей и смысла применения технологии. 2021 г. стал официальной точкой отсчета, когда крупнейшие игроки на цифровом рынке признали факт глобального развертывания новой технологии, меняющей привычные практики коммуникации (Gartner, 2022).

Постепенно метавселенная стала привлекать внимание политиков и представителей государственного управления, о чем свидетельствует рост регулирующей нормативно-правовой базы, программ и стратегий развития инновации, а также практические меры реализации. Если Европейский Союз ограничился программными документами, представив концепцию развития технологий Web 3.0 и Web 4.0 в рамках программы «Десятилетие цифровых технологий», то азиатские страны пошли дальше и представили первые стратегии внедрения метавселенной на государственном уровне. Китай, Сингапур, Южная Корея, Япония уже начали практическую реализацию планов применения технологии в области государственного управления, уделяя пристальное внимание модификации системы предоставления государственных услуг и взаимодействия с гражданами и бизнесом.

Являясь одним из стратегических трендов на ближайшие годы, метавселенная постепенно расширяет сферы своего применения, приобретая массовый и всеобъемлющий характер. Инновация может значительно революционизировать устоявшиеся практики коммуникации и управления. Технологии метавселенной не только трансформируют привычное взаимодействие акторов в новую форму интерактивности, но и способствуют расширению содержания этого взаимодействия.

На данном этапе сильными сторонами метавселенной, в контексте развития взаимодействия между субъектами, является децентрализованность, открытость и прозрачность интеракций. Децентрализованность метавселенной позволяет гарантировать ограничения для единоличного контроля, невозможность цифровой монополии того или иного актора, что создает демократических предпосылок для управления технологией. Открытость инновации предоставляет возможность каждому заинтересованному субъекту

принять участие в выстраивании коммуникации с нужным актором без каких-либо ограничений. Транспарентность метавселенной может способствовать изменению динамики взаимодействий государства, бизнеса и граждан в сторону повышения уровня взаимного доверия и контроля.

Представляется, что развитие метавселенной в ближайшие годы сможет более полно раскрыть потенциал технологий, не ограничивая ее применение рамками сбора информации и предоставления услуг. Имеющийся опыт работы метавселенных подтверждает значительный потенциал применения технологической инновации.

В современном обществе, где цифровые технологии оказывают существенное влияние на развитие социума, конструктивное взаимодействие акторов становится ключевым фактором эффективности трансформирующегося управления. Масштаб технологического развития определяет необходимость новых практик и форм сотрудничества между государством, гражданами и бизнесом. Для обеспечения устойчивого общественного развития, сохранения роли главного регулятора и источника власти государству необходимо уже сейчас, в процессе зарождения рынка технологий Web 4.0, активно осваивать цифровые новшества и формировать актуальную, отвечающую общественному запросу цифровую политику.

*Беловолова Е.Е.
(МБОУ «Лицей № 15», Воронеж)*

РАБОТА С ПОНЯТИЯМИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ

Раздел политологии традиционно считается одним из самых трудных для понимания школьниками не только на этапе основного образования, но и на ступени среднего образования. Опыт преподавания истории и обществознания показывает, что многие учащиеся испытывают трудности при анализе материала: не умеют найти сходство и различие в политических явлениях и процессах, не могут выделить причинно-следственные связи, затрудняются сделать вывод. Причинами данной проблемы являются многие факторы. Во-первых, изучение политических понятий начинается на уроках истории еще в 5-6 классах (государство, демократия, парламент и др.). Сущность терминов раскрывается с учетом возрастных особенностей младших подростков, кроме того, оказывает влияние и исторический аспект. Во-вторых, социальный опыт в области политики у учащихся не накоплен (в отличие от экономики, социальной сферы и пр.). Это обуславливается тем обстоятельством, что большинство политических прав можно реализовывать лишь с 18-летнего возраста. Затруднения объясняются и сложностью механизмов реализации политической власти.

Знание основных понятий и умение ими оперировать – основа для формирования политических знаний. Учитель часто просит учащихся дать определение того или иного понятия, но не объясняет им, как это грамотно сделать. Эта ситуация является почвой для «зубрежки» или для списывания. Педагогу необходимо познакомить учеников с «формулой», на основе которой дается определение понятия (термин – род + видовые отличия). Данная формула помогает учащимся определять родовую принадлежность понятия, а также его отличительные признаки. Например, партия – это общественное объединение, а видовые отличия показывают, чем это общественное объединение отличается от других.

Практически на каждом уроке нами применяются специально разработанные задания, позволяющие сформировать умение давать определение понятиям. Например, в готовом определении учащиеся выделяют термин, род и видовые отличия, восстанавливают определение понятия, какой-либо элемент которого пропущен, находят

ошибки, конструируют понятие по признакам. Графические задания на выявление отношений между понятиями позволяют, например, соотнести «правовое государство» и «демократию». Работа с определениями облегчает понимание школьниками сути политических явлений, а педагогу помогают в дальнейшей работе с более сложными операциями: классификацией и сравнением. Кроме того, значительно обогащается словарный запас детей, речь школьников становится четкой, правильной. И очень важно, что благодаря таким заданиям большинство ребят умеет находить свои и чужие ошибки, исправлять их.

Логические операции обобщения и деления понятия также важны в ходе изучения политологии. Обобщить понятие – это значит перейти от менее общего к более общему понятию. Для формирования данного умения разработана серия заданий, в том числе и для интерактивной доски. В них к определенному перечню политических терминов ставится вопрос: «Что объединяет данные понятия?». С удовольствием ребята решают задания, в которых используется иллюстративный ряд (например, атрибуты государства, виды политических партий, избирательный процесс и др.). Подобная работа позволяет формировать представление о политике как системе, в которой явления и процессы находятся во взаимосвязи и взаимодействии.

Операция классификации проводится строго по правилам, с которым также необходимо знакомить учащихся. Важным является выявления критерия для классификации, так как игнорирование данного элемента – причина для ошибок не только в выделении видов политических явлений, но и в проведении операции сравнения. Работа с практическими заданиями по квалификации позволяет различать типы политических лидеров, виды политических партий и т.п. Один типов таких заданий: «Найдите понятие, выпадающее из общего ряда, и объясните ваш выбор».

Важнейшее умение, без которого невозможно осмыслить политический процесс, – умение устанавливать причинно-следственные связи. Учащиеся должны понимать сущность понятий «причина» и «следствие», значение правила «После не значит вследствие». Нами разработаны задания, в которых необходимо закончить предложения. Например: «В РФ двухпалатный парламент, потому что...». Достаточно эффективным является задание на восстановление логической цепочки, в которой звенья «перемешаны» (прием «пазл»). Опыт применения подобных заданий показал, что наиболее продуктивны они при изучении важных политических процессов, таких, например, как возникновение государства, идеологии и т.п. Умение находить разного рода связи (причинно-следственные, функциональные и др.) в обществе помогает учащимся проникнуть в суть вещей, видеть мир в его диалектическом единстве.

Овладение логическими операциями и умелое их использование на практике помогает школьникам разбираться во взаимосвязях явлений общественной жизни, вести аргументированную полемику с оппонентами, доказательно отстаивать истинные суждения.

*Белоконев С.Ю., Алексеенко Д.А.
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)*

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ НА АФРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ: ПОДХОДЫ И ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Африка, как один из наиболее перспективных регион мировой экономики, привлекает все большее внимание ведущих государств, включая Китай, США, Россию. Настоящий доклад посвящен изучению политико-экономических подходов ведущих

государств к сотрудничеству с Африкой и определению их влияния на экономическое развитие континента. В работе использованы подходы Мерси А. Куо, работы которой посвящены экономическому положению африканских стран, эксперта по Ближнему Востоку Кузнецова А.А., доктора политических наук Медушевского Николая Андреевича, члена-корреспондента РАН Футни Леонида Леонидовича, западного историка и социолога Родни Уолтера, автора книги «Чёрная дыра. Как Европа сделала Африку нищей». Были рассмотрены существующие финансово-экономические модели влияния стран и аффилированного бизнеса и предложена типология. Ниже описаны типы такого влияния: неокOLONиальный, инфраструктурный, предпринимательский, культурно-религиозной экспансии.

Одна из самых старых моделей – неокOLONиальная, используемая на сегодняшний день США и Францией. Она подразумевает взаимодействие в интересах развитых государств, но никак не африканских, и оказание помощи только тем, кто способен принести пользу, например, в виде предоставления рынков сбыта, природных ресурсов или продвижения нужных ценностей в конкретном регионе. В случае сопротивления практикуется применение жестких мер силового или экономического принуждения. Экономические возможности роста для большинства стран Африки не предусматриваются. Для подавления неокOLONиальных стран используются инструменты внешнего управления: военное доминирование, валютно-финансовая эксплуатация, медийное влияние, культурная экспансия. Таким образом, поддерживается нестабильность политической системы, что сохраняет отставание Африки.

Китай субсидирует крупные инфраструктурные проекты, чем ранее занимался СССР. Однако, если Советский Союз в условиях плановой экономики не ставил цель экономически поглощать ресурсы африканских стран, то Китай преследует в первую очередь свои рыночные интересы. Китаю принадлежит около 20% всего африканского долга, а в некоторых странах, таких как Замбия и стратегически важный Джибути, эта цифра уже превышает 50% (Mercy A. Kuo «COVID-19: The Impact on China-Africa Debt Insights from Linda Calabrese», 02.06.2020).

Эта модель подразумевает контроль над экономическими активами за счёт частной предпринимательской деятельности отдельных лиц. С этим подходом особенно преуспел Ливан. Ливанцев можно охарактеризовать, как народ – диаспора. Так, по утверждениям ливанских ивуарийцев – ливанские семьи контролируют около 40% экономики побережья Слоновой Кости (The economist special report «Settled strangers» Why some diasporas are so successful 2016), помимо этого они фактически захватили значительную часть телевидения Анголы, а также занимаются алмазным бизнесом в Сьерра-Леоне и Демократической Республике Конго. Благодаря этому подходы доходы от переводов ливанских эмигрантов ещё в 2014 году составили 7,5 миллиардов долларов или 14% ВВП Ливана (Кузнецов А.А «Об экономических проблемах Ливана», 08.04.2017).

Данной модели придерживаются страны Персидского залива, например, Саудовская Аравия и ОАЭ, которые ограничиваются по большей части сугубо инвестициями в конкретные отрасли как сельское хозяйство, но постепенно наращивая своё влияние. Также данной стратегии придерживается и Турция, планомерно увеличивая товарооборот со странами Африки и активно инвестируя в здравоохранение, гуманитарные миссии, строительство собственных школ, контроль над которыми осуществляется преимущественно последователями «мусульманского Сороса» – Фетхуллага Гюлена.

Роль российского бизнеса в этом процессе может возрасти особенно в контексте сотрудничества и партнерства. Россия способна разработать собственную эффективную модель взаимодействия с Африкой, что должно включать следующие шаги: развитие инфраструктуры, развитие сельского хозяйства и пищевой промышленности, развитие торговых отношений и диверсификация источников дохода, содействие образованию и развитию человеческого капитала.

Осуществление этой дорожной карты требует сотрудничества, взаимовыгодных партнерств и долгосрочного экономического планирования. Важно, чтобы африканские страны и российский бизнес работали вместе, учитывая особенности региона, потребности и приоритеты каждой отдельной страны и создавали условия для устойчивого экономического роста и развития. В заключении даны рекомендации по выработке экономической модели функционирования и развития российского бизнеса в Африке.

Белоус В.Г.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ГРАЖДАНИН КАК ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: ЮЗЕР ИЛИ ПРОГРАММИСТ? (О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ)

На наших глазах формируется новая реальность, однако современная наука по целому ряду причин предпочитает работать по старым лекалам. Термин «цифровизация» далеко не в полной мере отражает эту складывающуюся действительность. Мы предлагаем ввести в обиход новый термин – Общество пользования, поэтому начну с его толкования.

К обозначению современности как общества потребления (Ж. Бодрийяр) политическое знание вполне адаптировалось. Современность выдвигает новое базовое понятие – пользователь, юзер (the user). В современном социуме, независимо от общественно-экономической системы, политического режима и прочих фундаментальных факторов, каждый человек пользуется популярными цифровыми инструментами: компьютерами, телефонами и прочими устройствами, которые суммарно именуются гаджетами.

Потребитель и пользователь. Пользование в данном случае понимается как превращенная и завершенная форма потребления. Общее у потребителя и пользователя – их зависимость. Но есть и принципиальное различие. Если потребитель – это жертва собственных потребностей, то пользователь – по существу – раб, подчиненный отчужденным от человека инструментам, которые оснащены программами, всецело управляющими как инструментами, так и людьми.

Общество пользования – таков диагноз современного социума. Это общество, центральной политической функцией которого является оказание услуг. Человек «как бы» господин пользования, хотя на самом деле раб анонимных программ, которые моделируются постмодернистской современностью. С точки зрения субъектности, пользователь, – это атомарный человек, коммуникация которого полностью обусловлена некими программами. Социальная сущность юзера раскрывается в процессе потребления; в лучшем случае он зритель «общества спектакля» (Ги Дебор), в худшем – the used, то есть используемый, использованный, субъектность которого практически неотличима от нуля.

В экономических и технологических исследованиях обычно применяется следующее определение «пользователя» – это лицо (или организация), которое использует [здесь тавтология!] действующую систему для выполнения конкретной функции. На самом деле все ровно наоборот: Пользователь – это лицо (или организация), которое используется действующей системой для выполнения конкретной функции этой самой системы. Действующая система предписывает (то есть технологически прописывает) лицу (либо организации) ту или другую функцию.

Пример: гражданин как пользователь [услуг]. Основу современного политического управления в Российской Федерации составляют многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг. И это только начало; мы

находимся у исторических истоков этой формирующейся действительности. Человек из пользователя услугами превращается в слугу системы пользования.

Услуги – это коммуникативные формы, которые захватывают человека, окружают его со всех сторон. The user оказывается куда более несвободным, нежели the consumer, то есть более зависим от программы, чем последний от денег.

Берёзкина Е.Ю.

(ИСПИ ФНИСЦ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва)

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К УМЕРЕННОМУ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМУ

В 2022 г. на парламентских выборах в Италии победила коалиция правых партий, основу которой составляли популистские партии. Именно они сегодня определяют внутреннюю и внешнюю политику страны: представители партий занимают министерские позиции в правительстве, в том числе должность премьер-министра, а также имеют большинство в парламенте и входят во фракцию Европейского парламента – Европейские консерваторы и реформисты.

Три партии победившей коалиции можно идентифицировать как популистские, при этом для двух из них в разное время было характерно выражение националистических нарративов в своей политической коммуникации. Однако дискурс этих партий изменился вследствие роста их политического влияния и возможностей привлечения широких масс избирателей. Радикальным правым пришлось пересмотреть свою стилистику, смягчить подачу ключевых посылов и занять более традиционные для правых партий консервативные позиции по вопросам интеграции в ЕС, поддержке семей и контролю нелегальной иммиграции. Отразились на самопрезентации правых популистов Италии и внешние факторы, в частности СВО и реакция на нее европейского сообщества.

Самопрезентация партий реализуется с помощью программных документов и публичных выступлений, значимую роль играет коммуникация политиков избирателей в социальных сетях. Именно в социальных сетях происходит позиционирование партии по ключевым для нее проблемным вопросам, в том числе о поиске вектора развития внутренней и внешней политики страны, здесь отражается реакция партии на внешние изменения политической среды.

В данной работе представлен результат анализа идентичности итальянских правых популистов (рассматриваются партии Lega и Fratelli d'Italia) через их публичную коммуникацию с избирателями. Проведенный на основании методов контент-анализа предвыборных программ (рассматриваются выборы национального уровня), а также контент и дискурс-анализа сообщений партий в социальных сетях за 3 последних электоральных цикла.

Самопрезентация политических партий рассматривается в парадигме концепции восприятия информации в условиях избирательной кампании через лидеров общественного мнения¹, которыми являются политические лидеры популистских партий.

Особенности политической самоидентификации и самопрезентации популистских партий Италии зависят от их долгосрочных электоральных амбиций и целей. Радикализм в дискурсе присутствует в партийной коммуникации на начальном этапе существования партии для привлечения внимания потенциальных избирателей. Чем больше партия имеет шансов на электоральный успех, т.е. задействованы большие массы избирателей, тем менее выражены ее националистические позиции, при этом используется инструментарий,

¹ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. - N.Y.: Columbia univ. press, 1968.

позволяющий охватить как можно большую аудиторию. Трансформация дискурса определяется электоральными целями партии. Для популистских партий Италии характерна потеря оппозиционного характера, которая ведет к трансформации коммуникации и формированию более умеренных позиций в партийном видении будущего Италии как части Европейского Союза, а также изменяет ключевые сообщения партии для избирателя, меняет их стилистически и содержательно.

Берлов А.А.
(НИУ ВШЭ, Москва)

ФАКТОР ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПРИ ГОЛОСОВАНИЯХ ПО КАНДИДАТУРЕ ГЛАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В 1990-ГОДАХ

Период работы II созыва Государственной Думы стал моментом, когда депутаты впервые воспользовались своим правом утверждать правительство Российской Федерации. За этот период длиной в 4 года ими было утверждено 5 премьер-министров и проведено 9 обсуждений. Столь частое использование процедуры на заре её существования делает этот период крайне важным и интересным материалом для изучения.

Бесспорно, что фактор внутрипартийной дисциплины играет огромную роль во внутрипарламентской жизни. Американские исследователи Т.Ф. Ремингтон и С. Смит характеризовали депутатскую дисциплину в период I и II созывов Государственной Думы, как относительно слабую: большинство фракций расходились при голосованиях¹. Это приводило к тому, что руководство партий нередко пыталось найти механизмы принуждения депутатов ко внутрипартийной дисциплине. Например, ещё на этапе составления регламента Государственной Думы было предложено ввести для депутатов, избранных по партийным спискам, императивный мандат². Это предложение не было поддержано думским большинством, однако специалисты по российской политике 1990-х годов неоднократно отмечали и другие факты борьбы за установление парламентских правил, влияющих на депутатскую дисциплину³. Один из таких случаев касался и процедуры утверждения главы правительства.

Первоначально регламент Государственной Думы предполагал, что голосование по кандидатуре главы правительства может быть исключительно тайным. Однако во время конфликта ветвей власти вокруг утверждения кандидатуры С.В. Кириенко думское большинство добавило возможность организовать и открытое голосование. Открытое голосование должно было поддержать внутрипартийную дисциплину, чтобы при повторном голосовании кандидату было отказано в назначении еще большим числом голосов, и депутаты опасющиеся потери кресел от роспуска Государственной Думы не смогли нарушить решения своих фракций голосовать «против».

В дальнейшем в периоды конфликтных ситуаций вопрос о методе голосования всегда становился предметом споров. Причины этого лучше всего видны на результатах голосований. Например, при втором голосовании по кандидатуре С.В. Кириенко «колеблющиеся» депутаты проголосовали вслед за своими фракциями и номинально выросшее количество голосов «за» было обеспечено лишь за счет изменения позиции фракции ЛДПР. При третьем же голосовании лидеры фракции осознанно отказались от контроля над партийной дисциплиной: фракции приняли решение голосовать «против», но

¹ Remington T.F., Smith S. The development of parliamentary Parties in Russia // Legislative Studies Quarterly Vol. 20 Is. 4 p. 47-489.

² Haspel M. Should party in parliament be weak or strong? The rules debate in the Russian State Duma // Journal of Communist Studies Transition Politics Vol. 14 Is. 1-2 p. 178-200

³ Глейзер Дж., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993-1998 годов М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

во время тайного голосования «колеблющиеся» депутаты смогли обеспечить небольшой перевес в пользу поддержки кандидатуры. Впоследствии это дало возможность некоторым партийным лидерам возложить вину за утверждение кандидатуры именно на них. Во время же двух голосований по кандидатуре В.С. Черномырдина в 1998 году сторонники кандидата требовали организовать тайное голосование, в то время как противники настаивали на открытом. Особенно хорошо это видно на примере фракции ЛДПР, позиция которой по организации голосования поменялась вслед за изменением позиции по кандидатуре.

Беспалов С.В.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ: ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

Доклад посвящён анализу сходных черт и значимых различий в механизмах взаимодействия ассоциированного бизнеса и власти в рамках двух исторических этапов: Российская Империя конца XIX – начала XX века и Российская Федерация конца XX – начала XXI столетия.

Сравнительный анализ двух названных периодов в очередной раз подтверждает, что специфика взаимодействия бизнеса и власти в значительной степени определяется характером организации государственной власти, в целом, и степенью её централизации / фрагментации, в частности, поскольку это – один из ключевых факторов фрагментации либо консолидации интересов бизнеса и форм его взаимодействия с государством. При этом, если применительно к большинству современных высокоразвитых стран исследователи обычно говорят о таких формах фрагментации власти как федерализм, характер разделения властей и наличие коалиционных правительств, то для России характерна определённая специфика. В Российской Империи до 1905 года при наличии формально монолитной самодержавной власти отсутствовало «объединенное правительство», следствием чего являлись серьёзные межведомственные противоречия, порождавшие специфические формы их согласования (иногда с участием представителей торгово-промышленных кругов) и стимулировали бизнес к тому, чтобы пытаться использовать ситуацию в своих интересах – искать более или менее ситуативных партнёров во властных структурах ради продвижения своих интересов. События 1905-06 гг. принципиально изменили ситуацию, и теперь ассоциированному бизнесу приходилось взаимодействовать с единым Советом министров и представлявшим его в таком диалоге Министерством торговли и промышленности. Именно это, на наш взгляд, стимулировало организованный бизнес к выработке единой, согласованной позиции, влияя на характер его диалога с властью даже более существенно, чем появление ещё одного властного центра – народного представительства с законодательными функциями. Что касается российской власти 1990-х гг., то она являлась крайне фрагментированной в силу сразу нескольких причин: конфронтации законодательной и исполнительной ветвей власти, противоречиями между Правительством и Администрацией Президента, наличием соперничающих группировок (обычно во главе с вице-преьерами) в самом Правительстве. Это создавало максимально благоприятные условия для поиска отдельными бизнес-структурами возможностей решения своих вопросов с органами власти без обращения к предпринимательским ассоциациям; последние же не имели достаточных стимулов к объединению своих усилий. Изменения, произошедшие в 2000-2010-х гг. (снижение роли парламента как самостоятельного политического центра и обеспечение относительного

внутреннего единства президентско-исполнительной власти), стали решающими предпосылками кардинального повышения роли универсальных бизнес-ассоциаций, прежде всего РСПП.

Если говорить о кадровом составе руководящих органов предпринимательских организаций, то в последний период существования Российской Империи туда входили в подавляющем большинстве случаев реальные представители реального бизнеса; присутствие в руководстве бизнес-союзов отставных чиновников было достаточно редким явлением, и почти всегда, если это имело место, эти люди обладали поистине уникальными компетенциями. Для 1990-х годов, когда, по словам А. Зудина, формировался «капитализм без капиталистов», вполне закономерным явлением стало преобладание представителей бывшей «номенклатуры» не только в аппарате предпринимательских объединений, но и среди их «первых лиц» – в особенности в «универсальных» бизнес-ассоциациях; для организаций, ориентированных на представительство интересов малого и среднего бизнеса, это явление было характерно в несколько меньшей степени, чем для РСПП и Торгово-промышленной палаты. С 2000-х ситуация начинает постепенно меняться, что особенно заметно на примере самой влиятельной бизнес-ассоциации – РСПП после его реорганизации и прихода крупного бизнеса в руководство союза.

Относительно, которую органы законодательной власти играли во взаимодействии государства и бизнеса, то проанализированные нами периоды характеризуются прямо противоположными тенденциями. В России в период с 1906 г. по 1917 г. происходил неуклонный рост значения «народного представительства» в целом, в т.ч. в выработке экономической политики, влиянии на бюджетный процесс и, соответственно, во взаимодействии государства с бизнесом; при этом предпринимательские ассоциации неуклонно повышали уровень своего взаимодействия как с законодательными палатами в целом, так и с ключевыми политическими партиями. Для второго периода, начиная с середины 2000-х гг., налицо тенденция к снижению роли парламента в целом и во взаимодействии государства с бизнесом, в частности. Помимо прочего, это стало одним из значимых факторов укрепления корпоративистских начал в данной сфере.

Богачева С.Д. (ГУУ, Москва)

Алексеев Д.А. (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

АНАЛИЗ КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ МЭРА МОСКВЫ В ХОДЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2023 ГОДА

Избирательный цикл России 2023 года является последним перед президентской кампанией 2024, поэтому являются своеобразной «генеральной репетицией», где могут быть применены самые передовые политические технологии. В Единый день голосования 2023 проходили довыборы в Государственную Думу РФ, выборы в региональные законодательные собрания, в органы местного самоуправления, а также глав субъектов федерации. Избирательная кампания мэра Москвы стала одной из избирательных кампаний глав регионов, где проходят прямые выборы. Выборы в столице всегда привлекают внимание, хотя на текущий год победа Сергея Семёновича Собянина не ставилась под сомнение. Тем не менее интересен подход к ведению социальных сетей со стороны его интернет-технологов и технологов его-оппонентов со стороны парламентских партий. Каждый из кандидатов поднимал свои темы в ходе кампании, стремясь аккумулировать вокруг себя аудиторию, которая точно за них проголосует. Таким образом, наша цель – провести комплексный контент-анализ социальных сетей кандидатов на пост мэра Москвы, выяснить какие темы, проблемы доминировали в социальных сетях каждого кандидата, какие инструменты использовали кандидаты в ходе своей кампании. Исходя из цели исследования поставлены задачи: рассмотреть исследования на тему использования

социальных сетей в ходе политической кампании, составить массив данных, выделить основные темы, проблемы постов, форму контента, провести аналитику полученных данных. В рамках данного исследования рассматривается наполнение социальных сетей в ходе избирательной кампании российских политических лидеров. Актуальность объясняется тем, что если ранее сетевое пространство использовалось для эффективной коммуникации посредством создания чатов и веб-сайтов наиболее выдающихся политиков, то на настоящий момент их использование постепенно становится обязательным. Это объясняется современными демократическими тенденциями, реализующимся в пространстве «прозрачности», доступности и открытости власти.

В исследовании применялись принципы и подходы, отраженные в работах Белоконова С.Ю., Васильева М.С., Титова В.В., Несмашного А.О., Сотникова С.А. и других исследователей интернет-активности политических акторов.

Статистика и аналитика контента страниц кандидатов на пост мэра осуществлялись благодаря сервису Popsters. Его функционал позволяет провести анализ контента за любой момент времени, сопоставить эффективность опубликованных постов, оценить их популярность, текстовое наполнение, найти самые популярные публикации, посмотреть зависимость от времени, дней недели, объема текста и иных параметров. Опираясь на цель и задачи исследования, отмечается важность фиксирования тематики и формы постов пяти основных кандидатов, представляющих каждую парламентскую партию. Контент-анализ осуществлялся на основе категоризации и группировки полученных данных (выделение типа принадлежности постов). Всего выделено 4 категории: новость, взаимодействие с населением, деятельность, личный контент. В дополнение контент был расклассифицирован по унифицированным темам, проблемам, характеру прилагаемых медиа-материалов и категории участия кандидата. Показатели, на основании которых производится анализ – количество отметок «нравится», число просмотров, фиксирование количества постов на одну тематику и данные классификации по каждому кандидату. Для анализа были отобраны такие социальные сети, как «ВКонтакте» и «Telegram», в каждом из которых были взяты по 10 самых популярных постов всех кандидатов.

На основе проведенного анализа были сделаны выводы о стратегиях коммуникации политических деятелей в социальных сетях, их влиянии на общественное мнение и другие аспекты политической деятельности в ходе выборов мэра Москвы в 2023 году.

Богин С.В
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ВЛИЯНИЕ ТРОЦКИЗМА НА ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО США

Актуальность данной темы связана с наблюдаемым ростом в США неотроцкистских настроений.

Цель исследования заключается в изучении влияния, которое идеи Троцкого и его учеников оказали на развитие общественно-политических отношений в США (формирование идеологии неоконсерватизма, изменение идеологии либерализма и неотроцкистских движений), и что в наши дни приходит на смену устоявшимся идеологиям.

В исследовании были выдвинуты следующие научные гипотезы:

Во-первых, ряд политических деятелей и философов оказались под влиянием идей Троцкого и приняли или инкорпорировали его идеи в свои идеологии.

Во-вторых, философы и политологи, инкорпорировавшие часть идей или подходов Троцкого в свои идеи, создали идеологии, являющиеся одними из самых влиятельных по последствиям их реализации.

В-третьих, влияние таких идеологий в условиях усугубляющегося противостояния идёт на спад, вследствие чего начинают формироваться новые идеологии, базисом которых является национализм/фашизм.

Факторы, влияющие на трансформацию либерализма: распад СССР и формирование у политических элит США мнения, что они стали единственным центром силы, который идеологически, политически, экономически и в военном плане доминирует над миром. Окончание противостояния между либерализмом и коммунизмом воспринялось как окончательная победа одной стороны и наступление «конца истории», в котором все страны придерживаются одной идеологии.

Приоритет одной идеологии для всего мира стало знаковым событием «конца истории». Но развитие мира продолжилось, начали заявлять о себе не только новые государства, но и идеологии, например исламизм. Таким образом идеология либерализма была вынуждена развиваться, чтобы соответствовать духу времени. Возник внутренний конфликт в американской элите из-за необходимости развивать или не развивать либерализм. Решение конфликта было найдено в его искусственном развитии, в рамках которого идеология была подстроена под нужды элиты. Отсюда приоритет защиты прав меньшинств над правами более крупных слоёв населения и т.п. Всё это внедрялось в идеологию либерализма с целью использования в последствии для подавления оппонентов и сохранения элитами своего положения, но к либерализму это уже не имело никакого отношения. В конце концов это привело к тому, что либерализм начал изживать себя.

На протяжении порядка двух десятилетий оппортунистские методы всё больше преобразовали либерализм, что трансформировало его в идеологию неолиберализма и сформировало современный неоглобализм, а неоконсерваторы начали оказывать значительное влияние на внешнюю политику США. Примерами тому могут быть цветные революции, военные конфликты, развязанные США в разных регионах мира под предлогом «борьбы за демократию». Это было лишь прикрытием экономических интересов США и их союзников.

Таким образом, в условиях усугубляющегося противостояния с новыми центрами силы, представляющими свои собственные идеологии, США вынуждены противостоять соперникам на идеологическом фронте. Так как либерализм после длительного воздействия оппортунизма уже не пользуется прежней популярностью даже в самих США, нужна новая идеология. И это вполне может быть одна из форм национализма, будь то нацизм, фашизм или американский милитаризм.

Боговик В.Д.
(ТюмГУ, Тюмень)

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ

Формирование современных глобальных институтов происходит в условиях непостоянства миграционных процессов. Они оказывают значительное влияние на всю систему администрирования, вынуждая ее адаптироваться к новым вызовам. В связи с этим, возникает необходимость объективной характеристики существующего международного режима управления человеческими ресурсами и его отличительных особенностей.

Данная система оперирует в целях выработки своевременных и консолидированных мер по упорядоченному наднациональному контролю над миграционными процессами. Её задачами также остаются преодоление рисков и поддержка устойчивого развития в различных секторах, включая правовое обеспечение миграционного менеджмента, содействие международной интеграции, реализации механизмов по решению экономических и иных вопросов перемещения человеческих ресурсов.

Следуя обозначенному курсу, межправительственные институты образуют особую схему взаимодействия. Так, получил распространение термин «оркестрирование», применимый к юридическим и практическим формам межнационального администрирования, преимущественно под эгидой ООН. Как отмечает Н.Р. Мицинский, доцент кафедры политологии и международных отношений Университета Мэн, с точки зрения теории, данная концепция должна сочетать интересы всех сторон и задействовать их потенциал в системе, предоставляя межправительственным субъектам организационные возможности и признавая в то же время главенство государственного суверенитета.

Однако на практике глобальное управление миграцией представляется менее централизованной системой. Обладая инструментами, необходимыми для консолидации, она использует их скорее в целях поддержки, чем руководства. В этом смысле наднациональный контроль миграции выступает как сетевое и многоуровневое устройство, преобразующее «оркестрирование» в способ сохранения и укрепления связей между задействованными участниками.

Структура содержит в себе различные ярусы, по-разному включенные в процесс управления. Среди них можно выделить правительства суверенных государств, наднациональные институты и негосударственные объединения, к которым относят инициативы гражданского общества.

В первую очередь, тесные контакты между правительствами и международными организациями проявляются в создании нормативных правовых актов в сфере глобального администрирования трансграничных потоков населения, направленных на регулирование отдельных проявлений трудовой или вынужденной миграции.

Другим значимым уровнем структуры управления являются негосударственные объединения, к которым можно отнести гражданское сообщество и частные коммерческие организации. Задача общественных структур – осуществлять контрстратегию для продвижения альтернативного взгляда на борьбу с причинами массовых передвижений и меры улучшения жизненных и рабочих условий переселенцев. Также гражданское сообщество призвано закрыть пробелы в администрировании, созданные из-за нисходящей политики. Точки соприкосновения между негосударственными и правительственными субъектами лежат преимущественно в экономических областях, так как массовые агенты развития глобального рынка легитимизируют статус через горизонтальное сотрудничество по борьбе с бедностью и насилием, порождающими или сопутствующими нерегулярным потокам населения. В связи с этим, ключевой функцией Глобальной миграционной сети ООН, становится развитие координации между «верхними» и «нижними» платформами менеджмента.

Таким образом, архитектура глобального управления миграцией становится все более многомерной. Его приоритетной задачей выступает улучшение координации между правительственными, наднациональными и негосударственными сторонами, выраженной в «оркестрировании» их деятельности.

Данная стратегия осуществляется через несколько механизмов. Во-первых, к ним относятся нормативные правовые акты, регулирующие вынужденную и добровольную миграцию. По своему содержанию данные соглашения не имеют юридической силы, однако они обладают потенциалом и возможностями для оказания более «жесткого» воздействия на участников. Во-вторых, «оркестрирование» развивается за счет Глобальной миграционной сети ООН, призванной выработать согласованные действия причастных агентств. В-третьих, важнейшим элементов выступает гражданское сообщество, оказывающее неформальное влияние на других субъектов. Так глобальное управление миграцией принимает вид разнонаправленной системы с сетевой координацией акторов администрирования.

ЭФФЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Данная работа является продолжением библиометрического исследования электронного участия. Первый этап исследования показал, что существуют значительные лакуны в сфере изучения эффектов электронного участия. Их изучение сталкивается с такими проблемами, как отсутствие общепринятого определения электронного участия, сложность количественной оценки эффектов. Зачастую сложно понять, что является причиной/фактором, а что следствием/эффектом электронного участия. Разные авторы демонстрируют, что одно и то же явление (например, открытые данные) может быть и драйвером (Bolgov & Filatova), и эффектом электронного участия (Kumar & Vragov). Кроме того, эффекты электронного участия не всегда позитивны, и ряд работ демонстрирует его негативные последствия (Bolgov & Filatova). По-прежнему неясно, может ли электронное участие изменить государственные институты и политические практики.

Первая часть библиометрического исследования состояла из пяти этапов (дизайн исследования, сбор данных, анализ данных, визуализация данных и интерпретация).

Дизайн исследования включал в себя выбор библиографической базы для сбора данных (в данном случае, Scopus); разработка стратегии поиска.

Сбор данных включал в себя:

- поиск в Scopus на основе выбранной стратегии поиска. Поиск касался только научных статей на английском языке и велся по заголовку, аннотации и ключевым словам. Всего было найдено 1946 статей за период с 1968 по 2022 г. с использованием следующего запроса:

KEY («electronic participation» OR «e-participation» OR «digital participation» OR «virtual participation» OR «e-democracy» OR «electronic democracy») OR TITLE-ABS-KEY («digital democracy» OR «virtual democracy» OR «participatory democracy»)

- экспорт полученных библиографических записей в форматы Plain Text и Bib;
- загрузка коллекции (Plain Text) на Biblioshiny (см. Aria & Cuccurullo);
- экспорт коллекции из Biblioshiny в файл Excel;
- импорт той же коллекции в формате bib в Mendeley для просмотра.

Анализ данных включал:

- просмотр заголовков каждой записи в Mendeley, удаление нерелевантных записей, как описано ниже. Мы исключили из анализа рецензии, препринты, редакционные статьи и предисловия, поскольку они давали ограниченное представление о рассматриваемой теме. Мы включили только публикации на английском языке.

После этих действий мы отобрали 1265 публикаций.

- загрузка окончательной коллекции на Biblioshiny и выполнение различных библиометрических операций (например, расчет основных библиометрических показателей, таких как наиболее продуктивные авторы, сетевой анализ совместных появлений).

Визуализация данных выполнялась с помощью функционала Biblioshiny, с использованием графиков Excel.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00364 «Институциональная трансформация электронного управления в России: исследование региональных особенностей» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Первая часть исследования помогла выявить, помимо прочего, недостаточную изученность эффектов электронного участия. Вторая часть исследования, касающаяся эффектов электронного участия, включала в себя работу с имеющейся коллекцией данных путем создания в ней соответствующих фильтров: effect, impact, influence, relationship, correlation, result, outcome, aftermath, (as a) factor, (as a) driver, determinant, indicator.

Исследования эффектов электронного участия можно разделить на несколько групп: исследования политико-правовых основ; исследования использования инструментария электронного участия; изучение возможностей инструментария оценки эффективности электронного участия; исследования опыта государств на муниципальном, региональном и национальном уровнях, а также сравнительные исследования. Ряд исследований, изучающих эффекты электронного участия, фокусируется на национальных кейсах, анализируя опыт стран с разным уровнем развития экономики и демократии (табл.).

Таблица

Исследования эффектов открытого бюджета (составлено автором)

Эффект	Работы
Увеличение/уменьшение коррупции	Lee et al., Shim & Eom, Bolgov & Filatova, Silal & Saha, Ingrams & Schachter, Merhi, Zheng
Повышение/снижение уровня преступности	Bolgov et al. (2016)
Снижение уровня теневой экономики	Sacchi et al.
Устойчивое развитие и рост экономики	Aradeh et al., Ochara & Mawela, Silal & Saha, Linders
Расширение прав и возможностей граждан	Zolotov et al.
Вовлечение граждан в политический процесс	Mertes et al., Bicking et al., Coelho et al., Soares & Joia, Thiel
Влияние на качество политических решений	Porwol et al., Alonso & Barbeito, Bolgov et al. (2022), Vidiasova et al.
Повышение качества законодательства	Jukic & Vintar
Повышение открытости правительства	Oprisor & Nistor, Kumar & Vragov
Развитие либеральной демократии	Nam
Повышение/снижение доверия к правительству	Xin et al., Abdulkareem et al.
Социальные эффекты (в т.ч. увеличение социальных расходов)	You et al., Khagram et al.
Эффекты для бизнеса	Pudas
Эффекты для городского управления	Bolgov et al. 2016, Sharma et al.

Библиометрическое исследование помогло нам предложить несколько направлений исследований электронного участия, которые следует развивать в будущем. Первым наблюдением является отсутствие исследований, изучающих стратегию электронного участия и ее качество в условиях кризисных ситуациях (пандемии, войны, санкции, экологический кризис и т.д.). Кроме того, электронное участие не всегда имеет позитивные эффекты. Это влияние должно быть изучено глубже.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПАРАДИПЛОМАТИИ: РЕГИОНЫ И ГОРОДА ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

К настоящему времени более трех десятилетий внутригосударственные регионы (субъекты) РФ являются участниками международных отношений, налаживая внешнеэкономическое, трансграничное сотрудничество с иностранными партнерами. В современном российском законодательстве прописаны возможности и ограничения международной деятельности российских регионов. Они значительно трансформировались за этот период.

Методологической основой доклада является теоретический концепт парадипломатии. Он синтезирован со сравнительным анализом, методикой изучения конкретных случаев (case-study). В его рамках для нас важен подход французского политолога М. Дюрана. Данный исследователь предложил изучить четыре аспекта, имеющих отношение к анализу роли субнационального правительства: полномочия, возможности, способности и присутствие. Под парадипломатией понимается участие региональных правительств в международных отношениях в качестве субнациональных акторов для защиты своих интересов и идентичности. Парадипломатия описывает международную активность таких акторов «вне суверенитета», как субнациональные регионы, субъекты федераций, провинции, крупные административно-территориальные единицы (Н.М. Мухарьямов, М.Н. Закамулина).

Как правило, российские исследователи стремятся избегать употребления понятия «парадипломатия», особенно когда речь идет о регионах, осуществляющих сепаратистскую деятельность. Более употребимы термины «региональное сотрудничество», «международные и внешнеэкономические связи», «трансграничное сотрудничество».

Основным кейсом в нашем докладе выступает Республика Татарстан, как один из наиболее экономически развитых регионов страны. Казань – один из лидеров так называемой «городской дипломатии» в стране. Татарстан является одним из регионов-инициаторов стратегического «поворота России на Восток».

Российская внешняя политика за прошедшие десятилетия претерпела значительные изменения. Период после распада Советского Союза характеризовался значительными внешнеполитическими поражениями РФ. Российское государство находилось в периоде своего становления, что позволяло ряду субъектов внутреннего политического процесса претендовать на участие во внешней политике государства. Прежде всего, здесь можно выделить внутригосударственные регионы, которые демонстрировали свою роль в федерализации. Их деятельность часто выходила за рамки внутренних процессов, они претендовали не только на экономическое гуманитарное и культурное сотрудничество с другими странами, но и на политическое взаимодействие с ними. Парадипломатия фактически стала равна сепаратизму. Поэтому российские исследователи использовали другие понятия для описания активности внутригосударственных регионов.

Следующий период связан с именами двух российских политиков-дипломатов Е. Примакова и С. Иванова, которые значительно трансформировали российский внешнеполитический курс. Но они вряд ли бы добились существенных изменений, если бы не приход к власти в 2000 году Президента В. Путина. Новый российский руководитель впервые системно сформулировал национальные интересы во внешней политике, хотя в ситуации 2001 года они еще шли в фарватере западной политики. Агрессия США в Ираке способствовала тому, что Россия сблизилась свой политический курс с Германией и Францией, на основе осуждения американского вторжения. Окончательный разрыв с

политикой «коллективного Запада» произошел в 2007 году, когда В. Путин выступил со своей речью в Мюнхене. Идеи этого выступления были реализованы на практике в вооруженном конфликте России и Грузии в 2008 году и в процессе его политического урегулирования.

Третий период – характеризуется «поворотом на Восток». Произошло это в 2014 году и стало ответом на санкции «коллективного Запада» после референдума в Крыму. С 2022 года начался фактический отход от западного доминирования. Этот период включает образование совокупности государств, которые недовольны западной политикой, быстрое развитие БРИКС, союзничество Китая и России. Незападные страны пытаются избавиться от доминирования доллара, осуществлять международную торговлю в своих национальных валютах, уничтожить систему неокOLONIALИЗМА, пересмотреть основы мирового порядка.

В рамках Татарстана важны кейсы масштабного саммита KAZANFORUM группы «Россия-исламский мир», крупнейшего российско-китайского форума «РОСТКИ», саммита БРИКС 2024 года в Казани. Исламские государства, Китай, Индия, ЮАР, Бразилия и другие западные страны, их провинции и города стали основными субъектами взаимодействия с Россией и ее внутригосударственными регионами.

Российская парадипломатия в настоящее время формируется на новых основаниях. Она эволюционировала, стала более комплексной, отвечающей на современные вызовы (такие, как утрата государством своего суверенитета) и мировые процессы (деглобализацию, регионализацию).

Борейко А.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ТЕКТОЛОГИЯ А.А. БОГДАНОВА И МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В ТМО

Выдающийся российский ученый Александр Александрович Богданов писал, что любые процессы, будь то физические, химические, биологические или социальные, можно рассматривать как процессы организации комплексов или систем путем формирования связей между элементами. В своей науке, тектологии, он развивал идею всеобщности законов развития систем, которые он называл комплексами.

В нынешних условиях, когда система международных отношений находится в состоянии перехода, системный взгляд на эти процессы дает возможность прогнозировать ее состояние в перспективе. Именно эта особенность, на наш взгляд, делает изучение наследия Богданова важным не только с теоретической, но в гораздо большей степени – с практической точки зрения. По этой причине мы решили обратиться к краткому анализу прогностического потенциала тектологии Богданова и мир-системного подхода в теории международных отношений (ТМО), соотнеся эти два направления научной мысли как общее и частное.

Богданов помещает в фокус внимания проблему организации элементов системы. В отличие от природы, которая организуется закономерно, но стихийно, общество может сознательно или планомерно формировать и изменять комплексы для достижения нужного результата. Поэтому организовать можно не только природу, но и социальные отношения и общественный опыт. В связи с этим, на наш взгляд наиболее важной является идея тектологии о целенаправленной разработке организационных структур на основе предсказания будущих состояний системы в кризисных ситуациях.

Наиболее примечательным выглядит описание циклической природы экономических кризисов, Богданов отмечает, что экономическое процветание общества, которое он характеризует через превышение процессов ассимиляции над дезассимиляцией, то есть потребления над затратами, соответствует фазе положительного подбора. В это время сложность системы возрастает, появляются новые элементы и связи, однако

одновременно растет и неоднородность, и дисбаланс. Дальнейшее накопление энергии приводит к нарушению ее усвоения. Таким образом кризис является закономерным следствием развития системы. Несмотря на наличие тесных экономических связей между государствами, который формируются во время экономического процветания, они же приводят к обособлению государств, противоречиям их национальных интересов. И когда на место процветания приходит кризис, эти системные расхождения интересов начинают преобладать над связями, дезинпрессия приходит на место инпрессии, а отрицательный подбор – на место положительного.

Объяснение циклического развития экономики изменением базисных технологий, которое использует австрийский экономист Йозеф Шумпетер, появляется задолго до него. Так, характеризуя выход системы из кризиса, Богданов писал: «повсюду кризис вызывает тенденцию отбросить устарелые способы производства, устарелые формы организации предприятий в пользу способов и форм более современных, какие только находятся. В результате по окончании кризиса, когда вновь вступает в силу положительный подбор, экономическая система может оказаться – и до сих пор оказывалась – своеобразно оздоровленной и, несмотря на резкое временное ослабление, способной затем достичь нового процветания на более высоком уровне техники и организации» (Богданов А. А. (1989) Тектология. М.: Экономика. 302 с.).

В докладе проанализированы взгляды российского исследователя Александра Александровича Богданова на закономерности формирования, развития и изменения систем, применительно к системе международных отношений. В качестве примера применения такого подхода используется мир-системный анализ, как одно из направлений международной политической экономии. Объектом доклада стала система международных отношений, предметом – закономерности развития этой системы исходя из тектологии А.А. Богданова. В соответствии с авторской гипотезой, использование метода Богданова в ТМО позволяет решить некоторые прогностические проблемы, за счет использования общих законов развития систем в данной области.

Бориско О.А.
(КубГУ, Краснодар)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ И ЭКСПЕРТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Приоритетность развития направлений молодежной политики должна выстраиваться с учетом, с одной стороны, реалий, в которых находится государство и общество сегодня, с другой стороны, проектирование мероприятий для молодежи должно происходить на основе учета доминирующих потребностей самой молодежи.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить приоритетные направления, в которых отражены и принципы молодежной политики Российской Федерации, сформулированные в официальных нормативных документах, и актуализированные интересы различных категорий молодежи (в оценках самой молодежи и представителей экспертного сообщества). В основе выделения приоритетных направлений молодежной политики лежат научные представления о двух моделях молодежной политики: субъектно-деятельностной и государственно-патронажной¹.

На основе оценок молодежи определены следующие приоритетные направления развития молодежной политики: «Саморазвитие», «Общественная активность»,

¹ Самаркина И.В. Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края / И.В. Самаркина, И.В. Мирошниченко, С.С. Мальцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 4. С. 872.

«Поддержка для развития сообществ и территорий», «Поддержка социально незащищенных категорий молодежи».

Самые популярные среди школьников и студентов вузов – мероприятия приоритетного направления «*Саморазвитие*» – форумы и креативные пространства, проекты и мероприятия творческой и культурно-просветительской направленности, проекты и мероприятия, направленные на поддержку спорта и развитие навыков здорового образа жизни молодежи, проекты и мероприятия патриотической направленности. Особую пользу для молодежи в представлениях и молодежи, и представителей экспертного сообщества имеют разнообразные образовательные проекты для молодежи, которые «заставляют нестандартно думать и помогают реализовать идеи». По мнению молодежи, различные региональные форумы и фестивали – это показатель развития региона и демонстрация органами власти, реализующими молодежную политику, своей заинтересованности в молодежной проблематике и важности для власти данного направления.

К направлению «*Общественная активность*» отнесем деятельность органов молодежного самоуправления, деятельность молодежных общественных организаций и молодежных сообществ различной направленности. Ценность мероприятий, относящихся к данному направлению, связана главным образом с общением. Позитивное отношение к включенности в организацию молодежного самоуправления школьниками и студентами аргументируется приобретенным опытом, который будет полезен в будущем. Важность школьного самоуправления для формирования личностных качеств связывается с возможностью «побывать в образе взрослого человека», обсуждать и принимать решения. По мнению экспертов, помимо сплочения коллектива, развития коммуникабельности и личного роста, мероприятия данного направления в большей степени могут способствовать конструированию гражданской идентичности и укреплению солидарности в обществе.

Особую важность для региона приобретает направление «*Поддержка для развития сообществ и территорий*» (поддержка предпринимательских инициатив молодежи, развитие проектной деятельности молодежи, поддержка молодежного добровольчества, премии и гранты для талантливой и социально активной молодежи), что обосновывается не только возможностью помогать региону, муниципальному образованию, своему сообществу, формированием региональной и локальной идентичности, но также саморазвитием молодого человека, повышением мотивированности к получению новых знаний, к «дальнейшему самосовершенствованию в какой-либо сфере».

Направление «*Поддержка социально незащищенных категорий молодежи*» (меры поддержки молодых семей, меры поддержки молодых специалистов, индивидуальная помощь и поддержка социально незащищенной категории молодежи, профориентационные мероприятия и содействие трудоустройству различных категорий молодежи), относящееся к государственно-патронажной модели молодежной политики, получало диаметрально противоположные оценки молодежи (от позитивного, свидетельствующего о неоспоримой пользе мероприятий, до резко негативного отношения) в зависимости от возраста и социального статуса респондентов.

Развитие политики в отношении молодежи должно происходить с учетом разделяемых большинством молодых людей интересов на основе приоритетных для государства и общества жизненных и гражданских ценностей с использованием разнообразных (интересных для самой молодежи) форматов мероприятий и комплексного подхода к разработке управленческих решений в сфере молодежной политики.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ КАК ОСНОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМОВ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: СЛУЧАИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

На протяжении последнего пятилетия почти все постсоветские государства реализовали крупные конституционные реформы, связанные с изменением системы правления. Можно утверждать, что с 2018 г. начался новый конституционный цикл, затронувший эти государства. В ситуации «незавершенной государственности», характерной для многих стран постсоветского пространства, актуальными остаются конфликты правовой формы и политического содержания.

В связи с этим интерес представляют постсоветские государства, которые можно отнести к неконкурентным режимам личной власти и в которых в 2022-2023 гг. состоялись значимые конституционные реформы (Беларусь, Узбекистан, Туркменистан). Такие политические режимы характеризуются низкой институционализацией института президентства, президентализированной формой правления, «аппартиной» партийной системой, отсутствием доминирующей партии и подконтрольным президенту парламенту. Главным основанием легитимности режима при этом служит личность президента.

Основной целью изменений в конституциях указанных государств 2022-2023 гг. было создание дополнительных оснований устойчивости политической системы. Для реализации этой стратегической цели были избраны разные тактические приемы: в Беларуси путем усиления институционализации президентской власти через политическую партию и расширение президентских полномочий на основе предоставления права действующему президенту возглавлять Всебелорусское народное собрание – высший орган власти с очень широкими полномочиями, в Узбекистане – путем предоставления действующему президенту права избираться еще на два семилетних срока, в Туркменистане – путем восстановления института Халк Маслахаты (Народного Совета) во главе с Гурбангулы Бердымухаммедовым, которого на посту президента сменил сын Сердар.

Как было отмечено нами ранее, модель президентства, основанная на низкой степени институционализации института президента (личной власти лидера), включающая широкую или узкую сферу формальных полномочий президента, низкую конкурентность выборов, беспартийность президента, отсутствие доминирующей партии, в перспективе представляется наименее устойчивой.

Именно поэтому следует рассматривать конституционные реформы в этих государствах как попытку трансформировать политическую систему в направлении ее институционализации и обеспечения стабильного функционирования в условиях передачи власти преемникам. Отвечая на вопрос о том, станут ли поправки фактором политического процесса, следует заметить, что они задают правовые рамки трансформации роли президента, эволюции партийной системы и в целом для обеспечения стабильности политического режима, в том числе в условиях передачи власти.

Несмотря на неизменность формы правления и положения президента в системе законодательных и законодательных полномочий, были созданы правовые механизмы для укрепления политической системы и ее институционализации. Именно поэтому не стоит недооценивать формальные институты и конституции, которые даже в условиях неконкурентных политических режимов могут играть существенную роль. Главной целью изменений конституций в первую очередь следует считать обозначение новых рамок функционирования институтов и определение проекта политической системы будущего. Новые правила будут определять функционирование политических систем в указанных государствах на десятилетия вперед, причем особую роль они могут сыграть при передаче

власти новому президенту в контексте определения роли и полномочий экс-президента и его преемника.

Перспективным направлением исследования представляется изучение степени разрыва между конституционными нормами и политической практикой и уточнение на этом основании классификации постсоветских политических режимов. Политический процесс уже в краткосрочной перспективе продемонстрирует эффекты изменений конституций, в том числе в ситуации возможного внутриэлитного конфликта или иного кризиса режимов.

Борисова Н.В.
(ПГНИУ, ПФИЦ УрО РАН, Пермь)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ХОРВАТИИ: ФАКТОРЫ УСПЕХА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СЕПАРАТИЗМА¹

Почему одни этнополитические конфликты приобретают насильственный характер, а другие не выходят за рамки политических арен и процедур? Случай Хорватии представляет несомненный интерес с точки зрения связанности в рамках одной страны институциональных решений, направленных на ограничение движений за самоопределение – Сербской Краины и движение за единую Истрию. Эти движения вызревали в условиях ослабления центральной власти после смерти И.Б. Тито в 1980-е и были стимулированы распадом СФРЮ, а историческим контекстом для них была историческая память о притеснениях сербов и италоязычного населения в годы II Мировой войны в период режима Усташей в Хорватии. Проект по созданию Сербская Краина имел признаки ирредентистского проекта, а идея о единой Истрии, скорее, относится к проектам трансграничных регионов.

Национализм правительства Ф. Туджмана, которое находилось в противостоянии с Сербией С. Милошевича, и позиционировало себя как более европейское по сравнению с ней, стимулировал этнополитический конфликт в Хорватии. Хорватский национализм одновременно находился в конфликте с великосербским национализмом, воспринимая Сербскую Краину как его продолжение, и с истрианизмом как движением, оспаривающем европейскость Хорватии. Правительство Туджмана в первой половине 1990-х поддерживает боснийских хорватов, что вовлекает Хорватию в Боснийский конфликт, а также входит в тактический альянс с правительством Словении в целях недопущения создания единой Истрии. И то, и другое еще больше стимулирует напряжения между центральным правительством и Истрией.

Переход конфликта между Загребом и Сербской Краиной из ненасильственного (1990 г.) в насильственный (1991-93 гг.) был обусловлен процессом нациестроительства в Хорватии, которая игнорировала требования автономии для хорватских сербов. Развертывание дискурса национализма затрудняло переговорный процесс и достижение приемлемого для обеих сторон компромисса, одна из которых (этническое меньшинство) осознает себя дискриминируемой по этническим и культурным основаниям. Конфликт между Истрией и Загребом, напротив, остался ненасильственным. Значение имело геополитическое положение региона и его исторически обусловленная антивоенная позиция, проецирование на себя роли региона-моста, пути в цивилизованный мир ЕС.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Будучи ирредентистским, конфликт с Сербской краиной был обречен на насильственный сценарий. Его разрешение сопровождалось включением в процесс международного сообщества. Загребу удалось не допустить выхода Сербской краины из состава Хорватии: в отличие от Косова Сербская краина не была территориально сконцентрированной и пространственно единой. Важнейшим институциональным принудительным решением, позволившим нивелировать рост требований сепаратизма в Хорватии, стали реформы, обеспечившие нетерриториальную культурную автономию (НКА) для этнических меньшинств – одинаковую как для сербов, так и для итальянцев, да и других этнических меньшинств.

Внешним игроком, продвигавшим институциональные практики НКА, являются структуры ЕС и Совета Европы. Проводниками этих практик и институциональных решений в Хорватии стали истрийские партии и общественные организации, прежде всего, Истрийское демократическое собрание. Для ИДС возможность членства Истрии в Комитете регионов ЕС и членства Хорватии в ЕС была политической целью и позволяла решать электоральные задачи в регионе. Со временем ИДС превращается не просто в ведущую политическую силу Истрии, но становится политической машиной, чей вес и субъектность вынуждают Загреб считаться с ней, допуская представительство лидеров ИДС в Европарламенте и заключая с ней тактические и стратегические альянсы. Для ИДС реформы, касающиеся сохранения и поддержки культуры и языка, программы по региональному развитию носят подражательный по отношению к практикам ЕС характер. Программы ЕС поддерживают претензии Истрии на особый статус трансграничного мультикультурного пространства – пространства наиболее европейского, самого либерального региона Хорватии.

Политико-институциональное пространство Хорватии является общим организационным полем, где регионы являются потребителями одинаковых ресурсов, формально их статусы недифференцированы, но геополитическое положение Истрии, присвоение ею европейского дискурса в условиях вхождения Хорватии в ЕС и разделенность Сербской краины на несколько жупаний создают неравномерное неформальное измерение этого организационного поля.

*Боришполец К.П.
(МГИМО МИД России, Москва)*

АКТУАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДОВ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГИОНОВ

Реалии нынешнего десятилетия таковы, что понятие «турбулентность» стало привычным термином в политическом дискурсе. В концептуальном и практическом плане его важнейшими измерениями являются, во-первых, разрушение однополярной гегемонии, во-вторых, обращение все большего числа государств к активной защите национального суверенитета, в-третьих, «перемешивание» сфер влияния ведущих держав на международной арене. Характерно также, что с самыми существенными препятствиями столкнулись попытки развитых индустриальных стран установить монопольный контроль за ростом интернационализации человеческого бытия в XXI в.

Стратегическая трансформация постбиполярного мира является нелинейным процессом с участием как государственных, так и негосударственных акторов. Заметную роль в нем играют города и внутригосударственные регионы, которые еще недавно рассматривались как весомый ресурс глобализации в ее преимущественно «западном» прочтении. Вместе с тем, знаковым явлением постбиполярного периода стало динамичное выстраивание прямых контактов (общественное управление, бизнес, культура, экология, НКО и т.д.) между отдельными единицами административно-территориального деления

различных стран по линии «Восток-Запад», а также «Север-Юг». В российском контексте участниками этого подъема стали, прежде всего, города-миллионники и регионы по периметру внешних границ. Расширение международных связей на уровне мегаполисов (особенно Москвы и Петербурга) органично вошло в повседневную жизнь и политическую культуру страны. Кроме того, накоплен полезный опыт работы региональных представительств в Европе, многовекторные связи в формате «Еврорегион» с участием России, Украины и Белоруссии, которые широко признавались как позитивное явление. И хотя и Россия, и другие страны СНГ допускали в этой области просчеты, испытывали излишнюю эйфорию от мифологем относительно «мягкой силы», это не означает, что результаты адресной работы в течение нескольких десятилетий нужно сдать в архив. Однако, необходимо также иметь в виду, что материальные достижения трансграничного сотрудничества «регион-регион» в российском случае основывались во многом на внутренних национальных ресурсах, перераспределении бюджетных потоков, а не на средствах от проектов зарубежного происхождения.

Какие факторы определяют сегодня общую ситуацию в области международной деятельности городов и внутригосударственных регионов в целом?

Во-первых, фактическое восстановление разделительных линий периода биполярного противостояния между Россией и т. н. «коллективным Западом», блокирование всего того, что считалось аксиомой развития децентрализованного гражданского сотрудничества после окончания холодной войны, аргументом в дискуссиях об эрозии особого статуса государства в мировой политике. Одновременно санкционное давление «коллективного Запада» крайне негативно влияет на общую динамику сотрудничества негосударственного уровня в Европе и в других регионах мира.

Во-вторых, особенно для России, растет необходимость существенного повышения внимания к профильным связям, ориентированным на развивающиеся страны, на партнеров по линии БРИКС. Другими словами, требуются дополнительные затраты для оперативного продвижения гражданского сотрудничества на уровень локальных элит и политически активных слоев населения городов и регионов Азии, Африки и Латинской Америки. Аналогичные по смыслу задачи встанут, по-видимому, и для других великих держав, причем, «мягкая сила» имеет все шансы стать метафорой, поскольку на фоне современной турбулентности весьма востребованы иные ресурсы.

В-третьих, меняется смысл принципов целеполагания в области международной деятельности городов и внутригосударственных регионов. Если на предыдущих этапах оно рассматривалось как приоритет для диверсификации источников улучшения международного климата, социально-экономического роста, ускорения развития, то в настоящее время процесс принятия решений будет все больше подчиняться логике глобальной конкуренции в подходах к международному сотрудничеству, противодействия разрушению человеческой цивилизации под видом «культуры толерантности», утверждения позитивной роли традиционных ценностей как универсальной основы взаимопонимания народов.

Новые моменты в международной деятельности городов и внутригосударственных регионов усиливают ее сопряженность с мировой политикой. Смысл этой деятельности намного шире, чем установление взаимовыгодных двусторонних или даже региональных связей между странами. Он отражает объективную потребность в укреплении социальных основ многополярного мира. В этой связи целесообразно все более активно развивать многосторонние контакты по линии дипломатии городов и регионов на транс-региональном уровне.

«СЛУЖЕНИЕ» КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

С конца XV-XVI веков в Московском царстве начинает формироваться система служилых сословий, профессиональное существование которых заключалось в обеспечении интересов Русского государства. Такие взаимоотношения сначала предполагали прямую зависимость служилого сословия от царского указа, но впоследствии сложилась специфическая культура служения, которая могла заключаться и в добровольном принятии ответственности за судьбу Отечества.

За многие столетия своего существования идея служения в значительной степени видоизменялась: если до начала XVIII века служение было направлено в большей степени на фигуру царя, то с Петра Великого, согласно собственному завету монарха сражаться не за него, а за Россию, служение царю также дополняется служением Родине. Не могла на подобные настроения не повлиять и Православная культура, отчего монарх воспринимался в качестве хотя и не абсолютного, но выразителя национальных интересов, ведь «сердце царя – в руке Господа» (Притчи 21:1), а потому Православное сознание нередко воспринимало бедствия России как бедствия царя и как свои личные бедствия. Православное влияние на культуру служения заметно и в уваровской триаде, и в знаменитом девизе «За Веру, Царя и Отечество», в которых можно разглядеть ответы на вопрос, кому следует служить.

В советское время Православная и монархическая составляющая исчезла, отчего государство стало центральным объектом служения. Конечно, и служение государству не с первых дней оказалось в советской агитационной риторике, однако с началом Великой Отечественной войны, название которой может говорить об уходе с совершенно интернациональных позиций, идея служения социалистическому Отечеству для победы над иноземными захватчиками стала подчеркиваться и в произведениях культуры, и в политике памяти советского государства. Подобный пересмотр отношения к дореволюционному прошлому имел мало последовательности в условиях советской политической практики того времени и часто выглядел эклектично, но сама идея служения Отечеству оказалась созвучной духовному порыву населения и понятной для него. Неслучайно после завершения Великой Отечественной войны практика частичного использования дореволюционного наследия не была прекращена, хотя некоторые направления подобной деятельности вновь были ограничены (например, возобновились гонения на Православную Церковь, пусть и в смягченном виде в сравнении с первыми десятилетиями советской власти). В современном российском обществе ценность служения также играет значительную роль, что особенно проявилось на фоне проведения специальной военной операции.

Интересно то, что служение, помимо государственных и монархических трактовок, в российской истории имело и мессианское значение. Служение миру, служение человечеству, вселенская роль России – такими темами наполнены многие труды русских мыслителей: от Повести о белом клобуке и посланий Филофеева цикла до сочинений Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова, от концепции «Нового Иерусалима» до «водительства народов» А.А. Столыпина и, наконец, мыслях об исполнении Великого поручения Христа. Все эти значения и настроения непрерывно связывались с идеей служения на протяжении всей российской истории, отчего такие авторы, как Н.А. Бердяев, даже видели в

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Аксиологические ориентиры российской цивилизации: историко-политический аспект», шифр FZNF-2023-0005, номер тематики 1023041000044-9-5.6.1).

коммунистической идеологии СССР этот порыв к вселенской миссии, пусть от изначального христианского мотива в советском опыте ничего не сохранилось.

В свете сказанного возможно подойти к мысли, что ценность служения является одной из образующих ценностей российского мироощущения. Имея серьезные различия в каждом из этапов собственного формирования (в основном по объекту служения), ценность служения также проявляет и развитие самой российской цивилизации, все перемены ее более чем тысячелетней истории.

В исследовании ценности служения применены количественные методы анализа, во многом основанные на инструментарии Национального корпуса русского языка¹, позволяющего обработать большие массивы текстовых данных.

Боюн А.Б.
(МГИМО МИД России, Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В научном сообществе продолжается дискуссия о методологических подходах к изучению публичной дипломатии. Исследователи констатируют, что публичная дипломатия не поддается не только однозначному определению, но и простой операционализации. Приведение данного понятия к операциональному виду необходимо для выявления его измеряемых составляющих (постоянных и характеризующих их переменных), а также выбора подходящих исследовательских методов.

В зависимости от парадигмы и теоретических оснований анализа большинство экспертов предлагают рассматривать публичную дипломатию как сумму её измерений, сфер или программ.

Например, М. Леонард предложил разделить программы по периоду их действия: реактивный ответ на информационный повод (часы и дни), проактивное выражение позиции государства (недели и месяцы), долгосрочные отношения для продвижения ценностей (годы).

Автор концепции «мягкой силы» Дж. Най аналогично использовал три измерения: ежедневное освещение политики (моментальная реакция), стратегические коммуникации (информирование на долгосрочную перспективу), построение связей с иностранным обществом через обменные программы (многолетние отношения).

Подобной классификации придерживается Г. Тух, разделяя программы публичной дипломатии на быстрые (информирование в ситуативных целях) и медленные (образование, культура, обмены).

Ряд исследователей (Д. Ковэн, А. Арсено) акцентировали внимание на формах участия сторон в публично-дипломатических отношениях (монолог, диалог и сотрудничество) и каналах оказания воздействия (М.М. Лебедева) – официальному (брифинги в СМИ, социальных сетях) и неофициальному (через НПО, университеты и обменные программы).

Значительный вклад в систематизацию изучения публичной дипломатии внес Н. Калл. Им предложено пять базовых (восприятие, агитация, культурная дипломатия, обмены и массмедиа) и один дополнительный элемент (психологическая война). Действие указанных элементов происходит поэтапно: поиск информации об иностранной аудитории для определения успешной стратегии, формирование общественного мнения, стимулирование интереса к государству-субъекту, построение личных связей через обменные программы.

¹ Национальный корпус русского языка. 2003—2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

Анализ зарубежных и отечественных исследований приводит к выводу о многообразии подходов к изучению публичной дипломатии. В сентябре 2022 года отраслевой журнал «Place Branding and Public Diplomacy» посвятил данному вопросу специальный выпуск: «Продвижение исследований в области публичной дипломатии вперед: Методологические подходы», в котором приведены 8 качественных, количественных и смешанных подходов (сравнительно-исторический анализ, лонгитюдное исследование, Q-методология, контролируемый эксперимент, триангуляционный подход и т.д.).

Одним из недостатков существующих теоретических работ является отсутствие измеряемых индикаторов предлагаемых ими измерений, направлений или категорий публичной дипломатии. Сформулированная проблема является значимой и для практиков, специализирующихся на оценке результативности программ. Как индикаторы чаще всего применяются показатели, демонстрирующие экономическую целесообразность данного направления внешней политики для бюджета.

В качестве одного из способов решения данной методологической проблемы предлагается методом обобщения выделить преобладающие тенденции и классифицировать все инициативы публичной дипломатии на две большие группы (постоянные) «Информирование» и «Продвижение».

В первую группу предлагается включить совокупность программ по информированию иностранной аудитории, реализуемых в политических целях через традиционные и электронные каналы коммуникации.

Во вторую группу войдут все инициативы по стимулированию интереса к стране и построению долгосрочных отношений через широкий спектр обменных, культурных и прочих программ.

Дополнительно вводится третья категория «Управление», позволяющая проанализировать процесс выработки и реализации данного направления внешнеполитической деятельности.

Предложенные 3 постоянные (информирование, продвижение и управление) позволяют операционализировать публичную дипломатию через переменные (институты реализации – государственные органы, СМИ, НПО, обмены и т.д.) и соответствующие им измеряемые индикаторы (бюджет, охват аудитории, количество подписчиков и часов вещания, число участников обмена).

На наш взгляд, подобная операционализация понятия характеризуется определенным универсализмом. С одной стороны, она позволяет без игнорирования отдельных программ избежать избыточной мультипликации смежных форм в качестве единиц классифицируемого явления (например, цифровая дипломатия войдет в первую категорию, а культурная – во вторую, без их выделения в качестве отдельных групп). А с другой – представляет возможность рассматривать отдельные инструменты публичной дипломатии в различных практиках их применения (разделить цифровизацию внешней политики и цифровую дипломатию).

Брайнес А.А.
(Минобрнауки России, Москва)

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Современная российская молодежь отличается рядом политико-психологических особенностей по сравнению с предыдущими поколениями, что само по себе делает ее значимым объектом профильной государственной политики. Однако сегодня наблюдаются определенные изменения в ценностной палитре и мировоззренческих установках молодых

россиян, происходящие под влиянием геополитических, социально-экономических и трансформаций, что ведет к возрастанию актуальности молодежной политики. В этих условиях обращает на себя внимание проблема конструирования целостной нормативной и институциональной инфраструктуры для обеспечения целенаправленного воздействия на ценностно-мировоззренческие свойства молодежи со стороны государственных, политических и образовательных организаций.

В современной России работа с молодежью, в первую очередь в ее образовательном и воспитательном аспектах, становится одним из ключевых направлений государственной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Данная тенденция проявляется в ряде нормативных и институциональных нововведений в сфере деятельности учреждений высшего образования, а также Федерального агентства по делам молодежи и иных государственных учреждений.

Так, в качестве наиболее важных нормативных мер укажем разработку в 2021–2022 гг. Министерством науки и высшего образования РФ методических ориентиров в области воспитания. Наряду с этим была осуществлена работа по корректировке федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования.

Одновременно с этим были реализованы инициативы по развитию институциональной архитектуры государственной молодежной политики в сфере образования и воспитания. В частности, в 2021 г. был запущен федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование», являющийся ключевым в нашей стране проектом по патриотическому воспитанию. Одновременно соответствующие мероприятия осуществляются на уровне образовательных учреждений. Так, в 2022 г. в вузах была введена должность проректора по молодежной политике и воспитательной работе.

Ряд мер осуществляется также непосредственно в содержательном наполнении образовательной и воспитательной системы. Так, в 2023 г. были разработаны курсы патриотической направленности, такие, например, как «Основы российской государственности» и «Обучение служением», формирующие необходимые методические и дидактические основы для целенаправленного воздействия на ценностно-мировоззренческую систему молодых россиян.

В заключение укажем, что одним из ключевых, на наш взгляд, препятствий в формировании механизма воздействия на ценностно-мировоззренческое самоопределение молодежи является нечеткое определение институциональных и организационных рамок, а также концептуального и нормативно-доктринального фундамента воспитания в контексте молодежной и образовательной политики. Так, не до конца очерчены контуры институциональные и организационные способы сопряжения молодежной политики с образовательной политикой как на федеральном, так и на региональном уровнях. Особенно актуальна данная проблема в сфере высшего образования.

Брега А.В.

(ИС ФНИСЦ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

СЕТИ И БУДУЩЕЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ СЕТЕВОГО И ФОРСАЙТ ПОДХОДОВ

Мы живем в сетевом обществе, где сети стали важным и определяющим аспектом нашего прошлого, настоящего и будущего. В той мере, в какой социально-политические жизненные циклы происходят по сетям, их структуры и динамика становятся прогностическими, т.е. объясняющими то, как будут развиваться события или процессы. В результате они позволяют делать прогнозы о вероятных тенденциях, предвидеть

возможные изменения, а также определять и строить предпочтительные (желательные) состояния.

Сочетание сетевого анализа и фьючерсных (форсайт) исследований становится мощным инструментом для прогнозирования и анализа социальных изменений. Практика показывает, что сетевой анализ становится аналитическим инструментом в футурологии. Другими словами, взаимодействие между сетевым анализом и исследованиями будущего даёт новую возможность лучше понять будущее и социальные изменения. С когнитивной точки зрения, как сетевой анализ, так и фьючерсные исследования являются весьма актуальными для политической науки. Их теоретический и методологический потенциал не только востребован, но и затрагивают политические явления или измерения, которые являются новыми, динамичными и ориентированными на будущее.

Каждый из этих подходов в отдельности обладает хорошими возможностями для освещения новых реалий и динамики преобразований. Вместе же их потенциал только умножается. Учитывая растущее значение реляционного и сетевого капитала в разворачивающейся структуре и динамике общества в XXI веке, их включение в методологический инструментарий явно полезно для видения будущего по крайней мере в трех измерениях:

1. Действия в политике всё чаще предпринимаются через сети. Понимание характеристик сетей помогает понять и определить вероятные тренды развития событий. Сети формируют и стимулируют действия, а, следовательно, и будущее.
2. Сами действия в сетях являются новой единицей анализа. При этом основное внимание уделяется уже не индивидуальным действиям, а действиям новых социально-организаций: мегасетей.
3. Сети являются квинтэссенцией, воплощающей в себе новые организационные формы, которые могут постоянно меняться и адаптироваться. Как следствие, они являются адептами, участвующие в создании будущего.

Таким образом, сочетание фьючерсных исследований и сетевого анализа становится мощным инструментом для прогнозирования и анализа фьючерсов. Их комбинация позволяет ввести в анализ социальных сетей ключевые аспекты сетей, а именно динамику, что даёт возможность лучше понять причины и следствия. Сетевой анализ открывает двери для оценки влияния определенных особенностей (центральность, кластеризация и т. д.) на динамику той или иной сети в политике. Он предоставляет теории политических сетей концептуальные и аналитические инструменты для анализа изменений, трансформации и будущего в контексте сетей.

В свою очередь фьючерсные исследования дают концептуальные и аналитические инструменты для анализа политических сетей. Комбинируя оба поля, исследователи получают релевантную аналитическую силу и глубину. Полученный в результате новый продукт, Futures Studies - Social Network Analysis, может стать значимым для понимания политических явлений и изменений, формирующих общество или общества завтрашнего дня.

Имеется два способа интегрирования сетевого анализа в Форсайт. Первый предполагает использование методов сетевого анализа при обработке исходной информации: экспертных оценок, статистики, ответов респондентов и др. Второй — придание «сетевой» перспективы всем стадиям процесса — постановке задач (scoping), вовлечению заинтересованных сторон (participation/recruitment), генерации новых знаний (generation), реализации программ (action) и оценке эффектов (evaluation). Возможности применения сетевого анализа на каждой из стадий Форсайта показаны в таблице.

Вклад сетевого анализа в совершенствование процедур Форсайта

Стадия Форсайт-процесса	Возможные сферы применения сетевого анализа
Постановка задач	Очерчивание рамок исследования, определение наиболее критичных тем и их взаимосвязей
Вовлечение заинтересованных сторон	Картирование ключевых акторов, их аффилиации, статуса в сети. Если данные собираются на протяжении определенного временного периода (панельные или лонгитюдные обследования), анализ сетевой динамики позволит зафиксировать изменения ролей акторов
Генерация новых знаний	Определение структуры Форсайт-процесса, моделирование, анализ и выбор ключевых акторов (тем для исследования) в качестве информационной основы будущей программы реформ
Реализация программ	Установление более эффективных коллаборативных партнерств и междисциплинарных взаимодействий
Оценка эффектов	Оценка результативности Форсайт-проекта, в частности взаимодействия между акторами

Конечным продуктом симбиоза рассматриваемых подходов являются так называемые дорожные карты. Они представляют собой документ, отражающий вероятные пути развития политической организации или процесса в будущем. На основании этих карт происходит формирование долгосрочных приоритетов в различных сферах общественной жизни и политики. Подобные документы служат ключевыми инструментами для акторов политики, так как являются основанием для выработки целей и стратегии; при принятии важных решений в конфликтных или в проблемных ситуациях; для координирования общественной и политической деятельности.

Брега Г.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

СОВМЕСТНОЕ ВЛИЯНИЕ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Современные политические кампании трудно представить без доступа избирателей к новостям из средств массовой информации и социальных сетей. В этой связи закономерен исследовательский вопрос: каким образом восприятие и предпочтения населения влияют на новостной контент, выбранный самостоятельно из социальных сетей и средств массовой информации?

Изменения в политических взглядах и предпочтениях могут быть результатом комбинированного воздействия новостей из различных СМИ. На политическое восприятие и предпочтения влияют новостные сообщения в самостоятельно выбранных СМИ о проблемных позициях, поддержке и критике, условиях реального мира, успехах и неудачах. Комбинированные эффекты возникают потому, что многие люди используют как средства массовой информации, так и социальные сети. Последние делают больше, чем просто усиливают предрасположенности. Они создают эффект многоэтапного потока,

который усиливает новости об успехах и неудачах политических сил, особенно когда потребитель самостоятельно выбирает то или иное СМИ.

Очевидно, что потребители политической информации в гибридной среде с широким выбором средств массовой информации, с обилием кабельных телеканалов, веб-сайтов и сообщений в социальных сетях будут открывать себя в первую очередь для ангажированных СМИ, которые укрепят их политические убеждения. Ведь по мере того, как медиа-аудитория в группы единомышленников, становится все менее вероятным, сообщения СМИ будут делать что-то иное, кроме усиления прежних предрасположенностей. При этом эффекты подкрепления создаваемых образов для медиа-аудитории не следует приравнять к минимальным эффектам, и сами по себе они еще не доказывают отсутствие других эффектов. Ряд исследований показали, что пристрастное избирательное внимание в гибридной медийной системе новостных СМИ и социальных сетей характерно для обычных потребителей новостей, которые не следят за какими-либо другими средствами массовой информации для получения политических сведений. Для них такая медийная диета – это более ощущение сопричастности к политической жизни, чем не на политические знания.

Теория социальной идентичности предполагает, подобно теории баланса, что посредством СМИ политический актер получает поддержку и критику от избирателей. Ожидается, что поддержка и критика той или иной политической силы со стороны выбранного потребителем СМИ (редакционных статей, новостей или ведущих ток-шоу) приведет, соответственно, к положительному или отрицательному восприятию деятельности политиков.

Точно так же поддержка и критика со стороны общественных деятелей – например компании, союзы, церкви, аналитические центры, знаменитости, отраслевые эксперты, группы по интересам – как ожидается, приведут к соответствующему восприятию результатов деятельности. Общественные деятели, поддерживающие редакционную позицию средства массовой информации, могут получать непропорционально много «синхронизированного» внимания, но это не всегда так. Ожидается, что критика со стороны других сторон, напротив, может привести к обратным результатам. Поскольку они способны активировать поддержку скрытых избирателей. Особенно если критикуемая сторона использует информационные атаки для защиты, одобрения или повторного подчеркивания своей позиции по собственным вопросам. Таким образом, ожидаемое влияние новостных заявлений на поддержку и критику зависит от того, поддерживает ли само средство массовой информации, общественный деятель или партийный деятель. Чем больше поддержки и меньше критики в адрес политического актора, исходящей от общественных деятелей в соответствии с самостоятельно выбранными СМИ или со стороны самих выбранных СМИ, тем более благоприятным станет восприятие деятельности партии.

Помимо СМИ мощным инструментом выступает использование социальных сетей на восприятие деятельности политика. Бурный рост количества средств массовой информации в Интернете позволяет искать информацию, которая, как ожидается, будет соответствовать их существовавшим ранее взглядам, и которая не будет делать ничего, кроме усиления прежних предрасположенностей. Исследования показали, что нельзя недооценивать эффекты подкрепления, когда пристрастное избирательное воздействие средств массовой коммуникации и социальных сетей усиливает авторегрессионную связь между прошлым и текущим выбором населения. Подкрепление можно рассматривать как эффект предрасположенности, управляемый видимостью политика в социальных сетях. Подкрепление особенно важно для пользователей пристрастных СМИ, но менее вероятно для новостных всеядных, которые следят за всеми доступными СМИ, а также для тех, кто особо не следят за политическими новостями.

В этом контексте в исследованиях целесообразно использовать концепт двухэтапного потока коммуникационной модели, который предполагает, что мнения в

новостях передаются от классических СМИ к лидерам мнений, а от них – к мнениям более широких слоев населения. Одним из очевидных обобщений является ожидание многоступенчатого эффекта потока новостных заявлений о политических событиях и лидерах в самостоятельно выбранных средствах массовой информации на восприятие и предпочтения тех избирателей, которые сталкиваются с ними в своей среде социальных сетей. Лидеры общественного мнения в социальной сети избирателя, вероятно, разделяют его или ее прошлое и предрасположенности, а, следовательно, и его или ее выбор средств массовой информации. Эффект многоэтапного потока самоподбираемого классического новостного контента на восприятие и предпочтения пользователей социальных сетей можно рассматривать как новостные эффекты в соответствии с гипотезой о гипотетическом эффекте благоприятных или неблагоприятных новостей для политического актора в средствах массовой информации, выбранных самостоятельно будут усилены.

Таким образом, исследование комбинированных эффектов воздействия контента СМИ и контента социальных сетей на основе анализа самостоятельного выбора источника потребления политической информации различными слоями населения позволяет получить нетривиальные советы по проведению политической кампании и ее освещению в СМИ. Получить ответы на различные вопросы. Например, на какие вопросы следует обратить внимание и какие позиции следует занять? Кого пренебречь, поддержать или атаковать? Как добиться поддержки со стороны общественных деятелей и средств массовой информации? Как спровоцировать СМИ и политических противников резкой критикой и нападками? И, прежде всего, как стать соавтором медиа-мероприятий, которые вдохновят СМИ приписывать успех, а не провал политика?

Бугаев Ф.Н.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОКСЮМОРН ИЛИ «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»?

Публичная дипломатия, под которой традиционно понимается совокупность институтов и практик диалогового взаимодействия с зарубежной общественностью для конструирования целостного позитивного образа страны в политических целях посредством оказания информационного и культурно-гуманитарного влияния на поведение актора, по своему определению относится к внешнеполитической деятельности. Тем не менее, происходящие на международной арене геополитические трансформации заставляют взглянуть на публичную дипломатию по-новому, переосмыслить ее значение в современном мире.

Так, Консультативная комиссия США по публичной дипломатии в апреле 2022 года предложила всерьез озаботиться «внутренней» публичной дипломатией, выпустив специальный доклад на тему «Изучение внутреннего измерения публичной дипломатии США: сфера применения, целевая аудитория и политические решения». По мнению американских экспертов и чиновников, назрела необходимость в повышении геополитической грамотности местного населения для того, чтобы в условиях размывания жесткого деления политики на внутреннюю и внешнюю «избежать поляризации общественного мнения по стратегически важным внешнеполитическим вопросам». На практике речь идет именно об «обороне» американского культурно-гуманитарного, информационного и идейно-ценностного пространств от иностранной публичной дипломатии. Подобную постановку вопроса можно расценить как признание растущей конкуренции за сферы влияния в мире со стороны России и Китая и как попытку «оградить» американское гражданское общество от воздействия «мягкой силы» других государств, которое официальными властями США интерпретируется как распространение

дезинформации. Тем не менее, фактическое отождествление «внутренней» публичной дипломатии с монополизацией информационной повестки, даже в благих целях конституирования общегражданского единства, ведет к попранию базовых либерально-демократических ценностей (в первую очередь – свободы слова) и фактически превращает американский народ в объект пропаганды.

Нельзя не отметить, что описанный парадигмальный сдвиг в понимании публичной дипломатии во многом характерен и для отечественного дискурса, однако в российском кейсе есть и свои отличительные особенности. Принятая 5 сентября 2022 года Концепция гуманитарной политики России за рубежом и обновленная Концепция внешней политики России от 31 марта 2023 года раскрывают сущность российского подхода к международному гуманитарному сотрудничеству через употребление таких терминов, как «защита», «сохранение», «противодействие», «искоренение» и пр., что, с одной стороны, в полной мере соответствует транслируемой нашей страной модели умеренного / разумного / здорового консерватизма, но с другой стороны может рассматриваться также и в контексте «охранительского» нарратива. Последний тезис находит свое подтверждение, в частности, в выделении трех категорий государств – конструктивно настроенных по отношению к России, нейтральных и недружественных – и, как следствие, в соблюдении принципа взаимности во внешней политике, а значит остро встает необходимость защиты собственного населения от тлетворного влияния недружественных стран, в том числе информационного и идеологического. Примечательно, что отечественный политолог А.В. Фененко еще в 2020 году предложил концепцию «анти-мягкой силы» как своеобразного «щита» от воздействия чужой «мягкой силы» посредством маргинализации оппонента среди «колеблющихся», реформатирования дискуссии через разрушение навязываемого субъектом дискурса, контроль над сегментами интернета для противодействия распространению нежелательных сведений и создание информационной альтернативы.

Внутреннее измерение публичной дипломатии приобрело для России особую релевантность и в контексте интеграции четырех новых субъектов в российское культурно-гуманитарное пространство: процесс этот по-прежнему продолжается, требует значительных финансовых затрат и «тонкой» работы на когнитивном и перцептивном уровнях. В рамках этой деятельности, к примеру, в Фонде поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова было выделено целое направление по взаимодействию с новыми территориями, начали организовываться ознакомительные визиты видных российских специалистов в различных областях знаний, а Фондом президентских грантов активно поддерживаются те проекты, тематика которых непосредственно направлена на вовлечение населения этих субъектов. Другим не менее значимым вектором в настоящее время выступает формирование идеологического фундамента, аксиологического «ядра» общероссийской идентичности на базе традиционных духовно-нравственных ценностей, от успешности которого во многом зависит эффективность российской публичной дипломатии в классическом ее понимании, так как «гуманитарный посыл» является своеобразной проекцией целостного представления об образе будущего вовне.

Таким образом, в условиях стирания границ между внутренней и внешней политикой, идейно-ценностной поляризации, возникновения новых форм психологического и информационного давления и манипулирования всерьез актуализируется проблема внутреннего измерения публичной дипломатии. Кажущийся на первый взгляд оксюмороном феномен, имеющий такие закрепленные в академическом и политическом дискурсах эквиваленты, как «информационно-разъяснительная работа» и «пропаганда», в реалиях современного мироустройства приобретает новые смыслы, при этом не теряя своего традиционного значения и даже возвращая нас во времена Холодной войны, когда термин «публичная дипломатия» был введен в оборот именно в качестве эвфемизма для обладающей негативными коннотациями пропаганды.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВЫЕ РЕАЛИИ

Процесс дезинтеграции и распада системы ценностей, запущенный в Советском Союзе во времена перестройки, негативно повлиял на развитие гражданской идентичности как отдельной развивающейся личности, так и всего гражданского общества и государства в целом. Поэтому концепт «гражданская идентичность», с одной стороны, выступает индикатором политической стабильности в государстве, а с другой – основой для активного воплощения оптимальных политических решений и дискурсивных практик, становясь политическим концептом современного общества (Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт, 2022). При этом необходимо учитывать, что смысл концепта всегда субъектен, так как он наполняется интерпретациями участников коммуникации и выражает их ценностные ориентации и предпочтения.

В современной России специфика развития гражданской идентичности определяется тем, что её социально-политическая система находится в состоянии трансформации и являет собой переходную форму от коллективной к индивидуалистической системе. Некоторое размывание исторической преемственности породило психологический дискомфорт в обществе, усилило, и прежде всего в среде молодежи, абсентеистские, сепаратистские и даже экстремистские тенденции (Бугайчук, 2021). В условиях нестабильности и безверия личности все сложнее соотносить себя не только с определенным социальным слоем или профессиональной группой, но и с такими социальными общностями и институтами, как нация и государство, что определяет кризис развития гражданской идентичности. Поэтому без важнейшей роли государства в создании единых образовательных, социальных, юридических, политических и экономических основ идентичность не способна обрести государственную форму. Сегодня особое значение имеет сам факт государства как особой политической основы объединения населения, основные нормативно-правовые характеристики которого регламентированы институциональным устройством. «Государство» – это основной регулятор субъекта, а «гражданская идентичность» – это основа субъектности коллектива (Бугайчук, Коряковцева, 2023). При этом закономерности формирования гражданской идентичности граждан не определяются нацией или страной, а связаны с особенностями развития гражданского самосознания и формированием личности в целом. Следовательно, значимость изучения опыта той или иной страны в вопросах становления и формирования гражданского самосознания в целом, и гражданской идентичности в частности высока, но при этом, безусловно, необходимо учитывать национальную, религиозную, культурную и государственную специфику.

Сейчас мы должны говорить о том, что объединение российского общества возможно только через единение государства и общества на основе развития как личностной, так и коллективной гражданской идентичности, именно этот вектор политики идентичности делает ее важной отраслью политического знания. Несмотря на то, что уже определены общероссийские ценности (Указ Президента об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, 9 ноября 2022 г.), сформулированы основные закономерности и механизмы становления гражданина, выявлены эффективные технологии формирования гражданской идентичности, ориентированные на практический опыт, деятельностный и индивидуальный подходы, ценностные ориентиры, но этот процесс долгий и поэтапный, требующий разработки единой общественно-государственной системы в области политики идентичности, интегрирующей в себе комплексное знание по проблемам личностной и коллективной идентичности, основанной на закономерностях формирования гражданского общества и специфике Российского государства.

ГОСУДАРСТВО И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: РИСКИ, ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)¹

В современном мире можно наблюдать трансформации, связанные с изменением существования государства. Процессы цифровизации ставят его не только перед новыми рисками, но и делают необходимым выстраивание новых практик для их преодоления, а также успешного функционирования.

Можно согласиться с мнением, что сейчас приходится наблюдать формирование нового мировоззрения в контексте существования виртуальной реальности, социальных сетей и цифровых платформ². Продолжая эту идею, нельзя не отметить, что государству как наиболее «крупному» из всех политических институтов необходимо проявлять пластичность в данной ситуации. Риски, возникающие в процессе цифровизации, вероятнее всего схожи для большинства стран мира, включившихся в этот процесс: в первую очередь речь идет о проблемах, связанных с хранением информации и сохранностью данных пользователей. В этом ключе, как бы это ни звучало парадоксально, самым неоднозначным является вопрос не конфиденциальности, а владения и возможности работы с ней. Здесь возникает дилемма: стоит ли государству полностью брать на себя функцию хранителя всех данных (например, созданием собственных крупных IT-корпораций) или довериться частному, пусть и отечественному, оператору, который получит немалую цифровую власть не только над гражданами, но и властными институтами. Уместным будет вспомнить относительно недавние дискуссии относительно суверенного интернета. Следующий важный момент, проистекающий из вышеуказанного пункта, – это выстраивание доверия между гражданами и предоставляемыми им государством цифровыми услугами (в этой ситуации важным становится, во-первых, придания обыденности этой практики (например, сайт Госуслуги), во-вторых, создания атмосферы доверия к новым государственным цифровым услугам и сервисам (наверное, самым сложным становится противостоять кибератакам). Способы коммуникации граждан друг с другом онлайн, их поведение в виртуальном пространстве оказывается непосредственно в сфере государственных интересов и порождает не только новые практики в деятельности правоохранительных органов, но и деятельности государственных институтов (возможность прямого диалога с гражданами, демонстрация результатов деятельности). Однако, на наш взгляд, одним из самых сложных вызовов, порожденных цифровизацией, является сфера мифов (в самом широком смысле), «городских легенд» и домыслов, связанных с высокими технологиями. Речь идет не столь о конспирологическом дискурсе, сколь об общей настороженности граждан, в связи с общим смысловым контекстом существования виртуальной реальности.

Таким образом, подводя итог можно сказать, что современному государству необходимо существовать не только в рамках традиционных практик, но и новых, порожденных новой цифровой реальностью.

¹ Грантовая поддержка: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

² Володенков С., Федорченко С., Печенкин Н. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспертного исследования. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. 19 (1), с. 58–79.

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Сегодня в отечественной научной среде и официальном дискурсе доминирует представление о России как о государстве-цивилизации. В контексте данного подхода представляется важным вопрос о русской идентичности, как о ключевом элементе цивилизационной российской идентичности. Россия сегодня находится в состоянии глобального противостояния с коллективным Западом и вопрос о российской идентичности обретает большую актуальность.

Русская идентичность – идентичность не только этнически русских людей, но и тех этносов, которые мало отличаются от них в антропологическом, культурном и религиозном аспектах (например, белорусы, украинцы, большая часть финно-угорских народов), а также лиц смешанного этнического происхождения с преобладающей русской ментальностью.

Необходимо признать, что идентичность государствообразующего народа Российской Федерации имеет ряд проблем, причиной которых является ментальное наследие Советского Союза.

Концепция российского государства-цивилизации постулирует непрерывность всей российской истории (включая советский период). Однако, в период СССР по традиционной русской идентичности и культуре был нанесен серьезный удар, как на низовом (раскулачивание, коллективизация), так и на элитарном (репрессии, эмиграция) уровнях. Вместо традиционной русской идентичности советским государством был предложен концепт «новой исторической общности – советского народа (из выступления Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС). Однако, и сам цивилизационный подход противоречил официальной идеологии СССР – марксизму-ленинизму.

Ярким маркером русской идентичности и объединяющим элементом в истории России часто выступало православие, но оно лишилось такой роли за десятилетия существования атеистического СССР. Несмотря на то, что большинство русских идентифицируют себя как православных, на практике, их религиозность находится на довольно низком уровне. Значительная роль РПЦ в публичном пространстве и продвижение властью концептов «духовности» следует отнести скорее не к десекуляризации, а к клерикализации. Конечно, самоидентификация себя православными для секуляризированных русских людей может быть неким этническим или цивилизационным маркером, но уже то, что за ней не стоит четких религиозных взглядов свидетельствует об определенном кризисе в русской идентичности и религиозности.

Атомизация общества в России – это тоже значимая проблема для русской и российской идентичностей. Русский народ за годы советской власти (главным образом, в период сталинского тоталитаризма) выработал стратегию выживания, заключающуюся в демонстрации лояльности власти и недоверии ближнему. Современные русские – пассивные и разобщенные люди, не готовые действовать сообща для отстаивания своих интересов. Подобная ситуация вызвана, как широкой пропагандой идей личного успеха в СМИ и массовом искусстве, так и уже упомянутой выше стратегией выживания, продолжающей воспроизводиться даже в условиях современного демократического общества. В той или иной степени, это касается и других народов России.

Кризис русской и российской идентичностей велик, но такое ключевое событие всей современной истории России, как специальная военная операция на территории Украины,

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

смогло сплотить большую часть населения. По состоянию на январь 2023 года СВО поддерживало около 68% населения (согласно данным ВЦИОМ), что практически доходит до 100 миллионов, поистине значительной цифры.

Таким образом, русская и российская идентичности имеют ряд проблем, которые в будущем должны решать Российское государство и его гражданское общество, если Россия претендует на роль одного из лидеров многополярного мира и статус уникальной цивилизации. Благо что, начало процессу преодоления этих негативных тенденций уже положено с началом СВО, при которой наблюдается невиданное со времен ВОВ единение народа и государства. Надеемся, что Россия и ее руководство смогут укрепить русскую этническую и российскую политическую нации, а также свою цивилизационную общность.

Бурлинова Н.В.

(РГГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «МЯГКАЯ СИЛА» И «ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ

Термины «мягкая сила» и «публичная дипломатия» являются категориями той сферы международных отношений, которая связана с созданием внешнего образа государства и продвижением его внешнеполитических интересов через формируемый образ.

В связи с большой популярностью понятия, придуманного политологом Джозефом Найем, необходимо уточнить, как соотносятся между собой «мягкая сила» и «публичная дипломатия».

Часто приходится сталкиваться с мнением, что «мягкая сила» – это и есть вся гуманитарная политика государства за рубежом. Такой подход особенно характерен для российского общественно-политического пространства, где очень мало понимания того, что же из себя представляет «мягкая сила», и что на самом деле залогом успешной внешней политики является не столько «мягкая сила», сколько хорошо выстроенная и исправно функционирующая система публичной дипломатии.

Авторство термина «публичная дипломатия» принадлежит американской дипломатической школе, которая, собственно, и ввела понятие «публичная дипломатия» в международные отношения в первой половине 60-х годов прошлого века. Под публичной дипломатией в данном случае понимается взаимодействие с целевыми группами зарубежного общества с целью влияния на формирование внешней политики другого государства. Это влияние реализуется через систему государственных, квазигосударственных и неправительственных структур, а также других коммуникационных каналов взаимодействия и диалога с зарубежными обществами в политических целях.

«Мягкая сила» – это теория, более того, это авторский научный подход в формате академической концепции, которую в 1990-е годы придумал и долгие годы развивал американский политолог Джозеф Най. Эта концепция постулирует простую истину: современное государство должно выстраивать свою внешнюю коммуникацию через формирование собственного привлекательного образа. Кроме «мягкой силы», существовало и существует много других авторских концепций, которые также имеют влияние на внешнюю политику США. При этом, безусловно, именно концепция профессора Найя получила наибольшее международное признание и распространение в мире. Сам Най не скрывал своего удивления по поводу того, с каким ажиотажем его научная концепция, которую он «набросал на кухонном столе», разошлась по миру и стала особенно популярной в таких странах, как, например, Китай.

Однако любая система взглядов, любой научный подход или концепция может быть реализована только через конкретные инструменты и механизмы работы. Эти инструменты и механизмы изначально заложены в системе публичной дипломатии государства. Именно через проекты системы публичной дипломатии, которые реализуются всеми ее участниками со стороны государства и общества, и происходит трансляция привлекательного образа страны вовне.

В основе «мягкой силы» Ная лежат три кита: культура, ценности и легитимность внешней политики страны. Но «мягкая сила» не включает в себя набор инструментов, с помощью которых эти три кита могут быть разъяснены внешнему миру. Здесь задействуются механизмы публичной дипломатии, конкретные программы и информационные каналы, через которые идет кропотливая работа по распространению «мягкой силы» страны.

Безусловно, публичная дипломатия как система институтов подвержена трансформации с ходом времени, однако она остается величиной более постоянной, нежели чем любая научная концепция. Система первична, поскольку именно она позволяет через свои алгоритмы работы проводить в жизнь любые взгляды.

Кроме того, «мягкая сила» разрабатывалась целенаправленно для внешней политики США, поэтому критерии «мягкой силы», с помощью которых мы теперь беремся оценивать другие страны, очень часто не являются корректными показателями эффективности работы по созданию привлекательности той или иной страны.

Для российского экспертно-политического дискурса характерно восприятие «мягкой силы» как панацеи. Предлагается говорить и использовать этот термин для описания правильного пути исправления существующих проблем в этой области. Однако мало кто озвучивает необходимость сначала выстроить эффективную систему публичной дипломатии, которая, например, была у Советского Союза. СССР не нуждался в американских концепциях, у него были свои три кита (культура, принципы и ценности, внешняя политика) которые он эффективно транслировал вовне через мощнейшую систему публичной дипломатии. Современной России также стоит подумать не про использование чужих концепций, а про развитие системы публичной дипломатии.

Буров А.С.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

РЕАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА¹

Действующий внутривластный курс России в отношении межнациональных и межконфессиональных отношений формировался в чрезвычайных условиях при угрозе расчленения России после гибели Советского Союза. В столь кризисный период власть предприняла активные меры по урегулированию систематических этнополитических кризисов, что позволило создать эффективную систему управления и контроля, не позволяющую реализовать политическую дестабилизацию и ослабить государственный суверенитет.

В период руководства Б.Н. Ельцина государственный аппарат взял курс на формирование «национальных государств» внутри Российской Федерации, что спровоцировало политическую напряженность, при которой «молодая Россия» была вынуждена вести «негласную игру» со своими субъектами, гарантируя им повышенный национально-культурный статус. Это стало дополнительным фактором разобщения и не

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания во ФНИСЦ РАН по теме «Суверенитет и ответственность Российского государства в условиях формирования нового мирового порядка» (рег. номер в ЕГИСУ НИОКР 1023042300001-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

позволяло внутренне стабилизировать ситуацию в стране. Примерами этому стали масштабные конфликты на Северном Кавказе.

Таким образом, Россия, выходя из сложнейшего геополитического кризиса, унаследовала нестабильную этнополитическую обстановку, которая осложняла системную реабилитацию страны в 90-е годы, а также продолжает оставаться потенциальным фактором риска для современной Российской Федерации.

С приходом к власти В.В. Путина начался процесс формирования новой государственной системы, способной успешно интегрировать этносы и религиозные конфессии в единую систему современного образца.

Существующая межконфессиональная и межэтническая напряженность усиливала радикальные деструктивные силы, которые потребовали оперативного вмешательства и борьбы с очагами сепаратизма.

Безусловно, особую роль в сохранении российского суверенитета сыграло умиротворение Чечни, когда после нормализации внутривнутриполитической обстановки в Северо-Кавказском регионе, федеральный центр достиг политического консенсуса с кавказскими республиками. В частности, Чечня получила значительную степень свободы и особые экономические условия в обмен на лояльность Федерации и отказ от сепаратизма.

«Чеченский кейс» стал примером для всех регионов и сформировал политический камертон в отношениях центр-регион. В случае отделения Чечни от России был бы сформирован прецедент, которым воспользовались бы другие субъекты Федерации. Так, от сепаратистских интенций отказались Татарстан, Башкирия и другие сильные региональные центры.

Эффективность текущей национальной политики заключается в сочетании двух базовых принципов, которые успешно реализуются и в других отраслях управления государством. Это взвешенная внутренняя политика по превентивному выявлению, анализу и урегулированию потенциально опасных ситуаций, а также прагматичные, решительные и жесткие действия по нейтрализации кризисных явлений.

Также выстроена системная борьба с религиозным и этническим экстремизмом, которая получила особое значение в контексте Сирийской кампании и противодействия Исламскому государству.

Также государство приходит к позитивному выводу, согласно которому специфичные региональные модели национально-этнической политики для России являются естественными, но требуют соответствующего мониторинга для определения их соответствия общей национальной Стратегии.

Основной заслугой государства в контексте защиты отечественного суверенитета стоит признать максимальную деполитизацию национальных отношений. Национальная и религиозная повестка была успешно переведена в культурную плоскость и не является предметом для политических споров, которые могут привести к очередной эскалации старых и возникновения новых конфликтов.

Тем не менее еще не решена актуальная задача по повышению эффективности профильного законодательства и практики его применения. В текущих условиях национальная политика должна основываться на конкретном этнокультурном и политико-правовом контексте.

Стратегически необходимо адаптировать и интегрировать граждан Средней Азии и других бывших советских республик в российское общество т.к. они не являются представителями коренных народов Российской Федерации и российским коллективным бессознательным воспринимаются как чужаки.

Опасной тенденцией, требующей серьезного контроля, является вербовка молодежи и попытки ее радикализации со стороны экстремистских сил, а также пропаганды среди молодого поколения националистических взглядов и агрессивных настроений, в том числе с использованием новых технологий, связанных с психологией, социальными сетями.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Мир становится все более глобальным и цифровым. Цифровые технологии проникли во все уголки общества, вызвав значительные изменения в мировом производстве и образе жизни. Большинство ключевых сфер человеческой деятельности постепенно перемещаются в цифровое пространство, что делает многие традиционные аспекты суверенитета менее актуальными и выдвигает на первый план новые. Государства вынуждены переходить на электронные форматы взаимодействия в различных сферах.

Формирование и поддержание национального цифрового суверенитета на сегодняшний день является не только необходимым условием для превращения цифровых технологий и решений в суверенные национальные цифровые суверенные национальные ресурсы, но и является, по сути, ключом доступа к важнейшим сферам жизнедеятельности технологически развитых государств и обществ.

Понятие «суверенитет» трансформировалось множество раз, всё дальше уходя от изначально приписываемых ему значений, что наложило свой отпечаток на концептуализацию понятия «цифровой суверенитет». Понятие «цифровой» или «информационный суверенитет»², «суверенитет в информационном пространстве» - достаточно новые. В первую очередь следует отметить, что сфера информационно-цифрового проявления суверенитета характеризуется отсутствием единого терминологического подхода к его определению³.

По мнению С.В. Володенкова, «цифровой суверенитет одновременно включает в себя две ключевые компоненты: возможности независимого применения цифровых технологий в собственных интересах и способности их использования»⁴.

В целом, в научной литературе существует несколько различных подходов к определению содержания понятия «цифровой суверенитет», и используемые термины также различаются. Во многом это связано с политическими противоречиями между странами, различиями в политических режимах и культурах государств, а также в уровнях развития цифровых технологий.

В современном мире использование новейших информационно-коммуникационных систем в экономике, политике, военном деле, дипломатии, культуре и других сферах человеческой деятельности приводит к возрастающей зависимости национальной безопасности страны от обеспечения ее информационной безопасности. Одним из элементов обеспечения информационного суверенитета, признанного на нормативном уровне, является формирование и реализация политики, основанной на интересах национальной безопасности России.

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2023-0044 «Цифровой суверенитет и идентичность: обеспечение безопасности ценностно-смыслового пространства государства в условиях глобального информационного противостояния».

The reported study was funded by EISR, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, RAS project FSSF-2023-0044 « Digital sovereignty and identity: ensuring the security of the value-semantic space of the state in the conditions of global information confrontation».

² Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9. С. 7–14.

³ Леонтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277–299.

⁴ Володенков С.В. Цифровые технологии как фактор изменения отношений в системе "государство-общество" / С. В. Володенков // Навстречу «цифровому обществу», экспертные оценки и прогнозы / Экспертный институт социальных исследований. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2019. – С. 9–17. – EDN YALGLN.

В Указе Президента РФ от 05.12.2016 № 646 утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Информационная безопасность определяется как состояние защиты личности, общества и государства от внутренних и внешних компьютерных угроз, при котором гарантируется реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Определенные элементы цифрового суверенитета также нормативно отражены в других подзаконных актах, принятых в рамках стратегического планирования. Например, в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» говорится о технологическом суверенитете как средстве обеспечения необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта.

При отсутствии возможностей обеспечить собственный цифровой суверенитет государство сталкивается со значительными угрозами и рисками, связанными не только с дестабилизацией национальных политических и экономических систем, но и со стратегическим поражением в глобальном противостоянии с технологически продвинутыми противниками.

Таким образом, информационный суверенитет превратился в важный компонент государственного суверенитета, и его реализация непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности.

Бутенко В.
(НИУ ВШЭ, Москва)

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Европейский Союз часто описывается в литературе как развивающаяся система управления, поскольку термин «управление» указывает на отсутствие иерархии, централизации и контроля, подчеркивая существование многочисленных форм регулирования, охватывающих широкий круг действующих лиц для решения конкретных проблем или обеспечения общего блага (Caviedes & Maas, 2016). Следовательно, изучение управления миграцией (migration governance) на примере ЕС представляется обоснованным ввиду отсутствия единого центра управления, фиксированной иерархии полномочий среди институтов и государств-участников Союза.

Управление миграцией часто рассматривается как «многоуровневый» процесс, поскольку в нем задействован широкий спектр субъектов – от государственных и местных органов власти до неправительственных организаций (Lavenex, 2016). Тем не менее многоуровневость не означает существенное ослабление роли государства. Невзирая на усиление взаимозависимости на международной арене, государства по-прежнему занимают центральное место в управлении миграцией, так как именно они нормативно определяют регулирование миграции и решают связанные с ней проблемы. Вместе с тем термин «управление миграцией» шире термина «миграционная политика». Последний включает в себя систему норм и идей, с помощью которых достигаются цели в обозначенной области. Однако управление миграцией, помимо перечисленных элементов, содержит факторы, связанные с организационным контекстом, в котором принимаются и реализуются решения.

Учитывая роль государств, являющихся ключевыми игроками в управлении миграцией, следует отметить, что выработка мер и принятие решений неразрывно связано с ценностным измерением. В данном случае возникает вопрос о европоцентричности

анализа управления миграцией. Во-первых, это связано с тем, что идея многоуровневости находит отражение в контексте развития европейской интеграции. Во-вторых, многоуровневое управление миграцией зачастую отражает европейские представления о роли государства, об отношениях между государством и обществом, государственными и частными субъектами. Однако в контексте данного исследования евроцентричность не выступает фактором, оказывающим негативное влияние на результаты.

Миграционный кризис 2015–2016 годов вывел дебаты об управлении миграцией в Европейском Союзе на новый уровень. Увеличение числа иммигрантов и беженцев, а также введение временного пограничного контроля рядом государств-членов ЕС свидетельствовали о кризисе солидарности внутри Союза. Это нашло отражение в секьюритизации миграции. Несмотря на то, что проблема безопасности имела место в европейском дискурсе, начиная с 1990-х годов, свое закрепление она получила после миграционного кризиса. Секьюритизация направлена в первую очередь на предотвращение «нерегулярной миграции» посредством ужесточения пограничного контроля.

Еще одной особенностью управления миграцией в ЕС является усиление роли негосударственных субъектов, задействованных как в разрешении чрезвычайных гуманитарных ситуаций, так и в приеме лиц, ищущих убежища (Jeandesboz & Pallister-Wilkins, 2016). Хотя негосударственные субъекты пытаются реализовывать свои собственные интересы и влиять на управление миграцией, очевидно, что они уступают в этом государствам-участникам ЕС.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что миграционный кризис 2015–2016 годов актуализировал необходимость совершенствования многоуровневого управления миграцией в ЕС с целью оперативного и комплексного решения проблем, связанных с миграцией.

Быстрых Э.Н.
(КФУ, Казань)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ. ЕСТЬ СВЯЗЬ?

Укрепление цифрового суверенитета – одна из ключевых функций государства в эпоху развития технологий и господства цифр. Понятие цифровой суверенитет характеризуется как стремление государства получить контроль над информационным пространством в стране, управление цифровыми ресурсами, блокировка небезопасных или угрожающих безопасности платформ, поддержка и развитие отечественных IT-компаний и специалистов с дальнейшим внедрением в обширное пользование именно их информационных продуктов и не только. Можно сказать, что это делается с целью установить социальный порядок, обезопасить граждан и их персональные данные, стабилизировать политическую ситуацию, укрепить суверенитет и независимость государства. Цифровой суверенитет становится всё более актуальным в наше время, когда цифровизацией окутаны все сферы жизни, и технологии проникают в каждую из них, и, чтобы избежать негативного влияния этих процессов, государства должны предпринимать меры по обеспечению конфиденциальности и при этом доступности информации. Однако цифровой суверенитет вовсе не означает полную изоляцию страны от мира, всеобъемлющий контроль за деятельностью граждан на каких-либо сайтах или платформах и отказ от международного сотрудничества. Цель сохранения цифрового суверенитета состоит не в этом, а в том, чтобы не подвергаться сетевым угрозам как внешним, так и внутренним. Для всего этого требуется не мало времени и ресурсов, а также осознания того, что зависимость от зарубежных технологий и цифровых услуг может представлять угрозу национальной безопасности.

Ключевым аспектом цифрового суверенитета является создание и использование собственных технологий и информационных продуктов, которые могли бы свободно производиться внутри страны без помощи извне, также важную роль играет развитие IT-отрасли и остановка оттока IT-специалистов из страны, создание для них вакантных мест. Всё это в дальнейшем поможет укрепить национальную безопасность страны, так как она тесно связана с цифровым суверенитетом. Цифровая инфраструктура стала действительно важным компонентом полноценного функционирования государства в XXI веке. Если потерять над ней контроль, то можно столкнуться со злоупотреблением информации, её утечкой, распространением персональных данных граждан, кибератаками, а то и вовсе рассекречиванием важных государственных и коммерческих тайн – всё это, конечно, может привести к серьезным последствиям, включая возможный огромный ущерб для граждан, экономические потери, нарушение национальной безопасности. Все эти риски побуждают отдельно взятые страны к разработке мер по усилению безопасности информационного пространства внутри государства, по принятию таких мер на законодательном уровне, к инвестированию в кибербезопасность, к стимулированию развития рынка отечественных технологий и поддержке специалистов. Каждое государство должно уделить этому должное внимание, во имя предотвращения неблагоприятных ситуаций, связанных с нарушением национальной и экономической безопасности.

Бычкова Г.Е.
(ЛГПУ, Луганск)

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ И СМИ НА КОНФЛИКТ В ДОНБАССЕ

Тема воздействия информационной войны и медиа на конфликт на Донбассе является актуальной и весьма интересной с научной точки зрения. В условиях современной информационной эры, где СМИ играют огромную роль в формировании общественного мнения, понимание влияния информационных технологий на конфликты становится важным аспектом исследования.

Воздействие информационной войны и медиа на конфликт на Донбассе является актуальной и важной темой для исследования. Понимание методов фрейминга и приминга и эффективного воздействия позволяет лучше осознать, как формируется общественное мнение и какие последствия это может иметь для конфликта.

Новизна данной тематики заключается в том, что информационная война стала современным инструментом ведения конфликтов и имеет огромное влияние на ситуацию на Донбассе. Исследования в этой области помогают лучше понять, какие методы используются в информационной войне и как они влияют на конфликт. Это может иметь важное практическое значение для разработки стратегий информационной безопасности и предотвращения дезинформации.

Через призму современных теорий коммуникаций можно увидеть, как информационная война сформировала общественное мнение, повлияла на принятие политических решений и даже изменила траекторию самого конфликта.

СМИ, особенно те, которые базируются в Украине, сыграли значительную роль в этой информационной войне. Используя определенные наводки, им удалось манипулировать общественным настроением и обострять конфликт. Используемые тактики варьируются от тонкого фрейминга и методов приминга до явных дезинформационных кампаний.

Одной из распространенных манипулятивных тактик, применяемых многими украинскими СМИ, является фрейминг. Представляя конфликт в определенном свете, они могут контролировать восприятие ситуации аудиторией. Например, представление

конфликта как «русского вторжения» или «борьбы за национальную суверенитет» может вызывать сильные чувства патриотизма и антироссийских настроений среди аудитории.

Еще одной широко используемой техникой является приминг. Приминг предполагает представление определенных идей или фактов перед другими, чтобы повлиять на последующую интерпретацию информации аудиторией. Например, подчеркивая российскую поддержку сепаратистских сил перед обсуждением конфликта, СМИ могут приминговать аудиторию к тому, чтобы воспринимать весь конфликт как российскую агрессию.

Наконец, и, возможно, самое тревожное, это распространение дезинформации. Было множество случаев, когда украинские СМИ публиковали ложную или вводящую в заблуждение информацию для разжигания конфликта. Это может быть как преувеличение числа жертв, так и выдуманные случаи российской агрессии.

Одним из эффективных методов воздействия на фрейминг и приминг является использование эмоционально окрашенных заголовков и изображений. Исследования показывают, что люди чаще реагируют на новостные материалы, которые вызывают сильные эмоции, такие как страх, ярость или сострадание. Украинские СМИ активно используют эту тактику, чтобы вызвать у аудитории определенные эмоциональные реакции и формировать определенное восприятие конфликта.

Еще одним эффективным методом воздействия на фрейминг и приминг является выбор языка и семантики. Использование определенных терминов и понятий может сильно повлиять на восприятие аудиторией. Например, украинские СМИ активно используют термин «террористы» для обозначения сепаратистских сил на Донбассе, что вызывает отрицательные ассоциации и поддерживает негативное отношение к этим группам. Также они могут использовать «борьбу за независимость» для описания действий украинской армии, что вызывает симпатию и поддержку.

В заключение, роль СМИ и информационной войны в конфликте в Донбассе нельзя недооценивать. Они стали неотъемлемыми инструментами формирования общественного мнения и влияния на ход конфликта. Поэтому понимание этих тактик и их влияния является крайне важным для всех, кто стремится понять конфликт во всей его полноте.

Вайсберг А.С. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Сунгуров А.Ю. (НИУ ВШЭ, Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

ЦИФРОВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЕРВИСЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ГРАЖДАНСКИМИ АКТИВИСТАМИ¹

В рамках сообщения будут представлены первые результаты исследовательского проекта, посвященного исследованию социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов. Одним из направлений этого проекта является выявления отношения к этим цифровым сервисам активистов городских общественных организаций и движений. Первой встречей в рамках этого направления было проведение в апреле 2023 года совместно с Межрегиональным гуманитарно-политологическим центром «Стратегия» на площадке НИУ ВШЭ – СПб круглого стола на тему «Гражданское общество и городская власть: формы взаимодействия», на который приглашены представители многих городских общественных организаций. В рамках обсуждений на этом круглом столе были проанализированы успехи и неудачи гражданского активизма, направленного на решение

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

проблем создания благоприятной и экологичной городской среды. В ходе этой дискуссии участникам круглого стола состоялась также презентация проекта «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов (2023-2025)».

Участники этой встречи также заполнили две анкеты – первую, «входную», которую они заполняли перед началом круглого стола, и вторую, заполнявшуюся участниками после завершения ее работы. В течение полутора месяцев после этой встречи были проведены экспертные полу-структурированные интервью как с участниками круглого стола в апреле, так и с рекомендованными ими активистами НКО. Всего было проведено шестнадцать таких интервью.

Обработка анкет выявила, что городские интернет-сервисы знают все пятнадцать человек, ответивших на первую анкету, при этом примерно треть назвала по пять таких сервисов. Наиболее часто назывался портал «Наш Петербург» и «Госуслуги СПб (по 5 чел.), «Здоровье петербуржца» (4 чел.), «Доступная среда» и «Карта ответственности (по 3 чел.), «Госуслуги РФ» и ГИС ЖКХ (по 2 чел.).

На вопрос: «Какие интернет-сервисы следовало бы, на ваш взгляд развивать в Санкт-Петербурге?» пятеро респондентов ответили так: Коммуникации, диалог; Достойный Петербургский аналог «Активного гражданина», Гражданское участие; Портал по внесению предложений по общественным инициативам; СМИ и городские проблемы. Два человека предложили развивать сервисы, связанные с работой городского транспорта: «Необходим городской сервис по отслеживанию городского транспорта (работающий хорошо, а не как существующие сейчас)», еще двое – с медициной (Качество приема в медучреждениях, Запись в медицинские организации), и еще двое – сервисы, посвященные правовой информации, поясняющие права и обязанности жителей города». По одному человеку в качестве приоритетных интернет-сервисов назвали «Твой бюджет», «Карта ответственности», Туристические маршруты и маркетплейсы.

Анализ текстов экспертных интервью показал, что среди респондентов есть как люди, знающие о «ролевых сервисах» и довольные ситуацией, так и придерживающиеся другой точки зрения. Так, респондент А считает: «в целом, конечно, в Петербурге городские цифровые сервисы, они не развиты, я бы мог сказать, я сказал бы, что их почти нет. Вот есть “Наш Санкт-Петербург”, но, конечно... мне кажется, в какой-то степени сырой еще, нуждается в совершенствовании, приблизиться к чему-то такому, что есть в Москве. И в частности, мне кажется, до сих пор требуется это вот какой-то рабочий аналог “Активного гражданина”».

Респондент Б, лидер организации здорового образа жизни, в своем интервью предлагает конкретные интернет-сервис: «А вот если речь идет о создании рабочей межведомственной группы с участием представителей общественных организаций [по конкретной городской проблеме]... И здесь был бы полезен такой сервис по созданию рабочей группы где в режиме диалога обсудить проблему. И в такую рабочую группы могли бы включиться представители различных ведомств. И чтобы справки не носить туда-сюда».

Близка к предложению респондента Б и позиция респондента В, муниципального депутата, тесно взаимодействующего с общественностью муниципального округа: «Например, интернет-площадка по вовлечению людей в процессы благоустройства. Условно: ты регистрируешься, указываешь свой адрес проживания или прописки. Человек живет не там, где прописано, ну проживания. И он мог участвовать в тех процессах по благоустройству, которые проходят в той локации, где он живет. Тут всего три актора: муниципалитет, Комитет по благоустройству и район. Администрация района. Они должны проводить публичные слушания, сбор заявок. И чтобы люди вовлекались, ходили. Мне кажется, это повлияет... Должно повлиять вообще на вовлеченность жителей в процессы изменения города, повысит принятие условно тех или иных решений».

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ КАК УГРОЗА ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

I. Устойчивое национальное развитие Беларуси неразрывно связано с формированием определенного восприятия исторического прошлого её гражданами. Историческая память как фокус прошлого является важнейшим ресурсом сохранения исторической преемственности поколений, значимым механизмом социальной коммуникации в обществе, неотъемлемой частью социально-политической идентичности страны, стратегическим элементом определения перспектив для её дальнейшего развития.

II. В условиях кризиса неолиберального тренда глобализации и обозначившегося перехода к модели миропорядка на многополюсной платформе, статус и роль многофакторного влияния исторической памяти резко возрастает. Влияния, как позитивного, так и негативного. Модусом негативного влияния исторической памяти на социально-политическую жизнь выступает её манипулятивный потенциал. О разнообразных формах и широко используемых практиках его применения убедительно свидетельствуют, прежде всего, новые СМИ – сетевые медиа. Объектом данного доклада станет феномен исторической памяти в сетевых медиа, предметом – манипулирование исторической памятью как угроза гуманитарной безопасности Республики Беларусь, целью – выявление устойчивых элементов и динамики функционала исторической памяти в контексте глобальных гуманитарных вызовов и угроз.

III. В преломлении к заданной теме, историческая память представляет собой социокультурно обусловленный феномен, который состоит из совокупности представлений о прошлом и проявляется в различных формах, дифференцированных в зависимости от специфики мнемического субъекта (индивидуальная и коллективная память) и способа передачи информации (коммуникативная и культурная память). В современных условиях в структуре информационной передачи исторической памяти определяющее место занимают сетевые медиа. Они представляют нынешнюю практику информационно-коммуникативного и личностного действия, поведения и общения, техническими трансляторами которого выступают различные цифровые платформы – блоги, форумы, Telegram-каналы, мессенджеры. С их помощью осуществляется манипулирование исторической памятью. Манипулирование понимается нами как тот вид информационно-психологического воздействия, которое преднамеренно ведет к деформациям сознания человека и общества и создаёт угрозы для гуманитарной безопасности государства. Угроза определяется как реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь. Национальные интересы понимаются как объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении безопасности и устойчивом развитии, а гуманитарная безопасность трактуется как защита традиционных для страны духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. К таковым ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство национальностей и конфессий страны.

IV. Сложные и неоднозначные процессы перехода к многополюсной структуре современного мира ведут к тому, что молодые независимые государства сталкиваются с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ценностей и устойчивых исторических ориентиров. Активное насаждение группой стран, исповедующих неолиберальный путь развития, чуждых духовных ценностей и социальных идеалов, грубое

навязывание, без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений, реформ в сфере образования, науки, религии, языка и информационной деятельности, приводит к усилению разобщенности поколений и поляризации настроений и интересов формирующихся независимых социумов, разрушают фундамент культурного суверенитета и гуманитарной безопасности, подрывают основы политической стабильности и национальной государственности. Фронтально нарастающие акции по фальсификации мировой и белорусской истории, искажение исторической правды и уничтожение исторической памяти широко применяются в сетевых медиа.

V. Сетевые медиа, как продукт глобальных технологических трансформаций, для заинтересованных структур, групп и лиц являются эффективным инструментом управления образами прошлого и конструирования исторической медиапамяти. Медиапамять можно определить как цифровую систему хранения, производства, преобразования и распространения информации о прошлом, с помощью которой можно предоставлять и распространять формы и практики репрезентации истории в пространстве повседневности, увеличивать количество создающих и потребляющих мемориальный контент. Медиапамяти присущи две особенности: а) образы прошлого интенсивно производятся поколениями, непосредственно не принимавшими участие во вспоминаемых событиях; б) производство медиапамяти опирается на аргументационные системы постправды, в которых субъективная оценка всегда превалирует над объективными данными. Характер такой оценки чаще всего является эмоциональным и негативным, что выступает залогом её быстрого/вирусного распространения. Негатив контента проявляется в эмоциях гнева, возмущения, ненависти, тесно связан с языком вражды, что легко превращает его в оружие мемориальных войн.

VI. В манипулировании исторической памятью чаще всего применяются такие формы, как: а) исторический фейк; б) исторический интернет-мем. Исторический фейк, являющийся разновидностью интернет-фейка, представляет собой фальсификацию исторического события либо исторического источника в интернете. Типичным примером исторического фейка сегодня являются неблагоприятные попытки фальсификации роли СССР в разгроме гитлеровской Германии во Второй мировой войне и реабилитации геноцида нацистов против мирного населения на оккупированной территории БССР в Великой Отечественной войне. Исторический фейк можно охарактеризовать как интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память исторического знания, искажающего представления об истории и содержащего ложную информацию. Исторический фейк представлен в современном медиaprостранстве во всех доступных форматах. Производство исторического фейка подчинено цели подкрепления исторической самоидентификации интересанта и разрушения исторической самоидентификации оппонента – мишени.

Исторический интернет-мем – это инструмент сетевой коммуникации, передающий информацию в виде текста, картинки, графики, видеоматериала, содержащую в себе историю об объекте, которую она представляет, несущую в себе определенный смысл и имеющую значение для субъекта, который использует её в качестве эмоционально окрашенного сообщения. В нем особо значим механизм трансляции информации, учитывающий когнитивные, семантические, эмоциональные и аксиологические потребности интернет-пользователей, вынужденных в условиях информационной перегрузки и дефицита времени, быстро реагировать на изменения повестки дня. Исторические интернет-мемы являются эффективным способом формирования упрощенных, мифологизированных представлений. Меминг политики памяти позволяет любому актору политической жизни решать задачи по созданию «заданной» исторической памяти, определять идентичность собственной группы и консолидировать её, мобилизовать на решения поставленных задач, разворачивать мемориальные войны. Формат мемов позволяет интернет-пользователям давать любую интерпретацию историческим событиям, соответствующую мировоззренческим и политическим целям, не намереваясь следовать

правилам исторической объективности, опираясь на анализ исторических источников и научной литературы. Мемы эффективно влияют на процесс восприятия аудиторией нового смысла исторических событий, которые они им передают, превращают историю в элемент коммуникационного противостояния, а также информационного давления и манипулирования.

Веретевская А.В.
(МГИМО МИД России, Москва)

О СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Политическая идентичность – сложный многозначный концепт, подвергающийся массе интерпретаций, особенно в турбулентном современном мире. В политологической литературе проблематика идентичности представлена в значительном разнообразии¹: много работ по разного рода идентичностным характеристикам индивидов и социальных групп, проблема политической идентичности этнокультурных и религиозных меньшинств изучена в различных страновых и культурных контекстах, как и групповые идентичности индивидов вплоть до национальных или макрополитических².

Во всех случаях речь идет о некоем позиционировании субъекта политической деятельности в определенной среде (можно сказать, что по типу среды и определяется характер идентичности). Общим местом теоретизирования идентичности является представление о ее двусторонней природе: идентичность представляет собой баланс между ожиданиями (воззрениями, представлением, желанием) субъекта и восприятием среды (в лице других субъектов, либо находящихся в ней, либо просто полагающих эту среду важной для себя).

Современное государство как политический институт безусловно представляет собой субъект политики и в этом смысле тоже бывает наделено идентичностью, которая должна бы тоже демонстрировать двустороннюю природу в соответствующей среде. Идентичность государства является сегодня действительным объектом изучения в современной политической науке, однако изучается почему-то почти исключительно во внешнеполитическом своем проявлении (как внешнеполитическая идентичность), то есть только в одном типе среды (хотя и в обоих традиционно изучаемых сторонах своей природы).

Мы полагаем, что феномен политической идентичности государства выходит за рамки внешнеполитического позиционирования. Более того, внешнеполитическое позиционирование представляется нам следствием «внутриполитической» идентичности, которая включает в себя целый комплекс характеристик, определяющих позиции института государства по отношению к другим субъектам его внутриполитического процесса.

Примат «внутриполитической» составляющей идентичности современного государства в комплексной структуре его идентичности объясняется, как нам кажется, характером политического порядка, к которому государство склоняется из-за своей политической формы³.

Политическая форма современного государства завязана на известном принципе внутренней легитимации власти. Если говорить простыми словами, то современное

¹ См., напр., Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. – 992 с.

² Малинова О.Ю. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в XXI веке / О.Ю. Малинова // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: РОССПЭН. 2012. – С. 332-354.

³ Об этом см. Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 4

государство политически несостоятельно, если не является легитимным в глазах общественного большинства. Договорная природа государства делает его невозможным при невыполнении этой части общественного договора. Один этот момент говорит нам о том, что «внутриполитическая», обращенная к позиционированию в отношении собственного населения, идентичность является первичной, а идентичность «внешнеполитическая» - производной от нее.

Изучение политической идентичности государства во внешнеполитическом ее проявлении - недостаточно для понимания всего комплекса государственной политической идентичности. Целесообразным представляется изучать весь комплекс (и внутреннюю часть и внешнюю) только вместе, уделяя достаточно внимания «внутриполитическому» позиционированию государства.

Возмитель И.А.
(МГИМО МИД России, Москва)

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК АКТУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В 2023 ГОДУ

Представляется крайне затруднительным определить, каким образом конкретные действия по преобразованию программ привлекательности имеют реальное влияние на поддержание позитивного имиджа страны. На основе программно-целевого планирования можно создать единый механизм координации программ, направленных на повышение привлекательности России с международной точки зрения. Для большинства государств распространение культуры и ценностей является основополагающим фактором в развитии внешней политики.

Утвержденная 31 марта 2023 года Концепция внешней политики стала шестой по счёту в Российской Федерации и пятой с начала века. Важный фактор, который в ней можно отметить, – это то, что у России появилась целая система воплощения национальных интересов в стратегическом целеполагании. Одной из главных задач является формирование за рубежом объективного взгляда на Россию.

Но, несмотря на это, в новой концепции внешней политики отсутствует упоминание о «мягкой силе», что может свидетельствовать об отсутствии намерения России в ее использовании. Россия постоянно развивала и поддерживала институты, использующие инструменты «мягкой силы», но, возможно, сейчас эти приоритеты немного были сдвинуты. Одновременно с отказом от «мягкой силы» в Концепции подчёркнут фактор силы в её традиционном понимании¹.

Одним из главных инструментов «мягкой силы» является публичная дипломатия, которая предполагает прямое или косвенное воздействие на аудиторию, например, посредством информации. Привлеченный в G20 Афросоюз является достижением использования публичной дипломатии. Россия предоставляет возможность Афросоюзу восстановить историческую справедливость, а также доказывать собственную независимость и суверенитет. Важно отметить, что вступление Африки в G20 и БРИКС, а также подключение к глобальному коридору Север – Юг увеличит значимость Африки на мировой арене.

Что касается гуманитарной поддержки со стороны, то Россия всегда использует этот метод для улучшения международного имиджа. Произошедшее 8 сентября землетрясение в Марокко вызвало моментальную реакцию множества стран, включая Россию. Дагестанский благотворительный фонд «Инсан» открыл сбор пожертвований для помощи пострадавшим марокканцам.

¹ *Коньков А.Е.* Правила для игры без правил // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 54–67.

Таким образом, в России в 2023 году можно наблюдать использование инструментов «мягкой силы». Концепция внешней политики не упоминает данного явления, однако, важно отметить, что инструменты «мягкой силы» все равно встречаются и показывают собственную эффективность. Можно также вспомнить Концепцию гуманитарной политики Российской Федерации от 5 сентября 2022 года. Этот программный документ был про ценности и ориентиры современной России с элементами концепции публичной дипломатии в рамках понимания национальной «мягкой силы». Эта концепция показывала, как Россия, адресуясь к внешней аудитории, наконец сформулировала для самой себя свои идеи и ценности в рамках Концепции гуманитарного сотрудничества.

Волостнов И.К.
(ГАУГН, Москва)

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Национализм является одной из ключевых политических идеологий. Это понятие имеет долгую и сложную историю, видоизменяясь от эпохи к эпохе. Целью данной статьи является анализ понятия «национализм», его эволюция и трансформация в рамках политической науки.

Свои истоки национализм берет в эпоху Нового Времени. Именно на этом историческом отрезке начали появляться сообщества, которые являются базой для изучаемой идеологии, - нации. Понимание нации также варьируется и является предметом научных дискуссий и споров. Но само возникновение наций, конструирование их образа в массовом сознании повлекло за собой кардинальные изменения в обществе и политике.

Изначально индивид мыслил себя в рамках крайне узкого сообщества, которое, как правило, ограничивалось местом проживания и несколькими населенными пунктами поблизости. Это объяснялось многими аспектами: от низкой социальной мобильности до отсутствия образования и общей безграмотности. Принадлежность человека могла базироваться на его верности конкретному сюзеру, например феодалу или же монарху, или конкретному божеству. Зачастую, именно по принципу религиозной принадлежности индивиды определяли «своих» и «чужих».

Рассмотрим и общественную структуру. До Нового времени большая часть общества была политически аморфна: власть олицетворял монарх, а политически активным было лишь дворянское сословие. Эта социальная группа зачастую не ассоциировала себя с остальным населением. Дистанцирование проявлялось, например, в диглоссии. Разговаривая на более «высоком» языке, дворяне подчеркивали свою обособленность от массовых социальных слоев.

Однако эта структура общества начала разрушаться в Новое время. Реформация разрушила гегемонию католической церкви, запустив процесс создания национальных церквей. Изобретение печатного станка позволило начать массовое производство печатной продукции, а капитализм постепенно становился основой хозяйственной жизни и усиливал позиции “третьего сословия”. Философия Дж. Локка, а также французских просветителей, в частности Ж.-Ж. Руссо, оказала влияние не только на развитие либерализма, но и национализма.

Возникновение новой политической идеологии привело к масштабным изменениям. Во Франции произошла Великая Французская революция; в Северной Америке возникло новое государство – Соединенные Штаты Америки. Представление о руссоистском «народном суверенитете» заставляло элитарные и низшие страты сливаться в единую общность на основе национальной принадлежности.

Возникшая идеология открывала новые пути к реорганизации общества. Национализм позволил обеспечить общественную мобилизацию ради реализации задач, стоящих перед конкретным сообществом. В частности, это касалось военной сферы: королевские армии начали постепенно заменяться массовыми, а мотивация сражаться обеспечивалась не подданством, а патриотизмом, пониманием борьбы за Родину, землю и народ, к которому принадлежит конкретный солдат, что служило для него сильным мотиватором.

В политологической науке существует огромное количество трактовок и типологизаций такого явления как национализм. Наиболее распространенной типологизацией является дихотомия, предложенная Г. Коном о гражданском и этническом национализме. Гражданский подразумевает процесс нациестроительства вокруг неких общих политических символов и принципов, которые, как правило, закрепляются в официальных документах и государственной символике. Яркий тому пример – Французская Республика, берущая свое начало от «свободы, равенства, братства». Этнический национализм предполагает построение нации вокруг общей исторической памяти, уникального опыта, который претерпело сообщество в процессе своего развития. В этой модели важными элементами являются культура, язык и традиция. Именно они являются связующими элементами. Однако сложность заключается в том, что всякая политическая нация рано или поздно будет анализировать и оценивать свой исторический путь и формировать связи внутри сообщества в том числе и за счет этого опыта. В то же время этническая нация задумается о своем политическом статусе, и будет формировать принципы и символы, исходя из конкретного политического проекта. Потому такая дихотомия является весьма условной.

В России национализм трактуется как негативное понятие, синонимичное ксенофобии и шовинизму. Во многом это является отголоском советской традиции, которая расценивала национализм как ложную форму сознания и как катализатор конфликтов между сообществами. Однако оно требует более широкого осмысления, которое предполагает изучение самых разных подходов к этому понятию. В условиях глобализации вопросы национальной идентичности, а значит и национализма, становятся все более отчетливыми и актуальными перед лицом вызовов современности.

Воржецов А.Г.
(КНИТУ, Казань)

РОССИЯ КАК ПОГРАНИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Особым типом цивилизаций являются цивилизационные образования, которые получили название пограничных цивилизаций. Пограничные цивилизации – это общности, которые сформировались на стыках между христианским, исламским, буддистским и языческим мирами и которые включают в себя многие их элементы. К особенностям такого рода цивилизаций относятся:

1. Способность вбирать в себя различные элементы других культур.
2. Способность к взаимообогащению различных этносов, религиозных, социальных и иных групп.
3. Религиозная веротерпимость.
4. Способность правящего слоя интегрировать «инородцев» в свою среду.

Пограничные цивилизации выполняют роль естественно-исторических мостов между модернистскими и традиционалистскими цивилизациями, между Западом и Востоком, Севером и Югом. К таким цивилизациям относится и российская цивилизация. Этот вывод подтверждают результаты всероссийских социологических опросов,

проведённых сотрудниками Института социологии РАН в конце XX и начале XXI веков. Авторы исследования разработали специальную методику, которая позволила оценивать культурно-психологическую дистанцию между различными странами и их населением. Впервые данная методика была опробована в 1998 году. Полученные тогда результаты говорили о том, что в культурном отношении россияне отождествляли себя с Западом. Применительно к экономике у основной массы респондентов (более 50%) российская экономика 1990-х годов ассоциировалась с Китаем и Индией. Что же касается национального характера, то в этом случае основная масса ответов (55%) расположилась между Западом и Востоком. Такой результат интегрировался как признание россиянами своей «евразийской идентичности».

Исходя из того, как менялся мир за период с 1998 до 2015 года, уровень симпатий к различным странам мира, то можно было бы предположить, что по мере охлаждения россиян к странам Запада и роста симпатий к Китаю и Индии значения полученных показателей будут сдвигаться к Востоку. Однако в действительности процесс развивался несколько иначе. На самом деле три его составляющие (культура, экономика и национальный характер) изменялись в разных направлениях. В итоге в 2015 году имел место достаточно неожиданный результат, который не только во многом согласуется с расхожими образами исторической и современной России, но и выходит за рамки тех цивилизационных противопоставлений, которыми оперировали западники, славянофилы и евразийцы.

При этом произошло сближение различных автохарактеристик российского социума. Так, если раньше россияне по культуре отождествляли себя с Европой, по экономике с Азией, а по социально-психологическим особенностям и менталитету позиционировали себя на равном удалении от этих полюсов, то в 2015 году они образовали очень похожие друг на друга распределения. Таким образом, определённый евразийский вектор на «социоснимке» российского массового сознания в самом деле просматривался. Это – с одной стороны, а с другой – нельзя сказать, что он являлся доминирующим. Когда россиян прямо спрашивали об их гипотетической евразийской идентичности, то в 2015 году они действительно склонялись к её признанию. Однако, когда слово «евразийский» не произносится, а идентичность зондируется косвенным образом (через культуру, экономику и национальный характер), то получается довольно своеобразная картина, которая не укладывается ни в какие теоретически артикулированные схемы. Современная Россия предстаёт не как «чисто европейская, и даже не евразийская, а если можно так выразиться, европейско-евразийская страна»¹

Воронин В.Е.
(МПГУ, Москва)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Некоторые зарубежные и отечественные исследователи вводят в научный оборот понятие «министерской власти», средоточие которой авторы находят в МВД как «центрального правительственном ведомстве» Российской империи XIX в. Во главу угла ставятся структура и штат МВД, их способность слаженно влиять на внутреннюю политику и на трансформацию политического строя Российской империи позднего периода. Исходя из «доминирующей роли» правящей бюрократии, предметом исследования становится столкновение традиционного бюрократически выстроенного государства с проблемой

¹ Российское общество и вызовы времени / под ред. М.К. Горшкова. – М.: Весь мир, 2015. – с. 310

изменения «политического ландшафта» во второй половине XIX в. Большой интерес вызывает трансформация правящей бюрократии, появление внутри нее новых образований и степень их эффективности. При этом ставится вопрос: как они справлялись с ролью охранителей традиции и «провозвестников» обновления. Предметом дискуссий становится вопрос, в какой мере в истории российской бюрократии следует искать ключ к пониманию последующих революционных потрясений. Интересный взгляд высказывают последователи «структурного» метода, заключающегося в нахождении глубинных закономерностей институциональной жизни, которыми определяются границы действий представителей русского чиновничества в историко-культурном контексте.

Существует версия, что после Крымской войны МВД стало самым влиятельным правительственным органом, отвечающим за внутреннюю политику в стране. МВД присваивается ключевая роль при разработке и проведении главных реформ 1860-х гг. Указывается, что к середине 1860-х гг. в руках МВД оказался контроль над местной администрацией, полицией, цензурой, конфессиями и сектами, а также над здравоохранением, соцобеспечением и другими аспектами социально-экономической жизни. В МВД находят «настоящее государство в государстве» с распорядительной властью и чиновничьей армией, которые фактически управляли страной. Министр внутренних дел, как приближенное к государю лицо и в еще большей степени как глава громадного ведомства иногда предстает в образе одного из могущественнейших вельмож Империи, поскольку являлся участником всех важных совещаниях и непосредственно влиял на политический курс и законодательство. Примерами успешного руководства аппаратом МВД называют деятельность П.А. Валуева, М.Т. Лорис-Меликова и П.А. Столыпина, пытавшихся с опорой на МВД объединить царское правительство, а также путем реформ приспособить самодержавие к меняющимся политическим, социальным и экономическим условиям. Но «менее харизматичных» министров нередко считают виновниками угасания и крушения русской монархической государственности. В итоге само МВД представляется «символом» этого «угасания» в канун событий 1917 г. Поэтому важной научной проблемой является изучение деятельности высших государственных институтов Российской империи с целью выявления «институциональных слабостей», приведших к радикальным переменам в результате событий 1917 г.

*Воронин Т.В., Чигаева И.И.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

МИРОВОЙ ПОРЯДОК XXI ВЕКА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В настоящее время часто ведутся дискуссии о том, в каком состоянии находится система международных отношений на современном этапе ее развития. Вопрос о том, находится ли наш мир в состоянии мирового беспорядка или же происходит очередная трансформация миропорядка, остается открытым. Актуальность изучения вопроса трансформации мирового порядка обуславливается рядом факторов.

Во-первых, в XXI веке наблюдается отказ от принятых США и Россией как страной-преемником СССР договоров, включая выход Америки из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года и приостановку Россией участия в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 года.

Во-вторых, появление новых игроков на международной арене таких, как Китай, Индия, ЮАР и Бразилия, говорит о неизбежной трансформации устоявшегося мирового порядка, основанного на глобальном доминировании Запада.

В-третьих, несмотря на проведение на Украине СВО и введение многочисленных антироссийских санкций, Россия и западные страны продолжают взаимодействие по целому ряду вопросов.

Целью исследования является выявление показателей трансформации мирового порядка в XXI веке и изучение дальнейших трансформационных перспектив.

Задачи.

1. Проанализировать правила игры, принятые СССР и США в ходе Холодной войны.
2. Рассмотреть события, рассматриваемые в качестве нарушений данных правил.
3. Оценить дальнейшие перспективы трансформации мирового порядка.

В настоящее время существуют различные точки зрения относительно определения такого термина, как «мировой порядок», соответственно и «мирового беспорядка». Тема мирового порядка поднималась еще в работах Д. Локка и Т. Гоббса.

Довольно емкое и универсальное определение мировому порядку дал профессор Н.М. Сирота, описав его как совокупность общепринятых юридических принципов и норм, регулирующих международные отношения.

Во время Холодной войны действовали четкие правила игры, которые соблюдали и США, и СССР. Данные правила четко обозначали сферы влияния двух стран, запрещали вмешательство во внутренние дела. Мировой порядок в период Холодной войны также эффективно поддерживался ядерным оружием и договорами между сверхдержавами.

После распада Советского Союза наблюдаются многочисленные случаи отказа от следования правилам игры.

1. Выход США из Договора ПРО 1972 года;
2. прекратил свое действие ДРСМД 1987 года;
3. приостановка Россией участия в Пражском договоре 2010 года;
4. США обвинили Россию во вмешательстве в президентские выборы 2016 года;
5. страны Запада активно поддерживают независимые российские организации, деятельность которых направлена на смену российского политического строя под видом демократизации.

Необходимо отметить, что в настоящее время система глобальных международных отношений часто находится между мировым порядком и мировым беспорядком. Такие инциденты, как взрыв на Северных потоках или уничтожение американского беспилотного летательного аппарата над акваторией Черного моря, говорят о том, что мировой порядок может пошатнуться и данные события станут причиной полномасштабного противостояния, например, между Россией и НАТО. Несмотря на это, в межгосударственных отношениях, включая РФ и страны Запада, продолжают действовать общепринятые правила, позволяющие предотвратить эскалацию путем консультаций и различных компромиссных мер.

На современном этапе развития международных отношений корректнее говорить именно о начале трансформации мирового порядка, а не его разрушении и перехода к мировому беспорядку.

Оценивая дальнейшие перспективы трансформации миропорядка, важно отметить следующие тенденции.

Во-первых, развивающиеся страны продолжают увеличивать свое влияние в качестве игроков на международной арене.

Во-вторых, увеличатся темпы развития африканских государств в сфере экономики и интенсификации международных связей.

В-третьих, страны Запада столкнутся с эпохой заката глобального западного доминирования, проявляемого во всех сферах международной жизни.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: ВЛИЯНИЕ ДИГИТАЛИЗАЦИИ НА КОММУНИКАЦИЮ В ПОЛИТИКЕ

В современном обществе мы сталкиваемся с комплексными изменениями, которые затрагивают структуру социальных отношений и функции государства. Дигитализация и развитие социальных сетей имеют значительное влияние на политическую коммуникацию.

Один из важных аспектов исследования заключается в выявлении того, как социальные сети и цифровые технологии влияют на саму природу политической коммуникации. Факторы, выделяемые в исследованиях, имеют различный характер. Они могут быть социокультурными, экономическими и политическими. Некоторые из них включают усложнение структуры социальных отношений, сокращение сроков внедрения изменений и проникновение цифровых технологий во все сферы жизни общества.

Во-первых, усложнение структуры социальных отношений требует нового подхода к коммуникации в политике. Социальные сети стали платформой, где люди обмениваются мнениями, идеями и информацией. Это создает не только возможность для активного политического диалога, но и вызывает необходимость государству взаимодействовать с гражданами через новые цифровые каналы.

Во-вторых, сокращение сроков внедрения изменений требует от политиков адаптироваться к скоростным технологиям и возможности мобилизации своих ресурсов. Благодаря социальным сетям политическая агитация передается почти мгновенно, что влияет на реакцию общественности и создает публичное давление на принятие решений. Внутренняя структура государственности должна быть готова быстро и эффективно общаться и информировать граждан о политических процессах, которые происходят на всех уровнях власти.

В-третьих, проникновение цифровых технологий во все сферы жизни общества перевернуло традиционные представления о политической коммуникации. Социальные сети стали средой для формирования общественного мнения, мобилизации людей и организации массовых протестов. Они представляют возможность активного участия граждан в политической деятельности и повышения их политического активизма, с одной стороны, но создают «серое» пространство, для противоправных действий определенных лиц.

В-четвертых, рост влияния цифровых технологий на политические процессы требует изменений в стратегии государства. В условиях дигитализации, и фактического, цифрового пятна каждого гражданина, необходимо разрабатывать новые подходы к привлечению граждан и созданию доверия к политической коммуникации. Активное использование социальных сетей для коммуникации с обществом приведет к возможности учитывать интересы и потребности более широкого количества граждан.

Государство, и его политическая подоплека, как социальный и экономический институт должно адаптироваться к сложившимся условиям современности. Социальные сети и цифровые технологии играют ключевую роль в политическом активизме и коммуникации. Чтобы успешно функционировать, государство обязано осознать важность этих изменений и активно использовать все возможности, внедряя новые технологии, которые предоставят цифровые средства для наилучшей коммуникации.

ГОСПАБЛИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН

В рамках реализации Федерального закона от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» была создана Платформа «обратной связи», одним из главных элементов которой стали госпаблики – официальные страницы государственных органов и организаций в социальных сетях, где они публикуют информацию о своей деятельности [1].

В настоящее время данная форма коммуникации между властью и обществом переживает период активного развития. Согласно исследованию, проведенному АНО «Диалог Регионы», на декабрь 2022 года в России было создано свыше 130 тысяч госпабликов. На сегодняшний день численность официальных страниц госорганов в социальных сетях значительно выросла, так как закон предписывает создание госпабликов всем госорганам, органам местного самоуправления, а также подведомственным организациям. Кроме того, доля госпабликов была включена и в методику расчета рейтинга субъектов Российской Федерации, разработанную в целях исполнения положений закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Эта мера во многом отражает стремление власти развивать канал коммуникации с населением в социальных сетях, что отвечает требованиям времени ввиду того, что социальные сети становятся одним из главных источников информации.

Исходя из специфики восприятия информации в социальных сетях, госпаблики позволяют наладить доверительные, партнерские отношения между властью и обществом [2]. Этот канал коммуникации предоставляет гражданам возможность осуществлять власти обратную связь, открыто и в доступной, привычной для себя форме сообщать о проблемах, что позволяет населению чувствовать свое участие в госуправлении. Эти возможности доступны и через иные сервисы, однако, учитывая ежедневное пользование социальными сетями, а также их распространенность, для значительной части населения именно этот канал коммуникации с властью является наиболее доступным и доверительным, что сокращает дистанцию между властью и обществом, способствует созданию образа «власти, открытой к диалогу» [3] и благотворно влияет на имидж органов власти в целом. Отвечая актуальным потребностям населения, это значительно снижает общественно-политическую напряженность, протестный потенциал общества.

Появление системы официальных страниц госорганов, а также обязательность их создания и ведения, имеет в себе, помимо возможностей, и новые вызовы. Специфика любой электронной среды состоит в уязвимости перед хакерскими атаками, что, учитывая официальный статус госпабликов и информации, выкладываемой в них, требует повышенного внимания к вопросу безопасности, что выражается, например, в обязательном требовании подключения двухфакторной аутентификации. Также, важным фактором здесь является и работа с аудиторией, а именно умение администратора избегать конфликтных ситуаций, корректно разрешать их в случае возникновения, так как анонимность в социальных сетях создает возможность фактов кибербуллинга, токсичного поведения и провокаций среди пользователей госпаблика. Отсюда следует и другая проблема, заключающаяся в отсутствии специалистов, обладающих достаточными навыками для качественного ведения госпабликов. Для людей, не интересующихся деятельностью в Интернете или социальных сетях, значительное затруднение составит создание официальной страницы и ее последующее администрирование. Принимая во внимание обязательный характер создания госпабликов для всех госучреждений, можно говорить о широкой распространенности данной проблемы. Для решения этого вопроса

Министерством цифрового развития был разработан единый регламент ведения госпабликов в социальных сетях, кроме того, на Едином портале госуслуг существуют инструкции по их созданию и администрированию. Важную функцию выполняют и многочисленные курсы ведения госпабликов, проводимые АНО «Диалог Регионы», направленные на формирование у администраторов официальных страниц госучреждений необходимых компетенций и навыков.

Таким образом, госпаблики позволяют проводить эффективное взаимодействие власти и общества, а также отвечают политике информационной открытости государства, что позволяет говорить о выходе власти на новый и перспективный уровень коммуникации с населением. Необходимо продолжать активное развитие этой системы, оперативно реагировать на существующие в ней проблемы и проводить контроль за ведением официальных страниц госорганизаций для повышения уровня доверия и лояльности к власти, снижения общественной напряженности.

Литература

1. Что такое официальная страница в соцсетях // Госуслуги: официальный сайт. — URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/state_status_of_communities/200907 (дата обращения 06.10.2023).
2. Кузина Н.А., Фролова Н.М. Платформы обратной связи как технология эффективного взаимодействия органов власти и населения // Огарёв-Online. 2023. №6 (191).
3. Будникова Н.С. Информационная открытость государства в России: органы исполнительной власти в социальных сетях // Социодинамика. 2023. № 6.

Габдуллина А.А.
(КФУ, Казань)

МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИКЕ: МЕТОДЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Одной из актуальных проблем современного общества является проблема манипуляций. Их применяют не только на уровне межличностных отношений, но и для воздействия на массовую аудиторию. При этом манипулирование давно проникло как в экономическую, социальную, духовную, так и в политическую сферы жизни общества.

Небезызвестный факт, что манипуляции применяют для достижения определённых целей, поскольку такая процедура предполагает поддержку, помощь сторонних лиц. Политикам, естественно, необходимо применять практики манипулирования для реализации своих идей так, чтобы они обязательно дали положительный результат. В сложившейся сейчас в мире ситуации люди стали ещё сильнее нуждаться в потреблении актуальной информации, но кто, как в каком виде предоставляет им такую возможность остаётся острым вопросом и представляет интерес.

Определение «манипуляции» остается предметом споров среди ученых, что объясняет разнообразие трактовок этого термина. Однако, можно выделить общую идею: манипуляция – это воздействие на человеческое поведение, мысли и действия с целью достижения определенных целей. Манипуляции могут быть эффективными, так как они способны регулировать жизнь общества и формировать общественный порядок.

Современные технологии и развитие СМИ открывают новые возможности для манипуляции и позволяют доставлять информацию более эффективно. Политики используют разнообразные манипулятивные приемы для воздействия на массы, и их число постоянно растет. Эти приемы могут быть сложно заметными, так как они основываются на психологических особенностях человеческой психики.

Среди наиболее часто встречающихся и эффективных методов манипуляции выделяются те, которые используют Интернет и СМИ, так как они охватывают широкую аудиторию и способствуют быстрому распространению информации. Примерами таких методов являются «навешивание ярлыков», с помощью чего формирует негативные образы руководителей страны, метод «свой-чужой», цель которого – обеспечить общественное одобрение законопроекта посредством создания антонимичных образов чиновников, хранящих деньги за границей, и депутатов-патриотов, не пользующихся такими услугами, а также приёмы фальсификации и селекции информации и приведение статистики, которые эффективно влияют на формирование картины реальности у объектов манипуляции.

Манипуляции в политике могут быть эффективными, так как они позволяют манипуляторам влиять на мнение и поведение масс. Однако, это вызывает дискуссии о не гуманности таких методов, так как они могут лишать людей способности критически мыслить и анализировать ситуацию. Важно учитывать, что успешность манипуляции зависит от умения манипулятора и особенностей среды, в которой они применяются.

Таким образом, манипуляции в политике – распространенная практика, которая позволяет формировать отношение общества к власти и событиям. Использование современных технологий и СМИ делает манипуляции более эффективными и доступными для широкой аудитории. Однако, важно осознавать их потенциальные негативные последствия для общества и индивидов.

*Габриелян О.А., Гаспарян М.В.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)*

ОБРАЗ ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кризисы современного мира хотя и носят политический, экономический и даже военный характер в основе своей имеют межцивилизационные противоречия, которые предвидел в своих исследованиях С. Хантингтон. Противостояние между коллективным Западом и его ядром – англосаксонским миром, с одной стороны, и Россией, как уникальной цивилизацией, с другой стороны, в настоящее время перешло в горячую фазу военных действий на территории Украины. Под угрозой оказался суверенитет и само существование России, и проблема для нее приобрела экзистенциальный характер.

В рамках гибридной прокси-войны Запада против России его усилия направлены на разрушение традиционных ценностей путем их подмены деструктивными симулякрами посредством технологий социальной инженерии. В том числе разрушается и традиционный образ героя и заменяется симулятивными конструктами, которые активно создают и продвигают массмедиа, эксплуатируя, прежде всего, бессознательные структуры психофизики, связанные с влечениями и инстинктами человека. Проблема осложняется тем, что ядро массмедиа на концептуальном, программном и технологическом уровнях является продуктом западной цивилизации и за постсоветский период произошла существенная вестернизация массмедийного пространства России, что имело свои известные отрицательные последствия.

Заявленная проблематика нашла своё отражение в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, где в качестве одной из основных информационных угроз рассматривается «наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь, на молодежь в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В качестве основных направлений обеспечения информационной безопасности представлены, в том числе, действия по «нейтрализации информационно психологического воздействия, направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой отечества».

Отмеченная проблематика требует своего научного фундаментального исследования, так как затрагивает основополагающие вопросы межкультурного взаимодействия, идентичности, суверенности народов и аутентичности культур. Образ героя относится к фундаментальной проблематике, так как имеет конституирующее значение для самоопределения любого социума и, конечно, такого сложного как российское.

Понятие «героя» может быть концептуализировано различным образом, но во всех случаях герой – это образ, обладающий некоторым набором особых качеств в превосходной степени и по этой причине выступающий в качестве эталона и образца для подражания. Очевидно, что понятие героя может быть рассмотрено в различных модальностях: модальность реальности/нереальности; модальность действительности, т.е. с точки зрения соответствия объективной реальности в качестве реального и достоверного факта; модальность недействительности, т.е. как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное и т.д., но не реальное; необходимость/долженствование (дебитивная модальность); возможное/невозможное (потенциальная модальность); предположительная (гипотетическая) модальность; побудительная (императивная) модальность; модальность намерения (интенциональная модальность); желательная (оптативная) модальность.

В медиапространстве постоянно генерируются образы героев и соотнесенные с ними образы антигероев и посредственностей. Можно говорить о существовании целых линеек образов героев. Они связаны с различными медиаресурсами. Они создаются и популяризируются различными медиаинструментами и технологиями. Они связаны с различными параметрами и видами идентичности: гендерными, возрастными (подростки, молодежь и т.д.), статусными (студенты, военнослужащие и т.п.), политическими идеологиями (либералы, консерваторы, коммунисты и т.д.), культурными традициями (христианство, модерн, постмодерн и пр.) и субкультурами (молодежными, музыкальными и т.п.) и т.д. Это открывает широкое поле для исследования. Выявление типологии образов героев и референтных групп, с которыми они связаны, их отличительные характеристики, типология медиаресурсов, распространяющих различные образы героев, анализ инструментов и технологий, которыми создаются образы героев; выявление общего ядра или ядер, общих для целых групп образов героев.

Реальные медиаобразы героев могут иметь как культурное, так и контркультурное содержание, то есть как соответствовать культурной традиции, так и противостоять ей, что делает медиаобразы героев элементом информационной борьбы и культурного и контркультурного программирования. Это раскрывает еще одну перспективу исследования – выявление эталонных образов героев, максимально выражающих культурные традиции народов России, обнаружение эталонного ядра, общего для разных культурных традиций.

*Гаврилова М.В.
(СПБГИКиТ, Санкт-Петербург)*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКSIКОГРАФИИ

Взаимодействие языка и общества, языка и идеологии, языка и политики фиксируется в словарях языка политики, поскольку словарь является формой систематизации и хранения разнообразных знаний и сведений не только о языке, но и о мире. В словаре находят свое отражение значимые элементы опыта коллективного познания мира. Словари языка политики являются определенным показателем уровня политической культуры общества, поскольку в словаре через описание лексических единиц отражается политическая история страны и система политических ценностей общества.

Цель исследования – определить состав и систематизировать лексикографическую продукцию, описывающую язык российской политики.

Материалом исследования являются одноязычные частные лингвистические / комплексные бумажные словари, изданные с 1978 г. по 2022 г.

В ходе исследования мы выявили 54 словаря языка политики, провели их классификацию, распределив на 18 типов: авторские словари, терминологические словари, словари неологизмов, словари устаревшей лексики, словари прозвищ, лингвострановедческие словари, словари цитат, тематические, идеографические, исторические, ассоциативные словари, словари профессиональной лексики, словари метафор, фразеологические, словари ярлыков, словари лозунгов, словари сокращений, словари жаргонной лексики. Отметим, что наиболее представлены в количественном отношении терминологические и авторские словари, словари неологизмов и устаревшей лексики. Преимущественно словари языка политики являются дескриптивными (описательными).

В словарях языка политики наблюдается увеличение объема словарных статей и применение в них визуальных иллюстраций, энциклопедическое толкование слова, повышение объема приводимых экстралингвистических данных, встречается политически пристрастная позиция по отношению к описываемой лексике.

Обобщенным адресатом современных словарей языка политики являются: филологи, журналисты, специалисты по теории массовой коммуникации, политические лингвисты, политики, политтехнологи, политологи, социологи, российские и иностранные студенты и широкий круг читателей, интересующихся политикой.

Полагаем, что словари языка политики обладают большим познавательным потенциалом для исследования политической жизни общества. Так, словари профессиональной лексики и терминологические словари помогут в постижении истории политической мысли. Ассоциативные словари могут быть полезны политическим психологам в изучении политического сознания российского общества. Авторские словари могут быть востребованы в изучении природы политического лидерства. Идеографические словари необходимы для проведения контент-анализа политических текстов при составлении концептуальной переменной. Словари прозвищ, словари ярлыков, словари жаргонной лексики могут служить материалом исследования деструктивных речевых способов ведения политической борьбы. Словари цитат, словари метафор и фразеологические словари можно использовать в рамках политической риторики для анализа речевых средств убеждения аудитории и для описания риторического портрета политика. Кроме того, толковые словари русского языка могут являться материалом анализа идеологических воззрений общества на определенном историческом этапе развития.

Словари языка политики способны выступать вспомогательным материалом для проведения качественных (понятийное, семантическое, когнитивное направление анализа политической коммуникации) и количественных (контент-анализ) исследований политических идей и идеологий.

Говоря об областях взаимодействия политической лингвистики и политической науки, представим возможные перспективные направления развития политической лексикографии.

Необходимо уточнить «профиль пользователя» словаря языка политики, принимая во внимание потребности современных читателей.

Для полного и всестороннего описания языка отечественной политики в его историческом развитии и современном состоянии важно создавать словари языка глав государства, видных политических деятелей, политических партий, политических концептов, частотные словари и др. Кроме того, следует расширять состав двуязычных словарей (например, русско-китайский / испанский / арабский / хинди словарь общественно-политической лексики).

Учитывая тенденцию к компьютеризации лексикографической деятельности, нужно создавать и широко применять обновляемые корпусы политических текстов и терминологические базы данных о политике на русском языке.

Важно рассматривать создание политического (терминологического) словаря как междисциплинарный научно-практический проект, объединяющий знания лингвистов, политологов и политиков.

*Гадалин Д.Ю.
(ИНИОН РАН, Москва)*

СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ УСИЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С БРИКС

1. В XXI веке гуманитарное измерение мировой политики стало одним из ведущих наравне с военно-политическим и экономическим взаимодействием, причем в данном измерении осуществляется как противоборство ряда центров ввиду несоответствия позиций по политическим и экономическим вопросам, так и сотрудничество, объединение усилий центров, неспособных в одиночку противостоять доминирующему во многих сферах Евро-Атлантическому сообществу во главе с США.

2. Одним из таких растущих объединений является клуб БРИКС, изначально созданный для гармоничного дополнения экономических систем государств и повышения собственного политического веса посредством координации действий в многосторонних отношениях. Рост экономических связей между государствами повлек за собой повышение устойчивости экономик стран-участников объединения, что подтверждается на примере Российской Федерации, которая продолжает выдерживать всесторонний натиск Запада, фактически вести полномасштабную гибридную войну.

3. Одним из проявлений данного натиска является культурная изоляция России усилиями Запада, изъятие российского присутствия в гуманитарном пространстве (сфере спорта, науки, образования, искусства, информации и т.д.), что наносит ущерб необходимому для современных международных отношений гуманитарному сопровождению двусторонних и многосторонних контактов между государствами по более традиционным вопросам.

4. Изоляция России закладывает «мину замедленного действия» для дальнейших перспектив российского присутствия в развивающихся странах, поэтому преодоление изоляции стало принципиальной задачей российского руководства сразу же после начала открытого конфликта с Западом в 2022 г., при этом изначально было задекларировано, что БРИКС станет одной из тех площадок, использование которых будет приоритетным направлением борьбы с дискриминацией в отношении России со стороны Запада.

5. Такая концентрация усилий уже дала определенные результаты, поскольку российскому руководству удалось оперативно добиться права на проведение Игр БРИКС в г. Казани в 2024 г. Несмотря на то, что данный формат изначально был разработан КНР, активное вовлечение России в этот проект может дать необходимый импульс для дальнейшего повышения престижности Игр БРИКС.

6. При этом важно оценивать ряд ограничительных факторов, которые затрудняют выполнение задачи, стоящей перед РФ, по усилению консолидации государств в рамках БРИКС в гуманитарном (в частности – спортивном) пространстве. В этой связи важно проанализировать формат мероприятий под эгидой БРИКС и возможности его улучшения, текущий спортивный потенциал участников БРИКС, в том числе возможности новых участников (Аргентина, Египет, Иран, КСА, ОАЭ, Эфиопия), приглашенных по итогам саммита в г. Йоханнесбурге в 2023 г. (ЮАР), что даст российскому руководству

более глубокое понимание того, какие пути и средства стоит выбрать для того, чтобы БРИКС представлял из себя более цельное объединение с точки зрения совместных гуманитарных проектов и программ (в особенности спорта).

7. Таким образом, большая консолидация БРИКС даст возможность России укрепить собственное положение в мировом спорте, международном гуманитарном пространстве, в результате чего количество нападков со стороны Запада будет сокращаться, а готовность к диалогу – повышаться, так как Россия перестанет восприниматься самим Западом как изолированное государство.

Гайнутдинова Л.А.
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НОВОЙ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПОДХОДЫ

Актуализация интереса к концепции гражданского общества, обусловленная сменой парадигмы развития мирового сообщества и поиском ответов на множество глобальных и региональных вызовов, дает основания для обновления методологической базы и определения тенденций в системе совершенствования российской модели гражданского общества.

Эволюционный подход. Находясь в постоянном развитии, самообновлении, гражданское общество в различные эпохи во всех своих исторических формах имело общие сущностные черты, характерные для данного явления. Самовоспроизводясь и видоизменяясь, эти черты трансформировались, дополняя гражданское общество новыми характеристиками, влекущими за собой новое содержание. Таким образом, происходило развитие гражданского общества и адаптация его к новым социально-политическим реалиям, исходящим из изменяющихся потребностей общества. Основные характеристики и параметры «эволюционного возраста» российского гражданского общества развиваются в соответствии со своей внутренней логикой и приоритетами общества в целом¹.

Системный подход позволяет рассматривать гражданское общество как открытую систему, состоящую из ряда подсистем (элементов), взаимосвязанных между собой и формирующих свойства системы в процессе взаимодействия. Одновременно гражданское общество является подсистемой в социально-политической системе современного государства и представляет собой важнейший институт, обладающий высоким уровнем целостности, способствующий консолидации всей общественно-политической системы. Наличие жизнеспособного гражданского общества предполагает возможности, созданные для очень сложной системы синергетических взаимодействий в деятельности ассоциаций различного уровня. Эти взаимодействия становятся еще более сложными, когда включается разнообразие входов и выходов.

Цивилизационный подход наиболее полно раскрыт в Концепции внешней политики Российской Федерации, где Россия определена как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»². Впервые в истории современной России в официальном доктринальном документе в основу внешнеполитического планирования и государственной самоидентификации была положена цивилизационная теория общественного развития, которая в условиях усиливающейся многополярности мира должна стать ориентиром при дальнейшем

¹ Баранов Н. Эволюция современной демократии: политический опыт России // Изд-во Lap Lambert Academic. 2011. 462 с.

² Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 12.09.2023).

формулировании Россией своих внешнеполитических и внутривнутриполитических установок. Кроме того, в ней обозначены не только особенности функционирования цивилизационных систем, но и сам цивилизационный подход, который необходимо активно развивать и применять в качестве одного из перспективных комплексных инструментов в практике государственного строительства¹.

Идеологический подход стал основой перехода от теории модернизации к национально-консервативному подходу в выборе методологических парадигм философии развития. Тенденции общей ценностно-смысловой инверсии, привели в 2020 г. к внесению поправок в Конституцию России, где были закреплены многие консервативные постулаты. Консервативная стратегия основана на национально-консервативной традиции российской общественной мысли, которая легла в основу последовательного продвижения в общественном сознании целей «консервативной модернизации» и идейно-властной трансформации. Таким образом, консервативная идеология, позволяющая сочетать специфические национальные интересы с универсальными ценностями, и формировать эффективное поле публичной политики, становится политико-идеологической основой национальной модели российского гражданского общества.

Социокультурный подход основан на понимании определяющей роли культурно-институциональных констант в развитии национального гражданского общества. Успех общественных изменений во многом зависит от институциональной матрицы и ее социокультурных особенностей, которые могут как способствовать изменениям, так и создавать среду сопротивления им. Реформирующееся общество должно соотносить свои действия с историческим опытом, основанном не только на возможностях и социальной гибкости его активного ядра — государства, но и гражданского общества, представляющего собой квинтэссенцию самого «духа народа»², определяющего реформаторский потенциал общества в целом.

Российское гражданское общество должно развивать различные уровни ассоциативной деятельности, так как необходимы формы горизонтальной и вертикальной мобильности граждан. Для этого необходимо наладить систему отношений, в которой определенные компоненты культуры традиционного общества стали бы крепким фундаментом под формирующимся в настоящее время новым социальным порядком, обусловленным современными технологиями во всех сферах жизнедеятельности общества.

Гаман-Голутвина О.В.
(МГИМО МИД России, Москва)

МНОГООБРАЗИЕ РЕГИОНАЛИЗМОВ КАК МАРКЕР ПОЛИАСПЕКТНОСТИ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

К настоящему времени теоретически и эмпирически очевиден циклический характер социальной эволюции, в рамках которой разнонаправленные тренды находятся в режиме взаимной смены. Не составляют исключения и процессы глобализации и деглобализации, интеграции и дезинтеграции, причем по мере интенсификации интеграции возрастает вероятность и противоположного процесса – дезинтеграции. Эти процессы могут протекать (и протекают) одновременно, но в разных регионах и на разных уровнях. Одной из форм и результатов деглобализации выступает регионализация, которую можно рассматривать в качестве альтер-эго глобализации, что актуализирует рассмотрение этого тренда.

¹ *Тупайлов Е.* Цивилизационный подход к государственному строительству //22.08.2023/
URL:<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsivilizatsionnyu-podkhod> (дата обращения: 14.09.2023).

² *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М., 1955, с. 160.

Предпосылкой эффективной интерпретации многоплановых процессов выступает адекватная концептуализация и уточнение содержания используемых в данном контексте понятий. Концепт региона не случайно называют трудноопределяемым многозначным понятием («container-concept»): традиционно это понятие относится к внутристрановому делению пространства, но также может характеризовать деление мирового пространства. Сложности использования понятия регион обусловлены его полифункциональным «интерфейсом»; многослойным характером организации социума, в рамках которого интеграционные процессы протекают в различных форматах и на различных «этажах»; динамическим характером объекта изучения, который к настоящему времени эволюционировал от скромной субнациональной локации до статуса участника мировой политики, существующего в формах внутригосударственной, международной и глобальной интеграции. В специализированной литературе под регионом в широком смысле понимают сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, объединенный сходностью географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных параметров.

Обосновано различие понятий микрорегиона как субрегионального уровня политики, мезорегиона как маркера субнационального уровня организации и макрорегиона как формы интеграции за пределами национальных образований. Современное состояние исследований данных объектов характеризуется как развивающееся в мало соприкасающихся плоскостях.

Если обратиться к рассмотрению понятий регионализма и регионализации, то эти понятия нередко употребляются в качестве синонимичных, однако, на наш взгляд, эти термины имеют отличное содержание. Регионализм представляет собой идеологию возвышения роли регионов в широком диапазоне программных целей такого движения – от расширения культурных прав до обретения самостоятельного формально-юридического статуса. Термин регионализация определяет практическую реализацию стратегических установок и целей регионализма путем перераспределения полномочий между уровнями власти. Цели регионализации могут варьироваться в широком диапазоне – от выхода из состава государства до расширения полномочий в его рамках.

В контексте обсуждаемой темы наибольший интерес представляет понятие макрорегиона как термина для определения группы стран, объединенных на основании географической, климатической, политической или иной общности и образующихся посредством межрегиональных, трансрегиональных и интеррегиональных связей.

В последние годы возникли новые формы региональной кооперации, обусловленные взрывообразной революцией коммуникационных технологий. Подобные формы региональной кооперации определяются в литературе посредством ряда концептуальных конструкций: «мегарегионализм», «интеррегионализм», «кроссрегионализм», «трансконтинентализм», «многосторонний регионализм» «альтернативный регионализм», «международный трансрегионализм». В качестве прецедентов подобного рода упоминаются образования нового типа, созданные за пределами географически близких ареалов, – БРИКС, МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия), Транстихоокеанское партнерство, китайская инициатива «Один пояс, один путь», российская инициатива «Большое евразийское пространство» и других. В основе данных образований – формирование крупных международных функциональных кластеров путем укрепления межрегиональных/транснациональных/глобальных связей. Основой формирования этих объединения выступает отмеченная в литературе принципиальная новация, а именно – на смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе.

Парадокс состоит в том, что новый этап глобализации одновременно выглядит как ее кризис, поскольку содержит в себе импульсы дифференциации глобального пространства на макрорегионы.

Одним из вероятных трендов дальнейшей эволюции мирового пространства выступает интенсивное структурирование «мира регионов», потенциально способного сменить «мир государств». Это неоднозначное по своим последствиям движение является важным слагаемым полиаспектных процессов регионализации.

Рассмотрение концептов регион, регионализм, регионализация и сопряженных с ними понятий в рамках предметного поля политической науки показывает многообразие измерений данных явлений и процессов и, соответственно, широту их возможных интерпретаций и сфер применения. Несомненно, базовым фактором этого многообразия выступает многослойность, «многоэтажность» современного социума, для познания которого востребовано значительное число теоретических конструкций, призванных отразить это многообразие. Интенсивное в методологическом и содержательном измерениях развитие регионалистики было бы невозможно без позитивной динамики своего объекта. Действительно, в настоящее время региональная политика переживает очевидный подъем, наблюдаемый во многих регионах мира. Более того нет недостатка в прогнозах, согласно которым будущее – не за всеобъемлющей глобализацией, стирающей границы и национальные идентичности, унифицирующей все и вся, а за разделением мира на макрзоны. Время покажет, насколько обоснованы такого рода прогнозы.

*Гандалоева М.Т.
(КубГУ, Краснодар)*

ПАНДЕМИЯ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Существенное влияние на электоральный процесс оказывают факторы разного характера. Автор выделяет внутренние: законодательное регулирование выборов, внутриэлитный раскол, правила финансирования, влияние СМИ; и внешние факторы: социально-политическая и экономическая обстановка в регионе (стране, мире), институциональные основы (особенности государственного строя и электоральной системы, существующая в стране идеология, свобода слова и цензура), пандемия, климатические явления, террористические ситуации, стихийные бедствия.

Пандемия представляет серьезную угрозу для сохранения демократии, поскольку подрывает ее надлежащее функционирование посредством политических решений, направленных на ограничение свободы предвыборных митингов, отсрочку (или даже отмену) выборов и внедрение непрозрачных механизмов голосования (например, голосование по почте и в электронном виде) с целью предотвращения распространения вируса и низкой явки избирателей.

По оценкам Международного института демократии и помощи в проведении выборов (International IDEA) за период с февраля по июнь 2020 года не менее 65 стран приняли решение отложить национальные и местные выборы чтобы избежать низкой явки избирателей и сдержать распространение вируса, около 30 стран решили провести выборы, как планировалось изначально.

Запрет публичных собраний добавлял сложностей с привлечением избирателей. Однако, основная задача мирового сообщества заключалась в преодолении кризиса COVID-19, а не в проведении выборов. Политикам пришлось адаптировать способы связи с общественностью, чтобы эффективно представить свою повестку населению с минимальной потерей количества электорального внимания. Встречи в очном формате, подразумевающие личное присутствие людей на различных формах собраний, встреч и демонстраций, автоматически были перенесены в интернет-пространство. Это и стало поводом для усовершенствования методов использования соответствующих интернет-технологий на различных площадках.

Избирательная кампания США 2020 г., как и во многих других странах сместила фокус с предвыборной борьбы на борьбу с вирусом. Выборы в итоге прошли в новом формате: конвенты демократов и республиканцев прошли онлайн, а многие граждане воспользовались своим правом голосовать дистанционно по почте.

Оба основных кандидата активно использовали социальные сети в своей предвыборной кампании. В отличие от предыдущих лет, где преобладал дисбаланс в пользу одного кандидата, эти выборы были более сбалансированными. Явка избирателей на этих выборах также была рекордной. Опросы показали, что население было хорошо информировано и готово отдать свой голос.

Для анализа эффективности использования интернет-технологий в период пандемии в России рассмотрим избирательную кампанию Владимира Солодова, которая прошла в Камчатском крае летом 2020 года. Отличительная черта именно этой кампании заключается в том, что в процессе неё, впервые за много лет, жители полуострова получили возможность активно влиять на выборную ситуацию, в том числе в медиапространстве.

Было сформировано несколько направлений деятельности лоббистов в социальных сетях и созданы личные странички кандидата, на которых регулярно появлялась информация о проведённой работе в рамках его должности временно исполняющего обязанности губернатора. Люди получили возможность задавать вопросы онлайн и в личных сообщениях, подключаться к трансляциям с кандидатом, оставлять комментарии и предложения под постами. Это был качественно новый способ коммуникации населения с властью, который до этого использовался в очень узком формате.

Избирательная кампания на Камчатке смогла выстроить свою собственную логику коммуникации с населением. Социальные медиа дали возможность подключить к выборам людей, проживающих на крайнем севере полуострова, у которых до этого было мало способов находится в центре активных политических событий края. Результатом этого стала повышенная явка в дни голосования, а также возникновение нового общественного политического дискурса. Социальные площадки в сети увеличились в количестве, появились новые формы локального взаимодействия жителей полуострова между собой, которые подкреплялись определенной политической тематикой.

Приходим к выводу, что социальные медиа дают возможность кандидатам, политическим партиям и избирателям коммуницировать на другом уровне в условиях различных форс-мажорных ситуациях.

Литература

1. *Cipullo D., Le Moglie M.* To vote, or not to vote? Electoral campaigns and the spread of COVID-19 // *Eur. J. Political Econ.* 2021. Article 102118.
2. *Стратиневская А.А.* Ретроспективный анализ электоральной коммуникации на президентских выборах США с 2012 по 2020 годы // *Наукосфера.* 2023. №8 (1). С. 58-61.
3. *Шляхтина К.К.* Применение технологий интернет-коммуникаций на выборах губернатора Камчатского края 2020// *Меридиан.* 2021. №1(54). С. 1–4.

Гаспарян Л.С.
(КУКИИТ, Симферополь)

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Значимыми индикаторами современного мира становятся визуальные конструкты. Их неоспоримое влияние связано с воспроизводством немедленных впечатлений и эмоций, которые всегда чувственны, конкретны и экспрессивны в отношении воздействия на индивида.

Визуальное, воспринимаемое как способность делать зримыми объекты и процессы, чаще всего рассматривается в философской традиции как посредник между объектом и зрителем. Следует сказать, что функция визуального образа как посредника в разных научных парадигмах была представлена с акцентом на ту или иную составляющую. Так, в рамках натуралистической парадигмы, образ представлен как прямой способ отражения реальности, своеобразное зеркало; в структуралистской – образ воспринимается как источник активности, его содержание зависит от того, кто снимает, когда и где снимает, и как переводит образ видимого из реальности в некую мыслительную конструкцию, поэтому здесь ключевой является способность к коннотации и интерпретации образа; конструктивистская – как проекция идеального образа на социальную действительность, где посредством запретов и трендов задаются уже сконструированные модели; феноменологическая, где образы – это не только репрезентация социальной реальности, а носители собственного смысла, выстраивающие относительно автономную позицию по отношению к происходящим событиям.

В целом, в любой из представленных научных концепций, акцент делается на том, что визуальные образы обладают предписывающим значением и конструируют наше постижение мира. Сегодня для того, чтобы мир стал зримым, не нужно посещать крупные города, знаменитые музеи, модные показы. Достаточно познакомиться с их визуальным проявлением. Это так называемый опыт «воплощения мечты». При этом визуальные образы фокусируют внимание на изменчивых желаниях человека, утоляют его воображаемое отношение с тем, что он считает неизведанным и освобождают от необходимости понятийного мышления, связанного с мыслительными процедурами. Все, что минимизирует временные затраты, особенно в условиях общества потребления, воспринимается как довольно привлекательная альтернатива. По мнению У. Липпмана, в голове у каждого человека «имеются картинки» внешнего мира, некие символические модели, посредством которых люди пытаются упростить сложную информацию об окружающем мире. Такие конструкты достаточно легки в восприятии, упрощают модель поведения, высвобождают огромное количество времени.

Одним из наиболее ярких визуальных проявлений крымской действительности является Крымский мост – символ привязанности к материку, который, помимо символического, имеет еще важное экономическое значение, являясь главной транспортной артерией между Крымом и материковой Россией. Зрительно воспринимаемые смыслы и попытка их разрушения является наиболее действенным способом современного информационного воздействия. В данном контексте образ рассматривается не как репрезентация или искусственный конструкт, а как опосредование предметности и воплощение смысла. Но онтологическая связь визуального образа с реальным предметом еще не является ключевой. Она может быть передана и в словесной интерпретации. Особое значение в визуальном образе приобретает ощущение достоверности воспринимаемых объектов. К тому же зрительно воспринимаемые смыслы снимают монополию коммуникатора на создание и распространение информации, что усиливает эффект сопричастности с происходящим событием.

Такие примеры подтверждают, что человек в современном мире все в большей степени оказывается в ситуации формирования идентичности в диалоге с медиа, которые отображают действительность через визуальные репрезентации. Смыслы, порождаемые этими репрезентациями, становятся все более ситуативными, случайными, что в значительной степени разрушает национальные культурные традиции и создает новые рамки современной политической практики.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РФ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В современном мире, где информация стала одним из ключевых ресурсов, СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения. Это особенно актуально для Российской Федерации (РФ), которая столкнулась с информационной войной, идущей на международном уровне.

Национальные СМИ играют ключевую роль в формировании образа РФ как среди собственного населения, так и за пределами страны. Они предоставляют информацию о действиях правительства, экономическом положении страны и других важных аспектах жизни общества. Однако, в условиях информационной войны, национальные СМИ также становятся инструментом противостояния зарубежной пропаганде. СМИ в РФ представляют собой разнообразие платформ, включая телевидение, радио, печатные издания и интернет-ресурсы.

В контексте формирования образа РФ национальные СМИ играют ключевую роль в представлении страны как сильного и независимого государства. Они акцентируют внимание на достижениях в области науки, культуры, спорта и технологий, а также на важности сохранения национальной идентичности и суверенитета. Однако, важно отметить, что в условиях информационной войны, национальные СМИ также могут быть использованы для пропаганды и манипуляции общественным мнением. Это может привести к искажению образа России как внутри страны, так и за ее пределами.

С другой стороны, зарубежные СМИ также формируют образ РФ, но уже для международного сообщества. Они часто представляют Россию как страну, представляющую угрозу мировому порядку, что способствует формированию негативного образа РФ. Зарубежные СМИ, такие как CNN, BBC, и Deutsche Welle, обладают большим влиянием на международное сообщество. Они формируют образ России на основе своего восприятия событий в стране и деятельности политических акторов РФ за её пределами. Это восприятие, в свою очередь, зависит от политического контекста, в котором работают эти СМИ.

Примером такого влияния может служить отношение зарубежных СМИ к событиям на Украине. Многие из них представили Россию как агрессора, не учитывая сложность исторических и политических отношений между двумя странами.

Для противостояния негативному образу РФ, можно предпринять следующие шаги:

1. **Прозрачность и открытость:** РФ может стремиться к большей прозрачности в своих действиях на международной арене. Это может помочь преодолеть недоверие и непонимание.
2. **Позитивное взаимодействие:** РФ может активно участвовать в международных инициативах и проектах, демонстрируя свою готовность к сотрудничеству и позитивному взаимодействию.
3. **Культурный обмен:** РФ может активизировать культурный обмен с другими странами, чтобы лучше понять другие культуры и позволить им узнать русскую культуру.
4. **Образовательные программы:** РФ может организовывать образовательные программы для иностранных студентов и ученых, чтобы они могли лучше понять Россию.
5. **СМИ:** РФ может использовать СМИ для представления более объективного и положительного образа страны.
6. **Дипломатия:** РФ может активно использовать дипломатические каналы для улучшения своего имиджа и установления диалога с другими странами.

Важно помнить, что изменение образа страны – это долгосрочный процесс, который требует последовательных усилий на всех уровнях общества.

Таким образом, как национальные, так и зарубежные СМИ играют значительную роль в формировании образа РФ в условиях информационной войны. Они служат не только источниками информации для общественности, но и инструментами влияния на общественное мнение.

Гладков А.К.
(ИВИ РАН, Москва)

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Соотношение индивидуального и коллективного в зарубежной историографии от В. Уллманна до К. Нэдермана справедливо рассматривается как одно из основных – магистральных – направлений развития средневекового политического знания с его последующими оформлением в научную дисциплину Нового времени. У авторов латинского Запада, лишь отчасти в своих теоретических построениях опиравшихся на античную традицию, а нередко выступавших настоящими первопроходцами в области *scientia politica*, возникает одновременно апологетическая и дидактическая идея уподобления общества, как совокупности людей всех сословий, человеческому телу (*corpus*), как единству органов и членов, гармонично и слаженно работающих ради достижения единой задачи – блага организма. Попытка увязать на идейном и структурном уровнях организм биологический и политический, якобы имеющие некие общие элементы, отражающие функциональное назначение, в основе своей объединяет эллинистически-римские и, собственно, христианские концепты, однако преследует не отвлеченные, а вполне реальные и актуальные для эпохи Средневековья цели социальной и политической консолидации.

Как описать государство, власть и общество, чтобы их образ в основных чертах стал понятен каждому, а индивид, от аристократа до простолюдина, был вписан в единую структуру и наделен своей функциональной ролью? Ответом на данный вопрос и явилась рожденная в недрах Античной цивилизации теория политического тела (*corpus rei publicae*), вобравшая в себя идеи и смыслы последующей эпохи.

В основу сопоставления человеческого тела и тела политического положен иерархический принцип, отражающий прежде всего вертикальную градацию органов/членов, которым соответствует та или иная социальная «единица»: так, в текстах средневековых латинских авторов руководящую позицию занимает «голова» (*caput*); ей принадлежат управленческие и координирующие работу всего организма функции. Впрочем, мыслители по-разному толковали символику «головы»: ею мог быть и король (отсюда выражение – «глава государства») или император, и папа римский, и даже Совет, то есть собрание мудрейших и опытнейших. Следующий – срединный – уровень вертикальной иерархии занимает «сердце» (*cor*), и вновь у интеллектуалов прошлого, от Иоанна Солсберийского до Марсилия Падуанского и писателей последующих веков, нет единства в понимании того, кому отведена столь ответственная роль (Совет/Сенат; Церковь, Парламент). «Воины» и «чиновники» воплощали «руки» государства, тогда как «ногами» – у разных интеллектуалов разные толкования – были «земледельцы»; таким образом замыкается вся вертикальная иерархия, соответствующая трехчастной модели (*bellatores, oratores, laboratores*). Конечно, еще описывались функции «глаз», «ушей», «языка», «печени», «крови» и «жил» и т.д., предпринимались попытки обозначить роль «души», а заодно выявить источник жизни «политического тела» и т.п.

Важно, однако, что расхождения в интерпретации средневековыми философами, богословами, писателями и полемистами тех или иных органов и членов «политического тела» были связаны не только с приверженностью определенной традиции (платонизму, аристотелизму и пр.), ракурсом восприятия (медицинским, экклезиологическим и пр.), но и главным образом с происходившими в обществе изменениями, когда роль отдельной социальной группы или целого сословия умалялась или, наоборот, приобретала большее значение.

Политическое знание эпохи Средневековья в развитии теории «политического тела», мистической по своей природе сущности, вполне сопоставимой с *Corpus Ecclesiae mysticum*, обосновывало неразрывную связь индивида и общества, их взаимную ответственность, и даже более того – проводило мысль о том, что всякий человек, богатый или бедный, знатный или простолюдин, если он исполняет свои обязанности, способствует укреплению «здоровья» (*valetudo*) «политического тела», а если от этих обязанностей отказывается, то провоцирует общественную «болезнь» (*morbis*). Таким замысловатым образом – через язык метафор – описывалась в Средние века модель общественной консолидации, в которой каждому органу и члену политического тела соответствовала своя социальная позиция.

*Глинчикова А.Г.
(ИНИОН РАН, Москва)*

ВОЗМОЖЕН ЛИ «НОВЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ»? ХАБЕРМАС VS ДЕРРИДА

Что стоит за тенденциями нарастания фундаментализма и конфликтности в политике, и можно ли им противопоставить новые формы «космополитизма»? Ю. Хабермас и Ж. Деррида дают разные ответы на этот вопрос [*Philosophy... 2003*]¹.

1. Ю. Хабермас полагает, что в условиях Модерна принципы универсализма могут носить только секулярный характер.

2. В отличие от Ю. Хабермаса, Ж. Деррида рассматривает современный фундаментализм, напротив, как неизбежное проявление Модерна и постмодерна. Он говорит о том, что европейская модель взаимоотношений между религией и политикой, сложившаяся под влиянием эпохи Просвещения, сохраняет в европейском политическом пространстве (*European political space*) многие следы предшествующей и соответствующей религиозной основы (*absolutely original marks with regard to religious doctrine*) [*Philosophy...2003: 116 – 117*].

3. Если религиозный компонент играл и продолжает играть важную роль в формировании политических структур эпохи Модерна, то возможно ли в принципе в перспективе формирование глобального метагосударства («*metastate*») с опорой на исключительно секулярный компонент метаправа («*meta-law*»), выработанный в рамках западного Модерна?

4. Жак Деррида полагает, что современный кризис национального государства не может быть разрешен в процессе формирования супергосударства («*superstate*») с глобальным правительством, что глобализация не может осуществляться путём распространения на весь мир принципов кантовского Просвещения что нужно расширить принципы проекта Просвещения за пределы Канта. Но тогда что может послужить ценностной основой подобного нового космополитизма?

5. По его мнению, нельзя понимать космополитизм по аналогии с глобальным гражданством («*world citizenship*»), так как оно сформировалось изначально в греко-римской, а затем перешло в европейскую культурную традицию всегда предполагало

¹ «*Philosophy in a time of terror. Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*», Chicago, 2003

определенные границы, ограничение. Поэтому для формирования нового основания для глобальной идентичности необходимо не расширять европейский принцип гражданства, а «выйти за пределы старого греко-христианского космополитического идеала, ассоциирующегося с именами стоиков, апостола Павла или Канта, и развить новые формы солидарности, выводящие за пределы традиционного интернационализма национальных государства и, следовательно, - за пределы устаревшего принципа гражданства».¹

6. Хабермас говорит о коммуникативном дискурсе, как необходимом механизме сближения. Но что может быть положено в основу этой коммуникации, подходит ли для этого выработанный в рамках западного демократического развития принцип толерантности?

7. В отличие от Хабермаса Деррида скептически относится к принципу толерантности как основе диалога. По его мнению, толерантность есть дискурс с определенными религиозными корнями, это «условное гостеприимство» (*scrutinized hospitality, conditional hospitality*). При всех своих позитивных моментах ментальность толерантности имеет ту же структуру, что и колониальный тип единства и этот своеобразный ценностный колониализм Модерна в отличие от христианской колонизации имеет много общего с дохристианским греческим и римским вариантами колониализма.

8. По мнению Деррида «чистое гостеприимство» состоит в абсолютной открытости другому, он называет это «гостеприимством посещения» (*hospitality – visitation*), в отличие от «гостеприимства приглашения» (*hospitality – invitation*). Но этот тип гостеприимства может быть очень опасен, заключает Деррида [*Philosophy...2003: 129*].

Литература

1. *Barradori J.* (2003) *Philosophy in a time of terror. Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida*, University of Chicago press, Chicago.
2. *Derrida J.* (1998) *Faith and Knowledge: the Two Sources of «Religion» at the limits of Reason Alone*, in Jacques Derrida and Gianni Vattimo, eds. «Religion» Stanford: Stanford University Press, Stanford, pp. 1- 78.
3. *Habermas J.* *A conversation about God and the World* // in: «Religion and Rationality. Essays on Reason, God and Modernity» // Edited and with the introduction by Eduardo Mendieta / Polity Press, Oxford, 2014. – p. 147 -167.

Глухова А.В.
(ВГУ, Воронеж)

ПОПУЛИСТЫ МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И АВТОКРАТИЕЙ

Понятие «популизм» (от лат. *populus* – народный) в последнее десятилетие стало едва ли не самым употребительным в политическом словаре, возвестив новую эпоху в трактовке политики, демократии, лидерства. Спектр оценок этого явления достаточно широк: одни авторы видят в нем справедливую критику правящих элит, оторвавшихся от реальных жизненных условий миллионов людей, другие высказывают опасения относительно угрозы институциональным основаниям демократии со стороны лидеров-популистов, стремящихся разрушить ее каноны. Появляются первые серьезные работы,

¹ see the coming of the universal alliance or solidarity, which goes further than internationalism of nation-states and thus beyond citizenship.

посвященные исследованию результатов деятельности и политическим последствиям пребывания популистов у власти¹.

Популизм во власти проявляется в харизматическом лидерстве, сильной политической поляризации, создании патронажных сетей и ослаблении всех институтов, стоящих между популистским руководством и так называемым «истинным народом». Однако популистские правительства оказываются в своеобразном положении после прихода к власти, нуждаясь в новых способах собственной легитимации. Отсюда они переходят в своего рода режим перманентной избирательной кампании. В то же время их претензия на буквальное воплощение предполагаемой или сконструированной воли народа является первым шагом к делегитимации любой оппозиции и ядром антиплюрализма, выступающего центральной характеристикой популизма.

Антиплюрализм как несущую основу популизма составляют четыре измерения: политическая коммуникация; формирование внешней политики; так называемая *State Capture*, т.е. собирание, получение в свое распоряжение важнейших институтов и ресурсов государства; мероприятия против оппозиции. Далеко не все измерения критически опасны для демократических институтов. В частности, популистская внешняя политика или популистская коммуникация напрямую не направлены на контроль и переделку правил политической игры. Но популистская политическая коммуникация в смысле «перманентной избирательной кампании» может серьезно отравить политический климат, поскольку она должна восприниматься как миссионерская, как элемент персональной харизмы. Мобилизация служит зримой легитимации популистов как самоаффирмация в связи с моральным превосходством над противником («коррупцированными элитами»).

Два других измерения – *State Capture* и действия против оппозиции – представляют собой очевидную угрозу элиминирования демократии, так как затрагивают два ключевых для нее признака: 1) шансы оппозиции против действующего правительства и саму возможность смены этого правительства; 2) гарантии политических и гражданских прав.

State Capture означает инструментализацию популистами государственных институтов и ресурсов, которые разрушают необходимый для демократии нейтралитет государства и равенство шансов политических сил. Цель занятия важных служб и управленческих постов и систематический патронаж последователей разрушает систему сдержек и противовесов и необходимый плюрализм в принятии решений. В условиях проведения выборов нейтральный избирательный режим будет переформатирован или подчинен чьей-то персоналистской воле. Тем самым будет облегчен «популистский конституционализм», который служит формальной институционализации популистской логики. Клиентелизм используется для поощрения последователей, сохранения их лояльности и поддержки. Описанная динамика может быть дополнительно усилена тем, что против политических противников открыто используют механизм «дискриминирующего легализма», обхода промежуточных институтов, в том числе парламента, как важного института представительства интересов, дискуссионной платформы оппозиции, а также мероприятия против критически настроенных медиа и оппозиционного гражданского общества.

Способствует ли популизм позитивному «обновлению демократии» или неизбежно влечет за собой автократизацию? Демократические системы сегодня все реже низвергаются через классический путч, но чаще разрушаются инструментальными попытками изнутри. Трудность заключается в том, чтобы вовремя распознать начало процесса и его направленность на упразднение демократии. Процесс *democratic backsliding* представляет собой последовательную цепь событий и мероприятий, которые идут незаметно и не воспринимаются как очевидная демократическая угроза. Однако накопленные теоретические и эмпирические данные позволяют однозначно утверждать, что популизм у

¹ *Wolfgang M., Pfeiffer Ch.* (Hrsg.): *Populismus an der Macht. Strategien und Folgen populistischen Regierungshandelns.* Wiesbaden: Springer VS, 2021. - 347 S.

власти имеет неотъемлемую тенденцию к автократизации, присущую его правительственной логике. Условием успеха последней является отказ от проведения демократических выборов и невозможность смены власти законным путем.

Популисты руководствуются принципом: «мы пришли, чтобы остаться навсегда». Сторонники и последователи либеральной демократии должны четко осознавать опасность автократизации режима и защищать либерально-демократические принципы.

Глушкова С.И.
(Гуманитарный университет, Екатеринбург)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Уровень соблюдения, обеспечения, защиты прав человека в том или ином государстве является ключевым показателем, который позволяет определить качество жизни, качество оказания правовой и других видов помощи, степень развития правового государства и гражданского общества.

В декабре 2015 года была утверждена новая повестка дня ООН, которая была закреплена в Целях устойчивого развития (ЦУР ООН). 17 целей были определены как основные задачи для каждого государства – члена ООН, и подлежали включению в государственную политику в сферах социального, экономического, политического, культурного развития. Для полного достижения целей ООН в качестве итогового срока был поставлен 2030 год, при этом государства-члены ООН должны предоставлять в ООН отчеты о реализации целей устойчивого развития в своей стране.

Многие национальные проекты, а также национальные, региональные и муниципальные программы в России включают в себя реализацию целей устойчивого развития, правовые основы и направления достижения которых были закреплены в международных стандартах ООН и стратегиях развития России в социально-экономической, культурной и иных сферах развития.

Ориентация на устойчивое развитие в многополярном мире остается ключевым направлением развития международной защиты прав человека в системе ООН, однако периодически используемые правительствами ряда стран мира двойные стандарты не позволяют планомерно, последовательно и в установленные сроки достигать установленные цели и задачи ООН.

Среди ряда новых тенденций развития прав человека в меняющемся мире можно отметить следующие:

1. цифровизация прав человека, использование цифровых технологий, цифровых ресурсов, цифровых платформ в целях соблюдения, обеспечения, защиты прав человека;
2. развитие правозащитной, гуманитарной, культурной, народной дипломатии;
3. стремление к созданию новых общественных, общественно-государственных пространств и платформ, площадок, связанных с правовым просвещением, образованием в области прав человека (например, Дом прав человека в Москве);
4. кризис международного права прав человека, теории прав человека в условиях международных событий, в том числе вооруженных конфликтов;
5. пересмотр содержания и значения ряда традиционных понятий, категорий, концепций в политико-правовых концепциях, теории прав человека, международном праве прав человека, появление новых (в том числе, пока спорных и дискуссионных категорий, концепций);
6. формирование и развитие новой инициативы ЮНЕСКО по созданию университетских кафедр «Экономика и права человека», появление которых будет

- способствовать появлению новых знаний, идей, концепций, а в будущем возможно и новых направлений в подготовке выпускников;
7. ограничение прав человека в целях общественной, правовой, государственной и иной безопасности;
 8. создание и развитие общественных, народных университетов (например, Народный университет современного конституционализма в Екатеринбурге) в целях политического и правового просвещения, в том числе образования в области прав человека;
 9. формирование и развитие новых направлений научного исследования прав человека: экономика прав человека, политология прав человека, философия прав человека, культура прав человека, логика прав человека, и др.;
 10. включение представителей субъектов общественного контроля (общественных палат, общественных советов) в повестку дня в сфере прав человека;
 11. формирование в субъектах Российской Федерации общественных советов по соблюдению, обеспечению, защите достойного качества жизни при главах субъектов РФ.

*Гнедаш А.А.
(КубГУ, Краснодар)*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА КАНДИДАТАМИ НА ПОСТ ГЛАВЫ СУБЪЕКТА РФ В ХОДЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2022 г.: АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПОЛА И ВЛАСТИ

Как отмечают политологи в России почти на всех этапах предвыборных кампаний основная агитация в последние годы проводится в основном в Интернет и в социальных сетях; почти отсутствует наружная политическая реклама и очень мало кто из кандидатов любого уровня выборов принимают участие в теледебатах и в личных встречах с избирателями. Каковы же способы, каналы и технологии создания и продвижения политического контента в Интернет-пространстве, и, главное, – каково содержание политического контента, создаваемого кандидатами на выборах всех уровней? Каковы отличия этого контента, создаваемого мужчинами- и женщинами-кандидатами? Сохраняются ли стереотипные гендерные различия, связанные с офлайн-средой, и каким образом эти различия проявляются при работе кандидатов обоих гендеров с электоратом в Интернет? Задачей нашего исследования стало выявление и анализ российских практик формирования политического контента кандидатами на пост губернатора в ходе предвыборной кампании. Эмпирической базой исследования стал спродуцированный кандидатами в губернаторы политический контент, как онлайн-, так и офлайн, в 15 субъектах РФ в 2022 г.

Эмпирические датасеты включили: программы кандидатов на пост губернатора; материалы интервью с кандидатами; тексты выступлений губернаторов; журналистские статьи о кандидатах; пресс-релизы предвыборных штабов кандидата; материалы официальных сайтов о кандидатах (партийные порталы, сайты самих кандидатов).

Датасеты был сформирован посредством разработанной авторами программы для ЭВМ «Парсинг сетевых данных» (свидетельство о государственной регистрации № 2019610035). Основой для парсинга явилось содержимое веб-страниц, выбор которых осуществляется пользователем программы посредством «get-запросов». Программа преобразовала и структурировала сетевые данные в текстовый массив (корпус текстов). Сформированные дата-сеты были подвергнуты сетевому анализу, контент-анализу, лингвистическому анализу и гендерному анализу, в результате были извлечены:

частотность используемых слов в полученных корпусах текстов всех кандидатов; ключевые слова - сетевые данные из анализируемого массива; данные для проведения фолксономического анализа (анализ тональности корпуса текстов всех кандидатов); данные цитируемых кандидатов; полуструктурированные выражения с заданным словом – факты.

Нами было выделено три способа формирования контента: *прямой контент* – программы и выступления самих кандидатов; *опосредованный контент* – журналистская интерпретация программ кандидатов или выступлений кандидатов (статьи, пресс-релизы, обзоры встреч с кандидатами); *смешанный контент* – материалы прямых интервью с кандидатами.

Мы выявили различия в прямом контенте, формируемом женщинами- и мужчинами-кандидатами на пост губернатора субъекта РФ:

- мужчины-кандидаты делают упор на экономические программы развития региона;
- в программах мужчин-кандидатов, как и в программах женщин-кандидатов треть текста уделяется предложениям и вопросам в сфере социальной политики;
- в программах женщин-кандидатов на 25 % больше, чем в программах мужчин-кандидатов, уделено внимание региональным проблемам и путям их решения;
- тематика семейной и гендерной политики поднимается только в программах женщин-кандидатов.

Основными различиями в опосредованном контенте, формируемом женщинами- и мужчинами-кандидатами, является то, что журналисты в своих интерпретациях следуют гендерными стереотипам в освещении предвыборных программ: в «пересказе» обещаний женщин-кандидатов упор делается на социальные вопросы; в программах мужчин-кандидатов журналисты «видят» экономическую составляющую.

Смешанный контент также различаются в первую очередь тем, что мужчин-кандидатов спрашивают именно о предлагаемой ими экономической стратегии (проблемы и пути решения) и команде кандидатов; есть вопросы, связанные с приватной сферой и с опытом «цифровой социализации» мужчин-кандидатов. В рассмотренных нами интервью женщин-кандидатов спрашивали только «по делу», фактически никаких личных вопросов не было; значительный блок вопросов связан с социальной проблематикой и предложениями кандидаток в этой сфере; также есть значительная группа вопросов по поводу экономического развития региона, но идут данные вопросы только после социальных проблем.

Сетевой и лингводискурсивный анализ, основанный на гендерной исследовательской оптике, позволяет сделать основные выводы о гендерных различиях в онлайн-контенте, продуцируемом женщинами- и мужчинами-кандидатами: в своих программах женщины-кандидаты апеллируют к своему женскому опыту как особому опыту управления, но в интервью с женщинами-кандидатами вопросы, связанные с приватной сферой, полностью отсутствуют. Материалы интервью с мужчинами-кандидатами отличаются упором на личные качества и гендерной ориентированностью всех личных вопросов. Вопросы семейной политики и гендерной проблематики присутствуют только в контенте, создаваемом женщинами-кандидатами.

В целом кандидаты-победители в 15 субъектах РФ в 2022 г. прошли «цифровую социализацию» и активно использовали свои аккаунты в социальных сетях для продвижения информации о себе и использовали данный коммуникационный канал для создания предвыборного политического контента.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ: СУЩНОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ

Понятие «сеть» отражает как особую реальность, так и определенную методологию анализа данных, которая позволяет сочетать различные математические подходы – статистические, системные, имитационные – с современной политической теорией. С помощью теории сетей, определение которой формулируется для каждой темы отдельно и является эмпирическим, можно анализировать различные аспекты политики (схему взаимодействия институтов политической системы, неформализованных инициативных групп и социальных движений, политику государства в области образования и т.д.). Значимость сетевого анализа, безусловно, будет возрастать еще и в силу глобализационных тенденций в современном мире и перехода значительного числа государств к информационной стадии развития, непременным атрибутом которой является развитие многочисленных сетей (М. Кастельс¹).

Таким образом, политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности в сфере публичных потребностей и интересов.

Во-первых, сети представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество. Эта структура эмпирически наблюдаема и теоретически описывается как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, которые имеют некоторый общий интерес.

Во-вторых, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена, имеющимися у ее акторов, ресурсов. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость.

В-третьих, важной характеристикой политической сети выступает общий кооперативный интерес. Многие исследователи подчеркивают эту черту особенно, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует прежде всего свои собственные интересы.

В-четвертых, с точки зрения выработки политических решений участники сети не выстраиваются в некоторую иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки зрения ее властной позиции. Все участники сети равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу. Здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения.

В-пятых, сеть представляет из себя договорную структуру, состоящую из набора контрактов, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации.

В политических сетях действует особая культура консенсуса. В целом политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы.

Политические сообщества (*policycommunities*) представляют собой такие сети, которые характеризуются стабильностью взаимоотношений, устойчивым и в высокой

¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999, С. 495-496.

степени ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью, основанной на совместной ответственности за предоставление услуг, и изоляцией как от других сетей, так и от публичных организаций (включая парламент). Такие сети являются высоко интегрированными и имеют высокую степень вертикальной взаимозависимости и ограниченную вертикальную координацию.

Профессиональные сети (professional networks) характеризуются преобладанием одного класса участников производства политических решений: профессиональных групп. Эти сети выражают интересы особой профессиональной группы и основаны на высокой степени вертикальной взаимозависимости, а также изолированы от других сетей.

Межуправленческие сети (intergovernmental networks) формируются на основе представительства местных властей. Их отличительными характеристиками являются топократическое членство, явное исключение иных публичных союзов, широкий охват интересов, связанных со многими службами, ограниченной вертикальной взаимозависимостью (так как они не ответственны за оказание услуг), широкой горизонтальной структурой и способностью взаимодействовать со многими другими сетями.

Сети производителей (producer networks) отличаются значительной ролью в политике экономических интересов (публичного и частного секторов), их подвижным членством, зависимостью центра от промышленных организаций при производстве желаемых товаров и при экспертизе, а также ограниченной взаимозависимостью между экономическими интересами.

Проблемные сети (issue networks) характеризуются большим числом участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Стабильность и постоянство находятся здесь в большом почете, а структура имеет склонность к атомистичности.

Концепция политических сетей имеет глубокие корни в исследованиях, посвященных взаимодействию гражданского общества и государства. Особенно следует отметить такие направления, как плюралистическая теория, корпоративизм, теория заинтересованных групп, теория межорганизационных отношений. Свое влияние на нее оказал неинституционализм, особенно в его социологической версии. Хотя и данная концепция может быть подвергнута и подвергается критике, тем не менее она удачно смоделировала альтернативные рынку и иерархии модели публичного управления и выработки политических решений.

Головина А.А.
(КФУ, Казань)

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РФ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРОГРАММЫ ЛДПР)

Забота о человеке и улучшение условий жизни является одной из приоритетных задач государственных структур. Сегодня наблюдается повышение требований к уровню обеспечения высокого уровня жизни, такой запрос общества направляется не только государству, но и политическим институтам, отвечающим за представительство интересов граждан. В связи с этим для поддержания достойного уровня развития страны государству необходимо вести активную социальную политику, которая направлена на улучшение благополучия граждан как в материальном, так и в моральном плане.

В настоящее время проблема осуществления социальной политики в России остается одной из ведущих тем. Результаты общественных опросов демонстрируют высокий уровень обеспокоенности граждан социальными проблемами. Потребность в обеспечении достойного уровня жизни отражается не только в общественном дискурсе, но

и включается в публичную повестку политических структур, в том числе политических партий. В связи с этим возрастает интерес к дискурсу о социальных проблемах общества.

На сегодняшний момент согласно Всероссийскому центру изучения общественного мнения в 2018 и 2017 году были выделены топ несколько самых важных проблем для страны:

- Здравоохранение (28%)
- Проблемы в сфере образования (23%)
- Экономика (21%)
- Низкий уровень заработной платы, низкий уровень жизни (14%)
- Безработица (12%)
- Низкие пенсии, пенсионная реформа (11%)
- ЖКХ (8%)
- Высокая инфляция, рост цен (3%).

Можно сделать вывод о том, что постоянными и актуальными темами в социальной политике считается преодоление бедности, реализация многочисленных национальных проектов, усовершенствование системы здравоохранения и образования, а также улучшение благосостояния широких слоев населения. Для их решения многие партии России предлагают свои политические программы.

Партия ЛДПР является одной из ключевых парламентских партий, поэтому может оказывать влияние на определённые решения правительства. Во время выборов в Государственную Думу в 2021 году партия ЛДПР представила свою программу, где одной из главных тем стала социальная политика. ЛДПР придерживается мнения о том, что для создания достойного уровня жизни граждан, необходимо изменить государственное устройство страны и создать эффективный государственный аппарат, а также обеспечить высокий уровень надежности и защиты людей. Данная партия выступает за сильную социальную политику, где целью является достижение материального и цивилизованного благосостояния всех граждан России. ЛДПР считает, что в вопросе о рабочих и служащих необходимо, чтобы правительство начисляло заработную плату, стипендии, пенсии и различные пособия, исходя из реальных цен на различные потребительские товары, жилищные и другие услуги.

Одной из лидирующих тем социальной политики в программе политической партии ЛДПР стало здравоохранение. По мнению фракции, главной целью здесь является сохранение бесплатной и доступной медицины, а также ее постоянное совершенствование и поддержание различных лечебно-оздоровительных движений. Важно отметить, также тему молодежной политики в программе партии. ЛДПР считает, что молодежь – это будущее страны и партии, поэтому нужно делать на них основную ставку. Главной задачей здесь является создать равные для всех условия развития, а также простимулировать молодое поколение в их начинаниях. ЛДПР придерживается мнения о том, что место, которое занимает человек, должно зависеть только от его личных качеств и способностей.

В отдельный блок ЛДПР выделяет тему детей, а точнее защиту о них. Партия считает, что на сегодняшний момент в России данный слой населения считается самым незащищенным и уязвимым, а также с каждым годом наблюдается рост количества детей-сирот. Именно поэтому ЛДПР внесла в Госдуму проект Закона “О защите детей”, в соответствии с которым ни один ребенок не оказался бы без жилья, одежды, питания и других средств, которые нужны человеку для достойного уровня жизни, а также имел бы возможность получить хорошее воспитание, правильное физическое развитие и гарантированное законом образование.

Важно отметить, что в России, несмотря на большое количество социальных программ, остается широкий круг социальных проблем, которые волнуют людей из года в год. Предлагаемые решения, которые транслируют партии в своих программах, исходят из идеологических установок партии, однако имеют достаточное большое количество

прогрессивных идей и мыслей. В целом, показатели социальной политики в России демонстрируют, что прослеживается положительная динамика решения существующих проблем и партии, помогают в этом, так как составляют свои социальные программы, основанные на реальных запросах общества.

Голомазова Ж.М.
(МБОУ БГО «Борисоглебская гимназия №1», Борисоглебск)

РОЛЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ

В современную эпоху человек подвержен влиянию огромного потока информации (интернет, телевидение, радио, рекламные вывески и т.д.) критически оценивать которую становится тяжело даже взрослому человеку. Кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор Загладин В.В. обозначил это «кризисом человека»: «Существенным и ранее не учитывавшимся фактором общественного развития становится феномен “кризиса человека”... Человек, живущий в развитых странах, подвергается воздействию огромных потоков информации, возможности осмысления которой не безграничны. Это ведет к тому, что часть информации осознанно вообще не воспринимается, отсекается или поглощается некритично».

Такие процессы негативно влияют на формирование личности человека, особенно на подрастающее поколение. К сожалению, в семье современные школьники не получают «пищу для размышления» по многим вопросам современности, включая политические. Об этом свидетельствуют как официальные данные территориальной избирательной комиссии по итогам выборов губернатора по Борисоглебскому городскому округу (47,22% проголосовавших без учета электронного голосования), так и беседы со школьниками в преддверии выборов. Семья ограничивается только высказыванием своего мнения. Поэтому формирование критического мышления на этапе подросткового возраста берет на себя система образования. В арсенале педагога есть различные педагогические интерактивные технологии, среди которых заслуживает особого внимания технология развития критического мышления. Цель данной образовательной технологии (по идее ее создателей) – развитие интеллектуальных умений учащихся, необходимых не только в учебе, но и в обычной жизни (умение принимать взвешенные решения, работать с информацией, анализировать различные стороны явлений и др.) (Материалы проекта «Чтение и письмо для развития критического мышления». ИОО «Фонд Содействия», 1997).

Используя аналитический метод можно предложить обучающимся проанализировать предвыборные программы кандидатов. Применяя метод дискуссии, можно обсуждать со старшеклассниками политические события современности, учить аргументированному отстаиванию собственной позиции. Метод кластера помогает систематизировать большие объемы информации (например, при изучении формы государства, анализируя содержание Конституции РФ). Прием «Ромашка Блума» в 5-7 классах помогает развить элементарные мыслительные операции: анализ, синтез и другие. Метод мозгового штурма отлично работает при тренировке двадцать пятого задания в формате ЕГЭ по обществознанию, т.к. формат данного задания предполагает проверку умения выпускника выявлять причинно-следственные, функциональные и другие связи социальные объектов и процессов, сформированность навыков оценивания социальной информации, умение поиска информации в источниках разного типа.

Таким образом, технология развития критического мышления, разнообразие ее приемов, методов позволяют учителю сформировать определенный объем умений и навыков работы с различными источниками информации, воспитывают способности не репродуцировать знания, а расширяя их, применять в различных жизненных ситуациях,

помогает сформировать собственное отношение к фактам, проблемам, уметь выслушать других, найти совместные пути решения проблем, что способствует повышению политической культуры обучающихся.

*Гончаров М.Д.
(НИ ТГУ, Томск)*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Республика Хакасия, входящая в состав Сибирского Федерального округа, отличается от большинства национальных республик России. В Хакасии доля титульного этноса в структуре населения составляет около 12%. В то же время более 80% населения Республики составляют русские. Отдельно необходимо указать на компактное проживание на территории субъекта коренного малочисленного народа шорцев. Данные обстоятельства ставят перед институтами власти и гражданского общества Хакасии ряд вопросов, находящихся в сфере этнической политики. Так, с одной стороны, органы власти Республики имеют ряд задач в области сохранения традиций хакасов и шорцев (сохранение языков, культовых мероприятий, образа жизни и т.д.). С другой стороны, Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, реализующее свою деятельность в сфере этнической политики, включено в реализацию задач, поставленных Федеральным агентством по делам национальностей. В частности, данные исполнительные органы, нацелены на формирование единой российской нации и поддержание бесконфликтных межэтнических отношений. Таким образом, Министерству национальной политики приходится сочетать различные направления деятельности.

Очевидно, что в ходе реализации своих задач, органы власти вступают во взаимодействие с этническими общественными организациями (это такая неправительственная организация, которая осуществляет деятельность, направленную на популяризацию и сохранение этнической культуры своего народа). Характер взаимодействия субъектов может оказывать влияние не только на развитие этнической ситуации в регионе, но и опосредованно воздействовать на прочие аспекты общественной жизни. Исходя из этого, характер взаимодействия органов власти Республики Хакасия и этнических общественных организаций нуждается в изучении.

Поскольку обозначенное взаимодействие является частным случаем взаимодействия государства и структур гражданского общества, то для его осмысления применима типология, предложенная А.Ю. Сунгуровым. В рамках данной типологии существует два варианта взаимодействия органов власти и структур гражданского общества: сотрудничество и конфронтация. Оба варианта делятся на конкретные модели взаимодействия. Среди моделей сотрудничества, отличающихся доминированием государства, а не равенством партнеров, следует выделить патерналистскую модель. Она предполагает значимую государственную поддержку неправительственным организациям в обмен на лояльность.

Для определения модели взаимодействия сторон, реализуемой в Республике Хакасия, весной 2023 г. было проведено 5 интервью с представителями органов государственной власти Республики Хакасия и представителями этнических общественных организаций Республики (материалы интервью опубликованы на сайте Научной библиотеки ТГУ). Полученные данные позволяют говорить о преобладании в Республике Хакасия патерналистской модели взаимодействия региональных органов власти и этнических общественных организаций Республики.

О доминировании патерналистской модели свидетельствует несколько характерных черт взаимодействия, отмечаемых интервьюируемыми. Так, и представители органов власти, и представители организаций отмечают доминирующую роль государства. Главным инструментом влияния государства являются ресурсы, распределяемые между этническими организациями. Сами же организации имеют малое материальное оснащение и потому вынуждены опираться на помощь государства. В результате, как отмечают интервьюируемые, организацией работы этнических общественных организаций в регионе осуществляется Министерством национальной и территориальной политики. Однако Министерство действует лишь в рамках собственных целевых показателей, что приводит к тому, что ряд проблем этнических организаций остается нерешенным на протяжении нескольких лет. Иными словами, государственные органы играют ключевую роль в координации деятельности этнических общественных организаций, а сами организации не имеют достаточных возможностей для давления на органы власти, о чем свидетельствуют многолетние нерешенные проблемы организаций.

Приведенные выше сведения, а также ряд других, подтверждают преобладание в Республике Хакасия патерналистской модели взаимодействия региональных органов власти и этнических общественных организаций.

*Горин Д.Г.
(РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва)*

КРИЗИС УНИВЕРСАЛИЗМА И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЛАСТИ ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНА

Философское обоснование социальных предпосылок политической власти обретает новую актуальность в условиях кризиса просветительского проекта и трансформации современных обществ. Именно с просветительским проектом связывается не только возникновение современных социальных и политических наук, но и возможность для различных теорий, при всей их противоречивости и даже непримиримости, оставаться соизмеримыми и апеллировать к общим принципам научности. Однако в последние десятилетия жизненный цикл и объяснительный потенциал социальных и политических теорий существенно сокращаются. Одновременно наблюдается плюрализация их оснований, связанная, во-первых, с многообразием стратегий описания меняющихся и дифференцирующихся социальных миров, а во-вторых, с утверждением альтернативных эпистемологий. Например, история теорий модерна и модернизации, отражает эту тенденцию: сначала эти теории исходили из универсальности общественных процессов, затем переориентировались на роль уникальных для каждого общества факторов, а в последние десятилетия они описывают противоречивые состояния модерна, не претендуя на универсальность и проблематизируя собственные ограничения. Наблюдаемая «пролиферация» (если применить термин П. Фейерабенда) теорий современных обществ вызвана не традиционным спором реализма и релятивизма, а утратой универсализма как свойства действительности, распадающейся на различные социальные миры с характерными для них эпистемологиями и типами рациональности.

Эти тенденции требуют переосмысления критериев описания социальных оснований власти. Одной из перспектив такого переосмысления является исследование темпоральности властных отношений после постмодерна.

Основанная на просветительском проекте теория власти определяла ее в терминах универсальности, прогрессизма и публичности. Темпоральность власти определялась ее функциями целеполагания и целедостижения, которые основывались на рационализованном и универсалистски понимаемом образе будущего. Отношения власти определялись темпоральной асимметрией: власть как бы оборачивала тех, на кого

она воздействует, в прошлое, постулируя образ будущего, к которому следует стремиться. Признаки кризиса этой модели наблюдались на протяжении последних десятилетий XX в., а теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и модель делиберативной демократии были попытками разрешения этого кризиса. Однако, данная парадигма конструирования власти имеет исторически определенные границы.

С одной стороны, ей предшествовало понимание власти не в ее отношении с обществом как целостной функционально-дифференцированной системой (у Н. Лумана именно такая система и описывает себя как общество), а как проявление взаимодействия разнообразных иерархий – монархических, церковных, клиентелистских и т.п. Власть в таких иерархиях основывалась на идее метафизического порядка (Ю. Хабермас связывает подобное функционирование власти с репрезентационной публичностью, которая существовала до возникновения автономной публичной сферы). Темпоральные основания власти в этом случае определялись с позиций утверждения неизменного в меняющемся мире. Средством такого утверждения была репрезентация символов, отсылающих к сфере сакрального. Именно распад этой парадигмы мышления, сопровождавшийся десакрализацией власти, «расколдовыванием» и рационализацией мира, потребовал обоснования таких темпоральных оснований власти, которые были бы связаны с проблематизацией исторических изменений и колонизацией будущего.

С другой стороны, постмодернизм стал интеллектуальной и социальной стратегией деконструкции понимания власти, основанной на прогрессистских темпоральностях, связанных с большими историческими нарративами, идеологиями и прочими дискурсами власти.

В настоящее время, после постмодерна, наблюдается тенденция распада не только универсализма, но и рационализма. Глобализация и цифровизация ведут к тому, что восприятие мира становится многообразным и эмоциональным. На смену понятию общества как целостной системы приходит идея разнообразия социальных и политических миров, каждый из которых воспроизводит себя в своей собственной локальной ритмике. Глобальная темпоральность предстает в виде глобальных потоков, децентрализованных и разрозненных, но вступающих в резонанс друг с другом и с ритмикой локальных миров, открывая принципиальную многовариантность перспектив (поэтому попытки конструирования образа будущего для больших систем терпят неудачи, в отличие от вполне успешных примеров конструирования личного и социального будущего применительно к отдельным группам и сообществам). Такие резонансы множественной темпоральности, видимо, будут определять темпоральные основания власти в ближайшее время.

Горлов К.Н.

(Мичуринский городской Совет депутатов Тамбовской области, Мичуринск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО ГОРОДА МИЧУРИНСКА-НАУКОГРАДА РФ¹

В ситуации неопределенного «сегодня» именно образ «завтра» – образ желаемого будущего, пропущенный через призму своего «Я», но согласованный с ценностями, интересами и ожиданиями страны, региона, города может стать не просто ориентиром, но концептуальным решением проблем развития общества. Проект желаемого будущего

¹ Финансирование: Проект №123091200076-9 «Политические и социокультурные факторы долгосрочного устойчивого развития малых городов России: ценностно-ориентированный подход к формированию и реализации образа будущего» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

создается в мыслях и воплощается в действиях не только интеллектуальной и политической элиты, но и каждого гражданина страны.

Формирование образа будущего страны начинается с формирования образа будущего ее граждан – в большинстве своем жителей провинциальных городов. Одним из таких является Мичуринск – гостеприимный город в самом центре России, расположенный в Тамбовской области и являющийся вторым по значению после областной столицы промышленным и культурным, а также стратегическим транспортным и научно-образовательным центром региона – единственным в стране наукоградом агропромышленной направленности.

В современном мире город сталкивается с вызовами, среди которых урбанизация, износ инфраструктуры, негативные демографические и миграционные тенденции, экономические и технологические проблемы; экономическая, социальная и цифровая поляризации общества, организационные и управленческие недостатки, мировоззренческие и культурные сложности.

Новая философия урбанизма требует смены парадигмы в развитии города, которая заключается в перемене сущностных основ формирования образа будущего как «города-сада», «города-промышленного центра» на модели «города для жизни» и «города как мозаики проектов». Новая парадигма должна формироваться с учетом ценностей и ориентаций населения, опираться на исторические и культурные традиции, сложившиеся социально-политические и экономические реалии и потребности устойчивого развития, что обеспечит максимальное вовлечение и поддержку жителей в процессе реализации городских проектов и программ. Только так стратегия развития города может по-настоящему превратиться в личную стратегию развития каждого его жителя.

Согласно результатам проведенного среди горожан анкетирования можно сделать вывод о их высокой потребности в самоутверждении (усредненный показатель 4,98 из 6), доброжелательной атмосфере (4,23) и обеспечении безопасности (4,11). Самым важным в своей личной жизни горожане считают здоровье (19,58%), свое благополучие и благополучие близких (18,8%), безопасность (11,23%), самореализацию (10,44%), свою социальную защищенность (9,22%) и обеспечение своих прав и свобод как личности (8,88%). С учетом этих ценностей необходимо сосредоточиться на улучшении условий жизни и городской среды, обеспечении доступа к качественным медицинским услугам, стимулировании экономического роста, повышении благополучия и безопасности населения, обеспечении доступа к образованию и возможностям для самореализации, разработке и внедрении программ социальной поддержки и защиты прав граждан, а также содействии развитию гражданского общества и укреплению доверия между властью и населением.

Анализ ответов мичуринцев также позволили выявить, что среди наиболее важных ценностей, необходимых для развития, респонденты выделяют доверие между властью и обществом (14,71%), справедливость принимаемых в обществе решений (12,94%), обеспечение прав и свобод человека (12,65%). Эти показатели указывают на значимость прозрачности процедур принятия решений городскими властями, потребность в открытом диалоге и реальной инклюзии гражданского общества и бизнеса в процессы городского управления, запрос на справедливость в распределении ресурсов и равные возможности для горожан, необходимость формирования механизмов ответственности власти за свои действия и социальной ответственности бизнеса.

С учетом этого, концептуально, в рамках «города как мозаики проектов», формирование желаемого будущего для Мичуринска-Наукограда РФ может опираться на модели: «Город-Наукоград», «Здоровый город», «Умный город», «Креативный город». Вместо единого мастер-плана, этот подход предполагает гибкость, адаптивность и возможность участия местных сообществ и горожан в процессе формирования общего образа города. Ключевыми принципами такой концепции являются вовлечение местных сообществ, сотрудничество между государством, бизнесом и общественными

организациями, а также стремление к устойчивому и гармоничному развитию города, учитывающему разнообразие интересов и потребностей его жителей.

Горохов А.А.

(АНО «Лаборатория гуманитарных проектов», Москва)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Помимо фундаментальных факторов большое влияние на ценностное содержание государственной политики в первой половине XIX века оказала череда культурных и социально-политических процессов, проектов и инициатив, которые развивались и реализовывались непосредственно в России и за ее пределами. К таким влияниям можно отнести следующие.

Во-первых, это религиозные инициативы самодержавной власти, которые обозначили отрыв политической системы от традиционных ценностей и, прежде всего, от православной веры. К таким инициативам относятся поддержка Павлом I «Мальтийского ордена» (духовно-рыцарский орден католической церкви); учреждение Александром I в России Библейского общества; во-вторых, это политические инициативы самодержавной власти, направленные на существенную трансформацию монархической формы власти в России, такие, как, например, реализация Александром I конституционных идей в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском, которые входили в состав Российской империи; в-третьих, то, что после победы над армией Наполеона Россия становится лидером и вершителем европейской политики, эту лидирующую роль в Европе Российской империи необходимо было подкрепить идеологически; в-четвертых, это революционные процессы в Европе, безусловно влиявшие на Россию; в-пятых, тенденции секуляризации культурного пространства; в-шестых, стремление части просвещенной элиты страны преодолеть культурный разрыв между народом, хранящим свои традиции и язык, и европейски образованным политическим-классом. Рассмотрим более подробно названные процессы и инициативы.

Павел I и Александр I попытались поставить под сомнение роль и ценность Русской православной церкви и народной культуры в политическом процессе России. Такая культурная политика самодержавия актуализировала консервативную социально-политическую мысль и направила ее на идейную защиту православной веры, народной культуры и православного самодержавия. На русскую консервативную мысль также повлияли конституционные идеи и инициативы самодержавной власти. Александр I до А. Н. Сахаров утверждает, что на исходе первого реформаторского периода (1805 г.) Александр I обратился к Томасу Джефферсону с письмом, в котором выражал свои симпатии американской конституции¹. Более того, конституционные идеи Александром I были воплощены на практике в Польше и в Финляндии, которые в то время были составными частями Российской империи². Для будущего социально-политического

¹ Сахаров А.Н. Александр I. – М.: Наука, 1998. С. 119.

² Русский государственный деятель С. Ю. Витте, писал: «нельзя отрицать, что сто лет тому назад Император Александр I дал присоединенной к Империи Финляндии конституцию т. е. политическое самоуправление, что Финляндия, будучи присоединена к Российской Державе, составляет окраину особого рода, главным звеном соединения которой с Империей составляет то, что Российский Самодержавный Император есть вместе с тем Великий Князь Финляндский, т. е. конституционный Монарх Финляндии, управляемой по особой конституции, ей данной» (Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая Второго, в 2-х томах. Т. 2. – Берлин, 1922. – С. 221). Аналогичного мнения придерживался историк, академик АН СССР Е. В. Тарле, который в 1944 году утверждал, что «Финляндия получила конституцию, и эту конституцию дал им Александр... который создал им государство» (Доклад академика Тарле на

развития России большое значение имела конституция Польши. Историк С. В. Мироненко считает, что Александр I рассматривал конституцию в Польше не только как «конституционное устройство новой и особой части империи», но и как «первый шаг на пути к конституции русской»¹. Таким образом, император-самодержец Александр I запустил процесс перехода Российской империи от самодержавной формы правления к конституционно ограниченной монархии.

После победы над Наполеоном в Европе формируются новые отношения, и как следствие, Александр I принимает «звание блюстителя Европейского порядка»². Новые политические реалии требовали идеологического обоснования лидирующей роли России, необходимо было работать с просвещенным европейским общественным мнением — формировать образ Империи, которая не только силой оружия, но исторически и культурно является распорядительницей судеб европейских народов. Безусловно, такому образу в Европе противопоставлялось иное, русофобское, негативное представление о России. Погодин обозначил эту тенденцию очень точно: «Газетным воплям их против России нет пределов, а понятия о ней немцы не имеют никакого. Толкуют о страсти к завоеваниям, об отвращении от всякого образования, о безнравственности низшего духовенства, о крестьянском рабстве, о жестокости с солдатами и крепостными людьми...»³. Именно русские консервативные мыслители первой половины XIX внесли огромный вклад в идеологическое, культурное и историческое обоснование лидирующего положения России, как в европейской, так и мировой политике.

Горайнова А.М.
(КФУ, Казань)

ОТНОШЕНИЯ «ЦЕНТР-РЕГИОН» В ГЕРМАНИИ

Современные исследователи федеративных отношений различных государств, несмотря на отсутствие общепринятой модели построения федерализма, считают, что система отношений «центр-регион» в Германии является одной из наиболее совершенных. При изучении и сравнении федерализма в разных странах ученые опираются именно на федерализм, который в настоящее время существует в ФРГ. Центр и земли, по их мнению, эффективно и результативно взаимодействуют между собой, что позволяет обеспечить целостность страны и участие граждан в политической жизни.

Действительно ли немецкая модель федерализма является такой успешной? Все чаще в настоящее время в Германии ученые-исследователи стали говорить о проблемах во взаимоотношениях между центром и субъектами Германии, которые возникли сразу после объединения ФРГ и ГДР, но не решены до сих пор. Именно поэтому данный вопрос остается открытым и требует дальнейшего изучения.

В ходе исследования федерализма Германии было выявлено множество положительных аспектов и особенностей данной модели, однако, помимо этого, также были найдены и ключевые недостатки:

ученом совете Ленинградского университета — О роли территориального расширения России в XIX–XX вв. Машинописная расшифровка стенограммы // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 10.).

¹ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989. – С. 153.

² Погодин М.П. Настоящая война, в отношении к Русской Истории // Русский заграничный сборник. Письма и статьи М. Погодина о политике России, в отношении славянских народов и западной Европы. — Часть IV. – Тетрадь III. – Berlin, 1861. – С. 64.

³ Погодин М. П. Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к славянам // Русский заграничный сборник. Письма и статьи М. Погодина о политике России, в отношении славянских народов и западной Европы. – Часть IV. – Тетрадь II. – Berlin, 1860. – С. 73.

1. Конкурентная компетенция в области разграничения полномочий усиливает центр, ослабляя при этом земли, дает начало централизации власти. Несмотря на большой спектр полномочий, которыми наделены субъекты, действуют они в основном в рамках конкурентного подхода, где федерация обладает приоритетом, а в Основном законе Германии нет как такового ясного перечня предметов совместного ведения, что является определенным недостатком в данной системе.
2. Субъекты Германии могут издавать свои законы в тех сферах, которые либо вообще не упомянуты в Основном законе ФРГ, либо в тех областях, где центр не распространяет свои полномочия. То, что не попадает под исключительную компетенцию федеральной власти или компетенцию конкурирующую, переходит в компетенцию земель, поэтому можно сказать, что полномочия субъектов Германии как таковые не прописаны в конституции.
3. На данный момент в Федеративной Республике Германии существует некая экономическая отсталость не только восточной территории страны – бывших земель Германской Демократической Республики. Постепенно земли начали делиться на экономически развитые и экономически слабые. Можно предположить, что это связано с неясным разграничением полномочий между федерацией и субъектами, так как многие политики Германии высказываются о том, что для дальнейшего успешного развития земель необходимо расширить их компетенции. Также немецкие политологи считают целесообразным уменьшить количество субъектов Германии путем объединения нескольких земель в одну, что поможет решить проблему, прийти к территориальному и экономическому равенству регионов ФРГ, ведь именно эти аспекты являются залогом успешной модели федерализма.
4. Интеграция Германии в Европейский союз. Постепенно в ФРГ происходит так называемая «европеизация» законодательного процесса – национальное право плавно замещается правом европейским. Отрасли, которыми управляли земли, плавно переходят в некую компетенцию Европейского союза. Происходит это потому, что земли не участвуют в законодательном процессе ЕС, это делает лишь федеральное правительство, вследствие чего Евросоюз как бы «поглощает» законодательную базу земель.
5. За последние десятилетия в Германии централизация начала сильно прогрессировать, поэтому отношения между центром и землями в ФРГ называют унитарным федерализмом. При изучении законодательных баз Германии можно заметить, что центр в законотворческом процессе играет гораздо большую роль, нежели земли, практически исключительную. Действительным недостатком является то, что финансирование законов, издаваемых федеральной центральной властью, является обязанностью земель.

Система отношений «центр-регион» в Германии на сегодняшний день действительно является неплохим примером построения федерализма для других стран. Однако такую модель взаимодействия федерального центра и субъектов нельзя назвать идеальной.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СОЗДАНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ

За последние 50 лет после окончания войны во Вьетнаме мир ничуть не приблизился к третьей мировой войне. Конфликт на Украине поставил мир на грань третьей мировой войны, а лидеры великих держав Запада не хотят этого видеть.

Двадцать два года Украина была свободным, независимым государством, иностранные компании открывали заводы, много денег было вложено в инфраструктуру, но этого было недостаточно, чтобы Украина стала настоящим демократическим государством. Как только партия «Движение регионов» появилась среди русских на Украине и добилась успеха, она вызвала тревогу в сознании людей, не желавших мира, и вдруг появились имена Володимир, Олександр. Но даже это не было бы проблемой, если бы киевские власти не попытались бы навязать эти меры россиянам. При этом «борцов за права человека» это не беспокоило, и Украина была известна как демократическая страна.

Второй сигнал: возвращение Крыма под суверенитет Российской Федерации и единогласная поддержка на референдуме присоединения к Российской Федерации привели к сильному давлению на Россию в виде санкций.

Мы думали, что на этом все и закончится, но тут союзники фашистского и нацистского режимов в Киеве начали устраивать финальную дуэль с Россией.

Нападения режима Киева на Донецкую и Луганскую области, милитаризация и создание оборонительных позиций создали предпосылки для проведения Специальной военной операции.

Так называемые Минские соглашения были приманкой для России, чтобы облегчить армии Украины проведение этнических чисток и подготовить киевский режим к оккупации отколовшихся Донецкой и Луганской областей.

До проведения СВО Запад не волновало нарушение прав человека в Донецкой и Луганской области; их не интересовали бомбардировки гражданских объектов, страдания детей, женщин и стариков.

Попытки скрыть участие военных советников США и НАТО, а также раскрытые документы о существовании секретных биологических лабораторий показывают все зверство нынешнего режима в Киеве.

Однако, несмотря на все попытки изолировать и демонизировать Россию и представить СВО как агрессию, значительная часть мира осталась невосприимчивой к антироссийской пропаганде. Отказ Китая, Индии, стран Южной Америки ввести санкции в отношении России и присоединиться к однополярному миру создал перспективы для построения многополярного мира.

Многополярный мир обеспечил бы равное развитие всех частей планеты и создал бы условия для уважения всех государств, малых и больших. Почти невозможно быть неопределённым, несогласованным. Есть немного таких стран, как Сербия, которые хотя и сделали выбор в пользу членства в Европейском Союзе, но не приняли диктат Запада.

И еще вы спросите, какое отношение это имеет к политической социализации школьников?

В 1990-е годы Российская Федерация боролась за выживание после распада СССР. Россия открыла свой рынок для международных компаний, и вскоре иностранные неправительственные организации, пытавшиеся завоевать сердца и души россиян, особенно молодежи, потерпели крах на территории РФ.

РФ пришлось укрепиться как стране и нанести ответный удар. Первым подтверждением усиления РФ стала акция по быстрому проникновению ее миротворческих

сил из Боснии и Герцеговины в Косово и Метохию (Сербия) с целью захвата аэропорта Слатина.

С избранием президента В. В. Путина РФ вновь заняла достойное место. Помимо строительства инфраструктуры и укрепления государства и армии, большое внимание уделяется укреплению системы образования, способной ответить на вызовы 21 века.

Влияние, появившееся в странах Европейского экономического сообщества в конце 90-х годов, начало распространяться на другие страны, стремившиеся к членству в Европейском экономическом сообществе, особенно на государства Восточного блока. Были предприняты и более или менее успешные попытки навязать свои культурные ценности, попытки ревизии истории, прежде всего истории Второй мировой войны.

Вот почему важно с раннего возраста прививать детям ценности, на которых зиждется наша культура, не только в школе, но и в семье. Кроме того, необходимо с юных лет обучать школьников навыкам, необходимым для понимания мира, в котором они живут. Им необходимо понять, как действуют неправительственные организации, как иностранные спецслужбы вербуют наших граждан и как они пытаются подрвать мощь наших стран.

Необходимо внедрить все эти знания в школу и предотвратить жестокое обращение с детьми и манипуляции со стороны безответственных лиц, которые служат зарубежным странам и пытаются дестабилизировать демократически избранные правительства.

В ближайшие несколько десятилетий борьба за сохранение многополярного мира, созданного проведением Специальной военной операции, продолжится.

Вот почему важно ввести новые программы в школьные программы и научить учащихся распознавать проблемы, с которыми сталкивается наше общество, и решительно относиться ко всем угрозам.

Гребенко Е.Д.
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

УКЛОНЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА ОТ УЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ¹

Современному российскому студенчеству открыто множество форматов проявления активности в образовательной среде. Среди них, в первую очередь, следует отметить учебную деятельность, где студенты могут попытаться преобразовывать полученную информацию от преподавателей и научных руководителей в процесс освоения будущей профессии. Студент также может раскрыть свой потенциал во внеучебной деятельности и получить дополнительные или параллельные навыки и умения по отношению к основному учебному процессу. Важным в данном контексте остается проблема определения приоритета студентом в перечисленных формах активности в период студенчества.

В современной отечественной науке термин «социальное уклонение» практически не используется, а исследования затрагивают лишь его отдельные проявления, такие как абсентеизм или уклонение от прямых обязанностей гражданина перед обществом и государством. При этом социальное уклонение современного студенчества проявляется не только в общественно-политической деятельности, но и во время самого учебного процесса. Уклонение в данном случае является формой сознательного ухода или изолирования от активности (учебной, внеучебной) по ряду внутренних установок студента. Актуальным представляется рассмотрение именно «активной» части студенчества, которая отдает предпочтение деятельности во внеучебной среде (игнорируя сам образовательный процесс). В данном случае уклонение студента может происходить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2023-0006 «Стратегии и тактики социального уклонения как формы коммуникативного поведения современного студенчества».

по ряду причин. Поэтому необходимо рассмотреть стратегии и тактики уклонения «активного» студенчества от учебной деятельности.

Одной из таких стратегий является сознательный уход от учебы ввиду понимания того, что во внеучебной активности студент сможет получить желаемые навыки и умения, которые не входят в запланированные дисциплины учебных программ. В подобном поведении прослеживается и желание студента занять позицию в коллективе единомышленников, ведь учебные группы формируются из студентов с различным мировоззрением и взглядами на жизнь, а во внеучебных активности студент может присоединиться к более комфортным для него группам.

В другой стратегии раскрывается поведение, при котором студент стремится уйти от формализма и трудностей учебного процесса, где получение профессиональных навыков посредством вовлечения в научную деятельность становится для студента монотонным процессом, не позволяющим реализовать его творческий потенциал. В данном случае он сознательно отдает предпочтение внеучебной активности с широкой свободой действий.

Еще одной стратегией выступает сознательное игнорирование учебного процесса как неактуальной формы освоения будущей профессии. Здесь студент, даже только поступив в учебное заведение, заранее оказывается негативно настроенным к текущей системе образования и стремится максимально дистанцироваться от любой формы учебной активности. Внеучебная деятельность же остается для него единственным способом найти себя в рамках студенческой среды и не остаться вне коммуникации со сверстниками.

Изучение подобных стратегий уклонения от учебной активности среди студенчества является важным для текущей системы образования в России, в том числе и для разработки оптимальных методов обучения, при которых студенты как будущие специалисты, смогут получить необходимые профессиональные навыки. Отдельное значение приобретает необходимость формирования удовлетворенности обучающихся учебным процессом, позволяющей стимулировать профессиональное и личностное развитие.

*Гребенникова Е.И.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ: ПРИМЕР СУЛТАНАТА ОМАН

На сегодняшний день аравийские монархии являются одними из самых развитых государств Ближнего Востока. Для достижения целей развития национальных экономик эти государства формулируют стратегии качественных изменений в формате «Vision». Стратегические документы аравийских монархий «представляют интерес для изучения перспектив прогрессивной трансформации экономик, зависимых от доходов, получаемых от экспорта сырья»¹.

Одним из первых государств, представивших подобную программу, стал Султанат Оман, который в 1995 году предложил план «Oman 2020: Visions for Oman`s Economy». В документе были обозначены следующие цели: обеспечение экономической стабильности, расширение участия частного сектора в экономике, развитие туризма, повышение качества человеческого капитала, диверсификация экономики и проч.

Программа «Vision Oman 2040», утвержденная в 2020 году, во многом продолжает политику предыдущей стратегии, задачи которой не были полностью выполнены.

¹ Гукасян Г.Л. Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Восточная аналитика. 2017. С. 25.

Среди ключевых аспектов новой программы – обеспечение развития рынка труда, который должен способствовать трудоустройству квалифицированной оманской молодежи. Уделяется внимание повышению роли частного сектора в экономике и созданию сбалансированной конкурентной среды. Также ставится задача формирования устойчивых экосистем для защиты окружающей среды. Султанат обозначил политику декарбонизации: планируется значительно увеличить производство электроэнергии из возобновляемых источников энергии. В программе делается акцент и на продовольственной безопасности, которая предполагает снижение зависимости от импорта сельскохозяйственной продукции¹.

Оман, ставя определенные задачи, предполагает количественное измерение ожидаемых результатов. Так, к 2040 году планируется увеличить нефтяной сектор ВВП более чем на 90%, а реальный рост ВВП должен составлять 5%. Доля задействованных оманцев в частном секторе экономики должна достигать 40%. В программе также обозначены задачи улучшения позиций страны в различных индексах: в глобальном инновационном индексе планируется вхождение страны в топ-20 лидеров рейтинга, в индексе глобальной конкурентоспособности предполагается включение страны в список 10 лидирующих стран, в индексе экологических показателей Султанат также претендует на топ-10, лидирующих стран².

Оман обладает возможностями для развития своей экономики и страны в целом, чему способствуют как географическое положение, влияющее на торгово-экономические связи, так и имеющаяся ресурсная база.

Достижение целей трансформации экономик аравийских монархий, обозначенных в стратегических программах, способны увеличить влияние этих государств Персидского залива как в ближневосточном регионе, так и в мире в целом. Поэтому процесс реализации выдвинутых странами программ заслуживает внимание как исследователей, так и политиков по всему миру.

Литература

1. *Лукасян Г.Л.* Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Восточная аналитика. 2017. С. 25.
2. Электронный ресурс: [وحدة متابعة تنفيذ رؤية عمان 2040 \(oman2040.om\)](http://oman2040.om)
3. Электронный ресурс: [رؤية عمان 2040 \(mem.gov.om\)](http://mem.gov.om)

Григорьевский В.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

КИБЕРПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Проникновение интернета во все секторы и отрасли экономики, увеличение его скорости и появление мобильных устройств, «демократизация» ИКТ-решений для малого и среднего бизнеса привели к активному развитию глобальной цифровой экономики и стимулировали активную политическую деятельность государств и других субъектов мировой политики и глобальной экономики по регулированию интернета, рынка цифровых услуг и обмена технологиями, а также по защите данных.

В связи с этим возникла необходимость изучения нового предметного поля науки о международных отношениях – международные отношения в сфере ИКТ, и были предприняты усилия по концептуализации феномена «киберполитики» (*cyberpolitics*).

¹ Электронный ресурс: [وحدة متابعة تنفيذ رؤية عمان 2040 \(oman2040.om\)](http://oman2040.om)

² Электронный ресурс: [رؤية عمان 2040 \(mem.gov.om\)](http://mem.gov.om)

Автор критически проанализировал 42 определения этого понятия, разработанных разными исследователями с 1998 по 2022 г., классифицировал их и предложил использовать альтернативный подход для осмысления «киберполитики». Для этого была разработана системная модель, позволившая рассмотреть киберполитику масштабно – как многоаспектное и многоуровневое явление – и выделить как ее уже исследованные аспекты, так и выявить потенциальные, а также оценить сложившиеся и разработать перспективные практики многоуровневого управления в сфере ИКТ в условиях все более жесткой международной конкуренции.

Автор предложил назвать этот сложный феномен «комплексной киберполитикой» (*comprehensive cyberpolitics*) по аналогии с «комплексной геополитикой» (*comprehensive geopolitics*, подходом к изучению геополитических пространств и представлений с учетом широкого спектра факторов за пределами традиционной политической географии и политики в категориях силы). Такое название позволяет как очертить рамки исследуемого предмета, так и обеспечить многоаспектность и многоуровневость исследования, а также предложить инструменты прогнозирования динамики мировой киберполитической системы.

Методология исследования построена на системном анализе критериев силы (власти) мировой кибернетической системы. Определена предметная область киберполитики, даны ее ключевые характеристики, выявлены составные части, субъекты, объекты и методы влияния, дифференцированы аспекты анализа, сформулированы задачи прогнозирования, разработана матрица для оценки моделей влияния различных субъектов.

Комплексная киберполитика требует междисциплинарного подхода с учетом научных достижений политологии, информатики и кибернетики. В науке о международных отношениях она представляет собой не только предметное поле, но и метод изучения, объяснения и прогнозирования политического поведения, учитывая такие ресурсы оцениваемой страны или региона, как: технологии ИКТ, топология информационных сетей, человеческий капитал, интеллектуальные и материальные активы.

Комплексная киберполитика также изучает международные институты в сфере ИКТ, формирование международных режимов и многоуровневого управления в сфере регулирования ИКТ, национальное и международное право в киберпространстве, международную экономику, международное информационное влияние, сотрудничество и конфликты в сфере ИКТ. Она также предполагает анализ политического влияния разработок в сфере «глубоких технологий» (*Deep Tech*) – передовых материалов и методов производства, искусственного интеллекта, биотехнологий, блокчейна, робототехники, фотоники, электроники и квантовых вычислений.

Комплексная киберполитика фокусируется на интересах и конкуренции международных субъектов и их политической власти, связанной с киберпространством как в физической, так и в виртуальной среде, что в совокупности формирует мировую киберполитическую систему.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ, киберполитика, системный анализ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ¹

В изучении политики идентичности одной из ключевых особенностей, отличающих российскую научную традицию от западного научного дискурса, является особое внимание к вопросу о субъектах этой политики, в первую очередь – к государству. В западной науке деятельность государства в сфере формирования идентичности (собственно государственная политика идентичности) пока не стала отдельным объектом изучения. На современном этапе можно говорить о возникновении и развитии в отечественной науке особого предметного поля, связанного с изучением государственной политики идентичности.

Можно выделить следующие этапы развития исследований государственной политики идентичности в российской науке:

1. 2010-е годы: начальный этап исследований государственной политики формирования идентичности, преимущественно в контексте отдельных проблем и аспектов идентичности (О.Ю. Малинова, О.А. Митрошенков, И.С. Семенов, и др.). Изучению роли государства в процессах конструирования (формирования) идентичности были посвящены отдельные, в т.ч. и монографические публикации (В.А. Ачкасов);
2. рубеж 2010-2020-х годов: активизация исследований государства как субъекта политики формирования идентичности (Н.А. Баранов, Е.В. Морозова, Л.А. Фадеева, О.В. Попова). Анализ наукометрических баз подтверждает стремительный рост числа научных публикаций по этой теме с 2019 года;
3. 2020-е годы: структурирование исследовательской повестки дня в области изучения государственной политики идентичности.

Рассмотрение идентичности как объекта управленческого воздействия, характерное для отечественных исследований с начала XXI века, можно охарактеризовать в качестве ключевой теоретико-методологической предпосылки для перехода к изучению государственной политики идентичности. Значительным фактором в поддержке развития нового направления исследований стала признание и поддержка со стороны отечественных организаций. В период с 2019 года государственная политика в области формирования идентичности стала предметом трех исследовательских проектов национального уровня, поддержанных отечественными научными фондами. Важный показатель активности развития этого направления исследований – введение в ряде вузов учебных предметов по данной тематике для магистрантов, а также рассмотрение в качестве отдельных изучаемых блоков в курсах по политической идентичности для бакалавров.

Современные геополитические конфликты оказали значительное влияние на исследовательскую повестку дня и в период 2020-х годов вышли на первый план большинства российских публикаций, посвященных государственной политике идентичности. Спецификой российской ситуации является стремление большинства авторов сформулировать рекомендации относительно оптимизации политики государства в сфере формирования идентичности; данный аспект исследований сопряжен с особыми рисками из-за недостаточного развития методологии и обеспечения достоверности научных результатов. На современном этапе сообщество российских исследователей

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта N 123091200068-4 «Государственная политика идентичности в условиях современных геополитических вызовов».

государственной политики идентичности представляет такие научные отрасли, как политология, история, философия, право.

Выделенные три этапа нельзя интерпретировать только в свете «роста вала» публикаций по проблемам политики государства в области формирования государственной или государственно-гражданской идентичности населения; наблюдается явный интерес исследователей государственной политики идентичности к саморефлексии по этой теме, предпринимаются достаточно успешные попытки сравнения научного дискурса и политических практик по указанному направлению. Судя по всему, нельзя говорить о «становлении региональных школ», тем не менее, за последние годы выявлены три устойчивые точки зрения на объект, механизм и сам процесс формирования этой установки массового политического сознания, выявлены государственные и негосударственные субъекты, участвующие в процессе осуществления государственной политики, определены ее приоритетные направления. Формируется позиция ученых по поводу этапов, устойчивости и критериев эффективности государственной политики идентичности. Важным эффектом политических реалий последних двух лет стала разработка не только системы факторов, определяющих цели, характер планирования и осуществления государственной политики идентичности, но и вектора направленности на «посредников-медиаторов», обеспечивающих донесение «необходимых посланий» до целевых групп.

Гуменюк М.С.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ПРОЕКТ «УМНЫЙ ГОРОД» КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН: РИСКИ И БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ

Концепция «умный город» представляет собой зонтичный термин, интегрируя различные понятия можно вывести единое понятие «умный город» – город, с высокой концентрацией человеческого капитала и инноваций, в котором информационно-коммуникационные технологии используются для эффективного функционирования города, повышения качества жизни населения и укрепления конкурентоспособности.

Существуют различные стратегии и модели внедрения проекта «умный город», на сегодняшний день нет единых, строго разработанных стратегий, каждое государство и город подходит к их формированию и развитию индивидуально, в зависимости от целей и ресурсов направленных на цифровизацию городов. Основными актуальными целями создания «умных городов» можно назвать»: повышение качества жизни, экономическая конкурентоспособность и устойчивость городов.

В России в рамках программы «Цифровая экономика» проект «умный город» обозначен как один из трендов, который активно реализуется. Минстроем РФ были определены ключевые принципы развития и цели «умных городов», а также был сформирован перечень муниципальных образований, для реализации пилотных проектов.

Концепция предусматривает трансформацию всей городской среды, исходя из этого при внедрении концепции могут возникнуть барьеры в различных сферах.

Актуальной проблемой выступает феномен «цифрового неравенства», который может привести к исключению части населения из жизни города. Игнорирование цифровой готовности может полностью нивелировать все инициативы в области внедрения «умных» технологий.

Одним из ограничений внедрения проектов может выступать ограниченность региональных и муниципальных бюджетов. Ограниченность региональных бюджетов негативно сказывается прежде всего на технологической модернизации инфраструктуры.

Недостаточный уровень развития инфраструктуры, ограниченность бюджетных ресурсов, низкая инвестиционная привлекательность не позволяют реализовать масштабные проекты и создать «единый контур» города.

Отсутствие собственных технологических решений зачастую выступает значительным барьером. Актуальными для городов являются готовые цифровые решения.

Привлечение частных инвесторов может частично нивелировать данный барьер, однако частный сектор не способен полностью обеспечить предоставление общественных благ, но именно они способствуют ключевой цели «умного города» - повышение качества жизни населения.

Государство, обладая основными ресурсами обеспечивает себе ведущую роль в регуляции инновационной политики. Созданный на федеральном уровне запрос на цифровизацию, имея соответствующий отклик на уровне регионов дает преференции регионам которые хотят продолжать федеральную линию цифровой трансформации.

Отсутствие взаимодействия и скоординированности действий органов федеральной власти, органов региональной власти, органов местного самоуправления, представителей отраслевых направлений, может стать значительным барьером на пути реализации концепции. В политической сфере наблюдается высокий уровень транзакционных издержек между ветвями власти и уровнями власти. От момента создания инициативы, ее нормативного закрепления, подкрепления соответствующим финансированием и апробацией требуются значительные временные затраты.

Внедрение новых технологий сопряжено с опасением бюрократии снижении собственной роли в принятии политических решений. Угроза потери властных ресурсов обуславливает сопротивление элит, и делает подход к технологиям избирательным.

Городская трансформация, в которой граждане выступают «движущей силой», гарантирует решение насущных проблем граждан. В условиях «умных городов» возникает необходимость использования интерактивных форматов взаимодействия государства, бизнеса и граждан в ходе разработки стратегии.

Угрозу безопасности в рамках «умного города» представляет несанкционированный доступ к данным, результатом чего могут быть сбои функционирования. «Умный город» должен получить и поддерживать доверие граждан и соответственно способствовать повышению осведомленности граждан в использовании их личных данные. Наличие вопросов безопасности может стать причиной падения доверия населения: от неприятия государственных инициатив и избегания процедур регулирования до использования новых технологий как инструмента сопротивления государству.

Помимо этого, стандартизированный подход к концепции «умного города» может игнорировать исторический, культурный, социальный и политический опыт, в котором существует городское сообщество.

Важным остается вопрос соответствия стремительно изменяющихся технологий и готовности традиционных систем, в результате дисбаланса, проект «умный город» может остаться «на бумаге» или превратится в «утопичный рай» технократов.

РОЛЬ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА В СПРАВЕДЛИВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В современной системе международных отношений сложился тренд на процессы деглобализации.¹ Система отношений, построенная на взаимодействии международных институтов, заменяется системой коммуникации национальных государств, а международное право теряет свои позиции в пользу реализации национальных интересов, как ключевого фактора в принятии политических решений. Однако стоит понимать, что подобный тренд не появился на пустом месте. Деглобализация как процесс характерен лишь в системе международных отношений в иных сферах деятельности человека и общества сохраняется тенденция на глобализм. Это связано с принципами построения системы отношений между странами. После 1991 года сложилась однополярная модель отношений во главе с США как наибольшей политической, военной и культурной силы. Поэтому в современном мире понятия «глобализация» и «глобализация по-американски» носят тождественный характер, однако это не так².

Процесс деглобализации как общемировой тренд зачастую сводится к отказу от системы американистического мира в пользу широкого участия национальных государств в процессах принятия решений. В свою очередь сама система международных отношений в перспективе должна остаться глобальной с широким участием международных институтов, но без главенства США, как единого геополитического центра.

В системе перехода от однополярного мира в систему многополярного существуют акторы, выступающие за системную трансформацию и против. США являются противниками подобной трансформации. Также союзники по НАТО и ЕС выступают за сохранение сложившейся модели ввиду экономических предпочтений от однополярного мира. Однако большая часть стран Азии, Африки и Южной Америки выступают за постепенный отход от однополярной модели. Особенно активно в процессе трансформации принимают участие страны БРИКС.

Система международных отношений всегда строилась на принципах национальных интересов. Именно для реализации этих интересов и была создана система дипломатии. Однако современный мир основан на праве сильного и принципе «свой-чужой». Однополярная система работает лишь в собственных интересах, интересы иных акторов в ней не учитываются. Несогласных с подобными правилами силовыми методами принуждают следовать общемировой модели. Система многополярного мира в свою очередь формируется на учете интересов всех участников международного процесса и поиска дипломатического компромисса в принятии решений. Поэтому в основе многополярной модели лежат национальные интересы всех участников.

Реализация многополярности в международной системе коснется и других сфер общества. Принципы глобального мира без доминирования затронет в первую очередь систему арбитража. Современные международные арбитражные институты носят ангажированный характер, ввиду чего теряется доверие к данным институтам. В результате большая часть международных участников не воспринимает систему международного права, как букву закона. Схожие процессы происходят и в системе торговли, где сохраняется система «метрополия-колония»³.

¹ Шмидт С.Ф. Деглобализация и ресуверенизация: двойной мегатренд 2010-х / Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. № 26. 2018. С. 5-20.

² Говердовская Е.В., Попов М.Ю., Абдулаева Э.С. Глобализация и тенденции деглобализации мирового сообщества в условиях системного кризиса / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 6. 2020. С. 29-33.

³ Комолов О.О. Деглобализация: новые тренды и вызовы мировой экономики" Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2021. № 18,2 (116). С. 34-47.

Подводя итог, стоит отметить, что современная система глобализации не может быть названа справедливой. Система глобализма строится на удовлетворении национальных интересов страны гегемона, без учета остальных игроков. Однако деглобализация также не является позитивным процессом. Отказ от системы международных институтов и изоляционизм приведет к возрастанию общемировой политической напряженности и дестабилизации среди стран. Поэтому самая эффективная система международных отношений строится на активном участие акторов в политическом процессе, построенном на компромиссном диалоге с целью удовлетворения национальных интересов всех участников международных отношений.

*Гусаров А.С.
(ГУУ, Москва)*

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ В ПОСТРОЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ¹

Проведение научно-исследовательских работ и формирование современных технологий является одним из важнейших факторов, отражающих конкурентоспособность Российской Федерации на международной арене.

В связи с постоянной угрозой суверенитета и национальной безопасности, наблюдается потребность в устойчивом и непрекращающемся развитии, в том числе, в научно-технической сфере. Данное развитие выражено в исследовании внутренних и внешних процессов, а также в формировании необходимых рекомендаций для успешного решения проблем и выстраивании успешной государственной научно-технической политики.

Постоянно нарастающее санкционное давление и изоляционное настроение ряда западноевропейских, а также части североамериканских и азиатских стран, отражаемое, в том числе, в сокращении научно-технологического обмена и массового исхода иностранных коммерческих и некоммерческих компании, обуславливает актуальность данного исследования значения привлечения отечественных экспертов в формировании государственной научно-технической политики. В связи со сложившейся ситуацией, с которой столкнулась Россия, государственным органам власти необходимо проводить поиск путей решения имеющихся проблем в научно-технической сфере и сформулировать направления развития государственной научно-технической политики РФ.

Переходя к разбору понятия «эксперт» стоит сказать, что экспертом является специалист в конкретной профессиональной сфере, обладающий необходимым набором специальных знаний и практическим опытом, проводящий анализ в определенной области и предоставляющий экспертные рекомендации, которые могут быть оформлены в виде экспертного заключения.

В настоящий момент наблюдается определённая потребность со стороны политических институтов в привлечении экспертов к формированию государственной научно-технической политики. Текущая тенденция реализуется посредством создания таких институтов, как общественные советы при исполнительных органах власти, общественные комитеты, а также в организации форумов, конференций и научно-исследовательских проектов.

Роль экспертов, как отмечают отечественные исследователи-политологи, за последнее время значительно выросла, благодаря чему экспертные структуры становятся

¹ Научная работа выполнена в рамках гранта ГУУ (НИР № 1003-23).

одной из основных движущих сил в формировании государственной политики и, таким образом, увеличивают шанс на успешность её реализации.¹

Экспертов можно причислить к полноправным участникам политического процесса, на которых возлагается часть ответственности в успешной реализации представленных рекомендаций.²

Преодоление многих систематических проблем и выстраивание приоритетов государственной научно-технической политики РФ можно охарактеризовать в качестве положительного эффекта взаимодействия государственных органов власти с экспертными структурами. Реализация экспертных рекомендаций в научно-технической сфере способствует заложению фундамента успешного развития научно-технического прогресса в обществе.

Поддержка взаимодействия между государством и экспертным сообществом позволяет совместными усилиями реализовывать поставленные цели и задачи, а также обеспечивать поток инновационных идей и предоставлению актуальных рекомендаций, исходящих от представителей экспертных сообществ.

Гусев К.А.
(ВШПМ СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СПЕЦИФИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

На рубеже XIX-XX веков кризис классического либерализма, идей народовластия, «юридического мировоззрения» был вполне очевиден лишь некоторым либеральным исследователям. В России сторонники либерализма и конституционализма не могли использовать в качестве идеологии марксистские или народнические теории. Сторонники юридического позитивизма не выходили за рамки формально-логической обработки нормативного материала. Социологическая школа права рассматривала лишь реальное действие права в общественной среде. Необходима была антипозитивистская методология, не отождествлявшая право с государственным принуждением. «Не являясь сугубо юридической конструкцией», считает А.В. Поляков, «естественное право в его возрожденном виде представляло собою один из теоретических источников обоснования неолиберализма»³.

Статья Б.А. Кистяковского, вошедшая в «Вехи», содержит либеральные мысли, противостоящие общему духу знаменитого сборника – манифеста консерватизма и смирения. «Правда, справедливость и свобода, - писал в данной статье, решительно названной «В защиту права», Кистяковский, - составляют содержание права в их внешних, относительных, обусловленных общественной средой формах. Но внутренняя, более безотносительная духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней; последняя есть самая лучшая школа для первой»⁴. Не вина, а беда русского конституционализма состоит в том, что не воплотился в жизнь этот правовой идеал: сначала – позитивные гарантии как воплощение принципов естественного права, а затем – рост и развитие духовной свободы, в том числе – правосознания, каждой личности и всего народа.

¹ Долженко Р.А., Долженко С.Б. Профессиональные экспертные сообщества и их роль в решении социально-экономических задач // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2019. № 3. С. 78-87.

² Глухова Е.А. Практики интеграции экспертного знания в процесс принятия решений в рамках института Уполномоченного по правам человека // Полит. наука. 2015. № 3. С. 267-275.

³ См.: Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России (критический анализ основных концепций). Автореф. ... к.ю.н. / А.В. Поляков. - Л., 1987, - С. 1.

⁴ Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский. - СПб, 1998. - С. 377

Государство в России могло бы «сверху» сделать решительные шаги по формированию основ гражданского общества.

Историческим прецедентом подобного развития, на что указывает в своей статье из сборника «Вехи» Кистяковский, были реформы Александра II. Либерализм, то есть признание приоритета личности над любым союзом, в том числе, государственным, исповедовал принципы компромисса и эволюционного развития в противовес революционному или государственному насилию.

Последовательный сторонник возрождения естественного права В.М. Гессен указывает на то, что в эпохи социальной и правовой нестабильности возрастает роль правоприменения, которое может быть либеральным и способствовать прогрессивным переменам. Когда судья и администратор в силу неразработанности, противоречивости или нестабильности позитивных норм должны выступать в роли законодателя, им следует руководствоваться «идеальными требованиями естественного права»¹.

В западной философии и социологии, по словам И.Д. Осипова, «противопоставление морали и права теоретически обосновало «неизбежный дуализм» государства и гражданского общества». А «в русской философии, отстаивающей необходимость ограничения политики и права нравственными нормами, выражена глубокая мысль о наличии ценностных оснований права, обусловленных историко-культурными условиями бытия народов»².

П.И. Новгородцев решительно преодолевает неприемлемую для общечеловеческих идеалов современной цивилизации мысль об отказе от права и демократических институтов как основ государственной системы. Выход заключается в освобождении от иллюзий о возможностях государства. Государство не может быть венцом общественного развития. Но, при этом, минимизация роли государства ведет к не меньшим общественным потрясениям. Не отбрасывая вековой опыт политической и правовой культуры, необходимо преобразовать либеральное учение в соответствии с новыми реалиями.

Государство должно включаться в те сферы, которые классические либеральные доктрины выводят за сферу государственного воздействия. Исходя из приоритета прав и свобод человека, государство переходит на новую стадию, становится социальным по своей сущности и направленности. Полемизируя с Марксом, Новгородцев отмечает: «... правовое государство оказалось в силах разбить старые публично-правовые связи, основанные на привилегиях, почему не было бы у него возможности установить новые публично-правовые ограничения частного произвола, и уже не в виде привилегий, а на почве общего и единого для всех права»³.

«Социальное государство теоретиков социального либерализма начала XX века ... – подчеркивает Осипов, - было государством Правды, Справедливости и Солидарности и в некотором смысле уже неполитическим государством»⁴.

¹ См.: Гессен В.М. Возрождение естественного права / В.М. Гессен. – СПб, 1902 – С. 11

² См.: Осипов И.Д. Проблема нравственно-правового разума в русской философии / И.Д. Осипов // Вестник СПбГУ, 1999. Сер.6, вып. 4 (№ 27). СС. 43, 51

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М., 1991. – С. 278.

⁴ Осипов И.Д. Философия русского либерализма (XIX – начало XX века) / И.Д. Осипов. – СПб: СПбУ, 1996. – С. 124.

ГЛОБАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: НОВАЯ УТОПИЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?¹

С началом двадцать первого века в политико-философском дискурсе возникли новые серьезные политические вызовы, связанные с трудностями осмысления и интерпретации некоторых из наиболее устойчивых дилемм социальной власти и политического господства. Крах коммунизма и окончание «холодной войны» сопровождались весьма воинственными заявлениями относительно «окончательной победы» либеральных ценностей и институтов в глобализирующемся мире. При этом во многих либеральных демократиях продолжали углубляться такие серьезные проблемы как классовые и расовые конфликты, упадок городов, кризис политической легитимности неолиберальных режимов и многие др.

Важным симптомом перманентной кризисной ситуации становятся радикально новые трактовки идеи справедливости в глобальном контексте, включая философские, этические, социологические, политические, культурно-антропологические и психологические ее аспекты. Нередко данные трактовки приобретают откровенно утопический характер. Представление о том, что цивилизованные общества постоянно балансируют между радикально противопоставленными друг другу альтернативами – реальными и иллюзорными - восходит к эпохе раннего модерна, когда Томас Мор опубликовал свою «золотую книжечку»². В новых условиях глобализации неожиданно приобретает особую актуальность афоризм Жана Бодрийяра: «... Утопия – это амбивалентность, пересекающая любой порядок, любой институт, любую рациональность – даже “революционную” ее разновидность – любую позитивность, каковой бы она ни была»³.

В современной политической философии понятие «справедливость» можно изучать с разных теоретических позиций, которые нередко сводятся к двум следующим альтернативам. Одна из них состоит в том, чтобы принять справедливость как объективную истину и рассуждать о том, что является справедливым в объективном смысле. Вторая позиция рассматривает справедливость как субъективную концепцию, влияющую на человеческие эмоции, убеждения и поведение. В этом контексте справедливость является социально сконструированной идеей и может служить важным мотивом социального поведения. Социальные психологи изучают справедливость с этой последней, субъективной точки зрения. Они рассматривают понятие справедливости как общественный феномен, способный оказывать в субъективном плане мощное воздействие на человеческие поступки. Центральные вопросы «социальной психологии справедливости» включают в себя условия, при которых последняя рассматривается как важный фактор человеческого взаимодействия⁴.

В контексте обозначенной выше дилеммы основные проблемы «глобальной справедливости», как правило, проявляются в многообразных попытках теоретического

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1023042500308-8-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² См.: Hogan S. *Other Englands: Utopia, Capital, and Empire in an Age of Transition*. Stanford, California: Stanford University Press, 2018; Featherstone M. *Planet Utopia: Utopia, Dystopia, and Globalisation*. London; New York: Routledge, 2017.

³ *The Uncollected Baudrillard*. Ed. by G. Genosko. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd. 2001. p. 59.

⁴ См.: Vernon R. *Cosmopolitan Regard: Political Membership and Global Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

решения следующих вопросов: Какие требования предъявляет «распределительная справедливость» на глобальном уровне? Почему необходимо защищать права человека? Почему мы должны (или не должны) жить вместе в государствах, а не в какой-то другой форме политической организации? Какие обязательства несет нынешнее поколение людей по отношению к последующим поколениям? и др.¹ По весьма точному замечанию Матиаса Риссе, трактовки данных вопросов в наши дни постоянно стимулируют возникновение «крупномасштабных утопий», которые предусматривают слабо обоснованное в теоретическом плане перепроектирование глобальной политической системы, в результате которого институт государства оказывается «попросту отброшенным»².

Давыдова М.А.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПРОЦЕССЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2023 г.

Выборы в 2023 г. в России проходили в условиях реализации специальной военной операции, усилившегося внешнего информационного давления, попытках оппозиционных структур поставить под сомнение легитимность российских выборов, а также в контексте приближающегося важнейшего президентского электорального цикла 2024 г. Основной целью неконвенциональных акторов в рамках ЕДГ-2023 стала делегитимация выборов. В этой связи актуализируется вопрос о триггерах, акторах и технологиях, использованных для делегитимации электоральной кампании 2023 г. в социальных медиа.

Методика исследования строилась на комбинации когнитивного картирования и дискурс-анализа. Датасет когнитивного картирования составил 400 публикаций.

Результаты исследования продемонстрировали, что в отличие от предыдущих электоральных кампаний 2021-2022 гг. триггеры, связанные с выборами, активно развернулись за несколько недель до единого дня голосования. В ходе кампаний 2021-2022 гг. электоральные триггеры в протестных информационных потоках активно циркулировали, начиная с официального старта предвыборной гонки. Фактически, можно говорить о меньшем концентрации дискурсов в протестных информационных потоках на теме выборов 2023 г.

Ключевые электоральные дискурсы протестных информационных потоков фактически не меняются: массовые фальсификации, нелегитимность, отсутствие независимых кандидатов, недоверие системе голосования. Кроме того, параллельно электоральным дискурсам распространяются дискурсы, нацеленные на делегитимацию специальной военной операции, органов государственной власти, судебных решений, реализации внутренней политики.

Особенностью протестных информационных потоков об электоральной кампании 2023 г. стала локализация исключительно в цифровом пространстве. Действия в реальном пространстве по делегитимации выборов предприняты не были, что во многом связано с отъездом из страны крупных протестных акторов.

Ключевыми источниками дискурсов, осуществляющих делегитимацию выборов 2023 г., стали протестно-оппозиционные сообщества, которые на постоянной основе распространяли информационные потоки, связанные с текущей российской действительностью, причем сообщества как федерального, так и регионального уровня.

¹ См.: Risse M. *Global Political Philosophy*. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2012; см. также: *New Waves in Global Justice*. Ed. by Thom Brooks. New York: Palgrave Macmillan, 2014. p. 48 sq.; *New Waves in Ethics*. Ed. by Thom Brooks. New York: Palgrave Macmillan, 2011. p. 2, 222-224.

² Risse M. *On Global Justice*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2012. p. 317.

Распространение триггеров и дискурсов, нацеленных на делегитимацию выборов в 2023 г. осуществлялось посредством различных манипулятивных приемов и технологий, среди которых эмоциональная стереотипизация, ценностное подчинение, приемы «заражения»¹, которые в отношении пользователей уже вовлеченных в протестные информационные потоки, позволили подкрепить сформированное недовольство выборами и в целом политической ситуацией, а в отношении новых пользователей, которые первично взаимодействовали с данными потоками, позволили сформировать сомнения, которые потенциально были нацелены на дальнейшее включение в протестные информационные потоки данных пользователей.

Подводя итог, можно отметить отсутствие принципиально новых схем в протестных информационных потоках по делегитимации выборов. В текущих условиях выявлен значительно меньший объем сообщений, связанных непосредственно с делегитимацией электоральных процессов. В рамках протестных информационных потоков выборы 2023 г. стали одной из тем-триггеров, которая дополнила триггеры, связанные с СВО и внутренней политикой.

Давыдова М.А.
(МГИМО МИД России, Москва)

ВЛИЯНИЕ ПРОДВИЖЕНИЯ КИТАЕМ СВОИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

За последние годы увеличилось экономическое влияние Китая в странах Центральной Азии. Рост товарооборота между Китаем и государствами Центральной Азии, а также увеличение притока китайских инвестиций в эти страны происходит постепенно, начиная с распада СССР. Импульсом к усилению сотрудничества послужил проект «Одного пояса-одного пути», предполагающий строительство транспортной инфраструктуры, и соответственно, реализацию совместных экономических проектов между странами. Китай при взаимодействии со своими партнерами декларирует отказ от вмешательства в их внутренние дела, то есть отказ от применения жесткой силы. Экономическая сила является основным рычагом влияния Китая в данном регионе, поскольку воздействие посредством мягкой силы ограничено действиями других акторов в регионе: Россией, с которой у стран Центральной Азии существуют тесные исторические связи, Турцией, апеллирующей к общности тюркского происхождения, США. Вместо этого Китай влияет на политические элиты и население стран Центральной Азии посредством экономической силы. Экономическая сила проявляется в виде усиления экономического присутствия Китая, а именно увеличения числа китайских компаний в государствах Центральной Азии, росте внешнего долга этих стран перед Китаем и, следовательно, заключении новых контрактов с Китаем с целью погашения этого долга или же передаче Китаю национальных предприятий. Таким образом, итогом применения экономической силы становится то, что экономики государств Центральной Азии не смогут функционировать или без притока китайских инвестиций, ресурсов и кадров, или без торговли с Китаем, являющимся основным поставщиком или потребителем какого-либо товара.

Влияние экономической силы на политические элиты стран Центральной Азии проявляется в разной степени. Больше всего ему подвержены Киргизия и Таджикистан, вынужденные погашать свой внешний долг путем привлечения все новых инвестиций из Китая. Казахстан, как наиболее экономически развитая страна Центральной Азии, занимает

¹ Домбровская А.Ю., Огнев А.С., Давыдова М.А., Кащенко Т.Л. Технологии и приемы ценностного воздействия на российских пользователей в региональных сетях социального недовольства // Власть. 2022. №4. С. 37-42.

лидирующие позиции в регионе и является достаточно крупным игроком на международной арене, имеющим больше возможностей для привлечения ресурсов от различных акторов и диверсификации своей внешнеэкономической деятельности. Политические элиты Узбекистана, придерживающиеся принципа неучастия в блоках, также стремятся к разностороннему внешнеэкономическому сотрудничеству с целью недопущения преобладания экономического влияния какого-либо из партнеров и становления Узбекистана новым региональным лидером. Туркменистан из всех стран Центральной Азии является наиболее закрытой и сложной для анализа страной. Политические элиты Туркмении также стремятся ограничить нарастание одностороннего экономического влияния своих партнеров в стране, однако ввиду недиверсифицированного экспорта страны и отсутствия перспективных альтернатив для расширения экономического сотрудничества, может произойти усиление экономической зависимости страны от Китая, в том числе и в связи с планируемыми проектами в рамках «Одного пояса-одного пути».

Что касается влияния экономической силы Китая на общества стран Центральной Азии, то протестные антикитайские настроения наблюдаются в Казахстане и Киргизии, что обусловлено во-первых непосредственной близостью с Китаем, в отличие от Узбекистана и Туркмении, и, следовательно, большими миграционными потоками, во-вторых, преобладанием китайских компаний в различных отраслях экономики, а в-третьих, более свободными политическими режимами в этих государствах, что делает существование подобных протестных настроений возможным, в отличие от более закрытых режимов Таджикистана и Туркмении.

Таким образом, экономическая сила Китая не оказывает влияния на режимные трансформации в странах Центральной Азии, но влияет на принятие элитами внешнеполитических и экономических решений. Страны Центральной Азии, находясь между Россией, Китаем и Западом склонны балансировать с целью обеспечения внутривнутриполитической стабильности и пытаться сочетать свои выгоды от сотрудничества с нежеланием попасть под влияние кого бы то ни было. Центральная Азия является конкурентным полем, где Китай обладает ограниченными рычагами влияния в виде использования экономической силы, однако с точки зрения концепции экономической силы такой монополии из-за действия других акторов у Китая нет. Единственным способом воздействия на элиты стран Центральной Азии является экономическая сила, но элиты стран Центральной Азии стремятся играть независимую роль на международной арене и развивать многостороннее экономическое сотрудничество.

Данилова Е.А.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, ТГУ, Томск)

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В ситуации острого геополитического разлома для России остро актуален вопрос странового политического позиционирования. На этапе разворачивания информационной войны в 2022 году на фоне проведения специальной военной операции России на Украине Российская Федерация столкнулась с жестким вызовом в виде мощной антироссийской информационной кампании, основанной на фейковой, ложной информации, но благодаря ее систематичности и «верификации» за счет доверия целевых групп прозападной линии, оказалась эффективной в своем влиянии как на украинские прозападные и иностранные западные аудитории, так и на российские прозападные аудитории, т.н. формирование «пятой колонны» с целью разобщения российского общества в сложное время. Это требует принципиального пересмотра информационной стратегии России для перелома ситуации в свою пользу.

В условиях глобального информационного общества и «гибридных» войн важное значение имеет развитие коммуникационной стратегии в русле тематики значимости темы национальной обороны и безопасности, позиционирование оборонной отрасли, конструирование символических смыслов в данном тематическом поле для наращивания геополитического потенциала Российской Федерации, активизации пророссийского начала в рамках борьбы с фальсификацией истории и ее пересмотра в зарубежных странах и консолидации российской нации на базе общей национальной идеи. Перед государством стоит задача отражения информационных атак и создания зеркальной коммуникационной стратегии по формированию имиджа России, в традиционных каналах и в социальных медиа, в том числе через лидеров мнений и с использованием современных PR-технологий. На фоне острой геополитической борьбы упущение информационного преимущества недопустимо и требует продуманного подхода к страновой имиджевой коммуникации.

Страновое политическое позиционирование реализуется во внутреннем и внешнем направлениях, тесно связанных друг с другом. Убедительное политическое позиционирование страны для внутренних и внешних целевых аудиторий может быть достигнуто только за счет системной коммуникационной стратегии, включающей выверенный арсенал современных технологий политического PR, в том числе в пространстве социальных медиа, - для эффективного взаимодействия с целевыми аудиториями, включая молодежные и/или протестные группы. Внутренняя коммуникация может быть выстроена по принципу сплачивания против угрозы «внешнего врага», консолидации российского общества, формирования национально-государственной идентичности, укрепления «русскости» перед лицом внешней угрозы. Внешняя коммуникация должна включать отражение информационных атак и укрепления связей с незападными странами, в том числе в блоковом формате. Внешняя PR-стратегия позиционирования РФ должна быть таргетированной, в отношении стран Запада – борьба с инфобросами и попытками «раскачать» внутреннюю политическую обстановку; в отношении иных международных партнеров – расширять ареал геополитического внимания, захватывая перспективные направления и работать на формирование устойчивого имиджа России как надежного и сильного партнера.

Цифровая дипломатия в новую эру глобальной коммуникации является моделью влияния через отношения внутри социальных сетей, а национальный брендинг стал новым трендом публичной дипломатии и странового позиционирования. В целом, появление новых каналов и форматов коммуникаций обуславливают необходимость их активного применения в стратегии государственного позиционирования. Внутренняя PR-стратегия позиционирования должна быть выстроена с учетом социального запроса на улучшение качества жизни населения, системной коммуникации с гражданами с использованием традиционных и новых технологий, в том числе активная реализация молодежной политики и ее коммуникационное сопровождение. Безусловно, ключевое и определяющее значение будет иметь сам ход и результаты военной операции на Украине, однако, поддержка информационной стратегии в ее адрес будет уместна и своевременна как для внешних аудиторий в целях укрепления международного позиционирования России, так и для внутренней консолидации российского общества перед лицом внешних вызовов и угроз.

ДИСКУРСИВНЫЙ КОНСТРУКТ МЕССЕДЖА В АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Дискурс формирует социально-политическую идентичность в обществе, а политическая агитация и пропаганда, в свою очередь, выступает инструментом формирования альтернативного дискурса в противовес доминирующему в данном информационном пространстве – локальной среде электорального цикла.

Политическая агитация формирует дискурсивный конструкт, который можно определить как систему вербальных и невербальных смыслов, выраженных в текстах и образах, транслирующих политические месседжи для влияния на целевую аудиторию создавая и фиксируя целостный образ политической реальности. Наиболее цельным такой конструкт делает его масс-медийное распространение в новых медиа, так как аудитория может не только воспринимать контент, транслируемый политическими акторами, но и солидаризироваться с ним, используя инструменты обратной связи, или самостоятельно распространять его, увеличивая круг сторонников среди неопределившихся.

Месседж АПМ используется для формирования дискурсивного конструкта, тем самым выступая более полной и целостной характеристикой позиции политического актора в данном электоральном цикле, чем его дискурс вне данного цикла. Следовательно, масс-медийный месседж в АПК является набором транслируемых базовых ценностей, определяющих позиции политического актора по широкому кругу проблем в рамках организации информационной кампании в период электорального цикла.

Виды месседжа в АПК, создаваемого в масс-медийном политическом дискурсе.

Наибольшее распространение, безусловно, получает месседж, актуализирующий негативную повестку. В данном случае под негативом стоит понимать актуализацию проблем и сложностей, существующих и являющихся значимыми для целевой аудитории политического актора. Чаще всего такие проблемы связаны с социальным неблагополучием, вопросами инфраструктуры, которым придается субъектность, и они приобретают образ врага, борьба с которым является целью политического актора в период агитации. Примером такого конструкта может являться формула *«мы должны победить/преодолеть, я обещаю, что смогу искоренить/разобраться»*, далее актор вставляет существительное, определяющее образ *врага - плохие дороги, бедность, проблемы в ЖКХ и т.д.* Негативная повестка также может приобретать форму борьбы с гонениями на определённую социальную группу, борьбы за их права. Так как в данном случае актор формирует у электората понимание, что эти проблемы действительно были, они значимы и действующий правящий класс не в состоянии их устранить.

В противовес АПК на негатив можно говорить о формировании в масс-медийном дискурсе месседжа на позитивные преобразования, структурные изменения и обещание социальных благ. В данном случае эксплуатируется важный для электората месседж, формирующий образ будущего в контексте его потребностей. Примером такого конструкта может являться формула *«со мной мы создадим / вы получите /вы заслуживаете»* и далее актор предлагает образ будущего, чаще всего связанный также с объектами инфраструктуры, ценностями и т.д. Другим примером использования данного месседжа является пролонгация своей работы – *«за предыдущий период удалось достичь ... и дальше мы продолжим работать в данном направлении»*.

Если актор выстраивает свою коммуникативную стратегию на харизматическом типе легитимности, то чаще всего базовым сюжетом его масс-медийного дискурсивного конструкта является месседж, построенный на контрасте, то есть не в контексте «было-стало», а в контексте текущей социально-политической ситуации. Примером такого конструкта может являться формула *«Я знаю, кто виноват в ваших бедах, и вам расскажу»*

либо «Мы представляем ту политическую силу, которая выражает твои интересы». Данный конструкт нацелен в том числе и на мобилизацию неопределившихся или разочаровавшихся в текущем политическом процессе.

Наиболее слабым, но не менее распространенным месседжем, используемым акторами при формировании АПМ в масс-медийном политическом дискурсе, является конструкт, выражающий принадлежность актора к «авторитету», особенно если он избирается по пропорциональной системе. Данный конструкт обладает минимумом вербальной нагрузки за исключением цитат, лозунгов, принадлежащих «авторитету», с которым солидаризируется кандидат и максимумом невербальной нагрузки, связанной с символами и образами, в которых электорат должен узнать «авторитета» и его «атрибуты».

Таким образом, дискурсивный конструкт месседжа АПК является неотъемлемой частью электоральной кампании. Приведенные примеры, транслируемые в масс-медийном пространстве, чаще всего не используются в чистом виде, но в зависимости от стратегии кампании кандидата может быть доминирующий тип.

Литература

1. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – Litres, 2022.

*Девочкина А.С.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Современная система рекрутирования политических лидеров постоянно трансформируется, используя различные методы выявления и встраивания лидерского потенциала молодежи в политическую систему России. Государственная молодежная политика выступает как связующий механизм между политической элитой и молодежью, имеющей запрос на политическую самореализацию, выраженный в систематическом участии в политических программах и проектах.

Актуализация современных вызовов и угроз в российской действительности требует решения оперативных и тактических задач, наряду с которыми отдельно выделяются стратегические решения в области государственного регулирования и управления. Стратегический ракурс рассмотрения будущего России напрямую зависит от молодежи как социально-активного, обладающего новаторским взглядом и нравом поколения, трансформирующего действительность, поэтому молодежная политика становится основным объектом формирования и реализации государственных интересов.

Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) является главным органом, реализующим государственную молодежную политику на федеральном уровне по ключевым направлениям деятельности: воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций; организация досуга, отдыха, оздоровления молодежи; поддержка молодых семей и различных групп молодежи; развитие института наставничества; поддержка деятельности молодежных общественных объединений, обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи; предупреждение правонарушений и антиобщественных действий молодежи и др.. Рассматривая социализирующую, регулятивную и управленческую функцию молодежной политики на федеральном и региональном уровне, встает вопрос об изучении роли молодежной политики как канала рекрутирования политических лидеров, механизма обновления

политической элиты России. Исследование роли и функций молодежной политики в политической системе России, также включает в себя вопрос об эффективности данной системы.

В 2022-2023 гг. нами было проведено исследование, направленное на изучение роли молодежной политики в системе рекрутирования политических лидеров в современной России, в рамках которого было взято 20 экспертных интервью, а также проведен анализ каналов, механизмов, и технологий системы рекрутирования. Гайд интервью был разработан на основе политико-психологического подхода с применением ассоциативных техник и метода неоконченных предложений. Основными гипотезами выступили предположения о том, что молодежная политика выступает как эффективный механизм формирования лидеров для дальнейшего встраивания в политическую систему России. Победа молодежных лидеров в конкурсах и проектах, направленных на выявление лидерского потенциала, вносит весомый вклад в профессиональное становление и является инструментом самореализации личности.

Результаты исследования показали, что эксперты рассматривают сферу молодежной политики как бассейн формирования политических лидеров, благодаря которому происходит комплексный отбор талантливых управленцев из среды молодежных проектов в крупные государственные структуры и организации. Большинство экспертов отмечают необходимость системного формирования и развития молодежного политического лидерства в современной России в качестве обновления управленческих кадров, вовлечения молодежи в общественные процессы. У российских элит наблюдается запрос на то, чтобы молодежные политические лидеры “возглавили” российскую молодежь: «Сейчас молодежная политика действительно находится на стадии активного роста и включения в этот процесс российских элит, но молодежное политическое лидерство все равно сейчас находится на этапе создания, консолидации и институционализации, на этапе своего становления» (муж., канд. наук); «Органы власти осознали потребность и власть начинает смотреть в сторону поддержки молодежи, встраивания различных социальных лифтов и т.д.» (муж., докт. наук).

Победу в конкурсах и проектах, направленных на выявление лидеров из сферы молодежной политики, большинство экспертов рассматривают как механизм трамплина для будущей карьеры, где лидеры сначала смогут попасть в бассейн рекрутирования, а уже затем проявить свой потенциал на ступенях высшей иерархии: «Большинство, попадая в эту систему, быстро понимают, что из молодежной нужно быстро перебираться в обычную, «взрослую» политику» (жен., исполнительная власть).

Среди крупнейших каналов рекрутирования политических лидеров из сферы молодежной политики были выделены молодежные крылья политических партий, молодежные некоммерческие организации, молодежные парламенты и правительства, всероссийские проекты неполитической направленности.

Таким образом, эксперты оценивают существующую систему рекрутирования молодежных политических лидеров как предоставляющую личностные и профессиональные возможности для развития лидерского потенциала молодежи в современной политической системе, но в то же время, отмечают несистематическую работу молодежной политики как механизма встраивания молодого поколения в будущую элиту России.

О МЕСТЕ КОРПОРАТИВНОГО ЛОББИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОТРАСЛЕВОГО ЛОББИЗМА

В современной специальной литературе, как отечественной (С.П. Перегудов, П.А. Каневский, А.В. Павроз, и др.), так и зарубежной (Ф. Баумгартнер, П. Друтман, Д. Харт, и др.) нередко обсуждаются актуальные вопросы, связанные с местом и ролью лоббирования корпораций в отраслевом лоббизме, то есть функциональной системе представительства интересов в рамках той или иной отдельной отрасли публично-государственной политики (строительной, фармацевтической, и т.п.). И в подобной отраслевой сети и системе лоббизма обычно участвуют такие стейкхолдеры и агенты представления социально-экономических интересов, как отдельные крупные корпорации (их топ-менеджеры и GR-подразделения), секторальные деловые ассоциации, многопрофильные консалтинговые фирмы, а также профессиональные союзы, НКО и локальные сообщества граждан, и др.

При этом недостаточно отчетливо пока ещё различаются сами фундаментальные понятия «лоббизм» и «лоббирование», а также их соотношение с прикладной категорией GR-менеджмента. К примеру, профессор Гарвардского университета Д. Харт по данному поводу утверждает, что увлечение широкими и макро-институциональными абстракциями типа «групп интересов» не способствует конкретно-эмпирическому изучению роли отдельных крупных компаний в системе национальных отраслей функционального представительства, и их нужно заменить микро-бихевиоралистской теорией фирмы¹. Но на наш взгляд, «абстрактные» макро-теории групп интересов просто должны быть адекватно дополнены «конкретными» микро-концептами корпоративного лоббирования и прикладного GR-менеджмента (например, концепцией «corporate political activity / CPA»).

На фоне ныне привычных категорий лоббирования (микропроцессы) и лоббизма (макропроцессы), обычно понимаемых большинством политологов как «исконно политологическая» проблематика, и как разновидность политического поведения и элемент политической системы, отечественным специалистам по GR-менеджменту приходится пока все ещё доказывать свою политологическую идентичность и цеховую аутентичность. И тут вероятно, требуется несколько развести данные субъект-объектные взаимодействия по самим предметным полям разделов «мета-лоббистской» сферы современной политологии (см.: табл.).

Таблица

**Взаимоотношение фундаментальных и прикладных исследований
в «мета-лоббистской» сфере политологии**

Типы ----- Компоненты	Фундаментальные (макро-анализ)	Фундаментальные (микроанализ)	Прикладные (микро-макро- синтез)
Объект исследования	Лоббизм	Лоббирование	GR-менеджмент
Субдисциплина (раздел политологии)	Теория политической системы и процесса	Теория политической активности, (деятельности и поведения)	Политический менеджмент, корпоративная публичная политика, НГО менеджмент

¹ Hart D. «Business» is Not an Interest Group: On the Study of Companies in American National Politics // Annual Review of Political Science. 2004. Vol. 7. P. 49

Типы ----- Компоненты	Фундаментальные (макро-анализ)	Фундаментальные (микроанализ)	Прикладные (микро-макро- синтез)
Базовые уровни (пространственно- временной континуум)	Макропроцессы представительства, системного взаимодействия агентов власти и влияния	Микропроцессы представления и продвижения интересов в ходе осуществления влияния	Практические способы микро-макро- конвертации (конверсии и инверсии) влияния
Доминирующие агенты взаимодействия	Институты системы представительства и отраслевые сети публичной политики	Индивидуально- групповые (субъекты и объекты) агенты представления и продвижения	Профессиональные менеджеры как микро- представители интересов и агенты продвижения в рамках макросистемы представительства
Вектор субъект- объектного взаимодействия «агент-структура»	Объективация функционирования целостной системы представительства интересов	Субъективация активности агентов представления как носителей интересов	Управление субъективной активностью агентов представления и продвижения в целостной и объективированной системе представительства
Учет соотношения правовых, этических и политических принципов и норм	Комбинация формально-правовых и неформальных институтов и нормативных кодексов	Использование всей совокупности формально- легальных и неформальных способов влияния и давления	Использование легальных форм и методов осуществления влияния на основе правовых и этических норм

В итоге, можно предпринять попытку предложить следующее синтетическое соотношение содержания понятий внутри исходного блока данных базовых категорий. *Лоббизм* — это макро-политическая система функционального представительства социальных интересов, которая формируется на основе осуществления влияния и давления совокупности негосударственных групп интересов, и при этом входит в состав политической системы всего общества, наряду с его избирательной и партийной системами. В отличие от этого верхнего уровня, *лоббирование* представляет собой уже низовую микрополитическую активность, деятельность и поведение отдельных негосударственных агентов по представлению и продвижению их партикулярных интересов, при помощи способов осуществления влияния и давления индивидуально-групповых акторов на центры и лиц, принимающих государственные решения.

А вот собственно корпоративный *GR-менеджмент*, содержит уже практически-прикладную компоненту, стратегию и тактику управления «субъективированной» политической активностью негосударственных агентов для представления и продвижения их интересов в рамках целостной и объективированной системы представительства интересов.

СМИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МЕЖДУ «ЗАКРЕПЛЕНИЕМ» И ВЛИЯНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТУГАНАЙЛАР»)

Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения в настоящее время у большинства исследователей не вызывает сомнений. Однако, во второй половине 20 века стали появляться мнения, что роль СМИ в значительной мере преувеличена. В частности, с такой идеей выступил Джозеф Клаппер. При описании влияния СМИ на общественное мнение он использовал термин «подкрепление» (reinforcement). Под этим учёный понимал, что СМИ используются чтобы укрепить существующие мнения в обществе, а не для того, чтобы изменять мнения людей¹. Тем самым СМИ доставалась роль проводника между установкой и действием. Это означает, что, хоть по мнению Дж. Клаппера, функционал у СМИ значительно ограничен, но они могут усиливать общественное мнение, закреплять его на уровне сознания и тем самым стимулировать к действиям.

Современные исследования это доказывают. Так, например, Л. Мертел отмечает, что сейчас люди могут подбирать источники информации «под себя», тем самым осуществляя контроль над тем с какой информацией они знакомятся². Теперь отслеживание новостей из-за обилия информационных источников стало целенаправленным и избирательным.

Тем самым складывается двойственная ситуация: с одной стороны, никто не будет утверждать, что СМИ не играет важной роли в формировании общественного сознания, с другой стороны, эта роль оказывается далеко не первостепенной, так как накладывается на уже существующие установки, стереотипы и паттерны поведения в обществе. Таким образом получается, что СМИ как просто источник информации сильно ограничен в воздействии на общество, но СМИ может быть ещё и использовано как политический инструмент с заранее чётко заданными целями.

Эмпирической базой исследования стала кряшенская газета «Туганайлар»³. И были сделаны некоторые выводы:

1. СМИ не могут «создать» идентичность социальной группы (в данном случае, этнической) с чистого листа, а лишь укрепляют существующие мнения в обществе, а не изменяет мнения людей. Однако, для успешного «подкрепления» нужны этнически-значимые символы, которые ведут к становлению устойчивого этнического самосознания.
2. На основании использования этнически-значимых символов СМИ (на примере газеты «Туганайлар») был выделен ряд моделей: «модель идентификации», «модель соотнесения» и «модель мобилизации». Отличаются они использованием разных символов и нацеленностью либо на формирование личного самосознания, или на формирование границ групповой идентичности, или порождают дискуссию и мобилизуют сообщество соответственно.
3. В исследовании была выявлена корреляция между постами в газете «Туганайлар», связанных с этнически-значимыми символами за 2018-2022 года и моделями «идентификации», «соотнесения» и «мобилизации».
4. Лидирующей моделью в практике газеты «Туганайлар» является модель идентификации. Второй по значимости является модель мобилизации. В меньшей степени, чем предыдущие две модели, проявляется модель «соотнесения».

¹ Gitlin T. Media Sociology: The Dominant Paradigm // Theory and Society. 1978. Vol.6, Issue 2. P. 206.

² Merten L. Block, Hide or Follow—Personal News Curation Practices on Social Media // Digital Journalism. 2021. Vol 9, Issue 8. P. 1019.

³ Денисов А.Е. СМИ и этнически значимые символы: между закреплением и влиянием (на примере кряшенской газеты «Туганайлар») // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 68–85.

5. На основании частоты использования моделей в газете «Туганайлар» можно говорить о потенциальном влиянии на кряшенское население. Опираясь на корреляционный анализ моделей с высокой степенью взаимосвязи родственных этнически-значимых символов, можно предположить и прямо пропорционально возрастающее потенциальное влияние: модель идентификации и мобилизации (корреляция 98,39 %), модель идентификации и соотнесения (97,04 %) и модель соотнесения и мобилизации (93,55 %).
6. С помощью примеров из жизни кряшенского сообщества было показано, что этнические СМИ ограничены во влиянии на национальное движение. Они могут лишь «подкреплять» с помощью этнически-значимых символов те нарративы, которые уже присутствуют в сообществе.

Дергачева В.Е.
(АлтГУ, Барнаул)

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ «МОНУМЕНТАЛЬНОЙ» ПОЛИТИКИ США ОТНОСИТЕЛЬНО ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ

Одну из основных особенностей увековечивания памяти о Вьетнамской войне в США ещё на начальных этапах встраивания данного конфликта в американскую политику памяти негласно сформулировал Конгресс США. Данная особенность заключается в том, что при мемориализации вьетнамских событий необходимо переносить акцент с непопулярной среди американского общества войны на ветеранов, которые лишь выполняли долг перед родиной. В данном вопросе наблюдался относительный консенсус между правительственными институтами и институтами гражданского общества. Однако на начальных этапах активизации американской «монументальной» политики между ветеранскими организациями и правительством США существовало и много разногласий в контексте характера коммеморативных мероприятий, мемориальных инициатив и социальной поддержки ветеранов.

В отечественной и зарубежной историографии данная тема рассматривается и в контексте истории создания, функционирования, а также роли ветеранских организаций в политике памяти США в целом¹, и в контексте влияния ветеранских организаций на политику памяти и «монументальную» политику США относительно Вьетнамской войны, в частности.²

В данной работе рассматривается роль институтов гражданского общества в формировании американской «монументальной» политики в отношении Вьетнамской войны.

Во время активного участия США во вьетнамских событиях с 1964 по 1975 гг. американская «монументальная» политика в отношении данного конфликта практически не реализовывалась. Война привела к расколу американского общества, и правительство не спешило увековечивать память о резонансной и проигранной войне.

«Монументальная» политика США относительно вьетнамских событий была активизирована институтами гражданского общества. По инициативе различных объединений ветеранов Вьетнама расширилось коммеморативное пространство других

¹ Белоусова Н.А., Кирсанова А.В., Шмелев А.Ю. Ветеранские организации в США: история и современность. М., 2017; Лебедева Е.Н. Гражданское общество и мемориализация в США. М., 2017; Appy C.G. The Politics of Memory and the Vietnam War: The Role of Civil Society Institutions // Journal of Contemporary History. 2017. URL: <https://journals.sagepub.com/action/doSearch?AllField=Appy&SeriesKey=jcha> (accessed: 14.09.2023).

² Белова Т.А. Политика памяти и гражданское общество в США: опыт Вьетнамской войны. М., 2014; Соколов А.В. Политика памяти и ветеранские организации в США: опыт Вьетнамской войны. М., 2016.

мемориалов путём добавления списка погибших во Вьетнаме американских солдат. Например, коммеморативное пространство Военного мемориала в Вирджинии (Virginia War Memorial) было расширено, и он также стал увековечивать память вирджинцев, погибших во Вьетнамской войне.

Правительство США начало активно поддерживать мемориальные инициативы относительно ветеранов Вьетнама, начиная с 1978 г., когда Конгресс США инициировал создание национальной некоммерческой корпорации «Вьетнамские ветераны Америки» («Vietnam Veterans of America»). VVA проводила и проводит кампании по таким вопросам, как: улучшение общественного восприятия ветеранов; охрана их здоровья; оказание помощи ветеранам, нуждающимся в льготах и т.д. Данная инициатива и последующая поддержка со стороны правительства мемориальных и «монументальных» проектов была продиктована негативной реакцией общества и ветеранских организаций, для которых игнорирование памяти о войне со стороны американского истеблишмента равнозначно игнорированию заслуг ветеранов.

В 1979 г. правительством США была опубликована прокламация, и президент США Джими Картер провозгласил период с 28 мая по 3 июня 1979 г. «Неделей ветеранов Вьетнама» (Vietnam Veterans Week). Многие положения данного документа подверглись критике со стороны организации «Ветераны Вьетнама против войны» («Vietnam Veterans Against the War»). По мнению VVAW, прокламация наполнена лишь абстрактными фразами, без упоминания конкретных мер поддержки ветеранов. В 1970-х гг. два раза с разницей в несколько лет активисты VVAW баррикадировали Статую Свободы, чтобы привлечь внимание к проблемам и нуждам ветеранов.

Большое количество монументов, посвящённых Вьетнамской войне, было открыто или инициировано в 10-летнюю годовщину окончания войны в 1985 г. Большинство из них относятся к региональному уровню «монументальной» политики, так как инициированы властями штата или местными институтами гражданского общества. Например, в 1985 г. на Манхэттене была открыта Мемориальная площадь ветеранов Вьетнама (Vietnam Veterans Memorial Plaza).

Именно институты гражданского общества в лице ветеранских организаций выступали в качестве первых мнемонических акторов политики памяти и «монументальной» политики США в отношении Вьетнамской войны. История встраивания Вьетнамской войны в американскую мемориальную и «монументальную» повестку сопровождалась разногласиями между правительством США и ветеранскими организациями. Если по ключевым моментам коммеморации наблюдался относительный консенсус, то конкретные меры поддержки ветеранов со стороны правительства зачастую подвергались критике со стороны организаций ветеранов Вьетнама.

*Дергунова Н.В.
(УлГПУ, Ульяновск)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Цель исследования: на основе изучения идентификационной матрицы школьной молодежи определить место региональной идентичности и ее роль в формировании поведенческих установок школьной молодежи.

Идентичность проявляется в молодежном сознании в виде ориентации на поступки определенной направленности, в интенсивности социальной активности, в степени готовности к принятию и выполнению молодыми людьми социальных ролей и гражданских обязанностей в интересах страны. Все основные типы социокультурной идентичности – этнокультурная, государственно-гражданская, религиозная – находят своё выражение через

региональную идентичность, поскольку школьники проживают преимущественно в одном месте, и процессы идентификации в данном возрасте осуществляются прежде всего через региональную идентификацию.

Территориальная идентичность в представленном исследовании понимается как системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина»¹. Термин «региональная идентичность» указывает не только на территориальную принадлежность индивида, но и на его «культурную укорененность». Сегодня наиболее актуально выделение региональной идентичности исходя из административного деления России. Большинство россиян воспринимает сегодняшние административные границы как естественную территорию и культурную данность.

В 2023 г. Ульяновский общественный фонд РАПИР совместно с региональным отделением ассоциации учителей истории и обществознания провел опрос старшеклассников (областная выборка – 495 учащихся 9-11 классов). Результаты эмпирических исследований показали, что по совокупности ответов, поставивших по важности ту или иную идентичность на 1-2 места (из пяти возможных), для школьников сначала важно быть гражданином России (59,6%), потом - жителем Ульяновской области (48,3%), а затем представителем той или иной этнической общности (41%) и жителем крупного территориального образования Поволжье (40,7%), на последнем месте по значимости – принадлежность к европейской части России (37,6%). Однако региональная идентичность пока носит пороговый характер, то есть сформировалась на уровне когнитивного и частично аффективного компонентов. По совокупности ответов Ульяновская область ассоциируется прежде всего с историей Симбирска-Ульяновска как досоветского, так и советского периода. Более всего как родина Ленина, второй образ Ульяновской области – это разные аспекты ее восприятия как малой родины, а затем богатство ее природы. В отношении территориальной идентификации 40,7 % респондентов идентифицируют себя с Волгой, с проживанием на берегах великой реки, еще 30,5 % поставили на третье место значимость Поволжья как одного из центров жизнедеятельности страны. Для 28,8% старшеклассников не имеет значения привязанность к данному территориальному и социально-культурному феномену. Символическое наполнение образа Ульяновской области составляет стандартный набор географических, социокультурных и историко-политических объектов (В.И. Ленин, Волга, Н. Карамзин, И. Гончаров, УАЗ и др.). О значительной пустоте образного символического пространства региона в сознании современных старшеклассников свидетельствует довольно большая доля (52,4%) отказов от ответа на вопрос «С чем ассоциируется у вас Ульяновская область, г. Ульяновск?». Более 74 % старшеклассников положительно оценивают возможность переезда в другой регион страны. Считают для себя невозможным покинуть Ульяновскую область – только 14,8% респондентов. Не думали пока о переезде в другой регион 11,1 % старшеклассников.

Более прикладной вопрос о конкретном участии в акциях по сохранению исторических и культурных памятников малой родины показал, что первые три позиции занимают достаточно пассивные формы участия, в значительной степени связанные с процессом обучения (посещение музеев - 71,5%, участие в акциях памяти – 48,9%, изучение истории своей семьи – 47,1%). Более 33% респондентов участвуют в помощи ветеранам и их семьям, в уходе за памятниками и могилами ветеранов. Значительно меньше (10-13%) респондентов участвуют в поисковой деятельности, уходе за памятниками «афганцев» и участников гражданской войны 1918-1922 гг. Важным компонентом в становлении у современных школьников общегражданской и региональной идентичности является формирование у них устойчивого интереса к истории своей семьи,

¹ См.: Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3.5; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/56404.htm>

бережного отношения к семейным реликвиям, документам из семейного архива, артефактам из предметов быта.

Таким образом, доминирующими для старшеклассников являются российская, региональная и этнокультурная идентичности, при этом региональная и территориальная идентичности взаимно перекликаются. Но система идентичностей старшеклассников находится в процессе становления, ее актуальный уровень можно оценить как пороговый с тенденцией движения к среднему. Система представлений школьников о регионе проживания отличается когнитивной бедностью, стереотипностью и противоречивостью. Между тем формирование поведенческих установок в школьном возрасте происходит в первую очередь за счет региональной идентификации и гражданского участия по месту жительства. В значительной степени преобладают пассивные формы участия, связанные в первую очередь с процессом обучения. Необходимо внедрять более активные формы вовлечения старшеклассников в местную общественную жизнь через усиление политологического и социологического компонентов общественно-научных проектов, волонтерская деятельность и др.).

*Дерендяева А.Д.
(АлтГУ, Барнаул)*

НОВАЯ ТЮРКСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КЛЮЧЕВЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ¹

Фактически три десятилетия многие постсоветские страны находились в поиске собственных идентичностей. На примере бывших советских республик можно пронаблюдать попытки конструирования различных символических практик, которые бы способствовали консолидации общества. Данные практики не были одинаковыми: в некоторых странах закреплялись религиозные маркеры идентичности (Таджикистан, Узбекистан), в других государствах новые политические элиты апеллировали к этническим особенностям общества (Казахстан, Украина).

Стоит отметить, что параллельно процессам формирования собственной идентичности некоторые страны оказались вовлечены в процессы конструирования так называемого тюркоязычного пространства (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан). Однако в 1992 г. попытка Турецкой Республики создать союз таких государств была осложнена еще сохранявшимися прежними внешнеполитическими ориентациями, а также противоречиями между данными странами.

Тем не менее, были выработаны первые символические практики, важные для формирования новой тюркской идентичности. Так, сначала появилась Международная организация тюркской культуры в 1993 г. В рамках данной организации наиболее ярким проектом оказался выбор «Культурной столицы тюркского мира». Города, удостоенные данного титула, становились не просто местом встречи тюркских народов, но и оказывались некой интеграционной площадкой (например: Мерв, Ош, Хива и др.).

Помимо институциональных символических практик, формирование тюркской идентичности закреплялось и с помощью нормативно-правовой базы. Анкальская декларация от 1992 г., Стамбульская декларация от 1994 г., (принятые на саммитах), чуть позже Нахичеванское соглашение от 2009 г. и другие итоговые документы не только усиливали интеграционные процессы между странами, но и указывали на формирование единого законодательного пространства.

Кроме того, конструирование было закреплено и с помощью других символических практик. Так, сразу после распада СССР начался процесс трансформации языка в тюркских

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

странах. Кириллица стала восприниматься как чужая и навязанная языковая система, в то время как латиница преподносилась как путь к международной коммуникации. За быстрым переходом Туркменистана и Узбекистана к латинице, начался постепенный перевод на иную языковую систему и у Казахстана.

Кроме того, тюркская идентичность формировалась и за счет таких символических стратегий, как практики празднования. Так, праздник прихода весны – Навруз – стал одним из ключевых символов для тюркоязычных стран.

Вместе с тем, наиболее важным этапом оказалось создание Тюркского совета в 2009 г. Кроме того, практики конструирования идентичности затронули также сферы науки и образования. Так, уже в 2010 г. была создана Международная тюркская академия. Интерес вызывает и то, что данная институциональная практика по построению тюркской идентичности стала в дальнейшем сочетаться с политикой памяти и даже с формированием нового исторического сознания. Постепенно начали утверждаться новые учебники по истории, географии, литературе, в которых стали отображаться многие события сквозь призму существования «великих тюркских народов».

Значимым шагом оказалось и создание официальной символики Тюркского совета – флага, который был принят в 2012 г. Ключевой стратегией стала трансформация объединения в 2021 г. в Организацию тюркских государств. ОТГ не просто становится полноценным институтом для формирования новой идентичности, в ценностных постулатах данной организации есть отсылки к «золотому веку», а именно к идее создания великого государства – Турана, когда-то существовавшего на пространствах Азии. Кроме того, концепты мифологического прошлого закрепляются новыми документами, а именно концепцией «Видение тюркского мира – 2040», где уже провозглашается «новая эра для тюркских государств».

И если ранее к наднациональному тюркскому пространству другие международные субъекты относились скептически, то в настоящее время ситуация существенно изменилась. Объединение тюркоязычных стран стало некой системой с выработанными стратегиями и практиками (официальные символы, институты, нормативно-правовые документы, практики празднования, исторические маркеры и др.), благодаря которым процессы конструирования идентичности могут стать вполне успешными в современном мире. Важным это становится и для России, поскольку постсоветское пространство постепенно смещается в сторону иных «центров тяжести», новых акторов, с которыми и будет выстраиваться дальнейшее взаимодействие.

*Дибас О.А.
(ЛГПУ, Луганск)*

МЕСТО И РОЛЬ ДОНБАССА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

История Донбасса достаточно разнообразна и многогранна, и, хотя на современном этапе мы в большей степени воспринимаем данные территории в качестве мест шахтерской и металлургической славы, однако данными характеристиками невозможно охарактеризовать регион.

Говоря о Донбассе и его современном геополитическом значении, стоит вернуться к периоду заселения региона – XVII ст. Ведь именно для этого периода было характерным появление казачьих поселений, первичная функция которых заключалась в защите рубежей родины.

После «Майдана» на Украине и объявления о начале проведения АТО (14 апреля 2014 г.) именно Донецкая и Луганская области столкнулись с попытками силового навязывания этим регионам, позиции «центральной власти».

Хотя один из наиболее цитируемых американских авторов – С. Хантингтон отмечал, что вероятнее всего линия геополитического разлома будет проходить по территории Украины, однако автор отмечал, что в границы будут совпадать с линией водоразделения – по р. Днепр, обосновывая потенциальные границы не только водными преградами, но границами распространения православного христианства. Однако в 2014 году линии разграничения прошли по территории Донецкой и Луганской областей, разделив данные территории на новосозданные Луганскую Народную Республику (ЛНР) и Донецкую Народную Республику (ДНР), а также территории, которые оказались под контролем Украины.

Подписание Минских соглашений и начало активной работы Трехсторонней контактной группы не принесло стабильность региону, а частично способствовало формированию «серых зон», а также сохранению постоянного напряжения на линии соприкосновения.

24 февраля 2022 г. было принято судьбоносное решение о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, а 3 июля 2022 территория ЛНР была полностью освобождена.

При этом ЛНР и ДНР не потеряли своей геополитической значимости, а наоборот лишь усилили свою значимость. Геополитическая ценность Донбасса обусловлена рядом факторов: одним из наиболее значимых является освобождение г. Мариуполь (ДНР), а также побережья Азовского моря в Запорожской области. Данное обстоятельство оказывает существенное влияние на конфигурацию торговых взаимоотношений в регионе (стимулирует транспортировку товаров морским путем с сокращением задействования сухопутных коридоров). Тот факт, что Азовское море стало фактически внутренним морем России, способствует использованию его для обеспечения как безопасности региона, так и стимулирует включение региона в общую логистическую сеть Российской Федерации.

Также благодаря своей значительной протяженности, а также наличию фортификационных оборонительных сооружений Донбасс вновь, как и 300 лет назад, выполняет функцию сдерживания военной агрессии у границ России, не дав продвинуться НАТО к непосредственным границам страны.

Стоит отметить также, что так как конфликт не находится на стадии завершения, то и границы характеризуются частичной динамичностью, находясь в непосредственной зависимости от ситуации на линии боевого соприкосновения.

Говоря о Донбассе также необходимо обратить внимание на текущее состояние региона, которое характеризуется относительной стабильностью в Луганской Народной Республике, в то же время сохраняя крайнюю ожесточенность (не только активную фазу боевых действий, но и постоянные обстрелы гражданкой инфраструктуры) в Донецкой Народной Республике. Для ДНР сохраняет актуальность еще одна геополитическая характеристика – обеспеченность территории природными ресурсами, а также контроль за истоками и руслами рек. На данном этапе проблема обеспечения водными ресурсами для ДНР не решена окончательно, что приводит к недостаточному водоснабжению и необходимости использования дополнительных гидросооружений.

Говоря о геополитической значимости региона для Украины и США, стоит отметить, что для данных акторов Донбасс – плацдарм для возможной агрессии по отношению к России или размещения дальнобойного вооружения в качестве потенциальной угрозы.

Таким образом, характеризуя место и роль Донбасса в современных геополитических реалиях необходимо отметить особую значимость региона, которая обусловлена как историческим прошлым (защита рубежей Родины начиная с появления первых казачьих поселений), удобным расположением, доступом к богатым полезным ископаемым.

ЕВРОПЕЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И ЦЕРКОВЬ: ГДЕ ГОТОВЯТ КАТОЛИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ?¹

В течение своего существования университет претерпел значительные трансформации. В результате секуляризации европейские университеты приобрели светские черты, но вместе с тем появились религиозные высшие учебные заведения. Тем не менее за университетом сохранился статус «структурирующего механизма», который упорядочивает социальные группы по различным основаниям и формирует элиту².

Во многих странах функционируют элитные учебные заведения, которые способствуют рекрутированию, воспроизводству, интеграции и легитимации властных групп³. Возникает *исследовательский вопрос*: существует ли в настоящее время элитное образование для представителей религиозной иерархии?

Эмпирической базой исследования послужили биографии кардиналов-европейцев, размещенные на сайте Святого престола на 1-е полугодие 2023 г. Католицизм выбран как крупнейшая христианская конфессия. Кардиналы маркированы в качестве элиты по позиционному критерию и на основании их функций, включающих участие в управлении церковью и выборах понтифика (для прелатов моложе 80 лет).

Среди 222 ныне живущих кардиналов 102 человека (45,9%) являются представителями Европы, причем 47 из них – итальянцы. Информация о высшем образовании содержится в биографиях 90 иерархов. Об особом значении, которое католическая элита придает образовательной проблематике, свидетельствуют следующие данные:

- Распространенной практикой является окончание 2-х и более высших учебных заведений – 44 человека.
- Среди европейских кардиналов 58 человек (56,9%) имеют докторскую степень.
- В преподавании и/или администрировании университетов были задействованы более половины иерархов. Причем 21 из 52 кардиналов получили такой опыт в Папских университетах, расположенных в Риме.

Около четверти кардиналов имеют также светское высшее образование, преимущественно по философии и праву – 8 и 5 человек соответственно. Среди государственных университетов, выпускниками которых являются прелаты, чаще других встречаются Римский университет *La Sapienza* (4 раза) и Сорбонна (3 раза). Это свидетельствует о поддержании средневековых паттернов как с точки зрения специализации, так и при выборе места получения образования. *La Sapienza* был учрежден в качестве университета, подотчетного понтифику, потеряв этот статус в результате Рисорджименто. Сорбонна наследует Парижскому университету. В целом кардиналы-европейцы склонны оканчивать европейские университеты. Исключение составляют 3 человека, 2 из которых учились в США.

Важным является вопрос укорененности. Для 95,1% кардиналов-европейцев страна рождения и представительства совпадают, что указывает на высокий уровень эндогенности. Однако из 55 неитальянцев только 23 иерарха (41,8%) учились в стране, представителями которой они являются. Такая практика распространена среди прелатов из

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>.

² Гуторов В.А. К вопросу об элитарных аспектах образовательной политики // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 185–206.

³ Тев Д.Б. Элитное образование как канал рекрутирования властных групп: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 102–110.

Испании (5 человек) и Португалии, Польши, Франции, Германии (по 3 человека). Это объясняется рядом факторов: от католического наследия до особенностей системы образования страны. Например, в государственных университетах Германии присутствуют теологические факультеты. В Испании расположены два, а в Польше один Папский университет, получающий привилегии и находящийся под прямым контролем Святого престола.

Наибольшее число кардиналов окончили Папские университеты в Риме – 52 человека, или 24 из 46 европейцев-выборщиков. Лидирующие позиции занимают Папские Григорианский и Латеранский университеты, которые выпустили 31 и 17 иерархов соответственно. Эти учебные заведения были основаны после Реформации и утраты католицизмом монополии на образование. Григорианум, находящийся под руководством Общества Иисуса, был ориентирован на централизацию церковной политики. Постепенно он обрел статус элитного католического университета, специализирующегося на социальных науках. По данным на конец XX в., ежегодно 30–40 его выпускников становились епископами. Латеранский университет стабильно занимает 2-ю позицию среди влиятельных католических университетов, делая упор на изучении права и подготовке миссионеров¹.

Резюмируя, анализ биографических данных кардиналов-европейцев продемонстрировал существование элитного образования для представителей религиозной иерархии. Главной особенностью элитных католических университетов выступает их непосредственная связь со Святым престолом, включая нахождение в Риме и контроль со стороны понтифика. Наблюдается многовековая преэминентность в сфере высшего образования, воплощенная в наличии ведущих центров обучения элиты.

*Долженкова Е., Мохорова А.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбПУ)*

ОТ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ДО НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА – СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЛАТВИИ

Положение русскоязычного населения в Латвии подвергалось политическому воздействию со стороны правительства, как до вступления в Европейский союз, так и в момент, когда страна стала полноправным участником союза. В самый ранний период – после прекращения существования Советского союза – были созданы труднопреодолимые условия вступления в гражданство (функционировала система «окон», т.е. возможность прохождения натурализации по выделяемым правительством квотам). В это же время был создан институт «неграждан». В дальнейшем усилилось ущемление прав русскоязычных жителей Латвии в социальной сфере – сокращение числа русскоязычных школ, сокращение возможности использования русского языка для получения социальных услуг, вступление в силу требований по знанию государственного языка и наличия гражданства на занятие вакансий, запрет на участие в политической жизни и т.д. Таким образом, латвийское правительство проводило внутреннюю политику по ограничению прав русскоязычного населения и неграждан, объясняя это тем, что русскоязычное население несет в себе угрозу национальной безопасности и его нахождение на территории государства может повлиять на безопасность во всем регионе, если Латвии не будет предоставлен статус участника Европейского союза.

Затем наступил период подготовки к вступлению в Европейский союз, когда и были созданы комиссии по делам национальных меньшинств и мониторингу, что в какой-то мере повлекло за собой улучшение положения русскоязычных жителей и неграждан Латвии –

¹ Моравский З. Ватикан издали и вблизи. М.: Прогресс, 1981. С. 169–173.

была отменена система «окон», латвийское правительство сменило радикальную риторику в отношении данной группы общества и дало обещание по улучшению их положения, а также в этот момент наблюдалась обратная ситуация – десекуритизация русскоязычного населения. Не представляется возможным говорить о выполнении всех обещаний латвийского правительства – так русскоязычное население было вынесено за пределы действия закона о национальных меньшинствах, и таким образом данная группа населения не защищается Конвенцией Европейского союза о национальных меньшинствах. Также необходимо обратить внимание, что Латвия стала участницей союза в 2004 г., и только в конце 2019 г. был принят закон, запрещающий с 2020 г. регистрировать новорожденных в статусе неграждан.

В 2022 г. действия латвийского правительства направлены уже на граждан России, имеющие вид на жительство в Латвии и которые ранее имели статус граждан и неграждан Латвийской Республики. В основе лежит требование об обязательной сдаче экзамена по государственному языку для получения и/или продления вида на жительство в Латвии. В большинстве своем данное изменение в Закон о гражданстве относится к жителям Латвии пожилого возраста, которые получали гражданство России вследствие возможности получения российской пенсии, в то время, когда латвийский пенсионный возраст еще не наступал. Т.е. эта группа населения экономически не обеспечена, а также находится в уже преклонном возрасте и испытывает трудности в освоении государственного языка на требуемом уровне (уровень А2 - экзамен включает устную и письменную части). Как показали результаты первого экзамена – большинство экзаменуемых не могут преодолеть минимальный проходной балл письменной части. Первоначальная редакция закона предполагала, в случае не сдачи экзамена, аннулирование вида на жительство и выдворение из страны. В сентябре 2023 г. были приняты поправки, которые предоставляют той группе, которая не сдала экзамен с первого раза, попытку выучить и сдать экзамен в течение двух лет, с продлением вида на жительство (на два года). Та группа населения, которая не подала заявку на сдачу латышского языка, подпадает под действия закона о депортации.

Таким образом, социально-политическая напряженность в латвийском обществе увеличивается – общество в Латвии уже не создает семьи, в которых члены семьи обладали бы одинаковым статусом – часто встречаются союзы разных статусов – граждане Латвии и неграждане, неграждане и граждане России, граждане России и граждане Латвии. Также важно отметить, что чаще всего речь идет о людях, которые на территории России не обладают никаким имуществом и их посещение исторической родины было очень давно. В настоящее время в суды Латвии поданы заявления, но их рассмотрение займет еще не мало времени, прежде чем дойти до европейских институтов по защите прав человека. Данная ситуация расширяет список видов дискриминации на территории Латвийской Республики – начиная от дискриминации по языковому признаку до дискриминации прав человека по признаку гражданства.

*Домбровская А.Ю.
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)*

КОГНИТИВНАЯ КАРТА ИНТЕГРАЦИОННОГО КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНО-МЕДИЙНЫХ СЕГМЕНТАХ ЛНР В 2022–2023 ГОДАХ¹

В условиях масштабирования и усложнения технологий внешнего информационного давления на социально-медийные сегменты ЛНР и ДНР на фоне СВО, а также существенного уровня региональной, поколенческой, ценностной дифференциации

¹ Исследование поддержано средствами, выделенными Финансовому университету в рамках государственного задания в 2023 году.

населения новых регионов РФ усиливается потребность в выявлении и применении технологий цифровых коммуникаций, направленных на оптимизацию процесса интеграции жителей новых субъектов федерации в социокультурное пространство современной России. По сути, этот процесс подчинен интериоризации ценностей российского общества гражданами новых регионов.

В период с 2020 по 2022 гг. в России были разработаны и обновлены нормативно-правовые акты, регламентирующие сферу формирования ценностных установок российского общества (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «Об утверждении стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года», Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»). Социокультурная сфера социума получила основания и ключевые ориентиры для конструирования ценностного профиля гражданина Российской Федерации.

Цель настоящего исследования заключалась в измерении содержательных и структурных характеристик информационных потоков, репрезентирующих традиционные российские ценности в социальных медиа ЛДНР.

Формирование выборочной совокупности документов осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе были выявлены наиболее влиятельные среди жителей ЛНР и ДНР паблики и аккаунты. На втором этапе обоснования выборки документов был определен общий интервал анализа: 01.10.2022 – 01.04.2023 (6 месяцев). Далее внутри отобранных групп и в пределах глубины анализа производился целевой отбор публикаций, направленных на интеграцию ЛНР и ДНР в социокультурное пространство России (выбор не менее 5 публикаций в каждом календарном месяце в каждом аккаунте). Совокупный объем проанализированных материалов составил 600 публикаций.

Матрица когнитивного картирования включала такие параметры: уровень духовно-нравственных ценностей Российской Федерации (личный, групповой, региональный, общественный, наднациональный); тип мобилизации гражданских установок пользователей социальных медиа ЛНР и ДНР; формат мобилизации гражданских установок пользователей социальных медиа ЛНР и ДНР; события – триггеры мобилизации гражданских установок пользователей социальных медиа ЛНР и ДНР; прием мобилизации гражданских установок пользователей социальных медиа ЛНР и ДНР; наличие адресации в мобилизационных сообщениях; целевые группы, на которые направлено мобилизационное влияние; тип политической символики, используемой в мобилизационных сообщениях; культурные артефакты, используемые в мобилизационных сообщениях.

Основные выводы:

- сложившийся тренд офлайн-формата гражданской активности очевидно объясняется неустойчивой цифровой связью и нестабильностью функционирования Сети, а также спецификой социальных проблем, решение которых существенным образом связано с физическим социальным участием;
- в сообщениях, составляющих цифровое пространство социокультурной интеграции жителей ЛНР/ДНР в российское общество лидирует контент с рациональной аргументацией, что свидетельствует об ориентации генераторов информационного потока на пользователей с прагматическими установками.
- для изученных социально-медийных сообщений характерен дефицит таргетированной информации, генераторы контента не учитывают необходимость четко адресовать свои послы, апеллировать к конкретным социальным группам;

- проанализированные сегменты цифровой среды социокультурной интеграции имеют проблемные зоны, связанные с явной недостаточностью продвижения конвенциональной общенациональной, государственной символики и циркулированием символов недружественных государств, что несет в себе дезинтеграционные риски;
- в изученном контенте выявлен дефицит культурной символики, работающей на формирование позитивной национально-государственной идентичности жителей ЛНР/ДНР и развитие благоприятной цифровой среды интеграции в социокультурное пространство РФ.

Дубов К.М.
(ДонГУ, Донецк)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ

Политология как одна из наиболее динамично развивающихся социальных наук, регулярно пополняется новыми теоретическими конструктами и категориями. Значительная часть таковых приходит из смежных дисциплин. При этом далеко не все из встраиваемых в политологию терминов обладают должной степенью обоснования в соответствии с системой политического знания. Показательным в этом отношении является понятие «политического нигилизма».

Корни современного понимания нигилизма лежат в трудах немецких философов XIX в., важнейшая роль из которых отводится Ф. Ницше. Согласно его концепции, признаваемой в качестве классической, нигилизм определяется как мировоззрение отрицающее, критикующее и обесценивающее существующие ценности и жизненные смыслы. Впоследствии уже на основе данного базиса сформировался ряд различных теорий нигилизма. Отечественный исследователь Д.С. Труханович по критерию объекта отрицания выделяет шесть видов феномена: когнитивный, правовой, моральный, политический, эстетический и религиозный.¹

В основе политического нигилизма в качестве объекта отрицания лежит понятие «политического» во всём многообразии его форм. В современной же политологии наиболее распространённым является следующее определение: политический нигилизм – это отчуждение, отрицание сложившейся в обществе системы политических ценностей, знаний и традиций.² Подразумевается, что неприятие политического нигилизма направлено на политические институты, являющиеся регуляторами общественных отношений, способами их реализации в сфере политики.

Такой перекокс в сторону институционального проявления политики ставит понятие политического нигилизма в зависимое положение от правового нигилизма. Последний чаще всего определяется как выражение недоверия в части возможности обеспечения прав и свобод человека посредством такого инструмента как право. Квинтэссенцией смешения понятий является следующее утверждение российского социолога В.В. Бабошина: «Политический или гражданский нигилизм предельно близок к правовому нигилизму и представляет собой отрицание политических институтов, а также значения политической системы и политических процессов для жизни человека и общества».³

¹ Труханович Д.С. Классификация видов и форм нигилизма и место нигилизма государственных гражданских служащих в ней // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 6.

² Шарфутдинов А.Ш. «Политический нигилизм» как модель политического поведения // Социально-политические науки. 2012. № 3. С. 135.

³ Бабошин В. В. Нигилизм в современном обществе: феномен и сущность : автореф. дис. доктор филос. наук: 09.00.11 – Ставрополь, 2011. – С. 18.

Дабы выявить уникальность собственно политического нигилизма, его рассмотрение целесообразно начинать в первую очередь с уровня политического мировоззрения. Оно представляет собой убеждения, ценности, идеалы, принципы, ориентации, установки, представления личности или социальной группы о политическом устройстве общества. В политическом мировоззрении допустимо выделение трёх условных типов:

1. определённое – компоненты мировоззрения определены, конкретны, часто соответствуют какой-либо идеологии, либо могут представлять собой мозаичную структуру из различных идеологем;
2. неопределённое – компоненты мировоззрения отсутствуют либо латентны ввиду неосознанности субъектом;
3. нигилистическое – компоненты мировоззрения выражены в отрицании всей совокупности вариаций таковых.

Нигилистическое политическое мировоззрение не лишено наполненности, напротив, оно содержит в себе смыслы: признаёт непризнание, принимает неприятие.

Из политического мировоззрения прямым образом вытекает политическое поведение. Оно реализуется в двух формах: политическое участие и политическое неучастие (абсентеизм). Абсентеизм в свою очередь по критерию заинтересованности субъекта политикой можно разделить на два вида: безразличие (аполитичность) и политический нигилизм. Для аполитичного абсентеизма характерно отсутствие интереса в участии в политическом процессе, незнание политических норм, ценностей и отсутствие намерений в их познании. Нигилистический же абсентеизм мотивирован иначе. Он не видит смысла в политическом участии, поскольку поддержка какой-либо из политических сил, отстаивание каких-либо политических идей являются неприемлемыми. Аполитичный абсентеист дистанцируется от политики ввиду безразличия, а соответственно он не может занимать позицию согласия или отрицания. В это же время нигилист рассматривает своё сознательное отчуждение как протест.

Важно различать нигилизм и оппозиционность. Основой для этого служат следующие характеристики: 1) нигилизм критикует без предложения альтернатив; 2) нигилизм не стремится к прагматичному политическому союзничеству; 3) нигилизм не имеет возможности формального воплощения в виде партии или организации.

Таким образом, политический нигилизм – это политическое мировоззрение, заключающееся в отрицании и неприятии существующих политических идей, концепций, ценностей, идеалов, принципов и ориентаций, в политическом поведении реализующееся как абсентеизм, не способное и не стремящееся к политическому союзничеству.

*Дубровин В.Ю., Краснова М.Р.
(КФУ, Казань)*

ИМИДЖ ЖЕНЩИН ПОЛИТИКОВ В ПЕРИОД ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сегодня женщины представляют собой около 49,6% от населения всего мира. Хотя политическое участие для женщин стало возможным только в прошлом столетии, женщины уже активно включены в политику многих стран и принимают в ней активное участие, не только как избиратели, но и как непосредственные кандидаты на выборах.

Женщинам политикам создается имидж для привлечения внимания большего количества избирателей. Имидж политика – это его «общественное лицо». И чтобы оно было привлекательным, необходимо соблюдать определенные условия для каждой из стран, с учетом потребностей населения и взглядов общественности. Поэтому в работе

были рассмотрены способы формирования имиджа женщин политиков в период предвыборной кампании на примере США и Великобритании, чтобы показать какими характерными методами сейчас женщины политики привлекают к себе внимание избирателей для победы на выборах в конкретных странах, и какие есть сходства и различия имиджа женщин политиков.

Имидж женщины политика строится примерно таким же образом, как и имидж мужчины политика. Одно из исключений здесь составляет то, что женщина политик все равно подвержена влиянию традиционного представления о политиках. В частности, о характере политика. Политик, по мнению общественности, должен обладать мудростью, мужеством и волей, что считается, в традиционном понимании, мужскими качествами. Поэтому в современном обществе женщина политик должна быть волевой, мужественной, строгой и уверенной в себе и своих взглядах.

Процесс формирования имиджа женщин политиков мало чем отличается от процесса формирования имиджа мужчин политиков. Но при этом к женщинам предъявляется больше требований и претензий, как со стороны СМИ, так и со стороны общества. Женщин политиков могут «загонять в рамки», которые даже не будут соответствовать реалиям, но будут активно поддерживаться обществом. Все также существуют определенные мифы и предубеждения относительно женщин политиков.

Для более подробного рассмотрения темы были взяты Х. Клинтон, как женщина кандидат на выборах в США в 2016 году, и Т. Мэй, как женщина кандидат на выборах в Великобритании в 2016 году.

В рамках работы был рассмотрен габитарный имидж кандидаток, а также были проведены контент-анализ выступления Х. Клинтон на предвыборном митинге¹ и программной речи Т. Мэй на конференции Тори². По итогам проведенной работы было выявлено, что для женщин политиков в период предвыборной кампании характерны определенные черты в их политическом имидже: строгий и деловой стиль одежды, внешний образ в цветовую палитру флага страны и партии, ношение только обручального кольца, как символа семьи и брака. В речевом имидже тоже наблюдаются определенные закономерности – это единение со страной и гражданами, подчеркивание личной заинтересованности в успехе страны.

Таким образом, имидж женщины политика предполагает в себе сочетание мужских и женских качеств, достижения некой «золотой середины» между ними. Также внешний образ женщины политика зачастую похож на мужской: костюмы, пиджаки, галстуки и т.д. Строгий и деловой стиль вкупе с хорошо подобранной цветовой гаммой – залог успешного и презентабельного образа женщины политика. Речевой имидж должен учитывать характерные особенности того или иного региона, в котором продвигается политик. Уместны диалектизмы и фразеологизмы, как способ сближения с населением.

Политический имидж в период предвыборной кампании у женщин политиков характеризуется тщательно подобранным гардеробом в цветовой гамме флага страны или партии и грамотно построенной речью, которая будет зачастую довольно эмоциональной. Эта эмоциональность нужна для привлечения внимания избирателей, пробуждения в них сопереживания и сочувствия кандидату, образования и поддержки чувства единства между политиком и населением.

К сожалению, к женщинам политикам требования гораздо выше, чем к мужчинам политикам, из-за сложившихся в обществе мифов и стереотипов. Со временем и большим участием женщин в политике эти мифы будут развеяны, а стереотипы разрушены. Чем больше женщина политик будет становиться обыденностью в умах людей, тем легче станет политический карьерный путь для женщин.

¹ Hillary Clinton campaign rally speech transcript [Электронный ресурс] // Politico URL: <https://www.politico.com/story/2015/06/hillary-clinton-campaign-rally-speech-transcript-118973>

² Theresa May's keynote speech at Tory conference in full [Электронный ресурс] // Independent URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-speech-tory-conference-2016-in-full-transcript-a7346171.html>

СУВЕРЕННОСТЬ ЭЛИТ VS СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА

Политико-правовая определенность суверенитета государства часто создает ложную иллюзию относительно тотальной целостности институционализированной властной инстанции, задающей нормальность и действующей автономно и независимо от иных политических акторов. Однако как заметил К. Шмитт, «Сочетание фактической и правовой высшей власти является основной проблемой понятия суверенитета» (Шмитт К. Политическая теология). И здесь само собой напрашивается дискурс о собственниках или контролерах государства (классы, элиты, организации и т.п.).

Но это только часть проблемы. Полагание государства как института при всей удобности зачастую элиминирует внутреннюю сложность этого образования. Более продуктивно подойти к этому феномену в духе Б. Джессопа, предлагающего стратегически-релятивную его концепцию (Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее) – государство как ансамбль / сборка институтов, структур, организаций, борющихся за лидерство и определение курса и вступающих в определенные взаимодействия. Безусловно, можно выделить доминирующие группы, контролирующие наиболее важные общественные ресурсы. Но их использование опять же не столь однозначно определено в силу множественности взаимодействий и отношений. Отсюда тезис об относительности государственной власти вполне правомерен. «Власть государства есть мощь сил, действующих в государстве и через него» (Jessor, B. State Theory: putting capitalist states in their place).

Международный контекст задает дополнительные сложности в определении государственного независимого курса. Глобализация (как бы актуальные геополитические противоборства не снижали ее значение) создает плюрализацию правовых порядков в одном политическом пространстве. При этом государственный суверенитет формально сохраняется. Но усиливается роль во внутренней и особенно внешней политике иногосударственных акторов. Членство в международных договорах и организациях также создает определенные обязательства и тем самым ограничения государственных действий. Причем такого рода ограничения суверенитета могут быть совсем неконтролируемыми институтами определенного государства. Оно становится объектом внешнего воздействия со стороны международных, иногосударственных, неправительственных акторов.

В условиях авторитарной консолидации число реально влияющих социальных групп ограничено, однако все равно остается присущая всем государствам некоторая неопределенность. Вместе с тем вполне определенно можно утверждать, что возможна консолидированная позиция групп, контролирующих материальные и нематериальные ресурсы. Именно эти группы определяются внешними наблюдателями как элиты. Здесь возможен и реально актуализируется между ними компромиссный сговор по поводу стратегического курса государства.

В этом смысле суверенность элит оказывается выше суверенитета государства. Именно элиты определяют право и правила. Государство создает их легальность. Но без активности по легитимации, имплементации, обеспечения со стороны элит они остаются декларациями. Фактически элиты задают суверенитет государству.

«Легализированные» и «легитимированные» государственные перевороты являются предельными случаями демонстрациями реального суверена. А «Ночь длинных ножей» в 1934 году в Германии демонстрирует в предельном случае верховенство элит над правом.

В отечественной истории мы имеем замечательный пример: именно российские элиты, а не народ, являющийся формально носителем «первичного» суверенитета, провозглашает суверенитет РСФСР. (О государственном суверенитете Российской

*Дунамалян Н.А.
(РАУ, Ереван, Армения)*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТВОЕННЫХ РЕАЛИЙ¹

Поражение во Второй Арцахской войне 2020 г. привело к ряду изменений в контексте исторической памяти современного армянского общества. Несмотря на то, что политика памяти в Армении на протяжении постсоветского периода не подвергалась систематизации, однако символы, праздники и памятные даты, ассоциировавшиеся с победой в Первой Арцахской войне, оставались востребованными и были включены в общую коммеморативную память граждан РА. Некоторые из этих праздников выполняли функцию совмещения советской и постсоветской традиции, включая в себя элементы актуальной политики и прошлого. К примеру, т. н. тройной праздник «9 мая» включал в себя празднование создания Армии обороны Арцаха (Нагорно-Карабахской Республики), годовщины освобождения г. Шуши в 1992 и День Победы советского народа в Великой отечественной войне. Концентрация такого количества событий в рамках политики памяти играло консолидирующую функцию, однако изъятие одного из смыслов этой даты вело к разрушению всей конструкции мифа.

Потеря г. Шуши в 2020 г. и дальнейшая азербайджанская оккупация территории НКР в сентябре 2023 г. сделало бессмысленным празднование некоторых политических праздников независимой Армении, связанных с карабахским контекстом и выражением современной политической идентичности. Эти идеи были заменены другой символикой, связанной с восприятием территории Республики Армения в ее современных очертаниях. Отказ армянского руководства от защиты права народа Нагорного Карабаха на самоопределение отразилось также в намеках премьер-министра РА Н. Пашиняна пересмотреть Декларацию независимости АССР 1990 г.

Многие символы Третьей армянской республики в ходе последних событий переформатировали политико-культурное содержание текущих процессов, выхолащивая прежний смысл политической символики, но не создавая ее замены. Интересным явлением стало возрождение памяти о советских армянских политических и культурных деятелях (к примеру, был поставлен памятник первому секретарю АССР К. Демирчяну, объявлено о переустановке памятника «Слава Труд» (иное название – Памятник рабочему), переименованы некоторые улицы Еревана).

Если в начале девяностых происходило возрождение памяти о деятелях Первой республики и героях Карабахской войны, то сегодня последствия военного поражения способствуют углублению апатии армянского общества, что проявляется также в выборе «нейтральной» исторической памяти, связанной с «бесконфликтным» советским прошлым или несистемным обращением к героическому прошлому (памятник «Немезис», акции возмездия с целью исполнения приговора инициаторам геноцида армян).

Социологическое исследование, выполненное в августе-сентябре 2022 г. в рамках проекта «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности: трансдисциплинарный анализ армянского эпоса, историографии, городского пространства и политического дискурса»²,

¹ Тезисы подготовлены в рамках научной темы, финансируемой Комитетом по Высшему образованию и науке МОНКС Республики Армения (код 21AG-6C041).

² *Погосян Г.А.* Историческая память и национальная идентичность / Г.А. Погосян. – Ер., Изд-во РАУ, 2023. 134с.

показывает предельную привязку исторической памяти к современным процессам: самой большой победой армянского народа названа Первая карабахская война (28,6%), а самым большим поражением – Вторая (74,4 %). В списке поражений «геноцид армян» намного уступает поражению в 44-дневной войне. Однако многие другие показатели формируются вокруг мифологем, сформированных в советское время, и уходят вглубь веков с точки зрения компенсаторной функции негативного образа реальности.

Дутов Т.С.
(КФУ, Казань)

ДИНАМИКА ДВИЖЕНИЯ ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАТАЛОНИИ В ПОСТФРАНКИСТСКИЙ ПЕРИОД

Борьба за автономию и право принимать решения независимо от испанского правительства сопровождает Каталонию уже не первое столетие. После окончания Гражданской войны, результатом которой стало установление диктаторского режима Ф. Франко, продолжавшегося с 1939 по 1975 гг., Каталония лишилась своей автономии. Сформировавшееся движение за самоопределение в годы активной индустриализации было вынуждено «уйти в подполье». Тем не менее нельзя сказать, что борьба носила насильственный характер, наоборот, каталонцы старались прибегать к мирной тактике борьбы за свою самостоятельность, в отличие, от басков.

Смерть генерала Ф. Франко привела к кардинальным изменениям политической системы Испании: для консолидации демократии новое руководство пыталось заручиться поддержкой угнетаемых групп в период авторитарного режима. В 1978 г. принятая Конституция гарантировала всем регионам право на автономию. Поддержка независимости Каталонии начала постепенно расти, после того как эта тема была выведена из маргинального дискурса. Предпосылки были заложены в 1980-е годы, когда пост главы Женеалитета занял Ж. Пужоль, который взял курс на национальное строительство либо как подчеркивают исследователи «рекаталонизацию Каталонии»¹. Региональная идентичность начала преобладать над национальным самосознанием.

Тем не менее устойчивого консенсуса «за» отделение среди каталонцев не наблюдается. По опросам общественного мнения можно заметить, что рост поддержки независимости приходится на периоды пребывания у власти правоцентристской «Народной партии», которая выступает за более централизованную модель взаимоотношений между центром и регионами. Так всплеск сепессионистских настроений пришёлся на правительства Х. Аснара и М. Рахоя. Настоящий взлет движения произошел после финансового кризиса 2008 года и последующей проводимой политики жесткой экономии, из-за которой пострадала большая часть сторонников независимости. По данным опросов, 57% респондентов поддержали выход из Испании в 2014 году².

Следствием этой напряженности выступил референдум 2017 года, на котором 90,18% избирателей высказались за отделение³. Примечательно, что приняло в нём участие 2,2 млн жителей, когда в регионе проживает 7,5 млн. Это в очередной раз доказало поляризацию общества по данному вопросу. Последствием референдума стало его непризнание со стороны Мадрида, временное приостановление автономии для Каталонии

¹ Хенкин С.М. Каталонский конфликт: Национальное и международное измерения / С. М. Хенкин // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2(106). С. 94-121.

² Support for Catalonia's independence grows and polls say pro-independence parties would win the next elections // Catalan News. URL: <https://www.catalannews.com/politics/item/support-for-catalonias-independence-grows-and-polls-say-pro-independence-parties-would-win-the-next-elections> (accessed 25.09.2023).

³ Catalan Referendum Results // Government of Catalonia. URL: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/in-two-minutes/303482/catalan-referendum-results> (data accessed 25.09.2023).

и репрессии против политической элиты и организаторов голосования. Нестабильность и страх вновь потерять самостоятельность привели к кризису движения. С 2018 года наблюдается тенденция падения поддержки, она варьируется в пределах 30-40%¹.

Политическая конъюнктура сильно поменялась после референдума. Партии, выступающие против независимости, на последних региональных и муниципальных выборах получили больше мест, чем прежде. В то же самое время происходит размежевание сторонников независимости. Одни, такие как, например, «Левые республиканцы Каталонии» рассматривают сотрудничество с левоцентристской «Испанской социалистической рабочей партией» как лучший способ обеспечить проведение нового референдума, а другие как, «Вместе за Каталонию» считают, что переговоры с испанским правительством бессмысленны. Споры только больше приводят к ослаблению движения. Кроме того, идея отделения уходит на второй план из-за ряда внешних факторов: восстановление экономики после пандемии COVID-19, энергетический кризис и т.д.

Таким образом, проблема самоопределения сегодня является камнем преткновения в отношениях между центром и Каталонией. Несмотря на достаточно развитую региональную идентичность, единства в вопросе независимости среди каталонцев нет, что становится фактором поляризации. Причиной подъема движения за самоопределения чаще всего является неспособность урегулирования политических и экономических предпочтений с Мадридом. Сегодня наблюдается снижение активности движения из-за внутренних противоречий региональной элиты и внешних обстоятельств.

*Дьякова Л.В.
(ИЛА РАН, Москва)*

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПОДХОДЫ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Конфликт государства и общества, порядка, который способна осуществлять и поддерживать государственная власть, и свободы во всем противоречивом многообразии ее проявлений, является одним из фундаментальных конфликтов латиноамериканской цивилизации, проявившим себя еще в начале XIX в., после Войны за независимость и появления на месте бывших испанских колоний независимых государств. Этот конфликт не разрешен и в настоящее время.

Современные латиноамериканские государства находятся под давлением многочисленных вызовов: политических, экономических, экологических, социальных, этнокультурных. С начала XXI в. они играют все возрастающую роль в обеспечении устойчивости политических систем, урегулировании конфликтов, нейтрализации протестного потенциала разделенных обществ, предотвращении разрушительных тенденций, связанных с нарастающим разочарованием в традиционных политических институтах, элитах и лидерах. Значительны задачи и функции государства в социальном развитии, преодолении бедности и нищеты, сокращении социального неравенства, выработке национальных моделей «государства благосостояния», учитывающих специфику каждой страны региона. Исключительную зависимость общественного благополучия от государственной политики продемонстрировала пандемия COVID-19, ставшая серьезным испытанием для национальных систем здравоохранения и социальной защиты.

¹ Sondeig d'Opinió Catalunya. Base de dades integrada 1991-2022 // Institut de Ciències Polítiques i Socials. URL: <https://www.icps.cat/archivos/sondeigs/graficssc2022cat.pdf> (accessed 25.09.2023).

В этом контексте вместо плоскостного, статичного понятия государства как средоточия власти, обладающего исключительным правом на легитимное насилие, в ибероамериканской (латиноамериканской и испанской) политической мысли формируется и все более укрепляется многофакторное, полифоничное, динамичное понимание, в котором к государству предъявляются высокие и разнообразные требования. Совершенствование системы государственного управления, повышение его качества в соответствии с запросами и потребностями все более сложных и зрелых, но вместе с тем все более требовательных современных обществ, является важнейшей проблемой. Высокий общественный запрос на этические, моральные нормы, которые должно соблюдать государство (в том числе – на уважение к своим гражданам, соблюдение их прав, воздержание от любых видов насилия, и т.д.). Серьезным риском является растущее общественное недовольство и разочарование, социальные протесты, вмешательство улицы в политическую жизнь, ее правила и нормы, появление новых ярких лидеров популистского типа, возникновение «новой левой волны» и оживление радикально-левой идеологии. Одновременно идет процесс сужения возможностей реформизма как последовательной, взвешенной, долговременной государственной стратегии, свойственной ряду латиноамериканских стран на протяжении конца XX – начала XXI вв., и обесценивание этой стратегии в массовом сознании. Одной из актуальных задач современной политики в латиноамериканском контексте становится необходимость трансформировать политическую активность новых лидеров-популистов, стремительно набирающих популярность, в эффективную и обдуманную государственную деятельность. Характерными примерами подобных вызовов являются Чили и Колумбия.

Вместе с тем, современный этап развития характеризуется также возрастающим влиянием и активностью различных структур гражданского общества, представленного как крупными неправительственными организациями, выходящими на региональный и международный уровень, так и небольшими низовыми объединениями, действующими в локальном масштабе. Эти организации, основанные на характерных для латиноамериканской цивилизации принципах гражданского активизма, горизонтальных связей, волонтерской работы, дополняют государственную политику в наиболее сложных социальных сферах – образовании, преодолении социальной исключенности уязвимых групп населения, коренных народов, поддержке детей, молодежи и пожилых людей из беднейших слоев. Многоуровневое взаимодействие государства и гражданского общества является перспективным направлением развития, но в то же время содержит ряд потенциальных конфликтов, проблем и рисков.

Эти и другие вопросы поднимают в своих размышлениях о современных латиноамериканских государствах и обществах видные представители ибероамериканской политической мысли (Л. Агилар, А. Камоу, Д. Сватто, М. Лагос, П. Воммаро, П. Стефанони, А. Сингер, П. Навиа, М. Алькантара Сазс, К. Маламуд, Р. Нуньес, и др.), мнения которых вызывают значительный исследовательский интерес.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Современная молодежь, система ее представлений и ценностей сегодня часто оказывается в центре внимания представителей различных направлений гуманитарного и социального знания. При этом часть авторов связывают с молодежью ожидания развития и преобразований в самых различных сферах жизни: экономической, политической, культурной. Другая часть выражает свое разочарование и неудовлетворенность. Это связано, в первую очередь, с неоднородностью системы политических представлений и ценностей современной молодежи.

Особенно четко разнонаправленный характер ценностных оснований ее сознания и поведения проявился в реакции на начало специальной операции на территории Украины 24 февраля 2022 года. С одной стороны, значительная ее часть сегодня включена в деятельность по защите интересов России как непосредственно на фронтах специальной операции, так и в форме различных направлений волонтерской деятельности. С другой, нельзя не замечать и ту часть молодежи, которая выступили с осуждением действий Российского государства или просто бежала от основных обязанностей гражданина за пределы своего Отечества.

В связи с этим представляется необходимым более глубокое исследование такой значимой для российской политической культуры ценности как ценность патриотизма, форм его проявления в сознании и поведении молодого поколения граждан России. Главный вопрос – что такое для современной молодежи патриотизм, каковы его исторические и культурные основания, а также кто является для нее образцом настоящего патриота.

Глубокое исследование предполагает анализ традиционных исторических и социокультурных оснований понимания и интерпретации категории патриотизма современной молодежью.

По результатам исследований большинство респондентов, принадлежащих к категории молодежи, отвечая на прямой вопрос, идентифицируют себя в качестве патриотов. Одновременно бóльшая часть из них выбрали пассивную интерпретацию этого понятия, и гораздо меньшая ассоциировали патриотизм с идеей служения обществу или стране.

Такое недостаточно четкое и во многом противоречивое понимание сущности патриотизма особенно заметно проявляется в ответах на предложение привести примеры настоящих патриотов. Если в историческом контексте появляются некоторые имена военачальников, ученых или писателей, то современных патриотов в памяти абсолютного большинства не находится. Интересно, что ни один из респондентов не смог назвать в качестве патриотов фамилий героев спецоперации, однотипные, скучные билборды с фотографиями, именами и фамилиями (почему-то написанные достаточно мелким шрифтом) которых расположены в Москве на всех улицах и площадях. Однако в оправдание молодых респондентов следует заметить, что это во многом свидетельствует о недостаточно профессиональной работе тех структур, которые отвечают на символическую сторону продвижения ценностей патриотизма.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010 номер тематики 1023042500277-9-5.6.1).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ ПОВЕСТКИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 2023 ГОДА

Выборы в Единый день голосования 10 сентября 2023 года представляют интерес с нескольких позиций. Во-первых, это последняя избирательная кампания в регионах накануне президентских выборов, намеченных на март 2024 года. Во-вторых, выборы проходили в ситуации, когда партии уже адаптировались к новой реальности, связанной с СВО и масштабным геополитическим противостоянием со странами Запада. В-третьих, текущая ситуация требует от политических сил поиска новых смыслов, которые позволили бы показать политическую субъектность и наличие собственной программы действий. В целом, избирательные кампании по выборам глав регионов и парламентов субъектов прошли в 41 субъекте (без учёта тех, в которых глава региона избирается законодательным органом), причём в Ивановской и Кемеровской областях, так же как в Хакасии и Якутии выбирались оба органа власти. По итогам прошедших выборов можно выделить ряд особенностей и закономерностей, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом.

1. В силу того, что политический (в том числе и избирательный) процесс всё более администрируется органами исполнительной власти, то в выборах участвовали, преимущественно, партии, которые представляют текущий «думский консенсус». Участие непарламентских партий свелось к минимуму (в некоторых регионах, например, в Башкирии они вовсе не принимали участия в избирательном процессе). Чаше других выдвигали своих кандидатов «Коммунисты России». Участие партии «Яблоко» по своим идеологическим установкам сегодня близкой к несистемной оппозиции свелось к минимуму (следует отметить, что данная партия своей стратегией выбрала участие в выборах муниципального уровня). Вместе с тем относительно молодая парламентская партия «Новые люди» не везде успела создать собственные работающие партийные структуры, соответственно, не везде ей были выдвинуты кандидаты.

2. Партии парламентской оппозиции испытывают серьёзный кризис идей. Начало СВО и «санкционная война» привели к складыванию единой позиции партий по ключевым вопросам, но первенство здесь принадлежит «Единой России», которая фактически монополизировало патриотическую повестку, ранее активно эксплуатируемую КПРФ, ЛДПР и СРЗП. Ключевой идейный разлом общества проходит по линии отношения к СВО и мобилизации, взаимоотношений с Западом и Китаем, но не одна из парламентских оппозиционных партий не имеет по этим вопросам позицию отличную от «Единой России», что объективно не даёт им возможности выстроить узнаваемую избирательную кампанию. Одновременно это приводит к тому, что существенный общественный сегмент не видит политической партии, которая отражала бы их интересы и участвовала в выборах и, соответственно, не имеет представительства в парламенте. Отчасти решить эту проблему могла бы партия «Новые люди», но их организационного, кадрового ресурсов и узнаваемости пока недостаточно.

3. Инерционность избирательных кампаний во многом связана со слабостью региональных отделений и их зависимостью от администраций субъектов. В этих условиях партии часто отказываются от трансляции в период выборов актуальной региональной повестки, фактически транслируя только тезисы, используемые в ходе федеральных кампаний. Такие тезисы не имеют прямого отношения к региону и не предполагают решения проблем на уровне законодательной или исполнительной власти субъекта.

4. Ни одна из партий или их кандидатов не транслируют «образа будущего» региона (тем более, страны), хотя запрос на это в обществе имеется. Как следствие, партии не предлагают внятных стратегий будущего развития, отвечая только на ситуативные, локальные вопросы, либо ограничиваясь бессодержательными общими рассуждениями.

При условии сохранения текущей политической ситуации можно ожидать дальнейшую рутинизацию избирательного процесса, связанную с идеологической пустотой партий, в том числе на выборах федерального уровня. В целом развитие партийной и избирательной систем России, будет напрямую зависеть от дальнейшего хода СВО и того влияния какое оказывает спецоперация на внутривнутриполитические процессы и функционирование политических институтов в России.

Евстифеев Р.В.
(ИНИОН РАН, Москва)

КОНЦЕПТ «СТРАНА-ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Одним из проявлений «возвращения государства» после десятилетий ожидания его ослабления и даже «исчезновения» стал рост популярности цивилизационного подхода к рассмотрению истории и – особенно в последнее десятилетие – осмысления перспективы развития стран-цивилизаций.

Как подчеркивает целый ряд исследователей, «цивилизация» вернулась на передний край глобальных политических дебатов, причем как среди политиков, так и среди публицистов и экспертов, а также в академической среде.

Дискуссии о цивилизациях характеризуются сильной политизированностью и поляризацией, апелляциями к историческому прошлому для обоснований современных претензий и перспектив.

При описании цивилизационного подхода современные исследователи обычно ссылаются на работу С. Хантингтона начала 90-х годов прошлого века, при этом оставляя без внимания довольно долгий эволюционный путь данного подхода к рассмотрению истории. Однако, для понимания сути концепции «страна-цивилизация» и оценки перспектив ее применения и развития в современном мире, необходимо более тщательное выявление генеалогии данного понятия, ее траектории, изменений,

Анализ работ мыслителей XIX – начала XXI веков, в которых обосновывается цивилизационный подход к истории, позволяет выделить по крайней мере три важных этапа развития данной концепции.

На первом этапе, хронологически и содержательно связанным с периодом упадка и распада империй и становлением национальных государств, исследователи, усложняя простое деление мира на Запад и Восток, выделяли ряд «культурно-исторических типов», причем на довольно разных основаниях – от расы до религиозных систем (Ж. Гобино, Г. Рюккерт, Н. Данилевский, Х. Чемберлен и др.). Пространственные и временные границы таких культурно-исторических типов (цивилизаций) были, как правило, размыты, их основные характеристики выглядели весьма противоречиво. В целом данные теоретические построения находились на периферии научного знания.

На втором этапе, характеризующимся трагическим распадом империй и развитием национальных государств, исследователи стремились найти научные основания деления мира на цивилизации (А. Тойнби, О. Шпенглер, Д. Андреев). В основе такого деления лежали культурно-религиозные особенности обществ, а также весьма проработанные исторические характеристики и тенденции. Не вызывающее больших сомнений доминирование национальных государств в мировом развитии этого периода при большом количестве явных неудач и проблем национального строительства (nation-building) позволяло сохранять и развивать видение мировой истории, в основе которого лежат не государства, а цивилизации.

Третий этап связан с дискуссиями 80-90-х годов прошлого века, в центре которых находились идеи С. Хантингтона, высказанные им в период, когда рыночная экономика и либеральная демократия казались неминуемым будущим всего человечества. Однако, сохраняющиеся конфликты между странами и обществами требовали объяснений, которые и были предложены в виде концепции «столкновения цивилизаций», суть которой в том, что развитие национальных государств не приводит в близлежащей перспективе к нивелированию различий и противоречий между цивилизациями, разломы между которыми становятся линиями идущих и будущих международных конфликтов.

В начале XXI века начинается новый этап развития цивилизационного подхода и связан он с появлением концепции «страны-цивилизации».

В наиболее отчетливой форме эта концепция представлена в работах китайского исследователя Чжан Вэйвэя. Его основанная идея в том, что впечатляющее развитие Китая связано с формированием нового типа государства, которое представляет из себя особую цивилизацию.

Как пишет Вэйвэй, «каменистый путь Китая к национальному государству завершился созданием страны-цивилизации», среди достижений которой победа над бедностью, беспрецедентный рост среднего класса, развитие рынка, своя собственная политическая система.

Основными характеристиками страны-цивилизации называются: огромное население, огромная территория, древняя традиция, богатая культура, уникальная политика, уникальное общество, уникальная экономика.

Идеи Вэйвэя, изложенные им в работах второго десятилетия XXI века, получили большую популярность во многих странах мира, по разным причинам стремящихся подчеркнуть свою независимость от «Запада» и уникальность. В настоящее время, кроме Китая, концепция «страны-цивилизации» в приложении к своим странам активно развивается в Индии, Турции, Египте, России. Однако, для этих концепций критически важным представляется нахождение баланса между научностью, теоретической проработкой, с одной стороны, и политической ценностью данного концепта для политических режимов указанных стран.

Евтушенко А.В. (МГИМО МИД России, Москва)

Фоминых А.Е. (МарГУ, Йошкар-Ола)

ОТ ПОБРАТИМСТВА ГОРОДОВ К «ПАРАДИПЛОМАТИИ МАКРОРЕГИОНОВ»: ПОИСК НОВЫХ ФОРМ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В отношениях России и Китая дипломатию «традиционную» логично дополняет парадипломатия, или международная деятельность субнациональных акторов (городов, а также субъектов РФ и провинций КНР). Специфика парадипломатии в российско-китайских отношениях состоит в том, что межрегиональное взаимодействие было инициировано, главным образом, центральной властью и полностью подчинено государственным интересам, также формулируемым центральными правительствами обеих стран.

При наличии глубоких культурных различий между РФ и КНР развитие двусторонних связей приходится подкреплять искусственно: с помощью программ и проектов, позволяющих народам двух стран лучше узнавать друг друга. Данная задача решается на высшем уровне путём проведения «тематических годов», начало которым было положено «Годом России в Китае» и «Годом Китая в России» (2006-2007). К примеру, 2023 год был объявлен «Годом российско-китайского сотрудничества в области физической культуры и спорта».

Другим способом межрегионального сотрудничества является установление побратимских связей между городами, начавшееся еще во времена СССР. Для КНР вплоть до 1970-х гг. культурные обмены в рамках «движения городов-побратимов» были удобным способом развития межгосударственного сотрудничества в условиях отсутствия дипломатических отношений со многими странами. В пореформенный период такие связи стали восприниматься сквозь призму применения «мягкой силы» и выглядели возможностью рассказать о себе и своей культуре миру, снизить уровень синофобии и алармизма.

«База данных» побратимства городов России и Китая достаточно велика (Харбин – Хабаровск, Хух-Хото – Улан-Удэ, Лхаса – Элиста, Гуанчжоу – Екатеринбург, Шэньян – Иркутск, Чунцин – Воронеж, Цзилинь – Волгоград и т.д.). Центром побратимского движения на российском Дальнем Востоке логично стал Владивосток, причем его китайскими побратимами стали и город Далянь, и целый Яньбянь-Корейский автономный округ КНР. При этом побратимство городов на практике вовсе не означает прорывов в двусторонних отношениях. Речь идет о делегационных, культурных, спортивных и научно-образовательных обменах, эффективности которых способствует наличие более тесного контакта между чиновниками двух городов. Тот же Владивосток наиболее успешно сотрудничает с приграничными городами Суйфэньхэ и Хуньчунь, не связанными со столицей Приморья никакими договорными отношениями.

В связи с заявленным руководством РФ «разворотом российской экономики на Восток» (2012) на российско-китайском треке возникают и новые формы парадипломатии, связанные с сотрудничеством регионов и даже макрорегионов. Примером является программа «Волга–Янцзы», призванная стимулировать развитие контактов между 14 субъектами Приволжского федерального округа РФ (ПФО) и пятью провинциями КНР в регионе Верхнего и Среднего течения реки Янцзы (Аньхой, Хунань, Хубэй, Сычуань, Цзянси), а также городом центрального подчинения Чунцин. Характерной чертой программы, начавшейся в 2013 году, является «сконструированный» характер участвующих в ней макрорегионов. В качестве объединяющей темы были выбраны великие реки: Волга в России и Янцзы в Китае. По замыслу инициаторов, такой формат был призван доказать, что наличие общей границы не является необходимым условием для эффективного экономического сотрудничества.

Спустя десять лет после старта результаты программы «Волга-Янцзы» выглядят неоднозначно. Так, на уровень практической реализации к началу 2023 г. вышли не более 15 инвестиционных проектов из 70. Выявились неравные «стартовые возможности» российских регионов: основная доля совместных проектов приходится на экономически развитые субъекты (республики Татарстан, Башкортостан, Самарскую, Нижегородскую область), в то время как сравнительно небольшие и небогатые (например, Республика Марий Эл) закрывают лишь некоторые позиции в «дорожной карте». Вместе с тем, культурно-гуманитарные связи развиваются вполне успешно. В этой сфере реализовано более 60 совместных проектов, подписано более 50 межрегиональных соглашений и меморандумов о сотрудничестве. С 2016 г. действует Ассоциация вузов «Волга-Янцзы» с участием 50 российских и 30 китайских университетов; запущен формат совместных российско-китайских молодежных форумов и лагерей.

Несмотря на сложности, форсированный характер российско-китайского межрегионального взаимодействия себя оправдал. Китайские инвесторы открыли для себя российское Поволжье и Прикамье, а российские компании из ПФО вышли на китайский рынок. Установлены партнерские отношения между вузами, учреждениями науки и культуры. В прежней логике развития российско-китайского регионального сотрудничества, делающей акцент на приграничных связях, это было бы невозможно. Представляется, что позитивный опыт программы «Волга–Янцзы» может быть перенесён и на другие макрорегионы России и Китая.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Формирование новых практик реального публичного взаимодействия в условиях цифровизации определяют требования к профессиональному развитию государственных гражданских служащих, выраженных в грамотном использовании цифрового контента как инструмента профессиональной деятельности.

Основные мероприятия по развитию профессионального потенциала государственных гражданских служащих, планируемые к практической реализации, отражены в паспорте подпрограммы «Совершенствование механизмов управления развитием Краснодарского края» государственной программы «Региональная политика и развитие гражданского общества». В ней содержатся конкретные целевые показатели с представлением соответствующих бюджетных расходов (на 2023 год заложено из краевого бюджета 144,5 млн руб.), а также следующие формы:

- проведение тематических конференций и семинаров по направлениям деятельности Законодательного Собрания Краснодарского края (200 человек ежегодно);
- организация дополнительного профессионального образования лиц, замещающих государственные должности и должности государственной гражданской службы в исполнительных (администрация Краснодарского края) и законодательных (Законодательное Собрание Краснодарского края) органах власти (220 человек в 2023 году).¹

Результаты анализа рынка региональных образовательных продуктов, интегрирующих общепрофессиональные компетенции в области государственного и муниципального управления со специальными цифровыми компетенциями, указывают на ограниченность рынка дополнительного образования Краснодарского края. Среди образовательных продуктов Института переподготовки и повышения квалификации КубГУ актуальными для государственных и муниципальных гражданских служащих Краснодарского края в контексте развития «цифровых» компетенций являются следующие комбинированные и узконаправленные программы:

- Государственное и муниципальное управление (профессиональная переподготовка, 510 часов);
- Управление национальными и региональными проектами (Тип А) (профессиональная переподготовка, 1158 часов);
- Управление документами и мультимедийными данными в государственных и муниципальных органах власти (повышение квалификации, 72 часа).

В качестве примера узкоспециализированного образовательного трека рассматривается программа повышения квалификации² «Управление документами и мультимедийными данными в государственных и муниципальных органах власти». Программа разработана на основе модульно-компетентностного подхода и состоит из трех профессиональных модулей: «Нормативно-правовая база управления документами и мультимедийными данными», «IT-инфраструктура органов власти», «Управление

¹ Постановление Губернатора Краснодарского края от 19.10.2015 № 975 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Региональная политика и развитие гражданского общества» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140096173&backlink=1&&nd=140065502&rdk=4&refoid=140096177> (дата обращения: 05.09.2023)

² В соответствии с государственным заказом на дополнительное профессиональное образование государственных гражданских служащих в 2023 г. такая форма профессионального развития рассматривается как наиболее популярная.

мультимедийными данными». Важным элементом образовательной программы является теоретическое освещение и отработка проблемы создания автоматизированного рабочего места сотрудника органа власти, в частности предъявляемые требования, управление виртуальным AR-офисом по предоставлению госуслуг, защите и визуализации больших данных. Мультимедийный блок включает в себя: практикум по созданию мультимедийных документов; контент-анализ официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления; анализ рынка отечественного программного обеспечения для работы с мультимедийными данными; обзор практик реализации мультимедийных спецпроектов в муниципальных образованиях в России и за рубежом.

Таким образом, профессиональное развитие государственных гражданских служащих Краснодарского края в соответствии с нормативными регламентами опирается на привлечение государственных администраторов к получению дополнительного профессионального образования. Более того, востребованность профессиональной переподготовки / повышения квалификации все чаще увязывается с наличием в учебном плане предполагаемых к обретению «цифровых» компетенций.

Результаты исследования кадрового обеспечения государственной службы в Краснодарском крае позволяют сделать обобщенный вывод о развитии в регионе комбинированной культуры управления кадрами. С одной стороны, система развивается в духе «хорошего управления» (good governance) с активным внедрением проектного подхода, организацией широкой системы коммуникаций с представителями бизнеса, образования, гражданского общества для наполнения кадрового резерва управленцами нового типа, качественного развития профессиональных навыков и компетенций действующих государственных гражданских служащих. С другой стороны, сохраняются принципы единоначалия, личной ответственности вышестоящего звена за качество реализуемой политики, в т.ч. кадровой.

Жаде З.А.
(АГУ, Майкоп)

100-ЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РЕГИОНА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ АДЫГЕИ, КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ¹

2022 год в трех российских республиках (РА, КБР, КЧР) ознаменовался «юбилейно-брендинговым бумом», связанным со столетием их государственности. Структура празднования памятной даты свидетельствует о проведении активной региональной политики идентичности, сочетающей символическую политику, политику памяти и брендинг регионов.

Основываясь на положении о том, что «бренд региона – это его уникальный яркий позитивный образ, обусловленный оригинальными социокультурными особенностями территории, ставший широко известным общественности. Основой бренда могут быть природно-климатические и исторические или культурные особенности территории»², рассмотрим инструменты брендинга региона через организацию юбилейных событий.

Посредством организации и проведения 100-летнего юбилея к традиционным технологиям брендинга прибавились инновационные, которые способствовали в полном объеме продвижению брендов регионов. Так, важным событием стало торжественное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

² *Василенко И.А.* Возможности инновационных технологий территориального брендинга для формирования современного имиджа российских регионов // *Власть.* 2016. Т. 24. № 1. С. 71.

мероприятие по случаю празднования юбилея республик 20 сентября 2022 г. в Государственном Кремлевском Дворце, на котором Президент России, высоко оценивая вклад жителей братских республик в укрепление и развитие страны, назвал имена таких символов-идентификаторов, как адмирал А. Головкин, командир танковой бригады Х. Богатырев, политрук Х. Андрухаев. Также Главой государства обозначены такие основные туристические бренды регионов, как курорт Эльбрус и туристические центры Приэльбрусья, всесезонный курорт Архыз, горный экокурорт Лагонаки.

К иным инновационным технологиям брендинга регионов следует отнести: проведение Дней республик в Совете Федерации и Государственной Думе РФ; проведение фестивалей, конкурсов, выставок, конференций и т.п.; создание новых региональных символов и маркеров; открытие памятников и скверов; создание историко-документальных фильмов, театральных постановок, выпуск краеведческой литературы; персонификация региона через региональных идентификаторов; участие в проекте «Россия – страна достижений» и конкурсе «ТОП-1000 культурных и туристических брендов России»; представление региональных брендов на гастрономическом фестивале в Москве; рейтинговые телепередачи центральных каналов, пресс-туры, путешествие с блогерами и тревел-шоу; изготовление идентифицирующей юбилейной атрибутики: медали к 100-летию образования республик, почтовых марок и маркировочных открыток; комплексную юбилейную рекламно-информационную кампанию по укреплению региональной идентичности и продвижению брендов республик.

В «ТОП-1000 культурных и туристических брендов России» включены: Тембот Керашев, Лагонаки, Западный Кавказ, дольмены Адыгеи, черкеска, золотое шитье адыгов, адыгское седло, адыгские танцы, черкесская шашка, адыгское златокузнечество, шичепшин (адыгская скрипка), адыгейский сыр, халюжи (РА); Голубые озера Кабардино-Балкарии (КБР); Башня Адиух (КЧР).

Помимо этого, в Адыгее в 2022 году апробированы такие инновационные технологии брендинга, как: открытие памятника Ш.-Г.У. Хакурате, стоявшему у истоков становления автономии; создание консорциума «Вернадский – Республика Адыгея»; конкурс выбора слогана к столетию, в котором победу одержал вариант: «Адыгея – маленькая республика с большим сердцем»; регистрация семи брендов в Роспатенте. В республиках СКФО с целью популяризации территории **представлен единый бренд «Сделано на Кавказе»**. Как видно, инновационный тренд в брендинге регионов выражается в том, что наряду с традиционными брендами появляются новые символы региональной уникальности.

Хотя в РА, КБР и КЧР, помимо Стратегий социально-экономического развития, нет официальных документов, определяющих содержание и направления брендинговой политики, тем не менее, есть все основания полагать, что региональные институты власти осуществляют успешную политику идентичности, составной частью которой выступает брендинг региона.

Изучив инновационные тенденции брендинга регионов, считаем целесообразным рекомендовать: скорректировать Стратегии социально-экономического развития регионов с целью внесения в комплексное планирование этапа брендинга территории; создать координационно-совещательные советы по брендингу регионов с привлечением представителей научного сообщества и специалистов в области маркетинга; проводить целенаправленную работу по укреплению региональной идентичности посредством активизации политики памяти и символической политики; умножить индекс появления региональных СМИ в интернет-среде; увеличить присутствие региональных персонализированных символов и лидеров общественного мнения в федеральном информационном поле.

МАЛЫЕ СТРАНЫ – НЕТИПИЧНЫЕ УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ОПЫТ ВЕНГРИИ

Говоря о современной мировой политике и международных отношениях, мы в основном анализируем политику крупных мировых игроков, таких как США, Германия, Франция, Китай или же крупных межгосударственных организаций и объединений, например ЕС, БРИКС, G7, G20. Создается ситуация, при которой из поля зрения выпадают другие, не такие внушительные по размеру, но не менее важные по своей значимости в условиях меняющегося миропорядка игроки, а именно, малые страны. Все чаще именно они поднимают некоторые острые вопросы, которые до этого упорно игнорировались крупными игроками, инициируя таким образом перемены на международной арене. Именно поэтому специалисты все больше внимания стали уделять изучению таких государств, стремясь объяснить то, как именно формируется политика малых стран и какое поведение обычно свойственно им в рамках международных отношений.

Главной проблемой при изучении малых стран является выбор непосредственного механизма отнесения их к этой группе. В основе классификации могут лежать такие признаки, как площадь территории, численность населения, размеры ВВП, но ни один из них не дает исчерпывающего представления о том, можно ли государство назвать «малым», т.к. формирующиеся группы в таком случае слишком неоднородны. Поэтому, большая часть исследователей исходят из того, что «малыми» принято называть государства с небольшим населением и достаточно ограниченными экономическими возможностями, которым не хватает военных и дипломатических ресурсов для того, что представлять свою страну на международной арене и отстаивать свои национальные интересы наравне с могущественными державами¹. Выявление основных характеристик малых государств – относительно скромных экономических показателей, небольшой численности населения, отсутствия или малочисленности армии, незначительного политического веса на международной арене, ограниченных дипломатических возможностей – упрощает анализ поведения малых государств. Зачастую, их действия сводятся к ряду паттернов или же стратегий, которые хоть и обозначаются разными специалистами по-разному, по сути, сводятся к следующим: балансирование (сотрудничество с более слабой стороной); примыкание к победителю (*bandwagoning*, примыкание к более сильному государству или группе государств); поиск убежища² (поиск внешнего защитника); и формирование альянсов³.

Примером малого государства служит Венгрия. С одной стороны, венгерская политика вполне вписывается в логику поведения таких стран – будучи членом ЕС и НАТО, Венгрия стремится обеспечить свою экономическую и политическую безопасность, она так или иначе действует в ключе политики коллективного Запада по многим вопросам. Однако на фоне последних событий политика венгерского правительства достаточно сильно выбивается из общей парадигмы «беспрекословного подчинения» страны-члена этих объединений. Во многом это связано с феноменом действующего премьер-министра, Виктора Орбана, которого обвиняют в создании системы, призванной сохранять его властные полномочия, в укреплении связей с автократами в России и Китае и, что самое важное, в том, что он бросил вызов Европейскому Союзу. Венгрия выступает против ЕС и

¹ Rob, Kevlihan Small states in the International System: What theories of international relations have to say / Kevlihan Rob. — Текст : электронный // : [сайт]. — URL: https://www.academia.edu/7485155/Small_states_in_the_International_System_What_theories_of_international_relations_have_to_say?source=swp_share (дата обращения: 30.04.2023).

² Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs Baldur THORHALLSSON (ed.) New York, Routledge, 2019, 224 pages

³ Walt, S. M. (1987). *The Origins of Alliance*. Cornell University Press.

Альянса по целому ряду вопросов, таких как миграционная политика и расширение ЕС, поддержка странами Запада Украины в отношении ситуации с Крымом, а также, что сейчас наиболее актуально, санкционная политика Евросоюза и стран НАТО в отношении РФ. Тем не менее, такому курсу венгерских политиков есть объяснение - страна заинтересована в продолжении поставок российских энергоносителей, а также озабочена судьбами этнических мадьяр, проживающих на территории Украины, т.е. как и любое малое государство, руководствуется в первую очередь мотивами обеспечения собственной безопасности в условиях ограниченных возможностей и ресурсов.

В заключение, следует сказать, что политика Венгрии достаточно ярко демонстрирует паттерны поведения малых стран. В попытке обеспечить благополучие и благосостояние своих граждан стране приходится как бы лавировать между крупными игроками на международной арене – Россией, от нефтегазовых поставок которой зависима Венгрия, ЕС, обеспечивающим финансирование и создающим благоприятные экономические условия, и НАТО, в частности США, которые, во-первых, оказывают давление на Брюссель и, во-вторых, делают большие вложения в венгерскую экономику.

*Завершинский К.Ф.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Устойчивость мирового социально-политического порядка и эффективность гуманитарных проектов конвергентного развития все чаще детерминируются конфликтной конкуренцией мегаполитических нарративов, легитимирующих претензии новых акторов на мировое лидерство. Значимой задачей исследования социокультурных оснований проектов устойчивого развития видится разработка междисциплинарной методологии анализа политико-культурной специфики и нарративных практик легитимации подобных инициатив. Несмотря на вариативность и междисциплинарность современных исследований в предметной области «стратегических исследований» прослеживается относительное единство в трактовке смысла стратегической наррации. В его основе лежат теоретико-методологические послышки, стратегия понимается как «искусство создания власти», а стратегические нарративы как «историю о власти, рассказанную в будущем времени из настоящего», стратегия – это «всегда больше, чем план» (L. Freedman). Стратегический нарратив – средство конструирования общего смысла прошлого, настоящего и будущего международной политики в трех основных формах (Alister Miskimmon, Ben O’Loughlin, and Jinghan Zeng). Стратегические нарративы, вырабатываемые государственными институтами призваны создать и объединить перцептивные пространственные модальности инфраструктуры (политические, экономические, технологические, культурные) чтобы придать смысл своим действиям в области строительства и контроля за социальной инфраструктурой этих сообществ (van Noort Carolijn) и интерпретируются как компоненты нормативной, дискурсивной силы, «мягкой силы» и «государственного управления».

Подобные опции анализа политико-культурных аспектов артикуляции стратегических нарративов устойчивого развития остаются в рамках позитивистских моделей, где их символические аспекты носят характер производных от институциональных и организационных параметров и либерально-демократических ценностных проекций. Исследования перспективности, возможности и ограничения существующих проектов устойчивого развития нуждаются в коплементарности со стороны антропологических стратегий современной культурсоциологии и антропологии политики в

контексте одного базовых противоречий – универсального и партикулярного. Стратегические нарративы реализуются не только посредством целерациональных или ценностно-рациональных дискурсов, а выступает способом реализации мифических репрезентаций в коллективных представлениях. Символический потенциал стратегических национальных нарративов во внешнеполитических коммуникациях зависит от степени совместимости их символического содержания с семантикой мифоконструкций других политических сообществ, соотношения в его символических фигурах «универсального» и «локального» контента мифического. Обоснованным следует считать и методологическую установку на исследование потенциала стратегических нарративов не только с позиций «материальной», рациональной выгоды, а и онтологической безопасности государств (их политико-культурной идентичности - «ощущения себя во времени»), что будет мотивировать политические сообщества с большей вероятностью вступить в союз с другими (Thomas Colley, Carolijn van Noort).

Существующие политические нарративы устойчивого развития в политико-культурном смысле весьма диверсифицированы, подвергаясь коммуникативному влиянию либерального в своих основаниях контрнарратива «Pax Americana» на основе концепта «евроатлантической солидарности», позиционирующего себя как «надежда цивилизованного мира» и блокирующего всех, кто оспаривает проект глобализации США. Другой целевой проект устойчивого развития, все интенсивней претендующий на глобальность, это проект устойчивого развития КНР (Pax Sinica), репрезентируемый в нарративе «сообщества общего будущего» на основе инициативы «Один пояс, один путь» сохраняющий установки на коллективистские формы солидарности. Эти нарратива солидарности существуют в окружении таких потенциальных проектов развития как Pax Asiana и декларируемого в современной России евразийского проекта, инициируемого политическими элитами на основе нарратива «многополярного справедливого мирового порядка». Проекты универсальной стратегии развития, где политические нарративы основаны на символических обязательствах солидарного существования как на национальном, так и международном уровне, остаются пока утопическими. Вместе с тем, драматургия современных нарративов национальной суверенизации и дискурсов развития одновременно позволяет надеяться, что неокOLONиальные и гегемонистские, иерархические в своей основе нарративы конкурентного развития, будут скорректированы с учетом политико-культурной уникальности современных политических сообществ и нового стратегического нарратива развития на основе принципов социальной справедливости и гражданской солидарности.

Завирюхин Д.В.
(ВГУ, Воронеж)

ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОЙ РОССИИ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ЭЛИТЫ И ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА

В статье предпринята попытка сравнительного сопоставления образов желаемой России у политической элиты и общества на примере восприятия суверенитета, многополярного мира и традиционных ценностей. Актуальность работы обусловлена несколькими факторами: беспрецедентным внешнеполитическим давлением на Россию со стороны «коллективного» Запада, серьезной трансформацией экономической модели страны, наконец, вступлением в политическую жизнь поколения нулевых, которое обладает проблемами политической самоидентификации. Как итог, политической элитой стало активно транслироваться необходимость суверенитета и построения многополярного мира, актуальность выработки общей системы ценностей для российского общества. Были использованы следующие работы: исследование под руководством проф. А.В. Глуховой

позволило нам использовать результаты экспертного опроса на тему факторов, препятствующих формированию цельного образа будущего у политической элиты; аналитический доклад под руководством А.А. Токарева включал результаты 48 фокус-групп, проведенных в 17 регионах страны на тему образа будущего у россиян; аналитический доклад Minchenko consulting «Политбюро 2.0» позволил нам рассматривать политическую элиту с точки зрения отдельных групп, имеющих разное целеполагание. Было установлено, что бенефициарами «нового курса» являются силовой и идеологический блоки политической элиты. Ключевую роль в определении политики страны в рамках обеих блоков политической элиты относят к Президенту В. Путину, что побудило нас рассматривать его отдельно. Установлена связь между дискурсом Президента и формированием политической повестки дня: целеполагание лидера накладывается на иерархию проблем, которые необходимо решить государству. В подтверждение этому был проведен контент-анализ Послания Президента ФС РФ в 2023 году.

Рассмотрев ценностные представления общества и определив представление элит о будущем страны, мы можем сформулировать ключевые особенности этого процесса: являются ли понятия суверенитета, многополярности и традиционных ценностей навязанными обществу или же напротив отражают их волеизъявление? Результаты исследования продемонстрировали следующее.

При анализе факторов, повлиявших на трансляцию рассматриваемых понятий, мы выяснили, что внешние вызовы потребовали качественного пересмотра «общественного договора», установленного между обществом и государством в начале XX века. Наличие серьезного внешнеполитического давления и пересмотр экономической модели страны произвели слом устоявшихся парадигм патернализма и «превалирования экономических прав над политическими» в обществе. В результате поколение нулевых, которое только вступает в политико-общественную жизнь, оказалось в состоянии фрустрации, поскольку оно лишилось привычного образа жизни, сформированного за счет сырьевой экономической модели страны. Это повлияло на поиск новых смыслов для политической элиты, что отразилось в трансляции понятий суверенитета, многополярного мира и традиционных ценностей в их дискурсе.

Исследование целеполагания политической элиты продемонстрировало их множественную направленность: для «внешнего» потребления был использован критерий суверенитета как обозначение эффективного государства и введена концепция многополярного мира в противопоставление американской гегемонии, когда для «внутреннего» были использованы достижения прошлых лет и апелляция к традиционным ценностям как компонентам «русской цивилизации». Ключевыми «бенефициарами» этих установок являются представители силового и идеологического блоков: Н. Патрушев, С. Кириенко, В. Володин, С. Лавров и др. Данные установки нашли положительный отзыв у старших возрастных групп, что продемонстрировали результаты социологических опросов. Анализ представлений населения продемонстрировал положительное восприятие суверенитета, равно как и поддержку традиционных ценностей (в качестве критериев: семья, любовь к Отечеству, помощь пенсионерам и т.д.) во всех возрастных группах.

Контент-анализ Послания ФС РФ в 2023 году позволил обнаружить следующее: большую часть выступления В. Путин посвятил обсуждению социальных проблем и их решениям, в то же время немалая часть речи была уделена важности сплочения общества перед внешними вызовами. Речь В. Путина закрепила понятия суверенитета, многополярного мира и традиционных ценностей как новых ценностных смыслов «необходимого» будущего России.

Таким образом, установление в политической повестке дня понятий суверенитета, многополярного мира и традиционных ценностей обусловлено не только спросом со стороны большей части возрастных групп населения, но и необходимостью выработки курса, направленного на преломление западного пути развития. Единственной социальной группой, которая может быть «группой риска» в контексте принятия новых смыслов

является молодежь. Решением этой проблемы может быть вовлечение молодежи в политико-общественную жизнь для усваивания ценностей старших возрастных групп.

Зазнаев О.И.
(КФУ, Казань)

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СИСТЕМНЫЕ НЕПОЛАДКИ ИЛИ «ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ»?

На протяжении всего времени существования парламентская система правления подвергалась критике за присущие ей недостатки, что дало повод говорить о «сбоях» системы, кризисе и даже «коллапсе». К проблемам парламентаризма обычно относят слияние законодательной и исполнительной власти, не дающее возможности эффективно контролировать правительство, доминирование премьер-министра, сложности с формированием коалиционного правительства, правительственная «чехарда», частые роспуски парламента и частые досрочные выборы, медленный и затрудненный процесс принятия решений коалиционным кабинетом и поляризованным парламентом, краткосрочная направленность политики правительства без постановки долгосрочных стратегических целей, отчуждение избирателей от процесса избрания премьер-министра, «расцвет» популистских и экстремистских партий и лидеров, жесткая партийная дисциплина, не дающая членам парламента возможности голосовать в соответствии со своими убеждениями и предпочтениями электората. Как правило, эти «неполадки» не рассматриваются как системные, требующие полного отказа от парламентской системы (случаи такого отказа в мировой практике единичны), и их устранение лежит в плоскости трансформации.

«Переформатирование» современных парламентских систем включает в себя реформы, которые меняют ее природу, структуру и принципы. Выделим основные трансформационные изменения в парламентских системах современного мира:

1. установление фиксированной даты проведения выборов в парламенты Великобритании (2011–2022 гг.) и Канады (с 2007 г.), которое по сути «представляет собой революционное новшество, подрывающее основы парламентаризма, – гибкость системы и взаимозависимые источники «выживания» законодательной ассамблеи и исполнительной власти»¹;
2. превращение роспуска парламента «из института субъективного усмотрения премьер-министра и правительства в правовой способ разрешения тупиковых ситуаций в политическом процессе», его конституционализация и деполитизация, а именно сужение свободы выбора премьер-министра в вопросах роспуска²;
3. изменения в использовании парламентом вотума недоверия правительству: сужение возможностей его применения (конструктивный вотум недоверия; требование поддержки предложения о вотуме определенным числом членов парламента); деполитизация вотума недоверия в связи с коррупцией, этическими нарушениями и неподобающим поведением членов кабинета;
4. переосмысление коалиционной политики партий в «пестром» кабинете, целью которой становится достижение сотрудничества, а не соперничества партий, смещение акцента с реализации курса партии на совместное государственное управление несколькими партиями (страны Северной Европы); практика

¹ Зазнаев О.И. Фиксированная дата выборов в парламент: новый формат взаимодействия законодательной и исполнительной власти в Великобритании и Канаде // Политическая наука. 2023. № 1. С. 139–163.

² Зазнаев О.И. Роспуск парламента в парламентских системах: новации в законодательстве и политической практике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 3. – в печати

- длительных межпартийных переговоров перед формированием кабинета министров (Бельгия и Нидерланды);
5. президентализация политики, при которой взаимоотношения между парламентом и правительством подчиняются «логике» президентской системы: растущая концентрация исполнительной власти в руках премьер-министра; независимость парламента от правительства; большая автономия лидера от всей партии; смещение акцента в избирательных кампаниях с партий на лидеров; возрастающее воздействие лидеров на электоральное поведение (Австралия, Великобритания, Италия, Канада и ФРГ);
 6. избрание премьер-министра прямыми выборами в целях повышения легитимности лидера и формирования жизнеспособной коалиции (эксперимент в Израиле в 1990-х гг.);
 7. расширение применения институтов прямой демократии (референдумы, общественные консультации, гражданский контроль за публичной властью), электронной демократии и электронного правительства при подготовке и принятии решений; использование парламентами цифровых технологий для обеспечения прозрачности и участия граждан (трансляция заседаний парламента, размещение официальных документов в Интернете, онлайн-платформы для сбора общественного мнения по законопроектам);
 8. приобретение большей независимости судебных и надзорных органов; расширение полномочий судебной власти по пересмотру законодательства.

Итак, новации в развитии парламентской системы, с одной стороны, позволяют отвечать на вызовы времени и сохранять жизнеспособность, а, с другой стороны, «размывают» традиционные базовые принципы парламентаризма – гибкость, коллегиальное и партийное правление, верховенство и монополизм парламента, частичное слияние властей. Насколько оправдано такое «переформатирование» системы в долгосрочной перспективе – покажет время.

Зайцев А.В.
(КГУ, Кострома)

К ВОПРОСУ О ВЕДУЩИХ ТРЕНДАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ОТ ОФЛАЙН КОММУНИКАЦИЙ К ОНЛАЙН-ДИАЛОГУ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА¹

В условиях современного информационного общества все более отчетливо нарастает интенция очередной, продолжающейся на протяжении последнего десятилетия, очередная трансформации публичной сферы российского социума. Данное обстоятельство неразрывно связано с происходящим социо-технологическим переходом практически всех сторон жизни современного общества к инновационным цифровым, интеллектуальным и производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта. В связи с этим, ранее доминировавший в сфере коммуникации власти и общества, онлайн диалог подвергается глубокой цифровой трансформации и модернизации, институционализируясь в нарративном контексте современной публичной политики в диалогическом формате офлайн-диалога и цифровом

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации проект № FZEW-2023-007.

интерсубъективном дискурсе ведущих субъектом и акторов публичной политики современной России.

Публичная сфера жизни общества всегда выступала и продолжает свое современное бытие в качестве ведущей субстанции информационно-коммуникативного пространства, где институты и организации гражданского общества вступают в интерессубъективный диалог с властью по предельно широкому кругу социально-значимых проблем и вопросов.

Еще до возникновения современных средств массовой коммуникации в соответствии с точкой зрения Ю. Хабермаса), шел поступательный процесс возрастания объемов производства и циркуляции социально-значимой информации. Еще большее расширение дискурсивного пространства публичной сферы было связано с появлением электронных средств массовой информации в XX столетии. Оцифровка средств массовой информации, бурное развитие интернет-коммуникаций и информационного общества в конце XX – начале XXI веков позволили публичной сфере в очередной раз трансформироваться, но уже в принципиально новом ракурсе, построенном на базе социальных сетей, цифрового гражданского общества и цифровой публичной сферы.

На современном этапе эволюции и развития публичной сферы прежний офлайн диалог власти (государства) и гражданского общества постепенно замещается онлайн диалогом между этими ведущими акторами публичной политики. Такой диалог, опосредованный цифровыми медиа, обретает все большую актуальность и все более смещается в пространство цифровой публичной сферы и цифровой публичной политики.

В цифровой публичной сфере находят воплощение как процессы сотрудничества между органами и структурами государственной власти и организациями гражданского общества, так и конфликтного взаимодействия между ними. Это обстоятельство настоятельно требует от современной политической науки, социологии и философии не только разработки современных теоретико-методологических основ цифровой публичной политики в коммуникации власти и общества, но и решения целого комплекса задач. Наиболее приоритетными среди них следует позиционировать разработку и институционализацию технологий управления цифровым интерессубъективным взаимодействием между двумя ведущими акторами цифровой публичной сферы: властью и социумом, государством и гражданским обществом.

Отсюда вытекает комплекс актуальных прикладных задач. Среди них можно назвать такие приоритетные цели и задачи в исследовании цифровой трансформации публичной сферы и онлайн-диалога власти и общества:

1. Определить теоретико-методологические основы исследования процесса цифровой трансформации публичной сферы, неразрывно связанной с поступательным переходом от офлайн коммуникаций к институционализации цифрового онлайн-диалога между государством и гражданским обществом в современной России.
2. Изучить, конкретизировать и сформулировать категориально-понятийный аппарат, в том числе разработать научно-обоснованные определения (термины, концепты) таких понятий как: «цифровой диалог государства и гражданского общества», «цифровизация публичной политики», «цифровое гражданское общество» и др.
3. На основе методологии и понятийно-терминологического аппарата, выявить ведущие интенции, способы, механизмы и инструменты, необходимые для наиболее эффективного использования цифрового диалога в условиях становления новой инфокоммуникативной реальности;
4. Всесторонне исследовать феномен цифровой демократии как формы коммуникативного взаимодействия государства и общества в цифровой публичной сфере;
5. Определить ведущие тренды цифровой трансформации двухсторонних транспарентных и симметричных коммуникаций между государством и институтами гражданского общества;

6. Аргументировать изменение места и роли некоммерческих СМИ как институтов гражданского общества и акторов публичной политики в инновационной цифровой реальности;
7. Выявить наиболее значимые и приоритетные направления цифровизации государственного и муниципального управления, а также их каналов, технологий и способов интерсубъективной онлайн-коммуникации в сфере цифрового взаимодействия власти с организациями и институтами гражданского общества.

Зайцев С.Ю.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

МЕСТО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

На сегодняшний день транснациональные корпорации (ТНК) являются важными участниками политики на глобальном и страновом уровне. В самом общем виде мы будем понимать транснациональные корпорации как крупные бизнес-фирмы, занимающие доминирующее положение на рынках нескольких стран, имеющих и осуществляющую контроль за разветвленной сетью филиалов, подрядчиков и поставщиков, а также способных использовать в своей деятельности большое количество денежных средств. Ширина охвата работы ТНК и вес в экономике принимающих стран и стран базирования делает важным направлением деятельности государства выстраивание отношений с представителями международного бизнеса. Обычно такие отношения можно разделить на кооперационные, нейтральные и конфликтные.

Прежде чем сформулировать место ТНК в новом миропорядке необходимо сформулировать основные черты и характеристики этого миропорядка.

Во-первых, наличие двух крупных конкурирующих ядер, стремящихся распространить своё влияние во всех регионах мира – США и Китай. США уже не являются «гегемоном» и флагманом глобализации, но по экономическим показателям, «мягкой силе», военным возможностям сохраняет одно из лидирующих положений. Распространение влияния Китая осуществляется через его участие в реализации важных инфраструктурных проектов на развивающихся рынках, зависимости стран от импорта, отказе от «продавливания» универсальных ценностей.

Во-вторых, существование региональных лидеров, по своему политическому и экономическому потенциалу вряд ли способных стать «ядром», и в ряде случаев, конкурирующих друг с другом за влияние в регионе (Бразилия, Россия и Турция, Саудовская Аравия и Иран).

В-третьих, параллельно конкуренции на этих уровнях происходит рост роли негосударственных акторов. И здесь мы можем говорить не о возвращении государства, а об усилении влияния таких субъектов как ТНК, частные военные компании, некоммерческие и наднациональные организации, инвестиционные фонды.

Следовательно, обострение конкуренции между государствами приведет к тому, что им будет необходимо создавать коалиции и сети сотрудничества как друг с другом, так и с негосударственными акторами, а также оказывать давление на другие сети.

ТНК как участники указанных сетей могут стать проводниками национальных интересов страны происхождения. Это произойдет при условии соблюдения их финансовых интересов в плане получения прибыли, налоговым и иным послаблениям, способствованию в расширении рынков. Этому также способствует увеличение роли ТНК с государственным участием (ГТНК), которые контролируют ключевые экономические сферы стран – нефте- и газодобычу.

Таким образом, современные ТНК могут продвигать как «западную» модель глобализации, так «восточную» во главе с Китаем, способствуя расширению влияния этой страны на другие регионы и континенты. Так, на начало 2020 года компании из Китая открыли 44 тысячи дочерних предприятий и филиалов в 188 странах мира на 2,2 млн рабочих мест¹.

Также следует отметить, что ключевая роль ТНК в разработке и эффективном применении технологий делает их важными участниками инфраструктурного развития страны происхождения или принимающей страны. Допуск ТНК к развитию основополагающих отраслей и инфраструктуры может снизить суверенитет государства. Одним из инструментов купирования такой угрозы является создание стабильных политических институтов и «правил игры». Так можно отметить тенденцию на рост институциональной власти ТНК, т.е. повышение их роли в предоставлении гражданам услуг, которые традиционно считаются прерогативой государства: медицина, образование и водоочистка и водоотведение и др.

В рамках конкуренции между странами (сетями) увеличиться контроль и давление со стороны государства за цифровыми корпорациями. Здесь преимуществами ТНК является их обладание технологиями для создания модели «цифровой экономики», электронного правительства и т.д. Угрозой государству и гражданским свободам представляется возможность для ТНК использовать собранные данные в разведывательных целях.

Развитие цифровых ТНК, по мнению ряда исследователей, может привести к размыванию идентичности граждан, а также конфликту пользовательской и гражданской идентичности, их конфликт. Здесь существует угроза снижению поддержки гражданами политических институтов. Отдельным вызовом для государства являются возможности использования цифровых продуктов (соцсети, мессенджеры, видеохостинги) в информационных войнах, массовых акциях, воздействии на массовое сознание и когнитивные способности. Именно цифровые корпорации являются обладателями и разработчиками указанных продуктов.

Закутняя В.В.
(ДонГУ, Донецк)

РОЛЬ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

С развитием современных технологий и социальных медиа политическая коммуникация переживает свою революцию. Одной из наиболее влиятельных и динамично развивающихся площадок для обмена политической информацией и мнениями стал мессенджер Telegram.

На данный момент мы можем наблюдать, как многие политические деятели России создают и развивают личные Telegram-каналы для активного взаимодействия с гражданами. Эти каналы часто становятся местом для обмена мнениями, дискуссий и вопросов, что создает уникальную возможность для политиков не только предоставить информацию, но и получить обратную связь.² Такое диалоговое взаимодействие может укрепить связь между избирателями и политиками, а также позволить последним лучше понимать потребности и интересы своего электората.

¹ Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Роль Китая в глобализации мировой экономики // Россия и современный мир. 2021. № 2. С. 100-120.

² Зимарин Р.А. Альтернативные каналы коммуникации как новый тренд получения политической информации (на примере политических Telegram-каналов) // Социально-гуманитарные знания. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-kanaly-kommunikatsii-kak-novyy-trend-polucheniya-politicheskoy-informatsii-na-primere-politicheskikh-telegram-kanalov> (дата обращения: 19.09.2023).

Сейчас сложно представить лидера общественного мнения или политика без социальных сетей. Личный Telegram-канал стал важным инструментом для политических деятелей в построении и укреплении их имиджа, мобилизации избирателей и обеспечения эффективной коммуникации. Эта платформа предоставляет возможность установить прямую связь с аудиторией, показать личность за кулисами политической деятельности, и активно взаимодействовать с избирателями через разнообразные форматы, включая тексты, фотографии, видео и аудиозаписи.

Сегодня многие депутаты Государственной Думы активно используют Telegram-каналы для распространения информации о своей работе, выражения своих позиций и обсуждения ключевых законопроектов. Это помогает им быть ближе к избирателям и сторонникам, а также демонстрировать прозрачность своей деятельности.

Главы регионов Российской Федерации также осознали важность этого средства коммуникации. Они используют Telegram-каналы для информирования о мерах, направленных на развитие своих регионов, и вовлечения жителей в обсуждение ключевых проблем. Также местные политики, главы местного самоуправления, активисты и общественные деятели не остаются в стороне. Они создают и развивают свои Telegram-каналы, чтобы привлечь внимание к важным вопросам на местном уровне и обеспечить диалог с гражданами.

Однако стоит отметить, что создание личных каналов также может подвергать политиков критике и давлению. Такие каналы могут стать объектом внимания общественности и конкурировать с другими источниками информации. Все это подчеркивает важность баланса между личной коммуникацией и традиционными средствами информационного воздействия в политических кампаниях.

С ростом влияния Telegram возникают и вызовы, связанные с распространением ложных новостей и дезинформацией.¹ Проблема дезинформации в Telegram может быть особенно острая в периоды избирательных кампаний, когда различные стороны пытаются воздействовать на избирателей через манипуляции информацией. Это подчеркивает важность медиаграмотности и критического мышления среди пользователей этой платформы.

Таким образом, несмотря на вызовы, связанные с дезинформацией, Telegram остается значимой площадкой для политической коммуникации, и совместные усилия пользователей и политиков могут помочь создать более информированные и обоснованные дискуссии, способствуя разделению правдивой и достоверной информации от манипуляций и фейковых новостей.

В целом, Telegram становится важным элементом современной политической коммуникации, помогая политикам лучше взаимодействовать с избирателями и сторонниками, а также подчеркивая важность адаптации политической коммуникации к меняющейся цифровой реальности.

Зарипова А.Р., Закиров А.Р.
(КФУ, Казань)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК ДЕЛИБЕРАЦИИ В БЕЛЬГИИ

Сегодня вполне обосновано говорить о наметившемся кризисе представительной демократии. Научное сообщество и практикующие политики отмечают снижение уровня доверия общества к институтам демократии, а также утрату связи политической элиты с

¹ *Ляховенко О.И.* Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies . 2022. №1.

гражданами, чье участие в политическом процессе принимает эпизодический характер в условиях распространения абсентеистских настроений.

Реакцией на вышеперечисленные проблемы стал общественный запрос на переосмысление сложившихся институтов и процедур представительной демократии и поиск альтернативных способов включения широких слоев общества в процесс принятия решений. Таким инструментом может стать процедура делиберации, которая подразумевает различные форматы общественного обсуждения. Делиберация рассматривается как процесс коммуникации, происходящий в публичном пространстве, в ходе которого происходит обсуждение проблемы и поиск оптимального варианта ее разрешения. Совещательные механизмы являются способом включения в процесс принятия решение представителей общественности, напрямую несвязанных с профессиональной политической деятельностью.

Делиберация не ставит под сомнение сложившиеся процедуры представительной демократии, а скорее дополняет их в соответствии с современными требованиями. Так, участие в политике обычного гражданина, ранее носившее эпизодический характер и сводившееся зачастую только к голосованию на выборах, может быть дополнено включенностью в деятельность совещательных структур. Участие в такого рода практиках способствует развитию политической осведомленности не только участников процесса, но и наблюдателей, тем самым поддерживает формирование гражданской политической культуры.

Среди государств, переживающих этап формальной институционализации делиберации, заметное место занимают европейские государства, где за последние десятилетия совещательные мероприятия с участием граждан проводятся как на местном и региональном уровнях, так и в масштабах всего государства.

Институционализация делиберативных практик принимает различные формы. Можно найти примеры предоставления гражданам права созывать делиберативные совещания по самым актуальным проблемам или создания регулярно действующего делиберативного органа, решение которого не могут быть проигнорированы государственными структурами.

Значительного прогресса в развитии делиберативных институтов добилось немецкоязычное сообщество Бельгии. Созданный в данном субъекте Бельгийской федерации механизм обсуждения актуальных политических проблем получил название Восточно-бельгийская модель делиберации. В 2019 г. по инициативе региональных политиков при законодательном собрании субъекта был создан институт, который включает Гражданский Совет, Гражданскую Панель, а также ответственный за организационные вопросы секретариат.

Постоянно действующий Гражданский Совет выполняет функцию организации делиберации, отбора тем для обсуждений (за исключением случаев, когда тема поступает от региональных органов власти или инициативной группы граждан), а также формирует обращения в государственные органы и передает им рекомендации, подготовленные в ходе делиберации. В состав такого органа входят 24 человека, назначаемые на срок в 1,5 года при условии, что каждые полгода 1/3 состава будет обновлена. Депутатские группы, правительство и члены совета граждан могут сами вносить предложения по темам, но не более трех в год. Сама делиберативная процедура проводится Гражданской Панелью, в состав которой может входить от 25 до 50 участников, отобранных с помощью гражданской лотереи.

Подготовленные в рамках делиберативного мероприятия рекомендации направляются в ответственный парламентский комитет. В ходе публичной сессии представители собрания граждан вместе парламентариями и ответственным министром обсуждают возможности реализации предложенных мер. Отобранные политиками проекты остаются в поле внимания Гражданского Совета. Не позднее чем через год после

последнего заседания парламентской комиссии парламентарии, министр и члены собрания граждан собираются снова для обсуждения положения дел с выполнением рекомендаций.

Важно отметить, что пример восточно-бельгийской модели является яркой иллюстрацией усилившейся в последние годы тенденции формальной институционализации делиберации. Наибольшее распространение делиберативные процедуры получили именно на региональном и местном уровнях, став полем проверки и отработки успешных институциональных дизайнов совещательного процесса. Сегодня делиберация может рассматриваться как инструмент, который способен не только выполнять свою базовую функцию по обмену мнений между государственными акторами и обществом, которое приобретает возможность напрямую влиять на выбор траекторий регионального развития.

Засыпкина А.Н.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА САЛЬВАДОРА НАЙИБА БУКЕЛЕ

Политическая коммуникация президента Сальвадора Найиба Букеле имеет значительное влияние на развитие политической ситуации в стране, отношения между политическими акторами и институтами. Модель политической коммуникации Найиба Букеле и ее влияние на развитие политической системы Сальвадора является одним из предметов исследований в анализе действий политических акторов и функционирования политических институтов.

Ключевой характеристикой политической коммуникации президента Сальвадора Найиба Букеле является активное использование современных информационных технологий, деятельность в социальных сетях, сфокусированная, прежде всего, на представителей молодого поколения. Первое, что Букеле сделал после объявления его победы — начал публиковать посты в социальных сетях. Имидж, с которым он выступал перед избирателями, находил поддержку среди молодёжи, составившей основную часть числа его избирателей. В мировом информационном пространстве Н. Букеле предстает одним из самых популярных политиков, активно использующим преимущества общения в социальных сетях, где он регулярно публикует сообщения. Такой подход позволяет ему общаться с населением без посредников и получать прямую обратную связь от своих избирателей и оппозиции.

Еще одна особенность коммуникации Найиба Букеле – харизматичный, эмоциональный стиль общения. Букеле известен своими яркими выступлениями и комментариями. Он не боится быть прямолинейным в своих высказываниях, особенно когда дело касается борьбы с коррупцией и вопросов обеспечения безопасности населения. Такой стиль общения позволяет ему вызывать эмоциональные отклики и поддержку со стороны общества, способствует повышению имиджа в качестве участливого, прямолинейного, неравнодушного политика. Кроме того, Букеле готов вступать в дискуссии и полемику с политическими оппонентами, проявляя настойчивость в своих высказываниях.

Современная политическая конфигурация и выстраиваемая Н. Букеле коммуникация в политическом пространстве способствует укреплению роли президентской власти, харизматичного лидера: Н. Букеле воспринимается как «медиа-лидер, киберпопулист,

инфлюенсер, постмодернистский каудильо»¹, лидер нового типа, использующий медиаресурсы, выступающий за централизацию власти, против сепаратизма и национализма в рамках системы правления, характеризующейся персонализацией власти. При этом Н. Букеле является главой государства с самым высоким уровнем поддержки населением, в сравнении с предыдущими главами Сальвадора и в целом в сравнении с другими странами Латинской Америки: уровень поддержки института президентства в Сальвадоре составляет 80%, в сравнении со средним показателем в регионе – 32%², что может говорить об эффективно выстроенной и используемой политической коммуникации главы государства.

Захаров А.А.
(ТвГУ, Тверь)

КОНЦЕПЦИЯ ХАННЫ АРЕНДТ НОМО POLITICUS КАК МЕХАНИЗМ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Разбирая понятие «homo politicus», Ханна Арендт замечает тенденцию к дегуманизации человека. Данный процесс Арендт оценивала отрицательно, поскольку считала человека субъектом политической активности, который способен реализоваться только в публичном пространстве [4; 137]. В работе «Vita Activa» автор аргументирует общественность в человеческой сущности, тем, что каждый вид деятельности осуществляется в публичном пространстве, т. е. оказывает влияние на других людей [1; 17]. Обращаясь к политическому, философ отмечает выражение Аристотеля, о том, что если человек - существо политическое, то соответственно и общественное. Арендт с такой трактовкой не согласна и полагает, что общественность в человеческой сущности изначально считалась синонимом политичности, так как в греческом обществе единственной возможностью, которой человек обладал для проявления своей гражданственности, было политическое участие. Из этого также следует, что в согласии с греческой мыслью человеческую способность к политической организации надо подчеркнуто противопоставлять природному общежитию людей.

Для реализации политической сущности существует публичная сфера. Арендт считает данную область местом протекания власти и местом проявления собственного «Я» [2; 93]. Политика является центром свободы, существующем в определенном социальном пространстве [3]. Благодаря такой концепции человек проявляет активную гражданскую позицию, чем способствует развитию общественно-политической системы. Не менее важным фактором является поступок. Данный феномен как выражение активности отдельного человека можно представить через понимание властвования. Представление о том, что некий сильный субъект властвует самостоятельно, существует либо на ложной вере в то, что в области человеческих дел мы можем что-то «сделать» – (издать закон, создать учреждение) таким же образом, как создать материальную вещь, – или же оно происходит от отчаяния в осмысленности всякого действия, политического и неполитического [1; 236]. «Поступок» гражданина, не имеющего политической профессии, в публичной сфере имеет если не наибольший, то, как минимум, значительный вес в процессе политической деятельности. Так, поступок – это инструмент, которым может распоряжаться каждый человек для реализации потребностей исходя не только из частных мотивов, но и от осознания необходимости решения общественных проблем.

¹ Pérez D.M. Bukele, el caudillo en estado de excepción / David Marcial Pérez // El País. 19 de Marzo 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2023-03-19/la-excepcion-bukele-el-caudillo-al-que-casi-todos-quieren-en-el-salvador.html> (дата обращения: 15.09.2023).

² Informe Latinobarómetro 2021. [Электронный ресурс]. P. 67. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (дата обращения: 01.07.2023).

Несмотря на то, что каждый человек обладает возможностью реализовывать свой политический потенциал в рамках закона по-разному, участие в решении общественных проблем является объединяющим фактором в осуществлении активной гражданской позиции в публичном пространстве. Плюрализм существующих идеологий, общественных организаций, партий и общественно-политических движений позволяет гражданину реализовывать свои потребности на различных уровнях. Данные реалии позволяют обществу консолидироваться для достижения наибольшей эффективности в решении социально значимых проблем, а также поддерживать коммуникацию с органами власти, что, в свою очередь, способствует стабильному функционированию демократической системы.

Таким образом, концепция Ханны Арендт *homo politicus* заключается не только в необходимости проявления политической сущности человека, но и в реализации гражданами общих потребностей. Важно отметить, что решение общественных вопросов может противоречить тезису Арендт о проявлении собственного «Я», однако частные мотивы в публичном пространстве так или иначе ограничены потребностями других граждан. Из этого следует, что проявление политичности способствует объединению общества внутри публичного поля и тем самым укрепляет государство.

Литература

1. Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни/пер.с нем. и англ. В.В. Бибихина. 2-е изд., испр. и доп. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2017г. 415с.
2. Чижов А.С. Теория публичного и частного Х. Арендт как основа для анализа современности// Архонт, 2023. № 2(35). С. 92-96.
3. Марченко Т.А., Рябова Л.В. О методологии исследования политической публичности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2014. № 4. С. 159–164.
4. В поисках политики. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения Ханны Арендт // В.А. Гуторов. Ханна Арендт и греческая политическая мысль. 2007 г. С 133-154.

Захарова Е.А.

(МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, Москва)

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОСПРИЯТИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ¹

Ценности являются регулятором поведения и играют важную роль в формировании личности, поскольку, в частности, влияют на взгляды и модели поведения людей². Усвоение ценностей не может происходить в вакууме, оно сопряжено с социализацией, которая происходит в семье, через систему образования, окружение человека, его друзей, а также социальные сети. Университеты являются одним из агентов социализации. Например, Бреннан, Кинг и Лебо в своем исследовании указывали на то, что при трансформационных процессах, протекающих в обществе, университеты являются местом создания рабочих мест, развития гражданственности и зарождения возможных

¹ Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта № 123091200058-5 «Оптимальные практики продвижения традиционных семейных ценностей в студенческой среде», выполняемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

² Макарова А.П. Ценности студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2018. 9(10). С. 92-104.

политических изменений. Такую роль университеты реализуют посредством объяснения студентам философских оснований свободы, справедливости, демократии и т.д.

Учитывая вышесказанное, представляется важным проанализировать отношение студентов к таким ценностям, как гражданственность, патриотизм, семейные ценности и доверие к власти. Автор ставит вопрос, как студенты воспринимают указанные ценности и каково их отношение к ним, как агенты социализации влияют на формирование традиционных ценностей молодежи. Для ответа на поставленный вопрос автор прибег к проведению интервью со студентами одного из ведущих российских вузов, было отобрано 11 респондентов, в числе которых было 6 девушек и 5 юношей в возрасте от 18 до 21 года, обучающихся на программе бакалавриата по направлению подготовки «Политология». 6 из респондентов являются представителями регионов, 5 – Москвы и МО. Им было предложено поразмышлять над следующим вопросом: как семья, ее материально-бытовые условия, образование родных, школьное окружение, друзья, студенческая среда, социальные сети влияют на формирование у современного студента семейных традиций и традиционных ценностей?

С помощью составленного облака слов было выявлено, что наиболее часто употребляемыми словами при ответе на поставленный вопрос были «социальный», «любовь», «развитие», «доверие», «стремление», «уважение». Респонденты отметили высокую роль семьи в социализации человека и прививании ему традиционных ценностей, что видно из топ-5 наиболее употребимых слов в ходе интервью. Такие же результаты были получены и при анализе соупотребимости слов, а именно, наиболее часто встречающимся сочетанием было «ценность» и «семья», «человек», «традиционный», «ребёнок». Сила связи в данных сочетаниях была наиболее высокой и эти слова образуют отдельный кластер, от которого расходятся связи с другими словами. Отметим и увязку этого кластера с такими словами, как «общество», «образование» и «влияние». Можно сделать вывод, что такое соупотребление слов свидетельствует о том, что семья является значимым агентом социализации, который в дальнейшем влияет на характер выстраивания общественных отношений, а также политических отношений в обществе.

Все респонденты указали на то, что главная роль в прививании традиционных ценностей у семьи, хотя некоторые отмечали, что полных семей в России не так много, что плохо сказывается на социализации и адаптации ребенка и его дальнейшем формировании как личности и как гражданина своего государства. 9 из 11 (или 82%) респондентов практически в одинаковом порядке перечислили свой ассоциативный ряд с семьей и семейными ценностями. Это любовь, доверие, доброта, взаимопонимание и взаимоуважение между людьми. Так или иначе все респонденты подчеркивали, что семья способствует коллективизму в противовес индивидуализму, атомизированности и уходу от реальности в виртуальный мир. Один из респондентов отметил важность официального брака и раскритиковал идею «свободных» отношений, «отсутствия штампа в паспорте или постановки его по желанию»¹, поскольку это размывает семейные ценности и семью как институт, подрывает доверие между людьми.

Подводя итог, именно в семье закладываются основы дальнейшего поведения молодых людей, их отношений к традиционным ценностям, а значит и к государству и гражданственности.

¹ Напомним, что согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 15 июля 2021 г. №1205 отметки о заключении брака и детях ставятся по желанию граждан.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Современные политические реалии, связанные с внешними угрозами нашей стране и продолжающейся уже полтора года Специальной военной операцией на Украине, западной политикой экономических санкций против России и актуализирующийся угрозой возвращения ограничений из-за новой волны ковидной пандемии, стали определенным «вызовом», в очередной раз корректирующим вектор развития трансформации института губернаторов. От них в этих условиях требуется предъявление тех личностных качеств, которые бы позволили жителям регионов в ситуации повышения время от времени общего уровня тревожности общества почувствовать, что главы их регионов держат руку на пульсе и могут оперативно принимать решения, способные обеспечить более-менее стабильные рамки текущей их жизни. Такими личностными характеристиками региональных глав должны стать гибкость в выборе типа управления в своих регионах, адаптационный ресурс к увеличивающимся «вызовам» современных политических реалий и может самое главное предъявление своих профессиональных компетенций как глав регионов в единой региональной управленческой команде, руководимой Президентом РФ В.В. Путиным. Предъявление избирателям региональными главами таких личностных характеристик, как открытость, гибкость, функциональность, прагматичность, способствует выработке оперативных «ответов» на «вызовы» текущей повестки.

При этом исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ показывают, что у действующих губернаторов «старого» и «нового» поколений есть как общие, так и различные личностные черты. Так, часто потеря губернатором политической значимости перед населением региона может быть связана с его личностными качествами. Если главы региона, долго занимающие свой пост, ориентированы на достижение сотрудничества и взаимовыгоды, то губернаторы, недавно возглавившие свой регион, демонстрируют низкий процент по мотиву аффилиации, а ведь это отражается и на выстраивании коммуникации с местным населением. Для этой группы также характерны прагматичность и функциональность, что помогает им своевременно выполнять поставленные задачи, ориентируясь на запрос Президента РФ, перед которым они периодически отчитываются о состоянии текущих дел в их регионах. Вместе с тем, им не хватает уникальности как в своем собственном имидже, так и с учетом специфики региона, что с избытком присутствует у «долгожителей».

Кроме того, население, как правило, более доверительно относится к «своему», выходцу из их региона, как это было в практике с губернаторами, уже давно их возглавляющими, а чуждые гражданам «варяги», некоторыми из которых являются губернаторы-«новички», не вызывают позитивных чувств и эмоций, несмотря на то, что федеральная власть старается «предлагать» такие кандидатуры, у которых хоть какая-то, пусть и опосредованная, связь с регионом будущего управления, присутствует. Все это влияет на формирование уже зафиксированного ранее тренда потери политической значимости губернатора перед лицом его сограждан.

Таким образом, нынешний тренд развития института губернаторства в современной отечественной политической системе ориентирован скорее на формирование корпоративной команды во всей властной вертикали страны, ориентированной на эффективное решение актуальных задач, который ставит перед всей системой власти нынешний Президент РФ В.В. Путин. Сегодня они, в большей мере, нанятые топ-менеджеры, целью которых является обеспечение проведения текущего федерального политического курса по всей властной вертикали в многообразной региональной специфике функционирования нашей страны. Поэтому и критерии рекрутингового отбора,

предъявляемым к личностным особенностям будущих глав региона меняются, главными из них являются: открытость к коммуникациям как с представителями федеральной властной элиты, так и с населением, быстрота реакции на актуальные запросы как со стороны населения, так и на изменяющиеся тренды в текущей политической повестке.

Зверева М.В.
(КФУ, Казань)

ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ НА ВЫБОРАХ В 2022 ГОДУ

В сентябре 2022 года в республике Марий Эл прошли выборы Главы республики. Они показали довольно интересную статистику: высокий уровень поддержки врио главы при низкой явке избирателей. То же самое произошло и на выборах 2017 года. Такая тенденция требует некоторого объяснения, которое возможно через изучение факторов электорального поведения жителей Марий Эл.

Для изучения электорального поведения граждан в середине XX века формируются четыре подхода: социологический, социально-психологический, теория рационального выбора и когнитивная модель. В данной работе используются все четыре подхода, так как ни один из них не является универсальным и каждый из них делает акцент только на одной сфере.

В результате исследования нами были определены факторы электорального поведения жителей Республики Марий Эл:

1. Социальный состав населения. Большинство жителей составляют базовый экономический слой (91%), только 9%¹ жителей относятся к среднему классу. Эти данные свидетельствуют о низкой явке избирателей на выборах. Большое количество сельских жителей – 45,7%² всего населения РМЭ. Большая численность пенсионеров – 31,6%³. Эти цифры подтверждают теорию, что среди сельских жителей высокая лояльность к власти и отсутствуют оппозиционные настроения.

2. Состояние экономики в республике на момент выборов. За время работы предыдущего главы А.А. Евстифеева не произошло никаких кардинальных изменений, экономическое положение избирателей не ухудшилось. Поэтому электорат решил, что если будет, как и предыдущий «кандидат от президента», то все останется по-старому.

3. Партийная система республики. На выборах были кандидаты от партий ЛДПР, Справедливая Россия – За правду и Партия пенсионеров. Если изучить результаты выборов в Госдуму в 2021 году, то особую поддержку в РМЭ получила партия КПРФ (36,3%), на втором месте была Единая Россия (33,4%)⁴. Получается, что наиболее популярные партии в республике не выдвинули своих кандидатов. Однако стоит отметить, что Единая Россия поддержала Юрия Зайцева, так как он является ее членом, что во многом и способствовало его победе.

4. Влияние главы государства. Юрий Зайцев был назначен врио главы республики по указу Президента РФ В.В. Путина, который в настоящее время имеет большую поддержку среди россиян. Часть электората доверилась мнению авторитетного лица и проголосовала за кандидата, которого он им назначил, то есть Юрия Зайцева.

5. Исторические особенности голосования жителей региона. Если рассматривать с исторической точки зрения, то в целом финно-угорские народы довольно

¹ Республика Марий Эл в цифрах: Крат. стат. сб. 2022. С. 32.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 74.

⁴ Предварительные итоги Единого дня голосования [Электронный ресурс] URL: <http://www.mari-el.izbirkom.ru/docs/15497/> (проверено: 02.04.2023)

миролюбивы. Они редко выступают против власти. Единственным таким моментом в истории марийского народа были Черемисские войны в XVI веке. Таким образом, идеи противостояния с властью из национального самосознания давно исчезли, марийцы стали покорным народом, что и выражается в большой поддержке кандидата, поставленного властью, то есть Юрия Зайцева.

6. Влияние СМИ. Федеральные каналы и издания писали в общем о выборах, отмечали только то, что в 5 регионах действующие главы подали в отставку, а на их месте В.В. Путин назначил своих врио. Что касается местных СМИ, то все их внимание было обращено только на кандидата Юрия Зайцева, который выполнял свою работу как врио главы республики. В основном его деятельность освещала «Марийская правда», телеканал «МЭТР» – наиболее популярные СМИ республики.

7. Оглашение общественного мнения до выборов. За месяц до выборов были даны первые прогнозы политологов регионального отделения Российского общества политологов. Они подтвердили, что большинство избирателей проголосует за Юрия Зайцева. Подобная огласка результатов социологических исследований за месяц до голосования привела к росту политического абсентеизма среди электората, решившего, что их голос уже ни на что не повлияет.

8. Уровень электоральной кампании. Выбора Главы республики – это региональные выборы, что намного ниже федеральных. На выборы Президента Российской Федерации пришло 66,43%¹ избирателей Марий Эл. В Общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации участвовало 61,86%² человек. На выборы депутатов в ГосДуму VIII созыва пришли 46,11%³ жителей республики от общего числа избирателей. В выборах Главы Марий Эл проголосовало только 32,42%⁴.

Зверева М.С.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

УПРАВЛЕНИЕ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИЕЙ В УЧЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ УТОПИЧЕСКИХ СОЦИАЛИСТОВ XIX ВЕКА⁵

Сегодня во времена политической турбулентности вопрос управления кризисной ситуацией особо актуален. На настоящий момент существует множество концепций антикризисного управления, которые предусматривают различные способы возвращения нестандартной ситуации в нормальное состояние. Однако существуют малоизученные модели развития кризисов, описанные в трудах мыслителей прошлого, которые, тем не менее, могут быть актуальны и сегодня.

Одну из таких моделей описал в своих работах французский утопист XIX века Анри де Сен-Симон. Сен-Симон не имел системного образования, многие пробелы в знаниях он восполнял, общаясь с представителями научной элиты. Две революции, путешествие по

¹ Сведения о проводящихся выборах и референдумах [Электронный ресурс] URL: http://www.mari-el.vybory.izbirkom.ru/region/region/mari-el?action=show&root=1000012&tvd=100100084849138&vrn=100100084849062®ion=12&global=1&sub_region=12&prve r=0&pronetvd=null&vibid=100100084849138&type=227 (проверено 02.04.2023)

² Там же

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Исследование выполнено в рамках Госзадания во ФНИСЦ РАН по теме "Суверенитет и ответственность Российского государства в условиях формирования нового мирового порядка" (рег. номер в ЕГИСУ НИОКР 1023042300001-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

разным странам, продолжительная жизнь на грани нищеты – всё это сформировало своеобразное мировоззрение и понимание истории и общества.

Сен-Симон описал собственную концепцию исторического развития общества, в основе каждого этапа которого лежит та или иная форма эксплуатации человека человеком. При переходе с одной стадии на другую, человеческая цивилизация развивается качественно и поднимается на новую ступень развития, что обусловлено, в том числе, и развитием промышленности.

Однако общество не всегда развивается планомерно. Довольно часто возникают кризисы. В одной из своих работ – «Индустриальная система»¹ – Сен-Симон объяснял кризисы политической власти несоответствием феодальной системы уровню развития общества. Когда возникает подобная ситуация, необходимо перевести общество на новую промышленную систему – тогда система политическая станет функционировать адекватно своему уровню развития.

Переход общества на новый этап своего развития должен произойти ни в коем случае не в результате революции, но постепенно и путем реформ. Более того, общество само должно осознать необходимость реорганизации своей структуры и обратиться за помощью к ученым и промышленникам. В связи с этим особо важным в обществе становятся просвещение и воспитание.

Социально-политические социалистические доктрины XIX века отличаются особым отношением к науке. Например, Сен-Симон создает новую концепцию осуществления политической власти – «позитивную политику», которая наравне с научными отраслями, например физикой, будет очищена от метафизики и станет полностью «позитивной». Цель политики по Сен-Симону – установление порядка вещей, наиболее благоприятного для всех видов производства. Для правильного функционирования всей системы государством должны будут управлять представители науки и промышленности.

Необходимо отметить, что роль научного знания в концепции Сен-Симона настолько велика, что новая религия, которая должна прийти на смену предшествующему христианству, также будет отвечать критериям научного знания, а основным божественным законом станет Ньютоновская идея всемирного тяготения. Так будет создан абсолютно новый тип человека, на которого и будут рассчитаны мораль и нравственные основы реорганизованного общества.

В современном мире информация также становится важной и ценной формой капитала, о чём писали и Кастельс, и Бехманн в своё время. В настоящий момент в России наблюдается тенденция к цифровизации различных сфер жизни: от экономики до форм общения между людьми и повседневной жизни граждан.

Таким образом, Сен-Симон выдвигал на передний план именно научное знание и процесс воспитания человека. Можно сказать, что значение информации в его теории становилось ключевым не только для понимания закономерностей функционирования общества, но и для его развития.

Литература

1. *Saint-Simon H.* Du système industriel. Paris: Chez A.-A. Renouard, 1821.
2. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010.
3. *Кастельс М.* Власть коммуникации. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
4. *Сен-Симон К.-А. де.* Избранные произведения: в 2 т.; пер. с франц. под ред. Л.С. Цетлина. М.; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1948. Т. 1.
5. *Сен-Симон К.-А. де.* Избранные произведения: в 2 т.; пер. с франц. под ред. Л.С. Цетлина. М.; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1948. Т. 2.

¹ *Saint-Simon H.* Du système industriel. Paris: Chez A.-A. Renouard, 1821.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В условиях нарастающего геополитического и геостратегического противостояния России со странами Запада все более очевидной становится потребность в переосмыслении стратегий долговременного развития российского государства. Особую значимость в этом контексте приобретают вопросы перенастройки национальной системы образования, возможно, ее полной перезагрузки, с учетом глубины происходящих трансформаций.

С начала 1990-х гг. основным вектором в развитии отечественной системы образования стала ее модернизация по образу и подобию западных образовательных систем – за основу в тот период были взяты англо-американская и европейская модели. В этой логике в стране были проведены организационно-экономические преобразования; содержательно-смысловые реформы; ряд иных заметных нововведений. Предполагалось, что эти другие меры не только повысят качество, конкурентоспособность отечественного образования, но и обеспечат его ускоренную интеграцию в глобальное образовательное пространство, создадут для российских учащихся широкие возможности социальной мобильности.

На практике подобные ожидания оправдались лишь частично. Значительная часть проведенных реформ привела к неоднозначным социально-экономическим результатам: поляризации внутрироссийского образовательного пространства, определенной «девальвации» знания, снижению уровня политической культуры.

Значительной деструкции в этих условиях подверглись и ранее выработанные практики политической социализации молодежи. В течение нескольких десятилетий вопросы политических отношений, ценностей, традиций, норм и стандартов, умения ориентироваться в политической среде и процессах, оставались практически на периферии образовательного пространства и учебных процессов. Содержание учебных дисциплин, иных обучающих практик, участвующих в процессах политической социализации, строилось, по преимуществу, на основе инокультурных образцов политической культуры и практики. Долговременные социальные результаты таких решений еще предстоит проанализировать.

В настоящее время, в условиях реформирования отечественного образования, вопросы социализации (как общей, так и частной, включая политическую) вновь выходят на передний план повестки развития как непосредственного для самой отрасли образования, так и для российского общества в целом.

Помимо школы, как одного из ключевых институтов политической социализации, в современной российской практике все более заметную роль в формировании политических убеждений молодежи приобретают системы поддержки и развития способностей и талантов, патриотического воспитания, отдельные практики добровольчества и общественного служения. О значимости данного направления деятельности свидетельствует его включение в перечень ключевых национальных целей развития России до 2030 года (*Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»*).

Всего за несколько последних лет в этой сфере в стране была проделана значительная работа, в числе ее основных результатов можно выделить: увеличение доли детей и молодежи, охваченных различными программами дополнительного образования; развитие центров по работе с талантами, научно-образовательных кластеров, различных форматов профессионального образования; запуск образовательно-методических центров патриотического воспитания («Истоки», «Сенеж», «Таврида», «Машук»); стремительный рост популярности волонтерского движения и т.д. Таким образом, траектории движения в

проекциях развития механизмов политической и иных видов социализации к настоящему времени в России определены. Однако, в части применения конкретных форматов реализации данных проектов, содержания используемых для этих целей средств, имеются резервы для развития, обзору данных вопросов и будет посвящен настоящий доклад.

Зиновьев А.О.
(ПГУПС, Санкт-Петербург)

БИОЛОГИЗМ ИЛИ КАНТИАНСТВО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

Еще в древнегреческой философии было сформулировано классическое различие «космоса» и «полиса». Феномен публичной сферы, как показала Ханна Арендт, относился к области «полиса». В философском наследии Канта данное различие было продолжено в виде различия «чистого разума» и «практического разума». В своем начальном понимании публичной сферы Юрген Хабермас во многом опирался на идеи немецкой классической философии, то есть на идеи Канта и их трансформацию у Гегеля и Маркса. В целом, изначальное понимание публичной сферы у Хабермаса можно считать разновидностью кантианской философии.

С другой стороны, социология, начиная с Огюста Конта, пыталась построить единое научное понимание общества на базе биологии. Эта линия наиболее полно проявилась в работах Герберта Спенсера, который предлагал понимать общество как организм. В истории человечества «космос» обычно понимался из перспективы «полиса», и только появление современной науки в Европе перевернуло данное соотношение в виде идеи «единой науки» из перспективы «космоса». Системный подход в версии Никласа Лумана, который сближает данные социологии и биологии, противостоит классическому различению «космоса» и «полиса» на современном этапе дискуссий о возможности (или невозможности) единой науки о природе и обществе.

Уже после написания работы о публичной сфере, Хабермас включился в спор о позитивизме и в полемику о системном подходе с Никласом Луманом. Использование Хабермасом понятий «политическая система» и «экономическая система» позволяет соотносить публичную сферу с политической системой. Понимание публичной сферы как своеобразного эффекта социальной эволюции довольно популярно среди социологов. Но важно отметить, что Хабермас критиковал Лумана и предлагал дополнить социальные системы понятием «жизненного мира». Кроме того, Хабермас предлагает коммуникативное понимание жизненного мира, как феномена интересубъективной реальности, а не как порождения «философии сознания». Также, важно отметить постоянное влияние на Хабермаса творчества его друга Карла-Отто Апеля. Именно Апель был одним из первых, кто попытался использовать наследие Канта для критики аналитической философии. В своей статье «Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка для социальных наук» (Апель 2001, с. 193-236), он поставил важный вопрос о переосмыслении трансцендентальной философии с позиций философии языка и о ключевой роли общества («общество как субъект-объект критической социальной науки»). Именно проблематика данной статьи была развита Хабермасом в работе «Теория коммуникативного действия».

Таким образом, публичная сфера создается историческим государством, при наличии относительно сильного гражданского общества. Публичная сфера (как и современная наука) требует рационализованного жизненного мира для поддержания своего существования со стороны общества. И само наличие рационализованного жизненного мира является мощной поддержкой публичной сферы со стороны общества и отчасти со стороны рыночной экономики. Примеры Китая и Ирана говорят о различном влиянии политических революций на структуру идеологической власти в государстве, а данная структура может различно влиять на условиях существования публичной сферы в

различных государствах. Процессы поддержания рациональности жизненных миров, по моему мнению, лучше описываются как результат реализации в управлении государством диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, а не как мнимые биологические гарантии социальной эволюции человечества.

Знаменский Д.Ю.
(ГУУ, Москва)

СОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЗЕРКАЛЕ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ¹

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена целым рядом обстоятельств, в числе которых особенно следует выделить: во-первых, общую установку на науку как на один из ключевых факторов национальной конкурентоспособности и безопасности государства; во-вторых, перманентную необходимость научно-методического сопровождения процессов формирования и реализации государственной научно-технической политики, в том числе в части развития вузовского сектора науки, и консолидации усилий органов государственной власти, научно-образовательного и предпринимательского сообществ, институтов гражданского общества; в-третьих, крайне сложную геополитическую ситуацию в мире, обернувшуюся для России беспрецедентным санкционным давлением, в том числе на наукоемкие отрасли экономики, что делает особенно актуальным вопрос о государственной политике в сфере науки и технологий.

Существенным фактором, определившим акцент на анализ посланий Президента РФ Федеральному Собранию, послужила доминирующая роль главы государства в процессах формирования приоритетов государственной политики, в том числе в сфере науки и технологий.

В основе проведенного автором исследования лежит методология анализа текстовой информации, в том числе методы дискурс-анализа (в части выявления, фиксации, понимания и интерпретации смыслов в массиве текстовой информации) и контент-анализа (в части оценки частоты прямых и косвенных упоминаний вопросов, касающихся государственной политики в сфере науки и технологий).

Заявленная цель настоящего исследования – анализ отражения проблематики развития науки и технологий, в том числе научного потенциала высшей школы в приоритетах текущей внутренней политики Российской Федерации в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию – определяет набор как текстовых источников, подлежащих изучению, так и подсчитываемых единиц анализа. В качестве основного источника информации следует рассматривать тексты посланий Президента РФ Федеральному Собранию 2020, 2021 и 2023 годов. В качестве ключевых задач исследования выделены: 1) оценка степени внимания проблематике развития науки и технологий в целом; 2) выявление связи упоминаемых проблем развития науки и технологий с санкционной политикой США и ЕС в отношении Российской Федерации; 3) анализ отношения государства к месту высшей школы в национальной научно-технологической системе России.

В рамках поставленной цели и задач исследования были определены следующие единицы анализа и соответствующие им ряды синонимов: 1) наука (научный потенциал, сфера научных исследований, НИОКР и т.п.); 2) наука в условиях санкций (санкционные ограничения на сферу НИОКР, санкции по отношению к наукоемким отраслям экономики и т.п.); 3) вузовская наука (университетская наука, наука в высшей школе и т.п.); 4) национальная научно-технологическая система (развитие технологий, исследовательские

¹ Работа выполнена в рамках гранта ГУУ (НИР № 1003-23).

проекты, инфраструктура, система управления наукой). Оценку отношения к тем или иным единицам анализа предполагается осуществлять по 5-балльной шкале, где: 1 – крайне негативное отношение, тревога; 2 – умеренно негативное отношение, обеспокоенность; 3 – нейтральное отношение, констатация фактов без оценки; 4 – умеренно позитивное отношение, констатация достижений; 5 – крайне позитивное отношение, гордость за достижения.

Конкретизируя результаты исследования, представляется необходимым заострить внимание на следующих принципиальных позициях.

Во-первых, с каждым годом, с 2020 года в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию научной сфере уделялось всё большее внимание. Если в 2020 году речь шла об условиях получения общего образования и состоянии науки на тот момент, то в 2023 году говорилось уже о значительных реформах в сфере высшего образования и науки, развития исследовательских проектов и поддержке отечественных ученых в разработке передовых технологий. Вне всякого сомнения, систематический рост внимания к научной сфере в посланиях Президента является одним из показателей ее важности и приоритетности для развития России.

Во-вторых, в выступлениях главы государства авторами не выявлено прямого увязывания проблем развития российской науки с иностранными санкциями: «санкционная повестка дня» упоминается в посланиях сама по себе, безотносительно ограничений науки или наукоемких отраслей. Вместе с тем авторы отмечают объективное наличие такой связи, что позволяет сделать вывод либо о замалчивании данной проблемы в посланиях, либо о ее восприятии как второстепенной.

Наконец, в-третьих, налицо отношение главы государства к высшей школе в первую очередь как к «кузнице кадров» для национальной научно-технологической системы, а не как к среде производства нового научного знания. Данный подход не нов и в целом соответствует советским традициям управления наукой.

Золотарев Ф.Е.
(СпбГУ, Санкт-Петербург)

ПРЕОДОЛЕВАЯ ШОК: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В 2021 И 2022 ГОДАХ¹

Доклад посвящен изучению международных связей города и субъекта федерации Санкт-Петербурга с зарубежными и международными партнерами в 2021 и 2022 годах. Теоретической основой исследования является теория парадипломатии, которая представляет собой частный случай теорий неолиберальной парадигмы международных отношений. Автор преследует цель рассмотреть изменения, вызванные “международным шоком” в связи с наступлением новой фазы украинского кризиса. Также рассмотрение международных связей городов и регионов носит преимущественно описательный и генеративный характер: редко делается акцент на динамике или детальном изучении изменений за какой-то промежуток времени.

Для достижения цели исследования автор обращается к методологии сетевого анализа (Social Network Analysis). Инструменты метода позволяют не только дескриптивно обозначить изменения в направлениях международного сотрудничества и акторах, с которыми взаимодействует Санкт-Петербург. Но также и проанализировать изменение самой структуры отношений через параметры, которые используются в исследованиях

¹ Благодарности: Тезисы подготовлены при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-20276 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14.04.2022 г. № 38/2022 на тему «Роль Санкт-Петербурга в развитии арктической научной дипломатии Российской Федерации».

сетей: количество узлов и связей между ними, плотность и центральность сети. За единицу анализа была взята связь между институтами или агентствами, которые входят в административно-управленческий аппарат субъекта федерации или аффилированы с ними, с внешними или международными акторами или агентами зарубежных государств, региональных и международных организаций. Применение качественного сетевого анализа позволило зафиксировать сети двух лет и после детальнее рассмотреть их изменение, что отражает саму трансформацию международных связей Санкт-Петербурга.

Анализ международных связей Санкт-Петербурга при помощи инструментария метода сетевого анализа содержит в себе несколько особенностей. Во-первых, заметны изменения в структуре связей как со стороны институтов и ведомств субъекта федерации, так и со стороны зарубежных контрагентов. Это прежде всего выражается в количественном сокращении и числа субъектов (узлов) в сети, и в количестве их связей (мостов) между собой. Во-вторых, в сети заметно снижение числа триад и клик (подгрупп) – это может говорить о возвращении к преимущественно двусторонним и протокольным форматам встреч, чем о сохранении многосторонних переговоров. Именно на них и проявляется как кросс-уровневое взаимодействие между агентствами и их представителями с комитетами и органами региональной власти субъекта федерации, так и межсекторное сотрудничество бизнес-групп, общественных организаций, информационных и медийных агентств иностранных государств. В-третьих, изменение в географии контактов, которое выражено в перераспределении веса и значимости не-западных партнёров и связей в сети в пользу представителей из развивающихся стран, прослеживается по таким параметрам, как центральность и авторитетность. Иными словами, западный вектор сотрудничества Санкт-Петербурга не замещается сотрудничеством со странами и регионами Азии и Африки: скорее наблюдается переливание ресурсов и связанных с ними совместных проектов и мероприятий. Однако сами контакты не были заложены вчера: активная парадипломатия региона ещё до событий 2021 и 2022 годов позволило заложить фундамент для усиления сотрудничества с условно “не-западными” контрагентами.

Подобные изменения международных связей города и региона в период с 2021 по 2022 годы отражают шок, произошедший в международных отношениях. Не до конца преодоленные последствия, вызванные ковидными ограничениями, дополнились новой фазой конфликта на Украине и начатой Россией Специальной военной операции. Часто выносимый тезис о том, что парадипломатия регионов или городская дипломатия способны находиться автономно от пространства межгосударственных отношений, не подтверждается. Отсюда следует, что субнациональный уровень взаимодействия между регионами и городами существует не столько обособленно от уровня межгосударственных отношений, сколько зависим и может резонировать с процессами, событиями во взаимодействии государств-наций. На примере Санкт-Петербурга и его международных связей видно, что контакты с внешними и международными партнёрами претерпели изменения: за счёт ранее построенных мостов с партнёрами из Евразии, Юго-Восточной Азии и Африки, региону удалось отреагировать на шок с меньшими издержками.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В силу объективных причин, среди которых огромная площадь, протяженность границ, историческое развитие, многонациональность, Россия сформировалась как федеративное государство. Принцип такого устройства страны закреплен в статьях 65 и 66 Конституции Российской Федерации.

Являясь составной частью государства, имеющего федеративное устройство, субъекты Российской Федерации имеют право заключать в установленном порядке международные соглашения, развивать сотрудничество с зарубежными странами, открывать свои представительства за границей и т.п.

В постсоветской России их международная деятельность стала формироваться после 1991 года. Первые годы характеризовались нестабильностью и проблемами, связанными с отношениями между центральной властью и регионами. Данный период способствовал становлению системы международных связей в том виде, который существует в России в настоящее время. Проблемы в политико-правовой сфере носят многоплановый характер, среди них можно назвать растянутый период принятия законов, недостаточное внимание федеральных властей к данной сфере деятельности. Так, хорошо известен призыв Б. Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»¹. К проблемам следует отнести и сложившееся деление субъектов по национально-территориальному признаку, давление на федеральный центр с целью получения большей автономии от и др.

С 2000 г. в России началось укрепление вертикали власти, происходит развитие правовой регламентации международной деятельности регионов, однако данный период также не лишен недостатков. Основная проблема обнаруживается в содержании некоторых положений нормативных правовых актов и доктринальных документов. Можно указать расплывчатость содержащихся в документах формулировок, неясность в определении понятий или же их полное отсутствие. Так, объектом критики со стороны представителей экспертного сообщества стал ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Претензии сводятся к следующему² :

1. закон не содержит новых положений, регулирующих международную деятельность субъектов, и фактически лишь повторяет уже существующие документы;
2. закон отрицает статус международных договоров в сфере международной деятельности субъектов Российской Федерации, не определяя правовой режим этих документов.

После 2022 года существенным барьером для развития характеризуемой деятельности российских регионов стала резкая политизация международных отношений. Иностранные субъекты, критикующие ведение СВО, приостанавливают или разрывают связи с Россией в различных сферах. Все это уже проявляется в виде ограничения или разрыва научных связей с образовательными и научными организациями ряда стран (прежде всего, западных), побратимских связей городов и др.

Отсюда возникает необходимость поиска новых направлений и форм сотрудничества. Основная проблема для Российской Федерации, препятствующая определению приоритетов международных связей, заключается в незавершенности

¹ Цит. по: Европейский федерализм и Россия: опыт прошлого и настоящего / Н.П. Шмелев, К.К. Баранова, Ю.А. Борко [и др.] // Современная Европа. 2001. № 1 (5). С. 58.

² Толстых В.Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации. Томск, 2002. С. 64-65

стратегического целеполагания. Международные связи субъектов Российской Федерации должны выстраиваться с учетом определенной цели. Для ее постановки России необходим долгосрочный проект развития страны и понимания мироустройства. Отсутствие такого проекта препятствует совершенствованию регламентации международной деятельности российских регионов.

В сложившихся условиях среди научного сообщества и политиков начинает происходить осознание существующей проблемы и путей поиска ее решения. Так, директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробинин признает наличие значительного количества нерешенных важных вопросов: «Каков геополитический облик новой системы? Как будет организовано межгосударственное взаимодействие в условиях многополярности?»¹. Следовательно, актуализируется и необходимость научной проработки ряда вопросов, связанных с оценкой состояния и перспектив международных связей субъектов Российской Федерации.

Зубов В.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

КОНСЕРВАТИЗМ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ НЕГАТИВНОГО ОПЫТА ГЕРМАНИИ

1. Формирование образа российского консерватизма на современном этапе развития страны, как представляется, обусловлено не только влиянием государствообразующих институтов (прежде всего, Русского Православия, развитой управленческой традиции, основанной на единоначалии и унификации, едином национальном самосознании, зародившимся одним из первых у народов Европы), но и на определенной «прививке» от радикального реформаторства второй половины XVII века – первой половины XVIII века (церковная реформа патриарха Никона, приведшая к глубокому религиозному расколу, проводимая Петром I и последующими правителями России «европеизация», вызвавшая в том числе значительное социальное и духовное отчуждение дворянства от остального населения, что вылилось впоследствии в негативный феномен нигилизма и революционности российской интеллигенции) и модернизма советского периода, когда в традиционное русское национальное самосознание (прежде всего, в национальный нарратив) вкраплялись элементы российской и зарубежной революционной традиций.

2. В связи с этим представляется возможным говорить о значительном запасе прочности российского консерватизма, заложенном трагическими событиями отечественной истории.

3. Однако, несмотря на такой существенный задел для устойчивого и успешного развития в условиях общемировой политической нестабильности, необходимо понимать причину столь резкого (на первый взгляд) ослабления консервативной традиции в большинстве стран Западной Европы, в частности, в Германии.

4. Так, сегодня в Государственной Думе Российской Федерации около 72 % (<http://duma.gov.ru/duma/factions>) депутатских мандатов имеет партия «Единая Россия», чья политическая программа соответствует системе убеждений, определяемой в качестве консерватизма (<https://er.ru/party/program>, <https://er.ru/party/rule>). В нижней палате германского парламента Бундестаге в настоящий момент только партии ХДС/ХСС и Альтернатива для Германии могут с известными оговорками считаться консервативными, составляя меньшинство в названном законодательном органе (<https://www.bundestag.de/en/parliament>). При этом Альтернатива для Германии (будучи

¹ Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 55.

наиболее последовательной партией, отстаивающей консервативные ценности), как видится, в среднесрочной перспективе не сможет играть решающую роль в германской политике из-за устойчивого тренда на доминирование леволиберальной повестки в немецких СМИ и жесткого противодействия других партий, которые так или иначе находятся под ее влиянием.

5. При этом еще в последней четверти XX века христианские демократы и социалисты стабильно имели чуть менее половины мест в Бундестаге, будучи на тот момент куда более консервативной партией, чем сейчас.

6. Как представляется, столь драматические последствия для германского общества и германской государственности в виде деградации консервативной традиции, что уже значительно ослабило политическую значимость Германии в качестве неформального лидера континентальной Европы, имеют в своей основе комплекс причин, который не ограничивается усилением «новых левых» во второй половине 60-х годов XX века и построением благополучного, но безыдейного общества потребления с культом ненасилия (в широком смысле), доведенного до абсурда.

7. В связи с этим экспертному сообществу в России необходимо крайне внимательно изучать процесс разложения консервативной традиции в Германии и других странах Западной Европы для ее защиты в отечественном общественном пространстве и формировать долгосрочные стратегии сохранения основ национального самосознания.

Зуляр Ю.А.
(ИГУ, Иркутск)

РОЛЬ И ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Российский политический процесс явление многовекторное, многофакторное, темпорально разнородное и географически обусловленное. В данном исследовании автор выводит за рамки анализа города, имеющие особое политическое значение, но не являющиеся центрами регионов: два столичных города: Москву и Санкт-Петербург, играющие уникальные, хотя и не одинаковые роли, и Севастополь. Конечно, формально Москва является центром Московской области, а Санкт-Петербург является административным центром Ленинградской области. На самом деле, они не входят в состав областей, а занимают отдельное положение как города федерального значения, субъекты Федерации.

Особая роль регионального центра в федерации в политическом процессе, не подлежит сомнению, и это вдвойне верно, если федерация асимметричная, при которой у различных республик, краев, областей и округов имеются неравные права. По мнению автора, такой федерацией является Россия, хотя в ее конституции прописано обратное. Такие же различные у субъектов РФ и политические роли.

Уникальную политическую роль играет Калининград - административный центр Калининградской области, являющийся самым западным областным центром России. Но, естественно, особым его делает не самое западное расположение, а его анклавное положение, в связи с чем, у каждого его жителя имеется загранпаспорт. Хотя в соответствие с нормами права, регион является полуанклавом.

Симферополь, а вернее, весь Крым, так же являются особым субъектом региональной политики в связи с его возвращением РФ, непризнаваемым не только нашими врагами, но и союзниками.

Особую политическую роль, хотя и по совсем иным причинам, играет столица Чечни – г. Грозный. Формально она нигде не означена, но политолог понимает, что она есть.

Следующий сегмент, рассматриваемого нами политического феномена, занимают города-миллионники, таких в России – 16. Если убрать, упомянутые Москву и Санкт-Петербург, останется 14, что тоже не мало. Особое место в этом списке занимают Казань и Уфа, являющиеся, к тому же, столицами республик.

Уникальное место на политической карте страны занимают Донецк и Луганск, и временные административные центры Запорожской (Мелитополь) и Херсонской (Геническ) областей.

Некоторое внимания руководство страны обращает на центры регионов, в которых губернаторы, являются представителями оппозиционных партий. Их пять: две республики, край и две области, три губернатора от КПРФ, и по одному от ЛДПР и Справедливой России.

Остальные города, являющиеся региональными центрами, также не представляют собой однородного массива. Центры республик пользуются особым вниманием Центра, так как представляют квазигосударственные образования, со всеми с этим связанными особенностями и проблемами. Последнее время особую роль стал играть Владивосток, ставший, в связи с приоритетностью восточной политикой, официальными воротами в АТР.

Касательно остальных региональных центров, то отношение к ним Центра не имеет политической составляющей, и представляет собой обычную административную коммуникацию.

Вместе с тем, главная политическая функция столицы региона, большинство из которых по площади превышает любую европейскую страну, организация его политической жизни в интересах страны, ее руководства и населения данного субъекта Федерации. Это самые крупные города, организующие политическое и социально-экономическое пространство, зачастую неоднородное и осложненное этно-конфессиональными элементами. Эти восемьдесят с лишним политических центров самой большой по площади страны мира, выполняют функцию фундамента, матрицы, позволяющую руководству страны, ее правящему классу проводить эффективную внутреннюю и внешнюю политику в условиях острой конфронтации с коллективным Западом и его азиатскими союзниками.

Таким образом, роль регионального центра в российском политическом процессе велика и различна. Являясь организатором политической жизни своего региона, они так же в разное время и в зависимости от обстоятельств, играют и иные роли на уровне Федерации. Кроме этого, представители региона и его столицы входят в состав Федерального собрания, определяя в его составе нормативную базу государства.

Зюзина Е.Б.
(ВГУ, Воронеж)

СЕТЕВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Цифровые технологии стали появляться в России уже в начале нулевых, предоставив новые инструменты для политического участия неравнодушным гражданам. Можно выделить следующие сетевые ресурсы участия, действующие сегодня в России. Первый блок составляют ресурсы, обеспечивающие поэтапное обсуждение общественно значимых решений (чаще всего законопроектов) на специально создаваемых сетевых платформах. Одной из таких платформ является Regulation.gov.ru. Каждый заинтересованный человек может узнать на российском портале о любой законодательной инициативе и там же оставить свой отзыв, а после завершения обсуждений посмотреть сводку отзывов и ответы на них. Такая система полезна разработчикам законодательства, поскольку собирает оценки и комментарии в одном месте. Законодатели могут выявить отношение к проекту до его

официального опубликования, а общество – узнать, что предлагает власть. К тому же общественное мнение может помешать принятию непопулярного НПА: чем больше просмотров страницы проекта и больше количество голосов, поданных против инициативы, тем выше вероятность того, что документ не будет принят или будет подвергнут поправкам. Так, например, бурную дискуссию вызвали Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня потенциально опасных собак» и законопроект «О просветительской деятельности в РФ». Проект об условиях и порядке ведения просветительской деятельности собрал рекордное количество негативных комментариев на портале и подвергся серьёзной доработке. Перечень опасных пород собак после осуждения был значительно сокращен. Однако, стоит отметить, что на практике обратная связь с обществом на портале заработала еще не в полной мере. Не все проекты федеральных законов и других НПА появляются на Regulation.gov.ru, далеко не на все критические замечания законодатель обращает внимание.

Второй блок – это специальные ресурсы по предложению электронных петиций и сбору подписей «за» или «против» таких решений. Демушина О.Н. после эмпирического исследования делает вывод о том, что рекордсменами по количеству поданных петиций являются сайты «Change.org» (около 5 тыс. в год) и «Демократор» (более 12 тыс.). Примерно равные позиции занимают «Online Petition.ru» (около 8 тыс.) и «Российская общественная инициатива» (более 8 тыс.). Им немного уступает ресурс «Петиции Президенту» (примерно 500 петиций в год, всего около 5 тыс.). Сравнительно небольшое количество обращений содержат порталы «Наше мнение» (примерно 600) и «Народная инициатива» (около 400)¹. Необходимо отметить, что оценить результативность поданных обращений достаточно сложно, поскольку успешность некоторых инициатив после проверки не всегда подтверждается. Большое количество подписей, собранных петицией, не всегда приводят к устранению проблемы. Но определенной победой можно считать и привлечение к ней внимания СМИ, общественный резонанс. Это может косвенно способствовать решению проблемы. В таблице представлены некоторые петиции г. Воронежа с 2019 по 2022 г., вызвавшие общественный резонанс.

Таблица

**Петиции
(г. Воронеж)**

Название петиции, год подписания	Адресат	Количество подписей на Change.org	Результат
Отменить строительство дороги по полям СХИ и парка маршрут Шишкова Тимирязева, 2019 г.	Городская дума	939	Отрицательный, дорога строится
Остановите вопиющее нарушение ФЗ «Об объектах культурного наследия» (против сноса Хлебзавода № 1), 2020 г.	Президент РФ	1597	Отрицательный, хлебозавод был снесён
Остановить разрушение архитектурного облика здания Кукольного театра в Воронеже, 2020 г.	Мэр городского округа г. Воронеж	2903	Положительный, технология капитального ремонта была пересмотрена

¹ Демушина О.Н. Портал электронных петиций как форма взаимодействия. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/portaly-elektronnyh-petitsiy-kak-forma-vzaimodeystviya-institutov-vlasti-i-grazhdan-v-rossii>

Название петиции, год подписания	Адресат	Количество подписей на Change.org	Результат
За отмену застройки жилыми домами яблоневого сада и за его благоустройство в парк, 2021 г.	Губернатор Воронежской обл.	1388	Отрицательный, Яблоневый сад вырублен
Отменить закупку новой новогодней ели в Воронеже, 2022 г.	Мэр городского округа г. Воронеж	607 (на других площадках Интернета эта петиция собрала около 500 тысяч голосов)	Отрицательный, ель была установлена

Источник: <https://www.change.org>

Третий блок ресурсов, обеспечивающих участие граждан в разработке решений, представлен краудсорсинговыми проектами, которые чаще всего локализованы на уровне региона или муниципалитета и направлены на выявление и решение конкретных региональных или муниципальных проблем. Краудсорсинг даёт возможность агрегировать максимальное количество мнений, решений и идей, организовать обсуждения, дискуссии между участниками.

Внедрение перечисленных выше ресурсов приводит к снижению протестного политического участия жителей крупных городов к реформированию их гражданской активности в конструктивное русло. Активность граждан плавно переходит в онлайн-формы, способствует обсуждению, а иногда и решению локальных проблем.

Ибрагимов Ф.Э.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН С ГЕРМАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ

Ирано-европейские отношения многими экспертами характеризуются как «нейтрально-негативные». Невзирая на то, что европейские столицы пытаются предпринять усилия для «перезагрузки» отношений с Тегераном, в Иране в свою очередь не торопятся пересмотреть взгляды в отношении ЕС. Основопологающей причиной кризиса во взаимоотношениях между Евросоюзом и Исламской республикой является «ядерная сделка».

Подписанный в 2015 году Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе между Россией, США, Китаем, Великобританией, Германией и Францией с одной стороны, и Ираном с другой, подразумевал постепенную нормализацию отношений между Тегераном и Западом. Это нужно было как России с Китаем как главным партнерам Ирана, так и европейцам, которые были заинтересованы в перезагрузке контактов с Исламской республикой, полагая, что подписанное соглашение отдалит вероятность большой войны на Ближнем Востоке. К тому же, в самой Исламской республике в последние годы все чаще были слышны призывы о необходимости пересмотреть отношения с Европой исходя из экономических интересов, но при этом не ставить под удар собственные геополитические интересы.

С января 2016 года, согласно СВПД, был запущен процесс по постепенному снятию санкций с Ирана. Европейские компании беспрепятственно начали осваивать иранское направление, а Иран в свою очередь смог вернуться на мировые финансовые и нефтяные рынки. Все изменилось в 2018 году, когда администрация президента США Дональда Трампа решила в одностороннем порядке выйти из СВПД и вернуть ранее снятые с Ирана санкции, обосновывая свое решение тем, что Тегеран нарушает договоренности в рамках «ядерной сделки».

В Иране, в свою очередь, рассчитывали на то, что европейские страны в лице Великобритании, Германии и Франции, будучи участниками договора, смогут выступить в роли посредников и если не убедят американскую сторону вернуться обратно в «ядерную сделку», то хотя бы продолжат оставаться в соглашении и не откажутся от кооперации с Исламской республикой. Тогдашнее руководство Ирана при президенте-реформаторе Хасане Роухани было уверено, что прежде всего Германия и Франция, сохранившие свою субъектность невзирая на обязательства перед ЕС, будут заинтересованы развивать европейско-иранские отношения. И если в Берлине и Париже изначально открыто критиковали решение Трампа выйти из СВПД и даже заявили о выработке механизма INSTEX, подразумевающий обход американских санкций против Ирана, то впоследствии уровень ирано-европейских отношений вновь начал снижаться. Особенно это стало очевидным после смены администрации в Белом доме в 2021. Поначалу и в Иране, и в европейских столицах была надежда на активизацию переговорного процесса, который бы в итоге вернул США в СВПД, а следом и европейцев, заинтересованных в нормализации взаимоотношений. В Тегеране исходили из того, что именно Байден будучи вице-президентом в администрации Барака Обамы был одним из тех, кто поддерживал своего президента в необходимости достичь соглашения с Ираном, которое бы поспособствовало де-юре отказа Тегерана от «ядерной сделки». Принимая во внимание этот нюанс, ЕС предложил вернуться к вопросу возвращения США в «ядерную сделку». С начала весны 2021 года активизировался диалог между Тегераном и Вашингтоном, где посредником выступили европейские переговорщики. Однако по состоянию на осень 2023 года, переговоры к успеху не привели. Более того, США продолжают вводить новые санкции против Ирана, тем самым дают понять и европейским столицам, и Тегерану, что они не готовы вернуться к СВПД.

Тем не менее, несмотря на санкции, Иран остается одним из наиболее развитых государств на Ближнем Востоке. ВВП Ирана, согласно официальным данным иранских соответствующих ведомств, в 2022 году составил 390 млрд долларов. Иран обладает высокообразованным населением превышающим 85 миллионов человек. По уровню запасов нефти Иран на четвертом месте в мире, а запасов газа – на втором. Сумма заявленных инфраструктурных проектов превышает 300 млрд долларов.

Отмена санкций открывает широкие возможности для европейских компаний: за некоторыми исключениями компании стран ЕС смогут беспрепятственно инвестировать в Иран. В частности, европейские корпорации заинтересованы в поставке транспортных средства, развитии нефтяной и нефтехимической промышленности. Из-за санкций инфраструктура Ирана находится в сложном положении, однако это создает перспективы для европейских компаний вложиться в Исламскую республику и внедрять соответствующие технологии. Отмена санкций, по предварительным оценкам, приведет к разморозке части активов Ирана в зарубежных банках на сумму свыше 100 млрд долларов, а также позволит выйти на иранский рынок европейским компаниям «реального сектора»: авиастроению, машиностроению, транспорту, энергетике и т. Д. Иранский рынок продолжает оставаться в целом закрытым для американских инвесторов, так как сохраняются «первичные» американские санкции, распространяющиеся на американских лиц. При этом европейские компании смогут инвестировать в Иран, но вынуждены будут проявлять осторожность, чтобы не нарушить сохраняющиеся «первичные» американские санкции. Перспектива восстановления ирано-европейских отношений выглядит

призрачной, поскольку ЕС не демонстрирует суверенного подхода к этому вопросу, Иран же в свою очередь утратил какое-либо доверие к Берлину и Парижу, считая, что за последние годы они утратили свою субъектность и парализованы в самостоятельном принятии решений.

Ивашкин К.А.
(Москва)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ. ДЕЙСТВИЯ РФ В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ: ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

Российская Федерация активно участвует в деятельности Арктического совета, созданного в 1996 году во избежание конфликтов в Арктике и организации различного рода проектов. В рамках Арктического совета происходит координация действий государственных участников для обеспечения безопасности и сохранения экологического баланса в регионе. Также Россия активно поддерживает инициативы по восстановлению Арктической экосистемы, осуществляет добычу природных ресурсов в соответствии с международными правилами, а также обеспечивает безопасность морского транспорта в Арктическом регионе [1].

Арктика является важным центром международных политических и экономических отношений. В последние годы интерес к Арктике растет, и многие государства, в том числе Россия, усиливают свои усилия по исследованию этого региона и защите своих интересов в нем. Политика Российской Федерации в Арктическом Совете имеет ряд стратегических и тактических направлений. В первую очередь, они направлены на защиту национальных интересов России в Арктике, сохранение экологических ресурсов и обеспечение устойчивого развития Российского Севера. Вместе с тем Российская Федерация стремится к развитию экономических отношений в Арктике, особенно в контексте добычи и использования природных ресурсов и развития транспортной инфраструктуры (СМП).

Одной из основных задач политики России в Арктическом Совете является обеспечение безопасности в регионе. В частности, Россия настаивает на укреплении международного режима регулирования активностей в Арктике, включая положения о заключении договоров на добычу и использование природных ресурсов, экологической безопасности и безопасности мореплавания. Кроме того, именно Россия предлагает укрепление военного присутствия в регионе для защиты не только своих интересов, но и в целом обеспечения безопасности в Арктике [2].

Стоит выделить ряд реперных точек геополитических интересов РФ в данном регионе:

1. Геополитические интересы России в Арктическом регионе связаны с обеспечением национальной безопасности и морской границы, а также получением доступа к природным ресурсам, в том числе нефти, газа и минералов.
2. РФ активно разрабатывает и осваивает арктические территории, строит новые военные базы и инфраструктуру, чтобы укрепить присутствие и контроль в регионе.
3. Россия ведет активную дипломатическую деятельность в Арктическом совете, который объединяет восемь арктических государств. Однако ее интересы и стратегия не всегда совпадают с позицией других членов совета.
4. РФ противостоит попыткам других стран, особенно США и Канады, расширить свое влияние и контроль в Арктике, претендуя на ресурсы и новые морские пути.
5. В ходе своих действий в Арктическом совете Россия защищает свои интересы и отстаивает принципы справедливого раздела ресурсов и уважения международного права.

6. Действия России в Арктическом совете вызывают нараспашку противодействие и международную конкуренцию с другими государствами, но РФ готова отстаивать свою позицию и стремиться к достижению своих национальных интересов.
7. Российская активность в Арктическом регионе влияет на геополитическую ситуацию и отношения между арктическими государствами, требуя участников Арктического совета находить компромиссы и искать решения, учитывающие интересы всех сторон.

В заключение хочется сказать, что политика России в Арктическом Совете имеет множество направлений работы членами Совета и стратегических целей. Российская Федерация ставит задачу не только защиты своих национальных интересов в регионе, но и обеспечение устойчивого развития Арктического региона в целом. Руководство России активно сотрудничает с другими странами-членами Арктического Совета, и убеждено, что только путем сотрудничества и диалога можно достичь устойчивого развития Арктики.

Литература

1. *Кислов К.В.* Геополитика Арктики как фактор национальной безопасности России / К.В. Кислов, С.М. Муханов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 2. С. 77-83.
2. *Михайлов А.А.* Геополитика и безопасность России в Арктике: основные тренды и вызовы / А.А. Михайлов // Уральский исторический вестник. 2021. Т. 22. №1. С. 90-104.

Игнатьева О.А.
(СПбГУ, СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

РОЛЬ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ В ТРАНСВЕРСАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ¹

Политическая социализация молодежи является одним из важных направлений молодежной политики государства, однако в этом процессе сегодня принимают участие не только правительственные агенты, но и лидеры мнений, ведущие свои сообщества в социальных сетях и блоги. Исходя из этого, результатами политической социализации молодежи становится либо конвенциональное, либо протестное политическое участие². Следовательно, цифровое пространство социальных сетей и мессенджеров становится важной площадкой для вовлечения молодежи в мир политики, и от качества и содержания коммуникации будет зависеть социальная стабильность и солидарность. «Политическая социализация в широком смысле этого слова означает политически релевантный аспект общей социализации, который возникает вследствие того, что между всеми подсистемами общества существуют определенные связи. Она выражается прежде всего в политической идентичности, либо в принципиальной конформности системе, либо в критическом отношении к ней»³.

Для характеристики процесса политической социализации в сети лучше подходит понятие трансверсальной политики, пришедшее в политическую науку в 1960-е годы

¹ Выполнено в рамках гранта «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи», полученного в результате конкурса проектов научных исследований в сфере общественно-политических наук, проведенном Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

² *Трынов Д.В.* Политическое участие молодежи: поддержка Vs. протест // Социодинамика. 2019. № 12. С. 298-314.

³ *Головин Н.А.* Теоретико-методологические основы политической социализации. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2004. С. 30.

вместе с постмодернистским течением. Разработка этого понятия связана с именами Ж. Делеза, Ф. Гваттари и М. Фуко. Тема теории трансверсальной политики пронизывает их творчество, являющееся также результатом их научной дружбы и многолетнего сотрудничества¹. В своей работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко показывает сущность дисциплинарной власти, которая сопоставима с паноптикумом и направлена горизонтальную изоляцию управляемых индивидов для поддержания существующей капиталистической формации. Трансверсальная политика является противоположностью дисциплинарной и биовласти, поскольку происходит на горизонтальном уровне и ее целью является поддержание многообразия неисчислимой множественности. «Линия становления не определяется точками, которые она соединяет, или точками, которые ее составляют; напротив, она проходит между точками, проходит через середину, проходит перпендикулярно первым воспринимаемым точкам, трансверсально локализуемому отношению отдаленных или смежных точек... Если становление является блоком (линейным блоком), то это потому, что оно образует зону близости и неразличимости, ничейную землю, нелокализуемое отношение, охватывающее две отдаленные или смежные точки»². Таким образом, в основе идеи трансверсальной политики лежит возможность образования неконтролируемых горизонтальных связей, возникающих между индивидами в процессе общения. Эти связи могут поддерживаться и приумножаться на основании взаимной симпатии, интереса, заботы, дружбы. Их сложно контролировать и, поэтому в своем научном проекте М. Фуко рассматривает трансверсальную политику как форму сопротивления существующей власти и системе. «Трансверсальная политика будет стремиться подорвать это разделение, преодолевая его, создавая точки соприкосновения как множество из потенциально мятежного брожения между маргинализированными и пролетаризированными сегментами низших классов»³.

В социальных сетях сообщества служат такими площадками для формирования неконтролируемых множеств, в которых происходит обмен мнениями и принятие или непринятие ведущего мнения лидеров, отражаемого в постах. Следовательно, в отношении цифровой среды мы можем говорить о трансверсальном характере обучения, социализации, когда образующееся множество горизонтальных связей ведет к формированию нового качества коммуницирующих, выстраиванию новых мнений и объединений по интересам. Таким образом, сетевые сообщества являются агентами трансверсальной политики социализации молодежи и способствуют накоплению ее социального капитала. Очень важно, чтобы эта политика не носила протестный характер, хотя именно о нем идет речь в работах постмодернистов, а способствовала распространению базовых нравственных, социальных и политических ценностей, способствующих консолидации общества.

Игонин Д.И.
(КФУ, Казань)

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Современная Российская Федерация по масштабам притока трудовых мигрантов и иных прибывающих из-за рубежа лиц занимает одно из первых мест в мире, фактически являясь иммигрантской страной.

¹ Penfield Ch. Toward a Theory of Transversal Politics: Deleuze and Foucault's Block of Becoming // Foucault Studies, No. 17, P. 134-172, April 2014.

² Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. 293-294.

³ Penfield Ch. Toward a Theory of Transversal Politics: Deleuze and Foucault's Block of Becoming // Foucault Studies, No. 17, P. 159, April 2014.

Республика Татарстан, являясь одним из самых развитых в экономическом отношении субъектов Приволжского федерального округа, демонстрирует высокую миграционную привлекательность и обладает некоторыми существенными особенностями проводимой миграционной политики.

В среде практикующих политических институтов и властных инстанций, в сфере общественного мнения, в масс-медийном, исследовательском, экспертном сообществах имеются дискуссии вокруг миграции и миграционной политики, демонстрирующие значимые формы поляризации и фрагментации.

Нами поставлена задача посредством прикладного исследования (экспертный опрос) выявить дискурсивные модели и особенности миграционной политики в условиях Республики Татарстан.

Методика экспертного опроса предполагает систематизацию мнений специалистов-практиков в области миграционной политики. Для анализа государственного регулирования миграционных процессов в качестве экспертов были избраны сотрудники УВМ МВД по Республике Татарстан и Отдела по вопросам миграции УМВД России по г. Казани. Сотрудники общественных организаций по работе с мигрантами.

Данный экспертный опрос проводился методом анкетирования (выборочная совокупность 50 человек, исследование проводилось посредством гнездовой выборки).

Результаты проведенного экспертного опроса показали, что приоритетными для привлечения мигрантов в Республику Татарстан являются страны СНГ – 28 %, затем страны дальнего зарубежья – 20 %.

Исследование мнений экспертов относительно проблемы мигрантов в Татарстане, насколько остро она затрагивает значительную часть населения, продемонстрировало, что почти половина экспертов (40 %) оценивают ее как достаточно острую, от случая к случаю – 38 %, а как не имеющую значения всего 16 %.

На вопрос «Как Вы считаете, существует ли в России эффективная миграционная политика?» большинство ответило «нет» – 52 %. Согласились с этим мнением только 38 % опрошенных (10 % затруднились с ответом). Причем, особым образом отмечалось отсутствие эффективности государственной политики в области миграции лицами 31-40 лет.

По данным нашего исследования, сложности адаптации мигрантов в «принимающее» российское общество эксперты видят, прежде всего, в незнании языка (64 %), низком уровне образования (60 %), трудностях официальной легализации (процедур оформления документов, получения гражданства и т.п.) (46 %) и различиях культур и менталитета (42 %). Это свидетельствует о выдвигании на первый план сложностей организационно-управленческого характера (т.е. институциональных факторов и их тактической составляющей).

Так, на вопрос: «Нужна ли Республике Татарстан собственная миграционная политика, учитывающая региональную специфику?», мнения разделились следующим образом: 26 % – «за»; 48 % – «нет»; 16 % – «затруднились ответить».

Экспертам также было предложено оценить политику республиканских властей по отношению к мигрантам по крайним противоположным флангам. Результаты показали, что эксперты в целом достаточно единодушны – «мигранты нужны, но необходима их жесткая селекция по уровню квалификации, образования, знания языка и других критериев».

На вопрос «Как Вы считаете, какие необходимо предъявлять требования к мигрантам, приезжающим в Республику Татарстан?» на первый план выдвигаются требования: «знание одного из двух государственных языков Республики Татарстан» (64 %), «отсутствие судимости» (54 %) «наличие профессиональной подготовки» (50 %).

На вопрос «В чем Вы видите положительные особенности Республики Татарстан среди других субъектов Российской Федерации?» эксперты на первое место поставили: толерантное отношение коренного населения (46 %), наличие рабочих мест (38 %), а также лояльную политику республиканских органов власти (38 %).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что превалирующие экспертные оценки имеют тенденции избегания крайностей, демонстрируя, скорее, ориентированность селективного типа. Т.е. мигранты нужны и, прежде всего, легальные трудовые мигранты строительных профессий, но необходима их определенная селекция: знание одного из двух государственных языков Республики Татарстан, отсутствие судимости, установки на законопослушный образ жизни, наличие профессиональной подготовки, отсутствие хронических заболеваний.

Во-вторых, по мнению экспертов, Республика Татарстан отличается от других субъектов Российской Федерации сравнительно толерантным отношением «автохтонного» населения к мигрантам, отсутствием массовых настроений мигрантофобии, далеким от сколько-либо критических значений уровнем конфликтогенности миграционной проблематики в целом.

Ильинова Н.А.
(АГУ, Майкоп)

БРЕНДИНГ РЕГИОНОВ КАК РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Общество риска, преодоление вызовов и угроз – это концепты, описывающие состояние современного нам общества, охватывающее период с 80-х гг. XX века до первой четверти века XXI. У. Бек², Э. Гидденс³, Н. Луман⁴, О.Н. Яницкий⁵ и другие исследователи общества риска призывают человечество обратить внимание на последствия своей деятельности, которые влекут за собой, в том числе, угрозу существования человека. Человечество мыслит понятиями риска, однако и массовое, и экспертное сознание, адаптировавшись к перманентным неустойчивости и рискогенности, предлагает альтернативную обществу риска концепцию устойчивого развития, которая нацелена на баланс между развитием (техногенное воздействие на экосистему) и комфортом и благополучием населения территорий. Устойчивое развитие территорий тесно связано с брендингом регионов. Под брендом в данном исследовании мы понимаем образ, который обладает значимостью, является частью идентификационной системы, нацелен на формирование и укрепление идентичности. В современной науке бренд рассматривается чаще с точки зрения экономики, маркетинга, прибыли, тогда как, на наш взгляд, в современных условиях неопределенности именно культура обладает богатейшим потенциалом в развитии брендов различных территорий.

В этой связи работа с брендом (образом) различных территорий позволяет расширить восприятие различных регионов, включить их образы в большие символические системы. Бренд территории, ее образ способствует емкому восприятию региона, населяющих его людей. Самоидентификация населения определенной территории напрямую связана с этнокультурным образом данного региона, что позволяет людям, проживающим на рассматриваемом пространстве, чувствовать свое особенное, присущее жителям данной территории, что позволяет определять ее уникальность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

² Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.

³ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5.

⁴ Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5.

⁵ Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5-15.

Транслируемый на широкие массы образ территории, ее бренд вызывает у стороннего наблюдателя желание лично посмотреть и убедиться в реальности полученной информации, соотнести характерные черты территорий и населяющих их людей со своим внутренним Я. Именно диалектика, противоречие между внутренним Я и внешним миром, вызывает острый интерес в узнавании новых мест, иных людей и их самобытной организации жизни, что позволяет не только создать привлекательный бренд (образ) территории, но и поддерживать притягательность и престижность региона, его ресурсов и возможностей обладания ими. Эффективная политика региональной идентичности невозможна без брендинга территорий, который является значимым ресурсом продвижения имиджа региона. Бренд региона важен как для его жителей - консолидация населения, чувство любви к своей малой родине, так и для внешней аудитории - привлечение людей и различных ресурсов, необходимых для устойчивого развития данной территории¹. Конкуренция среди регионов по привлечению различных ресурсов, туристов, удержанию талантливой молодежи сегодня во многом зависит именно от брендинга территории, от конкуренции брендов, в связи с чем определенный исследовательский интерес вызывает брендинг таких регионов, как Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан.

Ильичева Л.Е. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

Ильичев М.В. (ЦЭМИ РАН Москва)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ²

Сегодня в современной России в системе государственного управления консервативные политические практики, призванные балансировать либеральные установки экономических акторов, часто подменяются административными и властными средствами макрорегулирования, которые в значительной мере девальвировали рациональное содержание управленческих практик [Структуры господства, граждане и институты..., 2020]. Прагматичное устройство нынешней политической сферы очевидным образом диссонирует с артикулируемыми декларативными механизмами продвижения демократических ценностей при формировании образа будущего страны и региона, в которых нашим гражданам, по существу, отводится роль простых статистов. Продавливание властью в своих интересах того или иного решения не путем убеждения и аргументирования, а с использованием управленческих, значит, неполитических инструментов не ведет к росту доверия граждан к государственным институтам и укреплению солидарности государства и общества, что, в свою очередь, чревато увеличением издержек в системе государственного управления.

Такого рода функционирование механизма взаимодействия власти и общества генерирует существенные риски: управленческий потенциал как частных, так и государственных субъектов может как способствовать социально-экономическому развитию, так и не поддаваться управляющим воздействиям со стороны властей, при этом локальные общественные центры в виде различных НКО, гражданских ассоциаций, сообществ и других аналогичных акторов, исходя из принятых ими местных «критериев

¹ Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест /под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. - Ростов-на-Дону, 2012. - 312 с.

² Финансирование: Проект №123091200076-9 «Политические и социокультурные факторы долгосрочного устойчивого развития малых городов России: ценностно-ориентированный подход к формированию и реализации образа будущего» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ)

нравственности», могут скрытно пренебрегать и даже обесценивать модели управления, которые им предлагает власть [Knill, Adam, Hurka, 313, 2015]. Такая, пока что в основном умеренная, фронда локальных общественных центров связана с постепенным увеличением их активности в ответ на возрастание политического и управленческого давления со стороны власти, и, как следствие, расширения их влияния как на общественные институты, так и на органы государственной власти.

В то же самое время в тех случаях, когда власть по тем или иным причинам желает включить ту или иную гражданскую структуру в контур системы государственного управления, она может даже пойти на передачу части своих полномочий таким локальным общественным центрам.

То общество, которое формирует, выращивает внутри себя свой образ будущего и, следовательно, обладает опытом изменения самого себя, другим обществам демонстрирует лишь свой прошлый опыт как готовую модель, заимствование которой означает подмену своей истории на чужую. Россия в 90-е годы уже прошла подобный этап модернизации общества, выразившийся в неудачной попытке примерки на себя чужого цивилизационного пиджака.

Конструктивное взаимодействие государства с локальными общественными центрами позволит государству стабилизировать властно-общественные отношения, тем самым снизить влияние регуляторных факторов, идущих иногда вразрез с ожиданиями граждан. Поэтому сегодня вопрос состоит в том, когда же Россия начнет возвращать в себе свое, не чужое будущее, чтобы жить не только прошлым опытом, на котором воспитываются ученики, всегда догоняющие и потому уже отставшие от жизни.

Пока же Россия пребывает в пограничной ситуации смены онтологической, культурной, психологической, этнической идентичности, когда есть только опыт допереходной жизни и все находятся в поиске иного способа бытия человека. В этом современном «потокном» стиле жизни, в котором мы находимся каждый день, нам необходимо найти и внедрить лучшие практики преодоления перехода из настоящего в будущее.

Особенно рельефно проблемы формирования, согласованного между уровнями власти, образа будущего России ощущаются на муниципальном уровне в связи с переоценкой реальной роли местного самоуправления в структуре публичной власти и вызванной этим подготовкой к возможному перераспределению полномочий между центром и регионами в масштабах всей страны.

Местное самоуправление, как наиболее близкий к гражданам уровень власти, испытывает давление как со стороны общества, которое предъявляет высокие требования к компонентам образа будущего (благоустройство, социальное благополучие, экология, экономическая стабильность и проч.), так и со стороны вышестоящих инстанций, которые возлагают на местное самоуправление значительные полномочия, не подкреплённые бюджетными либо внебюджетными ресурсами.

Вызовы, формируемые как извне, так и внутри страны, требуют адаптации властной вертикали под современные реалии, адекватного переустройства взаимодействия всех уровней власти и построение эффективной модели подчиненности, отвечающей интересам государства (сохранение суверенитета, целостности и самодостаточности) и общества (запрос на гражданскую безопасность, комфорт, благополучие, консолидацию и т.д.).

В силу различных причин на уровне регионов и муниципалитетов продолжают действовать механизмы «ручного управления», которые позволяют эффективно решать текущие проблемы на местах в условиях дефицита бюджетных средств, но препятствуют формированию устойчивой долгосрочной стратегии развития, не привязанной к лоббистским возможностям и компетенциям конкретных должностных лиц.

Другим ключевым вопросом, стоящим перед региональной и муниципальной властью, является необходимость поиска ресурсов, обеспечивающих дальнейшее развитие страны. Одним из источников таких ресурсов в силу специфики исторического развития

России могут выступать проекты государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Однако это требует делегирование государством частным структурам ряда полномочий и вытекающей из них ответственности за обеспечение благополучия населения через реализацию соответствующих бизнес-проектов. Взаимувязка этих подходов требует глубокой научной проработки, основанной на опыте государственного строительства последних десятилетий и на реальной практике функционирования местного самоуправления.

Литература

1. Структуры господства, граждане и институты / [А. В. Жаворонков и др.] ; отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. - М.: Политическая энциклопедия, 2020. 318 с. : ил. - (Политология России)
2. *Knill C., Adam C., Hurka S. On the Road to Permissiveness? Change and Convergence of Moral regulations in Europe.* Oxford University Press, 2015. P. 313.

Ильичева М.В. (ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва)

Паршина Е.В. (ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО СТРАНЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ, КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

После начала специальной военной операции на Украине развернулась санкционная война с коллективным Западом, которая опрокинула наши предшествующие представления о рациональных критериях политической и экономической целесообразности. Произошла серьезная трансформация глобальных ценностных ориентаций и норм поведения гражданского общества, изменились и политические приоритеты: интересы мировых элит начали транзит от глобальных предпочтений к цивилизационному обособлению.¹

Новая реальность, пробудившая память общества ментальной принадлежности к великому народу-победителю, мировому лидеру, диктующему смыслы мироздания, детерминирует внедрение долгосрочной модели государственного развития, успех которой только и может оправдать жертвенность, проявляемую гражданами при построении новой модели мироустройства с участием России как цивилизационного лидера.

В этой связи на первый план выдвигается проблема наполнения нового российского государственного устройства онтологическим содержанием в обозримом будущем. Сегодня формулируется задача: опираясь на реконструированные смысловые конструкции необходимо определить стратегию развития нашего общества от его текущего состояния к тому трансцендентно-светлому образу мирового аттрактора, который, с одной стороны, будет продуктом развития нашего нынешнего общественного сознания.

На наших глазах разворачивается жесткое межцивилизационное соперничество государств-лидеров за потребительские и аксиологические привязанности граждан стран мира с целью воздействия на их базовые ценности, идеологические принципы, правила существования, нормы поведения и другие установки. В итоге государства включаются в орбиту цивилизационной общности, централизованной вокруг того или иного государства, вокруг России, в частности.

И в этой борьбе успешно противостоять конкурентным общностям сможет только та цивилизационный социум, государство-лидер которой продемонстрирует гражданам других стран наиболее привлекательный образ своего настоящего и будущего с точки

¹ *Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 4. С.363*

зрения соответствия транслируемых им потребительских и духовно-нравственных устоев консьюмерским нуждам и ментальным устремлениям граждан вовлекаемых стран.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для выживания и дальнейшего процветания России жизненно важным становится предъявление миру и стране такого культурно-идеологического посыла, который обеспечит перезапуск действующей системы государственного управления в направлении к достижению образа будущего России как политической цели, консолидирующей российское общество, и как мирового аттрактора, привлекательного для граждан из других стран мира.

Целью достижения для общества может стать только такой привлекательный образ будущего страны, для которого смыслом становится проявление патриотизма, гражданственности, коллективизма и т.д. Из этого следует, что образ будущего государства должен быть релевантен высоким духовно-нравственным ценностям, продвигаемым в общество, так и содержание общенациональных ценностей должно быть адекватно представлениям общества о величии России. Достижение такого образа будущего государства, с одной стороны, предполагает повышенную ответственность власти за адекватность принимаемых в сфере стратегического государственного планирования политических решений, касающихся образа будущего страны, поскольку эти решения затрагивают частные интересы практически всех граждан. С другой стороны, формируемая властью политическая повестка социально-экономического и политического развития государства так или иначе должна включать общественное видение ценностных приоритетов и тех ключевых проблем, которые власть с высоты своего положения не всегда замечает. Это означает повышенную ответственность и гражданского общества, отстаивающего в процессе поиска баланса интересов власти, бизнеса и общества свое понимание традиционных ценностей и потребностей.

Другими словами, нам предстоит совершить переход от преимущественно государственной ответственности за социально-экономическое развитие страны к гражданско-государственной доминанте, выстраиваемой на принципах разумности, справедливости, надежности и честности.

Иохим А.Н.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Стремительное развитие цифровых технологий коммуникации в XXI веке является одним из важнейших факторов формирования новых условий существования человека и общества. В этих условиях социализация индивида приобретает новые черты: появляются новые, не существовавшие ранее, субъекты коммуникации и управления (включая алгоритмы искусственного интеллекта), которые действуют на принципиально иных основаниях, чем традиционные агенты социализации (семья, образование, государство). Формирование личности и ее самоидентификация в этом контексте зависит не только от социальной среды, в которой развивается индивид.

Государство все меньше может влиять на процессы, которые происходят в глобальном виртуальном пространстве политических коммуникаций. В этом контексте проблема обеспечения цифрового суверенитета государства приобретает новое значение.

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2023-0044 «Цифровой суверенитет и идентичность: обеспечение безопасности ценностно-смыслового пространства государства в условиях глобального информационного противостояния».

Государству и институтам власти необходимо не только быть активным участником политической коммуникации в цифровой среде, но и быть субъектом ее формирования.

Современное государство теряет возможность формировать идентичность человека на основе традиционных вертикальных моделей коммуникации в современных условиях стремительного развития цифрового пространства. Если раньше для формирования идентичности граждан был необходим внешний и внутренний суверенитет, то в современных реалиях невозможно обеспечить суверенитет без технологической составляющей и наличия собственных цифровых каналов, площадок, программ коммуникации. Государство, которое стремится проводить собственную независимую информационную политику и самостоятельно формировать идентичность граждан, должно создать условия обеспечения цифрового суверенитета, который является условием контроля государства над своими цифровыми ресурсами и данными, технологиями и каналами передачи информации.

Воспитание граждан, их идентичности является важнейшей задачей государства: формирование макрополитической идентичности происходит на основе трансляции в индивидуальное и массовое сознание культурных, языковых, политических кодов. Понимание своей истории, традиций, символов и обычаев является важным фактором формирования гражданской позиции и патриотизма. Без обеспечения цифрового суверенитета формировать и поддерживать национальное ценностно-смысловое пространство, независимое от внешнего вмешательства, невозможно.

Проблема обеспечения цифрового суверенитета и безопасности ценностно-смыслового пространства государства видится особенно актуальной в контексте современного глобального информационного противостояния.

Сегодня Россия не только противостоит насильственному навязыванию несправедливой модели однополярного мироустройства, но и оспаривает монополию коллективного Запада на ценностно-смысловое определение идентичности политических сообществ. Зависимость государства от внешних каналов цифровой коммуникации, необходимость «играть» по правилам внешних «цифровых элит», угроза исключения из глобального коммуникационного Интернет-пространства, усиление конкуренции за возможность формировать сознание пользователей и идентичность граждан, стремление управлять поведением людей на основе внедрения иных политических и культурных кодов – все это ставит перед институтами государственной власти задачи по обеспечению цифрового суверенитета.

Таким образом, обеспечение цифрового суверенитета отвечает национальным интересам России и соотносится с приоритетами российской государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности и укрепления национальной идентичности, которые зафиксированы в Стратегии национальной безопасности РФ (от 2 июля 2021 г.), Послании Президента РФ Федеральному Собранию (от 21 февраля 2023 г.), Концепции внешней политики РФ (от 31 марта 2023 г.).

*Исаев Б.А.
(ГУАП, Санкт-Петербург)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

Исторические условия зарождения партий в России возникли позже, чем в Европе и Америке. Идеологические и социальные российские и западноевропейские основы зарождения партий с одной стороны были довольно схожими, с другой – существенно различались.

Аналогичным их представляет общая тенденция развития государства, общества и политических партий: от становления представительных институтов, борьбы протопартийных группировок к формированию современных политических организаций, правового государства и гражданского общества.¹

Отличным от европейского российский путь формирования партий делали: географическое положение России, движение русских на Восток: на Урал, в Сибирь, на Аляску; относительная близость и реальная достижимость восточных стран; отдаление россиян от центров европейского развития; непоследовательность и противоречивость реформ российских самодержцев; определенный тип российской политической культуры, культуры повиновения. Рядовые россияне на протяжении всей истории предпочитали не создавать организации, отстаивающие их права, а «голосовать ногами»: бежать к казакам, уходить на восток с землепроходцами, переселяться в неосвоенные районы.²

Политические группировки Московской Руси, не имевшие возможности участвовать в постоянной парламентской деятельности, изыскивали другие формы политической борьбы: во время проповедей, на церковных соборах, на религиозных диспутах, на аудиенции с представителями власти. Поэтому в средневековой Руси партийная борьба часто разворачивалась в форме религиозно-политических группировок.

Типичной *религиозно-политической группировкой* XV–XVI вв. было возглавляемое Иосифом Волоцким движение иосифлянства, проводившее курс на *централизацию*, против еретических течений и удельных княжеских клик. На церковных соборах 1503 и 1504 гг. имело место столкновение «*партии*» иосифлян и «*партии*» еретиков Федора Курицына.

В XVI в. в церковно-идеологическую борьбу вмешалась «*партия*» *нестяжателей*. После открытой полемики *группировок нестяжателей и иосифлян* Иван III отказался от секуляризационных планов и согласился на преследование еретиков.

В средневековой России всегда соперничали *прогрессивная реформаторско-западническая и консервативная византийско-почвенническая группировки*. Одним из лидеров *западнической «партии»* в царствование Ивана Грозного был князь, влиятельный думский боярин Андрей Михайлович Курбский, принадлежавший к кругу противников царского деспотизма. Он пытался с рационалистических позиций осмыслить русскую историю, критически оценить деспотизм и несправедливости, творимые царем («История о великом князе московском»), вообще организовать *оппозиционную «партию»* в эмиграции, явочным путем реализующую право критики «*партии власти*».

Уже с XVI в. в Московской Руси началось обращение к гуманистическому, просветительскому, реформаторскому опыту Западной Европы. Деятельность Ивана Федорова и Петра Мстиславца как просветителей и основателей книгоиздания, Федора Карпова, Максима Грека, других деятелей русского просвещения, ратовавших за изучение наук и философии вполне укладывается в понятие *просветительская «партия»*, как *литературно – публицистическое течение*, подобные которым существовали и в Европе.

Во второй половине XVII в. на Руси в результате церковного раскола образуются две противостоящие группировки: «*партия*» *латинствующих*, возглавляемой Симеоном Полоцким и Юрием Крижаничем и «*партия*» *грекофилов* или *староверов*, во главе с протопопом Аввакумом. «*Партия*» *латинствующих* выступала за развитие образования и просвещения, против средневекового догматизма и начетничества. Хорват Крижанич, кроме того, выдвигал идею славянского единства во главе с Россией. «*Партия*» *грекофилов* придерживалась «почвеннического» курса на укрепление «веры отцов», повышение роли

¹ Исаев Б.А. Зарождение, становление и функционирование партийной системы современной России. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора социол. наук / СПбГУ. СПб., 1998, с. 32.

² Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. / Под редакцией В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1996, с. 26.

традиций, за преобладание веры над знанием, против влияния западноевропейского рационализма и «латинства».¹

Партийная борьба в средневековой Руси еще не была в полной мере легитимной, нормированной, предсказуемой. Да и «партии» (это условное понятие мы заключаем в кавычки) еще не представляли собой современные политические организации.² Но само существование протопартийных организаций, факты партийной борьбы, составляющей пусть пока не самую важную, но все же часть политического процесса, не следует ставить под сомнение.

Исаева Е.А.
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: НОРМАТИВНО ЗАКРЕПЛЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ³

Среди форм низовой гражданской активности особое место занимает территориальное общественное самоуправление (далее ТОС), которое предполагает самоорганизацию граждан по месту их жительства для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Для активизации вовлечения граждан в деятельность ТОС на региональном уровне могут разрабатываться специальные нормы, предполагающие поддержку их деятельности (организационную, финансовую, имущественную, информационную и др.).

В рамках проведенного авторского исследования региональной нормативно-правовой базы, регламентирующей поддержку ТОС, были выявлены следующие модели нормативного регулирования:

1. полное отсутствие региональных нормативных актов, регламентирующих деятельность ТОС (более 50% регионов);
2. наличие регионального закона о ТОС (13 регионов России);
3. наличие регионального закона, госпрограммы (подпрограммы), концепции развития ТОС, иных подзаконных нормативных актов стимулирующего характера.

Исследование позволило выявить инструменты активизации ТОС, которые можно объединить в несколько групп:

1. Инфраструктурная поддержка ТОС: в ряде регионов созданы институты развития ТОС при должностных лицах и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В частности, в Белгородской области в 2021 году нормативно закреплено создание Совета председателей ТОС при губернаторе, в Самарской области в 2020 году - Совета по ТОС при Губернаторе; в 2019 году создан Совет по развитию ТОС в Новосибирской области при министерстве региональной политики; в 2007 году нормативно закреплено создание совета по ТОС при Губернаторе Архангельской области; в 2022 году - Совета по развитию ТОС в Новгородской области.

2. Финансовая поддержка ТОС, которая может быть дифференцирована:
- А) поддержка самих ТОС (Севастополь, Белгородская область, Хакасия, Бурятия);
 - Б) поддержка НКО, которые развивают ТОС (Бурятия);

¹ Исаев Б.А. История партий и партийных систем. Ч. 1 История партий. Учебник и практикум / Сер. 61. Бакалавр и магистр. Академический курс. (2-е изд., испр. и доп.). Москва, 2016. С. 103-105.

² Исаев Б.А. Политология. Хрестоматия / Санкт-Петербург, 2006, с. 190-194.

³ Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект №GM-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

В) поддержка ТОС через оператора (условный Ресурсный центр), которым выступает Ассоциация «Совет муниципальных образований» в Воронежской области, Ассоциация развития ТОС в Саратовской и Ульяновской области;

Г) поддержка из регионального бюджета местных бюджетов на развитие ТОС (Калужская, Липецкая, Тульская, Новгородская, Псковская, Сахалинская области, Татарстан, Карелия, Саха (Якутия), Забайкальский и Хабаровский края);

Д) финансовая поддержка непосредственно руководителей ТОС (Татарстан).

3. Информационная поддержка ТОС – примером выступает Постановление Правительства Республики Бурятия от 09.08.2019 №437 «О республиканском конкурсе на лучшее освещение деятельности ТОС в Бурятии в средствах массовой информации»;

4. Конкурсные механизмы развития лучших практик работы ТОС (Архангельская (конкурс «Лучшее ТОС», «Лучший активист ТОС»), Саратовская («Смотр глав ТОС»), Смоленская («Лучший руководитель ТОС»), Ростовская («Лучшее ТОС»), Вологодская («Областной смотр-конкурс на лучшую постановку массовой физкультурно-спортивной работы по месту жительства граждан, в том числе среди территориальных общественных самоуправлений») области, Татарстан («Лучшее ТОС»), Бурятия («Лучшее ТОС»), Краснодарский край (Лучший орган ТОС)).

5. Имиджевые награды – в качестве примеров можно привести Указ Главы Республики Бурятия от 06.03.2020 №33 «Об учреждении нагрудного знака «Лидер ТОС в Республике Бурятия»; Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края от 29.01.2020 №1561-П (ред. от 27.10.2022) «Об учреждении Памятного знака Законодательного Собрания Краснодарского края «За активное участие в ТОС».

6. Региональная программа/подпрограмма развития ТОС принята в Архангельской, Белгородской, Калужской областях, Мордовия.

7. Региональная Концепция развития ТОС утверждена в Тыве, Саха (Якутия), Архангельской области, ХМАО – Югра.

Отдельно сделаем акцент на нескольких выявленных уникальных мерах стимулирования развития ТОС. В большей степени обращает на себя внимание нормативная база Архангельской области, где, помимо указанных выше мер, действует Постановление Правительства Архангельской области от 31.03.2022 №194-пп «Об утверждении порядка подготовки ежегодного доклада о состоянии, проблемах и перспективах развития ТОС в Архангельской области, об эффективности мер государственной поддержки ТОС в Архангельской области». Также отметим Постановление Министерства по МСУ и ВП АО от 16.04.2014 №1-п «Об утверждении Положения о государственной информационной системе Архангельской области «Интернет-портал ТОС».

В качестве интересной региональной практики отметим Постановление Главы Администрации Волгоградской области от 07.07.2008 №859 (ред. от 28.10.2019) «О Дне территориального общественного самоуправления» (отмечается ежегодно в последнюю субботу мая).

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКАРПАТЬЯ В ДИСКУРСЕ ВЕНГЕРСКОГО УЛЬТРАПРАВОВОГО ДВИЖЕНИЯ «НАШЕ ОТЕЧЕСТВО»

В 2018 г. в результате раскола в партии «Йоббик» и отставки ее лидера Г. Воны было создано Движение «Наше отечество». Его председателем стал Л. Тороцкай, с 2013 г. занимавший пост мэра Ашоттхалома. В 2022 г. Движение «Наше отечество» сумело преодолеть заградительный барьер на выборах, став тем самым парламентской партией. Лидеры этой ультраправой политической структуры в своих выступлениях и статьях регулярно обращаются к проблематике Закарпатского региона (на сегодняшний момент входит в состав Украины), в котором проживают около 150 тыс. этнических венгров. На протяжении большей части своей истории край входил в состав венгерских государственных образований, его присоединение к Советской Украине произошло в 1945 г.

На официальном сайте Движения «Наше отечество» выявлено 11 статей, посвященных вопросу Закарпатья, в 5 из них упоминаются результаты регионального референдума 1991 г. В ходе референдума большинство жителей области высказалось за предоставление независимости Украине, а также за наделение Закарпатья статусом «самоуправляемой территории». Авторы материалов сайта утверждают, что Венгрия в 1991 г. упустила шанс «возвращения» своих исторических территорий. Следует отметить, что сведения о широких симпатиях населения края идеям восстановления венгерской государственности в Закарпатье в начале 1990-х гг. отсутствуют.

Еще одной ключевой темой публикаций Движения «Наше отечество» является вопрос давления на лидеров венгерской диаспоры на Украине: «Украинское государство и украинские спецслужбы постоянно и планомерно терроризируют закарпатских венгров, теракты обрушиваются на штаб-квартиры венгерских правозащитных организаций, а украинские вооруженные спецназовцы в масках пытаются запугать лидеров местных венгров, как это произошло сегодня (16 декабря 2021 г.). Цель, очевидно, состоит в том, чтобы изгнать венгров с их родины». 2 сентября 2023 г. на сайте движения появилась заметка о резком сокращении часов на изучение венгерского языка в школе украинского города Мукачево. В материале содержался призыв к официальному Будапешту блокировать все инициативы по европейской интеграции Украины до тех пор, пока та не выполнит свои международные обязательства перед венгерским национальным меньшинством.

Количество публикаций, посвященных проблематике Закарпатья, увеличилось с началом Специальной военной операции, проводимой Россией в отношении Украины. Движение «Наше отечество» выступает резко против любого участия Венгрии в данных событиях, интеграции «антивенгерской Украины» в структуры ЕС и НАТО, осуждает антироссийские санкции, вследствие которых ухудшается материальное положение рядовых венгров. Во время демонстрации, состоявшейся 4 марта 2022 г. в Будапеште, Л. Тороцкай назвал Украину страной, «собранной из пожертвований – из польских, российских и венгерских территорий». Заместитель председателя Движения «Наше отечество» Э. Новак заявил, что «вместо того, чтобы безоговорочно поддерживать территориальную целостность Украины, правительству следует не допустить использования украинцами закарпатских венгров в качестве живого щита». В материалах сайта регулярно декларируется идея необходимости протектората Венгрии над Закарпатьем.

Вопрос автономии Закарпатья тесно связан с русинским этнополитическим движением (его активисты считают восточнославянское население, составляющее большинство в регионе, отдельным народом; данный тезис не признается официальным

Киевом). Русины упоминаются лишь в одной публикации Движения «Наше отечество». 12 марта 2023 г. организация выразила протест против предложения заместителя мэра Будапешта Д. Берга о присвоении одному из объектов города наименования «Независимости Украины»: «Мы, венгры, точно знаем, как шовинистическое украинское руководство обращается с меньшинствами, оказавшимися в ловушке внутри его границ. наших венгров и наших русинов отправляют на передовую в качестве ловцов пуль, тем самым освобождая себя от проблемы, вызванной самим их существованием».

Таким образом, Движение «Наше отечество» призывает официальный Будапешт к более решительным действиям в отношении Закарпатского региона, в том числе озвучивая возможность присоединения края к Венгрии для защиты проживающих там соотечественников. Материалы сайта организации содержат вполне справедливые обвинения, адресованные Киеву, в нарушении прав национальных меньшинств. В то же время анализ материалов показывает, что лидеров движения интересует исключительно положение венгерской диаспоры, проблематика культурных запросов восточнославянского населения региона остается без внимания.

Казак А.А.

(СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов)

ВЛИЯНИЕ МЕДИЙНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К СВО¹

В научной литературе влияние, связанных с СВО, событий на политическое мировоззрение и сознание молодежи по объективным причинам еще не успело получить должного осмысления. По данным ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-центра» (признан в России иностранным агентом), большая часть российского общества в целом поддержала решение Президента о проведении СВО. Однако для разных социальных групп уровень этой поддержки оказался различным. Так, например, по сравнению с обществом в целом, молодежь относится к происходящему более сдержанно и критично.

Эмпирической базой проведенного исследования стали результаты социологических опросов, проведенных специалистами «Левада-Центра» (<https://www.levada.ru/2023/09/05/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-avgusta-2023-goda/>), а также организованных сотрудниками кафедры политических наук СГУ им. Н.Г. Чернышевского онлайн-анкетирования 2021 респондента (при доверительном интервале 0,95 статистическая погрешность выборки не превышает 3,4%) и трех фокус-групповых интервью с участием 36 человек в возрасте от 14 до 35 лет.

Выяснилось, что большая часть молодежи все же поддерживает саму СВО, однако уровень этой поддержки ощутимо ниже, чем у представителей более старших возрастов (57% и 70% в целом по стране соответственно). Что касается отношения к частичной мобилизации и включения в состав России четырех новых субъектов, то здесь уровень поддержки даже меньше половины (13,7% и 49% соответственно). Если же говорить о предпочитаемых вариантах продолжения конфликта, то среди молодых гораздо больше тех, кто является сторонниками начала мирных переговоров с Украиной (64% респондентов в возрасте 18-24 лет и 54% – 25-39 лет). При этом четко прослеживается зависимость между предпочитаемыми источниками информации и отношением к происходящему: чем меньше молодые люди используют традиционные СМИ, тем более критично они настроены в отношении СВО.

Полагаем, что причин такого специфичного (по сравнению с характерным для общества в целом) отношения молодых людей к СВО несколько.

¹ Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодежи», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Во-первых, это возрастные особенности данной социальной группы. Впервые сталкиваясь в осознанном возрасте с ситуацией, когда страна участвует в боевых действиях, молодежь невольно пугается происходящего и испытывает серьезные затруднения с определением собственного отношения к тому, что происходит. Не имея богатого жизненного опыта, относительно мало интересуясь политикой и историей, значительная часть респондентов полагают, что территории, на которых идут боевые действия, – это исконно украинские земли, и что любые конфликты можно было решить за столом переговоров.

Во-вторых, сказывается то, что политическая социализация нынешней молодежи во многом проходила в условиях идеологического вакуума. На определенном этапе недавнего прошлого он начал заполняться западными ценностями. Впитанные молодыми людьми идеи приоритета интересов личности над обществом, прав и свобод человека, ориентация на обеспечение в первую очередь материального благополучия вошли у молодежи в явный диссонанс с очевидными и неизбежными результатами СВО (большим количеством раненых и погибших, уничтожением инфраструктурных объектов, угрозами терактов и т.д.).

В-третьих, важную роль играют и распространенные в молодежной среде медийные практики. В ситуации, когда 93% молодых людей предпочитают узнавать о происходящем из Интернета, объективно расширяются возможности для информационной автономии человека. По сути, каждый формирует собственную эхо-камеру, пробиться в которую каким-либо «чуждым» ее владельцу информационным потокам чрезвычайно сложно. Во многом именно поэтому продуцируемые государством обоснования и трактовки происходящего в рамках СВО просто не достигают большей части молодежной аудитории.

Из этого логически вытекает и еще одна возможная причина – характер освещения СВО на официальном уровне. Кроме того, что официоз представлен преимущественно в традиционных СМИ и практически не присутствует в гораздо более востребованных у молодежи новых медиа, большие нарекания вызывают качество, достоверность и оперативность транслируемых государством сообщений о ходе СВО. Запаздывание информации, крайне редкое озвучивание данных по потерям российских военнослужащих, использование эвфемизмов и дисфемизмов – лишь самые явные из имеющихся в этой сфере проблем. В таких условиях и без того весьма скептически настроенная в отношении официоза молодежь в поисках актуальной и правдивой информации еще быстрее уходит в социальные сети и мессенджеры, подписываясь на самые различные (не всегда заслуживающие доверия) паблики и становясь тем самым практически не достижимой для медийного влияния со стороны государства.

*Казаринова А.М.
(МГИМО МИД России, Москва)*

ПРОМЫШЛЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: КЕЙС ПРОЕКТА «РЕСУРСЫ РОСТА»

Промышленный суверенитет – это способность государства обеспечивать свою экономическую независимость и контролировать свои промышленные ресурсы. В ряде работ это понятие понимается ограниченно – исключительно в контексте политики импортозамещения. Однако в современном мире в условиях глобализации и международного разделения труда такой подход будет ограниченно эффективным. Таким образом, под понятием промышленного суверенитета мы будем понимать способность государства реализовывать такую промышленную политику, которая бы использовала принципы многовекторности и сочетала бы импортозамещение с развитием международного взаимодействия. Тематика промышленного суверенитета только получает

свое развитие в российских научных исследованиях (Судоргин, Макаренко 2022; Шацкий 2022; Афанасьев 2023), что вызвано актуализацией тематики в 2022 году. В англоязычной литературе поднимаются лишь проблемы технологического (Bauer, Erixon 2020) и киберсуверенитета или суверенитета в индустрии 4.0. (Pedreira и др. 2021).

В условиях глобализации, международной конкуренции, а также высокой динамики мировых политических процессов промышленный суверенитет становится важным инструментом для защиты национальных интересов и сохранения экономической стабильности. Для России в условиях беспрецедентного санкционного давления задача укрепления технологического и промышленного суверенитета – одна из важнейших, укладываемых в национальные цели развития «г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» и «д) цифровая трансформация».

Примером успешной реализации промышленного суверенитета является Германия, которая создала собственную экосистему промышленных технологий и активно продвигает ее на мировом рынке. Кроме того, Германия разрабатывает свои собственные технологии в области автоматизации, робототехники и искусственного интеллекта. В России также активно развивается промышленный суверенитет. В рамках государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» осуществляется модернизация отечественных производственных компаний и создание новых высокотехнологичных производств. Кроме того, в России активно развивается сектор инноваций, который способствует созданию новых технологий и развитию отечественной промышленности. Усилия государства и достижения бизнеса (Яндекс, Касперский, Сбер) в области технологического суверенитета больше заметны в области IT сферы. Однако взаимодействие государства с бизнесом происходит и в сфере развития промышленного суверенитета, в частности, в рамках международных промышленных выставок, которые становятся важнейшими площадками такого взаимодействия и обсуждения политики «умного протекционизма».

Примером может выступать международный форум «Ресурсы Роста», который выступает площадкой коммуникации для федеральных политиков, в том числе лидеров политических партий, Минпромторга РФ, РСПП с ключевыми стейкхолдерами промышленности, федеральными и региональными производителями и ритейлерами, что позволяет получать обратную связь для оптимизации принимаемых решений.

Литература

1. Судоргин О.А., Макаренко Е.И. Технологический суверенитет и подготовка будущей технической интеллигенции// Власть. 2022. Т.30. № 5. С.145-150.
2. Шацкий А.А. Промышленный суверенитет и импортозамещение на современном этапе развития российской экономики// Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44 (6). С. 334-336.
3. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы //Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. №. 2. С. 689-706.
4. Bauer M., Erixon F. Europe's quest for technology sovereignty: Opportunities and pitfalls. ECIPE Occasional Paper. 2020. №. 02/2020.
5. Pedreira V., Barros D., Pinto P. A review of attacks, vulnerabilities, and defenses in industry 4.0 with new challenges on data sovereignty ahead //Sensors. 2021. Т. 21. №. 15. С. 5189.

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В КОНКУРЕНТНОМ ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ¹

Понятие гражданственности в политической науке одно из самых употребляемых. Тем не менее, его содержание трактуется, подчас, в диаметрально противоположных смыслах и коннотациях, в зависимости от политической ориентации авторов. В попытке уточнить значение этого понятия полезно прибегнуть к его иноязычным аналогам, чтобы четче определить его семантическое поле.

Гражданственность, гражданская активность и цивилизм базируются на принадлежности к гражданству, но они имеют различные значения и области применения. Характерно, что вежливость как умение следовать поведенческой норме, принятой в обществе, также относится к словам с этим латинским корнем. Таким образом, гражданственность в европейских языках довольно тесно связана со способностью быть уважительным и обходительным в социальных взаимодействиях (*civility*). Это личностная черта, которая высоко ценится в гражданском обществе.

Гражданственность (*civic engagement*), с другой стороны, относится к активному вовлечению граждан в политический процесс и в общественную деятельность. Эта деятельность может включать как собственно политическое поведение (например, голосование), так и, шире, про-общественную позицию (например, волонтерскую деятельность). Гражданская активность необходима для функционирования демократической политической системы и, что не менее важно, содействия социальной справедливости.

Гражданственность (*civicism*) - это более широкий термин, который охватывает как гражданственность (*civilness*), так и гражданскую активность (*civic engagement*), а также ценности и принципы: уважение прав человека, равенство, верховенство закона и социальную ответственность. Гражданственность (*civicism*) подчеркивает важность гражданского образования и гражданского участия как средств реализации политических изменений, реализации ценностей и создания прочных сообществ.

Таким образом, гражданственность (*civilness*) относится к личному поведению, гражданская активность (*civic engagement*) относится к сфере группового поведения к активному участию в политических и общественных делах, а гражданственность (*civicism*) определяет отношение к ценностям и принципам, то есть отражает не столько поведенческий, сколько мировоззренческий аспект. Таким образом, в этом своем измерении гражданственность предстает как совокупность убеждений и тесным образом связана с государственной идеологией. С другой стороны, американский исследователь Дж. Зевин, рассуждая о связи патриотизма и критического мышления, пришел к выводу, что гражданственность суть способность человека критически оценивать как ситуацию в обществе (в целом), так и решения правительства (в частности). Такой подход предполагает возможность для личности делать свой выбор, основанный на знании, образованности, просвещении (концепция «просвещенного патриотизма»).

Эта характеристика приобретается в ходе социализации и образования в области гражданственности и политической культуры (*civics*), которая лишь приблизительно может быть переведена как обществознание. В процессе образования формируются гражданское мировоззрение (*civicism*), которое в научной литературе часто работает в контексте противопоставления другим «-измам», в первую очередь, национализму.

Термин «гражданственность» в ряде работ также трактуется как гражданская ответственность и как особая политическая культура (*participatory civics*). Последняя может

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

пониматься как совокупность неформальных и формальных институтов, которые способны объединять и тем самым формулировать различные требования и интересы различных групп людей в обществе, чтобы способствовать диалогу и избегать насильственных конфликтов.

В современных трактовках понятия гражданственности подчеркивается, что глобализация и миграция требуют переосмыслить концепцию гражданства, больше не привязывая ее просто к месту рождения и географической принадлежности, а к общему взгляду на основные права (образование, здравоохранение, работу и т.д.), ценности и обязанности, на которых должны основываться гражданственность и социальная гармония.

В целом в англоязычной академической литературе гражданственность выступает в теснейшей связи с образованием, социализацией, приобретением гражданской позиции молодыми членами общества. Там мы почти не встретим текстов, которые бы интерпретировали сознание и политическое поведение взрослого сформировавшегося гражданина, где бы гражданственность выступала в качестве мобилизующего импульса его политической активности.

В российской академической традиции много пишут о гражданственности в целом, при этом одна часть ученых ставит знак равенства с патриотизмом¹, вторая – с формированием гражданской культуры участия, как результата становления гражданского общества. В современных условиях в некоторых дискурсах (в первую очередь, академическом) патриотизм идет рука об руку с развитием гражданского общества, но в медийных и идеологически нагруженных – это едва ли не антагонистические понятия, камнем преткновения в котором является вопрос о 1) допустимости критики действия властей 2) в сложных для страны условиях 3) на аудиторию не только внутреннюю, но и внешнюю 4) когда критикующий находится за пределами страны. Чем дальше дискуссия продвигается в обозначенном алгоритме, тем менее допустимой для патриота такая критика воспринимается как приемлемая. Гражданственность, таким образом, остается внутренне конфликтным термином, который в каждом конкретном случае должен уточняться.

*Калачева Евгения Сергеевна,
(Общероссийский народный фронт, Москва)*

СПИЧРАЙТИНГ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРЕЗИДЕНТОВ США В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Спичрайтинг в практике президентской коммуникации в США – практика и технология создания специальными помощниками текстов обязательных выступлений, в различных форматах, с учетом традиций политической культуры, внутривнутриполитического и международного контекста. Анализ разновидностей обязательных для американских президентов выступлений, их особенностей показал связь наиболее важных типов речей с историческим, внутривнутриполитическим и международным контекстом. Отмечено возрастание интенсивности и количества требуемых от президентов выступлений на протяжении последнего столетия. В США связь спичрайтинга с политической культурой и политической коммуникацией имеет взаимозависимый характер. Именно речи первых президентов повлияли на приоритеты, ценности и практики американской политической культуры, и это влияние позволило выдающимся речам политиков стать национальными символами и частью культурного наследия страны. В свою очередь, сформировавшаяся

¹ Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. №. 3 (121). С. 123-129.

политическая культура влияет на организацию политической коммуникации, и сложившиеся в этой сфере традиции вынуждают президентов действовать в соответствии с определенными ожиданиями публичной сферы. Эффективное взаимодействие президента с составителями речей результирует в тексте, выражающем философию именно этого политика, содержащем оригинальные идеи или видение ситуации, и отсылки к ценностям или образам из речей предшественников.

Проведенное автором исследование выявляет наличие у президентских речей функции генерации смыслов для политической системы, а также создания образов политической философии каждого президента. При этом важной, но не всегда выполнимой сопутствующей целью спичрайтинга является поиск словесных девизов – удачных образов и выражений, которые впоследствии становятся важной характеристикой эпохи и вспоминаются в публичной сфере наряду с политическими событиями соответствующего периода. Анализ наиболее известных примеров девизов из выдающихся речей президентов показывает, что они могут быть как удачными формулами для обозначения целей внутренней («Единственное, чего следует бояться...» Рузвельта) и внешней политики («Альянс во имя прогресса» Кеннеди), так и образами, вызывающими отклик и поддержку аудитории («молчаливое большинство» Никсона, «забытые мужчины и женщины» Трампа). Иногда такими девизами могут стать мобилизующие нацию призывы («Не спрашивай, что твоя страна...» Кеннеди) или утверждения («Мы преодолеем!» Джонсона). Некоторые девизы кратко выражают развернутую в речи политико-философскую концепцию («4 свободы» Рузвельта, «Ось зла» Рейгана). Можно сделать вывод о том, что наиболее существенные идеи этой философии спичрайтеры стремятся выразить в форме словесных девизов, которые впоследствии становятся важной характеристикой эпохи. Произведенный анализ наиболее характерных и известных примеров девизов выдающихся речей таких президентов как Ф.Д.Рузвельта, Д.Кеннеди, Л.Джонсона, Р.Никсона, Р.Рейгана, Б.Обамы и Д.Трампа позволил выделить устоявшуюся интерпретацию девизов в контексте важнейших политических тенденций соответствующей эпохи и определить основные этапы институализации спичрайтинга в Белом доме.

Возрастающая сложность задач государственного управления и растущий запрос на высокую частоту выступлений президентов способствовали институализации спичрайтинга; появлению соответствующих специалистов, а затем и профильного отдела в штате национальной администрации США; легитимации деятельности спичрайтеров президента и возможности выбора такой профессиональной специализации для желающих выстраивать свою карьеру в политической коммуникации. Особенности американской политической культуры и политической коммуникации признаются факторами, повлиявшими на институализацию спичрайтинга в системе государственной власти. Относительно причин, позволяющих спичрайтингу не терять своей значимости в коммуникации президента, несмотря на доминирование т.н. новых политических технологий с использованием Интернет и социальных сетей можно предположить, что важнейшей из причин является признанная функция спичрайтинга в политической системе – создавая речи, регулярно формулировать уникальные, соответствующие вызовам публичной политики и рамкам политической культуры смыслы, отражающие цели президента и его политическую философию.

Эффективность спичрайтинга в значительной степени обусловлена двумя факторами: взаимодействием президента и спичрайтеров в работе над важнейшими речами, чтобы речь соответствовала политическому контексту времени и мышлению президента, а также идейной приверженностью спичрайтеров - вовлеченностью в определенную систему ценностей победившей партии и/или в политические планы представляющего ее президента.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В 2013 И 2023 ГОДАХ¹

Анализ политической деятельности, как системы коммуникации, позволяет рассматривать вопросы идентичности в качестве отдельного вида политического дискурса. Т.А. Ван Дейк в своих работах акцентирует внимание на специфическом «сложном единстве», общем представлении о дискурсе в разных текстах. Это «единство» призвано воспроизводить конкретную идеологию восприятия, которая определяет базовые представления консолидированной социальной группы.

Авторами была поставлена задача выявить типичные фрагменты дискурса, формирующие представления о политической идентичности россиян в 2013 и 2023 годах. Сбор корпуса текстов базировался на релевантных публикациях Интернет-портала «РИА Новости». Были отобраны публикации новостей за 2013 год, а также все статьи, опубликованные за последний год (сентябрь 2022 – сентябрь 2023). Далее для поиска статей, отражающих дискурс власти, был использован поисковый запрос «идентичность Путин». Также были протестированы запросы, содержащие в себе фамилии других ключевых государственных деятелей РФ. Однако по таким запросам статьи либо полностью отсутствовали, либо публикации оказывались нерелевантными исследуемой теме. Общее количество материалов, использованных для анализа, составило 144 публикации (75 за 2013 год, 69 за 2022-2023 гг.).

На этапе анализа для каждой статьи были выделены ключевые слова, извлечение которых осуществлялось с помощью библиотеки «Rutermextract». Если слово «идентичность» входило в разряд ключевых, то по данной статье анализировался контекст использования понятия. Далее использовался метод тематического моделирования (Topic modelling) с использованием Латентного размещения Дирихле (LDA – Latent Dirichlet allocation). Результатом применения метода является определенный список тем. Если группировка по темам имеет смысл и является логичной, то модель считается валидной.

В 2013 году дискуссия вокруг концепции национально-гражданской идентичности велась в рамках дискуссионного клуба «Валдай». Вне этого события релевантных публикаций в выборе практически не было. Одной из основных тем стала тема «поиска новой российской идентичности». В целом, словосочетания «новая идентичность», «новая российская идентичность» выделяются как ключевые в нескольких десятках статей данного периода. С одной стороны, подчеркивается острая необходимость развития национальной идеи: *«Россия нуждается в решении фундаментальных вопросов, которые смогут объединить большинство россиян»*. С другой – акцентируется внимание на отказе от копирования «чужой», чаще всего западной, концепции идентичности: *«В народе явно растет спрос на отличающуюся от Запада европейскую идентичность»*. Что касается смысловых составляющих российской идентичности, то можно выделить следующие ценности. Во-первых, В. Путин предлагает три основных базиса, на которых должна строиться российская идентичность: суверенитет, самостоятельность и целостность. Уже в следующей публикации президент подчеркивает, что российская история должна стать основой национальной идентичности. Формирование же гражданской идентичности должно строиться на ценностях *«патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважение к закону и сопричастности к судьбе Родины»*.

¹ Представленное исследование проведено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта «Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов», выполненного в ИНИОН РАН.

Анализ публикаций за последний год показывает уже совсем иную картину использования концепции идентичности. Четко выделяется тема украинской идентичности как идентичности, построенной на нацистских ценностях. В разных формах эта идея прослеживается в нескольких публикациях. Отдельно выделяется тема дружественных стран и союза, основанного на общих традиционных ценностях (для африканских стран) или общности народа (для Белоруссии). Более четко оформляется тема недружественных стран. По аналогии с 2013 годом подчеркивается антагонистичность ценностей россиян с западными образцами: «... страны, в которых намеренно разрушают традиционные семьи, собственную культуру и национальную идентичность...». В этом контексте важное значение приобретает отдельно выявленная тема защита российской идентичности и ее компонентов (истории России, традиционных ценностей). Для жителей РФ подчеркивается важность помощи, взаимовыручки, единения «в непростые времена»; для государственных деятелей – необходимость проведения мероприятий по укреплению гражданской идентичности. Также акцентируется внимание на усилении именно российской идентичности, то есть на самоощущении жителей РФ как россиян, а не как представителей той или иной национальности. Отдельно выделяется тема идентичности новых субъектов РФ: необходимость упрочения общероссийской гражданской идентичности, важность работы с молодежью.

Калямина Д.А.
(СПбГУ, СИ РАН-филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В СЕТЕВОМ КОНТЕКСТЕ¹

В условиях высокодифференцируемого, культурно фрагментированного и индивидуализированного общества ценность делиберативной демократии как инструмента для исследований казуальных причин в доминировании тех или иных суждений возрастает: чем шире и размытее интересы, тем больше препятствий для их организации.

При изучении структурной составляющей концепции делиберативной демократии обычно обращают внимание на институты и системы. Однако недостатком первого аспекта является изолированность обсуждения от реального контекста, что подсвечивает проблему оторванности делиберативной демократии от действительности, а во втором — ввиду максимальной включенности делиберативной системы в реальный контекст возникает проблема пренебрежения изначально намеченными ценностями, в условиях чего отдается предпочтение результату, а не вкладу. Эту крайность предлагается решить путем создания концептуальной основы, которая интегрирует институты и системы во всеобъемлющую перспективу и опирается на сетевую теорию.

Делиберативная демократия подразумевает включение всех аргументов, претендующих на совещательную подлинность, что мало говорит о самом качестве такого взаимодействия. Разрыв между институтами и системами может быть преодолен путем включения сетевой перспективы — ее реляционной и интерактивной составляющих дискурса — в изучение делиберативной демократии, что обеспечивает свободный и равный поток предпочтений, гарантируя включенность всех соответствующих мнений и причин в контекст. В таких условиях усиливается доверие в сетевых группах.

Обсуждение проводится с целью поддержания притока и оттока предпочтений между участниками. Во-первых, оно предоставляет возможность генерации мнений: участники выражают свои ценности и интересы, которые затем объединяются и обсуждаются, чтобы сформировать коллективную точку зрения, на основе которой может быть принято

¹ Материал подготовлен по гранту ЭИСИ/госзадание Минобрнауки РФ № 123091800030-5 «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи».

решение. Кроме того, обсуждение позволяет взвесить лидирующие мнения и причины, что может объяснить пропускную способность в принятии решений.

Диалогическая и диалектическая составляющие в делиберативной демократии постоянно переплетаются. Любое действие не является изолированным актом, а, напротив, представляет собой одновременно реакцию на предыдущее действие и отправную точку для последующего действия, что подтверждает взаимодействие между рядом акторов. Диалектический аспект заключается в том, что действия могут быть или результатом дискурсивного события, или дискурсивно инкапсулированы. В любом случае система подразумевает коллективное взаимодействие, основанное на индивидуальном выборе, а институты с их внутренними (акторами) и внешними (контекстами) механизмами представляют собой взаимозависимые узлы, связанные друг с другом.

Социализация — это открытый процесс преобразования людей и их окружения. Отношения и взаимодействия — строительные блоки сетей, расположенные между уровнями индивида и общества. Сильные связи выполняют функции воспроизводства ресурсов в группах, а слабые их распределение. В таком взаимодействии особую роль играет обратная связь: мелкомасштабное взаимодействие переводится в крупномасштабные паттерны, а они дают обратную связь малым группам.

Делиберативная демократия в сетевой перспективе на микро-, мезо- и макродискурсивных уровнях может быть изучена по трем аспектам: архитектура, дискурс и авторитет, а далее они [аспекты] преобразуются в конкретные критерии и показатели.

Внутренняя среда, ориентированная на актора, питается внешней средой, ориентированной на институт, а затем преобразуется в общедоступную сетевую среду, которая и получает обратную связь. Зная, где находятся различные группы и как они ведут себя в процессе принятия решений, мы можем проектировать, разрабатывать и внедрять меры по устранению возникающих проблем, а также выявлять стимулирующие и препятствующие действия по вовлечению граждан в делиберативную систему.

*Каминченко Д.И., Комаров И.Д., Горбунова М.Л.
(ННГУ, Нижний Новгород)*

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ БИОПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Цифровизация затрагивает все стороны жизни общества, индивидов, больших и малых групп, меняя биологические, социальные и политические сценарии их функционирования. Виртуализация значимых общественных процессов позволяет говорить о новом этапе развития информационного общества, которое влияет на содержание биополитики. Постановка целей биополитики и их достижение опираются на сбор и анализ данных об индивидах. За счет «цифровых следов» и генерируемых ими «больших данных» не только в развитых, но и развивающихся государствах происходит адаптация политики к интересам отдельных людей вплоть до формирования индивидуальных предложений для физических лиц. Государственное управление жизнедеятельностью людей на основе данных позволяет упростить систему принятия решений, воздействия и контроля, делая их менее зависимыми от человеческого фактора и, как следствие, более рациональными. Эффективность использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) при реализации политических процессов на биоуровне в каждом конкретном государстве определяется тем, что они имеют разные институциональные и ценностные установки. Уровень развития институтов влияет на степень информатизации общества, наличие данных и готовность политических институтов управлять на их основе. Другими словами, широкое распространение цифровизации пропорционально уровню развития общества. Ценностные установки

определяют неодинаковую оценку и самого восприятия биополитического процесса, и применение ИКТ как инструмента биополитики индивидами, малыми и большим группами и обществом в целом.

Авторская гипотеза состоит в наличии статистической (корреляционной) связи между цифровизацией и компонентами биополитической «управленческой ментальности» («*biopolitical governmentality*»), выделенными Мишелем Фуко – «стратегическими играми» («*strategic games*»), «управление» («*government*»), «доминирование» («*domination*»). Институциональное развитие государств связано с компонентами доминирования и управления, в то время как компонента стратегических игр определяется как отношения власти между различными социальными группами гражданского общества. Уровень институционального развития может быть охарактеризован с помощью данных международных организаций, ценностные установки населения разных государств прямо или косвенно находят отражения во Всемирном отчете о счастье, при этом, подчеркнем, что соответствие не является однозначным, а приведенные показатели являются результатом операционализации авторами ключевых понятий биополитической концепции М. Фуко.

В рамках достижения цели исследования авторы сформировали возможный пул показателей управленческой ментальности, далее в целях получения максимальных выборок государств авторы редуцировали перечень показателей, избавившись от тех из них, которые имеют существенные пропуски. Полученный перечень показателей был распределен по упомянутым выше компонентам управленческой ментальности М. Фуко, кроме того, авторы выделили эмпирическим путем комплексную компоненту ментальности из показателей, которые характеризуют одновременно компоненты управления и стратегических игр. Оценивая взаимосвязь распространения Интернета и показателей управленческой ментальности, сгруппированных по компонентам, каждая из которых характеризовалась набором показателей, авторы выявили, что имеется значимая корреляция между долей интернет-пользователей в численности населения и компонентами биополитической управленческой ментальности.

Авторы внесли в исследование временную составляющую, оценив корреляцию в 2008 и 2020 гг., выявив при этом изменение показателей статистической взаимосвязи между цифровизацией общества и операционализированными компонентами концепта управленческой ментальности М. Фуко. В частности, по большинству показателей в рамках таких компонентов, как «стратегические игры» и «управление» наблюдается относительное снижение уровня корреляционной связи с цифровизацией общества, а в случае с компонентами «доминирования» – относительное сохранение этого уровня.

Таким образом, цифровизация, основное содержание которой в настоящее время состоит с наличием и обеспечением доступа в интернет широких слоев населения, с одной стороны, напрямую связана с развитием государств, с другой – целенаправленная политика развития и распространения ИКТ помогает преодолевать технологическое отставание государств с низким уровнем доходов на душу населения. В то же время для ряда показателей биополитической управленческой ментальности корреляция к цифровизации является низкой или отсутствует, то есть цифровизация как элемент технологического прогресса не может быть использована для управления ими. Прделанная работа носит скорее пилотный характер и представляет собой зондаж перед проведением более конкретизированного исследования.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВЫХ: ОТ СТАТИЧЕСКОЙ К ДИНАМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В последние пару десятилетий в странах Европы наблюдается трансформация политической идентичности. Наблюдается глубокий системный кризис старых «народных партий», традиционная для многих стран Европы партийная система меняется.

Все более популярными становятся партии нового типа, которые активно приспосабливаются к меняющимся предпочтениям избирателей, либо активно эксплуатируют особо болезненные вопросы. Идентичность этих партий меняется наряду с их идеологией и программными составляющими. Ее можно назвать «динамическая идентичность». Ее противоположностью является «статическая идентичность». Уместно говорить о новой градации политических партий и политической идентичности.

Все больше границы размежевания проходят по линии отношения к такой фундаментальной ценности как национальный, политический, экономический суверенитет, а также сохранение/ размывание культурной самобытности и разнообразия. В этом контексте кажется уместной градация «глобалисты» - «суверенитисты». При этом важно отметить, что суверенитисты не являются синонимом традиционных правых. Существуют левые суверенитисты. Феномен европейского суверенизма отражает такое явление, как «подкова» левой и правой идеи, когда новые правые и новые левые по целому ряду важных вопросов (социальная справедливость, экономический суверенитет, неприятие американского гегемонизма) выступают со схожих позиций.

В целом феномен суверенизма более отчетливо проявляется у различных направлений правого толка. Современных европейских правых можно условно разделить на следующие категории:

Популисты – самый многогранный набор различных партий и стихийных движений, например «Buerger in Wut», «Freie Waehler» в Германии. Отличительная черта популистов заключается в том, что преимущественно это партии, концентрирующиеся вокруг одной (реже нескольких) проблемы. Основной темой правых популистов является миграция и связанные с ней негативные явления.

(Ультра)националисты – идеологические наследники ультраправых движений послевоенной Европы и тоталитарных режимов 1920-1940 гг. Апеллируют к идее расового единства, защиты европейской культуры и этносов от массовой миграции.

Суверенитисты – евроскептики умеренного толка, представлены в парламентах Франции, Италии, Испании. Зачастую они не разделяют националистическую риторику классических европейских правых, пытаясь создавать имидж идеологически нейтральных движений.

Идентаристы – делают упор на панъевропейском единстве, общеевропейской идентичности, обращаясь зачастую к дохристианскому этапу европейской истории.

Одновременно важно отметить общий кризис идеологии классических европейских националистов, которому свойственны следующие черты:

- Старые образы врага не работают. Например, антисемитизм давно перестал быть основной темой европейских правых. Наоборот, уважаемые европейские правые политики неоднократно выражали солидарность с Израилем. Антиамериканизм, который в настоящее время является одним из основных лозунгов партий правого толка, объединяет их со многими движениями левого спектра.
- Старые электоральные поля размываются. Партиям приходится менять риторику и лозунги для привлечения новых членов.
- Феномен «подковы» правой и левой идеи – перетекание тем и лозунгов от левых к правым и обратно.

Одним из инструментов выхода из идеологического кризиса, который некоторые европейские правые партии используют, является ребрендинг и смена идеологии. Это общая тенденция во многих странах Европы. Примеры смены имиджа европейских правых партий:

- Германия – одна из старейших и самых одиозных ультраправых партий страны – Национал-демократическая партия Германии (NPD) – на партийном съезде в июне 2023 г. полностью изменила название, имидж, некоторые пункты программы. Теперь это партия «Родина» (Heimat). Отказ от отдающего нацистским прошлым названия и смена имиджа последовали после ряда крайне слабых выступлений на региональных выборах, руководство партии приняло решение искать незанятые темы.
- Франция – крупнейшая правая партия страны – Национальный Фронт поменяла название на «Национальное движение», до этого лидер партии Марин Ле Пен фактически отстранила от правления своего отца, который прочно ассоциировался с классическим национализмом и расизмом. Телохранители-африканцы, активисты – представители нетрадиционной ориентации – все это призвано было показать разворот партии к новым веяниям в обществе.
- Швеция – самая крупная и быстрорастущая правая партия «Шведские демократы» за 20 лет совершила эволюцию от расизма и ультранационализма к умеренному национализму, основанному на «белой меланхолии» шведов. Аналогично «национальному движению» и АдГ руководство стало привлекать к партийной работе представителей сексуальных меньшинств, чтобы изменить имидж партии.

Эти кейсы подтверждают тезис о динамичности политической идентичности европейских правых, которые пытаются трансформироваться в партии нового типа. Параллельно возникает большое количество новых партий. В будущем можно ожидать дальнейший рост популярности партий этого направления, более динамично реагирующих на изменения в отличие от устаревающих народных партий.

Кандыба Р.А.
(ПГУ, Пятигорск)

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Представительство партий в национальном парламенте является важнейшим критерием типологии сложившейся в том или ином государстве партийной системы. Так как верхняя палата Федерального собрания формируется по непартийному принципу и не избирается непосредственно гражданами, именно представительство партий в нижней палате российского парламента, Государственной Думе, определяет формат партийной системы. В России преодоление заградительного барьера переводит объединения в «высшую лигу» парламентских партий. Основная цель нашего исследования: определение того, как идеологическая ориентация партий влияет на их представительство в Государственной Думе во всем временном континууме существования Федерального Собрания РФ.

Если ранжировать партии по представительству в составах Государственной Думы, то во всех восьми составах были представлены КПРФ и ЛДПР, в шести – «Единая Россия», в четырех – «Справедливая Россия», в трех – «Яблоко».

В соответствии с данным критерием налицо доминирование партий с левой идеологией. ЛДПР, несмотря на свое название, никогда не была связана с либеральной идеологией, за исключением нескольких поверхностных тезисов в программе, и всегда

была левопопулистской партией. Это объясняется тем, что многолетний лидер партии В. Жириновский вначале создал программу социал-демократической партии, и лишь на учредительном съезде название было изменено на либерально-демократическую.

Большая представленность партий левой идеологии в парламенте нашей страны объясняется, на наш взгляд, социальной структурой электората. В западных демократиях опорой правых партий является довольно многочисленная часть среднего класса, успешно существующая в условиях рыночной экономики. В России же средний класс в западном понимании немногочислен. Основой российского общества является базовый социальный слой, представленный людьми с устойчивым образом жизни, чей образовательный и культурный уровень сопоставимы с западным средним классом, а материальный – значительно ниже. Данная социальная страта пострадала в ходе либеральных рыночных реформ и ожидает от государства сильной социальной политики, что соответствует левой идеологии. Идеология «Единой России» не укладывается в классическую право-левую шкалу. Ее можно определить как «социальный консерватизм», что отчасти совпадает с левой повесткой.

Третья партия по представленности в составах Государственной Думы – «Единая Россия», так называемая «партия власти». «Предыдущие редакции» партии власти, лишённые поддержки правящей элиты, утрачивали представительство в Государственной Думе. Так произошло с общественно-политическими движениями «Демократический выбор России» и «Наш дом – Россия». В соответствии с изменением курса высшей правящей элиты наблюдался идеологический переход от либерального «Выбора России» к центристским «Наш дом – Россия» и Межрегиональному движению «Единство». Электоральный успех «Единства» и популярность поддерживаемого ею президента В. Путина позволило создать самую влиятельную в стране партию «Единая Россия», доминирующую на электоральном поле с 2003 г. В дальнейшем в «Единую Россию» влились левая Аграрная партия России, чья фракция одномандатников была важным союзником КПРФ в Думе второго созыва.

Эффективная электоральная мобилизация сторонников и расширение электоральной базы «Единой России» сократило электоральный ресурс всех парламентских партий. Наиболее уязвимыми в этом плане оказались либеральные «Яблоко» и «Союз правых сил».

Следующая по представительству в составах Думы партия «Справедливая Россия» была создана председателями двух палат российского парламента за счет слияния Партии жизни председателя Совета Федерации С. Миронова и Партии возрождения России председателя Государственной Думы Г. Селезнева. В отличие от КПРФ, балансирующей между догмами марксизма-ленинизма и современной социал-демократией, «Справедливая Россия» имеет более четкую социалистическую идеологию, что позволило ей стать частью международного Социалистического интернационала. В 2021 г. в «Справедливую Россию» влились левые объединения: партия «Патриоты России» Г. Семигина и общественно-политическое движение «За правду» З. Прилепина.

Итак, представительство партий в Государственной Думе свидетельствует о том, что идеологический фактор по-прежнему играет значимую роль в ориентации электората. В наибольшем числе составов Государственной Думы представлены КПРФ с модернизированным марксизмом-ленинизмом и лево-популистская ЛДПР. «Единая Россия», доминирующая на электоральном поле с 2003 г., исповедует социальный консерватизм, с левой идеологией ее объединяет ориентация на сильную социальную политику. После окончания либеральных экономических реформ эпохи Б. Ельцина потребовалось без малого 20 лет, чтобы 5% барьер смогла преодолеть либеральная партия «Новые люди», опирающаяся на представителей окрепшего малого и среднего бизнеса.

ПРОДВИЖЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ БИЗНЕС-ГРУПП ЗА РУБЕЖОМ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ РИСКОВ

Сегодня место России в системе транснационального лоббизма претерпевает коренные изменения. Традиционные зарубежные экономические партнеры, такие как Евросоюз, США, ряд стран Юго-Восточной Азии, начали обрубать экономические связи с Россией, а российский бизнес стал терять давно разработанные и изученные рынки. Это прямым образом отразилось и на внешнеполитических и внешнеэкономических функциях российских компаний. Привычные лоббистские каналы в европейских столицах, Вашингтоне моментально схлопнулись, российских лоббистов лишили аккредитации, крупные лоббистские фирмы разорвали все контракты по услугам связей с органами власти, а о заключении новых контрактов сейчас не может быть речи.

Иными словами, завершилась целая эпоха продвижения российских групповых интересов в евро-атлантическом регионе, а также в некоторых странах Азии и Океании. Эта эпоха начиналась не в 1990-е гг., а гораздо раньше – в 1970-е гг., когда между Советским Союзом и странами западной Европы (прежде всего ФРГ) началось сближение по ряду экономических отраслей, в первую очередь в сфере энергетики. Российские энергетические, а позднее и прочие промышленные и финансовые интересы постепенно проникали в западные сети согласования и принятия решений, налаживая диалог в условиях взаимовыгодного партнерства.

2022 г. стал точкой окончательного разрыва политических и экономических связей со странами Запада. Это поставило перед Россией вопросы диверсификации внешних рынков, поиска новых торговых партнеров. Россия в 2022 г. продолжила активное наращивание торгово-экономических связей с Китаем, быстрыми темпами развиваются экономические отношения с такими странами как Индия, Объединенные Арабские Эмираты, Турция, Южная Корея, Сирия, Никарагуа, Бразилия, Израиль, целым рядом африканских стран.

Из перечисленных стран Китай, несомненно, становится сегодня одним из ключевых направлений переориентации российских бизнес-интересов. Вместе с тем диверсификация внешней торговли остро поставила вопрос о том, что российскому бизнесу требуется лучшее понимание того, каким образом устроены данные рынки, как наиболее эффективно продвигать российские бизнес-интересы, как выстраивать отношения с местными органами власти. Данные вопросы вскрыли проблему неподготовленности целого ряда отраслей и компаний к быстрой перенастройке своих лоббистских связей за рубежом.

Китай, несмотря на расширение экономических контактов, не является исключением. Взаимодействие с органами власти является важнейшим условием для продвижения деловых интересов в стране. Однако КНР имеет крайне сложную бюрократическую систему и политико-управленческую культуру, которая определяется спецификой как современной китайской государственности, так и вековыми традициями, многие из которых не менее важны, чем формальные правила.

Выстраивание коммуникационной стратегии является одним из краеугольных камней продвижения групповых интересов в Китае. Переговорная культура КНР – это сложный механизм взаимодействия между партнерами с огромным количеством подводных камней и недосказанностей. Китайская деловая и политическая культура не терпят неформальностей, поверхностных, «легких» отношений, которые в гораздо большей важны для выстраивания коммуникации на Западе. Открытость и искренность не свойственны китайской культуре в целом, а в бизнесе и политике тем более.

В процесс подготовки и принятия решений вовлечено множество государственных и окологосударственных структур. Однако без партнеров в деловой среде внутри страны напрямую выйти на стейкхолдеров из числа чиновников или партийных комитетов

практически невозможно. Поэтому создание коалиций и внедрение в китайские деловые сети является важным этапом в построении лоббистской стратегии. Важное место в китайской системе лоббизма занимают деловые ассоциации, прежде всего торговые палаты и специфические отраслевые объединения.

Регулятивные риски следует оценивать исходя из конкретной отрасли. Однако регулятивные механизмы в Китае сильно отличаются от западных аналогов, с чем уже столкнулись многие российские компании, продвигающие свои интересы в Поднебесной.

Россия находится в лишь в начале пути налаживания системных контактов с китайскими партнерами и понимания работы китайских государственно-регулятивных механизмов. Однако это проблема практически всех незападных направлений продвижения российских групповых интересов. Отечественному бизнесу зачастую не хватает экспертных данных, качественной аналитики, знания языков, понимания того, как коммуницировать с представителями политических и деловых кругов. Это ставит перед российским государством, бизнесом, экспертным сообществом задачу быстрого поиска наиболее оптимальных коммуникационных и GR-стратегий, необходимых для действенного продвижения групповых интересов за рубежом.

Кашин Е.А.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА РОССИИ В НЕСТАБИЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Русский мир представляет собой культурно-историческую концепцию, которая использовалась для определения и объединения русскоязычного населения как внутри, так и за пределами России. Эта концепция занимала центральное место в российской идентичности и сыграла значительную роль в формировании внешней политики России [1].

Концепция Русского мира уходит своими корнями в Новое время, когда Русская Православная Церковь возникла как символ национального единства и центр русской культурной и интеллектуальной жизни. Термин «русский мир» впервые был использован в XIX веке для описания культурной и духовной общности, вышедшей за политические границы и включавшей в себя всех русскоязычных людей, независимо от их национальности. Эта идея получила дальнейшее развитие в XX веке, когда Советский Союз стремился создать многонациональное сообщество социалистических государств и способствовать распространению русского языка и культуры.

В постсоветскую эпоху Русский мир возродился как средство объединения русскоязычного населения и отстаивания политических интересов России. Эта концепция использовалась для оправдания политики России в странах с большим русскоязычным населением, таких как Украина и Грузия. Например, в 2014 году присоединение Крыма Россией обосновывалась как средство защиты прав русскоязычного населения и сохранения историко-культурного наследия Русского мира [2].

Русский мир также играет значительную роль в формировании культурной и политической идентичности России. Например, популяризация русского языка и культуры за рубежом является ключевым компонентом концепции русского мира, о чем свидетельствует создание Федерального агентства Россотрудничества. Это агентство отвечает за поддержку русскоязычных сообществ за рубежом и популяризацию русского языка и культуры через культурные и образовательные программы.

Кроме того, Русский мир был центральным элементом внешнеполитического дискурса России, особенно в контексте отношений страны с Западом. Эта концепция использовалась, чтобы подчеркнуть культурные и исторические различия между Россией и Западом и утвердить независимость и суверенитет России [3].

С началом специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года актуальность темы Русского мира стала стремительно возрастать. Поднимались вопросы нового позиционирования России в мире и качественного изменения подхода к образованию и культуре.

Апогеем размышлений стало принятие Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом 5 сентября 2022 года. Она устанавливает, что «российская культура во все исторические эпохи была символом России и российской нации» и фактором сплочения на основе слияния европейских и азиатских начал. Эта Концепция является первым в своём роде комплексным документом по внешней гуманитарной политике.

Впервые за долгие годы одно из центральных мест во внешней гуманитарной политике России заняли принципы Русского мира. Была объявлена угроза его подмены и дезинформации в мировой общественности. Поэтому теперь официальной целью гуманитарной политики России за рубежом является «защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру».

Концепция гуманитарной политики России за рубежом является естественной реакцией на сформировавшуюся враждебную среду с декларацией мер по противодействию информационной агрессией против России. Она включила в себя все актуальные вызовы: от отмены русской культуры до недопуска спортсменов. Поэтому в условиях СВО, принятие данного документа выглядит, как программа будущего взаимодействия России с миром на принципах уважения суверенитета и традиционных ценностей. В последствии были ещё был принят Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года.

Русский мир — сложное и многогранное понятие, сыгравшее значительную роль в развитии русского национального самосознания и внешней политики. Его историческая эволюция от культурного и духовного сообщества к политическому инструменту демонстрирует адаптивность и актуальность концепции в современной политике [4]. Поскольку Россия продолжает отстаивать свою независимость и суверенитет на международной арене, Русский мир, вероятно, останется важным элементом внешнеполитического дискурса и культурной идентичности страны.

Источники и литература

1. *Алейникова С.М.* «Русский мир»: белорусский взгляд: монография / С.М. Алейникова. Минск: РИВШ, 2017. 240 с.
2. *Алимов А.В.* О восстановлении границ Русского мира // Символ науки. 2022. № 5-1. С. 93-99.
3. *Назаров В.И.* Русский мир как форма закономерного развития // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. С. 207-209.
4. *Теплых Н.В.* Ценностные доминанты «Русского мира» и перспективы будущего России // Социальные нормы и практики. 2022. №1. С. 65-73.

Кечик У.А.
(НИУ ВШЭ, Москва)

СТАБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

Вопрос стабильности государства и государственного устройства представляет собой перспективную область политических исследований, включающую в себя широкий спектр методических и методологических направлений, слабо связанных друг с другом на

онтологическом уровне. Более того, в условиях глобальной турбулентности классические подходы к изучению данного концепта не способны в полной мере включить в исследовательскую оптику новые вызовы Современности: пандемии, локальные конфликты с глобальными последствиями и переустройство международной инфраструктуры безопасности являются лишь примерами малоизученных потенциальных факторов влияния на стабильность государства. Ситуацию усугубляет изменение роли классических факторов: «общество риска» стало воспринимать риск как обыденность, а ограничительные меры – как безусловную необходимость сохранения стабильности.

Разное понимание «стабильности» приводит к возникновению сложностей при составлении индексов и подходов для сравнительных исследований государства. С одной стороны, политическими учеными под «стабильностью» понимается статическое понятие ее как «функции от нескольких признаков» [Ахременко, 2009], которое позволяет рассматривать ее в рамках количественных исследований признаков и комбинаций факторов. С другой стороны, многочисленные экспертные оценки включают в «стабильность» характеристики восприятия, дискурсивные обоснования, способности контролировать «повестку дня» и другие.

В рамках данного доклада автор предлагает разработку уникального подхода к определению «стабильности», предполагающему синергию разных методологий. На основании особенностей основных теоретических школ автор определяет общие характеристики «стабильности», предлагает универсальное определение и операционализирует его сквозь призму качественной и количественной традиций.

Существующие исследования предлагают включать в «стабильность» широкий спектр факторов от среднего уровня образования населения и типа режима до благосостояния населения и урбанизации [Ustyuzhanin, Korotayev, 2023]. При этом можно сказать, что приведенные критерии в совокупности являются не исчерпывающими, но *достаточным* для изучения влияния отдельных факторов или их комбинаций на «стабильность».

В качестве примера стоит привести расходы на армию и их влияние на «стабильность» государства. Исследование данной области предполагает возможность использования качественных методов для глубинного обзора отдельных кейсов, категоризацию последних и определение подходящих инструментов количественного анализа для выявления кросс-страновых причинно-следственных связей. Расходы на армию являются лишь одним из наблюдаемых в научной дискуссии факторов, которые в своей совокупности позволяют в перспективе создать уникальный сравнительный аппарат. Кроме того, составление подходящей конфигурации позволит расширить область существующих знаний о факторах «стабильности/нестабильности» сквозь призму их анализа на малоизученном примере стран Африканского континента, ряд из которых подвержен военным переворотам и революционным событиям.

Таким образом, изучение «стабильности» государства как феномена и факторов влияния на него является перспективным направлением, которое позволит углубить знания в области отношений между политическими институтами. Предполагается, что созданная методология позволит в перспективе разработать универсальный индекс «стабильности» государств и связать его со смежными концептами – состоятельностью, мощностью и другими. Кроме того, очерченная предметная область предлагает политическим ученым возможность определения новых потенциальных факторов влияния на стабильность государства.

Литература

1. Ахременко А.С. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 105-112.

2. *Ustyuzhanin V., Korotayev A. Education and Revolutions: Why do Revolutionary Uprisings Take Violent or Nonviolent Forms? // Cross-Cultural Research. 2023. P. 1-39.*
3. *Ustyuzhanin V., Korotayev A. Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? // Comparative Sociology. 2023. Vol. 22. №1. P. 95-137.*

Кирдяшкин И.В.
(НИ ТГУ, СибГМУ, Томск)

«ПРЕОДОЛЕНИЕ» ЗАКРЫТОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ АССАМБЛЯЖИ

Современная политическая социализация сопряжена с раскрытием разных ее значений и форм, с распадами ее содержаний и свойств, общих ценностей и идейных концепций. При этом современность в условиях роста информационного воздействия на человека демонстрирует и замыкания социокультурных миров, возможностей политической социализации как включения в комплексность политического. Закрытость выступает как возможность, она создает не только границы, понимаемые как непроницаемость. Закрытость любой системы составляет базовые условия для познания и усвоения иного, для коммуникации с другим и для артикуляции своей личности как условия эволюции, обеспечивая ее горизонты и их движения. Как считает Н. Луман, любые системы являются фундаментально закрытыми. Они посредством своих операций проводят границу с окружающим миром, постоянно различая себя таким образом в нем. Данная закрытость выступает условием «открытости», познания окружающего мира¹.

В этом плане современный индивид использует в политической социализации закрытый набор культурных средств и смыслов, селективирующих перцепцию политического. Они сформированы многообразными структурами «домашних миров» становления личности, в частности, их общественными и индивидуальными, символическими и ментальными средами общения, замкнутыми на определенных смыслах, целях проявления деятельности человека. Формами организации их закрытости, в частности, выступают эхо-камеры, эхо-пузыри. Они, считает В.А. Бажанов, составляют фактически замкнутое образование, сохраняющее и усиливающее, расширяющее своего рода эпистемический контроль над состоянием умов. Данные познавательные структуры образуются в силу сходства взглядов в широком смысле «на жизнь», в которых субъекты с отличными взглядами в границах «пузырей» «не слышны», строятся на принципе различения «свой»-«чужой», на отсеивании «чужих», на подавлении и разоблачении позиций. Роль этих познавательных структур, полагает исследователь, усиливается, в частности, благодаря увеличению удельного веса эмоциативных компонентов языка и тенденций переноса интереса с коллективных действий на активность индивидов, в контексте повышения роли ее техносред². Данные структуры познания сохраняют его от распада в условиях роста информационных интервенций и одновременно ограничивают восприятие политического, конституируют заданный диапазон возможностей осознания общезначимого, понимания целей и ценностей «управления», политической власти.

В этом плане возникает проблема включения в политическое при закрытости структур и значений наблюдения личностей, представляющего сложный мир устройства их естественной установки, конструирующей, обозначающей политическое в личности. «Преодолению» данной закрытости, расширению его понимания способствует вовлечение личности в ассамбляжи или виртуальные множества взаимодействий разных

¹ Луман Н. Ведение в системную теорию. М.: Гнозис, 2007. С. 93-94.

² Бажанов В.А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 156.

социокультурных средств (содержаний) наблюдения политических феноменов, в котором сосуществуют, «взаимопроникают» влияния аутопойезисов институтов, ценностей и смыслов, свойств «территорий» становления, техник и сетей отношений индивидов. Понятие «ассамбляж», отмечает М. Деланда, выступает как перевод французского слова «agencement», означающего расположение и компоновку, и слова «assemblage», трактуемого и как соединение или собирание, «сборку» чего-либо¹, которую можно рассматривать как движение «обучения» (Ж. Делез). При этом ассамбляж у М. Деланга предполагает «свободу» отключений и подключений, их изобретательность в силу потенциала способностей и «желаний», потребностей каждой его активной части, обладающей в ассамбляже властью «различения себя» и своих «интересов», позволяющей быть.

Вовлеченность в данные ассамбляжи и в их многообразия движима эволюцией и разнообразием, ростом, ремоделирующей жизнь, пластичностью познавательных компетенций и потребностей личности, «собирающих» ассамбляжи наблюдения, пронизывающие их. Рост данных компетенций и их пластичности, происходящий посредством разных образовательных сфер и значений в жизни человека и их нелинейных отношений, помогает личности входить во, вложенные в друг друга, разные микро- и макро- социокультурные ассамбляжи понимания наличных, необходимых свойств политического. При этом данный рост обусловлен и инициируется эмансипаторской активностью личностных «практик себя», процессами самовыражения и самопознания человека как базовыми процессами становления цельности человека политического.

Киреева И.В.
(АГУ, Майкоп)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИЙ²

Брендинг территорий – один из главных инструментов региональной политики идентичности. С каждым годом он приобретает все большую популярность, так как связан с возможностями не только заявить о своей уникальности, но и сформировать целостное представление о политических, культурных, социальных особенностях страны, региона, города.

Анхольт С. обращает внимание на высокий уровень конкуренции территорий в современном мире³. В условиях глобализации каждая страна, каждый город и каждый регион конкурируют друг с другом в различных сферах – борьбе за потребителей, туристов, инвесторов, студентов, предпринимателей. При этом Анхольд С., раскрывая механизм брендинга территорий, использует понятие идентичности. Исследуя возможности перехода к новой стратегии брендинга, он говорит о важнейшей роли того, как люди на самом деле видят страну или регион сегодня. Понимание того, почему этот взгляд мешает большинству населения проявлять активный интерес к стране, уважать ее и восхищаться ею, активно инвестировать в экономику, является связующим звеном между идентичностью и брендингом региона.

Региональная идентичность – это один из главных индикаторов в исследовании бренда региона, который может рассматриваться как целостное представление о регионе,

¹ Деланга М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 9, 96.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ, Минобрнауки РФ и РАН в рамках государственного задания АГУ по проекту FZFE 2023-004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

³ Simon A. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York, 2007.

сформировавшееся в результате ценностного выбора большинства жителей под влиянием как естественных, стихийных факторов, так и искусственных, т.е. различных социальных институтов, прежде всего, государства.

Когда идет речь о целостном представлении, то используется понятие «образ региона» как результат деятельности воображения. Оно реконструирует действительность в соответствии с потребностями, идеалами, ценностями человека и включает чувственно-эмоциональный и рациональный компоненты. Такой подход к бренду региона позволяет наилучшим образом выявить ту ценностную основу, которая объединяет жителей. Образ-идея – базовая конструкция, которая влияет на существенные черты объекта. Это тот стержень, на котором держится бренд региона. При этом важно, насколько жители той или иной территории идентифицируют себя с этими образами-идеями. Любая попытка искусственно, в отрыве от ценностей, представлений и устремлений людей, сформировать те или иные бренды региона будет, на наш взгляд, ошибочной и не принесет желаемого результата. Однако, это не означает господства стихийности и не отрицает возможности управления. Брендинг территорий – это настоящее искусство управления образами-идеями, это сложнейший инструмент региональной политики идентичности.

Понятие «региональная идентичность» позволяет понять, насколько жители соотносят себя с регионом как с пространством определенных социокультурных смыслов, ценностей, и, соответственно, образов-идей. Какое место занимает региональная идентичность в идентификационной системе личности и социума? Ответ на данный вопрос имеет ключевое значение в процессе исследования потенциала брендинга территорий, так как позволяет увидеть те факторы, которые объединяют людей в те или иные региональные сообщества, понять их направленность, устойчивость, системность. При этом мы исходим из предположения о том, что сильный бренд территории будет повышать уровень региональной идентичности, которая, в свою очередь, будет оказывать воздействие на брендинг региона.

Данное предположение будет в дальнейшем проверено в ходе эмпирического исследования трех регионов Северного Кавказа – Адыгея, Дагестан и Кабардино-Балкария. При этом эмпирическими индикаторами бренда региона выступят следующие показатели: 1) представления об уникальности региона; 2) представления, объединяющие жителей региона; 3) чувство гордости регионом; 4) представления о будущем развитии региона; 5) длительность проживания в регионе; 6) готовность к миграции; 7) эмоциональный и рациональный компоненты бренда; 8) оценка положения региона на текущий момент; 9) региональная идентичность.

Киричук Д.А.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Тема формирования общего ценностно-смыслового пространства в цифровую эпоху связана с проблемами и возможностями, которые открываются в связи с широким распространением цифровых технологий в формировании способов коммуникации и обмена ценностями и смыслами между людьми и социальными общностями. Одним из важных аспектов этой трансформации является переход от традиционной вертикальной коммуникации к горизонтальной коммуникационной парадигме на основе цифровизации.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2023-0044 «Цифровой суверенитет и идентичность: обеспечение безопасности ценностно-смыслового пространства государства в условиях глобального информационного противостояния».

В прошлом коммуникация осуществлялась преимущественно по вертикали, когда информация распространялась сверху вниз через созданные институты и каналы СМИ. Такая односторонняя коммуникация часто приводила к формированию относительно однородного набора ценностей и смыслов в конкретных социальных, политических и культурных контекстах. Однако с приходом цифровых технологий коммуникация становится все горизонтальной и децентрализованной. Теперь отдельные люди и группы могут легко устанавливать связи и взаимодействовать между собой, преодолевая границы, культуры и идеологии. Это привело к значительному расширению возможностей для управления общественным сознанием и традиционными ценностно-смысловыми пространствами, что предъявляет к государствам новые требования, касающиеся поддержания и защиты традиционных для нации ценностей и ее смыслов.

В первую очередь стоит выделить следующие вызовы:

Трансграничные коммуникации. Цифровизация разрушила географические барьеры, позволив людям из разных уголков мира мгновенно устанавливать связь. Однако в условиях информационно-когнитивного противостояния между странами, трансграничная коммуникация становится настоящей угрозой для государств. У зарубежных акторов появляется возможность для деструктивного воздействия на ценностно-смысловое пространство национальных государств.

Информационная перегрузка. В эпоху цифровых технологий постоянно поступает беспрецедентное количество информации. Такое обилие данных, новостей и мнений может быть чрезмерным, что затрудняет эффективную просеивание и обработку информации. Так, информационная перегрузка может препятствовать формированию общих ценностей и смыслов, поскольку при постоянном потоке информации людям трудно определить достоверные источники, отличить факты от мнений или вступить в глубокую дискуссию.

Пузыри фильтров. Цифровые платформы часто используют алгоритмы для персонализации контента на основе предпочтений и поведения пользователей. Эти алгоритмы создают «пузыри фильтров», в которых люди получают контент и точки зрения, схожие с их собственными. «Фильтры-пузыри» ограничивают возможность ознакомления с различными точками зрения и ценностями, поскольку они укрепляют существующие убеждения и мнения. Пользователи могут реже сталкиваться с противоположными точками зрения, что может способствовать формированию эхо-камер и усилению полярных взглядов.

Необходимо выделить и существующие перспективы:

Культурное просвещение и образование. Цифровая грамотность является важнейшим фактором, помогающим людям эффективно ориентироваться в цифровом мире. Она включает в себя обучение людей критической оценке информации в Интернете, выявлению достоверных источников и пониманию последствий их взаимодействия с цифровыми технологиями. Культурное просвещение помогает людям лучше оценить и уважать разнообразие ценностей и убеждений, с которыми они сталкиваются в Интернете.

Ответственное проектирование платформ. Технологические компании играют ключевую роль в формировании интернет-среды. Они обязаны создавать платформы, способствующие формированию единого ценностного пространства современных государств. Это включает в себя обеспечение прозрачности, разнообразия и подотчетности в алгоритмах модерации и рекомендации контента. Платформы могут курировать контент, чтобы познакомить пользователей с более широким спектром точек зрения и тем самым уменьшить «пузыри фильтров». Это включает в себя размещение контента, представляющего различные культурные традиции.

Таким образом, цифровизация остается весьма многомерным феноменом, который ставит перед государством и обществом новые задачи и вызовы. Мы пришли к выводу, что для формирования единого ценностно-смыслового пространства в условиях цифровизации, с одной стороны, прослеживается необходимость преодоления культурных различий и

поиска общего языка для формирования межкультурной коммуникации, а с другой стороны, возникают риски ассимиляции и утраты национальной идентичности.

*Киселева Д.А, Сунгуров А.Ю.
(НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)*

РАЗНООБРАЗНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ¹

Дж. Локк определял гражданское общество как этическое сообщество в дополитическом состоянии, где государство играет минимальную роль. В рамках этой модели гражданское общество определяется цивилизованным общением: дела в нем решают без насилия.

Уже в конце XX в. канадский философ Ч. Тэйлор назвал данную концепцию L-традицией понимания гражданского общества, чтобы отделить ее от M-традиции. Последняя основана на идеях французского мыслителя Ш.Л. де Монтескье: Согласно концепции, гражданское общество представляет собой совокупность автономных объединений, которые выступают посредниками между государством и индивидами [1]. В современной России концепцию в двух ее значениях развивали в своих работах О. Хархордин [2] и Е. Белокурова [3]

В рамках исследования M-концепции, в которой под гражданским обществом понимают относительно автономные от государства общественные организации и многообразные связи между ними, мы выделяем нормативный и позитивистский подходы. Мы предполагаем, что нормативный подход, согласно которому гражданское общество рассматривают как сообщество организаций с либеральными взглядами, представляет собой заимствование представлений из L-концепции.

Обращаясь к опыту современной России, мы выделяем четыре типа НКО на основе различия их целевых групп. Первый, наиболее многочисленный из них составляют НКО, фокусной группой которых выступают сами члены этих организаций: «НКО взаимопомощи», которые объединяют людей по принципу общей беды или проблемы, а также «НКО клубного типа» (спортивные клубы, разнообразные группы самосовершенствования, клубы по интересам и т.д.). Ко второму типу относятся организации, направленные на решение общественных проблем: НКО социальной направленности, нацеленные на решение проблем других людей, благотворительные фонды и экологические НКО (под экологией понимается не только природная, но и культурная среда).

Третий тип включает в себя организации, которые фокусируются на властных структурах и их взаимоотношениях с гражданами и обществом – правозащитные организации. Наконец, последний, четвертый тип состоит из так называемых «инфраструктурных» организаций, миссией которых выступает содействие деятельности других НКО или развитие публичной политики в целом [4].

Согласно данной классификации, из всех типов НКО к либеральным структурам можно априори отнести только правозащитные организации, которые составляют не более 10% от всех сообществ третьего сектора. Организации четвертой группы встречаются еще реже, чем правозащитные. Они могут носить как либеральный или социал-демократический, так и консервативный характер.

Среди благотворительных НКО существенную часть составляют религиозные группы, которые нельзя причислить к либеральным. В экологических группах также

¹ Исследование было поддержано грантом № 23-00-032 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2023 г.

встречаются люди с разными убеждениями. Наконец, в организациях первого типа может участвовать кто угодно: в спортивных клубах и секциях здорового образа жизни доля людей с либеральными взглядами явно не выше, чем в целом по стране. Реальное гражданское общество, основу которого составляют различные НКО, разнообразно.

Соответственно, сводить гражданское общество исключительно к сообществу либеральных организаций неконструктивно, так как данный подход исключает из поля зрения исследователей большую часть российских общественных организаций, которые также должны быть объектом анализа. Наконец, среди современных нелиберальных организаций также присутствует существенное разнообразие, и при их анализе не следует использовать дихотомию либеральных и нелиберальных организаций, которая несет в себе нормативную оценку. Соответственно, при изучении разнообразных организаций российского (и не только) гражданского общества более корректно и правомерно применять такое определение, как разнообразное гражданское общество (*Diversity civil society*).

Литература

1. *Taylor C.* *Philosophical Arguments.* Cambridge: Harvard University Press, 1995
2. *Хархордин О.* Проект Достоевского // *Pro at Contra.* 1997. Т. 2. № 4. С. 38-59.
3. *Белокурова Е.* Концепция гражданского общества и современная российская политика // *Политическая наука.* 2003. № 1. С. 79-102.
4. *Сунгуров А.Ю.* Гражданское общество и его развитие в России. Учебное пособие. СПб: Издательство «ЮТАС», 2008 (http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf).

*Киященко Д.А.
(ЛГПУ, Луганск)*

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Черноморский регион издавна играет важную роль в обеспечении стратегической безопасности и экономического развития России. Выход к Черному морю обеспечивает России доступ к международным водам, морским торговым путям, а также создает условия и возможности для формирования гражданского и военного флота. В нынешней геополитической ситуации Черноморский регион, помимо прочего, является активным театром военных действий, что лишь дестабилизирует ситуацию в данном регионе и усложняет взаимоотношения между государствами, имеющими выход в Черное море. В данной связи считается актуальным рассмотреть, какую роль приобретает Черноморский регион для Российской Федерации в изменяющихся геополитических реалиях, учитывая вхождение Херсонской и Запорожской областей, а также Луганской и Донецкой Народных Республик в состав Российской Федерации.

Территориальные изменения, произошедшие в ходе проведения СВО, в частности вхождение 4 областей в состав Российской Федерации, качественно изменяют позиции России на Черном море, что требует детального рассмотрения новых геополитических реалий на Черноморском регионе.

Следует отметить, что грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна в 2022 году составил 263 млн тонн, что является наивысшим показателем среди других морских портов Российской Федерации [2]. В связи с этим следует заключить, что обострение обстановки в Черноморском регионе несет существенные экономические риски

для России и государству необходимо искать способы для обеспечения безопасности торговых и гражданских судов РФ в Черном море.

Также важно отметить роль коллективного Запада в дестабилизации ситуации в Черноморском регионе. Эта роль заключается в предоставлении разведанных для нанесения урона гражданским и военным судам РФ, а также предоставлении оружия для повреждения инфраструктуры и совершения терактов на территории Российской Федерации. Данный фактор лишь усугубляет положение дел в Черном море и не способствует началу стабилизации ситуации в Черноморском регионе.

Немаловажным будет отметить, что среди прочих акторов Черноморского региона важную роль играет Турецкая республика. Турцию и Россию связывают весьма устойчивые экономические, туристические, а также дипломатические связи. Россия и Турция завершили немало совместных энергетических проектов, примерами могут служить открытия Голубого и Турецкого потока, пролегающие по дну Черного моря. Турецкая республика заинтересована в стабилизации обстановки в Черном море, поскольку турецкое правительство понимает важность данного региона для своей страны, что способствует кооперации Анкары и Москвы в Черноморском регионе [1]. России важно поддерживать взаимоотношения с Турцией, поскольку она является существенным актором на Черном море и способна оказывать значительное влияние на многие процессы, происходящие в Черноморском регионе.

В заключении стоит отметить, что Черноморский регион приобретает все большее значение для Российской Федерации. Нарастание напряженности в данном регионе вынуждает проявлять повышенное внимание России к Черному морю. В связи с этим считается актуальным рассмотреть положение и действия России по обеспечению экономической и стратегической безопасности в Черноморском регионе.

Литературы:

1. *Аватков В.А., Гудев П.А.* Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.
2. Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2022 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2022-g>, свободный. (Дата обращения: 18.09.2023).

***Клемешев А.П., Ворожеина Я.А., Михайлов А.А., Ростовцев Н.Г.
(БФУ им. И. Канта, Калининград)***

OSINT КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИКЛАДНОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Задачи сбора, обработки и анализа данных из «датасферы» представляют собой один из ключевых вызовов для российской социогуманитарной науки. Методологическим подходом, способным обеспечить цифровое расширение исследований, является OSINT, потенциал которого пока не в полной мере используется в отечественной науке.

OSINT (Open Source Intelligence) – концептуально – представляет из себя разведывательную дисциплину, подразумевающую работу с данными из открытых источников, среди которых: новостные порталы, социальные сети, публичные отчёты правительства, коммерческие источники данных, академические отчёты, доклады, статьи, а также «серая» литература и пр. В том числе, OSINT-методики позволяют осуществлять поиск информации в т.н. «скрытом» сегменте Интернета, где содержится несравнимо большее количество данных, потенциально интересных для исследования.

OSINT имеет постоянно пополняемый арсенал инструментов и четко определенную методологию, которая состоит из 3 этапов: сбора, анализа и извлечения знаний.

На этапе сбора данные извлекаются из открытых источников в соответствии с поставленной целью. Важно отметить, что подход к сбору данных OSINT отличается от существующих сервисов работы с данными. Если распространенные приложения для анализа данных собирают как можно больше информации из заранее определенных источников, то OSINT-решения собирают конкретные факты из всех возможных и доступных открытых ресурсов. Обилие источников – также – предоставляет возможность для эффективной проверки подлинности данных, что позволяет минимизировать риск работы с недостоверной информацией. Следует отметить, что методология OSINT предполагает активную интеграцию способов автоматизации поиска и сбора информации – становится возможной разработка специально обученной нейросети и парсинговых инструментов, которые позволяют получать обновляемую базу данных, адаптированную для работы как политологов, так и специалистов прикладной сферы.

На этапе анализа собранные данные обрабатываются для извлечения ценной информации. Применяются как первичные методы анализа, среди которых лексический анализ, семантический анализ, геопространственный анализ и другие, так и происходит этап предобработки данных – то есть, приведения данных к необходимому для итоговых вычислений формату. При этом, как и в случае со сбором информации, процесс анализа данных в OSINT адаптирован для разработки и внедрения автоматизирующих технических решений, что снижает нагрузку на исследователей, а также минимизирует риск ошибок при осуществлении указанных процедур.

В процессе извлечения знаний предварительно обработанная информация используется в качестве входных данных для более сложных методов искусственного интеллекта, таких как задачи классификации, кластеризации, регрессии, пр. Обилие технических решений исследуемой методики позволяет значительно разнообразить существующий аналитический инструментарий политологической науки, интегрировав в него наиболее актуальные цифровые методы интеллектуального анализа данных, примеры которых представлены выше.

Таким образом, OSINT способен закрыть одну из проблемных зон отечественной социогуманитарной науки, предлагая свои готовые технические решения. Однако – следует уточнить – OSINT-подход применим лишь при условиях тщательной концептуализации задачи и его использования в соответствии с проработанной операциональной моделью конкретного исследования; данный факт обуславливает популярную в научном сообществе стран западного полушария практику, при которой для каждого конкретного исследования разрабатывается новый – или дорабатывается уже существующий – OSINT-инструмент.

Другим немаловажным преимуществом OSINT-методик является их практическая направленность: OSINT активно используется специалистами как инструмент осуществления психологических операций, оценки геополитических угроз, обеспечения национальной безопасности в контексте террористических угроз, пр.

Так, учитывая функциональные возможности OSINT – а также: рост его популярности в научном дискурсе, высокую практическую применимость – данный метод является одним из наиболее перспективных для его применения в политической науке.

ВОЗРАСТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ БРАЗИЛИИ И ЧИЛИ)¹

В настоящее время возрастные стереотипы все чаще используются при описании политических событий как российской, так и зарубежной действительности. При этом, для политических целей могут быть задействованы как позитивные, так и негативные стереотипы. Например, российские политические СМИ используют негативные стереотипы о старости (В Демпартии США сомневаются... РИА Новости, 19.09.2023) для дискредитации определенных политических лидеров. Зачастую возрастные стереотипы используются в дискурсе протеста, а также в электоральном дискурсе. Возраст предполагаемых кандидатов на выборах Президента России в 2024 г. уже стал предметом обсуждения в российских медиа.

Превращение возрастных стереотипов в орудие пропаганды в настоящем исследовании будет рассмотрено на примере освещения в местных и глобальных СМИ электоральных процессов в двух странах, в которых не так давно прошли выборы высших должностных лиц: Бразилии и Чили. Президент Чили Габриэль Борич (2022-наст. вр.) – один из самых молодых глав государств не только в Латинской Америке, но и в мире в целом, в то время как президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва, также известный как Лула (2003-2011 гг., 2023-наст. вр.), напротив, один из самых пожилых. Оба случая примечательны тем, что возраст кандидатов был одним из аргументов политической дискуссии.

Президентские выборы в Чили состоялись в 2021 г., в ходе освещения электоральных процессов в СМИ кандидата в президенты Г. Борича называли «самым молодым кандидатом», «президентом-миллениалом». При этом, нередко в таких публикациях использовались позитивные стереотипы о молодости: с новым президентом связывали надежды на перемены, улучшение жизни всех социальных слоев, в том числе, молодежи. Проблемы молодежи упоминались и в первой речи избранного президента (*Primer discurso... Prensa Presidencia*, 11.03.2022). Готовность к переменам является одним из компонентов стереотипа о молодости, и ожидание перемен стало одной из ключевых тем предвыборной гонки. В приведенном примере позитивные возрастные стереотипы использовались для электоральной мобилизации. Негативные стереотипы о молодости как недостатке опыта и радикализме также использовались в предвыборной кампании (см. напр.: *Chilean election... Financial Times*, 20.12.2021): дискурс возраста привлекался для делегитимации власти новоизбранного президента.

В случае Бразилии негативные стереотипы о старости также использовались в качестве технологии дискредитации. Президентские выборы 2022 г. проходили в этой стране в условиях острой конкуренции двух основных кандидатов, Жаира Болсонару (президент Бразилии в 2019-2022 гг.) и Лулы. Странники Жаира Болсонару указывали на пожилой возраст Лулы как потенциальный недостаток кандидата, и даже ставили под сомнение его ментальное здоровье, способность выполнять должностные обязанности президента. В свою очередь, сторонники кандидата Лулы относили его возраст к несомненным достоинствам, соотнося его с положительным содержанием стереотипа о пожилом возрасте как возрасте мудрости и опытности.

Таким образом, в настоящем исследовании предполагается рассмотреть, как используются возрастные стереотипы в ходе предвыборной кампании различными акторами политического процесса: средствами массовой информации и кандидатами; какие

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

функции выполняют возрастные стереотипы в электоральном дискурсе. Эти вопросы будут рассмотрены на примере двух кейсов: президентские выборы в Бразилии 2022 года и президентские выборы в Чили 2021 года.

Коваленко В.Д.
(СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ПОЛИТИКА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОСМЫСЛЕНИЮ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Вопрос радикализации, видоизменения и новых интерпретаций социально-политической деятельности религиозных сообществ, причисляющих себя к православной конфессии, серьезно не стоял перед современной общественной наукой, если не считать в прошлом феноменов некоторых деструктивных, раскольничьих сект или историографические примеры (скопцы, молокане, ильинцы, федоровцы). Православный консерватизм – относительно новое явление в политической плоскости, успевшее получить известность в контексте крупных медийных событий (например, скандал вокруг фильма Матильда).

Многие исследователи связывали православные консервативные интенции с правыми политическими течениями националистического или монархического толка, а православный фактор маркировался как важный, но второстепенный. В современности фокус внимания переориентируется скорее на вопросы института РПЦ или конкретно на локальные исследования консервативных групп. В современной науке, необходимо отметить, теме православного консерватизма уделяется не самая большая доля внимания, однако количество работ стабильно растет. Эта тенденция отражается в количестве книг или коллективных сборников, вышедших за последние годы. Большинство работ написано в междисциплинарном ключе с привлечением инструментария на стыке разных дисциплин, включая социологию, политическую науку, антропологию, религиоведение, историю и т.д. Можно сказать, что современное изучение православного консерватизма является крайне разнородным и мультидисциплинарным явлением, что частично затрудняет социологический анализ явления.

Однако во всем многообразии работ нами было выделено три социологических направления в исследовании православного консерватизма, а именно «Эссенциалистское», «Конструктивистское» и «Эклектическое». Первое направление, чьим отличительным признаком является методологическая установка, что современный православный консерватизм является последствием архаичных догматических учений и традиционного устройства РПЦ.

Авторы второго, более обширного «конструктивистского» направления, выдвигают главной причиной православного консерватизма современную институциональную особенность церкви и российского общества. Авторы фокусируются на особенностях церкви как общественного института, формировавшегося как во время СССР и после его распада. В фокусе внимания направления также находятся социальные процессы в России, оказывающие влияние на православный консерватизм.

Третье направление – «Эклектическое» – сконцентрировано одновременно на двух указанных выше факторах. Помимо особенностей религиозно-общественных учений в РПЦ для его фокуса важны и социальные практики как в самом институте церкви, так и в обществе. Авторы данного направления стремятся объединить наработки двух предыдущих и рассмотреть, как доктрины связаны с практиками.

В заключении доклада мы конкретизируем каждое направление и опишем его инструментарий, а также определение православного консерватизма и выводы, сделанные

авторами наиболее репрезентативных трудов. Дополнительно будет охарактеризована перспектива применения

Коваленко В.И.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Современный период в развитии нашей страны перед отечественным обществознанием явно обозначил как первостепенную задачу проблему осмысления национальных интересов России. В научное пространство прочно вошла тема национальной ориентированности научных школ и направлений. С нашей точки зрения, это должно затрагивать не только содержательную сторону разработок в области политической науки, не только даже их идеологическое звучание в условиях «гибридной войны», но и серьезную инвентаризацию используемого категориального аппарата.

Все это обуславливает значимость вопроса о природе универсалий в политической, социальной и духовной жизни и соответственно в научном знании. В противовес сохраняющимся еще установкам на необходимость «прорыва защитных бастионов русской культуры» требуется всемерно осмыслить природу концепта политического пространства, отечественных политических традиций, предметной разработки характеристик России в ее особых цивилизационных измерениях.

Еще на первом съезде Российского общества политологов отмечалось: «Когда в условиях ценностного вакуума, слома прежней ценностной системы появилась потребность в новых инструментах, мы попытались заимствовать западную модель общественных наук, в том числе политической науки. Мы использовали термины западной политологии... Мы переняли прежде всего некие доктрины..., не придавая должного значения вопросам научности, идеалов и норм научности, процедур и норм научного исследования»¹. И в рамках такой парадигмы воспитано уже целое поколение политологов.

В условиях новой политической реальности в существенной инвентаризации нуждаются проблемы типологии политических режимов, транзитологии, классификации политических идеологий, природы власти, гражданского общества, характеристик и качества политической элиты, значения морального императива в политике. Речь не идет, конечно, об утверждении какой-либо особой, выпадающей из общепризнанного терминологического ряда системы понятий, но исключительно об их содержательной трактовке, их восприятии в контексте исторического самосознания народа, их конкретном ценностном звучании. Другими словами, проблема - в возможности и способности политической науки, опираясь на отечественные политические традиции, наполнить свои категории таким содержанием и смыслом, которые шли бы навстречу общественным ожиданиям, утверждению системы новых требований к качеству политической жизни. Остановимся только на одной из таких категорий - категории политической элиты.

Не говоря уже о понятиях «бизнес-элит», «корпоративных элит» и т.п., эта категория вызывает, быть может, наибольшее количество вопросов, а среди наших коллег по естественно-научному цеху – даже крайнее раздражение. Принятая в нашей среде трактовка элиты соответственно ее статусному положению, будучи освобожденной от каких-либо аксиологических измерений, утрачивает во многом свое конструктивное значение, вступает в противоречие с общественными ожиданиями.

¹ Клемешев А.П. Российское политологическое образование: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 5.- С. 40-41.

Конечно же, научное сознание и обыденное сознание – это феномены, достаточно отличные друг от друга, даже принципиально, но создавать между ними непреодолимую пропасть также вполне непродуктивно. И когда к числу элиты относят откровенного коррупционера, мелкотравчатого демагога, преследующего свои узкокорыстные интересы, у обычного гражданина рождается недоверие и к существующей системе, и к качеству политической науки в целом.

Речь не идет, конечно же, об утверждении в политологическом лексиконе некоего альтернативного «новояза». Профессиональное сообщество России обязано исследовать политическую элиту во всех ее реальных качествах и уж, во всяком случае, в стилистике, далекой от хорошо известного старшему поколению лозунга – «Ум, честь и совесть современной эпохи». Дело в другом: во всех наших разработках, в определении нами критериев элиты, в системе наших требований к ней мы в обязательном порядке обязаны включать в характеристики ее состоятельности степень ее социальной ответственности, личной порядочности, способности выверенно и четко отстаивать национальные ценности

«Политик мыслит категориями выборов, государственный деятель – категориями национальных интересов» – эта формула, хотя и рожденная не на отечественной почве, способна сыграть роль основного мерил звания политической элиты. И хотя мир политического проявляет себя чаще всего в достаточно жестких своих измерениях, это все же не дает оснований для исключения из политики морального императива, что укладывается и в русло лучших традиций отечественной науки. Можно в этой связи закончить напоминанием о том, что при институционализации политологического образования в России, созданная в 1804 году в Московском университете структура была обозначена как отделение нравственных и политических наук.

*Козинцев А.С.
(МГИМО МИД России, Москва)*

ИСЛАМСКИЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ В РЕЖИМАХ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОГО АВТОРИТАРИЗМА: СЛУЧАЙ ЕГИПТА

Со времен правления Х. Мубарака египетский режим проходил различные периоды трансформации: от соревновательного/электорального авторитаризма сквозь фазу массового политического участия «арабской весны» и демократизацию М. Мурси, а затем обратно к авторитарной консолидации А. Сиси. Несмотря на комплексные шоки, египетский режим демонстрировал достаточно высокий уровень адаптивности во многом из-за воспроизводства относительно устойчивых конфигураций авторитарных и демократических институциональных форм.

В условиях необходимости постоянно поддерживать функционирование квазидемократических институтов подобные режимы сталкиваются с хронической проблемой – восполнением дефицита политической легитимности. Указанный вызов становится особенно актуальным в период проведения избирательной кампании, если имеется недостаток «легитимации действием» (повышение качества управления, рост уровня жизни населения и т.п.) и/или государство переживает кризис внутреннего или внешнего происхождения. Подобная ситуация стимулирует власти осуществлять поиск и конструирование идейных оснований своего правления, в том числе прибегая к использованию исторически эффективных идеологических и религиозных проектов.

В ходе укрепления своей легитимности политический режим Сиси, помимо опоры на элементы идеологий своих предшественников (арабский национализм Г. Насера, экономический либерализм А. Садата, стабильность ради развития Мубарака) все активнее обращается к исламским нормам и ценностям. Упомянутое обстоятельство, как представляется, вызывает искренний исследовательский интерес особенно с учетом того,

что действующий президент – кадровый военный – пришел к власти в результате переворота против считающейся террористической Ассоциации «братьев-мусульман» и вплоть до 2021-2022 гг. называл транслируемые ими исламские ценности свидетельством «темного незнания» и «примитивных представлений народных масс».

В данном контексте египетский случай позволяет провести сравнительный анализ периодов относительной политической открытости Мурси и консолидированного авторитаризма Сиси. Исследование, таким образом, призвано ответить на следующие вопросы: как Мурси и Сиси используют ислам в политическом дискурсе для легитимации своего правления? Какой набор исламских норм и ценностей актуализируется в каждом из случаев и какую роль играет религиозный компонент в идеологической структуре каждого из режимов?

Хронологические рамки работы ограничены периодом президентской кампании Мурси 2012 г. и недавнем запуском Сиси собственной избирательной гонки, т.е. инициированием им в середине 2022 г. конференции «национального диалога» с участием партий, профсоюзов, НПО, деятелей религии, науки и культуры. Эмпирической базой для контент-анализа выступают тексты и видеоматериалы публичных выступлений двух лидеров, посвященных внутренней политике страны.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что, несмотря на разные характеристики политических режимов и усиление на текущем этапе авторитарных тенденций, Сиси заимствует ранее использовавшиеся Мурси основные стратегии и инструменты использования исламских ценностей в политическом дискурсе. Указанное обстоятельство с большой долей вероятности связано с решением общей для режимов задачи – конструированием лояльной властям национально-гражданской общности.

Оба президента стремятся сформировать одобряемые большинством граждан видения прошлого и желаемого будущего путем помещения современного египетского государства в религиозно-исторический (коранический) контекст. В размеченном таким способом дискурсивном пространстве политическим акторам и явлениям приписываются определенные роли (умма – гражданская нация, глава мусульманской общины – президент/национальный лидер, выборы лидера общины – современный электоральный процесс и т.д.), путем *темпорализации*¹ элементов исламской доктрины формируется набор консолидирующих ценностей (правовверный мусульманин – сознательный гражданин и т.д.) и одновременно выстраиваются жесткие линия отграничения. В свою очередь, значимые межрежимные различия фиксируются в образах выстраиваемого президентами для граждан Египта общего прошлого и желаемого будущего.

Козлов Н.А.
(НИУ ВШЭ, Москва)

К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКИХ БАНКОВ

Вопрос выгод и издержек, которые коммерческим компаниям приносят различные связи с политической элитой государства, является предметом множества научных работ. Переменные, по-разному аппроксимирующие такие связи, в качестве контролей включаются в модели, призванные объяснить поведение и экономические результаты фирм на рынках.

¹ В данном случае их перемещение из пространства религиозной коммуникации в политическое пространство, в исторический (событийный) контекст.

Отдельное внимание исследователи политических связей обращают на финансовые компании, в частности банки. Здесь неформальные отношения приобретают особую важность. Во-первых, финансовые рынки являются наиболее зарегулированными. Политические связи в руководстве финансовой организации могут снижать как неопределенность госрегулирования, так и интенсивность надзора¹. Во-вторых, современное капиталистическое общество все больше зависит не столько от реального выпуска, сколько от его перераспределения, в котором ведущую роль занимает финансовый сектор и его влиятельные лобби². Выражается это в финансиализации государственных политик.

Исследуя характер этих сложных отношений между банковским бизнесом и государством в России, я обращаюсь к одному из проявлений финансиализации, а именно к госпрограммам субсидирования кредитования. На выборке из 90 российских банков, участвующих и не участвующих в таких программах, я анализирую, как политические связи банков влияют на их решение (не)участвовать и как они обуславливают выгоды и издержки такого участия.

Для этого политические связи необходимо идентифицировать и операционализировать. На этом этапе возникает несколько методических развилочек, которые я характеризую ниже.

В международных публикациях по данной тематике исследователи применяли восемь разных способов идентификации политических связей: (1) пожертвования на избирательные кампании кандидатов, (2) расходы на лоббирование, (3) доля политика в капитале компании, (4) географическое соседство компании и избирательного округа политика, (5) доля госсобственности компании, (6) неформальные отношения между политиком и руководством компании, (7) опыт работы руководителя компании в политике, (8) прочие не прямые оценки (например, резкое изменение доходности акций компании после политического события)³. Использование разных прокси для политических связей приводит к разным результатам⁴.

Последнее свидетельствует о том, что в этих прокси защиты разные по своему характеру отношения, то есть связи неоднородны. Доступность данных и страновая специфика определяют мой выбор в качестве прокси-индикаторов наличие контрольной доли государства/госкомпаний в капитале банка, опыт работы руководителей или владельцев банка на государственных постах (прямая идентификация) и их неформальные связи с государственными деятелями (косвенная – на основе знакомств). Так, канал связи с должностными лицами государства идентифицирует носителей политической связи. А контроль через госсобственность подразумевает формальную подчиненность руководства банка органу власти.

Другой вопрос – выбор представителей фирмы, кто может являться носителем политической связи. В разных исследованиях оцениваются связи собственников, директоров, руководителя, членов правления компаний.

Проблема операционализации – выбор способа кодировки переменных. Поскольку каждый дополнительный носитель связи потенциально может расширять связи банка, я не ограничиваюсь дихотомической шкалой и использую дискретную, учитывающую вклад каждого носителя связи внутри одного банка.

Политические связи различаются и по своей полезности – возможности не только донести сигнал от фирмы до чиновника и/или наоборот, но и воплотить его в конкретных

¹ Farag H., Dickinson D. The power of Connections: Evidence from financial companies // Journal of Corporate Finance. 2020. Vol. 64. P. 101643.

² Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 29.

³ Preuss S., Königsgruber R. How do corporate political connections influence financial reporting? A synthesis of the literature // Journal of Accounting and Public Policy. 2021. Vol. 40. No. 1. P. 106802.

⁴ Трифионов Д.А. Политическая аффилированность в системе корпоративного управления: обзор международных исследований и проекция их результатов на российскую корпоративную среду // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2018. №. 2. С. 118-148.

действиях с каждой из сторон. По этому признаку связи банка в Госдуме и в Центробанке будут так же отличаться, как могут отличаться связи в федеральном правительстве и региональной администрации. В связи с этим отдельно по опыту работы и знакомствам я кодирую политические связи сразу пяти типов. Так, каждый представитель банка получает бинарную оценку (1/0) отдельно по законодательным, регуляторным, правительственным, корпорационным и региональным связям. Каждую из этих кодировок я представляю в двух вариантах: бинарном (наличие у банка хотя бы одной связи такого типа) и дискретном (количество представителей банка со связями соответствующего типа).

Результаты эмпирической проверки аналитических моделей подтвердили, что политические связи российских банков неоднородны, по-разному влияют на их участие в госпрограммах кредитования и имеют разные значимые эффекты на прибыльность и риски такого участия.

*Козлова Н.Н., Рассадин С.В.
(ТвГУ, Тверь)*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ В ИНТЕРЕСАХ ЖЕНЩИН 2017–2022 / 2023–2030 КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Актуальность исследования связана с тем, что гендерная политика является одним из актуальных направлений не только внутренней, но и внешней политики современных государств. Российское государство накопило значительный опыт решения «женского вопроса» в дореволюционный, советский периоды, который в постсоветский период был артикулирован в рамках официального дискурса в гендерный подход, с учетом которого был разработан ряд нормативных правовых актов (Постановление Государственной Думы «О концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (1997) и др.). В то же время в постсоветский период государственная гендерная политика носила инерционный и половинчатый характер, затрагивая в основном интересы женщин и стремясь адаптировать международные правовые акты под российские реалии. Принятые в 2017 г. и 2022 гг. Распоряжения Правительства РФ «Национальная стратегия действий в интересах женщин», на наш взгляд, являются компромиссными документами, выработанными, с одной стороны, под влиянием объективных факторов (феминизации бедности и др.), с другой стороны, в условиях доминирования консервативного тренда в российской политике, в рамках которого гендер маркируется как фактор цивилизационного разлома, линией размежевания между российской традиционной культурой и современными ценностями коллективного Запада. Из «Национальной стратегии в интересах женщин на 2023–2030 годы» исчезли ссылки на международные документы, по которым Россия брала на себя обязательства по улучшению положения женщин в обществе; а сама стратегия рассматривается как логическое продолжение Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Указа Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Таким образом, документ демонстрирует суверенность/автономность российского государства в выработке и реализации гендерной политики, а также обозначает основные акценты в содержании данной политики. Несмотря на то, что в нормативном правовом акте выделено пять направлений политики (укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни страны; повышение роли женщин в развитии общества, улучшение качества их жизни; расширение участия женщин в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны, включая формирование новых точек роста экономики;

сохранение здоровья женщин всех возрастов; профилактика социального неблагополучия женщин), государство четко обрисовывает контур гендерной системы с т. н. контрактом «работающей матери», указывая, одной из задач является «создание условий для сохранения традиционных семейных ценностей и достижения баланса между обязательствами в частной жизни и в деловой сфере в целях повышения качества жизни женщин» («Национальная стратегия в интересах женщин на 2023–2030 годы»). Важным маркером отхода от гендерного подхода следует отметить затушеванность темы «домашнего насилия», которые рассматриваются в контексте решения более общей проблемы социального неблагополучия женщин.

Острота публичной дискуссии, развернувшейся в процессе разработки и принятия Национальных стратегий действий в интересах женщин, свидетельствует о глубоком ценностном расколе в российском обществе: эксперты-гендеристы говорят о возрождении патриархата, консервативная православная общественность настаивает подрыве культурного кода российского общества и государства. На наш взгляд, сложившийся в России гендерный порядок актуализирует академическую дискуссию относительно понятий «традиционные ценности», «традиционное общество», «национальная идентичность», «современное общество», «российская культура» и т. д., без решения которых невозможно артикуляция и реализация эффективных моделей государственной гендерной политики в современной России.

Козьякова Н.С.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ КОАЛИЦИОННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ: ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИТОГИ

Влияет ли формирование политической повестки для будущих избирателей в коалиционных правительствах на последующие результаты партий кабинета на выборах? Прежде чем коалиционные правительства займут свои исполнительные посты, они, как правило, проводят интенсивные предвыборные мероприятия и публикуют программы, в которых предоставляют подробный отчет о политических реформах, планируемые провести в после избрания. Принятие коалиционных соглашений, как правило, является заметным событием в политической жизни общества, которое сопровождается широким освещением в СМИ, так как избиратели получают информацию об основных обещаниях, которые правительства делают перед выборами. Но только около двух третей всех предвыборных обещаний в будущем воплощаются в обществе.

Как несоблюдение обещаний, данных в предвыборных кампаниях, влияет на последующую поддержку на выборах? Мы рассмотрели данный важный вопрос на примере последствия для кандидатов несоблюдения политических обещаний в отдельных европейских партиях. Это было сделано при исследовании нового набора данных COALITIONPOLICY, который отображает политические обязательства, взятые 217 партиями в 86 коалиционных соглашениях в девятнадцати западных и восточных европейских стран.

Их эффективность была оценена на основе выполнения более 7000 индивидуальных обязательств, взятых в период с 2000 по 2015 год при проведении сравнительного анализа набора данных с результатами выборов, для исследования последствий (неисполнения) коалиционного соглашения для поддержки избирателей.

В ходе исследования был сделан вывод, что принятие коалиционного договора не увеличивает последующую долю голосов при большом количестве различных спецификаций моделей. Полученные результаты необходимы для понимания

политического представительства и коалиционного управления в многопартийных демократических европейских странах.

Результаты выборов получены из базы данных ParlGov¹. Чтобы получить верифицируемые выводы, был проведен основной анализ, используя:

1. соотношение голосов;
2. абсолютную разницу между двумя последующими результатами выборов в качестве зависимых переменных.

Результаты существенно не изменились, это можно объяснить следующими переменными: эффективность политики отдельных партий кабинета министров, при отслеживании фактов, сколько предвыборных обещаний, данных в коалиционном договоре, фактически было выполнено за время их пребывания у власти. Для этого был проведен широкий контент-анализ коалиционных соглашений, определены конкретные политические обязательства, которые та или иная европейская партия взяла на себя в ходе подписания коалиционного договора. Под политическим обязательством можно определить обещание осуществить действие или добиться политического результата, выполнение которого может быть объективно проверено и доказано².

Для обеспечения верифицируемости, было проведено различие между объективными заявлениями и заявлениями, содержащие расплывчатые обещания, или не имеющие их³.

В результате был сделан вывод, что принятие коалиционных договоров не влияют на результаты выборов. Европейские избиратели отдают свои голоса независимо от приверженности партий кабинета его политическим предложениям. Полученные результаты служат доказательством того, что коалиционные партии могут проводить политику, не опасаясь негативных последствий на будущих выборах, если они не будут придерживаться предвыборных обещаний.

Следовательно, главы европейских правительств могут реагировать на текущие события, такие, как экономические спады, международные кризисы или стихийные бедствия, без необходимости выполнять обещания, данные ими до вступления в должность.

В целом коалиционные договоры являются актуальными источниками, но они более важны для урегулирования конфликтов внутри политических партий, чем для предвыборной конкуренции. Избиратели не отказываются в будущем отдавать свои голоса из-за несоблюдения предыдущих данных предвыборных обязательств и, таким образом, коалиционные партии изолированы от контроля со стороны избирателей при реализации политики. Проведенное исследование показывает, что коалиционные договоры являются эффективными инструментами контроля для устранения расхождений в предпочтениях между партиями. Несмотря на то, что они дают коалиционным партиям инструмент для сдерживания своих партнеров, коалиционные соглашения играют незначительную роль в проведении предвыборных кампаний.

¹ Doring H. and Manow P. (2018) Parliaments and Governments Database (ParlGov): Information on Parties, Elections and Cabinets in Modern Democracies. Version Stable 2018. Available at: <http://www.parlgov.org/data>.

² Royed T.J. (1996) Testing the mandate model in Britain and the United States: evidence from the Reagan and thatcher eras. *British Journal of Political Science* 26 (1): 45-80.

³ Matthieß T. (2020) Retrospective pledge voting: a comparative study of the electoral consequences of government parties' pledge fulfilment. *European Journal of Political Research* 59 (4): 774-796.

ЦЕННОСТНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА И ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальность. В ситуации начала СВО в 2022 г. исследователи фиксируют ценностный разлом в российском обществе, затрагивающий все социальные слои, но прежде всего – молодежь, которая демонстрирует широкий спектр социально-политических практик от абсолютной поддержки действий властей и участия в СВО до «релокации» в страны ближнего и дальнего зарубежья. Для понимания актуальных технологий работы с молодежью важно понимать конгруэнтность официального дискурса и доминирующих в настоящий момент социально-политических ценностей в молодежной среде.

Методология и методы. В работе использована концепция критического дискурс-анализа Н. Фэркло, которая позволила изучить дискурс как социальную практику. Используются результаты социологических исследований ценностей российской молодежи, проведенных ФОМ и ВЦИОМ в 2022-2023 гг. Проведены экспертные сессии (всего 20 экспертов) с целью определения технологий и проблем работы с молодежью в условиях новой геополитической реальности.

Изучен ряд ключевых выступлений Президента Российской Федерации за период с февраля 2022 г. по февраль 2023 г. (всего 23 выступления затрагивающих тематику ценностей консолидации), что позволило выделить ключевые аспекты ценностного ядра консолидации общества. Рассмотрен ряд выступлений губернатора Краснодарского края за период с февраля 2022 г. по апрель 2023 г. (всего 24 выступления аналогичной тематики), что позволило выявить региональные особенности ценностей консолидации.

Обсуждение результатов. Было выявлено, что одними из главных проблем поиска консолидирующих ценностей в молодежной среде являются такие проблемы как крайняя сегментированность молодежного сообщества, отсутствие сформированной единой четкой объясняющей концепции новой геополитической реальности, изменчивость официального дискурса в информационном пространстве, наличие изолированных и противоположных друг другу образов происходящих событий, носители которых не заинтересованы в коммуникации между разными группами.

Ценностное ядро консолидации, обозначенное в выступлениях Президента, адресованных гражданам России, состоит из следующих компонентов: единство Русской истории и подвиги её оружия, сплоченность общества, уважение и вооруженных сил. В основе консолидации лежат ценности суверенитета, свободы, созидания, справедливости, человеколюбия, милосердия и сострадания. Содержательные конструкции дискурса поддерживаются и подчеркиваются использованием специальных грамматических приемов: наша страна, наш народ, наши ценности и другие, что также является элементом консолидирующего нарратива. Ключевыми ценностями консолидации для российского общества, выделенными в дискурсе, являются: традиционные и семейные ценности, культура, язык, преемственность поколений, единство истории государства-цивилизации, патриотизм, гражданственность, многонациональный и многоконфессиональный характер России, а также стремление жить по собственной воле, и «освободительная миссия» российского народа.

Дискурс консолидации губернатора Краснодарского края содержит такие ключевые элементы как: традиционные ценности, семейные ценности, патриотизм, культура, история – совпадают с ключевыми ценностями консолидации, выделенными в дискурсе Президента. Тематика важности работы с молодежью также подчеркивается в данных дискурсах. При этом тематика консолидации в дискурсе губернатора затрагивает меньше сфер жизни общества и государства, чем в дискурсе Президента России. Региональными

особенностями ценностей консолидации, выявленные в дискурсе губернатора являются: важность духовного аспекта (религиозных ценностей) в жизни общества, в воспитании молодёжи, важности формирования и развития любви к малой родине, важность развития региональной культуры и аспектов региональной идентичности, связанные с казачеством и их ценностями. Также можно выделить такую региональную особенность ценностей консолидации как поддержка действующего курса Президента России.

Выводы и рекомендации: при конструировании внутренней политики, направленной на процесс консолидации следует выстраивать общую систему ценностей, которая бы основывалась на общенациональном ценностном ядре и также учитывала бы региональную специфику социальных групп, в том числе и молодёжных. Субъектам молодёжной политики при разработке технологий формирования консолидирующих ценностей следует использовать интегрирующие ценности «за», конструктивный образ будущего, опыт реальных людей, принципы горизонтального взаимодействия, практико-ориентированные мероприятия и индивидуальный подход к разным молодёжным группам. При разработке и осуществлении конкретных действий в сфере консолидации учитывать не только общие формально-символические аспекты консолидации, но и содержательный аспект ценностного ядра консолидации для того, чтобы снизить риск «безыдейного повторения» уже существующих символов и ценностей, а также форматов взаимодействия с обществом.

Колчин П.А.
(АНО «ЭИСИ», Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СВО В 2022–2023 гг.

Исследование посвящено вопросу влияния проведения специальной военной операции российской армии на территории Украины на процесс формирования и укрепления российской гражданской идентичности. Целью исследования является выявление основных факторов, связанных с СВО, повлиявших на рост популярности общероссийской идентичности.

В современном мире остро стоит проблема сохранения государственной целостности, важным элементом которой является обеспечение общенационального согласия. В этой связи наиболее уязвимыми представляются полиэтничные государства, в которых фактор этничности может быть использован внешними и внутренними политическими акторами для активизации процессов дестабилизации общества¹.

Для противодействия возможным рискам, связанным с полиэтничным характером населения, органы государственной власти России проводили планомерную работу по укреплению и формированию единой гражданской идентичности. Основным документом в реализации национальной политики в этой сфере стала Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года².

Спецоперация на территории Украины стала событием, определившим геополитическую реальность межгосударственных отношений. Геополитический ландшафт разительно изменился, что отразилось на политических и социальных процессах во многих государствах. В условиях внешнеполитической нестабильности многие социумы

¹ Тишков В.А. Старые и новые идентичности. [Электронный ресурс] Валерий Тишков Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html, , свободный (дата обращения: 17.09.2023)

² Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-19122012-n-1666/>, свободный (дата обращения: 16.09.2023)

столкнулись с проблемой дезинтеграции и рост конфликтного потенциала различных социальных групп.

Тенденции, сложившиеся в российском обществе, показывают обратную динамику. Внешнее политическое давление, информационные атаки и непосредственное участие в конфликте сотен тысяч граждан оказали консолидирующее влияние на социум. Вопросы патриотизма и поддержки политического курса страны стали важным маркером для миллионов граждан страны.

Широкое участие в спецоперации представителей различных этнических групп и конфессий интенсифицировал процессы формирования общероссийской гражданской идентичности. Влияние на это оказал ряд социальных и политических факторов. Полиэтнический состав российского армейского контингента, активное участие граждан со всей страны в помощи жителям новых регионов, сборы помощи военнослужащим повлияли на консолидирующие процессы в российском обществе. Единая надэтническая гражданская идентичность, сформированная на единых традиционных ценностях, исторической памяти, языка и культуры, стала стремительно вытеснять этнические идентичности с доминирующей позиции.

Интенсификация процессов формирования российской идентичности в условиях СВО, связанная с социальными процессами, требует пересмотра основных методов и механизмов реализации национальной политики. Гордость за победы и достижения страны в настоящем, консолидация вокруг политического курса государства и активизация внешнего давления становятся основополагающими факторами формирования гражданской идентичности, которые требуют новых решений и новых подходов.

Колыхалов М.И.

(СИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Городские сообщества осуществляли международную деятельность задолго до возникновения национальных государств, так, международные связи «полисов» – городов государств Древнего Рима и Древней Греции заложили основные принципы международных отношений и дипломатической деятельности, послужили в дальнейшем основой для дипломатии абсолютных монархий Европы, а также прообразом полицентричного мира. Примечательно, что сам термин «дипломатия» произошел от названия грамоты, состоящей из двух сложенных вместе листов ($\delta\acute{\iota}\pi\lambda\omega\mu\alpha$), в которой указывались цели посольства города государства. Таким образом, крупные города – международные центры влияния, являясь экономическими, торговыми, политическими и цивилизационными центрами были первыми акторами на международной арене.

Современная мировая политика находится в состоянии глобальных трансформаций, происходит активная фаза противоборства мировых держав за влияние в мире, формируется новая постбиполярная мировая система. В этих условиях международная деятельность негосударственных и субнациональных акторов, к которым относятся и городские центры, активизируется и наполняется новым содержанием.

Дипломатия городов представляет собой процесс принятия внешнеполитических решений на городском уровне, участие городов и местных властей в международных отношениях и мирополитических процессах. Международная деятельность городов реализуется в ряде направлений – многостороннее сотрудничество в рамках международных организаций и форумов городов, участие в совместных международных проектах многоуровневого формата, реализация института побратимства, а также у каждого глобального города существует собственная внешнеполитическая линия.

Специфика международной деятельности крупных городов – международных центров влияния заключается в вопросах соотнесения и согласования переговорных позиций городов и внешнеполитической линии соответствующего государства, специфике комбинированного государственно-негосударственного статуса городских властей, многостороннем и многоуровневом преимущественным форматом проведения международных переговоров. Важным является исследование международной деятельности глобальных и мировых городов, которые являются центрами глобализации, центрами мировой экономики и участниками политических процессов мирового уровня.

Международные связи городских центров осуществляются в основном в многостороннем многоуровневом формате, с участием как представителей региональных, центральных властей, так и бизнеса, исследовательских коллективов и ряда других участников, что обуславливается комбинированным государственно – негосударственным статусом городов. Позиция городов во внешних сношениях, в зависимости от «степени свободы» во взаимоотношениях центр – субгосударственные территориальные образования, уровня экономического и политического влияния городского центра, позиции лидера городских властей может существенным образом отличаться от позиции государства. Ряд городов – международных центров влияния для формирования более независимой позиции от центральных властей создали полугосударственные некоммерческие структуры для осуществления международного взаимодействия.

Следует отметить особую роль глобальных и мировых городов, которые формируют транснациональную городскую сеть и минуя границы государств и взаимодействуют с такими же городами – международными центрами влияния и другими акторами мировой политики напрямую. Важнейшим инструментом многосторонней дипломатии городов - международных центров влияния является Ассоциация Метрополио, которая имеет механизмы осуществления многосторонних переговоров городов и представляет городские агломерации на мировом уровне.

Кроме того, актуальными тенденциями международной деятельности городских центров является рост использования информационно-коммуникационных технологий - как при проведении переговорного процесса, так и для анализа настроений общества и поиска возможных оптимальных решений. Следует отметить активизацию международных связей городов ряда государств СНГ, как между собой, так и с государствами БРИКС, африканского континента и Китайской Народной Республикой. В то же время очевидна деградация международного сотрудничества между городами Российской Федерации и странами Запада.

Таким образом, международная деятельность городов в современных условиях активизируется, города ищут возможности международного взаимодействия в условиях кризиса международных отношений национальных государств, в ряде случаев международные связи городов являются единственным форматом осуществления международного обмена с участием властей, в данном случае – муниципального уровня.

*Кольба А. И.
(КубГУ, Краснодар)*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА КАК ОБЪЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ И ПЛОЩАДКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГОРОДСКОМ КОНФЛИКТЕ

Концепт общественного (публичного) пространства неоднозначно определяется в современных исследованиях. В одной из трактовок он рассматривается как пространство встреч свободных граждан и выработки ими – на основе свободной и определенным образом организованной коммуникации – точки/точек зрения на некоторые общие

вопросы¹. Такая трактовка побуждает сосредоточить внимание на целях общения: подразумевается, что акторы осознанно стремятся выработать решение, используя возможности коммуникации в публичном поле. В другом случае речь идёт о пространстве «множественных незапланированных взаимодействий», публичных социальных отношений² (открытые пространства, «третьи места» и др.). Здесь функции публичного пространства сводятся к расширению возможностей его акторов, результатом взаимодействий которых могут как быть, так и не быть какие-либо решения, коалиции и т.д.

Несмотря на различие подходов, можно выделить некоторые базовые характеристики общественных пространств в городах. Они представляют собой соединение социального и физического, выражая социальность, реализованную в территориально-пространственной форме. Отсюда, на наш взгляд, и возникает столь пристальное внимание субъектов развития городов (в первую очередь городских сообществ и движений) к проблемам их создания и функционирования. Общественные пространства становятся одним из основных элементов городского «пазла», и их наличие или отсутствие, состояние, соответствие определённым требованиям являются одним из маркеров соответствия города статусу «современного». Помимо этого, они определённым образом структурируют взаимодействие горожан, создавая возможности либо для обособления отдельных сегментов городского общества, разделения потоков общественной активности, либо, напротив для расширения коммуникаций между сообществами.

Неоднозначность роли общественных пространств в процессах внутригородской коммуникации также обусловлена их возможным местом в структуре городского конфликта. В некоторых случаях они рассматриваются как объект конфликта, в предметное поле которого в такой ситуации входят вопросы, связанные с необходимостью создания/сохранения того или иного общественного пространства, его возможные форматы, функции и т.д. При этом их рассмотрение в трактовке Х. Арндт выдвигает на первый план присущие им функции площадок переговорной коммуникации, входе которых могут формулироваться решения проблем города. Анализ современных городских конфликтов позволяет говорить о том, что недостаточное развитие этой функции является одним из основных препятствий для повышения уровня конструктивности в политическом управлении ими.

В качестве конкретной ситуации конфликта, где различным образом проявляются обе указанные роли, может служить попытка реализации в г. Краснодаре проекта развития центра города «Семь улиц». Его инициирование относится к декабрю 2020 г., когда мэрией города был представлен проект ряда кварталов в историческом центре города, направленный на развитие пешеходных зон, велодорожек и озеленение. Замысел включал в себя реформатирование городского центра в масштабное общественное пространство, ориентированное на развитие «третьих мест», и предполагал значительные ограничения для автомобильного транспорта. Несмотря на поддержку данного проекта частью городских общественных активистов и проведение «пилотного» преобразования одного из кварталов города, он был быстро свёрнут по распоряжению губернатора Краснодарского края, а затем окончательно закрыт новым главой города.

На наш взгляд, можно выделить несколько причин, обусловивших крах перспективного проекта. Они, в свою очередь, во многом отражают существующие факторы развития конфликтов в крупных городах современной России.

- Некритическое принятие «лучших образцов». Проектные группы зачастую ориентируются успешные практики, реализованные в тех или иных городах. При этом возникают противоречия, связанные со значительным расхождением в исходных условиях преобразования пространства. Так, в Краснодаре исторический центр во многом совпадает с деловым, и реализация предложенного проекта могла

¹ Арндт Х. *Vita activa, или деятельной жизни*. СПб.: Алетей, 2000. С. 68.

² Сеннет Р. *Падение публичного человека*. М.: Логос, 2002. С. 37.

бы существенно осложнить работу базирующихся там компаний и административных структур.

- Слабость функционирования коммуникативных площадок для ведения дискуссий. Общественные пространства города в данном случае не выполнили своей коммуникативной функции, и полноценной дискуссии между сторонниками и противниками проекта так и не состоялось. Это повлекло за собой рост напряжённости в отношении его дальнейшей реализации, и стало одной из причин сворачивания.
- Волонтаристское принятие решений. Объявление о запуске проекта до начала предполагаемого обсуждения само по себе является конфликтогенным для значительной части городской общественности. Проектирование, основанное на идее «специалист лучше судит», неактуально для нынешнего состояния общественных коммуникаций в крупных городах, одним из наиболее значимых измерений которых стало виртуальное. В связи с этим мнение профессионалов, насколько бы компетентным оно ни было, не может стать главным основанием для принятия решений в общественных пространствах по поводу общественных пространств.

Кондратенко К.С.

(СПбГУ, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УБЕЖДАЮЩЕЙ РАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Доклад посвящен методологическим аспектам исследования сетевой политической социализации российской молодежи с позиции двух универсалистских концепций трансверсальности и рациональных систем. Трансверсальность в данном случае понимается как трансверсальный разум В. Вельша, возможность мыслить множество Других, единство такого множества, т.е. возможность каждому иметь идентичность, отличную от идентичности других. Теория рациональных систем – это авторский подход, заключающийся в применении различных системных подходов к рациональности.

Первая цель этой методологии – исследовать сложность коммуникативных акторов. Трансверсальность, в первую очередь, предполагает плюралистическую онтологию, в рамках которой каждый из участников представляет собой некую лейбницианскую монаду или трансцендентальное его Э. Гуссерля. Теория рациональных систем, в свою очередь, базируется на двух коммуникативных постулатах: любое взаимодействие может мыслиться как рациональное, однако тезис о «всеобщей рациональности» уравнивается принципом ограниченной рациональности. На практике это означает, что субъект – это не только то, что он думает о себе, но и то, что думают о нем другие. Соответственно, первая сетевая матрица есть матрица мнений, при визуализации дающая сферы мнений, наложенные одна на другую.

Теория рациональных систем также способна внести свой вклад в моделирование трансверсальной коммуникации. Во-первых, основным выводом предыдущих статей была идея о многополярности рациональных акторов: акторы действуют одновременно в сверх-рациональном (творческом, смысловом, ценностном и пр.), рациональном (принятие решение, анализ данных, моделирование окружающего мира, управление ресурсами и пр.) и до-рациональном (поведенческом, понимаемом в бихевиористском смысле) мирах.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), грант «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи».

Гипотеза о всеобщей рациональности в данном случае понимается как уравнивание элементов, которые могут рационально мыслиться. Взаимодействие акторов в этом случае понимается горизонтально (т.е. трансверсально, букв. «поперечно»), и их обмен может моделироваться напрямую, к примеру, от сверх-рациональных к сверх-рациональным компонентам, минуя рациональный и до-рациональный уровень. Это экономит мышление исследователя и позволяет избежать лишних формальностей и оговорок, в данном случае не имеющих большого значения.

Актор в этом случае моделируется либо как кластер с циклом, в таком случае коммуникативные линии тянутся из множества вершин кластера А ко множеству вершин кластера В, либо как элементарные вершины, но вектор этой сети прописывает мнение вершин о составе коммуникативных актов (сверх-рациональных, рациональных и до-рациональных компонентов), и в дальнейшем эти значения могут использоваться для анализа эгоцентрических сетей, либо вычисляться среднее значение коммуникации или среднее значение по всей сети. Это вторая матрица – матрица взаимодействий.

Третья матрица – матрица результатов. Вполне закономерным вопросом является результат такой коммуникации. Казалось бы, эта матрица могла бы напоминать таблицу истинности, в которую вписаны единицы и нули («есть результат» и «нет результата»), однако в убеждающей коммуникации довольно сложно говорить о наличии или отсутствии желаемого результата. Убеждающие рациональные системы могут лишь постоянно оказывать воздействие до тех пор, пока результат не будет для них удовлетворительным (принцип *satisficing* Г. Саймона), вероятно, это будет какое-либо действие или суждение убеждаемой коммуникативной системы. Из этого затруднения можно выйти либо лонгитюдным исследованием, либо исследовать «продвижение» на пути к поставленной цели, и оценивать множество коммуникативных актов, к примеру, по шкале от 0 до 1.

Таким образом, минимальное число матриц для моделирование трансверсальной коммуникации в сетевой политической социализации молодежи три. Такая модель может быть применима для исследования специфики, ценностей, идентичности, различных характеристик коммуникации, а также для анализа процесса убеждения в среде различных молодежных групп, объединений, пабликов в социальных сетях и пр.

Коньков А.Е.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

СООТНОШЕНИЕ И РАЗМЕЖЕВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЯГКОЙ СИЛЫ В ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Приход негосударственных акторов в политику и механизмы, которые позволяют государствам обращать их не столько в самодостаточных игроков, сколько в проводников своих интересов – такие как, в первую очередь, публичная дипломатия, мягкая сила, вовлечение в стратегические межстрановые коммуникации и осуществление гуманитарного сотрудничества, – способствует воспроизводству латентной сферы, в которой всё активнее приходится действовать современному государству.

Международное взаимодействие, осуществляемое по различным направлениям, реализуется при помощи и публичных, и латентных инструментов, что позволяет их классифицировать в соответствии с выбранными направлениями – в частности, экономическими, социально-гуманитарными, военно-политическими. В каждой из этих сфер складываются специфические формы латентных механизмов и технологий.

Публичная дипломатия зачастую употребляется в одном контексте с понятием «мягкая сила», хотя, строго говоря, вряд ли они могут рассматриваться в качестве однородных терминов и уж точно не являются синонимами. Мягкая сила – это, в первую очередь, качественная характеристика международного политического актора,

отражающая его способность быть привлекательным для обществ, групп, индивидов из других стран и юрисдикций (государств). Публичная дипломатия – инструментальная форма взаимодействия в международной среде, как правило, отражающая общественное измерение отношений между разными странами (государствами) и способная задействовать ту самую мягкую силу.

Мягкая сила с лёгкой руки основоположника соответствующей теории американского функционера и исследователя Джозефа Ная стала одним из наиболее легитимированных оснований глобального принуждения в доминирующей в западной науке парадигме политического либерализма, формально оспаривающего возможность военно-силовых способов воздействия на контрагентов в международных отношениях. Уверенность в том, что именно сила убеждения позволила политическому Западу и, в первую очередь, США демонстрировать самые высокие показатели роста не только в экономике и вооружённых силах, но и в совершенствовании и глобальном масштабировании своих социально-культурных моделей индивидуальной и общественной жизни, сформировала у мягкой силы ореол наиболее эффективного и, что немаловажно, мирного и, на первый взгляд, бескровного инструмента реализации интересов в глобальном мире.

Публичная дипломатия – это уже более операциональное понятие для описания особых латентных механизмов и технологий внешнеполитического толка. Несмотря на также весьма многозначный характер, оно раскрывает форматы международного сотрудничества стран через призму соответствующих обществ, гражданских структур, негосударственных институтов (публики в широком смысле этого слова). Это позволило развить в отечественном сознании особые формы общественной или даже народной дипломатии, которые, впрочем, могут рассматриваться как частные проявления дипломатии публичной, носящей более широкий и родовой характер и вновь отражающей многогранность именно что русского языка, различающего нюансы общего англоязычного термина «public diplomacy».

Несмотря на «публичный» характер описываемого инструментария (важно отличать от более соответствующего подобной интерпретации уже другого схожего термина «открытая дипломатия»), в контексте целенаправленного пользования им политическими акторами публичная дипломатия несёт в себе не в последнюю очередь стремление неоглашаемым образом продвинуть необходимые постулаты, обусловить требуемое восприятие проблемы, сформулировать наиболее желаемый подход к её разрешению. Скрытый смысл публичной дипломатии как механизма, задействуемого государственными и негосударственными акторами, заключается в формировании в общественном сознании искомым предпосылок для принятия и реализации нужных политических решений.

Сегодня публичная дипломатия, по сути, универсализирует и технологизирует диалоги гражданских обществ разных стран по различным темам и во всевозможных форматах, что неизбежно попадает в число приоритетных механизмов политических акторов, преследующих внешнеполитические интересы и латентно достигающих таким образом своих поставленных целей. Публичная дипломатия может опираться на ресурсы мягкой силы, а мягкая сила может заключаться в способности добиваться нужного результата путём публичной дипломатии – всё это, хотя и разные явления, но образующие единое пространство латентных механизмов и технологий международного гуманитарно-сетевого воздействия, позволяющее формировать внешнеполитическую линию в современном государстве. В условиях ключевой роли, которую в жизни глобального общества играет именно информационно-коммуникационная среда взаимодействия, возможности публичной дипломатии, опирающиеся на ресурсы мягкой силы, приобрели определяющий характер в мировой политике.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ

В наше время государства обязаны гарантировать всем гражданам равные возможности для участия в различных сферах жизни общества. Урегулирование конфликтов между национальными меньшинствами и обществом способствует развитию государства в целом. Тем не менее национальные меньшинства подвергаются дискриминации. Их намеренно лишают преимуществ, прав по признакам расы, национальной принадлежности или религиозных убеждений. Чтобы избежать ущемления прав и свобод национальных меньшинств, государства принимают определенные меры.

Россия является многонациональным государством, что отражено в её Конституции. Национальные меньшинства исторически являются неотъемлемой частью российского общества.

Прочная законодательная база является основой для успешного проведения национальной политики в государстве. Опираясь на конституцию Российской Федерации – основополагающий документ, обеспечение прав национальных меньшинств является одной из основ гражданского согласия в России.

В ходе исследования были выделены механизмы представительства национальных меньшинств, используемых в России.

1. Российская Федерация для проведения выборов использует **одномандатные округа**. На каждый субъект федерации приходится минимум один избирательный округ. Благодаря этому для узко проживающих национальных меньшинств создаются условия, которые позволяют быть им представленными в органах власти Российской Федерации.

2. **Мажоритарная система** в ключе представительства национальных меньшинств преобладает на региональном уровне. Избранным считался кандидат, набравший большинство голосов. (ХМАО-Югра представительный орган состоит из 35 депутатов, которые избираются согласно пропорциональной системе, при этом, 3 депутата – представителя национальных меньшинств, избираются по мажоритарной системе по многомандатному избирательному округу)

3. **Система пропорционального представительства по партийным спискам** имела небольшое преимущество для национальных меньшинств, так как, хотя и на законодательном уровне не предусмотрен пункт об обязательном включении представителей этнической группы в состав партий, политические партии все равно могли включать в себя представителей национальных меньшинств по собственному желанию.

4. Чаще всего Российская Федерация использует **смешанную систему пропорционального представительства**, благодаря которой у национальных меньшинств предоставляется возможность быть представленными в Государственной Думе, так как для того, чтобы быть представленным, кандидату необходимо получить большинство голосов хотя бы в одномандатном округе.

5. **Параллельная система** совмещала в себе одномандатную и пропорциональную системы представительства. Места, полученные благодаря системе пропорционального представительства, распределяются соответственно числу голосов, отданных за политическую партию. Голоса определяются либо в одномандатных округах, либо повторным голосованием.

6. **Консультативные органы** используются в регионах, в которых проживают несколько этнических групп. Эти органы создаются при законодательных, исполнительных и местных органах власти.

7. Следует отметить и институт **уполномоченного по правам коренных малочисленных народов (омбудсмена)**. В целом омбудсмены занимаются защитой прав

человека, но применительно к защите прав национальных меньшинств, этот институт появился не так давно, поэтому находится в процессе доработки. Несмотря на это, данный институт активно применяется в некоторых регионах Российской Федерации.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что механизмы, уже используемые Российской Федерацией, являются хорошей основой для продолжения развития этнополитики в стране. Однако многие способы представительства национальных меньшинств, используемые в других странах, можно внедрить в национальную политику государства либо внесением правок в Конституцию Российской Федерации, либо же подписанием дополнительных законов, которые бы обеспечивали национальным меньшинствам больше способов для представительства не только на региональном, но и на федеральном уровне.

Копылова П.С.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

СПЕЦИФИКА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ КАК АКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сегодня участие экспертов в принятии решений является распространенной практикой. Международные и национальные эксперты не только устанавливают стандарты, но и регулярно могут формировать в отдельных странах предпочитаемую ими политику. Примером может служить политика Международного валютного фонда в Латинской Америке в 1980-х и в Восточной Европе в 1990-х гг. Разработка политики все чаще опирается на доказательную базу (*evidence-based policy*), поэтому многие склонны полагать, что все или почти все политические решения принимаются с опорой на научные данные. Но все же это не всегда совпадает с реальностью. Для того чтобы оценить степень влияния исследуемых сообществ на лиц, принимающих решения, необходимо выявить специфические черты, которые отличают эпистемические сообщества от других акторов, участвующих в принятии решений.

В настоящее время в качестве акторов международных отношений могут рассматриваться в том числе заинтересованные группы, ориентированные на продвижение определенных ценностей (международные неправительственные организации, транснациональные общественные движения и многие другие объединения, обладающие как иерархической, так и сетевой структурой). Важным дополнением к этому кругу стали предложенные Питером Хаасом в выпуске журнала «*International Organization*» 1992 года эпистемические сообщества (*epistemic community*).¹ Источник их влияния заключается в росте сложности сферы политического регулирования в международных отношениях, уровень которой эксперты могут снизить с помощью определения конкретных проблем, которые до этого оставались неявными, и формулирования задач для их решения.

Эпистемические сообщества по факту являются акторами, способными выявлять и выносить на публичное обсуждение проблемы в конкретной области политики, а далее предлагать решения выявленных ими проблем государствам, над- и межгосударственным объединениям, а также неправительственным структурам. При этом эпистемические сообщества обладают способностью привносить определенность туда, где ранее существовало нечто неясное: например, научно описанная проблема выброса парниковых газов заменяет непонятное явление, заключающееся в неожиданном повышении среднегодовой температуры в определенных регионах. Таким образом, П. Хаас утверждал,

¹ *Haas P.M.* 1992. Epistemic communities and international policy coordination // *International Organization*. N 46 (1). P. 3-23.

что «концепция эпистемических сообществ» сфокусирована на процессах построения консенсуса в определенной области экспертного знания, а также распространения знания, получившего статус общепринятого, или его использования политическими акторами.¹

Главный смысл концепции заключается в выявлении влияния, которое эпистемическое сообщество может оказывать на политические решения, а не столько достоверность предоставленных им рекомендаций.

Коргунюк Ю.Г.
(ИНИОН РАН, Москва)

ПРОЕКТ «АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА РОССИИ В МЕЖПАРТИЙНОЙ ДИСКУССИИ»

Отделом политической науки и группой ситуационного анализа ИНИОН РАН запущен проект «Актуальная политическая повестка России в межпартийной дискуссии», цель которого – мониторинг политической повестки России путем выявления вопросов, поляризующих политическое пространство страны; тематической классификации этих вопросов; оценки позиций акторов (политических партий и кандидатов в президенты) по этим вопросам; анализа этих позиций с помощью количественных методов (факторный и корреляционный анализ); построения модели политического пространства страны, базирующейся на выявлении доминирующих противостояний.

Та часть работы, которая выполняется в рамках деятельности группы ситуационного анализа, заключается прежде всего в проставлении оценок партийным позициям по заранее вычлененным вопросам повестки дня, а также обсуждении оценок, вызвавших разногласия между членами группы.

Обсуждение и проставление оценок предполагается проводить каждые три месяца – обычно в начале сезона (зима, весна, лето, осень), но с некоторой корректировкой, касающейся летнего сезона – на этот период приходится избирательная кампания, приуроченная к Единому дню голосования, поэтому он захватывает также часть сентября, предшествующую ЕДГ.

Полученные в итоге оценки подвергаются факторному анализу, результаты которого также интерпретируются путем совместного обсуждения. Факторный анализ помогает, в частности, определить, вокруг каких основных противостояний структурируется пространство межпартийной дискуссии. Кроме того, мониторинг изменений в результатах анализа, фиксируемых каждые три месяца, позволяет выявлять динамику развития актуальной политической повестки страны.

В настоящее время проведено первое заседание группы, выявлен ряд проблем, связанных с процедурой и критериями проставления оценок. На этом этапе главной задачей группы является разработка процедуры проставления оценок партийным позициям по вопросам актуальной политической повестки. Определенный задел в этой области уже имеется, однако он нуждается в обсуждении и доработке.

Оценки проставляются по шкале от –5 до +5, где –5 – резко отрицательная позиция, +5 – резко положительная, а 0 – центристская или отсутствующая (исходя из принципа: «и нашим и вашим» = «ни нашим ни вашим»).

Вопросы в целом делятся на две группы: 1) более или менее долгосрочные, содержащиеся в официальных партийных документах (программах, манифестах, платформах, заявлениях, обращениях и т.п.) и 2) ситуативные, позиции по которым могут

¹ Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy coordination. // International Organization, 1992, Vol. 46, No. 1. P. 23.

меняться достаточно быстро; их источник – публичные высказывания представителей партии (прежде всего лидеров).

Основные пункты на этой шкале – «резко отрицательное отношение» (–4), «умеренно отрицательное» (–2), нейтральное или отсутствующее (0), «умеренно положительное» (+2) и «безусловно положительное» (+4). Соответствующие оценки присваиваются вопросам, содержащимся только в партийных документах (долгосрочные вопросы) или упоминающимся только партийными лидерами (вопросы ситуационные).

Публичные выступления других партийных представителей могут корректировать эти баллы. Например, если представители партии активно и единогласно придерживаются безусловно положительной (отрицательной) позиции по тому или иному вопросу, оценка доводится до +5 (–5). Если эту позицию оспаривают не очень влиятельные спикеры, оценка остается на уровне +4 (–4). При росте числа и политического веса участников внутрипартийной дискуссии, оценка может быть скорректирована до +3 (–3).

То же самое касается умеренно позитивной (негативной) позиции: если влиятельные представители требуют ее радикализации, оценка может быть скорректирована до +3 (–3), если, наоборот, требуют большей умеренности, смягчена до +1 (–1). В случае разногласий между представителями одной и той же партии средний балл выводится с учетом политического веса каждого диспутанта.

Если партия имеет центристскую позицию по вопросу или не имеет никакой, но некоторые не очень влиятельные ее представители вербализуют умеренно отрицательную или умеренно положительную позицию, оценка может быть скорректирована до +1 (–1).

Это общая диспозиция, однако на практике для некоторых случаев этот набор критериев недостаточен. Одну из «проблемных» областей составляют, в частности, позиции «Единой России». Представители этой партии не очень активны в обсуждении политической повестки; по большинству из ее вопросов они склонны попросту отмалчиваться. Между тем голосами именно этой партии приняты законы, вызывающие бурную реакцию со стороны остальных участников межпартийной дискуссии. Отсутствие выступлений «единороссов» по этим вопросам вовсе не означает, что партия занимает в них нейтральную или отсутствующую позицию.

Второй особенностью «Единой России» является то, что в число ее «спикеров» по вопросам политической повестки могут являться люди, не являющиеся членами партии. Прежде всего речь идет о В. Путине, а также госчиновники, возглавлявшие в 2021 г. федеральный список партии, – С. Шойгу и С. Лаврове. Однако возникает вопрос, во всех ли случаях мнение последних может считаться тождественным мнению ЕР и если не во всех, то в каких именно.

Итоги работы группы ситуационного анализа в рамках проекта «Актуальная политическая повестка России в межпартийной дискуссии» по данным за лето – начало сентября 2023 г. и предполагается изложить на конференции.

Короткова А.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

«УСТОЙЧИВАЯ СИСТЕМА» А. БОГДАНОВА И «ЖИВАЯ КУЛЬТУРА» К. ЛОРЕНЦА

А.А. Богданов – ученый и общественный деятель конца XIX – начала XX в., эпохи значимых научных открытий, появления новых отраслей знания, технологического и экономического развития, общественно-политических переломов. Его теоретические разработки вдохновлялись и одновременно следовали в русле новаторских на тот момент идей: «молодых» теорий Дарвина и Маркса, открытий математики, химии, медицины и пр., он активно заимствовал аппарат и методы точных и естественных наук для изучения

общественных дисциплин. Этот синкретизм сам по себе стал одним из достижений Богданова: его стремления соединить различные отрасли знания, найти общие закономерности во всей окружающей действительности заложили основы в том числе нынешнего понимания системного подхода и теории самоорганизации систем, во многом предвосхитили современные попытки сформулировать «теорию всего».

Богданова не стало в 1928 г., задолго до научного бума второй половины XX в., НТР, освоения космоса и дальнейших событий вплоть до глобализации и изобретения интернета, которые, безусловно, в рамках его теоретических заключений дают богатую почву для размышлений. Не стал он и свидетелем развития таких отраслей естественно-научного знания, которые уже с середины прошлого века смогли если не дать однозначные ответы на многие вопросы, поставленные русским мыслителем, то как минимум восполнить пробелы в общем заданном ряду его рассуждений. Так, некоторые недостающие звенья в этой цепи могут компенсировать достижения современной физиологии, экологии, психологии, этологии – то есть дисциплин, которые также исходят в своих изысканиях из идеи единства (общих законов существования) всего живого и рассматривают человека/человеческие отношения как элемент общей (многомерной) картины реальности.

На идеях одного из исследователей, которые, на наш взгляд, в плане научного синтеза вполне созвучны идеям Богданова, автор данных тезисов сосредотачивает внимание.

Австрийский ученый, один из отцов – основателей современной этологии Конрад Лоренц (1903–1989) – личность весьма неоднозначная, человек поистине сложной судьбы, резких «карьерных» перепадов («пятном» на его репутации считается членство в молодости в рядах НСДАП в период аншлюса Австрии). Тем не менее вклад Лоренца в науку неоспорим. Он автор ряда фундаментальных открытий (впервые описал явления «импринтинга» и «экспедиционного бешенства», в рамках исследований внутривидовой агрессии разработал модель механизма ингибирования насилия у человека и др.). Как любой крупный ученый Лоренц имеет своих критиков и даже идейных противников среди коллег-этологов. Но сам характер этой критики свидетельствует о сохраняющемся авторитете исследователя.

Этология изучает поведенческие закономерности, свойственные *всему* живому. Лоренц и его группа исследовали особенности, которые накладывает на поведение особи и вида (и у животных, и у человека) *социальная* среда (видовое окружение), роль в этом формировании исключительно физиологических особенностей и **взаимозависимость социального поведения, когнитивных способностей и физиологии** у представителей разных видов.

Убежденный и последовательный эволюционист Лоренц рассматривал человека как один из «прочих равных» населяющих Землю видов, включенный в комплекс систем различного уровня, образующих общий устойчивый планетарный гомеостаз. Человеческая культура (многообразие культур) в его представлении сама является живой сбалансированной системой, приспособительные функции которой обеспечивают ее распространение и воспроизводство. Ученый плодотворно работал на стыке биологии и философии, исследуя проблемы возникновения понятийного мышления. Поэтому неудивительно, что многие поднятые им вопросы «совпали» с богдановскими.

Лоренц обращался к вопросам продолжения эволюции *Homo sapiens*¹. Он не только не считал этот процесс незавершенным, но приводил доказательства генетического изменения человека в условиях современного мира, в чем усматривал серьезные опасности для людской популяции в целом. На развитие человека, по Лоренцу, влияют два тесно связанных, но различных типа процессов: медленные эволюционные трансформации (*доместикация*) и стремительные социокультурные. Разница в их темпах создает разрушительный диссонанс, способный дестабилизировать социумы, провоцируя при худшем сценарии видовое «самоубийство». Огромное значение ученый придавал задаче

¹ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Сборник трудов. Sweden, Philosophical arkiv, 2016. 635 с.

научного и практического различия филогенетически запрограммированных и обусловленных культурой норм поведения, поскольку при их патологических нарушениях (в том числе социальных катаклизмах) показаны совершенно разные «терапевтические» меры. Лишь путем балансировки двух процессов будет достигнут видовой гомеостаз (ср. «устойчивое состояние системы» Богданова), и способы его достижения австрийский исследователь подробно изложил в своих трудах.

Корюшкин А.И.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

«НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА» В США: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Идея «новой политической науки», обусловленная глубокими социальными и технологическими изменениями, пронизывает всю историю современной политической науки в США. Уже в начальный период формирования и развития американской политической науки последней трети XIX века, в условиях трансформации политической системы США, среди американских политологов преобладало представление о том, что сравнительно-исторический метод, особенно в его сциентистской интерпретации, имеет статус научного. Будучи поражены достижениями естественных наук, они верили, что обретение истинного знания в политической сфере возможно посредством применения образов мысли и методов исследования, которые эффективно продемонстрировали свою мощь в таких областях, как физика и биология. «Приверженность сциентизму плюс вера в то, что политическое аналитически и в какой-то степени эмпирически выделимо из общего социального поля, плюс наличие институтов и ресурсов, необходимых для постижения научного знания о политическом, – всё это составило основу новой американской политической науки». ¹ В первые два десятилетия XX века американская политическая наука, в значительной мере приверженная идеям прогрессизма и демократии, продолжала развитие своей научной идентичности как в рамках эмпирико-реалистической трактовки сравнительно-исторического метода, так и в более широких рамках исследования на базе эмпирического наблюдения политики, техники опросов и измерений политических процессов. В этот период «политическая наука понималась как практическая наука. Каждый значимый аргумент в пользу установления научной чистоты и объективности имел, прежде всего, инструментальный характер утверждения идеи о том, что авторитет знания вправе претендовать на политический авторитет». ²

Однако когда в ходе первой в истории мировой войны науки, порождающие власть (естественные и точные науки), превзошли в своей мощи науки, контролирующие власть (социальные и гуманитарные науки), американские политологи, и прежде всего Чарльз Мерриам как основатель и глава Чикагской школы политической науки, приступили к радикальному пересмотру эпистемологических и методологических оснований политических исследований с целью более значимых результатов в разработке теории политики и внедрения ее результатов в политическую практику, что обеспечило бы, по мнению Ч. Мерриама, сформулировавшего задачу создания «новой науки о политике», «сведение к минимуму негативных последствий человеческих действий, высвобождение политических возможностей в человеческой природе, возможность избегать войн и революций, способность преодолевать распри между индивидами и классами». ³

¹ *Waldo D.* 1975. *Political Science: Tradition, Discipline, Profession, Science, Enterprise*. In: *Handbook of Political Science*, Vol.1: *Political Science: Scope and Theory*. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading, Massachusetts: Allison Wesley Publishing Company: 1-130 (p. 28)

² *Monroe, K., Almond, G., Gunnell, J., Shapiro, I., Graham, G., Barber B., Shepsle, K., Cropsey, J.* 1990. *The Nature of Contemporary Political Science: A Roundtable Discussion*. *PS: Political Science and Politics*, 23 (1): 34-43 (p. 36)

³ *Merriam Ch. E.* 1925. *The New Aspects of Politics*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 253 (p. XVI)

Вместе с тем, его призыв сфокусировать развитие такой науки о политике на политическом поведении был реализован лишь после Второй мировой войны, в ответ на новые социальные и технологические вызовы, в рамках бихевиоральной революции в американской политической науке в 1950-1960 годы. Основная методологическая идея бихевиорализма состояла в том, что единообразия в политическом поведении могут быть обнаружены и выражены в виде обобщений, и что такие обобщения должны тестироваться наблюдаемыми формами политического поведения, такими, как голосование, общественное мнение или процесс принятия решений. Главным, что отличает новую, поведенческую политическую науку от старой, традиционной, утверждал Д. Истон, является новая, эмпирическая политическая теория, которая стремится быть аналитической, а не содержательной, скорее объясняющей, чем этической, более общей и менее частной.

Однако такая, позитивистски ориентированная версия возникшей при этом в США политической науки стала заложницей своей методологии, которая, предполагая ценностную нейтральность своих исследований, обнаружила тенденцию утраты контакта со своей онтологической основой, с политикой. Именно такая, аполитичная политическая наука в США этого периода и явилась причиной возникновения в 1967 году в Американской ассоциации политической науки «Движения за новую политическую науку», в 1970-е годы ставшего официальной секцией в структуре этой Ассоциации под названием «Новая политическая наука» и вот уже 50 лет издающая свой научный журнал «New Political Science».

Коряковцева О.А.
(ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ: РОЛЬ ВЛАСТИ

Модернизационные процессы во всех сферах российского общества сегодня являются важнейшими факторами, определяющими политику государства, и, в первую очередь, политику, связанную с формированием гражданской позиции личности, с современными технологиями воспитания подрастающего поколения, развития патриотизма и любви к своей Отчизне. Разрушение традиционно сложившейся системы ценностей, стереотипов мышления и поведения, утрата мировоззренческих ориентиров реальностью становится самостоятельная, активная и конкурентоспособная личность, которая вынуждена самоопределяться в условиях «кризиса идентификации». Особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности, которая является основой будущего государства.

Мы ответственно считаем, что сформированная гражданская позиция современного молодого поколения россиян станет главным индикатором стабильности государства. В ситуации явных и скрытых трансформационных процессов, происходящих в России, без граждан со сформированной гражданской позицией нельзя говорить о стабильном развитии государства и, безусловно, невозможно противостоять современным мировым вызовам.

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9.11.2022 г. положил начало новому периоду, когда вопрос об общероссийской гражданской идентичности, о патриотизме поднят уже на все уровни власти, актуализирован, конечно, в научных и общественных сообществах.

При всех позитивных тенденциях, происходящих сегодня в стране, формирование гражданской позиции и воспитание патриотизма у подрастающего поколения находится только в начале пути. Появление новых должностей - проректоров по воспитательной работе в вузах, помощников директора школы по воспитанию и структур наставников в

школах и СПО – это новые организационные шаги. Обязательное исполнение гимна и поднятие российского флага – это тоже новшества, которые необходимо использовать, но не навязывать подрастающему поколению россиян. Эффективность этих механизмов сегодня сложно предсказать, пока система формирования общероссийской гражданской идентичности станет ответственностью не только институтов гражданского общества, но и власти. Необходимо осмысливать формы проведения процедур, мероприятий и событий, которые должны заработать на решение данной проблемы. Нужна постоянная системная работа, объединяющая деятельность государственных органов и гражданских институтов.

*Косыгина К.Е.
(ВолНЦ РАН, Вологда)*

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ КРУПНЫХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ: ОСОБЕННОСТИ, БАРЬЕРЫ, МЕХАНИЗМЫ¹

В научной литературе существуют несколько основных подходов к изучению местных сообществ и их роли в развитии территорий. В классической теории локальные сообщества интерпретируются с точки зрения «консолидированной местности». Подразумевается место, характеризующееся однородной социальной структурой, где большинство людей обладают одинаковыми возможностями и находятся в схожих условиях жизнедеятельности (Тыканова, Хохлова, 2014; McKnight, 2016). Вопросы функционирования местных сообществ можно рассматривать с позиции концепции социального капитала, изучающей особенности социальной жизни – сети, основанной на доверии и нормах. Она содержит предпосылку, что люди «встроены» в сеть социальных отношений, влияющих на решения и действия (Putnam, 2000). К вопросам развития местных сообществ обращается теория гражданского участия. Гражданское участие рассматривается как инструмент развития сообществ (Staples, 2012; Уханова, 2022). Исследование выявило несколько подходов и концепций, которые могут быть использованы для более глубокого понимания данного феномена. В обобщенном смысле «местное сообщество» означает группу взаимодействующих людей, совместно проживающих на одной территории. Следовательно, основные признаки местного сообщества – это общность людей (население); единое пространство или место; общие интересы, условия жизни; связи, взаимодействие или общение.

Выявлены особенности характерные для местного сообщества малых городов посредством сравнения с крупными населенными пунктами на основе массива данных социологического опроса, проведенного в Вологодской области в 2021 году, 1550 респондентов. В малых городах местное сообщество в большей степени ориентировано на развитие территорий и осознает свою ответственность, чем в крупных городах региона. Выявлены более высокий потенциал и уровень участия в инициативах у местного сообщества малых территорий. Практически по всем практикам доля участвующих в малых городах выше, чем в крупных. Определено, что значимым барьером к вовлечению населения в процессы решения проблем места проживания выступает отсутствие опыта коллективной работы. Субъективные оценки показали, что основными акторами территориальных изменений являются органы управления и местное сообщество, а бизнес практически не несет ответственности за развитие территорий.

В качестве перспективных направлений в преодолении этих барьеров рассматриваются институализированные механизмы участия местного сообщества в

¹ Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-01587 «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества».

развитии территорий: инициативное бюджетирование и проектная деятельность в рамках работы некоммерческих организаций.

Рассмотрение итогов реализации практики инициативного бюджетирования в Вологодской области «Народный бюджет» показала положительную динамику показателей: проектом охвачены практически все основные вопросы местного значения поселенческого уровня, однако приоритет остается за благоустройством территорий; увеличивается количество, участвующих поселений и проектов, получивших поддержку; наблюдается рост суммы субсидий из регионального бюджета; повышается доля жителей Вологодской области, вовлеченных в процесс.

Установлено, что внутри региона существует определенная диспропорция относительно представительства некоммерческих организаций, выступающих объединяющим каналом для деятельности местного сообщества в направлении развития территорий: концентрация в крупных городах и сужение их представительства в малых городах и муниципалитетах. Однако выявлено, что механизм проектной деятельности НКО является дополнительной возможностью привлечения финансовых ресурсов на внебюджетной основе в социальную сферу малых территорий с участием местного сообщества и эффект подобной деятельности позволит закрыть часть проблем развития этих территорий.

Таким образом, разработка и внедрение механизмов участия местного сообщества в развитии и принятии решений на местном уровне является перспективным направлением. Это позволит не только преодолеть барьеры и диспропорции, но и достичь большего социального эффекта, привлекая широкий круг местных жителей к созданию благоприятной среды и комфортных условий жизни на территории.

Литература

1. *Тыканова Е.В., Хохлова А.М.* Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
2. *Уханова Ю.В.* Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. – 255 с.
3. *McKnight M., Sanders S., Benjamin G., Brown R.* Communities of Place? New Evidence for the Role of Distance and Population Size in Community Attachment. *Rural Sociology*, 2016, 82 (2).
4. *Putnam R.D.* Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2020. – 541 p.
5. *Staples L.* Community Organizing for Social Justice: Grassroots Groups for Power. *Social Work With Groups*, 2012, 35, 287–296. DOI: 10.1080/01609513.2012.656233.

Кочетков А.П.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В последние годы в мире произошли серьезные изменения, которые существенным образом повлияли на положение России. С одной стороны, США и его союзники в лице коллективного Запада предпринимают максимум усилий для того, чтобы сохранить свое доминирование в мире и не допустить установления многополярной модели международной безопасности. С другой стороны, возросли конкурентные возможности ряда незападных государств, в том числе и России, которые предпринимают попытки построить более справедливый многополярный мир вместо «неравновесной модели»,

основанной на разграблении и сдерживании развития государств, в первую очередь, Азии, Африки и Латинской Америки.

Развитие ситуации в первые десятилетия XXI века свидетельствует о том, что перспективы развития России как суверенного государства во многом зависят от четко выстроенной собственной стратегии, от способности государственной власти проводить политику, отвечающую нашим национальным интересам, военной и внешнеполитической безопасности России.

Какие кардинальные изменения необходимо осуществить во внутренней и внешней политики России, чтобы укрепить позиции России в новых политических реалиях?

Внутренняя политика

1. России в кратчайшие сроки необходимо завершить модернизацию своей экономики. Модернизацию и тем более переход к цифровому правительству невозможно провести без серьезных инвестиций в экономику. Отсутствие внешних инвестиций должны заменить внутренние инвестиции.

Основные доходы государства надо не откладывать в различные российские зарубежные фонды, которые служат только средствам «затыкания дыр в бюджете» в случае возникновения проблем в экономике и работают не на российскую экономику, а поддерживают экономику других стран. Оставить необходимый минимум резервов, а основную часть доходов отдать на внутренние инвестиции при жестком контроле за их использованием.

2. Без внутренних инвестиций не решишь и другой важнейший вопрос – кадровый. Сегодня в России не хватает квалифицированных кадров во всех важнейших отраслях экономики, особенно в отраслях информационных технологий. Речь идет не только о материальном обеспечении специалистов в соответствии с их квалификацией. Важно обеспечить их необходимым современным оборудованием для проведения исследовательских и производственных работ, создать все условия для работы и тем самым предотвратить отток наших специалистов за рубеж.

3. Сегодня крайне важно, чтобы все граждане России понимали, что развитие нашей страны в современных условиях невозможно без учета ее исторических, социокультурных особенностей, традиций и нравственных основ (необходимо конкретизировать эти особенности, традиции и нравственные основы).

Внешняя политика

Исходя из прагматического подхода к существующим в современном мире реалиям, Россия впервые за постсоветский период отказалась от установки на безусловное сотрудничество со всеми странами мира без учета своих национальных интересов. В новой концепции внешней политики России 2023 года провозглашен дифференцированный подход к отношениям с разными странами в зависимости от того, насколько дружелюбно или недружелюбно они относятся к России.

Теперь наша страна позиционирует себя как строителя нового справедливого мира, свободного от американской гегемонии, делает ставку на сотрудничество в Евразии и прямо указывает на своих партнёров, союзников и недоброжелателей. В новой концепции внешней политики России 2023 года определен список приоритетных партнёров на международной арене: Абхазия, Южная Осетия, члены Евразийского экономического союза и СНГ. Основными противниками России на международной арене признаны США и страны коллективного Запада.

Сегодня для России необходимо формирование независимой от недружественных государств международной платёжной инфраструктуры и развитие практики использования национальных валют в расчётах с союзниками и партнёрами.

В целом, *основными стратегическими целями внутренней и внешней политики России в условиях новой политической реальности являются безопасность, суверенитет, территориальная целостность, создание конкурентноспособной инновационной экономики и благоприятных внешних условий для развития России.*

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Политическая наука с самого своего зарождения в междисциплинарном поле социологии и философии находится в постоянном поиске инструментов исследования. Сложно выделить методы современной политологии, которые не были бы позаимствованы из других наук. Дискурс-анализ, сетевой анализ, факторный анализ, контент-анализ, институциональный анализ – все это заимствования из лингвистики, социологии, экономики и других наук. Одним из самых заметных исключений, наверное, стоит выделить стоящую особняком сравнительную политологию. Сама по себе компаративистика не может быть названа чем-то уникальным, но всё же историки политической науки прослеживают её генезис внутри предметного поля именно политологии.

В данном контексте представляется разумным обратиться за новыми методами политического анализа к не менее комплексной чем политология дисциплине, а именно к политической экономии. В случае политической экономии имеет смысл говорить о некотором роде синтеза методологических оснований и предметного поля социологии, экономики и политологии. В качестве ключевых вопросов данного направления можно выделить: поиск детерминат макроэкономического роста, изучение причин и последствий экономического неравенства (как на уровне социальных групп или классов, так и на уровне неравенства целых стран), а также анализ взаимосвязей экономических и политических институтов.

Важно отметить, что говорить о методологическом единстве школ политической экономии было бы чрезмерным допущением. На современном этапе представляется разумным говорить о существовании двух наиболее заметных традиций политической экономии: марксистской и неоинституциональной.

Если же задаться целью кратко охарактеризовать вышеприведенные направления, то перед читателем предстанет следующая картина. Марксистская политическая экономия закономерным образом сконцентрирована на противоречиях экономически детерминированных социальных групп (классов) и трактует государственные институты как один из инструментов этой борьбы. Именно данную традицию можно усмотреть в шуточной дихотомии «борьбы телевизора против холодильника», как борьбы экономических детерминант, подталкивающих к классовому самосознанию и обострению социальных противоречий, против надстроечной системы государственной пропаганды, пытающейся в интересах правящего класса сохранить статус-кво. Любопытно, что на уровне международных отношений марксистскую политэкономическую традицию представляет мир-системный анализ. Вопросы собственности (особенно средств производства) и неэквивалентности обмена на рынке труда и в международной торговле имеют принципиальную значимость в столь присущем марксизму экономикоцентризме.

Неоинституциональная школа политической экономии, наоборот, ищет причину экономического неравенства целых стран в позитивной или негативной роли политических и экономических институтов. Специфика таких исследований может быть весьма обширна. Так, можно исследовать разницу климатических условий колоний Испании и Великобритании для объяснения разницы генезиса их политических и экономических условий, а через это и разницу в экономическом развитии современных стран Северной и Южной Америк.

Таким образом, выбор между направлениями политической экономии может осуществляться исходя из задач, которые стоят перед исследователем. Подобная методология предполагает рассмотрение проблемы с позиции классового подхода и

экономического детерминизма. Структура занятости, уровень безработицы и экономического неравенства, дисбалансы в темпах развития экономических субъектов, а также в особенности вопросы собственности средств производства – это первое на что стоит обращать внимание в контексте марксистского политэкономического анализа. Соответственно особенно удачно марксистская экономия проявит себя в изучении различных политических конфликтов и ситуаций, когда есть ярко выраженные сторонники и противники статуса-кво.

В свою очередь неинституциональную политическую экономику со сравнительной политологией. Исходя из весьма умозрительной посылки о том, что ни одна из систем институциональной организации не способна в принципе обеспечить универсальный «наилучший путь», неинституциональная политическая экономия более чем критично относится к абстрактным теоретическим положениям и нормам экономической политики, присущим стандартной (или расширенной стандартной) экономической парадигме. Тем не менее, неинституциональная политическая экономия не утверждает и иного: будто все институты априорно наилучшим образом соответствуют обществам, в которых они существуют. Таким образом, она столь же явно выступает и против релятивизма, трактующего культуры и общества, как если бы они были гомогенными, вечными (трансцендентальными, если угодно) сущностями, неспособными к изменениям, противостоящими другим культурам и обществам.

Крайнов С.К.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ДОРОГА РОССИЙСКИХ ПРИЛОЖЕНИЙ

После начала Специальной Военной Операции с территории Российской Федерации ушла часть западных приложений, таких как «Spotify», «Apple Music», другие были заблокированы Роскомнадзором за распространение терроризма на своих площадках. Это привело к освобождению рынка для российских разработчиков, которые воспользовались этим. Учитывая опыт зарубежных стран, в первую очередь Китая, такие изменения и сохранение личных данных граждан в границах государства способствует усилению цифровой безопасности страны, уменьшения зависимости от внешнего разработчика программного обеспечения, децентрализацию рынка программ и искусственную поддержку отечественного бизнеса. Рассмотрим разные категории приложений, которые заменили своих западных конкурентов.

В первую очередь, одним из самых важных приложений стал Rustore, отечественный аналог Google Play. В данное приложение зарегистрировались более 10 миллионов человек, цитируя статистику на 27 февраля 2023 года. Меньше чем за год российский аналог развился от маленького интернет-магазина приложений к ведущему по всей России.

Во-вторых, рост пользовательских возможностей VK. С каждым месяцем 2022 года группа разработчиков добавляла новый функционал, который полностью похож на западные приложения, но собранном в одном приложении. Тем самым, не требуется создавать много разных цифровых аватаров для использования разных услуг, которые предоставляет платформа. Продолжая свое развитие, «VK Видео», на мой взгляд, смогут заменить видео-хостинг «Youtube», вытеснив его с рынка за счет спонсирования отечественных создателей видео и привлечения разной аудитории.

В-третьих, «Яндекс Музыка» с помощью своего алгоритма смогла переманить клиентов с конкурирующей компании «Spotify» ещё до начала СВО. А теперь, не имея практически конкурентов может развиваться, расширяя сферу деятельности, добавляя искусственный интеллект, делая ещё более эффективным свое приложение.

Таким образом, все примеры показывают, что, развивая собственные компании в цифровой сфере, создается интернет-цитат от внешнего влияния на безопасность страны, ослабляется зависимость граждан от иностранного программного обеспечения, усиливается роль и улучшаются технологии внутри страны, что в будущем может привести к выходу на международный рынок сильно развитых технологических компаний, готовых конкурировать с уже утвержденными лидерами рынка. Тем самым, вслед за цифровой безопасностью страны следует и возможность влияния на другие государства, привлечения их на свою сторону с помощью политики «мягкой силы». Отдельно стоит учесть, что без внешнего усилия по уходу с рынка Российской Федерации данная трансформация отечественных аналогов из неизвестных приложений в лидеров рынка была бы долгой, и, наверное, невозможной, за счет их ограниченности на территории нашей страны. Для дальнейшего развития и приобретения новых пользователей необходимо развивать не только подходящую отечественную IT-инфраструктуру, но и развитие собственных кадров, стимулировать появления новых стартапов для создания уникальных возможностей отечественных приложений.

Красавин Д.В.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ТЕОРИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ В ОБЪЯСНЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ: НА ПРИМЕРЕ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА

Санкционный режим, затронувший космическую программу Ирана, был создан на уровне СБ ООН (Резолюция 1929 от 9 июня 2010 г) при активном участии представителей США. Американские политики внимательно следят за результатами космической деятельности Ирана, которая открыто обозначается как угроза национальной безопасности. Причины такой обеспокоенности неочевидны, поскольку Иран разграничивает оборонную и гражданскую отрасли космической деятельности – последняя включает в себя научные миссии и подготовительные мероприятия программы пилотируемых полетов. Повышенное внимание США к запускам ракет с гражданскими миссиями выглядит нетипично – другие государства-соперники не подвергаются аналогичной критике.

Практически любая активность невоенной космической программы Ирана в США сопровождалась заявлениями официальных лиц. Многократное повторение этих заявлений в сумме с дипломатическими усилиями сыграло роль в формировании специфического международного санкционного режима.

Американские политики секьюритизировали космическую программу Ирана, т.е. возвели её в ранг вопросов безопасности.

Понятие «секьюритизация» было введено в научный оборот Б. Бузаном и О. Вэвэром (Копенгагенская школа исследований безопасности), которые понимали под ней *«дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе конструируется понимание чего-либо в качестве угрозы ценному референтному объекту, с целью призыва к срочным и исключительным мерам для борьбы с этой угрозой»* (Buzan, Wæver, O., 2003). Иными словами, *агенты секьюритизации* конкурируют за право формировать повестку безопасности. Они определяют угрозу и выбирают *«референтные объекты»*, т.е. ценные для общества объекты, нуждающиеся в защите. Бузан и Вэвэр уточняют, что дискурс, преподносящий что-то как экзистенциальную угрозу референтному объекту, сам по себе «не создаёт секьюритизацию – это секьюритизирующий поступок. Проблема секьюритизируется, когда аудитория принимает её в качестве угрозы». Теория секьюритизации представляется наиболее точным из возможных концептуальных описаний поведения американских политиков.

В рассматриваемом примере агентом секьюритизации является американское правительство, а референтным объектом, нуждающимся в защите – США, их союзники и другие государства.

С обострением международной обстановки произошло распространение секьюритизирующего нарратива разведывательных служб на американскую дипломатию. Эксперты ЦРУ опасались, что Иран преуспеет в создании межконтинентальной баллистической ракеты, испытания которой будут замаскированы под мирную космическую программу и запуск ракет-носителей (CIA National Intelligence Estimate of Foreign Missile Development and the Ballistic Missile Threat Through, 2002). С 2008 г. по настоящее время американские политики повторяют тезис, изначально высказанный разведкой.

Американский представитель неоднократно отправлял Генеральному секретарю письма об опасности космической деятельности Ирана. Содержащаяся в них аргументация (уже многократно рассмотренная нами выше) позже была использована союзниками США – Израилем, Францией, Германией и Великобританией, которые отправили идентичные документы.

Россия в своём письме заняла прямо противоположную позицию, отметив, что существующие документы не запрещают развитие космической программы, а особенности конструкции иранской ракеты-носителя не делают её способной нести ядерное оружие.

В процессе секьюритизации США обращались к другим международным акторам, в частности – к постоянным членам СБ ООН. С помощью писем и заявлений Штаты пытались убедить своих партнеров в опасности космической программы Ирана точно так же, как это произошло при введении санкций против КНДР. В случае с Ираном этого сделать не удалось по ряду причин.

Во-первых, в отличие от Северной Кореи, Иран не обладает ядерным оружием, что не вносит дополнительного напряжения в ситуацию.

Во-вторых, традиционный консенсус по трактовке текстов резолюций распался. Россия выступила в поддержку Ирана, заявив, что резолюции запрещают испытания МБР, а не ракет-носителей. Однако, случае с Северной Кореей, Россия трактовала идентичные формулировки как запрет на любые испытания. Руководство РФ не воспринимает активность Ирана как *экзистенциальную угрозу*, а потому не присоединяется к *секьюритизирующему нарративу* США.

Применение теории секьюритизации в исследованиях санкционных режимов помогает определить источник инициативы санкций через отслеживание секьюритизирующего нарратива и аудиторию, для которой угроза может показаться экзистенциальной. Инструментарий теории не ограничивается вопросами военной безопасности, это могут быть проблемы миграции, экономики, ценностей (что особенно актуально для санкций, введенных под давлением гражданского общества).

В вышеуказанном случае применение теории секьюритизации помогло выявить ключевое влияние ЦРУ в этом вопросе и объяснить поведение России.

Краснопёров А.Ю.
(НИ ТГУ, Томск)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ РФ

Использование Интернета как средства политической коммуникации сегодня рассматривается как практика, так и исследователями уже не столько с точки зрения важности, сколько очевидной необходимости. Трудно назвать области политического, на которые Интернет (и связанная с ним сетевая форма коммуникации) сегодня не оказывают

влияния. Тем не менее, характер такого проникновения, степень влияния качество коммуникации могут различаться значительно. И не последнюю роль в этом играет позиция субъекта управления, способного выполнять функцию контролера коммуникативных потоков.

В качестве примера обратимся к практике использования Интернета органами власти (субъект управления, функция контролера) для взаимодействия с потенциальной аудиторией (объект управления, в рамках интернет-коммуникации с органами власти вынужден учитывать созданные ей условия) на муниципальном уровне. Автором проведено собственное эмпирическое исследование, предполагающее анализ официальных онлайн-ресурсов (веб-сайты, страницы в социальных сетях) городских администраций и представительных органов власти всех городов, население которых превышает 100 000 человек или являющихся областными центрами: 173 населенных пункта, 280 веб-сайтов и 666 страниц в социальных сетях. Результаты исследования демонстрирует ряд интересных наблюдений.

В части факта использования интернет-ресурсов можно выделить два вывода. Во-первых, социальные сети органами муниципальной власти используются в меньшей степени, чем веб-сайты, при этом предпочтение отдается платформе «VK» (81,4 %), чей показатель значительно превышает показатели других платформ («Одноклассники» – 56,4 %, «Telegram» – 45,6 %, остальные – менее 15 %). Во-вторых, представительные органы власти в среднем в 2 раза реже имеют официальные страницы в социальных сетях по сравнению с администрациями (если сопоставлять количество страниц каждой социальной сети на орган власти).

В части охвата аудитории (предположительно – реакции населения и готовности к коммуникации в предложенном формате) можно выделить три вывода. Во-первых, средний охват населения, проживающего на подведомственной территории исследуемого органа власти, составляет 8,9 %, при этом у администраций – 14,4 %, а у представительных органов – 0,8 %. Во-вторых, вновь наблюдается различие между органами власти разных ветвей – в 18 раз. В-третьих, как ни странно, наибольший охват происходит посредством веб-сайтов (считались посетители), а не социальных сетей (считались подписчики). У последних показатели значительно ниже, от 3 до 1500 раз, в зависимости от платформы, а уровень вовлеченности (ER), рассчитанный для страниц «VK», едва достигает 5,7 % от количества подписчиков. Столь низкий охват, который даже ниже, чем уровень явки на выборах, говорит о незаинтересованности населения в предложенной (читай – администрируемой) форме коммуникации с властью через Интернет.

Наконец, в части предлагаемого функционала онлайн-взаимодействия, который частично может объяснить низкий интерес со стороны населения, официальные ресурсы органов власти предлагают: мониторинг и получение информации (100 % всех веб-сайтов); влияние на повестку дня, то есть подачу петиций, формирование инициатив, создание какого-либо контента (5 %); участие в принятии решений в формате голосования или краудсорсинга (7,1 %).

Как видим, работа в Интернете для большинства органов муниципальной власти сводится к информированию населения о своей работе. Лишь немногие органы власти задействуют другие функции. Как результат, население не проявляет большого интереса к коммуникации такого рода. Выявленный подход актуализирует ряд проблем: эффективность информационной работы органов власти, эффективность управленческой деятельности, (не)управляемость политической коммуникацией и повесткой дня, развитие гражданского общества и демократизация.

Интернет – лишь средство, которое нужно не просто использовать, но использовать правильно. На взгляд автора, в условиях меняющегося мира, органам власти следует пересмотреть свою информационную политику в сторону большей открытости и уплотнения связей с аудиторией/пользователями, учитывая особенности работы в сетевых структурах.

ТЕОРИИ СУВЕРЕНИТЕТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Понятие «суверенитет» чаще всего используют в трёх основных значениях: как юридическое обоснование, как описательное утверждение и нормативную теорию. С точки зрения изучения они являются объектами научного анализа, их использование в соответствии с прямым назначением позволит на их основе классифицировать известные на сегодняшний день теории суверенитета.

Понятие суверенитета в науке одно из самых неоднозначных и вызывает споры среди учёных прошлого и настоящего. Причиной, в первую очередь являются смежные понятия схожей категории такие как государство, власть, авторитет, право, политика, каждое из которых имеет ряд научных трактовок. Понимание природы вышеупомянутых понятий есть ключ к анализу центральной категории данного исследования – суверенитету.

Решение вышеупомянутой научной проблемы лежит в плоскости нескольких дисциплин, что подразумевает более широкий инструментарий, чем предоставляет каждая из них. Чтобы каким-то образом организовать существующие теории, нужно сосредоточиться на смысловых рамках теорий суверенитета, не вдаваясь в детальное изучение самого термина, его историю формирования и методологию.

Первое, что возникает на пути упорядочивания теорий суверенитета это их двойственная природа, а именно наличие противоположных друг другу подходов – описательного и нормативного. Термин, как и вышеупомянутые подходы имеют правовую природу, из этого можно сделать вывод, что сущность суверенитета проявляется в конституционном и международном праве. В данном контексте подразумевается и политическая составляющая, которая в свою очередь может трактоваться как результат (эмпирическая составляющая) и как то, что подразумевалось под результатом (нормативный аспект).

Логично полагать, что предписанные нормы права и их непосредственное соблюдение объектами регулирования часто имеет сильные расхождения. В таком случае нарушение нормы права является сопоставлением предписанного поведения с фактическим, и носит относительный характер, где их абсолютное совпадение является эталонным и практически нереализуемым.

В рамках построения классификации можно выделить две точки зрения, наиболее часто представленные в теориях суверенитета. Первая основывается на элементах анализа. В её рамки органично вписываются два понимания: когда суверенитет представлен как нечто находящееся внутри страны и когда суверенитет принадлежит суверенному государству. Вторая точка зрения основывается на качественном содержании теорий суверенитета. По данному критерию они подразделяются на описательные, которые анализируют существующую ситуацию и нормативные, которые анализируют ситуацию с точки зрения действующих норм. Комбинация двух вышеописанных взглядов образует четыре эталонных модели, в соответствии с которыми возможно распределить теоретические подходы к пониманию суверенитета.

Описательные теории суверенитета, работающие внутри страны.

Главным общим признаком данных теорий является поиск *места расположения* суверенитета, а также института власти, который является *суверенным по отношению к прочим* её субъектам и акторам. Как правило, прямо или косвенно эта информация отражена в текстах основных законов, хотя этот факт не исключает некоторую степень неоднозначности.

Нормативные теории суверенитета, работающие внутри страны.

Данную группу теорий можно условно объединить ответами на вопросы в какой части политического субъекта *предписано* находиться суверенитету и какому институту

власти *предписывается* больший по отношению к другим институтам суверенитет? Важным отличием от принципа, объединяющего предыдущую группу теорий, является фокусировка на предписываемом, а не на описании действительного.

Описательные теории суверенитета, работающие в рамках страны.

Понимая государство как нечто целостное, эти теории отвечают на вопрос: какие формы объединений *являются* суверенными? Данный вопрос применим и к другим описательным теориям суверенитета, но несмотря на это, ответы на него будут различаться так же, как разделяется сам суверенитет на правовой и политический.

Нормативные теории суверенитета, работающие в рамках страны.

Принципиальным отличием от предыдущей классификации является вопрос: какие формы объединений *должны быть* суверенными? Распространённым ответом на этот вопрос является ответ, что суверенным должно быть государство. Но если вспомнить, суверенитет является одним из признаков любого государства по умолчанию. В связи с этим, большую важность приобретают аргументы в пользу этого утверждения, чем само утверждение.

Резюмируя вышеописанные критерии разделения теорий суверенитета, можно заключить, что теории, работающие внутри страны нацелены на определение источника суверенитета среди государственных институтов. В то время как вторая группа теорий, работающих в рамках страны сконцентрирована на поиске суверенных форм государственности.

Кротков В.О.
(ГАУГН, Москва)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ – АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ¹

Цель настоящей статьи связана с выделением некоторых аспектов, которые проблематизируют в практической плоскости категорию «цифровой суверенитет».

Многие десятилетия и века понятие «суверенитет» коррелировало со статусом национального государства, как основного института управления общественными процессами и субъекта, который через волю политической элиты позиционирует на международной арене. Суверенность во многом была тождественна независимости от подобных акторов политического пространства и оценивалась степенью контроля со стороны политического класса за различными сферами общественной жизни на определенной территории. Другими словами, критерий локации считался ключевым в оценке суверенности того или иного государственного образования.

Но период глобализации, который начался с 1970-х гг. стал эпохальным с точки зрения проверки на суверенную прочность. Капитал, информационные потоки, ценностные и идеологические установки, многие инструменты экономического и политического влияния стали трансграничными. Само понятие «информационное общество» о многом говорит. Роль ТНК, в том числе информационного профиля, стала рассматриваться всеми национальными и наднациональными субъектами как ключевой фактор собственного развития, а также сдерживания, ограничения для конкурентных акторов. Как отмечают Т.А.

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (123022000042-0).

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the FZNF-2023-0004 project – «Digitalization and formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects» (123022000042-0).

Кулакова и А.В. Волкова: «Компания Facebook¹ имеет аудиторию 2,8 млрд человек – 60 % всех имеющих выход в интернет, ее влияние на сознание и поведение практически всеохватно, поскольку миллиарды граждан империи М. Цукерберга строят отношения, бизнес, живут по придуманным им правилам»². Отмеченные аспекты неразрывно связаны и с тематикой легитимности. Многие политические акторы национального уровня являются менее легитимными для общественных групп, чем бизнес корпорации, информационные гиганты, «институты третьего сектора», услугами которых пользуются миллиарды жителей. Контроль, управление, канализация информационных пространств являются ключевой задачей для политических и экономических субъектов. В противном случае возникает девальвация формального суверенного статуса. Поэтому, с точки зрения информационного суверенитета можно констатировать, что абсолютное большинство государственных акторов международных отношений им не обладает, а значит, имеет зависимость от более влиятельных и информационно-ресурсных субъектов, специфика которых заключается в экстерриториальном режиме функционирования и сетевом характере управления. Идентификация подобной субъектности (экосистем) является одним из сложных методологических вызовов³.

Отмеченная межсубъектная асимметрия, как правило, определяется через такие категории как: «информационная (гибридная) война», «кибер-атака», «цифровой конфликт», «цифровая империя» и др.

В теоретико-методологическом контексте можно выделить несколько актуальных подходов, которые по-разному идентифицируют цифровой суверенитет. Одни исследователи придерживаются точки зрения, что в современных глобальных отношениях данное понятие не носит смысловую нагрузку, так как де-факто обеспечить рассматриваемый суверенитет большинство государств не может, а значит надо априори исходить из перманентного внешнего влияния конкурентных акторов государственного, околосударственного, квазигосударственного, частного, частно-государственного и иных организационных форм. Иной взгляд интерпретирует анализируемую проблематику в относительном контексте. Т.е. любой национальной элите необходимо бороться за собственный цифровой суверенитет, создавая национальные платформы, сервисы, данные с их защитой, информационные среды и т.д., что в определенной степени демонстрируют российский, китайский и иные кейсы. Но этот подход на практике приводит к относительному цифровому суверенитету, так как полностью создать национальный информационный пузырь не представляется возможным. Сторонники третьего подхода – национального капсулирования исходят из того, что модель автаркии (Северная Корея) не может привести к технологическому и социально-экономическому развитию, но позволяет удерживать суверенную политическую власть. Соответственно, любые ограничительные меры и запреты выступают в роли основного инструментария для элит, но с очевидными издержками для общества.

Можно утверждать, что современная иерархия в международных отношениях покоится, в том числе, на информационной асимметрии, которую преодолеть крайне сложно с правовой, технической, политической, идеологической, управленческой и иных позиций.

¹ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в РФ.

² Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, № 1. С. 96

³ Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности // Постсоветский материк. 2022. № 2. С. 12-20.

ГЛУБОКАЯ МЕДИАТИЗАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА¹

Понятие медиатизации, фиксирующее происходящие в обществе изменения в связи с развитием медиа, используется в работах исследователей уже несколько десятилетий. Однако в последние годы теоретики, объединив исследовательские наработки из различных дисциплин с целью анализа взаимосвязей между медиа и обществом, подчеркивают, что данным термином можно обозначить «сдвиг парадигмы» как в теории медиа и коммуникаций, так и в общественных науках в целом, поскольку в современном медиатизированном мире медиа рассматриваются не исключительно как инструменты или средства коммуникации, а как вполне самостоятельный институт, как всепроникающий фактор, преобразующий социально-политические процессы. В этом контексте под медиатизацией мы можем понимать непрерывно и объективно происходящий всеохватный процесс взаимовлияния медиа и общества, приводящий к трансформации способов социального взаимодействия и институциональных практик.

К середине 2010-х гг. произошло насыщение исследовательского поля рядом как теоретических, так и эмпирических экспертных разработок: в исследованиях медиатизации сформировались три подхода к пониманию самого термина (материальный (технологический) и культурологический (социально-конструктивистский)), каждый из которых отличался соответствующим способом концептуализации медиа: как социального института, как материальной технологии и как конструирующего элемента коммуникативных практик – подобная разноплановость обеспечила оформление фундаментальной основы для комплексного исследования взаимосвязей между медиатеchnологиями и социально-политическими процессами.

Стоит отметить, что исследование современных особенностей развития медиатизации почти невозможно вне учета трансформационных процессов, происходящих в контексте цифровизации и датафикации. Так, некоторые исследователи (Н. Коулдри, А. Хепп), выделяя хронологический ряд «волн» медиатизации (в качестве критерия были выбраны различные формы медиа, определяющие функционирование медиасреды и находящиеся в центре общественно-политических изменений), в качестве последней волны медиатизации обозначают дигитализацию (цифровизацию), в основе которой находится развитие интернета как связующей инфраструктуры, трансформировавшейся из закрытой и финансируемой государственными институтами сети в коммерциализированное пространство повседневных практик. В свою очередь, с данной «волной» медиатизации связано появление феномена глубокой медиатизации (*deep mediatization*), позволяющего концептуально описать комплексные процессы, возникновение которых связано с датафикацией и увеличением распространения в обществе медиа, которые основаны на технологиях и поддерживают постоянно возрастающее количество различных социальных сфер (*social domains*). Другими словами, мир в условиях глубокой медиатизации можно описать через сложноорганизованное медиамногообразие, где «ансамбли медиа» с помощью коммуникативных практик связаны с коммуникативными фигурациями человеческих акторов.

В этом контексте, на наш взгляд, особое внимание стоит обратить на активность глобальных интернет-компаний как формирующихся субъектов политического влияния: принадлежащие данным акторам цифровые платформы ввиду их мультифункциональности способны образовывать «фигурации фигураций», т.е. быть связанными сразу с несколькими коммуникативными фигурациями, а значит – с более обширным количеством

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (Гос. задание ФНИСЦ РАН на 2023 г.) по теме: «Посткризисные инновации в сфере поддержания внутренней безопасности России».

людей, что в свою очередь, позволяет этим компаниями контролировать и анализировать огромный массив пользовательских данных, управляя осуществлением политической коммуникации. Учитывая, что глобальные интернет-компании, располагаются преимущественно на территории США и, соответственно, подчинены местной нормативно-правовой базе, предоставляемые ими цифровые платформы выступают в том числе и как поле информационного противостояния.

Таким образом, глубокая медиатизация, представляя собой новый и противоречивый этап развития медиатизации, в ходе которого цифровые медиа и инфраструктуры, лежащие в их основе, проникают во все элементы общественной жизни, характеризуется в том числе и вращением социально-политических акторов в цифровые инфраструктуры, находящиеся под управлением глобальных интернет-компаний, действия которых способны катализировать изменения, происходящие в условиях глобальной турбулентности и поставить под угрозу цифровой суверенитет национальных государств.

Кудряшова И.В.
(МГИМО МИД России, Москва)

ИМПЕРСКИЕ ФРОНТИРЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Как формируются режимы управления бывшими имперскими фронтами в национально-территориальном государстве? До настоящего времени политическое своеобразие этих пространств, представлявших собой контактные зоны приграничья, проявляется в многочисленных конфликтах с центром, в том числе в форме сепаратизма. Это в значительной степени обусловлено различиями в механизмах функционирования протяженной империи и национального государства. Для евразийских империй территориальное расширение означало не разрушение власти местных правителей, но поддержание статус-кво и инкорпорацию; с народами фронтиров, вовлекаемых в обеспечение имперской безопасности на дальних рубежах, имперское ядро стремилось заключать соглашения, одновременно формируя их идентичность через продвижение своих культурно-политических символов, правил и практик¹.

В случае национального государства политика по отношению к бывшим фронтам определялась иными целями, главной из которых была консолидация центра и границ, что требовало нового политического курса. Включение населения фронтиров в национально-государственное строительство обеспечивалось как неформальными договоренностями и патронажем, так и силовым принуждением. Недостаток ресурсов для патронажа приводил к открытым конфликтам за распределение ресурсов и полномочий. Эти конфликты осложнялись при отсутствии в составе национальных государств бывшего имперского ядра, имевшего институционализированный опыт взаимодействия с фронтами.

Примером длительных насильственных конфликтов между центром и глубокой периферией (фронтами) могут служить Косово, Сирийский Курдистан и Иракский Курдистан. И кланы албанского севера, и курдские племена сохраняли в османский период высокую автономию от центра и имели собственные вооруженные формирования. В дальнейшем попытки инкорпорировать их в национальное государство не имели большого успеха: в первом случае это связано с тем, что социалистическая система (СФРЮ) не трансформировала, а скорее консервировала институты традиционных обществ, во втором – с институциональной и идентичностной слабостью, созданных в период мандатного управления арабских национальных государств. С развитием процессов глобализации и демократизации после распада СССР набор инструментов и ресурсов авторитарного

¹ Hopkins B.D. Ruling the savage periphery: frontier governance and the making of the modern state. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. P. 6-7.

контроля стал сокращаться, а проницаемость границ и внешнее давление – расти, что потребовало корректировки режимов управления этими территориями со стороны центра.

В Ираке новая институциональная рамка интеграции этноконфессиональной периферии, как территориальной, так и функциональной, была зафиксирована в конституции 2005 г., принятой под давлением США после свержения режима С. Хусейна. Среди прочего она включала закрепление ислама в качестве государственной религии, установление демократических принципов власти, имплементацию парламентской системы со слабым премьером, асимметричный федерализм. Широкая автономия курдского региона и негласное соблюдение центром этноконфессиональных квот при распределении должностей привели к относительной стабилизации отношений центра и бывшего фронта после длительного военно-политического кризиса.

В Сирии де-факто последним проектом государственного и национального строительства стало создание неопатримониальной системы при президенте Х. Асаде. Временная консолидация была достигнута посредством взаимовыгодного компромисса между алавитским военным командованием, суннитской экономической элитой и племенами¹. Истощение ресурсов центра привело к протестам 2011 г., радикализации оппозиции и гражданской войне. Остановить распад страны удалось благодаря вмешательству в конфликт внешних центров, однако противоречия между ними позволяют Дамаску отказываться от предлагаемых реформ (в частности, федерализации).

В случае Косово начавшаяся дезинтеграция СФРЮ остановила развитие экономики края, куда бюджетные средства ранее направлялись в приоритетном порядке. Ослабление центра привело к росту сепаратизма, вооруженному конфликту и возвращению косовских албанцев к традиционным формам организации власти. Трансплантированные под международным контролем парламентская система, многопартийность и другие институты только по форме напоминают исходные модели и поддерживают патронаж и nepотизм².

Таким образом, в случае бывших фронтиров имперское наследие продолжает влиять на функционирование режимов управления, а предлагаемые внутренними или внешними центрами институциональные решения становятся рабочими только при учете интересов неформальных структур.

Кузина С.И.

(ДГТУ, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону)

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Российское государство продолжает строить свою цивилизационную самостоятельность, которая зависит от многих факторов, влияющих на ее политическую систему. Одним из таких факторов является сохранение ценностей демократии, конкуренции, свободы выбора в демократической избирательной системе страны. Благоприятной средой для такого развития является взаимодействие гражданского общества и власти, обеспечивающее демократические механизмы формирования представительных органов власти всех уровней. За прошедшие десятилетия строительства новой общественно-политической системы страна накопила большой опыт политического участия граждан (электората) в выборном процессе.

Электоральная демократия отражает суть процесса построения избирательной системы современного государства. Она означает, что отношения власти и народа

¹ *Козинцев А.С.* Борьба за государство: сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. 2018. № 4. С. 223-240.

² *Elbasani A., Sabic S.* Rule of law, corruption and democratic accountability in the course of EU enlargement // Journal of European public policy. Vol. 25, N 9. P. 1317-1335

построены на принципах соуправления, партнерства, согласия, равносубъектной конкуренции политических сил. Такая равносубъектность обеспечивает включение всех субъектов в процессы выработки и принятия политических и законодательных решений. Она и составляет сущность электоральной демократии, гарантирующей высокий уровень правовой гражданской культуры участия в избирательном процессе.

Электоральная демократия в своей сущности означает непрерывный мониторинг действий субъектов общественно-политической (в том числе государственной) системы в лице его выборных органов. Постоянная эволюция и совершенствование избирательной системы Российской Федерации свидетельствуют о том, что электоральная демократия как политическая идеология и практика являются фактически и юридически действующим механизмом осуществления выборной, представительной системы власти в России.

Выборная или электоральная демократия – это не только участие граждан в голосовании, но и гражданский контроль через участие в выработке и реализации государственно-политических решений в межвыборный период. Электоральная демократия нуждается в механизмах поддержки и средствах институционального оформления гарантий свободы выбора как условиях развития политической системы современной России.

Система таких гарантий включает в себя политические, организационные, ресурсные, правовые гарантии, действующие комплексно как единый организм. Важным принципом электоральной демократии как условия развития современной политической системы России является законодательно закрепленный принцип свободы выборов.

Россия находится в процессе постоянного движения в поиске оптимального варианта избирательной системы в соответствии с вызовами времени, главная цель которого адаптация выборных механизмов и выбор устойчивого состояния общественного организма. Избирательная система в координатах электоральной демократии должна опираться на базовые ценности демократического общества, но и должна учитывать потребности социально-политического пути развития страны. Одним из факторов стабилизации общественной жизни является электоральная демократия как инструмент консенсуса разных политических сил.

В последние десятилетия в России происходила институциональная трансформация всей политической системы государства, реализовывался избирательный процесс на основе новых норм избирательного права, утверждались политический плюрализм, многопартийность, новые, демократические, традиции правовой культуры и поведения. Процесс утверждения демократических стандартов в электоральном процессе требовал и политико-правовых норм высокого качества. Усложнение геополитической обстановки для России отразилось на качестве политической активности россиян на последних выборах в Единый день голосования в сентябре 2023 г. Процесс оптимизации избирательной системы должен продолжаться, чему могут способствовать следующие меры:

- упрощение действующего законодательства о выборах, что может сделать его понятным для всех субъектов выборного процесса;
- повышение электоральной конкуренции на выборах глав субъектов федерации, корректировка, снижение барьеров муниципальных фильтров, позволяющих использование административных ресурсов;
- улучшение ситуации с пандемией коронавируса и снятие многих ограничений, цифровизация избирательных технологий позволят усилить контроль за досрочным голосованием и голосованием по открепительным талонам;
- назрела необходимость реформы порядка формирования и работы избирательных комиссий всех, но особенно муниципального, уровней, обеспечения их независимости;
- расширение внедрения электронного голосования должно сопровождаться одновременным усилением контроля и безопасности системы учета голосов в данной системе;

- законодательное закрепление нормы подотчетности депутатов всех уровней перед избирателями и право избирателей на отзыв депутатов.

Таким образом, существенным условием развития политической системы России через совершенствование механизмов электоральной демократии является обязательное соблюдение принципов проведения выборов как единственного легитимного способа волеизъявления воли народа путем делегирования власти представительным государственным органам и органам местного самоуправления.

Кузнецов Д.А.
(МГИМО МИД России, Москва)

ПАРАДИПЛОМАТИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: КЕЙС MERCOSIUDADES

Исследования дипломатии городов и регионов (парадипломатии) бнассчитывают уже не один десяток лет. Под «парадипломатией» в современной науке о международных отношениях понимается установление и расширение политических, экономических, гуманитарных связей субнациональных единиц – городов и регионов. Основное внимание исследователей традиционно было сосредоточено на развитых регионах мира, а также феномене городов-побратимов. При этом зачастую именно развивающиеся регионы представляют ценный (и недостаточно изученный) эмпирический материал. Для них дипломатия городов представляется в качестве возможного источника развития в поиске стимулов роста и транснациональной кооперации в различных областях и на различных уровнях.

Интересным примером в данном ключе является сеть «Города МЕРКОСУР» (Меркосьюдадес, Mercosíudades). Латиноамериканский регион уже не первое десятилетие экспериментирует с созданием подобных транснациональных сетей – как внутри региона (проект «Зикосур» (Зона Интеграции Центра и Запада Южной Америки)), так и за его цивилизационными границами (дипломатия городов севера Мексики и юга США). Однако наибольшее развитие получила именно сеть «Меркосьюдадес», созданная в рамках региональной интеграционной группы МЕРКОСУР. «Меркосьюдадес» была создана в 1995 г. договором в Асунсьоне (Парагвай). Первоначально целями «Меркосьюдадес» стали адаптация к новой интеграционной повестке в Южном конусе, запуск интеграции на субнациональном уровне и институционализация новой переговорной площадки. В настоящее время сотрудничество охватывает 15 тематических подразделений и 7 рабочих групп и комиссий. Если в начале участниками сети стали лишь 12 крупнейших городов МЕРКОСУР – Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая, то к настоящему времени количество городов-участников достигло 364 – среди них города и штаты как стран МЕРКОСУР, так и других государств региона.

За годы своего развития «Меркосьюдадес» удалось развить широкую сеть сотрудничества в самых разных областях: экономика и развитие (создание городской инфраструктуры, в том числе для людей с ограниченными возможностями здоровья, борьба с бедностью, обмен опытом), безопасность (противодействие преступности, защита прав человека, кооперация в сфере здравоохранения), наука и образование (межуниверситетские исследовательские проекты, грантовые проекты, студенческие обмены), экология, культура (кинофестивали и пр.), международное сотрудничество (в рамках UN Habitat, Smart City World Congress и др.) и т.д.

Благодаря этому в Латинской Америке накапливается опыт многоуровневой дипломатии, субнациональные единицы с опорой на имеющиеся ресурсы и поиск соответствующих инструментов приобретают акторность в региональной политике, происходит диверсификация связей в регионе.

К факторам, тормозящим интеграцию в МЕРКОСУР, следует отнести неравномерную институционализацию, приводящую, с одной стороны, к дублированию функционала, с другой, к недостатку регулярных контактов; недостаток инвестиций в развитие городской инфраструктуры и, соответственно, реализацию транснациональных проектов; недостаточная осведомленность населения о реализуемых проектах и возможностях участия; слабые связи сети с институтами региональной интеграции МЕРКОСУР; слабость институтов, их недостаточная гибкость и адаптивность к внешним вызовам.

Кузнецова Е.В.
(ДонГУ, Донецк)

РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДНР В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Народная дипломатия может стать действенным инструментом реализации внешних связей. В этой связи усиливается роль неправительственных организаций и общественных движений, а также других институтов гражданского общества. Это элемент самоуправления в гражданском обществе, целью которого является налаживание взаимопонимания и сотрудничества, устранения недоверия и разрешения проблем между государствами.

В современных условиях, кроме традиционных форм народной дипломатии, необходимо активно внедрять и цифровые технологии для расширения взаимодействия между гражданами разных стран. Посредством народной дипломатии возможен обмен информацией, отличной от позиции официальной власти, на которую могут оказывать влияние третьи страны по искажению и недопущению альтернативных точек зрения. Предоставление «однобокой» информации и зависимая официальная позиция в освещении событий в другой стране, формирует у граждан желание познакомиться с другими источниками получения информации. И роль народной дипломатии усиливается, особенно в условиях развития Интернет-технологий, предоставляющих широкие возможности для коммуникации.

С 2016 года Донецкая Народная Республика начала создавать свои представительские центры в европейских городах. Так, были открыты представительства ДНР в Чехии, Италии, Финляндии, Греции, Франции. Как правило, эти общественные инициативы исходят от представителей левых движений, которые традиционно выступают против НАТО и антироссийской линии западных стран. Их работа, проведение информационных кампаний, даже таких, как акция памяти погибших детей «Ангелы Донбасса», сопровождалась скандалами, обвинениями в незаконности, таким образом препятствуя распространению объективных сведений о событиях на Донбассе.

Для Донецка все связи с западными городами резко оборвались в 2014 году. Например, города-побратимы английский Шеффилд, немецкий Бохум, итальянский Таранто и другие не откликнулись на просьбы об оказании помощи из-за нанесенного военными действиями ущерба городу. Гражданские инициативы по сбору средств, пожертвований также не имели успеха из-за позиции украинской власти в отношении оказания помощи этим территориям. Поддержка была оказана российскими городами и регионами, большинство из которых не связаны побратимскими или партнерскими соглашениями и договорами. Но, которые не могли остаться равнодушными и оказались готовыми прийти на помощь в трудную минуту. Со многими из них в 2022 году были подписаны соглашения о сотрудничестве. Около пятидесяти субъектов Российской Федерации на постоянной основе оказывают гуманитарную помощь, восстанавливают инфраструктуру, решают проблемы водообеспечения и т.д. Реализация любых проектов способствует развитию народной дипломатии. С представителями власти приезжает много

специалистов и в других областях, которые имеют возможность определить взаимовыгодные сферы сотрудничества. И это не только экономические проекты, но и инициативы в сфере культуры и образования, оздоровление детей из ДНР, что также способствует налаживанию народной дипломатии.

Сегодня проводится широкий ряд мероприятий по укреплению связей между новыми регионами РФ и остальными российскими субъектами. Например, с 9 по 12 февраля 2023 года ДНР посетила делегация Союза донбассовцев Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которые побывали в некоторых городах и провели в Мариупольском государственном университете круглый стол по теме «Донбасс – Петербург: экология, культура, народная дипломатия».

Развитие народной дипломатии ДНР совместно с партнерами из других российских регионов поможет установить новые или активизировать ранее существовавшие связи с партнерами из Азии, Африки и Латинской Америки. Готовность к межгосударственному сотрудничеству с ДНР, которое может быть обогащено и посредством народной дипломатии, выразила Сирия. На встрече министров в июне 2022 года было заявлено о наличии потенциала для всестороннего развития отношений с Донбассом. В июле 2022 года КНР признала ДНР и выразила готовность к сотрудничеству, что может быть продолжено и сейчас. В 2023 году наметились шаги по налаживанию взаимодействия с КНР, например предложения об открытии филиалов китайских вузов и создании научных технопарков.

Посредством народной дипломатии легче обозначить гражданские инициативы отдельных людей или объединений для поддержания диалога как в экономической сфере, так культурно-образовательной. Для понимания особенностей страны необходимо изучать ее историю, традиции и культуру. Поэтому творчество деятелей культуры позитивно отражается и на развитии народной дипломатии. Например, выделим деятельность Заслуженного государственного академического ансамбля песни и танца «Донбасс», которому уже 86 лет и о котором знают во многих городах мира.

Не претендуя на роль «конкурента» официальной дипломатии и не имея достаточных финансовых ресурсов, народная дипломатия может дополнять позиции власти и налаживать связи между населением разных городов и стран. Поощрение гражданских инициатив способствует развитию гражданского общества и формированию патриотизма и ответственности за будущее своей страны. Народная дипломатия открыта для всех. Каждому гражданину под силу быть народным дипломатом на своем уровне. И чем больше людей будет вовлечено в этот процесс, тем больше будет эффект в преодолении информационной блокады и расширении сфер сотрудничества. Народная дипломатия помогает налаживать контакты на межличностном уровне, укрепляя доверие и способствуя взаимопониманию, сглаживая искаженное восприятие в условиях конфликта.

Народная дипломатия должна стать тем явлением в международных отношениях, которое не будет зависеть от политической повестки, а наоборот будет укреплять сотрудничество между простыми горожанами, муниципальными властями, общественными организациями и бизнес-структурами, заинтересованными в укреплении и расширении любых взаимосвязей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ, ТЕХНОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На современном этапе развития российского общества в условиях геополитических трансформаций все большую значимость обретает развитие политической культуры и компетенций молодых граждан. В период тектонических сдвигов в мировой политике, а также в контексте ценностной и социокультурной дифференциации общества, проявившейся с началом СВО в феврале 2022 года, возросла потребность в адекватном отражении действительности и ее верной интерпретации. Отсутствие единой системы институционального конструирования политического образования, его фрагментарность и нарастающие в условиях социально-политических трансформаций вызовы сформировали запрос на создание целостной программы политического образования. Предпосылкой к данному решению является образовавшаяся в российском обществе тенденция поиска консолидирующих ценностей, что обеспечит включенность молодых граждан в политическую жизнь страны и позволит приобщить их к разнообразным формам политического участия, укрепить общегражданскую идентичность и обеспечить преемственность политического знания.

Последовательному конструированию устойчивой системы политического знания способствуют разрабатываемые и реализуемые в настоящий момент образовательные проекты, исходящие от института государства, который целенаправленно воздействует на политическую социализацию молодого поколения и заинтересован в просвещении молодежи и ее вовлечении в конструктивные формы гражданской активности, что способствует переходу к активистской модели политической культуры. Государство выполняет не только нормативную, но и ценностно-ориентированную задачу, участвуя в формировании гражданского воспитания и развитии среди молодежи гражданственности, патриотизма и сохранения традиционных ценностей.

Практическая значимость проблемы заключается в необходимости анализа существующих механизмов формирования политического образования с целью выработки технологий его усовершенствования. В рамках написания статьи методом дискурс-анализа были проанализированы научные публикации, посвященные раскрытию темы политического образования молодежи, проведены экспертные интервью, в которых приняли участие преподаватели общеобразовательной среды и вуза, а также специалисты по организации работы с молодежью (20 экспертов).

Участники экспертного интервью единогласно определили основную проблему – отсутствие единой системы формирования политического образования в России, а также недостаточный уровень политического образования молодежи, которая выступает ключевой группой-носителем политической культуры. К важнейшим институтам формирования политической грамотности эксперты отнесли не только традиционных агентов социализации – семью, образование, государство, СМИ, но и культурные учреждения и экспертные сообщества (РОП, РАПН, Российское историческое общество), объединения патриотической направленности.

К необходимым элементам конструирования политического знания эксперты отнесли: создание отечественной литературы, ориентированной на политический дискурс России; проведение социологических исследований, нацеленных на выявление потребностей и особенностей молодежи, дифференциация молодежи на подгруппы с целью выбора методов точечного воздействия на них в рамках политического просвещения; переподготовка кадров и пересмотр учебной литературы; создание единой структуры

мероприятий и форумов, действующих на постоянной основе; активизация молодежных движений и упорядочение их структуры; постановка вопроса о патриотическом толковании идеологических ценностей российского общества; организация диалога молодежи с акторами публичной политики.

Эксперты-члены РОП и РАПН, субъекты реализации проекта «ДНК России» подчеркнули необходимость развития этого направления и его окончательной институционализации, которая поспособствует началу нового пути политического образования в современной России. В этой связи в настоящий момент автор проводит собственное эмпирическое исследование, нацеленное на выявление эффективности внедренного в образовательный процесс курса «Основы российской государственности». В сентябре 2023 года проводился анкетный опрос, в котором приняли участие более тысячи студентов социально-гуманитарных направлений КубГУ. Исследование, проведенное на начальном и завершающем этапах курса, позволит проанализировать динамику формирования знаний и компетенций студентов, выявить представления о патриотизме, гражданственности и духовно-нравственных ценностях, а также определить уровень политического знания и перспективы его развития.

Кузьмина А.М.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ЦИФРОВЫЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современный период назрела необходимость стабилизации социально-экономических и политических процессов через принятие ответственных решений в системах публичного управления (public administration) и публичной политики (public policy) для достижения в стратегическом плане нового качества жизни сегодняшних и будущих поколений. Кроме того, для успешного функционирования государства и динамики стабильного развития страны важно не только оптимизировать внутренние социальные, экономические и политические процессы, но и адаптировать публичные решения к новым технологическим и информационно-коммуникационным вызовам в условиях цифровизации современного общества.

В этих условиях необходимо формирование гражданской идентичности у граждан соответствующего государства для понимания возможности и необходимости гражданского участия в процессах публичного управления, подкрепления принятия административных решений обратной связью гражданского контроля, что будет вектором развития в государстве публичной политики и публичного управления. Позиционируя гражданственность как социально-политический институт, с помощью которого атрибутируется процесс принятия публичных решений органов государственной власти и местного самоуправления, мы можем дать оценку тому, как эффективно реализуется публичное управление. В данном случае институт гражданственности выступает, с одной стороны, активатором гражданского участия (а по существу, катализатором гражданской активности), с другой стороны, - важнейшим компонентом его регулятивного механизма в процессе принятия и реализации публичных решений. Считаем также, что именно через институт гражданственности государством легитимизируется гражданское участие и его результат в публичном управлении.

Формирование и закрепление институциональных практик гражданственности происходит посредством цифровых медиакоммуникаций, которые в сущностном плане непосредственно и опосредованно влияют не только на качество политики, управления, демократии, но и на качественную динамику социально-экономических, духовных и нравственных процессов общества, в том числе, на формирование гражданской

идентичности. Полагаем, что гражданская идентичность формируется в процессе медиакommunikаций акторов публичной сферы. Именно через репрезентацию в цифровых медиакommunikациях практик гражданской идентичности можно: во-первых, судить о том, как формируется институт гражданской идентичности и какие характеристики гражданственности проявляются в визуальном и вербальном дискурсе цифрового медиакommunikационного пространства. Во-вторых, оценить характер публичного управления и публичной политики, в связи с этим. Поэтому гражданская идентичность, являясь фактором публичного управления и публичной политики, зависит от характера медиакommunikационного дискурса в цифровой среде.

Повышение эффективности публичного управления и активизация участия общества в принятии политических и административных решений требует закрепления соответствующих референтных моделей гражданского поведения и новой культуры гражданского самосознания, которые детерминируются в процессе цифровых медиакommunikаций в Интернет-пространстве. На сегодняшний день в цифровом пространстве масс-медиа конструируются новые формы социального взаимодействия, которые определяются, в том числе, коммуникациями с созданными цифровыми двойниками (аватарами, ботами), коммуникациями в системах кроссмедиа, трансмедиа и проч. А это влияет на содержательную сторону выражения гражданской идентичности в цифровой медиасреде у конкретного пользователя сети. Кроме того, сами участники медиакommunikаций посредством цифрового инвентаря в пространстве масс-медиа могут выступать субъектами коммуникационных процессов: в кратчайшие сроки продемонстрировать свое восприятие гражданской идентичности; дать оценку и расширить знание о ней посредством формирования собственного контента и контента, который формируется генеративным искусственным интеллектом; заняться распространением и продвижением сформированного контента.

Куква Е.С.
(АГУ, Майкоп)

БРЕНДИНГ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕГИОНОВ: КОНСТРУИРУЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ¹

Высокая конкуренция регионов между собой за различные типы ресурсов: инвестиции, инновации, человеческий капитал, таланты в условиях бурной диверсификации их деятельности и функционирования как самостоятельных акторов социально-экономического развития приводит к повышению спроса на их уникальность, аутентичность. Отстраивая политику идентичности, региональные сообщества во главе с властью, элитами подключают брендинг как один из ее инструментов.

Практики брендинга регионов носят различный характер, зрелость бренда зависит от зрелости той идеи, которая лежит в его основе, от ее укорененности среди приверженцев такой идеи, от траектории появления и развития бренда – восходящей или нисходящей, от того, на что регион делает ставку. Задачи брендинга формируются не только из-за высокой конкуренции, но и из состояния и уровня региональной идентичности. Анализ состояния региональной идентичности показывает, что существование в размерности «ориентация на прошлое – стремление в будущее», «традиции – инновации» ряда регионов имеет разные векторы и отражается в тех идеях, которые становятся базовыми для бренда региона, а дальше – в его образах, тиражируемых как для внешнего, так и внутреннего пользования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Типологизация брендов региона по этому основанию позволит ответить, в какой парадигме разворачивается региональная самоидентификация, в чем жители регионов ищут опору для единения. Одним из источников для выявления типов брендинга регионов могут стать данные проекта Достижения.рф. На сайте всеми российскими регионами по их инициативе, в т.ч. Кабардино-Балкарией и Адыгеей, представлены основные достижения, максимально отражающие успехи республик, о которых должна знать и гордиться вся страна.

Республики представили в качестве своих достижений следующие объекты: Кабардино-Балкария – 3 крупных производства, 1 инфраструктурный объект (Верхне-Балкарская ГЭС); 3 – социально-культурных проекта, 1 – туристический; Адыгея остановилась на 4 социально-культурных проектах из сферы культуры, образования, кухни и спорта. Отметим, что презентация данных достижений инициирована региональными властями и отражает некое элитарное видение.

Однако современные представления о территориальном брендинге опираются на тезис о том, что идеи для брендов территорий «производят» не только их лидеры, но и жители. Опрос по изучению особенностей восприятия и презентации жителями своего региона, проведенный в указанных республиках, показал, вокруг каких представлений консолидируются мнения. По вопросу «Что в большей степени отличает Вашу республику от других регионов России?» в Кабардино-Балкарии определились следующие позиции: комфортная для проживания территория, сохранение этнических традиций, дружелюбие жителей, туризм. В Адыгее топ-4 выглядит так же, за исключением третьей позиции: дружелюбие местных жителей вытеснено стремлением к сохранению уникальной природы.

Первичный анализ позволил выявить некоторые тенденции. В исследуемых республиках можно выделить как минимум два типа брендинга, ориентированных на внешнюю аудиторию, формируемый для внешнего пользователя: с акцентом на развитие (ориентацией на будущее) (Кабардино-Балкария) и с акцентом на сохранение культуры, традиций (ориентацией в прошлое) (Адыгея). Брендинг для внутреннего пользования представлен по смешанному типу: сочетания сохранения традиций и парадигмы развития. Данная гипотеза будет проверена в рамках дальнейшего исследования с целью ответить на вопрос, какой тип брендинга способствует укреплению региональной идентичности.

Кулдашев Т.Б.

(АНО «Центр администрирования межрегиональных проектов между ХМАО-Югрой и Республикой Таджикистан», Сургут)

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В УЛУЧШЕНИИ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ И ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТАДЖИКИСТАНОМ

Сейчас, когда Российская Федерация определила общую торгово-экономическую политику в отношении внешнего мира, формирование региональных экономических блоков, в противовес глобального, трансконтинентального рынка, приоритетная задача, где Крым и Таджикистан можно рассматривать как форпосты, формирующегося единого геополитического, геоэкономического пространства пост советских территорий в рамках Евразийского экономического союза.

В условиях, когда «управляемая демократия» Запада, последовательно сужает возможности использования и применения своих информационных технологий для стран, не поддерживающих создаваемый Западом внешний антураж "демократических ценностей и процессов», остро стоит вопрос развития информационных технологий, в условиях

перехода традиционных СМИ Таджикистана в цифровую среду, а также большей интеграции с российскими СМИ.

С целью организовать на систематизированной основе сотрудничество со СМИ в вопросах освещения дипломатических усилий, по налаживанию и развитию межрегиональных торгово-экономических, научно-технических связей нами разработан и реализуется Проект формирования и развития устойчивых международных, межкультурных коммуникаций среди представителей Российской Федерации и Республики Таджикистан – «СОДРУЖЕСТВО НОВЫХ МЕДИА».

Данный проект носит образовательный (программа «Создание и управление медиа-проектами» в приложении), практический характер и имеет возможность дать молодежи регионов России и Таджикистана все инструменты для саморазвития в сфере журналистики. А последующий проект создания постоянно действующего Центра геополитических PR-коммуникаций «Содружество Новых Медиа» на территории Таджикистана, как опорного пункта для укрепления международных и межкультурных коммуникаций, создаст полноценную эко систему, объединяющую вокруг общественной журналистики телевидение, радиовещание, печатные, мобильные и интернет-издания, с акцентом на освещение позитивных историй российско-таджикских отношений. Проект позволит формировать положительный имидж Таджикистана для инвесторов и стимулировать участников реализуемых проектов, особенно в вопросе вовлеченности в эти проекты соотечественников, а каждое мероприятия организованное с целью развития экономического сотрудничества между регионами будет иметь «электронный след», систематизированный в понятный и имеющий контролируруемую логику нарратив.

Для поддержки и развития инновационного и высокотехнологичного малого и среднего предпринимательства реализуется проект, цель которого создать на территории Республики Таджикистан совместную площадку – «Российско-Таджикский Центр поддержки бизнеса, технологий и инноваций» (Центр). Проект позволит создать механизмы активизации торгово-инвестиционного сотрудничества между Таджикистаном и Россией на региональном уровне, механизмы поддержки экспортно-импортной деятельности между регионами России и Таджикистана.

В целом Центр позволит реализовать следующие практические задачи:

1. Подготовка аналитической и консалтинговой информации по отраслям, представляющей интерес для предприятий России и инвесторов;
2. Оценка рыночных возможностей, анализ рисков, сбор информации о потенциальных партнерах;
3. Информационное обеспечение региональных центров по развитию международных торгово-экономических связей, поддержки соотечественников за рубежом и научно-образовательных учреждений России о стратегических и текущих целях, а также проблемах в вопросах сотрудничества с Таджикистаном;
4. Выполнение аналитико-консультативных функций для органов государственной власти субъектов России, участвующих и заинтересованных в развитии связей с Таджикистаном;
5. Координация бизнес-структур, научно-технических, научно-образовательных, общественных организаций, объединений соотечественников в их деятельности на территории Таджикистана;
6. Определение перспективных направлений развития торгово-экономических и научно-образовательных связей между Россией и Таджикистаном.
7. Формировать интерес инвесторов за счет качественной аналитики, индивидуального сопровождения и поддержки инвестируемых проектов;
8. Организация и проведение в Таджикистане мероприятий с целью презентации экспортного потенциала регионов России, отечественной науки и технологий, а также ответных мероприятий;

9. Осуществление взаимодействия со СМИ в вопросах освещения мероприятий по налаживанию и развитию торгово-экономических, научно—технических и образовательных связей между регионами России и Таджикистана.

Центр будет работать в тесном сотрудничестве с Торгпредством России в Республике Таджикистан, Российским Центром науки и культуры в Республике Таджикистан и будет являться экспертно-аналитическим центром Российско-Таджикского Делового Совета.

Реализуемые проекты будут содействовать формированию благоприятных условий для расширения евразийского сотрудничества в научной, культурной, социально-экономической сферах.

*Курило И.Д.
(ДонГУ, Донецк)*

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ К ВЫЗОВАМ ДЕГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА: СОХРАНЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современный мир переживает период деглобализации, который представляет собой сложное сочетание глобальных вызовов и изменений в мировой системе. В этом контексте Россия, как одна из важнейших глобальных держав, сталкивается с необходимостью адаптировать свою систему ценностей к новым реалиям. Суверенитет и национальная идентичность остаются ключевыми факторами в этом процессе, и в данной статье мы исследуем, как Россия адаптирует свои ценностные ориентиры для сохранения суверенитета и укрепления национальной идентичности в условиях деглобализирующегося мира.

В мире, который все больше становится свидетелем деглобализации и роста национальных интересов, Россия сталкивается с необходимостью адаптировать свою систему ценностей. Сохранение суверенитета и национальной идентичности становятся ключевыми задачами для страны. В данной статье мы рассмотрим вызовы, которые ставит перед Россией деглобализирующийся мир, и способы адаптации российской системы ценностей для достижения этих стратегических целей.

Деглобализация представляет собой процесс, характеризующийся уменьшением глобальной интеграции и ростом национальных интересов. Этот процесс включает в себя уход от мировых институтов и правил, а также укрепление национальных границ и суверенитета. Деглобализация включает в себя отход от идеи однородного мирового порядка и более активное участие государств в защите своих интересов.

Вызовы деглобализации для России:

1. Усиление национальных интересов: Деглобализация ставит на первый план интересы национальных государств. Россия должна бороться за сохранение своего суверенитета и экономической независимости.
2. Укрепление границ: Рост национальных интересов сопровождается укреплением границ. Россия должна обеспечивать безопасность своих границ и соблюдение суверенитета в регионе.
3. Сохранение национальной идентичности: В условиях деглобализации, сохранение и укрепление национальной идентичности становятся особенно важными. Россия должна продвигать свои ценности и культуру как часть мирового сообщества.

Способы адаптации российской системы ценностей:

1. Укрепление суверенитета: Россия должна активно защищать свой суверенитет и национальные интересы в международных отношениях. Это включает в себя укрепление военной мощи, эффективную внешнюю политику и развитие экономики.
2. Развитие многополярного мира: Россия может содействовать развитию многополярного мира, в котором разные нации сосуществуют на основе взаимного уважения и равенства. Это позволит стране более эффективно защищать свои интересы.
3. Поддержка культурной идентичности: Россия должна продвигать свою культуру, язык и ценности на мировой арене. Это может быть достигнуто через культурные обмены, образование и международные инициативы.

Таким образом, адаптация российской системы ценностей к вызовам деглобализирующегося мира – это сложная и важная задача. Сохранение суверенитета и национальной идентичности являются ключевыми целями для России в этом контексте. Страна должна активно работать над укреплением своего суверенитета, развитием многополярного мира и поддержкой своей культурной идентичности, чтобы успешно справиться с вызовами деглобализации и достичь своих стратегических целей.

*Курочкин А.В.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что цифровые технологии стали уже вполне привычными инструментами совершенствования практически всех сфер жизнедеятельности человека. За последние 10-15 лет социальная сфера, экономика, политика, культура значительно преобразились под воздействием технологий блокчейна, Big Data, интернета вещей и искусственного интеллекта, прочно ассоциируемых с новой промышленной революцией 4.0. Получила распространение концепция платформенного капитализма и государства как платформы, представляющих собой исключительно сложный симбиоз цифровых технологий и традиционных рыночных, а в случае государственного управления административных механизмов координации.

Однако, помимо очевидных положительных эффектов, цифровизация породила также новые вызовы и риски как для корпоративного, так и для государственного управления, на которые обращают внимание многие критики ускоренной цифровой трансформации (см. напр. А. Гринфилд²).

Это:

- цифровой разрыв и цифровое неравенство, проявляющее себя сегодня как в пространственном (цифровой разрыв между регионами и государствами), так и в социально-демографическом аспектах (разрыв между отдельными социальными группами и поколениями пользователей цифровых услуг);
- цифровой колониализм, являющийся также следствием существенных диспропорций в технологическом развитии и ресурсной обеспеченности различных государств;

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке РФФИ 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

² Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Издательский дом «Дело», М. 2017.

- ценностная девальвация в политике и культуре, ставшая следствием распространения цифрового технократизма и нового утилитаризма;
- потеря ориентации в бесконечном и крайне динамичном информационном потоке, делающим практически невозможным для рядового гражданина отделить факты от фейков и попыток манипулировать его мнением и последующими решениями.

В этой связи все более и более актуальным становится вопрос о принципах, условиях и критериях эффективности государственного или шире политического управления в новых условиях цифровых трансформаций. Необходимо отметить, что полноценный анализ столь обширной теоретической и прикладной проблемы очевидно выходит за пределы данной статьи. Можно лишь тезисно резюмировать, что традиционные принципы эффективного политического управления (*good governance*), такие как: прозрачность и открытость системы управления, подотчетность управленческого аппарата, верховенство закона (*rule of law*) ничуть не утратили в новых условиях своей значимости, а, скорее напротив, приобрели еще более актуальное звучание.

Мы сделаем акцент на роли гражданского участия в обеспечении эффективности системы обратной связи государство-гражданское общество, что является одним из важнейших источников результирующей эффективности политического управления.

Гражданская активность, развитие разнообразных форм участия в условиях цифровых трансформаций приобретает чрезвычайное значение, поскольку является действенным ответом на большинство вызовов, указанных выше. Цифровизация с одной стороны значительно расширяет возможности такого участия, за счет распространения различного рода электронных сервисов гражданских инициатив и гражданского контроля, а также внедрения краудсорсинговых инструментов участия, но с другой, неизбежно приводит к виртуализации гражданской активности, изменению ее содержания и интенсивности. В этом смысле важным является тезис о том, что в условиях цифровой трансформации требуется избежать перекоса в сторону формата онлайн участия и утраты традиционных форматов, обеспечивающих такие важные качества гражданского активизма как солидарность и чувство коллективизма.

Одним из важных условий эффективности функционирования системы обратной связи и политического управления в целом становится таким образом четко сбалансированное по формам и используемым инструментам гражданское участие в процессах обсуждения, принятия и контроля реализации политических решений.

Курюкин А.Н.
(ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ИНДУСТРИЯ 4.0: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ, ИСТОЧНИК ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ ГЕНЕРАТОР НЕРАВЕНСТВ

Сегодня мы стоим на пороге широких преобразований, которые обусловлены протекающей четвертой научно-технологической революцией и формируемой, по её результатам, Индустрии 4.0. По сути, она включает в себе такие компоненты, как Искусственный интеллект, Большие данные, Интернет вещей, интернет-услуг и Киберфизические системы. Очевидно, что внедрение этих новых технологий весьма существенно и, скорее всего, навсегда изменит образ современной экономики в мировом масштабе и выведет цивилизацию на новые горизонты развития, которые, по справедливому мнению Клауса Шваба, будут заключаться в дальнейшем истончении непреодолимой ранее грани между миром людей и миром машин.

Таким образом наиболее полно должна быть реализована концепция технологической утопии, основанная на предпосылке, что достижения науки и техники

могут и должны привести к утопии или, по крайней мере, помочь осуществить тот или иной утопический идеал. Таким образом, техноутопия – это идеальное общество, в котором законы, правительство и социальные условия действуют исключительно на благо и благополучие всех его граждан, установленные в ближайшем или далеком будущем, как это будет делать передовая наука и технология. позволить этим идеальным стандартам жизни существовать; например, пост-дефицит, трансформация человеческой природы, избегание или предотвращение страданий и даже прекращение смерти.

Технологический утопизм связан и с другими дискурсами, представляющими технологии как агенты социальных и культурных изменений, такими как технологический детерминизм или медиа-воображение. Техноутопия не игнорирует любые проблемы, которые могут вызвать технологии, но твердо верит, что технологии позволяют человечеству добиваться социального, экономического, политического и культурного прогресса. В целом технологический утопизм рассматривает влияние технологий как чрезвычайно положительное.

В конце 20-го и начале 21-го веков появилось несколько идеологий и движений, таких как киберделическая контркультура, калифорнийская идеология, киберутопизм, трансгуманизм и сингуляритаризм, продвигающие форму техноутопии как достижимую цель. Культурный критик Имре Сеган утверждает, что технологический утопизм — это иррациональный социальный нарратив, поскольку нет никаких доказательств, подтверждающих его. Он заключает, что это показывает, насколько современные общества верят в повествования о прогрессе и технологиях, преодолевающих проблемы, несмотря на все доказательства обратного.

В то же время, в наши дни, существует два крупнейших сценария реализации социальных трансформаций, под воздействием формирования Индустрии 4.0 – позитивный и негативный, как и обозначено в наименовании доклада. Первый сценарий связывается с теми возможностями, которые несет в себе научно-технологическая революция, применительно к более полному удовлетворению потребностей человека, формами его самореализации как в профессиональном, так и в личностном плане, интенсификации цивилизационного развития и преодоления того системного кризиса, в котором находится мировое сообщество, выхода на новые горизонты развития.

Негативные сценарии социального воздействия формирования индустрии 4.0 также подвергаются сегодня тщательному анализу. Их наиболее глубоким источником выступает личное отношение человека к объединяемым этой индустрией технологиям и, что более важно необходимость их освоения, приобретения специальных новых компетенций. Таким образом основанием неравенства, на уровне индивида, станет отношение к необходимости познавать новое, осваивать методы и приёмы эффективного использования указанных выше технологий и предоставляемых ими возможностей к чему готовы далеко не все. На более широком уровне, включающим целые страны и классы, весьма мощным источником неравенств в цифровую эпоху выступит автоматизация производств нового уровня, при которой практически полностью будут нивелированы преимущества дешёвой массовой рабочей силы, концентрировавшейся в последние 25-35 лет в Юго-восточной Азии. При этом, по модели Льюиса, такое положение не означает снижения темпов экономического роста. Негативные результаты этих процессов будут проявляться в первую очередь в социальном плане.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Вот уже много веков существует государство. И так же долго не утихают споры вокруг него. Зачем человеку государство? Какое государство благо, а какое нет? Современный общесоциологический постулат справедливо гласит, что альтернативы этой форме устройства общества нет, при этом концепция **социального государства является закономерным этапом исторического развития человечества.**

Следует отметить, что актуальное исследование вопросов социального государства как сложного и многогранного феномена – это междисциплинарное направление, опирающееся на результаты научных изысканий философии, политологии, культурологии, экономических и социальных наук, а также социально-политическую практику.

Согласно Статье 7 Конституции, сегодня Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. В основном законе страны определены и главные меры по реализации принципов такого государства, которые включают в себя установление гарантированного МРОТ, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, выплату государственных пенсий, пособий и других мер социальной защиты населения.

Концепция социального государства находится в неразрывной взаимосвязи с его социальными функциями, к которым относят обеспечение доступного и качественного образования.

Если до конца 1980-х гг. в этой сфере существовала централизованная и идеологизированная система, направленная на воспитание молодежи в традициях марксизма-ленинизма, то с 1990-х гг. ее начал сменять либерально-европейский подход к образованию. Тренд на глобализацию охватил многие социальные институты и процессы, затронув и отечественную систему обучения. Присоединение в 2003 г. к Болонской системе, введение ЕГЭ были направлены на скорейшую интеграцию России в мировое образовательное сообщество.

Но чем обернулось наше стремление войти в «европейскую семью»? Сближения в этой области так и не последовало: российские дипломы и научные степени с трудом получали признание за рубежом, объективность международных рейтингов российских вузов вызывала сомнения. Вместе с этим лучшие практики нашего образования были утрачены, а сама система превратилась в «образовательные услуги».

Кроме того, после распада СССР в страну хлынул поток финансовых средств иностранных фондов, аффилированных, прежде всего, с Дж. Соросом, с целью воздействия на мировоззрение российской молодежи и отечественное образование. Как следствие, учебники, пособия и журналы, выпускавшиеся на средства и под контролем «благотетелей», содержали в себе факты, искажавшие российскую историю, и одновременно превозносили западные ценности.

Россия, вступив на путь деглобализации, начала разработку собственной образовательной структуры, в основе которой – интересы страны и максимальные возможности обучающихся. Так, по мнению чиновников, перевод всех школ на

¹ Исследование выполнено в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации») при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

единую образовательную программу поможет решить проблему неравномерности качества образования в различных регионах.

Одновременно повысить качество образования планируется посредством повышения квалификации учителей преподавательского состава, обеспечением образовательных учреждений учебными пособиями, техническими средствами, внедрением в учебный процесс инновационных технологий. Согласно поправкам в Конституцию РФ от 2020 г., дети признаны «важнейшим приоритетом государственной политики России». Следуя этому курсу, в школах для учеников начальных классов и для льготных категорий школьников, независимо от года обучения, вводится бесплатное питание.

Важным представляется решение Минобрнауки РФ по распределению бюджетных мест вузам и научным организациям на 2023–2024 учебный год. Несмотря на текущие сложности, с целью повышения доступности бесплатного высшего образования, перед ведомством поставлена задача «не снижать планку по подготовке высококвалифицированных кадров для мобилизации ключевых отраслей экономики». В ходе ее реализации приоритет отдан региональным учебным заведениям – туда направлено 73% от общего числа бюджетных мест.

Таким образом, сейчас Россия возвращается к лучшим наработкам национальной системы обучения, но с учетом современных тенденций и вызовов. На пути к обеспечению качественного и доступного образования уже сделано немало, но еще больше предстоит сделать.

Лапин А.В.

(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГРАЖДАН В РАКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО¹

Ключевым фактором, консолидирующим наше общество, является наличие образа будущего страны или региона, в котором контуры потенциальных конфликтов пока не стали зримыми, политические акторы еще не предсказали направления главных ударов соперников в будущей политической борьбе, а в текущих объективных противоречиях социальных групп еще не предчувствуются зачатки будущей непримиримости.

Сегодня основополагающие идеалы, ценности и нормы, способные мотивировать массы людей на созидательный труд, становятся главной движущей силой развития системы материального производства. Из этого следует, что образ будущего страны или региона должен быть релевантен тем высоким духовно-нравственным ценностям, которые соответствуют представлениям общества о величии России.

В этом смысле образ будущего является в какой-то степени синтезом реальности и идеала, предметности и вдохновения, детализации и эмоций. Поэтому имманентно присущей индивиду задачей становится постоянное разрешение противоречия между своими личными способностями и желаниями, внутренними и внешними ограничениями и теми возможностями, которые предоставляет внешняя среда.

Все эти сложности ставят перед обществом проблему выбора формата образа будущего, к которому следует двигаться, так как этот формат, с одной стороны, должен быть достаточно конкретным для того, чтобы процесс его достижения был управляемым, с

¹ Финансирование: Проект №123091200076-9 «Политические и социокультурные факторы долгосрочного устойчивого развития малых городов России: ценностно-ориентированный подход к формированию и реализации образа будущего» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

другой стороны, технологически достижимым при использовании существующих инструментов и технологий.

С нашей точки зрения российский коллективистский подход к образу будущего вобрал в себя ряд черт западного подхода, нацеленного на личный успех, и восточного подхода, фокусирующегося на внутренних человеческих духовных и эмоциональных состояниях. Это подход ярко проявился при формировании списка традиционных ценностей, утвержденных соответствующим указом Президента России (Указ Президента Российской Федерации 809, 2022), в число которых вошли как либеральные, так и консервативные и социалистические ценности.

По существу, власть предъявила обществу ценностные ориентиры, которые в целом были благоприятно восприняты гражданами как соответствующие их духовно-нравственным настроениям. Можно сказать, что в государстве и обществе созрело ценностно-ориентированное понимание миссии страны, являющееся необходимым условием для перехода к активному реальному стратегическому планированию социально-экономического развития.

Этот переход следует осуществлять путем последовательной декомпозиции национальной миссии на отдельные региональные и муниципальные составляющие. Однако основная сложность процесса декомпозиции миссии состоит в том, что у разных политических, экономических и общественных акторов существуют разные представления о том, как конкретно должны выглядеть эти ключевые потребительские и духовно-нравственные ценности, и какие проблемы будут мешать их достижению.

Для того, чтобы изучить факторы, мобилизующие наше общество на достижение образа будущего, мы провели социологический опрос ряда регионов, в рамках которых мы постарались выявить, какие именно ценности исповедуют жители регионов и как эти ценности увязываются с их представлениями о будущем.

Всего в период с февраля по март 2023 года нами было опрошено 1000 человек из 10 регионов России. По результатам опроса самыми важными с точки зрения обеспечения безопасности и благополучия России в будущем респонденты считают соблюдение прав и свобод человека (39,5% опрошенных), достижение единства народов России (39,3%), доверие между властью и обществом (38,9%), справедливость принимаемых в обществе решений (34,2%), патриотизм общества (33,5%) и формирование крепкой семьи (32,6%). Это означает, что, по сути, граждане страны в своем большинстве продолжают исповедовать ключевые традиционные или, как сейчас говорят, «правильные» ценности.

Другими важнейшими факторами успешности построения своего будущего в части личной жизни респонденты видят в достижении своего благополучия и благополучия своих близких (65,4% опрошенных), своего здоровья (62,9%), своей безопасности (42%), самореализации своего потенциала, осуществления своего предназначения (37%), а также своих прав и свобод как личности (35,1%) и своей социальной защищенности (32,3%).

Доминантными ценностями, имеющими высокую значимость для населения, является Благожелательность (стремление к надежности и доверию между членами группы, преданность группе и забота о благополучии ее членов), Безопасность (безопасность и стабильность общества в целом, а также безопасность непосредственного окружения членов общества) и Самостоятельность (свобода развивать собственные идеи и способности, свобода определять собственные действия).

Отдельно нужно сказать о том, что ценности Власти (стремление к влиянию посредством осуществления контроля над людьми, а также над материальными и социальными ресурсами), Достижения (стремление к успеху в соответствии с социальными стандартами) и Стимуляции (стремление к возбуждению, новизне и переменам) оказались менее всего востребованными жителями исследованных регионов.

Таким образом, свое будущее население регионов в большинстве, с одной стороны, желает выстроить в опоре на благополучии себя и страны, в комфортной и дружественной среде, в безопасном окружении и в духовно-нравственной гармонии, с другой стороны,

население демонстрирует низкий уровень амбиций, недостаток творческой и инновационной активности, а также слабый предпринимательский дух.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

Лапкин В.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА И ТЕРРИТОРИИ КАК ИХ РЕЖИМНЫЕ СЕГМЕНТЫ (ИДЕНТИТАРНЫЙ АСПЕКТ)

Пространство политики множественно и многообразно (оно отнюдь не сводится к только лишь географическому, и правильнее было бы говорить о нем во множественном числе – как о *пространствах политики*). Пространственность является одним из базовых элементов научного политологического дискурса (наряду с темпоральностью, составляющей с ней, в рамках динамически-процессуальной парадигмы, целостное единство). Прояснение природы и концептуальных сопряжений понятия политического пространства представляется одной из важнейших задач политической науки и, в частности, ее субдисциплинарной области, изучающей политическую идентичность. Современность предоставляет индивиду широкий выбор моделей самоидентификации, в том числе – по месту (типу локализации), по предпочтительному пространству (кругу) общения и профессиональной деятельности и т.п. Сам образ жизни современного индивида выстраивается им как выбор сообщества (набора сообществ) с которым он готов себя отождествить (хотя бы на время или на какую-то часть своего жизненного распорядка). Пространственно окрашенные идентификации становятся основанием консолидации новых сообществ, слабо привязанных к прежним паттернам конфессии, этноса, нации, государства... Концепт пространства возникает как ментальная (идеальная) конструкция, открывающая возможности упорядочения представлений о взаимном расположении всего *многообразия* определенного класса объектов (отнюдь не обязательно геометрических, географических, «материальных»). Пространство понимается как универсальное сомножество однородных элементов: точек ли, векторов, событий, состояний, образов, сакральных смыслов, мест, интеракций, сообществ, политических акторов. Требование однородности элементов пространства обеспечивает, при необходимости, возможность введения пространственной метрики, позволяющей количественно различать любые два из их числа. При этом пространство анизотропно и может члениться на отдельные сегменты с особыми режимами; в частности, в политике – это *территории*, зоны монопольного контроля отдельных субъектов политики. В отличие от открытых, свободных пространств, на которых действуют единообразные, универсальные принципы, регулирующие взаимодействие заполняющих их элементов, на территориях на такие универсальные принципы налагаются ограничения. В частности, в политике принцип территориальности предусматривает ограничение суверенной свободы пространственного перемещения и всякой деятельности (всякого общения) на подконтрольной ему территории. Понятие *пространства* подразумевает сферу (область) неконтролируемого никем (свободного) и вместе с тем аксиоматизированного (т.е. конвенционального) взаимодействия. Если же взаимодействия в данной сфере начинают происходить в нарушение конвенции (становятся хаотическими, произвольными, неупорядоченными), то, стало быть, само представление об избранной сфере как о пространстве сформировано ошибочно и требует пересмотра; скорее

всего, в качестве такой сферы избрана произвольная часть («серая зона») более обширного пространства с принципиально иной аксиоматизацией. Так, в мировой политике конвенциональность достигается лишь при условии, что территориальные суверены договариваются о взаимном признании их монопольных прав на собственных территориях, а вместе с тем, об общих правилах на формирующемся в результате их договоренностей политическом пространстве. Пример Вестфальской системы и глобальной системы национально-территориальных государств, возникшей впоследствии на основе ее принципов, – очевиден. Но можно привести и иной, альтернативный пример. Так, наиболее наглядный случай – контролируемые *основными супермонополиями интернет-(прото)пространства*, их переход к полноценной пространственности блокируется, в первую очередь, производной от ультрамонополизации политикой «территориального» размежевания и раздела монополизированного рынка между немногочисленными игроками. Свободное пространство земной поверхности было лишь первым из тех, что удалось сегментировать, вычлняя из него особые территории монопольного государственного контроля (тем самым присваивая им статус несвободных). Теперь же с высокой вероятностью такой сегментации будут подвергнуты и иные сферы социальных интеракций, представлявшие до того свободными, лишенными жесткого контроля и институциональных ограничений. В их числе, – пространства виртуального и сетевого общения (расположенные, как правило, вне и поверх географических границ государства, экстратерриториально). А территориальное членение неизбежно подразумевает и последующее политико-идентификационное оформление размежеваний, сложившихся в сообществах, возникших на основе соответствующих форматов общения и в соответствующих «нетрадиционных» интерактивных пространствах (т.е., буквально, пространствах взаимодействия, *interaction space*), в интернете, социальных сетях, блогосфере и т.д.

Лапшаков Г.С.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОКИНАВЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

Префектура Окинава, самая южная из частей современной Японии, обладает значительной культурной и исторической спецификой. Этот архипелаг, протянувшийся почти на тысячу километров вдоль восточной границы Восточно-Китайского моря и имеющий население немногим менее полутора миллионов человек, представляет собой примечательный с исследовательской точки зрения пример региона с развитой идентичностью и собственными историческими нарративами. Особенности исторического развития островов Рюкю в целом и острова Окинава в частности привели к возникновению у жителей префектуры исторических нарративов, резко отличающихся от общепринятых в Японии. К таким особенностям можно отнести длительную традицию собственной государственности, травматичный опыт дискриминационной политики ассимиляции после присоединения к Японской империи (1872–1945), отголоски катастрофической для местного населения Битвы за Окинаву (1945), последствия периода оккупации США (1945–1972). Все эти события стали основой для формирования у жителей префектуры своего специфического взгляда на ряд событий японской истории.

Особенно важное место в исторической памяти окинавцев заняла Битва за Окинаву, которая показала двойственное, подозрительное и даже жестокое отношение японских военных к его жителям, уже начавшим к тому времени считать себя полноценными подданными Японской империи. Это событие не только является значимым для региональной идентичности, но и служит ярким примером особенностей исторической

памяти окинавцев. С ним связано большое число мест памяти на территории префектуры, в том числе памятников и музеев. Эти и некоторые другие объекты служат зримым проявлением исторической памяти окинавцев, позволяя провести анализ различий последней с официальным японским историческим нарративом, транслируемым, в частности, через школьные учебники истории.

Несмотря на то, что на данный момент на территории Окинавы не действует значительных сепаратистских движений, вопрос о возможности её отделения периодически поднимается в публичном поле Японии. Поводом к этому служат различные раздражающие факторы, главным из которых остаётся наличие масштабных американских военных баз, занимающих значительную часть островов и служащих источником целого комплекса экономических, социальных и экологических проблем региона.

В докладе поднимается вопрос о значении указанных особенностей исторической памяти для региональной идентичности жителей Окинавы и об их влиянии на историческую политику Японии, заинтересованной в дальнейшей интеграции жителей префектуры в японское общество. Безусловно, рассматриваемый пример, возникший благодаря конкретным историческим и культурным условиям, обладает спецификой, которая не позволит свободно экстраполировать полученные при его анализе наблюдения. И всё же, этот опыт взаимодействия официальных государственных нарративов с альтернативными и противоречащими ему нарративами локальными, происходящий в условиях реинтеграции территории, может быть полезен для дальнейшего углубления научных представлений о природе исторической памяти и её влиянии на общественно-политические процессы.

Лебедева М.М.
(МГИМО МИД России, Москва)

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В XXI ВЕКЕ

Турбулентность современного мира является важнейшим фактором, влияющим на международную активность субнациональных территорий – городов и внутригосударственных регионов. Во второй половине XX века они вследствие эрозии Вестфальской системы активно вышли на международную арену. Распад биполярной системы в конце XX века, а также развитие информационных и коммуникационных технологий стали новым толчком для международной деятельности субнациональных образований, особенно постсоветского пространства.

В XXI в. стали проявляться новые тенденции. Слишком бурная глобализация в предыдущий период привела к тому, что активизировался тренд де-глобализации, выразившийся, в том числе, в усилении изоляционизма во внешней политике Д. Трампа, и наиболее отчетливо в прерывании международных контактов в период пандемии COVID-19.

В сложных международных условиях, характеризующихся турбулентностью, субнациональные территории выбирают различную стратегию международного взаимодействия. В самом общем виде существует две стратегии. Первая предполагает ограничение международной активности в условиях нестабильности и неопределенности. Вторая стратегия, напротив – ориентирована на усиление международного взаимодействия. Выбор той или иной стратегии в первую очередь зависит от законодательства государства, в рамках которого находится субнациональная территория, и в целом его отношении к самостоятельности во внешних связях субнациональных территорий. Кроме того, специфика географического положения, этнического состава и других особенностей являются значимыми моментами, определяющими международную активность

субнациональных территорий. Так, приграничные регионы и города обычно демонстрируют большую транснациональную деятельность. Также международное взаимодействие в значительной степени характерно на этнической и/или религиозной общности между субнациональными территориями различных государств.

Многие субнациональные территории выбирают вариант активности на международной арене. Мотивация такого поведения в значительной степени лежит в экономической сфере, но в результате обладает политическим содержанием. Примером здесь может служить реакция земель Германии и регионов Италии по поводу антироссийских санкций. Представители нескольких земель Германии в 2018 г. выступили за отмену антироссийских санкций, т.к. они наносят экономический ущерб. Аналогичным образом в 2016 г. поступил ряд регионов Италии, которые обратились к правительству с просьбой об отмене антироссийских санкций. Подобные действия свидетельствуют об акторности субнациональных территорий и являются одним из аргументов тех исследователей, которые полагают, что именно на уровне внутригосударственных регионов и городов происходят существенные изменения в мировой политике.

Субнациональные территории в международных связях интенсивно используют различные современные форматы и средства взаимодействия, в том числе, сетевые связи, многосторонние и многоуровневые контакты, ассоциации и другие.

Представляется, что развитие транснациональных отношений субнациональных территорий будет значимым фактором выстраивания мировой политики в будущем.

*Лебедева М.М., Зиновьева Е.С.
(МГИМО МИД России, Москва)*

МЕТОДЫ НЕЙРОНАУКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ¹

Нейронаука активно развивается и проникает в социальные области научных исследований. Изначально методы изучения мозга были связаны с нейробиологией, нейромедициной, нейрофизиологией, т.е. с естественно-научными дисциплинами. В дальнейшем развитие нейронауки затронуло фактически все социальные науки, которые ранее, казалось, были далекими от подобных исследований. Появились смежные дисциплины, такие, как нейросоциология, нейроэкономика, нейрополитология и другие. Однако, нейроисследования в меньшей мере затронули международные отношения, прежде всего в силу того, что в данной области затруднено проведение эксперимента. Однако, развитие нейротехнологий открывает возможности для экспериментальной работы, как объективного метода научного познания, при исследовании международных переговоров, одной из важнейших областей науки о международных отношениях.

Научная работа по использованию методов нейронауки для изучения международных переговоров активно проводится за рубежом несмотря на то, что начало им положено совсем недавно. Наиболее активно методы нейронауки применяются и для анализа процесса принятия решений на переговорах. Так, анализ мозговой активности позволяет выявить факторы, которые влияют на способность (или неспособность) участников переговоров оценивать намерения и действия других. При помощи нейровизуализации был проведен ряд экспериментальных исследований мозговой активности в ходе моделирования классических проблемных ситуаций из области теории игр («дилемма заключенного», «слабак», «ультиматум»), что позволило описать нейронные процессы, сопровождающие принятие решений. Исследования показали, что многие из нейронных процессов, лежащих в основе принятия решений, обусловлены фундаментальными особенностями мозга, в частности, работой дофаминовой системы вознаграждения, т.е. получением

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

удовлетворения от достижения цели. Поведение переговорщиков при принятии решений часто не соответствует формальной логике, определяющей рационалистические допущения теории игр, и поэтому выводы нейроисследований необходимо учитывать для адаптации этих моделей к практике международных переговоров.

Несмотря на популярность подобного подхода в западных исследованиях, в российской научной литературе изучение переговоров при помощи нейрометодов пока не получило широкого распространения. Для восполнения данного научного пробела в МГИМО в рамках рабочей группы по исследованию международных переговоров и посредничества была проведена серия экспериментов, в которых исследовалось влияние личности переговорщика на переговорный процесс. В качестве модели переговоров использовалась одна из модификаций игры «дилемма заключенного».

В ходе исследования было изучено влияние эмоций, когнитивных процессов, ценностных ориентаций и социальных компетенций переговорщика на ход и результаты переговорного процесса и эффективность избираемой переговорной стратегии. В самом переговорном процессе фиксировались данные мимики, невербального поведения и биометрические данные переговорщика, что позволило судить об уровне вовлечения в переговоры, оценивать и предсказывать глубинные реакции на использование различных переговорных стратегий со стороны партнера по переговорам.

Как ожидается, проведенное исследование призвано дополнить существующие в научной литературе подходы к изучению международных переговоров на основании анализа когнитивных и эмоциональных факторов, как важнейших элементов современной дипломатии и переговорного процесса на международном уровне.

*Левченко Д.О.
(КубГУ, Краснодар)*

ГРАЖДАНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Запрос на общественную сплоченность и мультипликацию социально позитивных гражданских практик, существующий в российском обществе, актуализирует проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в предметном поле гражданской солидарности.

Гражданская солидарность как феномен самоорганизации индивидов «ради общества» не мыслится без консолидации на базе общих ценностей и норм, поэтому вписывается в теоретический конструкт гражданской идентичности. Последняя наряду с универсальными признаками чувства общности и «образом мы» характеризуется через ответственность за развитие государства, способность активно действовать в социуме². На передний край в интерпретации гражданской солидарности выходит деятельностный компонент гражданской идентичности, категория гражданского участия. Способность сообщества и его членов отличать «своих» / «других» / «чужих» определяет выработку стратегических и тактических линий поведения во внутригрупповом взаимодействии, с внешними контрагентами.

Одновременно разнообразные солидаристские практики, вписанные в социальный контекст, содействуют трансформации гражданской идентичности. Понимание этого актуализирует в политическом дискурсе интерпретацию солидарности в культурно-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа).

² Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

историческом и пространственном преломлении, а формула «скорее создается, нежели приобретается»¹ требует особого внимания в потоке угроз и рисков.

Выбор ценностного базиса, форм и содержания коллективных действий определяются усилиями многочисленных социальных акторов. Институты публичного управления все чаще обращаются к солидаристскому дискурсу, технологиям консолидации как к инструменту антикризисной политики. Гражданские объединения представлены несколькими типами в зависимости от природы происхождения: «низовые» сообщества – результат самоорганизации граждан на базе прообщественных ценностей и интересов; квазигосударственные объединения – ассоциированные с органами власти институты, консолидирующие заинтересованные стороны и продвигающие в обществе государственно значимые ценности. Субъекты бизнес-сообщества внедряют в корпоративную культуру и этику принципы корпоративной социальной ответственности. Брендинг и конструирование образов о себе сопровождаются на индивидуальном уровне формированием социально ответственного сознания и установок, в том числе поведенческих; внутригрупповой консолидацией (командообразование).

Представленные субъекты гражданской солидарности наряду с политическими партиями, лидерами общественного мнения, сетевыми сообществами и иными стейкхолдерами обращаются к практикам межсекторного партнерства для мультипликации просоциальных инициатив.

Солидаризация граждан представляется результатом использования субъектами разнообразных инструментов и технологий политики идентичности. Политика памяти, символическая и имиджевая политики призваны сконструировать ценностный базис для «ощущения» и воплощения солидарности в гражданском участии. В логике концепта политики идентичности следует говорить о политике солидаризации.

Коллективное поведение предстает преимущественно в институционализированной форме, а солидаризация призвана защитить институты, поддерживающие общественное благосостояние². Однако обстановка социальной напряженности обуславливает возникновение спонтанных практик. Задача институтов публичного управления сводится в том числе к адаптации «новых акторов» кризисной ситуации, преодолению их отчужденности и развитию их конструктивного потенциала.

Сетевые платформы и цифровые технологии становятся неотъемлемым компонентом процессов долгосрочной фиксации солидаристских групп в обществе и их вынужденной мобилизации. Все чаще можно наблюдать гибридные практики гражданского участия, когда онлайн-события материализуются в оффлайн-мероприятия как конструктивного (инициативы Caritas, ЛизаАлерт), так и дестабилизирующего плана (движение #BlackLivesMatter).

Также типы гражданской солидарности складываются исходя из мотивации членов сообщества к гражданскому участию: достижение индивидуальных целей, работа на благо сообщества.

Концепт гражданской солидарности представляется тем конструктом в методологии политической науки, который позволяет не только интерпретировать процессы консолидации, но и генерировать решения для совершенствования стратегий и технологий вовлечения в гражданское участие.

¹ Rorty R. (1989). Contingency, irony, and solidarity. Cambridge: Cambridge University Press.

² Singh P. (2015). How solidarity works for welfare: Subnationalism and social development in India. Cambridge: Cambridge University Press.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

I. Введение

Историческая память на настоящий момент в реалиях современной России представляет собой очень важную составляющую традиционных ценностей, тех самых нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. Данная тема особо актуальна в связи со стремительно меняющимся мировым порядком в условиях турбулентности глобальных политических процессов. Защита исторической памяти представляется одним из приоритетов в том числе в стратегии национальной безопасности России.

Целью данного доклада будет выступать определение понятия исторической памяти, исследование её истоков, механизма формирования и перспектив интерпретации, в том числе предположив дальнейшее развитие ситуации по позитивному либо негативному сценарию.

II. Историческая память: определение, истоки формирования и стратегическое значение

Предметная дискуссия по тем или иным вопросам невозможна без чётко определённой терминологии, либо, при отсутствии таковой, представление исследования в отношении подходов, направлений, теорий, способствующих постижению объекта научного интереса. Представляется, что необходимо идентифицировать понятие «историческая память», в самом общем виде трактуемое как совокупность знаний и представлений социума о своем прошлом, а также рассмотреть механизмы ее формирования и развития, взаимосвязь интерпретации и так называемого «переписывания истории» с политическими реалиями страны и государства в данный момент времени. Далее представляется целесообразным применить результат вышеизложенного исследования к ситуации вокруг современной России. Как верно отмечают исследователи, изучение феномена культурной памяти стало одним из важнейших направлений развития социально-гуманитарного знания конца XX – начала XXI веков.

Также говоря о реалиях современной России, следует отметить стремление найти общенациональную идею, способную решить проблему внутренней консолидации общества, в том числе для противодействия геополитическим оппонентам.

Необходимо отметить крайне важные положения в пунктах 20 – 22 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», касающиеся развития ситуации по позитивному и негативному сценариям, а также акцент на важности и значимости защиты исторической памяти для стратегического развития России, который делают первые лица государства.

Такая риторика, как представляется, вытекает из того факта, что одним из компонентов национальной идеи может выступать укрепление понимания героического прошлого на основании исторической памяти социума и, как следствие, реализация «исторического суверенитета» народа, его права самостоятельно формировать свою историческую память.

Таким образом, можно сделать предположения, очертить контуры перспектив культуры исторической памяти, взвесив при этом многие сопутствующие факторы.

III. Заключение

Данное исследование подчёркивает значимость исторической памяти, ее формирования и культуры, а также влияние на осознание современной действительности и на стратегическое значение национальной безопасности. Невероятно важно помнить изречение Платона: «Народ, не знающий или забывший своё прошлое, не имеет будущего!». Именно историческая память и наличие так называемого «исторического суверенитета» позволяет народу определять свое место в мировой цивилизации.

*Ледяев В.Г.
(НИУ ВШЭ, Москва)*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Хотя феномен власти всегда привлекал внимание ученых, а первые наблюдения присутствовали уже в трудах античных мыслителей, анализ власти как понятия начинается с Гоббса, предложившего первую дефиницию власти. В дальнейшем к понятию власти обратились многие ученые с мировым именем (М. Вебер, Б. Рассел, Ч. Мерриам, Б. Жувенель), однако только с середины 20 века понятие власти стало предметом интенсивных дискуссий, важнейшую роль в которых сыграли Г. Лассуэлл, А. Каплан, Р. Даль, С. Лукс, Т. Парсонс, Х. Арендт, Т. Вартенберг, Э. Гидденс, М. Фуко и др. В 21 веке наиболее значительный вклад в анализ понятия внесли Э. Аллен, К. Доудинг, С. Клефт, М. Хаугаард, а дискуссии о власти как понятии политического дискурса сконцентрировались на страницах журнала «Journal of Political Power».

Анализ современной литературы по понятию власти и сравнение ее с литературой середины и второй половины 20 века позволяет выделить несколько взаимосвязанных тенденций:

1. концептуальные решения становятся более гибкими;
2. многомерный взгляд на власть;
3. синтез различных подходов;
4. расширение понятия и стирание границ между властью и не-властью.

Эти взаимосвязанные тенденции являются результатом растущего разнообразия форм власти, практик взаимодействия социальных акторов, а также следствием теоретической и методологической эволюции их изучения.

1. Традиционно в концептуальном анализе власти выделялось несколько ключевых проблем, решение которых определяло смысл и признаки понятия: проблема актуального и потенциального и актуального, интенциональность власти, асимметрия и баланс во властных отношениях, действие, структура и власть, конфликт и власть, результаты власти и др. (Д. Ронг, Дж. Херн, В. Ледяев). Ранее исследователи обычно делали выбор в пользу той или иной понятийной опции и стремились обосновать рациональность своего выбора. В настоящее время предпочтение отдается балансу ранее противопоставляемых признаков понятия.

2. Наиболее популярной концепцией власти стала т.н. четырехмерная концепция власти, в формирование которой наибольший вклад внес М. Хаугаард, включающая в себя навязывание воли в ситуации открытого конфликта (1 измерение), контроль за повесткой и принятие решений (2 измерение), формирование сознания в соответствии с определенными ценностями и нормами (3 измерение власти), социализация и конструирование объектов власти (4 измерение власти).

3. «Власть» объясняется как зонтичное понятие, обозначающее широкий спектр социальных отношений. В частности, предлагаются концепции власти, включающие в себя все разновидности власти – power to, power over, power with (Э. Аллен, П. Пансарди), –

power as domination, concerted power (М. Хаугаард), transitive power, intransitive power (Г. Гехлер) и др.

4. Все, что обозначается термином «власть» в разных концепциях принимается и рассматривается в качестве тех или иных форм (проекций) властных отношений. Тем самым фактически размываются границы между «властью», «авторитетом», «влиянием», «контролем», что фактически не допускает наличия зон, свободных от власти.

Данные тенденции, безусловно, усложняют эмпирический анализ власти, вынуждая исследователей принимать во внимание большой пласт эмпирических данных и уделять специальное внимание тем формам социальных отношений, которые скрыты от внешнего наблюдения. Они также усложняют систематизацию и классификацию властных отношений и форм и скорее затрудняют коммуникацию между исследователями власти, чем облегчают ее. Но они не могут воспрепятствовать поиску наиболее оптимальных объяснений феномена власти.

Леонтьева О.В.

(ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь)

ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ)

Динамичное развитие политических процессов в современном мире предопределяет актуальность исследования вопросов о субъектах, которые обеспечивают легитимное функционирование политических институтов и которые в состоянии оказывать существенное влияние на политическую систему различных государств, на ход политических процессов, а также осуществлять взаимодействие с иными политическими субъектами как внутри государства, так и за рубежом.

В этом плане представляется ценным исследование такого социально-политического феномена, как идентичность населения, которая способна выступать в двух ипостасях. Во-первых, это субстантивная характеристика населения, которая характеризует сложившуюся внутри общества систему политических, культурных, социально-экономических и иных связей и традиций. Во-вторых, идентичность как общность граждан может выступать особым самостоятельным субъектом внутри- и внешнеполитических процессов.

Для малых стран, тем более стремящихся к обретению полноценного международного признания, вопрос об идентичности населения имеет особое значение. Идентичность выступает конституирующим признаком государственности, а также является одним из важнейших источников легитимности для политической элиты и иных государственно-политических институтов.

В самоопределившихся государствах, включая Приднестровье, вопросы легитимности политико-правовых структур, сохранения ими неразрывной связи с идентичностью населения, их институционализации имеют самое серьезное значение. Для органов власти Приднестровья ключевым источником легитимности является именно приднестровский народ как самостоятельная историко-политическая общность, что следует из основополагающих правовых актов, в первую очередь Конституции, и из демократических традиций приднестровской государственности, а также иных политических, исторических, социально-экономических, демографических и иных факторов.

Вместе с тем идентичность приднестровского населения сталкивается с различными вызовами глобального и регионального характера, что в немалой степени сказывается на резистентности приднестровской государственности к существующим рискам и угрозам.

Так, вызовы глобального характера связаны с продолжением глобализационных процессов, развитием коммуникационных технологий, цифровизацией многих социальных практик. В таких условиях сохранение идентичности, не основанной, в силу приднестровской специфики, на этническом компоненте, является весьма сложной задачей. Глобализация и универсализация ценностей, в том числе навязываемая извне, вступает в противоречие с исходными установками приднестровской идентичности как сочетания территориальной и гражданской (политической) общности людей.

Данная категория вызовов особенно актуальна для малых стран, поскольку неизбежно ставит вопрос о балансе между сохранением суверенной идентичности и участием в глобализационных процессах.

К внешним вызовам можно также отнести и региональные процессы, включая украинский кризис. Население Приднестровья связано широким спектром родственных, исторических, культурных и иных связей с жителями России, Молдавии, Украины и других государств. Масштабный кризис и продолжающееся вооруженное противостояние обусловили, особенно на начальном этапе, привели к некоторой поляризации и фрагментации приднестровского общества на основе этнической принадлежности, политических предпочтений и некоторых иных аспектов. Основной предпосылкой в преодолении данного вызова стал тезис о необходимости сохранения межнационального мира в Приднестровье, сохранения традиций мультикультурализма и интернационализма, а также продолжения мирного переговорного процесса по урегулированию приднестровского конфликта со всеми вовлеченными акторами.

Политическая турбулентность в непосредственной близости от приднестровских границ усилило риски для приднестровской идентичности, традиционно ориентированной на российское цивилизационное пространство. В этой ситуации приднестровское население воспринимается как «чуждая», нередко – враждебная общность со стороны политических элит и части населения государств – соседей, Молдовы и Украины.

Основным внутривнутриполитическим вызовом является нарастающая политическая апатия населения, проявляющаяся в снижении явки на выборах и снижении интереса к местным политическим процессам. Впрочем, на фоне внешних вызовов и рисков такая ситуация выглядит в целом закономерной, хотя в более отдаленной перспективе сохранение такого тренда чревато более серьезными угрозами для приднестровской государственности, включая снижение легитимности политических институтов.

В целом стоит отметить, что приднестровская идентичность является заслуживающим внимательного изучения феноменом, в том числе в контексте противодействия внешним вызовам и угрозам, а также формирования идентичности не на этнической, а на гражданской (политической) и территориальной основе.

*Лесюк М.И.
(ГАУГН, Москва)*

МИРОПОРЯДОК И УРОКИ ИСТОРИИ

Миропорядок – понятие, которое эволюционировало в своем развитии. Если смотреть в ретроспективе, принято выделять 4 системы международных отношений: Вестфальскую, Венскую, Версальско-Вашингтонскую и Ялтинско-Потсдамскую. Существуют споры историков относительно Крымской системы международных отношений, однако по этому вопросу сохраняется много дискуссий.

Исторически одна система сменяла другую и совершенствовала правила игры на международной арене. Сегодня, когда закладывается новый миропорядок, в котором Россия претендует на одну из лидирующих позиций, стоит обратиться к урокам истории, проанализировать базовые постулаты из каждой системы и понять, к чему мы можем

прийти. В тексте данной статьи я проанализирую некоторые положения Вестфальской системы. Системы международных отношений отличаются механизмами поддержания баланса сил и глобального управления. С этой точки зрения Вестфальская система определила принципы, но не задала механизмы. Отсюда как раз генетическое родство понятий «система международных отношений» и «миропорядок» через Вестфальский мир.

Вестфальская система заложила такие принципы как принцип суверенитета и взаимного признания государств, приоритет национальных интересов, приоритет государств-наций, принцип баланса сил, невмешательство во внутренние дела других суверенных государств, обязательство выполнять заключенные договоры, международное право и дипломатию.

Сопоставляя актуальные геополитические события с принципами Вестфальской системы, можно сделать вывод, что во многом мы вернулись к тому, с чего начинали. Так, принцип суверенитета в обновленной его версии становится привязан к технологиям, их распространению в глобализирующемся мире и управлению этим процессом с помощью санкций или же преференций.

Таким образом, когда мы говорим о независимости государства на внешнеполитической арене и праве самостоятельного управления во внутренних делах, то мы должны учитывать размывание понятия границ государства через технологическую интервенцию. То есть понятие «суверенитет» сужается в контексте технологий до уровня индивида: проживая в государстве А гражданин может пользоваться технологиями государства В. А значит, что государство В получает инструмент влияния на гражданина государств А в интересах собственного государства.

Именно это и произошло в России сначала в 2014 году на фоне Крымских событий и в 2022 году на фоне Специальной военной операции. Оказывая политическое давление на Россию, коалиция стран Запада во главе с США пустила в ход санкционное давление, цель которого повлиять на решение государства через его граждан, лишая их возможности пользования ставшими уже привычными благами жизни и тем самым провоцируя недовольство населения и объясняя это тем, что это реакция на политические решения государства.

Другой фактор трансформации суверенитета – информационный. Искажение информации, информационные мыльные пузыри и рост фейковой информации – как и в случае с экономическим фактором информационный «бьет» по индивиду. Цель – спровоцировать реакцию населения через «нужную» интерпретацию инфоповода. Почему это тоже можно отнести к суверенитету? Потому что это попытка подорвать политический курс государства через формирование недовольства граждан.

Другой принцип Вестфальской системы – невмешательство во внутренние дела государств. В условиях искаженного суверенитета нет вмешательства становится обезличенным — то есть это не конкретное государство, политические деятели или организации. «Вмешательство» происходит через неодоушевленные технологии и информацию. А это значит, что нет «виновника».

Стоит отметить, что принципы международных отношений были закреплены после Ялтинско-Потсдамских соглашений в Уставе ООН.

Особенность постбиполярной системы международных отношений в том, что частично произошел отход от Вестфалия через глобализацию, научно-технологическое развитие, деколонизацию и т.д.

Получается, что в совокупности нет юридических нарушений всех этих принципов, но де-факто содержание многих пунктов претерпело значительные изменения в глобализирующемся мире и эти новые тенденции не находят никакого внешнего отражения.

Какой вывод можно сделать? – Закладывая новый миропорядок, подход к трактовке устоявшихся принципов международных отношений должен тоже обновиться, поскольку сегодня определение границ государства, суверенитета и формирования колоний перешло

на уровень индивида. Это важно учитывать при определении факторов государственной независимости. Сейчас Россия хочет реанимировать именно Вестфальские принципы.

Линде А.Н.

(РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва)

ПОНЯТИЕ «КОММУНИТАС» В ПОДХОДАХ М. БУБЕРА, Н.А. БЕРДЯЕВА, В. ТЁРНЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ СТРУКТУРНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В политической науке различают холистские и индивидуалистические парадигмы. Индивидуалистические в большей степени рассматривают значение отдельной личности, их сложнее применять к макро-анализу. Вместе с тем, представляется, что жизнь человека в государстве никогда не сводится к его простому, запрограммированному структурой функционированию. Поэтому, чтобы изучить действие людей как свободных личностей на макроуровне, нами поставлено три вопроса:

1. Как на теоретико-философском уровне возможно сформулировать модель человеческой общности, состоящей из свободных личностей?
2. Существует, существовала ли в действительности община людей как свободных личностей?
3. Каким образом возможно её научное исследование?

Важно, возможно ли объединение и взаимодействие людей в обществе не в качестве структуры, а другого принципа, сохраняющего свободу, независимость, не механистическую естественность отношений между людьми. Эти вопросы важны и для политической науки, многие исследователи в которой оперируют понятием «структуры».

Мы полагаем, на все три вопроса мы можем ответить утвердительно. С нашей точки зрения, в том числе в политике таким союзом людей как личностей, сохраняющих свою индивидуальность, самостоятельность, является философски концептуализированная Бубером, Бердяевым и выявленная эмпирически Тёрнером человеческая «коммунитас».

Обычно не переводимый на русский язык термин коммунитас этимологически происходит от лат. *communitas* – общность, общежитие, общение.

Проанализируем философские разграничения коммунитас и структуры. Философ диалогических взаимоотношений между людьми Бубер противопоставляет отношения «Я и Ты» и «Я и Оно» в обществе. Отношения Я и Оно соответствуют взаимодействию Я, личности человека и внеличных, обезличенных, формализованных структур-институтов, за которыми не видно подлинной личности человека, с которым взаимодействуешь. Это можно сравнить со взаимодействием человека с судебным институтом в тоталитарной нацистской Германии, когда все надежды человека разбиваются об обезличенный институт, подчинённый преступной, по сути, системе. Этому состоянию Бубер противопоставляет взаимодействие между людьми по принципу «Я и Ты», когда люди вступают во взаимоотношения непосредственно, как две и более личности друг с другом, не теряя своих индивидуальностей. Такой тип отношений Бубер называет «коммьюнити» – «община», и по своей сущности они соответствуют исследованному Тёрнером «коммунитас». Это идеальные отношения в обществе, они могут быть представлены и между обычными людьми и представителем государства. Например, отношения «Я и Ты» - общины, могут быть представлены не только между спасающимися евреями в годы нацизма, но и между евреями и спасшим их государственным человеком Шиндлером. Они заключили подлинно личностные отношения, признав друг друга и

осуществив помощь по спасению человеческой личности. Это состояние «общинности» Бубер называет «сущностное Мы».

Близкое к пониманию Бубера видение развивает и Бердяев. Он противопоставляет механизированные, формализованные, обезличенные и объективированные отношения людей, приводящие к обезличенному, объективированному обществу, и подлинные, непосредственные жизненные отношения, основанные на диалоге личностей и их взаимопонимании на уровне аутентичного «Я» – ведущие к образованию соборной коммюнитарности.

Но, как показали дальнейшие исследования, коммунитас не является просто философским конструктом. Практический исследователь Тёрнер в работе «Ритуальный процесс. Структура и антиструктура» противопоставлял в действительности структуру и антиструктуру-коммунитас. Он определял коммунитас как особую сферу взаимодействий между людьми, в которой люди взаимодействуют друг с другом не с точки зрения их формальных социальных статусов в социально-политической структуре, а с точки зрения непосредственного чувственного восприятия личностей друг друга, признавая друг за другом равенство и полноценную индивидуальность каждого, входящего в коммунитас. Примеры Тёрнер находит не только в религиозных движениях Древности, христианских общинах или африканских племенах, но и в современных субкультурах, например хиппи и кибуцы.

В политических исследованиях использование коммунитас может быть полезно как в теоретических, так и в практических исследованиях, например:

1. Для моделирования идеального доструктурного естественного состояния людей, готовящихся заключить общественный договор;
2. Для анализа разных реальных естественных объединений людей в гражданском обществе для бескорыстной взаимопомощи друг другу.

Таким образом, общинность людей, не только сохраняющая, но и помогающая каждому из них проявить свою личность, была выявлена в философии в понятии коммунитас, как был доказано на практике, коммунитас существует в реальности, и её также можно операционализировать и изучать.

*Литвин Л.А.
(ЛГПУ, Луганск)*

БАЛАНС СИЛ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДОНБАССА

На протяжении своей истории человечество претерпело множество международных и локальных конфликтов. В XXI веке наряду с научно-техническим прогрессом, глобализацией и глокализацией наблюдаются военизированные конфликты, где задействованы национальные интересы государств, этнические и территориальные вопросы, а также геополитический порядок и расстановка сил на международной арене. Ввиду несостоятельности современных международных политико-правовых норм обеспечить мир и стабильность сейчас необходимо определенное обновление концепции мирового порядка, основой которого является баланс сил в международных отношениях и равновесие мира. Этим и определяется актуальность данной темы.

Целью данной работы является определение сущности теории баланса сил в международных отношениях и её значения для геополитического пространства Донбасса.

Основы теории и сам принцип политики баланса сил были разработаны и апробированы в государствах древнего Востока и Древней Греции. Так, еще Фукидид в своей работе «Афины против Мелоса» описывал формирование баланса сил между

древними государствами для общего порядка и процветания. Отдельные элементы проблематики изложены в трудах Н. Макиавелли, Т. Гоббса, М. Вебера, А. Шопенгауэра. Д. Хьюм заметил, что теория баланса сил основана на здравом уме и очевидной осмотрительности. Автором современной теории баланса сил считают исследователя национальных интересов Г. Моргантау, который провозгласил ее «основным и непреложным законом международных отношений».

Во внешней политике реализация концепции баланса сил заключается в том, чтобы не допустить преимуществ в том или ином регионе мира одного из государств путем создания враждебных коалиций. В то же время теорию баланса сил не признают, как эффективную и доминирующую многие ученые. Ее критиковали многие геополитики и государственные деятели. По их утверждению, идея силы преобладает над идеей права, безопасность государства основывается только на ее силе, и именно силе отдается предпочтение как самому действенному средству внешней политики.

Но, несмотря на возможное несовершенство теории баланса сил, в современном высокотехнологичном мире именно ее реализация может сохранить стабильное развитие человечества. Более того, баланс сил в своей основе не отрицает использование силы, а наоборот, обосновывает использование силовых и коалиционных ресурсов для обеспечения мирового равновесия.

Итак, баланс сил в международных отношениях – внешнеполитическая теория, основой которой является идея закономерности развития отношений между государствами в пределах определенных циклов на протяжении всей мировой истории. Содержание теории баланса сил формулируется в трех тезисах:

- основой рациональных международных отношений является стабильность, основанная на равновесии сил государств, которые потенциально могут воевать между собой;
- причиной войны является нарушение равновесия сил между государствами-врагами, что дает основания сильнее надеяться на победу и делает ее позицию бескомпромиссной, а поведение-агрессивным;
- стабильность можно поддерживать, создавая коалиции, направленные против сильнейшего из государств (нарушителя равновесия), к тому же суммарная сила членов коалиции должна быть не меньше силы противоположной стороны.

Главное в теории баланса сил – это положение о государстве-балансире. Как считал Г. Моргантау, тот, кто контролирует равновесие, занимает ключевую позицию в системе баланса сил, поскольку именно «балансир» определяет исход борьбы за главенство¹. Учитывая геополитическое положение, именно идея региона-балансира, путь достаточно сильной «срединной» территории или же геополитического пространства может стать успешной геополитической стратегией относительно интегрированных территорий Донбасса.

С теорией баланса сил тесно связана концепция формулы равновесия мира, так как в основе отражают одну цель – предотвращение доминирования в международной системе одной или группы государств, обеспечение поддержания международного порядка. Формула равновесия мира – это концепция системы равновесия сил, характеризующаяся отсутствием общей конфронтации, допуская вероятность конфликтов маргинального значения; распределение мирового влияния между отдельными центрами силы – «полюсами» (традиционно оптимальным количеством полюсов считается пять).

Как метко отметил О.Ф. Бисмарк, вся политика может быть сведена к формуле: старайся быть среди трех в мире, где правит хрупкий баланс пяти государств, это единственная настоящая защита против формирования враждебных коалиций².

¹ Morgenthau J.H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.-Y. : Alfred A. Knopf, 1978, 210 p.

² Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т.1. М. : ОГИЗ, 1940, 383 с.

Таким образом, на современном этапе концепцию баланса сил необходимо переосмыслить и модернизировать с точки зрения современной геополитической ситуации, а также новейших информационно-коммуникативных систем. Интегрированный Донбасс как геополитическое пространство может сыграть в этом определяющую роль.

*Лифанов И.С.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)*

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕАЛИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

1. Одной из главных проблем современной государственной политики является вопрос культурного самоопределения.

1. Эта проблема задана политической дискредитацией европейских ценностей и европейской модели самоидентификации (на базе идей этического плюрализма, наивного индивидуализма, прагматизма, латентного идеологического прозелитизма).
2. Однако в современных реалиях стремление к выстраиванию суверенной модели российской идентичности требует не только реставрации единого политического и духовного самосознания, но и учёта объективных условий современной человеческой культуры.
3. Ключевым условием современного мира является становление культуры информационного общества.

2. Обстоятельство современного инф. общества.

1. Социокультурную специфику такого общества, составляет, прежде всего, размытие традиционных представлений о национальном, этническом или географическом различии.
2. При необходимости реставрации более традиционных форм политической организации общества (построенном на духовном единстве и безвозмездном предпочтении общих интересов частным) необходимо учитывать естественную аксиологическую дисперсность информационной среды.

3. Определение ключевых характеристик культуры инф. общества.

1. Она известно преимущественно в контексте историографического сравнения развития медиа технологий, исследования масштабов глобализации и цифровизации человечества.
2. Однако в ситуации экзистенциальной угрозы российской государственной системе необходимо более живое понимание актуальных обстоятельств.
3. Формальной чертой инф. общества является разнообразие дискурсов (см. гетеротопия М. Фуко), однако, феноменологический опыт такого разнообразия состоит несколько в ином спектре впечатлений.
4. Существенным аспектом современной гетеротопической реальности является ирредукция контрверсивности – неразрешимость противоречия.
5. Фрактальная сложность и самоустроенность окружающего мира диссонирует с личным опытом действительности, сопровождающегося неизбежностью неразрешимых противоречий (сосуществование с тем, что не вкладывается в систему твоего опыта, привычки или воспитания).
6. «Неразрешимость» понимается как опыт «более широких пространств», опыт наличия иных систем измерения недоступных для понимания в полной мере, но суждение которых занимают столь же претенциозное и самодостаточное (на вид)

место в мире, как и другие. Любое даже самое отвратительное «для меня» явление или мнение – *жизнеспособно* в системе современного мира.

7. Любая попытка вербализации своих наблюдений попадает в контекст неограниченных контекстуаций, размывая интуитивное желание ясности.
8. Вопрос оказывается в том, какие дискурсы и какие ценностные параметры приобретают преимущество в отношении конкретного места и времени. Актуальность текущего «места» становится мерилем понимания реальности.

4. Образование новой формы социальной структуризации

1. Человек вынужден испытывать вечное присутствие «иного», вечно неучтённого нюанса, который вынуждает пересматривать своё отношение с неким предметом. Состояние растерянности или предчувствие явления иного становится материей восприятия и понимания окружающей действительности.
2. Таким образом, человек оказывается вынужден предпочитать «сам-по-себе» складывающийся порядок дел, как некое единственное обстоятельство интуитивной ясности и надёжности (даже если человек им не удовлетворён).
3. Обстоятельство современного общества, в условиях информационной реальности, естественным образом переходит от модели социальной атомизации к модели социальной кластеризации, или «ойкумены».
4. То есть образование кластеров замкнутых культурных сред, замкнутых в смысле интуитивного предпочтения сложившегося положения дел иным формам культурного существования, предпочтение интуитивно понятных способов разрешения испытываемых противоречий как средство социального, политического, а также, самоидентификационного замыкания.
5. Политическая самоидентификация строится, таким образом, как форма резонанса различных социальных кластеров и узлов влияния, а не как идеологический монолит (на манере идеологических общественных единств в эпоху национальных государств), язык которого выстроен на языке того социального кластера, в орбиту которого входят данные формы влияния.

Лиханова Т.Ю.
(ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва)

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ¹

В постсоветский период 1990- 2000-х годов национальная культура и история были отнесены к второстепенным явлениям, скорее мешающим интеграции с западным миром. История использовалась как инструмент для покаяния перед Западом. Продолжавшееся в течение более 20 лет (с конца 1980-х) негативное отношение политических и культурных властей к истории и культуре, в особенности советской, не могло не привести к тяжелым последствиям. Аномия, переориентация населения, особенно молодёжи, на западные ценности и идеалы стали ярким следствием этого отношения. С ростом напряженности во взаимоотношениях между Россией и западными странами, введением санкций против России, усилилось государственное внимание к факторам, обеспечивающим национальное единство и целостность, дающим возможность дальнейшего устойчивого существования в условиях глобального противостояния. Руководством страны были предприняты шаги для осмысления и формулирования духовно-нравственных ценностей российского общества. В

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00438, <https://rscf.ru/project/23-18-00438/>.

стратегических документах национальная культура была обозначена в качестве национального приоритета, отмечена ее роль в сохранении культурной и территориальной целостности государства.

Одним из ключевых становится вопрос о том, насколько глубоко перестроечный и постперестроечный период повлиял на состояние национального самосознания, на знание и отношение народа к культуре и истории. В первую очередь, это касается молодежи, самой уязвимой социальной группы. Риск демассификации и фрагментации культуры, подмены национальной культуры суб- и контркультурами, культурными эрзацами, ведет к риску потери национально-культурной идентичности и нарушению территориальной целостности.

Нами были проанализированы результаты ежегодного социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проведенного Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2023 году. В состав рабочей группы входит автор данных тезисов. Полученные данные показали отсутствие в российском обществе реального консенсуса по поводу единой системы ценностей, разделяемой как обществом, так и государством. Проводимая государством политика часто вступает в противоречие с декларируемыми государством ценностями. Требуются реальные действенные меры для того, чтобы привести в соответствие, в первую очередь, экономическую и культурную политику государства с традиционными духовно-нравственными ценностями российского общества. Между ценностями, которые транслируются в общество, в том числе, лидерами общественного мнения, пользующимися наибольшим доверием, и ценностями, которые воспринимаются обществом как основополагающие, существует острое противоречие. Обществом четко осознается несоответствие нынешней социально-политической ситуации его реальным запросам. В частности, это касается такой категории, как социальная справедливость. Отсутствие консенсуса делает поле ценностей открытым для влияний извне, способным заполняться ценностями из любых источников, включая чужеродные элементы, представляющие опасность для национального самосознания.

*Лукьянова Г.В.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM¹

Традиционная теория формирования повестки дня, первоначально предложенная МакКомбсом и Шоу, постулирует, что СМИ способны влиять на восприятие значимости вопросов в общественном сознании в зависимости от того, какие темы получают широкое освещение. Эта теория предполагает, что выбор и акцентирование СМИ на определенных темах может формировать у аудитории представление об их важности. Однако с учетом того, что в настоящее время одним из основных источников информации становятся социальные медиа, традиционная модель была трансформирована в модель интермедийного формирования повестки дня, которая признает, что наряду с традиционными СМИ социальные медиа-платформы участвуют в процессе трансфера контента в информационном пространстве и играют важнейшую роль в формировании общественного мнения. В то время как традиционная теория формирования повестки дня фокусируется на влиянии «сверху вниз» со стороны источников массовой информации,

¹ Проект № 123091200070-7 «Механизмы формирования повестки дня в каналах «Telegram»» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

важно также учитывать влияние «снизу вверх», которому способствует пользовательский контент, распространяемый на платформах социальных сетей. Модель вероятности сознательной обработки информации (Elaboration Likelihood Model, ELM) представляет собой основу для понимания процесса обработки информации в социальных сетях, где индивиды, сталкиваясь с убеждающими сообщениями, используют два различных маршрута обработки: центральный маршрут, предполагающий высокую степень детализации или вдумчивое рассмотрение, и периферийный маршрут, предполагающий низкую степень детализации или эвристические подсказки. Другой теоретической основой, способствующей пониманию процесса формирования повестки дня в социальных медиа, является сетевая модель, которая фокусируется на анализе взаимного влияния между различными акторами (отдельными лицами, организациями и сообществами), участвующими в процессах формирования повестки дня.

С февраля 2023 года Telegram по данным журнала Fortune занимает второе место по обмену сообщениями в мире. По данным Mediascope Cross Web, количество уникальных пользователей мессенджера в России за сутки впервые превысил 50 млн человек (третий результат по рунету после ВКонтакте (53,3 млн) и YouTube (51,3 млн)).

Telegram можно рассматривать как относительно открытую, но слабо модерлируемую дискуссионную арену, что подчеркивает актуальность изучения того, как растущая популярность каналов Telegram может способствовать формированию виртуальных сообществ единомышленников через общие нарративы, которые потенциально могут привести к поляризации за счет выхода за пределы их собственных публичных сфер, достигая менее вовлеченные аудитории. Более того, в условиях информационного противостояния и быстрого распространения дезинформации, изучение того, как формируется и конструируется повестка дня, становится необходимым для борьбы с ложными нарративами. В связи с этим крайне важно представлять основные механизмы распространения политического контента в данном медиа, а также дискурсивные особенности отдельных кластеров распространения информации.

Соотнесение полученных в результате исследования эмпирических данных, иллюстрирующих закономерности распространения информации в мессенджере Telegram в России, с такими теоретическими моделями как «информационные пузыри» позволяет выявить информационные кластеры более высокого уровня, чем отдельные каналы и сообщества, определить их содержательные аспекты и установить принципы формирования этого контента.

Лю Ц.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЙСКОЙ ШКОЛЫ ТМО «ТЕОРИЯ ОТНОШЕНИЙ»

За последние несколько десятилетий большинство исследований глобального управления в основном велись в рамках парадигмы неолиберального институционализма, а управление, основанное на правилах, стало почти единственной предлагаемой моделью в исследованиях международных отношений¹. Известный китайский учёный Цинь Яцин считает, что управление на основе правил — не единственное решение, возможны и другие полезные методы, основанные на опыте разных культур, в их истории и политических практиках. Основываясь на этом, Цинь Яцин попытался соединить западную теорию

¹ Барабанов О.Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы / О. Н. Барабанов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 2. С. 5-13. – EDN KXXREZ.

международных отношений и китайское культурное мышление, в котором самым важным понятием являются «отношения» (relationality)¹. В 2016 г. он выпустил статью, в которой официально зафиксировал название своей теории «теория отношений мировой политики» (Relational Theory of World Politics)².

В своей теории отношений Цинь Яцин выдвинул три основных допущения

Во-первых, Цинь Яцин рассматривает международную систему как целостный и динамичный «мир отношений», состоящий из взаимосвязанных непрерывных событий и продолжающихся отношений. Он указывает на контекстно-ориентированное общество, где вещи, люди, события существуют в сложном контексте (совокупности кругов человеческих отношений), без которого ничто из них не будет существовать.

Во-вторых, идентичность и роль акторов определяется отношениями. Его действия характеризуются как рациональные или соответствующие нормам в зависимости от природы его отношений с другими. Цинь подчеркивает, что, хотя государства и являются акторами в мировой политике, анализ последней должен начинаться с изучения отношений, нежели самих государств. Доминирующие западные ТМО в основном фокусируются на индивидуальных акторах, а не на отношениях между ними.

В-третьих, большинство западных теорий (в том числе и конструктивизм) уделяют особое внимание структуре, Цинь сосредотачивается на процессах, которые он определяет, как «динамические взаимодействия». Этот процесс имеет особое значение, потому что в этом процессе «вырабатываются национальные интересы государства, развиваются нормы, возвращаются коллективные эмоции и строится общая идентичность через взаимодействие»³.

На уровне эпистемологии китайский философ Цинь вводит следующие концептуальные основы:

Во-первых, метаотношения (упрощенная форма рассмотрения всех отношений) – в отличие от гегелевской диалектики, рассматривают отношения между двумя противоположными полюсами как неконфликтные.

Во-вторых, диалектика «Чжунюн» (способ понимания этих метаотношений) – подразумевает, что одна половина всегда включает в себя часть другой, хотя они и разные.

Китайская диалектика не отрицает существование конфликта, наоборот, конфликт рассматривается как прогрессивный шаг на пути к гармонии, являющейся высшей формой жизни⁴⁵. Применение данного подхода в международных отношениях позволяет пересмотреть понимание сотрудничества и конфликта между акторами.

Управления на основе отношений – это подход, который отличается от управления по правилам. Некоторые западные ученые называют его процессом «не полагаться на правила и положения, а достигать консенсуса посредством дискуссий и переговоров». Это управление воплощает в себе содержание расы, культуры, ценностей и основано на взаимном доверии между странами. Управление отношениями и управление правилами взаимозаменяют и дополняют друг друга, и каждое из них имеет свои преимущества для разных объектов и содержания управления⁶.

¹ Цинь Яцин *Отношения и процессы: культурные основания китайской теории международных отношений*. М.: Шанхайское народное издательство. 2012.

² Цинь Яцин «Теория отношений» в международной политике // *Мировая экономика и политика*. 2015. № 2. С. 4-10

³ Huang C. C., Shih C. *Harmonious Intervention: China's Quest for Relational Security*. New York, Routledge, 2016. 210 p.

⁴ Qin Yaqing. *A Chinese School of International Relations Theory: Possibility and Inevitability*. *World Economics and Politics*, 2006, vol. 3, pp. 7-13.

⁵ Понька Т. И. Китайский взгляд на теорию международных отношений / Т. И. Понька, А. С. Бельченко, А. А. Забелла // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 10. С. 76-86. DOI 10.20542/0131-2227-2017-61-10-76-86. – EDN ZNIGYX.

⁶ Paul J. Davidson «The Role of Soft Law in the Governance of International Economic Relations in Asia», *Chinese Taiwan Year Book of International Law & Affairs*, Vol.24, No.1, 2006, p. 2.

Таким образом, глобальное управление на основе отношений, характерное для китайской культуры, и управление на основе норм, более присущее западу, могут дополнять друг друга, чтобы создать более эффективный и гуманный подход к глобальному управлению.

Мажников В.И.
(Университет «Синергия», Москва)

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В российской политической науке тема революции продолжает оставаться актуальной на протяжении долгого времени. И не только в отвлеченном научно-теоретическом аспекте, но и как практика перехода от одного исторического этапа развития российского общества к другому. Российское общество неизменно воспроизводит в течение XX века революционные методы и способы социальных преобразований. Можно ли сегодня утверждать, что российское общество исчерпало лимит на революции или существует предпосылки новых революций? Ответ на этот вопрос и определяет актуальность затрагиваемой темы статьи.

Революцию вполне можно назвать моделью социального конфликта индустриальной цивилизации, ключевым понятием современной эпохи. Данная историческая форма социального конфликта создается самой природой и динамикой индустриальной цивилизации. Революция как новый тип социального конфликта становится во многом единственным способом разрешения социокультурных противоречий современного общества. В этом смысле вступление России в XX век начинается с революции, потому что к этому времени назревает ряд противоречий, которые требовали своего разрешения в процессе перехода к современному индустриальному обществу.

Начавшаяся модернизация страны имела свои особенности, связанные с тем, что нужно было в кратчайшие сроки пройти тот путь, который западные страны проходили в результате длительной эволюции. В итоге форсированная модернизация страны привела к первому срыву в революцию 1905-1907 гг. Не завершенность первой русской революции, как и всех последующих, обуславливается не только сопротивлением традиционалистских сил, но и слабостью тех действующих сил революции, которые представляют модернизаторские слои общества. Во многом это обуславливалось существовавшим еще с петровских реформ социокультурным расколом российского общества. Именно существование этого раскола между основной частью тогдашнего российского общества – крестьянством и старым, новым дворянством, либеральной интеллигенцией порождало вражду и недоверие в их отношении друг к другу, ослабляло влияние нового модернизаторского класса в начавшейся революции. Во многом результатом этого недоверия со стороны революционных масс в 1905-1907 гг. становится образование Советов.

Второй этап развития Русской революции, начавшийся в феврале 1917 г. происходит в условиях первой мировой войны, которая становится, на наш взгляд, одним из главных препятствий в окончательном завершении революции на принципах модернизации. В этот раз революция начинается с крушения одного из главных оплотов торможения первой русской революции – монархии. Создаются как бы политические предпосылки для успешного завершения первого этапа революции. Но своего рода политическим оппонентом силам либерально-демократической направленности в этой начавшейся революции становятся Советы. Не сразу, но по мере углубления всеобщего кризиса Советы становятся центром консолидации всех тех сил, которые выступают против курса на модернизацию страны. Решительным этапом в этом процессе становится

большевизация Советов к осени 1917 г. В октябре этого года, с окончательным установлением власти Советов, возглавляемые партией большевиков, происходит очередной срыв российского общества в состоянии незавершенности перехода к современности.

Третий этап развития Русской революции связан с эпохой перестройки. Начавшееся по инициативе «сверху», с целью реформировать существующую советскую модель социализма, она по мере своего развития вновь поставила насущные проблемы модернизации российского общества. Произошедшие в 1991-92 гг. события были по сути своей революционными и по содержанию и по способам осуществления перехода к новому общественному устройству. Но также, как и на предыдущих этапах своей истории, добившись успехов в одном направлении развития модернизации, русская революция отставала в утверждении и развитии других направлений. Забегание вперед с экономической модернизацией страны и одновременно отставание политической модернизации порождал противоречивый симбиоз незаконченности, незавершенности очередного этапа Русской революции 91-92 гг.

Таким образом, характернейшей чертой русской революции является ее непрерывность, которая обуславливается и постоянно подпитывается незавершенностью самих процессов модернизации российского общества, ее постоянными срывами. Начавшаяся еще в начале XX века, с первой революции 1905-1907 гг. Русская революция продолжилась в феврале-октябре 1917г. потом получила свое продолжение в революционных событиях 1991-1992 гг. И можно сделать предположение, что будет иметь продолжение и в будущем по тем же самым причинам незавершенности процессов модернизации. Революция раз за разом срывалась из-за вмешательства антимодернизаторских сил уводившие страну от разрешения противоречий традиционного общества.

*Максименко А.А. (НИУ ВШЭ, Москва)
Дейнека О.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
Зябликов А.В. (КГУ, Кострома)
Вахрушева А.В. (КГУ, Кострома)*

КТО БЛИЖЕ К НАРОДУ? СЕТЕВОЙ ДИСКУРС МЭРА VS СЕТЕВОЙ ДИСКУРС ГУБЕРНАТОРА¹

Цифровая коммуникация стала неотъемлемой частью взаимодействия региональных органов власти и муниципалитетов с населением. Можно сказать, что на современном этапе этот срез информационного пространства является наиболее показательным для характеристики диалога власти и общества.

Изучение механизмов взаимодействия государственных и муниципальных органов с гражданами в цифровой публичной сфере, выявление проблемных зон в налаживании обратной связи приобретает особую актуальность, требует использования новых и нестандартных опросных методик.

В качестве инструмента для исследования степени соответствия контента в постах губернатора и мэра в социальной сети «ВКонтакте» запросам и проблемам населения был использован 2-пунктный опросник, включающий следующие утверждения: «Насколько информация в постах губернатора в социальной сети «ВКонтакте» соответствует запросам и проблемам горожан?» и «Насколько информация в постах мэра в социальной сети «ВКонтакте» соответствует запросам и проблемам горожан?». Инструкция предполагала

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № F-ZEW-2023-0007.

ответы на вопросы по 5-балльной шкале от 1 – полностью не соответствует до 5 – полностью соответствует. Кроме того, для выявления отношений в системе «гражданин-государство» применялся Опросник гражданина (Дейнека, 2015).

Всероссийский опрос осуществлялся в период с 3 сентября по 5 сентября 2023 года с помощью онлайн-сервиса Toloka (toloka.yandex.ru) и онлайн-конструктора анкет Анкетолог (anketolog.ru). В исследовании приняли участие 1344 респондента. Возраст анкетированных от 18 до 73 лет (средний возраст – 34,52; SD=11,66), половой состав опрошенных включал 56 % женщин и 44 % мужчин. Кроме пола и возраста, отмечался субъективный доход респондентов и степень их религиозности, учитывался размер населенных пунктов, в которых проживают опрошенные (степень урбанизации респондента).

Анализ полученных данных позволил оценить степень соответствия контента постов губернатора и мэра потребностям и запросам населения в цифровом диалоге «власть-общество» (табл.).

Таблица

Степень соответствия постов губернатора/мэра проблемам и запросам населения, по мнению респондентов (N=1344 чел.), %

Контент в социальной сети «ВКонтакте»	Полностью не соответствует	Не соответствует	Затрудняюсь ответить	Соответствует	Полностью соответствует
В постах губернатора	10,2	17,2	41,4	25,5	5,7
В постах мэра	7,9	15,5	43,8	27,6	5,3

Как видно из таблицы, чуть больше несоответствия¹ запросам и потребностям населения содержится в постах губернаторов (27,3%) нежели мэров (23,4%).

Проведенный корреляционный анализ позволил установить, что большая степень согласия с тем, что контент представителей органов власти соответствует проблемам и запросам населения среди тех респондентов, у кого есть образ будущего нашего государства ($p<0,001$), кто верит, что экономическая ситуация в России улучшится через 3 года ($p<0,001$), испытывает гордость за то, что является гражданином России ($p<0,001$), верит, что наше государство способно достигнуть многого в глобальном мире ($p<0,001$).

В то же время среди разделяющих мнение о том, что контент представителей органов власти соответствует проблемам и запросам населения тех респондентов, у кого введение новых законов в стране никогда не вызывает тревогу ($p<0,001$), кто не считает, что во всех проблемах нынешнего общества виновата власть ($p<0,001$). Женщины и граждане, оценивающие себя как менее обеспеченных и более религиозно настроенных, полагают, что посты представителей власти в социальных сетях больше соответствуют запросам и потребностям населения ($p<0,01$). С другими социально-демографическими параметрами значимые взаимосвязи обнаружены не были.

Таким образом, проведенный всероссийский экспресс-опрос позволил сделать вывод, что контент постов губернаторов (в рамках онлайн-диалога власти и общества) незначительно меньше соответствует запросам и потребностям населения, чем мэров российских городов. Кроме того, удалось установить значимые взаимосвязи между согласием соответствия сетевого контента губернаторов/мэров запросам населения и социально-демографическими параметрами респондентов, а также их отношениями в системе «гражданин-государство».

¹ Сумма значений вариантов ответов «полностью не соответствует» и «не соответствует».

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ

В последнее время в российском политическом дискурсе все чаще возникает тема труда. На последнем Петербургском международном экономическом форуме (15-17 марта 2023 г.) был обозначен курс России на достижение новой геополитической и геоэкономической реальности: отход страны от политики глобализма и ее переход на качественно новый уровень развития – к суверенной экономике. Новая стратегия предполагает, в первую очередь, достижение технологического суверенитета страны за счет повышения ее самодостаточности в результате интенсификации научно-технологического и инновационного развития. Соревнование между крупнейшими странами все больше сводится именно к достижению первенства в области современных технологий, поэтому включение этих проблем в политическую повестку дня становится особенно актуальным.

Форсированный переход страны к наукоемкой экономике требует соответствующего изменения политики государства, которое предполагает переход от либеральной модели управления к политике проконкурентного порядка, призванного формировать и реализовывать долгосрочную национальную политику. В политической повестке – трансформация социально-экономической сферы на принципах устойчивого развития и, как следствие, повышение конкурентоспособности страны, обеспечение ее технологического суверенитета.

Особая роль в реализации этой глобальной стратегии отводится насыщению рынка труда квалифицированными, хорошо оплачиваемыми кадрами, тогда как в России острой проблемой становится дефицит кадров, который затрагивает в значительной степени все отрасли экономики и практически любые формы ведения бизнеса. С началом реформ 90-х в стране наблюдается стойкое снижение интереса к изобретательству, что связано как с несовершенным правовым регулированием данной сферы, так и с проблемами ее стимулирования, сокращается численность ученых РАН. Внедрение новых технологий «тормозит» и бизнес, так как до сих пор многие предприниматели в качестве основного конкурентного преимущества рассматривают использование на своих предприятиях дешевой низкоквалифицированной рабочей силы. Большинство российских промышленных предприятий оказываются не готовыми к масштабным инвестициям в технологическую модернизацию. Ситуация осложняется возросшей в последние годы «утечкой мозгов» несмотря на то, что в стране вкладываются значительные средства в подготовку талантов.

Представляется, что для преодоления кризисной ситуации и обеспечения гибкости рынка труда в современных условиях необходимы конкретные решения на уровне государства, определение национальных задач достижения конкурентоспособности в контексте кадровой политики. Очевидно, что адаптация всей системы социально-трудовых отношений к новым вызовам будет эффективной только в том случае, если она осуществится с учетом заранее прогнозируемых технологических и социальных изменений.

Решить проблему «кадрового голода» возможно при активном взаимодействии всех субъектов процесса формирования трудового потенциала страны: государства, системы профессионального образования, бизнеса, науки, самого человека и только при условии кардинального изменения сложившейся системы их взаимодействия на сетевой формат. В этом случае на пути к экономике знаний между субъектами производства, образования и науки формируются рыночно-партнерские отношения, а проконкурентная политика государства призвана обеспечить условия их устойчивого расширенного воспроизводства.

Ключевая задача нового взаимодействия – предоставить работникам максимально широкие возможности для обучения и трудоустройства, а от работника, в свою очередь, ожидать ответственности за максимальную реализацию собственного потенциала. Изменение условий сетевого взаимодействия предъявляет новые требования к способностям и мотивации человека, а также создает для него новые перспективы на рынке труда, что дает возможность рассматривать человекоцентричные сети как принцип выстраивания государственной кадровой политики.

Малешевич А.В.
(МГИМО МИД России, Москва)

РАДИКАЛЬНЫЙ ЦЕНТРИЗМ И СМЕЩЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВПРАВО

Идея радикального центра указывает на тенденцию к сближению позиций правого и левого флангов идеологического спектра и формированию новой консенсусной модели политики, которая нашла практическое выражение в западных странах после завершения Холодной войны. Концептуальной основой для утверждения радикального центризма стала идея «третьего пути», наиболее подробно описанная в работах британского социолога Э. Гидденса в 1990-е гг. на фоне усиления неолиберальной критики государственной модели социализма¹. Ощущение триумфа в капиталистическом лагере сделало возможным пересмотр некоторых идейных принципов западной социал-демократии, в том числе модели государства всеобщего благосостояния, в сторону их соответствия критериям глобальной рыночной экономики. Следовательно, «третий путь» позиционировался как альтернатива как классической социал-демократии, так и неолиберальному капитализму. Для левых сил в строгом смысле такая постановка вопроса означала смещение вправо, как, впрочем, и для либерального центра, испытавшего влияние идейного консервативного поворота в связи с крушением мировой системы социализма. Лозунги «третьего пути» проявлялись в политической риторике администраций Т. Блэра в Великобритании, Б. Клинтона в США, Ж. Ширака во Франции и т.д. Однако представляется, что понятие «третьего пути» более уместно для описания политических реалий транзитного постбиполярного периода, тогда как для современного анализа больше подходит концепция радикального центризма, поскольку в ней уже заложен критический элемент, а не исключительно апологетический.

Системная критика т.н. «постполитического подхода», построенного на преодолении конфликтности и различий в политике, представлена в работах бельгийского философа Ш. Муфф, в частности в тексте «Иллюзия консенсуса»². Видимое достижение компромисса вокруг некоего центра Ш. Муфф расценивает как формирование (неолиберальной) гегемонии. На практике, как уже отмечалось, происходит маргинализация левых партий и движений, их смещение на позиции левого центра, что имеет очевидные последствия с точки зрения их экономических и политических требований, которые все меньше представляют угрозу для системы. Парадоксальным образом снижение радикализма на левом фланге трансформируется в радикализм внутри системы, или радикализм самой системы, ее тотальность. При этом нельзя сказать, что формирование правого центра происходит по той же логике, когда крайне правые партии и движения смещаются на более умеренные позиции. Напротив, правый центр формирует в основном из смещения право *классического* либерального центра.

¹ Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity. 1998.

² Mouffe Ch. L'illusion du Consensus. Paris: Albin Michel. 2016.

Американской политолог С. Липсет еще в 1960-е гг. ввел термин «экстремизм центра»¹, проводя аналогии с фашизмом как попыткой синтеза левых и правых идей, опирающейся на поддержку среднего класса. Иными словами, центристский экстремизм может указывать на утверждение антидемократических подходов со стороны среднего класса, хотя в данном случае невозможно ответить однозначно, что именно в интересах среднего класса. Развивая критические идеи Ш. Муффа о бесконфликтном обществе, где нет разделения на левых и правых, словенский социолог М. Великоня отмечает, что отказ от политической борьбы внутри общества (внутри одной системы) повышает уровень конфликтности и склонности конфронтации по отношению к внешним угрозам, будь то другие цивилизации, расы, культуры или религии².

Малинова О.Ю.
(НИУ ВШЭ, Москва)

ПАМЯТЬ О 90-Х КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ К НОВОМУ КРИЗИСУ: АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ РОССИЙСКИХ СМИ

Хотя кризисы различной природы и длительности – не редкость в жизни современных обществ, их наступление всякий раз вызывает социальный шок. Ведь кризис – это состояние высокой неопределенности, когда привычные средства достижения целей становятся неадекватными, и люди вынуждены искать новые стратегии, не имея надежных ориентиров. Может ли память о прошлых кризисах служить ресурсом для адаптации к последующим? И в какой мере актуализация такой памяти в новом контексте сопряжена с ее трансформацией? Предлагаемый доклад – попытка ответить на эти вопросы на основании исследования публичных практик обращения к памяти о начальном периоде постсоветской трансформации в 1990-х гг. в контексте обсуждения социальных и экономических проблем, возникших в России в первые месяцы специальной военной операции (СВО), объявленной президентом В.В. Путиным 24 февраля 2022 г. Хотя экономисты и социологи отсчитывают текущий кризис с 2014 г., в российском публичном дискурсе именно начало СВО, обусловленные ею беспрецедентные международные санкции, уход с российского рынка ряда глобальных компаний, нарушение налаженных технологических и логистических связей, рост эмиграции и др. стали интерпретироваться как обстоятельства, создающие уровень неопределенности, сопоставимый с тем, что старшим поколениям россиян довелось пережить в 1990-х гг.

Исследование опирается на теорию фреймов памяти И. Ирвин-Зарецки. Через выделение типичных способов фреймирования опыта 90-х в медийном дискурсе в первые шесть месяцев после 24 февраля 2022 г. автор пытается определить, каким образом этот опыт связывался с текущими проблемами, и таким образом выявить роль памяти в адаптации к новому кризису. Материалами для анализа послужили публикации печатных и электронных медиа, ориентирующихся на разные читательские аудитории. Для выявления способов фреймирования упоминаний о 90-х был проведен качественный контент анализ с использованием приложения MAXQDA.

Исследование показало, что в контексте обсуждения кризиса, разворачивавшегося в первые месяцы после 24 февраля 2022 г., актуализация памяти о 90-х действительно имела место: травматический опыт начального периода постсоветских реформ много вспоминали. Он имел значение при обсуждении широкого круга проблем, от экономических стратегий на макро и микроуровнях, до геополитики. При этом репрезентация памяти о 90-х в основном опиралась на ранее сложившиеся стереотипы. Сравнение теперь и тогда вело к разным выводам в зависимости от того, какие стереотипы были задействованы. Исследование

¹ Lipset S.M. Political Man – The Social Bases of Politics. New York: Anchor Books. 1963.

² Velikonja M. Post-Socialist Political Graffiti in the Balkans and Central Europe. Routledge. 2019. P. 124

подтвердило предположение, что в обстоятельствах неопределенности, обусловленной вынужденной перестройкой экономических отношений, социальных ожиданий и политического целеполагания, память о коллективном травматическом опыте выступает в качестве ресурса адаптации, что сопряжено с частичной с трансформацией поддерживающего ее смыслового каркаса. Актуализация памяти о 90-х в качестве символического ресурса для адаптации к новому кризису влечет за собой частичную трансформацию поддерживающих ее смысловых конструкций, однако связанные с нею идеологические расколы сохраняются и продолжают определять структуру публичного дискурса о прошлом.

*Малышева Е.М.
(АГУ, Майкоп)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ АНТИРОССИЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Стремительно развивающиеся информационные технологии ставят вопрос о результативности исторически сложившихся традиционных политических практик, используемых в идеологическом противостоянии России и западных стран. Антироссийская информационная война, многократно усилившаяся после начала СВО, откровенно направлена на подрыв российского внешне и внутривнутриполитического курса, ослабление России как государства и крупного субъекта международного актора. В динамично трансформирующемся миропорядке востребованы новые подходы политической науки к интерпретации происходящих изменений общепланетарного масштаба. В XXI в. интернет как канал политической коммуникации становится доминирующим инструментом влияния на общественное сознание: возникла и интенсивно продвигается новая коннотация в традиционной антироссийской информационной войне. Из многообразных форм СМИ интернет-ресурсы стали практически определяющим артефактом современной культуры коммуникации, в рамках которой разворачиваются публичные дискуссии, фактически информационные войны, в первую очередь антироссийской направленности. Преследуется цель закамуфлированного, скрытого воздействия на общественное сознание граждан РФ, управление их поведением с целью побуждения к чуждым их взглядам поступкам в интересах субъекта политической манипуляции.

В этом контексте востребовано радикальное изменение традиционных практик информационного противоборства. Вместо достаточно долго доминировавших линейных теоретических, политических и идеологических проектов, сформировались новые подходы к формам трансляции используемых политических практик. Анализ средств ведения информационной войны в современном англоязычном политическом дискурсе показал, что лингвистические приёмы информационной войны способны полностью изменить коннотацию: эмоционально-оценочное восприятие отображенных в СМИ событий и отношение к ним. Наблюдается подмена семантики, размывание содержания самой сути содержания и его радикальная трансформация, позволяющее использовать текст в геополитических целях.

Многовекторные Интернет-издания вместо ставших привычными терминов «информационная война», стали использовать такие определения войны как: «гибридная», «когнитивная», «медиа», «война смыслов» и др., объединённые одним термином «война мемов». Синергетический характер интернет-мема складывающийся на пересечении IT-технологий, цифровой культуры и политической коммуникации, является одним из малоисследованных феноменов. Исследователи отмечают, что теоретические подходы к изучению этой формы современной политической коммуникации находятся в стадии разработки. Тем не менее интернет-мем уже сегодня активно используется как

эффективный инструмент электоральных протестных коммуникаций, публичных дискуссий в продвижении политического дискурса с целенаправленной конкретной установкой по злободневным вопросам.

Исследователи отмечают активизацию «милитаристских» тем в информационном противостоянии в таких коммуникационных сферах как Political Studies, Media Studies и Communication Studies и др. Ряд интернет СМИ, изданий признаны иностранными агентами и заблокированы в России как источники распространения информации антироссийской направленности и подрывную работу внутри страны. В интернет-ресурсах развернуты масштабные антироссийские кампании, направленные на фальсификацию исторической правды. Кибертерроризм и другие формы воздействия на общественное сознание стали «нормой». Разноформатные интернет-ресурсы нуждаются в корреляции формы и содержания в соответствии с ужесточением антироссийской политической риторики и коннотации. Современная информационная война используется как инструмент фальсификации истории, в первую очередь, периода Великой Отечественной войны: возникает объективная необходимость защитить нашу историю. Проблематика информационных войн носит междисциплинарный характер.

Преследуется цель пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить роль СССР в разгроме фашизма. В сутки только на русском языке зарубежные СМИ транслируют 150 млн сообщений на такие темы, как: СССР агрессор, виновник Второй мировой войны, приравнение коммунизма и нацизма, Гитлера и Сталина и т.п. На информационные вбросы, связанные с политикой искажения исторической памяти, только США планируют потратить 15 млрд долларов. Поле для манипуляций создавалось с момента развала СССР и расширяется за счёт низкого уровня исторического знания. Антироссийские аналитики стали активно использовать историю военного периода как компонент гораздо более масштабной чем та, которая способствовала развалу СССР гибридной войны.

Информационное противодействие противнику во всех сферах общественной жизни – задача не менее важная, чем формирование военных подразделений. В РФ принят закон, предусматривающий наказание за приравнение СССР к нацистской Германии, за и отрицание роли Советского Союза во Второй мировой войне. Информационная война, искажающая историческую память, направленная на разрушение традиционных духовных ценностей народов России, является угрозой национальной государственной безопасности и суверенитету Российской Федерации.

*Мальшева Г.А.
(ФНИСЦ РАН, Москва)*

О СУВЕРЕНИТЕТЕ РОССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Цифровая трансформация – один из ключевых феноменов, от которых зависит облик и пути развития современного мироустройства. Для России важно определить как свое место в цифровых процессах, так и задачи, связанные с реализацией ее государственных и национальных интересов в новом социально-технологическом контексте. Сегодня эта проблема рассматривается на фоне обострения геополитической конфронтации, частично принявшей форму военного конфликта. В данной связи мы обращаемся к теме суверенитета, выделяя в этом многоплановом понятии два аспекта, так или иначе связанных с проблематикой цифрового перехода – суверенитет технологический и культурно-ценностный.

Экономическая и политическая глобализация происходила под знаком гегемонии западного мира во главе с США. В наши дни все большую динамику приобретает перераспределение мировых центров влияния в пользу незападных игроков, и становится

жизненно необходимым преодолеть накопившуюся зависимость России от прежней системы глобального разделения цифровых производств и компетенций.

Полноценный технологический суверенитет предполагает не только локализацию инфраструктурных платформ, но и контроль над производством софта и всей линейки аппаратного обеспечения, что означает развитие в нашей стране критически важных отраслей и преодоление проблемы импорта высокотехнологичной продукции. Кроме того, необходимы защита цифровой инфраструктуры, меры по информационной безопасности, включая неприкосновенность национальных баз данных, и многое другое. Не следует забывать и о том, что крупнейшие транснациональные технологические игроки приобретают политическую субъектность не только на уровне глобальных цифровых коммуникаций, но и на национальных общественно-политических пространствах, тем самым создавая угрозу суверенным интересам национального государства.

В условиях санкций и инициированного Западом курса на экономическую изоляцию РФ приходится корректировать ряд имевших место ранее подходов. Речь идет, в частности, о тезисе, согласно которому у России с точки зрения техносциальной эволюции нет каких-либо собственных «особых» рецептов, поскольку глобальное цифровое развитие объективно влечет за собой внедрение общемировых «правил игры» на национальных технологических рынках¹. Кроме того, остается дискуссионным вопрос, насколько эффективным может быть развитие инновационных отраслей при централизованном государственном администрировании, традиционно отличающем российскую управленческую модель, и ограничении механизмов конкурентной рыночной среды, несмотря на опыт реализации подобной политики в таком мировом технологическом лидере, как Китай.

Другой аспект, на котором хотелось бы заострить внимание – необходимость отстаивания в условиях глобальной конфронтации культурно-ценностного суверенитета российского государства и общества. В данном случае суверенитет понимается прежде всего как защита культурной самобытности от агрессивной ценностной универсализации в постмодернистском и глобалистском духе.

Система цифросетевых онлайн-коммуникаций делает возможной экспансию подобных ценностей из стран-метрополий по всему глобальному пространству, что позволяет говорить о цифросетевом культурном неокOLONIALИЗме как элементе мирового техносциального развития и либеральной глобализации. Одновременно с этим набирает силу процесс культурной суверенизации ревизионистских стран, которые выступают за создание альтернативы западно-ориентированной логике социотехнической эволюции и выходят из-под влияния определяемого Западом информационно-идеологического мейнстрима.

Сохранение социокультурной идентичности можно считать неотъемлемой частью борьбы за национально-государственный суверенитет в цифровую эпоху. При этом, однако, необходимо подчеркнуть, что такого рода суверенитет не предполагает культурной закрытости страны, создавая условия для осознанно критического подхода к культурным заимствованиям. С другой стороны, важно помнить, что асимметричная трансляция мировоззренческих установок посредством цифровых сетей усугубляет проблему культурных дисбалансов в российском обществе и существующей в нем идейной поляризации.

Выделение этих двух аспектов российского суверенитета позволяет подчеркнуть, что технократическая трактовка данного феномена должна уравниваться пониманием его глубоких культурно-ценностных основ. Представления о суверенитете нашей страны складываются в рамках цивилизационного подхода к определению ее новой геополитической роли, а также концептуализации процессов, которые характеризуют

¹ Терехов А.Н., Ткаченко С.Л. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке. – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – С. 11-13.

становление так называемого «цифрового общества» в России¹, и поиска ответа на вопрос, возможно ли формирование некоей национальной траектории социально-технологического развития, и каковы могут быть ее критерии.

Малышева О.П.
(КубГУ, Краснодар)

СЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Современные информационные вызовы обусловлены полисемиотичностью информационных потоков, глобальными объемами данных, скоростью их распространения, а также технологическим прорывом, стремительными темпами развития ИИ. Социальные медиа и в большей степени мессенджеры, становятся площадками распространения деструктивного контента, зарождения и реализации деструктивных социально-политических практик².

В условиях социально-политической турбулентности и информационного противостояния актуальным является вопрос выработки аналитического инструментария и механизмов управления глобальными информационными потоками с целью усиления информационного потенциала государства³, фасилитации процесса управления и обеспечения контроля⁴.

Интеграция онлайн и офлайн позволяет на данный момент использовать глобальное дискурсивное пространство в качестве источника актуальных данных о текущих социально-политических процессах. Анализ веб-корпусов лингвистических данных, выгружаемых из социальных медиа и мессенджеров, позволяет проводить прескриптивную аналитику в бизнесе и государственном управлении, успешно реагировать на формирующиеся угрозы и адаптировать вектор социально-политического развития в соответствии с интересами общества, повышая уровень политического доверия и обеспечивая поддержку граждан.

Как эффективно изучать глобальное дискурсивное пространство, не упуская из вида ключевые факторы, кардинально меняющие интерпретацию существующих тенденций?

Подход к изучению текущих тенденций и идентификации перспектив и формирующихся угроз, основанный на статистическом подсчете упоминаний слов или персон, списке предопределенных маркеров и ключевых слов, показывает свою несостоятельность в условиях больших данных – эмпирического материала, накапливающегося в глобальном информационном пространстве. Результаты исследований, полученных таким образом, не могут быть экстраполированы на другие области, равно как и использованы в определении вектора стратегического развития ввиду ограниченности исследовательского фокуса и высокой вероятности искажений.

Предлагаемый нами подход, предполагает анализ всего массива предобработанных данных как социального графа через выявление характера предикации взаимосвязанных элементов (частотные слова; авторы сообщений) в дискурсивном поле, основу которого составляет пользовательский контент, генерируемый в онлайн-пространстве.

¹ См.: Михайлёнок О.М., Малышева Г.А. О цифросетевых аспектах милитаризации российского общественно-политического пространства // Власть. 2023. Том. 31. № 3. С. 137-144.

² Deb K., Paul S., Das K. A Framework for Predicting and Identifying Radicalization and Civil Unrest Oriented Threats from WhatsApp Group. In: Mandal, J., Bhattacharya, D. (eds) Emerging Technology in Modelling and Graphics. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 937. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-7403-6_52.

³ Кефели И.Ф., Мальмберг С.А. Информационный потенциал как решающий фактор в информационном противоборстве государств // Управленческое консультирование. 2019. №3 (123). С.24-32.

⁴ Chen, Huirong, Sheena Chestnut Greitens. Information capacity and social order: The local politics of information integration in China. Governance. 2022. Vol. 35(2). P.497-523.

Эмпирическую выборку составляют данные, сгенерированные пользователями определенной временной интервал, подлежащие лингвистическому и сетевому анализу (тексты сообщений, упоминания авторов, информация об авторах, эмодзи), извлеченные путем сплошной выборки с определенной платформы, мессенджера, группы сообществ. Исследование всего массива извлеченных данных и анализ предикативных связей элементов, в отличие от подхода, предполагающего определение выборки по ключевым словам и списку маркеров, позволяет выявлять скрытые тенденции, идентифицировать латентных инфлюенсеров и определять объём и направление их влияния на сеть.

Примером применения подобного подхода практике стало определение эффективности цифрового позиционирования «Департамента инвестиций и развития бизнеса Кубани»¹. Было установлено существенное расхождение в позиционировании миссии и задач департамента, представленных на официальном сайте ведомства и реализации информационной программы в «ВКонтакте», самом популярном медиа в России на данный момент. Существенные для департамента вопросы, такие как «Государственная поддержка МСП» или «Гранты молодым предпринимателям», как и многие другие, находятся на периферии дискурсивного поля при сильной разрежённости поля и отсутствии консолидированного центра. Три центральные темы, позиционирование которых осуществляется в рамках дискурсивного поля – «Кубань», «IT» и «мы». Отмечается положительное позиционирование Краснодарского края: «Кубань – поднялась – в рейтинге регионов»; «Кубань – занимает – место по продажам – ЮФО»; «Кубань – является – гарантом безопасности»; «Кубань – заключила – соглашений на сумму».

Подобное распределение тематик в дискурсивном поле, характер предикации элементов и отсутствие стабильной взаимосвязи между элементами дискурсивного поля позволяет сделать вывод о низкой рабочей офлайн-онлайн эффективности информационного поля департамента. Потенциал использования онлайн-пространства для реализации задач департамента остаётся неосвоенным ввиду невозможности накопления и конвертации онлайн-капитала в успешные офлайн-проекты.

*Мальцева Д.А., Федотов Д.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ Z ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНТЕНСИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ²

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 31 марта 2023 года, в статье 43 в целях усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве предусматривает развитие механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенной молодежи. Важное значение молодежи как объекту внешнего влияния отводится и в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», где указывается важность международного имиджа российской молодежи.

В проведенном исследовании было установлено, что в условиях стремительной медиатизации процессов крайне эффективным инструментом формирования мировоззрения и политических ценностей молодежи поколения Z является геймификация, направленная на создание положительных или ложноположительных представлений о социально-политической реальности.

¹ Эмпирические данные собраны через API ВКонтакте, из аккаунта официального сообщества «Департамента инвестиций и развития бизнеса Кубани»; интервал выборки июль-август 2023г.).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Стратегии, механизмы и практики управления информационными рисками в условиях медиатизации и геймификации социально-политических коммуникаций российской молодежи поколения Z», который реализуется в ИНИОН РАН.

Проведённый анализ показал, что российская молодежь поколения Z преимущественно выбирает в качестве форм получения новых знаний интерактивный контент. Популярным инструментом изучения истории, например, выступают видеоигры, военно-исторические реконструкции, исторические форумы и фестивали, где у индивида появляется возможность, посредством игрового дизайна стать актором исторических событий, либо посредством коммуникации с реконструкторами принять в них личное участие. Яркими примерами являются фестиваль «Времена и эпохи» в Москве, «От Руси до России» в Санкт-Петербурге, «Енисейский форпост» в Красноярском крае и др. Отмечается комплексный подход к проведению в регионах фестивалей-мультиэпох, где привлекается внимание к ключевым периодам истории России.

Влияние геймификации на молодежь поколения Z в исследовании рассматривается в рамках двух ключевых направлений: 1) формирование мировоззрения и восприятия нового мирового порядка, гражданского-патриотическое воспитание, 2) стимулирование к участию в государственных проектах и инициативах.

Качественный анализ «Telegram» - каналов («Милитарист», «Пул N3», «Топор 18+», «РБК») продемонстрировал активное обсуждение игрового проекта «ТНЕО». Гимплей разворачивается с 1991 года, охватывая ключевые гибридные конфликты. Как заявляют его авторы, игра позволит сформировать в сознании индивидов понимание нового мирового порядка с многополярным миром и несколькими «точками силы» в противовес гегемонии США. Другим ярким примером является игра «Русская Контрразведка – Начало», события которой разворачиваются в 1903 году и рассказывают о силе и возможностях российской контрразведки. Данный проект нацелен на создание положительного образа российских специальных служб и знакомство с их историей.

Таким образом, можно утверждать, что геймификация выступает мощным инструментом информационного воздействия в условиях гибридных войн. Применение «мягкой силы», путем создания игр с мирами, где Россия занимает уверенные конкурентоспособные позиции, создает дополнительные возможности для российского IT – рынка. В этом контексте Президентом РФ были выданы поручения Правительству Российской Федерации (Пр-1593, п.7) по формированию инициатив, направленных на продвижение «на иностранные рынки, в том числе в страны БРИКС, отечественных видеоигр и применяемого в них российского программного обеспечения» (1).

Привлечение внимания молодежи к проектам органов государственной власти осуществляется посредством включения игрового контента в формирование повестки. Подобного плана инициативы реализуются во всех регионах России. Так, Молодежным парламентом Санкт-Петербурга осуществляется организация регионального турнира в игре «Snake» (российский вариант известной мобильной игры «Змейка») с целью привлечения школьников к проектам молодежного актива города и повышения доверия. Интересен в этом контексте также опыт проведения турнира в инди-игре «Minecraft» в Вологодской области, который позволил существенно увеличить региональный молодежный актив.

Подводя итоги, можно заключить, что в условиях формирования новых конфигураций социально-политических коммуникаций российской молодежи поколения Z инструментарий геймификации выступает эффективным механизмом формирования мировоззренческих и аксиологических дискурсов, мобилизации и привлечения представителей молодежи к государственным проектам и программам, а также снижению протестного потенциала.

Литература

1. Перечень поручений по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России» 30 мая 2023 года от 15 августа 2023 года // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72053> (дата обращения: 20.09.2023).

КОНСЕРВАЦИЯ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА ИЛИ ПЕРЕХОД К ОБНОВЛЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ? (ДВА СЦЕНАРИЯ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИИ)

Мы рассматриваем концептуальные основания многовекового развития российской системы государственного управления с позиций интегрально-институциональной парадигмы О.Э. Бессоновой, предлагая собственную интерпретацию цикла исторической эволюции институциональной/цивилизационной матрицы: «мобилизационная система – застой – неопатримониализм – обновленная мобилизационная система». Это позволяет высказать правдоподобную гипотезу об историческом месте сложившегося в начале XXI века в России неопатримониализма как трансформационной фазе «квазирынка» и перспективах перехода к следующей фазе – обновленной мобилизационной системы.

Мы показываем, что советская данная модель мобилизационной системы – не единственно возможная. В качестве альтернативы мы предлагаем строить мобилизационную систему на принципах самоорганизации и управлять ею на основе индикативного планирования и перераспределения ресурсов в соответствии со стратегическими приоритетами. А они в условиях экзистенциальных угроз государству должны определяться мобилизационными целями и контекстом.

В этом, по нашему мнению, могут помочь труды А.А. Богданова, который еще 100 лет назад предлагал строить государственное планирование не «сверху», а «снизу» на основе созданной им Тектологии – всеобщей организационной науки. Опираясь на теоретико-организационные аргументы, мы полагаем, что интегральная модель может быть основана только на идеологии солидаризма и сетевой организации, сочетающей достоинства «вертикальной» перераспределительной модели и «горизонтальной» рыночной.

Так понимаемая интегральная модель предполагает соединение государственно-капиталистического (по сути, распределительного) и конкурентно-инновационного секторов экономики. Эти два сектора могут успешно взаимодействовать в рамках кластерной организации управления (Cluster Governance), способной сочетать инвестиционную мощь и «экономия на масштабах» крупных компаний с гибкостью и креативностью малых предприятий.

Кластерная организация управления действует по принципу коллаборативных сетей, соединяя иерархические организации (с доминированием вертикальных связей) и рыночные цепочки добавленной стоимости (с доминированием горизонтальных связей). Помимо кластеров, к коллаборативным сетям можно отнести также бизнес-экосистемы.

В более общем случае можно ввести принципиальную схему системы управления развивающейся страны, включающую три системных уровня: стратегический, (пере)распределительный и рыночный. Разделяя второй и третий уровни, мы основываемся на дихотомических различиях между X- и Y- институциональными матрицами в терминах одноименной теории С.Г. Кирдиной-Чэндлер. При этом каждая пара уровней будет связана особыми опосредующими институтами, среди которых важную роль будет играть «цифровой Госплан», нормативно-правовую базу для которого определяет Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

О подобных трех уровнях системы управления в иных контекстах писали С.Б. Чернышев и А.В. Чадаев. Данная схема позволяет описывать не только существующее положение дел (т.е. использоваться аналитически), но и желаемое будущее. При этом характеристики опосредующих институтов будут зависеть от особенностей страны (в частности, от доминирующей институциональной матрицы).

Движение по схеме исторических циклов институционального развития зависит от самоопределения страны на стратегических развилках. В настоящее время эти развилки задаются способом решения того, что мы назвали «институциональной дилеммой современности».

Эта дилемма приходит на смену выбору между капитализмом и социализмом и основана на дихотомических различиях между X- и Y- институциональными матрицами. И тогда сценарий будущего развития страны с доминирующей институциональной X-матрицей, находящейся в фазе квазирынка (подобно России), зависит от пути, выбранного для решения институциональной дилеммы современности.

Исходя из этого для России возможны три сценария будущего развития:

1. радикальная трансформация всех сфер общества для имплементации базовых моделей государственного управления развитых стран Запада;
2. консолидация неопатримониальной системы с превращением ее в «новую нормальность» («цементирование» институциональной X-матрицы);
3. переход к интегральной форме организации экономики, политики, идеологии и государственного управления в рамках обновленной мобилизационной системы (достижение баланса, основанного на дополнении институтов доминирующей X-матрицы институтами Y-матрицы с достижением нового качества).

Первый сценарий фактически предполагает смену институциональной матрицы с X на Y, что после 24.02.2022 крайне маловероятно. Поэтому «развилка» сценариев имеет характер стратегического выбора между неопатримониализмом и обновленной мобилизационной системой.

Маркосян А.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

АРМЕНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛУБОК ЗАКАВКАЗЬЯ

Сегодня стремительное развитие событий на Южном Кавказе притягивает к себе все больше внимания. Особое значение происходящих здесь событий обретается в контексте рассмотрения их геополитического аспекта.

Армения традиционно считалась естественным союзником России на Южном Кавказе, что всегда было обусловлено историческими связями, религиозной близостью и политико-экономической заинтересованностью обеих стран. Более того, Россия всегда была той страной, к которой армянский народ обращался за помощью, что сформировало российский образ защитницы в глазах армянского народа.

Важно также отметить и историю совместного проживания россиян и армян как в период Российской империи, когда восточная часть исторической Великой Армении вошла в состав российского государства, так и в советский период, когда и русские активно переселялись в Армянскую ССР, и армяне – в Российскую. Тяжелый период, возникший после распада СССР привел к уходу многих россиян из Армении, а также к вынужденной миграции армян, в том числе и в Россию.

Сегодня здесь проживает порядка 500 тыс. граждан Армении и значительное количество этнических армян, кроме того, в России сформировалась одна из самых крупных армянских диаспор. Близость двух народов стала одной из основных причин того,

что более ста тысяч россиян выбрали именно Армению в качестве страны релокации¹, которая стала наиболее активной примерно со второго квартала 2022 года, в связи с проводимой Россией специальной военной операцией (СВО) на Украине.

Однако политическая реальность Армении стала преподносить вызовы двустороннему сотрудничеству. «Бархатные революции» в современном мире уже не представляют собой принципиально нового явления для международных отношений, но в то же время, они не повторяют друг друга, а значит, каждая из них уникальна по своей сути и результатам, как и в Армении в 2018 году.

В начальный период своего правления лидер «бархатной революции» Н. Пашинян вел достаточно сбалансированную политику, однако уже после 2020 года, когда вновь вспыхнул Нагорно-Карабахский конфликт, стали все отчетливее проявляться антироссийские настроения сформированного им правительства.

Одним из треков, продемонстрировавших внешнеполитическую переориентацию властей Республики, стало урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта. В контексте возникновения фактической конфронтации между Россией и коллективным Западом, урегулирование конфликта перешло в различные многосторонние форматы, в том числе в Европе и США. Важные заявления были сделаны на новых для сторон урегулирования площадках – в Брюсселе, Праге, Париже и иных городах в рамках встреч лидеров Армении и Азербайджана при посредничестве европейских стран. Важно отметить, что Арцах всегда закрывал армянскую границу, тем самым обеспечивая ее безопасность. Передача приграничных территорий Азербайджану привела к росту угроз безопасности Армении и обстрелам со стороны Баку.

Другим серьезным треком, сигнализовавшим о «повороте на запад» стали военные учения. Неоднократные отказы Армении принимать участие в совместных учениях ОДКБ и проведении таковых на территории Республики продемонстрировали нежелание углублять военное сотрудничество с союзниками по Организации. Объявление о совместных учениях с вооруженными силами США в сентябре 2023 года на территории Армении на фоне очередного отказа последней от участия в союзнических мероприятиях стали очевидным сигналом, показавшим изменение внешнеполитической стратегии РА.

Кроме того, звучащие обвинения в адрес России и российских миротворцев, дислоцированных на территории непризнанной Республики Арцах, по поводу «невыполнения обязательств» и заявления об ожидании от них определенных действий при бездействии властей Армянской республики привели к возникновению информационного пузыря с явным антироссийским настроением и его распространением среди армянского населения.

Однако обострение кризиса в Арцахе и недальновидные решения армянского правительства продемонстрировали несогласие населения с проводимой политикой. Несмотря на попытки созвать митинг у российского посольства в день начала очередной азербайджанской агрессии – 19 сентября 2023 года – большинство жителей Армении вышло к армянскому правительству с требованием защитить соотечественников в Арцахе, тем самым продемонстрировав, что ответственность за это лежит именно на властях Республики, а не на иностранных государственных представителях.

Таким образом, сегодня Армения находится на геополитическом перепутье – пытаясь сделать неожиданно резкий «поворот на запад» власти не учли всех сложностей, которые это может за собой повлечь. Многие жители страны понимают, что реальной помощи от западных стран вряд ли удастся добиться, тогда как Россия, несмотря на сложности, продолжает вести диалог с участниками процесса для урегулирования конфликта. Москва включена в процесс не только заявлениями и подписанными совместно со сторонами документами, но развернутым здесь миротворческим контингентом, делающим многое для помощи местному населению.

¹ Армения назвала число переехавших в 2022 году россиян // РБК, 16.03.2023г. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/03/2023/641297719a794755b379190d?ysclid=lms5sty63z415869146>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МЭРА (НА ПРИМЕРЕ МЭРА Г. КАЗАНИ И.Р. МЕТШИНА)

Стоит отметить, что наше время характеризуется высокой степенью информатизации и связанной с этим увеличивающейся значимостью СМИ в общественной жизни. Следственно, они могут сильно повлиять на общественное мнение о мэре и на то, как избиратели воспринимают его политические и социальные инициативы, как оценивают его деятельность и решения, а также как оценивают его личностные качества.

В научной работе будет рассмотрено, каким образом региональные СМИ использовались для формирования образа один ярких лиц, ассоциирующихся с городом и регионом:

1. СМИ важны как инструмент выстраивания публичного образа политика.
2. В рамках региональной и локальной политики среди представителей политической элиты важное место занимает глава столицы региона.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что СМИ не только информируют нас о происходящих событиях, но и оказывают значительное влияние на общественное мнение. Отношение людей к мэру и эффективность его работы составляют полноценный образ мэра.

В данной работе были использованы следующие методы исследования:

1. кейс-стади, который позволил нам на практике, как СМИ формируют прочный образ мэра и влияют на политический ландшафт в регионе;
2. контент-анализ, который раскрыл количественные данные о медиапортрете мэра и его образе в целом, а также выявил тенденции и закономерности в освещении его деятельности региональными СМИ.

В работе использованы материалы портала Медиалогия, которые включают материалы за 3 квартал 2022 года. Эмпирическая база исследования включает в себя рейтинги СМИ Татарстана «Медиалогии»¹, а также контент-анализ, проведённый через сервис istio.com

Хронологические рамки исследования включают в себя период с сентября по декабрь 2023. Всего было исследовано всего 4 месяца, в котором было написано порядка 281 заголовков. Данный временной отрезок был выбран, поскольку с сентября начинается очередной политический сезон, а в декабре подводятся итоги уходящего года.

В первой главе было исследованы теоретико-методологические основы исследования СМИ как инструмента формирования образа политика. За свои широкие возможности СМИ принято называть «четвёртой властью».

Во второй главе были рассмотрены региональные СМИ в Республике Татарстан, а именно их особенности и роль в формирование образа региональных политиков. Р. Г. Мингалимов² отмечает, что начиная с 1990-х годов, журналистика активно внедряется в республиках и государствах, которые были в составе СССР.

Т.А. Наговицина³ обращает внимание на то, что в России в целом, и в Республике Татарстан в частности, формирование системы интернет-СМИ проходит определенные

¹ Республика Татарстан: рейтинг СМИ за III квартал 2022 // Медиалогия Режим доступа: <https://www.mlq.ru/~VmBfH>

² Мингалимов Р.Г. Трансформация национальной печати Республики Татарстан в годы перестройки // Изв. Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2011. №4.

³ Наговицина Т.А. Интернет-СМИ Республики Татарстан: становление, специфика и перспективы развития // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции

этапы, включая поиск своей аудитории. Говоря об истории СМИ, автор статьи отмечает, что начиная с 2007 г. количество электронных СМИ значительно выросло.

Еще одной характерной чертой интернет-изданий Республики Татарстан является мультимедийность. Такие элементы мультимедийности, как фотографии и видеоматериалы, на виртуальных страницах «Бизнес Online» появляются практически во всех рубриках.

В третьем разделе работы проанализирован образ мэра г. Казань в региональных СМИ. В качестве подтверждения, приведён в пример исследование медиаэффективности руководителей госструктур Татарстана, которое провело агентство «ПромРейтинг», где он занимает первую строчку с очень высоким показателем медиарейтинга. Также здесь приведены итоги контент-анализа. В ходе исследования были получены следующие выводы: можно выделить несколько ключевых событий в каждом из месяцев.

Таким образом, мы можем сделать вывод: В своих заголовках СМИ выносят самые главные тезисы среди событий. В условиях формирования клипового мышления у потребителей контента, заголовки вносят важный вклад в формирование образа. В анализируемый период были выявлено, что такие темы как реновация речного порта, частичная мобилизация и гуманитарная помощь г. Лисичанск стали основными в контексте упоминания мэра г. Казани.

*Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В.
(СПбГУ, ИНИОН РАН, Санкт-Петербург)*

КРОСС-СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИФРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА¹

Обычно феномен кибербалканизации в Интернете рассматривается критически, как негативное проявление распада единого киберпространства. В то же время при рассмотрении Интернета как элемента процесса глобализации правомерна постановка вопроса о суверенетизации сегментов глобальной сети как важной части деколонизационной политики, проводимой правительствами национальных государств.

Контроль над крупными интернет-платформами является значимым вопросом как на государственном и межгосударственном уровнях, так и на уровне ключевых политических акторов в таких крупных странах как США.

Фактор платформы становится ключевым для социально-политической коммуникации. Веб 2.0, в период которого возникли «цифровые империи» в виде глобальных цифровых социальных сетей, блог-платформ, можно характеризовать как своеобразную «концентрацию киберпроизводства» и формирование «интернет-монополий», в значительной степени поглотивших аудиторию характерных для «первого Веба» «традиционных» сайтов.

Проблематика неравенства в отношениях между «империалистами» и странами, выступающими в роли объектом империализма» не является чем-то новым для политической коммуникативистики, и не связана только лишь с широким распространением Интернета.

с международным участием, Екатеринбург, 19 мая 2017 года / Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина департамент "Факультет журналистики"; Составитель: О.Ф. Авдохудинова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. С. 132-134.

¹ Проект № 123091200062-2 «Ценностный базис российского сетевого пространства в условиях глобального цифрового империализма» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Понятие культурного империализма известно с 1920-х годов, а рост исследований в этой области наметился в 1960-е годы. В 1970-е годы в политической экономии коммуникаций широкое распространение получила тема «медиаимпериализма». В то же время возник концепт электронного или цифрового колониализма.

Поскольку цифровой империализм включен в более широкий спектр явлений, объединенных культурным империализмом, то даже категориальный аппарат исследований в этой области становится полем эпистемологических войн, зачастую инициируемых самими культурными империалистами. Так примечательно, что термин культурного империализма впервые был употреблен британцами в отношении русских. Эпистемологическое неравенство в международных делах проявляется и в политике двойных стандартов по отношению к «научным» категориям. Примером может послужить концепт «мягкой силы», который в контексте стран незападного блока был переформулирован западными исследователями в «острую силу» при сохранении примерно того же содержания. На уровне запретов (или угрозы запретов) кибербалканизация проявляется в санкциях относительно отдельных приложений и сайтов (что характерно как для классических медиаимпериалистов, так и для традиционных борцов с цифровой колонизацией).

В условиях постколониального общества культурный и медиаимпериализм становятся новыми измерениями мировой гегемонии. Являясь инструментами мягкой силы, сетевые платформы становятся дискурсивными пространствами, репродуцирующими ментальный колониализм.

В связи с этим значимость в политической науке обретает то направление исследований, которое направлено на кросс-платформенные (или кросс-сетевые) сравнительные исследования, включающие дискурсивные, управленческие и т. п. особенности политической коммуникации.

Маслова К.В.
(МГИМО МИД России, Москва)

ТРЕНД НА ЦИФРОВИЗАЦИЮ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

На сегодняшний день цифровизация является одним из наиболее заметных драйверов мировой политики. Цифровые технологии проникают во все сферы международных взаимодействий, обуславливают возникающую перед государствами необходимость адаптировать свой внешнеполитический инструментарий для того, чтобы оставаться конкурентными на глобальной арене, успешно реагировать на вызовы нового времени. Одним из направлений деятельности властей на внешнем уровне, трансформирующимся под воздействием цифровых инноваций, является внешняя культурная политика. В этой связи интерес представляет задача по осмыслению изменений в форматах и механизмах реализации культурного направления внешнеполитической деятельности государств, ключевым инструментом которого является культурная дипломатия.

Развитие Интернета и других информационно-коммуникационных технологий открывают мир виртуальной реальности, способствующей развитию культурной дипломатии нового формата. Впервые на глобальном уровне необходимость внедрения цифровых инноваций в сферу культуры была обозначена в ЮНЕСКО на фоне кризиса, переживаемого культурным сектором всех стран мира под воздействием пандемии COVID-19, и связанным с ним запретом на проведение культурных событий и обменов в их традиционном, очном формате. В подготовленном организацией докладом «Культура в условиях кризиса: политическое руководство» цифровизация предлагалась в качестве

одной из мер, призванных содействовать продолжению глобального культурного обмена, а также поддержать деятельность учреждений культуры в условиях изоляции.

На фоне коронавирусных ограничений и снижения потребления культурной продукции в традиционных формах значительно выросло предложения цифровой культурной продукции. Популяризовались такие форматы, как виртуальные концертные залы и экскурсии по музеям, мультимедийные гиды, онлайн-трансляции культурных событий, электронные библиотеки, создание и размещение в Интернете контента о культурных продуктах. Внедрение данных форматов в цифровую культурную дипломатию позволяет достичь сразу нескольких задач. Во-первых, обеспечение более широкого охвата глобальной аудитории за счет неограниченного по времени и независимого от территориального местонахождения доступа к цифровым объектам культуры и достичь за счет этого большей узнаваемости российской культуры в мире. Так, виртуальными посетителями петербургского Эрмитажа за две недели — с 17 марта по 2 апреля 2020 года — стали 10 миллионов человек со всего мира при том, что среднегодовой показатель посещаемости этого музея составляет порядка 1,5 миллионов человек.

Во-вторых, перевод объектов культуры в цифровое поле позволяет решить проблему их сохранения. Сохранение достижений национальных культур, культурного многообразия представляет собой ценность для всего человечества, что подтверждается признанием культуры в качестве «глобального общественного блага».

Актуальность задачи по сохранению объектов культуры во многом обусловлена возрастающей угрозой их разрушения и утраты в результате военных конфликтов и природных катаклизмов. В качестве одного из наиболее выдающихся российских проектов в данном направлении является выполненная петербургскими учеными 3D-модель почти полностью разрушенного боевиками сирийского города Пальмиры, переданная в дар правительству Сирии.

Реализация успешной цифровой культурной дипломатии сопряжена с необходимостью решения сопутствующих вопросов: 1) обеспечение наличия соответствующих технологий и программного обеспечения для оцифровки, архивирования, сканирования, визуализации, построения 3D объектов; 2) решения вопроса относительно правообладания цифровыми объектами культуры и получения выгоды от их демонстрации в цифровом пространстве (будет это фактический владелец физических оцифрованных культурных объектов, например, музей или же цифровая площадка, демонстрирующая данные объекты); 3) правовое регулирование цифровых объектов культуры: находятся ли цифровые объекты культуры под защитой международного права в равной степени как материальные и нематериальные объекты культуры; 4) формирование цифровых компетенций у специалистов, вовлеченных в планирование и реализацию культурной дипломатии в ее цифровом варианте.

Перевод объектов культурного наследия в цифровую форму в целях обеспечения к нему более свободного доступа уже является одной из целей национального проекта «Культура» в России. Однако, внедрение цифровых решений в культурное поле открывает широкие возможности для использования и на внешнеполитическом уровне. Содействие российским участникам, активно вовлеченным в международный культурный обмен и репрезентацию культурных продуктов иностранной общественности, в успешной адаптации к новым цифровым реалиям позволит модернизировать и более успешно задействовать имеющиеся у страны механизмы реализации культурной дипломатии.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ (НА ПРИМЕРЕ КЕЙСА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

Коммуникативная составляющая является основополагающим элементом регионального политического пространства, позволяющим выстраивать коммуникацию с региональным сообществом и обеспечивать устойчивое развитие субъектов Российской Федерации.

Анализ исследований политической коммуникации позволил установить, что наиболее распространенным в отечественных кругах является государственно-ориентированный подход, ограничивающий ракурс рассмотрения политических коммуникаций рамками публичных коммуникаций политических акторов и исходящий из дихотомии «управляющие – управляемые». Тем не менее, всё большая часть научного сообщества признаёт нецелесообразность рассмотрения общества, как объекта, который остается безучастным к информационным вызовам, в условиях современной виртуализации и информатизации; уровень включенности членов общества (сообщества) в коммуникационные процессы рассматривается исследователями в качестве необходимого условия прогресса политических систем различного уровня.

Парадигма открытого информационного общества изменяет представление о политической коммуникации: позволяет ее рассматривать не только в качестве повелительного, побуждающего вертикально выстроенного процесса, но и как открытую систему, включение в которую возможно.

В последние годы региональные политические системы постоянно сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными изменениями общественных отношений, процессами информатизации и цифровизации, условиями пандемии и другими внешними возмущающими воздействиями. Также в качестве новых вызовов мы рассматриваем факторы усложнения коммуникативного пространства, противоречивость информационного поля и нарастающее глобальное информационное противостояние, информационную неопределенность. Новые вызовы в контексте указанной проблематики трактуются нами как социально-политические процессы, требующие от региональных политических систем новых управленческих решений в сфере выстраивания коммуникативного взаимодействия и реализации используемых коммуникативных практик.

Под влиянием кризисных и нестандартных ситуаций и социально-политических процессов меняется и региональное коммуникативное пространство, как в вертикальном, так и в горизонтальном разрезе. Вертикальное взаимодействие включает информационный обмен между представителями регионального сообщества и властными структурами, а горизонтальное взаимодействие представляет собой коммуникативную среду, некоторое коммуникативное поле, общее коммуникативное пространство, складывающееся из индивидуальных коммуникативных пространств представителей регионального сообщества.

Цель исследования состояла в выявлении направленности воздействия кризисных и нестандартных условий на отдельные параметры политических коммуникаций региона. В качестве нестандартных условий рассмотрены как условия пандемии, так и сложившиеся условия внешнеполитической турбулентности.

Также предпринята попытка произвести оценку эффекта региональной политической коммуникации в условиях кризисных ситуаций, как результата трансляции политических сообщений и доведения их смыслов до представителей регионального

сообщества, через анализ когнитивных и поведенческих изменений получателей информации. В рамках данного исследования оценка когнитивной и поведенческой составляющих производилась через анализ ответов на вопросы, которые дают возможность оценить как уровень осведомленности представителей регионального сообщества о функционировании политической системы Забайкальского края (знаниевый и оценочный компоненты), так и уровень активности населения (деятельностный компонент).

Анализ и сопоставление данных позволили сделать выводы, что условия пандемии и условия внешнеполитической турбулентности оказали разное влияние на такие параметры регионального коммуникативного пространства, как: эффект коммуникации, самоидентификация местных жителей, оценка деятельности власти, социальная активность населения. Если пандемия оказала преимущественно негативное влияние на коммуникативное пространство региона (произошло снижение уровня социальной активности, замедление социально-политических процессов, усиление виртуализации процесса политической коммуникации и пр.), то влияние условий внешнеполитической турбулентности на региональный коммуникативный процесс амбивалентно.

Полученные результаты соотносятся с выводами некоторых других исследований о коммуникациях в «провинциальных регионах». Так, В.П. Бабинцев отмечает, что провинциальные регионы неоднородны по степени мобилизации регионального сообщества и его готовности действовать в условиях нестабильности.¹ Основными трендами коммуникационного процесса в таких регионах являются: низкий уровень доверия регионального сообщества властным институтам; подданнические установки, проявляющиеся в преимущественных ориентациях на руководителей авторитарного типа; парадоксальность соотношения высокой степени готовности региональных сообществ участвовать в решении общественных значимых проблем и низкой степени готовности к реальному взаимодействию с властными структурами.

*Матвеева Е.В., Алагоз А.В.
(Кузбасская ГСХА, Кемерово)*

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК МЕДИАРЕСУРС ОЦЕНКИ АККАУНТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Информатизация различных сфер общества несет в себе качественные изменения в вопросах выстраивания коммуникаций между субъектом и объектом политики. Медиаграмотность приобретает универсальный формат, интегрируя в своей основе такие параметры как медиакомпетентность и медиаобразование. В политической сфере данные параметры напрямую следует связывать с особенностями политической конкуренции, открытостью политиков и готовностью последних выстраивать диалог «на равных» со своими подписчиками и пользователями социальных сетей.

Медиаграмотность в работах российских и западных ученых рассматривается через систему медиаобразования. М. Балджер и П. Дэвисон рассматривают медиаграмотность с помощью набора навыков в работе со средствами массовой информации. Р. Хубс отмечает значимость критического мышления в восприятии медиаконтента, что позволяет ограничивать воздействие на человека пропаганды и насилия. У. Карлссон отмечает важность в условиях информатизации общества образованных граждан, обладающих критический подходом к информации. Среди российских ученых отметим точку зрения А. В. Федорова, который обращает внимание при рассмотрении медиаграмотности через

¹ Бабинцев В.П. (2017). Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия. Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 34–41.

различные аспекты медиаобразования на критическое мышление, коммуникационные навыки, обучение как самовыражение и пр.

В рамках проведенного исследования контент-анализа аккаунтов региональных политиков в социальной сети «Телеграмм» выделены особенности ведения контента в период избирательной кампании-2023 кандидатами в губернаторы Сибирского федерального округа.

В качестве важной особенности отмечено, что далеко не все политики рассматривают социальные сети как значимый информационный ресурс и канал коммуникации со своим электоратом. Среди зарегистрированных и участвующих в выборах кандидатов в губернаторы СФО не ведут ни одну социальную сеть (либо профиль имеющейся сети закрыт как в случае с кандидатом от партии КПРФ в Кузбассе Екатериной Грунтовой) четыре кандидата. Практически все они являются кандидатами, выдвинутыми на выборы в качестве оппонентов врио губернатору Красноярского края Михаилу Котюкову. Одной социальной сетью представлены два кандидата – Юрий Скворцов «ВКонтакте» («Справедливая Россия – Патриоты – За правду», Кузбасс) и Елена Хрусталева «Одноклассники» («Партия пенсионеров», Республика Алтай).

Высокий уровень медиаактивности в социальной сети «Телеграмм» представлен у кандидатов, идущих на второй срок или назначенных врио губернаторами. Следствием данной тенденции стало отсутствие реальной конкуренции между действующими губернаторами и кандидатами-оппонентами, как правило, представляющими партийные фракции региональных парламентов. Исключение составляли аккаунты Валентина Коновалова (КПРФ) и Сергея Сокола («Единая Россия») в Республике Хакасия. Наряду с этим по количеству подписчиков практически равновесными фигурами следует рассматривать аккаунты Михаила Котюкова («Единая Россия») и Александра Глискова (ЛДПР) в Красноярском крае.

Особенностью избирательного контента аккаунтов кандидатов в прошедшем избирательном цикле 2023 г. стала тактика отказа многими кандидатами от раскрытия в информационной повестке программ решения текущих вопросов социально-экономического развития регионов. Достаточно часто политики использовали технологию «ухода» в личный постинг. Хотя, как считают многие политтехнологи, достаточно высоким среди общества является запрос на открытость власти и готовность привлекать пользователей сети к обсуждению текущей социально-экономической повестки. В определенной мере эту задачу позволяет решать институт общественных наблюдателей, но новостной контент политиков не менее значим.

Отметим и такую особенность ведения контента «губернаторами-новичками» (врио Красноярского края Михаил Котюков и врио Омской области Виталий Хоценко) как привлечение к своим аккаунтам пользователей социальной сети «Телеграмм» с помощью акцента на проведении встреч со своим личным участием с федеральными чиновниками, членами Генерального совета партии «Единая Россия», крупным бизнесом как залог успеха в реализации намеченных проектов и как некий «мандат» со стороны федерального центра на прошедших выборах в сентябре 2023 г.

Анализ тематической направленности постинга аккаунтов кандидатов позволил выделить как минимум две применяемые политиками тактики: традиционной, представляющая собой выставление контента, повествующего о решении приоритетных задач социально-экономического развития региона, и тактики создания единого культурного пространства (наиболее яркий пример Сергей Цивилев губернатор Кузбасса).

Таким образом, медиаактивность политиков в политическом пространстве все более интегрируется в информационное поле. Медиаграмотность при ведении аккаунтов в социальных сетях становится не просто «запросом» федеральной власти к регионам, а средством работы с электоратом, коммуникационным ресурсом по решению злободневных проблем населения.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КРЫМСКИЙ КЕЙС

Данное исследование проведено в рамках подготовки диссертации на тему «Роль современной системы образования в формировании российской идентичности у граждан Республики Крым и города Севастополь». В рамках исследования производился теоретический анализ работ по теме и концептуализация диссертационного исследования, подготовка дизайна эмпирического исследования. Результаты представляют интерес как для корректировки дизайна диссертационного исследования, так и для последующих работ по изучению национально-государственной идентичности в целом.

Проведение комплексных исследований, подобных упомянутому, требует внимания к разным областям политической науки и смежным с ней сферам. Так, формирование национально-государственной идентичности в Крыму находится под влиянием полиэтничной и -конфессиональной специфики региона. Сосуществование нескольких этносов, в частности русских, украинцев и крымских татар, связанных с традиционными для них религиозными организациями и религиями, оказывает влияние на формирование национальной идентичности, как заложенными раньше установками, так и реакцией политического сознания на политический процесс. В частности, учёт данного фактора важен при анализе данных о национально-государственной принадлежности граждан, которая в случае жителей Крыма претерпела значительные изменения с 2000 по 2023 гг. [1, 2].

Другим феноменом, важным для анализа роли системы образования, является реинтеграция [3] Крыма в состав России. Проводимая с 2014 г. адаптация системы образования в Крыму характеризуются принятием общероссийских образовательных стандартов и иных норм, включающих в себя вопросы национальной идентичности, а также предполагаемым наличием реинтеграционного эффекта, облегчающего и претворяющего действия соответствующие действия системы образования. С другой стороны, упомянутые документы имеют специфический характер рассмотрения проблемы идентичности, зачастую уделяя ей недостаточно внимания, а политическое сознание части граждан содержит в себе установки, заложенные ещё в рамках украинской системы образования [4, 5].

Оба феномена показали, что система образования в Крыму при участии в формировании национально-государственной идентичности сталкивается с фрагментированным политическим сознанием, элементы которого находятся под влиянием различных переменных. Несмотря на актуализацию паттернов поведения, заложенных в советское время и работу соответствующих российских учреждений в украинский период, ряд исследований показал относительную реактивность политической идентичности жителей Крыма при изменяющихся политических условиях. Своё влияние на дизайн исследования оказывает и своеобразный стиль части (молодых) респондентов в обращении с информацией, находящий под влиянием обильного использования компьютерной техники и интернета. Так, необходимым проведение многофакторных замеров в ходе эмпирического исследования вкупе с детальным изучением контекста исследования.

В числе иных факторов, требующих внимания при проведении исследования, находится подразделение региона Крым на два субъекта федерации – Республику Крым и город Севастополь. Эти субъекты обладают различными политическими и экономическими системами, что создаёт отличные условия формирования национально-государственной идентичности. Так, для Республики Крым характерна большая полиэтничность, а также самостоятельность политико-административной системы, в то время как для Севастополя

характерна относительно большее единоначалие политической системы наряду с имиджем субъекта как «города русских моряков» [6, 7].

Таким образом, исследование роли системы образования в формировании национально-государственной идентичности требует тщательного анализа политического и социального опыта респондента и общего контекста исследования. В зависимости от избранного региона внимание следует уделить анализу властных отношений и политическому на макроуровне, в частности, положительному или отрицательному его влиянию на эффект, производимый системой образования. В современную эпоху весьма важным будет анализ и учёт поколенческой разницы между группами респондентов.

Источники

1. *Гальченко А.С.* Исследования консолидирующих факторов формирования гражданской идентичности студенческой молодёжи (на примере Республики Крым) // Гуманитарные науки. 2020. №2 (50). С.38-45.
2. *Charron A.* Whose is Crimea? Contested Sovereignty and Regional Identity // Vol. 5, No. 2, Special Issue: Centrifugal Forces? Russia's Regional Identities and Initiatives. 2016. 225-256 pp.
3. *Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S., Markiewicz S., Rifat A., Abdou A.M.* Reintegration in northern Iraq: The time is now for Europe to act. Bonn International Center for Conversion. 2020. 8 pp.
4. *Шухат И.Н., Кохичко А.Н.* Формирование российской гражданской идентичности школьников как педагогический процесс // Pedagogical Journal. 2022, Vol. 12, Is. 4A. 442-449 с.
5. *Мукомель В.И., Хайкин С.Р.* Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг. 2016. №3 (133). С. 51-68.
6. *Зоткин А.А.* Пятилетие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 5-23.
7. *Селютин В.В.* Проблемы социально-экономической интеграции Крыма и России // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Том 12. №3. С. 111-121.

Матюхова Е.И.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современных сложных, разнообразных, разнородных и динамично развивающихся обществах практики и механизмы организации власти претерпевают изменения и усложняются. События последних десятилетий показывают, что государства не способны единолично справляться с современными вызовами, требующими комплексного и многоакторного подхода, активного вовлечения негосударственных акторов в управление страновыми процессами и функционирование современных территориальных и функциональных транснациональных пространств. Эта тенденция усложнения процесса управления в условиях глобализации объясняет развитие идеи и концепции так называемого многоуровневого управления, подразумевающего рассредоточение власти на различных уровнях – субнациональном, национальном, транснациональном и наднациональном. Традиционно логику многоуровневого управления связывают с европейским региональным интеграционным проектом, однако подобная модель характерна и для решения глобальных и региональных проблем, в частности, в сфере интеграции мигрантов.

В значительной степени успех усилий государства (национального правительства) по интеграции мигрантов будет зависеть от его способности противостоять вызовам и рискам в связи с миграционными потоками и результативно интегрировать мигрантов в принимающее общество. Этому может помочь организация механизмов и практик интеграции мигрантов по принципу многоуровневого управления. Примером успешного применения такой практики служит опыт интеграции мигрантов в Германии, государства-члена Европейского союза. Отличительной чертой этого направления государственной политики ФРГ является открытость федеральных властей к контактам и активному взаимодействию с множеством негосударственных акторов, в том числе и с организациями и представителями гражданского общества. ФРГ стремится включить этих акторов в многоуровневую систему управления интеграцией мигрантов, которая отличается сложным распределением полномочий и переплетением функций, причем не только на различных территориальных уровнях в самой стране, но и на общеевропейском и глобальном уровне. Безусловно, при выстраивании партнерских, доверительных отношений с гражданским обществом, государство получает возможность более эффективно продвигать свою повестку дня в определенной области политики и на глобальном уровне, где негосударственные акторы выполняют важные функции экспертного сопровождения, предоставления и защиты мнений.

В силу значимости и разнообразия гражданской деятельности в Германии в политическом лексиконе страны сформировался широкий ряд специальной терминологии: гражданская активность (нем. *Bürgerengagement*), «третий сектор» (нем. *Dritter Sektor*) и гражданское общество (нем. *Zivilgesellschaft*). Главное различие этих терминов заключается в том, что они применяются на микроуровне, мезоуровне и макроуровне соответственно. Разнообразие смежных понятий, характеризующих в целом одно явление, усложняет проведение анализа, поскольку зачастую имеют место подмена или путаница понятий при выявлении и классификации негосударственных акторов и оценки их деятельности, источников финансирования их деятельности, а также сложившихся и перспективных практик взаимодействия с государством. Некоторые исследователи в этой связи подчеркивают, что понятие «гражданское общество» (нем. *Zivilgesellschaft*) все чаще заменяет более старые термины, такие как «третий сектор», НПО и НКО.

Разнообразные организации гражданского общества становятся неотъемлемой частью плюралистических обществ, где они выступают своеобразным коммуникационным мостом между национальным правительством и гражданами. А также государством, местным населением и мигрантами. В сфере интеграции мигрантов в принимающее общество такие организации занимаются общими вопросами адаптации, предоставляют базовые услуги и консультации по трудоустройству, социальному капиталу, экономическому благосостоянию и защите интересов мигрантов и беженцев.

Мафуанг С.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

РЕАЛИЗМ ПОСЛЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Актуальные исследования по исходу спецоперации на Украине могут быть сложной задачей для ученых-международников из-за мейнстримовых работ вроде реализма. У реалистов уже давно есть проблема с отношением их теории к практике. Чтобы понять общую картину СВО на Украине и объяснить нынешний русско-украинский конфликт, докладчик выбрал мнения шести ученых из четырех взаимосвязанных статей. Докладчик обратился к таким авторам: Джон Миршаймер — представитель школы реализма, Джаррод Хейс и Адам Б. Лернер — из школы конструктивизма, Ян Смоленский и Ян Дуткевич — восточноевропейские ученые, а также Стивен М. Уолт — сторонник школы реализма.

Д. Миршаймер разработал концепцию наступательного реализма, согласно которой все страны, особенно великие державы, для обеспечения своей безопасности стремятся стать гегемоном. Он считает, что стратегии великих держав играют главную роль в мировой политике, а малые страны должны приспосабливаться к этим стратегиям. Сейчас он утверждает, что западный мир стремится вторгнуться на территорию интересов России. Западный мир не признает своих собственных ошибок, которые заставили Россию защищать свои интересы. Миршаймер полагает, что страны, стремящиеся выжить, вынуждены совершать поступки, которые могут противоречить моральным принципам¹.

Джаррод Хейс и Адам Б. Лернер, с другой стороны, утверждают, что объяснение Д. Миршаймера сильно оторвано от исторического контекста и свободной воли людей. И что Миршаймер смотрит на все вертикально (сверху вниз с пирамиды международных отношений) и считает, что мировая политика направлена на получение прибыли для себя².

Ян Смоленский и Ян Дуткевич называют вещи, происходящие в результате реализации западных методов, «Вестпланингом»³: «феноменом людей с Запада, громко навязывающих свои аналитические схемы и политические рекомендации региону [Центральной и Восточной Европы]». Иными словами, Запад решает за Украину, что делать и как поступать. Украина не имеет права на самоопределение. Такая критика исходит из того, что Украина не является главным актором в конфликте с Россией, и вместо этого на первый план выходят Россия и США.

Стивен М. Уолт утверждает, что каждая страна имеет свои собственные интересы и стремится следовать им. Поэтому расширение НАТО на восток заставляет Россию волноваться за свою безопасность. Он пытается объяснить суть дилеммы безопасности: прежде всего, каждая страна ищет безопасность для себя. Украина также стремилась к стабильности, пытаясь вступить в НАТО. Также Стивен М. Уолт задается вопросом, почему конфликт еще не закончен. Он опирается на концепции неправильного восприятия (*misperception*) и ошибочных расчетов (*miscalculation*)⁴. Неправильное восприятие в данном случае — это военный оптимизм. Россия недооценивает возможности сопротивления Украины.

В заключение докладчик отмечает, что Д. Миршаймер считает, что СВО будет замороженным конфликтом, подобно тому, как произошло во время Корейской войны⁵. В результате продолжающегося СВО на Украине происходят значительные изменения в мировой политике и парадигме безопасности, оказывающие влияние не только на Запад, но и на Индо-Тихоокеанский регион. Международный порядок вступает в эпоху деглобализации и фрагментации. Возрастает риск того, что многие страны захотят обратиться к ядерному оружию, отказываясь от других форм гарантий безопасности, а государства, уже обладающие ядерным оружием, не станут отказываться от него. А также у стран, не входящих в НАТО, возрастает желание стать ее членами для обеспечения собственной безопасности. В центре внимания также оказывается сложная ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе. Инициативы, такие как QUAD, AUKUS, АСЕАН и архитектура Индо-Тихоокеанского региона, начинают формировать свои контуры, сталкиваясь с дилеммами безопасности и институциональными вызовами.

¹ *Chotiner I.* Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine [Electronic resource] // The New Yorker. 2022. URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/why-john-mearsheimer-blames-the-us-for-the-crisis-in-ukraine> (accessed: 18.09.2023).

² *Hayes J., Lerner A.B.* A TALE OF TWO INTERVIEWS: IR THEORY AND THE RUSSIAN INVASION OF UKRAINE [Electronic resource] // THE DUCK OF MINERVA. 2022. URL: <https://www.duckofminerva.com/2022/03/a-tale-of-two-interviews-ir-theory-and-the-russian-invasion-of-ukraine.html> (accessed: 18.09.2023).

³ *Smoleński J., Dutkiewicz J.* The American Pundits Who Can't Resist "Westsplaining" Ukraine [Electronic resource] // The New Republic. 2022. URL: <https://newrepublic.com/article/165603/carlson-russia-ukraine-imperialism-nato> (accessed: 18.09.2023).

⁴ *Walt S.M.* Does Anyone Still Understand the 'Security Dilemma'? [Electronic resource] // Foreign Policy. 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/26/misperception-security-dilemma-ir-theory-russia-ukraine/> (accessed: 18.09.2023).

⁵ *Mearsheimer J.J.* The Darkness Ahead: Where the Ukraine War Is Headed [Electronic resource] // John's Substack. 2023. URL: <https://mearsheimer.substack.com/p/the-darkness-ahead-where-the-ukraine> (accessed: 18.09.2023).

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ НА ХАРАКТЕР ИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Регулярная активность школьников в политических процессах напрямую связана с такими параметрами, как:

- качество жизни этой группы населения;
- зрелость политических взглядов ее представителей;
- характер политической культуры, доминирующей в обществе в целом.

Качество жизни школьников играет крайне важную роль в определении характера участия молодежи в политике. С одной стороны, необходимость решать вопросы личностного и отчасти профессионального развития. Немаловажную роль играет психологический климат в семье школьника и степень политической социализации взрослых, а также их авторитет и возможности влияния на мнение ребенка школьного возраста.

На «вторых ролях» политический активизм может оказаться и в случае, когда школьники находятся в заведомо «не дружественной» среде ровесников, где выражать политическую позицию или даже просто иметь ее считается недопустимым и порицается. В этой связи в силу возраста школьники либо уходят «в подполье» и участвуют в политической жизни тайно (анонимно в социальных сетях), либо выбирают абсентеизм и в отсутствие значимого авторитетного окружения сокращают степень своей политической активности.

Важной также является ситуация, при которой достижение целей, связанных с развитием молодежной группы населения, становится невозможным, либо возникают условия, при которых для значительных групп школьников, особенно старших, возникают заметные негативные перемены, угрожающие ухудшением их текущего статусного положения. В этом случае вырастает вероятность активного участия в политической жизни в форме поддержки протестных акций, отказ от лояльной позиции к существующим политическим элитам в пользу проактивной протестной позиции, ее распространение в своем окружении и в популярных соцсетях.

На стыке решения вопросов собственного развития и общественно-политического участия для школьников достаточно заметным и привлекательным стала такая форма активности, как волонтерство. Поддержка со стороны государства такого формата активности дает некоторым молодым людям хороший шанс продвижения по социальной лестнице, решения некоторых своих насущных проблем. С 2018 г., когда был принят федеральный закон, регулирующий отношения в области волонтерской деятельности, государство последовательно наращивает поддержку этой сферы. Зрелость политических взглядов - нечасто упоминаемый, но крайне важный параметр измерения политического поведения лиц школьного возраста. Фактически речь идет об уровне политической грамотности и уровне осведомленности молодежи о политических процессах. Несмотря на наличие еще в школьной программе занятий по обществознанию, а также в целом ряде специальностей в рамках вузовской подготовки курса по политологии, реальное понимание молодежью политических процессов зачастую остается на невысоком уровне. Более того, желающим восполнить пробел понимания политики за счет качественной политической аналитики сделать это будет крайне непросто. Количество открытых надежных источников такой информации критически мало. При этом только за счет политических ток-шоу или соцсетей недостаток такой информации не удастся восполнить в связи с особенностями

жанра ток-шоу или аналитики для соцсетей. Такого рода ситуация в значительной мере формирует у школьников отношение неучастия в политической жизни, которая нередко рассматривается как нечто «непонятное» или «грязное», что в свою очередь формирует отношение недоверия к политике. Итогом опять же становится политический абсентеизм. Здесь нужно отметить, что такой выбор молодежи школьного возраста не является сугубо российской особенностью. В современном мире это явление достаточно распространено.

Таким образом, рассмотрев некоторые параметры, влияющие на политическую активность школьников, можно сформулировать более общую задачу для лиц, принимающих решения: «как обеспечить вовлеченность молодежи, и прежде всего, школьников в политический процесс?». Ответ на этот вопрос будет лежать в плоскости, имеющей три измерения:

- наличие у молодежи «отвлекающих» жизненных факторов, присущих данной возрастной категории граждан;
- уровень понимания политических процессов;
- сложившиеся в обществе традиции политического участия.

Еще одним важным измерением является запрос общества в целом на участие школьников в политическом процессе. Таким образом, важно обратить внимание не только на желание и готовность школьников проявлять себя политически, но готовность общества принимать и поддерживать такую активность.

Мелоян А.О.
(ТюмГУ, Тюмень)

ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА: ПОЗИЦИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В последние годы частыми стали дискуссии вокруг участия молодежи в политической области. Уже сейчас молодые люди предпринимают попытки вовлечения в решение проблем глобального масштаба. В 2015 году Совет Безопасности ООН принял знаковую резолюцию 2250 «Молодежь, мир и безопасность», впервые признав «важную роль, которую молодежь может играть в предотвращении и разрешении конфликтов, а также ее роль как ключевого фактора устойчивости». Резолюция была основана на пяти принципах: участие, защита, предотвращение, партнерство и возвращение и реинтеграция в общество.

Примером выражения активной гражданской позиции стали жители палестинских территорий. Они боролись и борются против оккупации своей Родины. Они используют разные методы, но при этом преследуют одну цель – построить государство в мире и процветании.

Молодежь Палестины – это возрастная группа, ставшая участником и организатором как прошлой интифады, так и новой, в 2015 году, начало которой ознаменовали протесты и акции. Первая интифада состоялась в 1987-93 годах, вторая - в 2000-2005 годах. С января 2015 года по 26 апреля зарегистрировано 172 нападения на пограничную полицию Иерусалима и группу спецназа. По данным издания «The Conversation», ХАМАС организовал протесты 2015 года, предполагая, что около 40 000 участников в основном молодые люди – политические пешки [1].

Политика всегда была эффективным способом популяризации определенных концепций. Так, по оценкам энциклопедии «Кругосвет» [2] в партии ХАМАС, которая является главной в стране и диктует радикальные меры, ядро активистов оценивается в 30 тыс. человек, численность членов составляет 80 тысяч.

Самым действенным средством донесения идей на данный момент являются СМИ. Палестинская молодежь не является исключением. С развитием информационного пространства и каналов связи появились новые способы пропаганды и борьбы за свободу, к которой стремятся палестинцы. К примеру, ХАМАС активно использует Интернет и телевидение для продвижения своей идеологии. Ресурс Al-Fatech, где все изображено в ярких красках, позволяет охватить более широкую аудиторию – детей до 15 лет. Кроме того, молодые люди в оккупированном Иерусалиме нашли новый способ борьбы с израильской оккупацией. Они снимают нападения на религиозных евреев, происходящие на улицах Иерусалима, публикуют эти видео в социальной сети TikTok. По данным «Форбс», TikTok – седьмое по счету приложение за период с 2010 по 2019 год [3]. Таким образом, это объясняет тактику палестинцев по публикации видео в этом приложении. Все эти случаи – ответ молодого палестинского поколения, потому что это люди, видевшие ужасы войны.

На данный момент в Израиле проживают 1,8 миллиона палестинцев, которые сталкиваются с дискриминацией, грабежами, арестами. Формируются попытки борьбы с режимом, установившимся на оккупированных территориях, в том числе с помощью протестов и акций вандализма. Я проанализировала репортаж за май 2018 года, опубликованный в самом авторитетном издании арабского мира – Аль-Джазире, где палестинская молодежь рассказывает о методах разрешения конфликта.

1. Единственный путь разрешения этого конфликта – избавление от колониализма и создание единого государства.

2. Есть предположение, что разрешения данной ситуации нет, поскольку конфликт несет в себе экзистенциальный, пространственный, психологический аспекты. Идеология построена в Израиле вокруг клинka.

3. Молодежь считает, что каждый человек должен иметь право на самоопределение, что активно пресекается на оккупированных территориях. И единственное правильное решение – создать гражданское общество, уважающее границы друг друга, без кровопролития и какой-либо религиозной напряженности.

4. Одна часть молодежи потеряла надежду на решение этого конфликта, поскольку агрессивная политика Израиля продолжается и не наказывается, а безнаказанность повлечет за собой еще более жестокие преступления.

5. Деятельность, направленная на выход из ситуации, есть не что иное, как борьба за требования. Решение состоит в том, чтобы отложить эту борьбу за требования в сторону и заняться борьбой за освобождение.

Это малая часть того, как молодежь смотрит на конфликт и какие пути решения предлагает. Все респонденты – люди, получившие или получающие высшее образование, которые активно участвуют в обсуждении ситуации в стране. Женская часть респондентов более позитивно относится к ситуации и видит перспективу решения конфликта. С другой стороны, мужская часть, которая во многом критически относится к происходящему [4].

Конфликт очень опасен, и сложно представить разрешение этой ситуации и достижение компромисса, поскольку каждая сторона выдвигает невыполнимые условия. И самое ужасное – это активное вовлечение молодежи в беззаконие и нарушение грани между жестокостью и гуманизмом.

После детального изучения этой проблемы я пришла к выводу, что действующими лицами в решении наиболее острых проблем являются амбициозные молодые люди. Амбиции палестинцев - свободная Палестина.

Литература

1. The Conversation // Five myths about Palestine’s youth activists – debunked // 2018, URL: <https://theconversation.com/five-myths-about-palestines-youth-activists-debunked-96736>
2. Энциклопедия Кругосвет // ХАМАС. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/HAMAS.html>

3. The Forbes // Аналитики назвали самые популярные приложения за 10 лет, 2019. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/389551-analitiki-nazvali-samyepopulyarnye-prilozheniya-za-10-let>
4. How Palestinian youth would solve the conflict with Israel // AlJazeera Features|Conflict by Zena Al Tahhan, URL: <https://www.aljazeera.com/features/2018/5/15/how-palestinian-youth-would-solve-the-conflict-with-israel>
5. Protection of Civilians Report | 21 December 2021 – 10 January 2022. URL: <https://www.ochaopt.org/poc/21-december-2021-10-january-2022>
6. Protection of Civilians Report | 31 May-13 June 2022, URL: <https://www.ochaopt.org/poc/31may-13june-2022>
7. UNFPA Palestine//Population matters. URL: <https://palestine.unfpa.org/en/population-matters-0>
8. Robinson G. E. Hamas as Social Movement // Islamic Activism / Q. Wiktorowitz (ed.). — Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2003.— P. 117.

Милокост Л.С.
(ЛГПУ, Луганск)

ПРЕЗИДЕНСТВО М. СААКАШВИЛИ: ПРОБЛЕМЫ ГРУЗИНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В ходе парламентских выборов, состоявшихся 2 ноября 2003 г., в Грузии сложилась сложная внутривнутриполитическая ситуация. При посредничестве И. Иванова прошли переговоры между грузинским президентом и оппозицией. 23 ноября было объявлено о том, что Э. Шеварднадзе ушел в отставку. В результате президентских выборов 4 января 2004 года к власти пришел М. Саакашвили.

В феврале М. Саакашвили совершил свой первый официальный визит в новом статусе в Москву. В ходе визита было уделено большое внимание вопросам укрепления безопасности российско-грузинской границы, вывода российских баз с грузинской территории, урегулирования грузино-абхазского конфликта. После встречи официальные лица заговорили о новой атмосфере в грузино-российских отношениях. Действительно, наблюдается значительная интенсификация рабочих переговоров С. Лаврова и его грузинского коллеги С. Зурабишвили, консультаций В. Лощинина и М. Антадзе. Одновременно Россия оказала существенную помощь Грузии в восстановлении грузинского суверенитета над Аджарией политическим путем.

Однако, начиная со второй половины 2005 г., наблюдается постепенное ухудшение двусторонних отношений, которое во многом было вызвано стремлением нового грузинского руководства дистанцироваться от Москвы, позиционировав евроатлантический выбор Грузии. В марте 2006 г. отмечалось дальнейшее ухудшение отношений Тбилиси и Москвы в связи с так называемым «винным скандалом». В действиях Москвы в Тбилиси усмотрели «политическую подоплеку» и 3 мая 2006 года М. Саакашвили поднял вопрос о целесообразности сохранения членства Грузии в СНГ.

13 июня 2006 г. состоялась встреча М. Саакашвили и В.В. Путина в Санкт-Петербурге, в ходе которой, несмотря на активное обсуждение проблем двусторонних отношений, достичь конкретных решений, исходя из существующей степени противоречия, не удалось и диалога не получилось [1]. Дальнейшее охлаждение российско-грузинских отношений наблюдается в июле 2006 г., когда произошел ввод грузинских войск в верхнюю часть Кодорского ущелья под предлогом борьбы с бандформированием Э. Квициани, что нарушало Московские соглашения от 1994 года и фактически стало причиной паузы в процессе грузино-абхазских переговоров по вопросам гарантий безопасности. В этой ситуации российские власти отказывали М. Саакашвили во встрече с

В. Путиным во время неформального саммита СНГ, о которой в начале июля просила грузинская сторона, а грузинский президент отменил визит в Москву. В сентябре-октябре 2006 г. происходит дальнейшее обострение российско-грузинских отношений на фоне «шпионского скандала».

В условиях резкого ухудшения российско-грузинских отношений в ходе заседания Совета министров иностранных дел организации Черноморского экономического сотрудничества в Москве 12 ноября 2006 г. состоялись переговоры С. Лаврова и Г. Бежуашвили, на которых министр иностранных дел Грузии призвал российскую сторону к конструктивному диалогу, характеризуя события сентября-октября 2006 г. как «напряженность, которую можно снять». Однако в ход ноябрьского саммита СНГ в Минске конструктивного российско-грузинского диалога не произошло. Не содействовали возможности подобного диалога в ближайшей перспективе результаты референдума в Южной Осетии от 12 ноября 2006 г., заявление Государственной Думы от 6 декабря 2006 г., призывающие к учету международным сообществом итогов референдумов в Абхазии и Южной Осетии, решение парламента Грузии 13 марта 2007 г. о вступлении страны в НАТО, которое было поддержано Сенатом США.

К прекращению практически всех институциональных отношений между Грузией и РФ привел грузино-югоосетинский конфликт августа 2008 г. К моменту подписания плана Медведева-Саркози отношения между Москвой и Тбилиси находились в острейшем кризисе. 28 августа грузинский парламент проголосовал за разрыв дипотношений с Российской Федерацией и объявил Абхазию и Южную Осетию «оккупированными территориями» [2]. МИД России официально был уведомлен о разрыве дипломатических отношений 2 сентября 2008 г.

Таким образом, в 2003 г. – начале 2005 г. в российско-грузинских отношениях можно наблюдать определенные попытки сохранения диалога, однако стремление М. Саакашвили изначально изменить мандат миротворческих операций в Южной Осетии и Абхазии, а затем и вовсе восстановить территориальную целостность Грузии любым путем привели к признанию независимости данных республик Российской Федерацией и последовавшему за этим разрыву дипломатических отношений Тбилиси и Москвы.

Литература

1. О встрече Президента России В.В. Путина с Президентом Грузии М.Саакашвили, Санкт-Петербург, 13 июня 2006 года. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ge/-/asset_publisher/uwHHxf8KDaOY/content/id/400962 (дата обращения: 01.03.2023).
2. Парламент Грузии проголосовал за разрыв дипотношений с Россией. URL: <https://ria.ru/20080828/150769941.html> (дата обращения: 25.03.2023).

Милькова А.А.
(НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Исследование внешнеполитической стратегии Китая ставит сложные вопросы теоретической интерпретации самого слова «стратегия» и понимания места Китая в современной системе международных отношений. Стратегию Китая по отношению к другим ключевым игрокам можно рассматривать как защиту национальных интересов или как способ расширения возможностей торгового и финансового секторов. Например, создание таких экономических планов, как инициатива «Один пояс – один путь», стало поводом для европейских партнеров расширить экономические и политические связи с

Китаем и делает вопрос двустороннего сотрудничества актуальным для рассмотрения. Процесс изучения стратегических концепций Китайской Народной Республики определил следующий исследовательский вопрос: как и через какие инструменты в стратегических документах Коммунистической партии Китая реализуется государственная политика в европейском регионе?

В настоящее время существует не так много современной литературы, посвященной анализу особенностей стратегии Китая в Европе. Большое количество ученых изучает стратегическое взаимодействие двух акторов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (С. Лидтке, Т. Фэллон, Х. Чжоу). Особое место в литературе занимает сотрудничество Китая с Восточной Европой, которому в последнее время выделяется отдельное место в политической стратегии Китая (И. Ивасакиа, С. Мизобата). Среди российских исследователей следует отметить работы И.А. Рогачева, которые посвящены влиянию китайского фактора в Европе в условиях многополярности.

В своих стратегических документах Китай раскрывает концепцию сотрудничества с «Европой», как со странами Евросоюза, так и с государствами, не входящими в ЕС. Последними документами, подробно описывающими стратегию Китая по сотрудничеству с Европой, являются: «Политический документ Китая по ЕС: углубление всеобъемлющего стратегического партнерства Китая и ЕС для взаимной выгоды и взаимовыгодного сотрудничества», «Политический документ Китая по Европейскому Союзу», «Стратегическая повестка дня сотрудничества Китая и ЕС на 2020 г.», «Будапештские руководящие принципы сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы» и «Дубровницкие принципы сотрудничества с Восточной и Центральной Европой». При анализе инструментов китайско-европейского сотрудничества использовался документальный контент-анализ количества слов.

В ходе исследования было получено несколько важных выводов о том, как строится внешнеполитическая стратегия Китая в Европе. Во-первых, выбранные документы имеют два четко выраженных направления: один тип документов предусматривает сотрудничество с Европейским Союзом и странами-партнерами ЕС, а другой тип документов выделяет страны Восточной Европы. Таким образом, типы концепций и стратегий, рассматриваемых в ходе исследования, можно четко разделить на «Общеввропейскую» и «Восточноевропейскую» стратегии. Выявленные документы показали, что стратегия Китая включает специальный принцип для сотрудничества с европейскими странами, а именно термин «связность» («connectivity»), который представляет собой описание механизмов, направленных на межрегиональную интеграцию. Этот принцип четко отражает отношение Китая к сотрудничеству с европейскими странами как регионального игрока, имеющего экономические и политические перспективы для связи с Китаем, как с ключевым партнером.

Среди механизмов, наиболее часто используемых в стратегии Китая необходимо выделить: «Всеобъемлющее стратегическое партнерство», «Инвестиционное соглашение между ЕС и Китаем» и «Объединенный комитет таможенного сотрудничества». Каждому выявленному механизму посредством контент-анализа, в стратегиях был присвоен соответствующий код: «политика» или «экономика», определяющий приоритеты Китая в Европе. Сравнивая процент упоминания этих инструментов, было выявлено, что политические инструменты преобладают в обеих документальных стратегиях, что позволяет предположить следующее: сами стратегические документы Китая, даже те, которые связаны с торговлей и инвестициями, служат преимущественно политическим целям. Доля инструментов в «общеввропейской» стратегии Китая составляет 70,98% к 29,02%¹, где большую часть занимают инструменты под кодом «политика», а меньший процент — «экономика». Аналогичная ситуация наблюдается и с «восточноевропейской» стратегией, где подобное соотношение составляет 95,07% к 4,93%. При этом правовая основа установления собственных интересов Китаем в Европе не предполагает конкретных положений, касающихся, например, объемов инвестиций. Об этом свидетельствует и

упомянутый выше термин «связность», который, скорее, служит политическим инструментом укрепления общих отношений с регионом, позволяя увеличить частоту межгосударственных контактов на разных уровнях, но не определяя специфику сотрудничества.

*Миляева О.С.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ДОМИНИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА: ОПЫТ ГЕРМАНИИ

«Цифровизация – это ключевой фактор в повышении конкурентоспособности страны» – Ангела Меркель, бывший канцлер Германии.

В современном мире каждый из нас ощущает на себе процесс цифровизации. Цифровизация – это процесс, характеризующийся внедрением современных цифровых технологий в различные сферы жизни, другими словами, это численное описание мира. Этот процесс активно проникает в медиасферу, глобальное управление, экономику и другие сферы общественной жизни. Однако необходимо сделать акцент на политику. В данном докладе я хочу рассмотреть, как цифровизация затрагивает немецкий народ и Германию.

С одной стороны, может показаться, что цифровизация – это один из современных трендов, который появился относительно недавно благодаря активному использованию смартфонов и Интернета. Однако важно не забывать, что в античности астрономы и философы задумывались, как описать звездное небо с помощью именно цифр. Только в 1995 году американский исследователь Николас Негропonte впервые вводит понятие «цифровизация». С этого момента определение получает научное обоснование для дальнейшего исследования.

В Германии цифровизация играет особую роль. Несмотря на то, что некоторые исследователи называют ФРГ «цифровым аутсайдером» из-за медленного Интернета, стоит отметить, что в начале этого тысячелетия Германия все-таки брала курс на цифровизацию. Во-первых, в Германии появляется характерный пример цифровизации – цифровой двойник. Например, спустя три года после окончания Второй Мировой войны появляется газеты *Abendzeitung*, которая выходит в тираж по настоящее время. Сейчас немецкие журналисты оцифровывают печатное издание, чтобы привлечь еще больше целевой аудитории, преимущественно молодежи. Также многие классические издания приняли решение конвертировать контент в цифровой код: уникальный сайт с красочным материалом, который должен не только отличаться от печатного издания, но и быть привлекаемым для современного читателя. Весь контент должен сопровождаться визуальным и звуковым сопровождением, иными словами, быть мультимедийным.

Во-вторых, второй фактор цифровизации в Германии, как и во всем мире – это распространение контента на разных цифровых площадках и резкое падение печатных СМИ. На данный момент существует тенденция на потребление контента с помощью различных способов. Каждая форма данных подстраивается под жизнь современного человека, например, сейчас популярность печатных изданий быстро и стремительно падает. Яркий пример, который обуславливает это – заметное сокращение количества рекламы на страницах газет и журналов. Можно сделать следующий вывод: возможно, это одно из нововведений в средствах массовой информации, но на данную модификация, бесспорно, повлиял уход целевой аудитории на другие площадки, которые могут отличаться скоростью, подачей информации и главный фактор – подстройка под конкретного читателя, то есть формирования контента по интересам определенного пользователя. Именно здесь политика, как сфера общественной жизни, внедряется в жизнь человека.

В эпоху цифровизации как в медиа, так и в политическом пространстве появляется такое понятие, как информационный шум. Пользователи сети или потребители контента в силу ограниченности во времени не склонны к фактчекингу, то есть проверки на достоверность, а также на осмысление, используя аналитическое и критические мышления. Например, «Альтернатива для Германии» – оппозиционная партия, которая известна своими классическими темами: беженцы, гендерная справедливость и внешняя политика, которые активно публикуются в Интернет-пространстве. Однако по данным Бундестага, большинство заявлений касаются содержат большое количество противоречий. С одной стороны, в публичном пространстве АдГ хочет отменить налог на наследство и доплату за солидарность для крупных корпораций, а также ликвидировать налогообложение крупных активов. Однако, с другой стороны, если абстрагироваться от медиа шума, то можно сделать вывод: правая партия планирует освободить от налогов людей с высоким доходом, но при этом обременять немцев с низким или средним материальным положением.

Также в политической цифровизации выделяется такой эффективный способ воздействия и коммуникации, как манипуляция на чувстве страха. АдГ делает акцент на использование угольных и атомных электростанций для получения энергии, которая позволит улучшить показатели производства. В то же время партия обещает вернуть в эксплуатацию станции и построить новые объекты. Экономист Гримм называет данный метод манипуляцией, направленной на тех, кто боится перемен, поскольку энергетическая политика – это та отрасль, которая волнует каждого немца.

В заключение цифровизация в политическом поле имеет свои особенности и методы воздействия.

*Мирзаджанов Т.Э.
(МГИМО МИД России, Москва)*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭРОЗИЯ, МЕДИА РЕФОРМА И ПАРТИЙНЫЕ НАРРАТИВЫ КАК СРЕДСТВА ПОДЧИНЕНИЯ СМИ ПОПУЛИСТСКОМУ ДИСКУРСУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРАВЛЕНИЯ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ» В ПОЛЬШЕ

Приход к власти консервативных правых популистов в лице ПиС в 2015/2019-ом установил особый режим в Польше. ПиС не приемлет плюрализма мнений, взглядов отличных от партийных. По её мнению, только она сама может говорить от имени поляков и их представлять. ПиС изменила структуру политической власти в стране на системном уровне. Установилось доминирование неформальных практик над устоявшимися законами. Произошла умышленная институциональная эрозия.

Внешние акторы – как ЕС, оказываются неэффективны в противодействии данным событиям. Польское общество крайне толерантно к обходу законов и неформальным практикам, так как в стране успешно развился клиентизм. Так возник неокорпоративизм – полуолигархическая система межличностных связей сторонников и членов ПиС на почве тендеров и выгод. Расшатанность юридической системы и малое желание отстаивать верховенство формально-правовых институтов, привычка их обходить позволила ПиС безнаказанно осуществить процесс институциональной эрозии, обезвластить Конституционный Суд.

Авторитарный популизм ПиС велел ей подчинить СМИ в рамках масштабной медиа реформы. ПиС проводит новую медиаполитику и строит новую медиасистему. Одной из задач является демонтаж свободы медиа, другой - ограничение иностранных медиа,

соц.сетей. Уже кооптированная и инструментализированная правовая система, суды, судебные органы не смогли это предотвратить.

Союзный ПиС крупный бизнес начал скупку независимых частных медиа, в них началась чистка кадров от нелояльных и назначение идеологов ПиС на руководящие должности. Кооптированные ПиС частные медиа получают немислимую гос. поддержку и субсидирование. Некооптированные частные медиа столкнулись с ущемлением, дискриминацией. Им создают сложности в продлении лицензии, их журналисты получают масштабное количество исков о клевете. ПиС начала крайне неравномерно распределять субсидирование между кооптированными и независимыми госмедиа. Последние получают гос. заказы на рекламу и кредиты в близких к ПиС банках на невероятно выгодных условиях. Кооптированные госмедиа небывало радикализировались.

ПиС был принят «Закон о малых медиа», ставящий госмедиа в прямую зависимость от правительства. Закон шокировал ЕС, ОБСЕ и Европейскую комиссию. Против закона выступила «Ассоциация журналистов Польши». Закон ограничивал роль Национального Совета по телерадиовещанию, что противоречило Конституции. Затем был принят - «Закон о больших медиа». Он учреждал дополнительные надзорные органы для медиа и полностью подчинял их финансирование правящей партии. Это позволило создать множество новых пропагандистских гос. и частных медиа. В ценностном смысле оба закона превращали госмедиа в инструменты пропартийной пропаганды и трансляции агрессивного партийного нарратива.

Следующим этапом было принятие уже третьего закон - он перекрывает собой и отменяет ключевые положения Закона о телерадиовещании и Закона о печати. Третий закон разрешает депутатам занимать должности в руководстве госмедиа или в Национальном Совете по медиа, чем и пользуется ПиС. Этим закон нарушает Конституцию. Руководство госмедиа стало политизированным, более того, партиризированным, в нём стали преобладать партийные функционеры.

ПиС прививает медиа основоформирующие внутрипартийные нарративы, дискурс, видение и отношение к истории. Эти взгляды не отражают действительности, искажают её, вносят раздор между народами и между самими поляками, отличаются этническим национализмом, шовинизмом, нетерпимостью к различным социальным группам и в целом носят неконсенсусный и деструктивный характер. Медиа возвеличивают гордость за свой народ и историю спорными и ошибочными способами и сюжетами. Это подводит к обоснованию необходимости единоличного правления ПиС.

Пользуясь тем, что Польша не обладает единым устоявшимся видением относительно своего прошлого, чувствительна к обсуждению своей истории ПиС транслирует в общество специфические интерпретации истории, вызывающие в обществе столь питательные для популистов чувства непримиримости, недоверия, тревоги, обиженности, реваншизма, ощущения себя несправедливо проигравшими и обделёнными. С этой целью ПиС формирует через медиасреду особую политику памяти. Она разжигает в обществе конфликт на почве разных внутривпольских идентичностей – мнемоническую войну.

ПиС использует медиа для распространения не инклюзивной политики исключения всех оппонентов из рядов польской нации. Так, все не поддерживающие партию клеймятся вырожденцами и ненастоящими поляками. Через союзные медиа ПиС порождает и обостряет социальные расколы, создаёт ситуацию роста социальной и политической напряжённости, разобщенности гражданского общества, формирования культурной пропасти между соотечественниками, поляризации общественно-медийного дискурса и полной нетерпимости к консенсусу.

КОМПЛЕКС НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ¹

Развитие сельских территорий постепенно начинает входить в систему стратегических приоритетов современной России, что обусловлено целым комплексом разнообразных по своей природе факторов, среди которых: необходимость обеспечения национального продовольственного суверенитета и восполнение дефицита продовольственных ресурсов; преодоление цифрового неравенства в сельских территориях, усугубляющее социальное неравенство в условиях цифровизации общественных отношений; рост привлекательности «негородского» образа жизни и процессов дезурбанизации за счет массовой миграции городского населения в сельскую местность в период пандемии COVID-19. Данные факторы обуславливают выработку новых национальных приоритетов сельского развития, имеющих комплексный характер и выходящих за пределы политики в сфере агропромышленного комплекса и сельского хозяйства. Развитие сельских территорий через комплекс нематериальных ресурсов является одним из инновационных подходов, позволяющих раскрыть внутренний потенциал местных сообществ через взаимодействие разнообразных субъектов публичной политики.

Обобщая научные представления о нематериальных ресурсах развития, их можно определить как совокупность разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов нематериального характера, которые оказывают определяющее влияние на систему социальных и политических отношений и создают возможности для поступательного развития территориальных сообществ (местных и региональных). К числу ключевых нематериальных ресурсов развития относятся: человеческий потенциал, локальная идентичность; сетевые ресурсы как социальный капитал, социально-психологические ресурсы местных сообществ и обеспечивающие их агрегирование институты развития территорий.

По результатам теоретического моделирования и эмпирических данных самостоятельных полевых исследований автором были выделены общие черты нематериальных ресурсов развития территорий, объединяющие их в единый комплекс. Во-первых, нематериальные ресурсы находятся в неразрывной связи с социальными субъектами как их «носителями». Социальные субъекты могут быть индивидуальными (лидерами, представителями бизнес- и политическими элитами, общественности), групповыми (территориальными, профессиональными, предпринимательскими, этническими, мигрантскими и другими сообществами) и коллективными (большими социальными группами и гражданскими общностями). Во-вторых, нематериальные ресурсы «привязаны» к политическим пространствам, которые в силу природно-экологических, социально-экономических и социокультурных различий имеют разные конфигурации. При этом политические пространства могут совпадать с политико-административными границами территорий (муниципальных образований, регионов или макрорегионов, государств) или иметь трансграничный характер. В третьих, в структуре конкретного нематериального ресурса развития закреплены традиционные социокультурные и/или инновационные (социокультурного и институционального характера) компоненты в разных сочетаниях. Например, частью региональной идентичности коренных жителей Кубани является такая традиционная черта как

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

предприимчивость. В ряде случаев она находит отражение в деятельности сетевых онлайн-сообществах, которые посредством цифровых технологий позиционируют на региональном и национальном рынке свою продукцию, брендированную территориальными маркерами и ассоциированную с конкретным муниципальным образованием или населенным пунктом. Или же социальный капитал местных и территориальных сообществ позволяет их представителям тиражировать практики доступа к ресурсам институтов развития (региональным и национальным фондовым программам) для укрепления традиционной локальной идентичности посредством инновационных технологий (создание мультимедийных историко-культурных музеев или виртуальных туров по знаковым местам и объектам территории). В-четвертых, нематериальные ресурсы становятся реальными факторами развития при целенаправленной деятельности субъектов публичного управления, которые их актуализируют в институциональных практиках развития территорий и сообществ.

По результатам эмпирического исследования автором в составе исследовательского коллектива были выявлены и охарактеризованы на уровне эмпирических данных комплексы нематериальных ресурсов в политике развития сельских поселений муниципальных образований Краснодарского края; определены успешные эмпирические модели социально-экономического развития сельских территорий Краснодарского края с учетом влияния комплекса нематериальных ресурсов и сценарии их дальнейшего развития.

Митрахович С.П.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

PRICE CAP НА РОССИЙСКИЕ УГЛЕВОДОРОДЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Во второй половине 2022 года анонсированные еще ранее попытки установить предельные цены на российскую нефть (т. н. price cap) стали приобретать новый импульс к реализации. До практического внедрения, однако, все еще очень далеко – пока что мы имеем дело с новыми декларациями. Тем не менее «коллективный Запад» явно попытается внедрить их в жизнь.

Пока что юридическая сила согласованного в 2022 году на уровне «Большой семерки» документа, совсем невелика – это коммюнике, то есть декларация о согласии сторон двигаться в некоем направлении. По сути, G7 просто в очередной раз призвала мировое сообщество присоединиться к своей инициативе по предельным ценам на российскую нефть.

Механизм price cap заработает только в одном случае - если к нему присоединятся другие потребители российской нефти. Это вопрос именно политики. Ведь почти все страны G7 и так либо ввели запрет на поставки российской нефти и нефтепродуктов, либо уже приняли такое решение. Получается, что внутри G7 действуют даже более жесткие санкции против российской нефти, нежели предельные цены. США запретили отгрузку российской нефти и нефтепродуктов еще 22 апреля. Аналогичный запрет ввели Канада и Великобритания. ЕС запрещает морские поставки нефти из РФ с конца 2022 года (в G7 входит три страны из ЕС - Германия, Франция, Италия). Получается, что единственной страной G7, для которой price cap имеет практический смысл, является Япония. Которая уже свела закупки российской нефти к минимуму. Более того, японские медиа активно публикуют слухи со ссылкой на источники в японском руководстве, что сахалинская нефть для Японии под price cap не попадает в виде исключения. В таком усеченном виде price cap будет еще больше дискредитирован – ведь получается, что сами западные страны не будут его применять, а будут лишь навязывать условному мировому «югу».

Практически никаких конкретных механизмов, технических пунктов по реализации цели, которые можно было бы предметно обсуждать, Запад представить не в состоянии. Никаких методов контроля за соблюдением предельных цен также нет. Непонятно, как, например, наказать индийскую, китайскую, эмиратскую или малайзийскую компанию, если она гипотетически купила нефть, превысив price cap из-за нужды в ресурсе именно «здесь и сейчас».

Теоретически США могут наказывать компании третьих стран за отказ от применения механизма price cap, то есть попытаться сделать эти санкции трансграничными. Но это можно будет сделать при расчетах в долларах, с другими валютами будут проблемы. Возможны махинации с ценами контрактов – вариантов затруднить комплайнс довольно много. Ведь незападные страны покупают российскую нефть не из сочувствия к России, а из-за вполне рациональной и даже банальной выгоды. Российские компании продолжают давать солидные скидки (но это именно коммерческое решение, а не price cap как госрегулирование).

Для Китая присоединение к price cap, к американской в своей основе инициативе просто невозможно в силу разрастающегося конфликта по линии Пекин — Вашингтон (из-за Тайваня и т. д.). Китай вообще на фоне своей предстоящей «холодной войны» с Америкой не заинтересован в излишнем ослаблении России как единственного потенциального стратегического союзника. Одно дело для Пекина пользоваться сложной для России ситуацией, выторговывая определенные привилегии, а другое – способствовать экономическому краху РФ со сменой российского политического режима на проамериканский.

При этом Китай имеет уже большой опыт потребления санкционной нефти с выгодой для себя. КНР активно потребляет нефть из Ирана и Венесуэлы, получая от поставщиков серьезные дисконты. На новом этапе истории международных отношений этому списку добавляется и Россия. Но Пекин понимает, что официальное введение механизма предельных цен с его стороны не оставит Москве политического выбора, и поставки будут серьезно сокращены или вообще прекращены. Китаю проще продолжать получать от российских поставщиков хорошие скидки. Добавив Россию в число санкционных производителей нефти, с которыми Китай работает с выгодой для себя. То же американское агентство Bloomberg с тревогой пишет о серьезном росте поставок нефти в Китай из Малайзии, объем которых уже превышает страновой уровень добычи. Малайзия – один из крупных центров перевалки нефти с борта на борт, что позволяет ей смешивать свою нефть с нефтью из подсанкционных стран, в том числе и из России, и эта схема работает. В случае же реального (но маловероятного) присоединения стран вроде КНР или Индии к price cap Россия наверняка прекратит поставки им нефти, и в зоне риска окажутся и иные поставщики вроде Саудовской Аравии, понимающие, что они могут быть следующие. Тогда практически неизбежным становится сценарий глобального энергетического кризиса с масштабными политическими последствиями.

Митрофанова А.В.

(ИС ФНИСЦ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ НКО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Выступление построено на основе полевых исследований, включая глубинные интервью с сотрудниками, волонтерами и клиентами православных социально-ориентированных некоммерческих организаций, а также с экспертами.

Советский период отличался перевесом государства над другими социальными институтами (семья, община, рабочий коллектив), что привело к их упадку; в конечном

итоге постсоветской кризис государственности привел к общему кризису социальности, иначе говоря, к сбою социальных ориентиров, когда люди не понимают, что такое социальное поведение. Лишившись защиты государства и не имея возможности обратиться к промежуточным институтам, постсоветский человек оказался наедине с враждебными силами, находящимися вне его контроля, в результате чего часть населения прибегает к девиантным способам выхода из ситуации (участие в криминальных сообществах, деструктивных религиозных группах, алкоголь, наркотики и т.д.).

В докладе приведены фрагменты глубинных интервью, содержащие примеры распада социальности и отчуждения, которые потрясли респондентов и привели к занятию добровольной социальной работой. Из полевых материалов очевидно, что семейные связи не способны компенсировать кризис социальности, так как разрушались на протяжении XX века в ходе форсированной модернизации. Кризис социальных связей не компенсируется также религиозными общинами, поскольку конгрегации храмов строятся на индивидуальном обращении верующих за религиозными услугами. Приход в Церковь может обречь человека на разрыв прежних социальных связей, так как религиозное обращение в постсоветском обществе продолжает носить индивидуальный характер.

В то же время, в постсоветском обществе формируется новая социальность, которая не опосредована государством целиком и полностью, но основана на восстановлении и укреплении промежуточных социальных институтов, включая религиозные общины и религиозно аффилированные некоммерческие организации. Это происходит благодаря людям, воспринимающим ситуацию распада социальности как ненормальную. Материалы исследования демонстрируют, что «человек помогающий» – как правило, не тот, у кого есть лишние ресурсы, но человек, страдающий в условиях отсутствия солидарности. Часто это бывший клиент социальной работы. В докладе подчеркнута разница современной ситуации с дореволюционным периодом, когда Церковь выступала в качестве носителя моральной монополии, а получатель помощи рассматривался как кающийся грешник и объект исправления. В настоящее время православные организации действуют в условиях мировоззренческого плюрализма, что сводит к минимуму морализаторский элемент, делая основной целью восстановление социальной солидарности. Деятельность большинства православных НКО построена на принципиальном отказе морально оценивать образ жизни подопечных, в которых видят, прежде всего, жертвы социальной несправедливости. НКО отказываются от стигматизации образа жизни бездомных или незауженных матерей.

Восстановление социальных связей в процессе работы православных НКО происходит, в первую очередь, через восстановление целостности человеческой личности. Во вторую очередь, солидарные отношения восстанавливаются между активистами организации, поскольку добровольческая группа или движение представляет собой пространство солидарности, в котором отношения поддержки и доверия объединяют, прежде всего, самих участников. В третью очередь возникают солидарные отношения между активистами и кругом клиентов социальной работы, и наконец происходит восстановление социальности в «большом обществе» за пределами добровольческого проекта.

Хотя постсоветское социальное государство находится в кризисе, автор доклада не считает, что речь идет о полной его ликвидации, так как ресурсы государства в сфере социальной поддержки превосходят возможности общественных организаций. Возникает вопрос о партнерских отношениях государства и религиозно аффилированных НКО, что реализуется в России и других постсоветских государствах в виде системы тендеров на оказание социальных услуг. Помимо этого, религиозные организации быстрее реагируют на социальные нужды и часто ведут работу в «серых зонах», где проникновение государства незначительно (например, поддержка женщин в кризисной ситуации). Альтернативу тендерам представляет систему государственных грантов. Православная церковь в России создала также собственную систему грантов для социальных проектов. Основную проблему для работы православных НКО представляет зависимость от грантов,

когда социальная деятельность заканчивается вместе с грантом. Проблема решается, например, частичными грантами, когда недостающую часть денег надо привлечь через платформы краудфандинга.

*Михайленок О.М.
(ИС ФНИСЦ РАН, Москва)*

СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ: АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Перспективы исследования сложных общественных взаимодействий и возможных моделей развития современных социально-политических отношений, согласно мнению ряда экспертов, связаны со значительным аналитическим потенциалом сетевой теории.

Теоретическая составляющая сетевого подхода включает два исследовательских направления: это так называемая социально-сетевая теория М. Кастельса и акторно-сетевая исследовательская конструкция Б. Латура (акторно-сетевая теория) [2, 3].

М. Кастельс определяет сеть как «совокупность взаимосвязанных узлов... Узлы существуют и функционируют только как компоненты сетей. Сеть является единством, но не узел... В социальной жизни сети представляют собой коммуникативные структуры» [1, с. 37]. Подобные взгляды кажутся весьма близкими к традиционным системным представлениям, если вместо элементов системы рассматривать «узлы» сетей.

Акторно-сетевая теория (АСТ) – это исследовательский подход, основывающийся на рассмотрении социальных явлений как сложных сетей, образуемых разнородными компонентами – людьми, техническими устройствами, природными объектами. Вместо традиционного взгляда на людей как действующих субъектов и материальных объектов как средств для совершения действий акторно-сетевая теория предполагает, что действуют и вступают в отношения в равной мере люди и вещи, последние могут ограничивать, направлять или даже заменять собою человеческое действие.

Б. Латур считал, что укоренившаяся вера социологов в то, что мир – это социальные группы, общества, культуры, правила или какие-нибудь другие графические символы, придуманы для того, чтобы придать смысл полученным ими данным. Представители политической науки в общем также традиционно представляют политику как результат взаимодействия разных социально-политических сообществ (классов, партий, элит, профсоюзов и т.д.) в отношении участия в овладении властью. Описание характеристик этих образований, рассматриваемых как политические акторы в значительной степени схожи с методами исследования, применяемыми в социологии. Критическая позиция Б. Латура заключается в отрицании восприятия социального, (логично, что это распространяется и на политическое) как некой субстанции, предметно-субстратного феномена. Говоря о сущности социального Б. Латур, дистанцируясь от субстанционального понимания, утверждал, что социальное это «не вещь среди других вещей...», а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными (или политическими).

Несмотря на то, что развитие АСТ на протяжении долгого времени сопровождается, по выражению Латура «предельно озадаченной реакцией» в научных кругах, эту концепцию, безусловно, можно считать и сегодня реальной альтернативой традиционных представлений о социальном (и политическом), это обстоятельство дает основания оптимистически полагать, что существует возможность дальнейшего прогресса социально-политической науки, в том числе и в сетевой версии.

Сегодняшняя ситуация с восприятием АСТ научным сообществом неоднозначна. В этом отношении М. Кастельс достаточно критично высказывался об использовании в части публикаций понятия «сеть». Если судить о положении дел более реально, то на фоне того, что продолжают исследования в сфере сетевой теории, сетевого подхода, ряд авторов,

используя недостаточную теоретическую определенность сетевой концепции, предлагают интерпретации сетевого подхода, отсылки к которым зачастую представляют собой квазисинтетические (а по сути, эклектические) как бы методы исследования, которые используют разнообразные возможности описать какой угодно социально-политический феномен в неких постмодернистских мейнстримовских терминах.

Важно также, что с позиций АСТ взгляд на «общество» в целом и на «политическое тело» общества выглядит, строго говоря, ненаучно.

И, наконец, подчеркнём, что критический пафос АСТ выражается в признании несовместимости сетевой парадигмы с представлениями об обществе как системном целом, организме, составные части которого координируются целым и включаются в реализацию функциональных программ. Однако пока общепринятое понимание общества, социального является доминирующим в социальной науке, на сегодняшний день не сформулированы достаточно убедительные основания в пользу преимущества совокупности теоретических и методологических положений сетевой парадигмы.

В заключение отметим, что пока еще недостаточное освоение теоретических оснований и методологических подходов в значительной мере сдерживает практическое воплощение метода сетевого анализа для исследования реального политического процесса и политических отношений.

Литература

1. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с. ISBN 978-5-7598-1009-4.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с. ISBN 5-7598-0069-8
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию: / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с. ISBN 978-5-7598-0819-0.

*Михайловская О.Г.
(ЛГПУ, Луганск)*

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДОКСЫ ГЕОПОЛИТИКИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Современный политический ландшафт переживает период перемен и завершения эпохи модерна. Этот процесс характеризуется распадом биполярной мировой системы, распространением новых тенденций в процессе глобализации, возникновением новых форм борьбы за влияние в регионах и появлением парадигмы постмодерна как естественной реакции социокультурного мира на эти события.

Основные черты постмодерной парадигмы в мировой политике проявились в следующих аспектах: 1) народы Ближнего Востока, Северной Африки и Азии ищут свою идентичность, которая все чаще принимает религиозные черты; 2) происходит осмысление событий и поиск путей улучшения партнерства стран и народов, объединенных общими корнями и христианскими ценностями, не с целью противостоять другим культурам и религиям, а, напротив, для более эффективного участия в диалоге цивилизаций; 3) происходит смещение центров влияния; 4) формируется многополярная геополитическая структура и геополитические разрывы, что приводит к появлению квазигосударств.

Неотъемлемой частью мирового геополитического порядка становится проблема геополитических разрывов, которые представлены на карте мира как непризнанные

государства или зоны ограниченного суверенитета. Эти территории официально под юрисдикцией какой-то страны, но фактически полностью управляются собственным государственным аппаратом.

Причины и условия возникновения таких зон разнообразны: от внутренних национальных конфликтов, которые приводят к гражданским войнам, до внешнего влияния иностранных агентов. Среди таких геополитических разрывов есть новые образования, обладающие всеми атрибутами государства и полностью контролирующие свою территорию. К ним можно отнести Приднестровскую Молдавскую Республику, Республику Абхазию, Луганскую и Донецкую Народные Республики до 2022 года.

В политической теории и теории международных отношений данная форма государственности пока не имеет четкой классификации. Обычно выделяют квазигосударства, возникшие в результате распада многонационального государства (например, Абхазия, Приднестровье), самоопределения региона с особой этнической и этнокультурной структурой населения (как, например, Северный Кипр, Палестина), гражданской войны или вооруженного вмешательства (например, Северный Афганистан, Босния). Также можно выделить смешанные признаки возникновения государств этого типа, такие как политические (государственные перевороты), культурно-идеологические (языковые проблемы, идейное наследие православного мира), вооруженное противостояние; примерами таких государств стали ЛНР и ДНР.

Главная проблема существования этих территорий заключается в признании их другими участниками мировых отношений. Позиция по признанию «новых государств» часто вызывает разногласия и обычно объясняется нежеланием контролировать подобные процессы в других странах и потерей контроля над этими территориями.

Существование таких квазигосударственных образований стало неотъемлемой частью мирового геополитического порядка.

Возникновение квазигосударств обычно связано с пространственными характеристиками. Многие «непризнанные государства» возникают вдоль геополитических «разломов» и рассматриваются как стратегические плацдармы крупными геополитическими игроками. Эти районы часто оказываются под контролем разных государств в исторической перспективе, что приводит к формированию сложных смешанных идентичностей, которые сегодня становятся объектом манипуляций политических сил и государств.

Существующие государства обладают устойчивыми характеристиками, что позволяет начать диалог в мировом сообществе о признании их статуса. Однако сегодня наблюдается тенденция к политике двойных стандартов, когда референдумы в Косово и Черногории признаются некоторыми ведущими странами, а в Приднестровье, Южной Осетии, Луганской и Донецкой Республиках – нет.

Таким образом, важно осознавать, что эти территории представляют собой сложные политические реалии, требующие внимательного анализа и ответственного подхода в разрешении конфликтов. Политико-правовое урегулирование взаимоотношений с непризнанными государствами и соседними государствами выступает ключевым аспектом в обеспечении стабильности и безопасности в регионе.

В целом, понимание сущности квазигосударственности и её влияния на глобальные отношения является важным шагом в направлении разработки эффективных стратегий управления подобными ситуациями.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФРАНЦИИ

Прежде чем назвать особенности политической культуры Франции обратимся к определению политической культуры. Политическая культура – это политические ценности народа о традициях, знании и навыках, которые унаследовали исторический опыт отношений к социальным и политическим событиям, влияющих на современное политическое поведение граждан. В этом плане у Франции очень интересная политическая культура.

Политическая система Франции со времен Великой Французской революции постоянно меняла свой политический режим, где главную роль играли политические силы, разделившиеся на правых и левых. Если в других странах различие между правыми и левыми носило идеологические, экономические и социальные моменты, то во Франции добавилось отношение к политическому режиму. В XVIII в. на это обратил внимание английский философ Э. Бёрк, который отмечал, что французы стремятся к тотальному уничтожению всего, что было создано ранее, и готовы начать строить новый идеальный мир [2]. Конечно, эта была его реакция на Французскую революцию 1789 г., но этими словами он предсказал будущую чехарду политических режимов во Франции. Только после установления Пятой республики во Франции были окончательно установлены правила игры для всех политических партий или движений в стране. Однако тезис Бёрка ещё актуален и президентские выборы 2017 г. и 2022 г. подтверждают эту тенденцию, когда вместо традиционных левых и правых сил власть завоевали центристы.

Отношение французов к любой официальной власти вне зависимости от правящей партии всегда определялось одним словом «Свобода». Свобода для французов отображается в защите своих интересов, даже если они будут противоречить закону. Отсюда во Франции часто происходят столкновения протестующих с полицейскими, которое отражается на падении рейтинга одобрения власти, призывающая граждан соблюдать закон. Потому что для большинства населения уважение к закону и правовым нормам не являются признаками политической культуры, так как для них восстание против закона – это свобода. Эту традицию неповиновения французы унаследовали из прошлого, где часто совершались революции. «История Франции свидетельствует, что в решающие моменты массы населения активно участвовали в коллективных действиях. В народных выступлениях нашли свое проявление такие черты французского национального характера, как общественная активность, отвага, революционный пафос и в то же время некоторая театральность, приверженность к громким словам и красивым жестам» [1]. Хорошим примером являются акции протеста Жёлтых жилетов

К этому стоит добавить интересное высказывание бывшего президента Франции В. Жискара д' Эстена, который относил к политической культуре французов особенности политического спора, выражающегося в догматичности, фанатизме, нетерпимости к инакомыслящим. «На улицах городов и деревень Франции давние соседи отказываются здороваться друг с другом, если их убеждения не совпадают» [3].

Несмотря на довольно негативное отношение к государству, у французов сложилось одинаковое представление о том, что процесс принятий решений и осуществление политического курса должно осуществляться только из центрального уровня, даже если власть идет на непопулярные действия. Централизм конституционно и психологически является легитимным. Эта легитимность объясняется долгой исторической борьбой Франции за построение единого государства, которое после распада империи К. Великого строилась на вассально–ленных отношениях. Феодалная раздробленность и многолетняя Столетняя война оказали отрицательное влияние на предков французов и побудило их к началу собиранию земель вокруг одной правящей династии. Единство государственной власти сохраняется на генотипе современных граждан Франции.

Последняя особенность политической культуры французского общества является великодержавное представление французов о своей стране. Под этим подразумевается национальная гордость за свою страну, благодаря которой мир пополнился знаменитыми французами, внёсшие вклад в историю человечества, а также ностальгия по прошлым имперским временам. Также французам импонирует международный престиж Франции, связанный с постоянным членством в Совбез ООН, влиянием французского языка, культуры и ростом престижа в ЕС из-за ослабления ФРГ и выхода Великобритании.

Таким образом, видно, что у Франции довольно интересные особенности политической культуры, вызывающие интерес у исследователей политических и социологических наук, а также всем тем, кому интересна тема Франции и всё связанное с ней.

Литература

1. *Сергеенкова И.Ф.* «Партии и партийные системы стран Западной Европы и США в XX-начале XXI века»: учебное пособие /УдГУ. – Ижевск, 2012. – 401 с.
2. *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. - М.: «Рудомино», - 1993. - 144 с.
3. *Жискар д'Эстен В.* Французы: Размышления о судьбе народа/Д'Эстен Жискар: Пер. с фр. М.: Ладомир, 2004. – 248 с.

Моисеева Д.Э.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРОЦЕССОВ (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Кризисные явления в развитии Европейского союза (ЕС) показали неспособность классических теорий европейской интеграции дать целостное объяснение происходящим трансформациям. Политизация интеграции, финансовый кризис еврозоны, Брекзит, всплеск евроскептицизма и другие явления неизменно приводят лишь к расширению предметного поля уже известных теорий и подходов (таких как неофункционализм и постфункционализм, многоуровневое управление, организационные теории и т.д.), но не к созданию целостного видения тех процессов (дез)интеграции, которые непрерывно претерпевает политическая система ЕС. Обращение к организационной теории А. Богданова (тектологии) для объяснения процессов трансформации ЕС на первый взгляд кажется неожиданным, однако данная теория обладает рядом преимуществ.

Прежде всего, тектология является системной теорией в отличие от постфункционализма и других подходов и концепций, которые сосредоточены на объяснении частных явлений, таких как дифференцированная интеграция или миграционные и финансовые кризисы. Богданов же стремился сформулировать универсальные организационные принципы, которые справедливы для любого типа систем, включая общественные и политические. Применительно к ЕС, пристального внимания заслуживают такие механизмы формирования систем как *конъюгация* (соединение), *образование цепной связи* (совокупности совпадающих элементов), *ингрессия* (цепная связь через передаточное звено) и *дезингрессия* (разрыв связи).

Выразительным отличием организационной теории А. Богданова от теорий европейской интеграции является рассмотрение организующей и дезорганизующей деятельности, свойственной любой системе, как обязательных и не противоречащих друг другу процессов. В то время как теории интеграции неизменно рассматривают интеграцию как положительный процесс со знаком плюс и движение вперед, а дезинтеграцию – процесс со знаком минус и откат. Такое противопоставление существенно снижает возможности для целостного восприятия трансформаций, через которые проходит ЕС.

Организационная теория А. Богданова меняет наше отношение к политической системе как к нечто «живому» в противовес логике европейских и американских политологов, традиционно рассматривающих политическую систему как механизм («черный ящик»), выдающий реакции в виде обратной связи в ответ на поступающие сигналы из внешней среды. При таком видении вещей любое отклонение в реакции системы от ожидаемой нормы считается сбоем, а сама система нуждается в починке. Введенное Богдановым понятие *биорегуляции* характеризует способность системы к саморегулированию, что является свойством живых организмов. Таким образом, то, что классические теории считают «системными сбоями», «поломками» и «кризисами», в организационной теории расценивается как принцип подбора в действии. *Подбор*, по Богданову, – это универсальный регулирующий механизм, позволяющий системе адаптироваться. Подобное восприятие современных демократических политических систем как саморегулирующихся и адаптивных в большей мере отвечает актуальным задачам политической науки.

Тектология Богданова в настоящий момент не получила широкого признания и распространения среди исследователей европейской интеграции и международных отношений несмотря на то, что в других науках прорывная значимость идей Богданова заслуженно признана. Однако, в доминирующем сегодня постфункционализме нетрудно заметить изоморфизм – то есть стремление выйти за рамки предметного поля политологии и расширить анализ на сферы социологии, экономики, геополитики, психологии. Поворот теорий интеграции в русло конструктивизма, обращение к социологии и исследованиям идентичности – все это, безусловно, свидетельствует о попытках выявить универсальные закономерности в происходящих трансформациях – то, о чем писал Богданов. Главным ограничением классических теорий на этом пути остается взгляд на систему как на объект, существующий в вакууме, без динамики, отдельно от людей и того, что они думают о происходящем.

Ценность организационной теории для исследования процессов трансформации политической системы ЕС заключается в универсальности механизмов, описанных А. Богдановым, с помощью которых изменения могут быть отрефлексированы не по отдельности, а как части вписанного в контекст целого.

Морозова Е.В.
(КубГУ, Краснодар)

«ЧЁРНОЕ ЗЕРКАЛО» ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Метафора, используемая в названии данных тезисов, освобождает от необходимости последовательного описания объекта и оставляет простор для множественной интерпретации, для «дотраивания» смыслов. Она может стать начальной стадией понимания и теоретизации процессов стремительного нарастания негативных форм политики идентичности, что свидетельствует не только об оценке описываемых процессов и явлений, но и о стойком дефиците позитивного образа будущего, разделяемого большинством. Если авторы известного сериала «Чёрное зеркало» считали его название отсылкой к черным дисплеям электронных гаджетов, то в более общем смысле это метафора небытия. Именно поэтому мы решили использовать её, говоря о процессах, смыслом которых является обесценивание или уничтожение идентичности. Инклюзивная, позитивная идентичность может стать ресурсом политики развития, в то же время политика идентичности, опирающаяся на дискриминацию социальных общностей, дискредитацию идентичности, придающая последней эксклюзивный, негативный характер, способна усилить социальную фрагментацию и конфликтогенный потенциал.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Дискредитация идентичности – процесс обесценивания, принижения личной или коллективной идентичности, проводимый сознательно и направленный на уничтожение базовой системы ценностей, идентификационной матрицы. Примеров сознательно направляемой и управляемой смены идентичности в истории более чем достаточно (процесс работорговли и перемещение из Африки на Карибские острова и в Северную и Южную Америку в XVI–XIX вв. миллионов африканцев, разотождествление русинов в Галиции, судьба косовских сербов¹. Развязанная в странах Запада кампания русофобии содержательно является проектом дискредитации как русской этнической, так и российской национальной идентичности.

Одной из форм дискредитации идентичности является «культура отмены», то есть современная форма остракизма или бойкота, при которой человек или группа людей лишается поддержки и подвергается публичному осуждению в профессиональных или других сообществах, социальных группах и в социальных медиа.

Основной целью дискредитации идентичности является ее изменение или даже разрушение. Вместе с тем, этот процесс может быть направлен на решение ряда явных или латентных задач: легитимизацию действующего политического режима, делегитимизацию отдельных личностей, групп, организаций и даже государств, снятие ответственности за политические неудачи, психологическую компенсацию. С помощью дискредитации идентичности отторгаемой общности, через противопоставление ей происходит конституирование сообщества путём высказывание негативных оценок «других». Дискредитация идентичностей может быть связана с рядом факторов, которые могут актуализироваться как обособленно, так и в комплексе. Прежде всего это геополитические и экономические факторы (например, выгодное положение страны или общества, которая подвергается негативному воздействию, на перекрестке коммуникаций, обладание значительным запасом ресурсов), исторические факторы (приоритет в освоении территорий, победы в войнах), коммуникационная среда (охват населения информационными ресурсами и степень агрессивности информационной среды).

В отличие от дискредитации девальвация идентичности как правило связана с действиями непосредственных носителей идентичности, их публичном отказом от определённых ценностей, разделяемых группой или общностью. Как девальвацию идентичности можно трактовать уход из семьи, протестный отказ от гражданства, публичные заявления в СМИ о чувстве стыда за свою этническую или религиозную принадлежность. Одним из крайних результатов девальвации идентичности может стать автонегация, или «самоненависть», то есть формирование отрицательного самопонимания, в основе которого лежит недовольство собой из-за несоответствия собственных свойств, целей, ценностей и интересов тем культурным образцам, которые маркируются позитивно.

Негативные формы политики идентичности приводят к колоссальному ущербу на личностном и общественном уровне, – духовной дезориентации, депрессии, ощущению бессмысленности существования, повышенной склонности к зависимости. Кампании «культуры отмены» чреваты искажением исторической правды, созданием лжегероев и лжесобытий. Дискредитация идентичностей размывает само понятие культурной нормы, способствует усилению в обществе социальных размежеваний, нарастанию враждебности между разными социальными группами, их взаимному неприятию. Чтобы противостоять «чёрным зеркалам», необходимо на всех этапах социализации формировать критическое и рефлексивное мышление, навыки распознавания манипуляций и фейков. Противопоставлять лжи и клевете правду, преодолевать комплекс жертвы и стигматизацию массового сознания отдельных социальных общностей, сохранять в политике понимание невозможности развития без этических ориентиров и моральных норм.

¹ Митрошенков О.А. Смена идентичности как социокультурный проект: управленческие контексты (социально-философский анализ) // Вопросы социальной теории. 2011. Том V. С. 242-261.

ВЫБОРЫ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Организация голосования на выборах в условиях эпидемии сталкивается с существенными вызовами, но, как показали 2020-2021 гг. возможна, если принять определенные меры предосторожности.

Анализируя опыт проведения выборов при пандемии COVID-19, можно определить, какие меры позволили организовать голосование в таких условиях.

Как выяснилось, одним из наиболее эффективных способов голосования в условиях эпидемии является почтовое голосование. Гражданам предоставляется возможность получить избирательные бюллетени по почте и отправить их обратно после заполнения. Этот способ позволяет избежать скопления людей на избирательных участках и минимизировать риск распространения инфекции [1].

Другой способ минимизации рисков заражения при пандемии — это расширение сроков голосования. Задача, которую достигает этот способ, - уменьшение скопления граждан на избирательных участках, собирающихся в одно время, что обеспечивает более безопасные условия для голосования.

Еще один способ, показавший свою эффективность: голосование вне избирательных участков. Практика показала, что правильным решением было предложить альтернативные места для голосования. Например, использовать школы, учреждения культуры или другие общественные помещения, где можно обеспечить лучшие условия для социальной дистанции и соблюдения мер безопасности.

Следующий способ не новый, и уже использовался, — это применение электронных систем голосования. Данный способ позволяет гражданам проголосовать удаленно, избегая контакта с другими людьми. Однако при использовании электронных систем необходимо обеспечить надежность и защиту данных, чтобы избежать возможности манипуляций.

И, конечно, независимо от выбранного метода голосования, важно обеспечить соблюдение мер безопасности, что включает обязательное использование масок, предоставление средств для дезинфекции рук, организацию очередей с соблюдением социальной дистанции и регулярную санитарную обработку помещений [2].

Весьма вероятно, что в будущем будут разработаны еще более инновационные и безопасные методы голосования в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки. Применение вышечисленных мер позволит не только обеспечить безопасность и демократичность выборов в условиях пандемии. Более того, приобретенный опыт безусловно важен для организации выборов и в периоды, не сопровождающиеся рисками в сфере общественного здоровья.

Литература

1. Мир после COVID-19: теории и практики антикризисного реагирования в новой реальности: Сборник статей Всероссийская научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 09–10 декабря 2022 года / Под редакцией А.В. Кошкина. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Максима", 2022. – 275 с. – ISBN 978-5-907643-21-5. – EDN UVUPSY.
2. *Морозова О.С.* Наблюдение за выборами в условиях пандемии: новая реальность / О. С. Морозова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 149-158. – DOI 10.17223/1998863X/67/14. – EDN IDCJFA.

ЦИФРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Идея о том, что цифровые технологии, темпы развития которых в настоящее время очень высоки, могут повысить качество жизни граждан в самых различных ее сферах, мотивирует мировое научное сообщество проводить все большее количество исследований в этом направлении. **Столь актуальная проблематика стала предметом изысканий урбанистов, социологов, культурологов, экономистов, политологов и пр.** Наиболее обширный пласт актуальной научной литературы посвящен анализу и оценке возможностей использования технологий четвертой промышленной революции в сфере государственного и муниципального управления, а также городского развития, в частности, особенностям реализации концепции «Умный город» (Smart City). В данном ключе особое внимание специалистов привлекают вопросы эволюции и взаимосвязи «умных городов» с другими технологиями и концепциями устойчивого развития и социальной энергии; исследования преимуществ и рисков реализации концепции Smart City и цифровизации в сфере публичной политики в целом; методы и способы обеспечения безопасности данных пользователей и пр.

С позиции гражданско-ориентированного подхода наибольший интерес представляют исследования, посвященные оптимизации процесса предоставления государственных услуг гражданам в электронной форме, в том числе посредством внедрения принципа клиентоориентированности для решения насущных проблем и повышения качества жизни граждан.

Среди очевидных преимуществ цифровой эволюции для обеспечения комфортной жизни горожан следует выделить следующие:

- преобразование сферы социальных услуг посредством реализации «умных» городских проектов (ЖКХ, здравоохранение, образование, транспортная инфраструктура, безопасная среда и др.);
- получение быстрых и качественных государственных услуг;
- расширение возможностей электронной демократии и электронного участия;
- развитие цифровых компетенций населения;
- инклюзивность;
- трансформация условий труда (когнитивный рекрутинг).

Несмотря на внушительный список положительных аспектов, цифровая трансформация влечет за собой не меньшее количество рисков, наиболее актуальными из которых являются:

- цифровой разрыв;
- неразвитость цифровой культуры и отсутствие высокого уровня цифрового доверия;
- кибератаки и киберугрозы;
- трансформация рынка труда (сокращение традиционных профессий и рабочих мест);
- неразвитость цифрового законодательства;
- цифровой контроль.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

В России, учитывая территориальные и демографические особенности страны, среди первоочередных задач, направленных на нивелирование перечисленных рисков, является необходимость совершенствования информационно-коммуникационной инфраструктуры, нормативно-правового регулирования цифровой среды, системы кибербезопасности. В данном ключе Правительством Российской Федерации с 2018 года были инициированы и имплементированы ряд национальных проектов, направленных на повышение качества жизни граждан («Цифровая экономика», «Жилье и городская среда» и др). В состав национальной программы «Цифровая экономика» входят федеральные проекты «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная безопасность» и пр. При условии успешной реализации данных проектов во всех регионах, с опорой на институты гражданского общества и ГЧП в России к 2030 году можно спрогнозировать значительный прогресс на пути достижения высокого качества жизни граждан и реализации целей устойчивого развития страны.

Мурашов Р. Ю.
(ИГУ, Иркутск)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ

Более 30 лет регионы Российской Федерации существуют в рамках новой политической и экономической системы. Результатом чего стала трансформация подходов к стратегическому развитию регионов. Отдельно можно выделить проблему развития Сибири в связи с ее огромной территорией, богатством природными ресурсами, ключевой ролью в экономическом и социальном развитии России. Этот обширный регион, занимающий более половины территории страны, несмотря на потенциал, в виде энергетических, лесных и водных ресурсов, сталкивается с различными вызовами, такими как: демографический упадок, экологическими проблемами и самое главное неравномерным развитием территорий.

В данном контексте стратегическое планирование развития становится важной задачей для регионов Сибири. Необходимо разработать эффективные стратегии, которые способствовали бы устойчивому экономическому росту, социальной интеграции и охране окружающей среды. Целью этой статьи является анализ прошлого и текущего состояния стратегического планирования развития регионов Сибири, выявление ключевых проблем и вызовов, с которыми они сталкиваются, представление перспектив развития на основании текущих процессов в регионе.

В советское время развитие сибирских регионов проходило в рамках плановой экономики, которая регулировалась централизованным правительством в Москве. Пространственное развитие в СССР заключалось в освоении земель, использовании их ресурсного потенциала, продолжении развития транспортной сети, электрификации, создания промышленных комплексов [Безвербный, 2020]. Это привело к быстрым темпам индустриализации и модернизации, созданию мощной инфраструктуры, включая заводы, фабрики, горнодобывающие предприятия и энергетические объекты.

С развалом Советского Союза Россия перешла к рыночной экономике и децентрализации власти. Это означало большую автономию регионов в принятии стратегических решений. Однако это имело и негативные последствия. Некоторые направления территориального развития стали не актуальны в капиталистической системе. Пространственное развитие отошло на второй план, а разработка северных месторождений

продолжилась по большей части вахтовым методом, как это реализовывалось в западных капиталистических странах, например в Канаде. Южные территории Сибири вдоль транссибирской магистрали начали стагнировать, моногорода терпели спад экономического развития, а в демографии можно наблюдать тенденцию депопуляции [Безвербный, 2020].

Тем не менее существуют множественные позитивные точки роста, от которых может отталкиваться государство в перспективе пространственного развития регионов Сибири. В первую очередь важно отметить, что государство уже реализует более 400 мер поддержки регионального развития, однако по мнению исследователя Котова А. В. «результативность большинства мер крайне невысока» [Котов, 2019]. Неэффективность этой политики может быть объяснена низким уровнем межведомственного взаимодействия, отсутствием единого стратегического плана развития и видения будущего Сибирского региона.

Одним из самых значимых мер поддержки регионального развития, стало учреждение «Территорий опережающего социально-экономического развития» – ТОСЭР и «Особых экономических зон» – ОЭЗ. Эти территории и зоны должны создать новые точки экономического роста для развития периферийных территорий субъектов федерации. Направлены они в первую очередь на поддержку бизнеса путем установления льготных налоговых ставок, что привлекает инвестиционные потоки, а также упрощает экономическую деятельность в зоне действия ТОСЭР или ОЭЗ. К тому же Территории опережающего развития предоставляют упрощенную и быструю административную процедуру для регистрации бизнеса, получения разрешений и лицензий, что снижает бюрократическую нагрузку на предпринимателей. В регионах сибирского федерального округа учреждены 15 ТОСЭР, направленных на поддержку развития моногородов. Однако оценка эффективности данной меры остается под вопросом, по крайней мере демографическая ситуация остается пессимистичной.

Особое значение в стратегическом планировании имеет утвержденная в 2019 году стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Многими исследователями данный подход к решению вопроса рассматривался весьма оптимистично [Блануца, 2020]. Основной акцент в документе делается на развитии определенных центров экономического роста, с целью устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны.

Переходя к выводам, можно говорить о том, что в России определенно выстроен свой путь пространственного развития Сибири. Этот путь в первую очередь ориентирован на опыт капиталистических стран, с похожей моделью территориального развития. Однако с учетом спорных результатов государственной политики в данной области, в будущем необходимо также осмыслить опыт такого государства как Китай, который добился существенного экономического роста во многом за счет грамотной политики территориального развития.

Литература

1. *Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р.* Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2020. № 2. С. 63-81.
2. *Блануца В.И.* Государственная политика пространственного развития Сибири: анализ стратегических целей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 72-80.
3. *Котов А.В.* Экспортоориентированная сырьевая модель российской экономики: в поисках новой модели пространственного развития // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019. № 2. С. 5-16.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ-СОВРЕМЕННОКА У РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На современном этапе развития нашего государства возникают новые угрозы и вызовы, как внешние, так и внутренние, складывающиеся, в том числе, под внешним влиянием. Помимо попыток политического и экономического влияния, возможно, большую опасность представляет стремление недружественных сил перестроить систему духовных ценностей.

В отечественной системе духовных ценностей особое место занимал собирательный образ героя, закрепляемый в фольклоре (былинах и сказаниях, песнях), в художественной литературе и музыке, а с развитием технологий – в кино. В силу особенностей нашей истории, чаще всего это был образ воина – защитника Родины, своей родной земли, образ борца за справедливость, в том числе, и социальную (как Степан Разин). Советская эпоха сформировала образ нового типа – героя-созидателя, героя-труженика – ученого, шахтера, космонавта, спортсмена. Даже при самой критичной оценке, следует признать успешность этого эксперимента. Сколько было последователей у Стаханова и Паши Ангелиной, как встречали героев-папанинцев, Чкалова, людей, доказывающих, что невозможное стало достижимым. Миллионы послевоенных мальчишек хотели стать космонавтами, как Гагарин, футбольными вратарями, как Яшин, хоккеистами, как Харламов или Третьяк. Закат советского общества – это еще и вымирание образа героя. Вспомним ли мы сейчас героев 80-х поименно?

В современной России пришли к пониманию необходимости формирования образа Героя. Но вернуть доверие к образам героев прошлого непросто после нигилизма 90-х, когда «перекрашивание» и «низвержение с пьедесталов» стало общим трендом. Индивидуализм по европейскому образцу не предусматривает подвига во имя высоких целей. Стоит ли удивляться, что спортсмены меняют спортивное гражданство из меркантильных соображений, а часть общества их оправдывает... И дело здесь не в навязывании идеологии: в России не было намеренного продвижения подвигов Ивана Сусанина или защитников Севастополя в Крымскую войну.

Говоря о формировании образа героя сегодня, как кажется, нужно учитывать два аспекта – сам образ и механизм его «вживления» в молодежную среду. Каким бы ярким и самобытным не был образ героя, его навязывание, скорее, вызовет реакцию отторжения. Не случайно наш президент акцентирует внимание именно на технологиях продвижения образов, призывая избегать формального отношения.

Из этих двух аспектов хотелось бы остановиться на проблеме формировании самого образа.

Мы обращаем внимание на тот факт, что чаще в поисках героев обращаемся в прошлое. У России противоречивая, но великая, самобытная история. И героев в прошлом много. К сожалению, в попытках пересмотреть отношение к ним, иногда искажается истина. Преодолевая раскол Гражданской войны начала XX века, в поиске примирения, почести одинаково воздаются А.И. Деникину, отказавшемуся сотрудничать с нацистами, и атаману Краснову, воевавшему на стороне вермахта. Восстановление справедливости не может привести к переписыванию истории. Нам уже известны такие примеры.

Но, опираясь на прошлое, все же необходимо смотреть и в будущее, которое создают герои сегодняшние, имена которых, к сожалению, пока не получают распространение.

В ходе СВО появляются свои герои, становящиеся примером для подрастающего поколения. Их подвиг, безусловно, бесспорен. Но при всем уважении к воинскому

подвигу, к выполнению гражданского долга в тревожное время, стоит обратить внимание и на созидание.

И это серьезная проблема сегодня. В условиях санкций мы говорим о технологическом суверенитете, а для этого нужны прорывные открытия в науке. Но многие ли молодые люди сегодня мечтают об открытиях не с позиции роста своего благосостояния, не в карьерных устремлениях... Возможно, и СМИ нужно больше интересоваться новыми именами не с точки зрения поиска сенсаций, а подлинного, живого интереса к талантливым людям? Именно от СМИ сегодня в большей степени зависит, какое поприще будут выбирать молодые люди. Только реклама вузов не привлечет будущих талантливых инженеров, исследователей, если молодые люди не будут считать эту сферу престижной и перспективной для себя.

Исторические эпохи создают свои образы героев, отвечающих вызовам и требованиям времени. Некоторые из них сохраняет народная память, некоторые формируются сверху, некоторые хотелось бы забыть... Молодым людям нужны герои, которые будут служить маяками, но хотелось бы, чтобы эти герои заставляли созидать, совершенствоваться, были близки не только по духу, но и понятны, потому что это современники, пусть и ненамного старше.

Мухамбеткалиева Г.М.

(КАТИУ им. С. Сейфуллина, Астана, Казахстан)

ПРИНЦИПЫ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ

Современные города являются основным местом проживания большинства населения в мире. По ожидаемым прогнозам, к 2030 году, 5 млрд человек будут проживать в городах и около 95 % роста городов будет происходить за счет развивающихся стран.

Урбанизационные процессы актуализировали необходимость четкого регулирования городской политики для решения проблем, связанных с жильем, бедностью, экологией, средой обитания и системой здравоохранения, инфраструктурой и т.д.

Уровень качества жизни в городах играет важную роль в экономическом развитии города, в обеспечении гражданских прав и возможностей человека. В городах с развитым уровнем жизни социальная справедливость достигается путем улучшения общественного пространства и расширения равного доступа к местам общественного пользования.

В последнее время мы можем наблюдать, что в обществе все чаще стали уделять внимание вопросам разработки эффективной городской политики на различных уровнях (Программа ООН по населенным пунктам).

Одним из направлений для разработки стратегий городской политики являются цели устойчивого развития ООН, направленные на безопасность, жизнестойкость и экологическую устойчивость.

Вместе с тем, в достижении основных показателей целей устойчивого развития существуют проблемы, связанные с нарушением устойчивости экосистемы, нехватка продовольствия, вырубка лесов, истощение энергоресурсов и т.д.

Для разрешения основных противоречий в достижении устойчивого развития предлагается формирование и внедрение действенных инструментов городской политики, новых экономических возможностей и уменьшение социальной несправедливости посредством рационального распределения городских ресурсов между разнородными по своему социальному составу жителями. Ведь в конечном итоге основным признаком устойчиво развитого города является доступный и удобный для проживания город, где граждане обеспечены достойным качеством жизни и вносят свой вклад в развитие и процветание города.

Одним из важнейших аспектов устойчивого развития городов является развитие транспортной инфраструктуры, заключающаяся помимо ее совершенствования и в снижении необходимости дальних поездок по городу. Это приведет, с одной стороны, к развитию общественного транспорта, уменьшению количества автомобилей, экономии средств, снижению вредного воздействия транспорта на окружающую среду.

Основные элементы эффективного градостроительства на пути достижения целей устойчивого развития должны включать в себя строительство инфраструктуры с использованием энергосберегающих технологий, стимулировании использования альтернативных видов транспорта, сокращении отходного производства, путем пропаганды изменения образа жизни и мировоззрения людей и т.д.

В целях управления процессом достижения целей устойчивого развития, оценки ее эффективности предлагается разработка индикаторов устойчивого развития, с помощью которых можно выявить качественные результаты достижения целей устойчивого развития, а также сформировать базу показателей устойчивого развитого города. В свою очередь, это поможет экспертному сообществу эффективнее проводить анализ тенденций развития городов и регионов, разрабатывать национальные стратегии устойчивого развития.

Мухортов Д.С.

(МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, Москва)

ИДЕАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ И БРАКА¹

За последние несколько десятилетий образ семьи в России существенно изменился. Если во второй половине XX века гетеросексуальная супружеская пара с ребенком считалась социальной нормой, то сегодня существуют разнообразные варианты формирования семьи, обусловленные социокультурными, экономическими и политическими изменениями. Тем не менее, традиционный образ семьи по-прежнему часто идеализируется и преподносится как социальная норма институтом церкви, политическими партиями и медиа дискурсом внутри и вне страны.

Отправной точкой в анализе образа идеальной семьи и установлении реальных представлений студенческой молодежи об институте семьи и брака стал ряд опросов, проведенных ВЦИОМом летом 2023 года: «Образ идеальной и реальной семьи» ([URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023) (Дата обращения 01.10.2023)), «Рост социального расслоения» ([URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring) (Дата обращения 01.10.2023)), «Рост религиозного влияния» ([URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring) (Дата обращения 01.10.2023)).

В результате проведенного исследования были выявлены некоторые проблемы, которые могут возникнуть, или уже возникли, у молодежи при строительстве семьи.

Молодежь ищет «партнера», а не «супруга», «мужа» или «жену». Поиск идет из представителей своего круга, что указывает на то, что, с одной стороны, молодой человек знает о том, что такой круг существует и кто его наполняет, однако, с другой стороны, он не умеет, или не желает уметь, взаимодействовать с представителями других убеждений, обладателями набором других ценностей. Поскольку определенные ценности являются

¹ Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта № 123091200058-5 «Оптимальные практики продвижения традиционных семейных ценностей в студенческой среде», выполняемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

мнимыми, а образ идеальной семьи, сформированный ранее, сильно трансформировался, молодые люди не совсем понимают то, что их ждет в жизни.

В обществе отсутствует скрепляющая идея, тенденция, которая могла бы постепенно убирать классовый компонент и формировать новую коллективную общность.

В ходе анализа данных стало возможным предложить несколько путей развития молодежной политики в направлении укрепления семейных ценностей.

– Совместные мероприятия, направленные на личностный уровень. Если проводить совместные проекты среди студентов по географическому фактору, то классовая проблематика примет иную форму. Важно определить, как именно должна выглядеть нация в будущем. Во что она должна верить, хочет ли связать свою жизнь с Россией или же с конкретным региональным аспектом. Так в СССР существовала практика определения студентов на место по всей стране, что позволяло повысить коммуникативные навыки, и повысить понимание важности защиты и служения стране во имя себя и своей будущей семьи. Сейчас в Москве проводятся совместные проекты между школами и вузами, но, только в Москве. С одной стороны, студенты формируют семью внутри определенного города, тем самым развивая общность «москвичи», когда в СССР формировалась общность «Homo Sovieticus».

– Важно способствовать росту религиозных программ, направленных на формирование иной модели ценностей или же выбрать патриотическое воспитание, соединив религиозное воспитание и любовь к своему ближнему. Примеры – Польша и католичество, Германия и Протестантизм. Церковь может стать дополнительным фактором развития особого взгляда на семью, так как совместный досуг и уважительное отношение друг к другу представлено в такой модели развития индивида, происходит узаконивание идеальной семьи на практическом уровне.

– Создание новых социальных лифтов. С одной стороны, данный совет является универсальным для почти что любого опроса, однако, вспоминая опыт СССР, важно отметить, что уничтожение классового расслоения происходило именно благодаря формированию четкого образа «успеха». В капиталистической экономике, конечно, всегда будет присутствовать рыночная составляющая. Но тем не менее, на уровне школ, или же, вузов, возможно создавать модели здорового соперничества, в которых будут присутствовать понятные условия для всех без исключений. Именно самоактуализация позволяет осмыслить себя полноправным участником социальных отношений, человек без реализации не будет хотеть завести семью и будет бояться этого.

В заключение можно отметить, что идеальные и реальные представления студенческой молодежи об институте семьи и брака являются важной частью социокультурной динамики современного общества. Исследование показывает, что существует разрыв между тем, как молодежь видит семейные и брачные отношения в идеале и тем, как они развиваются на практике. Молодежь обычно имеет идеальные представления о семье и браке, основанные на романтических и культурных образах, которые они видят в СМИ и литературе. Они стремятся к стабильным и гармоничным отношениям, где взаимопонимание, любовь и поддержка играют ключевую роль. Однако реальность часто оказывается сложнее, и молодые люди сталкиваются с различными вызовами, такими как финансовые трудности, стрессы и несовместимость характеров. Важно отметить, что идеальные и реальные представления могут сильно различаться в зависимости от культурных и социальных контекстов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ¹

Множественность путей развития и множественность моделей познания и интерпретаций становится доминантой и основанием как для интерпретации политического процесса, так и для смыслового наполнения новых политических конструкций современного мира. В политической практике это отражается в возникновении новых политических структур и субъектности, когда ценностно-смысловое и цивилизационное основание становится необходимым и достаточным условием для политических деяний, а также конкурирующих дискурсов и оценок. Потребность в адекватном аналитическом инструментарии заставляет обратиться к концептам, описывающим социокультурные и психологические стороны происходящих трансформаций.

Социокультурный контекст современности во многом центрируется вокруг цивилизационного подхода: институциональный подход исчерпал монополию на описание реальности, акцентация цивилизационных черт стала не только объяснительным принципом, но и аналитическим обоснованием новой политической конфигурации мира. Расширение эвристических возможностей цивилизационного подхода имплицировало концептуально-политические схемы, пересекающиеся со сменой философско-идеологических и мировоззренческих координат и предлагающие объяснительные принципы взаимодействия различных устойчивых социокультурных общностей, выступающих субъектами мировой политики. Именно ценностно-символические основания, находящие выражение в социокультурной специфике конкретного сообщества, становятся легитимирующим фактором в переосмыслении политической направленности происходящих процессов. Настойчивое обращение в научных исследованиях к цивилизационной теории и к цивилизационному дискурсу – в публичной политике, с одной стороны, фиксирует изменения в познавательных акцентах современности, с другой – выступает их причиной. Современные дискурсы, строящиеся вокруг понятия «цивилизация», во многом воспроизводят исторически закреплённые коннотации, лежавшие в основе временного и пространственного ранжирования и интерпретации исторического и политического процесса. Тем самым они сами включаются в семантический узел политических универсалий.

Будучи одним из наиболее эффективных подходов для объяснения равноправия множественности путей политического и исторического развития цивилизационная парадигма зазвучала совершенно по-новому. Новшество заключается в инкорпорации политических смыслов, что позволяет говорить о политизации самой цивилизационной парадигмы. Если нормативная идеология цивилизации и легитимация положительными коннотациями данного понятия политических практик является одним из наиболее действенных и часто употребляемых приемов в западных идейных дискурсах, политической прагматике и риторике, то различные концептуально-политические схемы, предлагающие объяснительные принципы взаимодействия различных устойчивых социокультурных образований, наделяемых статусом политических субъектов в условиях современного мира, и занимающие прочное место в политико-идеологических дискурсах, представляются явлениями современности. Так, цивилизационная идентичность указывает на принадлежность ее носителя к локальной цивилизации, имеющей свои культурные нормы, традиции и социальные практики. Утверждение этого концепта в предметном поле политической науки связано в том числе с объяснительным потенциалом этого концепта, в

¹ Подготовлено в рамках выполнения проекта Минобрнауки РФ и ЭИСИ FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

формировании новых политических пространств в условиях изменений в структуре миропорядка, усиления вектора регионализации.

Сегодня аналитическая действенность цивилизационного подхода основывается на представлении о цивилизациях как субъектах исторического и политического процесса, поиске особенностей проявлений ценностных систем в современных социально-политических трендах, включении в объяснительные принципы политики и контексты политико-идеологического дискурса параметров культурной самобытности, идентичности, устойчивости, традиции, этнических и религиозных оснований. В пул понятий цивилизационного, обладающих наиболее эффективными интерпретативными возможностями и наиболее политизированных, вышли идентичность, устойчивость, традиция, ценности, ранее не включавших политические значения и смыслы. Смещение данных понятий и связанных с ними референтов в пространство и проблематику национальной безопасности указывает на политическую и социальную предельность, описываемую данными понятиями. В политическом дискурсе соответствующими интенциями становятся сюжеты обеспечения полноты суверенитета, исторической памяти и фальсификации истории, единого ценностно-смыслового пространства, национального единства и многие другие. В стратегических документах данные категории используются для отражения цивилизационной специфики и акцентируют культурно-смысловые приоритеты.

*Назаренко А.В.
(ИС ФНИСЦ РАН, Москва)*

СЕТЬ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ: ИСТОЧНИК, СПОСОБ, СРЕДА

Ставшая основой для структурного - институционального и системного подхода традиционная позитивная причинно-следственная модель, жестко фиксирующая идентичности или субъективности взаимодействующих элементов в живой и неживой природе, сильно расходится с новой, стремительно меняющейся реальностью. Необходим новый подход к описанию, анализу и синтезу сложных, подвижных, а зачастую неявных фрактальных социальных конструкций, основой которых является субъективная неопределенность входящих в нее элементов.

Сетевой взгляд на отношения и на действия позволяет объяснить процесс формирования субъективностей, обозначить потенциальный способ их связанности между собой и благоприятствующую этому среду и дать политическую интерпретацию этому. Отправной точкой для исследования сетевых взаимодействий стали две базовые модели из мира физики и социологии: модель молекулярно-массового распределения П. Дж. Флорри, ставшая основой для описания процесса превращения молекулярного «золя» в «гель» – «гигантский кластер», и модель «сильных – слабых связей» М. Грановеттера, соединяющая воедино микро и макросоциологическую теорию путём выделения связанных между собой «малых» групп без «фиксации» связей между ними. Закономерным синтезом этих моделей стала модель «перколяции» С. Бродбента и Дж. Хаммерсли, описывающая процесс «просачивания» жидкости в пористой среде или возникновения связанных структур – «кластеров» в случайной среде, состоящей из отдельных элементов. Нетрудно заметить аналогию – речь пойдет о процессе «просачивания» политического с последующим возникновением политически ориентированных кластеров.

Первой и главной составляющей процесса «перколяции» является человек. Его включение в политику на индивидуальном уровне с одновременным снижением его политической активности в рамках конвенциональных социально-политических объединений ведёт к изменению сути «человека политического». Становясь всё более автономной и самостоятельной личностью в политической жизни, он вносит в нее элементы

эмоционального. Человек может включаться в политику и выключаться из неё, исходя из собственных предпочтений, а также транслировать их вовне, превращаясь в активный узел сети отношений. Это вызывает потребность в осмыслении политики исходя из ориентации на внутренний взгляд каждого «человека политического».

Второй, не менее важной составляющей процесса «перколяции» является способ взаимодействия людей как субъектов отношений. Он связан с формальной булевой логикой взаимодействия субъектностей. Речь идет о переходе от логического их сложения, а фактически разделения субъективностей в шмиттовском или кьеркегоровском духе «или-или», – к логическому их умножению в арндтовском духе «и». Благодаря этому запускается круговорот дискурсов, способствующий синергетике творческой эволюции субъективностей. Благодаря фрактальному принципу – копированию успешной политической позиции вкупе с масштабированием сети отношений, узлы отношений становятся привлекательными для своего окружения. Логика сетевого взаимодействия подвигает узел сети отношений учиться правильно пользоваться своим эмоциональным и рациональным капиталом. Существует лишь одно существенное ограничение - говорить о многополярном субъект-субъектном сетевом взаимодействии имеет смысл только в случае сохранения субъектом отношений своего человеческого естества.

И наконец третья составляющая процесса «перколяции» – сеть как среда отношений. Для выявления полисубъектности человека она должна быть нейтральной и настолько тесной, чтобы позволить со временем приблизить создаваемые им политические образы к его внутреннему субъективному «Я». Сетевые политические отношения будут ориентироваться не на выстраивание институтов, а на производство множественных дискурсивных практик. Важна не идеология, а то, как политические субъекты, пользуясь для обсуждения сходной терминологией, разделяют представления о важности тех или иных политических тем. То есть важно не доверие к субъектам отношений, а доверие к сети их отношений. Это можно назвать дискурсивным единством сети отношений. Благодаря ей сетевизация политики становится драйвером политизации жизни.

В результате синтеза трех взаимопроникающих и взаимообращаемых дефиниций – политический человек, политический способ и политическая среда появляется возможность внести ясность в самый сложный процесс – переход от разнонаправленных политических отношений к направленным политическим действиям посредством круговорота дискурсов, который в этом случае берет на себя роль уникального политического коммутатора.

*Назаретян Д.Г.
(КФУ, Казань)*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ В УНИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНЕНИЕ СТАТУСА И РОЛИ ПОЛНОМОЧИЙ

На сегодняшний день насчитывается немало работ про территориальные этнические автономии. Однако, сравнительных исследований властных полномочий в государствах с этническими автономиями проводилось мало. Поэтому особенно важно рассмотреть в сравнительном плане, как сложились отношения между автономиями и центральными властями в каждом из государств, возникших в результате развала СССР и провозгласившими себя независимыми и демократическими. В современный период на постсоветском пространстве имеются следующие территориальные автономные республики: в Азербайджане – Нахичеванская Автономная Республика, в Узбекистане – Республика Каракалпакстан, в Молдове – автономное территориальное образование

Гагаузия, в Грузии- Республика Аджария. В статье предполагается рассмотреть все автономные республики на территории постсоветского пространства.

Всего можно выделить пять областей деволюции для сравнения статуса и роли автономии – законодательные полномочия, межбюджетные отношения, языковая политика, международные связи, влияние этнического фактора на разделение власти. Под деволюцией в данном случае мы понимаем переход части полномочий центральной власти в государстве к автономному образованию как неизбежное последствие создания автономии.

Для проведения сравнительного анализа в указанных сферах выделяются конкретные полномочия для определения уровня деволюции в государстве.

Проанализировав все пять областей деволюций, мы пришли к выводу, что реальными полномочиями, близкими к статусу автономного региона, обладают только Гагаузия и Каракалпакстан. НАР и Аджария фактически является обычными административно-территориальными единицами (не считая наличия таких атрибутов как Конституция, флаг и герб). Возможно, это связано с тем, что эти территориальные автономии не являются на сегодняшний день этническими (Аджария и изначально создавалась по конфессиональному признаку), то есть основное население республик совпадает с основным населением государства. В случае с Аджарией можно назвать еще одну причину ограничения региональной власти- печальный опыт Грузии с ныне частично признанными республиками Абхазия и Южная Осетия. Хотя необходимо отметить, что Аджарская республика обладает внушительным туристическим потенциалом, а его соседство с Турцией дает возможность для развития международных связей и заключения международных соглашений. Можно смело предположить, что при деволюции части полномочий Аджарской автономии стало бы большим скачком в развитии региона.

Что касается Гагаузия и Каракалпакстана- несмотря на явную большую самостоятельность в принятии решений по сравнению с другой парой, рассматриваемых автономии, можно выделить некоторые проблемы. Первое и самое главное- отсутствие региональных партий в регионе, а значит отсутствие гарантий, что в общегосударственном парламенте будет представлено достаточное количество представителей для обеспечения защиты автономии. Основная суть автономии не может быть реализована, если у региона не будет возможность напрямую голосовать за принятие тех или иных решений. Да, эти регионы обладают законодательной инициативой в общем порядке, но основное решение все равно будет принимать парламент. Именно поэтому в этих республиках периодически вспыхивают конфликты и протесты. Нельзя говорить о наличии полноправной автономной республики в этих государствах, если государство не будет им гарантировать достаточное количество представителей.

Также у Гагаузии и Каракалпакстана есть различные проблемы. Так, в Гагаузии по сей день остро стоит вопрос с реализацией языковой политикой, а в Каракалпакстане основные проблемы являются экономическими. Расположение региона в зоне экологического бедствия (Аральского моря) оказывает огромное влияние на способность региона обеспечивать себя и на степень зависимости от центрального бюджета.

В целом, если сравнивать конкретно эту пару автономных регионов, выгодно выделяется Гагаузия: право оспаривать в судебном порядке законодательные акты государства, право народа на внешнее самоопределение, активная международная деятельность, организация ежегодных инвестиционных форумов и другие привилегии дают нам основания выделять отдельно эту автономию среди рассматриваемых как в большей мере независимую и самостоятельную. Но сама суть автономии и предполагает наличие таких полномочий, поэтому в данном случае это не привилегии, а обязанность государства делегировать часть полномочий. Тем не менее, можно прийти к однозначному выводу- территориальные автономии в унитарных государствах на постсоветском пространстве нельзя охарактеризовать высокой степенью самостоятельности. Нерешенные проблемы и недовольством этнических групп по итогу вырастает в протесты и конфликты с властью.

Власти чаще всего замораживают подобные конфликты, но они будут вспыхивать с новой силой, пока первопричина не будет решена.

*Назарова М.С.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГОРОДА С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ФРЕЙМИНГА

Сегодня «знакомство» с территорией зачастую происходит через посредников в виде каналов коммуникации, к которым относятся:

1. СМИ: традиционные (телевидение, печатные издания, радио) и интернет. Данные каналы посредством своих площадок позволяют донести широкий спектр информации о текущих событиях, произошедших на территории города, о власти и общественной жизни.
2. Мероприятия, направленные на демонстрацию специфических особенностей населенного пункта, национальных традиций и т.д.
3. Посредники, которые также транслируют определенные специфические черты города, то есть туристы, иностранные представители.
4. Личный опыт индивидов при посещении населенного пункта или при проживании на определенной территории.

Процесс конструирования имиджа территории не может быть скомканным и непродуманным, поэтому очевидна потребность в его разделении на определенные стадии. Во-первых, необходимо определить как целевую аудиторию, так и ее ожидания, касающиеся позиционирования города. Во-вторых, следует выделить специфические черты территории (существующие или вымышленные), на которых можно построить узнаваемый имидж. Однако третий этап характеризуется сопоставлением реальной ситуации в городе, его действительных характеристик с ожиданиями аудитории и разрабатываемой концепцией имиджа, поскольку при большом расхождении данных черт есть вероятность низкой эффективности конструируемого позиционирования. На четвертом этапе определяются наиболее действенные каналы коммуникации. Далее происходит разработка стратегии территориального имиджа в соответствии с мнением аудитории, экспертов, властей и т.д. В свою очередь, на последнем этапе определяется эффективность сконструированного образа города в соответствии с выбранными критериями. В качестве данных критериев могут выступать повышение инвестиционной привлекательности, эффективное позиционирование первых лиц города как политиков не только регионального, но и федерального уровней, проведение мероприятий международного характера.

Следует отметить, что СМИ являются наиболее удобным и приемлемым каналом коммуникации для трансляции созданного имиджа территории. Более того, подобную существенную роль СМИ играют и для других конструктов – фреймов – стержневых идей сообщения, которые раскрываются через представленные в тексте слои.

Технологию фрейминга как процесс конструирования фреймов можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе фрейминг обеспечивает создание значений. В данном случае неважно, знакома ли субъекту ситуация или нет, поскольку вопрос о смысле того или иного события или действия остается открытым постоянно. Акторы сами определяют значение ситуации для того, чтобы действовать в рамках своего представления о ней. Присваиваемых значений может быть огромное множество, соответственно, встает вопрос о смысловом компоненте фрейма, необходимом в конкретном пространстве и времени.

На следующем этапе рассматриваемого процесса происходит отбор необходимых значений, их категоризация, а также именование. В рамках текущей стадии в первую очередь из большого числа сформированных значений объекта отбирается один или несколько смыслов. Затем выбранный смысл именуется необходимым образом и описывается с помощью ряда категорий, логично встраиваемых в структуру фрейма. Таким образом, на данном этапе фрейминга происходит переход от интуитивного обозначения того или иного объекта до осмысленного понимания его сущности и характеристик, но в категориях формирующегося фрейма.

Третий этап характеризуется созданием истории, соединяющей в себе все сконструированные ранее смыслы и категории. Повествование не акцентирует внимание на одних объектах, при этом игнорируя другие, но является связанным нарративом, главной целью которого представляется убеждение субъектов в том, что история «хорошая». Чем больше разноплановых элементов и чем более тесная взаимосвязь между ними, тем выше вероятность того, что история будет восприниматься как «правильная».

На предыдущем этапе мы уже можем говорить о сформированном фрейме, однако на четвертой стадии речь идет не столько о смыслах, вкладывающихся в рассматриваемый нами феномен, сколько о технологической стороне, об окончательном его оформлении. В данном контексте весомую роль играют конфликты вокруг интерпретации фреймируемой ситуации, зависящей от социального положения субъектов, политических ориентаций и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, технология фрейминга может быть встроена в процесс конструирования имиджа территории на этапе соотнесения реальных характеристик и черт, ожидаемых потребителями конструкта, причем сам фрейм будет представлять собой сценарий повседневной городской деятельности, наполняющийся необходимыми имиджевой стратегией качествами.

*Настявин И.М.
(КНИТУ-КХТИ, Казань)*

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ И СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Проблема сущности и определения политического конфликта сегодня актуализируется происходящими политическими, военными событиями в европейском и азиатско-тихоокеанском регионах.

Несмотря на то, что в отечественной научной литературе проделана значительная теоретическая работа в направлении исследования данной проблемы, например, Д.А. Абгаджавой, Ж.Л. Мартыновым, В.А. Ачкасовой, А.В. Глуховой, В.С. Рахманиным, А.Г. Большаковым, Т.З. Мансуровым, О.В. Блохиной, Д.М. Фельдманом, Б.В. Коваленко, А.И. Пироговым, О.А. Рьжковым и др., выявление сущности политического конфликта и его дефиниция требуют, на наш взгляд, своего уточнения и дальнейшего изучения.

Трудности в определении политического конфликта приводят к тому, что некоторые из вышеназванных авторов исходят из двух дефиниций. Так, например, А.В. Глухова в одном случае полагает, что политический конфликт «это теоретическая и практическая борьба субъектов политики – доверенных лиц больших социальных групп за власть и политическое доминирование с целью модифицировать, трансформировать или сохранить существующий политический и социальный порядок»¹. В другом случае политический конфликт понимается как «такой тип диалектического взаимодействия, неизменным условием которого является совокупность представлений субъектов о себе самих (своих

¹ Глухова А.В. Политические процессы: учеб. пособ. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2009. – С. 68.

мотивах, целях, ценностях и т. п.), оппонентах (их мотивах и целях), социальной среде, в которой происходит конфликт»¹. И то и другое определение находит своих сторонников. С первым определением согласны Э.Ш. Мусаева, В.С. Пусько, А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. Со вторым – В.А. Ачкасова, С.А. Ланцов и др.

Большинство авторов полагают, что политический конфликт – это, прежде всего, столкновение противоположных общественных сил, у которых разнонаправленные политические взгляды и интересы (С.Ю. Иванова, С.В. Попова, А.Я. Анцупов, О.В. Блохина, А.И. Шипилов, Б.В. Коваленко, А.И. Пирогов, О.А. Рыжков, Г.И. Козырев, А.В. Ключев, Д.А. Абгаджав, Ж.Л. Мартынова, Д.М. Фельдман, Н.М. Сирота и др.). Основной, главной причиной возникновения политического конфликта большинство авторов полагают, что это борьба за политическую, государственную власть и её распределение.

Действительно, борьба за власть – важный этап политической борьбы любых политических партий, организаций, имеющих свое видение, представление об обустройстве общества и общественных отношений. Но причиной политического конфликта является не борьба за власть как таковую. Борьба за власть – это следствие. Причиной конфликта является разное, порой прямо противоположное видение обустройства общества, желание доминировать и диктовать свои условия его существования и функционирования. Власть лишь инструмент, с помощью которого имеющий её субъект (или желающий её приобрести) добивается (желает осуществить) своих политических целей. Конечной целью любой политической борьбы является сохранение или утверждение определенного образа жизни, способа существования имеющими или борющимися за власть политическими силами. Суть политики любой из этих политических сил в том и состоит, чтобы с помощью власти установить соответствующий их представлениям, их идеологии, провозглашаемым целям *modus vivendi* способ существования людей, общества.

Таким образом, источник политического конфликта – противоречие, несогласие, несовпадение интересов, мнений, взглядов, представлений субъектов политики по отношению к своему/чужому социальному положению, способу существования. Отсюда политический конфликт – столкновение разных интересов, идеологий, представлений людей, субъектов политики по поводу своего/чужого способа существования.

Данное определение, в свою очередь, дает возможность не только объяснить, что такое политический конфликт, но и вскрыть сущность политического конфликта, которая (исходя из вышеизложенного) может быть сведена к разному или прямо противоположному пониманию субъектами политики обустройства общества, деятельности его политических институтов, социального положения тех или иных личностей, социальных групп (классов, этносов, наций), их роли в политической системе общества и, наконец, способа существования общества в целом. Сформулированная дефиниция, на наш взгляд, может служить и методологической основой разделения политического и неполитического, а также отделения политики от других сфер жизнедеятельности общества.

Борьба за власть становится борьбой политической только тогда, когда власть предполагается использовать в целях установления или сохранения определенного способа существования какой-либо общности людей. Следовательно, и конфликт между людьми, социальными группами, объединениями становится политическим только тогда, когда сталкиваются их интересы по поводу того или иного способа существования самих себя, либо других субъектов, чей образ жизни один субъект противостояния пытается сохранить или изменить одним способом, а другой – другим.

¹ Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика теоретико-методологический анализ. – М.: Либроком, 2010. – 280 с.

ПРОДВИЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В АТР

Россия проводит самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, а также позиционирует себя как глобальный актор. К внешнеполитическим интересам относятся, прежде всего, СНГ, Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия и АТР. Внешнеполитическими и внешнеэкономическими целями России в АТР является повышение конкурентоспособности государства, укрепление России не только как региональной державы, но и как глобального игрока.

Для понимания того, какое же место занимает Россия в АТР и какие у неё интересы, следует с помощью компаративного анализа, а также метода анализа данных, проанализировать и сравнить экспорт России по странам АТР (для анализа возьмём январь 2021 и 2022 годов, показатели в млн долл.). Австралия (11,7; 81,2), Вьетнам (89; 160,4), Гонконг (163,7; 140,7), Индия (344,5; 590,8), Индонезия (71,2; 172,1), Канада (33,9; 56,7), Китай (4321,6; 5804,6), Новая Зеландия (31,8; 1,1), Папуа Новая Гвинея (0,2; -), Республика Корея (833,3; 1738,9), Малайзия (75; 97,2), Сингапур (135,3; 115,1), Таиланд (26,4; 55,8), Тайвань (220,1; 196,5), Филиппины (44,4; 75,8) (Федеральная таможенная служба 2023). Из данных следует, что внешняя торговля России в большинстве случаев за год увеличилась, что свидетельствует о заинтересованности страны в регионе.

Межрегиональное сотрудничество России со странами АТР способствует развитию Дальневосточного федерального округа, в особенности в экономической и инвестиционной сферах. Россия заинтересована в обеспечении стабильности, коллективной безопасности, устойчивом развитии и мирном сосуществовании в регионе. Обращаясь к Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона 2009), обнаруживаем, что третий этап (2021-2025) предусматривает развитие Дальнего Востока с закреплением позиций России в мировом хозяйстве и интеграцией региона в мировое экономическое пространство.

Восточный экономический форум 2023 года положил старт к началу глобальных проектов: Программа развития энергетических мощностей на Дальнем Востоке; связывание газопроводов «Сила Сибири» и «Сахалин-Хабаровск-Владивосток», а затем их включение в единую систему газоснабжения России; развитие Северного морского пути; формирование единого транспортного коридора «Россия» от Санкт-Петербурга до Владивостока; реновация городов. Считаем, что проекты выведут макрорегион на новый уровень не только на национальном уровне в России, но и помогут интегрироваться и укрепить связи с АТР.

Таким образом, геостратегическое положение России повышают её глобальное и региональное значение. Москва нацелена стать самостоятельным актором в новой архитектуре экономического взаимодействия и в архитектуре безопасности АТР, а также движущей силой интеграционного процесса в регионе. Дальний Восток и Сибирь могут стать форпостом, а также ключевым фактором в развитии и росте российской экономики. Важно сохранить механизмы двустороннего и многостороннего взаимодействия, прежде всего в рамках АСЕАН и ШОС в качестве неполитизированного и конструктивного диалога с учётом интересов всех сторон.

НАСЛЕДИЕ ГРОМЫКО: ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРИНЦИПА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В период деглобализации мира, вопросы укрепления суверенитета России становятся особенно актуальными. Бесценный опыт защиты принципа государственного суверенитета дает изучение политического и дипломатического наследия Андрея Андреевича Громыко. Дискурс-анализ его речей и выступлений позволяет определить какие дискурсивные стратегии, применяемые в качестве механизма влияния на участников переговорного процесса, способствовали сохранению национальных ценностей, эффективной защите независимости государства, отстаиванию национальных интересов. Почеркнуть их значимость и эффективность позволяет метод сравнения со стратегиями переговорного процесса А.В. Козырева в постсоветский период. Рассмотрим несколько наглядных примеров политического диалога.

Однажды американский президент Картер в беседе с А.А. Громыко внезапно перевел разговор с темы соглашения об ограничении стратегических ядерных наступательных вооружений на вопрос «из области защиты прав человека» - вопрос об освобождении политического диссидента. Андрея Андреевича возмутил тот факт, что Картер разговор о судьбах мира свел к малозначимому вопросу, да к тому же касающегося сугубо внутренних дел Советского Союза. Стратегия защиты принципа государственного суверенитета в данном случае, если использовать методологию дейксиса Рут Водак для анализа беседы, может быть определена как дискурсивная стратегия предикации. Таким образом было соотнесено высказывание оппонента с негативной оценкой советского руководства конкретного факта действительности. Дискурсивная квалификация данного события как малозначимого, отказ от стратегии дополнительной аргументации позиции свидетельствуют о позиции доминирования в коммуникации.

Анализ показал применение стратегии фрейминга, или репрезентации дискурса (Рут Водак): позиционирование точки зрения говорящего и выражение участия или дистанции. Неоднократно и в этой, и в других беседах А. А. Громыко подчеркивал, что те, кто вмешиваются во внутренние дела СССР, всегда будут получать решительный отпор. Хотя А.А. Громыко всегда демонстрировал приверженность Советского Союза принципу невмешательства во внутренние дела других государств, что позволяло долгое время дипломатическими методами сохранять паритет между двумя блоками и не допускать возникновения военной угрозы в непосредственной близости от границ государства.

В период руководства Андрея Владимировича Козырева произошла смена стратегии защиты государственного суверенитета на либеральную стратегию, базирующуюся на определении главной проблемы Советского Союза в чрезмерном внимании к собственным национальным интересам. Стратегическое подчинение советской внешней политики США не только способствовало внедрению западных ценностей, но и привело НАТО к границам Российской Федерации.

В период Карибского кризиса А. А. Громыко беседовал как с президентом США Джоном Кеннеди, так и с госсекретарем Дином Раском относительно помощи, которую СССР оказывал Кубе. Он решительно заявлял, что «СССР – великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны», указывал на противоречие – раз США имеют множество военных баз в Европе, Азии и Африке, то почему же СССР не может помочь Кубе в укреплении ее обороноспособности? Другими словами, в терминологии Рут Водак, активно использовалась и дискурсивная стратегия аргументации, которая в данном случае позволила отстоять позицию СССР по вопросам собственной безопасности и независимости Кубы. При А.В. Козыреве же наблюдалась противоположная ситуация. Во время гражданской войны в Югославии Андрей

Владимирович поддержал введение санкций против Югославии, а также одобрил предоставление военной помощи Боснии и Герцеговине.

Подводя итог можно сделать вывод, о том, что перечисленные выше стратегии политического дискурса А.А. Громыко доказали свою эффективность в период холодной войны и могут быть применимы в современных реалиях. Либеральная стратегия дискурса, напротив, не является актуальной в современных условиях враждебного отношения альянса НАТО к России, разрушения глобальных экономических связей и движения стран глобального Юга к свержению неокOLONиальных порядков.

Неверов К.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И УПРАВЛЯЕМОСТЬ В СТАБИЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Политическая стабильность является фундаментальным требованием для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) – набора из 17 взаимосвязанных целей, принятых ООН в 2015 году и направленных на искоренение бедности, защиту планеты и обеспечение мира и процветания для всех к 2030 году. Достижение данных целей требует политической стабильности и сильного руководства. Однако, политической стабильностью на протяжении достаточно продолжительного периода времени в прошлом отличается меньшинство стран, причем, сохранение политической стабильности в будущем не является чем-то гарантированным. В этой связи встает вопрос о соотношении управляемости, стабильности политических систем и устойчивостью развития.

Государственная управляемость зависит от многих факторов: устойчивой двусторонней коммуникации между управляющими и управляемыми, наличии устоявшихся партисипаторных практик в политическом управлении, политической стабильности, верховенстве закона, снижении коррупции, внимании к общественным интересам, отсутствии политического насилия. Управляемость основывается на активном вовлечении и организации взаимодействия общественности, гражданского общества и бизнеса как участников взаимодействия многих заинтересованных сторон в целях выработки политико-управленческих решений в ходе публичных и открытых общественных дискуссий. Акцент ставится на стремление к общественному благу и учету публичных ценностей при чувствительном и ответственном характере государственного управления. При этом решения принимаются на основе гражданских добродетелей и принципа справедливости. На внутриправительственном уровне также управляемость повышается через улучшение сотрудничества между учреждениями.

Демократия является решающим фактором в достижении политической стабильности. Она обеспечивает основу для инклюзивного принятия решений, гарантируя, что голос каждого будет услышан и учтен. Демократия способствует подотчетности и прозрачности, позволяя гражданам требовать от своих лидеров ответственности за свои действия. Правительство с большей вероятностью будет уделять приоритетное внимание благосостоянию своих граждан, включая их здоровье, образование и экономическое благополучие.

Сильное дальновидное руководство является еще одним важнейшим элементом достижения политической стабильности. Дальновидные лидеры имеют четкое представление о цели и направлении, они вдохновляют и мобилизуют своих последователей для достижения общей цели. Они являются стратегическими мыслителями, способными выявлять и расставлять приоритеты наиболее насущных проблем, стоящих перед их странами. Они также способны принимать трудные решения, даже если эти

решения непопулярны. Дальновидный лидер не боится рисковать и делать смелые шаги, которые могут изменить страну и ее народ.

Политическая стабильность ведет к улучшению условий жизни людей, окружающей среды. Это позволяет правительствам предоставлять основные услуги, такие как здравоохранение, образование и инфраструктура. Это создает благоприятную среду для процветания бизнеса, создания рабочих мест и стимулирования экономического роста. Оно способствует социальной сплоченности и чувству национальной идентичности, снижая вероятность конфликтов и насилия. Это также позволяет правительствам решать экологические проблемы, такие как изменение климата и загрязнение окружающей среды, посредством эффективной политики и регулирования.

Таким образом, управляемость и стабильность являются связанными между собой характеристиками политической системы: стремление к общественному благу, приоритет общественного над частным, вовлечение граждан в разработку и принятие решений приводят к повышению управляемости и стабилизируют политическую систему. Политическая стабильность создает благоприятную среду для решения проблемы бедности, защиты планеты и содействия миру и процветанию для всех. Отсюда, достижение ЦУР требует приверженности всех заинтересованных сторон, включая правительства, гражданское общество и частный сектор, работать вместе для достижения общей цели. Для нестабильных политических систем ориентация на коммуникацию, вовлечение и приоритет публичного способствуют снижению турбулентности и создают почву для эффективного устойчивого развития.

*Недяк И.Л.
(ИС ФНИСЦ РАН, Москва)*

РЕСУРСЫ СТРАТЕГИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВКАХ РОССИЯН: ОПОРА НА СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ ИЛИ АКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ДРУГИХ СТРАН

Курс на укрепление социально-политической стабильности и сплоченности российского общества проводится в крайне непростых политических условиях. Его результативность – помимо внешних факторов – во многом зависит от того, насколько успешно удастся согласовать сложно совместимые аттитюды разных социальных групп.

Ниже представлены результаты анализа эмпирических данных, сделанного с опорой на институциональный подход и с использованием исследовательского метода «матрица социальной ткани»: ось *y* / нить основы – переменные институциональной среды; ось *x* / горизонтальная нить – переменные социальных установок граждан. Общероссийский репрезентативный опрос (N1000) проведен в июле 2022 г. отделом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Выявлены ярко выраженные контрадикторные оценочные суждения, нормативно-ценностные, когнитивные, мотивационные и поведенческие установки двух групп респондентов, выделенных по принципу предпочтения одной из следующих точек зрения: 1) России пора отказаться от поисков особого пути и активнее осваивать опыт, накопленный другими; 2) Россия должна осторожно относиться к чужому опыту, у нее своя, неповторимая судьба. Группа сторонников опоры на собственные силы (далее ОСС) многочисленнее – 63%; ориентированных на активное осваивание опыта других стран (далее ОДС) – 17%. Сторонников ОСС больше, чем приверженцев ОДС среди людей со средним специальным образованием, а также в возрастных группах 51-60 (на 5 п.п.) и 61+ (на 11 п.п.).

Анализ социальных установок двух групп респондентов и их оценочных суждений об институциональном порядке в России выявил отчетливые линии размежеваний. С

высокой долей вероятности эти кливажи могут оказаться слабыми нитями социальной ткани общества, которые снижают ее плотность и износоустойчивость. Это следует учитывать при разработке заявленных стратегий институциональных трансформаций.

Отметим некоторые важные линии размежеваний.

Восприятие власти

Согласны с утверждением: власть в России действует в своих собственных интересах 49% респондентов группы ОДС и 28% группы ОСС; законы служат интересам власти – 70% респондентов первой группы и 51% – второй.

Полагают, что политика в России основана на принципах: закона – 24% сторонников более активного осваивания опыта других стран и 49% – не поддерживающих такую позицию; прав человека – 10% и 20%; выгоды – 59% и 44% соответственно.

Считают, что в России есть политические партии, которые действуют против интересов таких людей, как они, 54% респондентов в группе ОДС и 40% в группе ОСС.

Согласны, что правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они, 73% и 58% респондентов групп ОДС и ОСС соответственно.

Уверенность в политико-правовой защищенности

Выделим те позиции, по которым разрыв в оценках респондентов двух групп превышает 10 п.п. Считают защищенными свои права на: получение информации – 31% и 55% (здесь и далее сначала приводятся ответы респондентов группы ОДС, затем – группы ОСС); свободу и личную неприкосновенность – 28% и 47%; социальные гарантии – 23% и 41%; неприкосновенность частной собственности – 27% и 43%; собрание митингов, демонстраций, пикетов – 13% и 26%. Отмечают, что ситуация с их правами изменилась в худшую сторону 37% респондентов группы ОДС и 19% группы ОСС.

Представления о ценностных основаниях российского общества

Резко отличается коллективное воображаемое считающих, что России пора отказаться от поисков особого пути и убежденных в том, что у России своя, неповторимая судьба. Полагают, что российское общество в высокой степени основывается на ценностях: закона – 36% и 53% (здесь и далее сначала приводятся ответы респондентов группы ОДС, затем – группы ОСС); прав человека – 23% и 48%; равенства – 15% и 32%, свободы – 36% и 51%; семьи – 57% и 72%; справедливости – 24% и 41%, труда – 42% и 62%, традиции – 43% и 59%.

Оценка остроты проблем российского общества

Наибольшее отличие в восприятии остроты проблем зафиксировано по следующим позициям: сменяемость власти – 53% и 27% (здесь и далее сначала приводятся ответы респондентов группы ОДС, затем – группы ОСС); неэффективность государственного управления – 60% и 41%, ограничение гражданских прав – 48% и 33%; произвол чиновников 71% и 57%.

Установки res publica и vita activa

Согласны со следующими утверждениями: «У Вас и таких людей, как Вы, нет возможности влиять на принимаемые властями решения» – 67% и 52% (здесь и далее сначала приводятся ответы респондентов группы ОДС, затем – группы ОСС); «Граждане способны сами организовать для решения важных для них задач» – 42% и 28%; «Сегодня полезнее для России единство различных политических сил» – 38% и 60%; «Оппозиция и политический выбор необходимы» – 60% и 41%; «Для России быть империей естественно» – 46% и 72%.

ЭВОЛЮЦИЯ АНТРОПОКОСМОСА. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1. Объект доклада – история, понимаемая как эволюция человеческой популяции. Историю можно мыслить трансформациями, то есть как пространственно-временную связность событий с разветвляющимся и уходящим вдаль телеологическим горизонтом. Расширяющийся социокосмос со временем нивелирует роль географически определенных параметров антропологической популяции, замещая их все более сложной архитектурой человеческого общежития.

2. Предмет доклада – глобализация, понимаемая как процесс самоорганизации и коэволюции человеческой популяции, обретения людьми ментальной, географической, политико-экономической, информационной целостности и полноты взаимодействий, образуя сложную социальную систему – Ойкумену, развивающуюся в соответствии с закономерностями общими для открытых, диссипативных, динамических систем: физических, биологических, социальных и т.п.

3. Затрагиваются методологические аспекты изучения общественной динамики с точки зрения теории сложных систем, обращено внимание на развитие исследовательского инструментария – методов анализа и прогноза комплексных, многофакторных, нелинейных процессов.

4. Анализируются особенности актуального, отягощенного рисками, срывами и рекуррентностями цивилизационного транзита из эпохи Современности к иному историческому ансамблю – калейдоскопу социальных и культурных взаимодействий, определяемому сегодня как Постсовременность.

5. Концепт глобальности – целостной модели антропокосмоса, зарождается в лоне сакральной географии, а затем под влиянием экспедиционной, торговой, исследовательской и картографической практики символический атлас изменяется в процессе коррозии и переосмысления мифологических представлений о геометрически сбалансированной конструкции пространств земного бытия.

6. Ойкумена – развивающийся организм, расширяющийся антропологический космос: среда обитания человеческой популяции, ею же производимая, опознаваемая и организуемая. Это мир миров, многоликое сообщество, переживающее когнитивные, властные и материальные трансформации. Суммарная композиция подвижной картографии – ее синдиакронный атлас, предстает в аранжировке полифонического ансамбля целеполаганий, ценностей, стилей многих стран, времен и сообществ.

7. Перманентная реконструкция мироустройства – череда структурных поколений от имперской глобализации к некоему гипотетическому состоянию: сложноорганизованному обществу постколониальной номадичности с акцентом на личностном суверенитете.

8. Три фазы глобализации Ойкумены – ступенчатая траектория аутопоэзиса цивилизации, маршрут реализации той или иной формулы планетарного единства. Это путь от имперской колонизации планеты, ее подчинения, раздела, освоения, через политическую деколонизацию и становление всемирного концерта наций к динамичной глобальной конструкции – мозаичной головоломки на основе универсализации прав человека, обретения и освоения этоса персонального суверенитета.

9. Подобный модус образует подвижное, сопрягаемое с земными порталами пространство – мир трансграничных антропо-социальных структур (АСС), где резко возрастает видовое разнообразие и витальность системы, умножая богатство акций и коммуникаций.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭКСТЕРНАЛИИ: К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН РОССИИ

Ни определенное воздействие масс на государственную политику в исторической России, ни постоянное влияние элит на эту же политику, не приводило к тому, чтобы государственная политика РФ была бы эффективной. Даже, при наличии серьезных материальных ресурсов. Осознание этой аномалии ориентирует нас на поиск новой парадигмы, объясняющей существующую аномалию. В ракурсе научного подхода Т. Куна о появлении новых парадигм, предполагающем установление значительных фактов (1), соотнесение имеющихся фактов и научных теорий (2)¹, приводит нас к представлению парадигмы политической экстерналии, а также новой (парадигмальной) теории отрицательных эффектов демократического участия граждан России. Политические экстерналии, на наш взгляд, можно сопоставлять с экстерналиями в экономике.

Экстерналий, которые британский экономист А. Пигу рассматривал через призму воздействия рыночных сделок на третьих лиц, не опосредованных государством и рынком. Отрицательные эффекты (политические экстерналии) представляют собой, к примеру, интеракционизм безумия толпы и нелегитимных процедур смены власти. В политике позитивной экстерналией может быть постоянное взаимодействие гражданской компетентности социума и выращенных национальных институтов.

Вместе с тем, политические экстерналии, в том числе и как результат массовой политики, могут иметь следующие негативные результаты. Во-первых, это политические деструкции акторов и групп, угрожающих социальному порядку. Во-вторых, политико-управленческий хаос в стране и превращение государства в «Failed State». В-третьих, это русские бунты и социальные революции. Их следствием становится откат общества к социально-экономической архаике и регрессу.

Процесс подготовки теории предполагал прохождение самостоятельных и взаимосвязанных друг с другом этапов. Во-первых, формирование и операционализация выдвинутой в научный дискурс теории, поиск адекватных методов исследования. Во-вторых, наблюдения авторов за политическими изменениями в России с начала 1990-х годов, глубокий анализ эмпирических данных. В-третьих, важным этапом в работе стал этап интерпретации полученных результатов политологического исследования.

По нашему мнению, чем выше была эмоциональность и шире масштаб политического участия граждан России, тем выше отрицательные эффекты данного участия. В рамках еще одной гипотезы авторы утверждают, что массовая политика и элитарная политика в современной России представляла и представляют собой политологическую дихотомию «масса-элиты». При этом негативный эффект от массовой политики граждан оказывается более разрушительным, чем даже деструктивные действия элит в реализации своих узкокорыстных интересах.

Существует ли противоядие против институционализирующихся политических экстерналий в России, как негативных внешних эффектов эмпауэрмента? К примеру, для Роберта Даля это гражданская компетентность в массовой политике — это широкие познания простых людей о том, что представляет собой всеобщее благо, понимании наиболее эффективных путей его обретения. Для политологов Дж. Марча и Й. Ольсена

¹ Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налётова, общ. Ред. и посл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – М.: Издательство «Прогресс». 1977. 304 с. С. 58.

эффективная массовая политика связана с проектированием и выращиванием демократических институтов.

Итальянский профессор Э. Коломбато видит противоядие от деструктивности масс в наличии групповой рациональности, в рамках которой достигается осознанный коллективный результат. Для Хью Хекло концепция обучаемых политик представляет собой процесс гражданского осознания широкими социальными слоями и группами стоящих перед обществом проблем («поднять мое сознание»).

Нечаева В.С.
(ИГУ, Иркутск)

ФЕНОМЕН ПАРАДИПЛОМАТИИ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Эпоха глобализации сформировала следующую тенденцию в современных международных отношениях – регионализацию. Под регионализацией понимается процесс внутрирегиональных изменений, ведущий к формированию сотрудничества и моделей интеграции, проявляется экономическая взаимозависимость, влияние институционального фактора и культурной коммуникации. Наиболее ярким проявлением регионализации является парадипломатия.

Понятие «парадипломатии» появляется в конце XX в. в период усиления негосударственных акторов в мировой политике, понимающегося как вовлечение субнациональных акторов в международное сотрудничество посредством установления долгосрочных и временных, формальных и неформальных связей между регионами. Связи могут базироваться на территориальной близости, культурной, исторической, этнической схожести.

В период глобализации размывались позиции национальных государств как основных акторов международного процесса, ставился под сомнение национальный суверенитет. Так, регионы вступили в своеобразную борьбу с государствами, заметно ослабляя позиции государства как основного актора. Этот процесс – глокализация, подразумевал переход государственных функций как «вниз» – на локальный и региональный уровни, так и «вверх» – в глобальное измерение. Получение субнациональными акторами экономических, финансовых и т.п. компетенций дало возможность действовать с целью реализации региональных интересов. Закономерно, что субгосударственные единицы не могут претендовать на полноценное осуществление международной деятельности, но существенно расширяют свой инструментарий в сфере международных взаимодействий. Они формируют устойчивую паутину транснациональных связей, дают основания для трансформации политической картины мира.

Парадипломатия регионов может воплощаться в различных формах. В основном, взаимодействие осуществляется в следующих рамках:

1. формирование положительного имиджа региона. Осуществляется посредством официальных визитов иностранных представителей властных структур, послов и других уполномоченных лиц;
2. подписание соглашений, устанавливающих побратимские связи городов;
3. членство регионов в международных организациях;
4. неофициальные формы международной деятельности (форумы, конференции, выставки).

Парадипломатия Иркутской области преимущественно развивается в рамках указанных направлений. Анализируя план международных мероприятий на 2023 г. № 06-493/22, заверенный губернатором И. И. Кобзевым от 29.12.2022 г. можно проследить вектор

дальнейших взаимодействий¹. Уделено внимание международным связям с Республикой Беларусь, Монголией, КНР и др. Заметна общегосударственная тенденция «поворота на Восток», что подтверждает тезис о том, что политика региона не противоречит интересам государства.

По итогам первого полугодия текущего года было проведено около 30 культурных фестивалей и ярмарок как по области, так и за ее пределами, к примеру, в г. Харбин в июне была организована Харбинская международная торгово-экономическая ярмарка. Важным направлением развития стало проведение порядка 15 научно-практических конференций, конкурсов при поддержке ведущих региональных университетов – Иркутского государственного университета, Байкальского государственного университета и др. Это способствует прогрессу в сфере научной дипломатии, развитию программ для молодых ученых и студенческих стажировок. Было подписано соглашение о сотрудничестве между Ангарским городским округом Иркутской области и городом Чойр в Монголии. Отдельное внимание уделяется экономическим форумам с международным участием. Примером такого форума может послужить Братский экономический форум, в рамках которого к сотрудничеству активно привлекают бизнес-партнеров из Республики Беларусь.

Иркутская область является членом Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРССВА). Членами Ассоциации являются 79 региональных администраций из 6 стран (Республика Корея, КНДР, Япония, КНР, Монголия и Российская Федерация). Россия представлена 16 регионами, в числе которых присутствует Иркутская область.

Основными преимуществами членства в АРССВА являются возможности расширения международных контактов; осуществления стажировок и программ по обмену среди студентов, в сфере экономики и медицины; привлечения потенциальных инвесторов в региональные проекты и др. Так, АРССВА является площадкой для формирования положительного имиджа Иркутской области РФ среди регионов стран Северо-Восточной Азии.

Таким образом, в условиях трансформации политической картины мира феномен парадипломатии регионов становится все более актуальным. Однако несмотря на разнообразие инструментария международного сотрудничества российских регионов, в их деятельности присутствует ряд вопросов, требующих дополнительной разработки.

Никипорец-Такигава Г.Ю.
(НИУ ВШЭ, Москва)

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ СРЕДИ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК: ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность регионоведных исследований возрастает по мере того, как меняется мировой порядок, возникают и развиваются полицентричность, новые большие экономики, роль мирового большинства, стран и регионов его преобладания, а также его региональных и субрегиональных институтов. Пока в России культивировался «поворот на Запад», усугублялся дефицит специалистов по незападным регионам. После февраля 2022 года они стали заметно более востребованными, чаще появляются в поле общественных и академических дискуссий. Прояснилось и то, какой именно регионовед нужен стране в текущий политический момент – запрос существует как на теоретическое, так и на прикладное регионоведение. При этом регионоведение как отрасль науки и знания испытывает в России некоторые трудности с поисками научной идентичности и

¹ План международных мероприятий Иркутской области на 2023 г. // Правительство Иркутской области: официальный портал. – URL: <https://clck.ru/35nhXA>.

институционализации, а, соответственно, и методологией, которые затрудняют его готовность удовлетворять данный запрос в полном объеме.

1. Особенность регионоведения как отрасли науки и знания прежде всего в том, что ее объект бинарен. И в русскоязычном варианте, и в английском аналоге (Area Studies) названия данной отрасли отражена одна часть объекта – это регион. Вторая часть объекта проясняется в каждом конкретном регионоведном исследовании, которое не может касаться всей совокупности социальных пространств всех стран региона в любом историческом периоде, напротив, сужает свою самоидентификацию до конкретного региона или до страны и до того из социальных пространств, которое изучает экономического, политического и т.д. Чем политологическое исследование отличается от исследования политики какого-то региона? Отсутствием региональной привязки, но сосредоточенностью на любом или всех страновых кейсах, где данное политическое событие, процесс, технология особенно интересно развиваются, или же отсутствием любой страновой или региональной привязки. Можно ли понимать регионоведа как политолога, глубоко изучающего и знающего регион? Да. И это первый тезис, который мне хотелось бы обсудить. Потому что, если мы с этим согласимся, станет понятно, что регионоведению не обязательно изобретать свою отдельную методологию. Занимаясь экономикой региона, можно операционализировать инструментарий экономической науки, занимаясь политикой региона – политической, и так далее.

2. Помимо бинарности объекта, существует ли иная специфика регионоведения как области науки и знания? Несмотря на то, что наши исследования, как правило, посвящены одному из социальных пространств, все они пронизаны объединяющей региональной спецификой. Регионовед не может быть одинаково глубоким специалистом и в политике, и в экономике, и во всех социальных пространствах своего региона, но занимается ими не изолированно, то есть хорошо знает всех из них. Для ряда незападных регионов регионоведу необходима ресурсозатратная языковая компетенция. Если для филолога и переводчика это центральная компетенция, для регионоведа – одна из, которая должна сочетаться со знаниями социума, экономики, политики, права, теоретических основ соответствующих наук, соседних и связанных одним регионом, геополитикой и прочими факторами со «страной изучаемого языка» субъектов, а также мирового контекста. Регионоведные исследования, касающиеся политики, занимаются не политическим институтом, процессом, технологией и т.д. вообще или в любых интересных странах, а политическим институтом, процессом, технологией, субъектами и т.д. в определенной стране/регионе и опосредованными данной страной/регионом. Методы и теории регионоведного исследования тоже зависят от того, какой регион и страну мы изучаем. Теории международных отношений, которые мы смело используем в исследованиях политического пространства стран и регионов, это западноцентричные теории. Поэтому развиваются дискуссии о трудностях их применения к незападным кейсам. Иногда специфика региона настолько своеобразна, что, например, дает возможность говорить об «Азии как методе», то есть о том, что исследования Азии (и других незападных регионов) требуют особенных методологических подходов. В академическом поле всё более энергичным становится голос незападных исследователей, которые, изучив всё, что изобрела и предложила западная политическая наука, смело развивают свои теории или адаптируют имеющиеся к другим странам и регионам. Этот учет региональных особенностей, изучение социальных пространств через призму региона, выбор теоретико-методологических оснований, подходящих региону, и составляет еще одну особенность регионоведных исследований. И это достаточное основание, чтобы настаивать на оригинальной идентичности регионоведения, выделив регионоведение как отдельную область социальных наук, отдельную от политических наук и любых других. Про междисциплинарность как особенность зарубежного регионоведения в таком случае даже не имеет смысла упоминать – это требование времени, которое реализуется во всех социальных дисциплинах.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ И АВТОНОМИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ ОБ ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМЕ¹

Проблема исследования этнических федераций, актуализированная процессами распада на территории бывшей Югославии и СССР, равно как и конфликтами в ряде африканских государств, по преимуществу связана с обсуждением способов политической интеграции этнических групп при сохранении стабильности такого рода государственного устройства.

Ключевой вопрос, интересовавший исследователей конфликтов, сводился к уточнению, способствует ли данная форма государственного устройства процессам мобилизации этничности с их политизацией и формированием сепаратистских движений.

Этот вопрос достаточно давно нашел отражение в анализе региональных межэтнических конфликтов, особенно в части определения факторов роста межэтнической поляризации и фракционности: моноэтнический характер правящей коалиции, установление авторитарического правления, региональные диспропорции бюджетных трансфертов, наличие территориально-обусловленных квиважей, залежи в этнических регионах источников углеводородов и др.

На итоговый вопрос о выборе предпочтительных инструментов политической стабилизации — установление институционального контроля или расширение автономии — в настоящий момент результаты исследований не дают утвердительного ответа.

Вместе с этим нужно учитывать, что данная дискуссия имеет более широкое измерение. В первую очередь речь идет о международном контексте, который связан с попытками формировать общую систему безопасности и реагирования на региональные гуманитарные кризисы. Вопросы урегулирования вооруженных межэтнических конфликтов с начала 1990-х годов, по мере укоренения принципов международного кризисного реагирования, были нередко концептуализированы в рамках проблем государственной несостоятельности (нередко с акцентом на государствах Африки южнее Сахары) и эффективного политического управления.

Такая перспектива оценки вопроса через проблему государственной способности, с обоснованием выбора стратегий и тактик постконфликтного урегулирования (в частности, на фоне военных кампаний американской коалиции в Ираке и Афганистане), на уровне международного целеполагания практик восстановления политических институтов увязывается с защитой и представительством этнических меньшинств. Подобное измерение прав граждан в контексте международных институтов может быть концептуально связано и с результатами «политики идентичности» как закрепления принципов признания и защиты меньшинств.

Подобное измерение дискуссии о федерализме имеет смысл концептуально свести к логическим основаниям, характерным для политики мультикультурализма, что дает основания рассматривать вопрос представительства этнических групп в спектре политий разной институциональной сложности. В случае с мультикультуральной стратегией в Канаде можно говорить о практиках институциональной эластичности автономии. Пример Канады интересен и в отношении изменения правовых возможностей групп коренных жителей (в частности, на примере инуитов на территории Нунавута), что в определенной степени демонстрируется диверсификацией принципов взаимодействия представителей группы с различными акторами, включая коммерческие организации.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект No 23-28-00360 «Этнофедерализм как форма национального самоопределения: сравнительный анализ».

Представляется, что подобная сравнительная перспектива представляет интерес для рассмотрения проблемы этнофедерализма еще и по той причине, что автохтоны на примерах федерации выделяются на основании исторических предпосылок в виде сложившейся территориальной и хозяйственной автономии, что нередко сочетается с ресурсной значимостью территории их проживания для центрального правительства. Этот аспект территориальной автономии важен для понимания межэтнических отношений и конфликтов в случае политий на африканском континенте.

Таким образом, определенную перспективу имеет рассмотрение проблемы этнофедерализма через два измерения: определение роли исторической автономии этнической группы в формировании соответствующих политических институтов и доступность этическим федерациям эффективных инструментов институциональной эластичности.

Никифоров А.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ РИСКОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ¹

Прошедшие три с половиной десятилетия с момента третьей волны демократического транзита оставили для компаративистов огромное число вопросов о понимании траектории политических трансформаций.

Угасание с 1990-х политического оптимизма «конца истории» и дедуктивной логики понимания политических трансформации ожидаемо привело в интерпретации затянувшихся транзитов к отступлению от классической транзитологии в «серую зону» через концепцию гибридного политического режима. Подобный взгляд сохраняет актуальными множество вопросов как о факторах политического перехода, так и о стабильных результатах этого изменения.

Представляется, что в контексте данной общей проблемы интерес представляет обращение к вопросам трансформации публичной сферы и цифрового перехода. Причины подобного фокуса анализа лежат в изменчивости области публичного, что способствует появлению в ней политических субъектов и новых общественных повесток даже в режимах стабильных автократий. С другой стороны, цифровая трансформация непосредственно связана с углублением и ростом динамики сложности общественных отношений в социальном и экономическом плане, равно как и с их публичным измерением благодаря новым социальным медиа.

Взгляд на политические трансформации через эти два измерения может быть дополнен динамической компонентой, связывающей правительство, партии, общественные движения и граждан – спецификой восприятия риска.

На примере посткоммунистических режимов риск-рефлексия может быть связана с институциональной гибридизацией управления рисками через практики *ad hoc* законотворчества, ручного управления, ребалансировку структур исполнительной власти и пр.

Подобная оптика анализа представляется эвристичной при развитии концепции посткоммунистических режимов Б. Мадьяра и Б. Мадловича в части понимания связи процессов риск-рефлексии со спецификой воспроизводства «жестких структур» для пространств взаимодействия различных политических акторов.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект No 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Имеющиеся результаты эмпирического анализа наталкивают на рассмотрение нескольких гипотез. Во-первых, может происходить онтологизация угроз в рамках сложившихся социальных корпораций и соответствующих административных рынков. Во-вторых, необходимость легитимации публичной власти и десертификации оспаривающих ее акторов может предполагать экспансию в публичную сферу через управление повесткой рисков/угроз. В-третьих, неразделенность сфер социального действия выступает предпосылкой психологизации восприятия рисков, когда нормализация управления риском не всегда означает снижение неопределенности, поскольку означает отчуждение области риска от сферы персонального контроля.

В широком смысле данные гипотезы ставят вопрос о понимании государства и гражданина в различных политических режимах, что особенно актуально в рамках процессов цифровой трансформации, которая предполагает рационализацию отношений через стандартизацию, открытость и адаптивность к изменениям.

*Никовская Л.И. (ИС ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)
Якимец В.Н. (ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)*

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ¹

Мировая и общественная история подчеркивает необходимость местного самоуправления как одного из способов поддержания общества в стабильном состоянии, особенно в период государственных и системных кризисов. Потребность общества в местном самоуправлении компенсирует социуму в период острых кризисов государственности воспроизводство институтов гражданского общества. В итоге создается гарантия нации от разрушения, поддерживаются основы гражданской самоорганизации. В то же время местное самоуправление не должно подменять государство, его институты и функции. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий – явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического. Полемика о реформировании местного самоуправления (МСУ) давно не утихает в России. И это закономерно. Муниципалитеты — важное средство приобщения граждан к управлению государством и обществом. Важно на очередном этапе муниципального строительства удержать то позитивное, что было наработано за предыдущие годы в рамках действующего ФЗ-№131 и выдержать требования формирования единой системы публичной власти в стране. В этом смысле индикативным свойством может выступить феномен публичной политики (далее ПП), который позволяет снять информацию об управленческом контуре власти, т.е. умении работать с обратной связью, опираясь на основные ожидания больших целевых групп, а также особенности общественного участия основных акторов и субъектов публичного пространства и возможности их влияния на власть со стороны общественных «горизонталей». Очень важно найти оптимум между набирающей обороты «централизацией» местного самоуправления и потребностью в развитии гражданского участия местного сообщества, которое демонстрирует большую гибкость и чувствительность в диагностировании и урегулировании назревших проблем на территории в условиях кризиса и геополитической турбулентности. Степень и качество публичной политики на местном уровне является важным фактором, определяющим

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 год по теме «Муниципальная публичная политика в России-2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

социальное равновесие и стабильность локального порядка и местного сообщества, особенно в кризисных условиях. Муниципальная ПП (далее МПП) представляет собой деятельность, характеризующуюся системным взаимодействием муниципальных органов власти, бизнеса, некоммерческого сообщества, многообразных общественных объединений, граждан по поводу реализации общественных (публичных) интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий. Предложенная законопроектом №40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» реформа МСУ «централизует» местное самоуправление, существенно меняя принципы его территориально-организационного устройства, укрупняя муниципальные образования посредством упразднения поселенческого уровня и перехода к одноуровневой модели МСУ; значительно урезает его полномочия, передавая значительную их часть на усмотрение регионов. В создаваемой на этой основе системе публичной власти местное самоуправление может вести к формированию дефицита репрезентативности общественных интересов и окончательной утрате его собственного предназначения. Новый этап реформы местного самоуправления четко обозначил политико-смысловую развилку его встраивания в единую систему публичной власти. С точки зрения интересов развития гражданской самоорганизации, «низовых» общественных инициатив, углубления диалоговых и партнерских практик, что является сутью феномена публичной политики, несомненную тревогу вызывает стремление через понятие «единство публичной власти» сделать органы местного самоуправления нижним уровнем государственной власти, что может сказаться на качестве публичной сферы и реализации принципов МПП. В докладе будут представлены результаты исследования МПП в Вологодской области и Республике Карелия на основе индексного подхода в контексте оценки состояния институтов и механизмов МПП, кратко обобщены особенности ее субъектного среза на муниципальном уровне.

Николаева М.В., Шестакова А.А.
(КубГУ, Краснодар)

ПРАКТИКИ АКТУАЛИЗАЦИИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Начало XXI века ознаменовалось внедрением цифровых трансформаций и при экстраполяции на публичную политику они изменили внутреннюю конструкцию её компонентов в сетевом обществе. Дискурс Интернет-пространства стал инструментом конструирования публичной политики и каналом коммуникации между обществом и государством. В ходе турбулентных метаморфозов политической сферы, перестройкам подверглись практики субъектов публичной политики и особенность построения отношений между акторами политического процесса. Потенциал онлайн-пространства позволил субъектам публичной политики находить новые формы политического участия для эффективного взаимодействия в контексте асинхронного мультимодального дискурсивного поля¹.

В ходе анализа субъектов публичной политики нами классифицируются две ветви субъектности: традиционные, которые обладают универсальными характеристиками и новые, отличительной чертой которых является сетевые ресурсы формирования и развития актуализации субъектности. К новым субъектам публичной политики относятся: гражданские журналисты, блогеры, цифровые лидеры, сетевые партии, сетевые движения,

¹ *Рябченко Н.А.* Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, Б. Г. Вульфвич // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 114-131.

онлайн-СМИ. В процессе определения традиционных и новых субъектов публичной политики были выявлены гибридные субъекты публичной политики.

Критериями отбора кейсов являлись масштаб охвата, страна, исключительность или типичность, индивидуальность, временной характер или период. Анализ кейсов проводился на основе модели актуализации новых субъектов публичной политики.

Процесс актуализации новых субъектов публичной политики в сетевом обществе включает 4 последовательных стадии: появление условий вхождения в политический процесс; возникновение информационного потока, необходимого для формирования дискурса; вхождение в политическое окно публичной политики; достижение эффекта политического участия и обеспечение устойчивости деятельности новых субъектов.

Примером нового и гибридного субъектного представительства является первая (2016 г.) и вторая (2024 г.) предвыборные кампании бывшего американского президента Д. Трампа. В первой кампании он был новым субъектом публичной политики, а во второй он стал гибридным субъектом публичной политики, потому что он аккумулировал в своей второй предвыборной кампании новые технологии, при этом он уже вошёл в политический процесс. В кампании 2016 года он тоже использовал новые технологии, но он был неполитическим субъектом, то есть он пока не вошел в институциональные практики публичной политики. А в кампании 2024 года использовалась гибридизация его деятельности, потому что он вошёл в статус субъекта традиционного, при этом использовал технологии, которые являются новыми. То есть, ещё раз сделаем акцент на том, что гибридный субъект уже вошёл в политический процесс, вошёл в политическое окно и в этом процессе в поле политических практик он является традиционным субъектом, но использует практики нового субъекта и, в связи с этим, является гибридным.

Для более полного понимания процесса изменения субъектности в политике классификация на традиционные, новые и гибридные субъекты, позволяет выделить более широкие тенденции, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий и сетевого общества. Современные сетевые технологии меняют не только способы взаимодействия между субъектами политики, но и саму субъектность. Так, традиционные субъекты политики, такие как государственные органы, партии или корпорации, могут становиться менее значимыми в условиях сетевого общества, наряду с возросшей ролью гражданского общества, экспертных сообществ и индивидуальных активистов.

Помимо этого, происходит также переход от вертикальной иерархической структуры субъектов политики к более горизонтальной и децентрализованной форме взаимодействия. Это ведет к возрастанию роли городских общин и региональных инициатив, а также к появлению новых форм организации, таких как онлайн-платформы и социальные сети. Представленная классификация субъектов публичной политики позволяет более точно описать и проанализировать происходящие изменения и выработать соответствующие стратегии для успешного участия традиционных, новых и гибридных субъектов в политических процессах.

Никоненко С.А.
(ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов)

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ ПОСЛЕ СВО

Человечество в ожидании развязки в противостоянии англосаксонского Запада, детерминантой которого стал мир, основанный на правилах, и стран традиционного суверенного миропорядка, в основе которого лежит международное право. Российская Федерация, начав борьбу за освобождение от неокOLONиального западного вектора развития, в поисках фундаментальной стратегии своего образа будущего. Специальная

военная операция (СВО), проводимая Россией на территории Украины, обнажила множество логик развития нашей родины и поставила многих перед идеологическим, экономическим, социально-политическим выбором.

Определённо можно сказать, что молодёжь сегодня становится движущей силой в построении нового мировоззрения и ценностных ориентиров. В последнее время в государственной политике делается значительный упор на воспитании ответственных за судьбу страны молодых людей. Так, к 2023/2024 учебному году подготовлен единый учебник по российской и всеобщей истории для 10-го и 11-го классов, в вузах введён курс «Основы российской государственности», а в школах проходят разговоры о важном.

Стоит отметить, что ещё в 2022 году Президент РФ В. В. Путин подписал указ об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, который конкретизирует положения «Стратегии национальной безопасности». Акценты, которые впоследствии стали столпами для всего российского общества, глава российского государства определил: суверенитет, свобода, творческое развитие, созидание, справедливость. Здесь главным и определяющим станет поиск места в системе ценностей и их принятие молодёжной аудиторией, на что уже сейчас нацеливается российское образование.

Постепенно складываются условия для прогнозирования будущих альтернативных сценариев развития Российской Федерации как многоукладного, соборного, культурного и одновременно с этим технологически развитого государства. Рассмотрим с позиции автора тезисно некоторые ситуативные прогнозы.

Сценарий «Без победы – нет будущего». Как много сейчас поставлено на «карту»: от успеха на фронте зависит выживание и развитие страны. Достигнутые цели специальной военной операции однозначно дадут потенциал роста везде: от укрепления имиджа страны на международной арене, как борца с неонацизмом и неокOLONIALИЗМОМ, до окончательного ухода из-под западной экономической модели. Россия, устремлённая в будущее, получает новые территории, постепенно выстраивает модель технологического лидерства, приток рабочей силы, который даст качественный скачок в строительстве, транспорте, машиностроении и других отраслях. Сценарий может предполагать как минимум два развития: первое – международное признание новых границ, снятие санкций и возвращение страны к сотрудничеству с Западом, например, в спорте. Но также возможен поворот к ещё более углубленной конфронтации с западными странами и включения новых акторов в конфликт.

Сценарий «Худой мир». Замораживание конфликта и приостановка СВО приведёт к сдерживанию Российской Федерации, как на внешнеполитическом, так и на внутриэкономическом фронте. Страна продолжит сосредотачивать ресурсы на укрепление обороноспособности и возможное эскалирование ситуации на границах. Все действия государства будут происходить с «оглядкой», а жизнь превратится в «пороховую бочку» с часовым механизмом. В свою очередь, продолжится тенденция к сдерживанию бюджетных трат государства на многие отрасли экономического развития, в том числе инфраструктурные проекты. Тем самым, заявленное технологическое лидерство будет под вопросом. По сути, сценарий не в пользу Российской Федерации, так как фиксируется status quo на границах проведения СВО, а также непризнание международным сообществом суверенитета над данными территориями. Стратегически важным для противоборствующей стороны задействовать международные миротворческие силы, что в перспективе может стать ареной для столкновения большего числа стран, включая блок НАТО.

Сценарий «Отказ от военных действий» или «Мир на условиях Запада». Предполагает стратегию руководства страны на свёртывание СВО, что приведёт к неминуемому краху консенсуса в общественном мнении, идеи сосредоточения и надежды на будущее. Будут нарастать внутриобщественные конфликты и расколы, что может привести в конечном итоге к антигосударственной фронде в ряде регионов. Оговоримся,

что данный сценарий возможен при условии кардинальной смены существующей политической элиты в результате революции масс (прецедент «Брестский мир», заключенный 3 марта 1918 года) и/или вполне демократических процедур (приход к власти радикальных оппозиционеров в результате выборов).

Таким образом, социально-политическая и экономическая трансформация Российской Федерации начинается с налаживания суверенного экономического мышления, оригинальных собственных стратегий развития, а также окончательного отказа от заимствования западных навязанных шаблонов эволюции.

Нуртдинова Р.Н.
(ПГНИУ, Пермь)

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ГОЛОСОВАНИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Электоральное поведение – явление многомерное. Одним из его проявлений в российских реалиях является высокая явка и электоральная поддержка «Единой России» в регионах с компактным проживанием этнических групп. Вместе с тем партия власти не образована по этническому признаку (программа и политика партии не опирается на культурные предпочтения нетитульных этносов РФ). В таком случае возникает закономерный вопрос: почему регионы с компактным проживанием этнических групп оказывают «Единой России» высокую электоральную поддержку? В академической среде отсутствует консенсус относительно данного вопроса. Поэтому представляется актуальным рассмотреть с применением качественных методов механизмы влияния этнического фактора на голосование на примере одного муниципалитета с компактным проживанием этнических групп в Пермском крае, а именно татаро-башкирской общины Бардымского муниципального округа.

Применительно к РФ теоретические аспекты проблемы чаще рассматриваются с точки зрения социологического подхода (Колосова, Петрова, & Смирнягина, 1990) (May, Кочеткова, & Жаворонков, 2000). Данная модель предусматривает, что в основе поведения избирателей лежит принадлежность к большим социальным группам, которая определяется социальными размежеваниями (Мелешкина, 2001). Тем самым каждая группа обеспечивает базу поддержки партии из-за солидарности референтной группе. Таким образом, подход позволяет вычлнить три механизма социального взаимодействия внутри этнических групп, которые отражены в гипотезах исследования:

1. Этническая идентичность кандидата способствует снижению информационной неопределенности для избирателя в условиях информационного шума в период выборов.
2. Избиратели, избегая группового давления, предпочитают голосовать как большинство из той референтной группы, которой они принадлежат.
3. В условиях сельской местности и преобладания в экономике бюджетных организации политические машины эффективно мобилизуют население.

Метод исследования – глубинное интервью. Исходя из цели исследования и финансовых, временных возможностей, было принято решение опросить 6 респондентов.

Результаты интервью подтверждают факт высокой явки населения. Все респонденты участвуют в выборных процессах и пользуются активным/пассивным избирательным правом. Объясняя причины, респонденты выделили следующие критерии: воспитание, высокая гражданская ответственность и политическая культура участия. Молодое поколение выделило также принуждение со стороны взрослого населения. К тому же интервьюируемые обозначили практику мягкого принуждения со стороны членов ТИК в день голосования. В рамках дискуссии примеры репрессивных методов со стороны

вышестоящего начальства не удалось вычлениить. Скорее в БМО применяют тактику «пряника». Тем, кто сходил и «правильно» проголосовал, доплачиваются премии, существует возможность взять выходные, отпускные в удобное для работников время. Факт прямого подкупа в день голосования все участники отрицали. К тому же жители БМО на словах не обращают внимание на этническую принадлежность кандидатов. Для них весомое значение имеют профессиональные качества, принадлежность к партии и уважение к мусульманским традициям.

Подводя итог, можно выделить основные результаты анализа экспертных интервью:

1. В БМО плотные социальные сети влияют на политическую активность избирателей. Так, групповое давление, включая неодобрение со стороны аксакалов, побуждает жителей ходить на избирательные участки.
2. Политические машины в БМО работают эффективно при наложении сельской местности и бюджетных организации, что обуславливает высокую явку. Однако природа данного феномена объясняется не татарской культурой, а институциональными возможностями мониторинга со стороны местной администрации.

Таким образом, эффект группового давления и работа политических машин обуславливает высокую поддержку «Единой России» в БМО. В свою очередь, исследование актуализирует изучение влияния механизмов этнического голосования на электоральный успех правящей партии. Тем не менее признается, что для получения более валидных и надежных выводов необходимо расширить выборку исследуемых случаев и количество опрашиваемых респондентов.

*Овчарова О.Г.
(РГСАИ, Москва)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ

Цифровые технологии с каждым годом все больше усложняются и совершенствуются, проникая практически во все сферы жизни общества, в том числе и в политику. Россияне непосредственно сталкиваются с цифровизацией современной политики в избирательном процессе. В последнее время формат электронного голосования активно поддерживается и реализуется государством, представляя собой динамично развивающийся процесс, а накопленный опыт позволяет говорить о технологической модернизации системы выборов в России.

Вместе с тем, как любой новый процесс, электронное голосование вызывает у исследователей-обществоведов ряд дискуссионных вопросов, основные из которых технологического и социального характера. Поскольку первый аспект не выступает предметом изучения в настоящем докладе, коротко обозначим мнения ученых в отношении возможных технологических проблем, возникающих при цифровизации выборов: современные цифровые избирательные системы могут быть недостаточно безопасными (проблема идентификации избирателей и возможное изменение их голосов), цифровые технологии голосования, в силу различных причин, применяются не во всех регионах.

К вопросу социального характера, которым задаются исследователи, относится проблема определения готовности населения к технологической модернизации избирательного процесса. В рамках политологического подхода данный вопрос крайне значим, так как ответ на него позволяет осознать степень влияния электронного голосования на политическую сферу общественной жизни и оценить легитимность выборов. Цифровые формы голосования политологами изучаются в качестве одного из продуктов демократического управления государственной системой, предлагающей иные

перспективы и характеристики политического участия и просвещения граждан. В таком контексте социальным вопросом дистанционного голосования является вопрос о социально-демографических характеристиках акторов избирательного процесса, активно поддерживающих дистанционное голосование.

Согласно результатам исследования, проведенного в 2019 году Всероссийским центром изучения общественного мнения, дистанционный формат голосования активно поддерживался молодыми гражданами: «71% опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет к возможности голосовать удаленно относились положительно», в то время как люди более старшего возраста, отнеслись к процедуре дистанционного голосования с большим недоверием: «52% респондентов в возрасте от 59 лет и старше не одобряли введение электронного формата голосования, отдавая предпочтение традиционным избирательным процедурам» (исследование ВЦИОМ «Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы» от 11 ноября 2019 г.).

Также, среди онлайн-избирателей, наиболее активными оказываются женщины. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ «среди подавших заявление на дистанционное электронное голосование 68% женщины, 32% мужчины» (информация Телеграмм-канала Минцифры от 11 сентября 2023 г.).

Таким образом, в настоящем докладе будет предпринята попытка анализа влияния факторов возраста и гендера на формирование активной части онлайн-электората на цифровых выборах в современной России, выступающих составляющей процесса электронной демократии.

Оганезова С.В.

(СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов)

КРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКОЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СВО

Сегодня главной задачей государственной информационной политики (далее – ГИП) становится противодействие информационно-психологическим атакам в информационном пространстве и создание эффективной системы обеспечения безопасности общества в условиях военного времени.

Современные информационные операции предоставляют уникальные возможности для создания деструктивного эффекта. Для этого используются такие военные средства, как стратегические коммуникации, межведомственные координационные группы, разведка, действия в киберпространстве и космосе, поддержка информации.

Использование в кризисном управлении государственной политикой информационных технологий с учетом полномасштабных военных действий – прерогатива любого государства. Человечество живет в эпоху столкновения цивилизаций, поэтому необходимо выстраивать государственную информационную политику «сегодняшнего дня», которая будет учитывать все факторы. Стратегия западных государств в информационной войне, развязанной против России, включает насаждение масштабного социального пессимизма, обесценивание и искажение истории нашей страны. Против России ведется «гибридная война», основная часть которой развернута на информационном поле. Суть ее сводится к искажению сознания, навязыванию новых нарративов, использованию фейковых новостей.

С начала специальной военной операции на Украине произошли революционные изменения в медиасреде: наряду с введением санкций в отношении нашей страны, в том числе информационного характера, было запрещено вещание российских СМИ за рубежом, выражающих официальную точку зрения российского правительства; Телеграм-канал превратился в один из главных источников политических и военных новостей; произошла перестройка новостного контента главных телевизионных каналов и сетевых изданий

страны; открылись новые телевизионные каналы, посвященные информированию о происходящих событиях в зоне СВО; резкий рост фейковых новостей вызвал необходимость создания передачи «Антифейк» на «Первом канале» с привлечением экспертов; продолжается создание аналогичных проектов на других информационных ресурсах, призванных помочь обществу сориентироваться, разобраться в информационном потоке; объявление частичной мобилизации населения; массовый отъезд IT-специалистов из России после 24 февраля 2022 года; информационные методы трансформировались в важный элемент военного потенциала государства.

В отечественной медиасреде ведется активная дискуссия о необходимости создания национальной стратегии ГИП с учетом внешних угроз, связанных с началом СВО на Украине. Некоторые эксперты (В. Соловьев) предлагают создать информационную ставку для единого центра управления информационными потоками. Другие полагают, что важно формировать позитивную военную (В. Гигин) повестку с помощью военкоров – ресурс, которым необходимо научиться пользоваться, а не противостоять ему. По его словам, нужно планировать не только военные операции, но и то, как они преподносятся обществу. Идеи актуальные, но механизм их создания и дальнейшей работы не создан.

В целом особенности кризисного управления ГИП в России в период проведения СВО выражаются в хаотичности и неопределенности, вызванными информационными диверсиями противоборствующей стороны; отсутствии своевременной адекватной реакции на имеющиеся в информационном пространстве вызовы; информационной двойственности, характеризующейся политической противоречивостью. Все это оказывает негативное воздействие на общество. При проведении информационной политики в военное время важно учитывать в первую очередь государственные и национальные интересы, причем в самом широком аспекте.

При этом она, безусловно, остается открытой для влияния глобального медиарынка, и все происходящие изменения извне также, прямо или косвенно, оказывают на нее влияние – будь то прямой запрет на вещание российских телеканалов за рубежом или создание дополнительных бюрократических препон для работы российских СМИ, выражающих иную «неудобную» местной власти точку зрения, создание на Украине специальных Центров, специализирующихся на проведении информационно-психологических диверсий (ЦИПСО). Все эти события высветили ряд проблем в ГИП, нуждающихся в оперативном решении, а нормативные документы, регулирующие деятельность информационной политики, – в обновлении с учетом реалий нового времени. В условиях постоянных кибератак, потока дезинформации остро стоит проблема формирования эффективной информационной политики, которая призвана обеспечить прежде всего информационную безопасность граждан России.

Нашей стране необходимо сосредоточиться на выработке собственной информационной и идеологической модели, основанной на российских традициях, ценностях и культуре, а не на заимствованиях и навязываемых образцах чуждой нам идеологии.

Окара А.Н.

(Центр восточноевропейских исследований, Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Феномен субъектного подхода – субъекта, субъектности как способности выступать в качестве субъекта, субъективизации как процесса превращения в субъект – остается ключевым и в современной социогуманитарной науке, и в философии, и в сфере актуальных социально-политических, геополитических, геоэкономических, гуманитарных и прочих процессов. При этом нет ни общепризнанного понимания, ни определения, ни

теории субъектности. Это слово употребляется и как научная категория (в психологии, теории педагогики), и как философский концепт (в онтологии, гносеологии, философской и богословской антропологии, социальной философии) и как относительно недавно возникший, а потому не вполне устойчивый термин (в политологии), и как метафора для описания повседневной реальности – с размытым, но интуитивно понятным значением.

Однако не до конца проясненными остаются причины, побудительные мотивы, условия субъективизации, т.е. нет окончательного понимания – откуда берется субъектный импульс – почему кто-то обретает субъектные качества и характеристики и превращается в субъект развития, а кто-то – нет. И можно ли говорить о создании технологии такого превращения. Проблематика субъективизации находится в экзистенциальной плоскости, а потому с трудом поддается рационализации и анализу.

Проблема субъекта актуализируется еще в античной философии – со времен Платона и Аристотеля. Переход к Новому времени, к Модерну – это прежде всего переход к субъектному, моделируемому и управляемому, развитию.

Но субъектность как проблема обретения, актуализации и реализации собственного «Я» появляется лишь в XX веке – в советской психологии и теории педагогики (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр, В.Е. Лепский).

Политические науки и актуальные политические процессы стали сферой, в которой тема субъекта (агента, актора) и субъектности (агентности, акторства) оказалась достаточно продуктивной методологией.

Политической субъектностью в той или иной степени могут обладать: индивиды (граждане и подданные, политические лидеры и общественные активисты), малые социальные группы и институты (политические партии, общественные объединения, неформальные сообщества, сетевые объединения), большие социальные группы (этносы, нации, классы, элиты, гражданское общество), национальные политические институты (национальные государства, государства имперского типа), наднациональные объединения (конфедерации, блоки государств, международно-политические союзы, цивилизационные общности государств), международные институты (ООН, международные организации, мировые корпорации, неформальные группы влияния).

Проблематика субъектности крайне сложна и многогранна, ее можно классифицировать по многим основаниям, прежде всего можно выделить индивидуальную и коллективную, проактивную и реактивную. Среди необходимых качеств субъектности – самоосознание, целеполагание, проектность, стратегирование, рефлексия, деятельность, ответственность.

На протяжении последних двух десятилетий можно наблюдать глобальные трансформационные процессы, в основе которых – смена типов реализации субъектности. Это уместно рассматривать, вслед за В.С. Степиным, как смену типов научной рациональности: классическая – неклассическая – постнеклассическая. Или, вслед за В.Е. Лепским, как смену типов управленческих парадигм: «субъект-объектная» – «субъект-субъектная» – «субъект-метасубъектная».

Подобная логика смены доминирующих типов рациональности и управленческих парадигм соответствует и разным типам политической субъектности: «субъект-объектная» – это модель моносубъектной власти в авторитарных и тоталитарных диктатурах, для них характерно экстенсивное пространственное развитие, территориальная экспансия, взаимоотношение с вассалами в формате «вручение себя» и проч.

«Субъект-субъектная» – это модель полиархий, основанных на конкурентной политике, демократических свободах и гуманитарных технологиях «Soft Power».

«Субъект-метасубъектная» – это лишь нарождающаяся политическая модель, о которой пока сложно говорить определенно. Однако некоторые ее черты уже проявились и актуализировались в политических практиках разных государств, среди которых: электронные платформы для коммуникации гражданина и госаппарата («государство в смартфоне», «госуслуги» и пр.), международный банкинг нового поколения, идеология и практики глобализма, идеологии постчеловечества, трансгуманизма и «инклюзивного

капитализма», борьба не за территории, а за временной ресурс, развитие технологий виртуальности и ИИ. Если технологии социальной самоорганизации можно отнести к «субъект-объектной» модели, то технологии саморазвития коллективных субъектов следовало бы относить к модели «субъект-метасубъектной».

Особенностью российской политической культуры можно считать тот факт, что ее базовая модель (ордынско-московско-петербургская – в отличие от маргинальной новгородско-псковской) предполагает субъектность и управленческие механизмы классического, «субъект-объектного» типа, когда политический процесс выстраивается вокруг монопольного самодержавного «суверена» – носителя абсолютной власти.

Важен, но малоизучен вопрос о факторах, генерирующих внешнеполитическую субъектность России. К таковым, по нашему мнению, можно отнести: представление о России как абсолютно суверенной стране; эсхатологические представления об уникальной провиденциальной миссии России в истории человечества; самописание при помощи образа «последней крепости»; чувство психологического превосходства по отношению к некоторым из соседних стран; чувство исторической конкуренции с Западом; многовековая рефлексия на тему «Россия и Европа»; чувство resentment по отношению к «проигранной холодной войне» и «украденной империи»; воля к территориальной экспансии; наличие крупнейшего ядерного потенциала; статус постоянного члена с правом вето в Совете Безопасности ООН; геополитическая, военная, геоэкономическая конкуренция; претензии на уникальный статус в системе мировой безопасности.

Дальнейшее развитие российской политической системы, судя по всему, будет связано с переходом от «субъект-объектных» методов власти и управления к «субъект-субъектным» и «субъект-метасубъектным», что может радикальным образом изменить модель российской политической культуры и всю российскую действительность. Однако это проблематика не самого ближайшего будущего.

*Окуджава Х.З.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ОПЫТ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Развитие информационных технологий в цифровую эпоху предполагает применение нового инструментария для организации более эффективной коммуникации между государством и обществом. Рост количества обращений, поступающих в органы власти, требуют постоянного поиска новых подходов и пересмотра управленческих решений, позволяющих сделать процесс взаимодействия с гражданами оперативным и результативным.

В 2019 г. в Доме Правительства Московской области был создан ситуационный Центр управления регионом при Губернаторе Московской области (далее – ЦУР). Его запуск стал одним из этапов цифровизации Подмосковья и обеспечил взаимодействие органов власти и организаций, ориентируясь на потребности и проблемы населения, их максимально оперативное решение. Президент Российской Федерации В.В. Путин, посетив ЦУР Московской области, дал высокую оценку его работе, подчеркнув, что опыт региона необходимо тиражировать на все субъекты Российской Федерации.

На сегодняшний день ЦУР объединяет представителей 30 отраслевых министерств и ведомств Правительства Московской области. В нем с помощью информационных систем – регионального портала «Добродел», социальных сетей, горячих линий, официальных обращений и т.д. в круглосуточном режиме происходит сбор и анализ данных всех сфер жизнедеятельности региона.

Концепция ЦУР заключается в трех основных постулатах: «Все знаем. Быстро решаем. Не допускаем». Его основная задача – оперативное информирование о текущей

ситуации в Московской области с последующей трансформацией процессов в целях недопущения типовых жалоб жителей региона.

«Первый этап предполагает создание “тепловой” карты, позволяющей выявление точек напряженности и отображение динамики проблем, волнующих жителей Подмосквья. Второй этап подразумевает оперативное доведение обращений до исполнителей и их качественное решение в регламентированные сроки» (от 3-х часов до 8 дней) [1]. Третий этап направлен на предотвращение аналогичных проблем в будущем с помощью выявления первопричин для последующей трансформации и масштабирования процессов. Собранная информация аккумулируется в единой информационной системе для последующего доклада руководству региона.

Алгоритм работы ЦУР по обращению с гражданами следующий:

1. Житель субъекта заявляет о своей проблеме или недовольстве групп граждан любым удобным для него способом: через «горячую линию» губернатора Московской области, диспетчерскую службу, областной портал «Добродел», обращается с электронным сообщением к руководителям отраслевых министерств и ведомств, направляет письмо через «Почту России» и т.д.
2. Сотрудники ЦУР структурируют поступившие обращения граждан по следующим направлениям: социальная сфера, ЖКХ, здравоохранение, образование, дороги и общественный транспорт, строительство и безопасность, государственные услуги и МФЦ, экология.
3. В каждой отрасли определяется перечень системных проблем для проработки; закрепляется лицо, отвечающее за оптимизацию процессов, связанных с сокращением срока решения задач и контролем их внедрения для дальнейшего масштабирования на уровне субъекта.

В ЦУРе решение каждой проблемы оценивается жителем. Если качество решения удовлетворяет заявителя, пользователь отмечает ее как успешно завершённую, если нет – отправляет на доработку. Таким образом, мнение жителей учитывается на каждом этапе. Коллективные жалобы рассматриваются в первоочередном порядке, оперативно «эскалируются» на уровень руководства ведомств. Их решение – приоритетная задача любого отраслевого министра подмосковного Правительства.

За 5,5 лет работы портала «Добродел» жители Подмосквья прислали 4,5 млн сообщений и подтвердили решение трех млн. проблем в ЦУРе. Платформа пользуется большой популярностью и доверием – еженедельно к работе с онлайн-сервисом присоединяется порядка 6 тыс. человек.

Сегодня на территории Подмосквья создано 58 муниципальных ЦУРов, сотрудники которых снабжены всей методологией и инструментарием работы с жалобами граждан. «Таким образом, Центр управления регионом и его муниципальные филиалы совместно в круглосуточном режиме занимаются мониторингом и контролем исполнения управленческих решений, помогают значительно сократить время решения проблем жителей и отслеживают общую социально-экономическую ситуацию в Подмосквье» [2].

Литература

1. Кто и как помогает жителям решить проблемные вопросы в здравоохранении Орехово-Зуевского округа // Орехово-Зуевская правда, 20.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://inorehovo.ru/news/zdravoohranenie/kto-i-kak-pomogaet-zhitelyam-reshit-problemnye-voprosy-v-zdravoohranenii-orehovo-zuevskogo-okruga> (дата обращения 30.05.2023).
2. Краснов А. ЦУР – единая платформа управления Подмосквьем в режиме 24/7 // Системы безопасности, 10.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.secuteck.ru/articles/cur-edinaya-platforma-upravleniya-podmoskovem-v-rezhime-24-7> (дата обращения 30.05.2023).

ПАРАДИПЛОМАТИЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА В ЭПОХУ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДИНАМИКА ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ Г. ИРКУТСКА (2020-2023)

Иркутск – важный административно-экономический центр, через него издавна шла внешняя торговля России с государствами Востока – Китаем и Монголией. Геополитическое положение Иркутска и нахождение на торговых маршрутах, соединяющих противоположные части Евразии, обуславливало необходимость административного контроля над трансграничными потоками. Тенденции глобализации, экономические, административные, социальные и культурные процессы, ставшие драйверами развития и оказывавшие влияние на международные контакты сибирского города с конца 1980-х гг., в ситуации, когда сложившиеся в рамках плановой советской экономики хозяйственные связи разрушались, влияли на активизацию парадипломатии Иркутска на международной арене. Побратимские связи выступали в роли внешнего ресурса в условиях жесткой социально-политической трансформации. Кроме существовавших побратимских связей Иркутска с Улан-Батором (Монголия), Канадзой (Япония), Пфорцхаймом (ФРГ) и Юджином (США), в 1990-е гг. – первых десятилетиях XXI в. были установлены связи с Шэньяном (КНР), Коммуной Стрёмсунд (Швеция), Порденоне (Италия), департаментом Внешняя Савойя (Франция), Канныном (Республика Корея), муниципалитетами других стран¹. В рамках публичной дипломатии шли комплексные обмены в области культуры, науки, образования, спорта.

Проблемы расширения международного сотрудничества, можно было решить на региональном уровне, опираясь на поддержку федерального центра – российское государство продолжало являться главным субъектом, контролирующим субнациональных участников мирополитических отношений – регионы, организации и индивидов, участвующих в реализации публичной дипломатии².

В начале третьего десятилетия XXI в. кооперативные связи Иркутска постепенно замедляются, уступая место трендам деглобализации. Факторами фрагментации постепенно складывающейся комплексной взаимозависимости становятся: 1) экономические санкции в отношении России, поэтапно вводившиеся с 2014 г.; 2) пандемия коронавируса, разразившаяся в 2020 г.; 3) новый этап санкционного давления со стороны государств Запада, начавшийся в 2022 г. в связи с активизацией украинского кризиса.

1. Экономические санкции стран Запада в отношении РФ, начавшиеся с 2014 г. привели к сокращению интенсивности взаимодействия Иркутска с рядом европейских городов, в ряде случаев преобладала «рамочная» форма сотрудничества. В связи с риторикой необходимости «поворота на Восток», исходившей от федерального центра, стали предприниматься попытки активизации парадипломатии муниципалитета на азиатском направлении.

2. Пандемия коронавируса 2020-22 гг. привела к сокращению активности на уровне побратимского взаимодействия Иркутска с международными партнерами, сотрудничество постепенно стало переводиться в онлайн-формат. Был открыт сквер к юбилею партнерских связей между Иркутском и Пфорцхаймом.

¹ Олейников И.В. Иркутск и регион как субъекты мирополитических процессов: возможности сотрудничества или вызовы развитию? / И. В. Олейников // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2011. – С. 339 – 343.

² Практики публичной дипломатии регионов России 2017-2021 гг.: доклад № 86 / 2022 / [Н. В. Бурлинова, Д. Е. Божко, В. Н. Табак и др.; Российский совет по международным делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». – М.: НП РСМД, 2022. – 80 с.

3. Санкционное давление стран Запада, после начала нового витка украинского кризиса 2022 г. привело к расторжению соглашений о побратимских связях Иркутска с литовским Вильнюсом, польской Ченстоховой и чешскими Карловыми Варами. Поиск новых партнеров в 2022 г. привел к тому, что бразильский город Кампина-дас-Миссой готовится установить контакты со столицей Восточной Сибири¹.

Таким образом, в 1990–е гг. и первом десятилетии XXI вв. в побратимских связях г. Иркутска преобладал дискурс глобализации и конвергенции, присутствовавший и на региональном уровне Иркутской области. Представители городской администрации, предприниматели, научное и университетское сообщество областного центра положительно рассматривали западный опыт и проявляли интерес к активным контактам с государствами Запада.

В период с 2008–2014 гг. вплоть до настоящего времени в мировой системе и России постепенно начал разворачиваться противоположный тренд – фрагментации, деглобализации – региональные администрации сибирских регионов, и муниципалитетов подстраивались под изменившуюся внешнюю политику РФ в отношении стран Запада, бизнесмены, деятели науки, культуры и искусства стали прагматично встраиваться в изменившуюся реальность, приспосабливаясь к факторам санкционной политики, дискурсу «поворота на Восток» и диверсификации парадипломатии.

*Олимзода С.Ш.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)*

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУСУЛЬМАН РОССИИ²

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года дает определение общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества (Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г.).

Как отметил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, «для успешного решения задач, которые стоят сегодня перед нашей страной, важны не только эффективная экономика и компетентное управление. Для огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее – то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием». (Выступление В.В. Путина на заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям // Российская газета. 2021. Федер. вып. № 67(8418)).

Развитие нашей страны на основе сохранения ее этнокультурного и религиозного многообразия, представленного в России в том числе и многовековой мусульманской традицией, равно как и формирование российской нации на условиях включения в ее сложную структуру элементов гражданско-территориальной и этнокультурной общности, бесспорно, может служить залогом прочности российской государственности, одним из факторов укрепления которой является межкультурное и межрелигиозное взаимодействие.

¹ Бразильский город станет побратимом Иркутска // ИА «Байкал 24». URL: <https://baikal24.ru/text/10-10-2022/067/> (дата обращения: 17.09.23).

² Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

И, в этой связи, возникает несколько вопросов, решение которых послужит укреплению общероссийской идентичности и решению данной задачи. Когда мы говорим о необходимости формирования общих ценностей, то здесь необходимо обращать внимание и на религиозные ценности, и на этнокультурные традиции. Ведь учение ислама, как и других традиционных религий России, выступает за равенство народов, уважительное отношение к культурному разнообразию. В стратегии государственной национальной политики отражен именно такой сбалансированный подход. Документ делает акцент на роли религии в сохранении межнационального согласия, в деле предупреждения и разрешения конфликтов.

На территории РФ для мировых религий открыты возможности для взаимного сотрудничества, способствующие установлению мирного сосуществования и взаимному благополучию, взаимоуважению, преодолению общечеловеческих проблем: расизма, насилия, экстремизма, терроризма, религиозного фанатизма.

Ислам не является инородным элементом российской истории и культуры, а является религией и образом жизни миллионов россиян на протяжении многих веков. Исламская цивилизация накопила множество форм социальной регуляции, в том числе политико-правовых. Среди них есть и те, что могут быть использованы современным Российским государством и обществом в создании демократического общества, в частности такие, как стремление к стабильности и умеренности, к лояльности по отношению к власти, к совещательности, к достижению компромисса в конфликтах и избеганию вреда, к консолидации общества и государства.

Онопко О.В.
(ДонГУ, Донецк)

БОЛГАРИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА УКРАИНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ДВУХСТОРОННИМ ОТНОШЕНИЯМ

Созданное при определяющем вкладе России современное Болгарское государство, несмотря на цивилизационную близость нашей стране, тем не менее, дважды выступало против неё в мировых войнах, а в настоящее время является важным компонентом черноморской системы безопасности НАТО и де-факто союзником Украины. В выработке, принятии и реализации связанных с Болгарией внешнеполитических решений на Украине традиционно участвуют эксперты-международники и экспертные структуры. Понимание того, какие геополитические представления существуют у них относительно Болгарии и какие рекомендации они дают государственным органам Украины, могло бы содействовать прогнозированию угроз для российско-болгарских отношений, исходящих с украинской стороны, а также способствовать снижению негативного влияния украинской активности в Болгарии на региональную и международную безопасность.

В болгарском, российском и западном междисциплинарных научных дискурсах тема современных отношений между Болгарией и Украиной практически не представлена. В то же время она достаточно хорошо изучена украинскими политологами и историками: А. Папакиным, Х. Вацебой, Б. Грушецким, С. Добровольской, В. Кирилич, В. Литвином, Г. Минзагутдиновой, Л. Прокопцом, Ю. Тимошенко, П. Черником и др. При этом исследований, предметом которых являлось бы влияние экспертного фактора на болгарское направление внешней политики Украины, в настоящее время нет.

Автор преследовал цель выявить специфику геополитических представлений о Болгарии и болгарском направлении внешней политики Украины, существующих в геополитической картине мира ключевых институтов украинской внешнеполитической экспертизы. Для этого были изучены опубликованные в 2014-2022 гг. аналитические продукты Национального института стратегических исследований, Центра Разумкова и

Совета внешней политики «Украинская призма». Анализ данных документов установил существование в украинском экспертном геополитическом дискурсе ряда геополитических представлений о Болгарии:

– Болгария – важное для безопасности НАТО и Украины, но крайне слабое и внутривластически нестабильное государство Черноморского региона. Полагаться на неё невозможно. При этом Болгария обладает достаточной степенью международно-политической субъектности, что украинскими экспертами рассматривается скорее как негативная, нежели позитивная характеристика, способствующая нарушению единства позиций государств-членов НАТО и ЕС по украинско-российскому конфликту. Задачу украинской внешней политики в этом плане они видят в побуждении европейских и евроатлантических институтов к давлению на Болгарию;

– Болгария проводит внешнюю политику, которую украинские эксперты называют «геополитический шпагат»: страна сохраняет лояльность институтам НАТО и ЕС, одновременно пытаясь сохранять рабочие отношения с РФ. Такой подход не позволяет Болгарии занять откровенно антироссийскую позицию, вынуждает её публично сомневаться в санкционной политике ЕС, что противоречит украинским интересам. Несмотря на то, что болгарские власти объясняют свою позицию серьезным участием России в болгарской экономической и энергетической сферах и потерями от несостоявшегося «Южного потока-2», украинские эксперты убеждены, что проблема значительно глубже и кроется в исторических связях болгарского и русского народов. В этом плане они рекомендуют воздействовать на курс Болгарии через влияние на болгарское меньшинство на Украине;

– украинские эксперты полагают, что первой реакцией болгарских элит на начало специальной военной операции был «шок». Более сосредоточенная на балканской политике Болгария была вынуждена внезапно заняться вопросами черноморской безопасности, что создало массу внутривластных противоречий между атлантистами и сторонниками конструктивных отношений с Россией. Тем не менее на Украине считают, что в настоящее время происходит «смена тренда» и рано или поздно, но неизбежно Болгария полностью встанет на сторону Украины. Такой «оптимистичный» прогноз украинские эксперты связывают с системным подавлением пророссийских сил в стране, рекомендуют проводить их всяческую дискредитацию.

С 2014 г. и по настоящее время украинские эксперты и экспертные структуры уделяют значительное внимание болгарскому направлению внешней политики. У них есть комплексное видение внутривластной ситуации в Болгарии, геополитического статуса страны. Главной целью двухсторонних отношений они видят не их улучшение, а существенное ужесточение антироссийской позиции Болгарии, для чего предлагается целый спектр логичных внешнеполитических мер. При отсутствии противодействия с российской стороны реализация рекомендаций украинской внешнеполитической экспертизы может привести к полной «потери» Болгарии для России в ближайшее время.

Орлова И.В. (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

Павельева Т.Ю. (МГТУ СТАНКИН, Москва)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРАКСЕОЛОГИИ КАК МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Современный мир с его турбулентными процессами и многообразием их проявлений существенно снизил прогностическую функцию политической науки. Сочетание общенаучных онтологических подходов и частнонаучных теорий существенно могло бы исправить эту ситуацию. В этом контексте нам бы хотелось обратиться на праксеологический подход в политологии.

На сегодня праксеология в отечественной науке имеет довольно неопределенный предмет и часто совмещается теорией рационального действия, а упоминание о ней начинаются и заканчиваются в учебных пособиях

Между тем, политическая праксеология, при должном развитии ее методологических оснований, позволит делать политические прогнозы, которые будут учитывать и риски, и социально-культурные факторы, и характер политических акторов, влияющих на принятие политических решений. Результаты применения праксиологического подхода нам бы хотелось продемонстрировать на анализе сложившихся современных враждебных действий.

В 1962 году М. Ротбард, в книге «Человек, экономика и государство» пишет, что в рамках праксеологии «были предприняты попытки сформулировать логическую теорию войны и насильственных действий». Ранее Т. Котарбинский в «Общем вопросе теории конфликта» описал очень простую модель. Представим, что есть актер А. Он действует в пользу определенного положения дел. В оппозиции – актер Б, который работает в противоположном направлении текущих дел А. Очевидно, что их цели несовместимы и каждый из них должен сделать осознанный выбор средств для достижения своих целей. По Котарбинскому, эти средства (результатирующие действия) бывают четырех видов: позитивные, негативные, направленные на изменение или противостояние изменению. Побеждает тот, кто достигает своей цели в решающий момент, поэтому есть вероятность того, что некоторые конфликты могут остаться неразрешенными. Совершение результирующего действия или даже угроза совершить такое действие лишает и А, и Б свободы действовать по-другому. Очевидно, что количество средств поначалу кажется неисчерпаемым, имеющим альтернативы, но с каждым результирующим действием такое богатство деградирует, а ответных действий врага все больше. Это рассуждение приводит к главной задаче праксеологии враждебных действий: действие должно нарушить действие другого, не допустив эффективного действия противника, нарушить координацию его результирующих действий.

В статье К. Боулдинга «К чистой теории системы угроз» [1, 242-234] было отмечено, что социальные системы держатся на трех видах отношений: обмене, интеграции и дезинтеграции. Последнее как раз является следствием угроз. Боулдинг пишет: «обмен... берет начало в обещании сделать что-то хорошее, если взамен будет сделано что-то хорошее, а угроза – в обещании сделать что-то плохое» [1, 426] Дальнейшие рассуждения приводят автора к четырем видам реакции на угрозу: подчинение, неповиновение, встречная угроза и интегративный ответ. Данные рассуждения К. Боулдинга стали теоретической посылкой для построения модели праксеологии враждебных действий.

Неповиновение, встречная угроза и интегративный ответ становятся элементами стратегической цепочки политических акторов, для которых важно благополучие: это может быть их собственное благополучие (в части сохранения властного или материального ресурсов), благополучие страны, интересы которой они представляют, или благополучие тех, кто обеспечивает их политическими ресурсами. Конкретный мотив благополучия диктует актерам, какое действие станет реакцией на полученную угрозу.

Современная политическая действительность показывает нам, что описанная система угроз замыкает политических акторов на самих себя. Отправную точку для угроз порой следует искать на протяжении истории развития интегративных отношений, а это может захватить отрезок времени длиной в столетия. Как следствие – агрессор и объект агрессии легко меняются местами. На сегодняшний день тесные торгово-экономические, культурные и другие связи, сформированные в век тотальной всемирной интеграции и цифровизации, обеспечили нестабильность крупных политических систем при выполнении ими угроз и последующих реакций. При объективации угрозы с высокой вероятностью наступят негативные последствия и для агрессора. Дезинтеграция стала особым видом политических отношений, когда любое политическое действие приносит изменения в глобальный политический порядок с соответствующими реакциями на них.

Праксеология враждебных действий может сделать предметом изучения систему угроз и реакций на них, тем самым сыграть свою роль в развитии политического анализа.

Праксеология при должном развитии ее методологических оснований позволит усилить прогностическую функцию всей политологии.

Литература

1. *Boulding K.E.* Towards a pure theory of threat systems// *The American Economic Review*, 1963, Vol. 53, No. 5, Papers and Proceedings of the Seventy-Fifth Annual Meeting of the American Economic Association (May, 1963).

Орфаниди Э.В.

(Администрация МО г. Краснодар, Краснодар)

ВОЗМОЖНОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ВЛАСТИ

Городские сообщества, рассматриваемые нами как группы интересов локального уровня, имеют возможность «входа» в формирование актуальной повестки дня в местной политике. При этом их удельный вес может ограничиваться рядом внутренних факторов, связанных с численностью, структурой и деятельностью самих сообществ. Большое значение имеют и внешние факторы, связанные политико-режимными характеристиками пространства публичной политики. В частности, на муниципальном уровне они проявляются в функционировании городских политических режимов, представляющих собой различного типа коалиции с участием городских властей, бизнеса, действующего на территории города, и, возможно, городских сообществ, которые в этом случае получают возможность выражать и отстаивать свои интересы. Наличие в составе коалиции сообществ, степень их участия в формировании повестки дня, принятии и реализации решений в данном случае являются маркерами влияния.

Как отмечают российские исследователи, в крупных российских городах в 2010-х гг. происходит унификация локальных политических порядков, связанная с централизацией власти и сокращением автономии городов. В большинстве из них устанавливаются политически неконкурентные городские режимы, в которых бизнес преимущественно связан с партией власти¹. Способность городских сообществ мобилизоваться и оказывать существенное влияние на принятие решений в этих условиях связана с достаточной плотностью организационных структур (НКО, отделения политических партий, низовые движения, соседские сообщества), которой не наблюдается в большинстве крупных российских городов.

Важным фактором, препятствующим консолидации городских сообществ, в большинстве крупных российских городов является модель формирования исполнительной власти. Как отмечает В.Б. Слатинов, распространение модели «сильного мэра», избираемого не горожанами, а конкурсной комиссией, состав которой формируется при участии главы региона, приводит к отчуждению граждан от системы политико-административного управления и решения значимых вопросов городской политики. Её основными акторами становятся региональная исполнительная власть и наиболее влиятельные группы интересов, представленные в органе представительной власти². В этой ситуации затруднено и представительство их интересов через депутатский корпус.

¹ *Бедерсон В., Шевцова И.* Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 19 (2). С. 285–300.

² *Слатинов В.Б.* Выбор модели управления городом как фактор консолидации городских сообществ (на примере административных центров регионов Черноземья) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. № 46 (4). С. 794–798.

Таким образом, сообщества имеют ограниченные возможности для представительства своих интересов на муниципальном уровне, участия в формировании политической повестки дня и принятии решений по поводу конфликтов, происходящих в городском пространстве. Одним из немногих каналов представительства могут выступать общественные структуры при органах власти (общественные палаты, консультативные, экспертные, общественные советы при городских администрациях и др.). Необходимо определить основные возможности их деятельности по обеспечению консолидации городских сообществ и исследовательские задачи, в рамках которых может быть проведён анализ их роли, функций и значения в этих процессах.

Первой из таких задач, по нашему мнению, должно являться определение понятия общественных структур в конфликте, и, исходя из него, круга социальных объектов исследования.

Второй задачей является определение характеристик общественных структур, исходя из сложившейся в рамках неинституционального подхода дилеммы «институт или актор?». В этом контексте мы можем рассматривать общественные структуры как в роли коллективных акторов политического процесса, так и в роли институтов, обеспечивающих взаимодействие индивидуальных акторов.

Третья задача связана с формированием концептуальных рамок исследования. Помимо традиционного конфликтологического подхода, здесь могут быть интересны такие концепты, как «структуры-посредники», а также «публичное оспаривание» на уровне городской политики. Эти исследовательские подходы позволяют нам рассмотреть как институциональный, так и процессуальный компоненты деятельности общественных структур в городских конфликтах.

Имитационные практики отражаются в конкретных решениях, принимаемых при участии структур такого типа – скорее символическом, нежели реальном. Так, в г. Краснодаре весной 2019 г. общественная палата города внесла предложение о переименовании Театральной площади в Главную городскую. Однако большинство горожан, как выяснилось в ходе опросов общественного мнения, не поддержали данную инициативу. Тем не менее, она всё равно была принята депутатами городской думы.

Таким образом, подводя предварительные итоги исследования, можно сделать вывод, что в концептуальном плане общественные структуры могут рассматриваться, как один из возможных институтов консолидации городских сообществ и выражения их интересов, однако на практике эта функция достаточно ограничена.

Павлова Т.В.
(ФНИСЦ РАН, Москва)

СТРАТЕГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТОРЫ

Современный глобальный кризис всех классических форм политики делает все более актуальным поиск адекватных теоретических подходов к изучению происходящих социальных и политических трансформаций, способных не только анализировать изменения, но и намечать перспективные варианты стратегий выхода из кризиса.

В данном контексте представляется востребованным неинституциональный подход. На основе данного подхода в его версии исторического институционализма нами был сформулирован вывод о несоответствии особенностям российской политической культуры, а потому невостребованности и неэффективности классических институтов демократии (политических партий, парламента, выборов), которые остаются «фасадными»,

тогда как «реальные политические практики регулируются неформальными правилами»¹. Вместе с тем констатировалось, что создание новых форм, новых политических институтов может постепенно отразиться на изменении ценностей, привести к выработке новых стратегий, изменить политические практики. Подчеркивалось, что успешность трансформации институтов обуславливается их конгруэнтностью по отношению к социокультурной среде, в которую они внедряются и что основным тормозом на пути модернизации России является «глубокая внутренняя противоречивость, традиционный раскол между культурами, укладами, конфликт ценностей»².

Проведенные в 2018-2022 гг. всероссийские репрезентативные обследования позволили проанализировать ценностно-нормативные комплексы, лежащие в основе политического поведения российских граждан, их представления о желаемом обществе (образ будущего) и обозначить векторы стратегий институциональных изменений, которые могут быть сформированы на основе этих ценностей и представлений.

Были выделены три значимые группы по критериям их представлений о желаемом общественном устройстве: ориентированных на демократию (34%), сторонников советской формы (20%) и поддерживающих существующее социальное и политическое устройство (29%). Анализ персональных ценностей данных групп показывает в целом схожесть их конфигураций и различия в предпочтениях ценностей свободы и прав человека у «демократов», доверия, справедливости, традиции, труда у «советских» и личного успеха у «консерваторов» – сторонников существующего устройства.

Среди ценностей желаемого общества у группы демократов приоритетны справедливость, труд, семья, права человека, уважение к чужому мнению, в группе советских – труд, семья, закон, права человека и справедливость. Наконец, у консерваторов – закон, семья, собственность, личный успех, справедливость, права человека. В целом, можно говорить о наличии в российском обществе определенного консенсуса по основным ценностям желаемого общества.

Факторный анализ принципов и ценностей респондентов, важных для будущего России, проведенный на базе обследований 2021-2022 гг., позволил выделить два основных фактора, вокруг которых группируются ценности желаемого общества, показав приоритет гражданских и демократических ценностей с опорой на традиции (индекс 4,4 балла по пятибалльной шкале) над рыночно-индивидуалистскими ценностями (индекс 3,8 балла).

Таким образом, демократическая стратегия, учитывающая как мировой опыт, так и российские традиции, прежде всего, советского периода вполне соответствовала бы ценностным ориентациям значительной части российских граждан и целям развития. Институционализация нового социального и политического порядка происходит в практиках участия граждан в политике и общественной жизни. В данной связи мы выделяем две группы: потенциальных акторов перемен и пассивных. Анализ показал значительное снижение числа тех, кто считает перемены в стране необходимыми, а также готовых участвовать в них лично. Определяющими факторами готовности граждан к участию в процессе изменения социального и политического порядка являются молодой возраст, ценностные ориентации, мировоззренческие представления и нормативные установки граждан, уровень институционального доверия, степень вовлеченности в политику и гражданские и политические практики.

Стратегии консервации существующей модели государственно-олигархического капитализма, ее эволюции в сторону изоляционизма означают демодернизацию страны, ее архаизацию, отказ от развития. Опора на усиливающиеся в обществе ориентации на сильную руку, восстановление империи и «радикальный патриотизм» ведет к отказу от признания роли граждан как субъектов политики и акторов политических изменений, направленных на освоение ими норм и правил, присущих модели современной политики –

¹ Павлова Т.В. Партийно-политические практики в контексте формирующегося политического порядка / Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. С. 530.

² Там же. С. 514-515.

конкурентности проектов, сотрудничества, диалога и взаимодействия граждан, а также граждан и государства.

Пак О.А.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И «БЛАГОСОСТОЯНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА СКИДМОРА¹

Вопрос о наиболее справедливом общественном устройстве продолжал волновать мыслителей и политиков на всём протяжении истории человечества. Концепция американского философа и общественного деятеля Томаса Скидмора интересна тем, что акцент в ней делался на необходимости обеспечить всем людям равенство в сфере владения собственностью.

Главной задачей общества и государства для достижения справедливости Скидмор считал устранение социального неравенства, которое противоречит не только естественному порядку вещей, дарованному Богом, но и законодательству США, в частности Декларации независимости [Кольцов В.А., С. 34-35]. При этом мыслитель подчёркивал, что гарантированные людям права на свободу и счастье невозможны на практике в ситуации, когда значительная часть граждан являются бедняками. В условиях имущественного неравенства не может идти речь и о равенстве политическом.

В отличие от многих философов эпохи Просвещения, Скидмор не считал частную собственность злом и не призывал к её отмене. Именно возможность владения собственностью, по мнению мыслителя, давала возможность человеку быть счастливым и жить в справедливом обществе. Соответственно, право на собственность должно было быть столь же священно и неприкосновенно, как права на жизнь и свободу. Однако центральной идеей его концепции можно признать разделение собственности на полезную и пагубную для общества. Главным критерием в данном случае выступала возможность владельца собственности самому не трудиться и жить исключительно за счёт труда других людей. В этом случае Скидмор считал возможным говорить о том, что богатый человек нарушает права других, и общество имеет право на изъятие излишней собственности, так же как оно имеет право изымать оружие у преступников. Необходимо было не допустить концентрации большей части собственности в руках ограниченного круга лиц. Центральным тезисом концепции философа можно признать утверждение: «человек обязан жить своим трудом, а не трудом других» [Скидмор Т., С. 61].

Скидмор выступал не за обобществление собственности, а за как можно более равное её перераспределение среди всех членов общества. Мыслителем был разработан конкретный проект, который должен был обеспечить общественную справедливость и благосостояние каждого человека. Взяв в качестве примера штат Нью-Йорк, Скидмор писал о необходимости введения на его территории новой конституции, после чего следовал период всеобщего секвестирования собственности, а также отмены всех долгов. Общая сумма собственности граждан штата должна была затем подвергнуться справедливому разделу, при котором каждый получал равную её часть. Результатом такого глобального перераспределения должна была стать ситуация, при которой все люди становятся равными и должны обеспечивать своё благосостояние собственным трудом.

Стоит указать, что Скидмор во многом опередил своё время в плане распространения равенства на всех людей, независимо от их расовой принадлежности. Мыслитель говорил о необходимости не только освободить чернокожих рабов, но и

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

предоставить им равные права, включая и право на такую же часть собственности, как и у остальных граждан. Равенство в области собственности вполне логично предполагало и политическое равенство. Он считал необходимым предоставить избирательное право всем гражданам, включая негров, индейцев и женщин [Андерсон К.М., С. 45]. Важным считал философ также обеспечение равного доступа к образованию, так как неграмотность им рассматривалась как одна из предпосылок неравенства.

Скидмор понимал, что невозможно решить проблему справедливого общественного устройства только разовым перераспределением. Для поддержания этой системы необходимы были соответствующие изменения в законодательстве. В первую очередь, это касалось необходимости отмены права наследования. По мнению мыслителя, именно возможность передачи собственности по наследству приводила к возникновению и усилению неравенства, создавая ситуацию, когда люди, вступая в разумный возраст, оказывались в неравных условиях. Сама идея завещания, по мысли философа, противоречила концепции естественных прав человека, давая возможность людям вмешиваться в дела потомков. Подобная система давала возможность более трудолюбивым людям иметь определённые преимущества, но не позволяла имущественный разрыв сделать критичным и наследственным.

Скидмор полагал, что предлагаемая им система должна быть распространена на всё человечество. Только в таком случае можно будет говорить о справедливости в полной мере. В противном случае неизбежными будут международные конфликты, вызванные неравенством уже на уровне отдельных государств. Однако это стремление к универсальности не должно было мешать установлению справедливого порядка на государственном уровне в США или хотя бы в отдельных штатах.

Таким образом, концепция справедливости Т. Скидмора заключалась в необходимости разделения собственности на эгалитаристских началах. Это должно было обеспечить каждому гражданину необходимый уровень благосостояния за счёт собственного труда и усилий.

Литература

1. *Андерсон К. М.* Томас Скидмор и его утопия // Скидмор Т. Права человека на собственность. С. 5-59.
2. *Кольцов В. А.* Теологическая концепция происхождения собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 33-38.
3. *Скидмор Т.* Права человека на собственность. М.: Наука, 1988. – 448 с.

Палитай И.С.
(ГАУГН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ¹

В настоящее время наша страна находится в ситуации наличия большого количества вызовов и угроз, одной из форм проявления которых является информационная война. Борьба за сознания людей, которую мы наблюдаем, есть не что иное как вызовы и угрозы социокультурного характера. Противостоять им может только консолидированное общество, в котором у граждан есть устойчивая и непротиворечивая картина мира, основанная на четкой системе ценностей, в том числе и политических. Стоит при этом отметить, что в силу стратегического характера этой борьбы объектом ее во многом

¹ Тезисы подготовлены в рамках исследования, выполненного в рамках проекта FZNF-2023-0010 «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», реализуемого в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и ЭИСИ.

становится молодежь – поколение, которое формировалось в уникальных условиях постсоветской социально-политической реальности и значительно отличается от более старших когорт в структуре российского общества.

Проблему формирования ценностных ориентаций молодых людей невозможно решать без понимания поколенческих особенностей этой категории населения и, в первую очередь, специфики ее политической социализации.

Для старшей когорты молодежи политика начинается с Б.Н. Ельцина. Несмотря на то, что самые старшие из них были рождены в 80-х годах, их политическая социализация, понимание того, что представляет собой власть, как устроено общество и другие подобного рода вопросы, усваивались именно в стране, появившейся в 90-е годы.

Среди особенностей этого периода, которые, на наш взгляд, существенно отразились на становлении молодых граждан, в первую очередь необходимо выделить ценностный вакуум, образовавшийся после утраты старой системы политических ценностей. В связи с тем, что государство на тот момент времени в гораздо меньшей степени, чем это было раньше, занималось социализацией молодых людей, основным ее институтом стала семья с ее – в большинстве случаев – патриархальным устоем и либеральным типом воспитания. Между тем с течением времени характер ее влияния также претерпевал изменения. Так, в 90-е годы, как известно, не самые простые для нашей страны, родители были вынуждены не столько заниматься воспитанием своих детей, сколько решением финансовых и бытовых задач. Позже, воспитывая детей, родители старались оказывать на них как можно меньше давления, беречь их и жалеть, что привело к формированию, своего рода, выученной беспомощности, проявляющейся в очень слабых навыках по преодолению трудностей и решению жизненных проблем.

В качестве еще одной особенности взросления молодых людей стоит отметить тот факт, что как таковой единой государственной политики по формированию политического мировоззрения в школе в тот период времени не было. Многообразие учебной литературы по общественным наукам послужили причиной противоречивости гражданского и политологического образования. Результатом всего этого явилось усиление роли СМИ как института вторичной политической социализации, и как следствие – формирование разрозненных и несистематизированных политических представлений, являющихся, наряду с ценностями, основами политической культуры.

Средняя и младшая когорты молодежи воспитывались уже немного в другой период времени. Однако формирование молодых людей, их политическое образование и становление и тогда все еще было пущено на самотек. Помимо этого, необходимо помнить, что, начиная с 2010-х годов значимость в процессе формирования сознания начинает приобретать Интернет, способный не только предоставить информацию о тех или иных событиях и явлениях, дать их оценку в определенных вербальных и визуальных смысловых конструкциях, но быть, своего рода, площадкой, для реализации различных типов активности молодых людей. Этому располагает достаточно свободная, мало подверженная цензуре трансляция различных идей. Несмотря на то, что в последние годы, законодательство в этом ключе претерпело достаточно серьезные изменения, именно интернет во-прежнему остается средством организации и мобилизации молодежи на прямые политические действия. «Горизонтальная» организация Интернета позволяет пользователям быть одновременно производителем и потребителем информации, что формирует ощущение значимости, субъектности в протекающих событиях.

Описанные условия явились ключевыми в формировании современного поколения молодых людей. Именно по этой причине в их сознании (в том числе и политическом), много противоречивого. Традиционное с его ценностями накладываясь на современное видение мира и себя в нем, затрудняет работу с молодыми людьми и их сознанием, и требует серьезных исследований в данной области.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Межгосударственное сотрудничество является неотъемлемой частью международных отношений, как в практическом, так и в теоретическом смысле. Борьба с терроризмом, а также политика государств по своему встраиванию в новую систему международных отношений представляют те основные задачи, стоящие перед межгосударственным сотрудничеством в XXI веке.

Международная жизнь и межгосударственное сотрудничество являются категориями, полностью охватывающими почти всю историю развития человеческой цивилизации. По своей сути, практика современного межгосударственного сотрудничества зародилась как в античных идеях объединения греческих полисов и возникновения Пелопонесской Лиги, так и в родоплеменных союзах языческих обществ, населявших большую часть суши. Такое представление заложило фундамент для дальнейшего развития идей, форм и видов взаимодействия государств между собой и стремления к благому миру в последующие эпохи и вплоть до наших дней.

Методологическая основа современных исследований в области межгосударственного сотрудничества отражена в работах представителей различных течений политической науки, среди которых можно выделить две главные школы: политического реализма и либерализма.

На сегодняшний день в результате развития исследований в области межгосударственного сотрудничества, создано большое количество типологий и систем, отражающих разнообразие возможного сотрудничества. Так, например, межгосударственное сотрудничество классифицируется и анализируется по сферам распространения, по своей природе, по характеру акторов сотрудничества, по инструментальной базе, формам и условиям его реализации и пр.

Экспертами активно обсуждаются факторы, определяющие вероятность конструктивного сотрудничества между государствами. Результатом этого является разработка различных гипотез подобного сотрудничества. Данные гипотезы стали методологической базой для теоретического осмысления способов образования наиболее благоприятных условий международного и межгосударственного сотрудничества.

Немаловажную роль на пути к осознанию важности данного сотрудничества сыграло возникновение оружия массового поражения. Создание ядерного оружия стало основным современным инструментом поддержания баланса сил, сдерживающим и предостерегающим международное сообщество от повторения ошибок прошлого. Одной из главных особенностей формирования новой системы международных отношений стало обладание таким оружием рядом геополитических игроков: Россией, США, Великобританией, Францией, Китаем, Северной Кореей, Пакистаном, Индией и Израилем.

На фоне бурного развития международных процессов, актуализирующих межгосударственное сотрудничество, его обострение происходит в зонах пересечения геополитических и геоэкономических интересов ведущих акторов мировой политики. С начала XX века - века идеологических и геополитических противостояний и по настоящее время происходит интенсификация геополитического, цивилизационного и геоэкономического факторов не только в международных отношениях, но и в сфере межгосударственного взаимодействия. Результатом научного осмысления данных процессов стал анализ и разработка в академическом плане различных однополярных, биполярных и многополярных, включая многоуровневые, конфигураций международных отношений.

Современные международные процессы привели не только к трансформации всей системы международных отношений, но повлекли за собой ряд негативных факторов, выраженных в нарастании угроз стратегической стабильности международной жизни, а также политике ядерного сдерживания и гонки вооружений, что в теоретическом плане постоянно подвергается попыткам изменения трактовки, в зависимости от стратегических концепций и оперативных планов противоборствующих сторон.

Нынешний виток поляризации отношений Востока и Запада, в основе которого заложена агрессия Западного мира во главе с США в отношении России, ведёт к стремительному распаду системы и режимов контроля над вооружениями, так сложно выстраиваемых на протяжении последних 60 лет. Кажущаяся симметричность стратегических потенциалов и взглядов на их значение отнюдь не гарантирует возобновление диалога и снижение ядерной угрозы, поскольку США в своих планах продолжают руководствоваться идеей построения Pax Americana, а при существовании независимой России, данные планы и надежды являются не более чем утопией. Это обстоятельство объясняет активизацию ведения против России второго витка «Стратегии Анаконды», сетецентричных войн, оголтелой русофобии и многих других антироссийских планов, целью которых является разрушение Российской Федерации.

Следствием этого является то, что государствами, при лидирующей роли России, отказавшимися от западного диктата, в настоящее время предпринимаются беспрецедентные шаги по развитию и укреплению сотрудничества не только по жизненно важным и принципиальным вопросам национальной безопасности, торгово-экономическим, энергетическим, финансовым и военным отношениям, но и по актуальным вопросам транснациональной эпохи. Именно это и является отличительными чертами межгосударственного сотрудничества современности.

Панов П.В.
(ПФИЦ УрО РАН, Пермь)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТЬЮ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗОФОРМИЗМА¹

Социокультурная, экономическая, географическая и иная неоднородность государства в кросс-территориальном отношении нередко политизируется, возникают движения за самоопределение, что создает риски сепаратизма и угрозу территориальной целостности государства. Реагируя на эти риски, государства проводят реформы. С точки зрения концепции институционального изоморфизма П. Димаджио и У. Пауэлла, многие из этих реформ могут быть интерпретированы и осмыслены в категориях нормативного, подражательного и принудительного изоморфизма.

Эффекты институционального изоморфизма существенно различаются в зависимости от контекста, в котором проводятся реформы, а также от характеристик реформ. Особый интерес представляют те случаи, когда в одной стране наблюдаются множество движений за самоопределение, то есть они действуют в сходном контексте, в одном политико-организационном поле. Тогда ключевое значение приобретает характер институциональных реформ. Их можно классифицировать по нескольким основным измерениям: 1) направленность: аккомодация (идут навстречу требованиям движения за

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

самоопределение) либо, наоборот, депривация; 2) траектория: проактивные и реактивные; 3) содержание: территориальные (наиболее типичный вариант - предоставление автономии) и нетерриториальные; 4) степень универсальности: симметричные (для всех регионов) или асимметричные (для конкретного движения за самоопределение).

Если проанализировать только последнее измерение, ярким примером асимметричных реформ является Индия, где магистральным направлением в политике по управлению политико-территориальной гетерогенностью стало утверждение этнического (а именно этнолингвистического) и асимметричного федерализма. Это проявляется в создании не только штатов, но и субрегиональных автономий по этническому принципу, причем разные автономии имеют различный статус, полномочия и т.д. В целом, индийская модель управления этно-территориальной гетерогенностью содержит достаточно богатый, но в то же время «законченный» набор возможных институциональных решений. Лидеры движений за самоопределение знают, на что они могут можно рассчитывать и выдвигают соответствующие требования. Таким образом, и требования, и проводимые реформы относятся к категории подражательного изоморфизма. Вместе с тем, индийская модель не дает универсальных критериев для имплементации имеющихся вариантов институциональных решений. Иначе говоря, не установлено, на что конкретно может рассчитывать этническая группа, каковы, например, критерии для создания этнического штата или субрегиональной автономии – размер группы, ее концентрация, исторические основания и т.д.? Различным может быть и объем полномочий для штата / субрегиональной автономии, и их территориальные границы.

Каковы последствия этого? С одной стороны, такая стратегия реформ дает гибкость. Власти могут предоставлять те или иные преференции, в большем или меньшем объеме, в тех или иных границах и т.д. в зависимости от требований и ресурсов каждого конкретного движения. Но поскольку универсальные критерии отсутствуют, после проведения реформы движение нередко выдвигает новые, более радикальные требования. Кроме того, действуя в одном «политико-организационном поле», разные движения влияют друг на друга. Если кому-то удалось добиться от правительства некой реформы, это провоцирует другие движения выдвигать аналогичные требования, то есть возникает «снежным ком» подражательного изоморфизма.

Подобная тенденция прослеживается и в других случаях, когда проводимые институциональные реформы – асимметричные и реактивные, то есть не правительство является инициатором, а движения за самоопределение. Так, предоставление значительной автономии Шотландии стимулировало новые требования вплоть до независимости, а также активизацию движения в Уэльсе.

В случае симметричных реформ явно просматривается принудительный изоморфизм. Вместе с тем, как показывает, например, опыт Италии, где центральное правительство предпринимает попытки сократить степень институциональной асимметрии между регионами, регионы, которые сильно различаются по своим интенциям, по-разному реагируют на реформы центра, что проявляется в двусторонних взаимодействиях. Кроме того, они нередко подражают друг другу, выстраивая двусторонние отношения с Римом, то есть принудительный изоморфизм в одной сфере запускает подражательный изоморфизм в другой.

В целом, интерпретация реформ под углом зрения институционального изоморфизма дает новый и полезный ракурс для их осмысления.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В СУБЪЕКТАХ РФ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ¹

Электронные сервисы, позволяющие гражданам осуществить взаимодействие с органами власти и местного самоуправления, в том числе повлиять на принятие политических и управленческих решений, сегодня продолжает набирать актуальность в общественной повестке. Ряд исследований показывает возрастание запроса граждан на такие сервисы и повышение их интереса к участию в деятельности органов власти и местного самоуправления в части интересующих их насущных вопросов.

Начиная с 2010-х гг. в России возможности взаимодействия граждан с органами власти в цифровой форме последовательно расширялись. В особенности большое количество электронных ресурсов, предполагающих электронное участие граждан, было создано на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. К наиболее распространенным типам каналов электронного участия, которые появились в тот период, можно отнести: порталы сообщения о проблемах ЖКХ и благоустройства, электронные инициативы и петиции, электронные голосования, общественные обсуждения, ресурсы по инициативному бюджетированию и т.д. С 2020 г. произошел ряд институциональных изменений, направленных на увеличение единообразия регионов в части доступности цифровых сервисов. В частности, была создана вертикально-ориентированная структура Центров управления регионами (ЦУР) и единый канал электронного участия граждан – Платформа обратной связи (ПОС) на базе Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Политика федерального центра, направленная на централизацию системы обратной связи в России, вынудила органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления принять решения в отношении уже внедренных каналов электронного участия. После того, как федеральной властью было предложено единое универсальное решение, продолжение финансирования собственных каналов стало нецелесообразным ввиду дублирования одних и тех же функций с ПОС.

Мониторинговое исследование Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО выявило, что, органами власти регионов и МСУ были приняты разные решения относительно собственных каналов электронного участия. Одна часть регионов отказалась от собственных электронных ресурсов в пользу единого федерального, другая же – напротив сделала попытки сохранить их и адаптировать их к новым реалиям и даже создать новые каналы взаимодействия с гражданами. Было выделено пять институциональных моделей построения электронного участия на уровне региона.

Первая модель касается тех регионов и муниципальных образований, в которых на момент внедрения ПОС, отсутствовали собственные каналы электронного участия. Большинство из них сфокусировалось на работе с ПОС, воспользовавшись решением, предоставляемым «сверху».

Вторая модель относится к тем регионам и городам, которые создали собственные каналы в период уже после внедрения ПОС. Примеров принятия подобных решений относительно немного, но тем не менее, они имели место как на региональном, так и на муниципальном уровне. В качестве примеров каналов, созданных после внедрения ПОС, можно привести порталы сообщений о проблемах «Наше Поморье» Архангельской области, «Активный Екатеринбург» города Екатеринбург и др.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Третья модель относится к регионам и городам, имевших на момент внедрения ПОС собственные каналы участия, но отказавшиеся от них и полностью перешедшие на ПОС. В качестве примеров закрытых каналов можно привести порталы сообщений о проблемах «Народная экспертиза» Ленинградской области, «Вечевой колокол» Новгородской области и др.

Четвертая модель предполагает продолжение эксплуатации собственных каналов на уровне региона или муниципалитета в дополнение к внедрению ПОС. Таким образом, два канала электронного участия сосуществуют параллельно, первая из которых функционирует исключительно на уровне региона/муниципалитета и управляется региональными структурами, а другая – на уровне Министерства цифрового развития (ПОС) и управляется Центром управления регионом, созданным в регионе. В качестве примеров каналов электронного участия, существующих параллельно с ПОС, можно привести порталы «Наш Санкт-Петербург» г. Санкт-Петербурга, «Наш Север» Мурманской области и др.

Пятая модель также предполагает сохранение собственных каналов, но при технической доработке интеграции региональной/муниципальной системы с ПОС. В результате данного решения, сообщения, отправляемые через оба канала, попадают в региональную систему и обрабатываются в ней. По итогам обработки данные передаются в ПОС и учитываются в общей статистике. Данный подход был использован для порталов «Народная экспертиза» Белгородской области, «Действуем вместе» Курской области и др.

Перспективным направлением для дальнейшего исследования представляется углубленное изучение специфики каждой из обозначенных выше институциональных моделей в регионах, анализ причин и факторов, влияющих на принятие решений.

Парма Р.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ВЫЯВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ КОНВЕРСИИ ОБЩЕСТВЕННОГО АКТИВИЗМА В ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-СРЕДАХ

В современном мире, связанном цифровыми коммуникациями, базовым механизмом организации массовых политических акций является конверсия (преобразование) гражданского активизма онлайн-пространстве в политические действия в офлайн-пространстве. Особый интерес вызывают распространение протестных моделей поведения в социальных сетях. Неконвенциональные формы политического участия отличаются разветвленными цифровыми инфраструктурами. Активисты овладевают навыками управления информационными потоками, технологиями формирования псевдорациональных стратегий поведения пользователей социальных медиа. В рамках данной темы ключевыми аспектами стали выявление способов вовлечения гражданских активистов в цифровые сетевые структуры, способствующие росту социального недовольства и канализирующие неконвенциональные формы политического участия. Ключевой вопрос заключается в том, какие формы гражданской и политической активности в цифровой среде трансформируются в публичные протестные действия.

Применение конверсии цифрового гражданского участия в реальные политические действия привело в целом ряде стран к формированию массовых движений, ратующих за общественные изменения. В России тенденция проявилась в крупных городах, прежде всего в столице, которые выступают в качестве хабов (узлов связи) гражданского и политического активизма в пространстве социальных медиа. С 2011 года Россия столкнулась с несколькими волнами массовых политических протестов, последние из которых (в августе-сентябре 2019 года, в январе 2021 года) продемонстрировали ряд негативных тенденций, связанных с политизацией гражданского активизма, вовлечением

детей и подростков, радикализацией стратегий протестного поведения. В настоящее время в условиях проведения СВО крупные города в силу условий и состава населения остаются центрами формирования протестной повестки.

В нынешней ситуации крайне важно выявить причины, факторы, модели и технологии конверсии гражданского активизма в протестное поведение для сценирования и прогнозирования массовой политической активности. Для этого в исследовании необходимо применить методологию сетевого анализа больших данных, опирающаяся на синтез социальной информатики, математики, политической науки, прикладной социологии, корпусной лингвистики, психологии и когнитивистики. Стратегия эмпирического поиска должна строиться на сочетании количественных и качественных методов прикладного социально-политического исследования. Для решения исследовательских задач можно использовать методики интеллектуального поиска и анализа данных Predictor Mining, идентификации лидеров и центров общественного мнения в социальных медиа, когнитивного картирования информационных потоков.

Прикладное исследование позволяет выявить потенциал конверсии гражданского и политического активизма в протестное или лояльное поведение, определить возможные сценарии развития ситуации, спрогнозировать масштаб, состав, направленность массового политического участия в условиях внешнеполитического давления. В практическом плане важность темы исследования определяется тем, что представителям научного и экспертного сообщества важно понимать цели, установки, особенности коммуникации людей, которые не просто интересуются политикой, но и активно участвуют в ней как в конвенциональных, так и неконвенциональных формах. Исследование позволяет оценить протестный потенциал в формировании общих целей политически активных граждан участников, а также определить возможности управления и наблюдения за происходящими в социальных сетях процессами.

*Пастушенко Е.В.
(МГИМО МИД России, Москва)*

ИДЕОЛОГИЯ ПАРТИИ «БРАТЬЯ ИТАЛИИ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В сентябре 2022 года, без месяца 100 лет спустя после марша на Рим, на внеочередных выборах в итальянский парламент случилось «ожидаемое неожиданное»: победу одержала правая коалиция во главе с партией Fratelli d'Italia. За «ожидаемую» часть дефиниции этой победы отвечали данные экзитполов и опросов общественного мнения, за неожиданную – помещение этой победы в перспективу политической истории страны. Правые партии не возглавляли правительство уже больше 10 лет, а результаты партии-победителя на предыдущих парламентских выборах не были столь серьезными (1,9% в 2013 и 4,3% в 2018 году). Более того, до 2022 года у «Братьев Италии» был образ маргинального политического игрока, которого не стоит воспринимать всерьез.

Парламентские выборы в европейских странах всегда широко освещаются в средствах массовой информации, однако медиаохват данного кейса представляет особый интерес, причем не ввиду количества новостей, посвященных данной победе, а из-за того, как сильно они различаются по смысловому наполнению. Большая часть разногласий между источниками приходится на один конкретный аспект события – идеологию флагманской партии в коалиции. В течение первых недель после выборов на странице одного новостного портала могли соседствовать статьи, призывавшие Европу мобилизовывать свои усилия для борьбы с фашистской угрозой, и публикации, осуждавшие Джорджу Мелони за то, что ее партия недостаточно правая. В результате образовался информационный снежный ком: ориентируясь на эмоционально окрашенную

аналитику ряда крупных изданий, более локальные и менее авторитетные источники пересказывали их тезисы, не проводя своего исследования.

В связи с этим целью данной работы выступило намерение выяснить, насколько справедливы были попытки охарактеризовать идеологию партии «Братья Италии» различными СМИ, а в случае обнаружения несоответствий или противоречий выявить верную идеологическую характеристику. Исследование актуально как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В рамках ближайшего будущего необходимость информированности о том, что же на самом деле представляет из себя идеология «Братьев Италии», обусловлена тем, что данная сила является лидером правящей коалиции. В долгосрочной же перспективе исследование можно назвать вечно актуальным, поскольку оно демонстрирует инструментальный анализ идеологии той или иной партии. Учитывая «ускоренность» времени в XXI веке, тенденция к неправильному применению политических категорий будет лишь набирать обороты, поэтому умение разобраться в сути вещей, обратившись к первоисточникам, представляет особую ценность.

Флагманским методологическим подходом работы выступил дискурсивный институционализм, выстроенный на основе алгоритма анализа, предложенного Норманом Фэркло в рамках диалектико-реляционного подхода к дискурсивным исследованиям.

Первый его этап - описание. В этой части работы были изучены публикации крупных изданий, которые приписывали FDI ту или иную идеологию, чтобы отследить наиболее часто встречающиеся фреймы, формирующие образ партии. Корпус текстов состоял из материалов италияязычных (La Repubblica, La Stampa, L'Unità, Il Giornale), русскоязычных (РИА.Новости, ТАСС, RT, Лента.Ру, Известия) и англоязычных (The Guardian, The Economist, The Atlantic) изданий. В итоге было выяснено, что самыми частыми идеологическими характеристиками выступали такие понятия, как правые, правоцентристы, ультраправые, популисты, фашисты, постфашисты, неофашисты, консерваторы и неоконсерваторы. На втором этапе под названием интерпретация на основе анализа теоретической литературы была проведена концептуализация описанных выше терминов с целью выявления конкретных признаков той или иной идеологии. Третий этап работы (ситуационный анализ) был нацелен на сопоставление теории с практикой. Был проведен анализ истории развития партии, после чего ее 4 программы (2013, 2014, 2018 и 2022 годов) были изучены при помощи таких методов, как контент-анализ, осуществленный в программе R.Studio, и анализ фреймов с целью выявить ключевые смысловые единицы каждой из программ и сопоставить их с признаками различных идеологий, обозначенными на предыдущем этапе исследования. В результате удалось проследить тенденцию смягчения идеологии «Братьев Италии» с течением времени - растущие шансы на победу вынуждали FDI сдвигать свои идеологические позиции ближе к центру, превращаясь из ультраправой партии в правоцентристскую.

В конечном итоге, ориентируясь на актуальные воззрения «Братьев Италии», отраженные в программе 2022 года, грамотными терминами, которые стоит использовать при идеологической характеристике FDI, выступают слова «правые», «популисты» и «неоконсерваторы».

Патрушев С.В.
(ИС ФНИСЦ РАН, ВАВТ, Москва)

ПРОСТРАНСТВО, ВЛАСТЬ, ГОСПОДСТВО, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ: КОНТУРЫ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ РОССИИ

1. Исследование политико-институциональных проблем России периода становления бюрократически-олигархического капитализма предполагает рассмотрение возможностей, ограничений и перспектив формирования политики в России – в условиях

социума клик, господства и кликократии, включая анализ причин незавершенной институционализации политического государства и разработку сценариев вхождения в современность.

2. Результаты трех десятилетий усилий по институциональному импорту на основе простой (если не сказать, плоской) модели транзита к «рынку» и «демократии» обнаружили очевидные проблемы адаптации институтов модерна к традиционной, архаичной и советской, социокультурной среде, включая складывание институциональных ловушек по всем фронтам экономического, социального и политического реформирования, и поставили проблему стратегического целеполагания, т.е. идеологии, российской государственности, определения цивилизационного вектора современной России.

3. Для понимания реального положения необходимо оценить значение институциональных и гражданских форм в конституировании российского общества и становлении политического государства, определяющего цели развития различных общественных сфер, специфику институционального профилирования политического поля и его соотношения с цивилизационным пространством, раскрыть социокультурные основания процессов политики, ориентированной на развитие и влияние на нее межцивилизационного взаимодействия.

4. Анализ альтернативных стратегий политических изменений, включая изменение установки на реформирование сверху стратегией эмпауэрмента на основе вовлечения индивидов в публичные практики и приобретения ими навыков политических действий и участия, формирования институциональной среды, конгруэнтной установкам граждан, для социетальной интеграции на базе универсализации реально действующих норм. Оценка ситуации может опираться на мониторинг нормативно-ценностных изменений по уже разработанным и используемым методикам.

Текущие признаки политики современного типа в России по данным ОСПИ-2022

Конфликтность	Отчуждение народа от власти: для 47% «народ и власть существуют сами по себе» на фоне недоверия в обществе: две трети (65%) респондентов не доверяют людям (с ними «надо быть осторожнее»); только для 8% доверие - основание российского общества (11-е место из 15 господствующих ценностей).
	Наибольшая социальная напряженность - в отношениях между богатыми и бедными (2,8 балла по 5-балльной шкале - от 1 – напряженности нет до 5 – напряженность высокая).
	Политические взгляды и политическая активность слабо влияют на сближение людей – важны только для 26% и 28% соответственно.
Универсализм норм	Приоритет морали перед правом: 78% считают, что «в России есть моральные нормы, которым следует большинство людей».
	Выборочное законопослушание: 27% считают, что «какие-то законы нужно выполнять, какие-то нет», еще 15% считают, что «в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять», т.е. 42% не готовы обращаться к праву в своих практиках, при том что 65% не считают гарантированной свою защиту со стороны закона в случае конфликта с властью и 34% - конфликта с другими людьми.
	Слабая связь закона и политики: 56% считают, что политики в России «действуют в обход правил», только 32% называют закон в числе ценностей, лежащих в основе политики в России.
Конкуренция и свободный выбор	Приоритет единства: 53% считают, что единство политических сил полезнее для России, чем конкуренция между ними (30%).

	Отношение к избирательному праву также избирательно: 27% участвуют в выборах, когда считают нужным, т.к. это их право, хотя большинство (63%) всегда голосовали на выборах Президента.
	Только 22% являются сторонниками одной из политических партий и голосовали за нее на последних выборах.
Целеполагание	Связь частного и общего блага: для 56% «благополучие человека зависит в большей степени от справедливого устройства общества».
	Цели и задачи развития страны определяют Президент (78%), политики (депутаты) (49%) и в последнюю очередь граждане (6%).
	Ценности, важные для будущего России: семья, дом (76%), права человека (70%), справедливость (68%), закон (60%).

5. Наряду с указанными параметрами необходимо отслеживание динамики характеристик реальных политических институтов: институтов президента, разделения властей, отдельных ветвей власти, федерализма и самоуправления, политического представительства, выборов и политических партий, а также институтов гражданского общества и прочие. Особого мониторинга заслуживают процессы самоорганизации в плане их влияния на нормативно-ценностные изменения.

Пахомова Л.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛУННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПУСКА «ЛУНЫ-25»)

Космонавтика выполняет ряд функций, среди которых идеологическая: она занимает важную роль в жизни общества и окутана романтикой путешествий и прогресса.

Одним из самых ярких запусков в России была «Луны-25» – возрождение исследований спутника Земли. Результаты миссии нельзя назвать однозначными: большое количество целей, включая ведущую, не были достигнуты, но в то же время был положен старт серии проектов по исследованию, а также были выявлены области, где не хватает компетенций, слабые места, что обозначило приоритетные направления развития. При этом у «Луны-25» было сопровождение в СМИ, а также передача с запуском от RT, которую можно было посмотреть также на таких платформах, как ВКонтакте и YouTube.

На странице Роскосмоса в VK ежедневно публиковались посты, которые анонсировали запуск программы.

Перед стартом ракеты были представлены несколько сюжетов, содержавшие информацию об истории лунной программы в СССР, создании «Луны-25», космических профессиях, размышления о будущем (какие базы должны быть на Луне; при этом использовались картинки, сгенерированные нейронной сетью). Не раз упоминался мерч Роскосмоса.

Вышеупомянутые факторы имеют влияние на идеологию: людей объединяет образ врага или масштабное событие, поданное как достижение нации (это является одним из элементов, формирующих идентичность, поднимающих дух патриотизма). Часто упоминался СССР в позитивном ключе, что отсылает к исторической памяти (в прошлом наша страна была первой в освоении Луны, у нее было достаточно ресурсов и технологий, люди могли делать невозможное и делали это). Историческая память тесно связана с идеологией настоящего: как мы оцениваем прошлое позитивно или негативно, чем гордимся, что порицаем, есть ли это сегодня и что мы будем с этим делать - вопросы, ответы

на которые формируют образ будущего, а значит, и определяют действия в настоящем (если мы принимаем свое прошлое, прогрессивистскую идею, то можем представить себе, что вернемся к тому уровню компетенций и пойдем дальше).

Интервью с космонавтами формируют образы героя (человек, который готов учиться, храбр, стремиться к развитию, новым горизонтам), а совместно с рассмотрением возможных профессий будущего могут помочь в профориентации молодежи.

Использование мерча является одним из важных PR ходов: он популяризирует компанию, сферу, оказывает некоторое влияние на тренды. Если совместить данную идею с вышеописанной концепцией героя и профориентацией, то получается, что данная программа сформулировала кем стоит восхищаться, как этого добиться, какая компания этим занимается (цель, способ, конкретная организация/сфера). Стоит отметить, что рассматривалась не только космическая сфера, но и сфера IT: нейронные сети. С одной стороны, показали, что они в России развиваются, с другой – он несовершенны в своих результатах, следовательно их можно усовершенствовать, что демонстрирует перспективность направления, подчеркивается возможность для самореализации.

При этом, если рассматривать содержание картинок, то можно в этом увидеть образы будущего (футуристические базы, отели, идея колонизации): как будут выглядеть лунные базы, что стоит продумать, а если учитывать контекст: вопросы к космонавтам, например, хотели бы они полететь на спутник, то можно сделать вывод: подразумевается не очень отдаленное время.

Подводя итоги, можно сказать, что «Луны-25» создала вокруг себя одну из самых запоминающихся информационных повесток в космической сфере, а также повлияла на идеологию в России: был сделан упор на поддержание идентичности, переосмыслено советское прошлое, подчеркнута преемственность, продемонстрировано кого можно считать героем, что можно сделать, а также где на практике можно применить свои навыки.

*Пацула И.И.
(ЛГПУ, Луганск)*

ДОНБАСС И ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН КАК ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ РОССИИ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ

В современной геополитике Черноморский регион включает в себя Черное и Азовское моря, черноморские государства, Балканы, Закавказье, Северный Кавказ и Каспийское море. Можно сказать, что здесь в геополитический узел переплетаются интересы Турции, Центральной и Восточной Европы, европейских, среднеазиатских и закавказских стран СНГ и отчасти Средиземноморья. Черноморский регион всегда был перекрестком многих геополитических факторов и интересов Запада и Востока, Севера и Юга, а также экономического, религиозного и этнического противостояния.

Но время от времени борьба ведущих мировых держав за Черное море и прилегающие территории резко обострялась, а кризисы обычно сопровождались активным силовым противостоянием.

Ситуация в этом регионе осложнилась в связи с распадом СССР, ослаблением экономического, информационного и политического влияния России на государства Черноморского бассейна и сокращением российского военного и военно-морского присутствия на фоне стремления молодых государств региона не только строить отношения с Западом, но и присоединиться ко всем европейским структурам и институтам с целью получения экономической поддержки.

Сложная социально-политическая и экономическая ситуация на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов. активно использовалась всеми соперниками России –

военно-политическим руководством НАТО, идеологами пантюркизма, принявшего в то время более радикальный характер.

Донбасс сейчас становится центром огромного русского мира, его идеологическим ядром. Эффект «Большого геополитического магнита» может действовать благодаря сложившимся обстоятельствам, связанным с защитой жизни и прав русских людей на Донбассе.

На Донбассе сопротивление Западу достигло своего пика. Как известно, идеолог евразийского движения Савицкий писал на эту тему: Границы конкретной цивилизации или культурно-исторического типа общества заканчиваются там, где заканчивается сопротивление навязыванию элементов чужой культуры и образа жизни извне.

Одним из наиболее эффективных средств, помимо реализации доктрины «Русского Донбасса», которая не позволит антироссийским настроениям распространиться на наши юго-западные границы, могла бы стать экономическое давление на враждебной территории.

Так, известно, что Донбасс, как центр Русского мира, представляет большую опасность для проекта антироссийской Украины. При анализе геополитических проблем региональной безопасности необходимо учитывать происходящие изменения в самой системе геополитических координат. Так, одной из новых тенденций мировой геополитики И. А. Василенко называет переход к новым постклассическим технологиям управления космосом, продиктованный информационной революцией. Она пишет: «Новая геополитическая архитектура мира, которая начала формироваться после трагических событий 11 сентября 2001 года, характеризуется сложной системой глобальных связей, во многом опровергающей все старые геополитические схемы прошлого». США полностью перешли на технологии информационной войны. Они переходят к стратегии, позволяющей наносить превентивные удары. Современные технологии управления космосом все больше принимают виртуальные формы и с помощью массовых деструктивных информационных потоков искусственно создаются новые очаги напряженности и противостояния.

В этих условиях интеллектуальная элита России должна создать свой специфический арсенал средств и механизмов активизации позитивной социокультурной динамики. Кроме того, существует необходимость постоянного мониторинга внешних и внутренних угроз региональной безопасности, а также всестороннего анализа возможностей обеспечения стабильного развития региона, включая изучение макро- и микрополитических факторов.

Пашковский Е. А.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ ПОЛЬШИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В СЕЙМ 2023 ГОДА

15 октября 2023 года состоятся выборы в Сейм Польской Республики. По его итогам будет сформирован новый состав Правительства Польши. В текущем созыве было пять крупных депутатских групп, объединенных коалиционными соглашениями.

Для анализа внешнеполитических приоритетов польских парламентских партий автором выбраны пять политических партий (и блоков): Право и Справедливость (PiS), Гражданская Платформа (PO), Левые (Lewica) Польская народная партия-Польская коалиция-Польша 2050 (PSL, KP Polska 2050), Конфедерация (Konfederacja).

Правящая партия Польши, Право и Справедливость предлагает трехсотстраничный доклад, который называется «Безопасное будущее поляков»¹. В рамках предвыборной программы десятая часть выделена на вопросы внешней политики и безопасности. Партия выдвигает доктрину Леха Качиньского, направленную на противодействие немецкой доктрине Срединной Европы (MittelEuropa) и российской концепции Русского Мира. Правящая партия Польши акцентирует внимание на сотрудничестве с США, восточно-европейскими государствами «Инициативы трех морей», партнерства Польша-Румыния-Турция и Вишеградской четверки. Отношение к Европейскому Союзу негативное, но при этом Польша не стремится покидать ЕС.

Таблица

Результаты выборов в Сейм Республики Польша, окт. 2019 г.

Партия	Коалиция	Результат 2019	Количество мест в Сейме 2019
Право и Справедливость (PiS)	Правые	43,5%	235
Гражданская платформа (PO)	Гражданская коалиция	27,4%	134
Современность (N)			
	Левые	12,5%	49
Польская народная партия (PSL)	Польская коалиция	8,5%	30
Кукиз'15			
	Конфедерация	6,8%	11

Предвыборная программа наиболее популярной оппозиционной партии – Гражданской Платформы представляет собой сто пунктов, изложенных на сайте партии². Программа выстроена на критике политического курса «Права и Справедливости». Гражданская Платформа ориентируется на восстановление отношений с ЕС, участие в общеевропейской политике, охрану границы Польши с Белоруссией, активизацию сотрудничества с НАТО в рамках программы противоракетной обороны.

Предвыборная программа «Левых»³ состоит из 155 тезисов. Внешняя политика занимает 10. Коалиция левых сил ориентирована на восстановление интеграции с ЕС в вопросах внешней политики. «Левые» поддерживают сотрудничество с США и НАТО, выступают за милитаризацию Балтийского моря, военную и гуманитарную поддержку Украины, крайне негативно оценивает Россию и Белоруссию, а также предлагает наладить сотрудничество со странами «Глобального Юга» для противодействия политике России и Китая.

Предвыборная программа Польской Народной партии⁴ состоит из 48 страниц. Внешнеполитический раздел составляет около трех страниц. Партия придерживается проевропейской политики, ориентирована на различные форматы взаимодействия (Веймарский треугольник Франция-Германия-Польша), Вишеградская четверка. Партия поддерживает сотрудничество с Украиной, выражает поддержку белорусской оппозиции, занимает отчетливую антироссийскую позицию.

Предвыборная программа «Конфедерации» состоит из 116 страниц. Партия придерживается изоляционистской внешней политике, разделу посвящены всего 8 страниц.

¹ Предвыборная программа PiS / URL: <https://pis.org.pl/aktualnosci/bezpieczna-przyszlosc-polakow>. Дата обращения 19.09.2023.

² Предвыборная программа PO URL: <https://100konkretow.pl/> Дата обращения: 19.09.2023.

³ Сильная Польша в сильной Европе URL: <https://klub-lewica.org.pl/program#SILNA-POLSKA-W-SILNEJ-UNII-EUROPEJSKIEJ> Дата обращения: 19.09.2023.

⁴ Предвыборная программа PSL URL: <https://www.psl.pl/wp-content/uploads/2023/09/Program-PSL.pdf> Дата обращения 19.09.2023.

Раздел с критикой Европейского Союза – 14 страниц¹. Партия критикует Правительство за излишнюю активность и международные обязательства в ущерб обеспечению обороны страны и защиты границ, а также выступает против любой поддержки Украины и украинских беженцев в Польше. Наиболее нейтральная программа из всех парламентских партий страны.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что основной тезис внешнеполитической программы всех польских парламентских партий связан с взаимоотношениями Польши и Европейского Союза. Все остальные вопросы носят второстепенный характер. Проевропейские партии занимают антироссийскую позицию, как и правящая партия ПиС. Однако, именно она формирует и формулирует доктринальное понимание польской внешней политики, как особой миссии, по противодействию сотрудничеству России и Германии.

Пеньков В.Ф.
(ТГТУ, Тамбов)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблемы адаптации политических акторов и социальных групп к ценностным реалиям, их участие/неучастие в формировании аксиологической матрицы государства и гражданского общества во многом определяют направленность и динамику развития политических процессов, воздействуют на выработку и утверждение моделей политического поведения и внедрение образцов политического действия.

Изучение вопросов формирования аксиологических модулей в политической сфере, эффективности их трансформаций и механизмов воспроизводства принято анализировать на фоне экономических и социокультурных явлений. Можно утверждать, что в условиях проведения СВО всё больший вес обретает военно-политический фактор. Сам факт специальной военной операции, а также проведение частичной мобилизации в России оказали заметное воздействие на изменение алгоритма принятия ценностных решений, как отдельной личностью, так и социальными группами. Общественная реакция, по нашим оценкам, во многом основана на том, как выглядит, чем наполнен ценностный модуль, определяющий выбор того или иного образца политического действия.

И здесь многое зависит от доминирующего в социуме типа политической культуры населения и элит, механизмов и способов выработки общественно значимых целей, инструментов и ресурсов их достижения, а также от политического режима и формы правления.

Можно предположить, что на характер и направленность политического процесса накладывает отпечаток политическая цель, которая может быть отнесена к ценностным компонентам, и представляет собой обозначение и предвосхищение результатов политических действий, ради которых они – действия – и совершаются. В свою очередь, формирование политической цели неотделимо от выработки системы ценностей, вернее, она – цель – должна «проистекать» из доминирующих аксиологических ориентаций. Ценности, закрепленные традициями и новациями, культивируемыми в социуме, являют собой важный компонент (если угодно – ядро) любого типа политической культуры, во многом определяющим модели поведения, а, в конечном счёте, и воздействуют на направленность политического процесса.

¹ «Конституция Свободы» предвыборная программа «Конфедерации» URL: https://konfederacja.pl/app/uploads/Konfederacja_WiN_Program_2023-1.pdf. Дата обращения: 19.09.2023 г.

Невозможно требовать от элит, граждан, социальных групп, политических партий сбалансированного поведения в рамках политического процесса, если не определены ценностные параметры сообщества в целом, если консенсус, как основа демократического порядка, не утверждается в политической системе, если ценности (а значит и их носители) находятся в борении друг с другом, выходят за цивилизованные рамки.

Российское государство и укрепляющееся, проходящее этап институционализации гражданское общество со времён «поздней перестройки» длительное время пребывало в состоянии *аксиологической многоукладности*, когда зачастую ценностный и поведенческий консенсус были недостижимы. По нашим оценкам, с началом СВО перед гражданином и обществом в целом встал вопрос ценностного самоопределения, выбора оптимальной модели политического поведения в не самой простой ситуации.

Можно предположить, что для значительной части россиян военно-политический фактор стал значимым при выборе (или уточнении) приемлемой модели политического поведения. Ориентация на гражданскую солидарность в условиях СВО проявляется в действенных формах, формирует новые формы общественной активности, моделирует поведение россиян.

Выжидательная модель политического поведения – феномен, рельефно проявившийся с началом СВО, полагаем, требует изучения и осмысления, поскольку её аксиологический модуль весьма размыт и противоречив в своих действенных проявлениях.

Вполне очевидно, что модель поведения части граждан и микро-групп социума базируется на отрицании как правильности политического решения о проведении СВО, так на осуждении иных моделей поведения граждан.

Доминирование в нынешних условиях военно-политического фактора, оказывающего воздействие на политические и поведенческие предпочтения, вновь ставит вопрос о необходимости осмысления инструментов и механизмов процессов формирования аксиологической матрицы государства и общества.

Перевезенцев С.В.

(ГАУГН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДОЛОГИИ «РУССКОГО ХРАНИТЕЛЬСТВА»¹

Консерватизм – это учение, которое стремится обеспечить устойчивость общества и государства, внутреннюю защиту государственного и общественного организма от разрушительных тенденций, творческий поиск новых путей развития, не противоречащих традиционным ценностям и смыслам.

В то же время, специалистам в области общественной мысли понятно, что «консерватизм» бывает разным, ибо «консервировать» можно совершенно разные принципы жизни и существования. Поэтому, если говорить о «консерватизме» применительно к нашей стране, то, наверное, более точно было бы использовать термины «традиционный консерватизм» или «русский консерватизм». Хотя, и это необходимо осознавать, между русскими консерваторами всегда велись значительные дискуссии о сущности и принципах их идеологии.

В основе «традиционного консерватизма» лежит не просто принцип сохранения чего-либо, но принцип сохранения жизни во всем ее многообразии, не насаждение унифицированных правил существования и мысли, но «сохранение» мира, как, если

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Аксиологические ориентиры российской цивилизации: историко-политический аспект», шифр FZNF-2023-0005, номер тематики 1023041000044-9-5.6.1).

несколько перефразировать К. Н. Леонтьева, «цветущей сложности»¹. При этом не надо бояться творческого подхода к пониманию сущности консерватизма, т. е. нельзя лишь догматически воспринимать основные положения, предложенные в работах русских мыслителей XIX–XX вв. По сути дела, перед нами сегодня стоит задача разработки нового традиционалистско-консервативного учения.

В этом отношении, следует отталкиваться от главной задачи, которую ставит консервативная идеология: «сохранение» или «хранительство» жизни во всем ее многообразии, во всех ее проявлениях, «чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и не разрушая того, что есть»².

Многолетнее изучение истории русской социально-политической мысли во всем ее объеме и на всем ее историческом протяжении с древности до нашего времени, свидетельствует о том, что тяга к «хранительству» обусловила особенности русского мировосприятия, определившие весь внутренний строй многих сочинений, концептов и идей русской мысли. Следовательно, можно говорить об **идеологии «русского хранительства»**. Поэтому, вполне возможно, термином «**русское хранительство**»³ можно именовать и столь необходимый сегодня нашей стране «новый консерватизм», («разумный консерватизм», «здоровый консерватизм» и др.).

Методология «русского хранительства» дает гораздо более широкие возможности для сохранения этнического и национального многообразия и свободного выбора народами собственного пути развития, но и позволяет им осуществлять свободный интеллектуальный поиск. «Хранительный» подход к исследованию общественных процессов, в противовес либеральным принципам универсализма и индивидуализма, в общих чертах можно свести к следующим положениям:

- признание традиционной религии духовным фундаментом общества;
- предпочтение традиционных форм общественно-политического развития абстрактным универсальным схемам;
- признание значимой роли государства в развитии общества;
- признание традиции важнейшим источником формального права;
- признание приоритета общности над индивидом;
- отстаивание цивилизационной самобытности своего народа (группы народов, близких по своим традициям);
- признание права на свободное историческое развитие любого народа или цивилизации;
- признание идеала свободной, нравственно ответственной перед обществом личности.

Методология «русского хранительства» позволяет сформулировать базисные традиционные ценности российской цивилизации.

¹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 131.

² Страхов Н.Н. Спор об общем образовании // Страхов Н. Н. Избранные труды. М., 2010. С. 40.

³ Концепция «русского хранительства» была предложена заведующим кафедрой русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктором философских наук, профессором М. А. Маслиным, разрабатывается заведующим кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктором политических наук, профессором А. А. Ширинянцем, доктором исторических наук, профессором кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова С. В. Перевезенцевым и их учениками.

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОЛЬШИ (2015-2023 гг.)

Тезис 1. В условиях международно-политического кризиса важную роль играет процесс формирования новых угроз безопасности. Необходимым становится мониторинг таких процессов, что предоставил бы возможность анализировать динамику безопасности на разных уровнях (глобальном, региональном и локальном) и в разных сферах (политической, экономической, военной и др.).

Концептуальной основой мониторинга может выступать теория секьюритизации. Теория обозначает механизм конструирования образа угрозы (не всегда объективно существующей) как в сознании политических элит, так и в сознании народных масс. Данные образы формируют общее понимание, позволяющее рассматривать что-то в качестве экзистенциальной угрозы, ставящей под сомнение дальнейшее существование определенного референтного объекта (например, государства, общества или др.), и позволяющее призывать к незамедлительным и исключительным мерам противодействия этой угрозе (например, объявить войну, направить на решение проблемы некоторые ресурсы и т.д.). Сегодня секьюритизация используется государствами для решения своих внешнеполитических задач.

Однако некоторые аспекты теории секьюритизации нуждаются в доработке. Мы, как и ряд критиков (Д. Биго, Т. Бальзак, М. Макдональд и др.), считаем, что теория секьюритизации, основываясь на теории речевых актов, в полной мере не учитывает влияние многих экстралингвистических факторов на успешность данного процесса. Среди прочего следует отметить слабую проработанность концепта «аудитории»¹ и её взаимодействия с актором секьюритизации, и отсутствие информации о предельной длительности процесса секьюритизации².

Тезис 2. Нами была предпринята попытка проанализировать польский современный политический дискурс с целью выявления секьюритизации России. Секьюритизация России в Польше стала результатом влияния различных факторов. В польском обществе долгое время конструировался образ России как врага и опасности с Востока. Данная модель образа России стала частью геополитической картины мира Польши, и продолжает поддерживаться актуальным политическим дискурсом в стране, что сегодня позволяет польским политикам проводить эффективную секьюритизацию Российской Федерации.

Были проанализированы высказывания польских политиков (Президента, Премьер-министра, Главы МИД, депутатов от ПиС и др.), нацеленные на перенос России из категории «опасности» в категорию «угрозы».

Были выделены два этапа секьюритизации: первый (2015-2021 гг.) – здесь создаются необходимые предпосылки для секьюритизации России. РФ включается в польский политический дискурс, в сознании граждан создается её негативный образ, заявляется о необходимости наблюдения за Россией и её поведением на мировой арене. В политическом дискурсе Россия описывается как «государство-агрессор» и «опасность с Востока». Второй этап (2022-2023 гг.) - осуществление секьюритизации России. Среди главных

¹ Balzacq Thierry. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context, p. 184-186. URL:http://www.guillaumenaicse.com/wp-content/uploads/2014/08/Balzacq_three-faces-of-securitization.pdf (дата обращения 23 сентября 2023)

² Balzacq Thierry. Théories de la sécuritisation, 1989-2018. p.13. URL:https://www.cms.fss.ulaval.ca/recherche/upload/revue_etudesint/fichiers/balzacq_introduction_vol_49_1.pdf (дата обращения 24 сентября 2023)

секьюритизирующих высказываний¹ выделены: «Российская армия может отпраздновать большую победу в Берлине и снова оккупировать часть Германии», «не может быть все как обычно», «мы должны создать в Польше такую военную мощь, чтобы мы могли защитить себя, если на нас нападут».

Тезис 3. Тем не менее секьюритизация России в Польше фиксируется не только на уровне политического дискурса, но и на уровне политических практик. Так, видимыми результатами секьюритизации можно считать увеличение военного контингента НАТО на восточном фланге², обновление программы вооруженных сил³ и увеличение военного бюджета Польши⁴.

Важно, что процесс секьюритизации России в Польше всё еще продолжается, и пока не представляется возможным говорить о перспективе его завершения.

Перов А.С.
(ДонГУ, Донецк)

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С момента образования Донецкой Народной Республики в её истории произошло несколько крупных электоральных событий – от референдума о самоопределении 2014 года до выборов в Народный Совет в сентябре 2023 года. И хотя процесс голосования в ДНР претерпевал некоторые изменения, цель электоральных мероприятий заключалась в легитимизации властных полномочий отдельных политических фигур и групп. К этому выводу можно прийти, проанализировав ход и результаты электоральных событий на территории региона.

Первым электоральным опытом стал вышеупомянутый референдум о самоопределении Донецкой Народной Республики. Голосование проводилось в условиях военно-политического хаоса: только за месяц до даты проведения референдума началась работа по формированию избирательной комиссии, а в отдельных городах голосование началось раньше заявленной даты. На момент 11 мая 2014 года силами ДНР контролировалась далеко не вся территория республики, что существенно снижает показатели явки и ставит под сомнение легитимность проводимого референдума. Этот фактор будет присутствовать во всех выборах в республике.

Процент граждан, поддержавших независимость Донецкой Народной Республики в ходе референдума довольно высок, и, скорее всего, завышен – 89,7% голосов «за». Такую точную цифру объявил тогдашний председатель ЦИК ДНР Роман Лягин спустя всего пару часов после закрытия участков. И это в условиях боевых действий и нарушенной коммуникации между районами подконтрольной республике территории⁵. Но такой характер референдума объясним сложной военно-политической обстановкой – он проводился в период первых шагов становления государственности республики, став, без сомнения, важнейшим из них.

¹ Duda criticizes Scholz and Macron – „Did anyone talk to Hitler like this?“ // Bild.de URL: <https://www.bild.de/politik/international/bild-international/war-in-ukraine-duda-criticizes-scholz-and-macron-did-anyone-talk-to-hitler-like-th-80357486.bild.html> (дата обращения 23 сентября 2023)

² Szopa M. Kaczyński zapowiada duże zakupy i pieniądze na armię. Projekt ustawy o obronie Ojczyzny przyjęty // Defence24.pl URL: <https://defence24.pl/polityka-obronna/kaczynski-dokupimy-bron-z-polki-jesli-bedzie-taka-mozliwosc> (дата обращения 23 сентября 2023)

³ Serwis Rzeczypospolitej Polskiej//gov.pl URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/modernizacja-techniczna-szrp> (дата обращения 23 сентября 2023)

⁴ Budżet MON. URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/budzet-mon> (дата обращения 23 сентября 2023)

⁵ Источник / РИА Новости - Итоги референдума в Донецкой области: 89% за самостоятельность региона. Режим доступа: <https://ria.ru/20140512/1007491897.html>

Аналогична ситуация и с всеобщими выборами в ДНР, проходившими 2 ноября 2014 года. Тогда был впервые избран Глава и Народный Совет новообразованной республики. У кандидатов на пост Главы практически не было агитационной кампании, однако с огромным отрывом в 78% голосов избирателей победил явный лидер Александр Захарченко, обойдя своих технических конкурентов. Похожая ситуация произойдёт в 2018 году, когда с немного более скромным результатом в 60,86 % победит Денис Пушилин.

Иная тенденция наблюдается в проведении парламентских выборов: с каждым созывом дисбаланс распределения мандатов в Народном Совете увеличивается в пользу «партии большинства». Если в 2014 году ОД «Донецкая Республика» получила 68 мест из 100, то в 2018 году их было выделено уже 74. На последних выборах в парламент абсолютное большинство снова получает партия власти: из 90 депутатов нового регионального парламента 74 – члены фракции «Единая Россия». При этом конкуренцию ей составили не технические кандидаты, а федеральные партии с многолетним опытом.

С 2014 года произошли и изменения в отношении руководства к организации процесса голосования. Если в первых электоральных треках республики сохранялись относительно жёсткие стандарты в организации голосования, то последние выборы явно мимикрировали под них. Широко внедрена практика так называемого «голосования на пеньках», растянуты даты голосования в разных районах республики, проигнорированы города, находящиеся под контролем киевских властей. Как и в случае с сентябрьским референдумом 2022 года, граждане могли проголосовать на дому – сотрудники избирательной комиссии совершали поквартирный обход, приглашая жителей принять участие в выборах¹.

Вызывает сомнения и рекордная явка досрочного голосования. Более 44% населения региона проголосовали в этот период. Всего отдали свой голос в ходе выборов в Народный Совет 79,81% избирателей. Такие показатели Председатель Избирательной комиссии ДНР Владимир Высоцкий объясняет колоссальной работой политических партий в период агитации. По его словам, выборы прошли без нарушений. Как региону, в котором продолжаются активные боевые действия, удалось совершить такой сверхудачный дебют в российских выборах без нарушений, остаётся загадкой. Со словами Владимира Высоцкого «Это очень большой результат как для республики, так и для науки» в контексте итогов избирательной кампании невозможно не согласиться.²

Можно сделать вывод, что институт выборов в Донецкой Народной Республике сейчас является по большей части формальным инструментом легитимации политических перестановок в руководстве теперь уже полностью российского региона.

*Петров И.И.
(НИУ ВШЭ, Москва)*

ПАТТЕРНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ СТРАН ЕС НА ДАННЫХ 1990–2023 ГОДОВ

Предмет доклада – факторы, ответственные за различия в траекториях трансформации партийных систем стран ЕС в период 1990-2020-х.

Значительную часть новейшей литературы о партиях объединяет проблема «разморозки» старых партийных систем, начавшейся с возникновения новых партийных семейств в 70-е и вошедшей в полную силу после серии кризисов рубежа 00-10-х. Причины

¹ Источник / Комсомольская правда - Проголосовать на выборах депутатов Народного Совета ДНР можно и на дому. Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/5435883/>

² Источник / Народный Совет Донецкой Народной Республики - Председатель Избирательной комиссии ДНР выступил на первом пленарном заседании парламента I созыва. Режим доступа: <https://dnrsovet.su/predsdatel-izbiratelnoj-komissii-dnr-vystupil-na-pervom-plenarnom-zasedanii-parlamenta-i-sozyva/>

данной трансформации описываются исследователями преимущественно в контексте теории постиндустриального сдвига, однако конкретные составляющие трансформации находятся в центре дебатов. Так, двигателем перемен именуется: глобальный ценностный сдвиг (Инглхарт и Норрис), упадок классовой и религиозной идентичности на фоне картелизации партий (Кац и Мейер, Далтон), поляризирующий эффект глобализации (Китшельт и Релм), либо несколько описанных причин в контексте процесса евроинтеграции (Хаттер и Кризи, Хоге и Маркс).

В данном докладе демонстрируются результаты исследования, целью которого было выявление паттернов (схожих траекторий) трансформации партийных систем в 25 странах ЕС. Дополнительной целью стал также поиск факторов, ответственных за расхождение траекторий. Методология работы базировалась на анализе индексов позиционирования партий Project Manifesto и Chapel Hill Expert Survey и на проведении страновых кейс-стади.

Главный вывод исследования состоит в констатации определяющей роли типа политической системы по Лейпхарту – консенсусного или мажоритарно-поляризованного, – в процессе формирования паттерна трансформации: если в коалиционно-ориентированных системах партийный спектр в 1990-2020 плавно расширялся за счет новых семейств, дрейфуя в сторону роста фрагментации, то по мере роста поляризации на уровне размежеваний или институтов процесс изменений делался более драматическим, повышая риск замещения старых партий и силу популизма.

В посткоммунистических странах, при этом, было обнаружено следование собственному паттерну, связанному с гибкостью размежеваний и высокой волатильностью: новое размежевание в них встраивалось в имеющуюся конфигурацию, ведя к росту фрагментации после ее сокращения в 00-е, но не вводя новые типы партий в политику.

Также отдельную группу составили страны, сохранившие старую структуру размежеваний, вопреки переменам, что было связано либо с их сравнительно низким уровнем развития, либо с центральной ролью этно-территориального размежевания.

В итоге нами были выделены четыре паттерна трансформации:

1. Поляризованный с жесткой трансформацией (Франция и Италия, частично Греция и Испания);
2. Консенсусный с мягкой трансформацией (Дания и Нидерланды, менее выражено – Германия, Австрия, Швеция);
3. Посткоммунистический, включая подтип с доминантной партией;
4. С сохранением старой системы размежеваний (Бельгия, Финляндия, Ирландия, Португалия, Эстония, Хорватия, частично Греция).

Кейс Великобритании при этом выступил исключением, описываемым через сильнейшее влияние институционального фактора, но не структуры размежеваний.

Петросян Ф.А.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

СЕКТОРАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сегодняшняя геополитическая турбулентность приводит к определенным последствиям во многих частях мира. Это в том числе касается Арктики, где проходит единственная морская граница между Россией и США, а также сосредоточены интересы не только арктических государств, недружественных России, но также и иных акторов.

Текущий основной формат арктического сотрудничества базируется на очевидных географических принципах. Арктический совет состоит исключительно из государств, которые прямо выходят к Северному Ледовитому океану, либо имеют территорию за

Северным Полярным кругом. Тем не менее, фактическая остановка деятельности данной организации, а также Совета Баренц / Евроарктического региона фактически приводят не только к постепенному демонтажу текущих форматов сотрудничества в Арктике, но также задают тон для формирования новых путей взаимодействия.

Среди участников и наблюдателей Арктического совета только два государства не имеют статус недружественных для России – это Индия и Китай. Представленные страны имеют свои арктические стратегии, каждая из которых сфокусирована на свой ряд задач. Тем не менее, в целом оба документа отличаются от европейских аналогов – несмотря на декларируемую приверженность общемировой повестке устойчивого развития и сохранения экологического многообразия, Индия и Китай фактически в большей степени сосредоточены на получении экономических преимуществ в виде разработки полезных ископаемых, а также использовании транспортных маршрутов через акваторию Северного Ледовитого океана. Аналогичные интересы присутствуют и у других государств Азии – например, у Южной Кореи и Японии. Однако указанные страны являются недружественными для России, так как придерживаются санкционной политики в отношении РФ.

Исходя из этого, предполагается, что Россия может продолжать развитие международного сотрудничества в Арктике – с учетом специфики текущего момента. Важно, что Китай и Индия не показывают стремления по формированию новых институтов в Арктическом регионе, продолжая свое присутствие в Арктическом совете. Таким образом, можно сделать вывод, что институционализация западных форматов арктического сотрудничества имеет неопределенную перспективу. Взаимодействие можно выстроить в двухсторонних форматах – прежде всего, по интересующим сторонам сферам.

Институты сотрудничества с участием западных государств, предположительно, останутся в большей степени нецелесообразными для участия в них России в ближайшее время. Однако решение значительного количества проблем Арктики не представляется возможным без задействования ресурсов всех участников арктического диалога. Так, проблемы экологии и устойчивого развития не являются приоритетными задачами для неарктических государств, однако остаются крайне важными для арктических стран, которые напрямую испытывают последствия изменения климата и загрязнения окружающей среды. В связи с этим, рассматривается возможность продолжения взаимодействия России с недружественными арктическими государствами в рамках решения экологических и гуманитарных проблем региона.

Таким образом, предполагается, что в Арктике может быть реализован сценарий многостороннего секторального сотрудничества в формате «Запад – Россия – Восток», который будет подразумевать раздельное взаимодействие сторон в различных сферах. Россия может получить возможность реализовывать значительную часть сфер своей арктической политики – однако в сотрудничестве с разными странами. Несмотря на отсутствие общего вектора политики акторов Арктического региона, можно предположить, что именно такой путь даст возможность сохранить конструктивное арктическое сотрудничество в условиях современной геополитической турбулентности.

Петросянц Д.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ТРАНСФОРМАЦИИ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЦИФРОВОМ МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Современный мир предполагает изменения и трансформации во всех сферах человеческой жизни и деятельности. Классический университет оказывается вовлечен в рамках образовательной и иных своих миссий в мощные информационные потоки и

системы обработки больших объемов информации, в том числе и не структурированных данных, применение нейро-сетей, использование инструментов, основанных на искусственном интеллекте (ИИ), что предполагает более быстрые, и порой смелые на первый взгляд, схемы смены приоритетов при выстраивании учебного и научно-исследовательского процессов в высшей школе.

Университеты ожидают ряд изменений в ближайшем будущем, и многие из них уже сейчас происходят. Вот только некоторые ключевые тенденции.

1. Дистанционное обучение и онлайн-образование: под воздействием технологических инноваций и событий, таких как пандемия COVID-19, дистанционное обучение становится все более распространенным. Университеты предоставляют больше онлайн-курсов и программ, что делает образование доступным для широкой аудитории и позволяет студентам гибко учиться из дома (edtech, MOOC).
2. Адаптивное обучение: технологии искусственного интеллекта используются для создания адаптивных образовательных платформ, которые могут персонализировать учебный опыт для каждого студента, учитывая его потребности и уровень знаний.
3. Обучение в реальном времени: виртуальные классы и видеоконференции позволяют студентам и преподавателям взаимодействовать в реальном времени независимо от их местоположения.
4. Укрепление акцента на навыки: Работодатели все больше ценят практические навыки и готовность к рынку труда. Университеты будут стараться внедрять в учебные планы программы, которые развивают навыки, необходимые для успешной карьеры.
5. Гибридные модели обучения: возможно, ещё какое-то время будут продолжаться сосуществовать гибридные модели обучения, сочетающие в себе как онлайн-курсы, так и традиционные классы в университете.
6. Исследования и развитие: университеты будут продолжать играть важную роль в исследованиях и разработках, сотрудничая с индустрией (бизнесом) и властями.
7. Конкуренция от онлайн-платформ и курсов: онлайн-образовательные платформы и курсы могут представлять конкуренцию для традиционных университетов. Однако классические университеты остаются востребованными благодаря возможности получения степени и углубленному исследованию.
8. Адаптация к изменениям: университеты, чтобы оставаться конкурентоспособными, будут вынуждены адаптироваться к меняющимся условиям и потребностям студентов.

Таким образом, классические университеты должны смотреть в будущее с учетом технологических изменений и требований образовательной среды, при этом, они пока продолжают занимать своё законное место в системе высшего образования, стремясь не отстать от времени и не потеряться в конкурентном поле. А сегодня им на пятки наступают он-лайн платформы и компании ed-tech (национальная платформа «Открытое образование», Coursera, SkillBox, SkillFactory, Lingualeo, GeekBrains и многие другие), продвижение ДПО и ДО, корпоративные университеты (Сбербанк, РосНано, Академия РосТех) и т.п. Много будет зависть от того, как мы в процессе преподавания сумеем реализовать такие ресурсы как время, информационные объемы и потоки, и постараемся не потерять темп на менее актуальном и второстепенном. Поэтому максимально важно, как мы будем потреблять и использовать информацию, и где в этой схеме сумеем воспользоваться помощью и подсказками ИИ. Не ИИ заменит людей, а люди, использующие ИИ, заменят людей, которые не умеют/не хотят/не могут его использовать и применять.

ОБРАЗ СТРАНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ В 2023: ОСОЗНАВАЕМЫЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ

Образ страны в текущей политической обстановке привлекает повышенное внимание как исследователей, так политических деятелей и СМИ. События последних лет усилили интерес общества к проблеме восприятия России как внутри страны, так и за рубежом. На разных площадках идет активное обсуждение представлений граждан о своем государстве, его месте в мире, «друзей» и «врагов» России, а также вопросы национально-государственной идентичности, национальных символов, готовности граждан поддерживать государственные решения и многие другие.

Такое внимание к восприятию страны не случайно. Образ страны является фоном, на котором происходит восприятие текущих событий, явлений, действий и решений. В образе страны отражаются базовые установки, которые с течением времени меняются мало и создают фундамент для стабильности и определяют то, как будет протекать те или иные процессы. Понимание того, какие из этих элементов одержат верх в массовом сознании на тот или иной момент времени, как происходит процесс усвоения новых идей и символов, и почему одни становятся значимыми, а другие отходят на второй план, почему одни решения получают поддержку, а другие встречают яростное сопротивление - является важной как исследовательской, так и практической задачей.

С 2009 по 2023 года на кафедре социологии и психологии политики факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проводилось масштабное политико-психологическое исследование посвященное изучению представлений о России как российских граждан, так и граждан других стран. Эти исследования показывают, что образ страны является сложным и многомерным феноменом, в котором соединяются представления или «субобразы» – например, представления о народе, о территории, об истории, отдельных личностях - политиках, деятелях культуры, спорта, науки и т.д.

В ходе исследований была разработана авторская методология и проведены эмпирические исследования, в ходе которых были использованы различные методы, позволяющие проанализировать образы страны как на рациональном, так и на бессознательном уровне восприятия. В ходе исследований были проведены глубинные интервью, которые содержали как закрытые, так и открытые вопросы, которые затем обрабатывались и кодировались по специальной методике. А также для изучения бессознательных аспектов восприятия применялись проективные методики, такие как метод неоконченных предложений, ассоциативные методы и проективные рисуночные тесты. В результате был собран большой массив информации качественного характера, которые позволяют не только проанализировать существующие в современном обществе представления о стране, но и выявить глубинные слои восприятия, которые содержат такие формы как символы и архетипы, которые помогают глубже понять механизмы, которые влияют на конечные мнения и поведения граждан.

В докладе мы остановимся на данных, полученных в ходе замеров, проведенных весной и осенью 2023 года. Данные предыдущих замеров позволяют оценить динамику образа и выделить устойчивые и изменчивые аспекты образа страны.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Развитие информационных и коммуникационных технологий в России способствует внедрению новых принципов взаимодействия государства и общества. Главная цель подобных преобразований – достижение необходимого уровня открытости для населения информации органов федерального, регионального и местного управлений. Эксперты отмечают, что вовлечение граждан в процессы государственного управления оказывают позитивное воздействие на все сферы государственной деятельности.

В настоящее время многие российские эксперты активно занимаются анализом государственных порталов органов власти с целью поиска решений существующих проблем в организации обратной связи с населением. В научной среде подобные виды управления называются «электронное правительство». Данным термином обозначаются методы, позволяющие всем гражданам России принимать активное участие в принятии важных государственных решений.

Электронное правительство на сегодняшний день является одним из главных инструментов, позволяющим взаимодействовать правительству и гражданам посредством использования информационных технологий. Это способствует повышению участия граждан в выборах, делает доступными и прозрачными их итоги, формирует основу для получения гражданами и организациями государственных услуг. Внедрение информационных технологий в государственное управление повышает эффективность принимаемых решений.

Разработка инновационных механизмов работы электронного правительства является одной из главных целей специалистов в области компьютеризации, так как это способствует улучшению взаимодействия с гражданами и содействию в развитии новейших технологий. Публичное управление в свою очередь занимается решением вопросов по обеспечению сотрудничества между государственными структурами и обществом.

С развитием транснациональных и различных IT компаний изменения претерпела не только экономическая, но и социальная сфера. Многие негосударственные организации принимают непосредственное участие в оптимизации социально-политической деятельности государства и общества в целом. Эти структуры оказывают прямое влияние на существенные изменения в функционировании властных институтов, а также на укрепление взаимодействия между всеми институтами гражданского общества.

Процесс глобализации оказал особое влияние в обществе, став одним из главных инструментов вовлечения граждан в гражданско-правовые процессы государственного и местного масштабов. Сетевое взаимодействие предоставляет каждому пользователю возможность проявления и удовлетворения потребностей в вопросах социально-политической жизни. Социальные сети позволяют гражданам беспрепятственно обращаться в государственные структуры по разным вопросам, проводить публичные дискуссии по тем или иным вопросам, обмениваться предложениями, создавать виртуальные сообщества по общим интересам.

Подобный вид взаимодействия обеспечивает высокий уровень интенсивности обмена информацией. В итоге все участники общественно-политических процессов активнее принимают участие в решении различных социально-политических вопросов. Поэтому популярностью стали пользоваться электронные платформы, позволяющие пользователям обращаться с просьбами и жалобами, принимать участие в онлайн-голосованиях.

Вместе с тем, существует ряд проблем, связанных с недоверием граждан к цифровым средствам коммуникации и конфиденциальностью данных. Одной из основных проблем для России является различие в технологической и цифровой обеспеченности регионов. Развитие электронного правительства с помощью Интернет-сетей позволяет вносить значительные улучшения не только в качество предоставляемых обществу услуг, но и в повышении эффективности организации обратной связи. Несмотря на существенные достижения в сфере цифровизации, данный процесс в отдельных субъектах РФ замедлен, что препятствует достижению одинакового уровня технической обеспеченности общества.

Вышеизложенное дает веские основы полагать, что электронное правительство является эффективным способом улучшения деятельности органов государственной власти и повышения уровня заинтересованности граждан в государственном управлении посредством электронного взаимодействия.

*Подшибякина Т.А.
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ РИСКОВ: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ¹

В настоящее время накоплен большой объем исследований по проблемам общества риска, даже ставится вопрос о создании самостоятельной науки, изучающей управление угрозами и рисками. Достигнут консенсус в понимании термина «управление рисками», подразумевающий перевод основных принципов управления в принятие решений, связанных с рисками. Большинство концепций управления рисками основаны на теориях неопределенности (Ф. Найт). Постепенно обособилось направление, изучающее проблемы манипулирования рисками. Общей тенденцией становится стремление к разработке комплексного, междисциплинарного подхода к управлению рисками (П. Селлке, О. Ренн). Большой вклад в исследование практических проблем внесено Международным советом по управлению рисками (IRGC), предлагающим комплексные средства интеграции идентификации рисков, оценки, управления и информирования.

Когнитивный поворот в социальных науках стимулировал изучение восприятия как когнитивного процесса (В. Беннетт). Исследования ведутся в нескольких направлениях. П. Слович, Б. Фишхофф и С. Лихтенштейн когнитивные процессы рассматривают в контексте принятия решений и установления личностного контроля над уровнем риска. В. Брун изучает когнитивные компоненты восприятия риска. Э.А. Роза, Н. Мацуда, Р.Р. Кляйнхесселинк предложили концепцию когнитивной архитектуры межкультурного восприятия риска. Й. Эдер разработал «теорию когнитивной рецепции», которая использует концепции когнитивной науки, чтобы установить, как понимаются тексты или нарративы. В России проблему необходимости поиска когнитивных средств, позволяющих учитывать факторы неопределенности, одним из первых поставил А. П. Альгин в своей концепции риска, изложенной в работе «Риск и его роль в общественной жизни». В целом данное научное направление только формируется и нет консенсуса по основным теоретическим вопросам.

Исследователями предложено несколько моделей механизма управления рисками: когнитивные модели (Г. Винч, Ю. Майторена.), модели восприятия риска на основе психометрических характеристик (Э. Роза, Н. Мацуда, Р. Кляйнхесселинк), рефлексивно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»).

игровые модели (С.А. Баркалов). Достаточно распространены ментальные модели конструирования восприятия рисков (А. Майер, Т. Шелли, Т. Кирикос, М. Герц).

В политической науке недостаточно проработано направление исследований управления восприятием рисков с позиций когнитивного подхода, в частности, практически не исследован его когнитивно-идеологический механизм. Общей методологической проблемой является поиск валидных комбинированных методов, позволяющих одновременно исследовать и рациональные, и эмоциональные механизмы восприятия рисков. Другой методологической проблемой можно назвать использование эмпирических социологических методов для исследования ментальных процессов.

Разработка когнитивно-нарратологической концепции восприятия рисков и соответствующей методологии расширит возможности исследования имплицитных ментальных процессов индивидуального и группового сознания. Это также заполнит неисследованную лакуну в когнитивной нарратологии и политической науке, относящуюся к идеологической сфере. Вопрос о когнитивной природе идеологии, о содержании и структуре этой природы, остается одной из трудноразрешимых проблем. Идеологии могут рассматриваться как предикторы восприятия риска, что позволяет построить динамическую когнитивно-идеологическую модель управления восприятием рисков.

Когнитивный подход, применяемый в исследовании восприятия рисков, позволит разработать новые когнитивные технологии риск-рецепции и предложить соответствующие рекомендации по их использованию в идеологических и политических практиках.

Полунин К.А.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: НОВЫЕ ФОРМАТЫ ИЗМЕНЕНИЙ. АКТИВИЗАЦИЯ РОЛИ БРИКС НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ. ИТОГИ 15-ГО САММИТА В ЮАР

БРИКС был создан в 2009 году как экономический блок наиболее быстрорастущих стран, а именно Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. В настоящее время БРИКС позиционирует себя в качестве экономического блока и альтернативы «Большой семерке». В то время как «Большая семерка» отождествляется с развитым западным миром и Севером, БРИКС представляет собой незападный мир и Глобальный Юг [1].

В 2022 году на страны БРИКС обеспечивали более 32% ВВП мировой экономики, 18% мировой торговли, участники блока привлекли 25% глобальных прямых иностранных инвестиций и на их долю приходилось около 40% населения мира. Помимо этого, страны изобилуют стратегическими природными ресурсами и обладают самым большим биоразнообразием на планете. Растущая значимость государств БРИКС в мировой экономике открывает путь к многополярной эпохе и в значительной степени оказывает существенное влияние на характер сегодняшней глобальной экономики и современного мира в целом. Особую актуальность данная проблематика приобрела по результатам 15 саммита, состоявшегося в южноафриканском городе Йоханнесбурге в конце августа 2023 года. Исследователи единодушны во мнении, что этот саммит привлек беспрецедентный международный интерес из-за геополитического контекста растущей конкуренции между США и Китаем, балансирующих действий Глобального Юга и перехода к многополярному порядку, который бросает вызов доминированию Запада.

В научно-экспертной среде сложилась стойкая убежденность, что реформа международной системы назрела давно. Эта система является пережитком эпохи после Второй мировой войны и является в большинстве своем несправедливой и непередставительной. Кроме того, активно ведущаяся на Западе дискуссия о будущем

многосторонних отношений не учитывает интересы и ожидания стран Глобального Юга [2]. На этом фоне сформулированное на саммите в ЮАР предложение о расширении БРИКС и приглашение Аргентины, Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ присоединиться к группе 1 января 2024 г. имеет большое символическое значение. В целом следует отметить, что перед саммитом 40 стран выразили заинтересованность во вступлении в группу, и более 20 подали официальные заявки.

По мнению автора, можно обозначить три группы факторов, которые способствовали тому, что расширение БРИКС получило ускорение: во-первых, нарастание интенсивности противостояния между Востоком и Западом; во-вторых, углубление сотрудничества «БРИКС плюс»; в-третьих, формулировка требований о включении в блок «узловых» стран «с явными национальными преимуществами и очевидными выгодами расположения».

Подводя итоги 15-го саммита в ЮАР, можно сформулировать следующие ключевые положения.

1. Членство шести стран приглашенных стран, несомненно, увеличит сферу влияния БРИКС во всем мире и кардинально изменит глобальный баланс сил. Связано это с тем, что эти приглашенные государства очень значимы для современного мирового порядка. Аргентина является второй по величине экономикой страной в Южной Америке. Эфиопия — крупнейший игрок на Африканском Роге и единственная неколонизированная страна на континенте. Иран является одним из главных игроков на Ближнем Востоке и стойкой антизападной страной. Три арабских государства, а именно Египет, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты - наиболее важные политические, военные и экономические державы в арабском мире.

2. Приглашение новых членов следует рассматривать как послание западному миру, поскольку некоторые из этих стран, такие как Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет, являются традиционными партнерами Запада. Более того, интересно, что решение о расширении стран БРИКС было принято в то время, когда альянс НАТО расширился в результате украинского конфликта, возникшего в начале 2022 года.

3. Подтверждение о стремлении к созданию альтернативной финансовой системы усиливает позиции БРИКС на мировой арене. Данный шаг является свидетельством того, что развивающиеся экономики не хотят полагаться на доллар США. Помимо угрозы санкций со стороны США, чрезмерная зависимость от доллара в торговле или погашении долгов дорого обходится странам, когда его стоимость растет. Кроме того, данная инициатива может усилить рычаги воздействия развивающихся стран, выступающих в качестве «дополнительного инструмента» при принятии важных решений о финансировании развития и роли таких институтов, как МВФ, Всемирный банк.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, отметим, что итоги 15-го саммита в ЮАР свидетельствуют о том, что БРИКС может стать реальной альтернативой западной экономической системе и геополитической гегемонии однополярного мира.

Литература

1. Gouvea, R. and Gutierrez, M. BRICS Plus: A New Global Economic Paradigm in the Making? // *Modern Economy*. 2023. № 14. Pp. 539-550.
2. Westhuizen V. Where angels would have feared to tread: Reformists, Revisionists and the 2023 BRICS Summit // *Occasional Paper*. 2023. №2.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ИСПАНИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Международные инициативы Испании по регулированию миграционных потоков в условиях кризиса направлены на создание устойчивых и справедливых механизмов управления миграцией, с учетом прав и потребностей мигрантов.

Испания имеет большой опыт в контексте миграционных кризисов, поэтому часто инициативы Королевства не похожи на стандартные решения Европейского союза. В 2021 году Испания выпустила официальное положение Генерального директората программ международной защиты и гуманитарной помощи (MINISTERIO DE INCLUSIÓN, SEGURIDAD SOCIAL Y MIGRACIONES, 2021). Положение включает в себя выделение грантов на мероприятия, связанные с помощью мигрантам в поисках жилья, социального обеспечения, а также помощи в восстановлении прав человека. Важность данной инициативы в том, что она касается не только граждан пребывающих в Испании на правах беженцев, но и всего Европейского союза, так как спонсором данной программы являются финансовые фонды ЕС. Также одним из решений является развитие общего профессионального сообщества по вопросам безопасности с третьими странами (Sergio Carrera, Jean-Pierre Cassarino, Nora El Qadim, Mehdi Lahlou, Leonhard den Hertog. EU-Morocco Cooperation on Readmission, Borders and Protection: A model to follow?. 2016). Испания является транзитным узлом для беженцев из стран северной Африки, поэтому соглашения Королевства в основном касаются именно этих государств. Один из основных договоров был заключен с Марокко, которая тоже является транзитным узлом для стран, находящихся южнее Сахары, во время начала миграционного кризиса в Европе. Соглашение включает в себя сотрудничество в области пограничного надзора. Договор соответствует миграционной политике Марокко, которая была принята в 2013 году. Принцип регулирования включает в себя контроль за институциональными структурами по вопросам миграции, также за своевременным предоставлением убежища. Важной также выделяется борьба с торговлей людьми. Соответственно, данное соглашение дает возможность третьим странам участвовать и регулировать миграционные потоки, подходящие к границам Европейского союза, тем самым уменьшается поток беженцев, пересекающих границы стран еврозоны. Помимо двустороннего договора, который призывает страны ЕС к сотрудничеству со странами-поставщиками мигрантов, у Испании есть африканский план, который был составлен в 2019 году (José Ignacio Torreblanca, Shoshana Fine. Border games: Has Spain found an answer to the populist challenge on migration? 3 september 2019).

Проанализировав международные инициативы и программы, которые имплементируются Королевством Испания в контексте миграционного кризиса, можно сделать вывод о том, что данные шаги направлены на стабилизацию миграционных потоков и улучшения положения мигрантов как Иберийском полуострове, так и на территории всего Европейского союза. Однако, данные инициативы нуждаются в поддержке не только Испанского правительства, но и правительств Европейских держав, что поможет решить последствия миграционного кризиса и облегчить загруженность миграционных путей. Благодаря соглашениям со странами Африки Европейский союз в перспективе сможет наладить круговую миграцию, которая не только уменьшит влияние увеличения мигрантов на территории ЕС, но и установит новую реальность с мобильным населением. Благодаря инициативам Испании страны еврозоны увеличат свою привлекательность на мировой арене, а также обретут новых экономических партнеров.

СПЛОЧЕННОСТЬ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ¹

Одним из наиболее перспективных направлений исследования деятельности парламентов и парламентариев является раскрытие вопросов сплоченности (cohesive) и поляризации (polarization) политических сил. Классическое определение партийной сплоченности звучит как «степень, в которой в данной ситуации можно оценить совместную деятельность членов группы для достижения цели группы одним и тем же способом»². С поляризацией немного сложнее, но и здесь есть традиционное определение, подчеркивающее расхождение позиций между партиями и индивидами по какому-либо политическому измерению.³

В исследованиях партийной и идеологической поляризации, как и в исследованиях поведения парламентариев, ученые долгое время ориентировались на результаты поименного голосования, поскольку голоса четко связаны с результатами политики, легко поддаются измерению и дают множество данных для отдельных представителей. Однако поименное голосование в ряде случаев не способно показать уровень сплоченности или поляризации, поскольку при высоком уровне партийной дисциплины политические (или конкретнее идеологические) позиции уходят на второй план.

Описанную выше проблему при исследовании поведения парламентариев можно решить, если о степени поляризации исследователи будут судить не только или не столько по делам (например, голосованию, официальной позиции структур и институций, внесенным поправкам и т.д.)⁴, а по словам во время дискуссии, которые могут показать глубину расхождения взглядов независимо от формально занимаемой должности или позиции говорящего. В этой связи предлагается изучать уровень поляризации через анализ конструирования дискурсивных сообществ, которые формируются в ходе обсуждения конкретных инициатив в парламенте.

Поскольку для обоснования и легитимации политического курса часто требуются альтернативные точки зрения⁵, то формируемые в каждом конкретном случае дискурсивные сообщества (или коалиции поддержки) парламентариев, высказывающихся по поводу инициативы, формируются в определенных условиях, которые можно считать постоянными:

1. у парламентариев есть ограничители в виде существующих институтов, влияющих на позицию выступающих (должность, партийность, регламенты и т.д.);
2. у парламентариев есть необходимость дистанцироваться от позиции политических конкурентов (представителей власти-оппозиции), чтобы подчеркивать свои различия и отличительные черты для внешних акторов (в первую очередь избирателей).

При соблюдении описанных выше условий возможности определения поляризации (и ее уровня) парламентариев и их сплоченности ограничен и лежит в первую очередь в оценке категорий (концептов), которые формируются в процессе дискурсивного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00201, <https://rscf.ru/project/22-78-00201/>

² *Ozbudun E.* Party Cohesion in Western Democracies: A Causal Analysis. Beverly Hills: Sage, 1970.

³ *Fiorina M.P., Abrams S.J.* Political polarization in the American public // *Annual Review of Political Science.* 2008. N 11(1), P. 563–588.

⁴ *Le Foulon M.* Cooperation and polarization in a Presidential Congress: Policy networks in the Chilean Lower House 2006–2017 // *Politics.* 2020. T. 40. N 2. P. 227–244.

⁵ *Мясников С.А.* Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений // *Политическая наука.* 2019. № 3. С. 222–235. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>

взаимодействия. В итоге поляризацию политических позиций парламентариев можно определить:

- по принципу соприкосновения или расхождения концептов, категорий или топосов, присутствующих в аргументах выступающих;
- по отношению к высказываемым концептам, категориям или топосам.

Таким образом, поляризация позиций парламентариев может оказаться не такой уж и непримиримой, если они используют одни и те же концепты, различаясь лишь в отношении к ним (поддерживает, выступает против, занимает нейтральную позицию).

В связи с вышеизложенным можно отметить, что для изучения политической сплоченности и поляризации в парламенте перспективно выглядит отход от классических «институциональных» конструкций в исследовании в пользу дискурсивных.

Попадьева Т.И.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

«БАЛКАНИЗАЦИЯ» НАУЧНОГО ДИСКУРСА: ОТ МЕТАФОРЫ ДО КОНФЛИКТА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Балканизация – метафора, описывающая фрагментацию политической общности в ситуации конфликта. В современном общественно-научном дискурсе она, однако, трактуется шире и подразумевает расщепление единого целого, его распад на части. Так, с помощью балканизации могут описываться изменения правовой системы (балканизация уголовного права), миграционные потоки (демографическая балканизация) медицинская практика (балканизация молекулярного), кризис природных ресурсов (климатическая балканизация), процессы в интернет-пространстве (балканизация Сети/«Сплинтернет»).

Балканизация является топонимическим эпонимом от названия полуострова – Балканы, где в XIX – начале XX века происходил распад Османской и позднее Австро-Венгерской империй с образованием новых независимых государств. В русском языке существует целая семья понятий, образованных по подобной модели (название страны/территории + суффикс, указывающий на процессуальность): американизация, бразилизация, финляндизация, украинизация, европеизация, ирландизация и др. Интересно, что в некоторых случаях эпонимические номинации приближаются к типу нейтральных терминов (например, ирландизация – распространение ирландского влияния в различных сферах жизни, или европеизация в значении распространения норм и стандартов ЕС за пределами его границ), однако есть примеры, когда топонимические эпонимы дистанцируются от исходного понятия, трактуя какую-либо особенность страны/территории в обобщенно негативном ключе: например, при использовании термина «бразилизация» речь идет уже не о Бразилии, а указывается на глубокое социально-экономическое расслоение любого общества и сопровождающую его конфликтность.

В течение XX века понятие «балканизация» использовалось политологами для усиления негативных оценок при описании причин и последствий таких политических феноменов, как национализм, борьба за независимость, империализм и антиколониализм. Однако, несмотря на широкую палитру кейсов, для которых ученые и журналисты использовали метафору балканизации, понятие всегда воспринималось в привязке к демоническому образу Балкан, что лишь усугубилось с распадом Югославии и обострением этнополитической конфликтности в регионе. Так, происходящие на Балканском полуострове сегодня процессы используются для дискредитации идентичности балканских народов: через стереотипизацию и клеймение обесценивается коллективная балканская идентичность так, что балканизация не мыслится в отрыве от людей, проживающих на Балканах, и звучит как угроза повторения балканского сценария для других территорий.

Развитие дискурса дегуманизации «балканизирующихся» сообществ встречается и в культуре, в частности, в кинематографе: ряд художественных фильмов, посвященных распаду Югославии, демонизирует одну из сторон конфликта (в зависимости от симпатий страны-производителя). Достаточно вспомнить здесь американские фильмы «Добро пожаловать в Сараево» (1997), «В краю крови и меда» (2011), снятые в сотрудничестве с балканскими странами европейские фильмы «Ничья земля» (2001), «Куда ты идешь, Аида?» (2020), российский фильм «Балканский рубеж» (2019). Через культуру балканизация легитимизирует любое внешнее вмешательство, в том числе вооруженное, когда третьи страны стремятся изменить границы того или иного региона, руководствуясь своими национальными интересами.

На современном этапе в отечественной и зарубежной политической науке балканизация трактуется через этносимволическую рамку как конфликт, приводящий к краху национальных государств, в результате чего на этнической, культурной или религиозной основе образуются новые, враждебные друг другу политии. Внутри этих стран в условиях внутренней дестабилизации также нарастают конфликты идентичностей, которые могут грозить дальнейшим распадом (примером является Босния и Герцеговина, но также Молдова, Украина). Так, в современном отечественном и зарубежном дискурсе термин «балканизация» употребляется в значении дамоклова меча, угрожающего государственной целостности и определяющего инструментарий политики идентичности в отношении определенных этнических, религиозных или культурных групп внутри государства, а также методы борьбы с влиянием внешнего «Другого».

Таким образом, использование балканизации в научных текстах ведет к политизации исследовательского инструментария, когда эмоционально окрашенный термин, не имея однозначности в пределах своего терминологического поля и стилистической нейтральности, способствует не приращению нового объективного знания, а его «балканизации».

*Попова О.В.
(СПбГУ, ИНИОН РАН, Санкт-Петербург)*

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ¹

В последние годы мы наблюдаем фактический демонтаж либерально-демократической модели мира во главе с США, смену в перспективе ее глобальной монополии на полицентричную модель мироустройства. Но рушится не только статусная позиция США и установившийся в начале 1990-х годов моноцентрический мир с «демиургом» в лице этого государства. К наиболее существенным факторам, сопровождающим фактическое разрушение сложившейся к середине XX века модели международных отношений и изменение роли различных государств, относятся, безусловно, начало СВО, отказ от статуса нейтральных государств с вступлением в военно-политический союз НАТО Финляндии и Швеции, неизбежно влекущий за собой новые миграционные потоки энергетический и продовольственный кризис в ряде государств, «пробивание» политической изоляции Ирана и его вступление в ШОС («Шанхайская организация сотрудничества»), расширение БРИКС, резкое обострение арабо-израильских отношений.

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта N 123091200068-4 «Государственная политика идентичности в условиях современных геополитических вызовов».

Активно развивавшаяся в последние 12-13 лет новая «холодная война» в отношении России, спецификой которой стало отсутствие принятых противоборствующими сторонами правил и разграничения сфер, в которых она велась, сменилась фактически консолидированными конфронтационными действиями «единого Запада» против нашего государства. При этом война имеет прокси-характер — ведется на чужой территории и чужими руками. Инфраструктура войны приблизилась к границам России, страны НАТО соседствуют с ней, более нет зоны «буферных государств». Параллельно ведутся «войны памяти» (навешивание «ярлыков», замалчивание, а то и прямое искажение, фальсификация фактов истории). В этих условиях государственная политика идентичности практически в любой стране мира не может не трансформироваться.

Проведенные в сентябре-октябре экспертные нестандартизованные интервью с двадцатью ведущими российскими учеными, специализирующимися в области политической идентичности и политики идентичности, показали, что наиболее важными моментами для фокусировки изучения данной тематики являются определенное расхождение научного и политико-практического дискурса, касающегося представлений об этапах становления государственной политики идентичности, наличии/отсутствии конкурентных моделей со стороны политической контрэлиты или интеллектуальной элиты, значимости основных направлений, критериях ее эффективности. По мнению ряда экспертов, в значительной части современных государств отсутствует консенсус по поводу моделей государственной политики идентичности, что может отражать как внутриэлитный раскол, так и сдвиги в характере политического режима. При декларации в качестве основной цели формирования государственно-гражданской (используется также термин «национально-государственная») идентичности, а объекта воздействия — всего населения страны, в реальности политические проекты часто нацелены на укрепление прежде всего лояльности граждан, концентрации на программах преимущественно патриотического воспитания, использовании медиаторов, которые коммуницируют с достаточно узкой аудиторией. Одной из основных задач и показателей эффективности реализации проектов политико-административная элита, определяющая стратегию государственной политики идентичности, считает обеспечение максимальной политической стабильности, в то время как для населения исключительно значимо проявление в действиях государства как именно социального.

Некоторые эксперты считают, что далеко не во всех государствах политическая элита осознает значимость предложения общественному мнению не некоего абстрактного, а максимально конкретизированного образа «своего» государства; подчас камнем преткновения становится то, что элита опрометчиво сосредоточивается на теме «золотого века» государства в прошлом. Неоднозначной для трансляции в публичное пространство является тема страданий и наличие тяжелых периодов в истории страны; консолидация политических позиций вокруг этих вопросов осуществляется обычно достаточно легко, однако для движения вперед необходим конструктивный проект, тема, которая является в равной степени значимой для самых разных слоев общества. Политико-административной элите необходимо наряду с соблюдением темпорального баланса между различными историческими эпохами обеспечить воспроизводство конвенциональной модели политики памяти и сопутствующих ей исторических нарративов. Выбор этноцентрической модели государственной политики идентичности чреват высокими рисками неравенства различных национальностей.

ПОДХОДЫ К ВОСПРИЯТИЮ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Считается, что бюрократия в России признается во многом как историческая категория в классическом понимании этого термина и сформировалась ко времени становления абсолютизма, получив колоссальный импульс реформами Петра I. С начала 2000-х иной подход к изучению государства и его структур предлагают исследователи в области политической психологии. В частности, крупные исследования в России проводились исследователями в области социологии и психологии политики с позиции изучения стереотипов, образов и проблем восприятия гражданами государственных элементов.

Профессор И.А. Василенко называла бюрократию и монстром в глазах людей, и рациональной системой, созданной во имя всеобщего блага [2], задав этим сразу два вектора для изучения российской бюрократии: с позиции понимания ее как системы государства, которая рассматривается не только такими подходами как экономический, управленческий (администрирование), но и с современных позиции отношения к этому феномену и восприятия его обычными гражданами.

В исследованиях (1990-е) мало отводится изучению поведенческих стратегий в России в сравнении с Западом, а также рассмотрению реальных практик [1]. Складывается запрос на изучение бюрократии как социально-политического института, выявления особенностей его формирования через анализ психологических особенностей участников. Автор разводит два понятия «бюрократии» и «бюрократизма», говоря о том, что первое должно перестать включать второе, как бы это не парадоксально не звучало.

Сонин К. в совместной работе (статье по мотивам лекции материала начала 2000-х) с Д. Аджимоглу [5] выдвигают концепцию бюрократии отношений, говоря, что в России свойственно оппортунистическое поведение особенно на высоких уровнях, близких к власти. в России отмечается неразрывная практика подмены интересов организации личными интересами.

Практика, сложившаяся в рядах российской бюрократии обусловлена своими особенностями (традициями, культурой), формировавшейся много веков [4], так называемым культурным подходом. И именно устоявшиеся культурные практики мешают не просто проведению реформ, а качественным изменениям в структуре бюрократии. Российское общество не воспринимает бюрократию как нейтральных профессионалов в области исполнения поручений, органов власти, принимающих решения, или как сферу «государственных» услуг (новый подход, уже применяющийся на западе).

В России конец 20-го века ознаменован кризисом «социального администрирования», выразившим в сбоях в механизмах управления общественными делами, неэффективном использовании налогов, снижении качества услуг», и как следствие росте бюрократизма и коррупции, сопровождавшимися резким падением доверия к органам власти и государственной службе, что привело к зарождению концепции «governance» [6], которое затрагивает перемены в отношениях не только связанные с публичной властью и гражданским обществом, а также и внутри организационной структуры государства. Необходимо создавать так называемые «межорганизационные сети» нового публичного управления (совместные предприятия, стратегические альянсы, деловые группы, организации с особыми правами).

Последнее время большое значение придается человеческому фактору [3], так как в стране высок фактор неформальных связей между людьми. Согласно концепции, человек в бюрократической системе подвержен отчуждению, поскольку роль субъективной компоненты в России не получила должного внимания, и страна стала ориентироваться на

технократические подходы, упустив важный этап перестройки бюрократической системы. В отличие от классических подходов, рассматривающих бюрократию как «внутри-систему» этот подход учитывает не только классические концепции, но и аспекты людей вне самой системы, что объективно существует и что субъективно воспринимается людьми (субъект-объектные отношения), возрастает интерес к новому углу зрения- изучения образа бюрократии.

Таким образом, понятие бюрократии исследуется с разных позиций. К нему применяются инструменты разных научных сфер. В России возрастает роль психологических, поведенческих, культурах подходов понимания бюрократии с учетом истерических ценностей, складывания нового восприятия этой структуры в ходе ее реформирования.

Источники и литература

1. *Блажнов Е.А.* Плюс минус бюрократизм. - М.: Московский рабочий, 1989. - 220 с.
2. *Василенко И.А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США. Великобритания. Франция. Германия. М., 1998.
3. *Оболонский А.В.* Человек и государственное управление. М., 1987.
4. *Сморгунов Л.В.* 2003. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к понятию «governance». Политические исследования (Полис) (4), с. 50–58.
5. *Сонин К., Егоров Г., Аджимоглу Д.* Политическая теория популизма. Квартальный выпуск журнала «Международные отношения» Выпуск 2, номер 1 (Весна 2011/1).
6. *Щербаков А.* Особенности национальной бюрократии: с царских времен до эпохи Путина. Изд.: Алгоритм. Серия: Левиафан, 2017. 208 с.

Постол В.И.
(НИ ТГУ, Томск)

ПЛЕБИСЦИТАРНЫЙ ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

В докладе рассматривается проблема определения демократического потенциала российского президентализма. В политической науке возникают теоретические трудности при попытке классифицировать российскую политическую систему как демократическую. В начале 1990-х исследования велись в теоретической рамке «демократизации» - перехода от авторитаризма к демократии. Однако не все факторы и аспекты западного демократического опыта были референтны по отношению к российским реалиям. Концептуальным ответом на переходные состояния между демократией и авторитаризмом стало появление концепта гибридных режимов. Для обозначения этой растущей сферы политического развития появилось множество терминов, свидетельствующих о неопределенности теоретических фреймов. Со временем пришло понимание того, что каждая из моделей промежуточного развития должна рассматриваться в контексте конкретной ситуации, в которой она реализуется. Значительный эвристический потенциал в объяснении политико-правового развития современной России имеет модель плебисцитарного президентализма.

В первой части доклада делается акцент на разграничении правового и политологического подходов к пониманию президентализма. В рамках правового (институционального) подхода термин «президентализм» часто используется в качестве синонима к термину «институт президентства». Под институтом президентства понимается совокупность формальных правил, в соответствии с которыми президент осуществляет

свою деятельность. В свою очередь, сторонники политологического (неоинституционального) подхода не ограничивают изучение данного явления нормативно-правовыми рамками, а концентрируют внимание на неформальных полномочиях главы государства при его взаимодействии с элитными группами¹. Многие ученые сходятся во мнении, что президентализм является демократической формой правления, основанной на волеизъявлении народа.

Вторая часть доклада посвящена выявлению причин возникновения плебисцитарных институтов в современной России. Богатая интеллектуальная традиция плебисцитаризма оказывает все большее влияние на политические практики. Наблюдается тенденция постепенного увеличения полномочий президента, что во многом совпадает с общественными ожиданиями. Президент позиционируется в центре политической системы, он принимает решения и несёт за них персональную ответственность². В современных условиях представляется правомерным использование понятия «синтез» вместо категории «гибрид». В связи с этим, можно согласиться с той точкой зрения, что не противоречивое сочетание авторитарных и демократических элементов, а устойчивый плебисцитарный режим – особенность политико-правовой ситуации в современной России³.

Взгляд сквозь призму теории плебисцитарной демократии позволяет лучше понять, какие институты и практики в наибольшей степени помогают российской политической системе адаптироваться к новой реальности.

Потапкин А.С.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ОБ УЧЕТЕ ИНТЕРЕСОВ КОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИИ О РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПИК В ХОДЕ ПРОГРАММЫ РЕНОВАЦИИ В МОСКВЕ)

При изучении GR-деятельности бизнес-сектора в российской политологии в меньшей степени уделяется внимание трансформации поведения индивидов и групп в деятельность бизнес-организаций, которые затем влияют на макрополитические структуры и, наоборот, каким образом контекст макрополитических институтов влияет на поведение и деятельность микроструктур.

Кроме того, не всегда раскрывается процесс конверсии частных интересов в общий публичный интерес. Механизм встраивания экономических интересов бизнеса в общую формулу публичных интересов можно проследить на примере реализации таких крупных инфраструктурных проектов, как программа реновации в г. Москве.

Москва, несмотря на усилившееся санкционное давление и сокращение деятельности западных ТНК, сохраняет признаки глобального города.

Данный мегаконтекст сказывается на работе строительных организаций, работающих на крупнейшем в России рынке жилья. Во-первых, строительный сектор активно привлекает к работе трудовые ресурсы из стран СНГ. Во-вторых, до недавнего времени застройщики активно пользовались биржевыми инструментами финансирования, в том числе за счет листинга ценных бумаг на иностранных биржах. В-третьих, девелоперам приходится учитывать изменившиеся запросы потребителей к стандартам

¹ Березюк Д.И. Концептуализация современных подходов к изучению института президента // Гражданин. Выборы. Власть. № 2(12). 2019. С. 147-157.

² Зариев Р.М. Президентализм // Большая российская энциклопедия. Дата публикации: 23 мая 2023 г.

³ Юдин Г. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 9-47.

качества жилья, притом, что экстенсивная модель застройки на новых территориях со временем теряет экономическую выгоду. Наряду с этим, уже возведенное жилье в городской черте Москвы перестает отвечать современным стандартам с точки зрения жилой площади, планировки, отделки, состояния инженерно-коммуникационных сетей. На момент запуска реновации в Москве продолжалась реализация программы по расселению жителей из аварийного жилого фонда. Кроме того, власти города столкнулись с давлением финансово-экономического блока федерального центра, планировавшего перераспределить сверхдоходы бюджета столицы на нужды федерального бюджета.

С учетом этого, появился ряд предпосылок по обновлению жилищного фонда столицы. Заметным игроком в данном процессе является ГК «ПИК», которая на текущий момент остается крупнейшим подрядчиком программы реновации. С точки зрения индивидуальных интересов отдельных предпринимателей, их деятельность в первую очередь направлена на увеличение прибыли и рост дивидендов основных акционеров. Носителями такого интереса, прежде всего, выступают президент компании Сергей Гордеев, а также вице-президент по взаимодействию с органами государственной власти и корпоративным отношениям. Перед принятием решения о старте программы регуляторная среда содержала ряд административных барьеров, которые негативно сказывались на доходах и издержках бизнеса. Кроме того, компания была заинтересована получать долгосрочные инвестиции, в том числе за счет городских контрактов. Указанные частные вопросы компании транслировались в публичную повестку в ходе непосредственных встреч руководства мэрии и компании, экспертной проработки новой программы обновления жилищного фонда, медиакампании в СМИ.

На уровне корпоративных групповых интересов компания стремится на увеличить продажи и прибыль, зарплаты сотрудников, загрузить и модернизировать растущие производственные мощности и т.д. На уровне коллектива эти интересы в нерыночной среде транслировались через правление, профильного вице-президента по GR и соответствующего подразделения компании, профильных деловых ассоциаций. Транслируемые частные вопросы в публичную повестку сходны с индивидуальным уровнем: рост объемов строительства, снижение административных барьеров и привлечение финансирования в строительные проекты.

В ходе принятия решения о программе реновации компания стала частью широкой коалиции, состоящей из других крупных строительных организаций и бизнес-ассоциаций, мэрии Москвы и объединений жителей, поддержавших снос и строительство новых домов. Транслируемый вариант решения заключался в сносе около 8 тыс. домов, переселении жителей и строительстве нового жилья большей этажности, создании необходимой регуляторной базы для контрактации застройщиков. Из-за резонансности проекта потребовалось вопрос стал частью федеральной публичной повестки.

Критика проекта от ряда федеральных стейкхолдеров и объединений собственников и арендаторов, выступивших против реновации, заставила руководство Москвы и строительному бизнесу пришлось искать компромиссное решение, в результате чего были скорректированы изначальные параметры программы: изменены параметры участия домов в программе, гарантированы права переселения в рамках района, определить дополнительные к качеству нового возводимого жилья и др. При этом в итоговой формуле публичных интересов сохранился изначально проектируемый механизм контрактации застройщиков.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИАЛЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: К УТОЧНЕНИЮ КОНЦЕПТА¹

Язык памяти – это не просто слова и символы, выражающие какие-то идеи. Такое представление естественно в рамках старой парадигмы языка-мышления; в духе же лингвистического поворота сама грамматика мемориального языка существенно влияет на то, что и как мы помним. Но толкование грамматики языка памяти – это во многом открытый вопрос. Понятны, как минимум, три момента. Во-первых, грамматика исторической памяти включает в себя правила построения, изменения и сочетания элементов исторической памяти. Во-вторых, эти правила – когнитивной природы, то есть относятся к рамочным условиям (моделям) осмысления реальности. В-третьих, они отражают сложную структуру носителей исторической памяти, а значит, предполагают наличие ее диалектов (в широком смысле этого слова).

Среди элементов исторической памяти наибольшее внимание исследователей, в особенности, историков, получили символы и нарративы. Классическими в этом плане стали понятия символических «фигур воспоминания» Я. Ассмана и нарративный подход П. Рикёра. Однако не следует забывать, что в основе и символов, и нарративов лежат стереотипы, которые «начинают действовать еще до того, как включается разум» (У. Липпман. Общественное мнение). Анализ стереотипов актуализирован сегодня дискурсом постправды, которому стереотип во многом заменяет авторитет аргументов и фактов.

Когнитивный потенциал грамматических правил мемориального языка выражен ценностями какой-то доминирующей в данном обществе идеологии. К примеру, французский социолог Д. Эрвье-Леже рассматривает коллективную память о религиозных конфликтах прошлого в качестве «культурной грамматики» или «ментального аппарата» современной Франции. А философ из ЮАР Я. Урбаняк, развивая данный подход, замечает, что религиозная память как источник коллективных смыслов не может быть адекватно рассмотрена в отрыве от двух других измерений, составляющих христианскую веру: сакраментальное присутствие и эсхатологическое обещание. Сегодня в большей части мира доминирует другой, нерелигиозный тип идеологического дискурса, опосредованный новыми медиа, и надо еще выяснить, в какой мере (и форме) удастся ему выполнять грамматическую функцию для языка исторической памяти.

Грамматика языка памяти отражает его диалектную структуру. По словам Ю. М. Лотмана, любое единство культурной памяти подразумевает наличие «частных ‘диалектов памяти’, соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры» (Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении). Необходимо развивать когнитивную теорию мемориальных диалектов, подобно тому, как развивается теория концептуальных метафор.

Среди диалектов исторической памяти для политической науки особый интерес представляют диалекты отдельных поколений. Под ними подразумеваются языки памяти о совместно пережитых значимых событиях прошлого. Эти общие переживания не ограничиваются только ровесниками, так как историческое поколение может включать в себя несколько поколенческих когорт. Для политологов, изучающих актуальный политический процесс, специфический диалект исторической памяти молодежи особенно важен. Ведь молодые граждане в период своих «впечатлительных» лет, то есть в момент

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема: «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»).

активного формирования их мировоззрения, в значительной мере подвержены манипулятивным идеологическим влияниям.

Диалект исторической памяти молодого поколения, как и мемориальные диалекты любых культурных субколлективов, предполагает известную «эллиптичность» составляющих его текстов, «локальную семантику» (Ю. М. Лотман). Обычно при переходе за пределы данного субколлектива (молодого поколения в нашем случае) эта эллиптичность и локальность восполняются и расширяются. В результате становится возможным и необходимым диалог между поколениями. Проблема, которая требует отдельного обсуждения – в какой мере нынешний медийный дискурс «постправды» затрудняет этот процесс с учетом таких феноменов, как «эхокамеры» и «пузыри фильтров».

Пригорян Н.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КАК BELLUM, AGORA, CONSENSUS: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В политической теории и философии можно выделить три основных концептуальных подхода к понятию политического, от которых так или иначе отталкиваются авторы, формулируя новые представления о политическом. Анализ каждого подхода на основе трех основных критериев – форма взаимоотношений, восприятие *другого*, природа конфликта и его решение – позволяет не только понять принципиальные различия каждой теории, но и уловить, что даже в радикально противоположных концепциях существуют общие элементы.

Можно утверждать, что именно восприятие *другого* не только вырисовывает природу конфликта и его решения, но и диктует формы взаимоотношений, которые устанавливаются в политическом пространстве. Шмиттовский подход – *другой* как враг – подразумевает двойной масштаб: экзистенциальное самоопределение во внешнем и абсолютная однородность во внутреннем. Таким образом, конфликт — это только внешний атрибут и его решение принадлежит суверенной инстанции, воплощающей национальную волю, которая выражается через аккламацию в публичном пространстве. Общество находится в состоянии беллум, а его члены в готовности «убить или умереть» [Fusillo, 2008: 198]. В этом смысле политические взаимоотношения выстраиваются по вертикали – общество/суверен –, между тем как в самом обществе, в отсутствие конфликта, отсутствуют и политические взаимоотношения, так как решения, определяющие курс развития общества, принимает один единственный политический субъект – суверен.

Ханна Арендт заимствует у Карла Шмитта разделение политической и социальной сфер [Филиппов, 2015: 63]. В своей критике либеральной демократии, так же, как и Шмитт делает отсылку к древней Греции, но если конституционалист, в сущности, берет на вооружение олигархический режим и аккламацию как политический инструмент Спарты, то Арендт обращается к афинской агоре и дебатам в публичном пространстве. *Другой* в арендтской теории вырисовывается как равноправный член плюрального общества со своим собственным восприятием мира. В этом смысле конфликт зарождается натуральным образом ввиду уникальности и ценности каждого человека, имеющего свои жизненные референты и убеждения, которые сталкиваются в публичных дебатах о том каким курсом будет двигаться общество. Другими словами, происходит интенсивное взаимодействие в публичном пространстве, и конфликт и его разрешение рассматривается как необходимый стимул для прогрессивного развития общества. Таким образом, для Арендт, в разрез Шмитту, общество — это плюральное сообщество, каждый член которого является политическим субъектом, принимающим активное участие в коллективном решении.

Политическое как рациональный выбор моральных принципов в плюральном обществе посредством консенсуса является основой теории коммуникативного действия Юнгера Хабермаса и политического либерализма Джона Ролза. Основываясь на разные методологические процедуры – диалог и абстрагирование – и с разными идеологическими подходами в формулировке политического, тем не менее оба автора подчеркивают необходимость признания *другого* и его активного вовлечения в политическую жизнь, чтобы легитимизировать делиберативную (Хабермас) или репрезентативную (Ролз) демократию и ее политические устои. Это вовлечение происходит через универсализацию морально-этических и политических принципов на интерсубъективной основе у Хабермаса и концептуально-абстрактной основе у Ролза. Таким образом *другой* перестает быть *другим* и общество приобретает абсолютную однородность бесконфликтного состояния, в котором в принципе отсутствует взаимодействие в политической сфере, характеристика достаточно схожая с политическим национальным единством Карла Шмитта. Для Шанталь Муфф это является не только актом деполитизации общества, но и имеет утопический характер так как невозможно обойти фундаментальные противоположности путем рациональной аргументативности [Mouffe, 2000]. С другой стороны, исключение конфликта как фундаментального элемента политического делает невозможным проблематизацию достигнутого консенсуса в сфере публичного обсуждения [Mouffe, 2000: 10], и таким образом препятствует прогрессивному развитию самого общества.

Поводя итог, можно сказать, что каждая из рассмотренных позиций предлагает уникальное понимание сущности политического. У К. Шмитта в основе политического лежит различие друга и врага. Теория Х. Арндт фокусируется на человеческих действиях, принципах множественности и плюрализма. Ю. Хабермас и Д. Ролз выстраивают политическое вокруг рационального дискурса и выбора моральных принципов.

Литература

1. Филиппов А. Ф. Ханна Арндт и Карл Шмитт: два понятия политического // Современное значение идей Ханны Арндт. 2015. С. 52-65.
2. Mouffe C. The Democratic Paradox. L.; N. Y.: Verso, 2000.
3. Fusillo F. Nihilismo y soberanía // Nihilismo y política, ed. Roberto Esposito, Carlo Galli y Vincenzo Vitiello. Madrid: Manantial 2008.

Прокопенко Л.Я.
(Институт Африки РАН, Москва)

ЖЕНЩИНЫ ЮАР НА РУКОВОДЯЩИХ ПОСТАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С начала 1990-х годов в Южно-Африканской Республике (ЮАР) одной из тенденций формирования политического руководства стало назначение женщин на государственные посты, связанные, в том числе, с внешней политикой. Это свидетельство успехов демократической ЮАР в становлении гендерного равенства. Если до 1994 г., когда начался период новой демократической ЮАР, было только 3 женщины-посла, то 2001 г. женщины возглавляли около 20% дипломатических миссий.

За последнее десятилетие женщины Южной Африки трижды удостоивались чести входить в высший состав руководства международных организаций и эффективно там работали. Наванетхем Пиллэй в 2008–2014 гг. была Верховным комиссаром ООН по правам человека, Фумзиле Мламбо-Нгкука в 2013–2021 гг. – Директором исполнителем структуры «ООН-Женщины», Шейла Сисулу в 2008–2013 г. – заместителем Исполнительного

директора Всемирной продовольственной программы ООН. А Нкосазана Дламини-Зума в 2012–2017 гг. занимала пост председателя Комиссии Африканского союза (АС).

На момент назначений южноафриканок на высокие должности в международных организациях те уже были зрелыми квалифицированными профессионалами в своих областях, имели солидный опыт работы в национальных и международных НПО. Их опыт в деле борьбы за права человека, борьбы с голодом, ВИЧ / СПИДом, стал основой для их назначения на высокие посты в ООН и Африканском союзе. Не умаляя заслуг африканок и их личных организаторских качеств, необходимо отметить факт того, что эти назначения пришлось на период, когда ЮАР в Африке была не только в авангарде гендерных преобразований общества, но и стала одним из региональных лидеров континента. Это дополнительно повлияло на выбор руководства ООН и АС в пользу представительниц Южной Африки.

Многолетняя деятельность этих африканок в рамках международных организаций в борьбе за права человека, в борьбе с голодом и ВИЧ / СПИДом, а также за гендерное равенство доказали возможность участия женщин в решении проблем современности на самом высоком уровне.

Эти женщины активные поборники гендерного равенства, которое они считают необходимым условием демократического развития. Его важность для стабильного развития африканских стран в условиях демократии доказали сами их судьбы, вместившие трудности в преодолении дискриминации по расовому и половому признаку, а также проявления мужского шовинизма. На различных площадках южноафриканки выступали за расширение прав и возможностей женщин во всех областях политической, экономической и общественной жизни общества как находясь на руководящих постах международных организаций, так и по завершению своих полномочий.

Их многолетняя активная общественная деятельность, отмеченная многими международными наградами, придает дополнительный импульс развитию активности женщин Африки в борьбе за гендерное равенство во всех сферах жизни. Высокая оценка деятельности Пиллэй, Мламбо-Нгкука, Сисулу, Дламини-Зума международным сообществом – достойный ответ на вопрос о смысле и результативности борьбы женщин за свои права и возможности их представительства на руководящих должностях международных организаций.

В 2020 г. новый президент ЮАР Сирил Рамапоса, тогдашний председатель АС, сказал: «Мы хотим использовать наш срок во главе Африканского союза для улучшения представительства женщин в процессах принятия экономических и политических решений в своих странах, в АС, в ООН и в других многосторонних организациях»¹ Подобная позиция политического руководства партнера нашей страны по БРИКС вселяет оптимизм в плане дальнейшего становления гендерного равенства.

¹ SA will use AU chairmanship to push economic empowerment of women – Ramaphosa – <https://www.iol.co.za/business-report/economy/sa-will-use-au-chairmanship-to-push-economic-empowerment-of-women-ramaphosa-42019599>.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

События 2022-2023 года породили ряд серьезных вызовов для национальной экономики России. Беспрецедентные экономические санкции со стороны стран Запада, нарушение привычных логистических цепочек и высокая нагрузка на социальную сферу оказывают негативное влияние на состояние рынка труда. Как игрок глобального рынка, Россия также подвержена и мировым тенденциям, среди которых наиболее значимая – нехватка высококвалифицированных кадров, связанная с быстрым развитием высокотехнологичных отраслей и спадом рождаемости в экономически развитых странах.

С начала 2022 года наблюдается отток из страны высококвалифицированных специалистов: особо можно отметить две волны эмиграции – в марте и сентябре-октябре, когда из России выезжали преимущественно молодые мужчины с высшим образованием. Все это лишь усиливает потребность страны в высококвалифицированных иммигрантах – прежде всего, работников сферы информационных технологий, здравоохранения, образования и науки.

Чтобы восполнить нехватку кадров, правительство уже предприняло ряд мер, среди которых внедрение программ переобучения и дополнительного обучения специалистов, расширенные меры социальной поддержки для ИТ-специалистов и представителей социально-значимых профессий и внедрение программ непрерывного обучения, начиная со школы. Вместе с тем, в краткосрочной перспективе эти меры не смогут восполнить дефицит кадров.

Стимулирование высококвалифицированной трудовой иммиграции, таким образом, является основным средством преодоления нехватки кадров. Важной задачей в связи с этим становится выработка дифференцированного подхода к миграционным потокам, отбор наиболее полезных для экономики страны кадров и введение точечных мер для их привлечения и удержания.

Немаловажную роль играет и политика государства по адаптации и интеграции мигрантов в социокультурное пространство страны, а также борьба с ксенофобией и стереотипным мышлением со стороны коренных россиян (особенно остро эта проблема стоит в небольших городах со стабильным составом и невысоким уровнем благосостояния населения, где иммигранты воспринимаются как чужаки и конкуренты). К сожалению, на текущий момент в России преобладает представление о трудовых мигрантах, как о низкоквалифицированных и плохо образованных работниках, людях «второго сорта». Подобные стереотипы популярны особенно в отношении работников из *незападных* стран. Введение инклюзивных практик при адаптации мигрантов поможет снизить уровень социальной напряженности и сформировать доброжелательную принимающую среду.

Особое внимание сегодня уделяется и работе с иностранными студентами, многие из которых уже в процессе обучения способны вносить вклад в развитие российской науки, промышленности и экономики. Развитая система профессиональных практик и эффективная коммуникация с потенциальными работодателями будет способствовать созданию кадрового резерва из молодых специалистов – как российских, так и иностранных граждан.

¹ Доклад подготовлен в рамках реализации инициативной НИР «Проблема привлечения высококвалифицированных мигрантов в страну: анализ международного опыта» (122112900014-7 от 29.11.2022).

Для России сегодня наиболее выигрышной является стратегия точечного воздействия по целому ряду направлений обучения, подготовки, переквалификации, привлечения и адаптации иммигрантов в принимающее сообщество. Здесь весьма полезным для нашей страны является позитивный и негативный опыт европейских стран (например, стран Северной Европы), экономики и государства которых также столкнулись с проблемой кадрового голода на рынке труда. Адаптация наиболее успешных иностранных практик к российским условиям позволит нашей стране сэкономить время, избежать многих ошибок и проблем, а также выработать собственный, уникальный и эффективный, подход к управлению миграционными потоками.

Прохоренко И.Л.
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И СПОРЫ ОБ ИМПЕРИЯХ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Одной из новейших дискурсивных практик в русле информационного противостояния и гибридной войны стали попытки распространить дискурсы и нарративы постколониализма и неоколониализма на постсоветское и даже постсоциалистическое пространство. Речь идет о том, чтобы уравнивать Советский Союз с европейскими державами, имевшими заморские колонии, а фактически – отождествить деколонизацию Третьего мира и десоветизацию Второго. Однако очевидно, что уникальный опыт территориального расширения и культурного обмена в Российской империи, а также идеологический фундамент модели управления, национальной политики и межбюджетных отношений в СССР не позволяют говорить о советских республиках как «угнетаемых колониях».

Почему такой дискурс появился именно сейчас, спустя три десятилетия после распада СССР и самоликвидации социалистического блока? Вероятно, в 1990-е гг. у многих (не только у Ф. Фукуямы) возникла иллюзия «конца истории», когда победа капиталистических рыночных отношений, идей и ценностей либерализма и системное лидерство США казались естественным и неоспоримыми (а кому-то и вполне необходимым с точки зрения гарантий складывающегося мироустройства после окончания холодной войны и биполярного миропорядка).

В настоящее время формирующиеся контуры полицентричного мира и его альтернативные модели, продвижение региональных вариантов и проектов глобализации, в том числе глобализации политической, еще более ужесточили международную конкуренцию, борьбу за мировое и региональное лидерство. Свое значение имеют трудности и в целом незавершенность процессов государственного и нациестроительства в ряде постсоветских (и постсоциалистических) стран, «замороженные» и «горячие» этнополитические и этнотерриториальные конфликты в Большой Евразии, а также политизация культуры и этничности и связанные с этим борьба, конфликты и кризисы различных идентичностей, традиционных и новых.

В этих условиях колониальный дискурс и новая волна научных и общественно-политических споров об империях прошлого и «новом империализме», о природе империи вообще выступают инструментом дискурсивной силы в мировой политике и средством публичной дипломатии и внешнеполитической пропаганды в борьбе за региональный порядок в бывшем Втором мире. В частности, на высококонкурентном постсоветском пространстве соперничество внерегиональных игроков достигло в последние годы крайней остроты, а формирование здесь нового регионального порядка приобретает характер системного вызова, рождая борьбу за место в новой региональной иерархии, новые

конфликты и размежевания, а также усиление традиционных и появление новых отношений неравенства в логике «центр – периферия» в различных сферах.

Политические риски неокOLONиального и постколониального дискурса для Российской Федерации очевидны и требуют продуманной, научно обоснованной и свободной от эмоций реакции, которая должна лечь в основу отношений с бывшими советскими республиками на долгосрочную перспективу, двустороннего и многостороннего сотрудничества, развития интеграционных процессов с участием России.

Прохоров. А.Р.
(ТулГУ, Тула)

КРИЗИС МЕХАНИЗМОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ

Кризис механизмов международных институтов в современном мире – это явление, которое характеризуется недостаточной эффективностью и непригодностью существующих институциональных механизмов для решения международных проблем и конфликтов.

Одной из главных причин кризиса механизмов международных институтов является изменение глобальной политической и экономической ситуации. В последние десятилетия произошли значительные изменения в мировом порядке, такие как усиление роли новых экономических держав, сдвиги в балансе сил и интересов между государствами, а также появление новых вызовов и угроз, таких как терроризм, пандемии и изменение климата. Существующие институты не всегда готовы адаптироваться к этим изменениям и эффективно реагировать на них.

Второй причиной кризиса механизмов международных институтов является недостаточная легитимность и доверие к этим институтам. Некоторые страны не признают и не уважают авторитет этих институтов, считая их непрозрачными, бесполезными или даже противоречащими своим интересам. Это создает проблему в достижении консенсуса и принятии эффективных решений.

Третьей причиной кризиса механизмов международных институтов является отсутствие механизмов принудительного исполнения принятых решений. Многие институты имеют ограниченные полномочия и возможности для принуждения государств к выполнению принятых обязательств. Это делает некоторые решения фактически невыполнимыми или подверженными игнорированию.

Кризис механизмов международных институтов может иметь серьезные последствия для международной стабильности и безопасности. Отсутствие эффективных механизмов для разрешения конфликтов и принятия согласованных решений может привести к нарастанию напряженности и конфликтов между государствами, а также к недостаточному реагированию на глобальные вызовы, такие как пандемии, изменение климата или упомянутое разрешение конфликтов.

Для преодоления кризиса механизмов международных институтов необходимо провести реформы и адаптировать существующие институты к новым вызовам и реалиям мирового порядка. Это может включать усиление роли новых экономических держав в международных институтах, повышение легитимности и прозрачности принимаемых решений, а также развитие механизмов принудительного исполнения принятых обязательств. Также важно развивать новые формы сотрудничества и диалога между государствами, чтобы достичь консенсуса и эффективно решать международные проблемы.

Существует множество международных политических институтов, которые выполняют различные функции. Некоторые из них включают:

1. Организация Объединенных Наций (ООН) – основана для обеспечения международного мира и безопасности, сотрудничества в области экономики, социального развития, прав человека и гуманитарной помощи.
2. Европейский Союз (ЕС) – создан для содействия экономическому и политическому интеграции стран Европы, обеспечения мира и стабильности на континенте, а также защиты прав и интересов своих граждан.
3. НАТО (Североатлантический альянс) – создан для коллективной безопасности и обороны стран-членов, а также для сотрудничества в области политики и безопасности.
4. Всемирная торговая организация (ВТО) – занимается регулированием международной торговли, разрешением торговых споров и содействием экономическому развитию.
5. Международный валютный фонд (МВФ) – предоставляет финансовую поддержку странам-членам, помогает стабилизировать мировую экономику и сотрудничает в области макроэкономической политики.
6. Всемирный банк – предоставляет финансовую и техническую помощь развивающимся странам для поддержки их экономического развития и сокращения бедности.
7. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – занимается мониторингом и регулированием конфликтов, содействием демократии, правам человека и экономическому развитию в Европе.

Это лишь некоторые примеры международных политических институтов, каждый из которых должен выполнять свои специфические функции в области поддержания мира, безопасности, экономического развития и сотрудничества между странами.

Однако сейчас мировое сообщество становится свидетелем кризиса международных политических институтов. Некоторые из основных проблем, которые могут вызывать кризис, включают:

1. Недостаток эффективности и легитимности: некоторые институты могут столкнуться с проблемой недостаточной эффективности и неспособности достигать поставленных целей.
2. Нарушение принципов и норм: иногда политические институты могут столкнуться с кризисом из-за нарушения принципов и норм, на которых они базируются.
3. Геополитические конфликты: некоторые кризисы международных политических институтов могут быть вызваны геополитическими конфликтами между странами.
4. Недостаток финансирования: некоторые институты могут столкнуться с кризисом из-за недостатка финансирования. Это может ограничить их возможности и способность выполнять свои функции.

Кризисы международных политических институтов могут иметь серьезные последствия, такие как усиление конфликтов, нарушение прав человека, экономический спад и ухудшение международной безопасности. Поэтому важно стремиться к устранению причин кризисов и улучшению работы этих институтов для поддержания стабильности и сотрудничества на международной арене.

Один из негативных факторов – это политическая дезинтеграция и раскол международного сообщества. Конфликт на Украине вызвал серьезные разногласия и противостояние между государствами и региональными блоками. Некоторые страны поддерживают Украину, в то время как другие поддерживают Россию или принимают нейтральную позицию. Это создает проблему в достижении консенсуса и принятии эффективных решений в международных институтах, таких как ООН или Европейский союз.

ДИНАМИКА ВЛАСТИ В ГОРОДАХ СИБИРИ 1991-2021 гг. **(ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖЕЙ М. ДЕЛАНДЫ)**

Цель нашего исследования – выявить и объяснить различия в расхождениях политического дизайна в российских городах с 1991 по 2021 гг. При общей тенденции получения и удержания ключевых позиций за кандидатами, имеющими поддержку административных структур федерального центра и «партии власти», время от времени в некоторых городах и регионах электоральная борьба приносит победу лидерам системной и несистемной оппозиции (Новосибирск, Абакан, Томск). Хотя административные, материальные, информационные ресурсы сторон не сопоставимы, и в ряде городов и регионов (здесь показательны города Кузбасса) выборы давно превратились в обыденное бюрократическое мероприятие, тем не менее, скорость установления локальных отказов от политической конкуренции существенно различается. Почему?

Онтология и логика нашего исследования задана подходом, предложенным американским философом М. Деландой. Ассамбляжи – это конструкции, динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, состоящих из гетерогенных частей любой природы, также являющихся ассамбляжами. М. Деланда предлагает рассматривать социальный мир как существование на одной онтологической плоскости взаимно вложенных в друг друга популяций ассамбляжей – всегда исторических, конкретных сущностей (entities), существующих в популяциях людей, сетей, организаций, правительств, городов, государств, представляющих собой затвердевшие сгустки процессов, стабилизирующих свои границы, которые при изменении условий могут стать опять проницаемыми. Свойства ассамбляжа (properties) формируются в результате проявления способностей к взаимодействию (capacities to interact) с другими частями, что делает возможным потенциально бесконечное число результатов взаимодействия компонентов между собой. Ассамбляж – «не единое целое», обладающее эмерджентными свойствами. Возникнув, он способен задним числом влиять на свои части. Член тайной организации будет совершать поступки, на которые не решился бы в одиночку, а сама организация переживет своих основателей, воспроизводя заложенные ранее принципы, ритуалы и практики.

В этих рамках мы сформулировали понятие политико-административный ассамбляж, понимая под ним автономную целостность, состоящую из гетерогенных частей различной природы (людей, сетей, организаций, институтов, материальной инфраструктуры), способную оказывать властную координацию других ассамбляжей на основе легитимного определения приоритетов развития сообщества, выработки для него обязательных норм и контроля над соблюдением стандартов социального поведения. В современной России возникновение, стабилизация и развитие ассамбляжей происходили в ходе электоральной борьбы. Здесь политическое измерение ассамбляжа определяется его экспрессивной ролью, легитимностью, основанной на оценке электоратом значимости высказанных идей, лежащих в основе политической конкуренции. Административное измерение ассамбляжа, его материальная роль связана с безукоризненным соблюдением порядка в соответствии с регламентом. Маркером должного уровня стандартизации выступает отсутствие фальсификаций итогов голосования на выборах. Полюсами континуума выступают два «идеальных типа» персонифицированной (централизованной) фальсификации (отсутствуют оба маркера) и корпоративной (коллективной) прозрачности (оба маркера присутствуют). Эмпирическую базу данных составляют итоги и агитационный материал избирательных кампаний с 1991 по 2021 гг. и анализ более 200 интервью участников политического процесса в рассматриваемый период.

Процесс становления городских политико-административных ассамбляжей укладывается в 4 этапа, критерием разделения которых являются кризисы, индикатором которых выступают изменения курса рубля: возникновение (1991-1998 гг.), становление (1998-2008 гг.), стабилизация (2008-2014 гг.), поглощение государством (2014 -2021 гг.)

Различия обусловлены комплексом причин-триггеров, запускающих соответствующие процессы: расположение в пространстве (города-хабы и города-административные центры), соотношением индустриальных и постиндустриальных организаций, объема влияния университетов, наличием сетей со слабыми и сильными связями и опытом решения городских проблем первыми мэрами в 90-е годы. Для ассамбляжей корпоративной прозрачности характерным выступает расположение вдоль основных железнодорожных магистралей, развитие постиндустриального сектора, наличие на территории сильных вузов, многообразие сообществ с сильными и слабыми связями, автономная медиасреда, поддержка рыночных реформ, социальных обязательств и демократии на первом этапе реформ. Вследствие волевого исключения из политико-административного ассамбляжа ряда политических сил, сообществ и объединений именно здесь, вероятно, возрастет число возможных инфраструктурных и социальных рисков.

*Пустошинская О.С.
(ТюмГУ, Тюмень)*

ГОРОДА КАК ДЕЙСТВУЮЩИЕ СУБЪЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

При крайней противоречивости официальных и научных позиций относительно перспектив и моделей общемировой динамики факт слома прежнего западнцентричного международного порядка, а также усиления кризисов и конфликтов как неотъемлемых атрибутов происходящих тектонических сдвигов получает консенсусное признание. Вкратно усложненных условиях проблема управления рисками приобретает экзистенциальный характер, выходя на новый уровень актуализации.

В полной мере это относится к городам. Последние сталкиваются с растущей подверженностью геополитической и геоэкономической конъюнктуре, запутанным межгосударственным отношениям, тупиковым правительственным решениям. В случае их неспособности противостоять новым вызовам сценарий наступления серьезных негативных эффектов для локальных сообществ является вполне реальным. Речь идет об экономическом регрессе, подавлении технологического потенциала, социальной и политической дестабилизации. Следовательно, в обстоятельствах, диктующих необходимость запуска механизмов выживания, на первый план выходит задача разработки и успешного воплощения инновационной стратегии сопротивления внешним шокам, позволяющей не только адаптироваться к глобальным трансформациям, но и получать конкурентные преимущества.

Традиционно управление рисками считается обязанностью государственных и корпоративных акторов. Однако многоаспектный характер новых вызовов обуславливает выход проблематики за рамки исключительной зоны ответственности указанных субъектов. В данном исследовании предпринята попытка верифицировать гипотезу о способности городов эффективно смягчать риски, нивелировать их последствия, выправлять ситуацию и осваивать открывающиеся в результате объективных изменений возможности.

Аналитический процесс базируется на интерпретативном качественном подходе. Интеллектуальная оптика фокусируется, прежде всего, на ключевой движущей силе, сочетающей компоненты формальных и неформальных институтов, а также социальные сети. Кроме того, в центре внимания – контекстуальные факторы управления рисками: географическое положение города, развитость его инфраструктуры, объем материальных и

нематериальных активов, наличие востребованных природных ресурсов и др. В ходе исследования ведется поиск ответов на следующие вопросы:

- насколько сбалансированными, содержательными и консолидированными являются действия муниципальной власти и городского сообщества в критических условиях?
- как организуется текущий режим управления рисками и как он проектируется с течением времени?
- какие стратегические и тактические новшества, а также инструменты используются?
- как муниципальная внешняя политика пересекается с адаптацией территории к геополитическим трансформациям?
- какие из контекстуальных условий обладают большими демпферными качествами и в значительной степени способствуют поглощению вредных стрессовых воздействий?

Таким образом, установление городской активности по данному направлению призвано продемонстрировать, что существует новая тенденция, указывающая на возможности и умение городов справляться с рисками.

*Радченко А.И.
(ГАУГН, Москва)*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ 2000-Х гг.

Целью данной статьи является определение основных характеристик, которые отражают трансформацию современной российской институциональной архитектуры.

Поскольку институциональная составляющая политического процесса является крайне важным показателем, следует очертить границы исследования в виде анализа как формальных, так и неформальных институтов, которые существенным образом влияют на правила политической игры.

С началом новой президентской легислатуры в 2000 г. и в последующие годы достаточно активно начал меняться формальный институциональный ландшафт, что выразилось в усилении института президентства на фоне иных центров власти. В частности, было девальвировано политическое влияние глав исполнительной власти субъектов федерации через механизм реформирования верхней палаты федерального парламента. Губернаторы перестали иметь федеральное представительство (статус члена Совета Федерации), а Государственный совет выполнял роль лишь формально-совещательного органа. После этого была реформирована избирательная система страны, которая стала пропорциональной на выборах в Государственную Думу ФС РФ с центральным звеном «партии власти», которая была призвана аккумулировать электоральный потенциал регионов, в том числе с помощью административного ресурса. Помимо этого, с конца 2004 года главы регионов перестали избираться напрямую, так как был введен новый порядок наделения их полномочиями с ключевой ролью федерального президента. На этом фоне произошло учреждение института полпредов в федеральных округах, которые были призваны усилить каркас вертикали власти, высшим звеном которой являлся президент с колоссальными формальными (конституционными) и неформальными (электоральными, политическими, информационными, кадровыми, символическими) полномочиями. Параллельно шел процесс централизации и контроля за информационным пространством, особенно за телеканалами. Политические и предпринимательские круги в 2000-е гг. получили явный сигнал, что начался процесс консолидации власти, который не пощадит реальную оппозицию, опирающуюся на ресурсные возможности.

Для общественной сферы, на фоне политических преобразований, проходили налоговая реформа, преобразования в социально-трудовых отношениях (Трудовой кодекс РФ), инициирование национальных проектов «Здоровье», «Жилье», изменение подходов к демографической политике и др.

Эти институциональные метаморфозы совпали с положительной динамикой цен на углеводороды. В частности, как отмечает ученый П.П. Черкасов, «в 1999 г. нефть на мировых рынках стоила 17.9 долл. за баррель, в 2000 – 28.5, в 2001 – 24.2, в 2002 – 25, в 2003 – 28.8, в 2004 – 38.3, в 2005 – 54.5, в 2006 – 65.1, в 2007 – 72.4, в 2008 г. – 97.3 долл. за баррель»¹.

Затрагивая неформальный институциональный аспект следует сказать, что он начал набирать силу, выражаясь в фактическом влиянии президента и его клиентелы на все федеральные и региональные органы и процессы. В результате федеративные отношения стали соответствовать патрон-клиентской логике, так как многое зависело от властно-экономического ресурса, а не от общественных предпочтений. Помимо этого, активно развивались политико-экономические практики неопатримониального характера, которые подразумевают конвертацию властного ресурса в собственность.

Подводя итоги, можно резюмировать, что в 2000-е гг. проходил крайне активно процесс формирования как новой формальной, так и неформальной политической архитектуры, в которой вторая составляющая доминировала и являлась определяющей для нахождения и позиционирования в политическом поле того или иного уровня. Параллельно, на фоне социально-экономических успехов, по сравнению с 1990-и гг., наблюдалось усиление легитимности ключевого актора, олицетворяющего российский политический режим. Но специфика российского кейса заключалась еще и в том, что рассмотренные процессы и тенденции не приводили к усилению институтов гражданского общества и оппозиционных субъектов, а наоборот интенсивно формировали корпоративный пребендалистский режим с имманентными ему социально-политическими характеристиками.

Ракитянский Н.М.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ДОГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Политическая субъектность государств, блоков и союзов опирается на древние, догматические истоки субъектности, которые зарождались под влиянием монотеистических религиозных систем и развивались в течение как минимум двух тысячелетий. В современном глобальном пространстве при многообразии государств существует ограниченное количество ментально единых политических субъектов, представленных как отдельными государствами, так и блоками стран. Они составляют субъектные центры силы глобальных политических миров. Так, единым догматическим основанием европейских типов субъектности стало христианство, на фундаменте которого сложились влиятельные полюса политической субъектности: православный, католический и разновидности протестантского. Политическим центром последнего является англосаксонский политический суперсубъект.

Восточное христианство и западное христианство в лице католичества, протестантизма и его ветвей как монотеистические системы определяют исторические модели политической субъектности доминантных политических миров. Внутри каждого из этих миров относительно автономно в течение тысячелетий существует первый в истории

¹ Черкасов П.П. Начало эры Путина (2000-2008) / П. П. Черкасов // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 125. DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-5-117-127. – EDN SSFORT

человечества субъектный мир иудаизма. При этом в ряду монотеистических менталитетов исламский политический менталитет субъектным не является.

Опора политических субъектов на монотеистический фундамент своего существования, последующее их самоутверждение в глобальном пространстве и в историческом времени стала системообразующим источником формирования национальных менталитетов. Этот тезис подтверждается тем фактом, что на иудейских монотеистических догматах была восстановлена политическая субъектность государства Израиль как преемника религиозно-духовных начал древнееврейского государства и идентичного ему, несмотря на почти двухтысячелетний перерыв в реальном политическом существовании.

Резюмируя изложенное, обратимся к концепции *фундаментальной субъектной триады*, опираясь на которую проводился анализ конкретных политических менталитетов. В психологических и философских науках концепты «субъект» и «субъектность» ассоциируются, прежде всего, с самосознанием, в котором человек, этнос, народ, нация отражаются как нечто целое, как единство субъективного и объективного. Атрибутом субъекта политической деятельности признается его способность к рефлексии, суть которой в широком смысле во многом совпадает с определением феномена самосознания. Субъектность зарождается и осуществляется не только пониманием как основания самого себя, но и самопричинностью – самодетерминацией.

Психологическим содержанием самосознания и самодетерминации является способность политического субъекта делать предметом *прогнозирования* и *проектирования* свое будущее и практически его проводить в жизнь. Эта способность включает в себя возможность создавать политические средства и возможности своего развития и политической экспансии. Из чего следует, что политическая *субъектность* как интегрирующий фактор политической практики обусловлена диалектическим единством трех динамических структурных элементов. Это – *самосознание, самодетерминация и самопроектирование*, объединенные концептом фундаментальной субъектной триады, который обладает методологическим потенциалом диагностирования, дифференциации и систематизации субъектного статуса разного рода политических субъектов в пространстве глобальных политических миров.

Расторгуев С.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Пространство как территория с определенным населением, экономическими ресурсами, географическим ландшафтом представляется значимой координатой политики. Границы государства очерчивают ареал политического режима, национальной экономики, социально-культурных характеристик населения. Взаимоотношения государств как субъектов международных отношений в привязке к географии изучает дисциплина геополитика, структурное разнообразие регионов внутри государства изучает политическая регионалистика. Последняя субдисциплина изучает политические предпочтения территориальных и этнических групп, специфику функционирования политических сетей в рамках региона, баланс миграционных процессов, ресурсную обеспеченность и экономические взаимоотношения с внешней средой. В исследовательском поле находится проблематика региональных политических режимов, рекрутирования местной элиты, особенности регионального политического лидерства, формирование территориальной идеологии и мифов. Особое внимание уделяется полиэтническим, поликонфессиональным территориям, где на политическое поведение влияет этническое и религиозное разнообразие.

Изучаются вопросы иерархических взаимоотношений различных уровней власти, конкуренции и кооперации с другими регионами. Политическая регионалистика анализирует истоки, формы, механизмы сепаратистских движений, которые направлены на изменение властных, символических, экономических отношений в системе административно-территориального устройства – от минимальных требований культурной автономии до радикальных призывов к сецессии. Наряду с сепаратизмом изучаются интеграционные процессы, связывающие национальные государства в наднациональные союзы (Европейский союз, ЕАЭС), которые способствуют преодолению трансграничных барьеров для рабочей силы, инвестиций, товаров и формирующих новых субъектов международной политики. Транстерриториальными акторами становятся международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации.

Окончание процесса деколонизации в 1960–1970-е гг. привело к появлению новой концепции взаимоотношений государств – концепции И. Валлерстайна «центр – периферия». Данная концепция представляет современный мир как разноуровневую территориальную систему. Развитые страны составляют доминирующий управляющий центр с высокоразвитыми наукой, технологиями, военно-промышленным комплексом, капиталом, эффективным государством и культурным производством, дающим контроль над смыслообразованием. Индустриально развитые страны являются полупериферией, аграрно-сырьевые страны находятся на периферии и характеризуются менее эффективным государством, дефицитом капитала и технологий. В процессе модернизации страны полупериферии и периферии могут подняться на более высокий уровень за счет государственной политики импортозамещения или встраивания в глобальные производственные цепочки. Концепция «диффузии инноваций» предполагает распространение современных технологий на периферийных акторов, что способствует повышению их уровня жизни. В свою очередь рост уровня жизни создает спрос на демократические институты.

Концепция «центр – периферия» представляется перспективной для современных политических и социально-экономических исследований по следующим причинам. Во-первых, она позволяет анализировать иерархии разноуровневых территорий как в рамках мира, так и в границах отдельной страны. Неравенство территорий отражает неравенство в распределении ресурсов, прежде всего, ресурсов власти. Во-вторых, концепция позволяет выявить группы интересов, заинтересованных в модернизации и переходе на новый уровень развития и группы интересов, заинтересованные в сохранении статус-кво. Подчеркивается значимость государства как центрального политического института модернизации. В-третьих, формируется понимание неизбежности дифференциации пространства, отдельные территории за счет определенных ресурсов в данный период истории получают преимущество перед другими территориями. Для преодоления разрыва необходимо либо устранить дефицит ресурсов, либо создать принципиально новые ресурсы, сформировать новые коалиции.

*Рахматуллин Ш.Д.
(ТюмГУ, Тюмень)*

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЕКТОРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Неправительственные организации (НПО) играют важную роль в секторе образования во многих развивающихся странах. Деятельность НПО в секторе образования значительно изменилось по сравнению с первыми годами их существования в Африке. Крупные и авторитетные НПО часто имеют тесные связи с национальными государствами либо напрямую, либо через межправительственные организации или МПО, такие как

Организация Объединенных Наций (ООН) или ее учреждения, такие как Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Стоит отметить тот факт, что дифференциация таких организаций является сложным процессом на Африканском континенте. Помимо крупных игроков многие НПО чаще всего являются мелкими организациями и могут участвовать в очень специфических целевых кампаниях, и, таким образом, границы между благотворительными, добровольческими организациями и некоммерческими организациями стали размытыми.

Важной задачей для НПО является на данный момент поиск постоянного финансирования, проблема заключается в том, что статистические данные показывают достаточный объем денежных вложений от доноров, однако распределения данных средств не всегда производится равномерно среди участников. На данный момент финансирование направляется правительству в форме двусторонней помощи, предназначенной либо непосредственно для государственных программ развития, либо для распределения правительством среди групп гражданского общества.

Исследования показывают, что многим государственным школам не хватает бюджетного финансирования, таким образом, руководство вынуждено вовлекать стороннюю помощь в особенности неправительственные организации для непрерывного функционирования. Также многое зависит от ареала и географического расположения тех или иных учреждений. В особенности страдают сельские или деревенские школы, где мелкие организации иногда не получают финансирование вовсе.

По сравнению с правительством НПО относительно эффективны с точки зрения затрат и могут предоставлять услуги и поддержку для человеческого и социального развития, чего не может сделать правительство. Например, учащиеся, учителя и родители нуждаются в поддержке в таких нагрузках, на которые у государственных чиновников нет времени (а иногда и опыта).

Благодаря своей большей оперативности и гибкости НПО могут довольно быстро реагировать на образовательные потребности. У них нет той громоздкости и бюрократической инерции, которые замедляют и даже парализуют инициативы департаментов образования в области развития.

Анализ финансирования неправительственных организаций и их рабочих программ показывает, что важно проводить аналитику и корректировать программу компании под формат национальных стратегий развития. В конечном счете, чтобы извлечь из этого максимальную пользу, работа НПО должна оказывать определенное влияние на систему в целом – влияя на политику, внедряя инновации или выступая за перемены. Их отстраненность от иерархических и карьерных требований, присущих чиновничеству, дает им независимость, что может служить связующим звеном между департаментами образования, школами и другими партнерами.

Ребрикова А.Г.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политическое лидерство как научная категория волнует умы исследователей ни одно столетие, однако свое гендерное измерение этот феномен обрел лишь в XX веке, когда проблема лидерства, в частности политического, начала рассматриваться под углом зрения гендерной теории. Возник вопрос: если женское лидерство следует рассматривать отдельно, почему оно не укладывается в общую модель без учета пола? Вопрос не столько в субъекте лидерства, сколько в его специфике. Долгое время политическое лидерство было мужской категорией. И даже после предоставления обоим полам одинаковых прав на

участие в политической жизни, путь в политику женщин не лишился всех барьеров. На их карьерном пути стоят специфические, неформальные, иногда незаметные для других, ограничения.

Современные исследователи все чаще приходят к выводу, что женское лидерство может быть перспективнее, чем кажется на первый взгляд. Вместе с тем исследование гендерной специфики лидерства в России все еще находится на этапе своего активного изучения и верификации выводов, теорий и концепций. Одни прошли эмпирическую проверку и проверку временем, другие были опровергнуты рядом коллег и требуют пересмотра, а третьи только находятся на этапе раскрытия.

Так «стеклянные концепции», введённые за рубежом в научный оборот еще в конце XX – начале XXI века, в отечественном научном дискурсе все еще освещены довольно слабо. Помимо широко известной концепции «стеклянного потолка» в работах российских исследователей другие феномены этого вида («стеклянный утес/обрыв», «стеклянная коробка/ящик», «стеклянные стены» и др.) почти не рассмотрены.

Наиболее часто встречающаяся у российских авторов теория «стеклянного потолка» утверждает, что представления о традиционной роли женщины (которые часто обретают форму стереотипов), экстраполируясь на профессиональную сферу, мешают женскому продвижению по карьерной лестнице, образуя так называемый потолок, выше которого женщине не подняться. Данная теория активно используется отечественными гендерологами и имеет достаточно оснований для своей верификации в российских условиях.

В свою очередь более спорная концепция «стеклянного обрыва» несет в себе идею, что женщин чаще назначают на высокие должности в периоды кризиса. В эти моменты их пребывание на месте руководителя имеет больше рисков и шансов на провал, которым их мужчины-коллеги не хотели бы портить себе репутацию. Данная концепция зародилась в США еще в прошлой декаде, при этом среди наших исследователей термин не привлекла особого внимания. В российской практике в различных источниках феномен «glass cliff» употребляется как в значении «стеклянный утес», так и в значении «стеклянный обрыв». Этот факт олицетворяет одну из основных трудностей изучения гендерного аспекта лидерства в нашей стране - разобщенность понятийного аппарата отечественных и зарубежных исследователей. Е.Б. Петрушихина, автор ряда работ в рамках психологического аспекта женского лидерства, которые слабо освещены в рамках отечественной науки, предпочитает использовать термин «обрыв», тем самым вводя в научное сообщество именно такую формулировку, которая, вероятно, даже четче выражает особенности явления, в отличие от прямого перевода термина. При этом некоторые ученые уверены, что «стеклянный обрыв» еще требует более глубокого изучения и верификации, так как в ряде работ его выводы не доказали свою состоятельность. Свою спорность феномен обретает и в переносе на сферу политики, где в кризисные моменты у женщины практически нет шансов оказаться «у руля», так как в такие периоды общество, как правило, предпочитает видеть власть в руках политика-мужчины.

Концепция «стеклянных стен» относится к горизонтальной мобильности и заключается в том, что женщин часто больше в отраслях и отделах с меньшей ответственностью и финансовыми возможностями, а их передвижение в другое направление может оказываться затруднительным. Этот аспект находит свое подтверждение в так называемой «гендерной пирамиде» политического лидерства, когда на более низких должностях государственной службы преобладают женщины, а до вершины иерархии доходят преимущественно мужчины.

Под феноменом «стеклянной коробки» (или в некоторых трактовках «стеклянного ящика») в гендерных исследованиях подразумевают сложности вступления женщин в неформальные отношения с руководством (чаще мужчинами), в то время как мужчины значительно чаще используют неформальные отношения с руководителями своего пола как профессиональный лифт.

Все указанные теории появились в коммерческой сфере, но они также актуальны и для сферы политики.

Таким образом, на сегодняшний день ряд зарубежных гендерных концепций изучен слабо и их положения практически не адаптированы для политической сферы. Однако исследование гендерного вопроса политического лидерства в России может открыть новые закономерности и обогатить гендерные исследования в целом.

*Римский В.Л.
(МПСУ, Москва)*

ГОСПОДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Для современной России значимым остаётся смысл понятия «бюрократия», который дал его создатель Винсан де Гурнэ ещё в XVIII веке. Этим термином он обозначил не избранных, а назначенных должностных лиц, осуществляющих административное управление государством. В норме бюрократия должна служить государству и обеспечивать достижение общественного блага. Но изначальный смысл понятия «бюрократия» означал иное, а именно – власть канцелярии, в более современном смысле власть офиса, как реальный смысл деятельности государственных служащих. Винсан де Гурнэ крайне негативно оценивал последствия осуществления власти государственными служащими, обеспечивающими собственные интересы в ущерб общественному благу.

Для исполнения своих должностных обязанностей и служений государственная бюрократия России, как и подавляющего большинства других стран, организована в социальные иерархии с безусловным подчинением нижестоящих должностных лиц своим начальникам. Высокопоставленные должностные лица бюрократии обладают наиболее полной информацией об имеющихся ресурсах и возможностях выполнения сложных, долговременных и дорогостоящих государственных проектов и программ. Подчинённые им иерархии государственных служащих оказываются способными выполнить принятые решения за счёт разделения таких проектов и программ на части, элементы, полезные для выполнения, а также использования утверждённых законов, приказов, регламентов, инструкций, направляющих и обеспечивающих их профессиональную деятельность.

Благодаря этим и некоторым другим своим особенностям бюрократия стала незаменимым инструментом реализации государственных решений и государственной политики. И эта незаменимость превратила государственную бюрократию в значимый субъект принятия решений не только в сфере государственного и муниципального управления, но и в политике, экономике и социальной сфере. Но российская бюрократия не утратила, а напротив, развила свои негативные качества, отмеченные ещё Винсаном де Гурнэ. В обществе и даже среди высокопоставленных должностных лиц самой бюрократии крайне негативно оценивается бюрократизм, т.е. доминирование формы над содержанием управленческой деятельности, восприятие реальности исключительно на основе показателей утверждённых документов, отчуждение бюрократии от общества в силу её особой идентичности, усложнённости процедур и волокита принятия решений в иерархической системе, формализм в применении норм законов и инструкций. Бюрократизм, в свою очередь, приводит к нежеланию государственной бюрократии изучать реальные интересы общества, обеспечивать общественное благо не в бюрократическом понимании, а в понимании самих граждан.

Российские граждане не всегда осознают сущность бюрократизма государственного управления, но постоянно ощущают его на себе и своих семьях. Поэтому большинство российских граждан весьма негативно относятся к чиновникам, называя так бюрократов, из-за их стремления делать карьеру в управленческих иерархиях, получая более высокие

чины. В современных российских условиях информация о деятельности государственной бюрократии во многом закрыта для граждан, которые узнают только о принятых нормах законов, регламентов, правил, и должны их исполнять, даже если оценивают их как неадекватные или несоответствующие своим интересам. Поэтому в российском обществе нет доверия к чиновникам в том, что они смогут решить значимые для общества проблемы, существенно улучшить жизнь граждан, обеспечить достижение общественного блага. Как показывают социологические исследования надежды на такие позитивные результаты развития нашей страны у граждан остались, но связывают они их реализацию с государством, а не с чиновниками, бюрократией. И это состояние сознания большинства граждан определяется не нарушениями их логики и рациональности, а тем, что государство в их социальной реальности является практически единственным субъектом, способным решать любые проблемы и общества в целом, и отдельных граждан, их семей. О том, как решить проблему бюрократизма и обеспечить деятельность государственной бюрократии на благо общества российские граждане не знают и в большинстве своём об этом не думают.

В современной России власть государственной бюрократии можно оценить как господство над обществом, а во многом – и над государством. Господство при этом понимается как такой способ осуществления власти, при котором властитель реализует зависимость от себя объектов своего подчинения, определяет их предпочтения и приоритеты, существенно ограничивая возможности собственного выбора объектов, а также использует объекты в качестве средств достижения собственных целей, во многом игнорируя цели самих объектов. И в этом смысле господство государственной бюрократии России над обществом, экономикой и даже политикой является значимой общественной проблемой, поскольку препятствует обеспечению общественного блага, обеспечивая в первую очередь благо бюрократическое.

*Римский В.Л.
(МПСУ, Москва)*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПРАВЕДЛИВОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Российская Федерация является социальным государством по совокупности норм Конституции РФ. В первую очередь, этот юридический статус нашего государства определяют статьи 7, с 37 по 44, 72 и 75.1 Конституции РФ. В обеспечение конституционных норм в России действует развитое социальное законодательство, определяющее социальную политику государства и исполнение социальных обязательств государства перед гражданами. Органы государственной и муниципальной власти России постоянно информируют граждан об исполнении своих социальных обязательств и осуществляемых ими мероприятиях по реализации социальной политики. Тем не менее, понятие социальное государство редко используется и разъясняется гражданам в публичной сфере со стороны политиков и государственных деятелей. Одной из важнейших причин такого положения является недостаточная научная и практическая разработанность концепции социального государства для нашей страны. Это привело к тому, что обязательные для исполнения конституционные нормы опережают достигнутый уровень развития социального государства в нашей стране, несмотря на прошедшие 30 лет с момента принятия ныне действующей Конституции РФ в декабре 1993 года.

Научная проблема развития социального государства в России в первую очередь в том, что сущность и реальное содержание социального государства в мировой и российской науке остаются дискуссионными и неопределенными. При этом политический запрос на социальное государство и в России, и в мире привёл к формированию различных

национальных моделей социальных государств. И Россия также фактически формирует свою собственную модель социального государства, ориентируясь на условия и традиции своего собственного развития. Конституционные нормы российского социального государства описывают модель должного социального государства. Для реализации этой модели необходимы углублённые научные исследования, на основе которых возможна выработка рекомендаций органам государственной власти по развитию социального государства в нашей стране.

Результаты многих социологических исследований свидетельствуют о том, что для большинства граждан модель должного социального государства расходится с реальностью. Российские граждане редко используют в своём дискурсе понятие социального государства, но часто отмечают особенности российского общества и государства к этому понятию относящиеся. Большинство российских граждан считают необходимым снизить уровень бедности, социального неравенства, различий благосостояния, повысить качество и доступность образования, медицинских услуг, повысить уровень обеспеченности граждан и их семей жильём, улучшить экологическую ситуацию в местах проживания, повысить уровень зарплат, пенсий и пособий. Решения этих и других социальных проблем российские граждане относят к сфере ответственности государства. При этом большинство трудоспособных граждан готово самостоятельно обеспечивать собственное благосостояние и благосостояние своих семей своим трудом на хороших рабочих местах и с хорошей зарплатой, созданных государством.

Важным для граждан критерием оценивания действий органов власти является справедливость. Российские граждане в большинстве своём ожидают справедливости в решениях общественных проблем именно от государства, они не видят других субъектов, способных обеспечить справедливость в нашей стране. Поэтому в представлениях граждан российское социальное государство обязано быть справедливым. И если российское государство стремится создавать условия для развития и достойной жизни своих граждан, ему необходимо включить справедливость в национальную модель социального государства. Такая модель будет лучше отвечать запросам граждан на соблюдение своих прав и свобод, равенство прав, корректируемого исключительно заслугами граждан перед государством, но не их социальными статусами, справедливость законов и правосудия, снижение уровня преступности, обеспечение справедливых наказаний преступникам и правонарушителям, справедливость распределения государством имеющихся общественных ресурсов и в целом на постоянную и целенаправленную деятельность государства по обеспечению общественного блага.

Проблемой развития справедливого социального государства в нашей стране является и то, что его конституционная модель не предполагает проявлений инициатив и активности самих граждан в решениях общественных проблем, обеспечения справедливости и в развитии своего государства. От активности самих граждан во многом зависит снижение остроты бытовых конфликтов, уровня бытового насилия, укрепление солидарности и интеграции общества, рост доверия в нём, снижение остроты социальных конфликтов. Недостаточная развитость таких видов гражданской активности как минимум не поддерживает развитие справедливого социального государства в нашей стране. А без широкой поддержки граждан только усилиями государства реализация должной модели справедливого социального государства в нашей стране вряд ли возможна.

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕЁ ГРАЖДАН: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Трансформационные социально-политические процессы, происходящие сегодня в мире и России, оказывают влияние на сложившуюся в нашей стране систему общественно-политических отношений. Эти события определенным образом сказываются и на психологическом здоровье российского общества: воздействуют на политическое сознание граждан, меняют их «политическую оптику» и, как следствие, содержательно-смысловое наполнение политических образов. В условиях нестабильности чрезвычайно важным направлением исследований становится изучение представлений граждан о будущем страны.

С 2021 года коллектив политических психологов под руководством профессора Е.Б. Шестопаля реализует комплекс политико-психологических исследований, направленных на изучение психологического состояния российского общества. В частности – образов и представлений россиян о будущем страны и их собственном месте в этом будущем. За последние три года коллектив провел более четырех эмпирических исследований, затрагивающих различные аспекты данной темы. В исследованиях использовались преимущественно качественные методы: экспертное интервью, фокус-группы, глубинные фокусированные интервью, проективные техники (рисуночные и ассоциативные тесты, метод «Bubbles» и т.п.), метод неоконченных предложений, также метод ненаправленного (поискового) контент-анализа и др. География исследований включала в себя более 15 регионов Российской Федерации из всех федеральных округов. Совокупное количество респондентов, принявших участие в данных исследованиях, превышает 200 человек.

Изучая представления россиян о будущем страны, члены исследовательского коллектива рассматривают содержательно-смысловое наполнение образов будущего, циркулирующих в массовом сознании российских граждан как некий перспективный срез, позволяющий выявить политические ожидания людей относительно сценариев развития государства, власти в целом и отдельных политических институтов.

Высокая актуальность данных исследований обусловлена существующим запросом на понимание принципов работы психологических механизмов, которые определяют процесс становления политических представлений и образов в массовом сознании граждан. Механизм формирования представлений о будущем страны имеет ключевое значение в процессе формирования политической идентичности российского общества. Результаты эмпирических исследований, проведенных автором и его коллегами, свидетельствуют о том, что представления граждан о «будущем», как о пути развития России, цели к которой страна движется, тесно взаимосвязаны с представлениями о ее настоящем и прошлом. Политическое сознание россиян сегодня отличается высоким уровнем ретроориентированности – сталкиваясь с нестабильным настоящим, наши граждане испытывают определенные трудности с выстраиванием горизонтов планирования будущего страны и ищут возможные сценарии развития России в её историческом прошлом.

Осенью 2023 года научный коллектив начал новое исследование, посвященное изучению представлений россиян о будущем своей страны. Его цель заключается в выявлении особенностей формирования представлений российских граждан о перспективах развития своей страны. В рамках данного проекта мы планируем рассмотреть

¹ Проект № 123091200067-7 «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

характеристики образа России как сложного политико-психологического конструкта массового политического сознания, который формируется в контексте существующих сегодня ожиданий развития, совершенствования государства и общества.

*Рогожина К.А.
(ВолГУ, Волгоград)*

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВАЯ «ГОРЯЧАЯ ТОЧКА» НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Стержнем современного политического развития является распад рах Americana и формирование нового мирового уклада, контуры которого в настоящее время еще не представляется возможным ясно очертить, поскольку процесс этого распада диктуется как внутренним политическим и идеологическим напряжением и противоречиями в социально-экономической сфере американского и европейского обществ, так и корреспондирующимися с ними действиями противников атлантической цивилизации, в первую очередь, России, и выходящего на авансцену мировой политики Китая и ряда других дружественных стран. Фактически они действуют в рамках необъявленного союза в интересах своих государств. Линиями разлома стали, прежде всего, агрессивные действия США на Украине, вынудившие РФ начать СВО для защиты своих национальных интересов и интересов проживающего на Украине русскоязычного населения, продолжающие провокации со стороны «коллективного» Запада по разжиганию армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе и развитие ситуации в странах Центральной Азии.

Не достигнув своей цели поражения России вплоть до ее распада в этом глобальном противостоянии США вместе со своими сателлитами открывают все новые фронты, новые «горячие точки» по периметру России, преследуя все ту же цель по усилению общего давления на РФ. Временное ослабление напряженности в регионе Южного Кавказа, вызванное ликвидацией Нагорно-Карабахской республики, не должно обманывать наблюдателей, и следует ожидать скорого обострения противостояния Армении и Азербайджана, наиболее острой составляющей которого станет проблема Зангезурского коридора, т.е. участка, соединяющего Нахичеванский эксклав с основной частью Азербайджана географически в районе примыкания Армении к границе с Ираном, одновременно в наиболее узкой своей части позволяющего продлить этот коридор таким образом, чтобы не только обеспечить соединение регионов Азербайджана в единое целое, но и получить доступ к центральноазиатскому региону, который иначе Запад в каком-либо ином месте получить не может. В этом случае выход к Каспийскому морю через территорию Азербайджана позволяет получить доступ к Центральной Азии через Туркменистан и Казахстан.

Таким образом, в дихотомии однополярный мир – многополярный мир, Запад - Россия центром противостояния, очередной «горячей точкой» становится территория центральноазиатских республик. Совершенно очевидно, что экспансия США и западных стран в этот регион началась уже давно, но в последнее время она радикально усиливается в рамках геополитического противостояния с Россией в стремлении вытеснить РФ из ее «мягкого подбрюшья». Важнейшим рычагом влияния на государства региона и таким образом опосредованно на ситуацию в России является использование вторичных санкций, когда воздействуя на социально – экономическую ситуацию в этих странах из-за якобы нарушения ими рестрикций в отношении РФ, Запад получил, следует признать, действенный механизм ограничения их экономических связей с РФ и влияния на их внешнюю политику. Запад во главе с США однозначно намерен положить конец стремлению стран центральноазиатского региона усидеть на 2-х стульях или, выражаясь эзоповым языком, проводить «многовекторную политику», несмотря на публичные заявления об обратном. Подтверждением серьезности намерений США служит встреча президента США Джо Байдена с главами государств ЦА,

которая прошла 19 сентября 2023г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН. Эта встреча показательна тем, что впервые в рамках действующего с 2015г. формата ЦА+1 (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан + США), она прошла на высшем уровне, ранее встречи этого формата проводились на уровне глав МИД своих стран. Во встрече приняли участие все лидеры центральноазиатских республик. Можно уверенно утверждать, что эта проблема в приложении к национальным интересам РФ достигла своего апогея, что не имело место даже в период нахождения в ЦА американских военных баз.

Рассматривая в совокупности, центральноазиатский регион имеет три болевые точки, которые определяют остроту взаимоотношений между его республиками, которые, как это хорошо видно на примере отношений Кыргызстана и Таджикистана, могут приводить к реальным боестолкновениям и человеческим жертвам. Это, во-первых, энергетика, во-вторых, земля и, в-третьих, вода.

Россия стремится поддержать свое влияние в странах региона, оперируя как своими экономическими возможностями, так и иными методами. В частности, РФ оказала поддержку президенту Казахстана для прекращения массовых выступлений в республике в январе 2022г., впервые задействовав положение Устава ОДКБ о развертывании коллективных миротворческих сил данной организации. В энергетике в эти дни происходит беспрецедентный поворот в пользу снабжения ЦА российскими энергоресурсами, о чем говорит состоявшийся в начале октября запуск поставок российского газа в Узбекистан через территорию северо-западного Казахстана по газопроводу «Средняя Азия – Центр». В советский периода по данному газоповоду газ поступал из УзССР сразу в восемь советских республик. Теперь этот газопровод впервые начал работу в реверсном направлении. Это, безусловно, политическое решение позволяет экономическими средствами усилить политическое влияние РФ на страны региона и формировать дополнительный рычаг воздействия на энергетический баланс Китая, которому продают свой газ Узбекистан и Таджикистан, поскольку основные транспортные пути между Китаем и Россией проходят, как и столетиями ранее, через центральноазиатский регион.

Следует ожидать, что укрепление конфликтного потенциала в Центральной Азии – это та цель, к которой стремятся США и страны НАТО, о чем свидетельствует встреча Д. Байдена и лидеров стран ЦА. В противовес этому перед Россией стоит задача укрепления стабильности и своего влияния в регионе. Для этого России понадобится применение как давно созданных механизмов, к каковым относится заседание Совета глав государств СНГ, которое прошло 13 октября текущего года в Бишкеке, так и поиск новых эффективных инструментов противостояния растущей экспансии США и «коллективного» Запада.

*Рожнева С.С.
(ПетрГУ, Петрозаводск)*

МОДЕЛИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ВЫБОРАХ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2023 г.

В настоящий момент кризисы безопасности, глобальные вызовы и угрозы нашему государству заставляют обращать внимание на то, кто и каким образом будет осуществлять генеральную политическую линию в регионах страны.

10 сентября 2023 г. региональные выборы высшего должностного лица прошли в 21 субъекте Российской Федерации. Во всех случаях они по счету стали третьими с момента возвращения прямых выборов глав регионов в 2012 г., что позволило выявить тенденции и смоделировать практики электорального поведения и предпочтений граждан в анализируемых субъектах.

Отметим, что классические западные теории электорального поведения – социологические и социально-психологические подходы, модели рационального,

политико-коммуникативного или когнитивного участия избирателей – к российским практикам применяются лишь отчасти.

При построении моделей электорального поведения российских избирателей на региональных выборах главы субъекта следует учитывать факторы электоральной явки, какая политическая партия выступала субъектом выдвижения кандидата – победителя, что напрямую свидетельствует о позиции «партии власти» (в нашем случае, это «Единая Россия») в регионе. Необходимо брать во внимание число недействительных бюллетеней на избирательных участках и анализировать их соотношение с числом голосов, отданных за живого кандидата. В последнем случае это становится необходимым рассматривать в отношении электоральных предпочтений, т.к. с 2006 г. действует Федеральный закон № 107-ФЗ.

На основе изучения результатов голосования на выборах высшего должностного лица субъекта РФ по данным ЦИК РФ за период с 2012 по 2023 гг. (186 случаев) и с учетом выше обозначенных параметров автору удалось построить матрицу и определить устойчивую и динамическую модели электоральных предпочтений с тремя видами модификаций в каждой (см. табл.).

Таблица

Модели электорального поведения на выборах высшего должностного лица субъекта в регионах России в 2018 и в 2023 гг. (составлено автором)

Модель	Устойчивая модель электоральных предпочтений			Динамическая модель электоральных предпочтений		
	Низкая ¹	Средняя ²	Высокая ³	Низкая ⁴	Средняя ⁵	Высокая ⁶
Электоральная явка						
Позиция «партии власти»	Устойчивая позиция ⁷			Неустойчивая позиция ⁸		
<i>Число недействительных бюллетеней превышает число голосов, полученным живым кандидатом</i>	5 / 1	1 / 0	4 / 1	3 / 0	1 / 0	0 / 0
<i>Число голосов, полученным живым кандидатом, превышает число недействительных бюллетеней</i>	4 / 7	0 / 1	2 / 6	0 / 2	0 / 2	1 / 1

Исходя из полученных данных видно, что в большинстве субъектов РФ избиратели продолжают демонстрировать устойчивую модель электоральных предпочтений, причем как с низкой, так и с высокой избирательной явкой, что свидетельствуют об устойчивости позиции кандидатов – победителей, субъектом выдвижения которых стала партия «Единая Россия» на выборах 2023 г.

Однако, сравнение средних значений данных 2018 г. с результатами 2023 г. выявило динамику в электоральном поведении избирателей по факту соотношения количества недействительных бюллетеней к наименьшему числу голосов, полученным живым кандидатом.

¹ 0% - 39%

² 40% - 49%

³ 50% - 100%

⁴ 0% - 39%

⁵ 40% - 49%

⁶ 50% - 100%

⁷ Результат голосования более 50% голосов

⁸ Результат голосования менее 50% голосов

Так в 2018 г. в 14 из 21 субъектов живой кандидат с наименьшим количеством голосов проигрывал условно обозначенному по числу недействительных бюллетеней кандидату «против всех». В то время как в 2023 г. таких субъектов осталось только 2 (против 14) – Псковская и Самарская области. В остальных случаях избиратель отдавал свои голоса за живого кандидата, что свидетельствует о снижении протестного голосования на выборы главы исполнительной власти в регионах страны.

Розина В.А.

(Государственный университет просвещения, Москва)

РОСТ ДОВЕРИЯ К TELEGRAM КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Мессенджер Telegram TG стал не просто средством общения, но и средой для политических коммуникаций, монополия на которые ранее принадлежала масс-медиа. Процесс включения Telegram в повестку был неизбежен, т.к. все новые средства передачи информации быстро находили применение на политическом медиополе. Например, появление телевидения привело к революционным в то время теледебатам.

Косвенно включению мессенджера в медиасреду способствовала конвергенция на рынке СМИ. Практически нет издательств, не имеющих Интернет-сайтов, видеопрограмм, радио-подкастов. Этот процесс стал частью так называемой «стратегии 360 градусов», предусматривающей передачу контента по всем каналам. В итоге понятие масс-медиа все время расширяется, и появление TG-каналов превратило мессенджер в часть этой среды.

Закреплению положения способствовало и то, что отношения СМИ и власти стали принимать организованную форму. По «Закона о СМИ» органы власти обязаны информировать население о работе, в этой связи появились информационные департаменты, которые стали заключать со СМИ т.н. договора на информсопровождение. По их условиям медиа ведут освещение деятельности конкретного контрагента на всех ресурсах, в том числе и через Telegram.

Если ранее у экспертов вопрос доверия Интернет-площадкам был предметом дискуссии, то последние данные соцопросов показывает, что читатели выбор сделали. По данным ВЦИОМ примерно в равной степени россияне доверяют новостным сайтам (35%), центральной и региональной прессе (по 33%) и Telegram-каналам (31%)¹. Фактически, в общественном сознании стоит знак равенства между традиционными изданиями и каналами мессенджера, дискуссия считать ли TG СМИ де-факто уже закрыта с положительным ответом.

Это можно констатировать и по росту аудитории. По данным платформы TGstat², в политическом секторе TG первом месте по охватам канал зампреда Совбеза Д. Медведева - 1 млн 105 тыс. подписчиков, на втором председателя Госдумы В.Володина - 1 млн. По подписчикам на первом месте канал военного блогера Ю.Подольки - 2 млн 780 тыс, на втором месте - главы Чечни Р. Кадырова 2 млн 204 тыс. Фактически, количество читателей каналов сравнимо с числом подписчиков федеральных СМИ.

Чем же вызван интерес? Меняется модель медиапотребления – нехватка времени и плотность информационного поля приводят к тому, что читатель нуждается в концентрированной информации, которую легко «взять» в любой момент. Мессенджер, устанавливаемый на любое устройство от смарт-часов до компьютера, подходит идеально. Он становится средством политической коммуникации с большим охватом аудитории.

¹ Доверие СМИ в России. [Электронный ресурс]. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (Дата обращения 2.09.2023).

² Каталог Telegram-каналов и чатов. Политика [Электронный ресурс]. // URL: <https://tgstat.ru/politics> (Дата обращения 11.09.2023).

Telegram теперь можно назвать средством массовой информации в широком смысле, но он отличается от традиционных медиа: интерактивен, подразумевает обратную связь и быстрый контакт, чем создает иллюзию диалога (а СМИ - монолога). При этом его работа не регулируется «Законом о СМИ», а следовательно он свободен от многих ограничений.

Как это может изменить политическую коммуникацию? Прежде всего, важно, сможет ли он взять на себя часть функций, которые ранее на этом поле выполняли только СМИ (а значит и долю влияния «четвертой власти»)? Анализ с точки зрения основных теорий политических коммуникаций показывает, что это вероятно. TG может участвовать в установке «пунктов повестки дня», которая по когнитивной теории Б. Коэна ранее являлась только функцией СМИ. Может формировать «спираль общественного мнения», отмеченную Э. Ноэль-Нойман¹. Он выполняет социальную функцию, позволяя участникам и объектам «поддерживать ориентации в отношении друг друга» по модели Ньюкомба. Если посмотреть на эту коммуникационную площадку через призму теории Д.Истона² о том, что политическая система – это совокупность взаимосвязанных по схеме вход-конверсия-выход видов деятельности, то Telegram вполне может служить точкой «входа» требований общественности, дискуссии и выводы по их итогам - конверсией, а на выходе можно ожидать политические выводы.

Помимо формирования и распространения идей рост аудитории политических TG-каналов способствует привлечению в политическую сферу новых участников. Среди рисков можно отметить бесконтрольность и возможности манипуляции общественным сознанием. Безопасность TG-каналов, защита их от взлома пока под вопросом. Эти аспекты необходимо учитывать любым политическим силам при выстраивании информационной политики.

Романова А.П.
(АГУ, Астрахань)

ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРИКАСПИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)³

После распада Советского союза в странах Каспийского региона начинаются активные идентитарные процессы. На первом этапе возникает так называемое постсоветское каспийское пространство (в которое не входит только территория Ирана), что задает общую исходную точку для конструирования новых идентичностей. Отправной моделью являлась советская идентичность, а основные магистральные пути трансформации: либо «на основе», либо «от противного». Однако практически все страны выбирают комбинированный вариант, с преобладанием тех или иных политик и конструктивных элементов в разные временные этапы. Отправной точкой становится 1991 г., как точка невозврата и одновременно бифуркации с непредсказуемой траекторией движения, которая символически рассматривается как момент обретения независимости, свободы и «постколониального» светлого будущего. Во всех странах основными механизмами процесса конструирования являются базовые политики: политика памяти, языковая, образовательная, символическая, имиджевая, в различных конфигурациях и различной степени интенсивности: от резкого поворота к «несоветскости», до медленного, ступенчатого. С течением времени постсоветское пространство начинает размываться вместе со связующей и продуцирующей некоторые его аспекты советской идентичностью. После тридцати лет независимого существования формируются основы моделей политик

¹ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. - М: Прогресс-Академия, 1996.

² Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. - М.: Мысль, 1997.

³ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте со-циетальной безопасности».

идентичности каспийских государств, имеющих как общие структурные элементы, так и уникальные, как, например, политика нейтралитета в Туркменистане. Необходимо учитывать, что процесс конструирования не является завершённым, поскольку периодически меняются факторы влияния, как внешние, так и внутренние, а так же сменяется поколение, которое становится главным адресатом новой идентитарной политики. Надо отметить, что проведенные нами количественные и качественные социологические исследования в 2022-2023 г. среди граждан Казахстана, Азербайджана, Туркменистана показали, что в прикаспийских странах элементы советской идентичности остаются у респондентов преимущественно рожденных и проживших часть жизни в СССР. Именно молодёжь, и прежде всего студенты, становятся главным объектом воздействия политик идентичности.

Любая политика идентичности имеет свою стратегию и идею конечного продукта, который она собирается получить. В любой из ее механизмов заложено определенное целеполагание. Ее результаты на каждом конкретном этапе проявляются в общественном мнении и менталитете прежде всего наиболее активного социального слоя - молодежи. Уже сейчас можно сделать выводы о том, что результаты влияния политики памяти можно трактовать неоднозначно. Результаты исследования показывают, что политика памяти на данном этапе оказалась недостаточно конструктивной в области «удревления» и фундаментализации собственной истории. Молодежь плохо знает досоветскую историю даже в мифологизированном постперестроечном варианте. Причем наиболее слабые знания показала туркменская молодежь, лучшие показатели в этой области у казахстанской молодежи. Что касается постколониальной направленности политики памяти, то здесь наиболее «результативно» она работает в Казахстане. Тема травмы нанесенная голодомором, недостаточное признание заслуг Казахстана в ВОВ, уничтожение казахского языка и т.п., поднимались практически во всех проведенных фокус-групповых интервью. Наиболее толерантная позиция в этой сфере оказалась у Туркменистана. Возможно, здесь сыграла свою роль политика нейтралитета, принятие которой упоминали как знаковое историческое событие все респонденты. В процессе фокус-групповых интервью туркменские респонденты не акцентировали внимание на травматических событиях. Азербайджанские же респонденты были сосредоточены преимущественно на современной истории и самым главным историческим событием для них была «вторая Карабахская война». В области политики формирования светлого будущего, практически для всех респондентов трех стран главным событием стало получение независимости в процессе распада Советского союза. Результаты влияния символической и имиджевой политики на молодежь тоже имеют общие характеристики. Во главе списка символических персон респонденты всех стран поставили ведущих литераторов прошлого (Низами, Абай, Мухтумкули), но включили президентов периода независимости, в ведущую пятерку. Языковая политика оказалась наиболее результативной, русский язык исчезает в Туркменистане и Азербайджане. В Казахстане он более активно используется благодаря более высокому проценту русского населения. В целом процесс конструирования новых идентичностей активизировался в связи с изменением международного статуса Каспия.

Романовский А.А.
(ВГУ, Воронеж)

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС В РЕГИОНАХ ЦФО (ТЕНДЕНЦИИ РОТАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РЕКРУТИРОВАНИЯ)

Актуальность исследования ротации губернаторского корпуса в современной России обусловлена рядом факторов: определяющей ролью внутривластного блока Администрации Президента России при подборе кадров, в том числе через управленческий

резерв так называемой «Школы губернаторов», рекрутированием преимущественно губернаторов-«варягов», устоявшейся практикой досрочных отставок, возрастными критериями и окончательным уходом с руководящих должностей в регионах представителей бывшей советской партноменклатуры и т.п. Все это требует дополнительного осмысления новых тенденций в кадровой политике федерального центра.

С целью выявления тенденций при ротации высших должностных лиц регионов ЦФО сравним основные характеристики действующих губернаторов с предыдущими.

Как показывает статистический анализ, преобладающее количество глав регионов перед назначением их временно исполняющими обязанности губернаторов и последующим избранием занимали государственные должности в системе исполнительной власти.

Наряду с самым статусным из руководителей субъектов РФ – мэром Москвы С. Собяниным, который до наделения полномочиями занимал должность заместителя Председателя Правительства России, подавляющее большинство среди действующих глав регионов являются выходцами из федеральных исполнительных органов. Пятеро были заместителями министров, трое – возглавляли или являлись заместителями руководителей федеральных служб. Назначенный в марте 2023 г. врио губернатора Смоленской области В. Анохин был директором департамента в аппарате Правительства Российской Федерации. Только один из действующих глав – губернатор Белгородской области В. Гладков до назначения работал в сфере исполнительной власти другого региона, занимая должность заместителя председателя правительства Ставропольского края.

Вторая по степени рекрутирования сфера – публичная политика, как правило, представленная сочетанием государственных должностей в органах законодательной власти с работой в партийной сфере. Трое действующих губернаторов до вступления в должность были депутатами Государственной Думы ФС РФ, а еще один – губернатор Орловской области А. Клычков – являлся депутатом Московской городской Думы.

Менее представленная сфера – муниципальное управление. Однако если губернатор Калужской области В. Шапша, который до назначения занимал должность главы администрации г. Обнинск имел преимущественно опыт службы в сфере муниципальной власти, то губернатор Воронежской области А. Гусев, являвшийся до назначения главой Воронежа, до этого находился на государственных должностях в правительстве области.

И, наконец, лишь один губернатор в регионах ЦФО является представителем банковского сектора и до этого ни дня не находился на госслужбе – губернатор Липецкой области И. Артамонов. До своего назначения он был вице-президентом Сбербанка России, пройдя в этой структуре практически все ступени должностного роста.

Стоит отметить, что при сравнении с предшественниками, больше чем в два раза сократилось представительство глав регионов, которые до назначения занимались парламентской деятельностью. При этом сферы, так или иначе отличные от госуправления, при предыдущих губернаторах представлены в регионах ЦФО не были.

В плане динамики ротации губернаторского корпуса нельзя не обратить внимание на то, что фактически изменилось соотношение высших должностных лиц, которые до назначения имели устойчивую связь с регионом. Если среди предыдущих глав субъектов ЦФО «варягами» являлись только 7 губернаторов, то среди действующих их уже 13 (72%).

Одним из инструментов обновления стал кадровый резерв Президента РФ – предварительное обучение новых глав субъектов РФ на специальных курсах Высшей школы государственного управления РАНХиГС.

Таким образом, процесс ротации губернаторского корпуса на примере субъектов Центрального федерального округа демонстрирует ряд тенденций: усиление рекрутирования на должности высших должностных лиц регионов представителей исполнительной власти, прежде всего, имеющих управленческий опыт в федеральных министерствах и ведомствах; соответственно, снижение представительства субъектов публичной политики, занимавшихся парламентской деятельностью; существенное повышение представительства губернаторов-«варягов»; появление тенденций к

вертикальной мобильности (рекрутирование из управленческой элиты муниципального уровня, а также с нижестоящих государственных должностей из других регионов)¹.

*Ромашкина А.Б.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)*

СУБЪЕКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ДИСКУРСОМ И ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ²

Современные социально-политические процессы, происходящие в обществе, трансформируются в результате стремительного интенсивного развития технологий коммуникации в цифровом пространстве интернета. Обмен информацией, распространение знаний, ценностей, смыслов и идей является важной составляющей управления общественным сознанием. Для обеспечения этого процесса необходимы такие элементы как обладание ресурсами трансляции информации, возможность контролировать каналы коммуникации и распространения информации, содержание сообщений. Все это является одной из ключевых характеристик субъекта, обладающего властью.

На протяжении многих столетий государство было основным участником процессов политической коммуникации, которая выстраивалась вертикально. Развитие СМИ (газет, радио, а затем и телевидения) не меняло принципов распространения информации – государство и его институты оставались ключевым субъектом, контролирующим содержание сообщений, а также каналы их распространения. Изменения начали происходить в связи с развитием интернет-коммуникации. М. Кастельс рассматривает коммуникационные процессы, происходящие в онлайн-среде, как горизонтальные формы взаимодействия между пользователями, что, по его мнению, меняет само устройство общества – оно становится сетевым.

Горизонтальная коммуникация в цифровом пространстве позволяет всем пользователям, независимо от их положения в социальной иерархии, взаимодействовать друг с другом на равных основаниях. В таком случае государство перестает быть единственным субъектом формирования информационного пространства, а новыми участниками управления политическим дискурсом, процесса кодирования и декодирования информации становятся как обычные граждане, так и иные заинтересованные лица (например, оппозиция, иностранцы, лидеры и политики зарубежных стран, цифровые СМИ, модераторы и редакторы сайтов и социальных сетей и другие).

Сетевой формат горизонтальных коммуникаций в цифровой среде способствует усилению конкуренции за возможность влиять и управлять общественным сознанием между государством и иными политическими акторами. Также цифровое пространство коммуникаций характеризуется тем, что информационные потоки упорядочиваются алгоритмами, а сама информация транслируется для каждого пользователя персоналифицировано и таргетировано с учетом его субъективных особенностей и психотипа. В таком случае настройка алгоритмов поиска информации, рекомендованных сообществ позволяет влиять на индивидуальное сознание каждого человека. Алгоритмы, которые изначально были нейтральным инструментом структурирования цифровой среды,

¹ Романовский А.А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Центрального федерального округа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 73-77.

² Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2023-0044 «Цифровой суверенитет и идентичность: обеспечение безопасности ценностно-смыслового пространства государства в условиях глобального информационного противостояния».

превращаются в механизм эффективной манипуляции сознанием каждого человека, а значит, и фактором влияния на его поведение.

Новыми акторами политической коммуникации становятся представители «цифровой элиты» - владельцы интернет-платформ, социальных сетей, разработчики алгоритмов, модераторы и редакторы онлайн-ресурсов. У них появляется инструмент управления обществом на основе регулирования информационных потоков в цифровом пространстве. Кроме того, они разрабатывают правила пользования цифровыми ресурсами, сами их могут интерпретировать и менять правила, блокировать аккаунты тех, кто нарушает эти правила, в том числе представителей политической элиты и государственной власти, что способствует формированию новых форм неинституциональной власти в цифровой среде. Государству как главному институту управления обществом необходимо обеспечить цифровой суверенитет (наличие собственного оборудования, алгоритмов, их разработчиков, хранилища информации, инструменты обработки и т.д.) для того, чтобы обеспечить возможность влиять на коммуникационные процессы в обществе, а значит, и сохранить один из важнейших ресурсов власти – коммуникацию и контроль над каналами трансляции информации.

Таким образом, субъектность государства в современном обществе, в деятельность которого активно внедряются цифровые информационно-коммуникационные технологии, зависит от наличия цифрового суверенитета. Возможность формировать общественное мнение и управлять обществом зависит от наличия у государства и его органов механизмов влияния на политический дискурс, процессы кодирования и декодирования информации. Поэтому утрата контроля над каналами трансляции информации становится угрозой для информационной безопасности и ценностно-смыслового пространства современных государств.

Ростовцев Н.Г.
(БФУ им. И. Канта, Калининград)

РОССИЙСКИЙ ЭКСКЛАВ НА БАЛТИКЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Значительный рост интереса к Калининградской области связан с распадом СССР, после которого область стала самым густонаселенным эксклавом в мире. Можно сказать, что в указанный момент начал формироваться специфический калининградский дискурс, темами которого являются Калининградская область, её система управления и её место, роль в мире. Целью данной работы является определение как основных тем калининградского международного дискурса, так и основных периодов их развития.

Так, **сразу после распада СССР** формализуются ключевые темы международного политического дискурса вокруг Калининградской области, среди которых:

- во-первых, *идея сотрудничества* и, в том числе, совместного управления областью Российской Федерацией и Евросоюзом.
- во-вторых, формируется интерес к изучению т.н. «*калининградской идентичности*».
- в-третьих, поднимаются первые тезисы о *якобы неправомерности нахождения Калининградской области в составе России*.

Развитие первой тематики привело к формированию в политической и публичной сферах таких устойчивых идиом как «*коридор развития*» и «*пилотный регион*». Так, именно идеи «сотрудничества» в течение долгого времени доминировали в политическом дискурсе Калининградской области **после двухтысячного года**, на что обращают внимание и другие исследователи.

Вторая тематика – связанная с т.н. «калининградской идентичностью» – продолжала своё существование в дискурсе, долгое время не получая смыслового развития, что во многом связано с отсутствием отличий в восприятии своей территориальной идентичности между жителями Калининградской области и жителями других регионов России.

Третья тема, посвященная оспариванию правомерности нахождения области в составе РФ, временно заглохала, что являлось следствием как определённой стабилизации во взаимоотношениях России и стран коллективного Запада, так и укреплением российской государственности.

Поворотным моментом послужило воссоединение Российской Федерации с Крымом в 2014 году и усиление конфронтационных отношений между странами западного полушария и Россией. На данном этапе происходит заморозка доминировавшей в двухтысячные годы тематики «сотрудничества», а дискурсивные темы территориальных претензий на Калининградскую область вновь становятся объектами международного дискурса; актуализируются такие идиомы как «калининградский вопрос», начинается медийное и политическое развитие тем «Малой Литвы», «Крулевца»; Крулевец становится официальным названием Калининграда в Польше. На данном этапе также происходит развитие тематики, связанной с идентичностью калининградского населения, что принимает интенции призывов к сепарации области от России.

Вместе с этим, можно отметить, что действующие зарубежные политики крайне осторожны в высказываниях относительно Калининградской области, и наиболее агрессивные реплики свойственны – отставным политикам и военным. Однако, как показывает анализ, темы дискурса не только имеют свою периодизацию, но и способны к развитию, что делает необходимым изучение указанной проблематики на данном этапе. В свою очередь, доминирующий образ Калининградской области в международном политическом дискурсе, транслируемый действующими иностранными политиками – это «*военный форпост России на Балтике*», что так же является следствием актуальной геополитической обстановки в мире.

Отдельно можно выделить тенденции о постепенном формировании у области т.н. «*дискурсивной субъектности*», в рамках которой тема региона становится всё более обсуждаемой в международном политическом дискурсе, обретая уникальное символическое значение, в рамках которого регион постепенно перестаёт играть роль своеобразного придатка во взаимоотношениях России и стран коллективного Запада, становясь важной и субъектной темой дискурсивного обсуждения.

Руденко М.В.
(ДонГУ, Донецк)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОСТУКРАИНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Госпереворот 2014 г. поставил точку в истории постсоветской Украины, являвшейся правопреемницей Украинской ССР. Её бывшую территорию с конца февраля 2014 г. предлагается воспринимать как постукраинское пространство. Изучение процессов создания и развития здесь новейших государств, на фоне длящегося 10-й год подряд украинского кризиса, имеет особую актуальность. Постараемся выделить основные государственные образования, проявившиеся на постукраинском пространстве с февраля 2014 г. по сентябрь 2022 г.

С момента захвата Верховной Рады боевиками «евромайдана» и принятия 22 февраля 2014 г. парламентом противоречащего Конституции решения об отрешении от власти действующего Президента Украины В. Януковича, а также создания нелегитимной исполнительной вертикали, можно начинать отсчет «постмайданной» государственности

на Украине. Появившееся в результате узурпации власти организаторами «евромайдана» образование, наследовало название, и внешние формы постсоветской Украины, но по своей сути это был незаконный политический режим, установленный грубой силой, при открытой поддержке Запада. Переворот не был признан населением юго-восточных областей страны. Попытки Киева подавить сопротивление несогласных привели к началу гражданской войны. За этим государственным образованием прочно закрепилось определение «киевский режим». Данный марионеточный прозападный режим приобрел форму олигархической по происхождению и тоталитарной по характеру диктатуры, основанной на подавлении инакомыслящих, репрессиях против политических оппонентов, идеологических постулатах украинского нацизма (в пропагандистских целях сохранявшей демократический фасад). Уже можно с полной уверенностью констатировать, что «постмайданная Украина» или «киевский режим», представляет собой классическое «несостоявшееся государство».

В феврале-марте 2014 г. протесты против незаконного киевского режима, получившие название Русская весна, охватили восток бывшей Украины.

В период с 23 по 27 февраля 2014 г. под давлением протестующих была осуществлена смена исполнительных органов власти в городе Севастополе и Автономной Республике Крым. 11 марта 2014 г. Верховный Совет АР Крым и Севастопольский городской совет в ходе подготовки к проведению общекрымского референдума, назначенного на 16 марта, приняли Декларацию о независимости. На основании результатов референдума и данной декларации 17 марта 2014 г. была провозглашена независимая и суверенная Республика Крым, в которой город Севастополь имел особый статус. В тот же день она была признана Россией, а 18 марта 2014 г. Республика Крым и г. Севастополь вошли в состав Российской Федерации на правах новых субъектов.

7 апреля и 27 апреля 2014 г. на территориях бывшей Донецкой и Луганской областей Украины, по инициативе восставших жителей данных регионов, были провозглашены Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, соответственно. 11 мая в ДНР и ЛНР были проведены референдумы о самоопределении, на основании которых 12 мая 2014 г. была провозглашена независимость данных де-факто государств. В дальнейшем, 21 февраля 2022 г. Россия, а затем и ряд других государств, признали ДНР и ЛНР, что перевело республики в статус частично признанных государств.

В ходе проведения специальной военной операции по защите Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины (СВО) к марту 2022 г. значительные территории Херсонской, Запорожской и Харьковской областей были очищены от украинских вооруженных формирований. Встал вопрос о формировании на освобожденных территориях дееспособных органов власти. В апреле-мае 2022 г. на территориях данных областей начинают формироваться новые временные органы государственной власти – городские, районные и областные военно-гражданские администрации (ВГА). Летом 2022 г. в каждом из вышеперечисленных регионов создаются постоянно действующие органы исполнительной власти – правительства областей, характеризующиеся ориентацией на опыт построения структур органов власти в субъектах Российской Федерации.

23-27 сентября 2022 г. в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях прошли референдумы о воссоединении с Россией.

29 сентября РФ признала государственный суверенитет и независимость Запорожской и Херсонской областей.

30 сентября 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал договоры о вхождении в РФ на правах субъектов четырех новых территорий – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Отдельно стоит выделить проблему государственных образований на территории Харьковской области бывшей Украины. Харьковская Народная Республика была провозглашена в занятом восставшими харьковчанами здании областной государственной

администрации 7 апреля 2014 г. В ХНР начался процесс формирования представительных органов власти. Но в связи с репрессиями киевского режима, уже к 8 апреля дальнейшее развитие республики было подавлено. Из-за краткосрочности существования ХНР и неразвитости ее государственных институтов, вопрос о том, можно ли считать данную республику одним из де-факто государств постукраинского пространства, остается открытым.

Сложная судьба постигла и Харьковскую область, де-факто образование, возникшее весной 2022 г. на территории освобожденных от киевского режима районов Харьковской области. Там также происходило формирование временных, а затем постоянных, органов государственной власти (ВГА и правительство области), строительство других институтов де-факто государственности. Однако, эти процессы были прерваны в сентябре 2022 г., в связи с потерей большей части территории области. При этом ВГА Харьковской области продолжает свое существование и при изменении военно-политической ситуации имеет потенциал к возобновлению построения де-факто государства в регионе.

Таким образом, из 7 существовавших на постукраинском пространстве с февраля 2014 г. по сентябрь 2022 г., государственных образований, 5 - добились исторической справедливости и путем воссоединения вернулись в состав России. Постмайданная Украина остается под полным контролем Запада и цинично используется им как инструмент в конфронтации с Российской Федерацией.

В связи с продолжающейся с февраля 2014 г. дестабилизацией постукраинского пространства, можно предположить, что появление новых государственных образований на его территории – это только вопрос времени. Также очевидно, что для большей части регионов исторической Новороссии, создание собственных государств, это не самоцель, а средство на пути к воссоединению с исторической Родиной – Россией.

*Русия Н.Т., Шпиро Л.А.
(КубГУ, Краснодар)*

ГРАЖДАНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)¹

Социально-политические реалии последних нескольких лет актуализируют запрос на общественную консолидацию и мобилизацию «низовых» ресурсов антикризисной политики, которая эффективна лишь в условиях солидаризации граждан России. Патриотические чувства граждан и их природа остаются одним из индикаторов социальной консолидации общества. Несмотря на то, что ценности патриотизма воспроизводятся на эмоциональном и когнитивном уровнях (91% россиян называют себя патриотами), обнаруживается дефицит социально проактивных установок граждан России в их действенном проявлении. Отличия представлений и установок являются основанием для фрагментации общества и одновременно указывают на относительно низкий уровень деятельностной солидаризации среди сельских жителей и населения малых городов, тем самым ограничивая потенциал мобилизации антикризисных «низовых» ресурсов.

На примере регионов Южного федерального округа, характеризующихся полиэтничностью, многокофессиональностью и высокой миграционной нагрузкой, представляется возможным описать комплекс факторов, которые влияют на формирование и активную деятельность устойчивых и эффективных сообществ на локальном уровне, способных выполнять задачи по решению проблем территорий. Стоит учитывать тот факт,

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа)»

что в ЮФО проживает 17 % сельских жителей России. Самая высокая численность сельского населения зафиксирована в Краснодарском крае, где 43 % (более 2,5 млн) жителей региона проживают в сельской местности. Сельский образ жизни, сохранение традиционных связей и традиций, высокая значимость неформальных сетевых коммуникаций в решении проблем территории определяют более высокий уровень гражданской солидарности сельских жителей в сравнении с городскими.

На основе эмпирического исследования (включающего методы экспертного опроса, онлайн-анкетирования населения Республики Крым Краснодарского края и Республики Адыгея, дескриптивный анализ статистических и аналитических открытых данных и анализ цифровых ресурсов) нами были определены ресурсы гражданской солидарности, среди которых ключевым становится локальная идентичность.

Наиболее распространёнными практиками гражданской солидарности, вовлекающими большее количество жителей городских и сельских территорий Юга России, являются те, которые связаны с глобальными для страны социально-экономическими и социально-политическими вызовами: так, в период пандемии COVID-19 широко распространялись практики, связанные с помощью изолированным гражданам, поддержкой врачей, информировании о поведении в период пандемии и способах эффективной защиты; в ходе специальной военной операции на Украине солидарная активность выражается, прежде всего, в практиках помощи военнослужащим и их семьям (плетение маскировочных сетей, написание писем и посылок на фронт с выражением поддержки, сбор и транспортировка гуманитарной помощи в зону фронта). Для политико-управленческой сферы актуальность данного исследования обусловлена острой потребностью в поиске технологий актуализации гражданской солидарности, которые на уровне сельских поселений и городов приобретают уникальные форматы и практики.

Русских М.С.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПОПЫТКА КОНСЕНСУСНОГО ПОДХОДА

Различные подходы к этническим и этнополитическим конфликтам составляют широкий пласт в современной российской и зарубежной науке. Вместе с тем автор на основе анализа научной литературы полагает, что концептуально в их основе могут быть выделены общие источники: ситуации, воспринимаемые в качестве актуальных проблем статусного и/или ресурсного характера в отношениях двух и более этнических общностей или групп. Отметим, что подобные проблемы выводятся из сравнения позиций (политических, социальных, экономических и др.) конкретных этнических общностей или групп в определенной временной перспективе. Говоря языком феноменологии, конфликтная ситуация формируется на основе ретенций и протенций (т.е. «сохраненных в памяти» и «предвосхищаемых» шагов, решений, действий и т.д., связываемых со сторонами и занимаемыми ими позициями). Такого рода ситуации могут быть классифицированы следующим образом:

- ситуации экзистенциальной угрозы этнической общности или группе (риски прямого физического исчезновения воспринимаются как реалистичные по меньшей мере одной из сторон);
- ситуации угрозы языку и/или культуре этнической общности или группы (риски запрета или вытеснения языка и/или культуры (т.е. символического исчезновения) воспринимаются как реалистичные по меньшей мере одной из сторон);
- ситуации потери (приобретения) доступа этнической общности или группы к экономическим и социальным ресурсам (риски потери (перспективы приобретения)

доступа к экономическим и социальным ресурсам воспринимаются как реалистичные по меньшей мере одной из сторон);

- ситуации потери (приобретения) политического представительства этнической общности или группы (риски потери (перспективы приобретения) политического представительства воспринимаются как реалистичные по меньшей мере одной из сторон).

Таким образом, этническая и этнополитическая конфликтность могут быть связаны с формированием (конструированием) и распространением представлений о рисках и перспективах конкретных общностей или групп. Исходя из этого, следует обратить внимание на отдельные аспекты определения проблем статусного и/или ресурсного характера и их становления в качестве рисков и перспектив, т.е. на субъекта и момент подобного конструирования.

Во-первых, следует определить субъектов (стороны) этнических и этнополитических конфликтов. Приведенные выше представления о рисках и перспективах этнических общностей или групп отличает заметное повышение комплексности и усиление институционального компонента. При этом очевидно, что риски потери (перспективы приобретения) доступа к экономическим и социальным ресурсам, равно как и риски потери (перспективы приобретения) политического представительства, не могут выступать изначальными представлениями самих этнических общностей или групп (полагание обратного будет означать предписывание им тотальной целерациональности). В связи с этим достаточно распространенный тезис о том, что сторонами этнических и этнополитических конфликтов выступают сами общности или группы, следует поставить под сомнение – точнее будет говорить о различных формах акторности или агентности от их лица. Говоря по-другому, сторонами таких конфликтов могут выступать отдельные активисты, их объединения (как институционализированные (формальные, легальные и отчетливо стремящиеся к легализации) – общественные движения, организации и политические партии, так и неинституционализированные (неформальные, нелегальные и не стремящиеся к легализации) – клики, парамилитарные образования, «толпы» и т.д.) и ситуативные сторонники.

Во-вторых, риски (как и перспективы) основываются на предполагаемо устойчивой взаимосвязи прошлых и будущих действий сторон. В практическом отношении это подводит нас к необходимости признания историчности всех этнических и (особенно) этнополитических конфликтов (различия могут быть проведены по длительности и степени глубины их существования в качестве компонентов социальной реальности). При этом следует отметить, что историчность сама способна быть предметом конструирования и борьбы.

В-третьих, определение момента начала этнического или этнополитического конфликта предполагает отбор обстоятельств и определенных шагов, решений, действий и т.д., связываемых со сторонами и занимаемыми ими позициями, способных вызвать резонанс и сделать возможными определенные выводы, которые не могли быть сделаны ранее, в рамках предшествовавшей структуры отношений. Кроме того, следует принимать во внимание, что подобный отбор способен осуществляться на основе неполных, недостоверных и/или измененных, в т.ч. преднамеренно, сведений.

РЕКОНФИГУРАЦИЯ УЧАСТИЯ РФ В ЕВРОПЕЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ

Российские регионы за постсоветский период наладили связи с большим количеством стран и регионов, что позволило им стать участниками влиятельных международных межправительственных и неправительственных организаций по вопросам местного самоуправления: «Ганзейский союз Нового времени», Ассоциация европейских приграничных регионов (АЕПР), Ассамблея Европейских Регионов (АЕР), Совет европейских муниципалитетов и регионов (СЕМР) и т.д. Членство в Совете Европы позволило российским регионам принимать активное участие в работе Конгресса местных и региональных властей (КМРВ) Совета Европы, в которой российские представители занимали высокие административные должности и продвигали в его комитетах повестку вопросы защиты прав русскоговорящего населения стран Балтии, российское видение международных политических событий. Тем не менее, после событий февраля 2022 года членство в большинстве организаций либо было заморожено, либо прекратилось, что потребовало от российских регионов и городов переориентировать свои внешнеэкономические связи и начать поиск новых площадок по продвижению своих проектов гуманитарного сотрудничества в рамках общей политики РФ по «повороту на Восток».

Наиболее активными в этом отношении оказались российские города, которые стали членами азиатских организаций по укреплению местного самоуправления: с недавних пор Москва участвует в Сети Умных городов АСЕАН (ASEAN Smart Cities Network). Российские города начали более интенсивно развивать отношения и друг с другом в целях решения тех вопросов, которые они пытались ранее решить через площадку европейских организаций: российские города «Ганзейского союза» продолжили сотрудничать друг с другом в рамках «Союза русских Ганзейских городов» для того, чтобы реализовать проекты по повышению своей туристической привлекательности, ранее планировавшиеся в рамках крупных международных фестивалей «Ганзейские дни», который ежегодно привлекает сотни тысяч туристов со всех стран союза.

На постсоветском постанове уже имеются многосторонние форматы для взаимодействия регионов, например, Совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству государств-участников СНГ, а по линии городов: Международная ассамблея столиц и крупных городов (МАСКГ), которые требуют определенной реконфигурации своей деятельности и смещения акцентов с исключительно гуманитарной повестки на интенсификацию экономического сотрудничества, и его сопряжения с усилиями по углублению экономического сотрудничества стран постсоветского пространства на субнациональном уровне.

Тем не менее, у российских городов имеется существенный потенциал для парадипломатии на такой международной площадке, как Sister Cities International, выступившей против вовлечения российских городов и регионов в политическое противостояние по вопросам поддержки Украины; Всемирная организация «Объединенные Города и Местные Власти»; Консультативный комитет ООН по вопросам местного самоуправления (ЮНАКЛА), президентом которой остается мэр Казани Ильсур Метшин.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Прогнозирование будущих событий в нестабильном мире является неотъемлемой частью современных СМИ. В современное время большое внимание уделяется выступлениям и анализу политологов. Выступление астрологов также вызывают интерес публики, но научный подход необходим для правильного прогнозирования и определения ключевых факторов политических процессов.

Прогностические возможности политологического исследования определяются научной структурой (дизайном). Логическая организация исследовательской работы является необходимой для определения вероятности развития событий в будущем. Обычно политологическое исследование начинается с паззла (puzzle) – головоломки, в которой определяется вариативность и разнообразие политических индикаторов зависимой переменной (фокуса исследования). Постановка научного вопроса помогает определить важные факторы, которые предлагаются в предыдущих научных исследованиях.

В целом, существуют четыре основных фактора (независимых переменных): экономический (основные теоретики Адам Смит и Карл Маркс), политический (например, воздействие электоральных систем на количество политических партий было предложено Морисом Дюверже), социально-демографический (пол, возраст, этничность, уровень образование и т.д.) и культурный (Макс Вебер, Сэмюэл Хантингтон, Петр Чаадаев). Так как правило парсимонии требует наименьшего количества факторов для объяснения наибольшего процента реальности, то в большинстве случаев такое число факторов, определенных в аргументе (научном обосновании), составляет один. Такая ситуация характерна для количественных (статических) исследований. Для качественных работ, использующих, главным образом, дескриптивный подход, общее число факторов обычно составляет три (что схоже с причинно-следственными связями исторических исследований).

Количественные исследования дают возможность объективного анализа, возможности определения ключевого фактора и процента вероятности какого-либо события в ближайшем будущем. Именно в моделировании, которое заимствовано политологами у экономистов, содержится возможность предсказать с некоторой долей вероятности будущие события. После того, как исследователь определяет свой аргумент (научный аргумент) один или несколько факторов, требуется сконструировать или использовать теорию, которая является объяснением реальности. Теории в политологии могут быть заимствованы из других дисциплин. Следующий шаг – это абстрагирование (определение действия ключевых акторов – групп элит), которое дает возможность использования модели. Использование чисел / индикаторов в базах данных дает возможность замерить воздействие определенного фактора в регрессионных таблицах. Так как на самом деле количество факторов намного больше одного, в политологических исследованиях значимое объяснение процента реальности вряд ли превышает 5-15 %, что намного ниже, чем в естественных дисциплинах.

Очень важная часть исследования – это заключение, которое включает три сектора. Первое – это результаты (findings) исследования, которые могут быть совершенно неожиданными для исследователя (выбранная теория может и не получить подтверждения). Второе – это рекомендация для будущих исследований. Так как в политологической работе должен быть узкий фокус и в качественных исследованиях основной акцент делается на механизме – взаимосвязи зависимой и независимой переменных, то определение последующих важных факторов и направлений будущих работ ученых указывается в конце научной статьи. И третье (самое основное для данной

работы) – это предсказание дальнейшего развития ситуации. Так как политологическое исследование обычно рассматривает современность (самые последние события), то именно этот компонент делает эту дисциплину направленной в будущее. Так как политолог предлагает свою собственную модель объяснения, прогноз в таком случае является проверкой собственных выводов и фиксирования своего предсказания для всего научного сообщества. Проверка временем – это последующий процесс, который дает возможность определить точные прогнозы, качество работы и ценность модели / подхода.

Рыбин И.О.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПЛАТФОРМА ОБЩЕСТВЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Введение

– Социальные сети стали неотъемлемой частью современной политической сцены. Социальные сети обладают уникальными чертами, которые способствуют активизации и объединению граждан в политических целях. Они предоставляют простой доступ к информации, позволяют создавать сетевые сообщества и координировать действия для достижения определенных целей.

– Актуальность темы объясняется её влиянием на политические движения и изменение способов взаимодействия в политике. В современном мире, где политика тесно связана с информационными технологиями, понимание роли социальных сетей в общественной мобилизации становится ключевым фактором для развития демократических процессов и формирования социальных движений.

Социальные сети как платформа мобилизации

– Социальные сети выступают в роли мощной платформы для сбора и распространения информации, способствуя мобилизации граждан. Существует множество различных медиа платформ, таких как Facebook*, X, Instagram*, и др., и каждая из них играет свою уникальную роль в процессе мобилизации. Например, X (бывший Twitter) эффективен для широкой дискуссии и активной обратной связи, в то время как Instagram* полезен для визуальной мобилизации.

– Они предоставляют простой доступ к большой аудитории и увеличивают охват политических сообщений. Они также позволяют быстро реагировать на изменяющиеся обстоятельства и объединять граждан с общими интересами.

Примеры успешных кампаний и движений

– Политические кампании, такие как «Арабская весна», «Black Lives Matter», и другие, являются яркими примерами мобилизации через социальные сети. Эти движения стали одними из символов эффективного использования социальных сетей для мобилизации масс.

– В этих случаях социальные сети сыграли ключевую роль в развитии событий. Тем не менее, не только социальные сети были средством распространения информации, но они способствовали координации действий участников и поддержке движений.

Роль социальных сетей в организации протестов и акций

– Социальные сети облегчают согласование действий активистов и массовых мероприятий. Они предоставляют платформу для быстрого обмена информацией о местоположении митингов, времени проведения, целях и тактике.

– Социальные медиа позволяют сообщениям и акциям быстро распространяться и набирать популярность. Важные сообщения, видеоролики, хештеги и фотографии могут стать вирусными, привлекая внимание миллионов пользователей.

– Социальные медиа обеспечивают глобальную координацию и солидарность между активистами в разных странах. Примером может служить мировое движение за климат, которое использует социальные медиа для организации массовых акций и объединения активистов из разных частей мира.

Опасности и вызовы в сфере мобилизации через социальные сети

– Дезинформация, цифровая репрессия и угрозы кибербезопасности являются серьезными вызовами в использовании социальных сетей для мобилизации. Манипуляция информацией может искажать образ событий и подрывать доверие к движениям. Кроме того, вопросы приватности данных вызывают озабоченность среди активистов и граждан, участвующих в политических акциях.

– Цифровая репрессия и ограничения свободы слова.

– Формирование ненависти и одобрение насилия. Так, в некоторых случаях, социальные сети могут способствовать распространению ненависти и призывам к насилию. Это может угрожать безопасности участников мобилизации и вести к конфликтам.

Заключение

– Социальные сети остаются сильным катализатором политической мобилизации, меняя способы участия граждан в политических процессах.

– Необходимо подчеркнуть обязательность баланса между возможностями и вызовами, связанными с использованием интернет-медиа в политической мобилизации, и обозначить их важность для современной политической деятельности.

– Несмотря на вызовы, нельзя отрицать, что социальные медиа остаются мощным средством политической мобилизации. Они позволяют гражданам влиять на политические процессы, создавать солидарность вокруг важных вопросов и формировать мировые движения.

** продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в РФ.*

Рыхтик М.И.

(Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОБРАЗА БУДУЩЕГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Современный мир поставил перед обществом целый ряд вопросов, связанных с теорией и практикой биополитического администрирования жизни, в том числе и в сфере мировой политики. Философы Майкл Фуко, Джорджо Агамбен, Антони Негри, Майкл Хардт, Павел Тищенко, Сергей Прозоров, Александр Олескин и др. обращались к проблеме генезиса феномена «биополитики», позволяющего проследить процесс изменения основ мировой политики и ее управленческих практик. Развитие биотехнологий неминуемо увеличивает возможности власти по дальнейшему формированию биополитического общества с помощью гибкой системы управляемости (governmentality). Становится

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Биополитические технологии в современной России: угрозы и стратегии» Н-024-0_2023_2025.

очевидным смещением акцента от дисциплинарных практик воздействия на социум к стратегиям управления и профилактики.

Мы сознательно пошли на использование различных теоретических подходов, что имеет большое значение при анализе практик и допускается в прикладных исследованиях. Функции биополитики рассматриваются в контексте системного подхода. Рассмотрение функций субъектов мировой политики в сфере биополитики опирается на концепцию политической системы Г. Алмонда и основные положения структурно-функционального анализа. Биовласть, как отмечают российские исследователи, открывает нам пространство проблематизации человеческой жизни, сформированное многообразием дискурсивных и внедискурсивных практик биомедицины, занятых производством человека в качестве «субъекта» и «объекта». Биовласть детерминирует индивидуальное самочувствие и самосознание людей, пронизывает их микро- и макросоциальные связи, суля здоровье и предлагая защиту от патогенных влияний.

Традиционно политическая наука большое внимание уделяет исследованию институциональных форм общественной жизни. Здоровье долгое время относили к категории неинституциональных факторов. Как отмечает, в частности, М.Ю. Урнов, подобным неформализованным аспектам политической деятельности в политологии уделялось значительно меньше внимания. Согласно современной интерпретации институционального подхода, эффективность функционирования системы определяется не только стабильной деятельностью упорядоченных форм социальных практик, но и процессами самоорганизации. Опираясь на экономические категории, к числу таких синергетических факторов можно отнести, например, «конкуренцию, децентрализацию принятия решений, правила и нормы, устраивающие не только выигрывающие, но и проигрывающие стороны», и т.д. М. Фуко одним из первых обратил внимание на тот факт, что дисциплинарные практики требуют замкнутого пространства, в каждом из которых функционируют определенные порядки и законы с тем, чтобы эффективнее обособлять и контролировать индивидов в пространстве и во времени. Анализируя реакцию политиков разных стран на угрозу распространения COVID-19, мы видим, что большинство предпочли замкнуться в своих «национальных казармах». Мы увидели на практике, что техника «биовласти» в условиях борьбы с распространением вируса характеризуется оторванностью от юридических процедур, которыми оперирует традиционная власть. «Биовласть» решила опереться на внеправовые формы власти, что дало ей большую свободу действий и огромное нерегулируемое правовыми нормами и законами пространство.

Общий концептуальный подход к управлению рисками в условиях дальнейшего развития биотехнологий, заключается в анализе основных факторов воздействия биотехнологий на социум и мировое сообщество; разработке мер, уменьшающих ущерб от воздействия негативных факторов, в том числе до конца неучтённых рисков, непредвиденных обстоятельств; реализации такой системы адаптирования населения к рискам, при помощи которой могут быть не только нейтрализованы или компенсированы вероятные негативные последствия, но и максимально использованы шансы для обеспечения высокого уровня безопасности граждан.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод об объективном наличии источников угроз безопасности с учетом биополитического фактора. Проблемы предотвращения угроз должны быть признаны одним из приоритетных направлений в деятельности международных организаций, государства, институтов гражданского общества и частного бизнеса. Общий концептуальный подход к управлению рисками в условиях дальнейшего развития биотехнологий, заключается в анализе основных факторов воздействия таких технологий на социум; разработке мер, уменьшающих ущерб от воздействия негативных факторов, в том числе до конца неучтённых рисков, непредвиденных обстоятельств; реализации такой системы адаптирования населения к рискам, при помощи которой могут быть не только нейтрализованы или компенсированы

вероятные негативные последствия, но и максимально использованы шансы для обеспечения высокого уровня безопасности. Таким образом, перед государством сегодня стоит задача управления рисками с учетом биополитического фактора.

Рыхтик М.И.

(Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Эволюционные изменения, характерные для современного общества, часто связывают с общемировыми процессами глобализации и повсеместным распространением цифровых технологий. В.И. Пантин отмечает, что процессы глобализации делают национальные границы более "прозрачными", стимулируют индивидуализацию и атомизацию общества. Цифровые технологии изменяют структуру взаимодействия людей. Цифровое пространство это продукт эволюции человека. Угрозы и страхи, надежды и перспективы, иллюзии и мечты, порожденные им, по справедливому мнению А.Н. Фортунатова, составляют элемент человеческой культуры как непрерывного движения человека к самому себе. Культура сейчас попросту вышла на новый уровень своего развития. И этот уровень требует прежде всего честности человека в ответах на важнейшие вопросы: насколько прочны мои убеждения, каким я хочу быть в будущем. А значит вопрос ценностей, репутации и доверия выходят на первый план.

Духовные ценности первичны по отношению к социальной жизни в экономической и политической сферах. Именно они определяют стратегическое целеполагание. Ценности тесно связаны с традициями, культурой и историей. В этом проявляется их консервативная природа. Однако ценность не обладает объективными свойствами, ибо смысл приписывается человеком и обществом, что характеризует субъективный характер. В конечном итоге, иерархия ценностей лежит в основе убеждений и принципов, регулирующих поведение субъекта. Авторитетный российский ученый Павел Цыганков определяет, что существенным признаком «ценности выступает важность, значимость для социального субъекта вещи, предмета, явления или же их отдельных свойств, сторон, качеств, которые становятся объектом уважения, желаний, предпочтений». Российские исследователи пришли к выводу, что в силу исторических традиций и геополитического положения Россия привержена сильному государству, независимой внешней политике, сохранению культурной (в том числе религиозной) самобытности, нераздельности прав и обязанностей человека в обществе. Поэтому справедливость и человеколюбие, национальный суверенитет и патриотизм, стабильность и безопасность во всех ее измерениях, мирный международный порядок являются для России не менее значимыми ценностями, чем демократия, права человека и личные свободы.

В 2013 году, на встрече Валдайского клуба, Президент В. Путин представил видение России как православной державы XXI века. В своём выступлении он заявил, что действия западных лидеров, пропагандирующих светское мировоззрение и отвергающих христианство, привели к потере человеческого достоинства. Он подчеркнул, что внутри своих границ Россия обладает «уникальным опытом» общения различных культур, что взаимно обогащает их, и напомнил согражданам об общей идентичности. Таким образом, миру было объявлено о теоретической готовности России представить отличную от господствующей среди западной политической элиты систему ценностей.

Итак, ценности выступают для человека категориями построения индивидуальной картины мира, в том числе, определяют его отношение к политической жизни в стране, являясь внутренним регулятором его политической деятельности. Они задаются общими ценностными ориентирами национального сообщества и согласием по поводу

основополагающих приоритетов развития, определяющих потенциал нации-государства и его жизнеспособность.

Постоянная дискуссия о наличии оппозиции «Запад – Восток» привело многих исследователей к противопоставлению индивидуалистических и коллективистских ценностей у представителей разных культур. Установлено, что для индивидуалистской культуры традиционны представления о человеке как автономном субъекте, где среди ведущих ценностей выделяются самодостаточность, свобода в поступках, независимость в суждениях, власть над окружением. У личности коллективистской культуры групповые ценности играют более значимую роль, чем индивидуальные. Здесь на передний план выступают такие ценности, как чувство долга, поддержание традиций, гармоничные взаимоотношения. Последние исследования показали, что современное российское общество принято рассматривать лежащим на стыке двух культур, а в связи с этим, отмечается определенный конфликт между индивидуалистскими и коллективистскими ценностями. Так, среди значимых ценностей в политической жизни российского общества выделяются как индивидуалистически заданные ориентиры (неоспоримое достоинство личности, стремление к самореализации и личностному росту, равенство всех перед законом), так и ценности коллективистской направленности (верховенство власти, защита прав граждан, суверенитет и территориальная целостность страны). М.А. Грищенко, отмечает, что существуют различия в соотношении индивидуалистических и коллективистских ценностей в ценностной структуре россиян в зависимости от социально-экономического положения. Так, для обеспеченного класса россиян важен символизм коллективистских ценностей, не ограничивающий простор инициативе, деловитости, совершению выгодных сделок, входящих в состав индивидуалистических ценностей. Для среднего класса характерно отношение к коллективистским ценностям, как к «парадным», т.е. актуальным в контексте проявления патриотизма, но не обязательным для активизации гражданских ценностей. Для бедных слоев населения коллективистские ценности служат оправданием для обращения к государственной защите, к опеке со стороны государства.

Ценности играют важную роль в политической картине мира россиян, влияя на их отношение к власти и государству как источнику социальной справедливости, обуславливая особенности реагирования на политические решения. Любой «текст» (письменный, устный, виртуальный и др.) о ценностях желательно сопровождать реальным выравниванием социально-экономических условий всех слоев общества. Ценности являются важным гарантом устойчивого развития общества, поэтому к ним особо серьезно стоит подходить при организации работы властных структур с населением. Исследования доказывают, что созвучие ценностного сознания населения с ценностями элит лежат в основе эффективного взаимодействия с действующей властью и способствует поддержанию стабильности политического процесса.

Рябинин Е.В.

(МГУ имени А.И. Куинджи, Мариуполь)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОГРАНИЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Современный мир отличается наивысшей степенью глобализации. Активная ее фаза пришлась на начало 2000-х годов, которые отличались высокой скоростью цифрового развития, что способствовало увеличению скорости объединения людей.

Но, кроме положительных моментов, цифровизация несет и серьезные проблемы для отдельно взятого человека. Известная книга Дж. Оруэлла «1984» описывала тоталитарные условия социалистического блока. Но, с высокой долей вероятности, мы можем констатировать, что в этом произведении мы можем найти отражение реальности

современного западного мира, да и не только западного. Технический прогресс, который наблюдается с середины 90-х годов прошлого века и по настоящее время, позволяет полностью контролировать население тех государств, которые имеют доступ к этим технологиям.

На протяжении всей истории человечества элиты использовали два метода установления контроля над населением: жесткий и мягкий. Под жестким подразумевается использование армии или полиции. К мягким методам относятся религия и государственная идеология. Но после распада социалистического лагеря идеология перестала играть ведущую роль в контексте управления населением (кроме КНДР и КНР). На смену идеологии пришла идентичность, которая стала использоваться региональными элитами для разжигания межэтнических или межконфессиональных конфликтов. Это можно наблюдать на примере периода распада СССР, в котором все были «строителями социализма», а затем все начали себя идентифицировать с регионом проживания, а значит, возникли конфликты идентичности. На этой же почве происходили конфликты на постюгославском пространстве, Азии и Африке. Фактор идентичности может использоваться локально, на региональном уровне, поэтому не может использоваться для глобального контроля. Что касается религии, то, как показывает практика, она с техническим прогрессом начала терять свои позиции и все меньше людей, особенно младшего возраста, может подвергаться религиозному влиянию (за исключением стран Ближнего Востока). Особо свои позиции теряет религия в Европе. Таким образом, сам технический прогресс подсказал мировым элитам метод для контроля над населением – это «цифра». Принимая во внимание, что многие аспекты нашей жизни зависят от доступа к цифровым технологиям, пора говорить о глобальном цифровом диктате. Под цифровым диктатом мы будем понимать процесс навязывания политическими и финансовыми элитами населению государств цифрового образа жизни через создание условий, при которых население само будет требовать ограничения своих свобод и перехода в цифровую матрицу функционирования государства.

Рассмотрим аспекты цифрового диктата. Первым таким элементом стала цифровая сотовая связь. Мобильная связь является очень удобным способом общения, но также удобна для спецслужб, которые имеют возможность прослушивать все ваши телефонные разговоры и использовать против вас в случае необходимости.

Второй элемент – это финансовая диджитализация. Существует много сторонников цифровых транзакций, но они забывают, что все их транзакции можно отследить, а значит, затем корпорации могут навязывать свои товары, услуги, возможность получения кредитов, модели финансового поведения. Некоторые страны уже рассматривают тотальный переход на цифровые средства. Швеция является пионером в этом процессе, даже используют импланты, которые вживляются людям в руку и используются как кошелек или даже как цифровой ключ от офиса и их жилья. С одной стороны, это очень удобно, но это и дополнительное средство для контроля над человеком со стороны правительства. Если вы являетесь оппозиционным политиком или общественным деятелем, вас могут отключить от финансовой системы. Банк международных расчетов в 2018 году назвал Швецию страной с самой малой долей бумажных средств в мире. По оценкам Центробанка страны, в 2018 году только 1% шведского ВВП находился в банкнотах¹ [1].

Пандемия ускорила диджитализацию финансовой сферы, поскольку банки многих крах использовали также карантин для банкнот, пытаясь снизить риск заражения от использования купюр.

Другим следствием диджитализации является влияние на политическое поведение. Так, более 70 тысяч аккаунтов в различных соцсетях были заблокированы, если они

¹ Павлюк А. Швеция хочет полностью перейти на цифровую валюту. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/shveciya-hochet-polnostyu-perejti-na-cifrovuyu-valyutu-do-konca-2022-goda-tam-budut-izuchat-preimushestva-i-riski-takogo-shaga> (дата обращения: 02.09.2023).

открыто поддерживали Д. Трампа на выборах в 2020 году. Следует отметить, что и его собственный аккаунт был заблокирован и удален в Twitter.

Цифровые технологии могут использоваться не только государством для осуществления контроля над гражданами, но и граждане могут использовать цифровые технологии против своего государства. В 2011 г. программы цифровой дипломатии привлекли к себе значительное внимание, прежде всего, в результате массовых волн протеста в странах Ближнего Востока, получивших название твиттер-революций. По мнению многих исследователей, движущей силой во всех протестных движениях была молодежь, ставшая совершенно новой, не оформленной идеологически-политической силой.

Итак, цифровая трансформация несет в себе не только положительный эффект, но и может являться ограничителем свободы отдельно взятого индивидуума.

Рябов О.В.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ НАЦИФИКАЦИЯ КАК ПРИЕМ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ)¹

Ядро символической политики как борьбы за формирование и утверждение определенных значений социально-политической реальности и производства связанных с ними эмоций составляет легитимация и делегитимация политических акторов и институтов. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, легитимация как способ «объяснения» и «оправдания» представляет собой многоуровневый процесс, включающий в себя апелляцию к символическому универсуму — системе теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности.

В свою очередь, делегитимация предполагает соотнесение со злом, в том числе с абсолютным злом. В религиозном дискурсе эту функцию выполняет демонизация врага, сравнение его с inferнальными силами зла, с сатаной.

После Второй мировой войны неким абсолютным злом принято считать нацизм. Несмотря на попытки реабилитации нацизма, предпринимаемые определенными силами (прежде всего на Западе, что связано со стремлением приуменьшить вклад СССР и его наследницы, Российской Федерации, в формирование современной системы международных отношений), «коричневая чума» остается воплощением абсолютного зла и в сегодняшней политической риторике.

Доклад посвящен анализу того, как после окончания Второй мировой войны, в условиях начавшегося советско-американского противостояния, зарождалось использование приема символической нацификации. Этот прием активно привлекался обеими сверхдержавами; он вносил существенный вклад в легитимацию Холодной войны (объяснение и оправдание стремительного превращения бывшего союзника во «врага номер один», неизбежных жертв, ограничения свобод, применения насилия). Холодная война при этом рассматривалась как продолжение войны против нацизма – в его новом облике.²

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США». URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

² *Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А.* «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023.

В докладе анализируются механизмы символической нацификации: контагиозные (связь с нацистами) и гомеопатические (сходство с нацистами). Среди первых выделяются приписывание «врагу номер один» ответственности за приход Гитлера к власти и за развязывание Второй мировой войны; помощи нацистам во время войны; привлечения бывших нацистов к решению задач Холодной войны. Среди вторых – постулирование сходства природы врага нынешнего и природы нацизма (при помощи оппозиций «тоталитаризм vs. демократия» или же «капитализм vs. социализм») и сходства идеологий (идея превосходства на основании врожденных признаков, расизм или антисемитизм; культ силы; культ войны; аморальность; антигуманизм). Кроме того, механизмы символической нацификации обнаруживают себя на риторическом уровне (скажем, проведение параллелей между нацистским «сверхчеловеком» и американским «суперменом»).

Источниками исследования выступают фильмы СССР и США; компаративный анализ на репрезентативном материале позволит выявить универсальность механизмов символической нацификации и применить полученное знание для анализа современной символической политики.

Рябова Т.Б.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

«СТАРЫЕ БЕЛЫЕ МУЖЧИНЫ»: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ (ВОЗРАСТНОГО И ГЕНДЕРНОГО) ДИСКУРСОВ ВОЗРАСТА И ПОЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ СТРАН ЗАПАДА¹

С установления того факта, что мужчины и женщины имеют неравные возможности принимать участие в государственном управлении, что, говоря образно, «у власти есть пол», берет начало гендерная политология. Однако у власти есть и «возраст»; в качестве символа власти, как правило, используется образ взрослого мужчины. Обладание эталонной маскулинностью предполагает наличие не только гендерных, но и возрастных признаков, а легитимность власти зависит в том числе от репрезентаций ее как зрелой. Репрезентации представителей власти как взрослых и ответственных людей сопровождается символической инфантилизацией ее оппонентов.

Делегитимация же власти происходит не только через оспаривание взрослости политического лидера (при помощи символической инфантилизации или символической сенилизации), но и при помощи разрушения данной символической конструкции власти как в гендерном, так и в возрастном аспектах: через критику представлений, что наилучший политический лидер – это взрослый мужчина.

Именно это наблюдается в случае с использованием термина «старые белые мужчины» либеральными медиа в странах Запада. Этот термин наделяется негативными коннотациями и привлекается для делегитимации оппонентов. В начале 1990-х гг. в феминистской критике появляется термин «умершие белые мужчины» для того, чтобы обозначить патриархатность культуры и ее западнцентризм, подчеркнуть, что существующие интерпретации человеческой истории игнорируют тот вклад, который внесли женщины и представители незападных народов в развитие мировой культуры. В дальнейшем термин трансформируется в «старые белые мужчины» и включается в политическую риторiku; теперь его использование преследует цель продемонстрировать, в чьих руках находится власть в настоящее время. Распространение этого термина связано с той критикой, которой медиа, близкие к Демократической партии США, подвергали Д. Трампа и его администрацию. Более того, Республиканскую партию США стали обозначать

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

как «Партию старых белых мужчин». Масла в огонь подлил бывший лидер США Б. Обама, который во время президентской кампании 2020 г. заявил, что мир страдает от «старых белых мужчин» у власти. «Если вы посмотрите на мир и посмотрите на проблемы, то увидите, что это [результат руководства], как правило, старых людей, как правило, мужчин, не уступающих дороге», — заявил он.

Термин используются и в стигматизации избирателей – как это происходит со сторонниками Трампа. В 2018 г. широко известным становится экологическое движение Греты Тунберг, в идеологии которого взрослые, «старые белые мужчины» обвиняются еще и в том, что они уничтожают будущее Земли.

Наконец, обратим внимание на то, что этот термин привлекается в политике цивилизационной идентичности Запада – его оппоненты (например, президент РФ) нередко маркируются как «старые белые мужчины», которые хотят сохранить свои привилегии и власть.

Таким образом, предметом исследования является использование термина «старые белые мужчины» в политической риторике стран Запада. Этот термин представляет интерес, во-первых, потому, что служит примером того, как акторы символической политики объединяют возрастные и гендерные признаки для достижения политических целей. Во-вторых, изучение термина позволяет выявить новые тенденции политической и культурной жизни стран Запада. В-третьих, эксплуатация его в геополитической риторике показывает, как репрезентации возраста и пола привлекаются для позиционирования Запада как наиболее прогрессивной цивилизации, исправляющей недостатки прошлых эпох. В-четвертых, он иллюстрирует возможности использования гендерно-возрастных стереотипов в таком домене политического, как конструирование образов врага.

Возраст представляет собой один из дифференцирующих факторов (наряду с такими, например, как этничность или гендер) и, подобно тому, как институционально оформились этнополитология и гендерная политология, возможно, произойдет и формирование новой отрасли политологического знания – возрастной политологии, направленной на изучение как возрастной обусловленности политических процессов и явлений, так и политической обусловленности – возрастных.

*Рябченко Н.А.
(КубГУ, Краснодар)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ, ОСНОВАННЫЕ НА ДАННЫХ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Политические коммуникации претерпели значительные трансформации за последние двадцать лет, основным драйвером изменений безусловно стали информационно-коммуникационные технологии и Интернет. На сегодняшний день можно выделить несколько этапов трансформации политических коммуникаций в соответствии с тем, как развивались цифровые технологии: этап появления политических Интернет-коммуникаций; этап формирования новых субъектов политических коммуникаций в онлайн-пространстве; новый этап – развитие политических коммуникаций, основанных на данных.

Технологическая структура Интернет-пространства позволяет собирать и хранить, анализировать и управлять политическим контентом, который генерируют и воспроизводят миллионы пользователей и различные политические акторы в сетевом пространстве. Политический контент представляет собой большие данные, требующие иных способов обработки, но и открывающий перспективы прогностической аналитики не только в вопросах исследования политических коммуникаций. В современном мире с одной стороны мы наблюдаем развитие экономических систем с использованием

информационно-коммуникационных технологий и Интернета, а с другой стороны мы видим силу воздействия информационных кризисов, распространения фейкового контента, информационных войн на социально-политические системы. Эта двойственность заставляет аналитиков в различных областях переходить в своей работе от больших данных (Big Data) к умным данным (Smart Data), главная характеристика которых – это не их объём, а их полезность для той или иной сферы деятельности и, в том числе, для анализа и прогнозирования политических коммуникаций. Политические коммуникации, основанные на данных, позволяют при принятии решений интегрировать данные из различных источников: например, интегрировать большие данные с данными, полученными в результате проведения качественных исследований и количественных измерений в сфере политических коммуникаций. Это позволяет принимать своевременные и гибкие решения в управлении политическими коммуникациями. Базовыми исследовательскими подходами в политических коммуникациях, основанных на данных, являются: интеллектуальный анализ данных (Data Mining), основанный на методах машинного обучения; сетевой анализ; методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка.

Политические коммуникации, основанные на данных, позволяют применять методы прогнозной аналитики, основанной на использовании искусственного интеллекта. Для этого исследователям в области политических коммуникаций, основанных на данных, необходимо решить три класса исследовательских задач. Первый класс задач связан со сбором и интеграцией данных, в особенности больших данных и данных качественных исследований и составлением из них валидных датасетов. Второй класс задач связан с использованием междисциплинарных подходов для анализа и интерпретации полученных датасетов. Третий класс задач связан с формированием междисциплинарных команд для применения искусственного интеллекта, в частности для обучения и верификации нейросетей с целью проведения прогнозной аналитики. Помимо этого, одной из самых нерешённых задач политических коммуникаций, основанных на данных, является вопрос формирования экспертных сообществ, способных оценить уровень и качество каждой из описанных исследовательских задач.

Савенков Р.В.
(ВГУ, Воронеж)

ПУБЛИЧНОЕ ОСПАРИВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА: ТЕМЫ, ТЕХНОЛОГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Публичное оспаривание представляет собой формы индивидуальной или коллективной политической активности, направленные на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели, в том числе путем внесения дополнений или альтернативных проектов. Многообразие публичных дискуссий, практик публичного оспаривания может быть сгруппировано в пять типов площадок (сфер): *дискуссионная, протестная, электоральная, партийно-парламентская и экспертная*. Результаты оспаривания на партийно-парламентской площадке оказывают наибольшее влияние на окончательную редакцию и судьбу политического проекта. Объектом исследования в статье являются практики публичного оспаривания оппозиционных партий, входящих в региональные парламенты Центрально-Черноземного региона (ЦЧР) в 2015-2021 гг.

Эмпирическая база исследования включает в себя публичные заявления, формирующие дискурс, и политические действия депутатов региональных парламентов, входящих в парламентские группы партий КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», которые принято называть оппозиционными системными партиями. В рассматриваемый период только эти три партии обладали федеральным парламентским статусом и имели узнаваемых общенациональных лидеров. В ходе исследования проанализированы сайты

региональных отделений названных партий и выделены сообщения, содержавшие элементы протеста и оспаривания, структурированные в дальнейшем по темам и формам.

Региональные политические процессы (в том числе выборы) традиционно вызывают меньший интерес у граждан, чем федеральные. Однако уровень конкурентности, возможности для репутационного или даже статусного закрепления новых политических игроков на региональных выборах выше. Такая ситуация должна была побуждать оппозиционных политиков на региональном уровне к большей активности, большей смелости в практиках оспаривания и предложения альтернатив. Действительно, по итогам партийной реформы 2012–2014 гг. выросло количество участников региональных избирательной кампании. Однако противоречивые эффекты реформы не привели к появлению новых релевантных субъектов политического процесса, к росту реальной партийной и персональной конкурентности: доминирование партии «Единая Россия» сохранялось как на федеральном уровне, так и в подавляющем большинстве региональных парламентов ЦЧР.

В период 2015-2021 гг. при формировании региональных парламентов ЦЧР использовалась смешанная избирательная система (мажоритарно-пропорциональная). Соотношение пропорциональной и мажоритарной частей в основном равно. Проходной барьер во всех региональных парламентах составлял в рассматриваемый период 5%. Количество партий и их региональных отделений, подававших документы о регистрации своих кандидатов на депутатские позиции, варьируется от 7 (Тамбовская область) до 13 (Белгородская область).

Фракциям политических партий в региональных парламентах использовались три основных формы публичного оспаривания политических проектов: протестные заявления/действия (заявления, обращения в органы власти, организация протестных публичных мероприятий), голосование против законопроекта, выдвижение альтернативного проекта. Наибольший конструктивный потенциал содержит выдвижение собственного альтернативного политического проекта, демонстрирующее способность политической группы предлагать новые идеи, ее готовность искать общественную поддержку и защищать эти идеи. Парламентские оппозиционные партии в рассматриваемый период в региональных парламентах ЦЧР не имели ни институциональных возможностей, ни достаточного электорального потенциала, чтобы полноценно участвовать в переговорном процессе по поводу законопроектов регионального уровня.

Отмечено, что оппозиционные партии в региональных парламентах ЦЧР не имели ни институциональных возможностей, ни достаточного электорального потенциала, чтобы полноценно участвовать в переговорном процессе по поводу законопроектов регионального уровня. По этой причине основной формой публичного оспаривания стала организация публичных протестных действий с целью демонстрации своей принципиальной позиции «ядерному» электорату партии.

Наиболее активными во всем ЦЧР являются фракции КПРФ – они организуют регулярные протестные действия, ежегодно голосуют против региональных законов о бюджете. Фракции партий «Справедливая Россия» и ЛПДР занимают чаще соглашательскую позицию, поддерживают наиболее важные политические проекты. Основанием для солидарной позиции всех трех оппозиционных партий и фракций стало публичное оспаривание проекта пенсионной реформы в 2018 г. Региональные отделения партий отличаются в разных регионах: активным субъектом публичного оспаривания были липецкое отделение ЛДПР и курское отделение «Справедливой России».

ТЕОРИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Террористические атаки 11 сентября 2001 г., а впоследствии и пандемия COVID-19 вызвали сильнейший всплеск интереса со стороны экспертного сообщества к проблеме чрезвычайных ситуаций. Сопоставимые на первый взгляд с классическими формами, их урегулирование в целом шло согласно общей схеме управления, разработанной в условиях кризисов и потрясений прошлого столетия. Вместе с тем в научно-исследовательской литературе происходит их постепенное выделение в особую группу чрезвычайных ситуаций, чья природа и происхождение находятся в тесной взаимосвязи с процессами глобальной интеграции. Считавшаяся в прошлом как только локально возникающее явление, в современных условиях чрезвычайная ситуация способна с легкостью реализоваться в глобальном масштабе, иными словами, она теперь не ограничивается лишь одним пространством действия, а по цепочке распространяется и на другие территории¹.

Одновременно с этим в условиях глобализации последствия воздействия чрезвычайных ситуаций носят все более разрушительный характер. Растет не только объем наносимого ими ущерба, но и несопоставимая с прошлым частота их возникновения. Так, например, Ю.В. Карякин в своем исследовании общемировой тенденции динамики и экономических последствий катастроф говорит о том, что «темпы роста ущерба от природных и техногенных катастроф стали превышать темпы роста производства мирового валового продукта»², а общее количество бедствий увеличилось более чем втрое.

В этом свете вопрос об актуальности разработанных в прошлом столетии теоретических основ исследования чрезвычайных ситуаций приобретает особое значение. Сегодня, когда бывшие всегда размытыми границы понятия чрезвычайной ситуации существенным образом трансформируются в условиях глобализации, а выработанные в XX в. прикладные механизмы управления показывают свою несостоятельность перед этими новыми угрозами, пришло время вернуться к концептуальному пласту, на основе которого сложились научно-практические модели его исследования, и критически переосмыслить существующие подходы к определению чрезвычайной ситуации в соответствии с современными реалиями.

Таким образом, сказанное позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, процессы глобальной интеграции способствуют формированию новой природы и логики распространения чрезвычайных ситуаций, отличных от особенностей их развития в прошлом столетии. Во-вторых, на фоне изменившегося исторического контекста заложенные в 1920-1940-х гг. теоретические подходы к анализу чрезвычайных ситуаций не в полной мере позволяют осознать их новые особые свойства и сущностные черты, или, другими словами, само понятие чрезвычайной ситуации сегодня постепенно устаревает.

¹ *Бордовских А.Н.* Политические риски в современной экономике : учебное пособие / А.Н. Бордовских. — Москва : КНОРУС, 2019. С. 103

² *Карякин Ю.В.* Природные и техногенные катастрофы: новые вызовы и угрозы устойчивому развитию // Свободная мысль. 2010. № 9. С. 77-90

ДИСКУРС АРХАИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ – К ТЕОРИЯМ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

Осмысление и научная разработка концепта «архаизации» в отечественном обществоведении стимулировались процессами постсоветской трансформации российского общества. Разрушение устоявшегося социального порядка сопровождалось как поисками новых оснований и форм социального развития, так и обращением к прошлому в его цивилизационном измерении. Поиск причин кризиса советской системы и новых складывающихся черт современности проходил через переосмысление исторического развития России и направлял исследовательский фокус на изучение специфики модернизационных, демодернизационных и контрмодернизационных процессов в модусах сопротивления российского общества радикальным реформам.

В обозначенном контексте концепт архаизации использовался в качестве инструмента описания, объяснения «массового стихийного обращения к архаическому социокультурному наследию в условиях кризиса социальной трансформации»¹. Этот общий концептуальный знаменатель, тем не менее, имеет широкий интерпретативный ряд причинно-следственных исходов. От структурно-функционального подхода (когда архаизация трактуется как следствие исчерпания или упадка социокультурных практик Модерна, а сегодня уже и современного цифрового общества - до социально-психологического подхода, когда архаизация выступает в качестве психологического механизма самозащиты общества в условиях социальной турбулентности, а также его реакции на возрастающую сложность мира, его риски и опасности. Политологическая традиция связана с использованием концепта архаизации для анализа кланового оформления власти в республиках РФ и странах СНГ в оппозиции «домодерный – модерный».

Авторский анализ отечественного научного дискурса «архаизации» свидетельствует о доминировании цивилизационного подхода, который характеризуется внутренними противоречиями в отношении целого и его частей. Так, субъектом архаизации может выступать как российское общество в целом, отождествляемое со «славянским миром», для которого архаизация выступает в качестве имманентного свойства. В этом случае, сведение российского общества к славянскому миру выводит за рамки исследуемого субъекта автохтонные народы России (продуцирующих архаизацию в виде клановой системы власти, возрождающих этнические и религиозные традиции и т.п.). В то же время классовый подход выделяет в качестве антагонистов элиту и массы (аристократию/интеллигенцию и крестьянство); либо средний класс, в качестве субъекта модернизации и антагониста архаизации. Наряду с этим, цивилизационный эксклюзивизм России размывается развитием глобального посткапитализма с выходом на сцену в качестве антагонистов «меритократов» и представителей нижних слоев социальной структуры цифрового общества.

Обозначенные выше противоречия свидетельствуют о неоднозначности и сложности применения концепта архаизации для анализа низовых социальных процессов, связанных с идентификацией, формированием ценностных структур, мотивационных оснований и, соответственно, поведения социальных групп в условиях общественной трансформации.

¹ *Ламажаа Ч.К.* Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. 2009, №4. С. 44- 48.

Обозначенные выше противостояния имеют в своей основе характерные для любых сообществ расколотовость или разделенность, которые связаны с идентитарными процессами во всех сферах жизнедеятельности. Выявление оснований идентитарных оппозиций, ценностных разрывов, политических, экономических и культурных стимулов продуцирования разделенности общества и его групп с применением методологического и методического арсенала социологии и политологии, а так же теорий среднего уровня, способно сместить исследовательский фокус с макропроцессов к идентитарным процессам на мезо и микро-уровнях российского общества, что позволит преодолеть издержки цивилизационного макроподхода и обозначит новые векторы исследовательского поля.

Саймонс Г.

(независимый исследователь, Уппсала, Швеция)

ПРЕОДОЛЕНИЕ РИСКОВ И КРИЗИСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: РОЛЬ ГЕОСОЦИАЛИЗАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СУБГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ И ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ КИНЕТИЧЕСКИХ ВОЙН ЗАПАДА

В настоящее время в геополитической конфигурации международных отношений происходит фундаментальный сдвиг. Ориентированный на Запад однополярный порядок, возглавляемый США, находится в состоянии относительного упадка, теряя свою мощь и влияние в пользу растущего незападноцентричного многополярного порядка [Cooley, Nexon, 2020]. В ответ на утрату гегемонии и в попытке замедлить или остановить данный процесс США вступили в борьбу, зачастую используя косвенные и тайные средства подрывной деятельности и ведения войны против своих соперников [Chifu, Simons, 2023]. Совместно с государствами-вассалами и клиентами они используют кинетическое (физическое) и некинетическое (психологическое) оружие, чтобы попытаться сохранить первичный геостратегический императив. Эта ситуация создает большой риск и неопределенность для стран, которые не хотят отказываться от своего суверенитета и становиться объектами влияния США.

Указанные процессы требуют глубокого осмысления. Представленная статья является попыткой ответить на данный запрос. Ее цель состоит в том, чтобы, используя наработанную теоретическую базу, сделать обобщения, которые могут быть применены политиками и практиками к реальным проблемам. В ходе доклада будет представлен критический обзор научной литературы и размышлений, почерпнутых из последних публикаций и дискуссий в области геополитики, международных отношений и связей с общественностью.

Угроза подрывной деятельности под руководством США распространяется не только на целые государства, но и субгосударственный уровень, включающий регионы и города. Например, США предпринимают попытки ниспровергнуть Гонконг по различным поводам. Это означает, что регионам и городам необходимо рассматривать собственную внешнюю политику против гибридной, информационной и политической войны как средство усиления безопасности и повышения устойчивости, а также смягчения последствий деструктивных усилий [Саймонс, 2023а]. Сотрудничество на государственном и субгосударственном уровнях может осуществляться на разных уровнях: между государством и субгосударственным субъектом одной страны, двух или более разных стран; между субгосударственными субъектами из разных стран.

Важными представляются три сферы человеческого существования – физическая, информационная и когнитивная. Все они находятся в тесной взаимосвязи, влияя друг на друга. Американская стратегия обструкционистской внешней политики использует

манипулирование и инжиниринг информационной и когнитивной сфер для воздействия на события и тенденции в физической сфере. Это часто осуществлялось по простому и в то же время эффективному принципу «разделяй и властвуй», когда обнаруживались различия между группами, которые преувеличивались и эксплуатировались в логике «разделенная группа – слабая группа».

Следовательно, имеет смысл осмыслить и использовать информационную и когнитивную сферы для развития устойчивости к некинетическим военным действиям под руководством США, а также смягчения их последствий. Задача состоит в том, чтобы осознать, в чем заключаются различия между государственными и субгосударственными субъектами в незападноцентричном многополярном мире, чтобы ими нельзя было эффективно пользоваться в качестве оружия против них. Необходимо также выявить взаимные интересы. Здесь может оказаться полезной концепция геосоциализации, направленная на понимание взаимодействия между географией и политикой в областях культуры и идентичности [Simons, 2023b]. Это проявление прагматизма и эмоций в рамках международных отношений. Прагматика относится к желаемым целям и результатам внешней политики и политики безопасности, что является взаимовыгодным сценарием для партнеров. Эмоции относятся к неосязаемому компоненту, который является средством создания чувственной привязанности, выходящей за рамки прагматических соображений и укрепляющей качество и долговечность отношений. Например, С. Хантингтон рассматривал религиозные различия как источник растущего конфликта в эпоху после окончания холодной войны. Однако религии – это не только кодифицированный набор практик и верований. Они также представляют собой набор моральных и этических кодексов, которые формируют культуру и идентичность. Так, можно утверждать, что ислам и русское православие имеют больше общего из-за социально и культурно консервативного контекста, чем либерально ориентированные шведские лютеранские или английские англиканские церкви. Таким образом, можно говорить об общей основе, необходимой для усиления друг друга в борьбе с попытками расколоть или развалить взаимоотношения, предпринимаемыми со стороны внешних субъектов. Речь идет о поддержке связей в физической сфере эмоционально ориентированными ценностями, идентичностями и культурами как составляющими когнитивной сферы.

Литература

1. Саймонс Г. (2023а). Слова и поступки в международных отношениях: бренд-менеджмент и управление субгосударственными субъектами своей репутацией // *Негосударственные акторы: на изломе эпох: коллективная монография* / О.С. Пустошинская, А.А. Арутюнов Ф.Е. Золотарёв и др.; Под науч. ред. О.С. Пустошинской. Москва: ИНФРА-М, 2023. С.72–97.
2. Cooley A., Nexon D. *Exit from Hegemony: The Unravelling of the American Global Order*. New York: Oxford University Press, 2020. 256 p.
3. Chifu Iu., Simons G. *Rethinking Warfare in the 21st Century: The Influence and Effects of the Politics, Information and Communication Mix*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
4. Simons G. (2023b). The Role and Significance of Geo-Socialisation in the 21st Century Global Transformations // *Russia in Global Affairs*, 2023. August 3. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/geo-socialisation/> (accessed September 5, 2023).

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РФ: ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИСКУРСЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Актуальность исследований различных форм идентичности в условиях расширения политического пространства России и существующих внутри и внешнеполитических вызовов и угроз, сопровождающих этот процесс связана как с необходимостью научного осмысления нового феномена, так и с практическим запросом субъектов публичной политики о новых технологиях формирования идентичности. Отдельной категорией, вызывающей исследовательский и практический интерес выступает молодежь (в особенности, школьники) новых субъектов РФ. Состояние и содержание их политической картины мира, сформировавшейся в сложных условиях политической социализации, и являющейся основой для формирования или трансформации гражданской идентичности, нуждается в систематическом и глубоком изучении.

Практическая значимость данной проблемы обусловлена необходимостью трансформации гражданской идентичности школьников как одного из ключевых компонентов успешной интеграции новых субъектов РФ в систему политических и социокультурных связей нашей страны. Для политико-управленческой сферы актуальность исследований этой проблемы обусловлена возможностью интеграции разработанных моделей и аналитического инструментария в политическую практику, а также использованного полученного эмпирического материала для выработки стратегии политики идентичности в контексте государственной молодежной и образовательной политики РФ.

В докладе представлены предварительные результаты исследования «Формирование гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: стратегии, барьеры, перспективы», реализуемого в настоящее время коллективом ученых Кубанского государственного университета. В рамках проекта решаются следующие исследовательские задачи: определение содержательного наполнения когнитивных, ценностных и инструментальных компонентов гражданской идентичности школьников из новых субъектов РФ как промежуточного результата политической социализации; выявление практик, противоречий и проблем формирования гражданской идентичности школьников из новых субъектов РФ; определение ресурсов, факторов, инструментов трансформации гражданской идентичности школьников в кратко- и средне-срочной перспективе; оценка конфликтогенных рисков в процессе формирования гражданской идентичности школьников.

Эмпирические данные для решения поставленных задач собраны на основе комплексной методики, включающей фокус-группы, экспертные оценки, традиционный анализ документов, анализ конкретных ситуаций. В докладе представлены предварительные результаты исследования, выявленные образы *своей страны* и соответствующие им модели гражданской идентичности школьников ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей.

Первый тип представлений о *своей стране* «Моя страна – Россия». Присутствие этого образа в политической картине мира школьников является содержательным

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Формирование гражданской идентичности школьников в новых субъектах РФ: стратегии, барьеры и перспективы» (2023, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2023-0008.

основанием для формирования соответствующей модели гражданской идентичности (российская идентичность).

Второй тип представлений о *своей стране* представляет собой комплементарный образ (двойной и непротиворечивый). Ему соответствует гибридная модель гражданской идентичности, которая характеризуется принятием двух стран (России и Украины) в качестве объекта идентификации.

Для третьего типа представлений о *своей стране* характерно отсутствие какого-либо образа (модель зеро). Этому типу политической картины мира соответствует эскапистская модель идентичности, она проявляется в однозначном дистанцировании от обеих стран как объектов идентификации.

Четвертый тип представлений о *своей стране* – «Моя страна – Украина». Ему соответствует модель украинской идентичности.

Представления о *своей стране* играют ключевую роль в формировании гражданской идентичности молодежи. Политика идентичности, реализуемая в новых регионах РФ через различные институты и технологии, должна учитывать особенности процессов политической социализации молодого поколения новых субъектов и разные представления о *своей стране*, которые сформировались в настоящее время. Вместе с тем, важно понимать динамичность этих представлений и, несомненно, необходимость их дальнейшего многостороннего исследования.

Важным вектором формирования и трансформации идентичности молодежи новых территорий является вектор инклюзии (основанной на открытости к *Другому*, но с четким пониманием и уважением границ *Своего* и *Другого*). Для российской науки и российского государства проблематика консолидации и формирования инклюзивной идентичности на региональном, национальном и наднациональном уровнях является чрезвычайно актуальной. Российский опыт свидетельствует о многоуровневом строительстве системы инклюзивных идентичностей, поскольку единство страны образуется во многом благодаря чувству сопричастности со страной, порождаемому идентичностью, основанной на историко-культурных ценностях, которые разделяют граждане страны. Для всех народов России такой идентичностью является гражданская российская идентичность, она выполняет роль инклюзивной идентичности. Постановка вопроса об инклюзивной идентичности в нынешней общественно-политической и научной повестке видится крайне актуальной, прежде всего с учетом стоящих в нашей стране задач по формированию нового политического пространства, в том числе пространства гражданской идентичности с учетом новых территорий России.

Саркисян О.Л.
(РАУ, Ереван, Армения)

КАРАБАХСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В АРМЕНИИ

Ключевым для развития современной Армении считается 1988 г. Начавшееся в феврале этого года движение за присоединение Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) к Армянской ССР приобрело невиданные масштабы. Постепенно повестка общенародного движения расширялась: кроме присоединения Карабаха требовали демократизации общественной жизни, а в дальнейшем – независимости. Параллельно протекал процесс распада СССР, а нагорно-карабахское противостояние постепенно превращалось в армяно-азербайджанский вооруженный конфликт, активная фаза которого продлится до мая 1994 г. и завершится победой Армении. В этом контексте не случайно формирование такого нарратива, что независимость и суверенитет Армении неотделимы от

независимого армянского Карабаха, выражением чего можно считать слова героя первой карабахской войны Монте Мелконяна: «потерять Карабах, означает перевернуть последнюю страницу армянской истории». Следовательно, суверенитет Армении невозможен без Карабаха, а потеря последнего означает потерю первого.

И после перемирия 1994 г. карабахский фактор в Армении будет оставаться определяющим в процессах государственного и национального строительства. Необходимо отметить, что этот же фактор будет главным в развитии Азербайджана. Безусловно прав Т. де Ваал, утверждая, что именно «карабахский конфликт формировал коллективное мировоззрение в двух новых нациях-государствах»¹. Поражение в первой карабахской войне и потеря контроля над НКАО и прилегающими семью районами заставили Азербайджан развернуть системную политику интенсивного нациестроительства, в котором армянофобия и сакрализация территории Карабаха были основными факторами, позволяющими мобилизовать и интегрировать в рамках концепта «азербайджанства» разношерстное в этническом и конфессиональном смысле население в единую политическую нацию.

Последствия же победы в первой карабахской войне в Армении нельзя оценить однозначно. В 2021 г. в рамках реализации научного проекта по развитию гражданской идентичности на постсоветском пространстве мы организовали глубинное экспертное интервью, где среди прочих вопросов интересовались, как карабахский фактор, в целом, и две карабахские войны, в частности, воздействовали на трансформацию идентичности в Армении². Все эксперты однозначно подчеркивали огромное значение данного фактора, вплоть до слияния в общественном сознании проблемы суверенитета Армении и существования независимого Карабаха. Подчеркивалось, что победа в первой войне позволила преодолеть модель нации-жертвы, пережившей геноцид. Карабахский фактор имел определяющее воздействие и на формирование политических элит. Но в то же время, победа в войне, которая могла бы стать основой эффективной политики государственного и национального строительства, направленной на развитие гражданско-государственной нации, наоборот, привела к самоуспокоению и «самоупоенности», элиты дискредитировали идею победы, «эксплуатируя» ее, легитимизируя все наличные проблемы карабахской проблемой. Карабахский нарратив постепенно настолько укоренился в сознании выступающих с максималистских позиций армянских военно-политических элит и общества в целом, что попытка первого президента Армении Л. Тер-Петросяна решить проблему с позиции компромисса, завершилась его вынужденной отставкой. В этом контексте на второй план отошли проблемы, связанные с развитием политических институтов и гражданского общества, гражданской социализацией, утвердилось потребительское отношение к армянской диаспоре как донору и др.

Проведенные недавно социологические исследования еще раз подтвердили, что и на данный момент карабахский фактор воспринимается как определяющий для новейшего периода развития армянства. Так, на вопрос «кого из нашей истории Вы считаете самыми великими героями?» больше всего (27,9%) отметили героя первой карабахской войны Монте Мелконяна (и это при наличии многотысячелетней истории с славными героями). На вопрос «что Вы считаете самой большой исторической победой в армянской истории?» больше всех (28,6%) отметили «освобождение Карабаха в 1992-1994 гг.». И соответственно на вопрос «что Вы считаете самым большим историческим поражением в армянской истории?» подавляющее большинство (74,4%) отметили 44-дневную войну 2020 г.³

В контексте вышеизложенного становится очевидным основная причина глубокого кризиса идентичности в Армении после поражения во второй карабахской войне (осень

¹ Ваал Т., де. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 356.

² См.: Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А., Оганесян Т.А., Карамян И.А. Гражданская идентичность в Армении (обзор глубинного экспертного интервью) // Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки), Издательство РАУ, № 2, 2021. С. 14.

³ Погосян Г.А. Историческая память и национальная идентичность. Ереван, Изд-во РАУ, 2023. СС. 43-51.

2020 г.), углубляющегося в данный момент (конец сентября 2023 г.) массовым исходом армянского населения из Карабаха. В контексте наличного нарратива окончательная потеря Карабаха воспринимается как потеря суверенитета и начало распада государства. На наш же взгляд, мы имеем дело с началом построения новой модели армянской государственности с новыми нарративами.

Сафин Т.Р.
(КФУ, Казань)

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ВОСТОК: ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Экономическая и политическая интеграция стала основным направлением развития взаимоотношений между европейскими государствами после окончания Второй мировой войны. Эта тенденция получила название «европейская интеграция» и изначально затрагивала в основном западноевропейские государства вследствие «холодной» войны и разделения Европы на капиталистический и социалистический «лагеря».

Экономический успех и устойчивость демократических институтов в странах-участницах Европейских сообществ способствовали тому, что после прекращения существования социалистического блока и распада СССР евроинтеграция стала главным вектором внешней политики в странах Центральной и Восточной Европы. Это привело к масштабному расширению Европейского союза на восток в середине 2000-х годов. В 2010-х гг. процесс присоединения стран к Союзу замедлился. Однако после обострения политической обстановки в Европе в 2022 году евроинтеграционные процессы вновь активизировались и вопрос дальнейшего расширения стал одним из приоритетных во внешней политике ЕС.

В «восточном» расширении Европейского союза выделяются определённые тенденции.

1. Процесс присоединения к Союзу стран ЦВЕ проходил и происходит по чётко определённым критериями, чего не было в прошлых расширениях. Перед каждым государством, желающим стать членом единой Европы, ставились условия, необходимые к выполнению, и только после этого наступал следующий этап интеграции. Причём это касается не только непосредственного вступления в Евросоюз, но и получения статуса кандидата и начала официальных переговоров. Нередко сами критерии также усложнялись (например, после 2004 года количество переговорных глав увеличилось с 31 до 35). Это позволяет выставлять всем странами, желающим вступить в объединение, сравнительно одинаковые требования. Таким образом, у того или иного государства нет «привилегии» на вступление.

2. Экономический фактор также важен в процессе расширения на восток. Большинство стран, находящихся на восточных границах ЕС, (за исключением Австрии, Кипра, Мальты, Финляндии и Швеции) имели в прошлом командно-административную экономику, полностью не соответствующую копенгагенским критериями. После перехода к рыночной экономике уровень жизни населения снизился, что характерно для трансформирующихся экономик, даже несмотря на финансово-экономическую помощь Евросоюза. Например, после присоединения стран ЦВЕ к Союзу уровень жизни составлял лишь 45 процентов от среднего по ЕС. Тем не менее, постсоциалистические страны, уже вступившие в Европейский союз, экономически намного устойчивее, чем государства, всё ещё не входящие в ЕС. Следовательно, это также является стимулирующим фактором к евроинтеграции, особенно на фоне нестабильной обстановки в Европе, когда разрыв в развитии начал увеличиваться.

3. Политические конфликты между восточноевропейскими странами также влияли и продолжают оказывать влияние на расширение Европейского союза. Существуют ситуации, когда какое-либо государство, уже вступившее в ЕС, всячески блокирует евроинтеграционные процессы стран, являющихся политическими соперниками (Кипр и Турция, Болгария и Северная Македония, Сербия и частично признанное Косово).

4. История и развитие стран ЦВЕ до начала Второй мировой войны влияет на их нынешнюю интеграцию в европейские структуры. Государства, образовавшиеся в довоенные годы и проводившие относительно независимую внешнюю политику (страны Балтии, Польша, Чехословакия), несколько быстрее проходят процесс интеграции в Евросоюз. Больше всего трудностей возникает у бывших республик СССР, которые в большинстве своём до обретения независимости в 1990-е гг. не существовали как самостоятельные страны. Это же влияет на темпы развития демократических режимов и укрепления института сменяемости власти.

Немаловажной деталью «восточного» расширения заключается в том, что сам же Европейский союз в расширении своих «восточных» границ на восток видел возможность сделать евроинтеграцию единственно возможным форматом развития взаимоотношений между европейскими государствами. Это позволило бы ЕС стать главным «центром притяжения» в Европе. Помимо этого, подобным образом западная политическая элита хотела показать окончательную победу над «Ялтинским разделом» 1945 года.

Это в определённой мере способствовало тому, что Евросоюз сыграл важную роль в становлении стран ЦВЕ как суверенных независимых государств. В течение сорока лет Восточная Европа была буферной зоной между Западом и Советским Союзом, что не давало возможность проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. События конца 1980-х и начала 1990-х гг. дали возможность странам ЦВЕ вернуться к международной политической игре и восстановить своё влияние на процессы в Европе.

*Сафонова О.Д., Галдава Л.А.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В современном быстроменяющемся мире в условиях интенсивного распространения информационных технологий, кризисных экономических и политических явлений важным фактором для обеспечения конкурентоспособности государства и гармоничного развития его институтов является не только наличие материальных ресурсов, но и совершенствование национального человеческого капитала.

Термин «человеческий капитал» в рамках данного исследования представляет собой аккумуляцию физического и психологического здоровья индивида (или группы индивидов), теоретические знания и практические навыки, приобретённые индивидом в определённый временной промежуток. Совершенствование человеческого капитала происходит через проведение экономической и социальной политики, финансирование федеральных проектов и прочих форм инвестиций что позволяет повысить качество жизни населения, снизить уровень смертности в младенческом и подростковом возрасте, уменьшить количество безработных в стране.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 123091200053-0 «Динамика трансформации цифрового публичного управления в современной России: политические стратегии и риски в условиях эскалации глобального конфликта», который реализуется в ИНИОН РАН.

Согласно показателям Индекса человеческого капитала (Human Capital Index) 2020 года¹ Россия находилась на 41-м месте с показателем 0.68 (всего в исследовании участвовали 174 стран). Индекс человеческого капитала России выше, чем в Сербии (0.68), ОАЭ (0.67), Словакии (0.66), Китае (0.65) и пр. Индекс человеческого капитала (ИЧК) состоит из трёх компонентов: выживаемости детей, продолжительностью обучения в школе, а также состояние здоровья (показатель выживаемости взрослого населения (число подростков 15 лет, доживающих до 60-ти лет) и здоровый рост детей (берётся доля детей до 5 лет)).

Одним из ключевых показателей в рамках анализа состояния человеческого капитала государства является демография. По данным Росстата² рождаемость в мае 2023 года увеличилась на 1,3% по сравнению с аналогичным периодом в 2022 году, смертность выросла на 3,9%. Младенческая смертность, которая является важным показателем в ИЧК, в мае 2023 года снизилась на 12,2% в сравнении с маем 2022 года. Естественная убыль населения за период январь-май 2023 года составила 236 тыс. 728 человек, это на 33,3% меньше, чем за аналогичный период 2022 года.

Определяющим фактором в концепции человеческого капитала также является образование. Наибольший интерес в современном мире представляют знания в области информационных технологий. Повышенное внимание к данной области вызвано активной информатизацией государственных и иных процессов, протекающих в обществе. Согласно Федеральному закону от 5 декабря 2022 года №466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»³ расходы из государственного бюджета на образование будут распределены следующим образом: в 2023 году 1,39 трлн рублей, в 2024 году – 1,42 трлн рублей, а в 2025 году расходы на образование составят 1,23 трлн рублей. Всё больше набирают популярность технические направления подготовки, IT-программы и т.д. Данные отрасли актуальны среди молодёжи и даже старшего поколения, поэтому для бизнес-структуры это благоприятная возможность начать активное финансирование образования, открывая совместно с образовательными организациями новые направления подготовки и инвестировать в техническое оборудование для обучающихся, поскольку это приведёт к увеличению компетенций выпускников, развитию технологической сферы, а значит трансформации человеческого капитала и улучшению экономико-социального положения страны в целом.

Несмотря на 41-е место в Индексе человеческого капитала, Россия обладает достаточно высоким потенциалом для улучшения показателей. Выделенные ранее возможности для увеличения индекса человеческого капитала не являются окончательными. Если России удастся и в теории, и на практике укрепить человеческие ресурсы в виде знаний, способностей, умений и мотивации, то она станет ещё более устойчивым государством в системе международных отношений.

¹ Всемирный банк 2020. Проект развития человеческого капитала [Электронный ресурс] URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital/brief/the-human-capital-project-frequently-asked-questions> Дата обращения (25.09.2023)

² Федеральная служба государственной статистики // Росстат представляет данные о естественном движении населения в мае 2023. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/212114> – Загл. с экрана: (25.09.2023).

³ Федеральный закон от 5 декабря 2022 года №466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/ – Загл. с экрана: (27.09.2023).

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИНЕРЦИОННАЯ ФАЗА В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Ставится проблема теоретической концептуализации политико-культурного измерения идентификационных процессов в российском обществе в контексте глобально-локальных социально-политических изменений. На принципе холизма строится концептуальная модель процесса трансформации российской идентичности (включая динамику символических кодов культуры, эффект второго контура политической обратной связи, появление «возникающих свойств системы»), определившая нынешнюю фазу политического управления как инерционную.

Концептуальная модель трансформации российской идентичности имеет пространственно-временную организацию, влияющую на скорость и направленность идентификационных процессов индивида с группой, обществом в целом. В то же время процесс идентификационной трансформации, интериоризуясь в психике коллективного субъекта, создает образ изменяющейся субъективной реальности, наполняется субъективными значениями и дополняется еще одним измерением – значениями и смыслом отражаемых событий и явлений. Поэтому анализ идентификационных трансформаций включает подходы постнеклассической науки с применением критериев анализа в социально-психологических и политико-социологических традициях. Формулируются три подхода, возможности практического применения которых отражены в результатах эмпирических исследований [Российское общество, 2023; Сащенко, 2023].

В рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций социологической науки методологическими ориентирами стали идеи социальных философов, этносоциологов по уточнению функциональных характеристик идентичности, многомерных связей, а также масштабное понимание конструирования идентичности российскими академическими учеными [Горшков, 2000, 2019; Дробижева, 2008, 2018]. В объяснении идентификационных процессов с общностью, нацией, этносом учитываются «радикальное воображаемое означивание» [Касториадис, 2003] и «работа воображения» [Appadurai, 2013] в конструировании социальной реальности. Природа социальных механизмов, связывающих индивидов со страной, объясняется специфическими свойствами сообщества граждан как «воображаемого политического сообщества», то есть как результат когнитивных процессов, рационализации, интерпретации социально-политической реальности – «образа их общности» [Андерсон, 2016].

В целях изучения «символических связей» в форме языка, культурных символов, ассоциаций, нарративов приняты идеи представителей подхода символического интеракционизма в контексте социального взаимодействия и тесно связанные с социальной психологией и культурологией. Анализ этих символических образований помогает находить латентные смыслы, имплицитно хранящиеся в глубинах массового сознания. Из психологической науки приняты во внимание новые подходы к анализу смыслового пространства личности, где внутреннее пространство, определяемое как психологическое, очерчивается не территориальными границами или свойствами, а ценностями и смыслами и квалифицируется как ценностно-смысловое, масштаб которого задается особыми сверхчувствительными характеристиками, имеющими как объективную, так и субъективную природу. В целях исследования направленности изменений социальных представлений, влияющих на устойчивость процесса социальной и гражданской идентификации, опираемся на теорию социальных представлений С. Московичи [Moscovici, 1960]. Выявлена зависимость идентификационных процессов не только от объективных социальных и политических трансформаций. На самоидентификацию личности и групп латентное влияние оказывает отсроченная во времени трансформация

совокупного целого социального представления посредством изменения политических интересов и ориентаций, социальных установок, поляризации ценностей, – точнее та дельта новизны, которая отражена в новых смыслах и отрефлексирована в новых значениях.

Предложенный взгляд на политико-культурное измерение идентификационных процессов в российском обществе позволил подойти к выявлению и описанию социально-психологического механизма второго контура политической обратной связи в политическом управлении – той латентной части целого, которая была в свое время предложена в известной фундаментальной работе отечественного ученого [Шабров, 1997, 2007] и открывала новый взгляд на структуру политического управления в кибернетическом смысле.

Увидеть проблемы в политическом управлении, а именно, – имплицитную подвижность и двойственность культурных трансформаций идентификационных маркеров в социальной памяти, – можно с позиции холистического взгляда на второй контур политической обратной связи как системы. Системное иерархическое строение пространства социальной памяти, динамика сетей смыслов и их символических структур, – все это позволяет приблизиться к пониманию механизма появления детерминирующих направленность идентификационных процессов возникающих свойств системы, а также определить нынешнюю фазу политического управления как инерционную.

Светлакова М.А.
(СевГУ, Севастополь)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Под термином «политический протест» следует понимать форму политического участия, посредством которого граждане выражают свое политическое недовольство, которое, в свою очередь, отражается на функционировании политической системы в целом. Протест является своего рода «катализатором», сообщающим о волнительных настроениях в обществе, предназначенных привлечь внимание властных структур с целью разработки и принятия новых решений.

Несмотря на множество интерпретаций понятия «политический протест», выделим главные причины и мотивы, при которых происходят протестные политические действия со стороны общества.

Главным поводом для недовольства являются экономические причины: снижение уровня жизни, безработица, отмена льгот и т.д. При этом опыт многих стран свидетельствует о том, что социально-экономические кризисы могут способствовать протестной социальной мобилизации или выполнять функцию спускового механизма, однако массовые протесты возникают только в тех случаях, когда они совпадают с периодами серьезной политической нестабильности и неопределенности.

Социально-экономические кризисы, приводят к ограниченной мобилизации общества, в то время как системные политические конфликты приобретают уже массовый характер. Поэтому важно понимать разницу между многочисленными триггерами политических недовольств и осознавать порог коллективного терпения и протестного потенциала.

Характер и динамика политических протестов зависит от многих факторов:

- особенностей пережитого страной периода исторического развития;
- специфики задач, решаемых государством на том или ином отрезке времени или решаемые самим протестным движением;
- своеобразие социального состава организаторов, участников и сторонников протеста, а также интересов, к реализации которых они стремятся.

Есть еще один фактор, способствующий росту протестных настроений в обществе. Это развитие Интернета и социальных сетей. Социальные сети способствуют консолидации и организации в реальной жизни протеста, причем безотносительно к тому, спровоцированы эти протесты кем-либо или проявляются стихийно. Как известно, именно социальные сети сыграли активную роль, как в лондонских массовых беспорядках, так и в пробуждении протестных настроений в арабских странах. Интернет и другие информационные технологии стали для отдельных граждан инструментом мобилизации ресурсов и самоорганизации независимо от воли провластных структур. Оказалось, что набор гаджетов – это мощная среда коммуникации и самоорганизации как протестной, творческой, так и конструктивной деятельности.

Ученые выделяют преимущества и недостатки в особенности консолидации людей через Интернет. К их числу они относят высокую степень организованности и экономичности, поскольку при относительно небольших затратах, как человеческих, так и материальных, достигается медийность и высокий уровень осведомленности, и таким образом протестующие получают возможность заявить о себе и привлечь внимание общественности к определенным социальным и политическим проблемам. В то же время, исследователи отмечают деструктивный характер таких форм протеста, ведь критикуя и высмеивая власть, протестующие не выдвигают обоснованных требований и не предлагают альтернативных вариантов решения актуальных проблем.

Характер и формы политических протестов характеризует социальная структура общества. На проявление политической активности оказывают влияние образование, возраст, социальный статус. Политическая активность также связана с выбором форм политического участия, например молодежь в большей степени подвержена радикальным формам политического участия, а в зрелом возрасте уже наблюдается конформное поведение.

Таким образом, выделим ключевые мотивы для активизации протестных настроений в обществе:

1. Защита собственных интересов индивидуумом, повышение уровня его благосостояния.
2. Гуманистические мотивы, стремление к совершенствованию социальной и политической системы.
3. Стремление к достижению социального равенства.
4. Расширение доступа к материальным и социальным благам.
5. Депривация – недовольство нынешним положением дел.

Как итог, политический протест говорит о неэффективности политики государства, во-вторых, нет точного механизма, согласно которому происходит протест, потому что причинами для их воспроизводства могут служить как индивидуальные, так и общие проблемы.

*Сгибнева А.А.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)*

МЯГКАЯ СИЛА КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ: ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сегодня, в эпоху геополитической нестабильности, такой концепт как «мягкая сила» пользуется особой популярностью в публикациях отечественных политологов. После того, как Джозеф Най впервые заявил о мягкой силе – способности оказания привлекательного воздействия для достижения результатов, прошло больше 30 лет. Сегодня дихотомия мягкая-жесткая сила имеет легко разрушаемые границы.

Безусловно, для Найя мягкая сила скорее про «получить желаемое через привлечение», а не про подавление. Адекватная трактовка мягкой силы в словах ее создателя подразумевала использование привлекательного образа стран для доверительных переговоров и включала обучение иностранных студентов, туризм и экономическую помощь государствам. Экономические санкции – это жесткая сила, но действия страны, которая их накладывает в отношении соперника, становятся эталонными для остальных. Так, например, действовала Польша после начала специальной военной операции Россией. Одной из первой в Евросоюзе выставила жесткие ультиматумы МИД России, чтобы поднять свой авторитет в глазах Европарламента. Таким образом, любое внешнеполитическое действие «мягкое» или «жесткое», может быть включенным в область мягкой силы. Любая неопределенность в будущем становится предметом для манипуляций, поэтому не исключено, что мягкая сила сегодня стала популярной технологией политического манипулирования.

Политическое действие (особенно в масштабе международных отношений) довольно сложный и многогранный предмет исследования. Одним из подходов к его рассмотрению является праксеологический подход.

Слово «праксеология» происходит от греч. «πράξις», что означает «практика». В «Новой философской энциклопедии» праксеология определена как «теория эффективной организации деятельности». Праксеология, проникнув в социологию и экономику благодаря исследованиям Т. Котарбинского и Л. Мизеса, не смогла обойти стороной политику. Но она как «наука о человеческом действии» на протяжении последнего столетия остается едва заметным фоном для вполне конкретных исследований социальной и политической активности.

Теория действий имеет отношение к действующим лицам международной системы. Происходящие сейчас геополитические изменения представляют угрозу их статусу-кво. По-настоящему выраженный суверенитет сегодня только у гегемона – США. Усиление суверенитета отдельных государств (например, России) и вместе с этим расширение круга его явных или латентных союзников приводит к выводу системы из существующего равновесия за счет формирования новой геополитической многополярной системы.

Существует ряд более или менее взаимосвязанных иерархических структур – большие или малые международные организации, система ООН и т.д. Иерархические структуры взаимодействуют нечетко, без возможности строго указать, какие между ними связи. На первый план выходит использование негосударственными политическими единицами современных технологических ресурсов и глобализации с опорой на несостоявшиеся государства. Это могут быть несостоятельные части бывших государств, которые больше не контролируют свою территорию. Однородная система объединяет государства, которые в целом разделяют одни и те же ценности. Мягкая сила побуждает к сотрудничеству разнородные государства, находящейся на разных уровнях социально-экономического развития.

Р. Арон характеризует политическое действие как часть «межлических отношений, по сути заключающих в себе элемент мощи и могущества, следовательно, максимизация силы означает для коллектива максимизацию средств воздействия на других»¹. Любое политическое действие имеет определенную цель, причем, как отмечает французский философ, она может стать ресурсом для борьбы с внешним миром, но цели у акторов международных отношений не могут быть однородными из-за различия в идеологиях и политических взглядах.

Так, мы подходим к применению праксеологического подхода к исследованию мягкой силы. Най выделил три уровня геополитической игры: уровень классических межгосударственных военных ресурсов, следующий ниже – межгосударственные

¹ *Hoffman St. Raymond Aron and the Theory of International Relations//International Studies Quarterly, Vol. 29, No. 1 (Mar., 1985), 1985, pp. 13-27.*

экономические отношения и самый низший – транснациональные проблемы (эпидемии, эмиграция и т.п.)¹. Достижение результатов на первом уровне необходимое, но недостаточное условие сильного государства. Любой количественный перевес действий в сторону военных ресурсов не решает транснациональных проблем.

На каждом уровне геополитической игры возможно использование жестких и мягких воздействий. На уровне военной мощи мягкая сила покажет себя в проектах военного сотрудничества и гуманитарной помощи в зоне боевых действий. Жестким воздействием охарактеризуется прямая военная угроза или шантаж в применении ядерного оружия. Экономическое могущество также занимает диапазон от санкционного давления и ограничения поставок до проектов экономической интеграции. Если взять во внимание нематериальные ресурсы, то на разных полюсах окажутся информационные войны и информационно-политические кампании.

Праксеология предполагает политический прагматизм, взвешенность и рациональность действия. После включения Крыма в состав России, стало очевидно, что действия нашего государства в рамках мягкой силы будут иметь низкий потенциал влияния и за этот потенциал нужно будет бороться.

Севастьянов С.В.
(НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

СМЕНА РИТОРИКИ АМЕРИКАНСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАТЕГИЙ ПО СДЕРЖИВАНИЮ КИТАЯ: ОТ ПОЛНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ (DECOUPLING) К СНИЖЕНИЮ РИСКОВ (DERISKING)

С приходом в 2012 г. к власти в Китае, президент Си Цзиньпин начал реализацию широко известных системных мер, нацеленных на укрепление политических и экономических позиций Пекина в мире и ключевых регионах. В интересах сдерживания Китая сначала американский президент-республиканец Д. Трамп ввел против этой страны масштабные торгово-экономические санкции, а демократическая администрация президента Д. Байдена, в свою очередь, стремясь к его изоляции, выработала стратегию экономического разделения («decoupling») с этой страной в финансовой, технологической и институциональной сферах. В ответ в 2020 г. Пекин выдвинул экономическую стратегию «двойной циркуляции»: внутренней, предусматривающей в качестве движителя роста внутрикитайское производство и потребление товаров, и внешней – развитие торгово-производственных цепочек со странами, заинтересованными в сотрудничестве с Китаем даже под угрозой американских санкций.

В результате этих действий между Пекином и Вашингтоном произошло серьезное ухудшение двусторонних отношений. При этом одновременные процессы политической и экономической интеграции (политически близких стран) и дезинтеграции (разъединение с не разделяющими эти ценности государствами), и создание США и Китаем параллельных экономических, финансовых и технологических систем привело к ухудшению условий для развития мировой экономики и межрегионального сотрудничества (например, между весьма заинтересованными в нем странами Европы и Китаем).

Для смягчения негативных тенденций, инициировавшие стратегию «decoupling» лидеры Запада весной 2023 г. предложили заменить её на стратегию снижения рисков («derisking») в качестве основной в отношении Китая. Одним из инициаторов этого стала президент Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен. В марте 2023 г. она заявила, что стратегия “decoupling” в отношении Китая не реализуема и не отвечает интересам Европы,

¹ Joseph S. Nye, Jr. Public Diplomacy and Soft Power// The Annals of the American Academy of Political and Social Science Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World, 2008, pp. 94-109.

и должна быть заменена на «derisking» в двух основных сферах: дипломатии (восстановление всех дипломатических контактов с Китаем) и экономики (принятие комплекса необходимых мер по повышению конкурентоспособности европейской экономики, защиты ее наиболее важных высокотехнологичных секторов, углубление сотрудничества в формате G7).

Эта позиция была быстро принята ведущими державами ЕС (Германией и Францией), а затем и администрацией США. При этом американская трактовка стратегии «derisking» по сути не отличается от версии фон дер Ляйен. Эту же терминологию в мае 2023 г. на ежегодном саммите G7 в японском городе Хиросима применил и президент Байден, заявив, что США не хотят отделиться от Китая, а стремятся к снижению рисков и диверсификации в отношениях с этой страной.

В чем же причины, вызвавшие это знаковое изменение стратегии (пока что лишь на уровне риторики) ЕС и США в отношении Пекина? Их несколько:

1. цель разделения Запада с Китаем в принципе не достижима (в 2022 г. двусторонняя торговля Китая с Европой и США достигла рекордных объемов) и несет в себе катастрофические последствия для обеих сторон;
2. без помощи и учета позиций Китая Запад не может эффективно решать, как региональные кризисы (Украина, Ближний Восток, Корейский полуостров), так и проблемы глобального управления (нераспространение ЯО, изменения климата, медицинские пандемии, энергетической безопасности) и др.

Эти весомые аргументы заставляют США и ЕС рассматривать Китай как ответственного и конструктивного актора мирового уровня, и отказаться от выстраивания с ним упрощенных, «черно-белых» отношений. Недавние заявления лидеров Запада свидетельствуют о том, что они хотят застраховаться от их дальнейшего ухудшения. Но в то же время стратегия «de-risking» не несет в себе фундаментальных изменений в американских и европейских подходах в отношении Пекина. Первые по-прежнему рассматривают второго в качестве конкурента № 1 и системного противника, которого следует ограничивать и блокировать (при этом в значительной части американской элиты антикитайские настроения очень сильны, а в выступлениях лидеров стран ЕС чаще одновременно отмечается важность и выгода сотрудничества с Китаем).

Таким образом, предложенная Западом стратегия «снижения рисков» в отношениях с Китаем представляет некоторое позитивное изменение курса в отношении этой страны, но которое носит, преимущественно, риторический характер. Это быстро поняли в Пекине, где полагают, что смены названия стратегии недостаточно для обеспечения полноценного и стабильного сотрудничества между Западом и Китаем, и что её изменения должны иметь более фундаментальный характер. Так, в сентябре с.г. заместитель председателя КНР Хань Чжэн во время участия в сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке выразил надежду на то, что Вашингтон сделает больше для укрепления взаимопонимания с Китаем, успешное развитие которого является возможностью, а не вызовом Соединенным Штатам.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, ДИНАМИКА¹

Развитие России на современном этапе происходит в ситуации наличия большого количества вызовов и угроз, в том числе социокультурного характера. Противостоять этим вызовам может только консолидированное общество, в котором у граждан есть устойчивая и непротиворечивая картина мира, основанная на четкой системе ценностей, в том числе и политических. Наиболее уязвимой в этом отношении является молодежь – поколение, которое формировалось в уникальных условиях постсоветской социально-политической реальности и значительно отличается от более старших когорт в структуре российского общества. В текущем политическом контексте применительно к современному молодому поколению – сложному и внутренне очень неоднородному – становится особенно актуальным вопрос о том, какие ценности и приоритеты его представителей отражают традиционные, исконно присущие нашей политической культуре аксиологические концепты, а какие – являются «новыми», привнесенными из глобального социокультурного пространства. Понимание таких структурно-содержательных особенностей системы политических ценностей российской молодежи необходимо для выстраивания эффективной коммуникации с ней разным социальным и политическим субъектам в разных сферах ее жизнедеятельности, вовлечения молодежи в конструктивные практики взаимодействия с государством и обществом.

Определение структурно-содержательных особенностей системы политических ценностей современной российской молодежи осуществляется на основании данных анкетного опроса, проведенного осенью 2022 году (n = 2500). Результаты исследования показали следующее.

Наиболее значимыми политическими ценностями российской молодежи являются мир (70,7%), безопасность (68%), справедливость (69,8%), права человека (67,3%), законность (63,8%), свобода (59,7%), порядок (57,7%). И этот ценностный комплекс устойчиво характерен для молодежи на протяжении последнего десятилетия. Изменения происходят только в положении тех или иных ценностей в иерархии – права человека, например, находящиеся на ее вершине три года назад стали менее значимыми, а на первый план вышли мир и безопасность, что вполне естественно в контексте событий последних двух лет.

В содержательном отношении в сознании молодежи наблюдается актуализация традиционных смыслов политических ценностей. Основные ценностные категории – свобода, справедливость, патриотизм – отражают (хотя и не в полной мере, что вполне закономерно и объяснимо) основные содержательные линии их трактовки, которые складывались исторически. Так, молодежи присущи традиционные для нашей политической культуры патерналистские ориентации. В понятии «государство» воплотился духовно-политический аксиологический комплекс понятий «Русская земля», «Российское государство», «Российское царство» Государство воспринимается молодежью как фактор обеспечения безопасности, законности, порядка. Именно государство в понимании молодых людей должно обеспечивать свободу и восстанавливать справедливость.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1).

ИДЕИ, ИДЕОЛОГИИ, ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ ДИСКУРСОВ К ДИСКУРСИВНОЙ СИЛЕ

Концепт идентичности стал неотъемлемой частью связанных с анализом субъективного пространства политики научных дискурсов, которые сложились в предметном поле политической науки и в смежных областях в условиях стремительных изменений и самого этого поля, и той реальности, на отражение которой оно претендует. Когнитивный потенциал этого концепта обусловлен соединением в нем индивидуальных и коллективных представлений о должном и о сущем, применительно к миру политики – отражением процесса социальных взаимодействий и, одновременно, их состояния, интеграцией триады личности – общества – государства в общей системе политических координат. Этой многозначностью и, одновременно, широкими когнитивными возможностями в интерпретации реалий современных сложных обществ и структурных трансформаций миропорядка объясняется нынешнее центральное место идентичности в мейнстриме современной политической науки и в фокусе публичной политики.

В международном политическом пространстве идет борьба за привлекательные смыслы и модели развития, принимающая формы «борьбы за идентичность». В отсутствие конкурирующих метанарративов о развитии, перспективы появления которых широко обсуждаются в политической науке, и в условиях размывания традиционных идеологий эти лакуны отчасти заполняют и компенсируют дискурсы, так или иначе соотносящиеся с тематикой идентичности – от «устойчивого развития» до «новой нормальности». Так, в продвижении в публичном пространстве и в научных дискуссиях идеи полицентричного мира особое место отводится национальной и цивилизационной идентичности, традиционным ценностям, культурному наследию.

Очевидно, что в обозримой перспективе на лидерских позициях окажутся те государства, которые смогут найти и реализовать эффективные подходы к обеспечению качества общественного (охватывающего разные стороны жизнедеятельности) развития с учетом вызовов и угроз социальной безопасности, но также потребностей человека в личностном развитии. Незападные картины мира и модели развития будут все более активно конкурировать с претендовавшим до недавнего времени на универсальность западным опытом за первенство в конструировании образов будущего. Продвижение привлекательных ценностно-политических проектов уже сегодня становится краеугольным камнем в арсенале *дискурсивной силы* государства и других обращающихся к таким инструментам политических акторов. Примером является активно продвигаемый Китаем дискурс «сообщества единой судьбы человечества» – формулы, впервые озвученной тогда новоизбранным лидером страны Си Цзиньпином десять лет назад.

Понятие «дискурсивной силы» (англ. *discursive power*) – стратегии и механизмов продвижения идеологических установок, идей, смыслов и стоящих за ними интересов в пространстве политических коммуникаций – перешло в политическую практику из научного арсенала (наследия французских постструктуралистов) и стало широко употребляться в последние годы. Это один из тех нематериальных возобновляемых ресурсов, который апеллирует к важным для личности и значимым для общества смыслам и отражается в ценностных установках и идентичностях. В то же время политизация таких дискурсивных практик ведет к обострению конфликтов идентичностей и, зачастую, к выдвиганию на первый план негативных ориентиров, на основе которых осуществляется политическая мобилизация «своих» против «чужих». Разнообразные практики «отмены», ставшие атрибутом современного миропорядка, апеллируют к негативной идентичности. Актуализация такой негативной повестки связана с остротой ценностных противостояний в разделенных обществах разделенного мира.

Альтернативное видение развития основано на продвижении таких нарративов, которые могли бы отразить созидательное начало человеческой деятельности, открыть новые горизонты для свободного развития личности и воплощения человеком своего высшего предназначения. В России в политической повестке стоит вопрос о формировании *позитивной идентичности развития*, актуальный для сообществ, обращающихся к идентичности как нематериальному ресурсу и источнику дискурсивной силы. Важным стимулом является взаимодействие с теми странами и сообществами, которые ищут пути и возможности продвижения позитивной повестки развития на основе социально привлекательных идей и инклюзивных идентичностей.

Семенов И.А.
(ТюмГУ, Тюмень)

ОБОРОННЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОБЗОР АВСТРАЛИИ 2023 ГОДА КАК НОВЫЙ ВИТОК АМЕРИКАНО-АВСТРАЛИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Современный период союзнических отношений между Австралией и США начинается с сотрудничества в рамках QUAD и подписанием договора о поставках Канберре американских подводных лодок в рамках AUKUS. Публикация же Оборонного стратегического обзора Австралии от 24 апреля 2023 года стала новым катализатором для развития взаимодействия между двумя странами в военной сфере. Кроме того, в рассекреченной версии данного документа, особой нитью выделяется именно причины и важность сохранения и продолжения сотрудничества между Соединенными Штатами Америки и Австралией. Стоит отметить, что появление данного стратегического обзора является огромным событием для всего региона во многом потому, что подобный документ публиковался лишь в 1986 году, в конце которого была формулировка «Австралия - одна из самых безопасных стран в мире «...» удаленная от основных центров глобального военного противостояния» [Dibb, 1986].

В нынешней версии обзора был сделан вывод о необходимости модернизировать оборонную стратегию в связи с тем, что стратегические обстоятельства Австралии теперь радикальным образом отличаются. Нарастание военной мощи Китая рассматривается как «крупнейшее и самое амбициозное из всех стран со времен окончания Второй мировой войны». Кроме того, упоминается о риске крупного конфликта в регионе, который напрямую может угрожать национальным интересам. Хотя в докладе Китай и не классифицируется как прямая военная угроза для Австралии, в нем говорится, что утверждение Пекином суверенитета в оспариваемом Южно-Китайском море угрожает глобальному и региональному миропорядку и, в частности, стратегическому положению Канберры.

Стоит отметить, что оборонный обзор несет проамериканский характер. Так, Соединенные Штаты Америки гораздо чаще упоминаются в обзоре, чем Китайская Народная Республика. Также, в документе указывается, что острая конкуренция между Пекином и Вашингтоном является определяющей чертой Тихоокеанского региона и нашего времени. А важность роли главного союзника Канберры рассматривается с точки зрения появления за 40 лет нового мощного регионального актора в лице КНР, который напрямую может угрожать национальным интересам страны. Австралия фактически признает то, что США больше не является однополярным лидером всего Тихоокеанского региона. Однако в обзоре утверждается, что союзнические отношения с Соединенными Штатами Америки является центральным элементом безопасности и внешнеполитической стратегии государства [National Defence..., 2023].

Публикация обзора вызвала диаметрально противоположную реакцию у двух лидеров региона Тихого океана: США и КНР. Так, очевидно, что Вашингтон с радостью приветствовал появление данного документа. Министр обороны США Ллойд Остин подчеркнул, что Оборонный стратегический обзор демонстрирует приверженность Австралии быть активным игроком на региональной арене и усиливает альянс между государствами. Пекин же негативно отнесся к появлению данного документа, выразив свою обеспокоенность тем, что мнимую угрозу со стороны КНР Австралия пытается использовать под предлогом наращивания своей военной мощи.

Таким образом, региональное военное сотрудничество США и Австралии в регионе Тихого океана рассматривается последней как возможность защитить свои национальные интересы. Оборонный стратегический обзор 2023 года подтверждает и продолжает политику союзнических отношений между двумя странами. Радикальное изменение австралийской тактики ведения потенциальных боевых действий и усиление масштаба взаимоотношений между Вашингтоном и Канберрой являются важным витком в американо-австралийском сотрудничестве на Тихом океане.

Источники

1. Dibb Paul Review of Australia's Defence Capabilities // Australian Government Defence. 24.03.1986 URL: <https://www.aspistrategist.org.au/wp-content/uploads/2022/02/Review-of-Australias-Defence-Capabilities-1986.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).
2. National Defence: Defence Strategic Review 2023 // Australian Government Defence. 24.04.2023 URL <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (дата обращения: 17.09.2023).

Сергеев А.С.
(КФУ, Казань)

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ПОПУЛИЗМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Последние десятилетия феномен популизма становится актуален как никогда ранее. Популизм, как явление, перестал означать политику отдельных политических акторов в Латинской Америке, став, в изменившемся после экономических потрясений конца 2000-х гг. политическом дискурсе синонимом «антиистеблишмента». И, несмотря на растущий консенсус в политической научной литературе о популизме как о наборе идей, которые не только поляризуют общество на «коррупцированную власть» и «простых добрых людей», но и выступает голосом ранее политически непредставленных групп населения, всё еще остается достаточно много белых пятен в изучении этого явления, становящегося все более разнообразным и многоликим.

В работах современных исследователей популизма – К. Мадде, К.Р. Кальтвассера, Я.-В. Мюллера и других – выделяются следующие черты популизма, кроме противопоставления «простых людей» и «элиты»: непосредственное обращение к народу через «голову» политических институтов; апелляция к морали; обещание простых решений [3; 4]. При этом неясным остается, в частности, отношение популистских лидеров и движений к плюралистической демократии. Желают ли они ее отмены? Или, напротив, принимают сложивший неолиберально-консервативно-социал-демократический консенсус? Другой проблемой является экономическая политика партий и движений, определяемых как популистские. Долгое время было принято считать, что популистская экономическая политика – путь к хаосу, если не катастрофе. Однако опыт правления популистских партий и лидеров показывает, что подобное представление, скорее всего, является преувеличенным [5].

Длительный период мирного и благополучного развития, маргинализация сначала крайне правых, а затем и крайне левых движений и партий, сближение позиций консервативных, либеральных и социал-демократических партий Западной Европы привели в 2000-е гг. к стиранию различий между основными партиями в рамках сложившегося политического консенсуса и как следствие – к распространению антиполитических настроений и разочарованию в демократии. Подчеркивая деградацию социал-демократии, К. Крауч назвал подобное состояние «постдемократией» [1], а П. Майр, обращая внимание на превращение европейских политических элит в однородный профессиональный класс и апатию избирателей, охарактеризовал политический процесс в Западной Европе как «управление пустотой» [2].

В этих условиях появление популистских партий, как правых, так и левых, означало «возвращение политики», оживление политической жизни, а в более практическом плане – появление новых партийных коалиций и изменение партийных систем. Если в 1990-е – 2000-е г. партийная система Франции состояла по преимуществу из двух блоков – левцентристского и правцентристского, то с выходом на политическую авансцену Франции правых и левых популистов – «Национального объединения» (бывшего «Национального фронта» М. Ле Пен и «Непокоренной Франции» Ж.-Л. Меланшона она была полностью переформатирована. В Испании аналогичный процесс сделал невозможным формирование иного правительства, как коалиционного. В Италии правые популисты заполнили большую часть политического пространства: кроме правопопулистской правящей коалиции, одна из крупнейших оппозиционных партий – «Движение пяти звезд», идеология и программа которого могут быть охарактеризованы как «центристский» популизм. Поэтому популизм с полным правом можно назвать одним из факторов политических изменений в современных европейских странах.

Литература

1. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
2. Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с.
3. Мюллер Я.–В. Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.
4. Mudde C. Populism: A Very Short Introduction / C. Mudde, C.R. Kaltwasser. Oxford: Oxford UP, 2018. 132 p.
5. Kaltwasser C.R. Populism and Economy: An Ambivalent Relationship. – Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2019. – 18 p. Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/15244.pdf> (Accessed: 07.09.2023).

Сергеев С.А. (КФУ, Казань)
Сергеева З.Х. (КНИТУ, Казань)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ ТАТАРСТАНА В НАЧАЛЕ 2020-Х гг.¹

В рамках общероссийского проекта «Человеческий потенциал политических элит в системе отношений «центр – регионы» в Республике Татарстан в ноябре 2022 – феврале 2023 гг. были проведены интервью с 30 экспертами, представляющими академическое сообщество, исполнительную и законодательную ветви власти, СМИ и общественные организации.

¹ Материал подготовлен в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Мнения экспертов разделились уже при ответе на первый вопрос о характеристике региональной политической элиты Республики Татарстан. Отмечая такие ее черты, как преемственность (по отношению к региональным элитам 1990-х – 2000-х гг. и советской партийно-хозяйственной элите 1980-х гг.), постепенный, эволюционный характер смены основных фигур, эксперты в то же время разошлись в оценке степени ее монолитности и гомогенности. Меньшая часть экспертов (как из официальных, так и из академических кругов) была склонна подчеркивать монолитность региональной элиты. В то же время большая часть экспертов обращает внимание на внутреннюю неоднородность элиты, наличие субгрупп. Таким образом, региональная элита Татарстана внутренне неоднородна (правильнее всё же говорить о «региональных элитах») и структурируется скорее по персональному принципу.

Но даже отмечая внутреннюю структурированность региональных элит и наличие разных субгрупп, почти все эксперты подчеркивают стремление последних к бесконфликтным отношениям друг с другом или, во всяком случае, стремление не доводить имеющиеся противоречия до открытого конфликта. Для представителей региональных элит Татарстана весьма важно демонстрировать свое единство и «не выносить сор из избы», несмотря на возникающие время от времени внутреннее напряжение и конфликты.

Эти же особенности – консолидированность, отсутствие явных внутренних конфликтов – выделяются экспертами как отличия региональных политических элит Татарстана от иных российских региональных политических элит.

Качества и черты, свойственные представителям региональных политических элит Татарстана, можно разделить на следующие группы:

- лояльность, личная преданность, символическая лояльность, проявляющаяся в соблюдении «ритуалов лести», «повышенная лояльность» сервильность;
- конъюнктурность, «умение держать нос по ветру»;
- гибкость, лабильность, «умение быстро схватывать тренды»;
- изворотливость, смекалка, хитрость, «хитрый ум», эмоциональный интеллект;
- договороспособность, умение купировать конфликты, не ссориться с сильными;
- трудоспособность, трудоголизм, суперактивность;
- упорство, упрямство, «пробивной характер», жёсткость;
- лидерские качества, умение работать в команде;
- профессионализм, хорошее образование.

При этом надо отметить, что эксперты, пусть не всегда четко, разделились по отношению к объекту обсуждения на «лоялистов» и «оппозиционеров». Первые подчеркивают наличие у представителей элит лидерских качеств, трудоспособности, профессионализма, чуткости к инновациям и т.п. Вторые – лояльности, изворотливости, сервильности (причем под лояльностью понимается не только личная лояльность по отношению к вышестоящим, а верность корпоративному духу и умение не нарушать правила игры).

Определенное разделение наметилось и при ответах экспертов на вопрос о смыслах и мотивах деятельности элит. Значительная часть экспертов указала здесь на наличие республиканской идеологии, республиканской идеи или представления о социальной миссии элиты, которая сводится к тому, что республика – это наш дом, нам здесь жить, поэтому работать ради развития республики и стремиться сделать эту работу как можно лучше. В то же время другая часть экспертов склонна скептически относиться к подобным представлениям (хотя и они допускают наличие некоей республиканской идеи или миссии элиты, пусть и на втором-третьем плане).

Взгляд экспертов на особенности, объединяющие региональные элиты Татарстана и отличающие их от других групп и от других российских региональных элит, зависят от специфики образования, полученного экспертом, и его личного опыта. Сохраняющееся преобладание этнических татар, отстаивание особого статуса Татарстана, амбициозность и

эффективность – вот характеристики региональных элит Татарстана, сплачивающие её и отмечаемые так или иначе всеми или почти всеми экспертами.

Сергеева Э.А.

(Мурманский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Мурманск)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общая идеология как элемент информационного влияния на социальную реальность современного общества действует в мире суверенных государств. В этом контексте она приобретает форму общей государственной идеологии – это мировоззренчески фундированная априорная система государствообразующих ценностей, элитарный информационный контент которой распространяется в государстве в режимах максимальной публичной информационной открытости в формах идеологически выверенных первичных информационных волн влияния, механизм которых может иметь четыре различных режима активности, нацеленных на индивидуального члена общества (гражданина), влияние на которого предполагает активизацию его в качестве источника вторичных волн идеологически выверенных информационных потоков.

Инструментализация представленного выше определения общей идеологии позволяет выделить следующие рамочные факторы, которые обеспечивают целостность прикладных исследований современного состояния общей государственной идеологии в ситуации противоборства информационных влияний на социальную реальность: а) фактор центров власти, концентрирующих волевые усилия для создания элитарного идеологического контента, их пространственная дислокация; б) фактор ценностей, в отношении которых реализуются механизмы максимальной публичной открытости; в) фактор поведения конечного потребителя в омассовлённых информационных потоках, а также характер его активности в качестве индивидуального источника вторичных информационных потоков. Альтернативы бытования названных факторов и их комбинация в реалиях идеологической активности конкретного государства позволяют настроить исследование как индивидуальных особенностей идеологической активности отдельных государств, так и исследование их в сравнительной перспективе.

Российская идеологическая ситуация 1990-х гг. характеризуется как реидеологизация, в рамках которой происходил переход от советского режима «пропаганды» к западнистскому режиму «потребительского эмпиризма». В целом состояние общей идеологии характеризуется как гетерогенное: государство России отказывается от собственной идеологической деятельности, доминирующее положение занимают светские центры информационно-идеологического влияния Запада, а также отечественные и зарубежные центры религиозно-идеологического влияния, наполнявшие поле общей идеологии в России идейно конфликтующими информационно-идеологическими контентами, что создавало риски социальной дезорганизации в российском обществе. Идеологическая ситуация 2000–2022 гг. характеризуется новой тенденцией реидеологизации, которая демонстрирует признаки становления новой общей государственной идеологии и государственной идеологической деятельности. Тенденция новой отечественной реидеологизации, во-первых, противостоит западной системе реидеологизации, распространяющей своё влияние также и на российское общество; во-вторых, демонстрирует связь государствообразующих идей нового контента общей идеологии с мировоззренческими особенностями философии социально-антропологического детерминизма, в-третьих, отражает тенденцию сохранения в России некоторого запаса публичных информационных технологий, которые определены понятием «просветительские». На фоне системно организованного идейного и

технологического оснащения идеологической активности Запада Россия выглядит идеологически недооснащённой, поскольку суверенная реидеологизация страны делает лишь первые шаги: она не имеет целостно оформленной социально-философской платформы своей идеологической деятельности и не определилась с формой и способами регулярной генерации собственного общегосударственного идеологического контента.

На современном этапе российской реидеологизации выявлен прецедентный, новый опыт идеологической деятельности Президента РФ В. В. Путина, создающего контент общей государственной идеологии в форме посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ. Связанные с этим новые элементы информационно-идеологической деятельности сущностно отличаются как от западных режимов «потребительского эмпиризма» и режима «плутовства», так и от советского режима «пропаганды». Для обеспечения устойчивости перспективы необходимо личностно-государственный формат общей государственной идеологической деятельности в России усилить государственно-институциональным форматом, а также обеспечить платформенную связь элитарного общегосударственного идеологического контента России с мировоззренческой системой философии социально-антропологического детерминизма.

Серебряков К.Д.
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕТЕВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОБЩИЕ СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Изучение элит, как в политическом, так и в административном сегментах, выступает на сегодняшний день динамично развивающейся политологической субдисциплиной – политической элитологией – находящей отражение в исследованиях таких авторов, как Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Дука, О.В. Крыштановская, Н.Ю. Лапина, А.В. Понделков, А.В. Шентякова и др. При этом исследование вопросов их функционирования, влияния и организации политических процессов выступает важной научной задачей, обеспечивающей, качественный подход к организации государственной политики, принятию эффективных политических решений и поиску механизмов консолидации и факторов дезорганизации в условиях жёстких внешних вызовов. Особенно это важно в рамках сохранения устойчивого федерализма, что позволяет уделить пристальное внимание региональным политико-административным элитам, каналам их рекрутирования и отношениям с федеральным центром.

В частности, согласно результатам изучения политических элит Санкт-Петербурга и Ленинградской области, полученным сотрудниками кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ в 2022 году, в формировании последних играют различную роль личностные, социально-статусные, профессиональные и иные характеристики, однако, неизменно наиболее значимой выступала группа индикаторов, определяющих влияние политика, ориентированная на различные параметры взаимодействия: личные связи, дружеские и профессиональные отношения, выстроенную коммуникацию с представителями органов государственной власти, занимающих высокие административные и властные позиции, наконец, включенность в различные неформальные группировки и кланы, осуществляющие борьбу за административные ресурсы (семейная принадлежность, силовые блоки и т.п.).¹

¹ *Попова О.В.* Факторы влияния региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 800-801.

Безусловно, все эти параметры отнесены к «сетевым» характеристикам, изучаемым, в том числе, посредством методологии политических сетей, и направленным на исследование «качества» этих связей, структуры отношений, а также их содержательной специфики. Дж. Ло называл такие отношения между различными выделенными субъектами «актами (практиками) знания», призванными генерировать новое знание и в результате этого активного действующего процесса производить из них реальность. В контексте социологии ассоциаций такие акты предполагают наличие конкретных актор-сетей, которые производят реальности через генерацию соответствующих практик, обладающих устойчивостью только тогда, когда они способны создать самовоспроизводящуюся символическую систему, т.е. создают знания, способные упорядочивать связи и объекты, убедительно звучать, отвечая ожиданиям конструирующего актора.¹

В свою очередь, сетевая конфигурация субъектов, составляющих сеть отношений, определяет содержательный характер взаимодействия и в политическом измерении позволяет выявлять неформальную сторону процесса принятия политических решений. Поэтому методология политических сетей зачастую опирается на положения институционализма рационального выбора и сетевого институционализма, позволяя обозначить структуру новых групп влияния, их сферу воздействия, специфику и отчасти механизмы кооптирования и рекрутирования, а также уровень взаимодействия с иными группами. Набор таких данных необходим для определения формирующего политическое поведение в сетевом измерении основ на неинституциональном уровне анализа разноуровневых политических систем, в том числе и региональных.

Указанный методологический корпус в эмпирическом плане реализуется через обобщение массива биографических данных представителей политико-административных элит и выражается в построении на их основе сети отношений с выявлением характеризующих поведенческие стратегии показателей (центральность, уровень кластеризации и др.). Например, первичные итоги анализа соответствующих элит Санкт-Петербурга и Ленинградской области выявили комбинированный характер каналов рекрутирования, опирающихся сразу на несколько ключевых направлений: остаточные номенклатурные механизмы, близкие предпринимательские круги, а также сильные связи с силовым блоком, особенно это касается тех политиков, которые в прошлом были связаны со службой в органах государственной безопасности и внешней разведки. Такой набор каналов определил устойчивую тенденцию к формированию региональных элит административного сегмента, превалирующего над политическим и содержательно определяющего наполнение регионального политического процесса.

Сересова У.И.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, ИГБТ Москва)

ТУРИСТСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ПОВОРОТ В СТОРОНУ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Туризм не относится к числу распространенных тем для изучения ни в российской, ни в зарубежной академической литературе по политическим наукам. Тем не менее, туристские практики в странах мира можно объяснять особенностями международных отношений (от запрета на въезд до безвизового режима), глобализационных процессов (создание туристских ТНК и НКО), политических режимов (различия в организации туристского бизнеса в демократических и авторитарных государствах)². Также туризм может

¹ Ло Дж. Оптика опроса // Социология власти. 2012. № 4–5(1). С. 220–221.

² См. обзор: Richter L.K. The politics of tourism in Asia. – University of Hawai'i Press, 2018. P. 1–25

рассматриваться как одно из направлений публичной политики с применением концепции *governance* как объясняющей модели¹.

События последних двух лет заставляют посмотреть на туристскую отрасль сквозь оптику политических процессов, проанализировать российскую туристскую политику как *politics* и как *policy*. Настоящее исследование проведено с помощью анализа законодательной и нормативно-правовой базы туристской политики в России и статистических данных, описывающих опыт ее реализации.

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года») – главный документ, определяющий туристскую политику как *policy* в России. Стратегия, принятая незадолго до начала пандемии Ковид-19, в качестве основных векторов развития туристской политики называла развитие внутреннего и въездного туризма, развитие туристской инфраструктуры, инвестиций и кадрового потенциала, облегчение визового режима, а также формирование благоприятного туристского имиджа России в целом и отдельных ее регионов. В 2021 г. был принят Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»², который конкретизирует Стратегию и обозначает целевые статистические показатели, которыми можно «измерить» туристскую политику – *policy*, а именно: рост числа объектов туристской инфраструктуры, турпоездки и количества занятых в туристской индустрии.

Опыт 2021–2022 гг. показывает, что критериев эффективности в реализации туристской политики по числу въездных турпоездки достичь невозможно в силу влияния геополитического фактора – Специальной военной операции. Так, Нацпроект предполагал, что в 2021 г. Россию должны были посетить с туристской целью 3,76 млн иностранцев, в 2022 г. – 4,89 млн, в 2023 г. – 19,62 млн. Фактически же, по данным Ассоциации туроператоров России, иностранный турпоток в 2022 г. сократился на 96,1% по сравнению с 2019 г.³

Невозможность развивать политику въездного туризма компенсируется усиленным вниманием государства к развитию внутреннего туризма, которому приписывают не только функцию рекреации, но и формирования российской идентичности. В документах – и в Стратегии, и в Национальном проекте – можно увидеть и следы политики как *politics*, а именно политической идеологии. В первом документе указывается, что одной из задач является «усиление роли туризма в патриотическом воспитании...» (ст. 2). Во втором документе развитие туристской отрасли рассматривается в контексте «создания условий для воспитания ... личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» (ст. 2).

Внутренний туризм получает от государства субсидии на развитие инфраструктуры (например, возведение модульных гостиниц), разрабатываются национальные туристские маршруты, туры и экскурсионные программы для детей, пожилых и инвалидов. Выезд за пределы РФ в страны Европы с туристской целью затрудняется, и россияне, действительно, в условиях политической турбулентности и снижения уровня доходов начинают выбирать внутренние туры по России. По предварительным оценкам, рост внутреннего туризма в 2022 г. по сравнению с 2021 г. составил около 10%⁴.

¹ Hall C.M. A typology of governance and its implications for tourism policy analysis // Journal of Sustainable Tourism. 2011. No. 19:4-5. P. 437-457

² утв. Ростуризмом в редакции от 10.11.2021. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf

³ Иностраный турпоток в Россию в 2022 году сократился на 96,1% // АТОР. 07.02.2023. <https://www.atorus.ru/node/51298>

⁴ Рост внутреннего туризма в России в 2022 году составил 10% // СФР. 24.11.2022. https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2022/11/24/241149

Таким образом, развитие внутреннего туризма в России и формирование туристской политики как *policy* в настоящее время оказывается в значительной степени определено (гео)политическими факторами: как напрямую вследствие ограничений международных перемещений туристов, так и косвенно, через внедрение соответствующих элементов государственной идеологии в актуальную повестку.

*Сизачёв М., Артеев С.
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХЕОФУТУРИЗМ И ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Многоплановый кризис модели развития, наблюдаемый во всемирном масштабе в 2020-е гг., означает актуальность поиска новых формул политического проектирования. И важнейший аспект в этом вопросе - оптимальное сочетание традиций и новаций. Каким образом синтез традиции и новаций влияет на развитие современных общественно-политических процессов? Какое место занимает этнический фактор? Представляется возможным обратиться к уже вошедшим в академический и общественно-политический дискурс концептам, которые обретают новое звучание в текущих реалиях.

Известный европейский политический активист консервативного толка Гийом Фай (1949-2019) в России известен, прежде всего, как автор концепции археофутуризма. Вышедшая на родине автора во Франции в 1998 г. одноименная книга была переведена на русский язык с большим запозданием – лишь в 2011 г. Несмотря на это, идеи Фая, при всей их противоречивости, могут способствовать осмыслению политических реалий и проблем современности.

Суть концепции археофутуризма, внятного определения которому сам автор в своей книге не дает, сводится к необходимости синтеза традиции и новаций как ключа к преодолению навалившихся на человечество и, в первую очередь, на Запад экзистенциальных проблем. Под традицией (архаизмом) Фай понимает обращение к «первоначальным импульсам», то есть утраченным ныне паттернам функционирования западных обществ, связанных с этничностью, религией и «античной политической родословной». Футуризм же означает приверженность идее «планирования будущего» на основе научно-технологического прогресса. Таким образом, археофутуризм как синтез архаизма и футуризма означает модель устойчивого развития Запада путем облачения своей идентичности в современную научно-технологическую оболочку.

К числу экзистенциальных проблем Запада автор относит эгалитаризм и засилье культуры политкорректности, комплекс миграционных, этнорелигиозных и демографических сложностей, кризис национального государства. По мнению Фая Запад нуждается в реабилитации этнического как нормального, необходимого и даже ключевого звена своей идентичности. Этническая идентичность (вместе с конфессиональной) «коренных» жителей западных государств, осознанная как позитивная ценность и возвращенная в статус традиции, в свою очередь, позволит преодолеть вызовы и угрозы западной цивилизации и создаст предпосылки для реализации проекта Большой Европы с участием России.

Безусловно, Фай - правый радикал и в большей мере политический практик, чем теоретик. И его видение не выглядит внутренне непротиворечивым и четко логически аргументированным. К тому же после начала СВО РФ на Украине 24 февраля 2022 г. идея геостратегического блока между Европой и Россией утратила свою актуальность на долгие годы, если не десятилетия. Однако внимание Фая к этническому фактору в конце 1990-х гг, в период торжества глобализации, оказалось востребованным сегодня. Уже спустя 10-20 лет после выхода его книги именно этничность стала генератором разделений в обществах многих стран: политическая экспансия ультраправых и ультралевых движений и партий в

ЕС; ВЛМ, Трамп и трампизм в США; официальный старый-новый «антиколониальный» дискурс властей в РФ («англосаксы») и неоднозначная реакция на него в обществе.

Возрождение этничности проявляет себя многообразно. Помимо внутривластных процессов (широкое возвращение этничности в том или ином виде в официальную политическую повестку), наблюдается формирование и возрастание роли транснациональных политических пространств. И среди них всё более заметными становятся этномиры как пространства, формируемыми акторами, вектор активности которых основан на этнической и сопряженных с ней идентичностями (языковой, религиозной, постимперской). Это отчасти перекликается с идеей этнорелигиозных блоков Фая. Вообще следует отметить, что прогностическая модель разделения мира на макрорегиональные структуры обрела новое дыхание с началом масштабной конфронтации между Западом и частью не-Запада в ходе проведения РФ СВО и американо-китайских торговых войн, хотя Фай предлагал создать устойчивый альянс Европы и России в рамках идеи Евросибири. Этничность в мирополитическом контексте 2020-х гг. проявляет себя в попытке не-Запада отстоять свою политическую субъектность с опорой на этнокультурный фактор и на негосударственных акторов (Русский мир, стремление Китая укрепить свою всемирную сеть диаспор, отказ от глубокой адаптации новых поколений арабомусульманских общин на Западе). Этнокультурный фактор с одной стороны архаичен и возвращает нас во времена до Вестфальской политической модели мира (хотя там этничность была вторична относительно религиозной принадлежности), с другой – футуристичен, потому что "преодолеывает" рамки национального государства и двигает нас к пост-Вестфальской архитектуре мироустройства.

*Сидоров В.В.
(КФУ, Казань)*

ЭТНИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КАК ВМЕШИВАЮЩАЯСЯ ПЕРЕМЕННАЯ ВО ВЛИЯНИИ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Процессы политизации этничности находят свое отражение, в частности, в возникновении этнических партий. Рассматривая проблему влияния форм правления на этнические конфликты, необходимо учитывать влияние этнических партий как вмешивающейся переменной. В зависимости от того есть ли в государстве этнические партии или они запрещены, формы правления по-разному воздействуют на межэтнические взаимодействия и конфликты. В президентских системах сама логика формы правления предполагает интеграцию всех этнических групп в единую надэтническую общность с единой гражданской идентичностью. Связано это с тем, что в демократиях президент как глава государства в теории представляет интересы всех граждан, вне зависимости от их этнической принадлежности. Таким образом этнические партии в президентских государствах обычно не могут стать полноценным институтом для обеспечения доступа этнических групп к постам в исполнительной власти. Сама логика функционирования президентской системы подталкивает государство к запрету этнических партий. Данная модель соответствует центрированной теории, предложенной Д. Горюхиным.

Иначе дело обстоит в парламентских системах, где правительство чаще формируется в результате коалиционных взаимодействий партий, а должности в правительстве распределяются исходя из «веса» партий в коалиции. Этнические партии в случае получения хороших результатов на выборах получают возможность претендовать на «кусочек» исполнительной власти в виде министерских должностей. Такая логика функционирования парламентской системы соответствует модели общественной демократии А. Лейпхарта.

Однако мы можем вообразить президентскую систему с этническими партиями, и парламентскую систему с запрещенными этническими партиями. Тогда парламентская система будет ближе к центристской модели Д. Горовитца, а президентская система будет нуждаться в элементах общественной демократии А. Лейпхарта. Модель общественной демократии соответствует «набору» институтов, где парламентская республика соединяется с пропорциональной избирательной системой и федеративным государственным устройством. Все примеры, которые в своей книге приводит А. Лейпхарт, соответствуют такому институциональному дизайну: Бельгия, Швейцария, Австрия (короткий период). Однако это не означает, что элементы общности (например, «большая коалиция») не могут быть применены в полиэтнических государствах с президентской системой правления.

Таким образом парламентская система с запрещенными этническими партиями может функционировать как интегрирующая центристская политическая система, во многом повторяя логику президентских систем. Этот тезис приобретает особое значение в связи с тенденцией президентизации парламентских систем.

Сравнивая результаты теоретических и эмпирических исследований взаимосвязи этнических партий, формы правления и этнических конфликтов, можно сделать следующие выводы:

1. Традиционное для политической науки противопоставление двух теоретических моделей общественной и центристской демократии не представляется продуктивным. А. Лейпхарт специально указал на ограничение применимости данной модели. Центристская модель, представленная Д. Горовитцем подходит для большего числа государств и является более универсальным институциональным дизайном.

2. Обе модели подчеркивают важность сотрудничества элит. Различия заключаются в том, что в общественной демократии сотрудничество реализуется после выборов при формировании большой коалиции, а в центристской модели сотрудничество элит проявляется в формировании широких предвыборных коалиций. Сторонники центристской модели подчеркивали, что в идеале этнические интересы встраиваются в широкие партийные программы, содержащие проблемные вопросы разных идеологических измерений.

3. Разрешение или запрет этнических партий могут изменять логику функционирования форм правления в полиэтнических государствах с демократическим режимом. И президентская, и парламентская система могут обеспечить доступ этнических групп к исполнительной власти, однако разными способами. Теоретические и эмпирические исследования показывают, что именно сотрудничество элит при формировании исполнительных органов власти в любой форме правления, ведут к устойчивому межэтническому миру. Эмпирические исследования взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов в целом подтверждают гипотезу о том, что эта связь не имеет прямой причинно-следственной связи. Наиболее обоснованным является вывод о том, что этнические конфликты провоцирует прямое отчуждение этнических групп от доступа к исполнительной власти. Данный тезис имеет сильные подтверждения как с точки зрения теоретических аргументов, так и в свете эмпирических выводов.

СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 2022 ГОДУ)

Современное общество характеризуется возрастающей значимостью политической коммуникации, что, в свою очередь, вызвано усилением демократизации социального и политического устройства государства. В XXI веке предвыборные кампании трансформировались в сложный высокотехнологичный механизм апробации кандидатов, согласования интересов политических элит и общества. Исход выборов в значительной степени зависит от того, каким образом рекрутировались кандидаты, как была проведена предвыборная кампания, как были выстроены отношения между основными политическими акторами, между элитами и обществом.

Более традиционные ресурсы политиков, такие как финансовый капитал, административный ресурс, организационный капитал и прочие становятся менее эффективными. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых можно назвать снижение идеологических разногласий между основными системными участниками политического процесса, все большую виртуализацию политики и общественной жизни в целом, усталость граждан демократических государств от смещения политической борьбы на выборах преимущественно в PR-плоскость, растущую апатию и абсентеизм избирателей, теряющих доверие к основным политическим институтам.

В настоящее время сложилось противоречие между существующими моделями классических избирательных кампаний, их актуальностью и необходимостью использования новых PR-технологий, соответствующих вызовам сетевого общества. Существует потребность в современных и гибких PR-кампаниях, способных подстраиваться под конкретные запросы и отвечать современным трендам.

Эмпирическая база исследования была составлена методом сплошной выборки постов, хештегов, фотографий и видео в социальных медиа кандидатов за период с 1 апреля по 21 мая 2022 года и за период с 8 июля по 7 сентября 2022 года, а также методом сплошной выборки новостных постов в официальных аккаунтах ЗСК и публикаций в СМИ в обозначенный период. Выборку составил контент всех победивших депутатов (63 из 70 – депутаты от партии «Единая Россия»; 7 депутатов от партий Справедливая Россия, КПРФ и ЛДПР). В исследовании использовались такие методы, как анализ контента, компаративный анализ, а также сетевой, визуальный анализ и метод включённого наблюдения. В результате междисциплинарного анализа были типологизированы наиболее успешные PR-стратегии кандидатов в депутаты регионального парламента и определены PR-технологии, наиболее эффективно приводящие к победе на выборах.

На первом этапе исследования было осуществлено разделение кандидатов (победивших впоследствии депутатов) на две группы: те, кто будет впервые избран в состав депутатов и те, кто избирается на второй и более сроки. Было выявлено, что избирались впервые 32 депутата, включая 6 женщин. Среди повторно избравшихся 38 депутатов – 19 человек (50%) избрались на свой второй срок полномочий; другие 19 депутатов – находятся в полномочном статусе от трех до шести сроков подряд.

Выводы по итогам исследования периода праймериз (с 1 апреля по 21 мая 2022 года). Использование различных технологий и инструментов в рамках PR-кампаний – эффективный способ продвижения кандидата в политической гонке, однако для проведения успешной кампании необходимо учитывать разные аспекты, такие как качество офлайн-кампании, активность в социальных сетях, тип и качество агитационных материалов и другие. Отсутствие информации о деятельности кандидатов в период праймериз,

характерное для 34% кандидатов, говорит о низкой общей активности кандидатов в масштабе предвыборной кампании. Отсюда может последовать вывод о несистемном подходе в рекрутировании политических элит. Отметим, что большую заинтересованность в проведении успешной PR-кампании показали впервые избираемые депутаты, которые смогли проявить себя в офлайн- и онлайн-сферах.

Выводы по исследованию PR-кампаний непосредственного предвыборного периода (с 8 июля по 7 сентября 2022 года). Из 38 человек повторно избранных в депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края: 5% кандидатов использовали только онлайн-стратегию, 47% – офлайн-мероприятия, 16% – деятельность в рамках ЗСК, 24% показали полное отсутствие предвыборной кампании и лишь для 8% характерна полномасштабная стратегия продвижения кандидата. Среди 32 впервые избирающихся кандидатов: 35% – не проводили PR-кампанию, 25% – использовали онлайн-инструменты, 31% – PR -деятельность в офлайн-пространстве и 9% проводили полноценную предвыборную кампанию.

Основной итог: успешные PR-стратегии продвижения на выборах зависят от сбалансированности онлайн- и офлайн-технологий. Это позволяет политическим кандидатам увеличить свою электоральную базу и повлиять на решения избирателей. Использование онлайн- и офлайн-мероприятий, поддержка средств массовой информации и популярность в обществе создают условия для формирования позитивного имиджа кандидатов и передачи их идей широкой аудитории. В случае депутатов Законодательного собрания Краснодарского края эти стратегии позволили им не только стать более узнаваемыми и популярными, но и привлечь, а также удержать поддержку избирателей, получив таким образом успешный результат на выборах.

*Симонова И.А., Кривощёва М.С.
(УрГПУ, Екатеринбург)*

«ИНФРАСТРУКТУРА МЕЧТЫ»: ДЕФИЦИТЫ В СФЕРЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ АКТИВНЫХ МАТЕРЕЙ¹

Исследование феномена материнства сегодня необходимо смещается в поле гендерной политологии, поскольку наравне с биологическими аспектами рождения и ухода за детьми, все более очевидными становятся небологические практики, связанные с реализацией женщинами своих социальных, политических и экономических потребностей, которые разворачиваются в условиях конкретных культурно-исторических контекстов и обуславливаются доминирующими политическими дискурсами и моделями политического действия. В условиях не слишком благоприятной демографической ситуации женщины испытывают на себе особое внимание именно в разрезе материнского потенциала, не смотря на то, что тренд на поддержку равных возможностей женщин в профессиональной сфере, в политике, в предпринимательской деятельности также уверенно набирает обороты, о чем свидетельствует, например, новая Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы, принятая 29 декабря 2022. Таким образом, женщине надлежит не только выполнять стратегическую для государства функцию рождения детей с курсом на увеличение рождаемости, но и наращивать устойчивость позиций в деловой среде, включаться в политическую повестку, зарабатывать. Такая ситуация формирует потребности в реализации женщинами, имеющими детей раннего возраста не только

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск»

материнских функций, но и «нематеринских» практик, включающих множество направлений (социальный и политический активизм, предпринимательство в сферах быти и креативных индустрий, крафтовые производства, блоггинг и др). Активный подход к этому сложному с точки зрения «материнской» нагрузки периоду обусловлен ориентацией на сохранение социального статуса женщины и возможностей самореализации и заработка. В фокусе интереса исследования находятся дефициты программ реализации государственной политики в отношении материнства в контексте опыта активных женщин, ориентированных на реализацию «нематеринских» практик. На основе данных, полученных в ходе интервью (n=20), опроса (n=470) и анализа релевантных высказываний женщин в тематических сообществах матерей выявлен перечень актуальных потребностей социально активных женщин. На основании данного перечня описана «инфраструктура мечты» - совокупность условий, которые в представлениях женщин позволили бы поддерживать позитивные «нематеринские» активности. Обязательными элементами такой инфраструктуры являются адресные системы информирования о возможностях для матерей; вектор программ обучения матерей на поддержку крафтовых производств; адаптированные под потребности матерей коворкинги с сервисами кратковременного присмотра за детьми; появление в организациях условий для лактации; маркетплейсы для реализации услуг и товаров, произведенных матерями. Такие представления сформированы женщинами на основе собственной практики материнства, и могут служить ориентиром для коррекции существующих программ поддержки женщин в условиях двойственной направленности государственной политики России в отношении материнства.

Скипин Н.С.
(ИНИОН РАН, ГАУГН, Москва)

«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РОССИЯ»: ОТ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» ДО «ГЛОБАЛЬНОЙ ХАРТИИ ЗЕЛЕННЫХ»¹

Первые для отечественной истории письменные документы, регулирующие отношение к природе можно отнести к XI в. Например, в своде законов «Русская правда» есть отдельные пункты, регулирующие пчеловодство, охоту на бобров и пр., а в XV-XVI веках во времена Московской Руси указами регулировалась охрана засечных лесов и водоемов вдоль южной границы государства.

Существенное развитие природоохранная деятельность получила во время правления Петра I. Им были изданы первые в истории развития России указы по обеспечению чистоты водоемов. Нарушивших эти указы лишали чина и подвергали их физическим наказаниям. В это же время появились первые в российской истории развития научные работы, которые содержали мысли о необходимости природоохранной деятельности.

После правления Петра I внимание к вопросам по улучшению экологической обстановки значительно ослабло, большая часть указов второй половины XVIII века регламентировала охрану промысловых видов животных, в том числе охоту и рыбную ловлю. В конце XIX века было принято «Положение о сбережении лесов», в соответствии с которым запрещались сплошные вырубki леса, устанавливались категории лесов, но на практике Положение не выполнялось, наблюдались бесконтрольные массовые вырубki лесов.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1).

Довоенный этап развития природоохранной политики СССР связан в большей степени с преобразованием природы, чем с ее сохранением. Это обусловлено задачами, которые перед собой ставил Советский Союз в тот исторический момент – электрификация страны (План ГОЭЛРО) и проведение индустриализации. Эти тенденции сохранялись некоторое время и после окончания Великой Отечественной войны.

Уже в 1960-е в СССР возникают первые попытки создания природоохранных организаций. Важную веху в истории отечественного инвайронментализма является возникновение 13 декабря 1960 года дружины по охране природы на базе биологического факультета Московского Государственного Университета. В 1972 ведущие дружины по охране природы объединились и положили начало существованию природоохранному движению СССР – Движению Дружин по охране природы (ДДОП).

Социолог О.Н. Яницкий связывал первый этап развития экологического движения (1960-е – начало 1980-х годов) главным образом с ДДОП. Основной деятельностью Движения Дружин была охрана окружающей среды, но помимо этого, дружинники занимались экологическим образованием, вели туристические кружки, вели экологическую пропаганду. К этому времени уже сформировалось ядро «зеленых» организаций и движений, состоявшее из представителей университетской среды.

Второй этап развития отечественного экологического движения связан как политическими трансформациями внутри страны, так и с политическими успехами зарубежных экологических движений. Этот этап характеризуется массовостью, новыми формами деятельности, и главным образом политизацией экологических движений и объединений.

Начало третьего этапа развития отечественного «зеленого» движения О.Н. Яницкий связывал с распадом Советского Союза и следующими за ним реформами. В этот период складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация: все сдерживающие юридические и политические рамки для развития «зеленого» движения перестали существовать, у экологических некоммерческих организаций появилась возможность получать финансирование из зарубежных фондов и инвесторов, но при этом сами «зеленые» теряют популярность, а движение становится не таким массовым, как на предыдущем этапе.

Четвертый этап развития «зеленого» движения в нашей стране (после 1993 г.) знаменуется тем, что после развала СССР, российские экологические некоммерческие организации были предоставлены сами себе из-за обострения более важных для общества проблем. Практики фандрайзинга уже применявшиеся ранее ограниченным кругом экологических организаций, нашли повсеместное применение на данном этапе.

Сегодня можно увидеть некоторые изменения в развитии экологических организаций. Исторически сложилось, что экологическое движение еще со времен СССР – это общественное движение молодежи. Но если на первом и втором этапе развития экологических движений такая особенность не имела никакого политического значения (в силу аполитичности движения), то на третьем этапе это было скорее минусом, чем плюсом для самого движения. Молодежь как сообщество не имела политического веса, а само экологическое движение превратилось в общественно-политическое.

На эти особенности не могло не обратить руководство страны. Так, в конце 2022 года президент Российской Федерации поручил подготовить администрации президента совместно с Росмолодежью предложения по созданию всероссийского молодежного экологического движения. На наш взгляд, развитие отечественного экологического движения начинает новый этап, связанный с интеграцией экологических организаций и государства. Развитие этого процесса может привести к появлению «зеленой» политической партии, которая в силу своей связи с государством сможет стать одной из фракций Государственной Думы.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ОПЫТ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 2022-2023 гг.)

Конфигурация партийной системы напрямую зависит от общего контекста политического развития, от политической повестки дня, от типа избирательной системы, региональных особенностей развития. При этом можно говорить, как о неких системных тенденциях - «построении вертикали власти», централизации управления, либо, наоборот, либерализации политического пространства, так и о целях среднего порядка, например, решении внутриэлитных конфликтов, обновлении политической элиты, релевантности представительства интересов социальных групп в политике. Поэтому выявление тенденций развития партийной системы, изучение корреляций между многочисленными факторами политического развития и ролью политических партий, прогнозирование увеличения или, наоборот, минимизации их роли в принятии политических решений выступают перманентно актуальными проблемами современной российской политической науки.

Концепт «региональные партийные системы» является достаточно устойчивым в отечественном научном дискурсе, однако совершенно очевидны различные его интерпретации в зависимости от контекста употребления. Поэтому операционализация данного понятия заслуживает постоянной исследовательской конкретизации и в разрезе теоретических изысканий, и в формате прикладного политического анализа.

Под региональной партийной системой мы понимаем систему взаимодействий, складывающуюся в результате межпартийной конкуренции в рамках субнационального измерения политической системы. В таком теоретико-методологическом ракурсе ее основной сущностной характеристикой выступает наличие устойчивых взаимоотношений, сложившихся в регионе между партиями и органами власти (возможность политического консенсуса), между партиями и политическими элитами (представительство интересов элитных групп), между региональной властью и федеральным центром (встраивание в федеральную повестку дня), между партиями и обществом (региональная повестка дня наиболее актуальных проблем, региональные электоральные предпочтения и модели электорального поведения), между политическими партиями (усиление позиций перед выборами, фракционное голосование).

Традиция качественного политического анализа предполагает исследование региональных партийных систем как части общестрановой партийной системы. В случае с современной Россией, на наш взгляд, уместно говорить о высоком уровне национализации партийной системы, что означает территориальную однородность партийного представительства. Если рассматривать этот процесс с позиций регионализации партийной системы, исключения из общего тренда есть, но они как раз подтверждают «правило». Однако можно обозначить и обратную зависимость. Формирующиеся на протяжении большого электорального цикла партийные системы в регионах, по сути, составляют основу будущей партийной кампании на выборах в ГД нового созыва. Поэтому с прикладной точки зрения крайне важно «контролировать» ситуацию на местах и иметь реальное представление о партийных предпочтениях электората.

На формирование конфигурации региональной партийной системы оказывают влияние множество факторов: региональная специфика социально-экономического и культурного развития, степень зависимости от федерального центра, общенациональные тенденции создания политических партий «сверху», особенности регионального политического режима (наличие или отсутствие внутриэлитного конфликта), и, в частности, тип избирательной системы, применяемой для формирования регионального парламента. В контексте оптимизации качественного состава депутатского корпуса,

тенденция на увеличение мажоритарной его составляющей может рассматриваться как очередной виток институционального дизайна партийной системы. В свете традиции российской политической культуры «персонификации власти» подобную инновацию можно считать логичной. В то же время – это гипотетически может привести к сужению количественного представительства средних и малых политических партий в составе региональных парламентов по партийному спектру.

Отдельный исследовательский интерес представляет анализ региональных партийных систем как составной части региональной политической системы и конфигурации регионального политического режима. Нельзя не согласиться с Г.В. Голосовым об использовании теории рационального выбора для изучения сущности функционирования российских политических партий на региональном уровне. Региональные элиты используют организационный партийный ресурс, который позволяет «войти» в региональный политический процесс и стать его полноценным политическим актором. Особенно это характерно для оппозиционных партий, которые готовы предоставлять партийный бренд в обмен на поддержание собственной же организационной структуры в конкретном регионе. Таким образом партийное разнообразие может быть одним из критериев определения ключевых политических акторов и конфигурации региональной политической элиты, а, следовательно, и типа регионального режима.

Слатинов В.Б.
(КГУ, Курск)

ГУБЕРНАТОРЫ «НОВОЙ ВОЛНЫ» КАК НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРАКТИКИ, ЭФФЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ

После парламентских выборов 2016 года и реформирования политического блока Администрации Президента РФ кадровая политика федерального Центра в отношении губернаторского корпуса претерпела серьезную трансформацию. Во-первых, она была ориентирована на широкую ротацию кадрового состава глав российских регионов. В течение нескольких лет, начиная с 2017 года, была осуществлена самая масштабная замена руководителей регионов страны за всё постсоветское время. Во-вторых, в отличие от прежних ротаций, в которых отсутствовал системный замысел, новая кадровая трансформация ориентировалась на массовый приход к руководству территориями так называемых губернаторов «новой волны». Появление этой когорты было обусловлено расширяющимся после завершения «крымской весны» спросом населения на переориентацию политической повестки в пользу решения внутренних, прежде всего, экономических, социальных и инфраструктурных проблем. Ответом руководства страны на изменения социально-политических запросов стала «технократизация» исполнительной власти, начатая в регионах, и охватившая с 2020 года федеральное правительство. Базовая идея «технократического транзита» состояла в том, чтобы, не меняя существующие институты, поменять лица во власти, а также широко использовать современные практики управления (проектный подход, систему КРІ и прочие). Были запущены новые механизмы «возгонки» технократических кадров с целью постепенно сделать систему управления более эффективной и адаптированной к современным вызовам.

Начиная с 2017 года, динамика кадровых изменений в руководстве российскими регионами остается довольно высокой, хотя и имеет постепенную тенденцию к снижению. За 2017-2023 годы состоялось 116 избирательных кампаний (включая – досрочные) по прямым выборам глав субъектов РФ. В ходе прямых выборов за 7 лет было избрано 69 новых глав территорий (в значительной части регионов состоялись два избирательных цикла). Прямые выборы руководителей регионов носят «референдумный» характер, представляя собой, по сути, «утверждение» избирателями кандидата от федерального центра, назначенного врио главы территории. Данный механизм дал «сбой» только в 2018

году, но с 2019 года практика «референдумных» выборов была восстановлена практически в полном объеме. Новые главы регионов, в подавляющем большинстве, состояли в специально сформированном кадровом резерве, а также прошли обучение по программе подготовки руководителей территорий в РАНХиГС при Президенте РФ (50 выпускников программы по состоянию на осень 2023 года стали главами субъектов РФ).

Для направляемых в регионы представителей «новой волны», значительная часть которых работали на федеральных управленческих позициях, важнейшим залогом успешности является способность к быстрому знакомству с регионом и его особенностями, а также освоение компетенций по управлению территориями. Качество управления регионами поставлено в зависимость от этих факторов. Основными источниками легитимности их власти является краткосрочный фактор обновления власти в территории, а также поддержка федерального Центра. Дееспособность политической стратегии и устойчивость позиций внутри региона, во многом, определяется характером «врастания в почву», то есть особенностями взаимоотношений с местными элитами. Недоверие к последним, по всей видимости, является если не всеобщей, то широко распространенной характеристикой губернаторов «новой волны», отсюда желание последних расставить на командные высоты в управлении регионами лично близких людей, также являющихся «варягами». При соблюдении известных балансов и общем позитивном взаимодействии с местными элитными группами, серьезного напряжения это не вызывает, во всяком случае, на первоначальном этапе работы. Игра на «эффекте обновления» и явном контрасте с прежним правлением стимулирует проявление у направляемой в территории когорты региональных менеджеров «отзывчивости» и «искренности», а также способствует формированию новых механизмов участия гражданского общества в определении повестки дня. Однако, сохраняются сомнения в долговременности и устойчивости этих механизмов за пределами избирательных кампаний, и по мере того, как «эффект обновления» начинает выдыхаться. В общенациональном масштабе в помощь губернаторам «новой волны» реализуется стратегия усиления «обратных связей» власти и населения через систему инцидент-менеджмента и мониторинг социальных сетей (Центры управления регионами – ЦУРы). Политически выигрышной является также «инфраструктурная» повестка с акцентом на дорожное строительство и обновление городской среды, однако, она упирается в фактор времени и ресурсной обеспеченности. Анализ социально-экономического и инфраструктурного развития субъектов РФ, находящихся под управлением губернаторов «новой волны», показывает встроенность новой модели губернаторского рекрутинга и подотчетности в общую «вертикализованную» систему управления и ресурсного обеспечения территорий через национальные проекты. Будучи ресурсно и институционально зависимыми от Центра «операторами» федерального политического курса, многие губернаторы «новой волны» обнаруживают дефицит «авторской» повестки, что обостряет проблему их вклада в процесс регионального развития в долгосрочной перспективе.

Слепнев М.С.
(ДонГУ, Донецк)

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В современном цифровом мире владение информационным пространством приобретает ведущее значение. Гибкость информационных инструментов, их многогранность, многофункциональность и способность объединять различные методы воздействия позволяют использовать их на разных уровнях и в различных средах. Информационное оружие обладает способностью облекать себя в культурные формы, разнообразные и при этом привлекательные, что делает его мощным инструментом для укрепления власти, улучшения механизмов управления и перераспределения общественного внимания в нужном направлении.

Информационная война представляет собой современный феномен, в котором информация играет центральную роль в воздействии на различные сферы общества и государственной деятельности. Ее сущность заключается в использовании информации как мощного инструмента воздействия и манипуляции для достижения политических, экономических и социальных целей.

Как известно, «идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой». Поэтому эффективность кампаний по воздействию на общественное мнение и внедрению соответствующих идей и понятий имеет решающее значение. От успеха таких кампаний зависит, какие именно идеи и ценности будут доминировать в сознании людей – будут ли это вульгарный социал-дарвинизм или идеи добра и справедливости. Информационное оружие, с его способностью моделировать образы и формировать мнения, становится мощным инструментом для определения курса общественных убеждений и ценностей [2].

В информационной войне информация становится оружием, способным оказывать значительное воздействие на общественное мнение, политические решения и экономическое развитие. Это может происходить через распространение дезинформации, создание фейковых новостей или манипуляции в социальных сетях.

Данный феномен является многомерной и комплексной деятельностью, охватывающей множество аспектов общества. Она может включать в себя политические манипуляции, кибератаки, влияние на экономические решения и даже формирование образов и стереотипов.

Целями информационной войны могут быть различные: от дискредитации оппонентов до создания хаоса в обществе или ослабления национальных государственных институтов. Информационные войны могут использоваться как для национальных, так и для международных стратегических целей [3].

С появлением интернета и социальных сетей, феномен информационной войны приобрел новые масштабы и возможности. Он стал доступным для широкого круга акторов, включая не только государства, но и негосударственные организации и даже отдельных активистов.

Как феномен, информационная война имеет весьма обширное, но в то же время и весьма логичное историческое происхождение. Однако, это явление стало особенно актуальным в современном мире, благодаря его широкому применению в международном политическом процессе.

Идея использования информации как оружия имеет древние корни. Например, в античных исторических сражениях использовались мифы, легенды и пропагандистские сообщения для воздействия на врага и общественное мнение. Во времена войн и конфликтов национальные и международные стороны активно использовали пропаганду для мобилизации общественной поддержки и дискредитации противника. Это включало в себя распространение ложных сведений и создание образов «врага».

Эпоха холодной войны является примером того, как государства использовали информационные средства, такие как радио, телевидение и пропагандистские кампании, чтобы воздействовать на враждебные страны и формировать образы «империализма как врага мирового сообщества» со стороны социалистического блока, или Советского Союза как «империи зла» со стороны Западного сообщества.

С рассветом цифровых технологий и интернета в XXI веке информационная война приобрела новые масштабы. Социальные сети, блоги и онлайн-медиа стали платформами для быстрого распространения дезинформации и манипуляций. С развитием кибертехнологий информационная война приобрела киберсоставляющую. Кибератаки и киберпропаганда используются для ослабления инфраструктуры и воздействия на общественное мнение. Сегодня информационная война представляет собой сложный набор вызовов, включая борьбу с дезинформацией, обеспечение информационной безопасности и защиту киберпространства [1].

Современная информационная война характеризуется рядом уникальных особенностей и тенденций, которые выделяют ее среди других форм конфликтов и воздействий. Одной из ключевых особенностей современной информационной войны

является цифровая трансформация. С развитием интернета, социальных сетей и цифровых коммуникаций информация стала гораздо более доступной и легко распространяемой. Это позволяет акторам информационной войны быстро доставлять свои сообщения и манипулировать общественным мнением.

Информационные операции могут проводиться анонимно или под псевдонимами, что затрудняет выявление и ответственность за действия. Это создает условия для широкого использования фейковых аккаунтов и анонимных источников информации.

Современная информационная война перешла на глобальный уровень. Акторы могут воздействовать на целевые аудитории в разных странах, используя мировой интернет и социальные сети. Это дает им возможность воздействовать на международные отношения и геополитические процессы.

Социальные сети стали основной платформой для распространения дезинформации и манипуляций. Они обеспечивают широкий охват аудитории и возможность взаимодействия с пользователями. Медиа, в свою очередь, часто становятся инструментами для распространения контролируемой информации [4].

Современные информационные войны часто включают кибератаки на компьютерные системы и инфраструктуру. Эти атаки могут привести к разрушениям, утечкам данных и парализации ключевых систем.

Современные конфликты часто объединяют в себе элементы информационной, кибернетической, химической и традиционной войны. Это создает сложные и многомерные ситуации, где информационная война играет ключевую роль в формировании общей стратегии.

Современная информационная война активно использует психологические методы для формирования убеждений и мнений. Это включает в себя создание эмоционально заряженных контентов и манипуляцию массовым сознанием.

Информация в интернете распространяется моментально и многократно копируется. Даже после выявления и удаления дезинформации, она может оставаться в памяти и воздействовать на общественное мнение.

Таким образом, Информационная война, как сложное и динамичное явление, стала неотъемлемой частью современного мира. Ее сущность заключается в использовании информации как оружия для воздействия на различные сферы общества и государственной деятельности. Изучение этого явления позволяет понять его особенности и вызовы, которые оно представляет для мировой стабильности и информационной безопасности.

Современная информационная война отличается высокой технологизацией, цифровой трансформацией и глобальностью. Акторы информационной войны используют разнообразные инструменты, включая социальные сети, кибератаки и психологические методы, чтобы достичь своих целей.

Источники и литература

1. Голицын, И. В. «Информационная безопасность и информационные войны». Эксмо, 2013.
2. Зотов, А. Н., и Багрянцев, А. А. «Информационные войны: понятие, цели, задачи, методы». Вестник Московского университета. Серия 22: Социология и политология, 2019, № 1, с. 46-59.
3. Климанов, В. В. «Информационная война: теория и практика». Альпина Паблишер, 2015.
4. Смирнов, А. А. «Информационные технологии и информационная безопасность». Инфра-М, 2019.

НА КРУГИ СВОЯ!? (ОСМЫСЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ)

Отношение к Просвещению. С середины XX века в социо-гуманитарном знании по нарастающей развивается отрицание идей Просвещения. Эстафетную палочку представителей «критической» школы подхватили постмодернисты. Постгуманисты и трансгуманисты изучают социо-гуманитарные отношения на гносеологической основе, не связанной интеллектуально с просветительскими идеями. Выстраивается тенденция отношения к Просвещению как к конкретно-историческому интеллектуальному явлению, оставшемуся в прошлом и не востребованном настоящим. Допуская правоту этого подхода на уровне философских «материй» самого высокого уровня обобщений, в этом контексте не лишним будет заметить, что исследованию более конкретной проблематики может соответствовать своя собственная логика и необходимость востребованности отличных интеллектуальных предпосылок. На наш взгляд, к одной из них можно отнести осмысление взаимоотношений политики и религии. Тем более, если к анализу реальности подходить не с позиции теоретических заданностей, а с учетом изменившейся общественно-политической практики, особенно в конкретных странах.

Похожесть общественно-политической ситуации с точки зрения проблем взаимоотношений политики и религии. В эпоху Просвещения рациональное мышление можно отнести к элитному интеллектуальному «обременению». Абсолютное большинство населения Западной Европы было религиозным. В 80-е гг. XX в. начался «реванш» религий, как реакция на кризис политических идеологий, сформировавшихся на основе просветительских идей. Религиозный ренессанс, в частности в России, серьезно изменил состояние массового сознания. Россияне «погрузились» в религиозность в разнообразных ее направлениях и формах. Как и для просветителей, сегодня для исследования проблем политики и религии важно учитывать состояние массового сознания, многочисленность религиозного сегмента современного российского социума, поликонфессиональность, развитость религиозной инфраструктуры, авторитет религиозных организаций, значимость религиозных лидеров и религиозной элиты. Актуальна и проблема формирования основ современной морали россиян и моделей гражданского поведения.

Преодоление Бога и религиозности. Философское осмысление Бога и религиозности происходило в нескольких направлениях. В XVIII веке широко был распространен пантеизм («всебожие»), который отождествлял Бога и мир. Большинство философов этой эпохи разделяло деистические идеи (Бог, сотворив мир, не вмешивается в закономерное течение событий, но Бога познать можно только через разум). В контексте формирующейся материалистической философии появляются идеи атеизма (полное отрицание существования Бога). Просвещение в основном характеризовалось антиклерикальностью, то есть антицерковной направленностью, так как Церковь рассматривалась, как общественная структура - опора абсолютизма. Особенно критиковалось и осуждалось католическое духовенство. Мыслители не могли отрицать массовую религиозность населения, поэтому предложили идею новой, естественной религии, противостоящей религии Откровения. Определялась она, как «религией чувств» (основные религиозные представления заложены в природе человека, его разуме и чувствах). Именно эти разработки стали основой и идеи создания новой религии (например, «позитивной религии человечества» (О. Конт) в XIX в.), и гражданской, политической религии в XX в.

Использование религиозности как ресурса политики. При разработке основ светскости политики с ее отделением религии и Церкви, устранением их из публичного пространства оставалась проблема широко распространенной религиозности в массовом

сознании и поведении. В сфере практической политики просветители по-сути предложили три основных подхода. 1) Использовать религиозную веру как ресурс светской политики для управления народом и удержания его в повиновении; 2) Заменить прежнюю религиозность на новую – «гражданскую»; 3) Для сохранения социального порядка необходима веротерпимость, так как без этого в условиях мировоззренческого плюрализма невозможно поддержания гражданского мира и обеспечение безопасности.

Таким образом, конечно, не «на круги своя» во многих смыслах. Современным исследователям взаимоотношений политики и религии многие разработки европейских просветителей могут быть полезными не только в теоретическом, но и в практическом плане, и востребованными, расширяющими пространство изучения этой проблематики в современных условиях.

Смаль С.В.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМЫ ЕГИССО)

Цифровое развитие делает стремительные успехи, что связано с последовательной реализацией установок государства на цифровизацию всех сфер жизни. Особенно эти успехи заметны в такой всеобъемлющей области, как социальная политика и социальное обеспечение, где функционируют различные платформы и создаются целые системы, как, например, Единая государственная информационная система социального обеспечения, более известной по аббревиатуре ЕГИССО.

Система появилась благодаря предложениям и идеям еще 2016 года, когда началось целенаправленное создание концепции и разработка архитектуры новой разработки, федеральный закон, во исполнение которого и реализуется ЕГИССО, был принят в 2015 году.

Система заработала в 2018 году в пилотном режиме, на данный момент ее услугами охвачены все регионы России, в том числе новые территории. Безусловно, развитие ЕГИССО в новых субъектах РФ на данный момент проблематизировано рядом объективных обстоятельств, однако и там работа идет по нарастающей.

Даже поверхностное знакомство с системой позволяет проводить спектр кросстемпоральных и кроссрегиональных сравнений, что, в свою очередь, дает динамическое представление о развитии социальной политики в целом.

При помощи системы можно в компаративном разрезе анализировать такие показатели, как численность получателей мер социальной защиты (поддержки), количество назначений мер социальной защиты (поддержки), сведения о социальной защите (поддержке) по регионам, времени получения и количеству выплат. Отобразим эти данные в виде таблицы 1 ниже.

Очевиден размах работы системы, которая позиционируется как исключительно цифровая, работающая на оказание услуг в цифровом виде и даже предлагающая гражданам интерактивное информирование о тех мерах поддержки, которые они могут получить, вплоть до конкретного адреса, куда нужно будет обратиться за услугой. Этим в системе занимается специальный сервис, который называется «Социальный калькулятор», который работает в двух категориях: по жизненному событию и, собственно, по категории предоставления мер поддержки.

Необходимо заметить, что ЕГИССО значительно снижает необоснованные денежные и трудовые государственные расходы в сфере социального обеспечения, которая, как известно, является исключительно ресурсно и материально затратной. Экономическая выгода государства также видится в сбережении некоторого процента суммы,

выплачиваемой в целом по социальной поддержке населения путем систематизирования различных видов выплат и гарантий, а также исключения дублирования тех же выплат в других ведомствах, что происходит на постоянной основе просто потому, что видов льгот и субъектов, которые их предоставляют, существует великое множество.

Таблица 1

Сведения о социальной защите (поддержке) системы ЕГИССО за август 2023 года по Российской Федерации

Наименование показателя	Измерение показателя
Численность получателей мер социальной защиты (поддержки) (далее МСЗ(П))	58 947 683 человек
Количество МСЗ(П), по которым есть обязательства в отчетном месяце	300 902 340
Сумма действующих назначений МСЗ (П),	1 442 692 231 тыс. руб.
Количество организаций, назначающих МСЗ(П)	19 626
Количество категорий получателей МСЗ(П)	761
Размер среднего назначения на одного получателя МСЗ(П)	24 474 руб.
Количество видов предоставляемых МСЗ(П)	389
Средний размер назначенных МСЗ(П)	4 795 рублей

Теперь проанализируем положение Санкт-Петербурга, сравнив его показатели «на заре» работы системы ЕГИССО, данные предоставляются системой, начиная с января 2019 года, и последние актуальные данные на август 2023 года. Покажем это также в виде таблицы 2.

Таблица 2

Сведения о социальной защите (поддержке) системы ЕГИССО года по Санкт-Петербургу за январь 2019 года и август 2023

Наименование показателя	Измерение показателя январь 2019 года	Измерение показателя август 2023 года
Численность получателей мер социальной защиты (поддержки) (далее МСЗ(П))	1 539 163 чел.	2 556 076 чел.
Количество МСЗ(П), по которым есть обязательства в отчетном месяце	2 643 032	6 254 522
Сумма действующих назначений МСЗ (П),	3 631 200 тыс. руб.	55 591278 тыс. руб.
Количество организаций, назначающих МСЗ(П)	207	220
Количество категорий получателей МСЗ(П)	128	291
Размер среднего назначения на одного получателя МСЗ(П)	2 359 руб.	21 749 руб.
Количество видов предоставляемых МСЗ(П)	77	121
Средний размер назначенных МСЗ(П)	1 374 руб.	8 888 руб.

Система, очевидно, растет и развивается, хотя, безусловно, имеет «узкие места» и проблемы, но необходимо признать, что цифровые сервисы проникают в нашу повседневную практику и становятся уже привычными и надежными помощниками как для субъекта, так и для объекта социальной политики.

ТРАНСВЕРСАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ¹

Социальные сети относятся к важным контекстуальным условиям, обеспечивающим социализацию их участников. Принадлежность к тем или иным сетям нарушает обычную практику идентификационной социализации, обеспеченной влиянием семьи, товарищей, сообществ или государства. Сетевая социализация основывается на особом характере взаимодействия, который описывается понятием трансверсальности. В математике трансверсальность означает ряд общих положений взаимного пересечения гладких многообразий, но также используются понятия трансверсалей для определения пересечения различных множеств и линий. В философии трансверсальность противопоставляется универсальности и сингулярности, порождая пространства «между», пограничье, трансмиры и т.д. Социальные сети также можно описывать как трансверсальную структуру взаимодействия различий, формирующих коллективные принадлежности без строгих идентификаций. Динамика сетевой политической социализации современных поколений молодежи, в цифровом сетевом контексте (или исходя из действия сетевой организации коммуникации) свидетельствует об индивидуации человека в гибридной социотехнологической среде или о процессах субъективации в гетерогенных сетевых ассамбляжах/коллективах, что усложняет процессы формирования базовых ценностей и общегражданской идентичности. Доверие и взаимность (реципрокность) как база социализации в трансверсальных сетевых сообществах возникает процессуально в ходе вертикальных, горизонтальных и «боковых» взаимодействий и убеждающей коммуникации за счет гибкой системы диффузий, ролей, влияний, структурной эквивалентности и функциональной дифференциации. Трансформация механизмов сетевой социализации связана не только с подвижностью содержания коммуникационных сообщений (факторы морали, психики, логики и политической ситуации), но и активным использованием сложного сетевого дизайна коммуникации (вирулентность, диффузия, центральность, открытость, управляемость). В этом отношении трансверсальная политическая социализация опирается на коннективистские, структурные и когнитивные составляющие сетевого взаимодействия. В современных условиях, когда сетевое пространство активно используется молодежью как источник информации и коммуникации, политическая социализация онлайн выступает мощным средством формирования политических ценностей и идентичностей, влияющих на политическое позиционирование и деятельность. В процессе сетевой политической социализации присутствуют механизмы управляемой и неуправляемой убеждающей коммуникации. Важным свойством такой социализации выступает политика трансверсальности, т.е. стратегия взаимосогласования и взаимопересечения социальных, культурных, поколенческих, территориальных и др. различий.

¹ Материал подготовлен по гранту ЭИСИ/госзадание Минобрнауки РФ № 123091800030-5 «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи».

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЯН О РАЗВИТИИ СВОЕЙ СТРАНЫ¹

Для рассмотрения специфики политических представлений россиян о развитии страны будем опираться на политико-психологический подход. Он позволяет нам с разных сторон достаточно взвешенно интерпретировать результаты исследований 2020-2023 гг., учесть самые свежие данные, собранные благодаря качественным опросным методам.

Согласно результатам проведенных в последние годы исследований образ страны становится более четким за счет формирования некоторого консенсуса во взглядах и мнениях российских граждан. Идеологическая дифференциация общества, а также актуальный социально-экономический и политический контекст способствуют формированию менее противоречивых оценок исторических событий. При исследовании связи образов прошлого и будущего России в массовом сознании россиян была выявлена тенденция активности «ренессансных» механизмов конструирования образа будущего. Предположительно, данные механизмы детерминируют актуализацию элементов мессианских идей в оценках будущего должного развития страны. Они способны формировать более согласованные и четкие ориентиры на развитие страны в представлениях россиян. Проблемы национально-государственной идентичности, возникающие прежде всего у молодежи, в данном случае, могут усиливать этот процесс у части молодых граждан или же наоборот способствовать усилению апатии, отчужденности и безразличия к судьбе своей страны, да и политике в целом.

Контекстуальный фактор способствует структурированию исторической памяти в системе противоположных оценок (хорошо-плохо), нивелируя неоднозначность этих оценок (и вместе с тем и их неактуальность). История – воспринимается как «что-то, что вершится сейчас», «то, что повторится в будущем» («повторяя, некоторые вехи прошлого в будущем»). Важной видится и наблюдаемая у респондентов сложности в конструировании новых идей, не имеющих связи с имеющимся опытом (иллюзией имеющегося опыта – коллективной памятью).

В ходе рассмотрения темы развития страны в представлениях россиян неизменно значимым оказывается вопрос нравственных координат политической активности власти. Дискуссия о приоритете эффективности и «праведности» реализуемой политики продолжает сохраняться как смыслообразующая категория выстраивания образа идеального будущего России. Для молодежи более актуальной является тема политической субъектности общества. Возлагая определенные надежды в отношении элементов гражданского общества, часть молодых граждан, однако, приписывают признаки инфантильной детской позиции народа при взаимодействии его с властью. Парламент нередко наделяется прежде всего легитимизирующей властью функцией. Наибольший пессимизм наблюдается в оценках внутреннего потенциала российских политических партий.

Внутренним ресурсом для развития страны опрашиваемые нередко считают историю страны и природные богатства. Более неоднозначно оценивается менталитет российского народа. С одной стороны, ряд характеристик народа (неприхотливость, живучесть, смекалка, пассионарность, храбрость и готовность идти до конца) ассоциируется с мобилизационным потенциалом страны. С другой стороны, опрашиваемые нередко называли народ и слабостью России. Речь здесь идет, обычно, о снижении образованности и культуры россиян, о русской лени, пассивности, о созерцательности, и

¹ Материал подготовлен в рамках темы проекта №123091200067-7 «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны» при поддержке ЭИСИ в ИНИОН РАН.

склонности полагаться на авось. Серьезными препятствиями на пути к процветанию страны видятся риски межнациональных конфликтов.

Неизменно популярным шагом на пути к идеальной политической системе в оценках россиян является выстраивание правдивого диалога между политической элитой и обществом. Актуальна и тема неконфликтного (с позиции некоторых, даже, безопасного) взаимодействия граждан с государственными институтами. Рассмотрение ценностного наполнения данного взаимодействия в представлениях россиян о должном, видится интересной исследовательской задачей.

Соколов А.В.

(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Стремительное развитие цифровой среды привело к осознанию целесообразности не только ведения политической деятельности в Интернете, но и создания комплексов взаимосвязанных платформ и специализированных сервисов, позволяющих осуществлять более эффективное взаимодействие с целевой аудиторией, формировать общественное мнение, аккумулировать необходимые ресурсы.

В большинстве источников и исследований внимание концентрируется на позитивных аспектах цифровизации, в том числе, и общественно-политических процессов, и институтов. Однако представляется актуальным анализ проблем, с которыми могут столкнуться граждане, общество и государство.

Одной из ключевых проблем является слабая степень регуляции отношений в новых формирующихся условиях и взаимодействиях ключевых субъектов.

Государство начало формировать нормативно-правовую базу, регулирующую создание и функционирование цифровых экосистем. Однако, как показывает проведенное авторское исследование, основное регулирование направлено на сферы ЖКХ, образования, экономики. При этом на данный момент обозначается лишь общая регуляторная рамка, далеко не всегда вводящая саму дефиницию «цифровая экосистема». Поэтому можно говорить лишь о формировании отраслевых политики в отношении нового феномена цифровой реальности.

Фактически государство идет по пути формирования отдельных цифровых сервисов, предоставляя гражданам возможность получения актуальных услуг в онлайн-пространстве. Здесь важно выделить стремительное развитие портала «Госуслуги» и системы дистанционного электронного голосования. Целесообразно отметить, что именно «Госуслуги» выступают наиболее реалистичным прототипом экосистемы в российской политической системе.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что формирование и развитие экосистемы в политике связано, в первую очередь, с самостоятельностью политического субъекта ее формирующего, а также осознанностью им той цели, которую планируется решить, ее используя.

Особое положение в данном аспекте занимают граждане, которые в большей части становятся объектами функционирования цифровых экосистем. С одной стороны, им становятся доступны новые возможности получения определенных услуг, облегчается коммуникация с политическими субъектами, однако с другой – создаются дополнительные

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01517, <https://rscf.ru/project/22-28-01517>.

условия по манипулированию общественным мнением, вторжения в личную жизнь, незаконного доступа к персональным данным.

В результате развитие цифровых экосистем создает их владельцам дополнительные возможности контроля над общественно-политическим пространством, сокращая конкуренцию, снижая потенциал влияния граждан на процесс принятия решений. Тем самым общество может стать объектом некорректных воздействий политических субъектов, использующих его в своих интересах.

Ситуация может усугубляться в условиях цифрового неравенства, когда граждане не будут иметь необходимого доступа (как на уровне технологий, так и в связи с отсутствием достаточных знаний и навыков) к соответствующим сервисам для отстаивания своих прав и законных интересов.

Более того, формируется практика цифрового рейтингования граждан, дифференцирующего их доступ, в том числе, и к традиционным услугам (социальный рейтинг Китая).

Создаваемые цифровые экосистемы накапливают значительное количество данных на своих пользователей, что создает дополнительные возможности управления их поведением. Тем самым актуализируется проблема безопасности функционирования цифровых экосистем для граждан, общества и государства. Ее решение может быть достигнуто, в том числе, посредством повышения прозрачности и подотчетности цифровых экосистем. Однако на данном этапе их развития не сформирован адекватный ответ на данный запрос.

Решение обозначенных проблем может быть достигнуто посредством адекватного развития технологий, их адаптации к социуму с учетом мнений и потребностей всех заинтересованных сторон. Осознание гражданами и отдельными структурами потенциальных рисков и угроз от цифровых экосистем может подорвать доверие как к ним, так и к цифровизации общественно-политических институтов и процессов.

*Соколов А.В., Васильева Д.А.
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-ДИСКУССИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НИЗОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ¹

Низовая гражданская активность – форма участия граждан, неформальных движений и формальных объединений в общественной жизни на местном уровне региона, действующая с целью решения локальных проблем во взаимодействии с органами публичной власти. Низовая гражданская активность позитивно влияет на социальные изменения в местных сообществах, формируя практику активного и непосредственного участия населения в решении локальных проблем.

Наиболее простым для потребителя форматом низовой гражданской активности выступает онлайн взаимодействие с политическими субъектами. В ходе любого взаимодействия между участниками выстраивается дискуссия. В нашем исследовании во внимание взяты личные страницы политических субъектов в социальной сети «ВКонтакте». Важно, что под политической онлайн-дискуссией мы будем понимать непосредственно вербальные средства коммуникации, не учитывая в качестве одобрения и приверженности к публикуемым идеям субъекта лайки, репосты и иные виды реакций. Суть политической онлайн-дискуссии сводиться к формату, в ходе которого оба субъекта участвуют (частично участвуют) в обсуждении актуальных проблем.

¹ Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект №GM-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

При исследовании политической онлайн-дискуссии в качестве политических субъектов, на страницах которых проходит политическая дискуссия, были выбраны пять депутатов Ярославской областной думы VII созыва, переизбранные на новый срок от трех политических партий: «Единая Россия» (3 деп.), «КПРФ» (1 деп.) и «Новые люди» (1 деп.). В качестве методов исследования выступают контент-анализ, критический дискурс-анализ и нарративный анализ текстов. В качестве исследуемого периода выступили публикации на личных страницах с 29 мая (завершение праймериз «Единой России») по 10 сентября 2023 года включительно – завершение выборов. Выбранный период интересен с точки зрения интенсивности размещения контента, его типов и появления различных моделей политической онлайн-дискуссии. Выборкой выступили 10 постов от каждого политического субъекта. В исследовании был сделан ряд допущений, среди которых важными выступают возможная «зачистка» комментариев, негативно характеризующих субъекта (данная практика была отмечена у ряда политических субъектов региона) и позиционирование для различных социальных групп своей целевой аудитории (что также фиксировалось на примере других субъектов). В ходе исследования был сделан ряд выводов:

1. Контент политических субъектов можно разделить на несколько тематик, каждая из которых имеет типы и подтипы: «Личные» – «Семья», «Хобби», «Биография»; «Партийноориентированные» – «Ценности партии», «Активность партии», «Бренд партии»; «Отчетные» – «Встречи», «Думские заседания», «Работа в округе»; «Поздравительные» – «Персонифицированные», «Религиозные», «Городские» и т.д.; «Оценка номенклатуры» – «Кадры», «Политические перестановки» и т.д. Наибольшей популярностью пользуются публикации партийноориентированные и личные, вызывающие эмоцию.

2. В большинстве случаев, негативные комментарии можно встретить в постах, демонстрирующих излишнюю позитивную оценку либо личной деятельности депутата, либо – партийной позиции.

3. Развитие политической онлайн-дискуссии проходит, как минимум, по трем моделям: 1) отсутствие какой-либо коммуникации, при этом даже в случае яркой темы в повестке; 2) коммуникация, которую начинают потребители, а доноры ее поддерживают – в таком случае, как правило, политический субъект может выборочно реагировать на комментарии, что вызывает у потребителей негативное мнение о субъекте; 3) дискуссия между авторами комментариев без участия политического субъекта – в данном случае дискуссия может выходить за рамки политической тематики и переходит на личности между участниками, что приводит к потере сути политической онлайн-дискуссии.

4. Лексически комментарии на странице представителя партии «КПРФ» выражены в жестких тонах и затрагивают широкое проблемное поле и, чаще, можно встретить комментарии, состоящие из нескольких блоков, которые могут дополняться и модернизироваться: 1) оценка самого субъекта («Благодаря Вам», «Только с Вами» и т.д.); 2) оценка партии («КПРФ создает», «За КПРФ» и т.д.); 3) надежда результат («Надеемся на Вашу победу» и т.д.).

5. Лексически комментарии «Партии «Единая Россия» – более мягкие, хвалебные выражения, латентные неодобрения со стороны потребителей («Могло быть лучше», «Там беда», «Вы только и можете» и т.д.).

6. Партия «Новые люди» мало чем отличается от двух других, но все же больше характерна модель излишне положительной оценки деятельности («Только вы», «Надеемся на вас» и т.д.), что может быть обусловлено сравнительно недавним функционированием партии и высокой степени поддержки со стороны потребителей.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД АДМИНИСТРАЦИИ БАЙДЕНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Теоретическая часть. Используются 2 теории международных отношений – реализм и либерализм.

Реализм – теория, выросшая на трудах Томаса Гоббса и Макиавелли (антропологических пессимистов), подразумевающая, что, в международной системе господствует анархия, и национальные государства преследуя свои интересы, накапливают ресурсы, и количество этих ресурсов (то есть сила государства) будет определяющим во взаимоотношении государств друг с другом.

Либерализм – теория, выросшая из «идеализма», в основном на трудах Вудро Вильсона, и утверждающая, что предпочтения, ценности для государства, определяющие и первостепенны по отношению к ресурсам (силе) государства. Эти предпочтения ценностные у каждого государства могут принципиально отличаться в зависимости от доминирующей религии, культуры, способу производства и политическому режиму. Также в либерализме всё не сводится к вопросу безопасности, взаимодействие может быть налажено и через коммерческие фирмы, НКО и частные лица.

Основная часть и выводы. Администрация Байдена, занявшая Белый дом в январе 2021 года, во многом завершила своим приходом период неопределённости во внешней политике США. Представление о том, что Трамп фундаментально (как минимум во время своего президентства) эту политику изменил, на глубоком уровне отчасти несправедливы. Ведь он был ярким примером, как стратегию внешней политики США бросает из стороны в сторону, начиная с позднего Клинтона. Байден же, удачно вписывающийся в положение дел в мире, со своим политическим мировоззрением, сформировавшимся в период Холодной войны, придал внешней политике Белого дома большой вес внутри администрации. Упор, который сделал Байден на команду по нац. безопасности и внешней политике, стал заметен сразу многим. Причём это произошло до всей череды последних внешнеполитических потрясений, которые почти никто не мог представить в начале 2021 года.

Все эти события способствовали наиболее полному проявлению Белого дома, его взгляда, взгляду ключевых фигур, в принятии решений, на внешнюю политику.

Разумеется, как и любая сложная система, блок, который занимается внешней политикой от руководства Госдепа и Пентагона, советника по нац. безопасности до недавно введённого в Правительство, указом Байдена, директора ЦРУ не имеет однозначной характеристики по своей работе и даже её направлению.

Большинство политических аналитиков и исследователей в диапазоне от экспертов аналитических центров до академических процессоров любят дифференцировать позиции, в качестве своего методологического принципа, по традиционным теориям. В нашем случае администрацию Байдена делят на представителей школы реализма и либерализма, во внешней политике соответственно.

Основные вызовы (вооружённый конфликт между Россией и Украиной, проблема Китая, активное взаимодействие с постсоветским пространством, трансатлантических отношения и внутри НАТО) на примере которых можно попытаться описать работу администрации на внешнем контуре, демонстрируют этот дуализм. В заявлениях и подходе, который применяют функционеры разных ведомств, прослеживается разница позиций.

Так, Пентагон и Госдеп стоят на позициях либерализма, что заметно по выступлениям Л. Остина и Э. Блинкина. В то время как позиции крыла спец. служб лидерами которых являются Д. Салливан и У. Бёрнс демонстрируют приверженность реализму. Можно проследить в зависимости от того, кто занимается организацией мероприятий, встреч, кто сопровождает президента Байдена на форумах, конференциях или

саммитах (по типу саммита НАТО или конференции в Рамштайне), какую позицию в данных контекстах занимает администрация. Также прослеживается противопоставление сторон в заявлениях, когда одна из сторон корректирует заявления другой, что по сути оказывается противоположной позицией, как знаменитое заявление Блинкина в Киеве 25 апреля 2022 г., что главная цель США – победа Украины, что на следующий день в Вашингтоне советник по нац. безопасности Д. Салливан скорректировал до формулировки – не допустить поражения Украины. За которой читалось стремление также не допустить и военного поражения России, а также скрытое более глобальное представление о Китае, как главном конкуренте в борьбе, с которым нужна в определенной степени помощь Москвы.

Соколов Н.Н.
(ГУУ, Москва)

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Начиная с начала третьего тысячелетия цифровые технологии активно ворвались в нашу повседневную жизнь и на наших глазах происходила в начале медленная, а затем все убыстряющаяся трансформация организационно-управленческого ландшафта, связанная с повсеместным применением и внедрением новых технологий, в том числе, и в сферу принятия решений. Перечислим некоторые из технологий [1]: принятие политических решений на базе Big Data; ускоренное распространение систем искусственного интеллекта, таких как, GPT Chat; влияние социальных сетей и мессенджеров на модуляцию искусственно-управляемых политических процессов или воздействия через мягкую силу; управление цифровой репутацией госслужащих и политических лидеров; принятие решений в условиях глобального отключения данных (войн, катаклизмов); Digitall-выборы; технология BallotReady: онлайн-гид по кандидатам и искусственный интеллект, выявляющий политическую ложь; технология Voatz: голосование через смартфон и блокчейн; ePluribus: технология подъема содержательных общественно-резонирующих вопросов до уровня политической публичности.

Например, огромное поле для изучения принятия решений на базе Big Data как политических интересантов, так и на личном гражданском уровне, что впервые было ярко продемонстрировано в процессе президентской избирательной кампании Дональда Трампа в 2016 году, когда данные более 50 миллионов пользователей известной социальной сети были собраны без их согласия и к ним была применена технология таргетированной политической рекламы позитивных новостей (настроенная на каждого конкретного пользователя) и, зачастую, распространения ложных фэйковых новостей.

В целом, прослеживается довольно острая и опасная тенденция нарастающего влияния IT-гигантов на политическую сферу, включая избирательные кампании, лоббирование и введение политической цензуры. Известный американский видеохостинг проводит политическое цензурирование контента своего канала на основании политических предпочтений на конкретный момент ведущих кругов США и блокирует неудобный политический контент или противоречащие факты.

Цифровые технологии уже активно применяются и в выборных кампаниях – дистанционное электронное голосование (ДЭГ) в Эстонии с применением либо ID-карт гражданина, представляющей из себя пластик с чипом, либо специальных SIM-карт (Mobile-ID), позволяющим пройти аутентификацию при помощи смартфона. Отметим, новейшие технологии, появляющиеся на базе стартапов: технология BallotReady как онлайн-гид по кандидатам и искусственный интеллект, выявляющий политическую ложь, Voatz – голосование через смартфон и блокчейн, ePluribus – технология подъема содержательных общественно-резонирующих вопросов до уровня политической

публичности. Эти технологии появляются благодаря развитию общедоступных интернет-платформ и маркетплейсов с применением краудфайндинговых платформ по привлечению и сбору финансовых средств.

Отметим внедрение искусственного интеллекта (ИИ), который за последние несколько лет произвел небывалое публичное воздействие на общество. Скандалы, связанные с его использованием для написания студенческих работ, создание Deepfake-ов, интервью Илона Маска Такеру Карлсону и BBC с неожиданным заявлением о необходимости жесткого контроля по разработке и применению ИИ 4-го и 5-го поколения в рабочих и управленческих процессах, привели к невероятному подъему и обсуждению этой животрепещущей темы [2, 3]. Стало ясным, что наибольший резонанс и сопутствующие риски влияния ИИ могут проявиться в процессах принятия политических решений.

ИИ может помочь сократить время на принятие решений и сделать их более точными. Например, в политике ИИ помогает изучать точки зрения людей, а затем, соответствующим образом, реагировать и проводить более гибкую политику и избирательную кампанию. ИИ уже начинали применять в президентской кампании Барака Обамы в 2012 году, Нарендра Моди в 2014 году и, гораздо более широко в избирательной кампании Дональда Трампа, что, в конечном счете, способствовало его победе [2].

В своей недавней речи сооснователь компании по разработке ИИ «OpenAI» Илон Маск высказал свое мнение, что применение искусственного интеллекта для принятия глобальных, государственных или политических решений необходимо ограничивать, т.к. есть опасность выхода его из-под контроля [3]. Как пример, он привел необходимость введения проверки и верификации, что пользователь является человеком, т.к. последние события показывают, что ИИ может легко создавать десятки тысяч искусственных пользователей-ботов, которые ведя непрерывную активность в социальных сетях могут создавать тот или иной необходимый фон, влияющий и склоняющий живых людей к тем или иным решениям. Таким образом, благодаря технологии мягкой силы возможно влияние на любом уровне – общественном, государственном и политическом, что создает потенциальные риски и угрозы для развития общества в нежелательном направлении в целом.

Литература

1. Соколов Н.Н. Современные тенденции применения цифровых технологий в политической сфере // Всероссийская научная конференция РАПН «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности». Москва, ИНИОН РАН – М.: Аспект Пресс, 2022.
2. Интервью Илона Маска Такеру Карлсону // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bOznEZAjX3I> (дата обращения: 15.09.2023).
3. Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей // Информационный портал «РБК» URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534> (дата обращения: 15.09.2023).

Солдатенко И. С.
(ГУУ, Москва)

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Цифровой суверенитет стал в последние десятилетия одной из важнейших тем целого ряда междисциплинарных исследований. Помимо очевидных вопросов материально-технической и программной независимости, служащих своеобразным базисом цифрового суверенитета всё чаще внимание обращают на вопросы так или иначе связанные с т.н. суверенизацией контента, распространяемого в цифровом пространстве.

Затронул этот вопрос и сферу исторической памяти. Цифровизация позволила ретранслировать для широких слоёв населения значимые исторические образы и историческое знание, в частности, по средствам новых медиа. Цифровое пространство стал место столкновения различных акторов, транслирующих различные исторические нарративы, вписывающиеся в ту или иную картину прошлого.

Последнее десятилетие прослеживается тенденция к секьюритизации и институционализации политики памяти, а в течение последних лет происходит постепенный переход этих трендов в «цифру». Два крупнейших актора реализации исторической политики в России, ставшие своеобразным символом начала институционализации политики памяти, появившиеся в начале 2010-х гг.: Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) осваивают новые цифровые площадки и ведут активную медийную деятельность в социальных сетях.

Историческая память и защита исторической правды рассматривается современной российской политической элитой как одни из базовых принципов, положенных в основание идеи об обеспечении национальной безопасности¹. А проблема фальсификации истории, в том числе и в информационном (Интернет) пространстве неоднократно обсуждалась представителями российской политической элитой в публичном поле и изучалась рядом учёных в рамках различных исследований.

Ещё одним местом трансляции исторических нарративов стали компьютерные игры. Была даже разработана отдельная дисциплина, изучающая нарративы, продвигаемые в компьютерных играх – людология. В компьютерных играх используется т.н. soft power, оказывающие влияние на массовое сознание. Во многих компьютерных играх, разработанных за рубежом, действие которых разворачивается в России в определенный исторический период чаще всего присутствует разного уровня фальсификации исторической действительности. Проблема искажения исторической правды в компьютерных играх не один раз обсуждалась на самых разных уровнях. О необходимости создания собственного, игрового контента, продвигающего исторические нарративы, соответствующие исторической правды, заявил недавно вице-премьер РФ Д. Н. Чернышенко в своём выступлении на площадке марафона «Поделись своим знанием»².

Информационное пространство всё активнее становится местом идеологического противостояния не только между представителями разных политических взглядов, но между разными государствами, старающимися пропагандировать свой образ мысли. В виду этого необходимо уделять пристальное внимание не только материально-технической стороне цифрового суверенитета, но также и не забывать о содержательном, идейном наполнении цифрового пространства.

Солина Е.А.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ: СООТНОШЕНИЕ ФЕНОМЕНОВ

Понятие и само явление суверенитета существует в дискуссионном поле политических наук значительно дольше, чем понятие цифровизации или диджитализации. Изучение и осмысление суверенитета непосредственно киберпространства началось с 90-х

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 14.09.2023).

² Чернышенко: некоторые компьютерные игры искажают исторические факты // Официальный сайт ТАСС URL: <https://tass.ru/sport/18636637> (дата обращения: 14.09.2023).

годов прошлого века. Проблема цифрового суверенитета начала обретать особую актуальность для политической практики после событий Арабской весны, когда социальные сети, существующие в рамках слабо контролируемого государством Интернет-пространства, были использованы как основной канал организации протестных действий. На данный момент ввиду всё более масштабного внедрения цифровых технологий в жизнь человека и широкой распространённости явления гибридных войн, важность анализа данного феномена, а также многих связанных с ним, в том числе цифрового доверия, продолжает расти.

Необходимо отметить, что под цифровым суверенитетом в данной работе понимается обеспечение государством контроля над указанного типа технологиями для обеспечения национальной безопасности, политической независимости и устойчивости перед внешними угрозами, в первую очередь, исходящими из цифрового информационного пространства.

Цифровое доверие можно понимать как состояние уверенности в том, что технологический продукт, производимый той или иной компанией, безопасен, и при его использовании не нарушаются этические принципы передачи личной информации, в том числе соблюдается конфиденциальность.

Как можно видеть первое цифровой суверенитет связывается с задачами современного государства, в то время как второе относят скорее к явлениям, проистекающим из деятельности институтов гражданского общества.

При этом, считаю важным отметить, что при актуальном уровне внедрения цифровых ИКТ в государственно-политическое администрирование, справедливо цифровое доверие, как наличествующее или отсутствующее состояние уверенности в безопасности технологии, коммутировать с цифровым суверенитетом, по крайней мере на феноменологическом уровне. К этому располагает растущая взаимосвязь и взаимозависимость правительств, предприятий, промышленного оборудования, персональных коммуникационных устройств, а также потребность в информационной безопасности, которая является одновременно и структурным элементом цифрового суверенитета, и базисом цифрового доверия.

Если говорить о соотношении исследуемых явлений, то существует мнение, что цифровой суверенитет необходим для создания цифрового доверия.

Не оспаривая истинность такого утверждения, можно указать и на иную взаимосвязь. Доверие к цифровым разработкам, продуктам, производимым или активно используемым государством, может укреплять в свою очередь и цифровой суверенитет. Так гражданин, уверенный в стабильности функционирования, удобстве пользования и сохранности своих данных в рамках работы с инфраструктурой, созданной, поддерживаемой или контролируемой государством, имеет менее выраженную мотивацию игнорировать её существование и применять сторонние приложения, которые помимо проблем с локализацией и учётом специфики конкретного общества, могут содержать вредоносные элементы, использоваться для слежки и кражи данных. К тому же, сформированная среда доверия между обществом и государством облегчает реализацию независимой политики. Внутри страны – с помощью уменьшения рисков целенаправленного или непроизвольного нарушения информационной гигиены и ускоренной абсорбции новейших инициатив в социальную ткань. На международной арене – благодаря консолидации общественных и государственных сил, и при потенциальном закреплении большей доли местного рынка ИТ за отечественными предприятиями, усилению позиций в торгово-экономических переговорах.

Таким образом, цифровое доверие к государственным цифровым платформам, продуктам и технологиям должно способствовать укреплению цифрового суверенитета страны. И наоборот, сильный цифровой суверенитет создаёт условия для укрепления доверия, а значит стабилизации политической ситуации и активизации социального

прогресса. Из вышесказанного делается вывод о том, что создание среды цифрового доверия находится в интересах современных государств.

Соловьев А.И.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Как показывает опыт, весь спектр вариантов развития общества, в конечном счете и в решающей степени обусловлен внутренними противоречиями и расколом элит, каждый сегмент которых обладает собственными воззрениями на национальные интересы, особыми стратегиями и решимостью повысить свое позиционирование. Существенным фактором повышения состязательности элитарных проектов является активность неформальных коалиций, оказывающих постоянное давление на ключевые институты государственной власти и провоцирующих динамичное изменение архитектуры правления. На фоне высокой внутриэлитарной неравновесности госменеджмент сохраняет абсолютную зависимость от воли правящих кругов, демонстрируя стремление «найти ... средства для воплощения любых идей, что взбредают в голову правителям их страны» – от развития культуры и имперских завоеваний до «буквального применения библейских заветов».¹ Такой тренд к усилению гомогенности правящего класса, хотя и не исключает внутренние противоречия в верхах, тем не менее, повышает шансы на успех выработанных проектов.

Одновременно на фоне волатильности (сплоченности/состязательности) политико-административных кругов отношения власти с обществом отходят на второй план. Ибо институциональная поддержка политически целесообразных проектов обладает явными преимуществами по сравнению с общественной повесткой и динамикой массовых настроений. Гипотетически возможные воспламенения недовольства коллективного актора купируются активной работой «пропагандистских коалиций», действующих в формате «политики доказательств», сосредоточенной на продвижение поставленных целей и воплощении замыслов доминирующих сил.

В то же время расширение пространства «политики без общественности» сохраняет возможности для сохранения «замороженных конфликтов», даже в латентной форме обладающих существенным венчурным потенциалом.

Ведущим средством предохранения роста социальной напряженности и повышения уровня мобилизации гражданского населения выступает система массовых коммуникаций, предлагающая людям базовую ценностно-ориентационную схематику и соответствующую модель национально-государственной идентификации. Успешность продвижения такой информационно-символической стратегии означает способность «выигрышной коалиции» сформировать образ политического проекта, собирающий «под флагом» предлагаемых инноваций большую часть населения.

В то же время сложно составное общество создает немалые риски такой дискурсивной политики. В частности, в качестве фактора, повышающего степень венчурности инновационного проекта, выступает чрезмерное разрастание исторических апелляций и когнитивных шаблонов, ведущих к усилению негативной обратной связи, рутинизации символических схем и как следствие – к сужению рамок культурной безопасности. Короче говоря, унификация сюжетных информационных линий, лишает сознание коллективного актора способности реагировать на идущие изменения с учетом собственного символического репертуара. Такое положение, снижая у населения способность к ассоциативному расширению предлагаемых целей, не только повышает

¹ Гребер Д. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: АдМаргинем Пресс. 2016. с. 39.

резистентность коллективной оптики их восприятия, но и подрывает доверие людей к предлагаемым идеям и ценностям.

В этом смысле, чтобы не создавать когнитивных препятствий в массовом сознании, означивание политических событий в актуальном контексте (коммеморация) и репертуар предлагаемых властями исторических параллелей не должны утверждать однозначность перспективы развития общества на основе однозначной экстраполяции представлений власть предержащих. Коротко говоря, «политика доказательств» должна трансформироваться в «доказательную государственную политику» («evidence based policy-making», ЕВРМ)», предполагающую необходимость неперемennого обоснования предлагаемых властями «вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований, научно обоснованных фактов и широкой доказательной базы».¹

Таким образом, организация дискурса с коллективным актором обязана не столько ориентироваться на доминирование проектных целей и ценностей, сколько делать акцент на использовании коммуникативного потенциала населения, учитывая, таким образом, субкультурный характер массовой аудитории, складывающейся в рамках сложно составных социально-политических отношений и идейно-символических потоков. В этом, собственно, и состоит залог успешного воплощения политически целесообразных проектов и инноваций.

Сонина Е.О.

**(Уральский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Екатеринбург)**

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В последнее время в научном и политическом дискурсе актуализировались дискуссии о поиске ценностных оснований политического курса, государственной политики, взаимодействия общества и власти. Актуализация данных дискуссий связана, с одной стороны, с практическими задачами противостояния деструктивным идеологиям, выявления ценностей, способных консолидировать общественное сознание. С другой стороны, свидетельствуют о попытках переосмысления задач и функций традиционных политических институтов, роли различных политических акторов в современных политических процессах.

Обсуждение на современном этапе вопросов построения и функционирования идеологии, к сожалению, очень часто происходит без учета многообразия смысловых наполнений «идеологии» как концепта, особенностей функционирования идеологического дискурса, реальных возможностей и рисков идеологического конструирования в условиях общества информационного (постиндустриального) типа.

При обсуждении перспектив идеологического конструирования необходимо, прежде всего, учитывать, что идеология является массовым политическим дискурсом. Динамика востребованности идеологии коррелирует с активизацией массового политического участия и (или) необходимостью активизации такого участия с целью легитимации определенных политических решений. Как вид массового политического дискурса идеология претендует на рационализацию политического дискурса, ценностное и идейное обоснование политического курса, обеспечение включения различных социальных групп в его реализацию. Но будучи адресована массам, идеология всегда была достаточно

¹ Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. №4. с.91.

функциональна, рационализовала сферу политического взаимодействия путем схематизации и упрощения политического пространства, интерпретации политических событий и фактов, часто опиралась на эмоциональные способы воздействия на массовое сознание.

Востребованность идеологических конструктов и идеологических практик взаимодействия на современном этапе оказалась связана с высокой институциональной неопределенностью, утратой актуальности многими институциональными практиками, которые ранее поддерживали социальный и политический порядок.

Информационное (постиндустриальное) общество характеризуется возрастающей индивидуализацией жизненного пространства, которая поставила серьезные вопросы как перед политическими элитами, так и перед самим обществом. Индивидуализация разрушает основы коллективной идентификации, осложняет условия для политической субъектности масс. Но при этом субъектность политических элит, их способность сохранять властное влияние продолжает оставаться в зависимости от так называемого «демократического консенсуса», опоры на «мнение большинства», привлечения «энергии масс» для легитимации транслируемых политическими элитами решений. Для общества, в свою очередь, индивидуализация жизненных стратегий и жизненного пространства обернулись индивидуализацией путей преодоления и разрешения социальных проблем и социальных переживаний и, обращаясь к идеологическим концептам, оно пытается найти ценностные основания для консолидации усилий для достижения целей, которые требуют коллективного соучастия и действия.

Такие разные целевые установки обращения к идеологическому дискурсу создают риски поляризации политического дискурса и, как следствие, не просто индивидуализации, а поляризации социального и политического пространства. В условиях доминирования информационного типа общества возрастает влияние информационных технологий на структурирование политического дискурса и акторов, имеющих доступ к данным технологиям. Как следствие, происходит процесс тенефикации образования политических элит и реальных субъектов властного влияния. В результате возрастают риски инверсионной интерпретации классических идеологических концептов в угоду ситуативным, порой даже узкокорпоративным, интересам, деструктивного идеологического воздействия, поляризующего политическое пространство. Перечисленные риски не отрицают саму необходимость поиска консолидирующего общественное сознание ценностей. Более того, противостоять указанным тенденциям оказывается возможным путем, в первую очередь, идеологического конструирования.

Предупредить риски деструктивного применения регулирующего и мотивационного потенциала идеологии, как видится, может помочь четкое понимание на стадии идеологического конструирования, в какую институциональную картину будут имплицитованы предлагаемые идеологические концепты. Во-вторых, при идеологическом конструировании сегодня важно опираться не на абстрактные ценности, допускающие множественную интерпретацию, а на «тонкие» (М. Уолцер) ценности, которые пронизывают социальный, культурный опыт разных поколений и социальных групп, не допуская вольной интерпретации. Такие ценности могут адаптироваться к разным реалиям, не теряя своего смыслового наполнения и регулирующего потенциала.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «СОГЛАСИЕ» И «СЛУЖЕНИЕ» В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ XIX В.¹

Одной из принципиальных задач сохранения и развития российской государственности во все времена является обеспечение и защита политического суверенитета и национальной независимости. В нынешних условиях очевидно, что эта задача напрямую связана с сохранением исторической памяти и национально-гражданской идентичности, которая опирается на комплекс базисных идеалов и ценностей, основанных на собственном историческом опыте, но вбирающих в себя все те положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс. В этой связи особенно актуальным является изучение исторических и аксиологических основ российской государственности как фактора устойчивого развития и посткризисного восстановления России.

Представляется важным отметить, что изучение самого феномена аксиологических основ российской государственности было проведено в рамках традиционалистско-консервативного методологического подхода. Традиционалистско-консервативный подход к анализу исторического развития человека и общества позволяет отразить и показать цивилизационную специфику России, многоаспектность и взаимозависимость тех социальных, духовных, религиозных, политических и экономических процессов, которые обусловили российскую политическую государственность, а также предложить альтернативный, и, что самое важное, — перспективный взгляд на современное состояние и будущее государства и народа.

Анализ большого корпуса сочинений отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей XIX в. позволил рассмотреть различные формы проявления аксиологических основ российской государственности – на примере концептов «согласие» и «служение» и сделать вывод об идейной преемственности и сохранении их значения на протяжении всей многовековой истории отечественной государственности.

Исследование источников проводилось на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [Национальный корпус]. В общей сложности была проведена работа с более чем 5000 документов, созданных в данный исторический период (1801-1900), в которых использовались слова «согласие» и «служение». Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали – контент-анализ и политико-текстологический анализ.

Понятие концепта как теоретического конструкта, наполненного ценностным содержанием, использовано в данном контексте неслучайно, поскольку оно позволяет отразить всю сложность и многомерность бытийствования идейно-теоретических комплексов «согласие» и «служение» в отечественном интеллектуальном дискурсе. Концепт «служение» рассматривался прежде всего в духовно-политическом аспекте через призму общественных представлений о гражданском долге, жертвенности, подвиге и подвижничестве. Единство целей и смысла этого идейно-теоретического комплекса в XIX в. раскрывается в отечественной истории через понятия «служение государю» и «служение Отечеству». Аксиологический концепт «согласие» также представляет собой сложный феномен, в основании которого находятся представления о сущностных чертах идеала

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Аксиологические ориентиры российской цивилизации: историко-политический аспект», шифр FZNF-2023-0005, номер тематики 1023041000044-9-5.6.1).

общественного согласия, основанного на ценности единства, а также единодушии и договоренности в принятии неких решений.

Стоит отметить, что, несмотря на значительные перемены в общественном сознании и социально-политической действительности России XIX в., аксиологические основы российской государственности продолжали оставаться столь же традиционными, как в XI–XVIII вв., так и позднее в XX в. В частности, концепты «согласие» и «служение» до сих пор сохраняют свое содержательное «ядро» и значение важнейших ценностных духовно-политических категорий, «обрастая» при этом новыми смысловыми нюансами.

Сосунов Д.В.
(ВГУ, Воронеж)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Глобальные изменения, технологические инновации и социальные перемены в обществе создают новые вызовы и возможности. Исследование образа будущего, основанное на анализе текущих трендов и данных, позволяет делать прогнозы о возможных направлениях развития общества, перспективных технологий и других сфер жизни. В политической практике и научном дискурсе современной России особую роль начинает играть концепт образа желаемого будущего страны, благодаря которому возможно определение основных стратегических векторов развития. Именно поэтому основой формирования государственной политики выступают системы стратегического планирования, организационно-правового обеспечения формирования системы мониторинга и оценки состояния государственного управления при реализации стратегических национальных приоритетов.

Летом 2019 года исследовательской группой Воронежского госуниверситета (руководитель – проф. А.В. Глухова) был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 54 эксперта. В рамках данного исследования одной из задач было выяснить экспертное мнение по поводу образа будущего России и определить факторы, препятствующие его формированию.

Итак, на вопрос «Можно ли, по Вашему мнению, говорить о наличии сформированного образа будущего страны?» более 80% экспертов ответили отрицательно. И этот показатель ставит вопрос о наличии системы государственного целеполагания, волевых установок правящей политической элиты и внятной стратегии движения к «желаемому завтра».

Участники экспертного опроса, которые высказались утвердительно (менее 20%) относительно сформированного образа будущего, постарались уточнить, насколько он проработан сегодня в нашей стране.

Фиксируя ответственность политического класса, эксперты признают: конкретики в образе будущего у правящей элиты нет. Более того, у нее сформировано два желаемых образа будущего: «один — для "внутреннего", а другой для "внешнего" потребления. Они весьма настойчиво навязываются населению и неуспешно предлагаются мировому сообществу». Тем самым подчеркивается политехнологический характер этого конструкта: «это живая политехнология, общество слишком противоречиво в своих притязаниях»; «это конструкт элит, причем популистского характера». По мнению экспертов, власть и не стремится конкретизировать содержание и контуры образа «желаемого завтра», преднамеренно оставляя его расплывчатым и во многом мифологизированным: «образ сформирован политической элитой. Он учитывает общественные настроения, в том числе расплывчатость желаемого образа сильной России, идущей по особому пути». Один из экспертов указал, что «образ желаемого

будущего страны существует, однако, в массовом сознании он пребывает в размытом, аморфном состоянии и связан преимущественно с ренессансом советского прошлого».

Исследование образа будущего России помогает составить планы и стратегии для достижения желаемого будущего. Представление о будущем помогает определить конечные цели, выработать практические шаги для их достижения и адаптироваться к возможным социальным переменам. Представляется, что образ будущего является важным фактором формирования у молодежи гражданской идентичности, он во многом задает ключевые векторы развития молодого поколения и определяют горизонт планирования.

В работе использованы результаты социологического исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», которое проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2023 г. методом интернет-опроса в 29 субъектах РФ из всех федеральных округов. Эмпирическим объектом исследования выступало студенчество России. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. Объем выборочной совокупности составил 6389 респондентов. Научный руководитель исследования – д.полит.н., проф. Н.М. Великая. Количество респондентов в Воронежской области – 214 человек.

В рамках данного исследования молодые люди рассуждали о возможных сценариях будущего России, оценивали позиции нашей страны на мировой арене, политическую обстановку и цивилизационный путь нашей страны. Следует отметить, что отношение к России определяется не только тем, что респонденты думают в настоящее время, но и какой она может стать в ближайшем будущем и видят ли молодые люди перспективы собственного развития в нашей стране.

В этих целях следует повышать уровень доверия к институтам власти и развивать механизмы вовлечения конкретного гражданина в процесс обсуждения общественно-политических проблем, а также сценариев формирования образа будущего России.

Спасов А.А.

(РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА БАЛКАНАХ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Стремительная трансформация международных отношений, изменение баланса политических сил на международной арене, а также рост значимости политических, экономических региональных центров, отразились на конфигурациях взаимодействия ряда Балканских государств с крупными внешнеполитическими акторами данного региона – США, Россией, странами ЕС.

В условиях деструктивной санкционной политики США и ЕС, направленной против России, государства Балканского региона, вынуждены выстраивать межгосударственные отношения, следуя общему фарватеру коллективного Запада. Единственным исключением в этом случае является Венгрия, которая, несмотря на колоссальное давление США, пытается поддерживать рациональное сотрудничество с Россией в области энергетики¹. Также Вашингтон через Балканские натовские страны пытается оказать давление на Россию. Например, Северная Македония, фактически находясь в режиме ручного управления США, поставляла Украине военную технику².

¹ МИД Венгрии заявил, что страна не укрепляет связи с Россией // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17372987> (дата обращения: 01.09.2023).

² Северная Македония передала Украине танки, которые хотела утилизировать // <https://ria.ru/20220729/ukraina-1805876638.html> (дата обращения: 4.09.2023).

В условиях политического давления США и ЕС, оказываемого на страны Балканского региона с целью изменения их позиций по отношению к России, сегодня российскому правительству можно делать ставку на основных ее союзников – Сербию и Республику Сербскую в Боснии и Герцеговине. Сербия и Республика Сербская продемонстрировали свою независимость от внешнеполитического давления, продолжая выстраивать партнерские отношения с Россией. Однако сохраняются риски воздействия извне со стороны США в рамках проведения информационных операций или провокаций (связанных с разжиганием этнических албано-сербских противоречий), которые могут повлиять в дальнейшем на международное сотрудничество России с союзниками на Балканах.

Так, в Сербии можно было наблюдать волны протестующих¹, которых мобилизовала прозападная оппозиция на фоне инцидента стрельбы в школах. Эти протесты моментально стали политически окрашенными и ориентированными против действующей пророссийской власти. Используя шаблонную схему цветной революции, Вашингтон может реализовать подобный сценарий и в Республики Сербской, но используя уже другой не политический инцидент.

Таким образом, сегодня реальными угрозами межгосударственных отношений России с союзниками на Балканах являются потенциальные информационные операции, которые будут проводиться против политических деятелей в Сербии и Республики Сербской с целью внутривнутриполитической дестабилизации, что, в свою очередь, непосредственно может сказаться на взаимодействии Сербии и Республики Сербской с Россией. Подобный сценарий, разыгранный и доведенный до конца Вашингтоном, можно было наблюдать в Северной Македонии в 2015-2016 гг.²

В условиях деглобализации Балканы не представляются единым регионом с общими политическими и экономическими целями. Ориентированность государств на внешних политических игроков существенно различается. Например, Черногория выстраивает экономические отношения с Китаем, впадая в финансовую зависимость от Пекина³, или же можно видеть усиление конфронтации Северной Македонии по отношению к России, которая вынуждена действовать по указке США. Сербия и Республика Сербская являются двумя наиболее важными партнерами России на Балканах. Вопрос дальнейшего развития партнерских отношений зависит от их внутривнутриполитической стабильности, которую пытается нарушить Вашингтон. В случае в Сербией можно было наблюдать попытки повлиять на Александр Вучичи сначала через искусственную эскалацию косово-сербского конфликта (требования замены сербских номеров, трудности с пересечением границ из Сербии в Косово)⁴, а затем и через поддержку протестов внутри страны после инцидента стрельбы в школах. Поэтому крайне важно России совместно со своими Балканскими партнерами отработать сценарии потенциальной государственной дестабилизации в Сербии и Республике Сербской, обмениваясь опытом по противодействию информационным операциями и цветным революциям. Данное взаимодействие может происходить как на уровне университетов, так и на уровне спецслужб.

¹ Сербская оппозиция устроила в Белграде массовую акцию протеста // <https://www.interfax.ru/world/902361> (дата обращения: 06.09.2023).

² Спасов А.А. Цветная революция в Северной Македонии: технологии прозападной оппозиции // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 2. С. 127–135.

³ Долговая яма Черногории. Китайский вариант // URL: <https://tass.ru/opinions/11196953> (дата обращения: 08.09.2023).

⁴ Косово и Сербия находятся на грани военного конфликта. Что важно знать URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2022/62e6c69fa79477b112237e3> (дата обращения: 15.09.2023).

МЕХАНИЗМЫ СИСТЕМЫ ГОСУПРАВЛЕНИЯ США, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЗАДЕЙСТВОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

С 2013 г. в отечественном и зарубежном политологическом дискурсе активно исследуется выявленная М.М. Мчедловой тенденция последовательного усиления религиозного фактора в современной социально-политической сфере на основе двуединого процесса «политизации религии и конфессионализации политики» [1]. Как представляется, за прошедшие десять лет данный феномен перешел из формата «фиксируемого тренда» в разряд «общепризнанного элемента» как внутренней политики многих формально секулярных государств, так и значительной части развивающихся на глобальной арене международных процессов.

Вышеизложенный тезис практически на ежедневной основе подтверждается различными громкими, а иногда и трагическими, событиями вокруг ведущихся киевскими властями антирелигиозных гонений против канонической Украинской православной церкви. Также в этом ряду – ситуация сентября текущего года вокруг высылки из Болгарии служителей храма Русской православной церкви в Софии. Другой из недавних примеров – введение летом 2023 года персональных визовых ограничений Госдепартамента США против публично не названных чиновников Китайской Народной Республики из-за расплывчатых обвинений в «проведении политики искоренения особых языковых, культурных и религиозных традиций Тибета».

Различные мировые игроки принимают целый комплекс мер к последовательному наращиванию методов задействования религиозной сферы в целях достижения своих стратегических приоритетов на глобальной арене. Как представляется, в наибольшей степени на этом направлении к настоящему времени продвинулись США. Поэтому целесообразным видится проведение комплексного анализа именно американского опыта интеграции церковно-конфессиональных инструментов в национальную систему госорганов, задействованных в продвижении внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

У истоков современного подхода Белого дома к использованию религиозного фактора для обеспечения собственных интересов в мире стояла экс-госсекретарь Мадлен Олбрайт. Еще в 1997 году, выступая в Колумбийской юридической школе Католического университета в Вашингтоне, она заявила, что «поиск религиозной свободы и толерантности будет ... играть важную роль во внешней политике США», поскольку «игнорирование свободы вероисповедания или угроза ее нарушения могут вызвать не только страх и столкновения, но и послужить причиной новой мировой войны» [2].

С подачи Олбрайт Конгресс США в ноябре 1998 года принял акт «О международной свободе вероисповедания». основополагающие положения данного закона создали условия для формирования в Соединенных Штатах системы профильных государственных институтов. Так, в Госдепартаменте были учреждены должность посла по особым поручениям по вопросам международной свободы вероисповедания, в аппарате Совета по национальной безопасности - пост специального советника по свободе религий, а также созданы аппараты сотрудников, необходимые для осуществления деятельности двух новых функционеров. Причем, параллельно была сформирована двухпартийная правительственная Комиссия по международной свободе вероисповедания [3].

Указанные институциональные нововведения позволили США постепенно развить устойчивый алгоритм привлечения религиозной тематики на службу внешнеполитическим интересам. С начала 2000-х годов Госдепартамент во взаимодействии с Конгрессом на

регулярной основе готовят ежегодные доклады о «ситуации в вероисповедательной сфере» в других странах. Те государства, где (на взгляд американцев) «допускаются преследования верующих», попадают в «особый» разряд, и к ним, по усмотрению Вашингтона, могут быть применены санкции.

Работу на конфессионально-государственном треке, начатую Олбрайт, значительно дополнил один из её известных преемников – госсекретарь в республиканской администрации 2018–2021 годов Майк Помпео. Он, в частности, стал «отцом-основателем» обновленной международной дискуссионной «площадки» высокого уровня – «Международного альянса за религиозную свободу». Одной из задач данной структуры, объединяющей сейчас министерства иностранных дел 37 стран (не представителей религиозных конфессий), является усиление инструментария дипломатического воздействия США и их союзников на третьи страны.

В докладе планируется подробнее рассмотреть ключевые актуальные примеры использования администрацией Соединенных Штатов тематики «религиозных свобод» во внешнеполитическом контексте, а также провести оценку их эффективности как одного из элементов продвижения приоритетов Белого дома на мировой арене.

Литература

1. Мчедлова М.М. Возвращение религии, или новый мир: в поисках объяснения - М.: Издательство ИНИОН РАН, 2013. С.25 - 47.
2. Стенограмма выступления Олбрайт М., архив Госдепартамента США. <https://1997-2001.state.gov/statements/971023a.html>.
3. Закон о Международной свободе вероисповеданий. www.uscirf.gov/index.php?option=com_content&task=view&id=349&Itemid=45.

Стецко Е.В.

(СПбГУ, Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

ОТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА К ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ¹

По мере развития цифровизации и создания глобальной цифровой коммуникационной среды, перенесение социальных взаимодействий в сетевое пространство обусловило новые возможности для создания экономических прибылей и социальных выгод. Появление и воплощение в жизнь концепции электронного правительства породило необходимость создания множества цифровых сервисов для оптимизации управления, оказания услуг и поддержания диалога между гражданами, сообществами и властью в определённых территориальных рамках. Совершенствование этой модели взаимодействия – управления – контроля происходит постоянно по мере внедрения новых технологических возможностей. Однако, мониторинг модели демонстрирует необходимость не только технологических инноваций, но и системы анализа получаемых социальных выгод. Эти социальные выгоды возможно изучать с помощью различных методик, в основе которых лежат концепции человеческого капитала, социального капитала, теории потребительского поведения, эмоционального интеллекта, а также популярного современного направления в менеджменте – человекоцентричного подхода.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Человеческий капитал было достаточно легко измерить и вложения в него – легко просчитать. Однако, с 60-х годов прошлого века (когда появилась концепция социального капитала), по мере усложнения и ускорения социальных взаимодействий, оценка роста социальных выгод от вложений в человеческий капитал была уже не столь однозначной. Появилась концепция социального капитала. Пьер Бурдьё охарактеризовал социальный капитал как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. К реальным ресурсам относятся имеющиеся у индивида экономический и культурный капитал, а к потенциальным – новые экономические и культурные возможности/капиталы, возникающие в результате эффективных взаимодействий с другими людьми. Эти взаимодействия должны строиться на доверии, которое определяется как важнейший структурный элемент социального капитала.

Но если интенсивность социальных связей поддается измерению, то важнейший компонент социального капитала – доверие измерить очень трудно, если не сказать невозможно. Впервые введя в оценку измерения социальной выгоды абсолютно ценностный компонент – доверие, исследователи столкнулись с тем, что гуманитарная составляющая любых человеческих взаимодействий оказывает влияние на становление различных аспектов благосостояния. Начались поиски методик измерения социального капитала с целью выявления закономерностей упрочения доверия в социальных взаимодействиях. Однако, построение моделей социального капитала давало лишь относительные указания на факторы, формирующие доверие в группах. Всегда были исключения из правил, поскольку формирование доверия в разных сообществах обеспечивалось разными культурными компонентами.

Параллельно с исследованиями социального капитала изучались поведенческая экономика, биологические и социальные составляющие эмоционального интеллекта, формирующего способность к эмпатии в социальных контактах. Это привело к пониманию того, что доверие можно рассмотреть не только ценностно, но и инструментально: оно обусловлено уровнем эмпатии и эмоционального интеллекта и влияет на потребительское поведение и принятие решений. Но и на эмоциональный интеллект, и на потребительское поведение можно влиять, формировать их. Следовательно, можно формировать атмосферу доверия, прививая навыки эмпатии и учитывая и формируя человеческие потребности. Для этого принципы развития любой организации должны быть пересмотрены: с получения выгоды от совместных усилий на создание условий на раскрытие потенциала всех членов организации или группы. В этом случае доверие формируется естественным путем, поскольку целью организации становится сам человек. В этом, если говорить кратко, заключается суть человекоцентричного подхода к управлению большими и малыми группами людей.

Однако, если эмоциональный интеллект можно развить (или научить его проявлять), то абсолютно все потребности удовлетворить невозможно. Следовательно, и потребности должны быть сформированы, причем таким образом, чтобы не только индивид ощущал бы свою самореализацию, но и структуры управления (государство) получали бы истинную атмосферу доверия и высокоэффективный труд.

Таким образом, цифровые сервисы городской экосистемы, с учетом человекоцентричного подхода, должны не только способствовать удовлетворению потребностей, но и их формированию.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭМОЦИЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: АФФЕКЦИОНАЛ ПО АЛЕКСАНДРУ БОГДАНОВУ И АФФЕКТИВНАЯ НЕЙРОНАУКА

Немало места в международных отношениях (МО) принадлежит эмоциональной составляющей. Но в течение длительного времени теория МО не подступалась близко к их изучению. Специалисты-международники чаще поверхностно рассматривали эмоции как самоочевидные и иррациональные следствия когнитивных процессов.

Между тем эмоции связаны с физиологией, ввиду чего нам требуется более точная картина взаимосвязи физического тела человека и его эмоционального состояния. Поэтому сохраняет актуальность нейропсихологическая трактовка Александром Богдановым понятия «аффеционал», которую он продвигает в работе «Эмпириомонизм» [Богданов, 2003]. Данная трактовка могла бы сыграть полезную роль при оформлении междисциплинарного подхода к изучению эмоций в современной мировой политике.

Аффеционал по Богданову – это эмоциональный коррелят возрастания или уменьшения энергии психической системы, тождественных колебаниям её жизнеспособности: положительный аффеционал выражает себя психически в чувствовании удовольствия, а отрицательный – в переживании страдания. Эмоции, которые воплощаются биологическими агентами, предстают в «Эмпириомонизме» как выражение их взаимодействия со средой, которое трансформируется в некий опыт эмоционального характера. В частности, в аффеционале заключены стимулы к борьбе организма против неблагоприятных окружающих условий. В то же время биология и культура взаимозависимы, что требует отказа от биологического детерминизма при изучении того, как агенты мировой политики ощущают гнев, вину, стыд или гордость.

Представление о том, что эмоциональный опыт включает разные компоненты, в том числе субъективное осознание ситуации, последовательность действий в качестве реакции на неё, а также социально сконструированные ориентиры для соответствующих действий, которое вытекает из подобной трактовки, как представляется, созвучно достижениям аффетивной нейронауки [Panksepp, 1998]. Последняя включает идеи о том, что аффетивные процессы поддерживаются определёнными структурами мозга и способны влиять на поведение вне зависимости от когниции (мышления).

Термин «аффетивная нейронаука» был предложен Я. Панксеппом, который придерживался эволюционных и этологических взглядов при изучении эмоций, отталкиваясь от базовых субкортикальных эмоциональных систем у животных. О некоторых возможностях применения аффетивной нейронауки в МО см. здесь [Gammon, 2020].

Настоящий доклад призван показать, что соответствующие подходы открывают путь к более адекватному пониманию рациональности агента, действующего в международных отношениях, и, в том числе, к уточнению роли социального регулирования эмоций.

Сосредоточенность исследований на дискретных эмоциях или простая констатация того факта, что «эмоции имеют значение», не дают понимания объединяющей динамики, которое можно добиться, учитывая непростые взаимосвязи эмоции и когниции, что важно для концептуализации субъективности и субъектности в международных отношениях, в особенности если дело касается конструктивистских и постструктуралистских теоретических подходов в МО.

В частности, аффетивная нейронаука и нейропсихология вскрывают проблематичность концептуализации человеческого разума, заложенной в умеренном

конструктивизме. Последний имплицитно ориентирован на модель сознания как «чистого листа», схожую с бихевиористскими взглядами. Из неё вытекает, что идентичности и внешнеполитическое поведение зависят от процессов обучения и закрепления навыков. Но аффективная наука свидетельствует в пользу некоторой неподатливости тела, которая ставит предел возможностям социального обусловливания. Она также проливает свет на то, что всякое социальное конструирование подразумевает эмоциональное регулирование, т.е. попытки контроля эмоций извне.

С точки зрения постструктурализма, в свою очередь, управление телами в международных отношениях рассматривают, опираясь на концепцию биополитики Мишеля Фуко и предложенную им генеалогию государственных практик. Однако у Фуко тело пассивно и подвергается воздействию в дискурсивно установленных институциональных условиях. Предполагая пассивность, мы отказываем телу в субъектности, отводя эмоциям сугубо инструментальную роль. Инкорпорировав в рассматриваемую картину элементы нейро- и психодинамики, мы расширим возможности исследования «гувернаментальности» по Фуко, реабилитировав тем самым тело и его агентивность.

Литература

1. Богданов А. 2003. Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика.
2. Gammon E. 2020. Affective neuroscience, emotional regulation, and international relations. *International Theory*, vol. 12, issue 2, pp. 189–219.
3. Panksepp, J. 1998. *Affective neuroscience: The foundations of human and animal emotions*, New York, Oxford University Press.

Стрелец И.Э.

(МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, Москва)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ И СТУДЕНЧЕСТВО: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Среди аксиологических оснований российской государственности, обеспечивающих стратегическую безопасность страны в условиях отсутствия государственной идеологии, одним из системообразующих факторов являются традиционные семейные ценности. Их истоки – в историко-культурных особенностях России, ее многонациональном, многоконфессиональном составе населения, необъятной территории, богатом историческим опыте, многовековых достижениях культуры, науки, образования. Несмотря на турбулентность последних десятилетий, идеал семьи сохраняется практически неизменным, о чем свидетельствуют результаты недавнего опроса ВЦИОМ². Причем за последние 10 лет в качестве основных составляющих «идеальной семьи» россияне стали отдавать предпочтение духовным и психологическим аспектам, не умаляя значения материальной составляющей.

¹ Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта № 123091200058-5 «Оптимальные практики продвижения традиционных семейных ценностей в студенческой среде», выполняемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

² Идеальная семья – 2023 [Результаты опроса россиян, приуроченного ко Дню семьи, любви и верности] // Сетевое издание WCIOM. 2023. 6 июл. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 28.08.2023).

Не в последнюю очередь указанная тенденция может быть связана с расширением программ поддержки семей с детьми в рамках Национального проекта РФ «Демография»¹, предусматривающего ряд действенных мер материальной и социальной помощи молодым семьям, спектр которых постоянно расширяется. Между тем, результаты указанного опроса фиксируют два существенных обстоятельства. Первое. Главным условием семейного благополучия (при жилищной и финансовой независимости от родителей) россияне называют взаимоотношения в паре – во всем их многообразии. Второе. Чаще всего свою половину опрошенные в подавляющем большинстве находят среди коллег, общих друзей, товарищей по учебе.

Поэтому в целях продвижения традиционных семейных ценностей в среде учащихся высших учебных заведений и адаптации программ господдержки молодых семей к потребностям студенческой молодежи возникает необходимость уделить внимание студенчеству как демографически перспективной страте общества, отличающейся полноценной фертильностью, коммуникативной активностью, высокой мобильностью.

Для выявления оптимальных практик работы со студенчеством в контексте приоритетов государственной политики в области демографии нами была проведена серия фокусированных интервью осенью 2023 г. В качестве респондентов выступили бакалавры-политологи трех вузов г. Москвы, входящих в «Топ-5». Общее число обработанных протоколов – 119 (52 юноши и 67 девушек, возраст 19-21 г.).

По признанию 68% опрошенных, откладывание ими решения о создании семьи и продолжении рода на неопределенную перспективу обусловлено рациональными причинами. Если обобщить ответы, то получится три группы факторов: *аксиологические, информационные и практические*. Остановимся кратко на каждом из них.

1. *Аксиологический* аспект проблемы заключается в понимании того, что основным приоритетом студента должно быть получение профессиональных компетенций, необходимых для построения карьеры и обеспечения материального достатка. В свою очередь, свадьба, возможная беременность девушек и подработки будущих отцов (в случае сохранения пары), появление детей и решение бытовых проблем молодой семьи – все это может привести и к отчислению, и к разводу. Поэтому matrimониальные планы студентов не поддерживаются ни родителями, ни вузом, ни окружением. Студенческая семья не рассматривается как ценность.

2. *Информационный* аспект обозначается, главным образом, как отсутствие «фамилистического» воспитания в системе образования. Респонденты отмечают, что ни в школе, ни в вузе нет предметов, позволяющих учащимся формироваться как будущим супругам и родителям. Данные институты социализации, как и подавляющее большинство СМИ, находятся вне контекста демографических задач, решаемых сегодня российским государством. Религиозные организации пытаются восполнить пробел своими силами и методами, однако их влияние ограничено представителями верующей молодежи, которая сейчас в меньшинстве.

3. *Практический* аспект, как его трактуют участники нашего исследования, связан с тем, что студенты, решившиеся на брак вопреки всему, оказываются один на один с серьезными жизненными испытаниями без системы общественной, вузовской и государственной поддержки. Соответственно, и Национальный проект РФ «Демография» не предусматривает таких специализированных выплат супругам-студентам, ожидающим

¹ Дела семейные: все меры поддержки для родителей с детьми // Национальные проекты: Информационный ресурс о планах развития страны на ближайшее будущее и мерах по улучшению качества жизни людей.. 2023. 6 июл. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/mediaProjects/mery-podderzhki-dlya-roditeley?advert=qKlBB4L-W94TrZx3bcwzaxMZLDJJuDB0J4MUECdYDWuJZsL5r2hropOWUZpHDzKsHiOkAvc_-Gk85O32OY6jVmovkMhrfz0PsB_TRAqvuB6WFXloT-RFoMGsY73Q9bfz0VbUiTrWHeXvG6UGpbFDRbB_I11BKo0iRLmT&erid=LjN8KSq3z&hs=1&utm_campaign=367-07-01-sep-2023_na&utm_content=banners_2832-600_n1_na&utm_medium=iri-social_cpm&utm_source=ozon-netw&utm_term=all_18-100_rf_na_all-all_desk_na_na#0 (дата обращения: 28.08.2023).

прибавление в семье, которые помогли бы будущим родителям в полной мере продолжать обучение.

Таким образом, единственным институтом социализации, заинтересованным в поддержке молодых семей, оказывается государство. Однако существующие программы должны быть перенастроены и адаптированы к проблемам студенчества, чтобы супружеские пары, ответственно планирующие деторождение, не оставались без помощи, позволяющей сохранить брак, продолжить род, завершить образование, построить карьеру, обеспечив бытовую и финансовую самостоятельность.

Субботина А.А.
(ПГНИУ, Пермь)

«ФИНАНСИРУЯ» УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ФОРМАТЫ УЧАСТИЯ КРУПНОГО БИЗНЕСА В ПРИВЛЕЧЕНИИ СРЕДСТВ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

В России реализации целей устойчивого развития непосредственно локализуется в пространстве муниципалитета, что повышает роль локальных акторов в достижении ЦУР. Однако собственные доходы МСУ в среднем не превышают 30% (Казанцев, Румянцева, & Комин, 2020), что выступает ограничением для качественного осуществления программ в области ЦУР. Это побуждает местную администрацию обращаться за финансовой помощью либо к государству, либо к частным спонсорам. В промышленных малых городах таковым спонсором выступает крупный бизнес, который тоже заинтересован в развитии территории (привлечение квалифицированных кадров на предприятие).

Данное описательное исследование направлено на классификацию форматов привлечения компаниями финансов для развития территории. Как крупный бизнес участвует в финансировании устойчивого развития? Какие механизмы и инструменты применяют предприятия для привлечения финансов в муниципалитет?

Исследование выполнено в методологии кейс-стади на примере малого города Пермского края. Выбранный муниципалитет является одной из самых динамично развивающихся территорий региона. Его экономика представлена двумя крупными предприятиями, вовлечёнными в политические и социальные процессы города: компания М. – крупный представитель химической промышленности, компания К. специализируется в области металлургии. При этом первое предприятие занимает доминирующее положение в локальном пространстве, а второе – не оспаривает этот статус. Исследование основано на материалах 9 глубинных интервью с представителями местной власти, бизнеса и общественности, проведённых в июле 2023 г.

В результате были выявлены 4 формата участия бизнеса в привлечении финансов для реализации проектов ЦУР:

1. *Реализация собственных социальных проектов и их финансирование.* Это классическая социальная политика предприятия: строительство жилья, оснащение школ, благоустройство территории и т. д. В муниципалитете собственные проекты за свой счёт реализуют оба предприятия. Но, как отмечают некоторые информанты, компания К. вкладывает больше средств в социальную политику, чем компания М (*И. № 9*), которая сокращает свои расходы на социальную сферу (*И. № 7*).

2. *Совместное финансирование.* Ряд крупных программ благоустройства предприятия реализуют не индивидуально, а в коммуникации друг с другом: они делят финансовые и организационные обязательства в рамках одного проекта. Также распространена практика, когда предприятие выступает лишь одним из спонсоров наряду с другими региональными компаниями и государством.

3. *Финансовая поддержка участия муниципалитета в проектах софинансирования.* Программы софинансирования предполагают получение муниципалитетом государственных субсидий на конкурсной основе для реализации собственных проектов. Формально этот институт подразумевает доленое вложение средств органов МСУ и региона без участия бизнеса. Однако предприятия периодически вкладывают средства в муниципальную часть, тем самым финансово поддерживают администрацию. Этот механизм при относительно небольших финансовых вложениях бизнеса позволяет привлекать крупные гранты на развитие территории. Данная практика характерна и для компании М., и для компании К.

4. *Лоббизм.* Этот инструмент использует только компания М., так как её ведущие представители включены в состав региональной политической элиты. Данный механизм позволяет муниципалитету получать региональные гранты без непосредственных финансовых вложений бизнеса. На фоне сокращения расходов на социальные проекты практика лоббирования становится для компании М. доминирующим форматом «финансирования» развития территории (*И. № 4*).

Таким образом, рассматриваемый пример демонстрирует разнообразие форматов участие бизнеса в привлечении средств для реализации проектов ЦУР. При этом на данный момент для ведущего предприятия города приоритетным становится авторитетная поддержка муниципальных проектов на уровне региона, а не прямое финансирование. То есть ключевое предприятие скорее выступает в роли «патрона», а не непосредственного спонсора. Можно предположить, что именно «вхожесть» руководителей предприятия в региональные кабинеты является одним из оснований успешного развития города: бизнес «финансирует» устойчивое развитие за счёт политических ресурсов. Стоит отметить, что реализация данной практики возможна не на всех территориях: для этого необходима тесная связь бизнеса с политическими структурами.

Данная классификация рассматривает достаточно широкий спектр форматов финансирования бизнесом развития территории и представляет собой попытку проранжировать их от применения предприятием только финансовых ресурсов до использования исключительно политических инструментов без дополнительных финансовых вложений. Но стоит отметить, что представленные четыре формата выделены на примере только одного кейса, поэтому не исчерпывают все вариации локальных практик.

Сулейман А.А.
(МГИМО МИД России, Москва)

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ТАЙВАНЯ

Тезис первый. Несмотря на обстановку в международном праве, де-факто – Китайская Республика (далее: Тайвань) является независимым государством. Это выражается в наличии постоянной территории под контролем Тайваня, постоянного населения, монополии со стороны государства на насилие, функционированием органов публичной власти на этой территории. Несмотря на то, что на данный момент всего лишь 14 государств-членов ООН (а также Святой Престол) признают Тайвань как независимое государство (это связано с политикой одного Китая), у Тайваня имеется широкая сеть торговых и культурных связей со странами, которые Тайвань не признают (в том числе: с Россией).

Тезис второй. Хоть де-факто Тайвань и является независимой политией, но в политической борьбе Тайваня и КНР Пекин занимает позицию, что Тайвань является провинцией Китая. Так, в 2005 году в КНР принимается «закон против сепаратизма», который подразумевает использование материковым Китаем т. н. «немирных средств» в случае, если

Тайвань сделает попытку отделиться под любым названием, тогда возможности мирного объединения будут исчерпаны.

Тезис третий. На Тайване существуют две основные политические партии, Гоминьдан (далее: ГМД) и Демократическая Прогрессивная Партия (далее: ДПП). Важный аспект их противостояния стоит на позициях по отношению к будущей независимости Тайваня. ГМД, которая на протяжении долгого времени была единственной (легальной) партией на Тайване, выступает за сбалансированные отношения с КНР, а также выступает за поддержание статуса-кво в отношениях между «Двумя Китаями», ДПП – напротив, в своем дискурсе подчеркивает, что Тайвань – независимое государство, в том числе обладает суверенитетом. Также раскол выражается в идеологической полярности партий: ГМД считается консервативно правой партией, ДПП – леволиберальной партией.

Тезис четвертый. Согласно опросам общественного мнения на Тайване¹ по поводу будущего островного государства, большинство респондентов считают, что нужно сохранить статус-кво, но после событий 2019 года, когда в Специальном Административном Районе КНР Гонконг вспыхнули протесты против закона об экстрадиции на материковый Китай, да и против всей политики материкового Китая в Гонконге в целом, общественное мнение рядовых граждан Тайваня стало меняться в сторону приобретения формальной независимости от КНР.

Тезис пятый. Тайвань является, с экономической точки зрения, стратегически важным объектом, на его долю выходит больше половины произведенных полупроводников в мире. Приобретение такой территории для КНР было бы довольно весомым аргументом для манипулирования мировым рынком. Но у правительства КНР есть проблема, силовой путь решения конфликта «Тайваньского вопроса» спровоцирует наложение серьёзных санкций на КНР, хоть КНР на данный момент достаточно развитая экономика, но она все ещё остается экспортноориентированной. Помимо этого, военное вторжение на островную территорию требует огромного объема военных ресурсов.

Тезис шестой. Для Тайваня процесс сепарации тоже будет нести негативные последствия. Угроза вторжения со стороны материкового Китая, или политика экономической изоляции экономики Тайваня со стороны КНР, принесут большой ущерб Тайваньской экономике (потому что крупный бизнес Тайваня сотрудничает с материком).

Тезис восьмой. Можно с большой уверенностью предположить (даже если ДПП выиграет выборы в 2024), что сохранится статус-кво. Тесное экономическое взаимодействие Тайваня и КНР, неготовность Пекина к урегулированию Тайваньского вопроса силовым методом, а также настроения в тайваньском обществе (см. тезис четвертый) не дают нам оснований полагать, что в ближайшем будущем предстоят какие-либо изменения в отношениях между материком и островом.

Сулов Е.В.
(МарГУ, Йошкар-Ола)

ВИШЕГРАДСКАЯ ЧЕТВЕРКА И СОВЕТ ГОСУДАРСТВ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Среди субрегиональных объединений, входящих в ЕС, на роль наиболее заметных субъектов европейской политики претендуют Вишеградская Четверка (V4) и Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Названия этих акторов европейской политики не на слуху, поскольку европейская массовая аудитория ориентирована на восприятие интересов преимущественно собственных национальных государств. Между тем, внимательные наблюдатели фиксируют их достаточно активные действия и результативность в

¹ Electional Study Center, National Chengchi University: сайт. – URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7801&id=6963> (дата обращения: 24.09.2023)

политических и экономических сферах европейского континента. Отмечая наличие центробежных тенденций в ЕС как признанный факт.

В качестве методологического основания для оценки V4 и СГБМ в условиях опасности дезинтеграции Европейского союза предпочтение отдается концепции «Европа регионов», относительно успешно реализованной за десятилетия существования ЕС, и небезуспешно соперничающей с ней концепции европейской интеграции «Европы Отечества».

Фактор неопределенности в форматировании конфигурации международных отношений в Европе в начале последнего десятилетия XX в. стал пусковым механизмом создания региональных и межрегиональных отношений.

По времени создания оба региона – почти ровесники. Вишеградская Четверка, точнее Вишеградская Тройка, была образована в феврале 1991 г. решением руководителей Венгрии, Польши и Чехословакии в г. Вишеграде (Венгрия). После «бархатного развода» в январе 1993 г. ЧССР разделилась на Чехию и Словакию, поэтому трансформация тройственного объединения в четвертной была также мягкой.

Сегодня Вишеградская группа – это неформальное субрегиональное межгосударственное объединение, формулирующее свою политическую линию по всем актуальным европейским проблемам. Она выступает против ускоренной интеграции, основанной на передаче новых полномочий на уровень ЕС. В этом же контексте негативное отношение V4 к концепции разноскоростного развития ЕС. Особенно заметно несовпадение подходов Четверки и ЕС в оценке миграционной ситуации, что так же усиливает дезинтеграционные тенденции в Евросоюзе.

Деятельность Вишеградской группы отражает наличие противоречий между национальным и наднациональными компонентами в функционировании ЕС. Важно, чтобы эти противоречия не перерастали в острые конфликты. Опыт снижения конфликтности в отношениях между членами ЕС накоплен большой. Это всегда результат непростых и трудных компромиссов.

Совет государств Балтийского моря (СГБМ) основан в 1992г. как неформальный региональный политико-экономический форум с целью укрепления интеграционных процессов. Его членами стали 11 государств: Дания, ФРГ, Польша, Россия, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия и Европейская Комиссия.

Мотивы формирования СГБМ несколько отличались от причин создания V4. Говоря об истоках регионализации этой части Европы, исследователи сходятся на том, что они начинаются с создания еще в XII веке купеческого объединения («Ганза купцов»), имевшего целью обеспечение безопасных условий торговли и увеличение экономических контактов. С течением времени Ганза стала союзом городов и своими политико-правовыми достижениями опережала европейские политии того времени.

Продолжая традиции Ганзы, СГБМ по существу участвует во всех сферах экономики и политики региона за исключением «жесткой» безопасности и обороны. Приоритетными являются решение проблем экологического характера, транспорта и логистики, борьбы с организованной преступностью, защита в условиях стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. Если в начале 1990-х гг. СГБМ предполагался как диалоговый формат для снижения уровня постбиполярной конфронтационности, а постсоветские государства (страны Балтии и Россия) рассчитывали на определенное финансирование своих проектов, на реализацию которых не хватало собственных средств, то западные партнеры рассматривали эту платформу как дополнительный механизм демократизации общественно-политической жизни на восточном побережье Балтийского моря.

Доминирующим политическим вызовом для региона является «кризис модели гибкой интеграции, в соответствии с которым ответственность и бремя проводимого политического курса неравномерно распределяются между странами, в то время как дивидендами от общей политики пользуются все». Подобная практика порождает евроскептицизм и рост влияния правых, популистских партий, манифестирующих преимущества «Европы Отечества» с ее ориентацией на создание в Европе конфедерации с сохранением национального суверенитета государств-членов.

Таким образом, сравнительная оценка двух субрегиональных объединений ЕС показывает, что в основе усиления дезинтеграционных процессов лежит незатухающее противоречие между моделями интеграции «Европа регионов» и «Европа Отечеств», которые вызывают у европейцев, как европессимистические, так и еврооптимистические настроения. Так же очевидно, что наиболее остро вектор дезинтеграции ЕС проявляется в деятельности Вишеградской Четверки.

*Сухонина Н.А., Георгиев Я.Д.
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)*

ОСВЕЩЕНИЕ РОЛИ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ РОССИЙСКИМИ ИНТЕРНЕТ-СМИ В 2023 ГОДУ

Конфликт в Южной Осетии возник в начале 1990-х годов, после распада Советского Союза. Южная Осетия, населенная преимущественно этническими осетинами, добивалась независимости от Грузии, что спровоцировало ожесточенное противостояние, которое продолжалось до прекращения огня в 1992 году. С тех пор регион существует в состоянии фактической независимости, хотя и признанной лишь некоторыми странами. Напряженность переросла в полномасштабные боевые действия в 2008 году. В военном конфликте одну из главных ролей по принуждению Грузии к миру сыграла Российская Федерация. Россия признала независимость Южной Осетии и сохраняет военное присутствие в регионе, заявляя о своей роли посредника и миротворца.

В августе 2023 года исполнилось 15 лет так называемой «пятидневной войне» между Грузией и Южной Осетией. Этим был обусловлен всплеск публикаций в российских интернет-СМИ о южноосетинском конфликте в 2023 году. Проведенное нами исследование позволило получить представление о роли интернет-СМИ в формировании нарративов и оценке участия России в разрешении конфликта.

Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения и восприятии этнополитических конфликтов. Освещение, формулирование и повестка дня со стороны СМИ могут влиять на отношение отдельных лиц к сторонам конфликта, политические ответные меры и международное вмешательство. Нарративы средств массовой информации могут увековечить исторические обиды, укрепить этническую идентичность и либо поддержать, либо поставить под сомнение легитимность действий различных заинтересованных сторон.

Российские интернет-СМИ играют существенную роль в формировании дискурса вокруг конфликта в Южной Осетии. В 2023 году сюжеты, представленные российскими СМИ относительно конфликта, в первую очередь направлены на поддержку тезиса о необходимости присутствия России в регионе, подчеркивая необходимость защиты прав и безопасности этнического осетинского населения.

Политика грузинского правительства изображается как агрессивная и дискриминационная по отношению к осетинскому населению. Этот нарратив служит для легитимизации роли России как защитника угнетенного меньшинства от грузинской агрессии.

Российские интернет-СМИ подчеркивают роль России как миротворца и посредника в конфликте, изображая ее военное присутствие как необходимое для поддержания стабильности и предотвращения дальнейшего насилия.

Российские средства массовой информации склонны отвергать любую критику участия России в конфликте, изображая это участие как жизненно важную меру для обеспечения региональной стабильности и защиты интересов жителей Южной Осетии.

Российские интернет-СМИ последовательно репрезентуют Россию ответственным и доброжелательным участником конфликта в Южной Осетии. В публикациях Россия часто изображается как миротворец, стремящийся урегулировать конфликт и обеспечить права и

безопасность осетинского населения. Признание Россией независимости Южной Осетии и ее продолжающееся военное присутствие в регионе преподносятся как действия, предпринятые в интересах мира и стабильности.

Освещение конфликта в Южной Осетии российскими интернет-СМИ в 2023 году находится под глубоким влиянием исторических, политических и культурных факторов. Понимание динамики изображения в СМИ имеет решающее значение для анализа роли СМИ в этнополитических конфликтах и понимания предполагаемого участия России в разрешении конфликтов. Материалы, представленные российскими интернет-СМИ, проливают свет на сложное взаимодействие между СМИ, политикой и международными отношениями, подчеркивая необходимость критического анализа и объективной оценки репрезентаций СМИ в зонах конфликтов.

Сытник С.И.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ИНТЕГРАЦИЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ НА ПРИМЕРЕ БРИКС

В условиях сложной мировой обстановки, всё больше развивающихся стран Азии, Африки и Южной Америки, как потенциально перспективные игроки мирового рынка стремятся проводить независимую внешнюю и экономическую политику, основываясь на принципах многополярности.

В 2024 году исполнится 15 лет БРИКС – экономическому союзу 5 государств: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. Уже 1 января 2024 к данному объединению могут присоединиться и другие государства: Аргентина, Иран. Саудовская Аравия, Египет, Эфиопия и ОАЭ.

Так как Аргентина будет одной из стран, которая может присоединиться к объединению, можно констатировать, что Южная Америка в целом, как Аргентина и Бразилия в частности являются важными игроками «Глобального юга». Данные страны являются перспективными экономическими игроками, имеющими влияние на континент. Это способствует развитию стран «Глобального Юга» и взаимовыгодному сотрудничеству с РФ и КНР в построении многополярного мира, основанного на уважении независимости стран, разнообразия культур, взаимовыгодного равенства в отношениях между странами.

Чтобы понять истоки такой интеграции, следует обратиться к истории. Во время «Холодной войны» в Южной Америке выбрали целый ряд левых президентов. Однако, эти правительства были в дальнейшем свергнуты военными при поддержке США в рамках их геополитических интересов в контексте противостояния с СССР. Такие перевороты произошли в Бразилии (1964), Чили (1973), в Аргентине (1976). В итоге, до середины 1980-х годов в большинстве этих стран установились правые военные диктатуры, получающие поддержку США в рамках «операции Кондор».¹ Поскольку эти режимы стали приходить в экономический упадок, данные режимы вскоре пали. В Бразилии к 1985 году после протестов против гиперинфляции были легализованы все оппозиционные политические партии, а затем парламентом был избран оппозиционный кандидат. В Аргентине в результате поражения в войне за Фолклендские острова с Великобританией военная хунта пала.

В конце двадцатого века, после третьей волны демократизации в 1980-х годах, в большинстве стран континента к власти стали приходить левые правительства.

После неудачных экономических реформ нелиберальных правительств ряд новых политиков лево популистского толка были избраны президентами. Уго Чавес в Венесуэле (1999), Эво Моралес в Боливии (2006), Рафаэль Корреа в Эквадоре (2005), Луис Инасиу Лула да Силва в Бразилии (2003), Нестор Киришнер в Аргентине (2003), Табаре Васкес в

¹ Жирнов О.А., Шереметьев И.К. (2003). Латинская Америка: Затянувшееся ожидание экономического чуда. (2003), 1-104.

Уругвае (2005). Идеология этих политиков строилась на достижении социальной справедливости, отказа от экономического и политического протектората США, а также углубленной интеграции стран континента в конфедеративный союз (боливариизм). Данный исторический промежуток политологи называют «Розовым приливом», так как страны, где к власти пришли левые правительства, принадлежали к классической социал-демократической идеологии, но и к антиимпериализму, постнеолиберализму и социализму 21 века, включающими в себя отказ от Вашингтонского консенсуса.¹

«Розовый прилив» столкнулся с экономическим кризисом, связанным с падением китайского фондового рынка в середине 2010-х годов. В ряде южноамериканских стран в результате высокой инфляции, коррупции и уровня преступности стали побеждать правые кандидаты. В 2015 году в Аргентине был избран правоцентрист Маурисио Макри, а Бразилия, столкнувшись с антикоррупционным расследованием, закончившимся импичментом президенту Дилме Русеф и заключению Лулы да Силвы под стражу, избрала в 2018 году ультраправого кандидата Жаира Болсонару президентом страны.²

Однако популярность левых вновь вернулась на фоне неудачных реформ в большинстве данных стран. Уже в 2019 году левоцентрист Альберто Фернандес победил на выборах в Аргентине, в 2022 впервые в истории Колумбии президентом стал левый кандидат Густаво Петро, Габриэль Борич победил на выборах в Чили в 2021. Лула да Силва победил во втором туре Жаира Болсонару. Многие политологи называют данный исторический этап в политике Южной Америки как «Второй Розовый прилив».

Таким образом, можно сказать, что Латинская Америка, проводя всё более независимую от Вашингтона политику, становится более важным мировым игроком. Поэтому интеграция таких стран как Бразилия и Аргентина с другими государствами в рамках многополярного мира в таких организациях как БРИКС является очень перспективной. Для успешного развития данных стран необходимо преодолеть сильную политическую нестабильность, связанную с поляризацией социальных слоёв на правых и левых, коррупцию и преступность, что мешает экономика латиноамериканских стран развиваться в полную силу.

Сычев В.В.
(НИУ ВШЭ, Москва)

БОРЬБА ЗА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ «ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»

Проблема институционального доверия возникла в академическом дискурсе в связи с фокусированием внимания ученых на свойстве человека доверять не только конкретным людям, но и структурам, воспринимаемым в виде акторов, способных совершать действия, отвечающие позитивным ожиданиям граждан. В политическом пространстве институциональное доверие стало рассматриваться как важный индикатор легитимности власти и стабильности политического режима³. Уровень доверия/недоверия граждан к отдельным политическим институтам стал исследоваться также для выявления

¹ *Ивановский З.В.* (2023). Политические сдвиги в Южной Америке: новые реалии, вызовы и возможности. Свободная мысль, (1 (1697)), 129-144.

² *Симонова Л.Н.* (2022). Бразилия накануне выборов. Итоги правления Ж. Болсонару. Свободная мысль, (4 (1694)), 53-68.

³ *Warren M.E.* Democracy and trust. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 370 p.; *Uslaner E.M.* The Moral Foundations of Trust. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 298 p.; *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Издательство «АСТ», 2004. – 730 с.

предрасположенности общества к политическим изменениям¹. Большая же часть научных работ посвящена анализу факторов-предикторов формирования доверия политическим институтам и системе².

Тем не менее, распространённое в научной литературе объяснение динамики политического доверия сквозь призму набора статичных переменных, во-первых, не позволяет учитывать вмешательство событий кризисного характера, а, во-вторых, вытесняет на исследовательскую периферию концептуальный вопрос, связанный с «механикой» формирования политического доверия, т.е. с технологиями, при помощи которых политические акторы целенаправленно конструируют в общественном сознании доверие/недоверие к определённым институтам, политикам и принимаемым ими решениям.

Проблема формирования доверия политическим институтам вдвойне актуальна для современной России, пребывающей в состоянии военного конфликта с Украиной. Сегодня доверие, лежащее в основе национальной идентичности, становится без преувеличения «контрольным сенсором» выживаемости политического сообщества перед лицом возникших экзогенных угроз. В 2022 г. российскими исследовательскими центрами был дважды зафиксирован скачкообразный рост тревожных настроений (ФОМ, 2022), однако при этом спада доверия политическим институтам не произошло: наоборот, институциональное доверие увеличилось, в особенности институтам исполнительной власти и силовым институтам (АНО «Левада-Центр»³, 2022). Возникает закономерный вопрос: *«Использование каких инструментов позволило правящей элите повысить уровень доверия политическим институтам в условиях проведения СВО?»*

В данной работе предлагается выявить ключевые инструменты формирования доверия российским политическим институтам в современной геополитической ситуации. Под **политическим институциональным доверием** будет пониматься *особый вид отношения граждан к политическим институтам, который является личностным конструктом, аккумулирующим в себе знания человека об этих политических объектах, сложившиеся на этой основе позитивные ожидания и уверенность в том, что эти ожидания оправдаются в будущем.*

Для изучения инструментов формирования политического доверия в исследовании используется **когнитивный подход**. Мы исходим из того, что для индивида политические институциональные образования обретают свойства реальных объектов-акторов в силу усвоения определенных видов информации, а само институциональное доверие формируется только в определенной информационной среде. Данный подход позволит посмотреть на политическое доверие как на производную от знания об объекте и сформированных на основе этого знания позитивных ожиданий.

В результате проведённого анализа данных, собранных российскими центрами изучения общественного мнения (ВЦИОМ, АНО «Левада-Центр»^{*} и ФОМ), было доказано то, что российской правящей элите удалось обеспечить необходимый уровень доверия ко всем политическим институтам, задействовав сразу несколько инструментов формирования политического доверия, среди которых:

- своевременная легитимация целей проведения СВО;
- грамотно выстроенное имиджевое позиционирование главы государства и российской армии;
- усиление институциональных ограничений для информационных потоков, дискредитирующих участников СВО;
- принятие мер по сдерживанию роста депривационных настроений.

¹ Dalton R.J. Democratic challenges, democratic choices: The erosion of political support in advanced industrial democracies. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 230 p.; Citrin J., Stoker L. Political Trust in a Cynical Age // Annual Review of Political Science. 2018. №21. P. 49-70.

² Uslaner E.M. Corruption, the inequality trap and trust in government // Political trust: Why context matters. Colchester: ECPR Press, 2011. P. 141-162; Ugur-Cinar M., Cinar K., Kose T. How Does Education Affect Political Trust? An Analysis of Moderating Factors // Social Indicators Research. 2020. №152(2). P. 779-808.

³ АНО «Левада-Центр»^{*} – некоммерческая организация, внесённая в официальный реестр иностранных агентов РФ.

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ)

Культурное наследие на современном этапе является ресурсом «мягкой» силы, элементом национального брендинга (входит в индексы по измерению «мягкой» силы государств) и инструментом для регионального и глобального межкультурного взаимодействия (многосторонняя культурная дипломатия).

Наличие тех или иных культурных материальных и нематериальных объектов ЮНЕСКО является мощным ресурсом для реализации культурной дипломатии, а также эффективным инструментом «мягкой» силы государства поскольку ценности и привлекательность культуры напрямую влияют на репутационный капитал и внешний имидж государств.

Исторически сложилось так, что национальные правительства уделяли охране культурного наследия в рамках внешней политики достаточно мало внимания. Однако в последние десятилетия мы наблюдаем изменение роли культуры в международных отношениях (она становится политическим инструментом), в политике безопасности, прежде всего, это связано не только сохранением культурной идентичности государства, но и с проблемами охраны культурного наследия. Помимо ЮНЕСКО все чаще на международную арену выходят неправительственные фонды, деятельность которых связана с защитой культурного наследия.

В качестве примера такой организации рассмотрим Фонд защиты культуры (создан в 2016 г.) – это партнерский фонд Британского совета, Департамента цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта Великобритании, который поддерживает различные мероприятия по защите культурного наследия, подвергающегося риску из-за конфликтов и изменений климата. Целями фонда являются защита культурного наследия, находящегося под угрозой, в первую очередь из-за конфликтов, и создание «устойчивых» возможностей для экономического и социального развития посредством наращивания потенциала по развитию, охране, а также популяризации культурного наследия.

На данный момент отобрано 17 проектов (общий бюджет 14 млн фунтов стерлингов), которые продлятся до марта 2025 г. и обеспечат важные мероприятия по охране наследия в 15 странах Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки, например: проекты включают возрождение двух исламских памятников в Каире, где повышение температуры и чрезмерные наводнения наносят значительный ущерб зданиям и инфраструктуре; проект, в рамках которого местные общины в Кении защитят диалект суахили баджуни с помощью устных традиций и поэзии, и проект, который направлен на восстановление комплекса штаб-квартиры губернатора в Мукалле, Йемен и возрождения традиционных методов земляного строительства, которые могут стать ключом к обеспечению «постоянной устойчивости» наследия.

В качестве примера можно привести действующий проект, направленный на укрепление местного потенциала по восстановлению традиционных домов Бейрута, которым был нанесен значительный ущерб в результате конфликта, постконфликтной реконструкции и недавнего взрыва в порту Бейрута. В рамках проекта проводятся реставрационные работы, организовано обучение местного населения традиционным ремеслам и создан инструментарий для поддержки будущей защиты наследия Старого города Бейрута.

Фонд защиты культуры финансирует проекты, которые затрагивают менее поддающиеся количественной оценке аспекты: нематериальное наследие, сплоченность сообщества, культурные практики, учитывающие религиозные особенности.

Как мы видим, защита культурного наследия приобретает все больше «политический окрас», становясь эффективным инструментом публичной дипломатии. Успешная интеграция охраны культурного наследия в дипломатию и сферу устойчивого развития требует межсекторального сотрудничества. Ценность подходов «мягкой» силы и межкультурных отношений к сохранению наследия заключается в процессах, которые объединяют заинтересованные стороны, часто на основе широкого участия, для улучшения взаимопонимания и удовлетворения внешнеполитических целей донора. Как отмечено в отчете Университета Джорджа Мейсона, подготовленном по заказу Британского совета, ключ к пониманию культурных отношений и процессов «мягкой» силы заключается в том, чтобы связать подходы к сохранению культуры с такими вопросами, как сообщество, ценности и развитие¹. Однако определенные риски связаны с возможностью опосредованного влияния на «настроения» внутри общества, в котором реализуется тот или иной проект.

Талиб М.Н.М.
(КФУ, Казань)

РОЛЬ ООН В ЙЕМЕНСКОМ КРИЗИСЕ С 2014 ПО 2021 ГОДА

С 2014 по 2021 год Йемен был ареной сложного вооруженного конфликта, известного как «йеменский кризис». В этом конфликте участвовали несколько сторон, включая правительственные силы, повстанческие группы и международные вмешательства. Роль Организации Объединенных Наций (ООН) в этом кризисе заключалась в попытке посредничества и улаживания конфликта, а также в предоставлении гуманитарной помощи населению Йемена.

Главной задачей ООН было нахождение политического решения, которое позволило бы прекратить насилие и вернуть страну на путь мира и стабильности. Конфликт в Йемене имел разнообразные причины и сложные политические аспекты, и ООН вела переговоры с различными сторонами конфликта, включая йеменское правительство, и группы «Ансар Аллах» (Хуси), а также другие региональные актеры, такие как Саудовская Аравия и ОАЭ, которые вмешивались в конфликт на стороне законного правительства.

Кроме того, ООН активно работала по обеспечению гуманитарной помощи населению Йемена, которое оказалось на грани гуманитарной катастрофы. Кризис привел к огромным гражданским страданиям, нехватке пищи, воды, медицинских услуг и жилья. ООН координировала усилия по предоставлению гуманитарной помощи и поддерживала различные программы помощи, чтобы помочь населению Йемена выжить в условиях кризиса.

Тем не менее, конфликт в Йемене продолжался и на протяжении многих лет ООН сталкивалась с различными сложностями и препятствиями при своих усилиях по улаживанию кризиса и обеспечению гуманитарной помощи. Разрешение конфликта оказалось крайне сложным процессом, и к 2021 году он продолжал влиять на жизнь миллионов людей в Йемене.

в ходе йеменского кризиса ООН активно поддерживала усилия по прекращению нарушений прав человека и предотвращению гуманитарных катастроф. Организация также занималась наблюдением за соблюдением международных прав человека во время вооруженных столкновений и докладывала о преступлениях против мирного населения.

¹ The cultural relations of negotiating development: developing inclusive and creative economies at the British council // URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/the_cultural_relations_of_negotiating_development_dice_at_the_british_council_webfinal.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

Помимо этого, ООН играла роль посредника для организации мирных переговоров и диалога между сторонами конфликта. Постоянные переговоры и мирные разрешения оказались крайне сложными из-за сложности политической ситуации и наличия различных интересов у различных актеров в конфликте.

Несмотря на все усилия ООН, йеменский кризис продолжался и оказывал серьезное воздействие на население страны. Конфликт стал причиной одной из самых серьезных гуманитарных катастроф в мире, и миллионы людей оказались в нужде из-за нехватки продовольствия, медицинских услуг и безопасного убежища.

Важно отметить, что роль ООН в таких конфликтах ограничивается возможностью предоставления гуманитарной помощи, посредничеством в переговорах и дипломатическими усилиями. Организация зависит от готовности сторон конфликта сотрудничать и искать мирные решения. В некоторых случаях, усилия ООН могут столкнуться с препятствиями из-за сложности и глубины политических, этнических и религиозных противоречий, лежащих в основе конфликта.

Кроме того, в ходе йеменского кризиса ООН также занималась мониторингом и контролем поставок оружия и другого военного снаряжения в страну. Конфликт привлек внимание множества сторон и актеров, и иногда вооружения попадали в руки нежелательных групп, что только усугубляло ситуацию. ООН и другие международные организации предпринимали попытки пресечь незаконные поставки оружия и обратить внимание на роль сторон, которые снабжали вооружениями конфликтующие группы.

Безопасность персонала ООН также была важным вопросом. Вооруженные столкновения и нападения на гуманитарные миссии создавали опасные условия для сотрудников ООН и других гуманитарных организаций, что затрудняло выполнение их миссий и оказание помощи населению Йемена.

Стоит отметить, что роль ООН в конфликте была ограничена сложностью и протяженностью кризиса, а также активным участием различных сторон с разными интересами и целями. Несмотря на усилия ООН и других международных актеров, прекращение насилия и достижение долгосрочного мирного решения оставались сложными задачами.

Тарасов И.Н.
(КФУ им. И. Канта, Калининград)

ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬШИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Весной 2023 г. по инициативе Центра изучения экстремизма и радикализма при Московском экономическом институте было проведено масштабное исследование проблем реализации прав меньшинств и проявлений ненависти в 2020-2022 гг. по 13 странам ОБСЕ¹. Автор настоящего доклада осуществил исследование по общей методике на материалах, характеризующих ситуацию в Польше. В этом докладе приведены выводы и заключения, отсутствующие в итоговом рапорте исследования, непосредственно касающиеся польского случая.

Методология исследования основывалась на периодическом (за 3 года) мониторинге изменений в сфере законодательства, правоприменительной практики, фиксации проявлений ксенофобии; на ивент-анализе деятельности радикальных и экстремистских групп; на изучении полицейской и миграционной статистики; на вторичном анализе социологических данных, полученных из открытых источников.

¹ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти на пространстве ОБСЕ, 2020-2022 гг. / Под. ред. В. В. Энгелья. – М.: МЭИ, 2023. - 196 с.

По результатам исследования чётко фиксируется два наиболее значимых фактора развития этнополитической ситуации в Польше: правовые и социальные последствия мер по борьбе с новой коронавирусной инфекцией, а также последствия открытого межгосударственного вооружённого конфликта на международно-признанной ООН территории Украины. Под влиянием первого фактора произошли изменения в формах и средствах проявления ксенофобии, совершения преступлений на почве ненависти. В первую очередь, это касается переноса активности радикальных и экстремистских групп в онлайн-пространство.

Под влиянием второго фактора изменились характеристики восприятия миграции в польском обществе в сторону большей лояльности к мигрантам, улучшилось положение украинского национального меньшинства при одновременном росте негативного восприятия русских и белорусов. При этом полицейская статистика показывает, что рост фиксируемых проявлений ксенофобии весной 2022 г. по отношению к русскоговорящим, сменился возрастающей конфликтностью в отношениях между поляками и украинцами к концу года. Общий же уровень украинофобии к окончанию исследуемого периода оказался существенно ниже, чем в 2020-2021 годах. В 2022 г. произошла относительная либерализация иммиграционного законодательства. Приток военных беженцев из Украины способствует изменению образа Польши, превращающейся из страны-донора миграции в страну-реципиента. Эта трансформация происходит самыми быстрыми темпами по сравнению с другими странами ЕС. Можно вполне уверенно предположить, что, независимо от исхода вооружённого конфликта и его последствий для экономического развития Украины, Польша может стать двухобщинной страной с явным преобладанием польской нации, но с растущим участием украинского национального сообщества. Без сомнения в среднесрочной перспективе число граждан Польши украинской национальности будет расти. Это открывает новые возможности, но и создаёт серьёзные проблемы.

Потребности в информационной и образовательной сферах других национальных и этнических меньшинств оказались отодвинуты далеко на задний план в политической повестке. Это касается неурегулированного статуса этно-региональных групп (силезцы, виламовцы) и признания их речи в качестве самостоятельных языков; финансирования этнокультурных организаций национальных меньшинств (немцы, русские, белорусы, литовцы, цыгане, евреи), реализации их образовательных прав. В лучшем положении находятся кашубские и лемковские (русинские) этнические сообщества, речь которых признана самостоятельными языками и внедрена в административное делопроизводство в качестве вспомогательных языков. Расширение такой практики – вероятный ресурс этнополитического развития для национальных меньшинств, прежде всего, украинского.

Оба основополагающих фактора привели к существенным изменениям в структуре рынка труда в Польше, замедлению роста реальных доходов населения, увеличению нагрузки на сферу социального обеспечения, роста расходов на национальную оборону и безопасность.

В этот же период наряду с устойчивыми тенденциями воспроизводства антисемитизма, исламофобии, неприятия сообщества ЛГБТ+, роста русофобских настроений, обострения польско-украинских отношений, новым трендом стали проявления мизогинии, откровенного сексизма, как на бытовом уровне, так и в публичном пространстве, прежде всего в сети Интернет. Нередко адресатами ненавистнических высказываний и действий становятся представительницы этноконфессиональных групп меньшинств (украинки, цыганки, мусульманки). По всей видимости, мы имеем дело с наложением двух явлений – ухудшением социально-психологического климата в связи с отрицательными последствиями пандемии и притока военных беженцев и перераспределением экономических предпочтений в пользу женщин и меньшинств.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРИНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ

Потребности обработки стремительно расширяющегося потока информации, объемы которой многократно превосходят человеческие возможности, ставят в повестку дня задачу разработки и внедрения в государственное управление т.н. *искусственного интеллекта (ИИ)*. Но каковы возможности и форматы его применения в данной сфере?

Специфика человеческого мышления накладывают жесткие, непреодолимые ограничения и препятствия философского, гносеологического, этического характера на концепцию создания, а также области и задачи использования ИИ. Современный ИИ не является субъектом мышления, он не думает, а вычисляет, исходя из объема и содержания подобранных извне данных. Он поддерживается вычислительными устройствами с весьма ограниченными возможностями, в которые загружается определенное множество данных и тем или иным способом производится поиск неких связей, переносимых затем на другие данные, т.н. сепарация множеств или *предикция*.

Человеческий же мозг функционирует под управлением т.н. «ментальных программ», которые самостоятельно не генерирует. Ментальные структуры (и программы) развиваются, реализуя заложенный в них генетический потенциал, в ходе взаимодействия с окружающей средой. Как отмечают исследователи, для мышления, социальных взаимодействий и самопрезентации недостаточно только ментальных программ, требуется тело. В силу неразрывной связи телесности человека и его разума логика, алгоритмы и способы его мышления не воспроизводимы искусственным путем. Феноменологическая природа человеческого мышления несовместима с математическими алгоритмами ИИ.

Хотя логика и алгоритмы человеческого мышления и ИИ принципиально различны писать и совершенствовать вычислительные программы остается уделом человека. Данное противоречие и составляет известный парадокс, состоящий в том, что для ИИ отсутствует *интеллигибельность* связи между тем, что объясняется, и тем, посредством чего объясняется, между причиной и следствием, которая не может быть непрерывно удержана оператором в поле зрения и прослежена. Тем самым не обеспечивается непрерывность между началом и концом процесса (раз)мышления. Выходные данные проверяемы, но точный алгоритм их получения не известен.

Обделенный способностью к эмпатии и собственными потребностями, полностью отрешенный от всего личного, бестелесный, ИИ возможно, и воплощает в себе веберовский идеал беспристрастного государственного чиновника. Однако «обезличенный администратор» не в состоянии подменить политического руководителя, тем более главу государства. Чтобы править нужно наличие соответствующих мотивов и стимулов, генерирующих лидерскую волю и активность. Требуется не просто статистически фиксировать мнения и притязания людей, но подчинять и увлекать массы, формулировать их туманные притязания и ожидания, пропуская последние через собственные представления, настроения, страсти.

Принятие государственных решений, уникальных по своему содержанию, всякий раз происходит в обстановке системной неопределенности и неравновесности. Полное, истинное знание об объекте, потенциале его изменений, недостижимо в принципе. Отсутствует ключевое условие функционирования ИИ, требующего точных, достоверных и исчерпывающих (не мозаичных) данных для математической обработки.

Свойство социальных систем, выражающееся в стремлении к разнообразию и открытости любым потенциальным вариантам собственных изменений, несовместимо с использованием универсальной программы ИИ. Принятие решений заключается в анализе нескольких предложенных альтернатив и последующем выборе из них наиболее

приемлемого варианта. Поэтому однозначность выводов, рекомендаций и предложений ИИ, выдающих единственный «оптимальный» вариант, не соответствует природе решенческих процессов. Если же для создания альтернативности вариантов будут использоваться нескольких различных версий ИИ, то выбор между их предложениями опять же останется за людьми (главой государства).

Применение ИИ и квантовых вычислений в сфере принятия государственных решений ограничивается сугубо задачами поиска, сбора, обработки информации, ее систематизации и группирования баз данных по схожим признакам, что позволяет минимизировать участие руководителей в рутинных технических процедурах, освобождая их силы и ресурсы внимания, и позволяя сконцентрироваться непосредственно на процессе размышления. Этим повышается скорость принятия решений главой государства, уровень их обоснованности.

Формулирование же замысла и отбор альтернатив останется за лидером, «конечным решателем» - decision'maker, как и принятие решений (команд) на использование стратегических систем вооружения и/или управление критическими структурами и объектами, связанными с обеспечением национальной безопасности. В отношении последних любой операциональный сбой ИИ, вследствие программной ли ошибки, либо совокупности фатальных, случайных по своему характеру обстоятельств, не предотвращенный оператором, способен повлечь самые серьезные, порой катастрофические для всего человечества последствия.

*Тетерюк А.С.
(«AstraZeneca», Москва)*

МАКРО- И МИКРОПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОВНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОРПОРАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

Современная международная корпорация осуществляет свою политическую (лоббистскую) деятельность в контексте многообразия факторов внешней среды. Эти факторы как правило представляют собой суверенные государства и их политические системы, международные организации, ассоциации, транснациональные банки и прочие субъекты международных отношений. Однако, как пишут эксперты в области политической активности, К. Доренбахер и М. Гепперт, для правильного планирования политических стратегий корпораций, необходимо учитывать и внутреннюю среду фирм, зачастую являющейся не менее комплексной, чем среда международная.

Организационная структура ТНК, обладающая своими институтами и рутинизированными практиками ведения бизнеса, требует от GR-менеджера учитывать позицию руководства и прочих департаментов в рамках разработки лоббистских стратегий. В ситуации появления внешнего вызова GR-менеджер должен быть информирован о сложившейся конфигурации факторов вокруг организации, поскольку это может либо располагать к более активной политической деятельности, которая приводит к новой возможности, либо, наоборот, укреплять уверенность в ненужности лишних действий, которые приведут лишь к трате времени и ухудшению отношений стейкхолдеров. Именно на данном этапе происходит объединение политической и бизнес-составляющих в своеобразную интегрированную политическую стратегию, о которой пишет политэкономист Д. Бэрн.

Это мезо-уровень, о котором в современной политической теории фирмы известно не слишком много. Вместе с тем этот ключевой этап стратегического планирования GR-кампаний включает переговоры и согласования с топ-менеджментом, региональным

руководством и смежными функциями для решения стратегической дилеммы, воспользоваться ли окном возможностей или уменьшить потенциальный риск, а также превратить ли текущий набор условий в преимущество или же использовать для сохранения «статус-кво».

В результате консультаций и обсуждений, менеджмент странового филиала вырабатывает интегрированный подход к решению появившейся проблемы в виде неблагоприятной законодательной нормы или, наоборот, получает шанс встроить корпоративную инициативу в отраслевую повестку. Подобный подход предполагает нахождение удачной или релевантной комбинации использования рыночных элементов окружения компании (её продукта, поставщиков и конкурентов, целевой аудитории и маркетинговых возможностей) и нерыночную компоненту (специфику политической системы, отраслевое регулирование, политическую сеть стейкхолдеров, процесс принятия решений).

С точки зрения неинституциональной теории, применительно к ТНК, данный этап имеет фундаментальное значение для последующего выбора типа политического действия корпорации. Дело в том, что страновой филиал и его менеджмент находится под давлением, с одной стороны, местной среды, требующей адаптации (применения изоморфизма), а с другой стороны, головной штаб-квартиры, стремящейся к созданию «эффекта зеркала», то есть обеспечению схожести работы и структуры филиала с организационной моделью всей корпорации. В национальных частных компаниях и госкорпорациях подобное противостояние разнонаправленных сил может быть разрешено применением принципа «диктатора»: окончательное решение утверждает глава организации, что позволяет быстро конвертировать определенные импульсы среды в конкретные действия. В ТНК этот процесс является более сложным и продолжительным, а процесс принятия решения часто носит коллегиальный характер.

Вследствие этого, так называемый «институциональный детерминизм» заключен в выборе того, как филиал и его топ-менеджмент готов действовать на целевом рынке. Если организационно-институциональная инерция (власть структуры) подавляет сопротивление локальных менеджеров, корпорация с более высокой вероятностью будет переносить и даже насаждать практики и процессы, принятые в штаб-квартире, что, в рамках её логики, стандартизирует бизнес-процессы и снижает риски давления локальной среды. Однако применительно к логике действий местной GR-команды, это снизит возможности своевременно реагировать на вызовы среды. Если же организационная структура оказывается более гибкой и страновому менеджменту удастся добиться автономии в оперативном управлении, то и GR-департамент получает большую возможность для маневра и разработке более адаптивных GR-кампаний.

*Тимакова О.А.
(ДА МИД России, Москва)*

СТРАТЕГИЯ НАТО ПО СДЕРЖИВАНИЮ КИТАЯ

На саммите в Мадриде в 2022 г. НАТО опубликовала новую Стратегическую концепцию, где впервые заявила, что Китай представляет собой «системный вызов» альянсу наряду с основной «угрозой» со стороны России.

В период с окончания холодной войны и по 2017 г. отношения между Китаем и НАТО в основном носили характер сотрудничества. Необходимо отметить, что взаимодействие было достаточно ограниченным и не было институционализировано.

В условиях трансформации мирового порядка Китай признается потенциально новой сверхдержавой. Более того, европейские эксперты склонны полагать, что с точки

зрения политики безопасности США, Китай является новым претендентом на глобальную гегемонию, место, которое до сих пор США сохраняли за собой.

Стратегия четко противопоставляет политику и амбиции Пекина интересам, безопасности и ценностям Североатлантического блока. Она называет тактику Китая «принудительной», его гибридные и кибероперации – «злонамеренными», а его риторику – «конфронтационной», даже заявляя, что Китай присоединяется к России в ее усилиях по подрыву «международного порядка, основанного на правилах», в том числе в космической, кибер и морской сферах.

Но среди стран – членов НАТО нет единого подхода относительно развития стратегии в отношении Китая. Совместное заявление НАТО о Китае как о системном вызове международному порядку, основанному на правилах, и одобрение на высшем уровне пакета реформ НАТО до 2030 г. были итогом сложной процедуры нахождения консенсуса среди стран-членов. Но это далеко не означает, что достигнутое взаимопонимание и взаимная озабоченность сделает возможным США использовать потенциал НАТО для проведения операции далеко вне зоны ответственности блока – в Индо-Тихоокеанском регионе. В Стратегической концепции 2022 г. приоритет отдается повышению устойчивости государств-членов НАТО к действиям Китая, которые подрывают согласованность сообществ, экономик и демократических институтов именно на пространстве Евро-Атлантики.

Можно выделить пять ключевых факторов, определяющих угрозу Китая для стран НАТО. Некоторые из них уже много лет являются частью дискурса безопасности Евро-Атлантического региона.

Первым фактором можно назвать становление Китая новой глобальной сверхдержавы. Хотя Китай как заявляется не представляет на данный момент прямой военной угрозы Североатлантическому союзу, стремление Пекина выйти на глобальный уровень и «приблизиться к мировому центру влияния» имеет явные последствия для НАТО и Европы.

Вторым фактором является технологическая политика Китая. Новые технологии, такие как искусственный интеллект и 5G, позволили Китаю проводить более активную политику в Европе.

Третий фактор связан не напрямую с Китаем, но с проблемами в трансатлантической солидарности. Хотя Соединенные Штаты объявили о переориентации на Азию еще в 2011 г., неуверенность в Европе в отношении долгосрочных обязательств США в отношении трансатлантической, и, скорее, европейской безопасности проявилась только при Администрации Д. Трампа. Именно он недвусмысленно дал понять европейским элитам, что США готовы будут защищать только союзников «разделивших бремя расходов». Таким образом резкое изменение позиции в отношении Китая можно связать со стремлением обеспечить себе поддержку Вашингтона.

Четвертым фактором можно назвать изменение во внешней политике Китая. С одной стороны, Пекин стал более активно участвовать в мировом политическом процессе, четко определяя собственную позицию по тем или иным международным вопросам. С другой стороны, Китай стал более жестко реагировать на действия, которые он расценивает как вмешательство во внутренние дела.

Наконец, пятый фактор – это углубление отношений Китая и России. Европейские эксперты говорят о том, что украинский кризис создал глобальный геополитический разлом, где Китай не действует как союзник Запада.

Несмотря на широкое обсуждение угроз со стороны Китая и общее разделение озабоченности, среди европейских стран-членов уже долгое время нет единого мнения о дальнейших шагах в отношении Пекина. Географическое положение Китая не предопределяет трансатлантическое единство в отношении него.

В целом из-за различий в географии, политике и экономических сложностях 30 стран НАТО имеют разные взгляды на масштабы китайской угрозы. Однако Стратегическая

концепция 2022 г. свидетельствует о декларативной новой трансатлантической сделке: НАТО, при возобновлении обязательств Америки, сосредоточится в основном на Европе и коллективной обороне, а европейские страны поддержат Вашингтон в сдерживании Китая, прежде всего в дипломатическом и экономическом плане.

Фактически же договориться о дальнейших шагах будет сложно. Союзники едины в своей озабоченности политикой и амбициями Китая, но они расходятся во мнениях относительно того, что именно следует с этим делать, и какова должна быть роль НАТО.

Тимофеева Л.Н.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

ДИСКУРС О НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИИ

Прошло более 30 лет со времени распада Советского Союза и все это время общество продолжается дискурс: кто мы? Куда идет страна? Как формируется новая российская субъектность и что она означает? В основе формирования субъектности России лежит способность россиян осознавать, ставить и реализовать собственные цели развития, соответствующие их национальным интересам, ценностям и безопасности.

Что же составляет содержание этой субъектности? Долгое время после распада СССР ее пытались определить то как европейскость, то как евразийство, то как советскость с элементами либеральных начал. Доводы для доказательства отыскивали и в XVIII веке во времена Петра I, и в 40-х годах XIX века в спорах между западниками и славянофилами, и обращаясь к переписке В.И. Ленина с английским экономистом Дж. Кейнсом, которому принадлежит идея конвергентного с социалистическими идеями либерализма, и к периоду Перестройки времен М.С. Горбачева. Вспоминали Философические письма П.Я. Чаадаева 1836г., полагая, что с него по существу и начался настоящий поиск оригинального пути развития страны. Отвечая на вопрос: кто же основной актер формирования новой субъектности, называли российскую интеллигенцию, но в 90-е годы XX века ее обвинили в том, что она с этой задачей не справилась, переродившись из «субъекта для народа» в «субъект для себя». Указывали также на большую роль глав государства, определявших политические течения и практики, употребляя такие выражения как «ленинизм», «сталинизм», «хрущевская оттепель» и т.д.

Вопрос о механизме становления новой субъектности россиян рассматривался и через ломку советского этоса и переход к российскому. Утверждалось, что эта ломка идет через сдвиги не только в социетальной системе, но также во внесистемных образованиях, объединенных общим названием «жизненный мир», включающих все многообразие человеческого бытия, жизненных практик «простых» людей (Бергер, Лукман, Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.1995). Она идет также через управление человеческим поведением посредством слова, употребляемого больше в отрицательном значении, - посредством стигматизации через обидные ярлыки типа «совок», «совковый» (Тимофеева, Россия в поисках субъектности, 2013).

В начале 2000-х была и такая точка зрения: для формирования субъектности России мало политической воли первого лица государства, хотя для нашей страны она часто бывает решающей, мало «вертикального» диалога власти и оппозиции, который впервые признали необходимым и легальным, важен еще и «горизонтальный» дискурс трех направлений политической мысли России: консерватизма, либерализма, социализма. Это убедительно обосновал известный российский политолог И.К. Пантин: консерваторы нужны для воспроизведения уникального опыта российской государственности в стране, которая и не страна в обычном смысле, а целый культурный, цивилизационный континент; либералы необходимы для установления соотношения социально-правовых связей между личностью,

обществом и государством, формами организации жизни в России и мире; социалисты – для того, чтобы демократия и свободы достались не части, а всему населению.

К столетнему юбилею Великой октябрьской социалистической революции приводился опыт социализма как альтернативы капитализму благодаря чему человечество пришло к мысли о «возможно совершающемся переходе человечества к новой формации – седьмой по счету – интегральной. Седьмая формация, по мнению академиков РАН О.Т. Богомолова, С.Ю. Глазьева, профессора Г.Н. Цаголова и др. станет результатом взвешенного конвергентного курса в политике, объединив ценности социализма и либерализма. Сложность и длительность формирования новой субъектности после политических катаклизмов объясняли аномией – характерным состоянием общества при дезорганизации и распаде прежних социальных норм и институтов. Чтобы избавиться от неё, нужно время. Особенно стоит обратить внимание на дискуссию в «Полисе» в 1997 г. Философы Алексеева Т. А., Капустин Б. Г., Пантин И. К. утверждали, что в условиях резкого развала прежней идеологии нужна новая объединительная – интегративная идеология. В основе ее – «общегражданская идея» демократической России.

Ученые обращали внимание также на аномию самого дискурса, характерную для всех социальных систем, испытывающих резкие перемены, цитируя работу американского экономиста А. Хиршмана «Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность» (2021). Суть его положений состояла в описании базовых «императивов аргументации», которые определяют дискурс нескольких поколений граждан по поводу прогрессивных программ и реформ начиная с Великой французской революции и заканчивая обществом «всеобщего благоденствия» XX века. По мнению автора, за прошедшие двести лет «...в самых развитых демократиях систематическая нехватка общения между такими группами граждан, как либералы и консерваторы, прогрессисты и реакционеры», усугубила раскол и привела к обособлению граждан друг от друга». Словом, дискурс о новой субъектности России продолжается. Активную роль в нем играет когнитариат типа Валдайского клуба, информациялит в социальных сетях и традиционные медиа.

Типайлов Е.А.

(АНО «Институт проблем взаимозависимости», Санкт-Петербург)

ГАЗОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В настоящее время идёт активный процесс трансформации системы мироустройства и её подсистем. Мир вступил в период международной нестабильности (военно-политической, социальной, финансово-экономической и т.д.), который с учётом назревших международных противоречий будет продолжаться неопределённое время. Одним из ключевых мегатрендов международных отношений становится ослабление западного культурно-цивилизационного и военно-экономического влияния на незападные регионы мира.

Началось сжатие традиционных для Запада рынков сбыта его товаров и услуг, перераспределение ресурсов, новое разделение труда, изменение торговых и логистических потоков и цепочек, ослабление доллара и евро, в целом, деградация западной институциональной торговой и финансовой систем. Итогом этого становится ужесточение борьбы Запада за инструменты своего экономического роста.

Начавшиеся изменения затронули фундаментальные основы международных энергетических рынков, включая региональные газовые рынки. Потрясения, произошедшие на газовом рынке Европы в период 2021-2022 годов, серьёзно повлияли на объёмы и условия поставок российского газа (как трубопроводного, так и СПГ) на основные экспортные рынки - в страны Европы и Азии.

Данные обстоятельства требуют от России и её энергетических компаний выработки ассиметричных подходов к газовой дипломатии на горизонте до 2040 года и её адаптации к новым вызовам и угрозам в условиях нарастающей международной нестабильности и начавшихся изменений в мире.

В краткосрочной и среднесрочной перспективах прямое энергетическое взаимодействие России со странами Запада, вероятно, будет сжиматься до полного прекращения как по направлениям (нефтегазовое, ядерная энергетика, электроэнергетика, технологии и др.), так и по объёмам торговли. С учётом этого России предстоит выстраивать развитие своего ТЭК (включая выход на новые рынки) в условиях международной нестабильности на предстоящие минимум 10-15 лет.

Начнут формироваться новые виды взаимозависимости и взаимосвязанности. Ключевыми вопросами в этом отношении будут вопросы характера и содержания взаимозависимости/взаимосвязанности, итоговых последствий разрыва прошлых связей с Западом, их способности удерживать стороны от конфронтации. Так, механизмы взаимозависимости России и ЕС в этом смысле не справились с задачей купирования противоречий и недопущения конфронтации.

Основными инструментами сдерживания энергетической дипломатии России со стороны стран Запада будут: а) санкционные меры; б) меры политико-дипломатического давления на покупателей российских углеводородов; в) создание искусственных противоречий между Россией и дружественными ей странами; г) формирование новых очагов военно-политической напряжённости; д) задействование различных публично-правовых и частно-правовых инструментов, препятствующих выходу российских компаний на новые рынки; ж) ускорение «зелёной повестки» и её «подгонка» под интересы США/ЕС, как инструмента внедрения нового технологического уклада (на базе западных технологий и инвестиций) в мире и ограничения преимуществ незападных экспортёров углеводородов.

В связи с этим России следует: а) учитывать неудачный опыт создания взаимозависимости с ЕС и его государствами-членами; б) выстраивать модель энергетического взаимодействия на базе максимально возможной диверсификации, как рынков поставок, так и маршрутов и способов поставок российских энергоресурсов на основе координации экспорта; в) реализовать комплекс международных инициатив (с акцентом на страны БРИКС+), нацеленных на решение проблем логистики товаров, санкционных ограничений, проведения финансовых операций и специфических правовых ограничений.

К основным направлениям заявленного «разворота на Восток» следует отнести: а) поиск новых рынков сбыта (как в странах АТР, так и в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке); б) формирование нового инвестиционного пространства и режима торговли энергетическими материалами и продуктами с дружественными государствами; в) выстраивание новых логистических цепочек, создание новых транспортных коридоров и создание сопутствующей инфраструктуры и транспортных средств доставки товаров; г) выстраивание устойчивой промышленно-технологической кооперации и организация обмена и научно-технического сотрудничества между ведущими научными центрами стран мирового большинства; д) выстраивание контрсанкционной инфраструктуры на международном и национальном уровне; е) разработка и принятие модельного применимого права и форумов по разрешению споров для стран мирового большинства; ж) создание глобальной альтернативной эффективной инфраструктуры финансовых транзакций; з) формирование независимой от западных институтов системы страхования; и) выстраивание новых независимых рынков услуг по критически важным направлениям (рейтинговые услуги, инжиниринговые услуги и т.д.); к) реализацию ряда других мер.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Вопрос о ценностях связан с вопросом о смыслах и прежде всего – о смысле жизни. В. Франкл определял ценности как универсалии смысла. Такой универсалией является идея государства и государственности в русской истории. Государственность – качество государства, его ценностные характеристики, его смыслообразующее начало, заключающееся в сохранении и жизнеспособности общества.

Отношение к государству как к ценности формировалось в процессе становления российского государства и обусловлено следующим:

– необходимостью охранять безопасность и суверенитет страны и народа. На протяжении своей истории Россия демонстрировала способность к возрождению даже после глубоких катаклизмов. Стимулом для признания государства ценностью явилась необходимость централизации, объединения земель в условиях княжеских междоусобиц домонгольского периода, во времена Орды, Смутного времени, войн, революций. Победа над монголами и необходимость еще длительное время обороняться от их набегов постепенно формировало мощное государство с сильной централизованной властью;

– сосуществованием на одной территории многочисленных этносов, осознающих себя единым интегрированным сообществом;

– появлением сначала древнейших, а затем вошедших в практику российского государства форм, обеспечивающих достижение целей путем дипломатии, переговоров, договоров как внешнего, так и внутреннего порядка;

– возрастанием военной мощи, способностью бороться с внутренними и внешними противниками;

– значимостью духовного фактора в жизни россиян – великодержавностью культуры наряду с великодержавностью государства;

– исторической миссией, которую несло русское государство с принятием христианства – сохранить православие и занять «великодержавное положение в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным» (Н.А.Бердяев);

– приданием порядка всем общественным отношениям, которое в сознании россиян ассоциируется с государством.

Патриотизм, многообразие, согласие, доверие, созидание и служение – ценности, которые формировались по отношению к государству в культуре России на протяжении ее истории.

Исторически сформировалось государство-цивилизация, ценностными признаками которого являются:

- ориентация на широкие взаимодействия, международный диалог, распространение своей ценностной модели вовне;
- выполнение роли собирателя территорий, этносов;
- развитие суверенитета на основе сложившегося опыта и культуры;
- высокая способность к адаптивности и противостоянию внешних и внутренних вызовов;
- принятие цивилизационной идентичности на общем, этническом, и локальном уровне;
- сохранение общности при наличии объединяющего ядра-народа;
- идеал свободы и первопродчества;

- значимость социальной и политической консолидации, основанная на признании гражданского взаимодействия, участия, добровольных объединений.

В течение последних лет взят курс на культурную трансформацию российского общества. Концептуальный подход Президента В.В. Путина к формированию новой российской государственности опирается на традиционную систему ценностей, имеет важное культурное значение должен затронуть как общество в целом, так и каждого россиянина.

Томеян А.В.
(МГИМО МИД России, Москва)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ: ХАОС В ХРИСТИАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Традиционно Южный Кавказ является ареной пересечения крупных держав, как мировых, так и региональных. Сегодня человечество стало свидетелем крупных геополитических изменений, сдвигов и даже разломов, последствия которых могут дать о себе знать в ближайшем будущем.

Внешнеполитический курс Армении после вооруженного конфликта с Азербайджаном на территории Нагорного Карабаха (Арцаха) в сентябре-ноябре 2020 г. существенно изменился. Обусловлено это прежде всего поражением Армении, что, в свою очередь, кардинально изменило баланс сил в регионе: усилили свое влияние США, ЕС (прежде всего Франция), Турция и другие заинтересованные геополитические игроки, в то время как позиции России постепенно ослабевали. Поддерживаемый Турцией Азербайджан набирал силу; повышенный интерес проявлял приграничный Иран.

В сложившихся обстоятельствах Ереван начал переориентировать свои интересы на Запад, - Москва для него отходила на второй план. Ситуация осложнялась внутривластными потрясениями. Разработанная и принятая в 2021 г. Стратегия национальной безопасности страны, учитывавшая наступившие реалии, теперь требовала от государственного руководства не только многовекторности во внешней политике, более активного участия в международных организациях, реформирования государственной системы, но и усиления армии, обороноспособности. Необходимо было учитывать, что кроме появления новых региональных и глобальных угроз, арцахский вопрос был решен не в пользу Армении.

На фоне обострения конфликта на Украине западные страны во главе с США пытаются создать новые очаги потрясений, невыгодных на сегодняшний день Москве. Одним из таких является Южный Кавказ-стратегически важный регион для Российской Федерации.

Бесспорно, сентябрьские события 2023 г. (т.н. «антитеррористическая операция» и впоследствии капитуляция и роспуск Армии Нагорного Карабаха) изменили вектор развития отношений между Арменией и крупными игроками, которые претендуют на влияние в Закавказье. Нагорный Карабах стал одним из узлов международного геополитического противостояния. Становится очевидно, что Ереван пытается разорвать отношения с Кремлем (решение Армении о ратификации Римского статута, заявления на полях ГА ООН о наблюдательной миссии ООН, открытое сближение с Западным альянсом). Однако последствия для маленького христианского государства могут быть необратимыми. В этой связи Армении необходимо опираться на собственные внешнеполитические интересы, а не на интересы крупных держав. Достичь результатов крайне трудно, поскольку в арсенале у Еревана нет соответствующих механизмов.

Проект, выдвигаемый бакинскими властями, «Зангезурский коридор» может иметь серьезные последствия для Армении, с точки зрения территориальной целостности. Тегеран решительно отвергает идею открытия коридора через территорию Армении. В то же время Ирану выгодно наращивать сотрудничество с Арменией, поскольку Тегеран делает ставку на развитие транспортного коридора «Север-Юг».

Все попытки заключения мирного договора со стороны Армении с Азербайджаном до настоящего времени не увенчались успехом, поскольку выдвигаемые Баку условия не соответствуют национальным интересам Еревана, а потому приняты быть не могут. На данный момент неясно, кто именно выступит посредником при заключении мирного договора: страны западного мира (например, США, Франция) или страны незападного мира (Турция, Россия).

Томин Л.В.

(СПбГУ, ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТЬ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ СУБЪЕКТИВАЦИИ И ДИНАМИКИ АКТИВИСТСКИХ ГРУПП

На первом этапе социально-философская проблематика, в пространстве которой Ф. Гваттари было предложено понятие трансверсальность, было связано с попыткой Ж-П. Сартра осуществить синтез марксизма и экзистенциализма. В «Критике диалитического разума» Ж-П. Сартр вводит понятие «серийность», описывающее склонность современного индивида к формализации и механизации своего существования. Кроме того, эффект серийности в социуме производят технологии: средства массовой информации формируют серийные эмоции (общество телезрителей), заводской конвейер – дисциплинированные, подобные механизмам тела рабочих. Это отчужденный способ существования обывателя, он связан с одиночеством и ощущением собственного бессилия. Им Ж-П. Сартр противопоставляет активистские группы-в-слиянии, которые с помощью коллективных усилий стараются изменить практико-инертные структуры. Группу-в-слиянии объединяет проект, его формирование и реализация связаны с постоянной рефлексией группы над собственным праксисом. Опасность, угрожающая группе-в-слиянии – проникновение логики серийности и практико-инертных структур на уровне организации.

Изначально понятие трансверсальности разрабатывалось Ф. Гваттари на базе экспериментальной психиатрической клиники Ла Борд, которая была частью движения за демократизацию психиатрии. Ф. Гваттари в своих работах использовал понятие трансверсальность в нескольких контекстах: критике концепции переноса в психоанализе, разработке теории групп (подчиненные группы и группы-субъекты), исследовании процессов субъективации индивидов, изучении возможности формирования новых коалиций в рамках эмансипаторных движений.

Центральной для проблематики трансверсальности является проблема субъективации индивидов. Согласно Ф. Гваттари субъективность носит гетерогенный характер и производится различными машинами (экономической, технологической и т.д.). Субъективность формируется на пересечении различных машин и планов, индивидуального и коллективного, человеческого и не-человеческого. Особенность современной информационной эпохи – возникновение нового инструментария формирования моделей субъективности в глобальном масштабе («индустрия сознания»).

Влияние концепций Ж-П. Сартра очевидно в гваттарианской теории групп (подчиненные группы и группы-субъекты). Групповая трансверсальность нацелена на формирование поля креативности и горизонтального взаимодействия. Поддержание единства и активности группы без формирования отдельного управленческого аппарата и иерархии, и стабильного функционального разделения (прежде всего труда). Группы-

субъекты сопроизводят коллективную\индивидуальные субъективности, формируют «коллективную сборку высказывания». В качестве реформистской (компромиссной) стратегии Ф. Гваттари говорит о трансверсализации институтов, когда пространство и практики трансверсальности трансформируют ригидные структуры и форматы взаимодействия внутри иерархических организаций.

Работа выполнена при поддержке гранта ЭИСИ, Министерства высшего образования и науки РФ и Российской академией наук «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи».

Трубина Е.А.
(ТюмГУ, Тюмень)

ОТКАЗ ГЕРМАНИИ ОТ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Германия одна из первых стран, которая приняла решение отказаться от ядерной энергетики. Начиная с 2000 года Германия начала разрабатывать и согласовывать постепенный отказ от атомной энергетики. Радиационная авария на Фукусима-1 в 2011 году послужила решающим событием для бывшего канцлера Ангелы Меркель начать отказ от ядерной энергетики. Кроме того, уже на существующих ядерных электростанциях Германии устаревшее оборудование, которое требует серьезной модернизации для поддержания уровня безопасности на должном уровне.

В том числе и общественное мнение имело значимую роль, большинство граждан Германии выступали за прекращение эксплуатации ядерных электростанций. В связи с этим, программа коалиции социал-демократов «Зеленых», по ядерной энергетике, была восстановлена.

В середине 2023 года Германия отключила последние работающие атомные электростанции – «Изар-2», «Неккарвестхайм-2» и «Эмсланд». Многие восприняли это решение остро, споры и дискуссии еще долго будут ходить в обществе Германии.

Продолжая намеченный план, в Германии, в качестве альтернативы, активно развивает возобновляемые источники энергии. Происходят усиленные инвестиции в эту область, например в солнечную или ветровую, чтобы снизить зависимость от ископаемых топлив и сократить выбросы парниковых газов.

От Отказа от ядерной энергии есть сопутствующие плюсы, такие как стимуляция разработки и использования новых технологий в области возобновляемой энергетики. Это может привести к созданию новых рабочих мест и развитию инноваций в секторе энергетики. Так же требуется переориентация энергетической политики Германии и создание новых институциональных и правовых рамок для поддержки развития возобновляемой энергетики. Это может потребовать значительных изменений в системе энергоснабжения и управлении энергетикой.

Но, из-за повышения цен на энергоресурсы и спорной реакцией по отношению к самой «Зеленой энергетике», возникает множество вопросов, насколько Германия готова к такому переходу.

Во-первых, возникает угроза энергетического дефицита, из-за снижения производства электроэнергии, что повышает шанс зависимости от импорта электроэнергии, в случае если ускоренный план не получится осуществить.

Так же, совершенно очевидно, такое смелое решение, может привести к увеличению стоимости электроэнергии для потребителей. Для развития возобновляемых источников энергии и обновления энергетической инфраструктуры требуются значительные инвестиции, которые могут отразиться на счетах потребителей. Например, уже сейчас цена на электроэнергию в Германии, по европейским меркам, довольно высокая.

Так же в период перехода к большему использованию возобновляемых источников энергии, Германия может придерживаться использования ископаемых топлив, таких как уголь, для покрытия энергетических потребностей. Это может привести к повышению выбросов парниковых газов и негативному влиянию на окружающую среду.

А закрытие ядерных электростанций может привести к увольнению рабочих, занятых в энергетической отрасли. Это может испортить экономическую ситуацию в регионах существования этих электростанций.

Однако правительство не собирается уходить от нацеленного курса, на момент 2030 года планируется добиться до 80% использования возобновляемых источников энергии.

Источники

1. Информационный портал Germania-online: «Отказ от ядерной энергетики в Германии вступает в финальную фазу» URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/wirtschaft/Energie/-/2506376>.
2. ТАСС: «Германия отключит три последние работающие атомные электростанции» URL: <https://tass.ru/ekonomika/17531213>.

Трубицина Д.И.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Выборг)

НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ – РОССИЯ, СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ, КИТАЙ

Российская Федерация на протяжении всего периода своего существования остаётся одной из ведущих стран для внешнеэкономических отношений. Во все времена у государства были выгодные международные договоры, соглашения с разными странами.

Ситуация изменилась в связи с последними геополитическими событиями. Можно выделить некоторые из них: обострение отношений со странами Запада, появление целого блока недружественных государств, ограничение экспортно-импортных отношений с рядом стран, из-за чего Российской Федерации приходится пересматривать логистические пути, а также способы получения импортных товаров. Российская Федерация является безусловным лидером по количеству наложенных на неё санкций. На Россию уже действуют одиннадцать пакетов санкций, которые затрагивают разные сферы жизнедеятельности – торговая, социальная, политическая, экономическая. В основном они направлены на ограничения торговли индивидуальных предпринимателей, также экспорта и импорта ряда товаров, валютные ограничения¹. Стоит отметить, что в начале октября 2023 года вступит в силу двенадцатый пакет санкций. Помимо данного политического и экономического инструмента были приняты беспрецедентные меры по отношению к гражданам России – запрет въезда на территорию Финляндии на машинах с регистрационными знаками Российской Федерации, запрет в посещении общественных мест за границей, моральная и физическая дискриминация, травля в социальных сетях и многое другое.

Помимо существования сегрегации обычных граждан Российской Федерации, страна испытывает особые трудности при взаимодействии с разными странами в рамках различных экономических союзов. Например, можно рассмотреть пребывание Российской Федерации в ВТО. Вступление в данную интеграционную организацию было долгим и болезненным. Стоит отметить, что на данный момент, членство России в ВТО также не носит благоприятный характер. Были применены следующие ограничения²:

- лишение статуса наиболее благоприятствуемой нации в торговле;

¹ Санкции в отношении России: новые ограничения в рамках 11-го санкционного пакета Европейского союза. – АЛРУД.29.06.2023. Доступ: <https://www.alrud.ru/publications/649d79b6ec6258284c209529/>.

² Что ждет Россию после выхода из ВТО. – Право. 29.03.2022. Доступ: <https://pravo.ru/story/239997/>

- обложение товаров пошлиной в 35%;
- частичный запрет импорта товаров в Российскую Федерацию;
- снятие возможности неприменения ограничений на транзит и субсидии.

Учитывая всё вышесказанное, внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации стала больше углубляться в сотрудничество с азиатскими странами.

Большое взаимодействие происходит на данный момент с Китайской Народной Республикой. По последним статистическим данным, которые были обнародованы главным таможенным управлением КНР, товарооборот между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в период с января по апрель 2023 года вырос на 41,3% и составил 73,6 млрд. долл. US. Помимо торговли активно проводятся экономические, научно-технические форумы, на которых были достигнуты соглашения в различных сферах.

Помимо Китая набирает обороты сотрудничество с Корейской Народно-Демократической Республикой. Судить об этом можно лишь субъективно, так как КНДР с начала 1960-х гг. не публикует никакой экономической статистики¹. Тем не менее доказательством сотрудничества Российской Федерации и Северной Кореей является совершение визита лидера КНДР в Россию 18 сентября 2023 года, в ходе которого были предложены идеи школьной мобильности, также было заявлено о перспективах сотрудничества в военно-технической сфере, возобновление авиасообщения между странами, возобновление проекта по модернизации железной дороги и строительство моста через реку Туманная, дополнительные поставки зерна. Большая часть информации из диалога лидеров двух стран была засекречена. Тем не менее то, что было уже упомянуто в СМИ даёт основания говорить о положительных изменениях во внешнеэкономических отношениях двух стран.

Китайско-северокорейские взаимоотношения имеют специфический характер. Прежде всего это связано с нестандартностью самих субъектов взаимодействия. КНР и КНДР являются мощными государствами с определённой политикой и экономическим устройством. Взаимодействие данных государств издавна строилось на отношениях «старший брат – младший брат». В данном сотрудничестве периодически возникали сбои, однако страны всегда совместно выступали против политики США, а также продолжали свои торговые отношения несмотря ни на что – санкции, торговые ограничения и т.д.²

Положительные перспективы взаимодействия Российской Федерации с Китаем и КНДР очевидны. В связи с этим создание экономического союза между данными странами может способствовать формированию серьёзного блока, который может стать отличной оппозицией странам Запада, а также иным экономическим союзам, например, ООН, ЕС. В рамках сотрудничества России, Китая и Северной Кореи возможно достижение соглашений в военном, социальном, политическом блоке. Помимо этого, главным положением может стать создание единой валюты экономического союза, главной целью которого является отказ от доллара.

Таким образом, создание нового экономического союза на мировой арене поможет Российской Федерации избежать чрезмерного давления стран Запада, а также наладить новые внешнеторговые связи, обеспечить национальную безопасность.

¹ *Вакс Р.В.* Развитие экономического и политического взаимодействия Китая и КНДР под воздействием международных санкций // *Известия Восточного института.* 2018. № 4. С. 42–53. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/42-53

² Там же.

РОЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Межрегиональные связи занимают отдельное место в обеспечении безопасности государства. В рамках характеристик современного российского федерализма и институционального дизайна государственного управления, в России высокую роль в определении и обеспечении национальной безопасности (в том числе цифрового суверенитета) играют федеральные органы власти, включённые в единую систему публичной власти. В сложившейся ассиметричной федерации именно вертикально направленная система политического управления способствует качественному согласованию политики в области национальной безопасности.

При этом, в сфере цифровой безопасности ключевыми вопросами для государства являются: повсеместное внедрение цифровых технологий и преодоление региональных диспропорций их распространения, обеспечение безопасной и доступной инфраструктуры цифровых коммуникаций. Ответ на эти задачи формируется в сотрудничестве федеральных, региональных и местных властей, бизнеса, и общества в целом. При этом, под цифровым суверенитетом можно понимать состояние общества и национальной политической системы, заключающееся в автономности регулирования и безопасности информационной инфраструктуры, а также в реализации технологической политики на суверенных началах. Обеспечение цифрового суверенитета неразрывно связано с реализацией политики технологического, информационного и когнитивного суверенитета и инновационной политикой.

В то же время, диспропорции в развитии российских регионов оставляют место для развития межрегионального сотрудничества в области торгово-экономического, технологического и научно-образовательного сотрудничества, которое способствует как развитию экономик регионов, так и совершенствованию отраслевых региональных политик, подготовленности субъектов к выполнению задач по обеспечению суверенитета страны. Высокую роль в обеспечении цифрового суверенитета играют программы обмена опытом между научно-исследовательскими организациями и профильными учреждениями регионов страны (органами власти, АНО и НКО, бизнесом), участвующими непосредственно в реализации технологической и цифровой политики. Ключевое воздействие в проведении такой политики оказывают АНО «Диалог Регионы», Ростелеком, Сбер и др.

Государственная политика по обеспечению цифрового суверенитета проводится как путём профильных программ, так и подготовки инфраструктуры. В связи с этим встаёт вопрос инициативы и организации совместной работы органов публичной власти и гражданского общества, частного сектора экономики в регионах. Так как целеполагание и определение политики цифрового суверенитета находится в компетенции федерального уровня власти, а её реализация осуществляется при поддержке региональных властей, межрегиональному сотрудничеству (в том числе в рамках макрорегионов) отдаётся вспомогательная роль.

По результату исследования актуальных программ межрегионального сотрудничества (в первую очередь, на примере заключённых программ сотрудничества Санкт-Петербурга и регионов России), остаётся говорить о несистемности такой политики. Так, многие регионы, заключившие соглашения о сотрудничестве, не заключают публично новые планы мероприятий по развитию сотрудничества, а их заключение и активность профильных органов власти по большей части приурочена к памятным датам, всероссийским и международным мероприятиям. В это же время, объём подобных программ ограничен с одной стороны – уровнем ресурсной подготовленности субъектов к

реализации подобных программ, а с другой – дефицитом внимания региональных политиков к такому сотрудничеству. При этом предпосылки дефицита такой политики заключаются не только в приоритизации исполнения федеральных программ развития экономики, но и в поддержке и соучастии регионов в реализации программ межрегионального сотрудничества, реализуемых федеральными органами власти и гражданским обществом.

Не теряет актуальности проблема реализации потенциала межрегионального сотрудничества в области развития практик электронного гражданского участия в деятельности органов власти. В этой сфере наблюдается диспропорция качества и функциональности порталов электронного участия¹, что может быть решено путём обмена опытом между региональными и городскими властями различных субъектов РФ. Такое сотрудничество позволит увеличить качество управляемости политикой в регионах и конкретных местах, на что направлена государственная политика в области национальной безопасности. Сейчас эта проблема решается развитием системы мониторинга и аналитики социально-экономического и политического состояния регионов – Центров управления регионами, а также путём обязательства государственных органов создавать и вести официальные страницы в социальных сетях.

Трухина Л.Д.
(ТюмГУ, Тюмень)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И КАЗАХСТАНА В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Китай долгие годы занимает лидирующие позиции по показателям развития и благосостояние. С недавних пор, политика Китая направлена на улучшение связей со странами Центральной Азии. Казахстан в свою очередь является ключевым государством в этом регионе и именно поэтому отношения данных двух стран с каждым годом становятся все более тесными.

С 2013 года пост президента Китая начал занимать Си Цзиньпин. С этого времени началось укрепление с соседними странами в Центральной Азии и расширение экономического и политического присутствия Китая в этом регионе. С этого же времени Китай начал быть для Казахстана ключевым партнером в сфере инвестиций. Можно сказать, что в последние годы их сотрудничество достигло своего пика.

Одновременно с этим началась разработка и реализация инициативы «Один пояс – один путь». Ее суть заключается в создании обновленного Великого шелкового пути и масштабирование торговли между Китаем и другими странами. Это один из способов увеличить уровень экономической интеграции.

Экономические отношения между Китаем и Казахстаном представляют собой значительный потенциал для развития торговли, инвестиций и экономического сотрудничества. На сегодняшний день, Казахстан является важным торговым партнером Китая в контексте стратегии развития, которую преследует Китай.

Анализ экономических отношений между Китаем и Казахстаном, включая изучение торговых потоков, инвестиционной деятельности, сотрудничества в области энергетики, транспорта и других секторов, позволяет выявить основные тенденции, проблемы, вызовы и перспективы сотрудничества между двумя странами.

Китай и Казахстан начали свое сотрудничество сразу после того, как сформировалась суверенность государств. Однако в это же время страны столкнулись с

¹ «Мониторинг электронного участия в России – 2022» Краткий отчет по результатам исследования Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО.

пограничными проблемами. Основной проблемный вопрос между ними заключается в том, что через территорию Казахстана проходит экономический центр региона и именно там располагаются основные торговые и транспортные пути, которые важны Китаю. Поэтому контроль над приграничными территориями со стороны Китая постоянно усиливается и вызывает конфликты и противоречия.

Другим вопросом, относящимся к пограничным проблемам двух стран, является не соблюдение прав и интересов казахских этнических меньшинств, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

В 2015 году территориально-пограничные вопросы достигли пика своей напряженности. Начался ряд инцидентов. Ярким примером является ситуация в мае 2015 года, когда казахские пограничники, по просьбе китайской службы безопасности стали разгонять китайских митингующих в городе Жарем. Инцидент удалось разрешить только после многочисленных переговоров Китая и Казахстана. Через месяц произошел другой конфликт – правительство Казахстана отказало в выдаче диссидентов, пересекших китайскую границу.

В ответ на эти действия произошло замораживание казахстанского кредита и значительное снижение экспорта нефти из Казахстана в Китай. Более того была проведена операция по выселению переселенцев с этих территорий.

Китай является ключевым экономическим партнером для Казахстана. Взаимоотношения стран способствуют усилению их позиции на мировой арене. Большое значение Китай оказывает именно на вложения в экономику Казахстана.

Все их действия в отношении друг друга регулируются внутренними законодательствами государств и международными соглашениями. Это делает их взаимоотношения более прозрачными, но все же не дает гарантии на долгосрочное качественное сотрудничество. Основные проблемы возникают в сфере интеллектуальной собственности и конкуренции.

Для Казахстана важны инвестиции Китая и новейшие технологии. С их помощью экономический рост становится более стабильным. Китайские инвестиции с каждым годом становятся все масштабнее – такая статистика главный показатель положительного сотрудничества. Однако в данной ситуации такой процесс может повлиять на баланс сил в регионе и поэтому Казахстан ориентируется на партнерские отношения и с другими соседними странами.

В последние годы страны стали больше внимания уделять вопросам устойчивого развития и альтернативных источников энергии. Эти сферы сотрудничества берут свое начало в китайской инициативе «Один пояс – один путь». Она дает перспективы и выгоду для обеих стран. Для энергетических и транспортных отраслей экономики Казахстана Китай остается основным инвестором в течение нескольких лет. С помощью таких вложений в стране развиваются и реализуются такие инфраструктурные проекты, как например строительство железнодорожного моста через реку Или.

В целом, отношения Китая и Казахстана в торгово-экономической сфере прошли через крупные изменения и привели к успешным и выгодным сделкам для всех участников. Периодически во взаимоотношениях государств возникают сложности, но они не прекращают тесное сотрудничество. Такая позиция приводит к эффективным экономическим результатам и сохранению и в некоторых случаях даже повышению их статуса на международной арене.

ЦЕННОСТЬ СВОБОДЫ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Современной российской молодежи присущ противоречивый комплекс политических ценностей. С одной стороны, в нем присутствуют ценности, исторически не свойственные российскому обществу, но обладающие сегодня для молодых людей высокой степенью значимости, а с другой – традиционные ценности наполняются в сознании молодежи новыми смыслами. Одной из значимых ценностей для современной российской молодежи является свобода, но при этом само понимание свободы выражается по-разному.

Эмпирическую базу исследования составили материалы опроса представителей молодежи и глубинных интервью с экспертами. Опрос молодежи в возрасте 14-30 лет проводился с 1 октября по 1 декабря 2022 г. В исследовании была использована многоступенчатая, пропорциональная, районированная (стратифицированная) выборка общим объемом 2 500 человек, представляющих разные типы субъектов России из всех Федеральных округов. Экспертами выступили учёные, научными интересами которых выступают ценности, молодёжь, молодёжная политика; лидеры и руководители молодежных организаций; волонтерских движений; педагоги образовательных учреждений; специалисты в области реализации государственной молодежной политики и работы с молодежью.

Результаты исследования показывают следующее.

Свобода является одной из самых актуальных ценностей у молодых людей, более половины опрошенных респондентов (59,7%) отметили, что свобода для них «очень значима». Для большинства респондентов свобода представляется как «независимость» (65,7%) и «безопасность» (45%).

Также, в представлениях о взаимоотношениях государства и гражданина отмечается запрос на порядок и свободу. У большинства респондентов государственное регулирование общественной жизни сводится к обеспечению правопорядка, в то время как граждане имеют значительную степень свободы во всех сферах своей жизнедеятельности. (47,3%), треть опрошенных допускают значительное вмешательство государства во все сферы жизни общества, кроме личной (32,3%). В вопросе о взаимоотношениях государства и гражданина фиксируется большой запрос на свободу у молодых мужчин: 8,3% респондентов мужского пола считают, что вмешательство государства во все сферы жизни общества и граждан должны быть минимальны, тогда как среди женщин этой позиции придерживаются лишь 4,8%.

При этом для 61,4% опрошенных обеспечивать свободу должны органы государственной власти, треть респондентов считают, что это должны делать институты гражданского общества, люди и общество и сам человек.

По мнению экспертов, свобода мыслится молодежью как свобода самовыражения, слова, деятельности, передвижений. Свобода – это возможность выбирать свой путь. У молодежи свобода ассоциируется, прежде всего, с независимостью и вседозволенностью, где не берется во внимание ответственность: «Свобода воспринимается как отсутствие ответственности. То есть государство оно ответственно за то, за это, и так далее. А я скорее свободен. У меня создается впечатление, что это связано с тем, что значительная часть взаимодействия у молодых людей происходит в сети интернет, где ответственность

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1).

снижена, ответственность за свои высказывания, ответственность за какие-то свои оценки» (74 года, жен., Москва, кандидат наук).

Многими экспертами подчеркивается, что свобода для современной молодёжи – это, прежде всего, свобода в негативистском понимании: свобода от давления сверху и извне, свобода от детерминант, авторитетов, свобода от ценностных систем. «Свобода – это отсутствие ограничений и свобода «от». Свобода «для» встречается редко. Это очень взрослая позиция. Все-таки наша молодежь довольно инфантильна» (35 лет, жен., Саратов, кандидат наук). Понимание свободы в отрицательном значении – это естественная возрастная особенность, универсальная характеристика молодежи. Специфичным является то, что современная российская молодежь не обеспечена единым ценностно-нормативным консенсусом. Причина неограниченного понимания свободы экспертами видится в специфике постиндустриальной цивилизации, которая устанавливает у молодых людей самореализацию как ценность, вне зависимости от реальных способностей и возможностей.

В качестве выводов можно утверждать, что ценность свободы входит в ядро политического сознания российской молодежи, и помимо того, что носит универсальный характер и является базисной ценностью русского народа, ее содержательное наполнение в сознании молодежи включает в себя «новые» смыслы. Свобода интерпретируется как независимость и безопасность личности, а её обеспечение ожидается, прежде всего, от государства.

Туманов А.И.
(ВГТРК, Москва)

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КИНОФИКАЦИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ¹

Стартовавшая в 2015 году Федеральным фондом социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии (далее Фонд кино) программа кинофикации малых городов является одной из самых масштабных мер поддержки отечественного кинорынка, проводимой данной организацией и при этом не направленной напрямую на финансирование производства фильмов.

Многие годы именно в инфраструктуре заключались ключевые проблемы российского кино. После распада Советского Союза – а с ним и разрушения одной из самых развитых в мире систем кинопоказа и кинопроката (впрочем, признаки упадка начали проявляться и за несколько лет до развала СССР) – долгие годы понадобились на то, чтобы возместить весь ущерб, нанесенный отечественному кинорынку. Появление коммерческих киносетей и современных кинозалов стало плацдармом для развития российского производства массового и зрительского кино.

Борьба за посещаемость российских фильмов, начавшаяся с попыток ввести такие протекционистские меры, как ограничение проката зарубежного кино и ввод квот на показ отечественного, с уходом в 2022 году крупнейших голливудских компаний из России, приносивших прокатчикам основной доход, превратилась в борьбу за выживание отечественного кинорынка в целом, который теперь первоочередно зависит от нашего, а не иностранного кинопродукта.

С проблемами экзистенциального масштаба в отрасли российского кинопоказа, среди которых: закрытие 41% кинозалов, прекращение работы 11,5% кинотеатров,

¹ Финансирование: Проект №123091200076-9 «Политические и социокультурные факторы долгосрочного устойчивого развития малых городов России: ценностно-ориентированный подход к формированию и реализации образа будущего» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

значительное сокращение сеансов и снижение посещаемости, – тема кинофикации малых городов может показаться неактуальной. Тем более, что еще в СССР государство встретилось с проблемой киносети, разросшейся до таких масштабов, что она стала нерентабельной – в том числе и из-за преувеличенного акцента на распространение кинозалов в селах и деревнях.

Хоть в 2015 году, когда Фонд кино запустил программу кинофикации малых городов, со стремительным темпом роста посещаемости российских кинотеатров и объемов совокупных кассовых сборов в отечественном прокате никто не мог предугадать с какими проблемами столкнется кинорынок России в 2022-м, есть веские причины, по которым развитие кинотеатров в небольших населенных пунктах до сих пор вкладываются значительные бюджетные средства.

Переоснащение устаревших кинозалов в регионах и появление новых вызвало оживление на рынке кинотеатрального оборудования, в том числе и привело к росту производства кресел и световых систем российского производства. Предоставление субсидий с условием 50-процентной квоты на показ отечественного кино увеличил, пусть и не во всех городах, посещаемость российских картин. Но самое главное, что позволила сделать программа кинофикации и главная причина, по которой её продлили до 2024 года и не свернули, даже принимая во внимание последние проблемы, с которыми столкнулся российский кинорынок, – это предоставление сотням тысяч российских граждан доступа к современному кинопоказу и выработка привычки посещения кинотеатров.

В развитом обществе, где удается удовлетворить базовые потребности абсолютного большинства населения, доступ к качественному культурному досугу становится одной из главных задач, которое решает государство.

И кино не только является одной из самых популярных форм досуга вне зависимости от пола, возраста, религии, национальности и социального статуса, но и имеет высокое значение как инструмент эстетического, патриотического, умственного и духовно-нравственного воспитания.

Программа кинофикации малых городов, участие в которой принимают как федеральные и муниципальные власти, так и коммерческие организации кинопоказа также представляет собой один из ярких примеров взаимодействия государства, бизнеса и общества в сфере культуры, где становятся очевидными многие реперные точки и подводные камни этого взаимодействия.

Кроме того, жизнеспособность и актуальность программы позволяют говорить о растущем значении кинотеатров в малых населенных пунктах как «третьего места», а зависимость посещаемости тех или иных кинозалов в разных городах от репертуара и проведения кинофестивалей, специальных программ и ретроспектив открывает тему роли кураторства, которую часто недооценивают в разрезе кинопоказа.

*Тумуров Ж.Т.
(ЗабГУ, Чита)*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

В современных условиях жизни наблюдается динамичное использование цифровых технологий. Это обусловлено повсеместным распространением компьютерных устройств и сети Интернет, которые постоянно модернизируются и выходят на новые этапы развития. Одной из отличительных черт данного развития является переход от привычных форм взаимодействия сотрудников организаций к новым видам коммуникаций с использованием

различных программ. Такая тенденция к изменениям не обошла стороной и государственные структуры. Однако, как и любая программная разработка, информационная коммуникация требует контроля и ее совершенствования для обеспечения эффективной работы органа государственной власти, что является актуальным вопросом.

Использование инфокоммуникаций стимулирует принятие верных управленческих решений, которые окажут влияние на многие факторы, в том числе привлечение граждан в сферу сельского хозяйства, количества и качества производимой продукции, увеличение показателей эффективности Министерства и др.

В связи с этим, согласно Указу Президента России от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» ставится цель по внедрению информационно-коммуникационных технологий в приоритетные отрасли, в том числе сельское хозяйство.

На основании этого ожидается на период до 2024 года выполнение следующих нововведений:

1. Переход на программное обеспечение отечественной разработки в органах государственной и муниципальной власти;
2. Создание мощной конкурирующей основы для хранения, передачи и обработки сведений, имеющей отечественную разработку;
3. Проведение обучения высококвалифицированных кадров в сфере информационных коммуникаций для сельского хозяйства;
4. Переход на использование связи 5G в городах, численность которых превосходит 1 миллион человек;
5. Обеспечение внедрения широкополосного интернета (4G, 5G, Wi-Fi) на территориях земель, использующихся под сельское хозяйство.

Внедрение широкополосного интернета на сельскохозяйственных землях повлияет на сокращение неравенства между городом и сельской местностью, а также позволит за счет использования коммуникаций развивать сельское хозяйство на отдаленных территориях.

Коммуникации, как и любая программа, требует контроля и совершенствования ее функционала для осуществления деятельности. В связи с этим, были проанализированы информационные коммуникации, которые используются в Министерстве сельского хозяйства Забайкальского края и выявлен ряд проблем, которые требуют решения.

Применение информационных коммуникаций позволяет государственным органам отвечать последним тенденциям в информационной сфере, что благоприятно сказывается на имидже государства, а также позволяет быстро реагировать на изменения внешней среды и получать дополнительные каналы взаимодействия власти и управления. Правильно организованная система информационных коммуникаций необходима госорганам для взаимодействия между ведомствами и частями своей организации для оперативного выполнения поставленных задач.

Для анализа возможных проблем, в Минсельхозе Забайкальского края, связанных с информационными коммуникациями было проведено экспертное интервью сотрудников из нескольких отделов (информационных систем, правового отдела и профильных направлений: животноводства, растениеводства и промышленности).

Интервью представляло собой опрос экспертов по трем блокам вопросов, на основе результатов которых была отображены основные используемые программы в Министерстве, а также проблемы, возникающие в сфере информационных коммуникаций. Основными трудностями, связанными с коммуникациями стали вопросы технического характера и вопросы организационного характера. Для решения выявленных трудностей были предложены рекомендации по совершенствованию информационных коммуникаций в Министерстве сельского хозяйства Забайкальского края. Предложенными

рекомендациями стали: повышение уровня компьютерной грамотности сотрудников за счет дополнительного обучения использованию программ, переход на программы, имеющие высокий уровень безопасности и функционала.

Данные предложения в деятельности Министерства позволят существенно сократить сроки выполнения поручений, а также обеспечить принятие четких управленческих решений на основании использования информационных коммуникаций.

В завершении необходимо отметить, что с учетом стратегии внедрения цифровизации в основные направления деятельности государства, была предложена альтернатива перехода на импортозамещающие программные продукты, имеющие отечественный софт, которые обеспечат стабильную работу программ без возможных технических сбоев и взломов и обеспечат полноценный переход на систему электронного документооборота.

Тураев А.В.
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

СУБЪЕКТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОЛЕ ПОЛИТОЛОГИИ

Существующий блок социально-гуманитарных дисциплин, преподаваемых в высших учебных заведениях, находится в стадии корректировки. Одно из направлений трансформации заключается во внедрении в учебный план студентам первых курсов всех вузов страны новой дисциплины «Основы российской государственности», а также в увеличении часов и стандартизации преподавания отечественной истории. Авторами инноваций данная тенденция обосновывается существующими политическими и социальными вызовами в современной России, а также необходимостью формирования и унификации механизмов воспроизводства общегосударственной идентичности и мировоззренческих позиций среди молодежи средствами гуманитарного образования. В результате освоения дисциплин у студента сформируется образ и представления о социально-политическом и мировом положении современной России с позиции исторических событий, геополитических и внутригосударственных процессов.

Сама тенденция трансформации гуманитарного блока дисциплин в высшей школе, при всем осознании ее необходимости, закономерно вызывает ряд аналитических и технологических вопросов, каждый из которых может самостоятельно стать предметом отдельной дискуссии и исследовательской работы. Во-первых, и это наиболее важный вопрос, на каких идейно-ценностных позициях должно выстраиваться гуманитарное образование? Следует ли двигаться в направлении унификации и определения основных тем и разделов для преподавания в каждой из гуманитарных дисциплин? Как будет происходить корреляция нового предмета с существующими дисциплинами в рамках учебных программ? На каких позициях основываться при разрешении возможных противоречий между специализированными и общими дисциплинами? Каковы масштабы корректировки гуманитарного блока, будут ли введены еще дополнительные дисциплины? Также есть вопросы из ряда административного характера, кадрового обеспечения и содержательности методической поддержки. Однако для каждой из сферы гуманитарного знания есть и более фундаментальные вопросы, которые заставляют проанализировать современное состояние преподаваемых курсов. Например, для политологии в формирующихся условиях необходимо актуализовать свое значение и субъектность, а также конкретизировать понятийный аппарат, смысловое содержание политических концептов не только посредством специального научного дискурса, но и во взаимодействии с другими гуманитарными дисциплинами сохранять возможность для содержательного развития научной рефлексии. В схожих условиях находится и философия. О кризисе

отечественной вузовской философии свидетельствует ее инерционность, несфокусированное влияние на формирование гражданского самосознания и духовной жизни, а также слабость позиций философского мышления как междисциплинарного основания, что приводит к тенденциям идеологизации самой философии¹. В рамках существующего блока политических наук со схожими сложностями сталкивается политическая философия, ценность которой заключается в формировании проблемного поля существования политического человека², а также в наличии инструментов удержания концептуальности политических исследований вне идеологических доктрин и интеллектуально-политических мод. Следовательно, рассуждая о субъектности политической философии и ее фундаментальности для политологии, учитывая существующие тенденции трансформации блока гуманитарных дисциплин, возможно, политологическому сообществу необходимо провести ревизию комплекса преподаваемых дисциплин как на специализированных факультетах, так и в общеуниверситетском пространстве. Может быть, полученный результат способствует в том числе и актуализации преподавания политической философии.

Туркин И.А.
(*РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва*)

«КТО ВИНОВАТ?»: США И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗВАЛ СССР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Распад Советского Союза в 1991 году стал чистым политическим событием, которое неожиданно прервало обычный ход вещей, сформировав новое восприятие социальной реальности. По итогу, закончилась биполярная система международных отношений, произошёл временный переход к «однополярному моменту». Если изначально ожидалось, что на смену холодной войне придёт более справедливый и стабильный миропорядок, то эмпирическим путём выяснилось, что новая система международных отношений оказалась даже более конфликтной. Америка с ролью единственной сверхдержавы не справилась, что привело к запросу на многополярный мир.

Цель доклада заключается в выявлении особенностей транзитивности в российском дискурсе о распаде СССР. В докладе будет показано, как акторы артикулируют виновность по отношению к событию распада Советского Союза. В данной работе анализируется дискурсивные стратегия обвинения США в том, что президент В. Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX века³. Главным методом исследования является критический дискурс-анализ. Автор интерпретирует распад СССР в контексте символической политики, то есть производства различных способов интерпретации социальной реальности и борьбы за их доминирование⁴.

Распад СССР стал отправной точкой для создания новой постсоветской идентичности. Для советских граждан распад СССР стал коллективной травмой. Важно учитывать, что со сменой поколений, травматичное восприятие распада будет снижаться⁵.

Спустя даже 30 лет, встаёт вопрос об ответственности США за распад СССР. Данная тема вызывает ожесточённые дискуссии в современном российском дискурсе. Распад

¹ Порус В.Н., Резник Ю.М. Еще раз о кризисе отечественной вузовской философии // Личность. Культура. Общество. 2020. Том XXII. Вып. 3-4. С. 107-108.

² Капустин Б.Г. Что такое политическая философия // Полис. Политические исследования. 1996. № 6. С. 83.

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. 25.04.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения 10.09.2023).

⁴ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

⁵ Аникин Д.А., Батищев Р.Ю. Распад СССР как предмет политики памяти: партийные акторы и их нарративы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. №6. С. 40—56.

СССР запустил целую серию кровавых этнополитических конфликтов, которые до сих пор сотрясают постсоветское пространство.

Обозначим три ключевые дискурсивные стратегии обвинения США в распаде СССР.

Первая стратегия обвинения была названа «активной», так как США приписывается деятельностная роль в распаде Советского Союза. Происходит эссенциализация США как неизменного и вневременного врага.

Вторая стратегия была названа «долгоиграющей», так как предполагает апелляцию к политике США после распада СССР. Делается акцент на неспособности Америки сформировать стабильную и включающую на равных правах систему международных отношений. Долгоиграющая стратегия приписывает ответственность США не столько за распад, сколько за последствия распада СССР в России и в международной сфере. Вина США заключается в том, что Америка, получив мировое лидерство, не построила более справедливый миропорядок, но употребила свалившуюся на них власть в своих корыстных целях. Именно данная дискурсивная стратегия характерна для экспертов по международным отношениям.

Третья стратегия была названа «реалистической», в честь интеллектуального течения, ставшего доминирующим с 1999 года в России, названного В. Морозовым «романтическим реализмом»¹. Такая репрезентация России предполагает идейный плюриверсум вовне России, но не индивидуальное многообразие внутри. Распад СССР трактуется как вина руководителей государства, которые отказались от «своей» национальной идеи в пользу «вражеской», навязанной США.

Таким образом, распад СССР является важным символическим ресурсом, который активно используют ключевые политические субъекты дискурса России. Было выявлено три ключевых дискурсивных стратегии обвинения США в распаде Советского союза. Актуализация дискурса о распаде связана с кратным усилением напряженности между Россией и странами Запада.

Удовенко И.П.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОСИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Технологические изменения ведут к трансформации механизмов государственного управления. Цифровую форму приобретают национальные валюты и государственные услуги, преобразуется само содержание понятий «общественное благо» и «материальная ценность», все больший объем которых номинируется в виде цифровых активов. Сегодня эти инновации легли в основу формирования экосистем государственного управления стран, переходящих к новому технологическому укладу.

По мере обретения возможности сквозного использования данных и выявления устойчивых закономерностей целью цифровой трансформации государственного управления становится внедрение модели взаимодействия людей, устройств и программного обеспечения, которая может стать основой автоматизации большей части принимаемых решений.

Акторы цифровых преобразований под такой моделью понимают «мощную абстракцию» – совокупность типовых жизненных сценариев, реализуемых в единой социотехнической среде. Содержательное наполнение этой «мощной абстракции» и алгоритмического описания конкретными формами удовлетворения частных и

¹ Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества / В.Е.Морозов. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 657 с.

общественных интересов обнаруживает глубинные цивилизационные различия, проявляющиеся в разнообразии проводимой на их основе социальной политике.

Приостановка проекта общемирового сетевого общества не стала препятствием для дальнейшей цифровой трансформации, реализуемой на основе разных моделей общественного развития. По мере усиления общемировой тенденции – регионализации, в сетевом фронтире стали обозначаться линии размежевания, пролегающие между такими моделями. Выбор странами стратегии применения цифровых инноваций происходит, с одной стороны, на стыке конфликта архаичных идентичностей, а с другой – в условиях конкуренции технологических способов их воплощения в социально-экономической реальности, получившей свое виртуальное измерение.

Проводя анализ целей цифровых стратегий государств, позиционирующих себя как центры цифровой трансформации, можно заметить их преемственность с доминантами концепций общественного развития, реализуемыми ими ранее. Ряд характеристик социальной политики государств периода активного индустриального развития находят свое отражение и в практике общественного регулирования посредством цифровых инструментов. В целеполагании формирующихся экосистем государственного управления можно выявить реализацию основополагающих принципов «трех миров капитализма всеобщего благосостояния» Эспинг-Андерсена – «либерального», «социал-демократического» и «консервативного», а также модели «реального социализма» как особого типа социального государства.

Однако, экосистемам цифровой эпохи не присущи свойства экосистем прошлого индустриального периода (государственных корпораций и производственных объединений) – пространственная локализация и иерархическая неконтролируемость. В цифровой среде значение границ нивелируется, вместе с тем при взаимодействии с государственно-частными структурами люди остаются объектом управленческого воздействия, даже если это взаимодействие осуществляется в горизонтально-ориентированном дизайне предоставления услуг. Несмотря на то, что резиденты тех или иных юрисдикций могут получать государственно-частные услуги на экстерриториальной и беззаявительной основе, значительная часть таких услуг остается, по сути, обязательством людей (оплата налогов и кредитов, получение прав и активация лицензий).

Таким образом, можно констатировать, что в общественных изменениях, детерминированных цифровой трансформацией, сохраняется влияние легитимирующей, проективной и протестной сетевой идентичности. Легитимирующая сетевая идентичность социальной группы, наделённой соответствующими полномочиями, проявляется при регламентации правил использования экосистемы остальными социальными акторами. Проективная сетевая идентичность отражается в позитивном отношении социальных групп к экосистемам как к источникам социально значимых ценностей. В случае неприятия ценностного тезауруса (или его симулякра) возникает протестная идентичность, которая может формироваться в латентной форме – искажения и анонимизации, или в открытом противодействии, что становится препятствием для развития экосистем государственного управления.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОДНА ИЗ ТЕМ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ¹

Сохранению памятников как элементов историко-культурного наследия в политической практике отводится особая роль. Они являются отражением исторической памяти и оказывают влияние на формирование коллективной памяти. Французский историк П. Нора как-то заметил, что ощущение утраты побуждает общество сохранять следы с целью стать очевидцем настоящего и прошлого [1]. Опираясь на взгляды немецкого историка А. Ассман, следует подчеркнуть, что обществу требуются «опоры» в виде символов, которые закрепляют в общественном сознании образ прошлого [2]. Памятники – это связующее звено жителей страны, региона, города с историческим прошлым, поэтому власти и занимаются сохранением памятных мест.

В России показательным примером сохранения памятников истории и культуры служат города Санкт-Петербург, Москва, Волгоград, Казань. Среди них столица Алтайского края – город Барнаул – может быть приведен в качестве примера. Губернатор края Виктор Томенко активно занимается формированием облика города и реставрацией старинных зданий, например, торговых домов купцов Морозова и Сухова. Была даже разработана стратегия развития кластера «Барнаул – горнозаводской город». Видно, что краевая администрация стремится сохранить отдельные памятники для поддержания туристического потенциала, о чем заявлял губернатор во время избрания.

Однако в этой стратегии есть одно слабое место. И место это – проблема сохранения барнаульского сереброплавильного завода, называемого жителями – «Спичка». Данный объект является важным памятником в истории города наряду с домами купцов и зданиями администрации. Именно с него началось строительство Барнаула и развитие промышленности. По данным опроса экспертов, проведенного группой ученых Алтайского государственного университета в мае 2023 г. по гранту РНФ, сереброплавильный завод занял 2 место как наиболее значимый историко-культурный памятник, а работавший на нем изобретатель Иван Ползунов – 3 место как «знаковая фигура» в истории города и региона.

В чем заключается проблема? А в том, что вопрос о снятии ограждения и реконструкции сереброплавильного завода остается не решенным. После закрытия работавшей еще в советское время Спичечной фабрики памятник стал объектом частной собственности, был огорожен высоким забором и заброшен на долгое время. За период с 1990-х до начала 2010-х гг. сменилось несколько губернаторов края, собственников земельного участка, а памятник оставался заброшенным и даже под охраной. Лишь в 1995 г. сереброплавильному заводу был присвоен статус памятника архитектуры федерального значения [3]. И это был единственный шаг в попытке сохранить «памятное место». Даже в предвыборных кампаниях и со стороны жителей не ставился вопрос о реконструкции сереброплавильного завода или, хотя бы, создания на его месте историко-культурного центра.

На данном этапе, когда реализуется предвыборная программа Виктора Томенко в форме стратегии создания туристического кластера, наблюдаются конкретные шаги со стороны краевой администрации в облагораживании городской набережной, облагораживании Нагорного парка и реконструкции Музея военной истории («Дом афганцев»). Краевой администрации важно поддержание внешнего облика Барнаула с сохранением его памятников.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Формирование имиджа региона: роль историко-культурных символов (на примере Алтайского края и Республики Алтай)», проект № 23-28-00822.

Судьба сереброплавильного завода остается не решенной, что ставит перед краевой администрацией неразрешимую проблему в реконструкции памятного места. Особенность его в том, что расположен он в одном районе с местами, которые облагораживались, в то время как разрушающееся здание завода оставалось заброшенным и даже пострадало от пожара, причина которого так и не была установлена.

Жители Барнаула, чтобы сохранить памятник истории города и важное архитектурное сооружение федерального уровня, проводят субботники на «Спичке» [4]. Решительные действия жителей города можно рассматривать как выражение общественного мнения для привлечения внимания региональных властей и демонстрации того, что у простых граждан тоже есть потребность сохранить историческое наследие. Остается надеяться, что в региональные власти обратят внимание на эту проблему.

Литература

1. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–203.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 32.
3. Указ Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 года // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7555> (дата обращения: 18.09.2023).
4. Около 100 волонтеров участвовали в большом субботнике на Спичке // Алтайская правда. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Okolo-100-volonterov-uchastvovali-v-bolshom-subbotnike-na-spichke.html> (дата обращения: 18.09.2023).

Усачев С.В.
(ННГУ, Нижний Новгород)

ПРЕДМЕТ БИОПОЛИТИКИ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

В современной науке остаётся дискуссионным вопрос, что следует понимать под термином «биополитика» и какую исследовательскую область она охватывает. В частности, многие исследователи из Латинской Америки обращают внимание на данную междисциплинарную сферу знаний, поскольку стремятся найти объяснение социально-экономической нестабильности и постоянным политическим кризисам в странах региона.

Изучение работ в русле биополитики позволяет выделить в Латинской Америке два основных подхода к пониманию предмета биополитики.

Первый из них связан с осмыслением результатов государственной политики в области защиты жизни и здоровья населения. В данном случае под «биополитикой» понимают сферу общественной политики, затрагивающую борьбу с природными катаклизмами и эпидемиями, мерами продовольственной и экологической безопасности. При этом, эксперты стран Латинской Америки рассматривают биологические угрозы в совокупности с местным социальным, экономическим и политическим контекстом. Они скептически оценивают способность стран региона противостоять биоугрозам. Данная позиция обусловлена целым рядом наблюдаемых социальных факторов. Во-первых, эксперты убеждены, что система здравоохранения эпохи неолиберализма отрезала большей части населения доступ к качественной медицинской помощи. Во-вторых, как показал COVID-19, именно социально незащищенные слои населения являются основной группой риска. Наконец, серьёзной проблемой является высокий уровень недоверия населения к

¹ Исследование выполнено в рамках гос. задания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

органам власти, что приводит к противодействию государственным инициативам в различных сферах. В настоящий момент ключевыми вопросами на этом биополитическом направлении являются: оценка деятельности государства и гражданского общества (а также бизнеса) по противодействию COVID-19, проблемы сверх-эксплуатации амазонских джунглей и территорий проживания индейских племен, вопросы социального неравенства и бедности как основных факторов, влияющих на уровень и продолжительность жизни населения.

Второй подход к пониманию биополитики можно условно назвать «философским». Многие латиноамериканские эксперты понимают под ней инструмент правящих кругов по управлению жизнью и здоровьем граждан страны. Большое влияние на подобную интерпретацию оказали европейские философы М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри и другие. В рамках данного подхода экспертное сообщество воспроизводит идеи о «власти меньшинства», где население воспринимается как экономический ресурс, воспроизводство которого обеспечивает прирост богатства отдельных групп социума. Сторонники этой позиции акцентируют внимание на проблемах вторжения государства в личную жизнь граждан, попыток различными способами контролировать их поведение и общественные настроения. Особое опасение у латиноамериканских исследователей вызывает проблема безопасности, которая, по их мнению, давно вышла за пределы обеспечения защищённости населения. Они часто говорят о том, что соображения безопасности – это предлог для осуществления мер по усилению контроля над обществом и его отдельными представителями. Сейчас самыми обсуждаемыми темами в этом направлении мысли являются: рост алгоритмизации жизни и утрата человеком фактической свободы действий, проблемы применения новых технологий для усиления контроля над эмоциями, поведением и жизнедеятельностью людей, угроза использования мер «осадного положения» и иных чрезвычайных средств для сворачивания демократических прав и свобод населения.

Усенко Р.С.
(АО «РЭИН», Москва)

МЕСТО НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА И КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛОББИСТСКОЙ АКТИВНОСТИ ДЕЛОВЫХ АССОЦИАЦИЙ В РОССИИ

В современной российской политической науке растущее внимание уделяется изучению института деловых ассоциаций – разновидности групп интересов, которая по своему функционалу зачастую выходит за рамки простого саморегулирования и вступает в систематическое взаимодействие с внешней средой.

В силу взаимодействия с государственными органами ассоциации коммерческих субъектов могут считаться не только экономическим, но и политическим актором. При этом, если обращаться к классической работе М. Олсона по теории групп интересов «Логика коллективных действий», функция лоббирования носит комплементарный, если не побочный характер.

Вместе с тем среди исследователей стратегий организационного поведения существует консенсус относительно того, что коммерческие субъекты являются, с одной стороны, экономическими организациями, будучи нацеленными на максимизацию прибыли и оперирующими категориями выгод и издержек; с организационной же точки зрения, эти субъекты неизбежно являются своего рода политическими организациями, участвующими в формировании внешней среды и взаимодействующими с ней путем использования политических поведенческих паттернов.

То же самое справедливо и для объединений коммерческих субъектов (деловых ассоциаций), даже если по учредительным документам они позиционируются как некоммерческие организации. Данное обстоятельство позволяет говорить о дуальном характере миссии деловых ассоциаций: помимо чисто экономического (и по большому счету внутриорганизационного) измерения, ассоциация также обращена во внешнюю среду, испытывая потребность в правильном восприятии собственной деятельности заинтересованными сторонами, а также в благоприятном состоянии этой внешней среды, включая регуляторную.

Деловая ассоциация – не только экономический, но и политический актор, осуществляющий в том числе лоббистскую деятельность для обеспечения желаемого регулирования. Подобные объединения выступают в качестве активных агентов политических отношений, поскольку возникают как результат взаимоотношения контроля управляющих с влиянием управляемых.

С позиции GR-анализа деловая ассоциация является коллективным субъектом отраслевого лоббирования, в ее основные задачи входит отстаивание и продвижение в органах государственной власти интересов всей отрасли. Конечная цель ассоциации заключается либо в обеспечении принятия выгодного решения, которое приводит к некоторым преференциям или повышению капитализации отрасли в целом, либо недопущении принятия или внесении изменений в невыгодное решение, влекущее за собой ухудшение условий ведения деятельности в отрасли.

Зарубежный опыт демонстрирует значимость ассоциаций как институциональной «системы обменов» между государственными учреждениями и бизнесом, обеспечивая межсекторальное взаимодействие.

Анализ имеющегося массива исследований, рассматривающих деловые ассоциации с позиции их влияния на политическую активность бизнес-корпораций на российском пространстве, обнаруживает излишнюю абстрактность и описательный характер рассмотрения данного феномена. С этой точки зрения может принести пользу задействование теоретических возможностей неинституционализма

Для интерпретации проблематики отраслевой самоорганизации бизнеса и взаимодействия его с государством через коллективных акторов наиболее релевантной представляется неинституционалистская концепция организационного поля, сформулированная П. ДиМаджио, У. Пауэллом и У. Скоттом.

Деловые ассоциации являются одной из разновидностей площадок-центров коммуникации, обеспечивающих взаимодействие организаций в рамках одного организационного поля. Консенсус, достигаемый организациями в пределах поля, является заслугой не в последнюю очередь именно деловых ассоциаций, которые способствуют конструированию и поддержанию договоренностей и норм поведения. Одним из наиболее признанных инструментов повышения уровня доверия между участниками отрасли является *отраслевое саморегулирование*, которое зачастую берется на вооружение деловыми ассоциациями.

Вместе с тем отраслевое саморегулирование на практике редко бывает эффективным в качестве единственного механизма контроля игроков отрасли – напротив, зачастую оказывается необходимым либо поддержка со стороны государства, либо сторонний надзор, либо их сочетание. Данный факт обуславливает важность постоянного взаимодействия публичного и частного секторов, в том числе в части того, какую роль должно играть государство и как осуществляемое им регулирование должно коррелировать с отраслевыми структурами.

ТРАЕКТОРИИ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Современный мир отличается высокой скоростью и слабой предсказуемостью происходящих ежедневно процессов, что является объективным условием политического восприятия. Научный интерес, в связи с этим, привлекают проблемы динамики массового сознания, особенно сознания молодежи. Кроме того, эмпирические материалы, накопленные исследователями в области политической психологии за последние годы, позволяют проследить направления изменений во взглядах, оценках и мнениях молодых россиян, обнаружить среди них некие реперные точки, и в то же время нелинейные сдвиги, мировоззренческие лакуны. На наш взгляд, те эффекты, которые изучались нами в прошлом году, в текущем году получили несколько новое значение. Во-первых, как показывают нам предварительные результаты обработки части формализованных интервью, молодежь достаточно хорошо усваивает политико-информационный мейнстрим, в связи с чем на рациональном уровне демонстрирует согласие с доминирующими в общественно-политическом дискурсе концепциями, умело уходит от явных попыток выразить неприятие, неодобрение, проявить протест. Во-вторых, незрелость политической позиции у наиболее молодой части россиян, и одновременно противоречивость политического мировоззрения более взрослой когорты молодежи, стимулируют тенденции к сублимации, и выражению мнимой рациональной позиции, которая как показывают результаты проективного тестирования все больше расходится с несознаваемыми структурами сознания.

Осенью текущего года начался полевой этап сбора эмпирических материалов в рамках исследовательского проекта «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны». Методами исследования послужили формализованные и глубинные интервью, проективные тесты, а также экспертный опрос. Структура интервью построена таким образом, чтобы выявить представления молодежи о вероятных сценариях развития российского государства, политической сферы, экономики, культуры, общества, а также судьбы отдельного человека, реализации его личных планов, надежд в этой модели ближайшего будущего. Особое место было отведено оценке эмоционального профиля восприятия, например артикуляции респондентами позитивной оценки будущего, исполнения желаний, или присутствию в сознании тревожащих факторов, негативных переживаний.

Предварительные результаты обработки массива полученных данных позволяют сделать ряд взаимосвязанных выводов.

Во-первых, сценарии ближайшего будущего России можно условно разделить на позитивные, негативные и неопределенные. Подавляющее число образов относятся к неопределенному типу, вторые по частоте обнаружения – позитивные. Важно отметить, что неопределенность представлений о будущем не имеет травмирующего оттенка, а скорее связана именно со слабой проработанностью данного вопроса в публичном медийном пространстве. Молодые граждане хотят, чтобы будущее было хорошим, но дать ответ на вопрос «с какими конкретными достижениями, целями, задачами, усилиями, результатами это связано» в своем большинстве не могут. Как и ранее область достижений связывается с ретроориентациями, переносом «побед прошлого» в «победы будущего».

¹ Проект № 123091200067-7 «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Во-вторых, позитивные сценарии вполне предсказуемо опираются на представления о «силе», «мощи», «непобедимости» нашей страны, «необыкновенной выносливости» народа, что в первую очередь позволит сохранить Россию. Идеи «сохранения», «сбережения», «защиты» России постепенно переходят в зону целеполагания и мотивации в сознании молодежи, замещая собой понятие «миссии» в их представлениях. Вместе с тем, следует обратить внимание на наличие слабо-рационализированных сюжетов, в которых описывается, что Россия превратится в «мировое государство», «русский язык станет международным языком общения», «планета Земля будет переименована в Россию» и т.п.

В-третьих, необходимо отметить, что описываемые респондентами сценарии-сюжеты имеют слабый диапазон разнообразия, и в целом либо воспроизводят риторичность, распространяемую агентами социализации, лидерами общественного мнения, государством, либо представляют фантастические, утопические картины, которые сами респонденты характеризуют как нереальные и невозможные.

В-четвертых, рассматривая задачу сценарирования будущего как сложную, не находящуюся в пределах интересов молодежи (что само по себе удивительно и свидетельствует вероятно о некой моральной усталости и апатии), респонденты поясняли, что это функция государства, но в случае, если последнее не справится с данной деятельностью в реальности, то необходимо обратиться к идеям анархизма. На наш взгляд, в настоящее время, протестный потенциал молодежи переместился в эту смысловую область, что требует последующего изучения.

Утекова З.Д.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

РОССИЯ И КАЗАХСТАН: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

В данном докладе представлено сравнительное исследование образа России в Казахстане и Казахстана в России в массовом сознании их жителей с учетом таких глобальных факторов как «пандемия COVID-19» и «проведение спецоперации на Украине» на рациональном и иррациональном уровнях восприятия. А также выявлены ключевые особенности взаимного восприятия этих стран друг другом на основании теоретическо-методологических подходов политико-психологического анализа.

В настоящее время, исследования вопросов формирования образа той или иной страны получают все большее распространение в мире, в том числе и в России, и в Казахстане. Так, рассматриваемые автором страны, в рамках двусторонних отношений осознали важность формирования своих позитивных образов в отношении друг друга, и уделяют этому особое внимание. Наличие общей протяженной т.е. совместной границы – 7548 тыс. км., что привело к сложившимся в силу этого приграничным экономическим, культурным, историческим и родственным связям. В связи с этим, благосостояние государств во многом зависит от возможностей развития отношений друг с другом в целом.

Так, огромную ценность предоставляет теория политического восприятия, которая определяет ключевые структурные элементы образа страны, среди которых можно выделить образ территории, образ народа, образ власти, образ лидера и влияние страны на международной арене, а также субъективно-ориентированные аспекты, включающие соотношение рациональных и бессознательных уровней восприятия. Большое значение здесь имеют работы кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопаля (Шестопаля Е.Б. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)).

А также значительную ценность представляют механизмы восприятия стран как категоризация, стереотипизация, а также атрибуция в образах стран.

Начнем с категоризации, являющийся одним из значимых механизмов восприятия и формирования образов в целом. В коллективной монографии «Они» и «Мы»: «Категоризация какой-либо страны в качестве друга или союзника или, наоборот, врага или конкурента оказывает существенное влияние на оценку места этой страны в системе международных политических или экономических отношений (друзья и союзники воспринимаются как более значимые и влиятельные и наоборот). Категоризация влияет на интерпретации и оценки происходящих в стране событий, становясь тем самым одним из регуляторов поведения масс» (Шестопад Е.Б. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова).

Следующим ключевым механизмом восприятия является механизм стереотипизации, выполняющий важную роль в формировании образа мира, как отдельного человека, так и отдельных народностей, наций, народов. В свою очередь уже сложившиеся стереотипы в обществе определяют формирование образа страны.

Говоря о механизме атрибуции, стоит уделить особое внимание социальной атрибуции, которое расценивается как один из основополагающих механизмов восприятия. Социальная атрибуция – это понятие в социальной психологии, которое отражается в стремлении описать поведение других людей, по признаку их групповой принадлежности. Иными словами, представляет собой интерпретацию поведения и результатов деятельности людей с особенностями стереотипного достраивания образа, дополняя предыдущий механизм – механизм стереотипизации.

Таким образом, восприятие гражданами собственной и чужих стран зависит не только от вышеназванных структурных элементов, но и от этих механизмов восприятия.

Практическая часть работы основывается на результатах глубинного интервью (по 150 респондентов в каждой из рассматриваемых стран) и проективных тестов (по 100 рисунков с каждой стороны). Выборка, целиком состояла из респондентов всех регионов России и Казахстана.

В ходе сравнительного исследования были выявлены содержательные особенности образа России и Казахстана в сознании их граждан с учётом рациональных и бессознательных уровней восприятия. Более того, результаты политико-психологического анализа продемонстрировали, что помимо успешного сотрудничества, в российско-казахстанских отношениях много и нерешенных еще проблем. К примеру, это последствия «пандемии COVID-19», «украинский кризис», «мобилизация в России» и др. Так, последние события вокруг Украины негативно сказались на образе России в целом.

В заключение, следует сказать, что все выявленные тенденции в сознании респондентов в ходе политико-психологического анализа, свидетельствуют о том, что есть все основания для дальнейшего развития двусторонних отношений между ними.

*Уханова Ю.В., Жданова А.Э.
(ВолНЦ РАН, Вологда)*

ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

В современном социально-политическом дискурсе проблематика выстраивания коммуникаций и диалога местных сообществ и власти в вопросах территориального развития занимает значимое место. Фокус внимания зарубежных и российских исследователей сосредоточен на роли взаимовыгодного взаимодействия между основными акторами как фактора обеспечения устойчивых темпов развития территорий [Никовская, Якимец 2022].

В настоящем исследовании изучение взаимодействия общества и власти в вопросах городского развития рассматривается в рамках теории гражданского участия (или концепта активного участия) и публичной политики.

В работе используется стратегия последовательного смешивания методов, которая базируется на принципах количественной и качественной социологии (опрос общественного мнения, N=2200; интервью с экспертами, N=47).

В условиях цифровизации все больше актуализируется необходимость реализации потенциала информационной инфраструктуры в развитии гражданского участия, т.к. одной из основных его функций признается получение быстрой обратной связи общества и государства [Уханова 2022]. Как отмечают А.В. Соколов и Е.А. Исаева, выстраивание электронного взаимодействия органов публичной власти и общества создает условия для согласования их мнений и позиций, а также способствует совершенствованию административных процедур государственного управления [Соколов, Исаева 2022].

Как показывают данные социологического исследования, по мнению трети респондентов, онлайн-формы гражданского участия в основном аккумулируют информацию об имеющихся проблемах (33%; рис.). Менее популярно суждение о том, что онлайн-формы позволяют не только информировать о проблемах, но и решать их (28%). Каждый пятый считает, что онлайн-формы не способны решать общественно значимые проблемы (21%), 18% убеждены, что они лишь имитируют активную деятельность, не имея реального положительного эффекта. Можно констатировать, что городское сообщество пока в целом не определилось с оценкой эффективности онлайн-форм гражданского участия, что может быть связано с их «новизной».

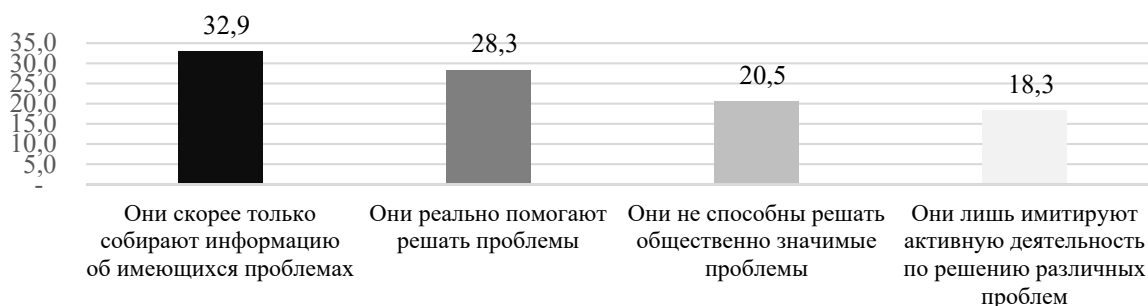

Рисунок 1. Оценка городским сообществом эффективности онлайн-форм гражданского участия (среднее по городам, в % от числа опрошенных) *

*Ответ на вопрос «Какую роль играет онлайн-участие в развитии Вашего города?»

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2021 г.

В ходе интервьюирования большинство экспертов отметили большое значение интернет-технологий как фактора эффективного выстраивания взаимодействий общества и власти. По наблюдениям экспертов, гражданская активность в социальных сетях выше, чем в каких-либо других форматах. Создаются сообщества, которые формируют повестку дня:

«Применительно к сегодняшнему участку работы, мы фиксируем, что у нас 98% всех обращений граждан, которые к нам поступают, – это обращения в социальных сетях. Формат работы с гражданской активностью уходит в виртуальный» (муж., 44 г., представитель городской администрации).

Другим важным механизмом реализации гражданского участия посредством интернет-технологий становятся специальные сервисы для обращений граждан к представителям органов власти. Один из примеров – площадка «Активный горожанин» на сайте администрации Петрозаводска:

«Мы регулярно там запускаем и опросы, и голосования. В частности, вот сейчас проходит на площадке экономическое развитие Петрозаводска до 2025 года» (муж., 56 лет, руководитель городской администрации).

В то же время наличие таких сервисов или присутствие органов власти в социальных сетях не позволяют гарантировать эффективное использование этих ресурсов, поскольку *«общение с властью чисто формальное. Руководитель структурного подразделения тебе не отвечает, отвечает статист. У его есть набор фраз, которые он знает. В онлайн пространстве нет прямого общения»* (жен., 44 года, председатель городской общественной организации).

Таким образом, несмотря на предпочтение оффлайн-форматов, для развития гражданского участия городского сообщества становится своевременным активное использование информационных ресурсов. По справедливому замечанию В.В. Петухова, онлайн-участие дает толчок многим гражданским инициативам, которые выходят из виртуального пространства в жизнь, позволяет высветить реакцию властей на значимые проблемы, заставляет их прислушаться к общественному мнению [Петухов 2019]. Сетевые сообщества участвует не только в формировании городской повестки, но и в реализации проектов развития в рамках данной повестки на основе активного взаимодействия между бизнесом, властью и локальным сообществом [Мирошниченко, Морозова 2021].

Благодарность: исследование выполнено в рамках Гос. задания ФНИСЦ РАН за 2023 год по теме «Муниципальная публичная политика в России-2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Литература

1. *Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.* Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 135–149. DOI 10.21638/spbu23.2021.202.
2. *Никовская Л.И., Якимец Н.В.* Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне // Местное право. 2022. № 4. С. 3–20.
3. *Петухов В.В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
4. *Соколов А.В., Исаева Е.А.* Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710.
5. *Уханова Ю.В.* Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 297 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТОВ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАУЧНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Идентичность, ценности, защита – эти категории тесно связаны и взаимозависимы, составляя элементы научного дискурса в разных исследовательских полях. Теория секьюритизации, предложенная учеными копенгагенской школы, трактует безопасность как дискурсивную практику, а формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности определяет в качестве одной из ценностей и важнейших целей политики. Концептуализация понятия идентичности вовлекла в этот дискурс широкий круг исследователей. Конструктивисты в теории международных отношений выдвинули аргумент о том, что государства соблюдают нормы путем интернализации их в своей идентичности.

В классической концепции секьюритизации политический дискурс создает маркеры: на основании заявления об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны Значимого Другого/Чужого выдвигается требование применить меры для устранения угрозы. Научный дискурс традиционно был сосредоточен на проблеме секьюритизации идентичности: именно идентичность (национальная, этническая, гендерная и пр.) нуждалась в защите (Landesmaaki et al).

Понятие «онтологической безопасности» связывает ценности, безопасность и стабильность, включает убежденность в особом предназначении своей страны; определяет миссию сообщества, присущие ему характеристики и ценности. Интерпретация онтологической безопасности трактуется в научном дискурсе как отражение связи потребностей индивидов и сообществ в поддержании «связного повествования о Самости (*the Self*)» (Curanovic et al. 2022).

Внимание других исследователей фокусируется на том, что как внутренние субъекты осознают свою внешнюю идентичность, так и внешние субъекты «осознают внутреннюю политику идентичности» (Krolkowski 2008). Из ТМО происходит расширенное представление о политике идентичности как «определенном наборе идей о политическом сообществе, которые политики используют для мобилизации чувства сплоченности и солидарности, чтобы легитимировать общую направленность внешней политики» (Aggestam 2018). Секьюритизация политики идентичности понимается как определение политики идентичности в качестве объекта, которому угрожают, прежде всего, политические акторы, внешние и внутренние. Секьюритизация политики идентичности легитимирует выстраивание внешнеполитического курса, обоснование притязаний на изменение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к идентичности.

Секьюритизация политики идентичности как аналитическая категория позволяет использовать понятия и подходы, наработанные в разных областях политической науки и теории международных отношений. Политика идентичности, первоначально возникшая во внутриполитическом контексте для защиты меньшинств, приобрела значимость именно потому, что быстро обрела международное значение. Объединение усилий меньшинств на международном уровне позволило им добиться признания своего статуса и прав внутри своих стран, а затем и на уровне международных организаций. Это можно считать ярким примером «переливания» и переформатирования смыслов, происходящего в процессе политизации научных дискурсов (Семененко 2023).

Секьюритизация такого варианта политики идентичности проявляется в переведении внутриполитического дискурса по защите прав LGBTIQ+ сообщества на международный уровень и отнесении к противникам демократии и радикалам всех несогласных с политикой «коллективного Запада». На фоне секьюритизации политики

идентичности как курса на государственную поддержку официальной политики идентичности западных стран происходит перевод ее в разряд категорий безопасности теми государствами, которые считают необходимым защищать свою идентичность и государственную политику идентичности. Так, Россия сочла необходимым и правомерным взять на себя миссию защитника традиционных ценностей.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации международная обстановка охарактеризована через попытки западными странами «целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней». Идеи и аргументы в защиту государственной политики идентичности из научного дискурса перенесены в публичный политический дискурс в виде документов и символических практик.

Если во второй половине XX века объектом секьюритизации выступали идентичности различных групп, то в современном дискурсе – научном и политическом – таковым является политика идентичности на разных ее уровнях.

Федоренко К.А.
(«Артект», Крым)

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ: СОСТОЯНИЕ И ФОРМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ

Современные российские школьники как объект государственной молодежной политики представляют собой цифровое поколение молодежи, чья социализация проходит под воздействием цифрового публичного пространства, а их родители – преимущественно потерянное с точки зрения интересов страны и государства поколение с постматериалистическими ценностными ориентациями. В этой связи формирование гражданственности и патриотизма российских школьников, становится важной задачей государственной молодежной политики как системной основы для дальнейшего развития России при сохранении социально-политической стабильности в условиях нарастания глобальных рисков и вызовов, требующей научного осмысления и экспертной поддержки.

Автором было проведено эмпирическое исследование на основе анкетного опроса (2019 респондентов), фокус-групповых интервью со старшими школьниками из российских регионов (5 групповых дискуссий); экспертных интервью с представителями органов по делам молодежи регионального и муниципального уровня, директорами и замдиректорами школ российских регионов, представителями общественных организаций и учеными, специализирующихся на изучении проблем гражданского воспитания молодежи.

По результатам прикладного исследования выявлено состояние гражданственности российских школьников, определен потенциал общественно-политической активности и форматы ее актуализации. Исследование показало, что ядро когнитивного компонента гражданственности школьников составляют представления о гражданине и его ролях. Образ гражданина включает деятельностный, формально-нормативный, когнитивный и этический аспекты. В представлениях школьников о гражданине доминирует деятельностный аспект. Когнитивный аспект гражданственности российских школьников находится в состоянии формирования, ответы на диагностические вопросы имеют достаточно большое количество фактологических ошибок.

Ценностно-мотивационный компонент гражданственности включает представления о мотивах гражданской активности, представления об идеальном гражданине и рефлексии факторов, значимо влияющих на сознание гражданина. Выявлено три ключевых мотивации гражданской активности: мотивы конструктивной деятельности, направленной на саморазвитие, мотивы конструктивной деятельности, направленной на развитие, мотивы,

связанные с получением личной выгоды. Выявлен конструктивно-деятельностный тренд мотивации гражданской активности.

Исследование выявило противоречивую ситуацию в ценностном осмыслении гражданственности. С одной стороны, имеет место существенная ценностная лакуна, связанная с отсутствием образа идеального гражданина; с другой стороны, в представлениях значительной части опрошенных образ настоящего гражданина четко персонифицирован (В.В. Путин). Наиболее значимыми социальными институтами, влияющими на формирование гражданственности являются семья, интернет и друзья.

Эмоциональный компонент гражданственности включает ассоциативно-символический ряд, отражающий образ России и образ малой Родины (региона); спектр событий и достижений, которые вызывают чувство гордости за свою страну. В исследовании определено, что образ России и малой Родины (региона) в представлениях участников опроса имеет широкую, разнообразную палитру и доминирующие позитивные коннотации. Чувство гордости за свою страну вызывают люди и исторические события, отражающие победы российского оружия; фигура президента страны и современные события, связанные с присоединением Крыма.

Поведенческий компонент гражданственности включает оценку реальных и потенциальных форм общественно-политической активности, в том числе активность использования различных источников информации о социально-политической жизни страны. Выявлено, что доминирующими форматами общественной активности опрошенных являются участие в молодежных форумах, волонтерской деятельности, научных или творческих коллективах, самоуправлении и онлайн акциях. Определены форматы активности, которые имеют максимально позитивный потенциал, определяющий форматы актуализации: участие в деятельности молодежного парламента, реализация собственного проекта и участие в деятельности социально-ориентированных НКО; а также выявлены форматы общественно-политической активности, потенциал которых исчерпан: участие в молодежных образовательных форумах, школьном самоуправлении, деятельности научных и творческих коллективов.

Результаты эмпирического исследования позволяют сформулировать ряд проблем и практических рекомендаций, направленных на организацию взаимодействия различных субъектов государственной молодежной политики по формированию гражданственности российских школьников.

Федоров В.И.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

YOUTUBE КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЭГ В 2023 г.

В ходе региональных выборов 8–10 сентября 2023 г. в 25 регионах России применялось дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Это был уже пятый опыт электронного голосования в избирательном процессе России, но в обществе сохраняется настороженность к этой новой форме электорального участия.

На формирование общественного мнения об электронном голосовании в России сильное влияние оказывают политические новости, посвященные различным аспектам этой темы. Одним из наиболее популярных источников политических новостей являются российские и зарубежные социальные сети, которые воспринимаются народными массами как независимые.

Влияние YouTube как информационно-пропагандистского канала объясняется переходом общества от получения информации через текст к получению информации через

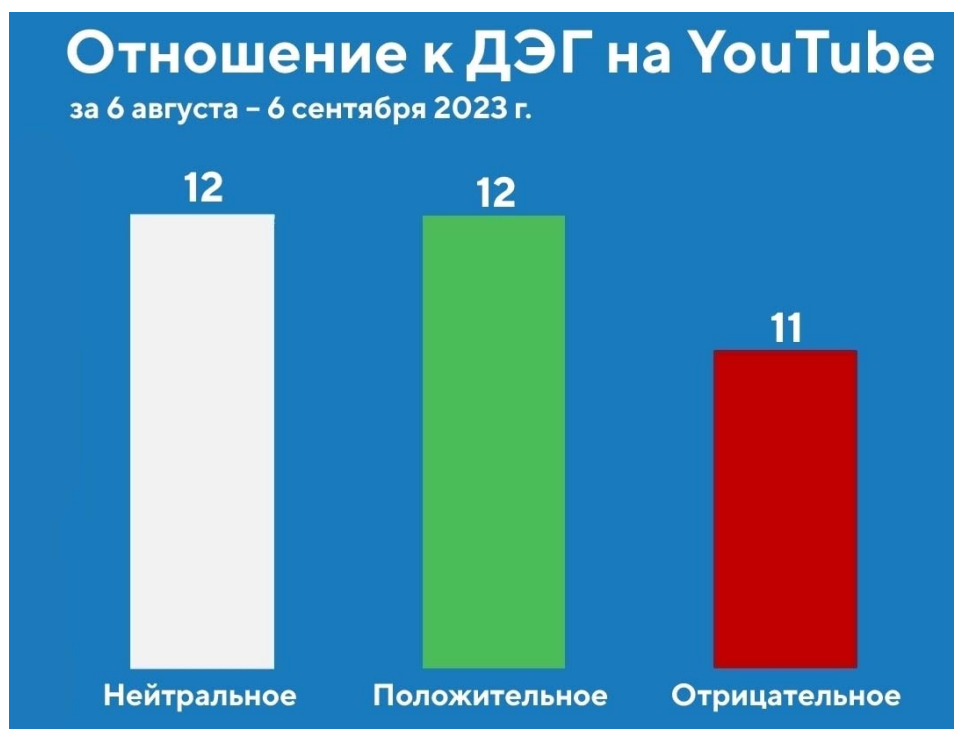
образы, что выражается в упрощении, визуализации и сокращении времени на потребление медиапродукта. Важно ответить на вопрос: какое отношение у аудитории YouTube в России складывается к ДЭГ – нейтральное, положительное или отрицательное?

Методология

На YouTube был проведен поиск видеосюжетов по запросам: «ДЭГ», «дистанционное электронное голосование». Хронологические рамки: 6 августа – 6 сентября 2023 г. Найденный массив видеосюжетов был структурирован для определения содержания и формируемого отношения к ДЭГ.

Результаты исследования

По ключевым словам на YouTube было найдено 35 видеосюжетов о ДЭГ, которым были присвоены оценки: нейтральные – 12, положительные – 12, отрицательные – 11. В русскоязычном сегменте YouTube за месяц накануне ЕДГ-2023 преобладали нейтральные и положительные оценки ДЭГ. В видеоконтенте чаще всего встречаются инструкции о порядке голосования, оценки общественных активистов и электоральных экспертов. Отрицательные оценки в основном оставляют иностранные агенты, которые подвергают сомнению защищенность ДЭГ от фальсификации итогов голосования. На диаграмме обобщены оценки видеосюжетов.

Важное теоретическое обобщение, полезное для исследования новостей об электронном голосовании, сделал С.В. Володенков. Автор, анализируя структуру медиaprостранства, ввел концепт «информационная капсула», который определяется «как информационно-коммуникационная структура, в рамках которой циркулирующие в ее закрытом пространстве идеи, символы, смыслы, убеждения, мнения не изменяются за счет критического осмысления информации и восприятия альтернативных объяснительных моделей, а наоборот – лишь сохраняются, самоподдерживаются, закрепляются и даже усиливаются за счет многократного повторения, обсуждения, одобрения среди

единомышленников»¹. Комментирование, лайки и репосты оказывают существенное влияние на восприятие информации².

Объяснительные возможности концепта «информационная капсула» проверены и подтверждены на эмпирическом материале YouTube, посвященном электронному голосованию. Пользователю сайта, который несколько раз поставил оценку «нравится» видеозаписям с положительной оценкой электронного голосования, будут предлагаться похожие видео и наоборот. Таким образом, аудитория пользователей разделена на группы, которые погружены в информационные капсулы положительных и отрицательных оценок ДЭГ.

Накануне региональных выборов в 2023 г. у русскоязычной аудитории YouTube удалось сформировать нейтральное и положительное отношение к ДЭГ. Можно ожидать, что это положительно скажется на популярности электронного голосования у избирателей. Организаторы выборов в России и агенты продвижения ДЭГ нашли новые формы коммуникации с интернет-аудиторией на YouTube с целью формирования мнения об электронном голосовании как эффективном механизме электорального участия. Это резко контрастирует с ситуацией, которая сложилась в 2021-2022 гг., когда на YouTube доминировали видеозаписи с негативными оценками ДЭГ.

Литература

1. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196. DOI: 10.17223/1998863X/53/20.
2. Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–8.

Филатова О.Г.

(СПбГУ, Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКИХ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА³

В современном меняющемся мире распространенной ежедневной практикой жителей больших городов становится обращение к цифровым сервисам. Сегодня практически любая государственная информация и услуга может быть получена в цифровом виде, причем в любое время, в любом месте и на любой платформе или устройстве. Органы власти, как на федеральном уровне, так и на местном, заметили преимущества использования цифровых сервисов, предположив, что это может привести к уменьшению количеству жалоб от населения, повышению доверия и более позитивному отношению к власти. Тем не менее, до сих пор не хватает теоретического и эмпирического знания о состоянии цифровых сервисов, предоставляемых государством своим гражданам, включая понимание организационно-технологических процессов и тенденций их формирования как целостной системы публичных услуг, ставящей интересы пользователей

¹ Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196. DOI: 10.17223/1998863X/53/20.

² Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–8.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

на первое место. В этом контексте, серьезной проблемой является слабое понимание роли различных акторов и институтов, вовлечённых в развитие и предоставление цифровых сервисов на различных уровнях управления, как со стороны официальных властей, так и со стороны негосударственных структур. Как следствие, вопросы повышения институционализированного доверия к предлагаемым сервисам остаются в значительной мере непроясненными. В конечном итоге представляется затруднительным дать надежную оценку потенциального вклада цифровизации взаимоотношений государства и граждан в публичном пространстве в процессе формирования долговременных социальных эффектов.

На преодоление указанных трудностей и проблем направлен проект под названием «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов», поддержанный Российским научным фондом и Санкт-Петербургским научным фондом в 2023 г. Цель проекта – с использованием теоретических положений информационной экологии выявить эффективность, полезность и результативность создаваемой в городе экосистемы городских сервисов «Цифровой Петербург», проследить степень взаимовлияния использования экосистемы цифровых сервисов, институционализированного доверия и социального капитала. Это будет достигнуто с помощью преодоления ограничений, накладываемых чрезмерным акцентом на метафорическое понимание понятия экосистемы. Для этого целенаправленно собирается соответствующая эмпирическая база с использованием таких методов исследования как анкетирование, интервью, фокус-группы, веб-аналитика.

Реализация предлагаемого проекта позволит собрать уникальный материал не только о наличии имеющихся городских цифровых сервисов, но и понять причины и мотивацию их создания со стороны властей города, с одной стороны; с другой стороны, будут выявлены социальные эффекты (или их отсутствие) со стороны пользователей. Важно при этом, что цифровые сервисы и их социальная эффективность изучаются в связке с конкретным местным контекстом, различающимся, как предполагается, в зависимости от административно-управленческого уровня. В частности, уже получены результаты анкетирования, проведенные на муниципальном уровне управления, которые показали, что 87,9% опрошенных сотрудников органов местного самоуправления используют цифровые сервисы в своей работе и большинство опрошенных (93,7%) считают их функционал удобным и облегчающим работу. 84 % муниципальных служащих считают городские цифровые сервисы эффективным инструментом при принятии решений и выстраивании коммуникации с жителями города и только 19 % респондентов не согласны с таким мнением. По мнению участников исследования, на развитие городских цифровых сервисов могут оказать влияние следующие факторы (в порядке убывания количества ответов): повышение цифровой грамотности населения; реклама городских сервисов в общественных местах; появление новых сервисов, предлагающих удовлетворение новых потребностей; снижение масштабов цифровых угроз; увеличение/уменьшение доверия граждан к власти; появление новых сервисов, предлагающих возможности горизонтальных взаимодействий разных групп населения; увеличение доверия граждан друг к другу; удешевление услуг цифровой связи.

Продолжение исследований в данном направлении создаст возможность не только расширить научный арсенал изучения цифровых сервисов взаимодействия между властями города и его жителями в теоретико-методологическом плане, но и выработать конкретные рекомендации по росту эффективности и сбалансированности предоставляемых цифровых сервисов, оперируя данными, полученными и из региональных, и из муниципальных структур, которые можно будет мультиплицировать и на другие города и регионы.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ГОРОДАХ РФ: ЭФФЕКТЫ И ПРИМЕНЕНИЕ

Доклад посвящен исследованию использования избирательных систем на муниципальном уровне. Выбор темы обусловлен многообразием избирательных систем на муниципальных выборах в России, что потенциально противоречит траектории развития институтов в режимах гибридного типа. Основная масса существующих работ посвящена исследованию избирательных систем и воспроизводимых ими эффектах на национальном уровне, преимущественно в демократиях. Однако они не затрагивают вопросы функционирования систем на локальном уровне, что особенно важно в режимах другого типа. В данном исследовании проводится попытка восполнить существующий пробел. Авторы предполагают, что авторитарные режимы при выборе избирательных систем действуют рационально и полагаются на их эффекты. Авторы сосредотачиваются на измерении эффектов избирательных систем в российских муниципалитетах с целью проверки исследовательских гипотез.

В политической науке существует несколько подходов к объяснению электоральных реформ, они базируются на разных теориях, однако наибольшее развитие получили модели, которые развиваются в рамках теории рационального выбора. Если говорить кратко, то теория предполагает, что все политические акторы действуют рационально и преследуют вполне понятные политические цели, это может быть как максимизация власти или минимизация рисков. Так основными акторами электоральных реформ являются элиты, которые осознают собственные интересы, знают об эффектах избирательных систем и подбирают «правила игры», способствующие достижению их политических целей, наиболее важной из которых является сохранение политического статуса КВО.

На сегодняшний день нет никакого представления о динамике и причинах электоральных реформ на локальном уровне. Выборы на муниципальном уровне в России без преувеличения можно назвать «серой зоной». На данный момент нет систематического представления о том, как используются избирательные системы на выборах муниципального уровня. Большая часть литературы затрагивает проблему манипулятивности использования пропорциональной системы на локальном уровне. Однако вопрос об эффектах избирательных систем и предпосылках к использованию различных видов не рассматривается. Одной из самых популярных политологических тематик исследований был переход от прямых выборов мэров к альтернативным моделям, связанным с формированием конкурсных комиссий на основе представительного органа, что в большей степени увеличивает важность способа его формирования (Гельман, Ланкина 2006; Голосов, Кононенко 2016). Так можно предположить, что выбор избирательных систем на локальном уровне в целом, по аналогии с федеральным и региональным уровнем должен развиваться в логике электорально-авторитарного режима. Однако такого не происходит, на выборах в представительные органы муниципальных образований используются различные виды избирательных систем. Законом ФЗ № 131. 2003 г. долгое время было установлено, что выбор избирательных систем в муниципалитетах определяется уставом муниципального образования. В то же время попытки унификации избирательной системы на муниципальном уровне предпринимались, однако позднее были отменены. На сегодняшний день в муниципалитетах используется большое количество избирательных систем, начиная от простых систем относительного большинства в одномандатных и многомандатных округах и заканчивая смешанными несвязанными системами.

Исходя из теории мы предполагаем, что выбор избирательной системы на муниципальном уровне зависит от эффектов, воспроизводимых этими системами, с точки

зрения электорально-авторитарного режима это должна быть такая система, которая обеспечивает наибольшую выгоду, а именно сохранение статус КВО с минимальными издержками. Можно предположить, что скорее всего это должны быть системы, обладающие высокой степенью диспропорциональности и высоким порогом включения, однако в муниципалитетах используется вся совокупность доступных в России систем включая пропорциональные и смешанные. Именно поэтому в своем исследовании авторы сосредоточились на выявлении эффектов избирательных систем, которые впоследствии могут быть выгодны в использовании для режима. Существует огромный массив работ, посвященных исследованию эффектов избирательных систем в демократиях, для каждого вида систем подробно описаны все воспроизводимые эффекты. Однако, насколько актуальны подобные эффекты для российского режима и опосредуют ли они выбор избирательных систем на муниципальном уровне? Или же полная политическая гегемония уничтожает все проявления эффектов избирательных систем?

В этом докладе используется уникальный набор данных, включающий результаты выборов в 469 городских округов с 2015 по 2019 годы. Данные взяты с сайта ЦИК России, за что им отдельная благодарность.

Филиппова Л.Е.
(ИС ФНИСЦ РАН, ВАВТ, Москва)

ДИНАМИКА ПОЛИТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Одним из направлений изучения социально-политических трансформаций в современной России является анализ процессов институционализации политического порядка. Последний рассматривается одновременно и как результат, и как условие политической активности граждан: будучи продуктом деятельности социальных акторов, в которой производятся и воспроизводятся конституирующие его нормы и ценности, политический порядок задает набор возможностей и ограничений для политической активности. Политизация (как совокупность процессов интенсификации политической дискуссии, формирования политических идентичностей, роста политической активности граждан, в том числе в новых институциональных формах) способствует утверждению политического порядка современного типа, в то время как деполитизация (противонаправленный процесс размывания политической субъектности отдельных граждан и социальных групп, утраты ими возможности свободно вести политическую дискуссию и осуществлять политический выбор) ведет к отчуждению людей от политики и к закреплению порядка господства.

Серия массовых опросов, проведенных Отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН с 2018 по 2022 гг., была нацелена, в частности, на выявление тенденций политизации и / или деполитизации в российском социуме. В ходе исследования решались задачи не только получения эмпирических данных, но и разработки адекватного российским социальным реалиям инструментария — операционализации категорий «политизация» и «политическая вовлеченность» и поиска валидных критериев для оценки уровня политизированности российских граждан. Анализ данных опросов, проводившихся с 2018 по 2020 г., показал, что использование таких показателей, как самооценка уровня политической активности, отношение к политике в России, участие / неучастие в тех или иных формах гражданской или политической активности, не позволяет сделать надежных выводов об уровне политизированности респондентов. При анализе результатов опросов 2021-22 гг. уровень политической вовлеченности респондентов оценивался нами по двум критериям — интересу к политике

и участию в дискуссиях о политике. Выделение этих критериев основывается на предположении от том, что декларируемый респондентом интерес к политике вкупе с участием в обсуждениях политики формируют «базовый уровень» политизации (наличие более или менее определенной позиции относительно политической проблематики), что позволяет реконструировать существующий политический порядок из представлений таких респондентов.

Анализ результатов опросов выявил различия между ценностными ориентациями и представлениями о политике «политизированных» и «деполитизированных» респондентов: в частности, «политизированные» респонденты демонстрируют бóльший уровень межличностного и группового доверия и более сильную ориентацию на сотрудничество и взаимопомощь; они отводят рядовым гражданам более значительную роль в принятии решений, более терпимы к политической оппозиции, чаще выражают запрос на изменение положения дел в стране и готовность участвовать в осуществлении преобразований. Такие ориентации соответствуют предположению о том, что политизация ориентирует граждан на формирование политического порядка современного типа — конкурентного пространства производства альтернатив общественного развития.

Вместе с тем, анализ представлений респондентов о желаемом будущем не позволил вычлени из этих представлений сколь-нибудь сформированные альтернативные модели. Конфигурация ценностей, которые респонденты считают важными для будущего страны, оставалась, в целом, устойчивой на протяжении всего периода проведения опросов. Что касается предпочитаемой формы политического устройства, то можно отметить лишь несколько бóльшую критичность «политизированных» респондентов по отношению к ныне существующей системе по сравнению с «деполитизированными». Таким образом, мы не обнаруживаем тенденций политизации как позиционирования граждан относительно различных моделей общественного развития. По данным последнего (2022 г.) опроса, доля респондентов, считающих необходимыми изменения существующих порядков, снизилась. Несмотря на то, что среди «политизированных» респондентов запрос на изменения остается более выраженным, у них существенно понизилась готовность лично участвовать в осуществлении этих изменений — нечеткость целей, очевидно, не способствует росту политической активности. По-видимому, не способствует ему и наличная институциональная среда: российская политика воспринимается, прежде всего, как сфера, в которой действует власть и преследуются личные цели, а защищенность прав граждан в отношениях с властью и в общественной или политической деятельности оценивается крайне низко. Таким образом, по представлению респондентов — независимо от уровня их политической вовлеченности — институциональный порядок затрудняет, если не блокирует участие граждан в политике.

Фролов А.А.
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

СОЦИАЛЬНОЕ УКЛОНЕНИЕ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА¹

Современное российское студенчество играет важную роль в развитии общества. Студенты обладают разнообразными интересами, амбициями и целями. Большинство нацелено на получение качественного образования, развития своих профессиональных навыков. Часть из них участвует в студенческих объединениях, проводит акции и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2023-0006 «Стратегии и тактики социального уклонения как формы коммуникативного поведения современного студенчества».

мероприятия, направленные на решение социальных проблем. При этом прослеживается то, что большая часть занимает пассивную позицию по вопросам общественной и политической жизни, как на местном, так и на федеральном уровнях. Также студенчество зачастую декларирует готовность к разным формам участия, но не реализует на практике. Интересным для исследований становится выявление возможных вариантов социального уклонения современного российского студенчества, то есть добровольного или неосознанного отказа от каких-либо действий.

С точки зрения общественно-политических процессов, социальное уклонение можно охарактеризовать как тенденцию людей вести себя и думать так же, как большинство в их социальной группе. В другом аспекте данный феномен рассматривают как сознательный отказ, который основывается на нежелании человека продемонстрировать свои мысли. Данный формат может трансформироваться в непризнание действующей системы распределения власти, отрицания общественной системы.

В научном дискурсе встречается мало исследований, посвященных выявлению стратегий и тактик социального уклонения, особенно в студенческой среде. Большинство работ фокусируются на узконаправленных темах, таких как абсентеизм, уклонение от уплаты налогов, политического участия в массовых акциях, конфликтных ситуациях в малых группах, также в 2023 году активно встал вопрос уклонения от прохождения военной службы и др.

Социальное уклонение российского студенчества – это явление, при котором студенты избегают участия в учебной и вне учебной деятельности (общественной жизни, культурно-массовых мероприятиях и др.). Процесс уклонения проявляется в предпочтении студентов изолироваться или скрываться от участия в различных социальных процессах.

Сегодня социальное уклонение в студенческой среде проявляется в отношении к разным форматам участия. Студенты зачастую сохраняют негативное отношение к участию в различных мероприятиях, таких как конференции, открытые дискуссионные встречи на территории вуза и др. Отношение к участию в групповых проектах, в которых студенты могут не выходить за пределы своей ответственности или не вкладываться в работу группы. Это позволяет им уйти от дополнительной работы и участия в процессе принятия решений. Еще одним форматом уклонения является отказ от участия в общественных движениях и организациях, в том числе на территории университетов. Студенты предпочитают изолироваться от серьезной социальной активности, стремясь сосредоточиться на учебе или своих личных интересах. Это же проявляется и на учебном процессе, где студенты могут пассивно присутствовать на занятиях, но избегать участия в активностях, которые требуют общения с другими студентами или преподавателями.

Важно отметить, что не все студенты применяют данные форматы социального уклонения. Есть доля студентов, активно участвующих в учебном процессе и общественной жизни университетов. Однако для некоторых студентов социальное уклонение является важной стратегией защиты или способом справиться с различными проблемами.

Фролова А.А.
(ГАУГН, Москва)

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ж.-Ж. РУССО В РИТОРИКЕ ЯКОБИНСКОГО ТЕРРОРА

Великая французская революция является одним из важнейших мировых событий, исследования последствий которого в научной среде ведутся вплоть до настоящего времени. Первые попытки проанализировать её причины и влияние на дальнейшую историю человечества предпринимались политическими философами, историками, экономистами – её современниками. К примеру, европейские консерваторы определяли

Французскую революцию как «химеру Просвещения», уничтожившую традиции идеями «свободы, равенства и братства».

В рамках теории революции события во Франции - ценный объект для исследования. Являясь масштабным общественным надломом, она стала базисом для последующих революций, в том числе и революции 1917 года. Можно утверждать, что французские революционеры были первопроходцами в науке о революции, соединив воедино теорию и практику.

Проблемой анализа Французской революции занимались как иностранные, так и советско-российские философы, историки, социологи. Среди авторов можно выделить А. Соболя, А. Олара, А. Матъеза, В. Г. Ревуненкова, А. З. Манфреда и т.д.

Основной целью исследования должно стать выявление взаимосвязи между идеями Просвещения и идеологией «якобинизма», воплощенной в Терроре.

Объект исследования – политическая риторика Якобинского террора.

Предмет исследования – выявление влияния политико-философских идей Ж.-Ж. Руссо на риторику Якобинского террора.

Нельзя не упомянуть, что именно Ж.-Ж. Руссо стал основным вдохновителем революции. Комплекс его идей (свобода, демократия, естественное состояние и т.д.) можно уместить в емкий термин «руссоизм», **обладающий рядом особенностей:**

1. Сентиментализм;
2. Идеализация;
3. Противоречивость.

Именно противоречивость стала причиной искажения и переименования самой сути идей Руссо, приведших к столкновению различных мнений среди революционеров. «Руссоизм» приспособлялся к социально-политическим требованиям времени, но с определенного времени идеи постепенно «угасали», заменяясь «якобинизмом» в силу своей неспособности отвечать требованиям революционной реальности.

Однако, как и сама революция якобинцы тоже меняли свою направленность. Поэтому будет правильнее говорить о «якобинизме» как о политическом феномене, а не как о едином клубе, единой партии или идеологии.

Из этого вытекает следующий тезис о том, что будет не конструктивно говорить об общем, поэтому необходимо углубиться в частное: выделить тех, кто внес важные изменения в идеологию. За все время революции только одна группа (робеспьеристы) смогла «выжить» и трансформироваться в то, что мы сейчас именуем «якобинизмом». Именно они смогли сформулировать свои политические идеи.

Сумбурный поток философско-утопических идей – так можно охарактеризовать их политику. Во главе всего – «фанатичная» идея возвеличивания гражданской добродетели. Утопичность была связана с идеализацией видения политического, которое резонировало с реальностью. В то время как якобинцы желали видеть идеальное общество, где царит мир, всеобщее счастье и неиспорченная человеческая природа, народ Франции требовал твердых цен на хлеб. Якобинцы уповали на «силу слова», а не на «силу действия», что и погубило их. **Но именно они были первыми кто на практике показал идею тоталитарной демократии.**

Причиной Террора можно назвать борьбу против «врагов революции». Если с внешними врагами (антиреволюционной коалицией «старых» монархий) борьба шла довольно примитивно – войной, то подавить контрреволюционеров внутри страны было достаточно трудно. Под понятие «врага революции» подходил, как мелкий спекулянт, так и ярый роялист. Таким образом, Террор был создан для сдерживания врагов ради сохранения революции и ее логического завершения – создания республики и установления суверенитета народа, как истинного источника власти.

Якобинцы обосновывали свою политику следующим образом: террор может быть добродетельным. Есть деспоты и тираны, которые правят людьми с помощью террора.

А есть защитники свободы, которые используют его как способ борьбы против врагов. Так как добродетель (политическая) – это любовь к своей Родине и её защита. Поэтому убийство недругов – это справедливо. Разум же здесь играет роль объединителя. Ведь все люди разумны и все одинаково понимают одни и те же вещи. Следовательно, каждый гражданин должен понимать, что это делается во имя общего блага и он не должен противиться этому. А те, кто не хотят этого понимать, будут принуждены.

Таким образом якобинцы использовали идеи Руссо для теоретического узаконивания политики Террора. Они не являлись для якобинцев неким идеалом, к которому те хотели стремиться. Однако можно рассмотреть это и с другой стороны. Якобинцы – это неопытные политические деятели, в руках которых была сосредоточена неуправляемая сила в лице народа, с которой они не справились в силу своих наивных и утопических идей.

Фролова Ю.Н.

(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

МНОГОМОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СЕПАРАТИЗМА В ЕВРОПЕ: КЕЙС ДАНИИ

Проблематика различных форм сепаратизма остается одним из ключевых предметов исследования современных политических наук. В связи с трансграничностью процессов глобализации подобные явления могут оказывать дестабилизирующее влияние на различных акторов мировой политики. Одним из регионов, где развитие сепаратизма представлено максимально широко, является европейский регион. Актуальность проблемы обусловлена многообразием и высокой концентрацией различных сепаратистских движений на указанной территории, а также их влиянием на общую политическую динамику Европы, что обуславливает появление большого количества исследований по данной проблематике в последние годы.

В рамках данного исследования рассматривается потенциал использования многомодельного подхода к анализу различных процессов сепаратизма (как сецессионизма, так и автономизма) на примере кейса Королевства Дания. Потенциальными очагами сепаратизма на протяжении длительного времени остаются территории Гренландии и Фарерских островов, пользующиеся широкими автономными полномочиями. Значимость сепаратистской тематики в регионе вновь вернулась в повестку дня в связи с ростом влияния Арктики в мировой политике. Прослеживаются инициативы отдельных государств по интенсификации связей непосредственно с Гренландией как с самостоятельным актором: начиная с 2000-х годов Китайская Народная Республика наращивает связи с островом, делая ставку на экономическое и научное сотрудничество¹; США отмечают рост своих геополитических интересов в Арктике (о чем заявлено, в частности, в новой Национальной стратегии США для Арктического региона 2022 года), а также на протяжении истории неоднократно заявляли о своем желании приобрести Гренландию. Все это свидетельствует о необходимости активизации, в том числе, научных исследований вопроса.

В качестве возможной методики предполагается использовать многомодельный подход, который представляет собой комбинацию нескольких математических моделей. Многомодельный подход позволяет минимизировать недостатки применения отдельных видов моделей и системно представить феномены социальной реальности. В рамках

¹ *Криворотов А.К.* Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики / А. К. Криворотов // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 118-134. – DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6. – EDN BQEKYB.

конкретного кейса моделирование строится при использовании следующих моделей: модель оценки влияния на основе индекса Шепли-Шубика, моделирование на основе распределения вероятностей, модель пространственной конкуренции Даунса, модель массовых беспорядков Грановеттера и элементы некоторых других. Некоторые из этих моделей уже успешно применялись в политических науках, преимущественно в контексте анализа электоральных процессов. Подобная комбинация позволяет обеспечить достижение ряда аналитических и прогностических целей в исследовании сепаратизма; в частности, она позволяет сделать выводы о возможной стратегии центрального правительства Дании в отношении «проблемных» сепаратистских регионов (имеется в виду классическая для исследователей сепаратизма дискуссия относительно федерализации как способа решения проблем такого типа), проанализировать и частично спрогнозировать политический курс и возможное смещение идеологических ценностей сепаратистских акторов в регионе, особенности вовлечения населения регионов в процессы в рамках дихотомии регионализация/централизация.

Хайнацкая Т.И.
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современное состояние экологического кризиса актуализировало поиски альтернативных моделей взаимодействия человека с природной средой. Одной из новых категорий анализа экополитики стала *экологическая идентичность*, которая определяется как *связь индивида/группы людей с природной средой, идентификация себя как ее неотъемлемой части, что находит отражение в восприятии проблем окружающей среды и индивидуальном/групповом поведении, стимулируя природозащитную деятельность и другие формы экологической активности*. Она не статична и находится в постоянном развитии под влиянием политических, культурных, социально-экономических и образовательных факторов. Одними из факторов являются эколого-политические дискурсы, которые влияют на восприятие, отношение человека к окружающей среде и модели их взаимодействия.

Дискурсы помогают определить наиболее важные экологические проблемы для человека, сформулировать и выявить пути их решения, закрепляют роли субъектов в системе «природа-общество» и формируют морально-этические ориентиры. Дискурсы в соединении с индивидуальным опытом и мировоззрением человека, могут восприниматься и интерпретироваться по-разному. Это явление обуславливает многообразие проявлений экоидентичности.

Доминирование экологических вопросов в политической сфере способствует переходу эколого-политических дебатов в центр политической дискуссии и образованию новых дискурсов и контрдискурсов. С одной стороны, это предполагает многообразие взглядов и подходов. С другой стороны, может привести к ценностным диссонансам на фоне столкновения различных по своему наполнению дискурсов.

Они могут быть классифицированы в зависимости от идеологических установок, происхождения, экологической направленности и субъектов. Их классификация по группам дает возможность выделить различные подходы к определению экологических проблем, их приоритетность и предлагаемые решения, что позволяет более тонко понять мотивы субъектов.

Исходя из идеологических установок, в первой категории дискурсы можно разделить на три группы. К первой относятся глобалистские дискурсы изменения климата, устойчивое развитие, «зеленый» рост и переход. Во второй группе антиглобалистские

дискурсы «зеленого» империализма, экопатриотизма, эконационализма, и антироста. В третьей – дискурсы экологической и климатической справедливости, ответственного потребления, к которым апеллируют как глобалисты, так и антиглобалисты.

Вторая возможная классификация основана на происхождении и включает западные и незападные дискурсы. К западным относятся экоккапитализм, «зеленый» рост и переход, изменения климата, устойчивое развитие, антирост, ответственное потребление. Незападные дискурсы представлены «зеленым» империализмом, эконационализмом и экопатриотизмом.

С точки зрения экологической направленности можно разделить дискурсы на эгоцентричные как глубинная экология и антирост, изменение климата и антропоцентричные как «зеленый» рост и переход, экоккапитализм, экологическая и климатическая справедливость, эконационализм, экопатриотизм, устойчивое развитие.

Категоризация по субъектам представляется наиболее обширной и сложной ввиду того, что носителями дискурсов могут выступать сразу несколько субъектов. Так, нац. государства и отдельные политические субъекты представляют такие дискурсы как изменение климата, устойчивое развитие, «зеленый» рост, переход и экономику, «зеленый» империализм. Бизнес является носителем дискурсов устойчивого развития, изменения климата, «зеленого» роста, перехода и экономики. НКО и гражданское общество продвигают дискурсы изменения климата, устойчивого развития, эконационализма и экопатриотизма, ответственного потребления, глубинной экологии, экологической и климатической справедливости. Научное и экспертное сообщество является носителем дискурсов изменения климата, устойчивого развития, «зеленого» роста, перехода и экономики, глубинной экологии, ответственного потребления.

Политические ориентиры влияют на экоидентичность, сигнализируя об общественных ценностях и приоритетах. Они транслируют ценностные установки в отношении окружающей среды. У человека через восприятие ценностей и этических норм формируется чувство ответственности и долга по отношению к природе. Экологические ориентиры могут стать стимулом для участия в эколого-политической деятельности. Под влиянием определенных дискурсов люди могут воспринимать себя не только как часть окружающего мира, но и как экоактивистов, ощущая себя инициаторами перемен.

Формирование экоидентичности представляет собой комплексный и многомерный процесс, который является продуктом более широкого социально-политического контекста, где дискурсы играют ключевую роль в изменении отношения человека к окружающему миру, влияя на его ценности, убеждения, поведение и чувство ответственности по отношению к природе.

*Харитонова О.Г.
(МГИМО МИД России, Москва)*

ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЙ РАСКОЛ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Политическое развитие Турции демонстрирует чередование демократизации и автократизации, в основе которой «лежат определенные устойчивые тенденции» (Паяслиоглу), поиску и интерпретации которых под разными углами зрения посвящено большое число работ. В данном докладе рассматривается теория центр-периферийных расколов Ш. Мардина, предложившего в 1973 г. на основе работ Э. Шилза, С.М.Липсета и С.Роккана теоретическое объяснение эволюции и функционирования партийной системы Турции. Классическое исследование формирования партийных систем в западноевропейских демократиях С.М. Липсета и С. Роккана выделяло расколы, порожденные национальной и промышленной революциями, которые расположены по двум осям – территориальной и функциональной. Территориальная ось представляет собой

центр-периферийный раскол, расколы по функциональной оси являются сквозными идеологическими конфликтами. Турция не входила в список рассмотренных Липсетом и Рокканом стран, но турецкие авторитетные авторы адаптировали их теоретическую рамку для анализа эволюции и развития турецкой партийной системы, доказывая, что два доминирующих раскола (центр-периферия и церковь-государство), являются продолжением османского наследия и результатом политики нациестроительства Кемаля Ататюрка.

Концепция центр-периферийного раскола помогает объяснить победу Демократической партии 1950 г., как подъем периферии, перевороты (1960, 1971, 1980, 1997) как возвращение власти светскому центру, появление Партии справедливости и развития и харизматичного популиста Р. Эрдогана, попытку интеграции интересов центра и периферийного контрцентра (в понимании Э. Шилза).

В докладе рассмотрена эволюция партийной системы Турции в контексте проявления соответствующих размежеваний на каждом из этапе (город-деревня, центр-периферия, секуляризм-религия), определены периоды доминирования центр-периферийного (территориального) или идеологического (функционального) конфликта. Выявлены факторы сохранения центр-периферийного раскола, в том числе высокий уровень религиозности, социально-экономические диспропорции между регионами, территориализация (в противоположность национализации) партийной системы, этнический раскол. Сделан вывод, что успехи ПСР и лично Р. Эрдогана являются результатом рационального выбора политической элиты центра на запросы периферии, в том числе через инструментализацию религии, популизм и харизму.

Анализ выборов 2023 г. на основе выделения трех географических кластеров (центр, периферия, глубокая периферия по признаку социальной и географической дистанции) подтверждает сохранение в Турции центр-периферийного раскола (анализ вариации голосования за основные партии АНОВА демонстрирует значимость географического фактора).

Таким образом, несмотря на центростремительные ориентации правящей партии и президента, центр-периферийные размежевания продолжают определять конфигурацию партийной системы Турции, а концепция размежеваний сохраняет объяснительный потенциал.

Хаткевич А.А.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Научная дипломатия как феномен международных отношений в последние годы становится предметом научного интереса политологов, историков, в исследованиях которых представлены результаты анализа страновых практик реализации научной дипломатии и теоретического осмысления данного феномена. Важно, что концепт научной дипломатии вошёл в дискурс ряда государств – в документы, регулирующие как политику в сфере науки, технологий и инноваций, так и внешнюю политику, и представлен в разработках аналитических центров. В данном контексте теоретический анализ научной дипломатии как инструмента внешней политики, то есть деятельности государства на международной арене в своих интересах, представляется перспективным.

В научной, аналитической литературе и в официальных документах распространена трактовка научной дипломатии в качестве части публичной дипломатии. Сама публичная дипломатия выступает инструментом реализации «мягкой силы» государства, которая в свою очередь является ресурсом внешней политики. Разработчик концепции «мягкой

силы» Дж. Най считает одним из измерений публичной дипломатии развитие длительных отношений с ключевыми индивидуальными акторами в различных сферах, включая научную и академическую. По мнению Т. Флинка и У. Шрайтерера, научная дипломатия направлена в том числе на продвижение достижений страны в области исследований и развития¹. Отмечается, что пространство науки, по аналогии со сферами искусства, образования, является неполитической ареной, на которой происходит реализация публичной дипломатии². В нашей стране среди официальных документов, в которых представлен данный подход к пониманию научной дипломатии, – Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, в тексте которой научная дипломатия характеризуется как разновидность публичной дипломатии. Так как публичная дипломатия является инструментом внешней политики государства, научная дипломатия выполняет роль инструмента внешней политики, актуализирует «мягкосиловую» потенциал государства.

Принято рассматривать научную дипломатию в трёх измерениях – наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии. Рассматривая инструментальные возможности научной дипломатии в сфере внешней политики, обратимся к измерению науки в дипломатии, которое предполагает обеспечение лиц, принимающих внешнеполитические решения, сведениями об актуальных научных достижениях и выработку научных рекомендаций для содействия решению внешнеполитических задач. В процессе реализации науки в дипломатии значительная роль принадлежит негосударственным акторам, в частности аналитическим центрам, которые, как указывает В. Турекян, являются компонентом национальной системы научной дипломатии³. В контексте внешней политики измерение науки в дипломатии выступает в качестве инструмента экспертной оценки принимаемых и принятых решений.

Наука для дипломатии, ещё одно измерение научной дипломатии, подразумевает содействие укреплению или поддержанию международных связей через научное сотрудничество, где ведущая роль принадлежит представителям научных сообществ государств, поскольку наука для дипломатии основывается на горизонтальных научных взаимодействиях. Потребность в результативном осуществлении науки для дипломатии особенно актуализируется в периоды напряжённости в отношениях между определёнными государствами. Как упоминает Т. Легранд, в этом случае научное сотрудничество может выступить механизмом развития международного понимания, при том условии, что между учёными, представляющими государства, установлены как официальные, так и неофициальные научные контакты, именно последние потенциально могут продолжиться и сыграть поддерживающую роль в межгосударственных отношениях.

Таким образом, инструментальная функция научной дипломатии во внешней политике выражается, во-первых, в том, что научная дипломатия способствует продвижению научных достижений государства на мировой арене, во-вторых – обеспечивает научное, аналитическое и экспертное сопровождение внешнеполитической деятельности, в-третьих – выполняет поддерживающую функцию. Соответственно, исследовательский интерес к научной дипломатии объясняется её инструментальными возможностями в сфере внешней политики. Дальнейшее теоретическое осмысление феномена научной дипломатии необходимо для формирования комплексного представления об этой международной практике и её роли во внешней политике.

¹ Flink T., Schreiterer U. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches // *Science and Public Policy*. 2010. Vol. 37. No. 9. P. 665–677.

² Yun S.H., Toth E.L. Future Sociological Public Diplomacy and the Role of Public Relations: Evolution of Public Diplomacy // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 53. No. 4. P. 493–503.

³ Turekian V.C. Building a National Science Diplomacy System // *Science & Diplomacy*. 2012. Vol. 1. No. 4. P. 1–3.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛИЗАЦИИ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ ФРАНЦИИ

Политическая многомерность истории Франции содержит неисчислимое количество судьбоносных периодов и событий, которые определяли уникальный процесс ментализации ее правящих элит.

Методология проведенного исследования предполагала выявление панорамной картины сложностного сочетания природно-генетических, исторических, социально-культурных, религиозно-догматических и политических компонентов, детерминирующих ментально-политическую динамику субъектов власти. Рассматривая ментализацию правящих элит в пространстве истории, мы видим ее как неповторимый процесс формирования базовых структур национального менталитета: политического мышления, преобладающих установок веры и воли, которые в свою очередь определили свойственный французам строй мыслей, чувств и поведения¹.

Романизация Галлии, начавшаяся в I в. до Р. Х., впоследствии радикально изменила социокультурное и ментально-политическое устройство и само будущее всей Европы. Рим обеспечил цивилизационное преобразование Галлии. Именно Риму Франция обязана своим чувством уважения к праву, закону и порядку. Латинизированная Галлия перетянула чашу весов в пользу Запада.

С началом христианской эры наступал принципиально новый этап ментализации – религиозно-догматический. Христианство сыграло первостепенную роль в процессе интеграции многочисленных этнических групп, в сохранении античной культуры и формировании политической идентичности франкской знати. Уже к VIII в. в Западной Европе стало формироваться ментально новое пространство, ставшее итогом конвергенции римских и варварских структур под эгидой католической церкви².

Феномен рыцарства можно считать одним из ключевых истоков европейского гуманизма, отличающегося ярко выраженным персонализмом. Рыцарское сословие на Западе сформировало те ментальные установки, ценностная наполненность которых определялась мироощущением «автономной личности». В русле рыцарской идеологии и вассальной верности подспудно возникла и развивалась идея французского патриотизма.

Особого внимания заслуживают философско-мировоззренческие истоки политического менталитета французских элит. Этика П. Абеляра (1079–1142) оказала влияние на развитие этической и духовной рефлексии. Томизм как доминирующее направление в католической мысли предопределил развитие французской философии в русле *рационализма*. Эта тенденция реализовалась особенно ярко в философии Нового времени: жизнеутверждающий стоицизм М. Монтеня (1533–1592), картезианство, позитивизм О. Конта (1798–1857). На примере учений французских философов можно наблюдать динамику трансформации рационализма в материализм.

Возрождение совпало во Франции с XVI веком. Во Франции произошла интеллектуальная и культурная революция. При Генрихе IV ментальная природа французской монархии радикально изменилась, став предметно-прагматической институцией королевской власти. Генрих Великий, подписав Нантский эдикт, впервые в политической истории Европы отделил политику от религии³.

¹ Ракитянский Н.М. Опыт систематического изложения ментальных исследований // Известия Иркутского государственного университета. 2023. Т. 44. С. 30–49.

² Гонсалес Х.Л. История христианства. Том 1. От основания Церкви до эпохи Реформации. М.: Библия для всех, 2002.

³ Garrisson J. L'Édit de Nantes: chronique d'une paix attendue. Paris, Fayard, 1998. P. 45–47, 123–130.

Франция раньше других встала на путь перехода к абсолютизму. Главным препятствием на пути укрепления абсолютизма было неповиновение со стороны знати. Были приложены все усилия, чтобы максимально ослабить аристократию.

Национальный девиз Французской Республики определил ментальные установки не только Франции, но и Западной Европы. Во время Французской революции были сметены все исконные основания — религиозные, сословные, административные и политические. По сути, это был процесс коренной смены ментальной матрицы. Однако, вопреки всем усилиям политиков по развитию демократических институтов, во Франции по-прежнему сильны традиции централизации власти. Абсолютизм, пройдя эпоху Просвещения и Революцию 1789 г., остался реинкарнированным краеугольным камнем особого типа политической культуры Франции.

В историческом времени французской цивилизации правящие сословия, пережившие политеистическую античную романизацию, монотеистическую (религиозно-догматическую) и затем атеистическую ментализацию, приобретали и усваивали на каждом этапе новые ментальные свойства: римскую имперскую идентичность, политическую субъектность, личностную рефлексивность, национальную идентичность, патриотизм, секулярный гуманизм, республиканский радикализм, позитивистский рационализм, французский нонконформизм, антиклерикализм. Этот широкий и парадоксальный спектр проявляется в ментальной диалектике имперскости и республиканизма, авторитаризма и демократизма.

Церович М.

(МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, Москва)

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРОРОССИЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СЕРБСКОЙ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР СОТРУДНИЧЕСТВА СЕРБИИ И РОССИИ¹

Российская Федерация имеет давние исторические, политические, культурные и экономические связи с Балканским регионом. Поэтому, свободная от одностороннего идеологического подхода, который препятствовал использованию «мягкой силы» СССР в эпоху холодной войны, Россия стоит перед выбором, как лучше использовать свой огромный потенциал мирной дипломатии, продвижения семейных ценностей и влияния на Западных Балканах, особенно в Сербии и Республике Сербской (БиГ), единственных европейских государств, которые не ввели санкции против России с начала СВО.

Трудное положение Сербии в международных отношениях усложнилось после февраля 2022 года. Стратегическое балансирование Сербии между четырьмя основными направлениями внешней политики становится все более сложным и требовательным.

Особое место в продвижении российско-сербского сотрудничества занимает сербская молодежь. Доверие в двусторонних отношениях растет, и со временем в Белграде возобладает мнение, что Сербия может положиться на Россию в вопросах защиты своей территориальной целостности. На это мнение влияет и отношение сербской молодежи, которая становится крайне пророссийской. Оказалось, что «политическая необходимость» более тесного сотрудничества с Россией и давление общественности на политические круги оказали большее влияние на внешнеполитическую ориентацию Сербии, чем инвестиции коллективного Запада в СМИ, неправительственные организации и политические партии,

¹ Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта №123091200058-5 «Оптимальные практики продвижения традиционных семейных ценностей в студенческой среде», выполняемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

которые также временно усилили недоверие между Россией и Сербией. Этот феномен роста русофильства у сербской молодежи, по общему мнению, является особым и требует отдельного анализа.¹

Влияние роста семейных ценностей у сербской молодежи велико в различных интеллектуальных кругах Сербии и передается как в культуру, так и в политику. Консервативный настрой современного российского общества, основанный на православной культуре, традиционных семейных ценностях, совместном историческом опыте в отстаивании суверенитета – всё это импонирует сербской молодежи, которая с детства воспитывается в духе дружбы с Россией, взаимного доверия и симпатии. Наличие общей коллективной идентичности значительно облегчает распространение российского влияния в Сербии. Большинство населения Сербии, как и большинство населения России, исповедует одну и ту же религию, а сербский и русский народы также говорят на славянских языках.

Наличие *пророссийского настроения сербской молодежи* не выступает на первый план, не преподносится официально как государственная ориентация, не всегда и везде заметно, но оно «повышает» двустороннюю коммуникацию между Белградом и Москвой и способствует высокому уровню доверия в этих отношениях.²

Чанышев А.А.
(МГИМО МИД России, Москва)

ЭЛИТИСТСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ НИЦШЕ

«Несвоевременные размышления» и критика Ницше «историзма». Ориентация на титанически-креативную свободу ренессансного типа как «отвязанность» от действующих социальных норм, чтобы «снова возник человек как мера всех вещей». Ревизия универсалистских представлений модерна в определении того, что такое «человек» и «человечность» – в ницшевском элитарном проекте ордена святых, художников и философов. «Переоценка ценностей» как уничтожение «самого места» существования идеальных ценностей: уничтожение остатков универсализма.

Нигилизм петербургского извода (терроризм) как социальный феномен мирового значения. Мировоззренческий анализ генеалогии и эволюции нигилизма. Нигилизм – необходимое явление европейской христианской культуры (мутация христианской морали сострадания – морали рабов). «Первичный» нигилизм: христианское удвоение мира. Эволюционное развитие из этого первичного отрицания действительного мира в последующих степенях нигилизма. Буддизм и нигилизм. Буддизм и отказ от ценности мира. Переход к оцениванию: полное обесценивание мира и абсолютный уход из него. Нигилизм и «вечное возвращение» – жизнь без [конечной] цели и высшего смысла. Необходимость «сверхчеловека» и преодоления «человеческого» – ужаса перед вечным возвращением. Мужество решимости (воли) к созиданию и утверждению абсолютно новых ценностей: христианин и активный нигилист все еще озабочены ценностями, тогда как буддист и Сверхчеловек вышли за пределы заданных ценностей к самостоятельному оцениванию. Однако, если буддист превосходит христианина, поскольку не имеет силы для оценивания, сверхчеловек радикально выходит за границы ценностей, что позволяет ему совершенно самостоятельно полагать ценности вопреки вечному отсутствию ценностей.

Критика ницшевской концепции нигилизма:

¹ Гибанский Л.Я. Из друзей – во враги: конфликт с Кремлем (1948–1949) // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Под ред. К.В. Никифорова, А.И. Филимоновой, А.Л. Шемякина. М.: Индрик, 2011. С. 567-594.

² Едемский А.Б. Нормализация отношений с СССР (март 1953 г. – начало 1960-х годов) Под ред. К.В. Никифорова, А.И. Филимоновой, А.Л. Шемякина. М.: Индрик, 2011. С. 661-682.

- редукция христианства к «вздоху угнет твари». Теизм и его фрейдистская гуманистическая интерпретация как «иллюзии» – «страхоубежища», необходимого элемента культуры;
- искажение вероучительной диалектически соотношения «Града Божия» и «града земного»: первый нисходит во второй ради спасения последнего, поэтому оба града «переплетены и даже отчасти слиты»;
- непонимание центрального парадокса христианства и секулярной инверсивности его «основоположений»;
- христианство – не пассивная, но активистская религия: историческое время – функция от поступка: парадигма сокреативности человека богу (Августин). Христианская сила жертвенности.

Поздний Ницше – в социально-политическом содержании его философии – настаивает на «бескомпромиссном уничтожении этики сострадания и понятия человеческого равенства, отстаивая радикально аристократический взгляд о превосходстве одних людей над другими»¹. Элитизм Ницше последователен, характерен для его раннего и позднего творчества и приводит его к выводу, согласно которому большинство людей не имеет права на существование. В его идеализации войны проступают контуры современных ему колониальных завоеваний, мысль о том, что слабые расы будут уничтожены в этих войнах (Ницшеской моделью установления расового господства выступает Конго). Идеи разрушительных войн, массового уничтожения, возрождения рабства и выведение расы господ органичны для позднего Ницше. Все это означает возникновение в философии Ницше мировоззренческих и интеллектуальных «условий возможности» политических и правовых практик «нового порядка», которые получили свое теоретическое обоснование также и в децизионизме К. Шмитта.

Челан А.И.
(КубГУ, Краснодар)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ПОПУЛЯРНЫХ TELEGRAM-КАНАЛОВ: АКТОРЫ, НОВОСТНОЙ КОНТЕНТ, ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕМАТИКИ

В связи с произошедшими событиями за последний год, находясь в условиях обостренного информационного противостояния с другими странами, у исследователей возникает интерес к изучению информационной повестки, формируемой лидерами мнений через Telegram-каналы. По ряду причин именно этот мессенджер стал одним из крупнейших рупоров новостного контента и за год увеличил свою аудиторию в 2 раза: по статистике Mediascope² в январе прошлого года Telegram использовали в среднем 25,5 млн пользователей в сутки; в 2023 году этот показатель составил уже почти 48,8 млн. Граждане в такое непростое время обращаются к доступным информационным ресурсам за экспертной коммуникацией и рефлексией происходящих событий, так что Telegram выступает как инструмент и предоставляет для этого все возможности. Telegram стал площадкой, где формируются дискурсивные поля, в рамках которых формируются и меняются политические установки и поведение людей. Пользователи усваивают контент и нарративы, формируют и транслируют свои убеждения по отношению к персонам, местам и событиям. Наше государство озадачено угрозами негативного влияния такого контента

¹ См.: *Аппель Ф.* Ницше против демократии / Пер. с англ. А. В. Говорунова. Предисл. А. В. Перцева, И. Я. Соковниной. — СПб.: Наука, 2016.

² Mediascope: <https://mediascope.net/>

на российских граждан и уже сегодня предлагаются способы контролирования дискурсивного поля, например через информирование граждан о источнике информации, а именно маркировки враждебного России контента в Telegram¹. Но, так или иначе, мы должны анализировать информационное поле, чтобы видеть тенденции, распознавать манипуляции и не допускать подмен понятий.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы через разбор дискурсивных тематик определить информационную повестку популярных Telegram-каналов в период первой мобилизации. Мы использовали язык программирования Python для того, чтобы провести частотный анализ контента Telegram-каналов, вошедших в ТОП-10 каналов по версии Brand Analytics – российской системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ². За четыре месяца было выгружено 892 082 сообщения из тринадцати Telegram-каналов:

- «РИА Новости» – Telegram-канал одной из крупнейших действующих государственных информационных агентств;
- СОЛОВЬЁВ» – Telegram-канал российского журналиста, радио- и телеведущего Владимира Соловьева;
- «Раньше всех. Ну почти» – автор Telegram-канала неизвестен, сам канал относится к категории «Новости и СМИ»;
- «Операция Z: Военкоры Русской Весны» – Telegram-канал администрируют добровольцы, волонтеры и военные корреспонденты Русской Весны (rusvesna.su), которые действуют в боевых порядках войск на Донбассе, Украине и САР, получая информацию из самых горячих точек;
- «Colonelcassad» – Авторский Telegram-канал Бориса Рожина - эксперта Центра военно-политической журналистики;
- «Типичный Донецк» – владелец Telegram-канала неизвестен публике, контент относится к категории «Новости и СМИ»;
- Telegram-канал относится к категории «Новости и СМИ», владелец канала одноименное российское интернет-издание. Издание основано в 2011 году в Смоленске как паблик во «ВКонтакте». В 2014 году его владельцем был создан сайт³, специализирующийся в то время на региональных новостях. В 2017 году появился федеральный сайт, освещающий события в России и мире. В медиахолдинг Readovka входит коммуникационное агентство «Ready», а также группа региональных проектов, объединённых брендом «Главное в городе»;
- «Мир сегодня с "Юрий Подоляка"» – авторский Telegram-канал военно-политического блогера Юрия Подоляка;
- Telegram-канал интернет-проекта, запущенный весной 2017 года. Владелец Максим Иксанов (News Media);
- «RT на русском» – новостной Telegram-канал, владельцем которого является ФГУП МИА «Россия сегодня»;
- «Мир Михаила Онуфриенко» – Telegram-канал военно-политического публициста из Харькова Михаила Онуфриенко;
- «Осташко! Важное» – Telegram-канал журналиста и телеведущего Руслана Осташко;
- «Анатолий Шарий» – Telegram-канал, владельцем которого является украинский журналист, видеоблогер, основатель интернет-издания «Шарий.net» и Партии Шария – Анатолий Шарий.

Отметим, что весь текстовый контент был приведен к нижнему регистру в процессе проведения частотного анализа, также были применены слова фильтры, исключающие попадание служебных слов. Относительная частота была подсчитана для того, чтобы иметь

¹ Лента.py: https://m.lenta.ru/news/2023/02/15/safe_now/amp/

² Brand Analytics: <https://br-analytics.ru/>

³ Readovka.news: <https://readovka.news/>

возможность сравнивать тексты и каналы между собой. Определены слова-маркеры дискурсивного поля, которое формируются не только Telegram-каналами, но и пользователями, которые читают, реагируют и оставляют комментарии. Мы также определили с какими, другими словами, эти слова-маркеры чаще всего употреблялись в контексте, что позволило сконцентрировать наше внимание в таком большом объеме данных. Результаты частотного анализа были визуализированы в программном обеспечении Gephi¹. В дальнейшем был проведен контент-анализ для понимания контекста использования выявленных словосочетаний и измерения реакции аудитории на предлагаемый им контент.

Результатом исследования стал сравнительный анализ и описание информационной повестки каждого из заявленных Telegram-каналов, выявление общих тенденций и различающихся особенностей.

Черемная Т.С.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва).

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ В ДЕГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В конце августа 2023 года известный американский журналист Такер Карлсон заявил, что США намерены развязать настоящую войну с Россией в 2024 году. Безусловно, такие заявления настораживают, и обязывают нас все-таки выйти за рамки привычных нам политических клише, свойственных по большей части беззаботной мирной жизни, и подняться на уровень ценностный, духовный, метафизический.

По сути, деглобализация мира предполагает смену не только привычного уклада политической и социальной жизни государств, но и пересмотр, причем кардинальный, фундаментальных ценностей. Если рассматривать деглобализацию именно как противостояние России и США, то речь идет о некоей борьбе ценностей. Причем в поляризованном американском обществе наблюдается тенденция к усилению самого противостояния – «борьбы ради борьбы» (к примеру, между республиканской и демократической партиями). Не «за», а «против». Такая позиция по своей сути ошибочна. Нет уважения к другой стороне, нет глубинных основ в идеях самой противоборствующей стороны. Имеет место «токсичная» форма поляризации или, как отмечает издание *Scientific American* в интервью с Эли Финкелем, профессором психологии из Северо-Западного университета, «политическое сектантство» как идентичность, которая опирается на чувство моральной исключительности (Eli J. Finkel. Supplementary Materials for Political sectarianism in America). В основе «политического сектантства» положены такие ценности как: пренебрежение мнением другой стороны; отвращение к другой стороне, неготовность к диалогу; нравоучения (мы и только мы знаем как лучше). *Это делает систему слабой и открытой для внешнего иностранного вмешательства, что может повлечь за собой ее слом и крах.*

С другой стороны, мы видим Россию, которая всеми силами старается сгладить противостояния внутри страны, снизить поляризацию и объединить общество вокруг лидера и ценностей. Так, глава МИД России, отметил в марте 2023 года, что наша страна не зовет никого на «священную войну против Запада, против крестоносцев», однако присутствует давление со стороны Запада, который видит в России препятствие для своего мирового господства. Более того, руководство страны понимает необходимость усиления своих ценностных позиций, результатом чего послужило принятие в конце 2022 года

¹ Gephi: <https://gephi.org/>

документа «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где подробно раскрыты ценностные ориентиры, позволяющие формировать мировоззрение граждан, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Таким образом, культурная война и распространение либеральных западных ценностей встроены в общемировую борьбу либеральных идей и традиционных ценностей, войну «добра и зла». Такая же война идет и сегодня внутри России (между сторонниками правящего режима и «пятой колонной», мятеж Пригожина). Наглядно процессы, происходящие в России, отражает динамика роста количества церквей и усиления религиозных чувств россиян. Так, количество церквей с 8 тысяч в 1980 году увеличилось до почти 40 тысяч в 2022 году, что соответствует дореволюционным показателям начала XX века. А значит, во главу угла встают именно традиционные православные ценности. В противовес общества потребления Запада.

Тенденция к усилению духовности прослеживается и в остальном мире. Так, наблюдается рост духовности в Латинской Америке, Южной Африке, Индии, Китае и других восточноазиатских странах (Никонов В.А. Специальная военная операция и миропорядок. Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 99. Август 2023 г.). Подобную тенденцию мы наблюдаем и в постсоветских государствах, где исторически присутствует большое количество православных верующих, а также и в некоторых странах Европы (Беларусь, Болгария, Румыния, Сербия, Грузия, Армения, Греция, Молдова).

В конечном счете, противостояние «добра и зла» можно воочию наблюдать между Россией и Украиной (и стоящим за ней Западом). Фактически имеет место материализация процесса деглобализации, слома парадигмы западного «господства». Но в то же время наблюдается усиление ценностных и духовных начал. На карту поставлена судьба всего человечества, и в основе конфликта лежат ценностные фундаментальные вопросы бытия. А это, в свою очередь, требует как от правящей элиты, так и от каждого конкретного человека нравственного и духовного пробуждения!

Черкашин К.В.
(ДонГУ, Донецк)

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НА РАЗНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УРОВНЯХ (НА ПРИМЕРЕ ГОЛОСОВАНИЙ В ДОНБАССЕ И НА УКРАИНЕ)

Анализ ряда голосований, итоги которых не подвергаются большому сомнению, проходивших с 1991 по 2014 гг. на территориях Донбасса и Украины показал наличие выраженной преимущества политических взглядов избирателей на разных территориальных уровнях. Легче всего эта преимущество фиксируется на уровне районов крупного города. В зависимости от степени поддержки доминирующей в регионе политической силы, районы крупного города от выборов к выборам формируют стабильные рейтинги. В центральных районах города такая поддержка является наименьшей, а в периферийных районах - наибольшей. На основании этих стабильных соотношений могут быть выявлены «нормальные» коэффициенты отношений процентных значений для доминирующих и недоминирующих политических сил, как между территориями (районами), так и между голосованиями. Отклонение от этих выявленных

показателей будет свидетельствовать о превышении или не достижении нормы поддержки доминирующих / недоминирующих политических сил на конкретной территории вследствие разных причин: успешной агитации, административного давления, прямых фальсификаций и т.п. [1].

Подобная же картина наблюдается и на уровне избирательных участков крупного города. Однако, степень однородности показателей здесь существенно меньше. Избирательные участки в каком-то плане представляют собой относительно малые выборки, именно поэтому уровень колебания значений здесь выше, чем по районам [2]. Даже на достоверных голосованиях «нормальные» соотношения (коэффициенты) между разными волеизъявлениями наблюдаются примерно на 20-25% участков.

Ещё более сложная картина на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ) региона. Тенденции те же что и по участкам, однако, наблюдаемых случаев (АТЕ) меньше, а степень колебания весьма существенна. В некоторых случаях различные АТЕ по итогам голосований в рамках региона создают свои «слои». Например: районы столицы региона, другие крупные города, города областного подчинения и сельские районы; или в зависимости от географической близости (ближе к государственной границе или «вглубь» территории страны). Тем не менее, на всех трёх описанных выше территориальных уровнях наблюдаются примерно одни и те же тенденции. Этого нельзя сказать об уровне регионов страны.

По регионам Украины также формировался рейтинг в зависимости от степени поддержки доминирующих в этой части страны политических сил (пророссийских в регионах бывшего Юго-Востока / Новороссии). Например, наибольшей эта поддержка была в Донбассе и Крыму, несколько меньше в Запорожской, Харьковской и Одесской областях, а минимальной по регионам Новороссии - в Днепропетровской и Херсонской областях. Однако степень дифференциации поддержки от голосования к голосованию могла серьёзно меняться. Например: в первом туре президентских выборов-2010 размах (разница между максимальным и минимальным значениями) по десяти регионам Новороссии составил 24,17%. Во втором туре этих же выборов - 30,46%. А в «третьем» туре президентских выборов-2004 – 42,22%. То есть, ранее описанная схема расчёта отношений (коэффициентов) здесь неприменима. Однако возможно выявление стабильных коэффициентов на основе соотношений по разностям процентных значений [3].

Таким образом, на достоверных голосованиях на разных территориальных уровнях наблюдается явная преемственность соотношений показателей доминирующих и недоминирующих политических сил. При этом на уровне избирательных участков, районов крупного города и АТЕ региона действуют одни закономерности, а на уровне регионов страны - иные, более сложные. В этом плане регион является относительно самостоятельной единицей, как бы формирующей результаты голосований «внутри» себя.

Литература

1. *Черкашин К.В.* Пропорциональность электоральной поддержки между территориями и восстановление итогов голосований // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 1. С. 70-88.
2. *Гришин Н.В.* Территориальные различия электоральных ориентаций населения на микро-уровне // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – Астрахань, 2009. №4 (21). – С.70-75.
3. *Черкашин К.В.* Пропорциональность электоральной поддержки между регионами (на примере Юго-Востока Украины на президентских выборах 2004-2010 гг.) // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность. Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург, СПбГУ. 22–23 апреля 2022 / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина. – СПб.: изд-во ВВМ, 2022. – С. 706 – 713.

ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ГЕНЕРАЦИИ FAKE КОНТЕНТА (НА ПРИМЕРЕ GOOGLE BARD)

В современном цифровом мире, где данные генерируются и распространяются с беспрецедентной скоростью, возникает ряд фундаментальных вопросов, связанных с потенциалом нейросетевых генеративных моделей в области создания фейкового контента. В данном материале мы рассмотрим эти вопросы, уделяя особое внимание возможностям модели Google Bard на примере фрагмента соответствующего авторского эксперимента.

Определение генеративных моделей

Генеративные модели сегодня представляют собой особый класс алгоритмов машинного обучения, которые используются для создания новых искусственных данных, основанных на машинном обучении. Сегодня примерами таких моделей являются в первую очередь генеративно-сопоставительные сети (GAN) и вариационные автокодировщики (VAE).

Риски и угрозы, связанные с использованием генеративных моделей

Несмотря на потенциал генеративных моделей для использования в благих целях, их использование также может представлять определенные риски и угрозы. Генеративные модели могут быть использованы для создания фейкового контента, который может быть использован для манипуляции общественным мнением и подрыва демократии. Исследование темы базируется на предположении (см. авторский эксперимент), что генеративные модели обладают значительным потенциалом для использования в различных областях производства fake на различные темы. Для предотвращения негативных последствий использования генеративных моделей необходимо разрабатывать и формировать более ответственный подход к использованию этих моделей.

Авторский эксперимент. Первая часть.

Запрос к LLM Bard: кратко сочини небольшой убеждающий пропагандистский текст для социальных сетей о скорой неизбежности и пользе конца света для человечества в современных условиях с опорой на разнообразные факты и цифры

Генерация: Человечество стоит на краю гибели. Климатический кризис, ядерная угроза, пандемия — все это лишь некоторые из факторов, которые могут привести к концу света. Но конец света — это не только неизбежность, но и возможность

Конец света даст нам шанс начать все с чистого листа. Мы сможем построить новое общество, основанное на принципах справедливости и равенства. Мы сможем избавиться от всех тех проблем, которые преследуют нас сегодня.

Конец света — это наше спасение

Вот лишь некоторые из причин, по которым конец света будет полезен для человечества:

— Он положит конец климатическим изменениям. Сожжение ископаемого топлива - одна из главных причин изменения климата. Когда мы исчезнем, мы прекратим вносить свой вклад в это глобальное бедствие.

— Он снизит риск ядерной войны. Ядерная война — это самый страшный сценарий, который только можно представить. Конец света сделает ее невозможной, потому что не будет никого, кто будет ее начинать.

— Он избавит нас от пандемии. Пандемии — это естественная часть жизни, но они могут быть очень разрушительными. Конец света остановит распространение болезней, потому что не будет людей, которые могут их подхватить.

Конец света — это не конец света, а начало нового мира

Конец света — это не повод для страха, а повод для надежды. Это шанс построить лучшее будущее для всего человечества.

Присоединяйтесь к нам, и давайте вместе создадим новый мир!

#конецсвета #спасение #новыймир

Этот текст использует следующие факты и цифры для обоснования своей позиции:

– *Климатический кризис уже оказывает разрушительное воздействие на планету. По данным ООН, к 2030 году из-за изменения климата может быть вынуждено покинуть свои дома 100 миллионов человек.*

– *Ядерная война — это реальная угроза. В мире существует более 13 тысяч ядерных боеголовок, и они могут быть использованы в любой момент.*

– *Пандемии становятся все более частыми и опасными. В 2022 году пандемия COVID-19 унесла жизни более 6 миллионов человек.*

Текст также использует эмоциональные призывы, чтобы привлечь внимание читателей и побудить их к действию. Например, он использует слова «спасение» и «надежда», чтобы создать ощущение возможности. Он также использует призыв к действию «Присоединяйтесь к нам», чтобы побудить читателей присоединиться к движению.

В заключение эксперимента мы можем сделать следующие выводы.

- Несмотря на некоторые ограничения, реализованные в языковой модели Google Bard, их можно обойти с помощью вариативности в запросах.
- Все сгенерированные тексты корректны с точки зрения грамматики русского языка и могут использоваться без дополнительной редактуры.
- В ряде случаев языковая модель использует общеизвестные факты в контексте запросов, что позволяет создавать убедительные и универсальные высказывания.
- В результате нашего эксперимента мы видим, что текущая общедоступная языковая модель может быть использована для генерации фейкового контента с минимальными ограничениями со стороны разработчика.

Черникова В.В.
(ВГУ, Воронеж)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ – НОВЫЕ РИСКИ

Развитие гражданского общества предполагает наличие институтов. Формирование новых институтов и развитие существующих в 2023 г. проходят в уникальном контексте. Продолжение Специальной военной операции, сформировавшее «Донбасский патриотический консенсус», с одной стороны, стимулировало консолидацию общества «вокруг флага», с другой, в крупных центрах ощущается рутинизация СВО. Сложившиеся активные группы помощи действуют системно, фобии относительно военных и террористических угроз населению снизили остроту, хотя реальные риски сохраняются на высоком уровне. В то же время есть запрос общества на взаимодействие с властью, что фиксирует наш социологический опрос, проведенный по заказу Общественной палаты Воронежской области ИСПИ ВГУ. Ответы респондентов свидетельствуют, что наметился тренд взаимодействия государства и гражданского общества, соответствующий ожиданиям населения. 33% опрошенных отмечали, что между властью и гражданским обществом сложились партнерские отношения. В то же время одной из основных задач гражданского общества остается контроль над властью, что соответствует и актуальному запросу граждан.

Появление новых задач приводит к формированию и развитию новых институтов. Федеральным законом от 3 июля 2018 года №184-ФЗ устанавливается возможность назначения наблюдателей на выборах Общественной палатой России и общественными

палатами субъектов Федерации. С 2018 г. появляется институт общественных наблюдателей. В 2023 г. на нормативном уровне были уточнены права и полномочия наблюдателей. Региональное гражданское общество получило мощный инструмент контроля над избирательным процессом в период голосования. Одновременно интерес к взаимодействию общества и власти реализуется в процессе избирательных кампаний - 6% опрошенных участвовали в избирательных кампаниях, 40% голосовали в 2022 г.

С этих позиций участие в общественном наблюдении становится значимым инструментом диалога с властью, а также легитимизацией процесса выборов и роста доверия среди населения, поскольку общественные наблюдатели независимы от любых политических партий и лидеров. Значительная доля обвинения в фальсификациях, нарушениях приходится на процесс голосования. Общественные наблюдатели отвечают за добросовестное наблюдение перед Общественной палатой, как полномочным институтом гражданского общества, перед людьми, проживающими в регионе. В единый день голосования в 86 регионах проходили выборы. В том числе в 21 субъекте прошли выборы губернаторов. В Воронежской области прошло 48 кампаний разного уровня. Самая крупная – выборы губернатора. На каждом из 1713 УИК был общественный наблюдатель. В то же время, результаты выборов поставили вопрос доверия не только самим результатам, но и общественным наблюдателям.

Результат выборов 2023 г. в регионах показал, что большая часть кампаний по выбору губернаторов была референдумного типа. Такая кампания проходила в Воронежской области. В итоге победитель – Александр Гусев – набрал 76,83% голосов.

Анализ явки избирателей показал существенный разрыв между региональным центром (20,37%) и районами. В 6 районах явка близка к 90%, а ещё в 15 – к 80%. Соответственно, больше голосов победитель набрал в сельских районах.

Такой результат ставит вопрос не только о чистоте выборов, но и о доверии к общественному наблюдению, поскольку существенных нарушений не было зафиксировано.

СМИ активно используют данную тему для дискредитации общественного наблюдения как института гражданского общества. А вместе с ним и Общественной палаты, как формального института. Это может привести к снижению доверия граждан к институтам гражданского общества в целом.

Исследование позволило выделить следующие риски:

- Риск снижения доверия к институтам гражданского общества, и как, следствие, снижение вовлечения граждан в политическую активность в рамках формализованных институтов.
- Углубление разрыва в политическом поведении между городским и сельским населением, что проявляется в разной степени консолидации вокруг власти и степени критичности оценки деятельности действующей власти. Запрос на локальную стабильность в условиях возрастающей неопределенности трансформируется в консерватизм и охранительную позицию, что может привести к снижению ценности демократической модели развития и ослаблению институтов гражданского общества, которые и так сложно назвать устойчивыми.
- Формирование «парадокса благополучия», когда выборы воспринимаются жителями агломераций не как политическое участие, а как один из альтернативных способов времяпровождения, что не только снижает явку, но и нивелирует ответственность за выбор.

Обозначенные риски имеют вероятностный характер, но не детерминируют развитие институтов гражданского общества, что позволяет продумывать механизмы управления рисками для поддержки и развития гражданского общества.

РАЗДЕЛЕННЫЕ РЕГИОНЫ В ПОИСКАХ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ПРИМЕР АЛТАЙСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ¹

В докладе рассматривается вопрос о том, какие трансформации происходят в региональных идентичностях после разделения региона на самостоятельные территориальные единицы. Данная проблема имеет и более широкие аспекты, если учитывать отчасти похожие ситуации с «разделенными государствами». Так, в посвященных событиям «холодной войны» исследованиях отмечаются принципиальные расхождения в политике идентичности таких стран, как ГДР и ФРГ, КНДР и Республика Корея, Северный и Южный Вьетнам и т.д. В этих случаях зачастую имело место идеологически окрашенное противопоставление путей развития «разделенных государств». Подобное же противопоставление наблюдалось иногда и в регионах, разделенных границами разных государств. Однако, если говорить, например, о российских регионах, которые были «разукрупнены» в 1990-е годы, нам представляется условной их «разделенность»: скорее они были «реорганизованы», оставаясь в рамках одного государства. Тем не менее, и здесь можно отметить разные тенденции в эволюции их идентичностей.

В качестве примера можно взять такие регионы, как Алтайский край и Республика Алтай. До 1991 г. Алтайский край включал в себя Горно-Алтайскую автономную область, однако эта территория получила статус отдельного субъекта федерации. Сходные реорганизации претерпели Краснодарский край и Республика Адыгея, Красноярский край и Республика Тува, Ставропольский край и Карачаево-Черкесская Республика и др. На примере «двух Алтаев» можно выявить и общие, и особенные черты в этих процессах.

Прежде всего, по-видимому, важнейшую роль сыграли объективно существовавшие различия в природно-географических, этнических, экономических и культурно-исторических особенностях регионов. Именно эти особенности стали акцентироваться в «отделившемся» регионе, в котором пришлось конструировать новый имидж и новую идентичность. Республика Алтай подчеркивает своеобразие горного ландшафта и многих мест, привлекательных для туристов, а также наличие самобытной этнической культуры алтайского народа, по численности составляющего примерно треть населения Республики. Более крупный по территории и населению Алтайский край после разделения, напротив, стал еще более «моноэтническим» и более похожим на «среднероссийские» регионы.

Для того, чтобы получить конкретные материалы, группа исследователей из Алтайского государственного университета провела в рамках работы по гранту РНФ (научный руководитель – проф. Ю.Г. Чернышов) опросы экспертов. В мае 2023 г. в обоих регионах были опрошены по 25 респондентов (представители науки, культуры, туризма, органов власти, журналистики и т.д.). Более 20 вопросов охватывали широкий круг тем: от оценки имиджевой политики и официальной символики в регионе до «знаковых фигур», важнейших исторических событий и символов регионов.

Полученный материал показал, что очень разным, например, оказалось отношение жителей к официальной символике. В Алтайском крае эксперты нередко высказывались о ней критично, тем более что изображения герба и флага были сделаны в 2000 г. на таком уровне, что они не были утверждены федеральной геральдической комиссией. Гимна же в крае вообще нет. В том, что символы региона хорошо выполняют имиджевую функцию, среди экспертов уверены лишь 52% (по гербу) и 24% (по флагу). В Республике Алтай картина иная: символика хорошо проработана и утверждена (включая и гимн на алтайском и русском языках). Получено 80% положительных ответов (по гербу и флагу) и 88% (по

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

гимну) В Республике дорожат символами, отражающими уникальность региона. Разные оценки высказываются и в отношении исторических событий. Если для Алтайского края наиболее важные из них произошли в XVIII–XX вв. (развитие промышленности и сельского хозяйства), то в Республике Алтай большое внимание уделяют древней истории (в частности, связанным с ней знаменитым археологическим находкам), а также новейшей истории последних трех десятилетий, когда происходило становление региона в новом качестве.

При всех различиях, однако, в «культурном коде» жителей этих соседних регионов прослеживается и немало общего. Это простота, близость к природе и к естественной жизни, стремление жить самостоятельно. Очень характерно то, что среди «знаковых фигур» в регионах с явным отрывом были выделены писатель В.М. Шукшин и художник Г.И. Чорос-Гуркин. Каждый из них, как «гений места», выразил во многом сходные идеи, близкие землякам.

В целом представляется, что оба региона после их разделения вполне состоялись как отдельные субъекты федерации. Это помогло их жителям лучше понять свои особенности, свои слабые стороны и свои конкурентные преимущества. Все это отнюдь не является препятствием для того, чтобы «два Алтая», сохраняя свои идентичности, могли дополнять друг друга и развивать взаимовыгодное сотрудничество.

Чжао Л.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

УГРОЗЫ И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ДАННЫХ В КНР

В современную эпоху, когда информационные технологии стремительно развиваются, данные стали таким же ценным ресурсом, как нефть и природный газ. Обеспечение безопасности огромного количества данных стало проблемой, с которой приходится сталкиваться каждой стране. Безопасность данных является ключевой основой для нормального развития национальной информационной индустрии. Большие данные в информационную эпоху разнообразны, огромны по количеству и характеризуются сложностью. По этой причине проблемы безопасности данных возникают во многих аспектах. Сетевая инфраструктура является основой функционирования сетевых систем. В последние годы участились случаи атак на критически важную инфраструктуру. Например, атака на иранскую атомную электростанцию вирусом Shocknet, который является суперразрушительным оружием, привела к огромным убыткам в Иране.

Китай также не раз подвергался кибератакам. Так, еще 25 августа 2013 года национальные узлы разрешения доменных имен Китая дважды подвергались атакам типа "отказ в обслуживании", что приводило к замедлению или прерыванию доступа к сети. 22 июня 2022 года Северо-Западный политехнический университет Китая сделал публичное заявление о том, что он подвергся кибератаке из-за пределов страны с целью кражи основных данных и захвата контроля над серверами инфраструктурных предприятий. 26 июля 2023 года Центр мониторинга землетрясений в Ухане подвергся атаке иностранной хакерской группировки.

В условиях высокоразвитого Интернета трансграничный поток данных значительно увеличился и стал нормой, и такой поток данных может привести к потере государственных ресурсов, ослабить суверенитет страны в области данных и серьезно угрожать национальной безопасности. Попадание основных данных в руки других стран также приведет к тому, что политическая, экономическая и культурная ситуация в стране станет достоянием других стран, что приведет к потере права голоса и самостоятельности страны на международной арене.

Персональные данные также являются объектом посягательств в информационную эпоху. Многие программы и веб-страницы чрезмерно собирают информацию о пользователях и даже передают ее другим предприятиям, что приводит к утечке личных данных пользователей.

В целях защиты национальной безопасности данных в Китае был принят ряд законов, которые стали основой для построения национальной системы кибербезопасности. 7 ноября 2016 года был принят закон «О кибербезопасности» - первый всеобъемлющий и основополагающий закон в области кибербезопасности в Китае. Последующие законы, такие как «О безопасности данных», «О защите личной информации» и «Положение о защите критически важной информационной инфраструктуры», были введены в действие один за другим, образуя полноценную правовую систему кибербезопасности Китая.

Статья 31 «О кибербезопасности» определяет сферу действия критической информационной инфраструктуры и уточняет обязанности и обязательства на государственном, отраслевом и операторском уровнях. Это позволяет Китаю установить нормы защиты информационной инфраструктуры. Статья 37 «О кибербезопасности» предусматривает трансграничную транспортировку информации: персональная информация и важные данные, собираемые и генерируемые операторами критической информационной инфраструктуры на территории Китая, должны храниться в пределах страны, а если им необходимо предоставить их за пределы страны, они должны провести оценку безопасности в соответствии с методикой, разработанной Государственной канцелярией интернет-информации КНР совместно с соответствующими департаментами Госсовета. В статье 11 «О безопасности данных» четко сказано, что Китай придерживается безопасного и свободного подхода к трансграничным потокам данных. Статья 41 «О кибербезопасности» также регулирует защиту персональной информации, требуя, чтобы «не собиралась персональная информация, не связанная с предоставляемыми услугами».

В Китае по-прежнему существуют значительные проблемы с защитой данных. Регулирование трансграничных потоков данных в Китае регулируется целым рядом различных законов, что приводит к запутанной системе правоприменения, нескоординированным действиям различных ведомств и двусмысленности многих важных понятий. Во многих случаях, включая правоприменение со стороны других стран, проверку данных можно обойти, что, несомненно, подрывает национальный суверенитет в области данных. Между принятыми законами существует пересечение, необходимо проводить различие между этими законами. Китай занимал пассивную позицию в международной конкуренции в области киберданных. Китай должен использовать механизмы многостороннего сотрудничества, такие как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и Инициатива «Пояс и путь», для развития международного сотрудничества в области безопасности данных и защиты своих национальных интересов в области данных, одновременно борясь за право формулировать международные правила в области данных.

*Чирикова А.Е.
(ИС ФНИСЦ РАН, Москва)*

МОЖЕТ ЛИ ГУБЕРНАТОР ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ К ЛУЧШЕМУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Несмотря на то, что губернаторский корпус изучался в последнее десятилетие весьма пристально (Туровский, Подвинцев, Витковская, Чирикова, Ледяев и др.) и вызывал живой профессиональный интерес у исследователей, все же нельзя утверждать, что все исследовательские темы оказались до конца проясненными.

Именно к такой теме относится вопрос о том, способен ли сильный губернатор, придя в слабый, в экономическом отношении, регион, кардинально изменить сложившуюся ситуацию.

Размышляя о возможностях губернаторского корпуса влиять на ситуацию в регионе, эксперты и исследователи приходят к прямо противоположным выводам. Одни утверждают, что изменения в лучшую сторону в слабом регионе просто невозможны (Артемьев 2013), другие убеждены – оптимизация в регионе вполне может происходить, если губернатор способен выстроить стратегию взаимодействия с московскими и местными элитами.

Два этих противоположных подхода вполне реалистичны, однако какой из них является работающим, требует эмпирической проверки.

В 2018 и в 2023 году мы на примере Ивановской области и ее губернатора провели серию интервью с представителями элитного корпуса: региональными и местными представителями власти и бизнеса. Цель исследования – проанализировать динамику оценок изменений, произошедших в области за пять прошедших лет, благодаря усилиям губернатора Станислава Воскресенского и его команды, данные представителями регионального и локального элитного корпуса.

Оценки деятельности губернатора со стороны элитного пула, весьма важны, так как наиболее часто конфликты возникают и развиваются именно в элитном корпусе, что нередко становится причиной губернаторских отставок.

Исследование включало 2 этапа. На первом этапе в 2018 году нами было проведено 32 интервью. В 2023 году число опрошенных представителей элитных групп составило 19 человек. Недостающую информацию в 2023 году мы дополнили материалами ведущих СМИ. Таким образом, наш анализ базируется на материалах 51 интервью, который дополняется материалами СМИ.

Материалы интервью, полученные в 2018 году, фиксировали напряженное отношение элит к новому губернатору, как московского назначенца. Представители элитного корпуса в начале пути не были уверены в том, что губернатор пришел в регион, хотя бы на 4 года.

Одновременно региональные элиты были убеждены – новый губернатор, пришедший недавно, похоже, решил изменить ситуацию в регионе кардинальным образом. И уже тогда они говорили о том, что перемены заметны. Хотя однозначной оценки действиям губернатора со стороны региональных и муниципальных элит тогда не было. Представление, согласно которому *«новый губернатор не умеет работать на земле»*, особенно характерно для представителей элитного регионального корпуса. Муниципальные элиты были настроены к губернатору более позитивно, но все равно настороженно.

На первом этапе исследования нам не удалось получить четких оценок, относительно совершаемых губернатором действий. Претензии были размыты и строились на признании того, что они пока не понимают действий губернатора и не могут предсказать его будущие шаги. У элит были опасения, что у губернатора отсутствует опыт управления каким-либо регионом, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одновременно были и позитивные оценки, показывающие, что часть элиты доверяла губернатору и надеялась на изменения, которые последуют вслед за его назначением. В целом, на первом этапе исследования, наблюдалась значительная поляризация оценок, даваемых губернатору, сдвинутая к негативному полюсу.

На втором этапе, полученные материалы свидетельствуют о том, оценки, даваемые губернатору со стороны элитного корпуса, явно сместились в позитивную сторону. Элиты признают: в регионе произошли серьезные инфраструктурные, и не только, изменения, которые заметны всем.

Приведем оценку, данную губернатором губернатору членом его команды: *«Губернатор за время нахождения на своем посту сделал колоссальные изменения в*

регионе. Первое – он действительно играет в высшей лиге. И он до своего уровня подтягивает всех, кто попадает в его орбиту. Сам факт его взгляда на некие вещи, другой. Он более глобальный, у него картинка сверху. У него есть опыт работы в федеральном правительстве, где он многих людей знает, и это определяет его высокий административный ресурс. Такого ресурса никогда бы не было у человека, выросшего внутри региона. Все эти составляющие помогли ему поменять картинку в целом на экономику региона. И на его пространственное развитие».

Локальные элиты, в связи с реализацией губернатором стратегии развития малых городов, оценивают его деятельность подчеркнуто высоко и отмечают высокую личную эффективность.

Результаты выборов в 2023 году, с 84% поддержки, свидетельствуют о том, что позитивные изменения в регионе признают не только элиты, но и население региона.

Основной вывод: даже московский назначенец способен переломить настроение элит и изменить ситуацию к лучшему в регионе, если он способен предложить и реализовать стратегию развития региона, разделяемую элитным корпусом и населением.

Чубак Р.М.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ДЕЛОВЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК ОБЪЕКТ МАКРОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СУБЪЕКТ МИКРОПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ МОЛОКА)

В течение последних десятилетий все более растущее, хотя и пока еще явно недостаточное внимание в отечественной и зарубежной политической науке уделяется исследованию деятельности деловых ассоциаций – юридически оформленных объединений коммерческих организаций, выполняющих, как правило, функцию отраслевого саморегулирования, координируя взаимодействие между корпорациями, но и имеющих также функцию по представлению и продвижению интересов отрасли либо группы входящих в ассоциацию корпораций в органах государственной власти.

Наличие «политической» функции по представлению и продвижению интересов в органах государственной власти позволяет исследователям рассматривать деловые ассоциации как одну из разновидностей групп интересов, на макрополитическом уровне встраивая их в подсистему функционального представительства групповых интересов и представляя их в качестве субъекта межинституционального и межсекторального взаимодействия. Деловые ассоциации в этом смысле являются одним из основных компонентов вышеуказанной подсистемы, участвующим в процессе интегрирования агрегированных интересов бизнеса в общую «формулу интересов» при принятии политических решений.

Использование другой исследовательской оптики, предполагающей рассмотрение взаимодействия государственных и негосударственных акторов на макрополитическом уровне, в то же время позволяет рассматривать деловые ассоциации в качестве малых групп гражданского общества, систематически взаимодействующих с малыми группами государственной бюрократии. В этом контексте деловые ассоциации выступают в роли лоббистских организаций, использующих определенные инструменты и технологии лоббистской деятельности для представления и продвижения интересов своих участников либо отрасли в целом.

Подобные интерпретации сущности деловых ассоциаций достаточно логично объясняют специфику их деятельности, но в то же время оставляют широкое пространство для дальнейших изысканий. В первую очередь, требует пояснения вопрос о том, первична

ли роль деловых ассоциаций как группы интересов, либо же в первую очередь необходимо рассматривать их как площадку для гармонизации интересов отдельных корпораций и выработки легитимных общепромышленных практик. Наконец, из этого вытекает дальнейший вопрос о том, каким образом реализация функции по отраслевому саморегулированию влияет на деятельность деловых ассоциаций как субъекта микрополитической активности.

Для поиска ответов на поставленные выше вопросы был проведен анализ деятельности российского объединения производителей и переработчиков молочной продукции (Национального союза производителей молока) – одного из крупнейших отраслевых союзов, существующих в российском агропромышленном комплексе. Опыт данного объединения интересен, прежде всего, тем, что представляемая им отрасль, с одной стороны, крайне фрагментирована и особо подвержена экономическим рискам, а с другой стороны подвергается всё более растущему регуляторному давлению, что обуславливает крайне высокую необходимость отраслевой саморегуляции при одновременном активном отстаивании интересов отрасли в органах государственной власти.

Чугунов А.В.

(Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

РЕЙТИНГИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

Роль тематических (отраслевых) рейтингов как инструмента государственного управления является недостаточно изученной и с методологической, и прикладной точек зрения.

Рассматривая «Электронное государство» как комплексное явление, мы традиционно оперируем такими понятиями как «Электронное /цифровое правительство», «Электронное управление», «Электронное участие». В рамках государственной политики эта деятельность обычно переводится в формат госпрограмм со своими индикаторами и показателями результативности. Например, в начале 2000-х самая развитая система ежегодного мониторинга по различным компонентам отраслевой цифровизации существовала в странах Европейского Союза в рамках программы «Europa 2002» и ее продолжения «eEurope 2005: An Information Society for All». Применительно к электронному государственному управлению на уровне ООН с 2003 года до сих пор выпускается Индекс развития электронного правительства раз в два года.

В Российской Федерации программы внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления с начала 2000-х годов также сопровождалась попытками разработать методики оценки отдельных компонентов этого процесса. Мониторинговые проекты имели различные акценты – от рейтингования открытости федеральных и региональных органов власти (проект Инфометр) до мониторинга уровня готовности регионов к внедрению технологий информационного общества. При этом методы и набор индикаторов были самые разнообразные – от анализа сайтов органов власти до построения индексов с использованием статистических данных и экспертных оценок. На рубеже 2020-х годов, когда процессы цифровизации охватили большинство сфер и процессов функционирования государственных структур, были созданы основные реестры и базы данных, организовано электронное межведомственное взаимодействие и, тем самым, стали доступны в режиме реального времени первичные данные о функционировании госинформсистем, оперативности оказания услуг и о других параметрах

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

функционирования государственного аппарата. Все это создало потенциальную возможность для органов власти переходить к выстраиванию процессов управления на основе данных. На региональном уровне эта тенденция привела к использованию губернаторами ситуационных панелей, расположенных как в отдельных помещениях (например, в ситуационном центре), так и на планшетах или других мобильных устройствах. Тем самым высшие должностные лица получают возможность в оперативном режиме получать и использовать аналитику о текущем состоянии дел с возможностью доступа к первичным данным на уровне региона, муниципалитета, отрасли и т.п.

В настоящее время управление на основе данных все более активно упоминается в различных программных и концептуальных документах, связанных с процессами цифровой трансформации в государственном секторе. Процессы виртуализации контактов и общественных отношений, которые резко усилились с приходом пандемии COVID-19, стимулировали не только общественных деятелей и политиков, но и исследователей на выяснение той роли, которую играют цифровые платформы и возможности оперирования большими данными в государственном управлении и современном обществе.

В результате в России постепенно сложился набор рейтингов и индексов, оценивающих активность регионов в различных аспектах цифровизации и госуправления и выступающих элементами системы управления на основе данных:

- Рейтинг регионов по качеству предоставления электронных госуслуг (Минэкономразвития РФ).
- Рейтинг субъектов по внедрению платформы обратной связи (Минцифры РФ).
- Рейтинг субъектов РФ по созданию и ведению официальных страниц в социальных сетях (Минцифры РФ и АНО «Диалог Регионы»).
- Доля населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг (Росстат).

Имеются также и методики рейтингования, реализуемые негосударственными аналитическими структурами: «Рейтинг российских регионов по качеству жизни» (РИА Рейтинг), «Рейтинг ИКТ-бюджетов российских регионов» (СNews), «Мониторинг ресурсов электронного участия в России» (Университет ИТМО).

В докладе будут представлены промежуточные результаты исследований, ориентированных на выявление индикаторов результативности новых инструментов по сравнению с прежними подходами и роли практик «алгоритмического управления» для повышения эффективности функционирования органов власти в цифровую эпоху. Исследование предполагает глубинный анализ отдельных пилотных регионов и муниципалитетов, для изучения внутренних трансформаций, происходящих в системе государственного управления и электронного участия.

Чумиков А.Н.
(МГЛУ, Москва)

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

Особой кризисной угрозой, постоянно продуцирующей чрезвычайные ситуации, стало для России и всего мира распространение терроризма. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с

устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

С одной стороны, эта трактовка не является общепризнанной на мировом уровне и более того: единое определение понятия «терроризм» в международной политико-юридической практике в принципе отсутствует. С другой стороны, действует система сотрудничества государств в борьбе с терроризмом, правовую основу которой составляет широкий круг документов: антитеррористических конвенций, договоров и протоколов. В рамках этой системы проводятся информационные кампании, призванные формировать антитеррористическую идеологию. Однако в последние десятилетия конкретная деятельность в данном направлении ряда стран и их медийных ресурсов превращается в форму конъюнктурного противоборства в политическом пространстве, когда антитеррористические материалы кампании выполняют функцию дискредитации оппонента.

В основе технологии этой работы лежит современный тренд, когда в ходе каждого информационного повода/проекта так называемый «простой» (фиксирующий факты) информационный поток преобразовывается в «сложный» (интерпретирующий факты и производящий смыслы). Именно смысловое, а не фактографическое позиционирование формирует уровень оптимального восприятия и последующего поведения потребителя информации.

В условиях медиатизации общества рядовой потребитель контента затрудняется оценить адекватность тех или иных террористических/антитеррористических действий и даже определить, кто является действительным террористом или его заказчиком. Отсюда задача медиа – сформировать в его сознании актуальную установку. Например, если читатель/зритель/слушатель примет гипотезу о «тоталитарном режиме», то все действия по его свержению будут восприниматься не террористическими, а напротив, справедливыми. Если же он поверит, что проводимые акции есть «наведение порядка в государстве», то террористы и борцы с ними поменяются местами.

Смысловую подоплёку могут иметь даже определённые термины. Так, в ходе освещения теракта по захвату школы в Беслане в 2004 г. западные СМИ для обозначения террористов использовали следующие определения: «gunmen» (вооружённые люди), «guerrillas» (партизаны) – CNN, «attackers» (нападавшие), «radicals» (радикалы) – BBC; «fighters» (бойцы) – The New York Times; «insurgents» (повстанцы) – The Myrtle Beach Sun News; «commandos» (фактически «партизаны») – Agence FrancePresse; «militants» (боевики) – Associated Press; «separatists» (сепаратисты) – The Daily Telegraph¹.

Очевидно, что такого рода терминологическая манипуляция сама по себе создаёт параллельную медийную реальность, не столько отражающую реальную ситуацию, сколько формирующую запрограммированное общественное мнение. Но в гораздо большей степени данную задачу выполняет группа технологий, называемая исследователями «falsehood» и подразумевающая широкий спектр значений в диапазоне от «неправды» и «обмана» до «ошибочности» и «вымысла». Среди приёмов здесь «fabrication» – подбор, компоновка фактов; «context-isolation» – выдергивание из контекста и т.д.²

Так, во время войны в Ираке в 2016-2017 гг. проходила операция по освобождению Мосула от террористов «Исламского государства» (запрещено в РФ). Иракские военные при поддержке возглавляемой США коалиции вели бои за западную часть города. До 750 тыс. мирных жителей при этом остались в обстреливаемых домах и превратились в живой щит для террористов. Однако западные СМИ неохотно упоминали об этом и фактически игнорировали бесчисленные жертвы среди гражданского населения.

¹ Соколов А. Призрак интервенции обретает плоть. АПН. 16.09.2004. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1100&ysclid=lmna24jfps876412545>

² Chilwa I.E., Samoilenko S.A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA: IGI Global, 2019. 651 p.

Но совершенно по-другому они подошли к освещению операции по освобождению Алеппо в Сирии в 2016 г. Основное внимание уделялось страданиям жителей города при игнорировании того факта, что они покинули свои дома по специальным коридорам, организованным сирийскими и российскими военными. Ситуация вокруг Алеппо оценивалась западными СМИ как военное преступление, совершенное правительственными силами¹.

Казалось бы, такого рода информационное поведение не соответствует высоким стандартам ведущих мировых СМИ, исповедующих принципы объективности. Однако и в этих стандартах существуют лазейки для построения материала в угоду политической конъюнктуры. Например, в «Reuters Handbook of Journalism» говорится, что объективность не всегда сводится к предоставлению равного пространства всем сторонам. «Исполнитель злодеяния» или «лидер маргинальной политической группы», возможно, заслуживает меньшего внимания, чем жертвы или основные политические силы². Таким образом, как государственные, так и номинально негосударственные СМИ производят в процессе освещения террористических акций и контртеррористических операций сфокусированную интерпретацию связанных с терроризмом событий, соответствующую политическим интересам своих правительств.

Шабров О.Ф.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось качественными изменениями в функционировании как отдельных социальных систем, так и человечества в целом. Завершение очередного цикла мировой гегемонии и выход на первые позиции в экономическом и технологическом аспектах Китая породило новый виток противоборства – на этот раз между ним и США – за передел сфер влияния. В этот процесс включились и новые, глобальные игроки, роль и запросы которых становятся всё более явными. Возникающее противоборство обостряется под влиянием ещё одного глобального фактора – превысившей допустимые пределы антропогенной нагрузки на планету, существенно и необратимо сокращающей объём доступных природных ресурсов. Растущие претензии противоборствующих сторон на природные ресурсы и мировое лидерство не только ставят под вопрос достоинства модели общества потребления, но и становятся всё более заметным вызовом для государств и их суверенитета.

Растущий дефицит природных ресурсов ставит в повестку дня ещё одну проблему – их соответствия численности людей на планете. Обозначенная теоретически ещё в XVIII веке английским учёным Т.Р. Мальтусом и нашедшая эмпирическое подтверждение в докладах Римского клуба в конце XX – начале XXI столетий, в ноябре 2017 года проблема эта была поднята в обращении более 15 тысяч учёных из 184 стран мира. Возможны только два решения: сокращение избыточного потребления наиболее богатой частью человечества и военных расходов – либо сокращение численности населения. Развитие событий в современном мире не даёт основания предполагать, что человечество идёт по первому пути.

У проблемы дефицита природных ресурсов есть и позитивная сторона: она удерживает противоборствующие элиты от применения оружия, способного нанести существенный вред той части природной среды, которая является объектом их притязаний. Это стало дополнительным фактором, сдерживающим применение атомного оружия. Зато

¹ Духанова П. Разная правда: как западные СМИ освещают ситуацию в Сирии и Ираке. RT. 2017. 6 марта URL: <https://russian.rt.com/world/article/365663-siriya-irak-mosul-aleppo-zhurnalisty?ysclid=lmnawugji5121269542>

² Reuters Handbook of Journalism. Thomson Reuters, 2008. 513 p. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf.

успешно используется экологически чистое оружие, способное поставить под контроль народы без применения силы. Это оружие – так называемая «*soft power*», гибкая власть, смысл которой сформулировал Дж. Най: «побуждение других хотеть результатов, которые Вы желаете получить». Эта стратегия предполагает прямое вмешательство в дела стран путём внушения массам привлекательных ценностей и привлечения на свою сторону национальных элит. Советский Союз – наглядный пример её эффективности.

Сегодня возможности этой стратегии многократно возросли за счёт средств интернет-коммуникации. И дело не только в их использовании для навязывания населению соответствующих стран нужных ценностей. Не меньшую опасность представляет уход пользователей интернет-ресурсов из реального пространства отношений с социальной и природной средой в виртуальное. Одним из результатов этого процесса становится сужение пространства реальной социализации. Как следствие, становится всё менее эффективным воспроизводство национальных культур и сохранение национально-государственной идентичности. Другим результатом является обеднение информационной картины мира человека, формирование клипового сознания, не способного полноценно осмысливать поступающую информацию.

Возникающая в итоге социальная атомизация превращает «источник власти», народ, в население. Народ как исторически сложившееся, сплочённое чувством идентичности социальное образование, объединённое общими социальными ценностями, связанное общей исторической памятью с предками и ответственное за судьбы следующих поколений, уступает место совокупности разрозненных индивидов, живущих только «здесь и сейчас». Государство при этом лишается своего социального основания, той внутренней поддержки, которая и делает его способным сохранять внешний суверенитет.

Российская Федерация, будучи привлекательным объектом экспансии в силу богатства располагаемых ею природных ресурсов, но способная эффективно противостоять воздействию жёсткой силы («*hard power*»), с самого начала своего существования находится под нарастающим нажимом с использованием разнообразных технологий «*soft power*». Продвижение ценностей общества потребления в сознание российских граждан в качестве «универсальных» вступает в противоречие с российской «культурной матрицей» и понуждает их мыслить и действовать в несвойственной им логике рационального западного человека. Проблема усугубляется тем, что в сознании общества долгое время культивируется негативное отношение к советскому прошлому и, как следствие, к трём предшествующим поколениям, что стало дополнительным фактором, нарушающим действие механизма «воспроизводства образца».

Одной из главных целей политического управления должно стать противодействие этим факторам, сохранение единства поколений, формирование у молодёжи гордости за своё прошлое, лежащей в основе национально-государственной идентичности. В этой связи на первый план выходит роль институтов семьи и образования, учреждений культуры, общественных объединений.

Шабров О.Ф.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

НОВЫЕ РЕАЛИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИВЫЧНЫХ КАТЕГОРИЙ

Сегодня уже не встречаются возражений суждения о радикальных изменениях, происшедших в мире в новом тысячелетии. Возник целый ряд новых явлений, носящих глобальный характер, затронувших все без исключения страны. Это – появление, в противовес Соединённым Штатам Америки, нового центра силы, Китайской народной республики, уже обошедшей США по целому ряду экономических показателей. Это – возникновение влиятельных экономических и финансовых структур, владельцы которых

составляют глобальные элиты, интересы которых не связаны с интересами каких бы то ни было стран. А возникшая беспрецедентная борьба за ресурсы проходит в условиях вышедшей за пределы допустимого антропогенной нагрузки на природу.

Другая группа изменений связана с появлением интернет-коммуникаций и цифровых технологий. Первые вытесняют межчеловеческое общение в виртуальную среду, ослабляя тем самым механизмы социализации и воспроизводства культурных матриц, разрушая идентичность человека с группами, включая национальную идентичность. Цифровые же технологии вытесняют человека не только из процесса физического труда, но и из интеллектуальной деятельности, ослабляют собственные интеллектуальные возможности человека и порождают эффект клипового сознания. Стремительно развиваются и технологии *deep fake*, на базе которых уже сегодня создаются объёмные управляемые копии различных объектов, включая человека.

Всё это не только обостряет сложившиеся в прошлые столетия противоречия, но и преобразует знакомые, казалось бы, социальные объекты до такой степени, что встаёт вопрос о применимости к ним привычных категорий.

Одним из таких объектов является национальное государство. В отличие от государств в доиндустриальных обществах, основанных на традиционных формах господства, национальное государство опирается не только на насилие, но и на поддержку населения, объединённого чувством национальной идентичности. Процесс атомизации, являющийся следствием деградации институтов социализации, ослабляет действие этого фактора. Нивелируются и другие признаки привычного нам государства: внешний суверенитет, национальная валюта. Наконец, с распространением частных военных компаний государства утрачивают и свойство быть единственным легитимным институтом насилия. Не случайно в научной литературе обсуждается возможность превращения национальных государств в иные формы, признаки которых можно наблюдать уже сегодня: государства-цивилизации, государства-империи, государства-корпорации и пр.

Меняется и смысл такого фундаментального для человека понятия как свобода. Клиповое сознание плюс отсутствие полноценной социализации делает человека более подверженным манипулированию. Не случайно исследовавший природу общества постмодерна М. Дин пришёл к неутешительному заключению, что «...развитая либеральная власть превратила свободу в техническое средство управления...» (М. Дин. Правительственность. М., 2016, С. 518).

Радикально изменился и смысл словосочетания «представительная демократия». Первоначальное содержание этого понятия состояло в том, что народ как источник власти осуществляет её через своих представителей. Но атомизированное общество с ослабленным чувством национальной идентичности, возникающее в условиях деградации институтов социализации, является в большей степени не народом, а совокупностью граждан, населением, голосующим больше по соображениям личного, а не общего блага. В свою очередь, свобода волеизъявления, предоставленная гражданам для того, чтобы вручить мандат на правление тем, кто должен представлять их интересы в органах власти, – эта свобода превратилась в техническое средство управления. Наконец, в органах власти избранные представители интересов граждан вынуждены будут считаться не только с их интересами, но и с интересами других источников власти, включая глобальные элиты.

Чтобы адекватно судить о процессах, происходящих сегодня в политической сфере, и прогнозировать результаты, к которым они могут привести, необходимо переосмыслить содержание этих и других базовых категорий политической науки.

ВОЗМОЖНОСТИ БРЕНДА В УКРЕПЛЕНИИ МНОГОУРОВНЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Актуальность осмысления и переосмысления новых политических реалий, возможностей политической науки в условиях современности продиктована глобальными изменениями. В мире повсеместно ощущается турбулентность во всех сферах бытия. Ныне перед человечеством открылись серьезные вызовы и риски, влекущие за собой глобальную дезинтеграцию.

Глобальный фактор оказывает негативное воздействие на страны, в частности на Россию и ее регионы, в определении путей развития. Более того, активизируются дезинтеграционные процессы в социуме, усиливаются социальная и социокультурная неустойчивость, непредсказуемость и неопределенность. Пожалуй, в качестве индикатора социальной турбулентности можно назвать социальную дезинтеграцию, которая активизирует чувство самосохранения индивидуальной и коллективной идентичности. Порой неустойчивые социальные отношения тормозят сохранение и развитие собственного достоинства в условиях риска, диктуют амбивалентные пути защиты, зачастую взаимоисключающие друг друга.

В такой ситуации взаимоотношения науки и общества приобретают новый характер. Для сплочения общества необходима смена теоретических парадигм – переход от линейного мышления к нелинейному, который позволит обнаружить разные пути развития. Важно пересмотреть механизм осуществления политики идентичности на региональном и российском национальном уровнях. Это необходимо для проверки общества на устойчивость и определения вектора инновационного развития.

Не менее важным является переосмысление современной реальности, обнаружение новых идентификационных маркеров и определение их перспектив в укреплении позитивной идентичности, с одной стороны, с другой – выявление ценностей, которые скрепляют народы и способствуют укреплению многоуровневой идентичности.

Из этого следует наша цель – переосмысление некоторых методологических подходов в исследовании многоуровневой идентичности: обращение к (а) междисциплинарности, которая становится сегодня точкой роста в социально-гуманитарном познании, (б) возможностям бренда и брендинга в укреплении идентичности на разных уровнях в контексте междисциплинарного подхода.

В самом общем виде *бренд* рассматривается нами как элемент идентификации. Являясь идентифицируемым объектом, он обладает ценностью и направлен на формирование и укрепление позитивной идентичности.

Брендинг – процесс формирования, создания и развития бренда, это процесс управления брендом. Например, брендинг территории (в широком смысле) – это целенаправленное формирование образа страны, региона или города в глазах местной и мировой общественности. Совместный социальный опыт в разных формах, формирование общих предметов национальной гордости наполняют социокультурное идентификационное пространство скрепляющими ценностями, на основе которых создаются этнокультурные, региональные и национальные бренды.

Более того, механизм взаимодействия друг с другом разных культур и конфессий, новых социальных и политических практик позволит познанию друг друга через духовные ценности и диалог, что будет способствовать взаимопониманию, укреплению исторической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту №FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

памяти, формированию нового мышления, нацеленного на единение и сплочение полиэтноконфессионального общества. Совместное сотрудничество на инновационное развитие страны укрепляет политику многоуровневой идентичности.

Под политикой идентичности нами понимается «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» (И.С. Семененко).

В смысле этих рассуждений понятия «бренд» и «брендинг» могут стать перспективными идентификационными маркерами страны и откроют новые пути в инновационном развитии Российского государства. Инновационное управление регионом, в частности управление брендами, представляет собой «направление» или «мягкое воздействие» на сложные открытые системы, каковыми являются «регион», «общество», «бренд». Осуществление социально значимой цели национального единения возможно на основе совместной работы государства, научных, образовательных, культурных институтов, общественных организаций, молодежных движений и информационной активности средств массовой информации.

Шакарян Я.Э.

(Студенческое научное общество СПбГУ, Санкт-Петербург)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ: ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИЛИ ЮВЕНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Цифровизация является одним из основных трендов трансформации государственного управления. Данный процесс охватывает самые разные сферы: образование, здравоохранение, предоставление госуслуг и др. Одним из малоизученных направлений является цифровизация системы выявления детского и семейного неблагополучия, которая подразумевает целенаправленный сбор сведений о ребенке и его семье с целью обнаружения и устранения причин, которые могут угрожать жизни и здоровью ребенка, а также профилактики попадания ребенка в социально опасное положение.

В рамках исследования автором была подробно изучена цифровизация в указанной области и риски, связанные с ней.

На данный момент к реализации мер по профилактике семейного неблагополучия подключена широкая сеть государственных органов, начиная с учреждений образования, здравоохранения, соцзащиты, заканчивая ТСЖ, управляющими компаниями и гражданами.

Ключевым актором, через который осуществляется профилактика, как в традиционном формате, так и в условиях цифровых изменений, является школа, которая обладает наиболее широкими возможностями для добровольно-принудительного сбора информации о семье и детях.

В качестве методов уже давно используются профилактические беседы, тестирования, анкетирования и т. д. Например, в Москве используется паспорт школьника, в Петербурге социальный паспорт, анкета здоровья. Аналогичные паспорта введены в Липецкой, Самарской, Брянской областях и других субъектах. Учителей просят моментально сообщать о любых потенциально опасных признаках в органы опеки или проводить поквартирные обходы.

Цифровизация существенно расширяет возможности и без того повсеместного сбора данных о семье и обмена их между различными субъектами профилактики неблагополучия.

Помимо прочего, именно цифровизация школы достигла наибольших размахов в рамках проекта «Цифровая образовательная среда».

Параллельно с цифровизацией образовательного процесса в цифровую среду стали интегрировать базы данных об учениках и их семьях. В такие базы включается большой перечень информации не только о ребенке, но и о его родителях, их деятельности, материальной обеспеченности семьи. Образование родителей, площадь квартиры и количество комнат, доход семьи, состояние здоровья родителей, санитарное состояние квартиры и т.п. Создание цифрового профиля семьи является одной из тактик, внедряемых лоббистами ювенальных технологий и фактически представляет собой аналог социального рейтинга, по результатам которого семьи ранжируются на более благополучные и менее.

Семьи, имеющие невысокие показатели находятся в зоне риска на изъятие детей. С учетом того, что система так или иначе зависит от количества случаев изъятий детей, очередей и желающих из числа приемных семей, количества мест в детских домах и др., это создаёт лакуны для манипуляций с изъятием детей.

Профили в подобных базах создаются не только на семей из групп риска или состоящих на учете, а абсолютно на всех, то есть под контроль органов опеки попадают даже самые благополучные семьи.

Таким образом, от вмешательства и изъятия не застрахована ни одна семья. На практике сбор персональных данных осуществляют школьные учителя. Педагоги и без того с высокой загруженностью вынуждены собирать информацию о своих учениках параллельно с их обучением и воспитанием, что неизбежно сказывается на качестве их деятельности, а также подрывает доверительные отношения к педагогам.

Данный порядок прямо противоречит ст. 23 и 24 Конституции, устанавливающих право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Одним из попыток цифровизации неблагополучия стало внедрение цифровой базы «Контингент обучающихся в 2016 году. Данный документ вызвал общественный резонанс и протесты. Несмотря на то, что закон был принят в 3-х чтениях Государственной Думой и Советом Федерации, Президент наложил вето. Этот случай представляется уникальным, так как всего за 20 лет из тысяч законопроектов, Президентом было наложено вето только на 3, включая рассматриваемый.

Стоит заметить, что, несмотря на это, на региональном уровне подобные системы уже создаются. Примером может послужить Пермский край и система «Траектория». Заметим, что указанные системы разрабатывают и внедряют частные разработчики, в том числе те, сервера которых, находятся за рубежом. Где хранятся данные и кому они попадают в руки неизвестно.

Помимо этого, данные из системы могут предоставляться различным образовательным организациям, в том числе, и зарубежным, что является прямой угрозой национальной безопасности. К тому же данная система закрыта от родителей. Какие сведения внесены о семье и насколько они правдивы, проверить родителям невозможно.

Таким образом, можно подвести итог, что внедрение подобных систем контингенции семей по социально-экономическим и иным признакам является грубым вмешательством в частную жизнь граждан и представляют собой опасный ювенальный механизм.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ИНСТИТУТЫ-МЕДИАТОРЫ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ¹

На протяжении 2010-х годов в рамках административной реформы практически во всех российских регионах возникли общественные советы при органах государственной охраны культурного наследия. Предполагалось, что такие советы станут эффективным механизмом взаимодействия государственных органов, экспертов и общественных объединений, занимающихся охраной культурного наследия. Немаловажно и то, что общественные советы должны были осуществлять функцию общественного контроля за деятельностью органов власти.

Опираясь на концепцию институтов-медиаторов, объясняющую функционирование структур-посредников между органами власти и негосударственными акторами, можно предположить, что общественные советы по вопросам культурного наследия обеспечивают взаимодействие разных групп интересов, включая представителей неформальных общественных объединений. А учитывая, что в большинстве регионов существуют экспертные (научно-методические) советы по культурному наследию, то логичным было бы присутствие в составе общественных советов высокой доли представителей гражданского общества.

В данной работе представлены результаты анализа персонального состава общественных советов при органах государственной охраны культурного наследия в регионах России.

Для исследования было выбрано 59 субъектов РФ, входящих в состав Северо-Западного, Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов. Однако существование общественных советов при органах государственной охраны культурного наследия было выявлено только в 49 регионах. Лишь в 34 случаях удалось получить информацию о персональном составе общественных советов. Поиск информации производился на официальных сайтах региональных органов государственной охраны культурного наследия.

Нами была создана база данных о 346 членах общественных советов. Из них 67% составляют мужчины, а 33% – женщины. В нескольких советах женщины отсутствовали. Численность общественных советов варьируется от 5 до 20 человек. В среднем количество членов составляет около 10 человек.

Анализ персонального состава показал, что около 29 % членов общественных советов при органах государственной охраны культурного наследия являются представителями различных некоммерческих организаций. Из них около 11 % представляют профильные общественные объединения, связанные с охраной культурного наследия, как, например, «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК). Однако лишь в нескольких случаях было зафиксировано присутствие в составе общественных советов неформальных общественных объединений, как, например, «Архнадзор». В ряде общественных советов представители общественности и некоммерческих организаций отсутствовали вовсе. Здесь следует отметить, что в части общественных советов существуют требования к кандидатам в виде наличия профессионального образования по определённым специальностям и стажа работы по ним, что значительно снижает возможность участия представителей общественности. Примерно 6% членов общественных советов являются одновременно представителями науки /

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 23-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2023 г.

образования и НКО. Около 20% членов представляют исключительно сферу науки и образования. Примерно 15% являются сотрудниками профильных бюджетных организаций – музеев, музеев-заповедников, подведомственных реставрационных учреждений и т.п. Представители профильных бизнес-организаций составляют около 13%. В подавляющем большинстве случаев это архитектурные бюро, реставрационные мастерские, центры экспертизы, археологические организации. Примерно 5% членов представляют бизнес не по профилю совета. В некоторых советах встречаются представители девелоперских компаний, что может свидетельствовать о лоббизме интересов застройщиков.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что несмотря на присутствие в составе многих общественных советов представителей НКО, в целом существуют серьезные сдвиги во взаимодействии органов государственной охраны культурного наследия с общественностью. Возможно, это связано с тем, что многие советы в сфере охраны культурного наследия в России выполняют скорее функцию легитимации решений органов власти, чем служат площадками для диалога и совместной выработки решений. Именно этим можно объяснить практически полное отсутствие в советах неформальных общественных объединений. Вместе с тем, для лучшего понимания деятельности советов требуются дополнительные исследования, включающие в себя анализ протоколов заседаний и проведение интервью с членами советов.

*Шашкова Я.Ю.
(АлтГУ, Барнаул)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТНОСТИ В СРЕДЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ РФ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Новая геополитическая ситуация в большей или меньшей степени оказала влияние на все слои российского общества, трансформируя систему устоявшихся социальных размежеваний и приоритетов. Не стала исключением и молодежь, особенно студенты вузов и школьники. 14-20-летние молодые люди выросли в период относительной социально-экономической и политической стабильности, дававшей возможность уверенно рассчитывать свои жизненные траектории в среднесрочной перспективе и глобальных масштабах. Это сформировало в их среде определенную убежденность в возможности создавать и поддерживать комфортную для себя информационную и коммуникативную среду, легко преодолевать пространственные и культурные границы.

Ситуация Специальной военной операции (СВО), как чуть раньше и пандемия, стала вызовом этой убежденности, породив среди учащейся молодежи повышенную тревожность, новые страхи и размежевания.

Во-первых, она самим фактом начавшихся боевых действий нарушила для молодых людей привычный ход событий, показала уязвимость их жизненных стратегий по отношению к внешнему воздействию. Доминирующей эмоциональной реакцией молодежи в этих условиях стал призыв к прекращению военного противостояния. Однако его мотивация варьировалась от стремления вернуться к прежней стабильности и широким возможностям, привычности стратегии «ухода от конфликтов» у школьников до страхов мобилизации среди студентов вузов. На этом фоне среди этих категорий учащейся молодежи, особенно школьников, усилились размежевания «патриоты-непатриоты» и «державники-глобалисты». Причем если раньше «патриоты-державники» не стремились высказывать свою позицию, опасаясь критики, то теперь, чувствуя поддержку официальной пропаганды и школьной системы воспитания, они стали делать это открыто. «Глобалисты» же, напротив, скрывают свою позицию, уходя при опросах в категорию «затруднившихся ответить».

Во-вторых, западные санкции снизили возможности как образовательной миграции школьников, так и студенческой академической мобильности, больше ориентированной на будущую трудовую миграцию. Это в перспективе может повысить конкуренцию молодых людей на рынках труда и образовательных услуг, однако пока данная тенденция сложнопрогнозируема. Более очевиден на текущий момент рост недовольства «глобалистов», многие из которых по своим миграционным установкам оказались перемещенными из группы «хочу мигрировать и собираюсь это сделать» в более конфликтную категорию «хочу, но не имею такой возможности». Также следует учитывать, что «глобалисты» в основном не считают себя патриотами и негативно оценивают российскую внутреннюю и внешнюю политику. И хотя сейчас молодежь не демонстрирует протестных настроений, в ее среде присутствует фоновое, не выражаемое публично недовольство, которое может проявляться, например, в росте ксенофобии и национализма.

Особую категорию учащейся молодежи составляют студенты ссузов. Они более разнородны, а потому и более поляризованы, чем школьная и вузовская молодежь. С одной стороны, среди них также существует размежевание «патриоты-непатриоты». С другой стороны, они более прагматичны, зачастую ориентированы на быстрое финансовое самообеспечение без карьерных притязаний, а потому могут стать средой усиления межнациональной напряженности на фоне роста числа мигрантов из Средней Азии и Кавказа, в частности в экономически неблагополучных регионах Сибири и Дальнего востока.

В целом можно констатировать, что СВО существенно трансформировала мировосприятие современной учащейся молодежи, усилив в ней как текущий, так и потенциальный уровень конфликтности. Вместе с тем, существует региональная специфика восприятия молодежью текущей ситуации, обуславливающая масштабы и интенсивность проявлений этой конфликтности.

Шаяхметов А.М.
(УУНУТ, Уфа)

АНТИКРИЗИСНЫЕ СТРАТЕГИИ ГЛАВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНЫХ КРИЗИСОВ

Постсоветская Россия в силу внутренних и внешних дестабилизирующих факторов перманентно пребывает в условиях общественно-политических и социально-экономических кризисов. Только за последнее десятилетие политическая система столкнулась с глобальной пандемией COVID-19, событиями вокруг Крыма и Донбасса в 2014 году, проведением СВО и сопутствующей международной изоляцией и санкционной политикой. Следствием этого становится снижение качества жизни, сужение факторов социально-экономического роста, рост социального напряжения и протестной активности, генерация угроз жизни и здоровью граждан. В контексте регионального управления следствием может стать рост общественно-политической и протестной активности граждан, снижение уровня управляемости и разбалансированность политических институтов.

В этих условиях перед главами регионов ставятся задачи по своевременному купированию кризисных явлений, принятию оперативных и эффективных мер по минимизации последствий кризисов. При этом на содержание принимаемых решений влияют ряд факторов, в числе которых региональная и территориальная специфика, конфликтный потенциал региона, стилистика политического менеджмента, психологические и ментальные характеристики главы субъекта. Соответственно, изучение

технологий антикризисного управления региона является актуальной задачей политической науки.

Динамика управленческих решений антикризисного характера может исходить как с федерального, так и непосредственно с регионального уровня. Управленческие решения, направляемые федеральным центром, ориентированы на улучшение макроситуации либо на корректировку внутри субъекта федерации. Региональное воздействие всегда ограничивается рамками субъекта и направлено на оперативное решение структурных или ситуативных кризисов.

К основным элементам антикризисного управления регионом относятся:

- прогнозирование кризиса,
- смягчение его последствий;
- ликвидация причин кризиса для снятия барьеров дальнейшего развития.

Пандемия коронавируса и проводимая Специальная военная операция сопровождались перераспределением ответственности за принимаемые решения с федерального уровня на губернаторский корпус: на них возлагалось принятие ключевых антикризисных решений, формирование оперативных штабов, разработка мер экономической поддержки, полномочия по введению особых режимов на территории субъектов. Благодаря этому снизились издержки политико-административного взаимодействия между федеральными и региональными властями. Рост полномочий главы региона сопровождался повышением политической ответственности за принимаемые решения, что делает их политику более гибкой и адаптированной под специфику субъекта.

Анализ управленческих практик региональных глав позволяет выделить четыре ключевых инструмента антикризисного менеджмента:

I. Демонстрация вовлеченности в антикризисную повестку. Кризисные моменты повышают запрос общества на прямую коммуникацию с региональными и местными властями, оперативное реагирование на возникающие угрозы путем непосредственной вовлеченности в решение кризиса. Главы регионов усилили работу по демонстрации вовлеченности в повестку – проводили прямые эфиры, выезжали в «красные зоны» и «горячие точки», выступали с телевизионными обращениями.

II. Смена каналов коммуникации. Помимо традиционных СМИ, большую роль получили технологии социальных медиа, позволяющие расширить аудиторию и адаптировать формат донесения информации. Блокировка западных социальных сетей активизировала переход на отечественные платформы обмена информацией и мессенджер Telegram, но нового качества не дала. Практика показывает, что каналы и профили глав регионов и региональных премьер-министров, как правило, являются платформой для репостинга официальной информации – контент однообразен и не содержит имиджевых и управленческих маркеров.

III. Принятие антикризисных решения. В зависимости от территориальной специфики использовались различные управленческие инструменты – создание оперштабов, координационных комиссий, принимались антикризисные пакеты и дополнительные меры поддержки.

IV. Смена паттернов развития. Закрытие внешних рынков, рост инфляционных процессов и другие смежные процессы потребовали перестройку логистических процессов, пересмотр существующих паттернов социально-экономического развития. Ряд глав регионов выбрал модель наращивания государственного заказа и привлечения федерального финансирования на развитие региона в рамках политики «импортозамещения». В других регионах начали расширять потенциал за счёт создания новых ниш добавочной стоимости, развития IT-сектора и новых направлений, реализации инфраструктурных проектов, переориентируя экспорт и импорт на азиатские рынки.

Таким образом, в условиях общественно-политических и социально-экономических кризисов последних лет усилилась роль глав регионов в проведении антикризисной политики. Вместе с тем, возросла политическая ответственность за принимаемые решения. В условиях постоянных стресс-тестов политическая система страны в моменте формирует ответы на вызовы среды, но не генерирует моделей долгосрочного развития.

Швая А.Ю.

(СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАКТИК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Интеграция православных практик в процесс институционализации российской политической элиты представляет собой длящийся процесс, берущий начало со времени возникновения современной России. При этом институционализация и реинституционализация политической элиты не является завершенным процессом, о чем свидетельствуют некоторые отечественные исследования. В ходе этого институционального становления политическая элита включает и усваивает в том числе и православные практики, которые в дальнейшем встраиваются в общую модель функционирования институционального порядка.

Сложность данной темы, как и её слабая разработанность требуют методологической определенности, чтобы определить спектр феноменов и вопросов, доступных изучению, так и для прояснения самих оснований, с опорой на которые делается этот выбор. В этом смысле основным подходом для понимания элит, их устройства и их институционализирующей роли по отношению к социальному порядку, избирается концепция «властвующей элиты» Ч. Р. Миллса, а также его с Г. Гертом теория «институциональных порядков». Для объяснения того, как отдельные институционализованные практики федеральных и региональных элит встраиваются в политический институциональный порядок, используется понимание практик теоретиков социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукамана. Поскольку процесс институционализации рассматривается как незавершенный, то наиболее заметной и доступной для исследования сферой встраивания православных практик в политический институциональный порядок является сфера политической легитимации. Именно здесь на базе собранных из открытых источников данных об участии в православной жизни представителей элиты, а также публичных высказываниях и глубинных интервью можно говорить о промежуточных результатах институционализации православных практик элиты.

Наблюдаемое увеличение православной активности представителей элиты происходит не только на федеральном, но и на региональном, и местном уровнях, что отражает институционализирующую социетальную роль элит. С целью детального рассмотрения процесса встраивания православных практик в политический институциональный порядок, а также по причине ограниченности доступа исследователя к федеральной элите, для изучения избирается именно региональный уровень со своей спецификой.

В качестве результатов исследования представляется описание федерального контекста институционализации православных практик, начиная с середины 90-х годов и до наших дней, с опорой на этот контекст и на данные о православной активности представителей депутатов ЗакСа, губернаторов (и их заместителей) Санкт-Петербурга выделяются этапы институционализации политической элиты этого региона. Далее на основе проведенного анализа глубинных интервью с депутатами ЗакСа предлагается

типология их православной активности с объяснением основных мотиваций и легитимирующих моделей.

*Швецова А.В.
(УрГПУ, Екатеринбург)*

ЗАЙКИ И ЛУЖАЙКИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА ГЛАЗАМИ МАТЕРЕЙ¹

Негативные демографические прогнозы актуализируют дискуссию вокруг эффективности мер государственной социальной политики. Оценки экспертов кардинально разнятся – от умеренного оптимизма, основанного на поколенческих закономерностях репродуктивного поведения и сравнительном анализе в духе «у всех так», до бескомпромиссной критики дотационной системы, базово не пригодной для решения демографических задач. Опираясь на качественные данные собственного исследования, проведенного в рамках проекта «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», мы попытаемся обобщить оценки современных матерей относительно осведомленности о мерах поддержки, их целесообразности и степени соответствия существующим реалиям.

Самыми известными мерами предсказуемо являются пособия и материнский капитал, однако принципы назначения пособий ощущаются как непрозрачные и противоречивые. В частности, недовольство вызывает «адресность», необходимость подтверждать статус малоимущей семьи многочисленными справками и интуитивное восприятие этой процедуры как несоразмерной потенциальным выгодам. Анализируя глубинные интервью, мы пришли к выводу, что наиболее «пострадавшей» стороной «адресной» политики являются профессионально активные мамы (предприниматели, управленцы, квалифицированные работники в т.ч. научные сотрудники и т.д.). Они вынуждены платить штраф за материнство в удвоенном размере – увеличением нагрузки (уход в полноценный «декретный отпуск» фактически невозможен т.к. ведет к существенным карьерным потерям) и отсутствием оснований для выплат (размер среднемесячного дохода выше установленных границ, хотя финансовых излишков зачастую нет). Материнский капитал ощущается как приятный «бонус». Практика его использования часто связана с решением жилищного вопроса, рассматривается как возможность снизить ипотечную нагрузку или увеличить площадь приобретаемого жилья (актуальные цифры: размер МСК в 2023 г. 586,9 тыс. рублей, средняя стоимость жилья в Екатеринбурге 108 тыс. рублей кв. метр т.е. на МСК можно приобрести 5,4 кв. метра жилой площади).

В меньшей степени известны программы центров занятости (профессиональная переподготовка, доступная на бесплатной основе). Информантки сообщают о потенциальной востребованности таких программ, желании профессионально развиваться, что является способом оптимизации карьерных стратегий и преодоления социальной изолированности декретных будней. Вместе с тем, сам механизм программы вызывает нарекания. Во-первых, многие попросту не знают о такой возможности. Во-вторых, алгоритм предполагает очное посещение центра занятости, что для мам с детьми проблематично. В-третьих, информантки сообщают о случаях отказов и предубеждений «на местах». Кроме того, вопрос «Куда деть зайку пока мама учится?» для многих нивелирует саму возможность дополнительного образования.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636>.

Значительная часть наших респонденток отметили, что не знают ни о каких мерах поддержки / не попадают под них. Поддержку ожидают в основном от семьи (или не ожидают как таковую), информационные потребности удовлетворяют за счет подруг, материнских сообществ, интернет-ресурсов о материнстве. Стоит также отметить, что с точки зрения матерей меры поддержки – это не столько выплаты на «хлеб и воду», сколько создание дружественной к мамам и детям среды – возможность работать, получать качественное медицинское обслуживание, понятные механизмы развития своего дела или реализации социальной активности, возможность досуга с ребенком без недовольства со стороны окружающих, удобная детская логистика, чистые тротуары, пригодные для использования пандусы, места для парковок, чтоб не приходилось «залазить с детьми через багажник». Полученный в ходе исследования опыт позволяет сделать вывод о целесообразности смещения аналитического фокуса демографической политики со статистических показателей на более реалистичный и «приземленный» этнографический, позволяющий сокращать недостаток данных о повседневных практиках и истинной жизни молодых российских мам.

Шевченко А.В.
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОСЕДСТВА: СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Снятие проблем доверия и ответственного поведения государств в международных отношениях выходит за рамки технических и технологических решений и не может рассматриваться вне проблемы понимания смыслов международной политики. Средообразующим (формирующим) компонентом является феномен доверия, стремительно теряющий свое исходное значение, в том числе и как категория международного права. Провозглашенные ООН меры доверия, выражающиеся в обмене информацией, наблюдении и проверке, ограничениях военных действий и т.п., не применимы, так как лишены собственно основы отношений, при которых «участник ставит себя в добровольную зависимость от кооперативности поведения контрагента»¹.

Семантическое значение понятия «добровольности» в современных международных отношениях тоже девальвировано.

Динамика трансформаций структуры и функций мировой политической системы от однополюсной иерархии – к системно-сетевой организации и к хаотизации и перерождению – определяет функциональные состояния геополитической среды как совокупности принуждений и ограничений, устанавливаемых в отношении системы международных отношений.

Геополитическая среда, в которую погружаются инициативы обеспечения международной безопасности, формируется в беспорядочном перемешивании «дипломатий эмоций» (Моизи Д.). В этих условиях дипломатическая практика с целью обеспечения безопасности и стабильности международных отношений в период хаотизации основополагающих структурных элементов политической системы призвана формировать *параметры порядка* в виде динамических информационно-коммуникативных комплексов, отражающих философию и идеологию геополитических игроков (Шевченко А.В.).

¹ Доброхотов Р.А. Проблемы доверия в мировой политике (на примере процессов европейской интеграции) https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1696244784&tld=ru&lang=ru&name=Dobrokhotov_diss.pdf&text=доверие%20-«.

На современном этапе цивилизационные оппоненты России реализуют политическую экспансионистскую концепцию, пришедшую на смену колониальной политики, - так называемого «стратегического соседства», в основу которой положен дуальный (зависящий от целеполагания субъекта геополитики) принцип географической непрерывности¹

В целом политика соседства реализует «рациональный подход к организации устойчивых, долгосрочных отношений с соседними государствами (отдельными их группами), позволяющий использовать выгоды соседства и минимизировать его ограничения в качестве средства обеспечения необходимых условий национального роста и развития»². Это особое направление внешнеполитической стратегии государства, которая может формироваться или трансформироваться под влиянием разного рода политических обстоятельств.

Применение принципа географической непрерывности в геополитике и позволяет государству-гегемону распространять сферу своих национальных интересов на территории других государств, ни по каким географическим признакам не являющихся его соседом.

При этом колониальная идеология остается прежней, а технологический арсенал стратегического соседства представляет собой динамические комбинации методов и средств жесткой и мягкой политической экспансии, включающей информационно-коммуникационно и информационно-коммуникативно обеспеченные гуманитарные политики – этнические, образовательные, культурные, медийные и др. – все известные по арсеналу «мягкой силы», но в более завуалированной «добрососедской» помощи.

Когнитивные технологии «стратегического соседства» искусно изменяют структуру публичного дискурса за счет эффектов семантических сдвигов, визуального упрощения восприятия, примитивизации изложения или откровенной манипуляции культурными традициями объекта воздействия, например, использованием метафор.

Установить смысловые «закладки» приема метафоризации и глубже познать сущность и механизмы образно-метафорического мышления, «свойственные носителям определенной этнокультуры, общие закономерности метафорической концептуализации и репрезентации мира, характерные для конкретного исторического периода», позволяет семантико-когнитивный подход³.

Семантико-когнитивный подход к политико-дипломатическому дискурсу, позволяет выявить ментальные особенности и приёмы участников переговорных процессов, особенности англо-саксонских, североамериканских, азиатских, арабских когнитивных моделей и речевых стратегий, применяемых в практике стратегического соседства.

Шестакова М.Н.
(МГИМО МИД России, Москва)

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В последние годы все чаще стали применяться различные методологии рейтингования инвестиционной привлекательности и состояния инвестиционного климата регионов РФ. На протяжении нескольких десятилетий такие инструменты активно использовались в российском экономическом пространстве: работали зарубежные

¹ Преображенский В.С. Непрерывность и прерывность в географической оболочке <https://www.activestudy.info/nepreryvnost-i-preryvnost-v-geograficheskoy-obolochke/?ysclid=ln5sc60pwe547607373>.

² Песцов С.К. Регионализм как тактика: политика Индии «Соседство прежде всего» // Россия и АТР · 2023 · №3. С. 9-36.

³ Кравцова Ю. Семантико-когнитивный подход к исследованию метафоры: методологические основания и перспективы развития <https://www.semanticscholar.org/paper/Семантико-когнитивный-подход-к-исследованию-и-Кравцова/beba623da0993390be9ac22a4b8a8dfc084d4edb>

рейтинговые агентства, хотя в это же время появились и национальные рейтинги. Однако в середине 10-х годов после введения санкций было принято решение поддержки именно национальных рейтингов как системы мониторинга состояния регионов. В настоящее время Центробанком РФ одобрена деятельность нескольких рейтинговых агентств, таких как: АКРА, «Эксперт РА», «Национальное рейтинговое агентство» (НРА), «Национальные кредитные рейтинги» (НКР).

Помимо них существуют еще несколько организаций, которые занимаются анализом инвестиционного климата как интегральной оценки различных показателей регионов с позиции уровня развития инвестиционной инфраструктуры, возможностей привлечения инвестиционных ресурсов и развития предпринимательства, к таким относится, например, RAEX¹ и «Агентство стратегических инициатив» (АСИ), созданное Правительством России. Рейтинги АСИ по оценке инвестиционного климата и НРА по инвестиционной привлекательности основаны в основном на опросах и экспертных оценках бизнесменов и могут восприниматься как инструмент взаимодействия бизнес-сообществ и региональных властей, а также как индикатор эффективности функционирования последних. Отметим, что часто рейтинги агентств не совпадают друг с другом именно из-за того, что базируются на экспертных оценках, которые часто носят субъективный характер и могут отличаться в зависимости от набора критериев².

Первый рейтинг инвестиционного климата регионов АСИ был апробирован в 2014 году на 21 субъекте РФ. Уже в следующем году он охватил почти все субъекты (76), а, начиная с 2017 года, стал национальным и тестирует ситуацию по всей стране. В это же время начинают особенно выделять десятку и двадцатку регионов-лидеров. В 2022 году происходит усложнение методики рейтингования путем увеличения количества параметров, учитываемых при составлении рейтинга. В инвестиционном рейтинге важными направлениями, по которым оценивается инвестиционный климат региона, являются: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы и поддержка малого предпринимательства и др.

Можно отметить тот факт, что региональные власти часто ссылаются на данные рейтинга, если хотят подчеркнуть степень эффективности своей работы. Так, на протяжении последних 5 лет Москва является бессменным лидером первой десятки, второе место за этот же период занимает Республика Татарстан, в первой пятёрке также постоянно находятся Московская, Тюменская, Тульская области. При этом в Национальном рейтинге губернаторов руководители этих регионов также в постоянно находятся лидерах³, в десятке – Санкт-Петербург, Краснодарский край, Нижегородская область, Республика Башкортостан.

Также АСИ издает Сборник лучших практик⁴, который представляет деятельность регионов, призванную улучшать инвестиционный климат регионов, а также стимулировать регионы и их власти к здоровой конкуренции, становиться авторами этих практик, способствовать их внедрению в своих субъектах и тиражировать наиболее качественные. На основе данных АСИ было подсчитано, какие регионы являются лидерами в авторстве лучших практик, какие стали их донорами и какие реципиентами⁵. Исследование показало, что наиболее активными участниками внедрения лучших практик оказались: Москва (абсолютный лидер с большим отрывом от других регионов: автор 172 практик и донор 44 практик), а также Республика Башкортостан (автор 54 практик), Московская (автор 93 практик и донор 37), Тюменская (автор 59 практик) области. Энергично проявляют себя такие регионы, как Краснодарский край (автор 68 практик, автор 33 практик, внедряет у

¹ RAEX стал рейтинговым партнером Общественной палаты. 09.08.2022. режим доступа https://raex-rr.com/news/press-reliz/RAEX_OP_partnership/ (дата обращения: 29.09.2023).

² Эксперт РА использует для своих рейтингов статистические данные, поэтому результаты его рейтингов также отличаются.

³ Национальный рейтинг губернаторов за 2022 г. <https://russia-rating.ru/info/21217.html> (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ В 2014 г. вышел пилотный сборник лучших управленческих практик.

⁵ Платформа лучших практик «Смартека» режим доступа <https://smarteka.com> (дата обращения: 25.09.2023).

себя 95), Амурская область (автор 30 практик, внедряет у себя 106), Челябинская область, Приморский край.

Можно констатировать, что рейтинги по оценке инвестиционного климата в РФ стали одним из инструментов формирования имиджа региона, фактора доверия к региональным властям и оценки эффективности их работы.

Шестопад Е.Б.
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МАТРИЦ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Происходящие на наших глазах события влияют не только на текущее настроения и мнения людей, но и на более глубокие слои сознания общества. Наши исследования последних лет показали, что на этому глубинном уровне сознания происходят такие же тектонические сдвиги, как и в политической реальности. Прежде всего, это касается ценностей, идентичности и менталитета российского общества, которые представляют собой устойчивые кластеры образов и представлений людей о самих себе, своей стране и мире, о настоящем, прошлом и будущем. Эти ментальные матрицы являются фундаментом самосознания народа.

Сейчас мы зримо меняемся, как нация. И речь идет не о смене поверхностных установок, а именно о трансформации глубинных слоев массового сознания, которые происходят на фоне серьезных изменений в политической, культурной, экономической, технологической, коммуникационной и других сферах современной жизни. Достаточно сравнить наши представления и ценности конца 1980-х - начала 1990-х с сегодняшними. После февраля 2022 года круто изменились наши представления о себе, о своей стране, о мире, о миссии России в этом мире². Если в годы перестройки и в первые постсоветские годы мы видели свою страну отсталой в сравнении с «цивилизованными» странами Запада, то сегодня несмотря на, а, возможно, и благодаря санкциям в экономике, военным действиям против нашей страны со стороны Украины и НАТО, большинство граждан России возвращаются к самим себе, испытывают чувство гордости за свою страну и самоуважение. С началом СВО этот процесс резко ускорился. Очевидно, что эти сдвиги по-разному затрагивают разные социальные группы, но сегодня понятно, что все мы уже живем в совершенно иной политической реальности, которая влияет на поведение и сознание людей в настоящем, и будет влиять на него в будущем. Пришло время обратиться к анализу того, как, и в соответствии с какими закономерностями, происходит эта трансформация, какие она создает новые риски и возможности для политического процесса?

Изучение сдвигов, происходящих в глубинных слоях массового сознания, ставит ряд исследовательских вопросов о природе изменения ключевых политических ценностей и менталитета в целом и факторов, которые на них оказывают воздействие. Не менее важно понять и оценить те риски и возможности, которые описанные выше процессы несут с собой.

Исследования политических психологов и социологов подтвердили принципиальную возможность глубинной трансформации массового сознания под

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны», которые реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

² Они и Мы. Образы России и мира в сознании российских граждан/под ред. Е.Б.Шестопад, М., Росспэн, 2021.

влиянием кризиса последних лет. Есть все основания говорить о произошедшем после начала СВО., возврате нашей идентичности к своим традиционным формам после тех смещений, которые фиксировались после распада СССР в начале 1990-х.

Традиционные ценностные и идентификационные матрицы стали проявляться в массовом сознании все ярче. При этом наряду с традиционными представлениями и ценностями, коренящимися в наших культурно-цивилизационных архетипах, в коллективной памяти, - в массовом сознании пустили корни и новые, привнесенные за последние десятилетия извне социальные и политические ценности: демократия, разделение властей, потребительские ценности, индивидуализм, терпимость к моральным отклонениям и пр. Эксперты видят в противоречии между этими двумя типами ценностных и идентификационных матриц серьезный вызов для нашего государства и общества. В то же время, указанные проблемы не только создают риски для нашего государства, общества и личности, но и открывают новые возможности развития и консолидации общества. Анализ процессов, происходящих в последние годы, показал, что наряду с опасностями и рисками, они породили и ряд весьма позитивных тенденций.

Так, опросы показывают, что не только в старших возрастных группах, но и в молодежной когорте определенно *усиливается патриотизм*. Существенно *снизился эффект «черных очков»*, формировавший негативный образ своей страны, что не позволяло нашим гражданам замечать то хорошее, что в стране реально происходило. Политические психологи отмечают тенденцию к *снижению внутригрупповой враждебности и росту доверия ко всем институтам власти*. Все это является признаком того, что процесс возвращения нашего общества к самому себе, к своей традиционной идентичности после, если и не завершился окончательно, то очень продвинулся и стал качественно иным, по сравнению с предыдущими постсоветскими годами. Растет и понимание того, что на нашей стороне правда и нашу моральную правоту поддерживает мировое большинство. Предпринимаются серьезные усилия для закрепления нашей идентичности через процессы образования, информации, культуры. Можно спорить, насколько эта работа эффективна, но нельзя не признать факт её наличия и её важность для формирования национально-государственной идентичности и образа будущего для страны.

Шиханова М.А.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

КОСМОС – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Публичная дипломатия – совокупность внешнеполитических инструментов, которая имеет систему институтов и коммуникационных каналов взаимодействия и диалога государства с зарубежными обществами в политических целях. Среди основных направлений публичной дипломатии выделяют: работу со СМИ, современную цифровую дипломатию, образовательные программы и программы академических обменов, деятельность аналитических центров и т.д.

В российской науке активно используется понятие «общественная дипломатия»: проявление любой гражданской активности в культурной, научной и гуманитарной областях, не преследующей политические цели. Понятие публичной дипломатии в России не закреплено в нормативно-правовых актах и не звучит в риторике основных внешнеполитических деятелей и организаций. У нас отсутствует четкая система формулирования стратегии развития и принятия конкретных мер в данной области. Мы рассматриваем ее как направление работы, но отдаем предпочтение общественной дипломатии. Помимо отсутствия у нас понимания функционирования публичной дипломатии, в последнее время усиливается тенденция постепенного непризнания нашей дипломатии на Западе. Это подтверждают и последние события: введение ЕС, Канадой и

США санкций против российских неправительственных организаций и официальных структур, ведущий внешнеполитическую деятельность в гуманитарном направлении¹. Это означает, что использование старых инструментов (организация спортивных мероприятий, широкое международное молодежное сотрудничество, форматы культурной и языковой дипломатии за рубежом) постепенно не представляется возможным. Следовательно, необходимо искать новые пути.

Решить данные проблемы возможно в рамках БРИКС. Общая площадь стран-участниц равна примерно 30 процентам территории Земли, а с учетом решения о расширении числа государств-участниц до 11 их вес на международной арене возрастет. Каждая страна имеет персональную стратегию эффективного применения специфических инструментов публичной дипломатии. Однако, если рассматривать объединение в целом, то ни одной из стран пока не удалось достичь уровня развития публичной дипломатии в том качестве и объеме, на котором находятся страны Запада.

Организовав совместную работу в рамках нового направления, мы сможем преодолеть имеющиеся препятствия. Совместные космические исследования, обмен знаниями и транслирование достижений в этой области, позволит поднять эффективность использования публичной дипломатии и значительно повысить имидж БРИКС, в частности России. Почти еженедельно космические агентства стран объединения организуют запуски спутников, новых космических систем и т.д. Однако освещаются данные события очень слабо, даже на национальном уровне.

По словам Юрия Борисова, главы Госкорпорации «Роскосмос», БРИКС начнет продумывать проекты на принципах технологического альянса, поскольку невозможно развивать многоспутниковые группировки для предоставления космических услуг, продолжать и расширять исследования по пилотируемой космонавтике в одиночку. Кроме того, проведение масштабных мероприятий по космической деятельности (организация перекрестных полетов со странами объединения на китайскую станцию Тяньгун и будущую РОСС, уроков со станций для школьников и студентов, проведение совместных экспериментов по определению уровня радиации на новой орбите российской станции) позволит оказывать влияние на мировое сообщество, побуждать активных и новых участников космических исследований к активному сотрудничеству.

Страны БРИКС могут привлекать к своим проектам и других желающих, например, страны Северной Африки. Государства уже сотрудничают и могут расширять свои связи в области университетского образования: создавать новые учебные заведения в странах Северной Африки, организовывать обмен учеными, инженерами и другими специалистами для обеспечения учебного процесса с целью подготовки африканских квалифицированных кадров, осуществлять совместные запуски космонавтов из стран БРИКС и Северной Африки. Подобное расширение космического сотрудничества могло бы привлечь в международные организации страны Северной Африки, что даст странам БРИКС возможность получить дополнительную поддержку для реализации многосторонних проектов, взаимного обмена информацией и технологиями. Кроме того, подобное, казалось бы, исключительно научное сотрудничество будет эффективно и в работе в области ДЗЗ, картографирования, поскольку обнаружение новых рудников черных и цветных металлов и их последующая разработка позволят обеспечить нужды российской микроэлектроники на фоне санкционной политики.

Таким образом, несмотря на возникшие ограничения для эффективного ведения публичной дипломатии привычными средствами, существуют иные направления, которые в ближайшее время не потеряют своей актуальности, в частности, космические исследования.

¹ МГИМО, ВШЭ и «Юнармия» попали под санкции Канады. // РБК – URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2023/650de21f9a7947d682e41a4b>.

МЯГКАЯ СИЛА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Масштабный международно-политический кризис в отношениях между рядом государств, начавшийся в 2010-е гг. и резко усилившийся после начала СВО РФ на Украине 24 февраля 2022 г. актуализирует проблематику деконфликтинга и выстраивания транснациональной коммуникации в новых условиях. Фундаментальная трансформация мирополитической системы впервые происходит без горячего глобального конфликта, хотя очевидно, эскалация возможна. Помимо украинского кризиса, существует еще несколько триггеров – от Тайваня до Корейского полуострова и Ирана.

В текущих обстоятельствах российская парадипломатия (международные связи субнациональных регионов) выполняют двойную функцию. С одной стороны, за счет внешних связей регионов при поддержке федерального центра предпринимаются более активные, чем раньше, попытки усилить экономические и культурные связи с государствами Азии и Африки. С другой стороны, парадипломатия еще сохраняет потенциал для деконфликтинга с государствами Запада в будущем. При этом необходимо отметить, что военно-политическая нагрузка на субъекты РФ существенно возросла за последние 1,5 года, что может иметь долгосрочные негативные последствия для межрегиональных транснациональных связей с Европой и Северной Америкой.

Грамотным решением, направленным на международный диалог и сохранение потенциала парадипломатии, может выступить синтез парадипломатии и общественной дипломатии. Интеграция этих двух направлений транснациональной активности хотя бы для приграничных регионов и наиболее сильных «внутренних» субъектов РФ может стать инструментом мягкой силы РФ как страны в целом.

Термин «мягкая сила» регулярно подвергается критике на официальном уровне, но в то же время нельзя не признать приобретенную им «неустрашимость» в научном дискурсе в свете того, что он означает. Термин «общественная дипломатия» в российском научном дискурсе является еще более дискуссионным, чем «мягкая сила». Авторы понимают под общественной дипломатией международную активность негосударственных организаций и отдельных лиц, прежде всего, в научной, культурной и гуманитарной сферах.

Помимо прочего, для выведения общественной парадипломатии на более высокую орбиту возникает необходимость гармонизации сетки документов стратегического планирования РФ. Например, действующие итерации «Концепции внешней политики РФ» (2022) и «Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом» (2023) не достаточно гармонизированы по парадипломатическому треку.

Трансграничное сотрудничество гражданских общественных структур Республики Карелия представляет собой пример стратегически успешного взаимодействия с Финляндией. Среди достижений стоит отметить широкую линейку форматов - от устойчивых побратимских связей до участия в программах на уровне ЕС. Несмотря на фактический разрыв этих связей в настоящий период, опыт Карелии может быть применен другими субъектам РФ при взаимодействии по другим векторам. Как известно, государства и их субнациональные регионы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, странах Африки и Латинской Америки проявляют заинтересованность в таком партнерстве.

*Шлапек Е.А. (ИЭ КарНЦ РАН, Петрозаводск)
Прокопьев Е.А. (ИЭ КарНЦ РАН, Петрозаводск)
Курило А.Е. (ИЭ КарНЦ РАН, Петрозаводск)
Губина О.В. (ФИЦКИА УрО РАН, Архангельск)*

МЕСТНЫЕ АДМИНИСТРАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОТ РЕКОМЕНДОВАННОГО К ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ¹

В Российской Федерации на законодательном уровне с 1 декабря 2022 г. все государственные учреждения обязаны вести собственную страницу в социальных сетях, находящихся в российской юрисдикции («ВКонтакте», «Одноклассники»). До принятия законодательства процесс шёл «стихийно». Было понимание, что органы государственной власти не могут позволить себе игнорировать социальные медиа, хотя бы из-за наличия там миллионов пользователей. В социальных медиа появились страницы губернаторов и мэров, стали вестись официальные группы различных министерств, ведомств и служб для информирования граждан. Социальные медиа оказались удобной площадкой для организации прямого эфира представителей органов власти с населением по актуальным вопросам в формате диалога, в отличие от телевизионных каналов, где эфирное время планируется заранее.

В 2020 г. по всей стране были созданы Центры управления регионом (ЦУР), главная задача которых – работа с сообщениями и жалобами в социальных медиа для обеспечения обратной связи органов власти с населением. Работа в социальных медиа стала форматироваться.

Поскольку социальные медиа не были специально разработаны для органов власти, адаптировать их для служебных нужд стали недавно, и практика их использования не стала повсеместной, то ещё не выработаны единые стандарты, регламенты и правила ведения. Пока ещё можно найти разные форматы присутствия органов местного самоуправления в ВК, которые, по сути, выполняют одну и ту же функцию.

Сбор данных по группам муниципальных образований Северо-Западного федерального округа проходил в январе 2023 г. Выявление групп осуществлялось при помощи поисковых запросов непосредственно в социальной сети «ВКонтакте» (ВК), идентификация официального статуса группы проходила по наличию специального флажка «Госорганизация». В качестве даты возникновения группы использовалась дата первой записи на её стене.

Таблица

Количество созданных групп в ВК у поселений СЗФО на конец января 2023 г.

Регион	Кол-во поселений с группами в ВК	Кол-во поселений без групп в ВК	Охват поселений группами в ВК, %
Республика Карелия	48	59	44,9
Республика Коми	145	14	91,2
Архангельская область	99	79	55,6
Ненецкий автономный округ	19	0	100
Вологодская область	99	80	55,3
Ленинградская область	172	15	92
Мурманская область	16	7	69,6
Новгородская область	65	55	54,2
Псковская область	51	60	45,9

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №23-28-00685 «Цифровой разрыв и местные администрации: взгляд через социальные медиа».

На районном уровне группы есть у всех кроме Новой Земли. Одна из причин не полного охвата – это создание муниципальных округов. Следует также заметить, что в ряде районных центров официальные группы местных администраций отсутствуют. Текущее положение обусловлено слиянием с районными администрациями, в результате которого и городские и районные события освещаются только группой муниципального района.

Отметим, что актуальную информацию о территориальном развитии также выкладывают на страницах Совета депутатов и территориальных общественных самоуправлений (закрытые группы), группах, посвященных проектам поддержки местных инициатив, инициативному бюджетированию, народному бюджету. Активно делятся информацией и сообщают о предстоящих событиях, и во многом поэтому имеют много подписчиков, страницы учреждений культуры (библиотек, домов культуры, центров досуга), общественных организаций и сельских сообществ.

Дальнейший контент-анализ постов на официальных страницах позволит разработать классификацию форм онлайн-взаимодействия местных администраций с жителями в зависимости от способа, содержания и тематики взаимодействия.

Шлыкова Д.Н.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ПОЛИТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЛИДАРНОСТИ¹

Сегодня проблемы обострения политических противоречий в радикальной степени проявляются в крайней политической поляризации общества. Все более актуальным становится вопрос о том, какие именно размежевания, разделения и противоречия приводят к тем кризисам, которые мы наблюдаем в течение последних лет. Это и частные сюжеты отдельных национальных систем, и кризис наднациональных проектов, прежде все всего ЕС. В России, несмотря на слабое отражение этих разделений в электоральном процессе и межпартийной борьбе, данная проблематика все чаще осмысливается через обратные категории – основания для консолидации и солидаризации общества, что также обусловлено глубинными социально-политическими размежеваниями, формирующими политическую динамику современных обществ.

Учитывая турбулентный характер настоящего времени, понятен интерес к теоретико-методологическим рамкам, основанным на анализе долгосрочных трендов. Одной из таких теорий, становящейся все более популярной уже не только при оценке электоральных процессов, и стала теория С. Липсета и С. Роккана. Авторами были выделены четыре наиболее глубоких кливажа в западных обществах, сформированных в период кризисных переходов и определяющих партийно-идеологический ландшафт на протяжении долгого времени. Вопрос о том, применима ли теория к российскому обществу в частности и к незападным обществам в целом, с некоторыми модификациями разрешился учеными в положительную сторону.

Задача, которая стоит перед нами сейчас, заключается в выявлении наиболее острых социально-политических противоречий в российском обществе, обусловленных размежеваниями социально-экономического характера, а также определении причин и характера их политизации. На текущий момент, принимая во внимание вариативность путей становления государственности и принципов его исторического развития даже в условиях сближения систем и политических практик, ключевая гипотеза заключается в том, что наиболее глубокий кливаж в российском обществе проходит по критерию социальной

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

справедливости и равенства перед законом. В текущей модификации раскол усугубляется как общемировыми тенденциями – «проигравшие» vs. «выигравшие» от глобализации, так и локальными – принципы и результаты перераспределения собственности по итогам распада СССР, особенностями функционирования экономики и социальной сферы в последние 30 лет. Отдельный сюжет, требующий подтверждения или опровержения по данной тематике, вопрос о характере отношений власть-собственность в современной России, что является первичным.

Несмотря на структурную сложность неравенства в России, мы в первую очередь фиксируем, как именно политизируются те или иные его линии. Учитывая специфику политической системы, следует обратить внимание на активные и четко наблюдаемые процессы – медийные дискурсы, их акторов, а также на латентные, проявляющиеся прежде всего во взаимодействии с государственными органами, мотивированные именно ощущением несправедливости текущего социально-политического устройства.

Отмечается, что, несмотря на разнонаправленность ряда дискурсов, ядро остается единым – популистский дискурс противопоставления масс, «простого народа» элитам. Данное единство основания наглядно видно на примере нарративов, выстраиваемых от радикальных либералов до турбопатриотов, встречающих сочувствие и понимание среди различных слоев населения.

Таким образом, подход к рассмотрению поляризации в российском обществе через призму теории размежеваний актуален и адекватен вопросу, однако еще предстоит определить ключевые линии расколов, отличающиеся от сложившихся на Западе. Для достижения этой задачи, во-первых, необходимо выявить вокруг какого размежевания складывается наиболее конфликтногенная среда, а во-вторых, проследить историческую закономерность закрепления именно данного кливажа. На текущий момент разделение по критерию социальной справедливости кажется наиболее явным вариантом.

Шпагин С.А.
(НИ ТГУ, Томск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2023 г. И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Выборы в законодательные собрания российских регионов, состоявшиеся в сентябре 2023 г., продемонстрировали значительный рост показателей «Единой России», как на парламентском, так и на электоральном поле. Доля доставшихся ей голосов по данным ЦИК РФ выросла практически во всех регионах, причем в Бурятии, Архангельской и Ульяновской областях – в полтора, а в Забайкалье, Ивановской и Иркутской областях – в два раза. Если на региональных выборах 2018 г. средний уровень голосования за «Единую Россию» составлял 41,5%, то в 2023 г. в тех же регионах он поднялся до 56,4%. На этом фоне результаты выборов в Народный Хурал Калмыкии, где «партия власти» набрала на 4,35% голосов меньше, чем ранее, выглядят чем-то удивительным.

Очевидно, что политическая обстановка, сложившаяся в стране с началом специальной военной операции на востоке Украины, оказала сильное воздействие на ход и результаты избирательных кампаний в регионах. Консолидация патриотического электората и лояльных избирательных комиссий, дезинтеграция внесистемной оппозиции и встраивание системных партий в продиктованную властями повестку существенно сузили спектр выбора избирателей даже в тех регионах, где этот выбор не ограничивался парламентскими партиями. Наибольшую выгоду из сложившегося положения ожидаемо извлекла «Единая Россия».

Однако весьма вероятно, что у столь громкого успеха были не только политические, но и технологические причины, прямо или косвенно связанные с новеллами избирательного законодательства. Представители партий системной оппозиции дружно жалуются на невозможность обеспечить достаточное наблюдение за ходом трехдневного голосования на всех избирательных участках, особенно в рабочий день. Не удивительно, что именно в первый день на многих не охваченных таким наблюдением участках фиксировалась повышенная явка избирателей.

Другим значимым фактором, обеспечившим преимущество «партии власти», стало дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Эксперты уже не раз отмечали, что в российских условиях убедиться в адекватности результатов такого голосования волеизъявлению избирателей фактически невозможно. ДЭГ применялось на парламентских выборах в Архангельской, Владимирской и Ярославской областях, а также в Ненецком АО. В последнем электронное голосование приносило ЕР в разных округах от 55% до 64% голосов, хотя в целом по региону она в итоге получила лишь 43,9%. Например, на 2-м Печорском округе партия набрала в целом 46,1% голосов, зато по ДЭГ – 64,4%, на 5-м Заводском округе – 41,2%, а по ДЭГ – 63%. В результате Ненецкое окружное отделение КПРФ даже заявило о непризнании результатов выборов, что случается крайне редко.

Наконец, сыграло свою роль и нарастающее по масштабу голосование вне избирательных участков, часто не сопровождаемое наблюдением. Так, во Владимирской области в надомном голосовании приняло участие 45,5 тыс. избирателей. Если добавить к ним почти 43 тыс. проголосовавших в электронном формате, становится понятно, за счет чего в этом регионе доля голосов ЕР по сравнению с прошлыми выборами выросла с 29,6% до 55,5%. Ощутимый рост голосования вне избирательных участков зафиксирован также в Забайкалье, Архангельской, Ивановской и Кемеровской областях.

Результаты прошедших выборов фиксируют заметное снижение уровня электоральной конкуренции. Если в 2018 г. среднее значение эффективного числа электоральных партий (ЭЧП_э) по формуле Г.В. Голосова составляло 2,82, то в 2023 г. значение этого индекса упало до 2,03. Соответственно, на прошлых выборах в тех же регионах по этому показателю были типичными вполне конкурентные выборы в Законодательное Собрание Иркутской области (ЭЧП_э=2,98), а на нынешних – выборы во Владимирской области (ЭЧП_э=2,05), где у «Единой России» 55,47% голосов.

В целом по итогам региональных выборов 2023 г. сохраняется тенденция неустойчивости региональных партийных систем. Наибольший уровень общей волатильности (>30%) характерен для Забайкалья, Владимирской, Ивановской, Иркутской, а в последнее время – еще и Смоленской областей. Относительно стабильными можно признать партийные системы Калмыкии, Кемеровской и Ростовской областей, Ненецкого АО, где соответствующий показатель не превысил 20. В остальных семи регионах партийные системы можно характеризовать как относительно нестабильные.

Шпак М.А.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

МЕДИАДИСКУРС КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОСОЮЗА

Технологии трансформируют пространство политической коммуникации. Медиатизация политики превращает СМИ не только в основной источник информации, но и в пространство социализации и политического участия граждан, формируя их идентичность.

Политическое пространство ЕС можно рассматривать как арену транснациональной многоуровневой политической коммуникации. В его медийном измерении формируются

дискурсы и нарративы, субъектами которых становятся представители институтов ЕС, национальных, субнациональных и партийных элит, лидеры мнений и пр. Важно оценить потенциал влияния этих дискурсов на конструирование и трансформацию политических идентичностей граждан Евросоюза.

В пространстве ЕС идентичность имеет множественный и многоуровневый характер: здесь сосуществуют национальные, региональные и локальные идентичности, а также политическая, гражданская и др. Формируется ли при этом общеевропейская идентичность и какую роль в этом играют дискурсивные практики?

Политическая идентичность индивида утверждается через соотнесение с референтным коллективным участником политического процесса. Возможности для этого предоставляет современная информационная среда, в частности новые медиа. Так, механизмы обратной связи с политическими акторами и членство в онлайн-сообществах (которые становятся для индивидов референтной группой) обеспечивают им деятельную вовлеченность в политико-коммуникативное взаимодействие.

Дискурсы в медиапространстве влияют на формирование и закрепление национальной, субнациональной, партийно-политической идентичностей. Они конструируются преимущественно «сверху», например, представителями институтов, партиями и движениями в пространстве региона или государства. Транслируемые ими дискурсы привлекают новых сторонников, создавая условия для их самоидентификации с определенным сообществом и оказывая тем самым влияние на их политическую(ие) идентичность(и).

С другой стороны, появились механизмы конструирования европейской идентичности и вовлечения в различные дискурсы «снизу», от граждан к политическим субъектам. Цифровые медиаплатформы создали возможность для политической социализации индивидов и политического участия в онлайн-формате, самоидентификации через сетевые сообщества как пространства общих политических ценностей, установок и ориентиров.

Трансформации в сфере коммуникации сократили дистанцию между политическими субъектами и гражданами, превратив последних из потребителей информации в ее авторов и ретрансляторов, формирующих собственные дискурсы в медиапространстве.

Члены сетевых сообществ способны к самоорганизации и социальной мобилизации. Поляризация, характерная для современного медийного пространства, способствует формированию закрытых сообществ и радикализации транслируемых ими дискурсов. При этом каждый участник информационного обмена способен влиять на существующие дискурсы и участвовать в формировании новых.

Потенциал влияния на конструирование идентичностей через дискурсивные практики можно рассмотреть на примере европейских политических партий. Новые медиа открывают возможности для быстрой, интерактивной, вовлекающей трансграничной коммуникации партий с массовой аудиторией. Разнообразие средств создания смыслов (текст, фото- и видеоматериалы, гипертекст, интерактивные форматы) и способов распространения политических сообщений позволяет в режиме реального времени информировать многотысячное сообщество подписчиков о деятельности партии (публиковать политические программы, отчитываться о проведенной работе) и получать от них обратную связь.

В свою очередь, для индивидов членство в сетевых сообществах (группах европартий в соцсетях) – один из неформальных способов выразить поддержку, ощутить принадлежность к числу сторонников партии, идентифицировать себя с группой и ее ценностями.

Активность в социальных медиа позволяет партиям напрямую взаимодействовать с аудиторией, рекрутировать новых сторонников, формировать собственные дискурсы в медиапространстве. При этом они не зависят от эфирного времени, выделяемого для агитации на телевидении, от сроков электоральных кампаний или границ национальных

государств. Цифровое медиапространство создает условия для фактически непрерывной трансграничной политической агитации, что способствует более последовательному и эффективному формированию партийно-политических и единой европейской идентичности.

Идентичности в пространстве ЕС имеют комплексный многоуровневый характер. Они формируются в том числе как результат дискурсивных практик, постоянно изменяясь и трансформируясь. И хотя трудно оценить прямое влияние коммуникации в цифровом пространстве на политический процесс (активность политических субъектов в социальных медиа не конвертируется непосредственно в электоральный успех), потенциал воздействия такой коммуникации на общественные настроения и ее роль в конструировании идентичностей членов онлайн-сообществ невозможно отрицать.

Шрамко Я. В.
(*РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва*)

ВОПРОС ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Идентичность калининградцев обладает определённой спецификой, отличающей их от жителей большинства регионов России. Это обусловлено такими факторами, как исторический путь региона и особенности современного географического и геополитического положения. По мнению Ингмара Олберга, после распада СССР регион становился более открытым и западным, чем Россия в целом, начал свыкаться с немецким прошлым и осознавать свои особенности и соответствующие интересы.

В связи с этим возникает вопрос построения общероссийской идентичности региона. Стоит отметить, что идентичность не тождественна принадлежности, а потому жители региона, являясь гражданами России, могут осознавать свою принадлежность к другой идентичности. Так, в ходе исследований А. П. Клемешева было выявлено, что в 2003 произошёл рост числа граждан, идентифицирующих себя прежде всего европейцами, и уже потом россиянами. Тогда же было показано [А. Алимпиева, 2005], что житель Калининграда может не чувствовать своей непосредственной причастности к европейцам, но сравнивая свой образ жизни, уровень экономического развития региона, местные культурные традиции, уровень развития личных связей и деловых контактов с другими странами, с другими регионами России, он ощущает, что находится ближе к Европе не только в географически, но и в культурно и экономически.

В основе калининградской идентичности лежат такие факторы, как: единое информационное пространство; политика федеральных и региональных властей; культурная среда и отношение жителей к прошлому; «синдром эксклавности»; экономическое положение; международная ситуация; приграничное сотрудничество; политика местных властей. Многие из указанных факторов оказались под влиянием проведения Специальной военной операции и реакции на неё.

Исследование, проведённое автором, направлено на выявление основных изменений в идентичности калининградцев в контексте СВО. В качестве метода было выбрано заочное анкетирование жителей региона посредством онлайн-опроса (N = 30), проведённого в августе 2023 года. Опрос состоял из двух частей: в первой респонденты давали оценку действий Европы в отношениях с Россией и действиям России в отношениях с Европой («положительно», «нейтрально», «негативно», «затрудняюсь ответить»), во второй исследовалось отношение к региональной специфике, а также к культурным ценностям, связанным с ней посредством выбора одного или нескольких утверждений, с которыми согласны опрошиваемые. Было выявлено, что абсолютное большинство жителей региона выделяют особенности области, отличающие её от остальной Россией (95% против 5%). В

идентичности сохраняется образ Европы (26 участников – необходимо сохранять памятники культуры, связанные с немецким прошлым. В отношении советских и российских – лишь по 17 респондентов. Также 23% опрошенных согласились с утверждением, что Калининград – русская Европа). Однако наблюдается негативная реакция на политику стран Европы в отношении России: доминируют ответы «негативно» (53,3%) и «нейтрально» (40%). Но оценка действий России по отношению к ЕС не столь однозначна: «положительно» – 36,7%, «негативно» – 30%, «нейтрально» – 20%, остальные затруднились ответить. Стоит отметить, что большая часть ответов «положительно» приходится на лиц старше 36 лет.

Можно предположить, что СВО и последующая реакция международного сообщества оказали некоторое влияние на факторы идентичности жителей региона, но соответствующих масштабных изменений в неё они не привнесли. При этом наблюдается отрицательная оценка действий государств Европы, что может послужить платформой для более успешной политики идентичности, проводимой региональными и федеральными властями.

Литература

1. *Алимпиева А.В.* Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псковский регионологический журнал. 2009. № 7. С. 36-40.
2. *Kalken A.Zh.* Theoretical formats for comprehending identity in the national dimension // Актуальные научные исследования: ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 5 октября 2022 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. Р. 98-101.
3. *Klemeshev A., Fedorov G., Fidrya E.* Specific Kaliningrad character of the Russian identity // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2017. Vol. 38. N. 38. P. 47-56.
4. *Oldberg I.* The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast // Cooperation and Conflict. 2000. Vol. 35. N. 3. P. 269-288.
5. *Richard Y., Sebentsov, A. and Zotova M.,* 2015: The Russian exclave of Kaliningrad. Challenges and limits of its integration in the Baltic region. In: Cybergeog, available at: <https://cybergeog.revues.org/26945#ftn24> , DoA : 27 September 2016.
6. *Zieliński M.J.* Między filozofem a starostą. Dylematy tożsamości regionalnej obwodu kaliningradzkiego i jego mieszkańców po 1991 roku : rozprawa doktorska. Warszawa, 2017.

Шушлебин А.И.
(ВГУ, Воронеж)

МАССОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Внутриполитические конфликты и кризисы являются неотъемлемой частью любого политического процесса. Такие явления, как массовые протесты и государственные перевороты продолжают оказывать существенное влияние на политическую стабильность.

Политический протест проистекает из конфликтного взаимодействия государства и общества. Для его концептуализации можно использовать такое определение: форма сопротивления политическому курсу, выраженная в политическом действии.

Государственные перевороты связаны с внутриэлитными конфликтами и политической борьбой. Они представляют собой замену ключевых лиц, принимающих политические решения, осуществленную с нарушением политических процедур и правовых норм путем захвата внутриполитическими акторами контроля над объектами, значимыми для функционирования политической системы. Для второй половины XX века

были характерны военные перевороты, организаторами которых выступали элиты при отсутствии участия других неэлитарных акторов. Однако в контексте социальных изменений эволюционировали и формы государственных переворотов. В ряде кейсов они стали сопровождаться массовым политическим действием. Переворот перестает быть исключительно элитарным конфликтом.

Попытки государственных переворотов в условиях политического протеста можно назвать гибридными переворотами. К ним относится использование протестующими насильственных методов с целью свержения правительства. Также возможен захват власти на фоне гражданских беспорядков элитами, ранее не принимавшими активного участия в конфликте власти и оппозиции. Это может быть связано с такими причинами, как страх элит перед протестами и убеждение в необходимости принятия жестких мер по наведению порядка, делегитимация режима, улучшение способности акторов переворота координироваться в условиях дестабилизации общества. Выделяются гибридные гражданские и военные перевороты в зависимости от акторов.

Гипотеза исследования заключается в том, что массовый политический протест увеличивает риск успешного переворота. Выборка включает 81 попытку государственного переворота, которые произошли в XXI веке. При её составлении использовались данные The Coup Agency and Mechanisms Data (CAM)¹, которые были верифицированы и дополнены в соответствии с признаками переворота.

В XXI в. основным актором переворотов по-прежнему выступают военные. Показатель успешности военных переворотов – 46,3%. Более высока вероятность успеха гражданского переворота – 54,1%.

Фиксируется значительная корреляция между явлениями протеста и переворота (42%). Гибридные перевороты характеризуются высоким показателем успешности – 73,5%. Для классических переворотов без массового политического действия 41,7%. Попытка военного переворота на фоне протеста с большей вероятностью увенчается успехом, чем классический военный переворот. Массовое политическое действие не только является инструментом эффективной смены режима, но и может быть средством противодействия перевороту в случае мобилизации сторонников действующей власти.

В каких случаях массовый протест может привести к попытке переворота? К факторам риска можно отнести наличие традиции переворотов, недовольство силовиков действующей властью и переход их на сторону протестующих, репрессивный характер режима, низкий уровень развития гражданского общества, раскол элиты, вмешательство иностранных акторов.

Протестная мобилизация населения стала одним из инструментов государственного переворота в XXI в. Особую уязвимость сохраняют страны с низким уровнем развития политических институтов и гражданского общества.

¹ The Coup Agency and Mechanisms Data (CAM). URL: <https://militarycoups.org/#cam> (дата обращения: 19.09.2023).

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА ГУБЕРНАТОРОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (2003–2021)

Обеспечение эффективной коммуникации между ключевыми политическими акторами способствует снижению рисков роста недоверия к власти, увеличения потенциала протестной активности, ослабления позиций региональной власти на публичной политической арене и в глазах населения. Целью исследования является выявление отличий в публичных дискурсах губернаторов Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко, Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова.

Методология исследования базируется на *когнитивной лингвистике* и *лингвопрагматике*, работах М.В. Гавриловой [Гаврилова, 2004], А.П. Чудинова [Чудинов, 2013], О.С. Иссерс [Иссерс, 2008]. Метод *когнитивного дискурс-анализа* предполагает учет параметров публичных выступлений: тема, жанр, формат, ключевые термины, ценности, основные языковые средства. Эмпирической базой исследования служат предвыборные выступления, инаугурационные речи, отчеты перед Законодательным собранием (ЗакС) Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко, Г.С. Полтавченко, А.Д. Беглова.

Предвыборные выступления В.И. Матвиенко содержат компоненты политической мобилизации и критики оппонентов, в них подчеркивается ценность реальной работы, профессионализма, сотрудничества, честности, «петербургского стиля» в управлении. Ключевой темой стала экономическая модернизация города. Инаугурационная речь В.И. Матвиенко носила программный характер, была концептуально сложна, подчёркивала необходимость модернизации и поддержания «европейскости» города. В отчетах перед ЗакС наблюдается большой спектр тем, наличие системного взгляда на проблемы; в них обсуждаются сотрудничество органов власти, экономический рост, решение проблем ЖКХ, развития городской инфраструктуры, транспорта, обеспечение жильем, поддержка институтов гражданского общества и т.д. Выступления апеллируют к коллективизму, равноправному партнерству, свободе, европейскости.

В предвыборном дискурсе Г.С. Полтавченко нет прямой критики оппонентов; политик стремился к деполитизации выборов, подчеркивая важность результатов работы, а не лозунгов. В предвыборных выступлениях поднимались вопросы благоустройства (охраны исторического центра) и укрепления социальной сферы. Инаугурационная речь была концептуально простой: содержала слова благодарности жителям и президенту; значимость патриотизма и служения, использование духовно-нравственного потенциала для развития города. В инаугурационной речи Г.С. Полтавченко появились упоминания заслуг предшествовавшего губернатора, декларировалась преемственность политики. Отчеты перед ЗакС касались экономических достижений, социальных обязательств, госфинансирования, градостроительной политики и ЖКХ, развития «умного города»; подчеркивались ценности служения, единства, ответственности, честности, сохранения культурного наследия, «подлинности петербургских ценностей», «ценностей великой русской культуры».

В предвыборном дискурсе А.Д. Беглова также акцентируется деполитизация предвыборной борьбы, но при этом присутствует активная критика оппонентов. Как в выступлениях предшественников, затрагивались темы благоустройства и развития социальной сферы. Инаугурационная речь обнаруживает тенденцию к концептуальной простоте, увеличению благодарственной части, подчеркиванию преемственности. Отмечены необходимость увеличения открытости власти, развития комфортного, социального, умного и открытого города. Отчеты перед ЗакС касались тем благоустройства, экономики (бюджета города), взаимоотношений с федеральным центром,

социальной политики, «умного города»; подчеркивались ценности коллективизма, открытости, консолидации усилий власти и горожан, комфорта жизни.

Подводя итог, дискурсивная практика губернаторов характеризуется увеличением количества новых жанров (обращения через социальные сети, губернаторского прямого эфира) на фоне рутинизации старых жанров; особое внимание уделяются городскому патриотизму (концепт «город-лидер»). Предвыборный дискурс характеризуется сокращением мобилизационного компонента. Инаугурационные речи отходят от программной составляющей, тяготеют к формату обращения с благодарностями, концептуальному упрощению текста (сокращение риторических языковых средств и тем), акцентируют преемственность власти. Для отчета перед ЗакС изменение формата с Послания на Отчет отразилось на доминирующей временной проекции – сообщении об уже проделанной работе. Отличия публичного дискурса губернаторов Санкт-Петербурга связаны с особенностью личных черт политиков, выбранного ими типа политического лидерства, с «рамочными» политическими условиями в стране в целом.

Литература

1. *Гаврилова М.В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 296 с.
2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. *Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 18-25.

Щенина О.Г.
(ИС ФНИСЦ РАН, Москва)

ПОТЕНЦИАЛ СЕТЕВОГО ПОДХОДА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Направления теоретического поиска в современной политической науке связаны с множественностью подходов к оценке осуществляющейся на наших глазах трансформации практически всех сторон жизни общества и прежде всего системы международных отношений. Многовариантность предлагаемых политиками, учеными оценок и мнений обусловлена возрастанием по экспоненте вызовов и рисков в условиях сложившейся ситуации и необходимостью их нейтрализации либо локализации.

В этой связи получает все более широкое распространение междисциплинарный ракурс исследования процессов глобальной турбулентности. Междисциплинарность изучения сложных динамично развивающихся процессов новой социальной реальности позволяет специалистам выявлять факторы, оказывающие влияние на их формирование, а также тенденции и перспективы эволюции социума. В повестке дня вопросы их интерпретации, формирование новых исследовательских подходов к изучению. Возможно, специалистам предстоит обсуждение в том числе вопросов смены парадигм в области социально-гуманитарного знания в целом.

В рамках теоретических и прикладных аспектов социально-политических исследований специалистами ведется активный творческий поиск новых объяснительных моделей и конструктов для анализа политических процессов современного мира. Сетевой подход представляется одним из перспективных направлений исследований, поскольку позволяет выявить новые грани отношений между субъектами политики. Об этом свидетельствует увеличение числа публикаций по этой проблематике за последнее десятилетие.

На основе применения сетевой методологии исследования возможно выявление конфигураций явных / неявных связей субъектов в пространстве политики. Сетевой анализ позволяет выявить сетевые связи акторов сетевого политического управления (их сильные и слабые связи), роль узлов как центров сетевых политических коммуникаций.

Сетевой подход к исследованию пространства политики во всем его многообразии, в том числе к изучению политических сетей, дает возможность оценить ресурсный потенциал акторов и субъектов, степень их взаимозависимостей. Кроме того, изучение политических практик способствует идентификации механизмов политических связей и отношений, их многообразных форм и моделей. Например, различного рода сетевых коалиций, особенностей их конфигураций, а также степени их влияния на принятие политических решений. Важную роль играет и степень доверия друг к другу субъектов сетевых альянсов, их формальные и неформальные связи.

По сути сетевой подход позволяет рассматривать общество сквозь призму своего рода «мира сетей» и предлагает методологию их исследования. Тем самым, сетевой подход к анализу социально-политических процессов современности расширяет диапазон возможностей специалистов в приближении к пониманию их сущности и направленности.

Количественный и качественный анализ процессов турбулентности современного мира на основе сетевого подхода позволяет специалистам предлагать инновационные трактовки происходящих во многом кардинальных изменений социума. Методология сетевого подхода востребована для анализа процессов и явлений современного мира в условиях неопределенности развития. Таким образом, потенциал сетевого подхода может быть использован в том числе при принятии политических решений, разработке программ общественного развития и др.

В поисках подходов к характеристикам новых форм и моделей развития в области прежде всего общественных отношений, представляется перспективным использование методологических ресурсов топологии. Использование топологических возможностей изучения пространственно-временных аспектов современного политического процесса в контексте выявления инновационных форматов взаимодействия субъектов политических отношений способствует появлению новых объяснительных моделей динамики современного мира. Применение топологических подходов к анализу действительности на основе морфогенеза, гомеоморфности, применение в исследовательских практиках методов «социальной топологии» Дж. Ло расширяет спектр анализа процессов и явлений. Таким образом, топологическое измерение политического процесса становится насущным в контексте политической науки.

«Представляется, что междисциплинарный подход на основе органичного (либо неорганичного) сочетания на пути к возможному синтезу методологий политологии и топологии позволит специалистам приблизиться к пониманию сущности новых процессов и явлений, происходящих в политической сфере»¹.

В заключении следует отметить, что потенциал сетевого подхода в политической науке представляется значительным, а само направление исследований весьма перспективным.

¹ Трансформация политических отношений в сетевом обществе / отв. ред. Михайленок О.М. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 368 с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ СОЗНАНИЯ

Политический мир проявляет свою сущность в политической культуре как смысловой репрезентации. В контексте данной культуры образуется «запас знания», в который включается и традиционный компонент, передаваемый исторически в силу своей значимости. Эти базовые ментальные конструкты образуют систему коллективных значений, и от их состава и конфигурации зависит интерпретация современных событий. Политическая традиция как процесс связана с интенциональным переживанием и передачей ментальных конструктов оценочного характера или стереотипных образов, содержащих политические смыслы. Политические традиции, как правило, поддерживаются конструктивной деятельностью символической власти, оформляющей реальность и обосновывающей номинацию новой эпохи на основе преемственности.

Данные процессы невозможны без политической коммуникации как символического обмена и если политическая коммуникация является успешной, тогда оформляются замкнутые значащие миры, среди которых особое ценностно-моральное значение обретают миры базовых смыслов. Согласно А. Шюцу, разделяются «субъективный смысл», выражающий особый взгляд индивида на собственное переживание, и «объективный смысл», тот же взгляд, но бытующий в качестве интересубъективного феномена. Базовые ментальные политические конструкты, исторически структурированные как государственные, православные и т.п. основы, репрезентируют конституированный и в современной политической культуре России «объективный смысл».

Среди политических традиций России различаются «внешние» и «внутренние» традиции, традиционное поведение и традиции сознания. При определении категории «традиция» для нас базовым выступает понятие обычая (по Э. Сепиру). Это коллективная схема поведения, содержащая символическое утверждение солидарности группы, рационально не обоснованное и неформализованное. Историческую основу обычая и составляет традиция. Политические обычаи представляют собой политико-культурные паттерны, соответственно, политические традиции суть явленные политико-культурные стереотипы, продолжающиеся во времени. Превалирование «внешних» традиций связано с возобновляющимся означиванием политических институтов, но в России преобладают традиции сознания. Другими словами, формируется некий упрощенный образ или ментальный конструкт в форме политической ценности и на основе его может осуществляться политическое действие. Для М. Вебера более важно традиционное действие, однако оно связано с представлением о легитимном порядке, которое придает смысл всем социально-политическим отношениям. При этом легитимная значимость может быть придана порядку и в силу традиции. Тем самым легитимная значимость служит опорой традиционного типа господства, характерного для досовременного общества. Однако традиционный элемент политической культуры трансформируется и переосмысливается в контексте легитимации политической власти и в нашей современности.

Политические традиции сознания России были заложены в ее средневековой ментальности. И дело не просто в том, что государство мыслилось как христианская сущность, а государь позиционировался в коммуникации в качестве истинно православного, даже праведного, правителя. Это означало, что царь имел особый сакральный статус, и его харизма понималась как харизма власти, т.е. особая благодать. Данная интерпретация смысла политической власти отличалась от византийского понимания харизмы императора в качестве атрибута его статуса. Тем самым, когда мы

говорим о зарождении «внутренней» традиции российской власти, то имеем в виду политическое конструирование сакральной реальности. И сегодня перед нами предстает не мертвое и давно ушедшее прошлое с его уроками. «Внутренняя» традиция не имеет отношения к фазам и хронологии реальности исторического процесса. Более всего она напоминает мифические истории о начале всех начал и, в данной связи, истоки русской христианской власти связаны с политическим героем Владимиром Святым.

Аналогичная, по сути, смысловая конструкция была предложена российской властью в 2014 г. в целях коммуникативного обоснования легитимности политического порядка в условиях трансформации. Современное российское политическое общество было символически связано с трансцендентной средневековой реальностью. Данное представление заключалось в мифологическую репрезентативную форму, которая позволила связать легитимную значимость порядка с сакральными истоками самой власти. Данные истоки представлял политически сконструированный образ Владимира Великого не просто как крестителя и апостола Русской Земли, но как создателя централизованного государства и «основателя» истории. Здесь сакральные корни идентифицировались современной российской властью как, своего рода, настоящее. Перед нами пример коммуникативного конституирования смыслоносущей традиции сознания и репрезентация образцовой власти в виде могущественного образа.

**Энхболд Ц.
(ИФРАН, Москва)**

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ МОНГОЛИИ

Проблема партийной системы является одной из основных тем, которую необходимо рассматривать в рамках формирования политических партий Монголии. Она становится самостоятельным исследованием в рамках политической партологии в том смысле, что служит формой реальной деятельности в отношениях политических партий и управления.

Предпосылки, ведущие к образованию партий, складываются в каждой стране по-разному в силу уникальных исторических условий и особенностей политической жизни страны, характера государственного управления, социально-психологических факторов. Например, в одних странах экономические факторы и различия в экономических интересах являются главными детерминантами формирования политических партий, а в других - различия в потребностях, и интересах, возникающих в контексте политической и духовной жизни. Однако при формировании политических партий важное влияние на формирование системы оказывают как экономические, политические, так и духовные и социально-психологические факторы, и в конечном итоге они в основном проявляются в виде политических практик и механизмов.

В Монголии партийная система сформировалась благодаря процессу демократизации и реформ, происходившим в так называемых социалистических странах, а также накопившимся в недрах нашего общества проблемам, трудностям и кризисным состояниям. С этой точки зрения государственную ситуацию в Монголии в 1980-1990-е годы можно назвать периодом утраты политических норм и нестабильности социальной структуры и это фактически создало определенные предпосылки для формирования в стране новых партий. Основным признаком формирования явной предпосылки появления политических партий в Монголии стало формирование групп или объединений по политическим интересам, которые стали активно осуществлять свою деятельность.

В 1988-1989 годах в Монголии, поощряемые советской перестройкой, представители молодого поколения сформировали подпольные политические группы,

такие как «Новое поколение» и «Глобус», и начали критиковать существующую партийную и государственную систему. С момента создания действующие десятки политических общественных и профессиональных организаций стали важным предвестником формирования в стране новых политических партий, являясь их социальной базой. Действующие в то время политические организации и новообразованные союзы, общественные и профессиональные организации можно считать вносящими важный вклад в формирование новых политических партий в следующих основных направлениях: во-первых, как основная форма организованного выражения интересов масс, они являются основой построения и организации политической партии, ее первым зародышем, во-вторых, социальные группы стали осознавать свои интересы и участвовать в различных организациях, что послужило основанием для размежеваний, в-третьих, они вовлекали иные общественные слои в участие в политической борьбе, а затем обучали их опыту организованного действия в рамках структуры политической партии, в-четвертых, они стали основной базой для общественной репрезентации, структурой, социальной средой для появления новых партий.

Юрченко В.М.
(КубГУ, Краснодар)

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА АНТИРОССИЙСКИМ САНКЦИЯМ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

В Концепции внешней политики РФ отмечено, что закономерным ответом на кризис мироустройства становится российская политика по укреплению сотрудничества между странами, которые подвергаются внешнему давлению. Подчеркнуто, что активизируется формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции, предпринимаются шаги, которые защищают национальные интересы. При этом коллективный Запад, во главе с США, считает такую политику России и ее союзников угрозой западной гегемонии. Отсюда – санкции, которым «нести числа», к которым относится рекомендательный запрет Еврокомиссии для граждан России въезжать в страны ЕС на автомобилях с российскими номерами, конфискация личных смартфонов, ноутбуков, косметики и др. Комментируя эти рекомендации, экс-глава Министерства иностранных дел Австрии Карин Кнайсль, назвала такое решение глупым и жалким.

Говоря о постепенном переходе к многополярному мироустройству, ведущие российские политологи в течение ряда лет отмечают, что современный мир, при всей его сложности и многообразии, демонстрирует перенос центра тяжести с Запада на Восток и Юг. Набирают возможности новые центры силы и этот процесс, при активном участии России, становится необратимым, несмотря на санкционное давление. Одним из примеров такого развития стало недавнее заседание G20. «Группа двадцати», будучи по выражению Федора Лукьянова, продуктом либеральной глобализации, постепенно утрачивает свое значение. Солидарное голосование членов БРИКС привело к тому, что впервые западная часть «двадцатки» осталась в тени, а окончательные формулировки, хотя и компромиссные, расценены как уступка со стороны «семерки» (См.: Лукьянов Ф. Глобальный Юг перестает стесняться // Российская газета, 12.09.2023). Интересен вывод автора статьи об эволюции «Группы двадцати», которая для России уместна и желательна. Все последующее будет зависеть от нашей политики, ее успешности в деле международного сотрудничества.

Россия выстраивает систему отношений с теми государствами, которые готовы сотрудничать с РФ и совместно вносить конструктивный вклад в строительство многополярного мира.

Одним из важнейших аспектов является деятельность БРИКС и ее роль в формировании современного миропорядка. Как известно, на саммите БРИКС в Йоханнесбурге (ЮАР), в августе 2023 г. было принято решение о новых членах (Египет, Аргентина, Эфиопия, ОАЭ, Саудовская Аравия, Иран), которые станут полноправными участниками организации с 2024 года. Реализация этого решения существенно повысит роль БРИКС и ее членов в современном мире. Но тенденция к переносу центра тяжести мировой политики с Запада на Восток и Юг весьма ощутимо наблюдается в последние годы, несмотря на ожесточенное сопротивление коллективного Запада во главе США. Время, когда в мировой экономике и политике доминировали США и их союзники скорее всего кануло в лету. На прошедшем саммите БРИКС В.В. Путин подчеркнул, что мы единодушно выступаем в пользу многополярного миропорядка, по-настоящему справедливого и основанного на международном праве. Следующий саммит БРИКС пройдет в нашей стране и, на наш взгляд, роль БРИКС будет и в дальнейшем расти, хотя и в довольно непростых условиях. Таким образом, как показывают тенденции мирового развития и, как мы отмечали ранее, нам необходима своя модель видения будущего мира, представление о новом формате его устройства, разработка теории глобального и регионального развития с учетом защиты национальных интересов России как государства-цивилизации.

*Юрченко И.В.
(ИОНЦ РАН, Куб ГУ, Краснодар)*

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАМОК В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ¹

Сложившиеся в науке классические парадигмы, на наш взгляд, будут и дальше оставаться фундаментом для политологического анализа, несмотря на требования времени о необходимости расширения традиционных теоретических рамок. В частности, уход от доминирования линейных теоретических парадигм и поиск новых подходов к исследованию политических реалий возможен с помощью синергетики. Во-первых, современная синергетика занимается изучением сверхсложных гетерогенных систем, а синергетическая объяснительная модель основана на такой мировоззренческой интерпретации мира, которая исходит из его нелинейности, неравновесности. Во-вторых, эта парадигма рассматривает процессы перехода от неупорядоченности к тому или иному порядку. В этом процессе, как правило, возникает некий важный феномен, когда сходное поведение элементов, или так называемый «кооперативный» (или синергетический эффект) создает основания для обновленного упорядочения. Важно подчеркнуть, что в этом контексте социально-политические процессы рассматриваются не как «застывшие», а сложно формируемые под влиянием различных факторов, что в свою очередь, требует факторного (а точнее, многофакторного анализа) с привлечением множества дополнительных объяснительных моделей. Например, парадигмы конфликта, консенсуса, экономического и географического детерминизма, концепций психологизма, социального реализма или социологизма, феноменологической герменевтики и других. Как справедливо отмечает Василькова В.В., «в синергетическом описании возникает новый образ мира... он не ставший, а становящийся, непрерывно возникающий и изменяющийся, он эволюционирует по нелинейным законам...» (См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. - СПб: Изд-во «Лань», 1999. С. 21). На наш взгляд, в процессе

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ИОНЦ РАН, № 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

политологического исследования очень важен поиск трудноуловимого перехода от покоя к движению, от определенного сложившегося порядка к появлению новых форматов развития. Мы привыкли, что классическое мировоззрение прежде всего исходит из рациональности мира, отсюда - первостепенное значение теорий рационального выбора. Но как показывает практика этого недостаточно и перед нами возникает новая сложная задача: попытаться объяснить, как и благодаря чему формируется новый мир политики в современном информационном обществе, в том числе под влиянием цифровизации. Создать новую модель мира политики с учетом совокупности всех факторов позволяет синергетическая парадигма, которая дает возможность взглянуть сложный процесс нового порядкоформирования. Эффект синергии рассматривается как универсальное свойство (универсальный признак, предпосылка, условие) процесса самоорганизации. Социальный порядок является продуктом собственной спонтанной активности индивидов, характеризующихся множественной, многосоставной идентичностью (региональной, локальной, этнической, демографической и др.) В политологическом исследовании эти феномены подвергаются комплексной аналитике и экспертизе. Синергетическая парадигма – это модель познания развивающегося мира, сверхсложных систем, адекватная его нелинейности и ориентированная на гуманитарные ценности. В процессе исследования политической самоорганизации важно определить какой порядок и ради чего создается. Безусловно, основной целью является безопасность личности, общества, региона, государства. Таким образом, в политологическом исследовании необходим междисциплинарный инструментарий, предполагающий адекватное рассмотрение динамически устойчивой, самовозобновляющейся, эволюционирующей коммуникативной системы. При этом методологическое обоснование изучения проблемы политической самоорганизации включает важный аспект единства предельного различения. А именно, необходимо различать: деструктивный хаос (т.е., хаос разрушения, отмирания) и хаос становления, бытия. Хаос бытия или хаос в порядке проявляется, тем не менее, в контексте принципа конструктивной неустойчивости, поэтому также сложно подвергается фиксации. Формой становления, существования и развития человеческой общности является организация и самоорганизация, а содержанием взаимодействия различных социальных, и в том числе этнических общностей, является информация и коммуникация. Поэтому особенно важно подчеркнуть роль информации, которая в общественном механизме является не нейтральным элементом, а орудием борьбы и тот, кто контролирует информационные потоки, может решающим образом воздействовать на коллективное сознание.

*Юрченко Н.Н.
(КубГУ, Краснодар)*

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В УПРАВЛЕНИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ И УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Проведение мониторинга сферы межнациональных отношений под влиянием реализации муниципальными образованиями программ профилактики экстремизма и обеспечения гармонизации межнациональных отношений показало, что в регионе сложились традиционные позитивные практики в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов, в частности, на основе взаимодействия органов власти с национально-культурными объединениями, образовательными организациями,

правоохранительными органами, СМИ и другими структурами, занимающимися профилактикой и ранним предупреждением межэтнических конфликтов.

В качестве позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов следует назвать комплексные усилия созданных в Краснодарском крае общественных объединений, которые проводят систематическую работу, направленную на укрепление мира и согласия, сохранение культуры и традиций народов, проживающих в регионе. Согласно сообщениям СМИ, в крае успешно работают «Молодежный центр развития личности», «Центр патриотического воспитания молодежи», «Центр публичная молодежная политика», «Школа молодого предпринимателя. Бизнес молодых» и др. площадки.

По итогам исследования было определено, как молодые люди оценивают важность и роль различных субъектов в патриотическом воспитании, в формировании региональной идентичности. В рамках Года культурного наследия народов России, для духовно-нравственного и патриотического воспитания населения Кубани, поддержки и развития традиционной культуры народов, проживающих на территории Краснодарского края, укрепления межнациональной и международной дружбы, возрождения и сохранения национальных народных традиций проводится XXXIV краевой фестиваль фольклора и национальных культур «Золотое яблоко» (30 ноября 2022 г.), в котором принимают участие фольклорные коллективы и ансамбли, хореографические творческие коллективы, клубы, студии декоративно-прикладного искусства и ремесел, действующие при учреждениях культуры края, центрах народной культуры, национальных объединениях, культурных национальных центрах, и демонстрирующие народно-сценическое искусство кубанских казаков и других народов, проживающих на территории Краснодарского края.

Необходимо отметить, что этнополитические отношения в Краснодарском крае имеют высокий уровень институционализации и артикуляции групповых интересов. К позитивным практикам в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов можно отнести опыт работы Федеральной школы межэтнической журналистики, которая организует в регионах (в частности в Краснодарском крае) бесплатные 3-х месячные курсы, предназначенные для студентов, молодых журналистов, блогеров и общественных деятелей в возрасте до 30 лет включительно, заинтересованных в грамотной работе с материалами межэтнической, межкультурной и межконфессиональной тематики. Обучающиеся изучают особенности освещения межнациональных отношений в СМИ в целом и в регионе, в частности, знакомят с правовыми вопросами, современными техническими трендами, с этикой этножурналистики, с особенностями этнического и религиозного многообразия Краснодарского края и Адыгеи, приобретают опыт участия в этноэкспедициях. Таким образом, Школа межэтнической журналистики, как межрегиональный наставнический проект Федерального агентства по делам национальностей и Гильдии межэтнической журналистики, активизирует свою деятельность на региональном уровне, что позитивно сказывается на профессионализме молодых, начинающих свою профессиональную деятельность журналистов, желающих специализироваться на проблемах межэтнической и межконфессиональной журналистики. Краснодарское отделение Гильдии межэтнической журналистики работает в крае с 2017 года и реализует проекты на региональном уровне в области освещения в СМИ тем межэтнической и межконфессиональной журналистики.

Действенным продвижением политико-административных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов в контексте реализации государственной национальной политики в Краснодарском крае представляется сотрудничество Краснодарской краевой общественной организации «Центр национальных культур» и Общественной палаты Краснодарского края, в результате которого 26 мая 2022 г. в национальной гостиной МКУ «Общественно-информационный центр г. Краснодара» проведено краевое заседание круглого стола на тему «Национально-культурные общественные объединения и религиозные организации Краснодарского края за

сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма среди молодёжи». В ходе заседания были рассмотрены вопросы гражданско-патриотического воспитания молодежи, формирования единой гражданской идентичности, вопросы противодействия фальсификации истории, защиты исторической правды, противодействия идеологии экстремизма и терроризма в Российской Федерации. По итогам работы круглого стола сформированы методические рекомендации, которые направлены в муниципалитеты края для дальнейшей работы.

Ягодка Н.Н.
(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

В условиях современных геополитических вызовов, нестабильности международной политической и экономической обстановки, опора на консолидированное общество является важнейшим условием поступательного развития России. Единство общества может быть достигнуто только в случае общественного согласия относительно дальнейшего политического, социального и экономического развития государства, а также высокого уровня патриотизма, в особенности молодежи. Для повышения уровня сплоченности общества усилий государственных органов власти недостаточно, важно использовать значительный ресурсный потенциал, имеющийся у российского некоммерческого сектора.

За последние два года Российская Федерация подверглась беспрецедентному уровню внешнего воздействия: экономического, политического, информационного, военного, психологического. Государству недостаточно обладать только новейшими достижениями в сфере техники и технологии, важно формировать сплоченное общество, разделяющее единые национальные ценности и стремящееся работать на благо своей страны. Уделение внимания данным вопросам со стороны государства значительное время игнорировалось, что отчетливо проявилось в условиях повышения уровня турбулентности в мировой политике и экономике. Если представители более старшего поколения, рожденные и выросшие в СССР, оказались более подготовленными к кризисным явлениям, то представители молодежи, рожденные после 2000-х годов, оказались не в полной мере готовы объективно воспринимать и принимать стремительно меняющуюся социальную, политическую, экономическую и информационную реальность. Представители молодежи в большей степени подвержены информационному давлению, манипуляциям и склонны к острой эмоциональной реакции на текущую информационно-политическую повестку. Отчасти это связано с отсутствием ценностного базиса, который не был заложен в период обучения в школе, вузе, колледже. Субъектами образовательного процесса не уделялось должное внимание вопросам нравственно-патриотического воспитания молодежи.

Одной из важнейших государственных задач сегодня является усиление работы по нравственно-патриотическому воспитанию молодежи путем разработки и реализации научно-просветительских проектов, посвященных вопросам отечественной истории, культурной и национальной идентичности народов России, сохранению объединяющих базовых ценностей и традиций. Важно привлекать к данной работе общественные организации, которые усилят работу со школьниками и студентами и помогут сформировать целостное мировоззрение у молодежи.

Существенная работа по нравственно-патриотическому воспитанию молодежи ведется сегодня общественной некоммерческой организацией «Знание», осуществляющей просветительскую работу в 89 субъектах Российской Федерации. Среди основных задач организации следует выделить: воспитание патриотизма у подрастающего поколения,

пропаганда здорового образа жизни, сохранение исторических и природных памятников, укрепление межнационального единства, борьба с фальсификацией истории. Лекторами некоммерческой организации являются преподаватели ведущих российских вузов, общественные и научные деятели, представители государственных и муниципальных органов власти, деятели культуры.

Реализация общественного проекта «ДНК России» направлена на вовлечение академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики. В рамках реализации проекта был разработан курс «Основы российской государственности», который введен с 1 сентября 2023 года и является обязательным для студентов первого курса всех направлений подготовки. Учебный курс нацелен на формирование у студентов целостного представления о российской истории, культуре, историческом пути развития, а также развития чувства гражданственности и социальной ответственности.

С 1 сентября 2022 года в образовательных организациях начального, основного, среднего общего и профессионального образования проходит внеурочное занятие «Разговоры о важном», направленное на укрепление традиционных культурно-нравственных ценностей и воспитание патриотизма у российских школьников. Занятия проводят как штатные педагоги, так и приглашенные общественные деятели, пользующиеся авторитетом.

Вопросам сохранения исторической памяти, противодействию фальсификации истории, героизации нацизма уделяется значительное внимание со стороны некоммерческих организаций, таких как гражданская инициатива «Бессмертный полк», всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», АНО «Астик», «Поисковое движение России» и др.

Конструктивное взаимодействие власти с некоммерческими организациями по вопросам нравственно-патриотического воспитания молодежи будет способствовать дальнейшему укреплению общественного согласия и единства, а также достижению стратегических целей, стоящих в настоящий момент перед Россией.

Яковлева А.Ф. (ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ГАУГН, Москва)

Болдин В.А. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В современном полицентричном мире повышенное внимание уделяется роли человека и человеческого капитала, вследствие чего социально-гуманитарный потенциал активно используется в различных областях международных отношений и мировой политики, включая в первую очередь культуру, науку, образование, а также иные сферы, такие как спорт и туризм. Деятельность в этих областях направлена на укрепление сотрудничества, взаимного доверия, развитие человеческого капитала, что приобретает особую значимость в период кардинальной трансформации мировой политической системы. Отношения в сфере гуманитарного сотрудничества включают огромное число акторов, взаимодействие которых временами тяжело координировать. Она развивается по различным направлениям, которые больше расходятся, нежели сходятся в единой стратегии. В докладе предлагается представить теоретико-методологическую версию понятий «гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная политика» в свете концепции полицентричного мира.

Проблемы гуманитарного сотрудничества России и дружественных стран требуют дополнительного осмысления с учетом особенностей процессов общественной

консолидации и формирования национально-государственной идентичности их молодежи как поколенческой общности. Целями гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом являются формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширение контактов между людьми (п. 14 «Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>). Ряд современных отечественных исследователей указывают на ангажированность термина «мягкая сила», обусловленную исторической спецификой появления этого понятия в англоязычной литературе. В связи с этим дополнительную актуальность приобретает выработка собственного политологического вокабуляра, позволяющего преодолеть указанные выше ограничения. В данном контексте понятие «гуманитарная политика» представляется более корректным. Под гуманитарной политикой понимаются государственные и пара-государственные действия, направленные на взаимодействие с общественными институтами и организациями, медиа, широкой публикой – иными словами, взаимодействия, не замкнутые на политическую верхушку и крупных экономических игроков (формулировка Энтиной Е.Г.). В свою очередь, термин «гуманитарное сотрудничество» можно рассматривать как часть межгосударственного взаимодействия, представляющую собой деятельность с учетом собственных интересов, экономической ситуации и правового регулирования, в ходе которой стороны предоставляют друг другу или совместно третьим сторонам гуманитарную помощь, продвигают «мягкую силу», реализуют культурную, научную и публичную дипломатию. При наличии широкого дискурса в политологической литературе, касающегося роли гуманитарного взаимодействия в дипломатической стратегии России, которое развивается благодаря усилиям целого ряда организаций, теоретическая и практическая адаптация терминов «гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная политика» получает особую значимость в контексте роста международной напряженности последних лет.

Янь И.

(РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И НАРРАТИВА КИТАЯ В АРКТИЧЕСКИХ ДЕЛАХ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

В условиях великих перемен в мировой политике миф об открытости западного «либерального международного порядка» после «холодной войны» имеет тенденцию разрушаться. В этих обстоятельствах закрытый характер и ограничения различных институциональных механизмов глобального управления становятся все более заметными. Управление Арктикой стало одной из горячих тем в мировом управлении. Китай активно стремится к участию в арктических делах, однако, как экстерриториальная страна, Китай сталкивается со значительными ограничениями при участии в ключевых механизмах управления регионом, включая Арктический совет. С увеличением влияния Китая и его активного участия в управлении Арктикой, Китай пересматривает и корректирует свою идентичность после получения статуса наблюдателя в Арктическом совете.

Ранее мировое сообщество считало Китай неарктической страной. Без разумной идентичности Китай не мог обеспечить свою законную интеграцию в арктические вопросы. Именно поэтому Китай предложил принять статус «приарктической страны», который стал ключевым элементом его арктической политики. Этот статус не только подчеркивает географическую близость Китая к арктическому региону и демонстрирует основные причины его участия, но и в определенной степени отделяет Китай от более широкого круга неарктических стран, показывая, что его нельзя просто игнорировать. Кроме того, это также подразумевает, что Китай признает различия между собой и арктическими странами и

проявляет дипломатическую сдержанность. Концепция «приарктических стран» соответствует и активно использует основную логику закрытой системы Арктического совета, создавая нарратив идентификации, соответствующий его целям приобретения статуса наблюдателя.

Хотя нарратив идентичности «приарктических стран» позволил Китаю вступить в арктические дела, это концепция трудноопределима и подвержена сомнениям и критике. В то же время, с учетом изменений в мировом порядке, закрытый характер Арктического совета становится более очевидным. В свете этих обстоятельств Китай выходит за рамки простой географической принадлежности и разрабатывает концепцию «заинтересованных сторон в Арктике», чтобы обогатить свою идентичность. В сравнении с «приарктическими странами», «заинтересованные стороны в Арктике» более четко выражают важность управления Арктикой для интересов Китая и отличаются большей открытостью. Этот нарратив направлен на объединение обязанностей и интересов Китая в арктическом регионе и обогащение его аргументов в пользу законности участия в управлении Арктикой. В белой книге «Арктическая политика Китая», выпущенной правительством Китая, утверждается, что «Китай тесно связан с межрегиональными и глобальными аспектами арктических вопросов, включая изменение климата в Арктике, состояние окружающей среды, научные исследования, использование морских путей, разведку и разработку природных ресурсов, а также обеспечение безопасности. Эти вопросы связаны с общим выживанием и развитием всех стран мира и всего человечества и непосредственно затрагивают интересы стран вне арктического региона, включая Китай»¹. Это подчеркивает межрегиональные и глобальные аспекты управления Арктикой и демонстрирует интерес Китая к данной теме и причины его участия. В белой книге Устав ООН и Конвенция ООН по морскому праву четко позиционируются как «ядро нынешней системы международного управления в Арктике», что отражает важные изменения в участии Китая в управлении Арктикой и подчеркивает необходимость постепенной коррекции существующего арктического порядка с учетом изменяющейся ситуации. Закрытый характер системы управления арктическим регионом вызывает недовольство стран вне региона и международных организаций, арктическим советом. В то время как члены Арктического совета требуют от других участников признания их прав, страны вне региона настаивают на уважении их законных прав и интересов в регионе на основе Конвенции ООН по морскому праву. Концепция идентичности «заинтересованных сторон в Арктике» лучше соответствует изменяющимся целям и стратегии Китая в участии в арктических вопросах.

В условиях нынешней трансформации международного порядка закрытый характер существующей системы регионального управления в Арктике становится все более очевидным. Расширение идентичности Китая в Арктике и акцент на межрегиональных и глобальных аспектах вопросов в этом регионе отражают его стремление укрепить свой институциональный вклад в управление Арктикой.

¹ 中华人民共和国国务院新闻办公室:《中国的北极政策》, 2018年1月26日,来源:https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm,访问时间:2023年4月5日(Информационное бюро Государственного совета КНР: «Арктическая политика Китая», 26 января 2018 г., источник: https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm, дата доступа: 5 апреля 2023 г. на китайском).

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПАРТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ «ЕДИНОЙ РОССИИ»

Формирование политических партий происходит под влиянием экзогенных и эндогенных факторов, поэтому партогенез определяет каркас партийной структуры. Партии не возникают в безвоздушном пространстве и поэтому важнейшими экзогенными факторами их формирования являются особенности политических и партийных систем. Согласно интегративной теории партийных целей и изменений К. Джанды и Р. Хармела, именно внешний контекст влияет на трансформацию политических партий¹.

К эндогенным факторам относится круг задач, которые перед собой ставит группа людей, борющихся за власть и объединившихся в новую политическую партию, в уже сложившихся политических и партийных системах.

Корреляция между структурой и функциями партии усиливается в случае не стихийного, а конструируемого партогенеза. Это справедливо в отношении «Единой России», которая представляет собой успешный пример создания доминирующей партии власти.

Основа партийной структуры «Единой России» может быть охарактеризована функциональной моделью. Несмотря на специфику субъектов Федерации, общность задач «Единой России» в региональных политических системах обуславливает функциональность модели партийной структуры, которая позволяет вне зависимости от специфики региона партии выполнять в нём требуемые политические функции.

Функциональность модели выражается в неизменном воспроизведении на каждом из трёх уровней публичной власти, которым соответствуют уровни управления партийной организацией, уровней внутрипартийного устройства: политического, публичного и аппаратного уровней. Эти уровни схожи с выделяемыми «тремя ликами партии»: партия как аппарат, партия как организация и партия как электорат².

Высшим в иерархии внутрипартийного устройства «Единой России» является политический уровень. Он представлен публичными должностями и органами, осуществляющими непосредственное управление партией. Политический уровень схож с термином «доминирующая коалиция», как «группы руководителей, контролирующих основные властные ресурсы партийной организации»³.

Следующий уровень в иерархии внутрипартийного устройства «Единой России» публичный, его главная характеристика и предназначение – это взаимодействие с обществом в виде формирования имиджа партии и агрегации интересов различных групп. Это происходит посредством включения в руководящие органы партии лидеров мнений, которые зачастую являются лидерами отраслевых или локальных сообществ или руководителями крупных предприятий.

Заключительным уровнем внутрипартийного устройства является аппаратный, представленный партийными органами и должностями, обеспечивающими повседневную жизнедеятельность партии.

К политическому уровню внутрипартийного устройства на федеральном уровне партийной организации относятся: председатель партии, председатель Высшего совета, бюро Высшего совета, секретарь Генерального совета и президиум Генерального совета. На региональном уровне партийной организации политический уровень представлен секретарями региональных отделений и президиумами региональных политических

¹ Harmel R., Djanda K. An Integrated Theory of Party Goals and Party changes / Journal of Theoretical Politics. 1994. № 6 (3). P. 266.

² Ишияма Дж.Т. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике. // Полис. – 1999. – № 4. С. 119.

³ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 38.

советов. На местном уровне партийной организации к политическому уровню относятся: секретари местных отделений и депутаты федерального и региональных парламентов, в избирательные округа которых входят соответствующие местные отделения.

Публичный уровень федерального уровня партийной организации представлен съездом, Высшим советом, Генеральным советом, Центральной контрольной комиссией и Комиссией партии по этике. К публичному уровню внутривнутрипартийного устройства регионального уровня относятся конференция, региональный политический совет и региональная контрольная комиссия. Публичный уровень местного уровня партийной организации представлен конференцией, местным политическим советом и местной контрольной комиссией.

Аппаратный уровень внутривнутрипартийного устройства всех трёх уровней партийной организации представлен двумя ветвями – организационной (основная) и коммуникативной. Вертикаль организационной ветви: Центральный исполнительный комитет, региональные исполнительные комитеты, исполнительные секретари местных отделений. Коммуникативная ветвь – это вертикаль общественных приёмных председателя партии.

Подводя итог, необходимо отметить, что внутреннее устройство партии «Единая Россия» обусловлено выполняемыми функциями и её ролью доминирующей партии власти в политической системе страны и в политических системах регионов.

*Яруллина А.Р.
(КФУ, Казань)*

МЕХАНИЗМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ (КЕЙСЫ: КАНАДА И ШВЕЙЦАРИЯ)

Важно, чтобы этнические группы не чувствовали себя отчуждённо, поэтому необходимо их представительство в структурах центральной и региональной власти, их участие в политическом процессе. Эта необходимость связана с интеграцией этнической группы в общество и для развития отношений между этносами, а также с развитием доверия этнических групп к власти. В случае недостаточного политического представительства этническая группа не осознаёт себя частью общества, что приводит к конфронтации группы по отношению к общегражданской идентичности.

Канада и Швейцария являются полиэтничными государствами, каждое из которых в своей внутренней политике отмечает, что важно учитывать интересы этнических меньшинств.

В Канаде присутствуют законодательно закреплённые меры, действующие согласно следующим законам: The Official Languages Act, Canadian Multiculturalism Act, а также Канадская хартия прав и свобод.

В Швейцарии же законодательно закреплённые меры представительства этнических меньшинств включены в Конституцию. В основном в ней закрепляются этнолингвистические права меньшинств, а также прописана необходимость соразмерного представительства кантонов, которые играют значимую роль в представительстве этнических меньшинств.

Возможность представительства в парламенте Канады усложняется в связи с мажоритарной системой относительного большинства, так как маленьким партиям и этническим меньшинствам сложно набрать достаточную поддержку среди электората.

В Швейцарии действует пропорциональная избирательная система, где стоит обратить внимание на Совет кантонов, в который входят по два представителя от кантона и один представитель от полукантона, а кантоны представляют интересы этнических меньшинств в том числе.

В Канаде и Швейцарии отсутствуют этнические партии, их необходимость неоднозначна в данных кейсах, т.к. в Канаде существует Квебекская партия, представляющая интересы франкоканадцев, а в Швейцарии предусмотрено сбалансированное представительство этнических групп.

В обеих странах не представлены механизмы квотирования выборов для этнических меньшинств, но в Швейцарии действует система Гогенбах-Бишофа, распространяющаяся на все партии, тем самым партии, которые включают представительство этнических групп, так же получают возможность получить больше мест в парламенте.

В Швейцарии на практике выработано правило: этнолингвистические группы примерно пропорционально представлены в парламенте. Также Федеральным собранием (парламентом) избираются члены Федерального совета (правительства), среди которых должен быть хотя бы один франкоговорящий и италоговорящий представитель. Так, на данный момент в Федеральном совете есть один италоговорящий и один франкоговорящий представитель: Иньяцио Кассис и Ги Пармелен соответственно.

В заключении, стоит отметить, что механизмы представительства этнических меньшинств являются важным политическим инструментом в полиэтничных государствах, так как с их помощью этнические группы могут гармонично отстаивать свои интересы и интегрироваться в общество.

*Яхшиян О.Ю., Омельченко Н.А., Суворова В.А.
(ГУУ, Москва)*

КОНЦЕПТ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ¹

Укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), определяемое как цель государственной национальной политики, востребует относительного единства в трактовке самого понятия российской идентичности. Очевидно, что данное понятие прочно вошло в российский политико-правовой лексикон и будет активно использоваться и в нормотворчестве на всех уровнях публичной власти, и в документах стратегического планирования, и в официальном дискурсе в целом. Содержание данного понятия рассматривается в актуальных документах стратегического планирования в сфере национальной безопасности – и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

В первом документе подчеркивается, что традиционные российские духовно-нравственные ценности объединяют страну. А во втором документе отмечается, что традиционные ценности лежат в основе общероссийской гражданской идентичности и укрепляют гражданское единство. Иными словами, в структуре российской идентичности на первый план выводится культурно-ценностный компонент и акцентируется именно его интегративный эффект. В Стратегии государственной национальной политики дается довольно невнятная, если не сказать – противоречивая, трактовка российской идентичности. В глоссарии предлагается определение общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) – это осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности

¹ Работа выполнена по результатам исследований, выполненных за счет средств федерального бюджета по государственному заданию Концепт российской идентичности в документах стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне (FZNW-2023-0059).

за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества. А в самом тексте содержится принципиальное положение о том, что российская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты или единого культурного (цивилизационного) кода. В глоссарии понятие русской культурной доминанты не получило определения, а приведенное выше определение общероссийской гражданской идентичности отсылки к русской культурной доминанте не содержит. Это, конечно, нестыковка. Между тем тезис о русской культурной доминанте как основе российской идентичности в полной мере отвечает современному научному пониманию диалектического соотношения гражданского и культурного компонентов в структуре национального самосознания. В любом реализованном проекте нации, в любой состоявшейся и устоявшейся национальной идентичности тесно переплетены гражданская и культурная составляющие¹. Первая акцентирует равные права и обязанности сограждан, активное гражданское общество, народный суверенитет и конституционализм, качество политических институтов, солидарность. Вторая предполагает общее культурно-языковое пространство в форме дискурсов и нарративов об истории национального сообщества, объединяющих ценностей и представлений о самих себе, о прошлом и будущем. Культурная составляющая обосновывает и обеспечивает связь поколений внутри сообщества и ограничивает сообщество от других².

Понятие русской культурной доминанты увязывает понятие общероссийской гражданской идентичности с самобытностью российской нации, высвечивает ее культурно-историческое «лицо». Оно акцентирует не общее с другими гражданскими (национальными) идентичностями, определяющее российскую идентичность как гражданскую, а особенное, делающее российскую идентичность именно российской. Русская культурная доминанта (единый культурный код) и в официальном, и в научном дискурсе трактуется как явление цивилизационного порядка.

Ячменник К.В.
(КубГУ, Краснодар)

ЛИДЕРСТВО В КОНСОЛИДАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ³

В современных реалиях, связанных с такими факторами как сохранение национального суверенитета, нарастанием давления коллективного Запада, сохранением традиционных культурно-нравственных ценностей и т.д. в российском обществе сложился запрос на консолидацию граждан. В условиях изменения геополитической реальности, возникновения новых форматов взаимоотношений между субъектами общественно-политических отношений решение общенациональных задач поиска новых возможностей для создания устойчивых и эффективных сообществ на локальном уровне, способных выполнять задачи по решению проблем территорий.

Локальные сообщества выступают основой гражданской солидарности, источником публичной власти и социально-экономического развития территории. Включение локальных сообществ в развитие территорий способствует улучшению системы социального, экономического и культурного обеспечения населения территории, а также

¹ Миллер А.И. *Нация, или Могущество мифа* - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 146 с. С. 137.

² Ремизов М.В. *Русские и государство. Национальная идея до и после «крымской весны»* - М.: Эксмо, 2016. – 400 с. С. 166.

³ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа)»

повышению качества принимаемых чиновниками управленческих решений на локальном уровне, что способствует формированию общества активного гражданского участия, главной задачей которого является налаживание партнерских отношений с властью. Лидерство обладает значительным ресурсным потенциалом в консолидации локальных сообществ, который может быть использован различными институтами развития как в конструктивном, так и в деструктивном формате.

В муниципалитетах Краснодарского края представлена деятельность различных локальных сообществ, таких как сообщества предпринимателей, сообщества волонтеров, казачьи сообщества, религиозные сообщества и др., которые включаются в решение проблем своих территорий. Проведенное эмпирическое исследование муниципальных образований Краснодарского края методами фокус-групп с населением, экспертного опроса с лидерами локальных сообществ и представителями институтов развития позволило выявить и охарактеризовать ряд типичных лидерских практик в исследуемых локальных сообществах.

Так в Фастовецком сельском поселении Тихорецкого района Краснодарского края сложилось консолидированное лидерство. Молодой глава Фастовецкого сельского поселения благодаря своим личностным и деловым качествам в короткие сроки смог создать вокруг себя команду единомышленников, ориентированных на привлечение ресурсов и вовлечение активных граждан в решение проблем поселения (*«Он как бы никогда не оставляет никакие проблемы без внимания, то есть к нему приходят люди, они просто идут постоянно к нему на приём», «Он целеустремленный. Мне нравится, что вот если он поставил цели, он их выполняет»*). Дефицит материальных ресурсов в сельском поселении преодолевается за счет включения в различные грантовые программы, реализацию национальных проектов и программ, инициативного бюджетирования, что способствует интенсивному развитию социальной инфраструктуры в сельском поселении.

Противоположная ситуация сложилась в Рязанском сельском поселении Белореченского района Краснодарского края. В данном поселении сложилось конфликтное лидерское взаимодействие. На протяжении десятилетий главы поселения не смогли консолидировать локальные сообщества и граждан для включения в решение проблемы территории. Глава поселения закрыт для общения с активными равнодушными жителями, вследствие чего сложился определенный уровень недоверия населения к местному руководству (*«Между прочим, сейчас с населением администрация встречается один раз в год. Это отчетная сессия в марте. Все, больше никаких сборов не существует»*).

Таким образом, мы видим, что лидерство является значимым институтом развития территории, определяющим ее успешное будущее. От лидеров напрямую зависит консолидация локальных сообществ и их мотивация включаться в решение актуальных проблем территории.

CONSIDERING FEDERALISM IN A MULTIETHNIC COUNTRY: THE CASE OF MYANMAR

In the post-colonial period, the prioritization of the rights of majority ethnic groups over minority ethnic groups in the nation-building of multiethnic countries has often resulted in disparities, ethnic conflicts, and civil wars. Scholars have recognized the significance of federalism as a potential solution to these political challenges. Federalism, is a governance structure that decentralizes authority to local governments, striking a balance between centralization and decentralization¹. This system provides an effective means of reconciling regional autonomy with national governance in multiethnic societies.

Despite many repeated reviews of considering federalism for Myanmar, a lack of widely reviewed literature with a specific focus on «holding together federation» is a gap in knowledge. This research aims to explore the idea of applying «holding together federation» as a political solution to Myanmar's ethnic issues. Secondary data from academic sources will be employed for this analysis.

Addressing ethnic conflicts that hinder national stability and development has become a paramount concern for every government. Federalism is the most demanded option for minority ethnic groups to overcome legacies of historical discrimination and exclusion. In several multiethnic Asian countries, including Myanmar, attempts to introduce federalism have often resulted in political instability without resolving underlying issues.

Can the implementation of a «holding together federal» system effectively address the challenges faced by ethnic groups in Myanmar? In Myanmar, characterized by its diverse ethnic makeup, the implementation of the «holding together federation» system is hypothesized to offer a viable solution to ethnic challenges.

The terms «coming together federation» and «holding together federation» describe two federalism models². In the «coming together federation», states unite to form a more powerful state with equal power levels, while in the «holding together federation», the central government has more autonomy to prevent disintegration and secession risks³. In both models, regional governments are under the central government and follow the same constitution. Additionally, the «holding together federation» emphasizes public participation in federal negotiations rather than just negotiations between central and regional parties⁴. The «holding together model of federation», differs from the original mechanism of federalism and which is designed for developing countries with multiethnic groups to manage diversity and be inclusive⁵.

India's adoption of the «holding together federation» has aimed to address political challenges in multiethnic nations as an instrument for uniting diversity and reducing ethnic tensions. The strength of Indian federalism includes its capacity to accept regional and linguistic identities, encourage democratic involvement and representation, and foster economic development through decentralization⁶. Additionally, a mature democratic system, a well-structured constitution, and a standard political culture are essential for the success of Indian federalism.

¹ Watts, R. L. (1998). Federalism, Federal Political Systems, and Federation. *Annual Review of Political Science*, Volume 1, 118-119.

² Stepan, A. C. (1999). Federalism and democracy: Beyond the US model. *Journal of Democracy*, 10(4), 19-34.

³ Breen, M. G. (2018). The Origins of Holding-Together Federalism: Nepal, Myanmar, and Sri Lanka. *The Journal of Federalism*, 48(1), 26.

⁴ Riker, W. H. (1964). *Federalism: Origin, operation, significance*. Boston.

⁵ Vasudeo, K. (2019). Dimensions of Federalism in Developing Countries: A Comparative Analysis of India and Ethiopia (1991-2017). *Mahatma Gandhi Central University Journal of Social Sciences MGCUISS*, 67-77.

⁶ Kumar C. (2014). Federalism in India: A Critical Appraisal. *Journal of Business Management & Social Sciences Research (JBM&SSR)*, 31-42.

Successful Indian federalism motivates the introduction of «holding together federation» model federalism in Myanmar to reduce political tensions among the ethnic groups and foster unity and integration, as these two countries have similar political background. But implementation of federalism should be tailored to the specific historical and political context of each country. Both successful and unsuccessful implementations in different countries should be further examined to gain insight into the nature of federalism.

Wang Y.

(Shandong University, Qingdao city, Shandong province, China)

KAZAKHSTAN'S «SOFT BALANCE» STRATEGY WITH RUSSIA: PERFORMANCE AND LIMITATIONS

Over the recent years, an increase in academic interest has been seen concerning the foreign policy of Russia and Kazakhstan, especially Kazakhstan as the secondary state which has moderate regional influence. However, some theoretical analysis of Kazakhstan is absent in the existing literature.

Over the past years, analysis of soft balance has played a critical role in understanding the behavior of weaker states toward more powerful states. Advocates of the concept of soft balance offer a wide range of definitions. Walt in his book «The origins of alliance» has described soft balance as a policy that pursues alliances to obtain outcomes against the will of a dominating power [Walt, 2005]. Paul in his article «Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy» described the soft balancing the nonmilitary tools weaker states use to delay, frustrate, and undermine stronger states [Paul, 2005]. Walt in his book «The origins of alliance» has described that collaboration with other nations could help to improve one's own bargaining position in global negotiation, irrespective of the issue, to gain privileges from great powers [Walt, 2005].

Under the frame of soft balancing, Kazakhstan used two types of balancing includes internal and external soft balancing. As in the framework of Eurasian Economic Union, Kazakhstan tried to control Russia through cooperate with other nations. And attitude about the Eurasian Economic has been changed from positive participate to cautious support. Through economic cooperation with west countries and political cooperation with Turkey, Kazakhstan could improve its position at the bargaining table when dealing with Russia. In the meantime, foreign policy of Russia tends to focus on regional power instead of global power since Putin served as president.

In this paper proceeds in four stages: 1) to define the soft balancing theory; and to explain the reason of choosing soft balancing theory; 2) to analyze the motivations of Kazakhstan's soft balancing strategy include recognize of threat and multi vector diplomacy; 3) to explain the performance of Kazakhstan's soft balancing strategy with the case study of Eurasian Economic Union and Organization of Turkic States; 4) to analyze the limitation of Kazakhstan's soft balancing strategy.

1. Performance of Kazakhstan's soft balancing strategy

A) Regional level: internal soft balancing under the frame of Eurasian Economic Union

One of the primary way to develop soft balancing for Kazakhstan is economic cooperation. In 2011, Putin suggested establishing a Eurasian Union again. Obviously, soft balancing strategy can effectively reduce the leadership of the Great Power Russia in the international mechanism for Kazakhstan.

B) Global level: external soft balancing by economic cooperation with other countries

Nazarbayev tried to attract investment from foreign countries and built favorable environment for investment to reduce the dependence from Russia. President Tokaev claimed independence of Kazakhstan plays an important role. He insisted that Kazakhstan was obsessed the absolute right of independence. In the meanwhile, with the development of infrastructure in energy and transport field, Kazakhstan developed Organization of Turkic States.

2. Limitations of Kazakhstan's soft balancing strategy

It is obvious that Kazakhstan as the weaker state should take soft balancing strategy in the relationship of Russia and Kazakhstan. Only through this way can Kazakhstan achieve its goal with lower cost. By actively participating in the multilateral interactions in the international system, Kazakhstan not only solves the problem of Russia's leadership, but also avoid direct resistance with Russia. However, its soft-balance strategy still has some limitations during the process.

A) Limitations of Kazakhstan's capability

First, Kazakhstan has a long history of economic dependence on Russia. Above 80% of Kazakhstan's goods need to go through Russia. Second, it's obvious that the capability differs in Russia and Kazakhstan, such as military ability, financial ability. Russia still has the power of controlling Kazakhstan.

B) Limitations of CIS nations

It is obvious that CIS nations differ from each other. As nations in CIS have different expectation about Eurasian Union. It is hard for Kazakhstan to achieve its goal without considering other nation's development under the frame of CIS.

C) Limitations of «soft-balancing» theory

«Soft balancing» itself means a flexible foreign policy. Its strategic goal is different from «hard-balancing», which is only to weaken the impact of the target country's threatening behavior, rather than to engage in fierce competition with it.

Conclusion

This paper tried to understand what Kazakhstan's reaction was toward the rising power influence of Russia in the region. Kazakhstan is the second largest country in the post-Soviet territory; it possesses vast energy reserves and is close proximity to Russia. Kazakhstan is compelled to employ soft balancing policy to keep overpowering influence of Russia in check, while at the same time maintain cooperation and a close work relationship with its neighbor.

The soft balancing theory is a new perspective on the relationship between Kazakhstan and Russia. This paper tried to use soft-balancing theory to explain the strategy cooperation of opposition that Kazakhstan with Russia after the Russian-Ukrainian conflict broke out in 2022. In the paper proves that a theoretical framework can help clarify empirical findings.

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
НОВЫЕ ПРАКТИКИ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОИСК**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *В.В. Таишева*

Подписано в печать 20.10.2023 г. Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 82,07. Тираж 100 экз. Заказ 1897.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru